This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07856148 1

Digitized by Google

INDEXED

*QC.A

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XLIV. — ТОМЪ CCLVII. — 1/13 МАЯ, 1880.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1880

Digitized by Google

Oct. 18
1880
2924

(522)

Digitized by Google

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

1838—1848.

Изъ литературныхъ воспоминаній.

Окончаніе.

XXXII *).

Начавъ говорить о зачаткахъ будущей русской эмиграціи, я не могу обойти молчаніемъ новаго элемента движенія, которымъ обогатился Парижъ къ тому времени, именно — польскаго. Элементъ этотъ существовалъ, конечно, и прежде, но теперь онъ совершенно преобразился.

Онъ сбросилъ съ себя мистическій оттѣнокъ, который сообщили ему Товянскій и Мицкевичъ, пять лѣтъ передъ тѣмъ, не проповѣдывалъ болѣе ученія о мессіанизмѣ, разрѣшающемъ народные и всякіе другіе вопросы посредствомъ нарочно посылаемыхъ для того, предъизбранныхъ отъ вѣчности людей, и не говорилъ уже о братствѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ о послѣдней цѣли ихъ историческаго развитія. Вмѣсто этого, въ Парижѣ засѣдалъ тогда, такъ-называемый, центральный революціонный комитетъ изъ поляковъ, объявившій себя единственнымъ уполномоченнымъ отъ польскаго народа, для управленія дѣломъ возстановленія павшаго королевства въ старыхъ его границахъ, требовавшій для своихъ безаппеляціонныхъ декретовъ слѣпого повиновенія отъ каждаго, кто только говоритъ польскимъ

---

*) См. выше: апрѣль, стр. 457.

Digitized by Google

нарѣчіемъ, и достигавшій своей цѣли вполнѣ. Комитетъ совсѣмъ не думалъ о примиреніи между славянами на какихъ-либо общихъ имъ основаніяхъ, а предписывалъ имъ просто войну противъ правительствъ, подъ которыми живутъ. Съ помощью своихъ агентовъ, прокламацій, администраторовъ и генераловъ, посылаемыхъ на различные и самые опасные пункты въ славянскихъ земляхъ, онъ держалъ всѣ нити обширнаго республиканскаго заговора въ своихъ рукахъ и только-что произвелъ галиційское движеніе 1846 г., кончившееся рѣзней землевладѣльцевъ и паденіемъ Кракова, послѣ котораго комитетъ и замолкъ на время, соображая новые планы возстаній и движеній. Такъ какъ энергія дѣйствій была единственнымъ правомъ комитета на существованіе и единственной инвеституроі, какую онъ предъявлялъ своимъ недоброжелателямъ, въ родѣ аристократической партіи Чарторискаго, то и всѣ члены этой ассоціаціи отличались, или старались отличаться, точно такой же энергіей. Она, между прочимъ, очищала и мѣсто въ самомъ комитетѣ для честолюбцевъ, да имѣла и множество другихъ выгодъ. Прежде всего она освобождала людей отъ излишне требовательныхъ запросовъ со стороны иностранцевъ: отъ героевъ чего требовать? Одна эта доказанная революціонная энергія отвѣчала за все, замѣщая удобно всѣ другія качества, какія могли недоставать людямъ, она закрывала всѣ ихъ недостатки по образованію и умственному развитію, шла въ обмѣнъ даже за нравственныя свойства ихъ и за моральный характеръ, когда ихъ не оказывалось на лицо,— словомъ, персоналъ польскихъ эмигрантовъ жилъ въ Парижѣ какимъ-то особеннымъ, привилегированнымъ сословіемъ. Къ нему именно и пристроился одинъ изъ русскихъ искателей политическаго дѣла—Б., знакомый уже намъ.

Уже съ 1842 года Б. предвѣщалъ то, чѣмъ сдѣлался впослѣдствіи. Въ этомъ году онъ помѣстилъ въ извѣстномъ журналѣ А. Руге свою статью подъ псевдонимомъ: «Elyzard», которая возбудила вниманіе ученыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ своими *искусно построенными* обвиненіями нѣмецкаго генія въ безплодной способности его переводить всѣ требованія времени и развитія на почву схоластики, и затѣмъ, увидавъ ихъ въ облаченіи и пышныхъ орнаментахъ философской теоріи, успокоиваться и приниматься опять за новыя упражненія въ томъ же родѣ. Будучи самъ однимъ изъ жаркихъ адептовъ германской философіи, онъ разорвалъ съ нею всѣ связи, а чтобъ положить между собой и ею достаточное физическое и нравственное пространство — переѣхалъ изъ Берлина въ Парижъ и принялся искать

Digitized by Google

политическаго занятія по редакціямъ журналовъ, мастерскимъ работниковъ, демократическимъ кафе-ресторанамъ—и, наконецъ, успѣлъ обрѣсть въ польской пропагандѣ нѣчто похожее на спеціальности и призваніе. Послѣ нѣкотораго колебанія, вызваннаго самой ея односторонностью, о которой часто и упоминалъ въ бесѣдахъ съ друзьями, онъ кончилъ тѣмъ, что принялъ ее вполнѣ и отдался ей уже безоглядно, открыто и рѣшительно, сжигая за собой корабли, не оставляя ни малѣйшей тропинки позади себя, на случай отступленія. Никто еще изъ русскихъ до него такъ смѣло не отрывался отъ домашнихъ пенатовъ своихъ, прежняго строя мыслей, старыхъ воспоминаній и созерцаній въ пользу запрещенной религіи польскаго дѣла. Обаяніе этой религіи заключалось для него преимущественно въ революціонномъ характерѣ, за который ей отпускались многія узкія стремленія, многіе темные инстинкты. Это было что-то похожее на революціонный романтизмъ своего рода, гдѣ призраки и фантомы шли впереди логики, указаній исторіи, соображеній разсудка и опыта. Подъ покровомъ такого романтизма можно было сожалѣть о существованіи въ человѣчествѣ различныхъ національностей, враждебныхъ другъ другу,—и въ то же время служить самому исключительному національному дѣлу изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ на свѣтѣ; можно было отказываться отъ патріотическихъ предразсудковъ вообще,—и развить въ себѣ взгляды и чувства польскаго ультра-патріота; можно было, наконецъ, считаться свободнымъ отъ всѣхъ религіозныхъ и сословныхъ опредѣленій, —и жить душа въ душу съ воюющимъ католичествомъ и шляхетствомъ. Такой широкой дороги для радикальнаго дилетантизма не представлялъ даже и соціализмъ, требовавшій все-таки отъ человѣка въ каждомъ своемъ подраздѣленіи (а ихъ было тогда не мало) отреченія отъ другихъ соперничествующихъ съ нимъ отдѣловъ.

Въ это же время возникло и ученіе о необходимости привить польскую оппозиціонную энергію къ русской національности, лишенной ея отъ природы: развитіе этого ученія Б. принялъ на себя, и не мало способствовалъ тому, что черезъ посредство газетъ, брошюръ, рѣчей и трактатовъ, ученіе вошло на нѣкоторое время въ сознаніе Европы. Ему казалось, что онъ дѣлаетъ при этомъ двойное дѣло — возбуждаетъ сочувствіе къ одному славянскому народу, оскорбленному исторической несправедливостью, и воспитываетъ основы независимаго сужденія въ другомъ славянскомъ народѣ, именно—у соотечественниковъ. Такъ какъ отъ количества единомышленниковъ въ русскомъ

Digitized by Google

мірѣ зависѣла бо́льшая или меньшая важность его собственнаго положенія въ эмиграціи, то Б. производилъ наборъ приверженцевъ не очень строго и разборчиво, зачисляя въ ряды ихъ, вмѣстѣ съ умами, наклонными заниматься политическими проблемами, и просто любопытствующихъ людей, или такихъ, которые искали болѣе или менѣе интересныхъ и пикантныхъ знакомствъ въ Парижѣ. Самъ онъ, однако же, подавалъ примѣръ открытаго исповѣдыванія своихъ убѣжденій, которое ищетъ случаевъ довести свои положенія до общаго свѣдѣнія и при нуждѣ не отступитъ для этого передъ уличной манифестаціей или политическимъ скандаломъ. Таковъ былъ проходимый имъ тогда фазисъ жизни, предшествовавшій послѣднему ея періоду, когда Б. выработалъ изъ себя полнѣйшій типъ космополита, до того полный, что казался *отвлеченностью* и становился почти непонятнымъ съ точки зрѣнія реальныхъ условій человѣческаго существованія,—типъ, не признававшій силы никакихъ историческихъ, географическихъ, бытовыхъ условій для опредѣленія судьбы и дѣятельности народовъ, упразднявшій расы, племена, сложившіяся государства и общества—для постройки на ихъ обломкахъ одного общаго образца рабочей жизни.

Б. скоро достигъ апогея нивеллирующаго философскаго и экономическаго романтизма, но это было еще впереди, а теперь, въ качествѣ только польскаго агитатора, онъ ждалъ случая торжественно и оффиціально, такъ сказать, заявить свой выборъ партіи. Случай представился, почти наканунѣ революціи 1848 года, при празднованіи польской колоніей годовщины варшавскаго возстанія 1830 года. Б. произнесъ на юбилеѣ, передъ многочисленнымъ собраніемъ и въ публичной залѣ свою извѣстную рѣчь, въ которой остерегалъ поляковъ отъ попытокъ примиренія съ врагами, какія были уже дѣланы нѣкоторыми изъ ихъ соотечественниковъ, и, напротивъ, возбуждалъ ихъ къ враждѣ на-смерть за свою національную идею, причемъ, конечно, не былъ скупъ на мрачную характеристику главныхъ противниковъ идеи. Министерство Гизо, такъ боявшееся вообще народныхъ страстей и всякаго предлога къ нимъ (а особенно польскаго), не оставило рѣчь безъ отвѣта, и на третій день послѣ ея произнесенія выслало оратора изъ Парижа, причемъ самъ Гизо, отвѣчая на запросъ по этому случаю въ палатѣ депутатовъ, сказалъ, что нельзя же дозволить всякой свирѣпой личности (une personalité violente), въ родѣ Б., нарушать общественный порядокъ и международныя приличія. Тогда Б. уѣхалъ въ Брюссель, написавъ предварительно письмо къ ми-

Digitized by Google

нистру внутреннихъ дѣлъ, графу Дюшателю, въ которомъ, упрекая его за превышеніе власти, замѣчалъ, что будущность принадлежитъ не ему и его партіи, а тѣмъ, кого онъ гонитъ и преслѣдуетъ теперь.

Несмотря на силу привлекательности, какою обладалъ Б., и благодаря своей чуткости ко всѣмъ вопросамъ совѣсти, возникающимъ въ сознаніи человѣка, благодаря еще ежеминутной готовности заниматься разрѣшеніемъ нравственныхъ и умственныхъ затрудненій, которыми страдаютъ люди, ищущіе выхода изъ противорѣчій своей мысли со своимъ воспитаніемъ и природными наклонностями, — Б. все-таки не могъ устроить откровенныхъ сношеній между русской колоніей и польской эмиграціей, какъ часто ни сводилъ ихъ, и какъ искусно ни направлялъ ихъ бесѣды. Очень тонкой струей, почти незамѣтной для посторонняго глаза, но внутренно ощущаемой всѣми участниками дѣла, пробѣгала какая-то *фальшь* въ сношеніяхъ между двумя сторонами, и Г. открылъ ее тотчасъ же, какъ очутился между ними. Съ обѣихъ сторонъ существовало множество мысленныхъ ограниченій того, что въ доктринѣ іезуитовъ называлось «restrictions mentales», и всего обильнѣе такими пріемами и уловками были именно тѣ патетическія минуты, когда стороны сходились на какихъ-либо общихъ началахъ и дружелюбно подавали другъ другу руки, радуясь единству и согласію своихъ либеральныхъ идей. Каждая изъ сторонъ еще подразумѣвала нѣчто такое, чего не высказывала, а это невысказываемое и было самое существенное. Надо вспомнить, что тогдашняя польская эмиграція, вслѣдъ за своими передовыми людьми, и при явномъ и тайномъ одобреніи Европы, жила мыслію о необходимости польскаго верховенства, польской гегемоніи въ будущемъ федеративномъ союзѣ славянскихъ племенъ, стояла за право Польши требовать отъ близкихъ и дальнихъ своихъ соплеменниковъ, во имя своей высшей цивилизаціи и давней принадлежности къ европейской культурѣ, добровольной покорности и нужныхъ жертвъ для осуществленія этого протектората. Понимая неудобство излагать передъ русскими друзьями свою руководящую національную идею, польская эмиграція не ставила ее на видъ, когда рѣчь заходила о роли и призваніи различныхъ національностей славянскаго міра, а такая рѣчь заходила поминутно.

Много другихъ любопытныхъ соображеній, а подъ-часъ и откровеній племенного духа и характера, высказывалось въ этихъ разговорахъ, но сообщать ихъ здѣсь, по размѣрамъ и цѣлямъ нашей статьи, не предстоитъ возможности. Между прочимъ маститый

Digitized by Google

Лелевель, жившій въ Брюсселѣ въ крайней и почетной бѣдности, изумилъ меня однажды правдой и откровенностію своихъ воззрѣній, сберегаемыхъ другими его соотечественниками только про себя. Впрочемъ, онъ и послѣднихъ изумлялъ тѣмъ же не разъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстной своей польской исторіи, гдѣ высказалъ столько горькой правды своему народу. Проѣздомъ черезъ Брюссель я встрѣтилъ Лелевеля въ излюбленномъ имъ кафе, на антресоляхъ котораго онъ и жилъ, пользуясь трубой изъ его печи, проведенной мимо его комнаты и согрѣвавшей ее зимою. Регулярно каждый вечеръ онъ сходилъ въ кафе выпивать свою чашку кофе, причемъ расплачивался парой су, тщательно завернутыхъ въ бумажку. Послѣ непродолжительной бесѣды съ этимъ ветераномъ польскаго дѣла, я думалъ, что не услышу болѣе его голоса, но на другой день онъ зашелъ ко мнѣ и, не заставъ дома, оставилъ небольшую записку по-французски. Къ великому моему удивленію, я нашелъ въ ней коротенькій трактатецъ о томъ, что въ русскомъ языкѣ, будто бы, не существуетъ словъ для выраженія понятій о личной чести и добродѣтели—honneur, vertu. Существующее слово *честь* въ русскомъ языкѣ выражаетъ, будто бы, одно понятіе о родовомъ или служебномъ отличіи, и въ этомъ смыслѣ оно только и понималось у насъ искони, а добродѣтель есть составное слово, придуманное нами по нуждѣ для обозначенія *психическаго* качества, котораго оно, однако же, нисколько не передаетъ. Такимъ образомъ, старикъ выходилъ на соглашеніе съ поднятымъ забраломъ и не скрывалъ своего настоящаго мнѣнія о контрагентѣ, съ которымъ намѣревался вступить въ сдѣлку.

Скрыть, впрочемъ, правду отъ глазъ русскихъ, минутныхъ своихъ доброжелателей, эмиграція все-таки не могла, и вызывала у нихъ подобную же затаенную національную думу. Русскіе выказывали передъ политическими врагами своими образцовое великодушіе, дѣлали всевозможные уступки польскому патріотическому чувству, вѣрили ихъ обвиненіямъ и укорамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ держали въ сохранности заднюю мысль свою, подсказывавшую, что право на какое-либо главенство въ славянскомъ мірѣ, если о немъ позволительно еще думать, можетъ принадлежать только крѣпкому политическому тѣлу, какъ ихъ отечество, которое и есть настоящій представитель этого міра. Много надо было принимать предосторожностей, чтобы помѣшать этимъ тайнымъ, невыговариваемымъ мыслямъ—выдти наружу и разорвать международный миражъ, который успѣлъ образоваться въ Парижѣ, благодаря Б. По инстинктивному чув-

Digitized by Google

ству опасности потерять возможность сходокъ, которыя если ничего не разрѣшали, то, по крайней мѣрѣ, пріучали людей другъ къ другу (и это уже было тогда не маловажнымъ дѣломъ), явилось обоюдное, не подготовленное заранѣе соглашеніе держать въ сторонѣ всѣ жгучіе народные вопросы, полныя ссоръ и препирательствъ, предоставляя ихъ разрѣшеніе будущему времени, и ограничиться покамѣстъ упражненіями въ гуманныхъ и благородныхъ чувствахъ, которыя такъ легко, удобно и эффектно выставлять на показъ. На этихъ основаніяхъ хорошее настроеніе всѣхъ членовъ кружка было обезпечено, и въ Парижѣ становилось однимъ праздникомъ больше. Такъ зачинался польскій вопросъ въ русскомъ мірѣ, и я представляю здѣсь только фактъ, не разбирая его ни съ политической, ни съ нравственной точки зрѣнія, и не упоминая о его послѣдствіяхъ.

Кстати замѣтить, Б. самъ сознавался, что польскій вопросъ дорогъ ему особенно тѣмъ, что далъ возможность помѣстить куда-нибудь жизненныя цѣли, пристроиться къ какой-либо дѣятельности. По высылкѣ изъ Парижа, онъ, въ октябрѣ 1847, написалъ къ друзьямъ, тамъ остававшимся, письмо изъ Брюсселя, изъ котораго извлекаю слѣдующія строки: «Я, вѣроятно, скоро долженъ буду снова ораторствовать; покамѣстъ не говорите объ этомъ, кромѣ Т*—дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Можетъ статься, что меня и отсюда также прогонятъ—пусть себѣ гоняютъ, а я буду тѣмъ смѣлѣе, лучше и легче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами, независимыми отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ? Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство, въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни, въ этомъ моя вѣра и мой долгъ; а до остального мнѣ дѣла нѣтъ: будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь. Во всемъ этомъ много мистицизма, скажете вы,—да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма. Жизнь только тамъ, гдѣ есть широкій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный, мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый шагъ нашъ можетъ ихъ вызвать наружу, безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли... Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ *показалъ и далъ мнѣ возможность дѣйствовать*. Я знаю, что вы относитесь ко всему этому нѣсколько скептически,

Digitized by Google

и вы съ своей стороны правы; и я тоже переношусь иногда на вашу точку зрѣнія, но что-жъ дѣлать — природы не измѣнить. Вы, скептикъ—я вѣрующій—у каждаго изъ насъ свое дѣло. Но довольно объ этомъ. G. вамъ кланяется. Маркъ treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft, wie vorher — портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонёровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе и т. д.». Письмо это, кромѣ свидѣтельства о томъ, что не сущность польской пропаганды привлекала Б. (о ней онъ отзывался очень свободно), а открываемая ею арена политической и агитаторской дѣятельности — письмо это, говорю, любопытно еще и въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ автора въ настоящемъ его свѣтѣ, какъ романтическаго, мистическаго анархиста, чѣмъ онъ всегда былъ, и чѣмъ объясняется его ненависть ко всему авторитетному, положительному и законодательствующему Марксу,—ненависть, которая продолжалась болѣе 25 лѣтъ и завершилась между ними скандаломъ и полнымъ разрывомъ. Впрочемъ, вскорѣ открылся для Б. и еще новый путь дѣятельности. Не прошло и 6-ти мѣсяцевъ, какъ переворотъ 1848 г. открылъ ему опять двери Парижа, куда онъ и прибылъ, поселившись въ казармѣ съ работниками, составлявшими охрану и свиту революціоннаго префекта полиціи, извѣстнаго Косидьера. До того, Б. прислушивался къ соціализму и знакомился съ руководителями его только какъ съ новымъ элементомъ, на который могутъ опереться будущіе, замышляемые политическіе перевороты. Теперь онъ убѣдился, что работники и соціализмъ — самостоятельныя силы, способныя и сами вынести наверхъ, на своихъ плечахъ, человѣка съ даромъ слова, критическимъ талантомъ и природной изобрѣтательностью на почвѣ теорій, отвлеченныхъ построеній и пышныхъ иллюзій. Онъ отдался фантастическому соціализму съ тѣмъ же увлеченіемъ и съ тою же готовностію на жертвы, какъ и фантастическому полонизму, ему предшествовавшему.

Между тѣмъ, какъ русско-польскіе вдохновенные праздники торжествовали водвореніе вѣчнаго мира на сѣверѣ Европы, такія же торжества происходили, по разнымъ поводамъ и въ разныхъ формахъ, во всѣхъ углахъ Парижа. Образованные иностранцы собственно для такихъ праздниковъ, съ великолѣпными спектаклями и апоѳеозами будущаго, и съѣзжались, почерпая въ нихъ свѣдѣнія о состояніи и направленіи умовъ въ отечествѣ всяческихъ реформаторскихъ попытокъ. Русская колонія не отставала ни отъ кого при этомъ, а Г. былъ часто самъ душой и героемъ подобныхъ праздниковъ. Онъ очень скоро сдѣлался, какъ и Б.,

Digitized by Google

въ зрителя и *галереи* участникомъ и *сомыслом* въ парижскихъ демократическихъ и соціальныхъ хорахъ. Подъ электрическимъ дѣйствіемъ всѣхъ возбуждающихъ элементовъ города, живая природа Г. мгновенно пустила въ сторону ростки необычайной силы и роскоши, въ которыя вся и ушла, надрывая свое нормальное существованіе. Многосторонняя образованность Г. начинала служить ему всю ту службу, къ какой была способна,—онъ понималъ источники идей лучше тѣхъ, которые ихъ провозглашали, находилъ къ нимъ дополненія и очень часто поправки и ограниченія, ускользавшія отъ спеціалистовъ по даннымъ вопросамъ. Онъ начиналъ *удивлять* людей, и немного прошло времени съ его пріѣзда, какъ около него сталъ образовываться кругъ болѣе чѣмъ поклонниковъ, а, такъ-сказать, *любовниковъ* его со всѣми признаками страстной привязанности. Въ числѣ послѣднихъ находился и извѣстный эмигрантъ, поэтъ Г—гъ, который потомъ внесъ столько горя и страданія въ его личное и семейное существованіе. Не разъ при разгарѣ этого интеллектуальнаго пира въ Парижѣ, мнѣ вспоминались московскіе пиры села Соколова, сопровождавшіеся такимъ же нервнымъ возбужденіемъ умственныхъ и физическихъ силъ, но уже какая была разница въ содержаніи и настроеніи!

Относительно изумленія, возбуждаемаго въ иностранцахъ обширностію пониманія нѣкоторыхъ русскихъ людей, способомъ ихъ ставить вопросы и признаками вообще необычайныхъ способностей можно было бы привести много любопытныхъ подробностей. Г. и Б. собирали дань этого изумленія, смѣшаннаго почти со страхомъ, едва не на каждомъ шагу. Они постоянно, послѣ встрѣчи съ знакомыми и незнакомыми лицами, оставляли ихъ въ раздумьи на счетъ загадочныхъ натуръ такой силы мысли, такой смѣлости воззрѣній и языка, остающихся одинокими экземплярами развитія посреди своихъ земляковъ. Извѣстная замѣтка Мишле, пришедшаго даже въ смущеніе отъ пафоса, остроумія и широкихъ размаховъ одной прочитанной имъ книги Г., показываетъ, что авторъ «Исторіи Франціи» довольно тщательно искалъ объясненія этому новому для него явленію и думалъ найти его въ швабско-русскомъ, а не чисто-славянскомъ происхожденіи автора. Что касается до Б., то уже и тогда приходили къ нему за совѣтомъ и разъясненіемъ по вопросамъ философскаго, отвлеченнаго мышленія, и притомъ такіе люди, какъ, напримѣръ, Прудонъ. Одинъ изъ умныхъ и развитыхъ французовъ, который видѣлъ пробѣлы въ умственномъ развитіи своей собственной страны—созывалъ ради Б. своихъ знакомыхъ и при этомъ гово-

Digitized by Google

рилъ: «я вамъ покажу чудище (une monstruosité) по сжатой діалектикѣ и по лучезарной концепціи сущности всяческихъ идей» (par sa dialectique serrée et par sa perception lumineuse des idées dans leur essence).

Если Г., какъ мы замѣтили выше, понесъ на себѣ слѣды парижской жизни, то тѣмъ менѣе могла избѣжать заразы опьяняющей атмосферы большого города — тихая, сосредоточенная жена Г. Она преобразилась въ истую парижанку, усвоила себѣ яркую демократическую окраску и горячо принимала къ сердцу интересы французской жизни, восторгаясь и любуясь разными, болѣе или менѣе, бѣдными и страдающими людьми, выброшенными ею на улицу, и особенно тѣми полубуржуа и полу-работниками, которые, кромѣ размышленій о формѣ будущаго, неизбѣжнаго переворота, никакого другого занятія на свѣтѣ не имѣли. Домъ Г. сдѣлался подобіемъ Діонисіева уха, гдѣ ясно отражался весь шумъ Парижа, малѣйшія движенія и волненія, пробѣгавшія на поверхности его уличной и интеллектуальной жизни. И только одна М. Ѳ. К., сопровождавшая Г. въ ихъ путешествіи, не захвачена была водоворотомъ и служила живымъ напоминовеніемъ о недавно покинутой ими и уже позабываемой Москвѣ. Больная, рѣдко выходившая изъ дома, посвятившая себя уходу за дѣтьми и только издали прислушивавшаяся къ гулу, который несся отъ всемірнаго города, она становилась какимъ-то анахронизмомъ въ семьѣ, впрочемъ очень любившей и уважавшей ее. Какъ ни интересна была по своему содержанію и разнообразію новая обстановка, въ которую попала теперь эта умная и многосторонне образованная женщина, но мысль ея постоянно жила въ кругу далекихъ друзей, оставленныхъ въ Москвѣ и занятыхъ своимъ не блестящимъ и не шумнымъ дѣломъ — спасать умы и нравственное чувство людей отъ загрубѣнія, наступающаго со всѣхъ сторонъ. Однимъ своимъ присутствіемъ въ домѣ Г., она говорила хозяевамъ и нѣкоторымъ изъ русскихъ гостей ихъ о другой культурѣ, о недавнихъ, уже пренебрегаемыхъ друзьяхъ, занятыхъ у себя дома невзрачной, подготовительной, черновой работой просвѣщенія. До нихъ ли было теперь при такомъ блескѣ, при такихъ очаровательныхъ дорогахъ, открытыхъ на всѣ стороны каждому умственному и нравственному побужденію и даже всякому капризу мысли! Въ образѣ М. Ѳ. К., стояла передъ Г. олицетворенная *элегія* съ горячими симпатіями къ прошлому,—а кто изъ тѣхъ, которые неслись теперь въ вихрѣ всяческихъ наслажденій европейскимъ

Digitized by Google

міромъ и добытой свободой, имѣлъ время останавливаться передъ элегіями или прислушиваться къ нимъ?!

XXXIII.

Вскорѣ мнѣ уяснилось, что были и другія причины къ холодности между друзьями, переѣхавшими за-границу, и тѣми, которые остались дома,—посущественнѣе разсѣяній Парижа. Послѣ нѣсколькихъ, искреннихъ и довѣрчивыхъ бесѣдъ,—происходившихъ у насъ обыкновенно по ночамъ—въ Парижѣ, я не могъ сомнѣваться болѣе, къ великому моему изумленію, что въ глазахъ Г. и его семьи — Москва совершенно поблекла, лишилась своихъ красокъ, утеряла магическое слово, отворяющее сердца. Вся старая жизнь въ ней казалась уже Г. и его женѣ сухой степью; на ней уже не росло болѣе трогательныхъ воспоминаній, да и тѣ, которыя оставались отъ давняго времени, видимо завяли, не поддерживаемыя тщательнымъ уходомъ, который также необходимъ для воспоминаній, какъ для дѣтей и цвѣтовъ.

Переворотъ этотъ объяснить не совсѣмъ легко, потому что онъ вышелъ изъ довольно сложнаго психическаго процесса и воспитался массой очень тонкихъ нервныхъ раздраженій,—но несомнѣнно, что начался переворотъ еще въ Москвѣ и только довершился за-границей. Обстоятельство это пролило для меня большой свѣтъ на всѣ пріемы Г. въ Парижѣ, на всю его судорожную торопливость поставить себя въ центрѣ новой жизни: другая, старая, которая могла бы служить ей противовѣсомъ, уже скрылась для него въ туманѣ и болѣе не существовала. Никто еще не возбуждалъ во мнѣ такъ полно предчувствія, при первыхъ же шагахъ Г. на почвѣ европеизма, что онъ приростетъ къ ней навсегда, что почва эта окончательно овладѣетъ имъ и уже не уступитъ его никакой другой, хотя фактическихъ поводовъ для такого пророчества пока еще и не представлялось ни откуда. Но я тогда не зналъ, что Г. просто старается нажить себѣ второе, духовное отечество, такъ какъ первое уже лишилось своей притягательной силы и существовало только какъ поводъ къ сожалѣнію, дружескому участію и великодушному предложенію посильныхъ услугъ, если потребуются.

Извѣстно, что не задолго до отъѣзда за-границу, Г. потерялъ отца и получилъ довольно значительное наслѣдство, сдѣлавшее его сравнительно богатымъ человѣкомъ. Рамки, въ которыхъ заключено было до того его московское существованіе, раздвинулись,

Digitized by Google

но показались ему еще тѣснѣе, стѣснительнѣе, чѣмъ прежде; съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ поднялись и окрылились желанія, а желанія и стремленія у этого въ высшей степени сангвиническаго характера находились въ уровень съ его образованіемъ и мыслію. При томъ же для Г. наступала та пора жизни, когда человѣкъ испытываетъ обыкновенно мучительную потребность самой напряженной дѣятельности (ему шелъ 35-ый годъ); но простора для дѣятельности въ той формѣ и тѣхъ размѣрахъ, какіе ему были нужны, онъ, конечно, найти не могъ. Оставалось убивать весь избытокъ накопившейся энергіи въ пустомъ мозговомъ одушевленіи, въ шумѣ дружескихъ собраній, въ поддержаніи или опроверженіи болѣе или менѣе дѣльныхъ тэзисовъ на вечерахъ и по обѣдамъ; но, во-первыхъ, это не могло продолжаться долго, а во-вторыхъ, скоро оказалось, что и по этой тропинкѣ уже нельзя было двигаться. Центры прежнихъ собраній распались, дружескія интимныя сходки не удавались болѣе. Послѣднимъ особенно повредилъ переворотъ въ матеріальномъ бытѣ Г. и сравнительно богатая обстановка его дома, явившаяся, конечно, безъ всякаго преднамѣренія у новыхъ хозяевъ. Не было увлеченія, составлявшаго букетъ подобныхъ сходокъ въ прежнее время, когда онѣ возникали на общихъ издержкахъ, требовали нѣкотораго пожертвованія, вызывали хлопоты и хозяйскія соображенія. Г. разсказывалъ, что появленіе какого-нибудь серебрянаго подноса или канделябра въ его новомъ хозяйствѣ поражало какъ бы нѣмотой его друзей: искренность и веселіе пропало, какъ только повстрѣчались съ готовымъ комфортомъ. Онъ относилъ это явленіе къ той каплѣ демократической зависти, которая живетъ въ сердцахъ даже самыхъ лучшихъ людей; но такое изъясненіе мнѣ казалось всегда несправедливостію: тутъ было сожалѣніе объ утерянныхъ условіяхъ прежняго скромнаго образа жизни. Когда уже оказалось почти невозможнымъ собрать подъ одну кровлю близкихъ людей безъ того, чтобы не увидать признаковъ измѣненныхъ отношеній съ ними, и когда скоро оказалось (о чемъ сейчасъ будемъ говорить), что они уже расходятся и въ пониманіи предметовъ — что оставалось дѣлать? Умственные интересы московской и вообще русской среды были изслѣдованы до нитки, вопросы, казавшіеся особенно важными, переворочены на всѣ лады. Серьёзной работы, въ которую можно было бы уйти и запереться отъ міра — не обрѣталось вовсе, а потому оставалось, конечно, только тушить поѣдающій огонь дѣятельности чѣмъ ни попало. А между тѣмъ, почти о бокъ, существовала, въ формѣ западнаго міра, — просторная арена для безконтрольнаго удовле-

Digitized by Google

творенія всѣхъ умственныхъ потребностей, но доступъ къ ней былъ невозможенъ, по особенному положенію Г. въ отечествѣ. Много усилій употребилъ онъ, чтобъ разорвать эту цѣпь, связывающую его движенія, и вѣроятно не успѣлъ бы, если бы В. А. Жуковскій не принялъ участія въ его судьбѣ и не помогъ ему достигнуть цѣли.

Не менѣе любопытна и душевная исторія, пережитая въ эту же пору женою Г. И ей, какъ и мужу ея, страшно надоѣла дисциплина, которую ввелъ и неуклонно поддерживалъ тогдашній идеализмъ между друзьями. Наблюденіе за собой, отметаніе въ сторону, какъ опаснаго элемента, нѣкоторыхъ побужденій сердца и натуры, неустанное хожденіе по одному ритуалу долга, обязанностей, возвышенныхъ мыслей — все это походило на строгій монашескій искусъ. Какъ всякій искусъ, онъ имѣлъ свою чарующую и обаятельную силу сначала, но становился нестерпимымъ при продолжительности. Любопытно, что первымъ, поднявшимъ знамя бунта противъ проповѣди о нравственной выдержкѣ и объ ограниченіи свободы отдаваться личнымъ физическимъ и умственнымъ нополановеніямъ былъ О. Онъ и привилъ къ обоимъ своимъ друзьямъ, Г. и его женѣ (особенно къ послѣдней), возврѣніе на право каждаго располагать собой, не придерживаясь никакому кодексу установленныхъ правилъ, столь же условныхъ и стѣснительныхъ въ оффиціальной морали, какъ и въ приватной, какую заводятъ иногда дружескіе кружки для своего обихода. Нѣтъ сомнѣнія, что возврѣніе О. имѣло аристократическую подкладку, давая развитымъ людямъ съ обезпеченнымъ состояніемъ возможность спокойно и сознательно пренебрегать тѣми нравственными стѣсненіями, какія проповѣдуются людьми, незнавшими отъ роду обаяній и наслажденій полной матеріальной и умственной независимости. Въ основѣ его лежало еще и уваженіе къ физіологическимъ требованіямъ лица, которыя всего менѣе признавались демократическими умами, искавшими установить равенство даже и по отношенію органическихъ и психическихъ отличій человѣка. Оно пришло по вкусу тогдашнему Г., выбитому изъ обыденной колеи московскаго дружескаго существованія, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ сохранившейся нѣжностію къ товарищу своего дѣтства, объясняетъ то высокое мнѣніе объ О., которое не разъ выражалъ Г., называя его свободнѣйшимъ человѣкомъ и умнѣйшей головой въ Россіи. То достовѣрно, что вліяніе О. имѣло неисчислимыя послѣдствія для самого Г., а также и для жены его.

Digitized by Google

Вся эта работа передвиженія съ одной точки зрѣнія на предметы—на другую, начавшаяся съ появленія О. въ Москвѣ, въ 1846 г.,—шла однакоже гораздо медленнѣе у Г., чѣмъ у его жены. Г. не скоро отдѣлался отъ первоначальной философской своей закваски. Несмотря на свое отреченіе отъ статутовъ идеалистическаго ордена, къ которому принадлежалъ, несмотря на попытки *секуляризовать*, такъ-сказать, свою жизнь, Г. долго и потомъ сохранялъ на себѣ печать, пріемы и сословныя отличія своего прежняго званія. Типъ строгаго учителя и нравственнаго проповѣдника остался съ нимъ и послѣ того, какъ онъ сошелъ, такъ-сказать, съ каѳедры и поселился на публичномъ рынкѣ, раздѣляя его волненія, ропотъ и жалобы. Отъ нѣкоторыхъ основныхъ началъ исповѣдуемой имъ нѣкогда философско-моральной доктрины онъ никогда уже и не отказывался. Впослѣдствіи онъ даже казался, на основаніи именно этого первороднаго грѣха, многимъ умамъ и характерамъ, позднѣе народившимся и уже не знавшимъ никакихъ стѣсненій,—полу-либераломъ и нерѣшительнымъ человѣкомъ. По наружности никакой перемѣны въ способѣ пользоваться своей жизнію и молодостью съ нимъ не произошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоялъ на европейской почвѣ. Онъ и прежде, не стѣсняясь началами и правилами, отдавался свободно влеченію мимолетной фантазіи, всякому затронутому чувству и первому впечатлѣнію, но тогда еще у него сохранялось въ цѣлости сознаніе, что онъ остается тѣмъ же человѣкомъ, просвѣтленнымъ благодатію высшаго пониманія жизни, какимъ воспитала его среда, что онъ не потерялъ способности судить правильно о собственныхъ увлеченіяхъ своихъ, и для сохраненія ихъ не продалъ своей души и многихъ годовъ ея научнаго воспитанія. Также свободно распоряжался онъ и теперь своей парижской жизнію, но съ вторженіемъ въ нее политическихъ и соціальныхъ страстей—успокоительной фикціи для совѣсти не существовало болѣе: всѣ эти явленія имѣли свои уставы, никѣмъ не провѣренные, очень требовательные, а подъчасъ и возмущавшіе непривычное къ нимъ ухо и чувство; вдобавокъ они еще выдавали себя за догматы, безъ принятія которыхъ къ нимъ и подступать не слѣдуетъ. Запасъ старыхъ и никогда вполнѣ не растраченныхъ моральныхъ убѣжденій составлялъ у Г. уже ненужный къ нимъ придатокъ, потерялъ значеніе *регулятора* мыслей и существовалъ безъ цѣли, мѣшая увѣровать въ нравственную сторону предметовъ окончательно, и не имѣя силы совсѣмъ упразднить ихъ въ глубинѣ совѣсти, какъ ложные и не подтвержденные продукты одного общественнаго,

Digitized by Google

болѣзненнаго недуга. Положеніе могло выдти трагическимъ — и впослѣдствіи такимъ и вышло.

Наоборотъ, разложеніе старыхъ теорій и представленій отразилось полнѣе и рѣшительнѣе на душѣ бѣдной, воспріимчивой, нѣжной по характеру и природѣ, женѣ Г. — и переработало ее окончательно. Реакція противъ условій московскаго существованія началась у нея съ того мгновенія, когда она почувствовала непреодолимое отвращеніе къ *буржуазнымъ* добродѣтелямъ, которыя составляли основу всего быта, окружавшаго ее, но она внесла еще страсть въ свою критику. Ей уже сдѣлались не только скучны, но и подозрительны доблести при домашнемъ очагѣ, семейный героизмъ, всегда довольный и гордый самимъ собой, и вѣчное прославленіе всѣхъ тѣхъ пожертвованій, трудовъ и добровольныхъ лишеній, которыя сносились передъ ея глазами на алтари разныхъ, болѣе или менѣе почтенныхъ молоховъ, величаемыхъ, по ея мнѣнію, идеями. Съ пробудившейся жаждой къ расширенію своего существованія, она возненавидѣла нескончаемое хожденіе все въ одну сторону, по-солонь, — и объясняла устройство этой невыносимой церемоніи, походившей въ ея глазахъ на раскольничье радѣніе, частію тѣмъ, что она необходима жрецамъ кружка для прикрытія ихъ слабой, апатической, ограниченной природы, а частію тѣмъ, что она доставляетъ вообще бѣднымъ инстинктамъ и побужденіямъ потѣху гордаго самоуслажденія. Никогда такъ радикально не относился самъ Г. къ старому кружку друзей, никогда не выказывалъ столько жестокости и несправедливости въ приговорахъ надъ нимъ, никогда не отзывался о немъ съ такой ненавистью, цѣня однако даже и въ спорахъ съ старымъ кружкомъ немаловажныя усилія его членовъ выносить жизненныя тяготы времени наиболѣе мужественно, благоразумно и независимо. Но все это пропало изъ вида его жены, замѣнилось какой-то наивной, незлобивой диффамаціей прежнихъ друзей, какъ только приходилось вспоминать о нихъ. Жена Г. возлагала еще на отвѣтственность старыхъ знакомыхъ и долгую скуку прежней своей жизни, между тѣмъ какъ настоящей причиной этой скуки былъ, какъ скоро объяснилось, запоздалый, мечтательный и безплодный романтизмъ. Несмотря на постоянное чтеніе серьёзныхъ иностранныхъ писателей, несмотря на философскій говоръ, раздававшійся постоянно около жены Г. и, конечно, не щадившій никакихъ иллюзій и фальшивыхъ рѣшеній вопросовъ, — душа ея имѣла еще свои секреты, сберегала про себя тайныя задачи и питалась, въ самомъ шумѣ скептическихъ изліяній, скрытными романтическими стремленіями и чаяніями.

Digitized by Google

Но куда ни обращала она свои глаза — ничего похожаго на порядочный романтизмъ нигдѣ не оказывалось на лицо вокругъ нея. Она была счастлива въ мужѣ, въ семьѣ, въ друзьяхъ — и страдала отсутствіемъ поэзіи, которая не сопровождала всѣ эти благодатныя явленія, въ той мѣрѣ, какъ бы ей хотѣлось. Она предпочла бы поэтическія бѣды, глубокія несчастія, окруженныя симпатіей и удивленіемъ посторонняхъ, и минутныя упоенія — тому простому безмятежному благополучію, которымъ наслаждалась. Задачей ея жизни сдѣлалось, такимъ образомъ, обрѣтеніе романтизма, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ ея фантазіи: за нимъ она и погналась со страстію и неутомимостью искателя волшебныхъ кладовъ, надѣясь когда-нибудь напасть на его слѣдъ и вкусить отъ той испробованной немногими смертными амврозіи возвышенныхъ чувствъ, какую онъ готовитъ для своихъ вѣрныхъ слугъ,—узнать отраду небесныхъ ощущеній, имъ доставляемыхъ. Подъ конецъ жизни ей показалось, что она держитъ эту чашу съ волшебнымъ напиткомъ въ своихъ рукахъ, но при первомъ же прикосновеніи губъ — глубочайшее отвращеніе и жгучее раскаяніе во всемъ, что было сдѣлано для обладанія драгоцѣннымъ сосудомъ, овладѣло всѣмъ ея существомъ и свело преждевременно въ могилу.

Я не намѣренъ разсказывать здѣсь печальныя подробности болѣе головной, чѣмъ сердечной страсти, какъ она развилась на реальной почвѣ у этой все-таки замѣчательной женщины, но нѣкоторыя черты исторіи важны и для опредѣленія отношеній между разнонародными эмиграціями.

Дѣло въ томъ, что поэтическая мечтательница ознакомилась съ жизнію по *романтизму*, которую наконецъ обрѣла въ Парижѣ черезъ посредство въ высшей степени развитой, ивящной и вмѣстѣ холодной и эгоистически-сластолюбивой личности, какою и былъ вышеупомянутый Г — гъ. Личность эта, вдобавокъ, была еще двойной германской знаменитостію, — она прославилась лирическими пѣснями, призывавшими народы къ оружію, и радикализмомъ взглядовъ на правительства вообще, и на прусское въ особенности. Подъ мягкой, вкрадчивой наружностію, прикрываясь очень многосторонниимъ, прозорливымъ умомъ, который всегда былъ на сторожѣ, такъ-сказать, и опираясь на изумительную способность распознавать малѣйшія душевныя движенія человѣка и къ нимъ подлѣзываться, — чудная личность эта таила въ себѣ сокровища эгоизма, эпикурейскихъ склонностей и потребности лелѣять и удовлетворять свои страсти, чего бы то ни стоило, не заботясь объ участи жертвъ, которыя

Digitized by Google

будутъ падать подъ ножомъ ея свирѣпаго эгоизма. Всѣ средства своего образованія, развитія, дѣйствительно не совсѣмъ обыкновенныхъ, даже и въ кругу передовыхъ людей Европы, а также и своего нервнаго темперамента, часто разрѣшавшагося лирическими, вдохновенными вспышками и порывами,—всѣ эти средства, говорю, перепробовала замѣчательная личность, здѣсь описываемая, для дѣла обольщенія заѣзжей мечтательницы, для доставленія себѣ побѣды надъ всѣми запросами многотребовательной ея фантазіи. Долго отыскиваемый романтизмъ явился теперь передъ женой Г. въ великолѣпномъ, ослѣпительномъ видѣ! Лоэнгринъ со сказочныхъ высотъ былъ передъ нею на лицо, и, только подойдя къ нему ближе, она вдругъ увидала, какой страшный образъ скрывается за ангельской маской, имъ усвоенной,—и въ ужасѣ, послѣднимъ сверхъестественнымъ движеніемъ воли, она вырвалась изъ его рукъ, измученная и оскорбленная. Можетъ быть, обольститель и дѣйствительно чувствовалъ нѣкотораго рода любовь и привязанность къ обреченной имъ жертвѣ, какъ это бываетъ у иныхъ преслѣдователей; но когда жертва ускользнула отъ него, любовь и привязанность пропали безслѣдно, а мѣсто ихъ заняли бѣшенство неудачи, жажда мести за помятое тщеславіе и за оскорбленіе, нанесенное его гордости и самолюбію. Онъ принялся публично бросать грязью въ женщину и семью, благополучіе которыхъ разрушилъ, употребляя при этомъ средства, возмущавшія даже и друзей его...

И вотъ, чѣмъ кончался романтизмъ для бѣдной женщины, предавшейся ему и поплатившейся за него жизнію, и вотъ какъ разрѣшались столкновенія наивной натуры съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ типу людей, встрѣчающихся на Западѣ, и вооруженнымъ съ головы до ногъ, какъ для доблестныхъ, такъ и для всякихъ другихъ подвиговъ.

Всего печальнѣе и поучительнѣе въ этой исторіи — то, что Г. самъ ввелъ человѣка подобнаго закала въ свой домъ и самъ водворилъ его у себя. Позднѣе, Г. говорилъ, что обращеніе его съ этимъ человѣкомъ было болѣе *фамильярное*, чѣмъ дружественное. Можетъ быть, это и такъ въ смыслѣ психической вѣрности, но мы всѣ видѣли его непрестанныя ухаживанія за нашимъ эмигрантомъ, его усилія выказаться передъ нимъ блестящими сторонами ума, купить его вниманіе. Такъ было, впрочемъ, на первыхъ порахъ у Г. и съ другими эмигрантами и знаменитостями радикальнаго міра—гораздо менѣе развитыми, чѣмъ тотъ, о которомъ мы говоримъ. Онъ и имъ открывалъ сокровища своего ума, сердца, расточалъ передъ ними

Digitized by Google

блестки остроумія и начитанности, не спрашивая, способны ли они еще понимать то, что имъ показываютъ такъ неразсчетисто.

Да куда же, спросятъ, дѣвалась способность Г. къ тонкому анализу характеровъ, о которой я говорилъ прежде, его сатирическая и полемическая *жилка*, которая такъ сильно билась въ Москвѣ и помогала ему создавать такіе мѣткіе, часто безпощадные и уничтожающіе портреты знакомыхъ людей. Куда пропалъ признанный мастеръ разительно-схожихъ карикатуръ и горячихъ эпиграммъ, имѣвшихъ все подобіе біографическихъ данныхъ? Они не пропали, какъ оказалось впослѣдствіи, Г. не утерялъ, не лишился ни одной изъ прежнихъ своихъ силъ, но, въ поискахъ за новой духовной отчизной, онъ ихъ сдерживалъ искусственно, старался затоптать, запрятать подалѣе въ глубь души для того, чтобы добыть себѣ искусственную слѣпоту, дѣлавшуюся теперь уже необходимостью для оправданія себя. Онъ принималъ мѣры противъ своей прозорливости и склонности къ комическимъ разоблаченіямъ; на этомъ условіи только и могъ сохраниться, въ умѣ его, весь окружавшій его міръ въ качествѣ дѣйствительнаго, не призрачнаго существованія, но міръ этотъ не хотѣлъ знать объ усиліяхъ Г. понять его съ наилучшей стороны, а потребовалъ раздѣленія съ нимъ его предразсудковъ, предвзятыхъ идей, необдуманныхъ рѣшеній и плановъ. Г. склонился и въ эту сторону, и только когда чаша была переполнена, дѣйствительность сдѣлалась нестерпима нагло-ясной своей несостоятельностію—возвратились къ Г. прежнія качества ума, вся мощь глубокаго психолога-мыслителя, и онъ отдалъ на судъ будущихъ русскихъ людей, въ извѣстныхъ своихъ «Запискахъ»—какъ самого себя, такъ и типы дѣятелей, ведшихъ за собой политическія фаланги того времени.—Многое и другое еще возвратилось къ нему тогда...

При отъѣздѣ Г. за границу изъ Москвы, въ послѣдній разъ собрались около него всѣ друзья и сопровождали его до первой станціи петербургской дороги. Г. ѣхалъ на Петербургъ и въ омнибусѣ:—желѣзнаго пути еще не было. Прощальный обѣдъ, устроенный на станціи, закончился, несмотря на шумное начало его, въ грустномъ настроеніи друзей—многіе изъ нихъ плакали. Чего бы, кажись, плакать по случаю отъѣзда за границу, на болѣе или менѣе продолжительное время, молодой, исполненной силъ и надеждъ, семьи? Но вмѣстѣ съ ней ѣхалъ еще человѣкъ, который, на зло всѣмъ недоразумѣніямъ, составлялъ еще такую необходимость въ жизни своихъ друзей, что утрата его, даже и на короткій срокъ, поразила ихъ — когда наступила минута разста-

Digitized by Google

нія. Что бы заговорили они, если бы могли предчувствовать, что для всѣхъ ихъ это была уже утрата вѣчная. Сопровождаемый горячими напутствіями, почти страстными выраженіями любви и дружбы, Г. тронулся въ дальнѣйшій путь подъ трогательнымъ впечатлѣніемъ этой разлуки. Онъ довезъ впечатлѣніе свое всецѣло и до Парижа, да и въ послѣдующемъ развитіи его жизни оно не разъ возставало въ его памяти, хотя уже не могло примирить его съ покинутымъ и далеко оставленнымъ позади міромъ. Только въ минуты полнаго нравственнаго одиночества, испытаннаго имъ особенно передъ основаніемъ своего журнала, да въ минуты горькихъ раздумій о своемъ дѣлѣ, которое, чѣмъ бы онъ ни жертвовалъ для него, все-таки не давало ему полной натурализаціи въ сонмѣ европейскихъ дѣятелей — только тогда воспоминанія о Москвѣ—теплой, обильной струей приливали къ его сердцу и извлекали вопль страдающей души, доходившій и до друзей въ Бѣлокаменной. Онъ препоручалъ имъ своихъ дѣтей, препоручалъ имъ защиту собственнаго имени и взывалъ къ ихъ участію, поощренію, нравственной поддержкѣ. Оказалось, что жить безъ старыхъ связей съ Россіей становилось невыносимымъ сиротствомъ. Толпы людей, привлеченныхъ къ нему журнальнымъ полемъ, открытымъ имъ для искреннихъ и для корыстныхъ обличеній, для нуждъ общественной важности и для нуждъ личной мести и задѣтаго самолюбія—не могли ихъ замѣнить...

Такъ носила бурная, кипучая волна европейской жизни этотъ драгоцѣнный самородокъ, брошенный въ нее изъ какой-то далекой, неизвѣстной планеты,—носила изъ стороны въ сторону, разбивая его и, конечно, не заботясь о томъ, куда его сложить и пристроить.

Иначе выразилось дѣйствіе той же европейской среды на другого и тоже замѣчательнаго русскаго человѣка, Василія Петровича Ботвина. Г. уже не засталъ его въ Парижѣ, но я еще успѣлъ, до отъѣзда его обратно въ Россію, прожить съ нимъ цѣлый годъ и съѣздить съ нимъ еще лѣтомъ 1846 г. въ Тироль и Ломбардію, причемъ путешествіе наше совершалось довольно оригинальнымъ способомъ. Минуя публичныя кареты и дилижансы, насколько было возможно, а также и черезъ-чуръ гостепріимные дворцы съ отелями и ресторанами, мы ѣхали въ телѣгахъ и колясочкахъ мѣстныхъ промышленниковъ извоза, и три мѣсяца жили между крестьянами, лодочниками, работниками, по народнымъ авзеріямъ, рынкамъ и темнымъ закоулкамъ городовъ и селеній. Я сожалѣю, что не велъ дневника этой поѣздки,

Digitized by Google

который могъ бы быть любопытенъ теперь, послѣ переворотовъ, обновившихъ Австрію и Италію...

Извѣстно, что В. П. Боткинъ женился на француженкѣ, пріѣхавшей *отыскивать фортуну* въ Россію и не думавшей никогда о формальномъ бракѣ, какъ и сама заявляла. Когда друзья Боткина замѣтили ему, что проектъ женитьбы на дѣвушкѣ, которая ничего другого не желаетъ, какъ весело прожить съ любимымъ человѣкомъ болѣе или менѣе долгое время, представляетъ нѣкотораго рода странность,—Боткинъ пришелъ въ великое негодованіе. «Такъ вотъ чѣмъ кончается, говорилъ онъ, ваша гуманность и исканіе идеаловъ!—эксплуатировать женщину, натѣшиться ею и потомъ бросить, когда надоѣла—хорошія основы»!—Бракъ былъ совершенъ по всѣмъ обрядамъ, въ Казанскомъ соборѣ, но черезъ мѣсяцъ Боткинъ увидалъ свою ошибку, и бросилъ тотчасъ же несчастную женщину на произволъ судьбы, не желая уже болѣе и слышать о ней. Какъ всегда бываетъ, онъ возненавидѣлъ въ ней собственный промахъ и наказывалъ въ ней свой собственный грѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся одежда крайняго идеалиста, какую онъ носилъ постоянно, вопреки всѣмъ новымъ модамъ—вдругъ соскочила съ него, какъ въ театральномъ превращеніи у многоумнаго Фауста, обратившагося мгновенно въ бѣшенаго юношу. Онъ предался весь сенсуальной жизни, окунулся въ самый омутъ парижскихъ любовныхъ и всяческихъ приключеній, дополняя ихъ раздражающими впечатлѣніями искусства, въ которомъ копотливо рылся, отыскивая тончайшія черты произведеній, что было видоизмѣненіемъ того же культа сенсуализму, которому онъ предался. Онъ отрывался отъ него, по временамъ, чтобъ освѣжить голову отъ хмѣля одуряющихъ наслажденій, и возвращался къ нимъ еще съ бо́льшей энергіей. Плодомъ такихъ *гигіеническихъ* перерывовъ была его поѣздка въ Испанію и прекрасная книга его, за ней послѣдовавшая: «Письма изъ Испаніи». Изъ того же источника проистекали и его занятія соціальными и политическими вопросами, въ которыхъ онъ съ изумительной проворливостію открывалъ и потомъ преслѣдовалъ малѣйшія черты скрытаго идеализма, замаскированной чувствительности и мечтательности, сдѣлавшіяся теперь предметами его ожесточенной ненависти. Въ такомъ настроеніи засталъ его и уже въ Москвѣ серьёзный поворотъ дѣлъ, начавшійся повсемѣстно въ Европѣ, съ 1848 года. Никто болѣе его не испугался этого поворота, да поворотъ еще и укрѣпилъ въ немъ зародившееся настроеніе, такъ какъ оно могло служить нѣкоторымъ образомъ щитомъ и охраной противъ подозрѣній въ мо-

Digitized by Google

ральной склонности къ утопіямъ. На склонѣ жизни, съ ослабленіемъ силъ, и уже тогда, когда онъ самъ сдѣлался значительнымъ капиталистомъ, В. П. Боткинъ занялъ почетное и видное мѣсто въ рядахъ нашей ультра-консервативной партіи. Но онъ превратился въ ультра-консерватора на свой собственный манеръ, который ставилъ его неизмѣримо выше большинства его собратовъ по убѣжденіямъ. Въ основу своего послѣдняго созерцанія, онъ положилъ, кромѣ чувства сохраненія своего общественнаго положенія, которое у него всегда было очень живо, еще и доктрины двухъ великихъ современныхъ мыслителей — Карлейля и Шопенгауера. Онъ почерпнулъ у перваго его ненависть ко вседневной болтовнѣ журналистики и литературныхъ репортеровъ, вмѣстѣ съ ученіемъ о спасительной силѣ повиновенія великимъ авторитетамъ, просвѣтителямъ народовъ и двигателямъ исторіи, гдѣ бы они ни встрѣтились. Отъ второго онъ усвоилъ его глубочайшее презрѣніе къ толпѣ и народнымъ массамъ и его энергическія проклятія безпредметному философствованію умниковъ, разлагающихъ только безъ конца и цѣли одну собственную мысль. Такимъ образомъ, замѣчательный человѣкъ этотъ перешелъ множество стадій развитія, и только смерть помѣшала ему видѣть, во что слагается и чѣмъ кончаетъ нашъ русскій консерватизмъ.

XXXIV.

Къ числу особенностей тогдашняго Парижа принадлежало еще и важное качество его — представлять для людей, ищущихъ почему-либо уединенія, самое тихое мѣсто во всей континентальной Европѣ. Въ немъ можно было притаиться, скрыться и заслониться отъ людей, не переставая жить общей жизнію большого, всесвѣтнаго города.

Не надо было употреблять и особенныхъ усилій для того, чтобы найти въ Парижѣ замиренный, такъ-сказать, уголокъ, изъ котораго легко и спокойно могло быть наблюдаемо одно ежедневное творчество города и народнаго французскаго духа вообще, что представляло еще занятіе, достаточное для наполненія цѣлыхъ дней и мѣсяцевъ. Такіе уголки добывались во всѣхъ частяхъ города — и притомъ за сравнительно небольшія пожертвованія [1]).

[1]) Въ такихъ уголкахъ жило много нѣмецкихъ ученыхъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ доканчивать свои работы, а изъ русскихъ въ это время тамъ находился Н. Г. Фроловъ, переводившій „Космосъ“ Гумбольдта, и П. Н. Кудрявцевъ, дописывавшій диссертацію: „Судьбы Италіи“.

Digitized by Google

Отъ одного изъ такихъ уголковъ я былъ неожиданно окорванъ очень печальнымъ извѣстіемъ изъ Россіи. В. П. Боткинъ писалъ мнѣ, что Бѣлинскій становится плохъ и приговоренъ докторами къ поѣздкѣ за-границу, именно на воды Зальцбруннa, въ Силезіи, начинавшія славиться своими цѣлебными качествами противъ болѣзней легкихъ. Друзья составили между собой подписку для отправленія туда больного; къ участію въ подпискѣ приглашалъ меня и Боткинъ. Я отвѣчалъ, что пріѣду самъ въ Зальцбруннъ и надѣюсь быть полезнѣе Бѣлинскому этимъ способомъ, чѣмъ какимъ-либо другимъ. Точно такое же рѣшеніе принялъ и И. С. Тургеневъ, находившійся тогда въ Берлинѣ. Онъ немедленно отправился на встрѣчу неопытнаго вояжера, мало разумѣвшаго по-нѣмецки и никогда еще не покидавшаго своей родины, въ Штеттинъ, гдѣ и принялъ его подъ свое покровительство. Оба они и прибыли черезъ Берлинъ въ Оберъ-Зальцбруннъ, поселясь въ чистомъ деревянномъ домикѣ съ уютнымъ дворикомъ на главной, но далеко не блестящей улицѣ бѣднаго еще городка.

Итакъ, оторвавшись отъ всѣхъ связей въ Парижѣ и отложивъ на будущее время планы разныхъ путешествій, я направился въ іюнѣ 1847 г. въ Зальцбруннъ. Переночевавъ въ Бреславлѣ, я на другой день рано очутился въ неизвѣстномъ мнѣ мѣстечкѣ, и на первыхъ же шагахъ по какой-то длинной улицѣ встрѣтилъ Тургенева и Бѣлинскаго, возвращавшихся съ водъ домой...

Я едва узналъ Бѣлинскаго. Въ длинномъ сюртукѣ, въ картузѣ съ прямымъ козырькомъ и съ толстой палкой въ рукѣ — передо мной стоялъ старикъ, который по временамъ, словно заставая себя врасплохъ, быстро выпрямлялся и поправлялъ себя, стараясь придать своей наружности тотъ видъ, какой, по его соображеніямъ, ей слѣдовало имѣть. Усилія длились недолго и никого обмануть не могли: онъ представлялъ изъ себя очевидно организмъ, разрушенный на половину. Лицо его сдѣлалось бѣло и гладко, какъ фарфоръ, и ни одной здоровой морщины на немъ, которая бы говорила объ упорной борьбѣ, выдерживаемой человѣкомъ съ наплывающими на него годами. Страшная худоба и глухой звукъ голоса довершали впечатлѣніе, которое я старался скрыть, сколько могъ, усиливаясь сообщить развязный и равнодушный видъ нашей встрѣчѣ. Бѣлинскій, кажется, замѣтилъ подлогъ. «Перенесли ли ваши вещи къ намъ въ домъ?» — проговорилъ онъ торопливо и какъ-то сконфуженно, направляясь къ дому.

Вещи были перенесены — я поселился во второмъ этажикѣ квартиры — и начался длинный, томительный мѣсяцъ безнадежнаго

Digitized by Google

леченія, о которомъ старый широколицый, приземистый докторъ Зальцбруннъ уже составилъ себѣ, кажется, понятіе съ перваго же дня. На всѣ мои разспросы о состояніи больного, о надеждахъ на улучшеніе его здоровья, онъ постоянно отвѣчалъ одной и той же фразой: «Да, вашъ пріятель очень боленъ». Болѣе новой или объясняющей мысли я такъ отъ него и не добился.

Каждое утро Бѣлинскій рано уходилъ на воды и, возвратясь домой, поднимался во второй этажъ и будилъ меня всегда одними и тѣми же словами — «проснися, сибаритъ». У него были любимыя слова и поговорки, къ которымъ привыкалъ и которыхъ долго не мѣнялъ, пока не обрѣтались новыя, обязанныя тоже прослужить порядочный срокъ. Такъ, всѣ свои довольно частые споры съ Тургеневымъ онъ обыкновенно начиналъ словами: «Мальчикъ, — берегитесь — я васъ въ уголъ поставлю». Было что-то добродушное въ этихъ прибауткахъ, походившихъ на дѣтскую ласку. «Мальчикъ-Тургеневъ» однакоже высказывалъ ему подъ-часъ очень жесткія истины, особенно по отношенію къ неумѣнію Бѣлинскаго обращаться съ жизнію и къ его непониманію первыхъ реальныхъ ея основъ. Бѣлинскій становился тогда серьёзенъ и начиналъ разбирать психическія и бытовыя условія, мѣшающія иногда полному развитію людей, хотя бы они и имѣли всѣ необходимыя качества для развитія; однакоже многія слова Тургенева, какъ я замѣтилъ послѣ, западали ему въ душу, и онъ обсуждалъ ихъ еще и про себя нѣкоторое время. Какъ ни оживленны были, по временамъ, бесѣды наши, особенно когда дѣло касалось уясненія личностей и физіономій, оставленныхъ по ту сторону нѣмецкой границы, но онѣ все-таки не могли наполнить цѣлаго лѣтняго монотоннаго дня, и притомъ въ городкѣ, лишенномъ всякаго интеллектуальнаго интереса. Напрасно друзья перебирали свои воспоминанія за утреннимъ кофе, который всемѣрно длили, сидя подъ навѣсомъ барака, игравшаго на дворикѣ нашего домика роль курьёзной бесѣдки безъ сада и зелени; напрасно потомъ долгій «table d'hôte» въ какомъ-то ресторанѣ наполнялся анекдотами, передачей журнальныхъ новостей и замѣтокъ о прочитанныхъ книгахъ и статьяхъ — времени оставалось еще нестерпимо много. Притомъ же скоро оказалась необходимость понизить и тонъ всѣхъ разговоровъ. Случалось, что смѣхъ, вызванный какимъ-либо забавнымъ анекдотомъ — переходилъ у Бѣлинскаго въ пароксизмъ кашля, страшно и долго колебавшаго его грудь и животъ, а съ другой стороны — какая-либо замѣтка, принятая имъ къ сердцу, мгновенно выгоняла краску на его лицѣ и вызывала оживленное слово, за которымъ

Digitized by Google

однако-жъ слѣдовало почти тотчасъ физическое изнеможеніе. Чисто растительная, животная жизнь въ перемежку съ чтеніемъ и обмѣномъ нѣсколькихъ мыслей становилась необходимостью; но Тургеневъ не могъ выдерживать этого режима. Онъ сперва нашелъ выходъ изъ него, принявшись за продолженіе «Записокъ Охотника», начало которыхъ появилось нѣсколькими мѣсяцами ранѣе и впервые познакомило его со вкусомъ полнаго, литературнаго и популярнаго успѣха. Онъ написалъ въ Зальцбруннѣ своего замѣчательнаго «Бурмистра», который понравился и Бѣлинскому, выслушавшему весь разсказъ съ вниманіемъ и сказавшему только о Пѣночкинѣ: «что́ за мерзавецъ—съ тонкими вкусами!» Но затѣмъ Тургеневъ уже не могъ долѣе насиловать свою подвижную природу, и однажды, послѣ полученія почты, объявилъ намъ, что уѣзжаетъ на короткое время въ Берлинъ—проститься съ знакомыми, отъѣзжающими въ Англію, но что, проводивъ ихъ, снова вернется въ Зальцбруннъ. Онъ оставилъ даже часть вещей на квартирѣ. Въ Зальцбруннъ онъ не возвратился, вещи его мы перевезли съ собой въ Парижъ, самъ онъ чуть ли не побывалъ за это время въ Лондонѣ.

Молодые годы Тургенева были наполнены примѣрами такихъ неожиданныхъ поворотовъ въ сторону отъ предпринятаго дѣла, имѣвшихъ силу всегда удивлять и бѣсить его друзей, но надо сказать, что уклоненія эти выходили у него постоянно изъ одного источника. Тургеневъ тогда еще не могъ останавливаться долго на одномъ рѣшеніи и на одномъ чувствѣ—изъ опасенія замѣшкаться и упустить самую жизнь, которая бѣжитъ мимо и никого не ждетъ. Имъ овладѣвалъ родъ нервнаго безпокойства, когда приходилось только издали прислушиваться къ ея шуму. Онъ постоянно рвался къ разнымъ центрамъ, гдѣ она наиболѣе кипитъ, и сгоралъ жаждой ощупать возможно бо́льшее количество характеровъ и типовъ, ею порождаемыхъ, каковы бы они ни были. Не мало жертвъ принесъ онъ этому влеченію своей природы, становясь иногда рядомъ съ довольно ничтожными личностями, по своимъ стремленіямъ, и продолжая съ ними по долгу одинаковый путь, точно онъ былъ его собственный или особенно излюбленный имъ. Онъ никогда не раздѣлялъ брезгливости бо́льшей части людей его круга, которая мѣшала имъ приближаться къ характерамъ и личностямъ извѣстнаго круга идей и строя жизни—и тѣмъ лишала ихъ значительной доли поучительныхъ наблюденій и выводовъ. Къ тому же, сознаніе разнообразныхъ средствъ успѣха, данныхъ ему образованіемъ и природой, затемняло еще тогда для Тургенева и жизненныя цѣли. Въ эти годы

Digitized by Google

молодости и ея увлеченій ему казалось еще, что онъ можетъ испробовать всѣ возможныя существованія и соединить въ себѣ солидныя качества писателя и художника съ качествами, нужными для пріобрѣтенія репутаціи побѣдителя на всѣхъ рынкахъ, реставлищахъ и аренахъ свѣта, какіе всякое нѣсколько развитое общество открываетъ своимъ праздными силамъ и тщеславію. Всѣ эти стремленія скоро улеглись подъ вліяніемъ столько же годовъ, сколько и труда надъ самимъ собой, особенно подъ отрезвляющимъ вліяніемъ сознаннаго имъ, наконецъ, литературнаго своего призванія; но ихъ еще помнятъ его прежніе сотоварищи, а нѣкоторые изъ нихъ помнятъ еще и съ цѣлью сдѣлать изъ этихъ давно угасшихъ стремленій основную черту его біографіи. Вотъ почему я и рѣшился дать здѣсь мѣсто моимъ воспоминаніямъ о сущности самаго явленія—въ надеждѣ, что они, воспоминанія эти, можетъ быть, помогутъ судить о немъ съ мѣрой и осторожностію, которыя не всегда сохраняются современниками нашего поэта-романиста.

При небольшомъ вниманіи уже и тогда постоянно сказывалось, что истинныя сочувствія Тургенева совершенно ясны и опредѣленны, несмотря на его равномѣрно-ласковое отношеніе къ самымъ разнокачественнымъ элементамъ общества; что истинныя привязанности и предпочтенія его не только имѣютъ обдуманныя основанія, но и способны къ продолжительной выдержкѣ. Впослѣдствіи все это обнаружилось ясно, но круги наши, привыкшіе вообще строго держаться въ своихъ границахъ, пугливо и подозрительно смотрѣть на все, что лежитъ за ними и о бокъ съ ними, долго не могли помириться съ упомянутой расточительностію Тургенева на связи и знакомства. Независимость всѣхъ движеній Тургенева, свободные переходы его отъ одного стана къ другому, противоположному, отъ одного круга идей къ другому, ему враждебному, а также и радикальныя перемѣны въ образѣ жизни, въ выборѣ занятій и интересовъ,—поочередно приковывавшихъ къ себѣ его вниманіе, были загадкой для строгихъ друзей его, и составили ему, въ средѣ ихъ, незаслуженную репутацію легкомыслія и слабохарактерности, но никто еще у насъ такъ часто не обманывалъ пророчествъ и опредѣленій своихъ критиковъ; никто такъ успѣшно не передѣлывалъ общественныхъ приговоровъ въ свою пользу, какъ именно Тургеневъ. Пока масса эксцентрическихъ анекдотовъ о немъ ходила по литературному міру, въ видѣ свидѣтельства о расположеніи его полагаться, для пріобрѣтенія себѣ почетнаго мѣста въ свѣтѣ, болѣе на эффектныя слова и поступки, чѣмъ на содержаніе и достоин-

Digitized by Google

ство ихъ — Тургеневъ ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ о разборѣ явленій, полученныхъ имъ путемъ опыта и наблюденій, какъ о превращеніи ихъ въ свое умственное добро — и при этомъ разборѣ обнаружилъ качества мыслителя, поэта и психолога, поразившія его преждевременныхъ біографовъ. Такъ, между прочимъ, изъ близкихъ и дружелюбныхъ сношеній съ разнородными слоями общества, не исключая и тѣхъ, которые стояли у нашихъ круговъ на *index*, считались слоями отверженными и недостойными вниманія, возникла у Тургенева та, смѣю выразиться, *нужда справедливости* по отношенію къ людямъ и — какъ необходимая ея окраска — то благорасположеніе къ нимъ, которыя составили ему другую и уже болѣе вѣрную репутацію — чрезвычайно симпатическаго, доброжелательнаго и *много понимающаго* человѣка въ нашемъ русскомъ мірѣ.

Очень скоро Тургеневъ сдѣлался на цѣлый литературный періодъ излюбленнымъ человѣкомъ этого многосложнаго русскаго міра, который призналъ въ немъ свое довѣренное лицо и поручилъ ему ходатайство по всѣмъ своимъ дѣламъ. А дѣла эти всѣ были невещественнаго свойства и состояли преимущественно въ отысканіи правъ на сочувствіе къ нравственнымъ и умственнымъ представленіямъ русскаго міра. Тургеневъ оказался не ниже задачи. Почти съ самаго начала литературнаго поприща онъ успѣлъ открыть въ простомъ народѣ цѣлый строй замѣчательныхъ представленій и своеобычной морали, что особенно было цѣнно, такъ какъ дѣло тутъ шло о робкомъ и застѣнчивомъ классѣ общества, который не умѣетъ, да и вообще не любитъ говорить о себѣ и про себя. Перенося ту же пытливость анализа на другіе классы общества, Тургеневъ сдѣлался въ Россіи лѣтописцемъ и историкомъ умственныхъ и душевныхъ томленій всего своего времени по разрѣшенію настоятельныхъ запросовъ пробужденной мысли, очнувшагося ума и сердца, которые не знали нокамѣстъ, какъ найти для себя выходъ и что съ собой дѣлать. Въ сущности, вся литературная дѣятельность Тургенева можетъ быть опредѣлена какъ длинный, подробный и поэтически-объясненный реестръ идеаловъ, какіе ходили по русской землѣ, между разнородными слоями ея образованнаго и полу-образованнаго населенія, въ теченіе 30 лѣтъ и посреди обычной обстановки жизни и суровыхъ условій существованія, въ которыхъ она вращалась. Тургеневъ открылъ особенное творчество на Руси, творчество въ области идеаловъ, и какъ бы мечтательны, молоды, печальны ни были на видъ эти идеалы, какой бы характеръ частнаго, домашняго дѣла, единичныхъ, разрозненныхъ стремленій мысли и чувства, ни носили они

Digitized by Google

на себѣ,—поучительная сторона ихъ заключалась въ разновидности съ тѣмъ, чѣмъ русская жизнь тогда особенно кичилась и что обыкновенно производила. Но внутренній смыслъ всякихъ идеаловъ, даже и самыхъ скромныхъ, такъ привлекателенъ и обладаетъ такой силой возбуждать вниманіе и сочувствіе, что на немъ останавливаются подъ-часъ и умы, далеко ушедшіе по лѣстницѣ научнаго и гражданскаго развитія. Идеалы вообще есть семейное добро всего образованнаго человѣчества, а при этомъ часто случается, что и не значительная вещь становится дорогой по воспоминаніямъ и мыслямъ, съ нею связаннымъ. Вотъ почему единогласное, почти восторженное одобреніе, какимъ были встрѣчены на Западѣ разсказы Тургенева, объясняется,—кромѣ мастерства изложенія, ему свойственнаго и удивившаго искушенный художническій вкусъ Европы, кромѣ любопытства, возбужденнаго картинами неизвѣстной, своеобычной культуры,—еще и тѣмъ, что разсказы эти поднимали край завѣсы, за которой можно было усмотрѣть тайну духовной и общечеловѣческой производительности у новыхъ, чуждыхъ людей, работу ихъ сознанія и страдающей мысли. Мы слышали въ послѣднее время, что старый Гизо, прочитавъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда» Тургенева, увидалъ въ этомъ разсказѣ такой глубокій психическій анализъ обще-человѣческаго явленія, что пожелалъ познакомиться и лично поговорить о предметѣ съ его авторомъ. Мнѣнія философа и критика —Тэна, а также и Ж.-Занда, о разсказѣ: «Живыя мощи», извѣстны. Послѣдняя писала автору: Nous tous, nous devons aller à l'école chez vous. Уже не говорю о рецензентѣ и историкѣ беллетрическихъ произведеній Германіи, Юліанѣ Шмидтѣ, который провозгласилъ Тургенева — королемъ современной новеллы. Трудно и пересчитать всѣ симпатическіе отзывы иностранцевъ о дѣятельности нашего романиста.

Тургеневъ не измѣнилъ качествамъ своего творчества и тогда, когда позднѣе вывелъ передъ публикой типы и образы смѣлаго отрицательнаго характера: и на этихъ холодныхъ физіономіяхъ лежатъ еще огненные слѣды какого-то давняго прохода по нимъ тѣхъ же волненій, катастрофъ и паденій, какія вызывались идеальными стремленіями у людей предшествовавшей эпохи вообще. По всей справедливости, Тургенева можно бы было назвать искателемъ душевныхъ *кладовъ*, таящихся въ нѣдрахъ русскаго міра, и притомъ искателемъ, обладающимъ необманчивыми примѣтами для добыванія ихъ: онъ разрылъ многое множество существованій съ цѣлью по лучить вещественное свидѣтельство о той идеѣ, idée fixe, которая ихъ питаетъ и служитъ путеводной звѣздой въ

Digitized by Google

жизни, и никогда не удалялся съ пустыми руками отъ работы, вынося, если не цѣльныя дорогія, психическія откровенія, то въ крайнемъ случаѣ зачатки и пробы идеальныхъ созерцаній. Все это и сдѣлало его толкователемъ своей эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первоклассным писателемъ въ отечествѣ и за-границей. Полное развитіе однакоже всѣхъ творческихъ пріемовъ Тургенева, не пренебрегавшихъ и раздражающими красками, жесткими словами, ядовитыми намеками для опредѣленія грубой, пошлой, обычной русской дѣйствительности, и открывавшихъ въ то же время теплыя, цѣлительныя струи, какія просачиваются въ этой же самой дѣйствительности — все это творчество, говорю, тогда лежало еще впереди. Тургеневъ еще только собиралъ для него матеріалы.

И. С. Тургеневъ остался за границей во Франціи и по отъѣздѣ Бѣлинскаго во-свояси. Онъ жилъ почему-то довольно долго въ провинціи (въ Brie, и чуть ли не замѣ Несалъ, помѣстьи Ж.-Зандъ), а когда наѣзжалъ въ Парижъ, то довольно разсѣянно прислушивался къ толкамъ соотечественниковъ, интересуясь не столько предметами, которые ихъ занимали, сколько проявленіемъ ихъ характеровъ, психическими основами ихъ мнѣній, причинами, которыя опредѣлили у нихъ тотъ или другой выборъ доктринъ и созерцаній. Изученіе лица стояло у него всегда на первомъ планѣ; убѣжденія цѣнились не столько по своему содержанію, сколько по свѣту, какой они бросаютъ на внутреннюю жизнь человѣка. Черту эту онъ раздѣлялъ съ большинствомъ художниковъ и вообще съ психологами по природѣ. Художникомъ и психологомъ былъ онъ и по отношенію къ самому себѣ. Двойной анализъ—эстетическій и моральный, какому сталъ онъ рано подвергать самого себя, подъ конецъ переработалъ всю его нравственную физіономію, потушивъ суету пустыхъ исканій, погоню за напускными чувствами и волненіями, необходимыми для эфемерныхъ тріумфовъ. Европейская жизнь много помогла ему въ этомъ трудѣ надъ собой. Вообще говоря, Европа была для него землей обновленія: корни всѣхъ его стремленій, основы для воспитанія воли и характера, а также и развитія самой мысли заложены были въ ея почвѣ — и тамъ глубоко развѣтвились и пустили отпрыски. Понятно становится, почему онъ предпочиталъ съ-молода держаться на этой почвѣ, пока совсѣмъ не утвердился на ней. Не мало упрековъ отъ соотечественниковъ вынесъ онъ на вѣку своемъ за это предпочтеніе, казавшееся имъ обиднымъ; нѣкоторые изъ нихъ видѣли тутъ даже отсутствіе національныхъ убѣжденій, космополитизмъ обезпеченнаго человѣка, готоваго промѣнять гражданскія обязанности свои на комфортъ и легкія по-

Digitized by Google

тѣхъ заграничнаго существованія, и проч. и проч. Ни въ одномъ изъ взводимыхъ на него преступленій Тургеневъ, конечно, не провинился, да ими и не могъ провиниться человѣкъ, литературная дѣятельность котораго—то-есть, другими словами, вся задача жизни—ничего иного никогда и не высказывала, кромѣ постоянной, пламенной думы о своемъ отечествѣ, и который жилъ ежедневной мыслію о немъ, гдѣ бы ни находился, что хорошо извѣстно и старымъ и новымъ его знакомымъ. Не отсутствіе народныхъ симпатій въ душѣ и не надменное пренебреженіе къ строю русской жизни сдѣлали Европу необходимостію для его существованія, а то, что здѣсь обильнѣе текла умственная жизнь, поглощающая пустыя стремленія, что въ Европѣ онъ чувствовалъ себя болѣе простымъ, дѣльнымъ, вѣрнымъ самому себѣ и болѣе свободнымъ отъ вздорныхъ искушеній, чѣмъ когда становился лицомъ къ лицу съ русской дѣйствительностію.

Особенно важно замѣтить, что и въ то время, и позднѣе, никакого разрыва съ отечествомъ не могло существовать у Тургенева—уже и потому, что онъ всегда оставлялъ тамъ часть своего существованія, куда бы ни уходилъ, предметъ страсти, такъ-сказать, именно русскую литературу,—понимая подъ этимъ словомъ художническую, критическую и публицистическую дѣятельность. Другая—ученая литература жила тогда въ замкнутыхъ кругахъ и съ обществомъ сношеній не вела. На той, первой, популярной литературѣ и сосредоточились всѣ помыслы Тургенева. Извѣстно, что въ то время русская литература считалась ступенью къ изученію законовъ и условій искусства. Люди той эпохи видѣли въ занятіи искусствомъ единственную, оставшуюся имъ тропинку къ нѣкотораго рода общественному дѣлу: искусство составляло почти спасеніе людей, такъ какъ позволяло имъ думать о себѣ, какъ о свободно-мыслящихъ людяхъ. Никогда уже послѣ того *идея* искусства не понималась у насъ такъ обширно и въ такомъ универсальномъ, политико-соціальномъ значеніи, какъ именно въ эти годы затишья. Искусствомъ дорожили: это была единственная цѣнность, которая находилась въ обращеніи, и какой люди могли располагать. Каждая теорія искусства, присвоивавшая, добывавшая ему новыя умственныя области, каждое расширеніе его вѣдомства, принимались съ великой благодарностію. Чѣмъ просторнѣе становилось въ своихъ владѣніяхъ искусство, чѣмъ далѣе отодвигались его границы,—тѣмъ сильнѣе увеличивалось число предметовъ, подлежащихъ публичному обсужденію. Вся работа общественной мысли возложена была на одного только агента ея, и такое пониманіе искусства жило почти во всѣхъ

Digitized by Google

умахъ, но, разумѣется, сильнѣе проявлялось у присяжныхъ дѣятелей его. Такъ и у Тургенева—привязанность къ русской литературѣ и искусству составляла органическое чувство, одолѣть которое уже были не въ силахъ никакіе посторонніе соблазны и влеченія. Бѣлинскій высоко цѣнилъ это качество своего друга. Для Тургенева и многихъ его современниковъ, послѣ народа, ничего болѣе важнаго и болѣе достойнаго вниманія и изученія, чѣмъ русская литература, вовсе и не существовало въ Россіи: ее одну они тамъ и видѣли, и на нее возлагали всѣ свои надежды. Другіе голоса, которые рядомъ съ нею неслись оттуда и подъчасъ настойчиво требовали вниманія и уваженія къ себѣ, проходили безъ отзвука въ ихъ мысли. Для Тургенева,—да, повторяю—и для многихъ другихъ еще за нимъ—слѣдить за русской литературой значило—слѣдить за первенствующимъ (если не единственнымъ) воспитывающимъ и цивилизующимъ элементомъ въ Россіи.

Убѣжденіе это связывалось еще съ представленіемъ дѣльнаго литератора какъ неизбѣжно высоко-нравственнаго лица; занятіе литературой, казалось всѣмъ, требуетъ прежде всего чистыхъ рукъ и возвышеннаго характера. Можно было бы привести много примѣровъ, гдѣ это мнѣніе высказывалось отъ имени публики. Гоголь, котораго нельзя упрекнуть въ потворствѣ литераторамъ, разсказалъ въ своей извѣстной «Перепискѣ» случай, когда одного какого-то писателя, провинившагося неблаговиднымъ поступкомъ въ провинціи, неизвѣстный членъ общества остановилъ строгимъ выговоромъ, который кончался замѣчаніемъ: «а еще литераторъ!» Тургеневъ подтверждалъ свое страстное чувство къ литературѣ и свои заботы о ней—на самомъ дѣлѣ. Многіе изъ его товарищей, видѣвшіе возникновеніе «Современника» 1847 г., должны еще помнить, какъ хлопоталъ Тургеневъ объ основаніи этого органа, сколько потратилъ онъ труда, помощи совѣтомъ и дѣломъ на его распространеніе и укрѣпленіе. Первые №№ «Современника» содержатъ, кромѣ начала «Записокъ Охотника», еще нѣсколько историческихъ и критическихъ замѣтокъ Тургенева, не попадавшихъ въ полное собраніе его «Сочиненій». Кстати сказать: эстетическія и полемическія замѣтки Тургенева носили всегда какой-то характеръ *междудѣлья*, отличались умомъ, но никогда не обладали той полнотой содержанія, которая необходима для того, чтобы сказанное слово осталось въ памяти людей. То же самое сужденіе можетъ быть приложено и къ его позднѣйшимъ объясненіямъ съ критиками и недоброжелателями, къ его исповѣдямъ своихъ мнѣній (professions de foi), поправкамъ и дополненіямъ

Digitized by Google

его созерцаній и проч. Они не удовлетворяли ни тѣхъ, къ кому относились, ни публику, которая слѣдила за его мнѣніями. Тургеневъ овладѣвалъ вполнѣ своими темами и становился убѣдительнымъ только тогда, когда разъяснялъ предметы и самого себя на аренѣ художественнаго творчества. Русская литература, прикрѣпленная тогда исключительно къ этой аренѣ и къ разнымъ обширнымъ и мелкимъ ея отдѣламъ, становилась такимъ важнымъ жизненнымъ явленіемъ, что за нею въ глазахъ Тургенева должно было пропасть и пропадало все, что дѣлалось другого на родинѣ. Настоящее дѣло было въ одинѣхъ ея рукахъ—и такъ думалъ о русской журналистикѣ, публицистикѣ и русской художественной дѣятельности вообще не онъ одинъ, какъ уже мы сказали.

Вотъ почему, между прочимъ, Тургеневъ хладнокровно обошелъ и всѣ идеи и доктрины тогдашней русско-парижской колоніи: они истекали изъ другихъ источниковъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ полагалъ настоящую, цѣлебную силу. Русскій «политическій» человѣкъ представлялся ему пока въ типѣ первокласснаго русскаго писателя, создающаго вокругъ себя публику и заставляющаго слушать себя поневолѣ.

Очень характеристично для этого отдаленнаго времени то обстоятельство, что исключительная любовь Тургенева къ литературѣ могла еще казаться подозрительной и навлечь ему непріятности. По возвращеніи въ Россію въ 1851 г., Тургеневъ былъ потрясенъ извѣстіемъ о смерти Гоголя (1852), и послалъ въ одну московскую газету нѣсколько горячихъ строкъ сочувствія къ погибшему дѣятелю, уже послѣ того какъ въ Петербургѣ состоялось распоряженіе о недопущеніи надгробныхъ панегириковъ автору «Мертвыхъ Душъ». Никто не освѣдомился, зналъ ли или не зналъ Тургеневъ о состоявшемся распоряженіи и можно ли было даже, предполагая, что распоряженіе было ему извѣстно, поставить ему въ вину желаніе провести свою статейку въ свѣтъ, такъ какъ для достиженія своего желанія онъ не нарушалъ никакихъ положительныхъ законовъ и подвергъ статью обыкновенному цензурному ходу, только на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Петербурга — въ Москвѣ. Тогдашній предсѣдатель цензурнаго комитета въ Петербургѣ (Мусинъ-Пушкинъ) однакоже усмотрѣлъ въ бѣгствѣ статейки изъ-подъ его вѣдомства и появленіи ея въ Москвѣ *ослушаніе начальству*, и послѣдствіемъ былъ мѣсячный арестъ Тургенева при одной изъ Съѣзжихъ и затѣмъ высылка въ деревню на жительство. Благодаря этой мѣрѣ, Съѣзжая, гдѣ онъ содержался (у Большого театра, между Екатерининскимъ каналомъ и Офицерской улицей), попала въ русскую литера-

Digitized by Google

туру и сдѣлалась *исторической* Съѣзжей. Тамъ, посреди разныхъ домашнихъ расправъ полиціи, бывшихъ тогда еще въ полномъ цвѣту, но въ квартирѣ самого частнаго пристава, куда былъ переведенъ по повелѣнію Государя Наслѣдника (нынѣ царствующаго Императора), Тургеневъ написалъ тотъ маленькій chef-d'oeuvre, который не утерялъ и доселѣ способности возбуждать умиленіе читателя, именно разсказъ «Муму». На другой день своего освобожденія и передъ выѣздомъ въ ссылку, онъ намъ и прочелъ его. Истинно трогательное впечатлѣніе произвелъ этотъ разсказъ, вынесенный имъ изъ съѣзжаго дома, и по своему содержанію, и по спокойному, хотя и грустному тону изложенія. Такъ отвѣчалъ Тургеневъ на постигшую его кару, продолжая безъ устали начатую имъ дѣятельную *художническую* пропаганду по важнѣйшему политическому вопросу того времени.

Послѣ этого отступленія, которое въ виду разнорѣчивыхъ толковъ о замѣчательномъ человѣкѣ, порожденномъ той же эпохой — 40-хъ годовъ, казалось мнѣ совершенно необходимымъ — возвращаюсь назадъ. Итакъ, послѣ отъѣзда Тургенева, мы остались съ Бѣлинскимъ вдвоемъ, съ глазу на глазъ, въ Зальцбруннѣ.

XXXV.

Бѣлинскій явился мнѣ въ эти дни долгихъ бесѣдъ и каждочаснаго обмѣна мыслей совершенно въ новомъ свѣтѣ. Страстная его натура, какъ ни была уже надорвана мучительнымъ недугомъ, еще далеко не походила на потухшій вулканъ. Огонь всетлился у Бѣлинскаго подъ корой наружнаго спокойствія и пробѣгалъ иногда по всему организму его. Правда, Бѣлинскій начиналъ уже бояться самого себя, бояться тѣхъ еще не порабощенныхъ силъ, которыя въ немъ жили, и могли при случаѣ, вырвавшись наружу, уничтожить за-разъ всѣ плоды прилежнаго леченія. Онъ принималъ мѣры противъ своей впечатлительности. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ Бѣлинскій, молча и съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ, опрокидывался на спинку дивана или кресла, когда полученное имъ ощущеніе сильно въѣдалось въ его душу, а онъ считалъ нужнымъ оторваться или освободиться отъ него. Минуты эти походили на особый видъ душевнаго страданія, присоединеннаго къ физическому, и не скоро проходили: мучительное выраженіе довольно долго не покидало его лица послѣ нихъ. Можно было ожидать, что, несмотря на всѣ предосторожности, наступитъ такое мгно-

Digitized by Google

веніе, когда онъ не справится съ собой, — и, дѣйствительно, такое мгновеніе наступило для него въ концѣ нашего пребыванія въ Зальцбруннѣ.

Надо знать, чѣмъ былъ за полгода до своей смерти Бѣлинскій, чтобы понять весь паѳосъ этого мгновенія, имѣвшаго весьма важныя послѣдствія, и отъ дальнѣйшихъ и окончательныхъ результатовъ котораго освободила его только смерть. Я подразумѣваю здѣсь извѣстное его письмо къ Гоголю, много потерявшее теперь изъ первоначальныхъ своихъ красокъ, но въ свое время раздавшееся по интеллектуальной Россіи, какъ трубный гласъ. Кто повѣритъ, что когда Бѣлинскій писалъ его, онъ былъ уже не прежній боецъ, искавшій битвъ, а, напротивъ, человѣкъ, наполовину замиренный и потерявшій вѣру въ пользу литературныхъ спибокъ, журнальной полемики, трактатовъ о теченіяхъ русской мысли и рецензій, уничтожающихъ болѣе или менѣе шаткія литературныя репутаціи.

Мысль его уже обращалась въ кругу идей другого порядка и занята была новыми нарождающимися опредѣленіями правъ и обязанностей человѣка, новой *правдой*, провозглашаемой экономическими ученіями, которая упраздняла всѣ представленія старой, отмѣняемой правды, о нравственномъ, добромъ и благородномъ на землѣ, и ставила на ихъ мѣсто формулы и тезисы разсудочнаго характера. Бѣлинскій давно уже интересовался, какъ мы видѣли прежде, этими проявленіями пытливаго духа современности, но о какомъ-либо приложеніи ихъ къ русскому міру, гдѣ еще не существовало и азбуки для разбора и разумѣнія ихъ языка, — никогда не помышлялъ. Онъ пришелъ только къ заключенію, что дѣло развитія каждой отдѣльной личности, ищущей нѣкоторой высоты и свободы для своей мысли, должно сопровождаться посильнымъ участіемъ въ изслѣдованіи свойствъ и элементовъ того потока политическихъ и соціальныхъ идей, въ который брошены теперь цивилизація и культура Европы. Для облегченія этой работы, необходимой для каждой мало-мальски мыслящей и *совѣстливой* личности, Бѣлинскій и начиналъ думать, что слѣдовало бы и въ русской литературѣ установить коренныя точки зрѣнія на европейскія дѣла, съ которыхъ и могла бы начинаться независимая работа критики у насъ и свободное изслѣдованіе всего ихъ содержанія.

Одного только не могъ онъ переносить: спокойствіе и хладнокровное размышленіе покидало его тотчасъ, какъ онъ встрѣчался съ сужденіемъ, которое, подъ предлогомъ неопредѣленности или неубѣдительности европейскихъ теорій, обнаруживало неполовно-

Digitized by Google

веніе позорить труды и начинанія эпохи, не признавать честности ея стремленій, подвергать огуломъ насмѣшкѣ всю ея работу, на основаніи тѣхъ самыхъ отжившихъ традицій, которыя именно и привели всѣхъ къ нынѣшнему положенію дѣлъ. При встрѣчѣ съ ораторствомъ или диффамаціей такого рода, Бѣлинскій выходилъ изъ себя, а книга Гоголя «Переписка съ друзьями» была вся, какъ извѣстно, проникнута духомъ недовѣрчивости и наглаго презрѣнія къ современному движенію умовъ, которое еще и плохо понимала. Вдобавокъ, она могла служить и тормазомъ для возникавшихъ тогда въ Россіи плановъ крестьянской реформы, о чемъ скажу ниже. Негодованіе, возбужденное ею у Бѣлинскаго, долго жило въ скрытномъ видѣ въ его сердцѣ, такъ какъ онъ не могъ излить его вполнѣ въ печатной оцѣнкѣ произведенія по условіямъ тогдашней цензуры, а потому, лишь представился ему случай къ свободному слову,—оно потекло огненной лавой гнѣва, упрековъ и обличеній...

Понятно, однако же, что съ новымъ настроеніемъ Бѣлинскаго волненія и схватки русскихъ литературныхъ круговъ, въ которыхъ онъ еще недавно принималъ такое живое участіе, отошли на задній планъ. Онъ даже начиналъ смотрѣть и на всю собственную дѣятельность свою въ прошломъ, на всю изжитую имъ самимъ борьбу съ литературными противниками, гдѣ такъ много потрачено было силъ и здоровья на пріобрѣтеніе кажущихся побѣдъ и очень реальныхъ страданій, какъ на эпизодъ, о которомъ не стóитъ вспоминать. Такъ выходило, по крайней мѣрѣ, изъ его суровой, несправедливой оцѣнки самого себя, которую въ послѣдніе мѣсяцы его существованія не одинъ я слышалъ отъ него. Бѣлинскій становился одинокимъ посреди собственной партіи, несмотря на журналъ, основанный во имя его, и первымъ симптомомъ выхода изъ ея рядовъ явилась у него утрата всѣхъ *старыхъ антипатій*, за которыя еще крѣпко держались его послѣдователи, какъ за средство сообщать видъ стойкости и энергіи своимъ убѣжденіямъ. Онъ до того удалился отъ кружковаго настроенія, что получилъ возможность быть справедливымъ и, наконецъ, упразднилъ въ себѣ всѣ закоренѣлыя, почти обязательныя ненависти, которыя считались прежде и литературнымъ, и политическимъ долгомъ. Не многіе изъ его окружающихъ поняли причины, побуждавшія его разсчитаться со своимъ прошлымъ, не оставляя позади себя никакого предмета злобы,—а причина была ясна. Въ умѣ его созрѣвали цѣли и планы для литературы, которыя должны были измѣнить ея направленіе, оторвать отъ почвы, гдѣ она укоренилась, и вы-

Digitized by Google

зать враговъ другой окраски и, конечно, другого, болѣе рѣшительнаго и опаснаго характера, чѣмъ всѣ прежніе враги, хотя и горячіе, но уже обезсиленные на-половину и безвредные...

Я уже упомянулъ, какое странное впечатлѣніе произвело на ближайшихъ его сотрудниковъ по журналу заявленное имъ сочувствіе къ той части славянофильскихъ воззрѣній на народъ, которая можетъ быть принята каждымъ размышляющимъ человѣкомъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. Хуже еще было, когда Бѣлинскому вздумалось похвалить, со всѣми надлежащими оговорками, «Воспоминанія Булгарина», тогда вышедшія, и замѣтить, что они любопытны по характеристикѣ русскихъ нравовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, системы тогдашняго публичнаго воспитанія и вообще заведенныхъ порядковъ жизни, которыхъ авторъ былъ самъ свидѣтелемъ и жертвой. Похвала Булгарину въ устахъ Бѣлинскаго, какъ ни была еще скромна сама-по-себѣ, показалась однако же такой чудовищной вещью журнальнымъ соредакторамъ критика, что они напечатали статейку, уже переработавъ и переиначивъ ее до неузнаваемости, и тѣмъ вызвали укоризненное примѣчаніе послѣдующаго издателя сочиненій Бѣлинскаго, гласившее: «Статья эта, напечатанная по рукописи въ «Современникѣ», — какая-то странная передѣлка». Редакція имѣла нѣкоторое моральное право желать такой передѣлки. Во-первыхъ, никто не былъ приготовленъ къ подобному нарушенію всѣхъ традицій либеральной журналистики, связывавшей съ нѣкоторыми литературными именами множество вопросовъ, которые только *полемически* и могли быть поднимаемы въ печати, и которые давали этимъ именамъ значеніе символовъ, для всѣхъ понятныхъ и не требовавшихъ дальнѣйшихъ разъясненій; а во-вторыхъ — можно было думать, что Бѣлинскій не остановится на первомъ шагѣ въ дѣлѣ упраздненія либеральныхъ традицій своей партіи, что́ грозило оставить въ будущемъ саму партію безъ дѣла, круглой сиротой, не знающей за что́ приняться. Многіе изъ друзей уже относили къ упадку умственныхъ силъ поворотъ, замѣчаемый въ направленіи Бѣлинскаго, и выражали опасеніе, что онъ обратится на разрушеніе по частямъ тѣхъ началъ, которыя окрашивали такъ долго и ярко его собственную дѣятельность, причемъ новый журналъ, конечно, терялъ одинъ изъ крупныхъ девизовъ своего знамени.

Опасенія несбывшіяся, но они не вовсе взяты были съ вѣтра. Бѣлинскій по временамъ обнаруживалъ мрачный взглядъ на свою прошлую литературную жизнь. Помню, какъ однажды, послѣ особенно мучительнаго дня кашля и уже укладываясь

Digitized by Google

въ постель, онъ вдругъ заговорилъ тихимъ, полу-грустнымъ, но твердымъ тономъ: «Не хорошо болѣть, еще хуже умирать, а болѣть и умирать съ мыслью, что ничего не останется послѣ тебя на свѣтѣ,—хуже всего. Что я сдѣлалъ? Вотъ хотѣлъ докончить исторію русской народной поэзіи и литературы, да теперь и думать нечего. А можетъ быть кто-нибудь тогда и вспомнилъ бы обо мнѣ, а что теперь? Знаю, что вы хотите сказать, — прибавилъ онъ, замѣтивъ у меня движеніе, — но вѣдь двѣ-три статьи, въ которыхъ еще половина занята современными пустяками, уже и теперь никому ненужными, не составляютъ наслѣдства. А все прочее понадобится развѣ историку нашей эпохи...» И такъ далѣе...

Я оставилъ его съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Это сомнѣніе въ пользѣ цѣлаго жизненнаго труда — имѣло для меня трагическій смыслъ. И нельзя было приписать слова Бѣлинскаго дѣйствію болѣзни: онъ, видимо, думалъ и прежде о томъ, что теперь высказалъ, — за рѣчью его слышалось какъ-бы долгое предварительное соображеніе. Выходило, что человѣкъ, пользующійся большой популярной извѣстностью, обремененный, такъ-сказать, сочувствіями цѣлаго поколѣнія, имъ воспитаннаго,—еще считаетъ себя призракомъ въ исторіи русской культуры и не убѣжденъ въ достоинствѣ той монеты, на которую куплено его вліяніе и слава. Много было несправедливости къ самому себѣ въ этой оцѣнкѣ, но много заключалось въ ней и новыхъ возникшихъ требованій отъ литературнаго дѣятеля, а также много горя—и не одного личнаго.

Но интересы мысли и развитія, на которые Бѣлинскій постоянно обращалъ свое вниманіе, всегда выводили его изъ всякаго субъективнаго настроенія, какъ бы оно ни было глубоко и искренне,—выводили на свѣтъ, къ людямъ и дѣламъ ихъ. Это случилось и теперь.

Тогда много шумѣла извѣстная — теперь уже позабытая — книга Макса Стирнера: «Der Einzige und sein Eigenthum» (Единичный человѣкъ и его достояніе). Сущность книги, если выразить ее наиболѣе краткимъ опредѣленіемъ, заключалась въ возвеличеніи и прославленіи эгоизма, какъ единственнаго оружія, какимъ частное лицо, притѣсняемое со всѣхъ сторонъ государственными распорядками, можетъ и должно защищаться противъ матеріальной и нравственной эксплуатаціи, направленной на него узаконеніями, обществомъ и государствомъ вообще. Книга принадлежала къ числу многочисленныхъ тогдашнихъ попытокъ подмѣнить существующія основы политической жизни

Digitized by Google

другими лучшаго издѣлія, и достигала, какъ часто бывало съ этими попытками, цѣлей, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія имѣла въ виду. Возводя эгоизмъ на степень политической доблести, книга Стирнера устроивала въ сущности дѣла плутократіи (кстати — легкій каламбуръ, представляемый этимъ словомъ на русскомъ языкѣ, не разъ и тогда употреблялся Бѣлинскимъ въ разговорѣ). Ознакомившись съ книгой Стирнера, Бѣлинскій принялъ близко къ сердцу вопросъ, который она поднимала и старалась разрѣшить. Оказалось, что тутъ былъ для него весьма важный нравственный вопросъ.

— Пугаться одного слова: «эгоизмъ», — говорилъ онъ, — было бы ребячествомъ. Доказано, что человѣкъ и чувствуетъ, и мыслитъ, и дѣйствуетъ неизмѣнно по закону эгоистическихъ побужденій, да другихъ и имѣть не можетъ. Бѣда въ томъ, что мистическія ученія опозорили это слово, давъ ему значеніе прислужника всѣхъ низкихъ страстей и инстинктовъ въ человѣкѣ, а мы и привыкли уже понимать его въ этомъ смыслѣ. Слово было обезчещено по-напрасну, такъ какъ въ сущности обозначаетъ вполнѣ естественное, необходимое, а потому и законное явленіе, да еще и заключаетъ въ себѣ, какъ все необходимое и естественное, возможность моральнаго вывода. А вотъ я вижу тутъ автора, который оставляетъ слову его позорное значеніе, данное мистиками, да только дѣлаетъ его при этомъ маякомъ, способнымъ указывать путь человѣчеству, открывая во всѣхъ позорныхъ мысляхъ, какія даются слову, еще новыя качества его и новыя его права на всеобщее уваженіе. Онъ просто дѣлаетъ со словомъ то же, что дѣлали съ нимъ и мистики, только съ другого конца. Отсюда и выходитъ невообразимая путаница: я полагаю, напримѣръ, что книга автора найдетъ восторженныхъ цѣнителей въ тѣхъ людяхъ, одобренія которыхъ онъ совсѣмъ не желалъ, и строгихъ критиковъ въ тѣхъ, для которыхъ книга написана. Нельзя серьёзно говорить о эгоизмѣ, не положивъ предварительно въ основу его—*моральный* принципъ, и не попытавъ затѣмъ положить его теоретически, какъ *моральное* начало, чѣмъ онъ, рано или поздно, непремѣнно сдѣлается...

Я передаю здѣсь смыслъ рѣчи Бѣлинскаго въ томъ порядкѣ, какъ она запечатлѣлась въ моей памяти, и, конечно, другими словами, а не тѣми самыми, какія онъ употреблялъ. Нѣсколько разъ, при разныхъ случаяхъ и въ разное время возвращался онъ опять къ вопросу, который видимо занималъ его. Не могло быть сомнѣнія, что вопросъ связывался съ послѣднимъ видоизмѣненіемъ долгой моральной проповѣди, которую Бѣлинскій велъ всю свою

Digitized by Google

жизнь, и постепенное развитіе которой было уже нами представлено. Заключительное слово этой проповѣди на столько любопытно, что можетъ оправдать попытку собрать его замѣтки, съ помощію уцѣлѣвшихъ въ моей памяти отрывковъ, въ одно цѣлое, причемъ необходима оговорка, уже столько разъ прежде дѣлаемая, что изложеніе не даетъ ни малѣйшаго понятія о пылѣ и краскахъ, какія сообщалъ авторъ своему слову, ни о формѣ, въ какую выливалась его рѣчь.

— Грубый, животный эгоизмъ, — размышлялъ Бѣлинскій, — не можетъ быть возведенъ не только въ идеалъ существованія, какъ бы хотѣлъ нѣмецкій авторъ, но и въ простое правило общежитія. Это — разъединяющее, а не связующее начало въ своемъ первобытномъ видѣ, и получаетъ свойство живой и благодѣтельной силы только послѣ тщательной обработки. Кто не согласится, что чувство эгоизма, управляющее всѣмъ живымъ міромъ на землѣ, есть также точно источникъ всѣхъ ужасовъ, на ней происходившихъ, какъ и источникъ всего добра, которое она видѣла! Значитъ, если нельзя отдѣлаться отъ этого чувства, если необходимо считаться съ нимъ на всѣхъ пунктахъ вселенной, въ политической, гражданской и частной жизни человѣка, то уже сама собой является обязанность осмыслить его и дать ему нравственное содержаніе. Точно то же было сдѣлано для другихъ такихъ же всесвѣтныхъ двигателей — любви, напримѣръ, половаго влеченія, честолюбія, — и нѣтъ причины думать, что эгоизмъ менѣе способенъ преобразоваться въ моральный принципъ, чѣмъ равносильныя ему другія природныя побужденія, уже въ него возведенныя. А моральнымъ принципомъ эгоизмъ сдѣлается только тогда, когда каждая отдѣльная личность будетъ въ состояніи присоединить къ своимъ частнымъ интересамъ и нуждамъ еще интересы постороннихъ, своей страны, цѣлой цивилизаціи, смотрѣть на нихъ какъ на одно и то же дѣло, посвящать имъ тѣ самыя заботы, которыя вызываются у нея потребностію самосохраненія, самозащиты, и прочее. Такое обобщеніе эгоизма и есть именно преобразованіе его въ моральный принципъ. Вотъ уже и теперь есть примѣры въ нѣкоторыхъ государствахъ такихъ передовыхъ личностей, которыя принимаютъ оскорбленіе, нанесенное одному человѣку на другомъ концѣ свѣта, за личную обиду и обнаруживаютъ настойчивость въ преслѣдованіи незнакомаго преступника, какъ будто дѣло идетъ о возстановленіи собственной чести. И замѣтить надо, что при этомъ любовь, сочувствіе, уваженіе и вообще сердечныя настроенія не играютъ никакой роли — покровительство распространяется, въ одинаковой мѣрѣ, и на людей, часто презираемыхъ отъ всей

Digitized by Google

души защитниками ихъ,—на такихъ, которыхъ послѣдніе никогда *не* допустятъ въ свое общество, да, случается, не признаютъ *пользы* и самаго существованія ихъ на свѣтѣ. Что это такое, какъ не эгоизмъ, превосходно воспитанный и достигшій уже до чувствительности строгаго, нравственнаго начала. Но такихъ передовыхъ личностей еще очень мало—и они остаются покамѣстъ исключеніями. Французы обозначаютъ словомъ *солидарность* эту способность сберегать самого себя въ другихъ, и пытаются сдѣлать изъ него научный терминъ, вводя понятіе, которое оно выражаетъ, въ политическую экономію, какъ необходимый ея отдѣлъ. А что такое солидарность какъ не тотъ же эгоизмъ, отшлифованный и освобожденный отъ всѣхъ частицъ грубаго матеріала, входившаго въ его составъ. Говорятъ, что всѣ старые и новые философы и проповѣдники тоже учили искони думать о ближнемъ болѣе чѣмъ о самомъ себѣ. Это правда, но они не столько учили, сколько *приказывали* вѣрить своимъ словамъ, требуя жертвъ и не обѣщая никакихъ вознагражденій за послушаніе, кромѣ похвалъ совѣсти—и успѣхъ этихъ приказаній былъ таковъ, какъ извѣстно, что эгоизмъ живетъ и доселѣ повсемѣстно въ самомъ сыромъ и нетронутомъ видѣ. О насъ уже и говорить нечего. Несмотря на многовѣковые приказы быть чувствительными къ страданіямъ ближняго—найдется ли у насъ пятокъ человѣкъ, которые возмутились бы ударами, падающими не на ихъ собственную кожу? Единственную крѣпкую и надежную узду на эгоизмъ выковываетъ человѣкъ самъ на себя, какъ только доходитъ до высшаго пониманія своихъ интересовъ. Нѣмецкій авторъ напрасно соболѣзнуетъ о жертвахъ, какія требуются теперь отъ каждой отдѣльной личности государствомъ и обществомъ, и напрасно старается защитить эту личность, проповѣдуя всеотрицающій эгоизмъ: настоящій эгоизмъ будетъ всегда приносить добровольно огромныя жертвы тѣмъ силамъ, которыя способствуютъ облагороживанію его природы, а это именно и составляетъ задачу всякой цивилизаціи. Государство и общество никакой другой цѣли въ сущности и не имѣютъ, кромѣ цѣли способствовать превращенію *животнаго* эгоизма личности, въ чуткій, воспріимчивый духовный инструментъ, который сотрясается и приходитъ въ движеніе при всякомъ вѣяніи насилія или безобразія, откуда бы они ни приходили...

Этотъ бѣглый, поверхностный очеркъ размышленій Бѣлинскаго по поводу книги Стирнера—показываетъ, что послѣдняя моральная его проповѣдь уже основывалась на дѣйствіи тѣхъ врожденныхъ психическихъ силъ человѣка, которыя впослѣдствіи были

Digitized by Google

подробно изслѣдованы и получили названіе *альтруистическихъ*. Бѣлинскій предупредилъ нѣсколькими годами анализъ психологовъ, но, конечно, не могъ дать его въ надлежащей чистотѣ и опредѣленности, что, вѣроятно, помѣшало и изложенію его взглядовъ въ печати, гдѣ отъ нихъ не находится никакого слѣда. Онъ уже боялся прямого, непосредственнаго философствованія, и не хотѣлъ къ нему возвращаться послѣ своихъ старыхъ опытовъ на этомъ поприщѣ [1]).

Въ тѣсной связи съ настроеніемъ Бѣлинскаго находится уже его призывъ, обращенный къ художественной русской литературѣ и беллетристикѣ — принять за конечную цѣль своихъ трудовъ служеніе общественнымъ интересамъ, ходатайство за низшіе, обездоленные классы общества. Призывъ находится въ послѣдней, предсмертной статьѣ Бѣлинскаго, написанной имъ по возвращеніи изъ-за границы и напечатанной въ «Современникѣ» 1848: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года». Обозрѣніе это составляетъ какъ-бы мостъ, перекинутый авторомъ отъ своего поколѣнія къ другому — новому, приближеніе котораго Бѣлинскій чувствовалъ уже и по задачамъ, какія стали возникать въ умахъ. Не разъ и въ старое время Бѣлинскій высказывалъ тѣ же мысли — о необходимости ввода въ литературу мотивовъ общественнаго характера и значенія, какъ способа сообщить ей ту степень дѣльности и серьёзности, съ помощію которыхъ она можетъ еще расширить принадлежащую ей роль первостепеннаго агента культуры. Теперь критикъ уже наклоненъ былъ требовать отъ литературы исключительнаго занятія предметами соціальнаго значенія и содержанія и смотрѣть на нихъ какъ на единственную ея цѣль. Разница въ постановкѣ вопроса была тутъ немаловажная, и объясняется она, кромѣ всего другого, еще и состояніемъ умовъ, новыми реформаторскими вѣяніями, обнаружившимися въ обществѣ. Тогда именно крестьянскій вопросъ пытался впервые выдти у насъ на свѣтъ изъ тайныхъ пожеланій и секретнаго канцелярскаго его обсужденія: составлялись полу-оффиціальные комитеты изъ благонамѣренныхъ лицъ, считавшихся сторонниками эмансипаціи, принимались и поощрялись проекты лучшаго разрѣшенія вопроса, допускались, подъ покровительствомъ м-ва иму-

[1]) Можетъ быть, подъ вліяніемъ вышеизложенныхъ мыслей, Бѣлинскій и получилъ представленіе о Сикстинской Мадоннѣ, которую потомъ видѣлъ въ Дрезденѣ, какъ объ ультра-аристократическомъ типѣ. Онъ перевелъ ея *божественное* спокойствіе, такъ опоэтизированное у насъ В. А. Жуковскимъ, на простое опредѣленіе, по которому въ лицѣ ея выражается равнодушіе къ страданіямъ и нуждамъ низменнаго нашего міра или, другими словами, полное отсутствіе альтруистическихъ чувствъ.

Digitized by Google

ществъ, экономическія изслѣдованія, обнаружившія несостоятельность обязательнаго труда и проч. Все это движеніе, какъ извѣстно, продержалось не долго, обезсиленное сначала тайнымъ противодѣйствіемъ потревоженныхъ интересовъ, прикрывшихся знаменемъ консерватизма, а затѣмъ окончательно смолкнее подъ вихремъ 1848, налетѣвшимъ на него съ береговъ Сены, который опустошалъ преимущественно у насъ зачатки благихъ предначертаній. Но до этой непредвидѣнной катастрофы, казалось, наступила благопріятная минута указать, что всѣ истинно-великія литературы древняго и новаго міра никогда не имѣли другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ цѣлей, какія поставляетъ себѣ и общество въ стремленіяхъ къ лучшему умственному и матеріальному самоустройству. Это именно и сдѣлалъ Бѣлинскій во «Взглядѣ на литературу 1847 г., причемъ, если изъ рѣчи, которую повелъ онъ тогда, устранить оцѣнку произведеній эпохи, не относящуюся прямо къ вопросу, то рѣчь эта можетъ быть названа предтечей и первообразомъ всѣхъ послѣдующихъ рѣчей въ томъ же духѣ и направленіи, сказанныхъ десять лѣтъ спустя, за исключеніемъ только одной черты ея, рѣзко отдѣляющей и Бѣлинскаго, и его эпоху, отъ наступившаго за ними времени. Черта образовалась изъ особеннаго пониманія самыхъ условій искусства, хотя бы и съ политической окраской.

Съ достовѣрностію можно сказать, что когда Бѣлинскій писалъ свою статью, передъ глазами его мелькали соображенія отчасти и практическаго характера. Изящная литература могла пособить, такъ-сказать, родамъ давно ожидаемой крестьянской реформы. Какъ ни упорно держались слухи о признанной необходимости ея въ оффиціальныхъ кругахъ — никто не говорилъ о ней прямо въ печати. Множество соображеній мѣшали реформѣ спуститься на площадь и принять единственный путь, ведущій къ осуществленію ея — путь всенародныхъ толковъ. Изъ этихъ мѣшающихъ соображеній наиболѣе вѣское было слѣдующее: — ни одно самое умѣренное и сдержанное слово, ни одно самое хладнокровное и безстрастное изслѣдованіе, которые захотѣли бы говорить о поводахъ къ измѣненію крѣпостничества — этой коренной основы русской жизни — не могли бы обойтись безъ характеристики темныхъ сторонъ, ею порожденныхъ и оправдывающихъ посягновенія на ея существованіе и заведенные ею порядки. Избѣжать горькой необходимости — осуждать прошлыя времена и вмѣстѣ сохранить въ цѣлости идею реформы, ихъ отрицающую — вотъ что составляло трудную дилемму, на разрѣшеніе которой уходила безплодно вся энергія нововводителей, и которая постоянно

Digitized by Google

держала ихъ на почвѣ осторожныхъ внушеній и намековъ, не обязывающихъ къ немедленному принятію рѣшенія. Литература романовъ, повѣстей, такъ-называемая изящная литература вообще могла сослужить при этомъ большую службу. Она не обязана была знать о существованіи затрудненій и опасеній по дѣлу реформенной пропаганды, а прямо и смѣло начать ее отъ своего имени. Обманывая глаза своимъ притворнымъ равнодушіемъ къ политическимъ вопросамъ, занимаясь, повидимому, самымъ ничтожнымъ дѣломъ пріисканія темъ и драматическихъ сюжетовъ для развлеченія публики, литература эта могла войти потаенной дверью въ самую среду вопросовъ, изъятыхъ изъ ея вѣдѣнія, что уже и дѣлала не разъ. «Записки Охотника», «Записки доктора Крупова», «Бѣдные люди» Достоевскаго, а, наконецъ, мелодраматическій «Антонъ Горемыка» и «Деревня»—уже показали, какъ произведенія чистой фантазіи становятся трактатами по психологіи, этнографіи и законодательству. Бѣлинскій думалъ, что пришло время для литературы взять на себя всю ту работу, которую другіе дѣятели откладывали именно подъ предлогомъ безвременья, и произвести за нихъ тотъ слѣдственный процессъ надъ старыми условіями русскаго существованія, какой долженъ предшествовать окончательному ихъ устраненію и осужденію. Бѣлинскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, становился и сторонникомъ правительства, какъ это можно видѣть и въ многочисленныхъ печатныхъ его заявленіяхъ отъ 1847 года. Нужда въ такомъ содѣйствіи литературы, однако-жъ, скоро миновала, и, наоборотъ, вся ею уже заготовленная съ этой цѣлью работа признана была даже опасной. Совсѣмъ тѣмъ остается вполнѣ достовѣрнымъ, что если бы движеніе продолжалось—литература приняла бы на себя всѣ ненависти раздраженныхъ интересовъ и эгоистическихъ страстей, отдала бы себя на проклятія и поруганія и развязала бы другимъ руки только на свѣтлое, благодатное и благодарное дѣло возстановленія права и справедливости въ странѣ.

Ясно, что какъ проповѣдь, такъ и всѣ намѣренія Бѣлинскаго въ этомъ случаѣ скорѣе можно назвать *консервативными* въ обширномъ смыслѣ слова, чѣмъ революціонными, какъ прославляли ихъ потомъ соединенные враги печати и реформъ въ строѣ русской жизни. Здѣсь кстати будетъ сказать вообще о прозвищѣ «революціонера и агитатора», какое получилъ Бѣлинскій у своихъ, ему современныхъ и у позднѣйшихъ враговъ, которымъ одинаково полезно было распространять эту репутацію. Ни одно изъ его увлеченій, ни одинъ изъ его приговоровъ, ни въ печати, ни въ устной бесѣдѣ, не даютъ права узнавать въ немъ,

Digitized by Google

какъ того сильно хотѣли его ненавистники,—любителя страшныхъ соціальныхъ переворотовъ, свирѣпаго мечтателя, питающагося надеждами на крушеніе общества, въ которомъ живетъ. Тѣ вспышки Бѣлинскаго, на которыя указывали диффаматоры его для подтвержденія своихъ словъ, всегда были произведеніемъ ума и сердца, обиженныхъ въ своемъ нравственномъ существѣ, въ своей *идеалистической* природѣ. Ими онъ только облегчалъ душевныя страданія и мстилъ подъ-часъ за грубое прикосновеніе къ какому-либо гуманному чувству своему; но одно недоразумѣніе или одна злая подозрительность могли предполагать за всѣмъ этимъ еще жажду скорыхъ расправъ, внезапныхъ потрясеній и простора для личной мести. Никогда и мысленно не принималъ онъ защиты тѣхъ разрушительныхъ явленій, которыя проходятъ иногда черезъ исторію и дѣйствуютъ въ ней со слѣпотой стихійныхъ силъ, не имѣя подъ собой часто никакихъ моральныхъ основъ, и составляя какъ-бы страшную и вмѣстѣ нелѣпую импровизацію жизни, раздраженной до послѣдней степени несчастіями и страданіями. Не разъ Бѣлинскій и самъ признавался, когда заходила рѣчь о такихъ эпохахъ, упоминаемыхъ исторіей западныхъ европейскихъ народовъ, что въ подобныя времена онъ былъ бы совершенно ничтожнымъ, растеряннымъ человѣкомъ, годнымъ единственно на то, чтобы умножить собою число жертвъ, обыкновенно оставляемыхъ ими за собой. Все, что не носило на себѣ печати мысли, не имѣло интеллектуальнаго характера и выраженія, вселяло ему ужасъ. Бѣлинскій легко и быстро понималъ всякую смѣлую идею и всякое смѣлое рѣшеніе, состоящее въ какомъ-либо, хотя бы и дальнемъ родствѣ, съ началами—и приходилъ въ тупикъ передъ роковыми *случайностями*, такъ часто направляющими жизнь помимо человѣческаго предвидѣнія. На нихъ онъ никогда не разсчитывалъ и никогда не вводилъ ихъ въ кругъ своего созерцанія. Оставаясь такимъ же идеалистомъ въ пониманіи условій историческаго прогресса, какъ и въ своей жизни, онъ отличался неспособностію признать нужду лжи, даже когда она успокоиваетъ колеблющіеся умы, чувствовалъ неодолимое отвращеніе потворствовать пустымъ людямъ и вздорнымъ явленіямъ, если бы они даже и дѣйствовали въ рядахъ его собственной партіи. У Бѣлинскаго не было первыхъ, элементарныхъ качествъ революціонера и агитатора, какимъ его хотѣли прославить, да и прославляютъ еще и теперь люди, ужасающіеся его честной откровенности и внутренней правды всѣхъ его убѣжденій; но взамѣнъ у него были всѣ черты настоящаго

Digitized by Google

человѣка и представителя 40-хъ годовъ—и между этими чертами одна очень крупная, къ которой теперь и перехожу.

Черта эта состояла, какъ уже было сказано, въ особенномъ пониманіи искусства, какъ важнаго элемента, устроивающаго психическую сторону человѣческой жизни и черезъ нея развивающаго въ людяхъ способность къ воспринятію и созданію идеальныхъ представленій. Чертой этой Бѣлинскій рѣзко разграничивалъ свою эпоху отъ послѣдующей, съ которой во всемъ другомъ имѣлъ множество точекъ соприкосновенія. Разлагая и опровергая старый эстетическій афоризмъ—искусство для искусства, переводя всѣ задачи литературы на общественно-служебную почву, помѣщая искусство и фантазію въ авангардъ, такъ-сказать, доблестной арміи волонтеровъ, сражающихся за великодушныя идеи, что̀ значило, по мысли критика, сражаться за хорошо понятые интересы каждаго лица въ государствѣ—Бѣлинскій хотѣлъ, чтобы войско это снабжено было и надежнымъ оружіемъ, а такимъ оружіемъ для него онъ считалъ всегда поэзію и творчество. Онъ допускалъ и простое обличеніе зла, простое отрицаніе на-голо, но смотрѣлъ на нихъ, какъ на рукопашную схватку, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть неизбѣжна, но которая одна никогда не рѣшаетъ дѣла и не одолѣваетъ враговъ. Одолѣваетъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, наноситъ имъ неисцѣлимыя раны только творческій талантъ, такъ какъ одинъ онъ можетъ собрать милліоны безобразныхъ случайностей, пробѣгающихъ черезъ жизнь, въ цѣльную поразительную картину, и одинъ онъ способенъ выдѣлить изъ тысячи лицъ, болѣе или менѣе возбуждающихъ наше негодованіе, полный типъ, въ которомъ они всѣ отразятся. Нѣтъ надобности повторять здѣсь то, что̀ онъ говорилъ по этому поводу, но необходимо отмѣтить и удержать въ памяти основу его литературно-политической теоріи. Основой это было коренное убѣжденіе, что созданіе художническихъ типовъ указываетъ положительными и отрицательными сторонами своими дорогу, по которой идетъ развитіе общества—и ту, по которой оно должно бы идти въ будущемъ. Это убѣжденіе оставило и ясные слѣды въ статьѣ критика: «Взглядъ на русскую литературу 1847», гдѣ его всякій и можетъ найти [1]).

Я уже сказалъ, что эта статья была тѣмъ послѣднимъ звеномъ въ развитіи одного періода нашей литературы, къ которому

---

[1]) Пусть читатель повѣритъ эти слова въ „Современникѣ“, 1848, гдѣ статья явилась, или въ „Собраніи соч. Бѣлинскаго“, 1861, часть одиннадцатая, страницы 348—356 и 363—365.

Digitized by Google

примкнули и за которое цѣплялись первыя звенья новаго, послѣдующаго ея направленія. Перерыва тутъ не было, какъ его, кажется, не было ни въ одну изъ эпохъ русской исторіи, но характеры явленій обозначались, на первыхъ порахъ, значительными отступленіями и несходствами. Черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, изъ его теорій изящнаго принято было ученіе объ общественныхъ цѣляхъ искусства, а всѣ добавочныя положенія къ его ученію оставлены были въ сторонѣ.

Новое поколѣніе, уже успѣвшее пережить грозный промежутокъ времени съ 1848—1856, принялось за дѣло изслѣдованія формъ русской жизни, недостатковъ ея и отсталыхъ порядковъ, какъ только оказалась возможность говорить людямъ о самихъ себѣ [1]). Наступилъ періодъ обличеній. Понятно, что поколѣніе взялось за это дѣло съ тѣми орудіями производства, какія состояли у него готовыми на лицо, и не имѣло причины ожидать прибытія щегольского и тонкаго оружія (les armes de luxe) искусства для начатія своей работы. Съ теченіемъ времени руки привыкли такъ къ простымъ орудіямъ беллетристической фабрикаціи, что многіе, даже очень даровитые судьи дѣла стали уже сомнѣваться въ пользѣ водворенія болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ производства, имѣвшихъ еще и ту невыгоду, что не всякій умѣлъ съ ними обращаться и заработывать ими свой хлѣбъ. Надо было пріучаться жить безъ творчества, изобрѣтательности, поэзіи—и это дѣлалось при существованіи и полной дѣятельности такихъ художниковъ, какъ Островскій, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, Тургеневъ, Левъ Толстой и Некрасовъ, которые продолжали напоминать о нихъ публикѣ всѣми своими произведеніями!

Критика пришла на помощь озадаченной публикѣ. Извѣстно, что вслѣдъ за первыми проблесками оживившейся литературной дѣятельности, наступила у насъ эпоха *регламентаціи* убѣжденій, мнѣній и направленій, спутавшихся въ долгій періодъ застоя. Русскій литературный міръ еще помнитъ, съ какой энергіей, съ какимъ талантомъ и знаніемъ цѣлей своихъ производилась эта работа приведенія идей и понятій въ порядокъ и къ одному

[1]) Какъ бы презрительно ни отзывалась потомъ критика о всемъ запасѣ мелкихъ наблюденій, ѣдкихъ воспоминаній, горькаго опыта, накопившихся у насъ въ теченіи многихъ лѣтъ молчанія и терпѣнія и открывшихъ наконецъ исходъ для себя подъ видомъ единственно нужнаго и возможнаго искусства, все-таки должно сказать, что эта литература обличеній, какъ выраженіе обиженнаго личнаго или народнаго чувства, имѣетъ еще смыслъ, котораго ни одинъ историкъ нашего общества не пропуститъ безъ вниманія.

Digitized by Google

знаменателю. На помощь къ ней призваны были историческія и политическія науки, философскія и этическія теоріи. Всѣмъ старымъ знаменамъ и лозунгамъ, подъ которыми люди привыкли собираться — противопоставлялись другія и новыя, но при этомъ постоянно оказывалось, что всего менѣе поддавалось *регламентаціи* именно искусство, бывшее всегда, по самой природѣ своей, наименѣе послушнымъ ученикомъ теорій. Подчинить его и сдѣлать вѣрнымъ слугой одного господствующаго направленія удавалось только строгимъ религіознымъ системамъ, да и то не вполнѣ, такъ какъ нельзя было вполнѣ побѣдить его наклонности мѣнять свои пути, развлекать вниманіе капризными ходами, смѣяться надъ школой, и выдумывать свои собственныя рѣшенія вопросовъ. Оно составляло именно дисгармоническій элементъ въ періодѣ, слѣдовавшій за Бѣлинскимъ. Оставить за нимъ привилегію существовать особнякомъ, на всей своей волѣ, въ то время, когда всѣмъ предлагался общій и обязательный трудъ въ одномъ духѣ и за однимъ практическимъ дѣломъ — значило рисковать встрѣтить искусство поперегъ дороги и противъ себя. Строгая дисциплина критики, для разбора и соотвѣтственной оцѣнки тѣхъ изъ художниковъ, которые приняли ея программу и тѣхъ которые ей не подчинились — становилась необходимостію. Какъ ни строга была эта дисциплина, введенная критикой, но помѣшать обществу увлекаться неузаконенными образцами творчества она не могла. Тогда и явилось рѣшеніе отодвинуть искусство вообще на задній планъ, пояснить происхожденіе его законовъ и любимыхъ пріемовъ немощью мысли, еще не окрѣпшей до способности понимать и излагать прямо и просто смыслъ жизненныхъ явленій. Кругъ занятій, снисходительно предоставленныхъ чистому художеству, намѣченъ былъ съ необычайной скупостію. Ему предоставлялась именно передача мимолетныхъ сердечныхъ движеній, капризовъ воображенія, нервныхъ ощущеній, оттѣнковъ и красокъ физической природы — всего, что лежитъ внѣ науки и точнаго изслѣдованія. Всѣ остальныя претензіи искусства на дѣятельную роль въ развитіи общества были устранены, серьёзныя тэмы изъяты изъ его вѣдѣнія и разложены на соотвѣтствующіе имъ отдѣлы философіи, научной критики, спеціальныхъ изслѣдованій. Мыслящее общество тщательно ограждалось отъ вліянія того самаго агента, который успѣшнѣе всего приготовляетъ душу человѣка для принятія сѣмянъ какъ гражданскихъ, такъ и всякихъ другихъ идеаловъ. По временамъ, конечно, еще возникали протесты противъ этой несправедливости къ искусству, и раздавались голоса, которые

Digitized by Google

указывали на важность художническихъ литературныхъ произведеній въ дѣлѣ образованія характеровъ, направленія умовъ къ нравственнымъ цѣлямъ, возвышенія уровня мыслей, но они проходили безслѣдно. И по справедливости! Всѣ эти попытки напомнить о дѣйствіи идеальнаго и изящнаго на сердца людей, на складъ ихъ представленій, а затѣмъ на всѣ ихъ крупные и мелкіе поступки, уже и потому не могли имѣть успѣха, не принимая даже въ соображеніе большую или меньшую діалектическую ихъ слабость,—что новому поколѣнію необходимо было, прежде всего, довести дѣло свое до конца, выразить всю свою сущность, и затѣмъ уже оно могло оглянуться назадъ и дополнить себя всѣмъ тѣмъ, чего ему недоставало. Такъ именно съ теченіемъ времени и случилось.

Казалось бы, что различное пониманіе вопросовъ объ искусствѣ не должно было положить особенно яркой разграничивающей черты между двумя періодами развитія, особенно когда во всемъ другомъ они имѣли такое множество точекъ соприкосновенія. И однакожъ вопросовъ этихъ достаточно было, чтобы ослабить въ значительной степени связи, ихъ соединяющія, и дать каждому изъ нихъ особое выраженіе и удалить ихъ другъ отъ друга на значительное разстояніе. Это случилось потому, что между ними оказалась розни не на теоретическомъ опредѣленіи изящнаго, а оказалась разница въ *міросозерцаніяхъ*. Споры объ искусствѣ, какъ и вообще о всѣхъ истинно-великихъ вопросахъ науки и цивилизаціи, тѣмъ особенно и поучительны, что какова бы ни была ихъ относительная важность, подъ ними всегда кроется и течетъ невидимой струей то или другое міросозерцаніе. При этомъ слѣдуетъ сказать, что исторія происхожденія различныхъ созерцаній, отвѣчавшихъ у насъ въ свое время задушевнымъ стремленіямъ цѣлыхъ поколѣній, имѣетъ права на полнѣйшее уваженіе наше, съ какой бы личной точки зрѣнія мы ни относились къ ея содержанію.

Послѣ 30 лѣтъ, протекшихъ со смерти Бѣлинскаго, можно уже ясно судить о міросозерцаніи его, не смущаясь притокомъ случайныхъ настроеній, которые окрашивали его иногда своимъ особеннымъ, но скоро проходившимъ цвѣтомъ. Созерцаніе Бѣлинскаго все заключается въ пониманіи жизни и цивилизаціи, какъ силъ, предназначенныхъ на доставленіе человѣку *полноты духовнаго* и *матеріальнаго* существованія. По количеству идей и представленій, способствующихъ осуществленію той полноты разумнаго бытія, какая носилась передъ его глазами въ формѣ идеала, онъ судилъ объ относительномъ достоинствѣ и значеніи эпохъ,

Digitized by Google

людей и произведеній ихъ. Утайка, пропускъ, скрытіе какого-либо изъ элементовъ, необходимыхъ для достиженія этой полноты, было-ли то дѣломъ преднамѣренности или послѣдствіемъ недосмотра, одинаково пробуждали его критическую чуткость. Онъ самъ постоянно и добросовѣстно занимался разборомъ и опредѣленіемъ настоящихъ и подложныхъ психическихъ и соціальныхъ дѣятелей, заявляющихъ претензію на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ ума и развитія. Къ оцѣнкѣ тѣхъ и другихъ онъ могъ быть иногда излишне нервенъ, распредѣлять краски, подъ вліяніемъ одушевленія или негодованія, не совсѣмъ равномѣрно, но документы, на которыхъ основывалось его сужденіе, всегда были подлинные, скрѣпленные свидѣтельствомъ исторіи, точными изслѣдованіями науки объ идеальныхъ и реальныхъ потребностяхъ человѣческой природы. Удовлетвореніе этихъ потребностей, безъ своевольныхъ исключеній, подсказываемыхъ разсчетами и нуждами разныхъ теоретическихъ построекъ, онъ и считалъ задачей цивилизаціи и призваніемъ ея. Переходя отъ общаго выраженія къ частнымъ приложеніямъ того же самаго созерцанія, надо сказать, что Бѣлинскій требовалъ уже отъ каждой идеи, отъ каждаго образа, ученія и литературнаго произведенія вообще, которые представлялись его глазамъ, полноты содержанія, упраздняющей самую возможность вопросовъ и дополненій. Но такія цѣльныя явленія искусства и мышленія встрѣчались рѣдко, а бо́льшей частію приходилось имѣть дѣло съ созданіями, еще сильнѣе отличающимися количествомъ своихъ упущеній, чѣмъ открытій въ области выбранныхъ ими тэмъ. Собственно говоря, вся его литературная критика, какъ еще ни старалась закрыться дипломатическими оговорками и изворотами, къ которымъ и Бѣлинскій прибѣгалъ по нуждѣ времени, наравнѣ со всѣми другими,—была въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ рядомъ возстановленій, реставрацій и оправданій разныхъ позабытыхъ или искусственно принижаемыхъ чертъ цивилизаціи, психическихъ и культурныхъ необходимостей личнаго и общественнаго существованія. Работа эта вошла у Бѣлинскаго въ привычку мысли, и что особенно важно—весьма часто обращалась имъ и на самого себя, чѣмъ легко объясняются его неоднократныя перемѣны точекъ зрѣнія на предметы, столь удивлявшія и возмущавшія его враговъ.

Извѣстно, что художественныя произведенія, какъ изящной, такъ и ученой литературы, обладаютъ качествомъ оставлять очень малую поживу искателямъ разсѣянностей или недосмотровъ автора, исчерпывать свой предметъ и представлять такую твердыню выводовъ и заключеній, для разрушенія которой, даже и въ

Digitized by Google

малѣйшей ея части, потребна почти такая же сила и способность, какія находились въ обладаніи и у самого ея строителя. Вотъ за такими-то произведеніями стараго и новаго міра, въ переводахъ и оригиналахъ, Бѣлинскій проводилъ дни и ночи: они никогда не старѣлись для него, сколько бы онъ ихъ ни перечитывалъ, никогда не могли договорить ему своего послѣдняго слова. Какъ у аскетовъ другого порядка идей, у него была потребность каждодневнаго приближенія къ алтарю художническихъ произведеній и углубленія въ таинства, на немъ свершаемыя. Постоянное обращеніе съ великими образцами ученой и изящной литературы возвысили его духъ на такую степень, что люди въ его присутствіи чувствовали себя лучше и свободнѣе отъ мелкихъ помысловъ, уходили отъ него съ освѣженнымъ чувствомъ и добрымъ воспоминаніемъ, какого бы рода ни велась съ нимъ бесѣда. Говоря фигурально, къ нему всегда являлись нѣсколько по *праздничному*, въ лучшихъ нарядахъ, и моральной неряхой нельзя было передъ нимъ показаться, не возбудивъ его негодованія, горькихъ и горячихъ обличеній. Таковъ былъ человѣкъ, который первый указалъ русской литературѣ реальное направленіе, кажется, прежде чѣмъ о немъ вспомнила и Европа, а теперь призывалъ ту же литературу на политическую арену, на занятіе вопросами гражданскаго, общественнаго характера. Что двигало этого эстетика по преимуществу? Конечно, прежде всего, благородное сердце, искавшее средствъ пособить первымъ, неотложнымъ нуждамъ развитія, еще вовсе и неначавшагося для массы его соотечественниковъ, и затѣмъ все то же исканіе полноты идеальнаго и реальнаго типа для жизни и мысли. Сзади этой предполагаемой литературной дѣятельности ему открывалось еще все громадное поле европейской цивилизаціи съ его обработкой, съ его пріобрѣтеніями, сдѣланными въ теченіи стольких вѣковъ! Съ него онъ и глазъ не спускалъ. Ни одного изъ всѣхъ опытовъ — старыхъ и новыхъ, приложенныхъ къ нему, ни одного счастливаго результата ими уже даннаго — не хотѣла бы лишиться эта страстная душа! Конечная цѣль всѣхъ его требованій и указаній заключалась въ томъ, чтобъ выработать изъ русской жизни полнаго работника просвѣщенія, чтобы надѣлить ея всѣми тѣми силами и воспитательными началами, которыя образовали въ Европѣ лучшихъ и надежнѣйшихъ ея работниковъ. Не нужно, кажется, прибавлять, что всѣ эти дальновидные разсчеты оказались на дѣлѣ мечтой, но тотъ еще не будетъ въ состояніи правильно судить объ эпохѣ Бѣлинскаго, кто не пойметъ и не

Digitized by Google

признаетъ, что всѣ мечтанія и фантазіи подобнаго рода были въ то время положительнымъ и весьма серьёзнымъ дѣломъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Приближалось время окончанія лечебнаго курса и нашего отъѣзда изъ Зальцбруннa. Бѣлинскій чувствовалъ себя гораздо лучше, кашель уменьшился, ночи сдѣлались покойнѣе—онъ уже поговаривалъ о скукѣ житья въ захолустьи. Почти наканунѣ нашего выѣзда изъ Зальцбруннa въ Парижъ, я получилъ неожиданно письмо отъ Н. В. Гоголя, извѣщавшаго, что изданная имъ «Переписка съ друзьями» надѣлала ему много непріятностей, что онъ не ожидаетъ отъ меня благопріятнаго отзыва о его книгѣ, но все-таки желалъ бы знать настоящее мое мнѣніе о ней, какъ отъ человѣка, кажется, не страдающаго заносчивостію и самообожаніемъ. Это было первое письмо послѣ того надменно-учительскаго, о которомъ говорено, и первое послѣ короткой встрѣчи нашей въ Парижѣ и Бамбергѣ. Оно довольно ясно обнаруживало въ Гоголѣ желаніе если не утѣшенія и поддержки, то по крайней мѣрѣ тихой бесѣды. Въ концѣ письма Гоголь неожиданно вспоминалъ о Бѣлинскомъ и кстати посылалъ ему дружескій поклонъ, вмѣстѣ съ письмомъ прямо на его имя, въ которомъ упрекалъ его за сердитый разборъ «Переписки» во 2-мъ № «Современника». Это и вызвало то знаменитое письмо Бѣлинскаго о его послѣднемъ направленіи, какого Гоголь еще и не выслушивалъ доселѣ, несмотря на множество перьевъ, занимавшихся разоблаченіемъ недостатковъ «Переписки», попреками и бранью на ея автора. Когда я сталъ читать въ слухъ письмо Гоголя, Бѣлинскій слушалъ его совершенно безучастно и разсѣянно, — но, пробѣжавъ строки Гоголя къ нему самому, Бѣлинскій вспыхнулъ и промолвилъ: «А! онъ не понимаетъ, за что̀ люди на него сердятся—надо растолковать ему это—я буду ему отвѣчать».

Онъ понялъ вызовъ Гоголя.

Въ тотъ же день небольшая комната, рядомъ съ спальней Бѣлинскаго, которая снабжена была диванчикомъ по одной стѣнѣ и круглымъ столомъ передъ нимъ, на которомъ мы свершали наши, довольно скучныя, послѣ-обѣденныя упражненія въ пикетъ —превратилась въ письменный кабинетъ. На круглomъ столѣ явилась чернильница, бумага, и Бѣлинскій принялся за письмо къ Гоголю, какъ за работу, и съ тѣмъ же пыломъ, съ какимъ производилъ свои срочныя журнальныя статьи въ Петербургѣ. То была именно статья, но писанная подъ другимъ небомъ...

Три дня сряду Бѣлинскій уже не поднимался, возвращаясь съ водъ домой, въ мезонинъ моей комнаты, а проходилъ прямо

Digitized by Google

въ свой импровизированный кабинетъ. Все это время онъ былъ молчаливъ и сосредоточенъ. Каждое утро, послѣ обязательной чашки кофе, ждавшей его въ кабинетѣ, онъ надѣвалъ лѣтній сюртукъ, садился на диванчикъ и наклонялся къ столу. Занятія длились до часового нашего обѣда, послѣ котораго онъ не работалъ. Не покажется удивительнымъ, что онъ употребилъ три утра на составленіе письма къ Гоголю, если прибавить, что онъ часто отрывался отъ работы, сильно взволнованный ею, и отдыхалъ отъ нея, опрокинувшись на спинку дивана. Притомъ же и самый процессъ составленія былъ довольно сложенъ. Бѣлинскій набросалъ сперва письмо карандашемъ на разныхъ клочкахъ бумаги, затѣмъ переписалъ его четко и аккуратно на-бѣло, и потомъ снялъ еще съ готоваго текста копію для себя. Видно, что онъ придавалъ большую важность дѣлу, которымъ занимался, и какъ будто понималъ, что составляетъ документъ, выходящій изъ рамки частной, интимной корреспонденціи. Когда работа была кончена, онъ посадилъ меня передъ круглымъ столомъ своимъ и прочелъ свое произведеніе.

Я испугался и тона, и содержанія этого отвѣта, и, конечно — не за Бѣлинскаго, потому что особенныхъ послѣдствій заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидѣть; я испугался за Гоголя, который долженъ былъ получить отвѣтъ, и живо представилъ себѣ его положеніе въ минуту, когда онъ станетъ читать это страшное бичеваніе. Въ письмѣ заключалось не одно только опроверженіе его мнѣній и взглядовъ: письмо обнаруживало пустоту и безобразіе всѣхъ идеаловъ Гоголя, всѣхъ его понятій о добрѣ и чести, всѣхъ нравственныхъ основъ его существованія — вмѣстѣ съ дикимъ положеніемъ той среды, защитникомъ которой онъ выступилъ. Я хотѣлъ объяснить Бѣлинскому весь объемъ его страстной рѣчи, но онъ зналъ это лучше меня, какъ оказалось: «А что же дѣлать?» сказалъ онъ. «Надо всѣми мѣрами спасать людей отъ бѣшенаго человѣка, хотя бы взбѣсившійся былъ самъ Гомеръ. Что же касается до оскорбленія Гоголя, я никогда не могу такъ оскорбить его, какъ онъ оскорбилъ меня въ душѣ моей и въ моей вѣрѣ въ него».

Письмо было послано, и затѣмъ уже ничего не оставалось дѣлать въ Зальцбруннѣ. Мы выѣхали въ Дрезденъ, по направленію къ Парижу.

Здѣсь, забѣгая впередъ, скажу, что по прибытіи въ Парижъ, Г., уже поджидавшій насъ, явился въ отель Мишо, гдѣ мы остановились, и Бѣлинскій тотчасъ же разсказалъ ему о вызовѣ, полученномъ имъ отъ Гоголя, и объ отвѣтѣ, который онъ ему

Digitized by Google

послалъ. Затѣмъ онъ прочелъ ему черновое своего письма. Во все время чтенія уже знакомаго мнѣ письма, я былъ въ сосѣдней комнатѣ, куда, улучивъ минуту, Г. шмыгнулъ, чтобы сказать мнѣ на ухо: «Это — геніальная вещь, да это, кажется, и завѣщаніе его».

XXXVI.

Нелюдимость Бѣлинскаго, казалось, все еще увеличивалась за границей, съ теченіемъ времени, вмѣсто того, чтобъ уменьшиться. Онъ утерялъ всякую охоту заводить связи, даже и минутныя, съ незнакомыми лицами; наоборотъ, чѣмъ долѣе шло время, тѣмъ онъ сильнѣе сосредоточивался въ помыслахъ о семьѣ, которая положительно заслоняла для него всю заграничную обстановку. Исключеніе составляли двухъ-трехъ-лѣтніе нѣмецкіе мальчишки — на тѣхъ онъ смотрѣлъ охотно и, не разъ указывая мнѣ на какой-нибудь особенно выдающійся экземпляръ, — приговаривалъ глухо: «у меня точно такой же былъ дома». Словомъ, семья сдѣлалась для него уголкомъ, въ которомъ онъ мысленно запирался тотчасъ же, какъ оказывалась возможность къ тому. Всего любопытнѣе, что онъ желалъ оставить свѣтъ и окружающихъ людей въ невѣдѣніи на счетъ своего пріюта, и когда заходила о немъ рѣчь, отзывался равнодушно, не скрывая только — чего уже нельзя было скрыть — страстной любви своей къ дѣтямъ.

Біографическая черта эта, кажется, стоитъ того, чтобъ остановиться на ней. Бѣлинскій женился въ 1843 г. уже тогда, когда романтическій періодъ его жизни миновалъ, и когда онъ укрѣпился въ мысли, что далѣе ждать нечего отъ судьбы и случая, что онъ предопредѣленъ не вѣдать сочувствія женскаго сердца, какъ въ силу своего внѣшняго, будто бы, непривлекательнаго вида, такъ и въ силу нравственныхъ своихъ качествъ, будто бы, несимпатичныхъ вообще для женской природы. Замѣчательно было однакожъ то, что съ самаго 1838 г. онъ не умолкалъ громить и преслѣдовать одиночество, на которое, повидимому, такъ рѣшительно согласился. Въ его глазахъ и опредѣленіяхъ строгое одиночество, если оно вѣрно самому себѣ, составляло противоестественное, искусственное, а потому и безнравственное явленіе, изъ какого бы душевнаго настроенія ни выходило. Исключенія изъ правила, въ родѣ художника Иванова и ему подобныхъ, и онъ признавалъ, но думалъ, что и о нихъ надо судить только по важности идеи, для которой ими принесена была

Digitized by Google

жертва. Онъ и покинулъ собственную систему одиночества тотчасъ, какъ явился предлогъ къ тому—и покинулъ съ неимовѣрной торопливостію, изумившей друзей. Тогда объясняли этотъ фактъ тѣмъ, что онъ встрѣтилъ привязанность, которая наносила ударъ его скептическому пониманію самого себя, сохранившись черезъ значительный промежутокъ времени. Неожиданность такого открытія была настолько сильна, что привела его къ мысли переустроить весь свой бытъ. — Какъ бы то ни было, онъ привелъ въ исполненіе свое рѣшеніе, при недоумѣвающихъ лицахъ друзей, предвидѣвшихъ въ этомъ поступкѣ новыя затрудненія жизни для него. Женившись, Бѣлинскій неотказался однако-жъ отъ своихъ воззрѣній на *сродство душъ* и *стремленій*, какъ на единственный элементъ, узаконяющій брачное состояніе, и сознавался, что въ его собственномъ бракѣ недоставало идеальнаго повода и отсутствовало поэтическое настроеніе. Онъ высказывалъ это мнѣніе, не стѣсняясь, и передъ всѣми громко и часто, и здѣсь нельзя не признать достоинство отвѣта, какой онъ получалъ на свои вспышки. Умно-разсчитанное или уже врожденное по темпераменту хладнокровіе наиболѣе заинтересованной въ дѣлѣ стороны позволяло свободно истекать этимъ протестаціямъ и критическимъ обращеніямъ на совершившійся фактъ: они ни на волосъ не мѣшали другой сторонѣ — вести семейное дѣло въ одномъ духѣ, стойко, спокойно, правильно. Подъ конецъ, съ наступившимъ упадкомъ физическихъ силъ, обнаружилась на Бѣлинскомъ та непреборимая, громадная, нивеллирующая мощь *моногамическаго* общежительства, которая побѣждаетъ всѣ порывы, мечтанія и фантазіи человѣка. Бѣлинскій видѣлъ уже въ домашнемъ очагѣ своемъ какъ-бы цѣлящую силу для больного сердца, и въ рукѣ, которая спокойно ему служила, какъ-бы руку, удерживающую его на свѣтѣ.

Первымъ благомъ жизни становилась теперь для него та заботливая тишина, то чуткое молчаніе домашняго быта, которыя позволяли ему думать свои пламенныя думы про себя, болѣть сердцемъ безъ помѣхи. Раздѣлъ горькихъ мыслей и ощущеній часто бываетъ подстрекательствомъ къ нимъ, а въ послѣднемъ онъ уже болѣе не нуждался. Онъ нуждался въ другомъ, а именно въ отдаленномъ, но симпатическомъ наблюденіи за своей кончавшейся жизнью. Семья Бѣлинскаго умѣла организовать такое наблюденіе, которое не давало себя чувствовать, и не спрашивала у него никогда объ исторіи болѣзни, не добивалась признаній и исповѣди, не заставляла разсказывать страданій. Она пріучила его къ существованію, упрощенному до возможной степени и

Digitized by Google

приноровленному столько же къ состоянію его мысли, сколько и къ физическому его состоянію. Понятно послѣ того, что обычные спутники всякаго путешествія — какъ-то: многолюдство, пестрота жизни, назойливость внѣшнихъ явленій, напрашивающихся на вниманіе, уже казались ему нестерпимыми, такъ какъ составляли новую лишнюю прибавку въ психическомъ его мірѣ, какой онъ вовсе не хотѣлъ. Вотъ почему онъ и писалъ длинныя письма изъ-за границы, часто украдкой, не къ друзьямъ въ Петербургѣ, а къ женѣ и женщинѣ, которая, по его же мнѣнію, не въ силахъ была войти въ кругъ идей, нѣсколько отличныхъ отъ тѣхъ, къ какимъ привыкла; поэтому также этотъ поэтъ въ душѣ, воспитанный на чтеніи и изученіи художниковъ, но уже усталый — не видѣлъ ни памятниковъ культуры, ни самодѣльнаго творчества природы на своемъ пути и стоялъ передъ ними часто нѣмой, разсѣянный, видимо поглощенный совсѣмъ другой и чуждой имъ мыслію.

Особенное отвращеніе испытывалъ Бѣлинскій къ внезапнымъ бесѣдамъ, которыя такъ часто завязываются на дорогахъ съ незнакомыми людьми: отвращеніе это иногда разрѣшалось довольно комическими эффектами. На пути къ Дрездену прыгнулъ въ нашъ вагонъ съ одной станціи какой-то очень вертлявый и, повидимому, весьма добродушный полякъ. Услыхавъ русскій говоръ, онъ обратился къ сосѣду, которымъ, по несчастію, былъ Бѣлинскій, и началъ съ нимъ слѣдующую короткую бесѣду, передаваемую буквально. «Вы русскій?» — «Русскій».— «Прямо изъ Россіи?» — «Совершенно прямо».— «И, конечно, хорошо говорите по-французски?» — «Совсѣмъ не говорю».— «Значитъ, только по-нѣмецки?» — «И по-нѣмецки тоже не умѣю».— «Стало-быть, — приставалъ неугомонный полякъ и уже съ печальнымъ видомъ, — вы только по-русски говорите?» — «Немножко, и то неохотно», отвѣчалъ Бѣлинскій, откидываясь въ уголъ кареты. Надо было видѣть выраженіе изумленія на лицѣ вопрошавшаго: я не могъ удержаться отъ смѣха и перевелъ бесѣду уже на себя, начиная ее опять съ начала...

Въ Дрезденѣ мы остановились на недѣлю, Бѣлинскій заказывалъ бѣлье и, бо́льшей частью, лежалъ на диванѣ своей комнаты съ книгой въ рукѣ. Онъ равнодушно гулялъ по берегу Эльбы, осматривалъ безучастно городъ, зашелъ и въ Grüne-Gewölbe, которая своими дорогими дѣтскими игрушками и сокровищами пробудила его вниманіе съ тѣмъ, чтобы привести его почти въ негодованіе, и, наконецъ, раза два побывалъ въ Картинной Галереѣ. Здѣсь, по принятому обыкновенію тури-

Digitized by Google

стовъ, онъ также садился передъ Сикстинской Мадонной, но вынесъ впечатлѣніе, совершенно противное тому, какое они обыкновенно испытываютъ при этомъ и затѣмъ описываютъ. Онъ первый, кажется, не пришелъ въ восторгъ отъ ея небеснаго спокойствія и равнодушія, а, напротивъ, ужаснулся ему, что̀ было также косвеннымъ признаніемъ геніальности мастера, создавшаго этотъ типъ. Въ дрезденской же галереѣ испытывалъ онъ и другое эстетическое горе: онъ наткнулся тамъ на маленькій chef-d'oeuvre Рубенса—«Судъ Париса», въ которомъ роль Венеры и обнаженныхъ ея соперницъ играли три фламандскія красавицы, снятыя съ натуры съ поразительной вѣрностью и реализмомъ. Бѣлинскій, привыкшій понимать Венеръ и греческихъ женщинъ, какъ осуществленіе идеальной красоты на землѣ, очутился тутъ передъ тремя нагими матронами, пышущими здоровьемъ, упитанными и тучными, какъ огороды и сады ихъ отечества, будущими матерями здоровыхъ бургомистровъ и фабрикантовъ. Живописный реализмъ возбудилъ отвращеніе у поклонника реализма литературнаго. Онъ не могъ помириться съ картиной, какъ ни указывали ему на изумительный колоритъ ея, на жизненность этихъ тѣлъ, отъ которыхъ, кажется, еще вѣяло тепломъ, какъ и отъ бархатныхъ, парчевыхъ одѣяній, утрехтскаго издѣлія, только-что ими покинутыхъ, на гармонію, рельефность всѣхъ ея частей,—Бѣлинскій стоялъ въ недоумѣніи и продолжалъ называть Рубенса поэтомъ мясниковъ. Только нѣсколько позднѣе, когда указали ему, въ большой гравюрѣ, на другую картину того же мастера: «Торжество Вакха», на этотъ пиръ, въ которомъ всѣ фигуры, начиная съ опьянѣвшаго тигра, до послѣдней вакханки, охвачены столько же хмѣлемъ виноградныхъ гроздій, сколько и безграничной радостью молодой жизни, открывшей возможность наслажденія на землѣ, Бѣлинскій пришелъ въ изумленіе отъ силы рисунка, смѣлости мотивовъ, отъ идеи, доведенной до высшей степени ея пафоса и выраженія. Когда замѣтили ему, что картина принадлежитъ той же рукѣ, которая произвела и «Судъ Париса», Бѣлинскій добродушно замѣтилъ: «Ну, значитъ, я навралъ, да съ меня нечего взять — я вѣдь олухъ въ этихъ дѣлахъ».

Съ недоразумѣніями подобнаго рода мнѣ приходилось встрѣчаться не разъ и потомъ, и слышать — напримѣръ, отъ Г.— остроумныя выходки противъ манеры католическихъ живописцевъ помѣщать святыхъ на облакахъ въ *сидячемъ положеніи*, низводить ангеловъ на землю и заставлять ихъ играть на арфахъ, лютняхъ и скрипкахъ, и проч., и проч. Все это казалось крайне

Digitized by Google

ненатуральнымъ и чудовищнымъ тѣмъ самымъ людямъ, которые въ литературныхъ произведеніяхъ нисколько не возмущались, когда встрѣчали описанія сновъ, тайныхъ разговоровъ влюбленныхъ, мимолетныхъ психическихъ ощущеній, что̀ все должно бы оставаться, по настоящему, секретомъ и для авторовъ, которые сами не могли ничего подобнаго ни подглядѣть, ни подслушать. То кажется несомнѣннымъ, что для пониманія какъ литературныхъ, такъ и пластическихъ созданій, необходимо свыкнуться съ ихъ обычными пріемами, помириться съ нелогичностью нѣкоторыхъ изъ нихъ и признать въ нихъ авторитетную силу для своей мысли. Но подчиненность такого рода особенно противна, когда она является не въ видѣ навыка, полученнаго съ незапамятнаго времени, а требуется прежде всего отъ человѣка, какъ начало премудрости, безъ котораго нечего и приступать къ сужденію о предметахъ искусства. Можетъ быть, это обстоятельство именно и подсказало оригинальное рѣшеніе Бѣлинскому, когда, прибывъ въ Кёльнъ, онъ не пожелалъ видѣть знаменитой абсиды его собора, тогда еще недостроеннаго. Онъ мимоходомъ взглянулъ на нее снаружи, уже проѣздомъ на станцію желѣзной дороги, и только сказалъ: «Обширное помѣщеніе, нечего сказать, для католической идеи, которая тамъ должна была проживать».

Парижъ оказался уже не подъ силу Бѣлинскому. Съ первыхъ же дней лихорадочное движеніе толпы, днемъ и ночью шумящіе и ослѣпляющіе кафе и магазины, суета и говоръ, возстающіе съ ранняго утра, и толки, перекрестнымъ огнемъ раздающіеся со всѣхъ сторонъ, утомили его скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Проѣхавъ по улицамъ и площадямъ Парижа, побывавъ нѣсколько (немного) разъ въ его операхъ и театрахъ, онъ почувствовалъ почти тотчасъ же необходимость скрыться куда-нибудь отъ этого неумолкающаго праздника. Онъ нашелъ два пріюта: за письменнымъ столомъ въ своей комнатѣ, на которомъ писалъ много и долго къ женѣ — во-первыхъ, и въ семьѣ Г., гдѣ М. Ѳ. К. и хозяйка окружали его попеченіями и успѣвали разглаживать морщины, наведенныя усталостью отъ зрѣлища мятущихся людей, цѣлей и намѣреній которыхъ угадать нельзя.

Впечатлѣніе, произведенное на него Парижемъ, было вообще, такъ-сказать, удивленно-грустное. «Все въ немъ, — говорилъ Бѣлинскій, — должно принимать громадные размѣры: алчность, развратъ и легкомысліе, также точно какъ и разработка идей и знаній, и благородные порывы, и стремленія, — да разобраться въ этомъ омутѣ и узнать, чего въ немъ больше — дѣло

Digitized by Google

очень трудное». Онъ не разъ спрашивалъ у друзей: въ самомъ ли дѣлѣ необходимы для цивилизаціи такіе громадные, умопомрачающіе центры населенія, какъ Парижъ, Лондонъ и др.

Конечно, окружающіе Бѣлинскаго поспѣшили открыть ему тѣ источники, которыми питается движеніе Парижа, такъ много удивившее его: именно—музеи, лекціи, сходки и проч. Бѣлинскій слѣдовалъ покорно за своими вожатаями, но, видимо, смотрѣлъ на это, какъ на исполненіе долга, какъ на нѣчто схожее съ праздничными *визитами* по начальству. Не трудно было подмѣтить его благодарный взглядъ всякій разъ, когда его освобождали отъ этого, своего рода спѣшнаго нагляднаго обученія и замѣняли его сокращеннымъ изложеніемъ того или другого любопытнаго явленія въ литературѣ, наукѣ или жизни. Всего болѣе интересовался онъ вопросомъ, какого результата въ будущемъ слѣдуетъ ожидать отъ всѣхъ этихъ начинаній, къ какимъ положительнымъ выводамъ можно придти относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи уже и теперь, на основаніи существующихъ данныхъ, — словомъ, какъ велика сумма общечеловѣческихъ надеждъ, носимыхъ въ себѣ всей этой видимой культурой? Отвѣтовъ получено было много и, бо́льшею частью, самыхъ благопріятныхъ для грядущихъ поколѣній, за исключеніемъ только мнѣнія Г. по этому предмету, которое особенной вѣры въ силу современныхъ людей и ихъ способности къ прогрессу не обнаруживало. Бѣлинскій оставался, такимъ образомъ, между двумя противоположными сужденіями о предметѣ, который его занималъ. Не считая самого себя достаточно подготовленнымъ для разрѣшенія вопроса собственной мыслью, онъ покинулъ Парижъ съ неяснымъ представленіемъ дѣла, которое дѣлалъ городъ. Да и кто могъ тогда ясно видѣть, что́ готовится въ немъ, или предсказать, что́ несетъ ему ближайшій, наступающій день исторіи?

Вообще, насколько становился Бѣлинскій снисходительнѣе къ русскому міру, настолько строже и взыскательнѣе относился къ заграничному. Съ нимъ случилось то, что́ потомъ не разъ повторялось со многими изъ нашихъ самыхъ рьяныхъ западниковъ, когда они дѣлались туристами: они чувствовали себя какъ-бы обманутыми Европой, смотрѣли на нее съ упрекомъ, какъ будто она не сдержала тѣхъ обѣщаній, какія надавала имъ втихомолку. Это обычное явленіе объясняется довольно просто. Сухая, дѣловая, часто ограниченная и невѣжественная и всегда мелочная—плутоватая толпа новыхъ людей первая встрѣчала заграницей путешественниковъ и, случалось, довольно долго дер-

Digitized by Google

жала ихъ въ средѣ своей, прежде чѣмъ они переходили къ явленіямъ и порядкамъ высшаго строя жизни. Но тогда они уже расположены были требовать у послѣднихъ отчета за всю видѣнную прежде пошлость и возлагать на эти явленія отвѣтственность за все то безобразное и ничтожное, которое не было уничтожено ихъ вліяніемъ. Бѣлинскій не избѣгъ общей участи путешественниковъ. Подъ впечатлѣніемъ скучнаго процесса своего леченія и особенно подъ впечатлѣніемъ зрѣлища громадной людской массы, не имѣющей и предчувствія тѣхъ идей и началъ, которыя возвѣщались міру отъ ея имени, Бѣлинскій давалъ мрачный отчетъ о заграничномъ своемъ житьѣ-бытьѣ друзьямъ въ Москвѣ—и напугалъ ихъ. Имъ показалось, что онъ можетъ вернуться домой скептикомъ по отношенію къ европейской культурѣ вообще, и въ дальнѣйшей своей дѣятельности, даже нехотя и противъ своей воли, способствовать при такомъ настроеніи распространенію надменныхъ взглядовъ на западную цивилизацію, уже существующихъ въ русскомъ обществѣ. Опасенія свои они сообщили и самому Бѣлинскому. Одинъ изъ нихъ—В. П. Боткинъ писалъ:

«Москва. 19 іюля, 1847. Сегодня получилъ твое письмо изъ Дрездена, милый мой Виссаріонъ... Понимаю твое отвращеніе отъ Германіи, Бѣлинскій,—очень понимаю, хоть и не раздѣляю его. Я не могу жить въ Германіи, потому что нѣмецкая общественность не соотвѣтствуетъ ни моимъ убѣжденіямъ, ни моимъ симпатіямъ, потому что нравы ея грубы, что въ ней мало такта дѣйствительности и реальности и такъ далѣе, но я не изрекаю ей такого приговора, какъ ты—и относительно дурныхъ и хорошихъ сторонъ народовъ придерживаюсь нѣсколько эклектизма. Понимаю твою скуку; я и здоровый захворалъ бы отъ скуки, проведя полтора мѣсяца въ Германіи, а ты еще провелъ ихъ въ Силезіи, въ Сальцбрунѣ! Парижъ, я надѣюсь, постоитъ за себя. Но за чѣмъ тебѣ видѣть тамъ однихъ только *конституціонныхъ подлецовъ?* Тамъ есть много такого, что по-существеннѣе и поинтереснѣе ихъ. Политическія очки не всегда показываютъ вещи въ настоящемъ свѣтѣ, особенно если эти очки сдѣланы изъ принятыхъ заочно доктринъ. Часто и домороченныя доктрины заставляютъ городить вздоръ (что доказываетъ книга Луи Блана; съ твоимъ умнымъ мнѣніемъ о немъ совершенно согласенъ), а бѣда, если нашъ братъ пріѣзжаетъ въ страну съ заранѣе вычитанною доктриною... Получа твое письмо, я тотчасъ побѣжалъ подѣлиться имъ съ Коршемъ и сегодня пошлю его къ Грановскому... Ты получилъ письмо отъ Гоголя?

Digitized by Google

По разсказамъ—это письмо показываетъ, что Гоголь потерялъ, наконецъ, смыслъ къ самымъ простымъ вещамъ и дѣламъ... Сейчасъ получаю твое ко мнѣ письмо обратно отъ Грановскаго; онъ не доволенъ имъ и боится, чтобы ты съ твоей теперешней точки зрѣнія на Германію и Францію не сталъ бы писать о нихъ, воротясь въ Россію. Въ самомъ дѣлѣ—это было бы большимъ торжествомъ для нашихъ невѣждъ и мерзавцевъ. О цензурныхъ обстоятельствахъ, надѣюсь, тебѣ сообщилъ уже Некрасовъ, и ты, конечно, уже знаешь, что теперь Ж. Зандъ не будетъ читаться на русскомъ языкѣ...» и т. д.

Не трудно было окружающимъ Бѣлинскаго, къ которымъ московскіе друзья тоже обращались съ запросами о нравственномъ его состояніи, разъяснить, что въ основаніи всѣхъ его нареканій на заграничную жизнь лежитъ совсѣмъ не враждебное Европѣ чувство, а скорѣе чувство нѣжное къ ней, раздосадованное только тѣмъ именно, что должно сдерживать, ограничивать себя и подавлять свои порывы.

Настроеніе, однакоже, не прошло у Бѣлинскаго безслѣдно. О мозговомъ раздраженіи русской либеральной колоніи, съ ея заботами объ устроеніи для себя наилучшаго умственнаго комфорта, причемъ, конечно, не могли быть забыты ею и эффектныя подробности изъ современныхъ открытій—уже и говорить нечего. Бѣлинскій не обратилъ на колонію никакого вниманія, какъ на дѣло, извѣстное ему по опыту—и у себя дома [1]).

Мы слышали, что позднѣе и уже находясь въ Петербургѣ, Бѣлинскій принялъ извѣстіе о революціи 48-го года въ Парижѣ почти съ ужасомъ. Она показалась ему неожиданностію, оскорбительной для репутаціи тѣхъ умовъ, которые занимались изученіемъ общественнаго положенія Франціи и не видѣли ея приближенія. Горько пенялъ онъ на своихъ парижскихъ друзей, даже и не заикнувшихся передъ нимъ о возможности близкаго политическаго переворота, который, какъ оказалось, и былъ настоящимъ дѣломъ эпохи. Этотъ недостатокъ предвидѣнья, по мнѣнію Бѣлинскаго, превращалъ людей или въ рабовъ, или въ беззащитныя жертвы одного внѣшняго случая. Упреки были справедливы, но надо сказать, что окончательная форма переворота была неожиданностію и для тѣхъ, кто его устроилъ.

---

[1]) Къ польскому вопросу Бѣлинскій всегда относился только съ *гуманной* точки зрѣнія, находя, что жертвы исторіи и собственныхъ грѣховъ могутъ возбуждать глубокое состраданіе, какъ вообще и всѣ угасшія національности прежнихъ эпохъ.—Политической стороны польскаго вопроса онъ никогда не касался и постоянно обходилъ его съ равнодушіемъ.

Digitized by Google

Жена Г., по инстинкту женскаго сердца, поняла, между прочимъ, Бѣлинскаго, заѣхавшаго въ Парижъ, лучше и скорѣе всѣхъ другихъ. Она собрала маленькую и хорошо подобранную коллекцію «образовательныхъ» игрушекъ, уже существовавшихъ тогда въ Парижѣ, хотя и безъ систематизаціи ихъ, и подарила ее дочери Бѣлинскаго. Между подарками были зоологическіе альбомы съ великолѣпными рисунками животныхъ всѣхъ поясовъ земли, которыми Бѣлинскій не уставалъ восхищаться. Онъ мечталъ о воспитаніи дочери на естествознаніи и точныхъ наукахъ. Между прочимъ, онъ въ это время нашелъ игрушку и для самого себя. Фланируя по улицамъ, онъ наткнулся въ одномъ магазинѣ готовыхъ платьевъ на изумительно пестрый халатъ съ огромными красными разводами по бѣлому фуляровому полю— и влюбился въ него. Халатъ былъ именно той *выставочной* вещью, которую магазины нарочно заказываютъ, съ цѣлью огорошить проходящаго и остановить его передъ своими зеркальными стеклами. Бѣлинскій почувствовалъ родъ влеченія къ этому предмету, долго колебался и наконецъ купилъ его, серьёзно растолковывая намъ, что предметъ совершенно необходимъ ему для утреннихъ работъ въ Петербургѣ. Подробность заслуживаетъ упоминовенія потому, что этотъ несчастный халатъ надѣлалъ потомъ много хлопотъ ему и мнѣ.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ отъѣзду Бѣлинскаго въ Россію, о чемъ онъ уже сталъ мечтать чуть ли не со дня своего появленія въ Парижѣ, возникалъ вопросъ о способахъ удобнѣйшаго отправленія его на родину, такъ какъ предоставить Бѣлинскаго самому себѣ въ этомъ дѣлѣ не было возможности, по малой его опытности и неспособности бесѣдовать на иностранныхъ діалектахъ. Рѣшеніе вопроса было уже принято, когда представилась возможность дать Бѣлинскому благонадежнаго сопутника и вмѣстѣ оказать услугу честному старику, занимавшему важную въ Парижѣ должность «portier»— привратника въ нашемъ домѣ. Старика, очень строгаго къ *простымъ* жильцамъ, которые поздно возвращались домой, и привязавшагося къ русскимъ своимъ пансіонерамъ какъ-то страстно и безотчетно—звали Фредерикъ. Онъ былъ родомъ нѣмецъ изъ Саксоніи, свершилъ походъ 12-го года въ Россію съ арміей Наполеона, попалъ въ ординарцы къ губернатору Москвы маршалу Даву, что и помогло ему возвратиться цѣлымъ и невредимымъ въ Парижъ, гдѣ онъ и поселился. Онъ охотно, особенно подъ хмѣлькомъ, разсказывалъ объ ужасахъ, какіе онъ видѣлъ на пути въ Россію, и изъ Россіи и въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

Digitized by Google

онъ сгоралъ желаніемъ побывать на родинѣ (гдѣ-то около Лейпцига), которой не видалъ уже болѣе 35 лѣтъ, и, когда я предложилъ ему, подъ условіемъ сперва довезти моего пріятеля до Берлина, посѣтить на нашъ счетъ свой фатерландъ и затѣмъ возвратиться назадъ къ мѣсту, которое покамѣстъ будетъ блюсти его супруга (толстая и величественная баба), старикъ какъ-то присѣлъ, положилъ обѣ руки между колѣнъ и, легко подпрыгивая, могъ только нѣсколько разъ промычать: «Oui, Monsieur! Ah, Monsieur!.. Для Бѣлинскаго нашелся надежный проводникъ, говорившій по-нѣмецки и по-французски, и готовый беречь его особу и особенно его кошелекъ, какъ честь знамени или пароль, полученный отъ своего шефа.

Въ Парижъ пришелъ также и отвѣтъ Гоголя на письмо Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна. Грустно замѣчалъ въ немъ Гоголь, что опять повторилась старая русская исторія, по которой одно неосновательное убѣжденіе или слѣпое увлеченіе непремѣнно вызываетъ съ противной стороны другое, еще болѣе рискованное и преувеличенное, посылалъ своему критику желаніе душевнаго спокойствія и возстановленія силъ и разбавлялъ все это мыслями о серьёзности вѣка, занимающагося идеей полнѣйшаго построенія жизни, какого еще и не было прежде. Что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ построеніемъ — письмо не высказывало и вообще не отличалось ясностію изложенія. Бѣлинскій не питалъ злобы и ненависти лично къ автору «Переписки», прочелъ съ участіемъ его письмо и замѣтилъ только: «какая запутанная рѣчь; да, онъ долженъ быть очень несчастливъ въ эту минуту».

День отъѣзда изъ Парижа, послѣ предварительнаго совѣщанія съ друзьями, былъ назначенъ окончательно. Наканунѣ его, вечеромъ, Бѣлинскій посидѣлъ еще разъ на любимомъ своемъ мѣстѣ, на мраморныхъ ступенькахъ террасы, окружающей площадь Согласія, «de la Concorde», задумчиво смотря на луксорскій обелискъ посреди площади, на Тюльери, выступавшій фасадомъ и куполомъ изъ каштановаго сада своего, на мостъ черезъ Сену и Бурбонскій дворецъ за нимъ, обратившійся въ палату депутатовъ, и вспоминая страшныя сцены и драмы, нѣкогда разыгрывавшіяся въ этихъ мѣстахъ. Поздно ночью, послѣ прощанія у Г., возвратились мы домой. Все было тамъ уложено и приготовлено съ помощью Фредерика, и на другой день въ 5 часовъ утра мы были уже на ногахъ, а въ половинѣ 6-го—и въ каретѣ, которая должна была доставить насъ на дебаркадеръ дальней сѣверной желѣзной дороги. Уже подъѣзжая къ ней и за какіе-нибудь четверть часа до отхода самаго поѣзда, мнѣ

Digitized by Google

вздумалось спросить Бѣлинскаго: «захватили ли вы халатъ?» Бѣдный путешественникъ вздрогнулъ и глухимъ голосомъ произнесъ — «забылъ, онъ остался въ вашей комнатѣ, на диванѣ». —Ну,—отвѣчалъ я,— бѣда не большая, я вамъ перешлю его въ Берлинъ. Но упустить халатъ изъ рукъ показалось Бѣлинскому невыносимымъ горемъ. Надо было видѣть ту печальную мину и слышать тотъ умоляющій голосъ, съ которыми онъ сказалъ мнѣ: нельзя ли теперь? Отказать ему не было возможности безъ уничтоженья въ его умѣ всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній вояжа. Я призвалъ на помощь русское авось, остановилъ карету и послалъ Фредерика скакать, въ первомъ попавшемся фіакрѣ, домой что̀ есть мочи, подобрать халатъ и застать насъ еще на станціи. Простѣе было бы отложить поѣздку до завтра, но мной завладѣлъ тоже нѣкотораго рода азартъ и желаніе одолѣть помѣху, во что бы то ни стало. Русское авось однако же измѣнило на этотъ разъ. Я едва успѣлъ взять билетъ для Бѣлинскаго, распорядиться съ его багажемъ, какъ пробилъ третій звонокъ, а Фредерика не было. Извѣстно, что на французскихъ дорогахъ царствуетъ или царствовалъ военный распорядокъ, такъ что подъ криками и командами кондукторовъ мнѣ всегда казалось, что я скорѣе на бастіонѣ крѣпости, чѣмъ на мирномъ дебаркадерѣ желѣзной дороги. На этотъ разъ командующіе бастіономъ были еще суровѣе обыкновеннаго. Въ растворенную дверь настежь, по третьему звонку гнали они теперь толпу пассажировъ на террасу съ такимъ неистовствомъ, что можно было подумать: нѣтъ ли у насъ сзади непріятельской артиллеріи и казаковъ: allez, passez, dépêchez-vous! Я шепнулъ Бѣлинскому, чтобъ оставилъ адресъ свой въ Брюсселѣ на станціи и ждалъ тамъ Фредерика; затѣмъ его втиснули въ толпу, изъ которой онъ вылетѣлъ на террасу, но меня, какъ не имѣющаго билета, уже не пустили туда: права провожать своихъ знакомыхъ и родныхъ граждане Парижа тогда не имѣли, да кажется и теперь не имѣютъ. Что̀ происходило затѣмъ съ Бѣлинскимъ на террасѣ, онъ описалъ мнѣ потомъ изъ Брюсселя. Измученный, надорванный шумомъ, суетой, толчками, онъ остановился съ билетомъ въ рукахъ на террасѣ, тяжело дыша и не зная, куда направиться. Тутъ усмотрѣлъ его одинъ изъ бѣшеныхъ кондукторовъ, рыскавшихъ на террасѣ, замѣтилъ билетъ и съ восклицаніемъ: mais que faites vous là, sacrebleu?— потащилъ его за руку и бросилъ въ первый попавшійся вагонъ поѣзда, который уже тронулся. Такъ онъ и доѣхалъ до Брюсселя, но на пути повстрѣчался съ новымъ происшествіемъ. Бельгійская таможня, раскрывъ его чемоданъ, увидала коллекцію

Digitized by Google

игрушекъ, подлежащую пошлинѣ, и потребовала отъ него опредѣленія цѣнности этого добра. Вмѣсто отвѣта, Бѣлинскій сталъ объяснять, какъ умѣлъ, что цѣнности вещей не знаетъ, такъ какъ это подарокъ одной прекрасной дамы въ Парижѣ и т. д., а наконецъ и вовсе замолчалъ. Надо отдать справедливость таможенному чиновнику: посмотрѣвъ на нѣмого и сконфуженнаго человѣка, который стоялъ передъ нимъ, онъ прозрѣлъ, что имѣетъ дѣло не съ контрабандистомъ и, захлопнувъ чемоданъ, не взялъ никакой пошлины. Бѣлинскій изъяснялъ иначе великодушіе чиновника и довольно уморительнымъ образомъ: «догадавшись, что я глупъ до святости,—писалъ онъ,—онъ сжалился надо мной и оставилъ меня въ покоѣ». На другой день Фредерикъ, чуть не плакавшій отъ неудачи, повезъ ему въ Брюссель знаменитый халатъ, легко отыскалъ тамъ многострадальнаго путешественника, благополучно препроводилъ его въ Берлинъ, гдѣ и сдалъ съ рукъ на руки Д. М. Щепкину, молодому, рано умершему и замѣчательному ученому по археологіи и миѳологіи. Въ Петербургѣ Бѣлинскій явился къ изумленію и радости своихъ знакомыхъ гораздо свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ выѣхалъ изъ него, но радость ихъ была не продолжительна...

П. Анненковъ.

Digitized by Google

РУССКІЙ РАСКОЛЪ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Историческіе очерки изъ новѣйшаго времени.

Окончаніе.

IV *).

О дѣйствіяхъ нашего высшаго духовнаго правительства—синода—мы уже имѣли случай замѣтить, что съ самаго начала царствованія имп. Николая синодъ почти вовсе не участвовалъ въ общихъ мѣрахъ противъ раскола. Все это время онъ разрѣшалъ одни частные вопросы о совершеніи браковъ старообрядцевъ съ православными, объ отвѣтственности бѣглыхъ поповъ, распоряжался заточеніемъ для увѣщанія старообрядцевъ, посылаемыхъ свѣтскою властью. Но касательно обращенія старообрядцевъ синодъ тѣмъ не менѣе дѣлалъ по временамъ распоряженія о посылкѣ противораскольническихъ миссій и сочиненій. Такъ, онъ посылалъ знакомыхъ съ исторіею раскола миссіонеровъ въ пермскую губернію, саратовскую, тамбовскую. Указомъ 19 марта 1839 г. онъ выписалъ изъ высоковскаго монастыря нѣсколько монашествующихъ для совершенія бракосочетанія старообрядцевъ въ черниговской губерніи безъ присоединенія ихъ къ единовѣрію.

*) См. выше: апр. 507 стр.

Digitized by Google

Указомъ 19 декабря 1830 года синодъ дозволилъ крестьянину череповскаго уѣзда, Сѣрову, заниматься обращеніемъ раскольниковъ «частнымъ, а не публичнымъ образомъ», причемъ снабдилъ его изъ московской синодальной типографіи цѣлою библіотекою книгъ, направленныхъ противъ раскола. Въ то же время синодъ зорко слѣдилъ, чтобы присоединеніе раскола къ единовѣрію происходило не иначе, какъ на точномъ исполненіи пунктовъ митрополита Платона, и въ этомъ случаѣ онъ не дѣлалъ ни малѣйшей уступки, несмотря на бездну поступавшихъ къ нему ходатайствъ. Старообрядцы города Николаева въ числѣ 1170 человѣкъ просили синодъ сдѣлать имъ одну уступку — чтобы священники ихъ были избираемы самимъ обществомъ, изъяты были отъ собиранія церковныхъ доходовъ, и чтобы церковь ихъ называлась старообрядческою. Синодъ отказалъ въ этомъ. Оставя это желаніе, николаевцы снова обратились въ синодъ съ ходатайствомъ о соединеніи и просили только объ одномъ: чтобы престолъ церкви ихъ, освященной съ высочайшаго соизволенія въ 1804-мъ году и имѣвшей антиминсъ, въ другой разъ не освящали, такъ какъ повтореніе сего священнаго обряда, говорили просители, «могло бы породить въ нѣкоторыхъ изъ ихъ прихожанъ такое, ничѣмъ не укрощаемое душевное прискорбіе, что яко бы прежнее освященіе ихъ церкви было неправильное». Синодъ и на это не согласился, основываясь на 6-мъ правилѣ св. помѣстнаго собора иже въ Гангрѣ, по которому не признается законнымъ, «аще кто, кромѣ соборной церкве, церковная хощетъ творити» (указъ 10 мая 1832).

Не ушло отъ заботъ синода и то обстоятельство, что церковь теряла значительное число священнослужителей, уходившихъ въ расколъ. Калужскій преосвященный насчитывалъ ихъ въ теченіи 10-ти лѣтъ до двадцати человѣкъ, и объяснялъ это вліяніемъ стародубскихъ раскольническихъ слободъ, постоянно нуждающихся въ священствѣ, а потому очень щедро обезпечивающихъ не только перешедшихъ къ нимъ священниковъ, но даже и ихъ семейства. Тульскій преосвященный отнесся къ дѣлу примѣрно и объяснялъ побѣгъ священниковъ тѣмъ, что низшее духовенство мало образовано и при бѣдныхъ приходахъ скудно обезпечено. Святѣйшій синодъ указомъ 23-го декабря 1836 года приказалъ, чтобы ставленныя грамоты хранились вмѣстѣ съ церковными документами и чтобы благочинные постоянно имѣли надзоръ за священниками, а въ случаѣ выдачи паспортовъ для отлученъ, то у подозрительныхъ отбирали бы ставленныя грамоты и отсылали бы ихъ для храненія въ консисторію.

Digitized by Google

Замѣчательно, что уклоненія въ средѣ духовенства являлись не только между священниками, ради полученія мѣста у старообрядцевъ, но даже среди монашествующихъ, помимо какихъ-либо внѣшнихъ причинъ, а въ силу духовнаго движенія. Разительный примѣръ тому мы видимъ изъ дѣла объ открывшейся въ саратовскомъ Крестовоздвиженскомъ дѣвичьемъ монастырѣ сектѣ, подъ названіемъ «климовской». Впрочемъ, по результатамъ изслѣдованія объ этой сектѣ, можно скорѣе думать, что это была не секта, а просто неудовольствіе монахинь своею настоятельницею, выразившееся объединеніемъ мыслей и религіозныхъ чувствъ въ особой, хотя довольно рѣзкой формѣ. Но происхожденіе ея въ монастырѣ все-таки слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, перешедшихъ туда черезъ послушницъ, собиравшихъ подаяніе на монастырь въ народѣ и брошенныхъ на готовую почву духовной жизни укромнаго дѣвичьяго монастыря. Объ этомъ говоритъ самый составъ этого сектантства, который состоялъ въ слѣдующемъ: а) всѣхъ, кто не принадлежитъ къ климовской сектѣ, почитать нечестивыми и не сообщаться съ ними; б) не полагать крестнаго знаменія надъ яствами, питіями и другими вещами; в) чтеніе книгъ предпочитать молитвѣ; г) не повиноваться настоятельницѣ и стараться сколь возможно не исполнять ея приказаній; и д) осужденіе, клевету, непрестанную борьбу — грѣхомъ не почитать. Кромѣ того, десять послушницъ тотчасъ же вышли изъ монастыря и возвратились въ мѣста своего жительства съ вѣроятною цѣлью проповѣдывать это новое ученіе. Синодъ строго отнесся къ этому дѣлу: монахинь и послушницъ разослалъ по дальнимъ монастырямъ, надъ оставшимися учредилъ строгій надзоръ изъ мѣстнаго духовенства, а саратовскому епархіальному начальству сдѣлалъ строгій выговоръ за слабое по этому дѣлу рѣшеніе и сужденіе.

Если мы остановимся на вопросѣ о правоспособности сектантовъ, то увидимъ, что отношенія къ нимъ были крайне разнообразны. Секты, пріемлющія священство и имѣвшія въ своемъ распоряженіи каменныя церкви и давно прибывшихъ священниковъ, имѣли право открытаго богослуженія, право выѣзда изъ мѣстожительства, могли быть выбираемы въ нѣкоторыя общественныя должности и были сами избирателями на городскихъ и сельскихъ выборахъ. Такими же правами пользовались и секты, хотя не пріемлющія священство, но не почитаемыя за особенно вредныя, лишь бы только ихъ богослуженіе не носило характера «внѣшняго (впрочемъ, весьма неопредѣленнаго) оказательства» для соблазна православныхъ. Совсѣмъ иное мы видимъ въ отно-

Digitized by Google

шенія сектъ, признаваемыхъ особенно вредными. Здѣсь не только нѣтъ права общественнаго богослуженія, но ограничено все — право передвиженія, право на выборы, надъ ними учрежденъ строгій полицейскій надзоръ, наконецъ, малѣйшее распространеніе своей ереси или внѣшнее оказательство ея подвергало виновныхъ отдачѣ въ солдаты или ссылкѣ въ Закавказскій край, въ Сибирь. Но какія же секты признавались особенно вредными и какія считались терпимыми? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ намъ указы 8-го октября 1835 года и 9-го декабря 1842 года, гдѣ собраны были всѣ свѣдѣнія о существовавшихъ тогда въ Россіи сектахъ и въ которыхъ сдѣлана была классификація ихъ по степени приносимаго вреда въ формѣ отрицанія или догматовъ церкви, или внѣшней власти. Мы приведемъ эту классификацію, сдѣланную въ то время правительствомъ, и обратимъ вниманіе, насколько мало еще въ то время знали о существѣ проповѣдуемыхъ сектъ и насколько оказывались несущественными признаки, отличающіе одну секту отъ другой. Въ самомъ дѣлѣ, секты были раздѣлены на три категоріи: вреднѣйшія, вредныя и менѣе вредныя. Къ сектамъ вреднѣйшимъ были отнесены: *іудействующіе*, «ибо это хуже, нежели ересь: это — совершенное отпаденіе отъ христіанства и существенная вражда противъ него»; *молокане*, — хотя, повидимому, держатся св. писанія, но выбираютъ изъ него только то, что̀ имъ нравится; не признаютъ никакихъ таинствъ, никакой іерархіи; не принимая присяги, не уважаютъ вѣрности и никакой власти не признаютъ богопоставленною; повинуются только, поколику нельзя противиться; секта разрушительная»; *духоборцы*, — сколько извѣстно, одинаковаго духа съ молоканами; *хлыстовщина*, — «ересь богохульная, потому что, не отвергая наружнаго общенія съ христіанскою церковью, вводитъ человѣкообожаніе»; *скопцы*, — «также богохульная ересь, потому что начальника секты почитаютъ Христомъ; вредитъ обществу, осуждая бракъ, искажая людей и истребляя потомство; тѣ *безпоповщинскія* секты, «которыя отвергаютъ бракъ и молитву за царя; онѣ пишутъ и произносятъ жестокія хулы на церковь и таинства и всякую власть нынѣшняго времени почитаютъ антихристовою; отвергая бракъ, вводятъ безнравственность». Къ сектамъ вреднымъ были отнесены *тѣ изъ безпоповщины*, «которыя принимаютъ бракъ (новожены) и не отрекаются молиться за царя; по симъ чертамъ могли бы почесться менѣе вредными; но рѣшительно вредны потому, что отвергаютъ священство и таинства евхаристіи, и, кромѣ сказаннаго, «все заимствуютъ отъ худшихъ отраслей безпоповщины и, между прочимъ, духъ демократическій». Наконецъ, къ менѣе

Digitized by Google

вреднымъ отнесена была *поповщина*,—«это не ересь, а расколъ; болѣе церковнаго сохраняетъ и болѣе представляетъ надежды къ обращенію».

Мы не станемъ входить въ разбирательство этой классификаціи раскола, хотя она до сихъ поръ служитъ законнымъ указаніемъ для административныхъ и судебныхъ мѣстъ; но для насъ важно здѣсь то, что правительство еще тогда сознавало всю необходимость ближе ознакомиться съ внутреннимъ содержаніемъ ученій раскола и еще тогда находило необходимымъ сдѣлать градацію въ отвѣтственности, смотря по содержанію этихъ ученій. Правда, попытка въ этомъ родѣ сдѣлана была крайне неудачно; однако и въ ней уже замѣтными чертами выступаютъ признаки преступности раскола, какимъ понимало его тогдашнее правительство. Отверженіе святого писанія, таинствъ, священства, — это признаки противоцерковные; отказъ въ молитвѣ за царя, непризнаніе внѣшней власти и духъ демократическій — это признаки противогосударственные. По тѣмъ и другимъ судилось о степени вреда секты. Слѣдовательно, правительство видѣло тогда въ расколѣ не одинъ только элементъ противоцерковный, не однихъ «церковныхъ мятежниковъ», но и элементъ противогосударственный, противообщественный, «тайныхъ мятежниковъ вообще». Вотъ почему правительство съ такою настойчивостью хотѣло подавить расколъ и за все время послѣдняго царствованія постоянно смотрѣло на него подозрительно. Но если въ расколѣ проявлялись «*внѣшнія* оказательства» церковнаго противничества, то оказательствъ противничества государству и власти не было. Всѣ смятенія и замѣшательства, которыя подавлялись иногда военною силою, и гдѣ замѣшаны были раскольники, вытекали только изъ защиты ими свободы своего богослуженія и вѣрованій; въ отношеніи же власти они всегда были самыми исправными и исполнительными плательщиками. Это отчасти смягчало взглядъ на нихъ правительства. Въ послѣднее десятилѣтіе оно уже не такъ настойчиво стало требовать исполненія предписанныхъ имъ указовъ, а въ послѣдніе годы даже замѣтно охладѣло къ этому дѣлу, которое его такъ прежде озабочивало. Бывали, впрочемъ, случаи, что покойный государь самъ старался склонять старообрядцевъ къ обращенію, но и здѣсь они оставались неизмѣнными. Въ бытность его для осмотра войскъ въ Чугуевѣ ему представлены были шесть депутатовъ отъ старообрядчества. Онъ началъ убѣждать ихъ перейдти въ единовѣріе, на что они изъявили согласіе, но когда, во исполненіе воли государя, приступили-было къ освященію ихъ церкви по чину единовѣрія, то старообрядцы

Digitized by Google

отказались отъ присоединенія и были разосланы по арестантскимъ ротамъ.

Принимались иногда и патріархальныя мѣры противъ раскола. Вотъ, напримѣръ, что́ доноситъ орловскій губернаторъ, отъ 14-го января 1850 года, объ исполненіи возложеннаго на него порученія относительно вразумленія скопцовъ. «При непосредственномъ надзорѣ нарочно командированнаго отъ губернатора чиновника, въ сопровожденіи членовъ земской полиціи и вотчинныхъ начальниковъ, скопцы эти, наряженные въ полный женскій уборъ, носимый мѣстными крестьянками, съ присовокупленіемъ дурацкихъ шаповъ, были водимы по деревнямъ, откуда они родомъ, при многочисленномъ стеченіи крестьянъ обоего пола, которымъ предварительно было разъяснено, что такъ поступается со скопцами, добровольно выбросившими себя изъ числа мужчинъ. Общее произведенное тѣмъ впечатлѣніе на народъ обнаружилось всюду громкимъ единодушнымъ смѣхомъ надъ скопцами. Крестьяне въ одной изъ деревень пѣли при этомъ свадебныя пѣсни, съ язвительнымъ примѣненіемъ ихъ къ скопцамъ, а дѣти съ крикомъ и свистомъ забѣгали впередъ скопцовъ, бросая въ нихъ грязью и всячески издѣваясь надъ ними. Между тѣмъ родственники одного скопца, въ то время какъ проводили его мимо двора ихъ, плакали отъ стыда, а дѣдъ другого скопца, выйдя изъ толпы народной, горько укорялъ внука, что онъ нанесъ посрамленіе всему своему семейству и роду, причемъ прибавилъ еще, что онъ чрезъ оскопленіе продалъ душу свою чорту. То же чувство негодованія выражали и другіе пожилые крестьяне, говоря, что скопцы своимъ отвратительнымъ преступленіемъ обезчестили все ихъ общество, и притомъ присовокупили, что они заслуживали бы гораздо строжайшаго за то взысканія, что правительство слишкомъ еще съ ними милостиво, и что еслибы этихъ безумцевъ поручили имъ, то они распорядились бы съ ними иначе». Что же касается того, какое впечатлѣніе произвела эта мѣра на самихъ скопцовъ, то губернаторъ доноситъ слѣдующее: «Въ то время, какъ ихъ водили сказаннымъ образомъ, въ нихъ замѣтна была нѣкоторая стыдливость, но впослѣдствіи они оставались совершенно равнодушными къ оказанному имъ презрѣнію, говоря, что, ради спасенія души, они вытерпѣли боль операціи, а теперь чего не стерпятъ». Само собою разумѣется, что эту мѣру нельзя было считать серьёзнымъ дѣломъ. Болѣе дѣйствительныя мѣры были приняты противъ сильно распространявшейся въ то время скопческой секты по указу 10-го іюля 1850 года, когда повелѣно было виновныхъ въ оскопленіи

Digitized by Google

самихъ себя и всѣхъ принадлежащихъ къ сектѣ — ссылать въ крѣпостную работу на Аландскіе острова: распространителей — въ каторжную работу въ рудники, распространителей съ насиліемъ — въ каторжную работу безъ срока и наказаніемъ плетьми.

Конецъ царствованія императора Николая былъ такъ же послѣдователенъ въ отношеніи раскола, какъ и его начало. Часовни, молельни, церкви за ветхостью закрывались; благотворительныя заведенія передавались въ приказы общественнаго призрѣнія, для мѣстъ, гдѣ особенно былъ распространенъ расколъ въ черниговской, олонецкой, саратовской губерніи, увеличены были штаты полиціи, наконецъ, когда старообрядцы саратовской губерніи бросили свои дома для переселенія за-границу, государь приказалъ остановить ихъ и въ случаѣ надобности подъ конвоемъ войскъ вернуть на мѣстожительство. Но въ чемъ грѣшила старая система, то это въ томъ, что было предоставлено широкое поле административной распорядительности, взамѣнъ строго-выработанныхъ законодательныхъ опредѣленій. Все вращается около такихъ эластичныхъ понятій, какъ «внѣшнее оказательство», «болѣе или менѣе вредныя секты», «полиція должна стараться всѣми зависящими отъ нея мѣрами прекращать соблазны», «духовенству ставится въ обязанность назидать и вразумлять православныхъ»; но нигдѣ не указывается ни на точное опредѣленіе границъ вѣротерпимости, ни на строгое опредѣленіе ограничительныхъ правъ уклонившихся, ни даже на точное опредѣленіе уголовной отвѣтственности ихъ. Но уже въ концѣ своего царствованія императоръ Николай сталъ замѣчать всю несообразность такого положенія дѣлъ, и уже тогда увидалъ, что рядъ высочайше утвержденныхъ постановленій секретнаго комитета, комитета министровъ, докладовъ министра внутреннихъ дѣлъ, и притомъ всегда возникавшихъ по частному случаю,—не представлялъ изъ себя чего-либо цѣльнаго, систему, что онъ лишенъ былъ связи, и даже какого-либо руководящаго начала. Къ тому же, усиленный надзоръ за раскольниками потребовалъ организаціи множества отдѣльныхъ установленій, высшихъ и низшихъ, которыя, по существу дѣла и по заведенному порядку секретнаго производства и тайныхъ сношеній, не могли имѣть той необходимой связи, которая могла бы обусловить единство направленія въ ходѣ принимаемыхъ противъ раскола мѣръ. Достаточно сказать, что расколомъ завѣдывали: низшіе чины полиціи, въ иныхъ мѣстахъ въ усиленномъ составѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ губернаторовъ; все низшее духовенство и консисторіи съ архіереемъ во главѣ; мѣстные се-

Digitized by Google

крѣпкіе совѣщательные комитеты, состоящіе изъ архіерея, губернатора, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и жандармскаго штабъ-офицера; секретный комитетъ въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ митрополита; особый секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Блудова; наконецъ, кромѣ того, дѣлами раскола вѣдали: синодъ, комитетъ министровъ, особое отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ и все Третье отдѣленіе Собственной канцеляріи. Низшія мѣста собирали «изъ подъ руки», свѣдѣнія, возбуждали дѣла «о внѣшнихъ оказательствахъ» и о совратителяхъ; высшія разсматривали эти дѣла и доношенія, давали заключенія, дѣлали по этимъ частнымъ случаямъ особыя распоряженія, но каждое вѣдомство отдѣльно и притомъ весьма часто противорѣча одно другому; наконецъ, постановлялись рѣшенія, почти всегда несоотвѣтствующія ни общимъ законамъ, ни предъидущимъ рѣшеніямъ. Вотъ почему направленная на расколъ система покойнаго государя, если была крѣпка административною силою, числомъ наблюдающихъ учрежденій, количествомъ надзирающихъ чиновниковъ,—то вмѣстѣ съ тѣмъ она на дѣлѣ была слаба разрозненностью въ частныхъ примѣненіяхъ общихъ положеній, невыработанностью этихъ послѣднихъ, наконецъ, крайнею сложностью самого административнаго механизма. Главное то, что всѣ смотрѣли тогда на расколъ не какъ на что-либо особенное въ государствѣ, не какъ на организацію полную особыхъ свойствъ и весьма опредѣленнаго направленія, а просто-на-просто какъ на административный безпорядокъ, который долженъ быть потому прекращенъ все тѣми же административными средствами. Тогдашнее правительство не охотно допускало въ отношеніи раскола законодательныя опредѣленія; оно оставляло его въ вѣдѣніи администраціи и всѣ мѣры противъ него признавало только временными, впредь до прекращенія этого, по тогдашнимъ взглядамъ, скоропреходящаго явленія. Что это было такъ, достаточно указать на то, что въ апрѣлѣ 1853 года министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ покойному государю о необходимости приводить въ исполненіе мѣры противъ раскольниковъ безъ всякихъ оглашеній, «въ видѣ точнаго исполненія законнаго порядка, а статьи изъ свода законовъ о раскольникахъ, при будущемъ изданіи свода или вовсе исключить, или ограничиться одними общими постановленіями въ духѣ принимаемыхъ мѣръ». Правда, государь не согласился на это и собственноручно написалъ: «Вошедшія уже въ сводъ статьи исключать нельзя, но строго исполнять то, что противъ раскола тутъ же постановлено»; но когда 2-ое Отдѣленіе Собственной канцеляріи встрѣтило при составленіи продол-

Digitized by Google

женія свода противорѣчіе между вновь вышедшими высочайшими повелѣніями и старыми статьями закона, и внесло въ апрѣлѣ 1854 г. записку въ комитетъ о необходимости согласованія всего законодательства о расколѣ, то комитетъ отвергъ это предложеніе, и высказалъ тогда такую мысль: «Вся принятая система въ отношеніи къ раскольникамъ должна до времени оставаться государственною тайною, и даже изъ положительно указанныхъ мѣръ и правилъ оказалось нужнымъ только нѣкоторыя привести въ немедленное исполненіе повсюду, а другія вводить постепенно». Въ виду этого комитетъ находилъ, что «не настоитъ надобности вносить сіи мѣры въ готовое уже къ изданію продолженіе свода законовъ, тѣмъ болѣе, что когда начинаютъ обращаться раскольники къ церкви въ лицѣ людей, имѣющихъ между ними общественное значеніе, то сіе подаетъ надежду на дальнѣйшій успѣхъ въ семъ важномъ дѣлѣ и что, можетъ быть, надобность въ нѣкоторыхъ мѣрахъ прекратится, такимъ образомъ, сама собою». Разумѣется, это былъ одинъ изъ «обольщающихъ обмановъ» того времени; расколъ росъ и количественно, и качественно, все бо́льшимъ и бо́льшимъ развѣтвленіемъ новыхъ сектъ, хотя съ формальной стороны, чрезъ весь этотъ строй установленій наблюдающихъ, развѣдывающихъ, карающихъ, проходило одно заключеніе, что «все обстоитъ благополучно».

Не желая опредѣлять положеніе раскола болѣе твердыми законодательными нормами, тѣмъ не менѣе правительство той эпохи, какъ говорило само, сознавало всю необходимость приведенія въ нѣкоторый порядокъ и систему массу принятыхъ противъ раскола мѣръ. Дѣломъ этимъ, какъ извѣстно, занимался особый секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Блудова. Онъ выработалъ къ 1853 году общія правила, и хотя за наступленіемъ новаго царствованія они не были приведены въ полномъ составѣ въ дѣйствіе, но мы представимъ изъ нихъ выдержки, чтобы показать, насколько ушло впередъ, въ смыслѣ облегченія участи, современное положеніе раскольниковъ.

Мѣры 1853 года заключались въ слѣдующемъ: 1) Предположено было, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ вѣдомствомъ, приступить къ приведенію въ извѣстность точнаго состоянія раскола съ обнаруженіемъ всѣхъ сторонъ его съ тѣмъ, чтобы этими свѣдѣніями могли пользоваться «церковь для духовнаго нравственнаго дѣйствія на раскольниковъ, а гражданское начальство для прекращенія безпорядковъ, коими главные водители раскола увлекаютъ въ оный простолюдиновъ». 2) Установлено было, съ увеличеніемъ штата полиціи въ мѣстахъ

Digitized by Google

распространенія раскола, вмѣнить ей въ обязанность составленіе подворныхъ описей всѣмъ жителямъ, съ показаніемъ случаевъ рожденія, брака и смерти и со внесеніемъ въ тѣ же описи раскольниковъ. Этимъ постановленіемъ имѣлось въ виду достигнуть какъ приведеніе въ извѣстность количества раскольниковъ, такъ равно и стремленіе привести ихъ «къ убѣжденію, что они не составляютъ особаго какого-либо сословія, а подчиняются въ этомъ случаѣ общему порядку». 3) Предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ право постепенно упразднять скиты, монастыри, кладбищенскія заведенія, подъ какимъ бы видомъ они ни существовали и притомъ безъ всякаго исключенія. Для ускоренія исполненія этого постановленія предполагалось тѣхъ изъ жителей скитовъ, которые имѣютъ болѣе 60 лѣтъ, переводить въ богоугодныя заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія, а моложе этихъ лѣтъ водворять на мѣсто жительства, гдѣ поручено было бы полиціи и помѣщикамъ не дозволять имъ отлучки и слѣдить, чтобы они «не возбуждали какихъ-либо новыхъ безпорядковъ по расколу». 4) Приказано было не утверждать раскольниковъ ни въ какія должности, зависимыя отъ общественныхъ выборовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раскольники составляютъ не менѣе четвертой части населенія, выборнымъ для уравненія повинностей приказано было выдавать жалованье изъ сбора съ раскольниковъ, какъ то уже практиковалось въ Солецкомъ посадѣ псковской губерніи. Мало того. Такъ какъ сооруженіе и поддержка православныхъ церквей составляетъ общественную потребность, удовлетворяемую пожертвованіями и усердіемъ прихожанъ, то комитетъ настаивалъ, чтобы и раскольники помогали этой потребности взносомъ по 1 руб. съ ревизской души, съ тѣмъ, чтобы сборъ этотъ производила полиція безъ всякаго участія духовенства, но съ объявленіемъ, что онъ производится въ пользу церкви. 5) Такъ какъ раскольники, не дающіе неврежней присяги на вѣрность службы, признаются неспособными къ отправленію общественныхъ должностей,—говоритъ комитетъ,—то не слѣдуетъ удостоивать ихъ ни знаками отличія, ни титулами именитыхъ купцовъ или почетныхъ гражданъ, а самое принятіе ихъ въ купеческія гильдіи можетъ быть дозволено только «на временномъ правѣ». 6) При производствѣ въ 1850 году 9-й народной переписи приказано было женъ и дѣтей раскольниковъ, пріемлющихъ священство, показывать въ ревизскихъ сказкахъ на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ, не требуя другихъ доказательствъ. Такое распоряженіе было сдѣлано въ виду того, что въ періодъ дозволенія старообрядцамъ имѣть бѣглыхъ поповъ имъ вмѣнялось

Digitized by Google

въ обязанность вести о раскольникахъ метрики и представлять ихъ начальству, т.-е., что въ полиціи были всѣ подлежащія свѣдѣнія, основанныя на свидѣтельствѣ о совершеніи требъ старообрядческимъ священствомъ. Особый секретный комитетъ отмѣнилъ это распоряженіе, говоря, что однѣ ревизскія сказки не могутъ служить доказательствомъ событія браковъ и законности рожденія дѣтей; а требы, совершенныя бѣглыми попами, тогда только могутъ признаваться дѣйствительными, когда извѣстно, что совершавшіе ихъ бѣглые попы не обличались въ какихъ-либо другихъ важныхъ преступленіяхъ и не были еще по суду церкви лишены священства, а въ самое священство рукоположены были законными іерархами, но не заграничными лже-епископами. Въ виду этого, комитетъ опредѣлилъ, чтобы во всѣхъ присутственныхъ и судебныхъ мѣстахъ не полагали рѣшеній о событіи браковъ и законности рожденія дѣтей на основаніи однихъ ревизскихъ сказокъ, а требовали метрическія свидѣтельства и предварительно посылали бы ихъ на разсмотрѣніе духовному начальству. Но такъ какъ духовное начальство одно оставленіе священническаго мѣста признавало за тяжкое преступленіе, то ни одна изъ метрикъ не была признаваема имъ законною, а потому старообрядчество, пріемлющее священство, подвергалось съ безпоповцами той же участи лишенія гражданской защиты въ дѣлахъ наслѣдства, опеки, раздѣла имущества и проч. Наконецъ, 7) постановлено было, чтобы всѣ дѣла о преступленіяхъ раскольниковъ противъ церкви богохуленіемъ и поруганіемъ вѣры, распространеніемъ ереси, расколовъ и совращеніемъ, а также оскорбленіемъ святыни, нарушеніемъ церковнаго благочинія и проч. были обращены къ общему ходу дѣлъ уголовныхъ.

Это было послѣднее слово системы прошлаго царствованія. Раскольники подлежали самому строгому надзору, безусловно лишены были права общественнаго богослуженія, обложены были особымъ налогомъ, лишены были права общественной службы, перехода въ высшія сословія и, какъ исключеніе, допускалось имъ записываться въ купеческія гильдіи на временномъ правѣ, но за то они лишены были защиты гражданскихъ и семейныхъ ихъ правъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что, кромѣ этихъ крутыхъ мѣръ, въ концѣ царствованія обращено было вниманіе также и на то, что духовенство весьма мало или даже вовсе незнакомо съ старообрядческимъ ученіемъ, и потому нерѣдко начетчики раскола имѣли явное преимущество въ глазахъ народа передъ православнымъ духовенствомъ и въ знаніи

Digitized by Google

св. писанія, и въ умѣніи просто и разумно толковать его. Въ виду этого указомъ синода, отъ 23 мая 1853 года, между мѣрами къ усиленію духовно-нравственнаго дѣйствія на раскольниковъ, предписано постановленіе объ «образованіи при духовныхъ академіяхъ изъ наличныхъ студентовъ и изъ священнослужителей, кои изъявятъ на то желаніе, по небольшому отдѣленію для особаго приготовленія ихъ на дѣло съ раскольниками, какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники». Кромѣ того, было постановлено, чтобъ въ семинаріяхъ тѣхъ епархій, гдѣ много раскольниковъ, отдѣляли лучшихъ учениковъ въ тѣ отдѣленія «для особаго приготовленія ихъ къ занятію мѣстъ священническихъ при православныхъ церквахъ, вблизи которыхъ жительствуютъ раскольники». Впослѣдствіи эти законы получили болѣе обширное развитіе, и по почину преосвященнаго Григорія былъ выработанъ уставъ для особой каѳедры о расколѣ и особаго отдѣленія для миссіонеровъ при казанской и с.-петербургской духовныхъ академіяхъ.

Такимъ образомъ, тяжелая, долгая, стойкая и послѣдовательная борьба покойнаго государя съ расколомъ не привела ни къ чему. Въ наслѣдство отъ прошлаго царствованія нашему времени осталось множество секретныхъ комитетовъ, кипы секретныхъ указовъ, масса «мнѣній и предположеній», самый усиленный по штатамъ полицейскій надзоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ полная неопредѣленность въ отношеніи массы раскольническаго населенія, дошедшаго къ концу царствованія имп. Николая до 12 милліоновъ. Это была система надзора и усмотрѣнія, допуска и снисхожденія, но не система дозволеннаго съ строгимъ опредѣленіемъ границъ наказуемаго. Выдѣлять или обособлять расколъ правительство не хотѣло и не допускало самаго отдаленнаго распоряженія, которое давало бы поводъ расколу думать о себѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ, сословномъ, корпоративномъ. Всѣ раскольники были подданные, приписанные къ извѣстному мѣсту и сословію, отправлявшіе наравнѣ съ другими государственныя подати, сборы и повинности и затѣмъ всѣ они признавались виновными, подлежащими, съ тѣмъ, что, смотря по степени вины ихъ противъ государства и церкви, имъ опредѣлялась соотвѣтственная степень сокращенія свободы или налагалась соотвѣтственная уголовная кара. Расколъ не имѣлъ самобытнаго гражданскаго или церковнаго существованія. Онъ не былъ признаннымъ вѣроученіемъ и для него не было въ законахъ опредѣляющихъ постановленій относительно богослуженія и іерархіи, какъ это было и есть для магометанъ, евреевъ

Digitized by Google

и даже язычниковъ. Точно также двѣнадцати-милліонное населеніе не обставлено было закономъ въ той мѣрѣ опредѣленности, какъ это сдѣлано было въ отношеніи иностранцевъ, инородцевъ — калмыковъ, киргизовъ и другихъ кочующихъ племенъ. Все прошлое отвело для раскола два мѣста въ законахъ: или въ постановленіяхъ уголовныхъ, или предупреждающихъ и пресѣкающихъ преступленія на ряду съ бѣглыми, и т. п. Словомъ, по смыслу нашего законодательства, расколъ — это было терпимое зло въ государствѣ, всецѣло состоящее подъ усмотрѣніемъ административной власти. Но помимо всякихъ иныхъ требованій гуманности, свободы совѣсти, государственнаго благоустройства и проч. —тутъ являлась слѣдующая аномалія: правительство признавало и закономъ санкціонировало, что у него 8-й человѣкъ въ населеніи пороченъ. Ясно, что оставлять въ такомъ положеніи дѣло было немыслимо.

V.

Новое направленіе, заключавшееся не столько въ словахъ, сколько въ дѣлѣ, и выразившееся въ преобразованіяхъ начала нынѣшняго царствованія, призвало народъ, т.-е. крестьянство всѣхъ наименованій, къ свободной жизни, къ самостоятельному управленію самимъ собою въ сферѣ своихъ общественныхъ дѣлъ, къ участію въ дѣлахъ всесословныхъ, городскихъ, земскихъ, открыло ему право судить себѣ неравныхъ и притомъ гласно, публично, уравняло въ отправленіи самой трудной повинности, рекрутской, съ лицами, пользовавшимися до этого времени одними «вольностями», наконецъ, оживило экономическую жизнь всей страны, ускоривъ обмѣнъ, увеличивъ производительность и расширивъ, такимъ образомъ, тотъ погружающій въ сонъ покой, тишь и гладь, которыя такъ недавно считались явными признаками благоденствія и могущества. При такомъ обновленіи государственной жизни расколъ не могъ остаться особнякомъ и волею-неволею долженъ былъ примкнуть къ поступательному движенію государства. Положеніе, которое занималъ онъ въ крѣпостной Россіи, не могло оставаться безъ перемѣны при открытіи для всѣхъ безъ исключенія равныхъ правъ и одинаковыхъ обязанностей, и потому весь этотъ запасъ стараго предупреждающаго и пресѣкающаго матеріала явился явнымъ противорѣчіемъ новому, свѣжему законодательному движенію. Кромѣ того, гражданскій бытъ раскола въ предѣлахъ допущеннаго усмотрѣніемъ прошлаго времени подъ этимъ новымъ

Digitized by Google

вѣніемъ значительно расширился, вращаясь въ быстро развивающейся экономической жизни, гдѣ раскольники, обладая значительными капиталами, получили преобладающее значеніе. То секретное, закрытое отъ глазъ прочихъ, отношеніе правительства къ расколу не могло имѣть мѣста теперь при гласномъ судѣ, при гласности выборовъ въ общественныя должности, при относительной гласности печати. Наконецъ, гражданская зрѣлость мысли упрочила, наконецъ, убѣжденіе во всѣхъ классахъ общества, что противъ религіозныхъ уклоненій безсильны карательныя мѣры, и что тутъ не столько нужны сила и принужденіе, сколько знаніе и просвѣщеніе.

Уже въ первомъ высочайшемъ повелѣніи нынѣшняго царствованія (17 апрѣля 1855 г.) указано было, чтобы мѣры, выработанныя противъ раскола въ 1853 году, были приводимы въ исполненіе постепенно, съ осторожностью, и соображаясь съ послѣдствіями, какія обнаружены будутъ отъ ихъ введенія. Кромѣ того, въ этомъ же указѣ по докладу московскаго генералъ-губернатора Закревскаго сдѣлано было льготное исключеніе для московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ-раскольниковъ, съ дозволеніемъ имъ содержать фабрики и заводы на временномъ гильдейскомъ правѣ, а въ видѣ особой монаршей милости допускалось поступать и въ самыя гильдіи. Такое снисходительное съ самаго начала отношеніе правительственной власти къ расколу породило большія надежды въ раскольническомъ мірѣ. Впрочемъ, тогда уже чувствовалось приближеніе чего-то новаго, свѣжаго, отъ котораго придется свободнѣе вздохнуть всему крѣпостному народу. Масса какъ-бы предчувствовала приближеніе великаго акта освобожденія, и потому крѣпостная дѣйствительность становилась для нея все тягостнѣе и тягостнѣе. Этимъ мы можемъ объяснить особенное распространеніе въ то время страннической секты, существо ученія которой шло въ явный разрѣвъ съ крѣпостными порядками. Съ особенною ясностью высказывали послѣдователи этой секты свои взгляды въ отношеніи правительственной власти и экономическаго устройства народной жизни. Собранныя на этотъ счетъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія привели многихъ изъ правительственныхъ лицъ къ заключенію о появленіи новаго, трудно-объяснимаго ученія, и заставили иныхъ призадуматься, какъ могло оно зародиться на почвѣ придавленной жизни и безусловнаго застоя, въ которомъ находилась Россія слишкомъ двадцать-пять лѣтъ. Нужно отдать справедливость тогдашнимъ государственнымъ людямъ, что, несмотря на видимые въ этомъ ученіи признаки такъ-называемаго «потрясенія основъ»,

Digitized by Google

они не рекомендовали противъ его послѣдователей какихъ-либо особыхъ мѣръ: все дѣло ограничилось назначеніемъ комиссаровъ и благочинныхъ въ мѣста наибольшаго распространенія секты и учрежденія особаго наблюденія за бродягами и пристанодержательствомъ (указъ 29 мая 1859 г.).

Эти и другія облегченія, какъ-то: освобожденіе отъ рекрутской повинности купцовъ-раскольниковъ, состоящихъ на временномъ правѣ, дозволеніе нанимать изъ среды своей за себя рекрутъ, упраздненіе особаго комитета, особаго управленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, — дѣйствительно дали возможность нѣсколько свободнѣе вздохнуть старообрядчеству. Правда, всѣ эти облегченія не сразу перешли въ дѣйствительность, и обнаруженное новое направленіе высшаго правительства не сразу измѣнилось въ ближайшихъ исполнителяхъ; но уже въ то время (періодъ 1855—1860 г.) стали подниматься другія вѣянія, другіе взгляды. Всѣ предложенія, носившія на себѣ отпечатокъ прошлаго царствованія, осуждались и обществомъ, и отклонялись высшимъ правительствомъ. Когда черниговскій губернаторъ сдѣлалъ представленіе, чтобы на паспортахъ, выдаваемыхъ посадскимъ раскольникамъ, означать мѣста ихъ отлучекъ, а отпускъ цѣлыхъ семействъ вовсе воспретить, то представленіе это было отклонено, какъ равно отклонено было и представленіе архангельскаго совѣщательнаго комитета, въ которомъ онъ предлагалъ рѣшительно воспретить раскольникамъ исправлять духовныя требы по ихъ обрядамъ, съ объявленіемъ имъ, чтобы они озаботились или присоединеніемъ къ православію, или приписались бы къ какой-либо единовѣрческой церкви (см. указ. 4-го мая 1856; 20 января 1858 г.). Еще болѣе высказалось иное отношеніе къ старообрядчеству въ дѣлѣ о поморцахъ города Саратова. Какъ оказалось, съ давняго времени поселились тамъ вольноотпущенники-сектанты и, скрывая свою принадлежность къ расколу, служили для мѣстной градской полиціи не малымъ источникомъ къ вымогательствамъ и разнаго рода поборамъ. Всѣхъ ихъ къ 1856 г. собралось слишкомъ 45-ть семействъ. При взаимной поддержкѣ, при извѣстномъ трудолюбіи и честности они успѣли пріобрѣсти всеобщее уваженіе городского общества. Въ прежнее время имъ нельзя было бы и думать ходатайствовать о причисленіи ихъ къ мѣщанству; между тѣмъ теперь, на ихъ заявленіе и просьбу дѣло получило ходъ, прошло всѣ инстанціи, и, несмотря на отзывъ губернатора о предосудительномъ приверженствѣ ихъ къ расколу, просьба ихъ по особому докладу Государю Императору была все-таки удовлетворена.

Digitized by Google

Если отмѣченные нами факты говорятъ объ измѣненіи системы правительства въ отношеніи раскола, то было бы ошибочно заключить, что измѣненіе этой системы послѣдовало вдругъ. Этого не было, и коренного разрѣшенія вопроса о положеніи раскола въ строѣ государственной жизни нельзя такъ скоро ожидать, судя по ходу развитія законодательства, какъ рисуетъ намъ его прошлое. Мы видимъ предоставленіе въ частныхъ случаяхъ разнаго рода льготъ и послабленій; но какъ только затрогивались существенныя стороны раскола, правительство было вынуждено всегда оставаться на той же почвѣ непризнаваемости государственнаго его значенія и всегда отвергать возможность признанія за нимъ права общественнаго богослуженія и права имѣть особую іерархію. Когда московскіе и тверскіе старообрядцы обратились въ всеподданнѣйшемъ прошеніи съ просьбою о дозволеніи имъ имѣть, подъ вѣдомствомъ гражданскаго начальства, своихъ священнослужителей изъ престарѣлыхъ и заштатныхъ лицъ, а также просили дозволить имъ открыть молельню въ селѣ Кимрѣ, корчевскаго уѣзда, запечатанную въ 1853 году, то это не было признано возможнымъ. Точно также по вопросу объ отношеніи православной церкви къ единовѣрческой было высказано весьма осторожное мнѣніе. Многіе, отпавъ отъ православія, изъявляли желаніе обратиться въ церкви на правилахъ единовѣрія. Казалось бы, почему не установить общимъ правиломъ подобнаго рода соединеніе, тѣмъ болѣе, что единовѣріе почитается и гражданскимъ, и духовнымъ правительствами тѣмъ же православіемъ. Однако, когда доведенъ былъ до высшаго правительства вопросъ о возможности подобнаго рода присоединенія къ единовѣрію, то оно уклонилось отъ его разрѣшенія, «не входя въ разсмотрѣніе, слѣдуетъ ли допустить, какъ общую мѣру, свободный переходъ въ единовѣріе лицъ, уклонившихся отъ православія въ расколъ, дозволить такому-то» и пр. (см. указ. 15 апрѣля 1857 г.). Вообще, гдѣ приходилось разрѣшать общіе вопросы, правительство въ ту эпоху не разрѣшало ихъ въ общемъ смыслѣ, а только отвѣчало частнымъ случаямъ, и притомъ уклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, т.-е. или въ сторону облегченій, или въ сторону прежнихъ направленій. Такъ, напримѣръ, новоржевскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Шведовъ пожертвовалъ два струга на устройство мостовъ, бараковъ и загражденій по приведенію Динамюндской крѣпости въ оборонительное положеніе. По докладу военнаго министра Государь Императоръ приказалъ: «поблагодарить его за это пожертвованіе»; но черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ,

Digitized by Google

которому сообщено было объ исполненіи высочайшей воли, довелъ до свѣдѣнія, что Шведовъ раскольникъ и подозрѣвается во вредныхъ по расколу дѣйствіяхъ. По этому поводу указомъ 9-го іюля 1856 года было сдѣлано такое постановленіе: «такъ какъ на основаніи закона не велѣно удостоивать раскольниковъ знаками отличія и почетными титулами, то Шведову за пожертвованіе объявить благодарность не отъ имени Государя, а отъ имени главнаго мѣстнаго начальства». Напротивъ того, когда нижегородской губерніи раскольники спасова согласія ходатайствовали о дозволеніи имъ нанимать за себя рекрутъ изъ православныхъ, то хотя по закону эта секта отнесена къ разряду «особенно-вредныхъ», и ходатайство ихъ не могло быть ни въ какомъ случаѣ удовлетворено,—между тѣмъ, указомъ 20-го мая 1857 г. правительство рѣшило дѣло, «не обсуждая вопроса, что должно ли признавать секту спасово согласіе за особенно вредную, удовлетворить ходатайство просителей».

Принявъ направленіе въ пользу облегченія участи раскольническаго населенія, правительству нельзя было оставаться въ тѣхъ же отношеніяхъ къ нему, какое установлено было правилами 1853 года. И правительственною практикою первыхъ годовъ нынѣшняго царствованія, и общественнымъ мнѣніемъ, правила эти были осуждены и отнесены къ разряду распоряженій, подлежащихъ къ сдачѣ въ архивъ съ полнымъ забвеніемъ темнаго безповоротнаго прошлаго. Все это привело къ тому, что высочайшимъ повелѣніемъ 20 января 1858 года правительство обнаруживаетъ сообразно новымъ взглядамъ и направленіямъ новую программу,—программу, по которой оно дѣйствуетъ и донынѣ. «Не смотря на обиліе у насъ печатанныхъ книгъ и рукописныхъ записокъ, говоритъ помянутый законъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны, и поэтому незнаніе всѣхъ обстоятельствъ раскола затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы въ отношеніи раскола вообще». Указывалось затѣмъ въ указѣ о различіи взглядовъ на расколъ—духовенства и свѣтской власти; о томъ, что секретный комитетъ занимается болѣе разрѣшеніемъ частныхъ случаевъ, чѣмъ рѣшеніемъ общаго вопроса о системѣ дѣйствій правительства, что, наконецъ, существующій порядокъ ставитъ раскольниковъ внѣ зависимости ихъ отъ общихъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій, т.-е. какъ бы особымъ сословіемъ. Вслѣдствіе всего этого было постановлено: 1) чтобы кругъ дѣйствій комитета былъ ограниченъ раз-

Digitized by Google

смотрѣніемъ общихъ правительственныхъ мѣръ, и которыя «ни въ какомъ случаѣ не должны были носить на себѣ характеръ принудительныхъ или насильственныхъ средствъ»; 2) чтобы всѣ дѣла получили теченіе по общему установленному закономъ порядку, т.-е. дѣла законодательныя должны вноситься въ государственный совѣтъ послѣ подготовительныхъ работъ въ комитетѣ, дѣла высшаго административнаго значенія—въ комитетъ министровъ, судебныя—черезъ судебныя мѣста, и 3) чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ озаботился печатаніемъ собранія постановленій о расколѣ, составленіемъ его исторіи, и наконецъ, чтобы составлены были особыя наставленія для руководства въ дѣйствіяхъ какъ низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, такъ и низшаго духовенства. Послѣднее требованіе, какъ самое существенное, было исполнено въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года. «Наставленіе» было составлено въ министерствѣ, просмотрѣно въ секретномъ комитетѣ и тотчасъ же получило всеобщее примѣненіе.

Мы остановимся на этой инструкціи, такъ какъ она служитъ до настоящаго времени почти единственнымъ указаніемъ для дѣйствій противъ раскола въ сферѣ административнаго усмотрѣнія. Первое, что положено было въ основаніе «Наставленія»—это полное выдѣленіе духовной власти отъ распоряженій свѣтской, оставляя за духовенствомъ кругъ дѣйствій чрезъ назиданіе и духовное наставленіе отпадшихъ. Не прекращая дѣйствія законовъ, запрещающихъ постройку и обновленіе раскольническихъ молелень, а также открытое богослуженіе или внѣшнее публичное проявленіе раскольническихъ толковъ, тѣмъ не менѣе «Наставленіе» оградило расколъ отъ всякаго преслѣдованія за одно религіозное убѣжденіе. Относительно совращенныхъ «Наставленіе» указываетъ единственными мѣрами для вразумленія ихъ—мѣры духовныя, не дѣлая притомъ различія для сектъ вновь возникающихъ. По отношенію къ совратителямъ, хотя оставлена была отвѣтственность ихъ по закону, но важно то, что здѣсь сдѣлано различіе между дѣйствительными совратителями, т.-е. пропагандистами, имѣвшими успѣхъ въ своей пропагандѣ, и учителями, начетчиками и іерархами раскола, поставленными, напримѣръ, австрійскою духовною властью. Въ такомъ же направленіи, въ смыслѣ облегченія для раскола, были сдѣланы разъясненія по возбужденнымъ вопросамъ при примѣненіи «Наставленія» на практикѣ. Такъ, высочайше утвержденнымъ постановленіемъ комитета министровъ 24 марта 1857 года было указано, чтобы судебныя дѣла, возбужденныя противъ раскольниковъ за постройку или поправку молитвенныхъ ихъ зданій, приводились въ исполненіе на общемъ

Digitized by Google

основаніи безъ представленія въ министерство; закрытіе же помянутыхъ зданій по административнымъ представленіямъ, чтобы не иначе могло слѣдовать, какъ по постановленію комитета министровъ. Смыслъ этого закона тотъ, что многіе изъ молитвенныхъ зданій раскольниковъ, построенныхъ до 17 сентября 1826 г., оставаясь безъ поправокъ, пришли въ такую ветхость, что закрытіе ихъ становилось необходимымъ въ виду одной безопасности. Но кромѣ подобнаго рода зданій было не мало каменныхъ, хорошо выстроенныхъ, которыя закрывались на основаніи правилъ 1853 года только въ виду прекращенія «раскольническихъ соблазновъ». Отмѣченный нами законъ 1857 года отмѣняетъ закрытіе молитвенныхъ зданій по второй причинѣ и допускаетъ это только въ виду общественной безопасности [1]). Точно также въ смыслѣ облегченія отнеслось правительство къ возбужденному практикою вопросу касательно вразумленія отпадшихъ. Совращенные, подвергаясь по закону духовнымъ вразумленіямъ, весьма часто вызывались съ мѣста ихъ жительства въ консисторіи и посылались затѣмъ въ монастыри или поручались духовнымъ лицамъ вдали отъ хозяйства и ихъ семей. Подвергаясь подобнаго рода духовнымъ вразумленіямъ неопредѣленное и въ большинствѣ случаевъ весьма продолжительное время, совращенные терпѣли наказаніе болѣе, чѣмъ совратители. Такой порядокъ закономъ 4 ноября 1863 года былъ измѣненъ, и постановлено, чтобы вазиданіе и увѣщеваніе надъ совращенными производилось безъ отвлеченія ихъ отъ мѣста ихъ жительства и отъ обыкновенныхъ ихъ трудовъ и занятій.

Читатель видитъ самъ, насколько еще въ 50-хъ годахъ правительство ушло отъ системы преслѣдованія раскольниковъ, выработанной въ прошлое царствованіе. Настали шестидесятые года. Началась капитальная перестройка всего строя, захватившая и основныя формы государственнаго устройства, и живыя стороны народной жизни. Освобожденіе крестьянъ, земство, городовое положеніе, гласный судъ — все это потребовало усиленной законодательной

---

[1]) Недавно газетами былъ переданъ слухъ, что въ комитетъ министровъ внесенъ вопросъ объ испрошеніи высочайшаго соизволенія на допущеніе исправленій въ раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ, пришедшихъ въ ветхость. До настоящаго времени высочайшее соизволеніе испрашивалось въ каждомъ случаѣ, когда раскольники обращались съ подобными просьбами; теперь же, во избѣжаніе сложности дѣлопроизводства, министръ внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, что было бы удобнѣе испросить высочайшее повелѣніе, предоставляющее ему право разрѣшать эти просьбы, согласно тѣхъ уважительныхъ или неуважительныхъ причинъ, которыя будутъ представлены въ просьбѣ.

Digitized by Google

дѣятельности, на которую привлечены были всѣ наличныя силы изъ тогдашняго персонала высшаго государственнаго управленія. Вопросъ о расколѣ оставался въ сторонѣ. Новыя законодательныя работы прошли мимо его или, лучше сказать, имѣя въ основѣ два главныя начала—свободу лица и всесословность, они захватили всю массу раскольническаго населенія въ свои опредѣленія, не выдѣляя его изъ тѣхъ правъ общественнаго самоуправленія, которыя безразлично открывались для всего народа. Обновленная жизнь общества, въ которое мало-по-малу стали проникать сознаніе и привычка къ законности; полицейское вѣдомство, поставленное преобразованіями въ надлежащую сферу дѣйствій—оберегательства общественнаго покоя и безопасности,—все это само собою служило ручательствомъ, что времена прежняго отношенія къ расколу миновались и миновались безповоротно. Къ тому же, расколъ, вдохнувъ свободнѣе, показалъ въ обновленной общественной жизни всѣ признаки живучаго организма и стойкаго самолюбія. Не говоря объ экономическомъ его значеніи, о его сплоченности и самосближеніи, онъ игралъ не послѣднюю роль посредничества между правительствомъ и народомъ при примѣненіи новыхъ законодательствъ и порядковъ на дѣлѣ. Будучи все-таки передовымъ двигателемъ въ средѣ темной массы только-что вышедшаго изъ крѣпостного гнета народа, онъ сослужилъ службу родинѣ тѣмъ, что оберегъ и успокоивалъ народъ, предотвращая массовыя движенія, вызываемыя ложными слухами разнаго рода проходимцевъ. Объ этомъ значеніи раскола весьма мало гдѣ упоминалось, хотя бездна случаевъ, дошедшихъ до правительства и общества, указываютъ намъ, что тотъ здравый смыслъ, съ которымъ встрѣтилъ народъ освобожденіе, явился не безъ вліянія раскольнической массы, которая издавна была чутка ко всякаго рода законодательнымъ мѣрамъ, и потому ранѣе прочихъ вполнѣ ясно поняла великое значеніе акта 19 февраля 1861 года. Кромѣ того, стоя впереди сельской и городской жизни, наши раскольники по необходимости должны были принять самое дѣятельное участіе и въ дальнѣйшихъ преобразованіяхъ. Они являлись въ земскія и городскія собранія, судьями въ судѣ присяжныхъ, и никогда не показывали себя людьми отсталыми, приверженцами безусловной старины и неподвижности;—напротивъ, все говорило за то, что они обнаружили въ этомъ случаѣ гораздо бо́льшую подготовленность къ свободной гражданской жизни, чѣмъ темный людъ православія. Все это не ушло отъ вниманія правительства, и оно еще въ концѣ 60-хъ годовъ нашло необходимымъ приступить къ разработкѣ законовъ,

Digitized by Google

устанавливающихъ гражданское существованіе раскола, и притомъ съ тѣмъ, чтобы это явленіе, будучи чисто духовно-нравственнаго характера, имѣло строго очерченное положеніе въ строѣ государственной жизни. Первое, что́ при этомъ бросилось въ глаза правительству и что́ наиболѣе возбуждало на практикѣ споровъ, недоразумѣній и даже самыхъ печальныхъ послѣдствій,— это было неустановленіе и непризнаваніе у раскольниковъ ихъ браковъ. Относительно богатое, подвижное и торговое раскольническое населеніе, за неимѣніемъ у себя закономъ установленныхъ браковъ, лишено было возможности доказательствъ о законности рожденія дѣтей и права судебной защиты по вопросамъ о наслѣдствѣ, объ опекѣ и проч. Такое, если не отрицаніе, то игнорированіе закономъ брака у раскольниковъ насколько невыгодно отражалось на жизни раскольниковъ, настолько же представляло собою немалое соціальное зло. Ослаблялась твердость брачныхъ сопряженій, вводился произволъ, нарушалась прочность семьи и подрывалась нравственность; случалось расхищеніе накопленнаго добра покойными родителями и оставленіе малолѣтнихъ безъ пріюта и средствъ; мужъ бросаетъ жену, жена убѣгаетъ отъ мужа; все это факты, хотя и рѣдко встрѣчаемые у раскольниковъ, но они оставались безъ разсмотрѣнія и законнаго удовлетворенія. Мало того, подобное же безучастное отношеніе къ раскольническимъ бракамъ нерѣдко приводило къ кровосмѣшенію, осуждаемому не только моральными, религіозными, но и физіологическими законами. Даже при возникновеніи подобнаго рода дѣлъ, ихъ оставляли безъ разсмотрѣнія во имя того же основного начала—непризнанія законности раскольническихъ браковъ. Профессоръ казанской духовной академіи г. Ивановскій, приводитъ такой на этотъ счетъ случай. Мѣщанинъ Ѳедоръ Иголкинъ, поморской секты, жилъ въ бракѣ съ дочерью казанскаго купца Мыльникова, Маѳою Карповою, родной братъ которой также былъ женатъ по обрядамъ поморской секты на дочери казанскаго купца Поликарпова, Евдокіи. Въ апрѣлѣ 1870 г. Иголкинъ оставилъ свою жену, а Евдокія своего мужа и, обратившись къ православію, были повѣнчаны церковнымъ бракомъ. По прежнимъ сопряженіямъ они состояли въ двухродномъ свойствѣ второй степени. На запросъ слѣдователя, до котораго доходило это дѣло—не подлежатъ ли повѣнчанные уголовной отвѣтственности за вступленіе во второй бракъ при существованіи перваго и притомъ за кровосмѣшеніе, казанская духовная консисторія отвѣчала отрицательно, т.-е. вовсе не признавала бывшія сопряженія поморцевъ за бракъ. Указомъ 19-го апрѣля

Digitized by Google

1874 г. всѣ эти недоразумѣнія покончены, и установленная регистрація раскольническихъ браковъ является такимъ образомъ не одною только льготою или послабленіемъ раскола, но и какъ отвѣтъ на требованіе соціальнаго и государственнаго строя народной жизни.

Какъ всякое нововведеніе, такъ и этотъ законъ нашелъ своихъ порицателей. Говорили, что съ признаніемъ гражданской законности раскольническихъ браковъ явятся уклоненія въ расколъ, такъ какъ брачныя сопряженія въ православной церкви сопряжены со множествомъ затруднительныхъ формальностей и денежными расходами, принимающими нерѣдко характеръ прямого вымогательства,—въ расколѣ же все это устранено и замѣнено простою явкою въ полицію для записи въ брачную книгу. Указывали и на то, что простой народъ изъ такого порядка вещей весьма легко можетъ вывести заключеніе, что правительство одинаково смотритъ какъ на бракъ православной церкви, такъ и на браки, регистрированные при полиціи, и что такимъ образомъ будетъ, съ одной стороны, уронено въ глазахъ народа самое таинство, съ другой—породитъ мнѣніе, что будто бы раскольническіе браки послужатъ предвѣріемъ общаго порядка, который будетъ установленъ для всего населенія. Само собою разумѣется, всѣ эти страхи и опасенія оказались преувеличенными. Пятилѣтняя практика хотя еще не выяснила, какое имѣетъ значеніе этотъ законъ для жизни раскола, но уже теперь самымъ положительнымъ образомъ можно отрицать несообразность помянутыхъ указаній. Напротивъ, мы видимъ, что сами раскольники не вполнѣ пользуются этимъ закономъ, какъ потому, что явка и запись въ полиціи почитаются для ихъ вѣрованія слишкомъ унизительными, такъ равно и потому, что право на запись браковъ предоставлено только лицамъ «принадлежащимъ къ расколу отъ рожденія», тогда какъ большинство состоитъ въ расколѣ тайно и только фиктивно считается православными. Здѣсь нужно напомнить, что еще при изданіи закона 1874 г. были высказаны мнѣнія, что заключеніе гражданскихъ браковъ между раскольниками, какъ и заключеніе всякихъ юридическихъ обязательствъ несвойственно сферѣ отправленій полицейской власти, и что тогда какъ церковная метрика обставлена весьма серьёзными гарантіями, метрика раскольническая, служащая основаніемъ для твердости личныхъ правъ, требовала бы не меньшихъ, если не бо́льшихъ гарантій. Одни предлагали для этого подчинить веденіе метрическихъ книгъ раскольниковъ нотаріальному порядку; другіе склонялись къ тому мнѣнію, чтобы раскольники вписывались въ особой

Digitized by Google

графѣ исповѣдныхъ росписей приходскими причтами и отъ нихъ получали метрическія справки о рожденіи и смерти. Правительство оставило это дѣло за полиціею потому, что вся гражданская жизнь раскола оставалась еще подъ ея надзоромъ и усмотрѣніемъ, а также отчасти и потому, что строгость нотаріальнаго порядка еще болѣе стѣснила бы запись браковъ потаенныхъ раскольниковъ, или потребовала бы отъ нихъ такихъ удостовѣреній, какихъ нѣтъ ни у нихъ, ни у самого правительства. Это же самое заставило правительство нѣсколько легче отнестись къ удостовѣренію въ принадлежности къ расколу отъ рожденія. Гарантіею въ справедливости показанія на этотъ счетъ раскольниковъ является повѣрка заявителей съ именными списками раскольниковъ, имѣющихся въ полицейскихъ и волостныхъ правленіяхъ; подписка принимается отъ вступающихъ въ бракъ, съ наложеніемъ взысканія за ложное показаніе о принадлежности къ расколу и съ исключеніемъ вписаннаго брака изъ числа законныхъ и дѣйствительныхъ; и наконецъ, существуетъ оглашеніе, которое вывѣшивается на недѣлю въ волостныхъ и полицейскихъ правленіяхъ: «всѣ имѣющіе свѣдѣнія о препятствіи къ записи раскольническаго брака въ метрическую книгу обязаны дать знать о томъ полицейскому или волостному начальству на письмѣ или на словахъ». Этихъ мѣръ вполнѣ кажется достаточно, и тѣ охранители церковныхъ интересовъ, которые совѣтовали учредить особый духовный надзоръ за правильностью раскольническихъ браковъ, едва ли повторятъ теперь свое мнѣніе, такъ какъ раскольники чуждаются и тѣхъ несложныхъ формъ регистраціи, какія установлены закономъ 1874 г. По крайней мѣрѣ изъ оффиціальныхъ источниковъ извѣстно, что въ одной Москвѣ числится 447 браковъ, незаписанныхъ въ полицейскія метрическія книги, и до 663 дѣтей, не имѣющихъ метрическихъ свидѣтельствъ.

Законъ 1874 года—послѣднее законодательное слово касательно раскола. Жизнь раскольниковъ ожидаетъ разрѣшенія еще многихъ вопросовъ, и правительству идти по пути, на который оно стало съ 1858 года, тѣмъ болѣе возможно, что сама церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей высказываетъ теперь мысль, что достоинство церкви требуетъ не ходатайства передъ свѣтскою властью о притѣсненіи раскола, объ ограниченіи правъ раскольниковъ, а серьезнаго вниманія къ усиленію и развитію духовно-просвѣтительныхъ мѣръ, къ подготовкѣ нужныхъ для этого средствъ и людей, чтобы служитель православной церкви могъ смѣло противостать соблазнительной для народа пропагандѣ вожаковъ раскола и ослабить ихъ вліяніе силою своего слова.

Digitized by Google

Посмотримъ же теперь, что сдѣлала въ этомъ направленіи церковь за все время нынѣшняго царствованія.

VI.

Какъ извѣстно, правительствующій синодъ еще со времени Екатерины II отстранилъ себя отъ прямого участія въ преслѣдованіи вѣроотступничества и совратительства, уступивъ это дѣло свѣтской власти; но, оставивъ за собою одно духовное назидательство, онъ на этой благотворной почвѣ не скоро принялся за ея воздѣлываніе, и не скоро выработалъ для себя тѣ дѣйствительныя средства къ отвращенію отпаденій, которыя только и могутъ быть приняты церковнымъ авторитетомъ въ дѣлахъ, относящихся въ свободѣ совѣсти. Можно прямо сказать, что въ царствованіе Екатерины II, Павла I, Александра I и покойнаго государя церковное правительство, ожидая результатовъ отъ дѣйствія свѣтской власти, опустило руки и какъ-бы не находило нужнымъ открывать другой путь для воздѣйствія на отпадшихъ, на которомъ можно было бы идти твердою поступью. Только съ нынѣшняго царствованія синодъ вступаетъ въ свои дѣйствительныя права верховнаго охранителя церкви и вырабатываетъ цѣлый рядъ мѣръ и наставленій, имѣющихъ во сто кратъ больше значенія, чѣмъ всѣ остальныя, принимаемыя до настоящаго времени какъ свѣтскою, такъ и духовною властью.

Постоянныя донесенія и свидѣтельства о чрезмѣрно-быстромъ распространеніи раскола привели нашихъ іерарховъ къ убѣжденію, что 25-лѣтнее примѣненіе строгихъ и даже послѣдовательныхъ мѣръ, которыя принимала свѣтская власть противъ раскола въ прошлое царствованіе, не имѣло успѣха, и что, слѣдовательно, должно искать другихъ средствъ, помимо внѣшняго давленія или притѣсненія его послѣдователей. Прежде всего прочаго, не могло уйти отъ вниманія представителей нашей церкви, что расколъ росъ отъ неустройства и недостатковъ, таящихся въ самой церкви, отъ необразованности и предосудительнаго поведенія низшаго духовенства, отъ недостатка во многихъ епархіяхъ церквей и причтовъ, отъ малаго знакомства пастырей съ сущностью раскольническихъ ученій, отъ несоотвѣтствующаго отношенія духовенства къ свѣтской власти и къ самимъ раскольникамъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, наши іерархи поняли, что, прежде чѣмъ дѣйствовать на послѣдствія, слѣдовало врачевать самую причину появленія отпаденій, т.-е., что слѣ-

Digitized by Google

дуетъ обратить особенное вниманіе на поднятіе нравственнаго уровня православнаго духовенства.

Еще въ началѣ нынѣшняго царствованія, сознавая слабую сторону духовнаго образованія священства, синодъ тотчасъ же принялъ мѣры къ поднятію его, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ изъ служителей церкви, которые имѣютъ непосредственное сношеніе съ расколомъ. Такъ, мы видимъ, что съ 1855 года начинается послѣдовательное открытіе миссіонерскихъ отдѣленій въ семинаріяхъ. Отдѣленія эти были образованы изъ учениковъ высшаго курса, а также изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ, но не получившихъ еще мѣста. Временемъ для преподаванія уроковъ назначены были часы, въ которые преподавались языки мѣстные, или французскій, нѣмецкій и латинскій. Программа лекцій начертана была слѣдующая: а) исторія раскола, его появленіе и распространеніе; б) обзоръ книгъ и рукописей, уважаемыхъ раскольниками, а также писанныхъ въ его опроверженіе; в) апологетика православной церкви, т.-е. опроверженіе раскольническихъ ученій, причемъ главныя мнѣнія раскольниковъ указывалось ученикамъ заучивать и знать, гдѣ они находятся,—не только въ какой книгѣ, но и на какой страницѣ; и, наконецъ, г) пастырская педагогика, съ поясненіемъ ученикамъ, какъ они должны вести себя впослѣдствіи по отношенію къ раскольникамъ при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ съ ними. Было также обращено особенное вниманіе на внушеніе ученикамъ, чтобы они весь разговоръ съ раскольниками вели въ духѣ благочестія, о святыхъ отцахъ и ихъ писаніяхъ отзывались съ крайнимъ благоговѣніемъ, на суровыя слова старообрядцевъ не гнѣвались и всячески избѣгали горячности и запальчивости. Для того, чтобы ученики знакомились съ частными видами и толками раскола, предписано было благочиннымъ и священникамъ тѣхъ приходовъ, гдѣ имѣлись раскольники, представлять описанія ихъ ученій, исторію возникновенія, а также обрядовъ и образа ихъ жизни. По окончаніи курса въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ, учениковъ не тотчасъ посылали въ мѣста, населенныя раскольниками, но первоначально заставляли ихъ присутствовать и участвовать при богослуженіи въ семинарской или монастырской церквахъ, посылали ихъ съ миссіонерами для присутствованія при бесѣдахъ и увѣщеваніяхъ, и только потомъ ставили ихъ въ священники, стараясь на первый разъ выбирать приходы съ незначительнымъ числомъ раскольниковъ. «Мѣра эта,—говоритъ указъ синода,—необходима для того, чтобы окончившему курсъ молодому воспитаннику дать время пріоб-

Digitized by Google

рѣсь нѣкоторую внѣшнюю важность, располагающую простой народъ къ своему пастырю, частью приготовить себя къ болѣе отчетливому и вѣрному дѣйствованію на массу людей, держащихся раскола».

Что синодъ вполнѣ сознавалъ несостоятельность низшаго духовенства и весьма малое вліяніе его на паству, это видно изъ множества его указовъ о назначеніи въ мѣста наибольшаго распространенія раскола особыхъ благочинныхъ для наблюденія за священниками и за правильнымъ исполненіемъ ими церковныхъ требъ. Когда по разслѣдованію г. Мельникова обнаружилось, что въ нижегородской губерніи состоитъ въ расколѣ 233,323 души, то синодъ, въ числѣ мѣръ, принимаемыхъ къ ослабленію раскола, прямо предписалъ епархіальному вѣдомству «принять всѣ возможныя средства къ тому, чтобы сильному и повсемѣстному потоку раскола противопоставить твердый оплотъ въ самой православной церкви, въ ревностной заботливости пастырей объ охраненіи пасомыхъ, для сего строго подтвердить и наблюсти, чтобы приходскіе причты повсюду нелѣностно и богобоязненно отправляли богослуженіе, по уставу церкви, съ пѣніемъ и чтеніемъ внятнымъ, не нарушая стариннаго церковнаго пѣнія, къ которому привыкъ слухъ молящихся, нелѣностно отправляли бы всѣ требы, поучали словомъ и дѣломъ, и примѣромъ благочестивой жизни; содѣйствовали бы, съ одной стороны, утвержденію православныхъ въ св. вѣрѣ, а съ другой — ежели не къ сближенію раскольниковъ, то, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію ихъ глумленія надъ церковью и ея пастырями» (см. указъ синода 30-го октября 1856 года). Синодъ неоднократно высказываетъ мнѣніе, что большинство священнослужителей не отвѣчаетъ своему пастырскому назначенію, и потому предписываетъ епархіальному начальству производить строжайшій пересмотръ духовенства во всѣхъ приходахъ, и особенно въ тѣхъ, гдѣ есть раскольники, принявъ за правило назначать туда лучшихъ изъ служителей «по благоразумію и безкорыстію». Впрочемъ, эта мѣра и указаніе синода не имѣли никакого значенія на практикѣ. Приходы, полные раскольниками, если отнять доходы, получаемые за поблажки и снисхожденіе расколу, были самые убыточные; на такіе приходы не было желающихъ изъ плохихъ священниковъ,— для хорошихъ же они являлись наказаніемъ, и наказаніемъ несправедливымъ.

Собранныя свѣдѣнія о расколѣ указали также церковному правительству, что старообрядцы во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ впереди православныхъ и, между прочимъ, въ отношеніи гра-

Digitized by Google

мотности. Не говоря объ образцовыхъ школахъ выгорѣцкаго общежительства, вообще гдѣ селился расколъ—устроивались училища, въ которыхъ обучали грамотѣ посвятившія себя этому дѣлу дѣвушки, такъ-называемыя «мастерицы». Ревностное исполненіе съ ихъ стороны своего долга, а также богатыя приношенія на дѣло образованія со стороны богатыхъ купцовъ-раскольниковъ поставили дѣло такъ, что почти каждый раскольникъ былъ грамотенъ, тогда какъ православные оставались въ полномъ невѣжествѣ. Усмотрѣвъ это, синодъ озаботился устройствомъ приходскихъ школъ, гдѣ духовенству поручалось обучать дѣтей даромъ. Въ одномъ изъ своихъ указовъ 1856 года онъ говоритъ прямо, что не малый вредъ для православной церкви приносился «чрезъ ощутительный недостатокъ крестьянскихъ училищъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, сравнительно съ таковыми же училищами по вѣдомству государственныхъ имуществъ, и чрезъ холодность и равнодушіе самихъ владѣльцевъ къ заведенію ихъ, при всей готовности сельскаго духовенства принять на себя безмездно обязанности наставниковъ въ сихъ училищахъ». Эта мѣра оказалась одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ, и заботы синода, а затѣмъ земства, о народномъ образованіи являются лучшимъ путемъ къ соединенію отпадшихъ. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ одномъ изъ газетныхъ сообщеній, присланномъ изъ Гусличъ. «До открытія земскихъ учрежденій,—пишетъ корреспондентъ «Голоса»,—въ Гуслицахъ распространены были старообрядческія школы, въ которыхъ воспитаніе старообрядческихъ дѣтей заключалось въ слѣдующемъ: чтеніе, начиная съ часовника, псалтыря и другихъ богослужебныхъ книгъ; полууставное письмо, самой посредственной каллиграфіи—и, наконецъ, пѣніе простое крюковое (древне-церковное) и демественное. Все это считалось у старообрядцевъ необходимымъ, такъ какъ Гуслицы поставляли на всю Россію старообрядческихъ поповъ, дьячковъ и другихъ священнослужителей. И въ настоящее время въ Москвѣ—на Рогожскомъ и въ Петербургѣ—на Громовскомъ кладбищахъ весь причтъ состоитъ преимущественно изъ гуслицкихъ крестьянъ. Старообрядческія школы въ Гуслицахъ были нѣкогда доходною статьею полиціи; даже и теперь при наѣздахъ станового въ старообрядческихъ школахъ происходитъ переполохъ: дѣтей выпускаютъ черезъ заднія ворота, книги и другіе школьные предметы прячутся на сѣновалъ. Съ открытіемъ въ Гуслицахъ земскихъ школъ,—свидѣтельствуетъ корреспондентъ,—многія старообрядческія прекратили свое существованіе. На первыхъ порахъ старообрядцы чуждались земскихъ народныхъ школъ, опасаясь

Digitized by Google

«никоніанской» заразы; но мало-по-малу взглядъ старообрядцевъ измѣнился, и въ настоящее время земскія школы наполнены исключительно старообрядческими дѣтьми. Этому много содѣйствовала монастырская школа, существующая при спасо-преображенскомъ гуслицкомъ монастырѣ. Здѣсь, наравнѣ съ болѣе усовершенствованными методами преподаванія, старообрядческихъ дѣтей стали учить по часовникамъ и псалтырямъ, изданнымъ московскою единовѣрческою типографіей, слово въ слово съ старопечатными книгами, которымъ вполнѣ довѣряютъ старообрядцы. Теперь въ одной монастырской школѣ обучается до ста-пятидесяти старообрядческихъ дѣтей». Вотъ убѣдительный фактъ, доказывающій, что старообрядцы не чуждаются просвѣщенія и не страдаютъ такою косностью и неподвижностью, какую желаютъ имъ приписать.

Обратилъ также вниманіе синодъ на препровожденіе времени православными въ праздничные и воскресные дни. «Въ эти дни,— говоритъ онъ въ одномъ указѣ,— православные должны бы болѣе чѣмъ въ другіе воздерживаться отъ безпутной жизни», поэтому казалось ему крайне неумѣстно установленіе наканунѣ или въ самые праздники базаровъ съ ихъ разгуломъ, пьянствомъ и соблазнами. «Сами жители города Сызрани,— приводитъ примѣръ синодъ,— обратились съ просьбою къ преосвященному употребить содѣйствіе къ отмѣнѣ базара, существующаго у нихъ въ воскресные дни; симбирское же дворянство, по внушенію архіерея, само распорядилось о закрытіи клубовъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней».

Но если синодъ въ отношеніи духовенства и православныхъ старался дѣйствовать путемъ поднятія уровня образованія, назиданіемъ и вообще духовными мѣрами, то въ отношеніи раскольниковъ онъ еще долго держался стараго направленія и требовалъ отъ свѣтской власти точнаго исполненія строгихъ и притѣснительныхъ законовъ. Не разъ онъ настаивалъ на преслѣдованіи наставниковъ раскола и на безусловномъ запрещеніи совершать имъ богослуженіе. Основываясь на законѣ, запрещающемъ тайныя сборища и братства, синодъ поставляетъ на видъ снисходительное распоряженіе симбирскаго губернатора, не предавшаго суду учредителей этихъ сходбищъ потому только, что чиновникъ особыхъ порученій Пановъ не нашелъ въ общественныхъ помѣщеніяхъ раскольниковъ ничего противнаго религіи и нравственности. Онъ требуетъ строгаго преслѣдованія совратителей въ расколъ, указывая на особую въ этомъ случаѣ снисходительность свѣтской власти, допускающей, въ видѣ благотвори-

Digitized by Google

тельности и человѣколюбія, руководителямъ раскола выкупать крѣпостныхъ изъ податного состоянія и совращать ихъ потомъ въ расколъ. Указывалъ также синодъ и на то, что, по уставамъ народнаго просвѣщенія и ремесленному, запрещено заниматься воспитаніемъ дѣтей, учить ихъ грамотѣ, какимъ-либо наукамъ, ремесламъ, а тѣмъ болѣе закону Божію, безъ соблюденія установленныхъ правилъ, подъ опасеніемъ штрафа,—и, несмотря на это,—говоритъ синодъ,—«дѣвки-келейницы совершенно безнаказанно занимаются воспитаніемъ дѣтей, обученіемъ ихъ грамотѣ и закону Божію, посѣвая въ юныхъ сердцахъ сѣмена раскола и отвращенія къ православію». Наконецъ, синодъ требовалъ ограничить произвольный переходъ раскольниковъ съ мѣста на мѣсто, запретить имъ торговлю иконами, книгами, рукописями, воспретить занятіе ими между православными общественныхъ должностей и приступить къ немедленному уничтоженію всѣхъ раскольническихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ (см. указъ синода 28 января 1857 г.).

Всѣ эти требованія и настоянія синода оставались безъ удовлетворенія отчасти потому, что свѣтская власть многолѣтнимъ опытомъ убѣдилась въ безрезультатности ихъ, отчасти потому, что въ то время новые взгляды уже успѣли указать правительству путь болѣе широкой терпимости. Были случаи, гдѣ правительство само требовало полнаго невмѣшательства духовенства въ дѣла, касающіяся до раскола. Такъ, въ Тобольской губерніи, одинъ священникъ распорядился запечатать раскольническую молельню въ то время, когда главное мѣстное начальство оставило ее у раскольниковъ безъ права поправокъ. Дѣло это доходило до высочайшаго разсмотрѣнія и имѣло послѣдствіемъ особый запретительный указъ синода, чтобы духовенство ни подъ какимъ видомъ не вмѣшивалось въ дѣла, принадлежащія вѣдѣнію свѣтской власти (см. ук. 28 февр. 1858 г.). Этого мало. На возбужденный митрополитомъ Григоріемъ вопросъ, какой системѣ въ отношеніи раскольниковъ слѣдовать на будущее время, т.-е. старой-ли, или избрать иную, секретный комитетъ весьма ясно высказалъ, «что духовенство ни подъ какимъ видомъ не должно вмѣшиваться въ раскольническія требы, ниже въ какія-либо полицейскія распоряженія о противозаконныхъ дѣйствіяхъ, преслѣдованіе которыхъ не есть дѣло духовенства; оно не должно ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола обращаться съ требованіями или доносами къ свѣтскимъ властямъ и ни въ какомъ случаѣ, не выходя изъ круга чисто духовныхъ дѣйствій, входить въ сношеніе съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, развѣ

Digitized by Google

только въ обстоятельствахъ дѣйствительной важности и въ отдѣльныхъ случаяхъ совращенія въ расколъ» (см. указ. 31 марта 1858). Этотъ взглядъ правительства положилъ начало, такъ-сказать, секуляризаціи отношеній къ расколу свѣтской и духовной властей, что и было принято въ основу «Наставленія», о которомъ говорили выше.

Оставшись такимъ образомъ съ 1858 года на исключительной почвѣ духовнаго назиданія и вразумленія по отношенію къ расколу, синодъ сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на развитіи миссіонерской дѣятельности, способствуя и укрѣпляя въ средѣ духовенства стремленіе къ изученію раскольническихъ ученій и догмъ, а также озабочиваясь распространеніемъ и обнародываніемъ раскольническихъ рукописей. Коренное преобразованіе духовныхъ академій и семинарій, въ программу которыхъ допущенъ былъ свѣжій воздухъ научнаго изслѣдованія и устраненъ бездушный схоластическій методъ, болѣе всего вредившій пониманію высокой богословской истины,—возвысило нравственный уровень сельскаго духовенства, и хотя не вдохнуло въ него той теплоты и участія къ духовной жизни паствы, какая наиболѣе сближаетъ народъ съ своими пастырями, но уже не допускало болѣе возмутительной небрежности и алчности священнослужителей прежняго закала, печальные примѣры которыхъ столь извѣстны и обществу и правительству. Этому отчасти способствовало также уменьшеніе числа приходовъ и новая организація церковныхъ причтовъ, т.-е. хотя незначительное, но все-таки приближеніе къ разрѣшенію вопроса объ улучшеніи матеріальнаго обезпеченія сельскаго духовенства. Сдѣлана была также попытка о выработкѣ началъ судебной духовной реформы; но здѣсь встрѣчены были такія затрудненія въ согласованіи основъ юридической науки съ каноническими правилами, что дѣло это пока положено подъ спудъ. Наконецъ, обращено не мало заботливости о духовной проповѣди, причемъ синодъ неоднократно указывалъ, чтобы священнослужители поучали своихъ прихожанъ не только въ церквахъ, но и при каждыхъ частныхъ собесѣдованіяхъ, живымъ, согрѣтымъ истиною и любовью словомъ, которое, во всякомъ случаѣ, можетъ вѣрнѣе и глубже проникнуть въ душу простолюдина, чѣмъ употреблявшееся прежде сухое, холодное, да и вовсе непонятное для народа чтеніе такъ-называемыхъ «проповѣдей», просмотрѣнныхъ начальствомъ. Въ настоящее время, касательно улучшенія быта православнаго духовенства стоятъ на очереди къ разрѣшенію два неотложныхъ вопроса: 1) устраненіе безконтрольнаго подчиненія бѣлаго духо-

Digitized by Google

венства владыкѣ и консисторіи, съ замѣною законнаго отношенія къ нимъ, т.-е. введеніе судебно-духовной реформы; и 2) улучшеніе матеріальнаго благосостоянія сельскаго духовенства, замѣною сборовъ опредѣленнымъ окладомъ жалованья, что̀ можетъ быть достигнуто только чрезъ равномѣрное распредѣленіе средствъ чернаго и бѣлаго духовенства.

Если возвышеніе нравственнаго и матеріальнаго уровня православнаго духовенства послужитъ одною изъ могущественныхъ мѣръ къ ослабленію раскола, то не менѣе того церковь направляла и направляетъ по настоящее время всѣ духовныя силы свои непосредственно на вразумленіе отпадшихъ. Мы уже видѣли, съ какою заботливостью отнеслось церковное правительство къ учрежденію противораскольническихъ миссій и къ распространенію знаній о существѣ раскольническихъ ученій. Гуманное и проникнутое духомъ терпимости отношеніе къ раскольникамъ со стороны принимающихъ на себя званіе миссіонеровъ—лучше всего выразилось въ миссіонерскомъ наставленіи, составленномъ бывшимъ архангельскимъ епископомъ, преосвященнымъ Антоніемъ. Указывая на необходимость самой безупречной жизни, на строгое соблюденіе всѣхъ церковныхъ обрядовъ при совершеніи богослуженія, это наставленіе на вопросъ: какъ миссіонеръ долженъ дѣйствовать на раскольниковъ?—между прочимъ, отвѣчаетъ: «миссіонеръ долженъ приспособляться къ правиламъ и обычаямъ раскольниковъ, и потому долженъ не нюхать, не курить табаку; вошедши въ раскольническій домъ, долженъ помолиться Богу, начиная ѣсть или пить, сотворить молитву и истово оградить себя крестнымъ знаменіемъ»... «Отнюдь не говорить раскольникамъ,—продолжаетъ наставленіе, — что они глупы и не знаютъ вѣры; напротивъ, хвалить, что̀ есть у нихъ хорошаго, какъ-то: набожность, точное исполненіе устава о пищѣ и богослуженіи, благоговѣніе при его совершеніи и проч. Миссіонеръ обязанъ быть кроткимъ и терпѣливымъ; онъ долженъ быть снисходителенъ, ибо многіе изъ нихъ не соглашаются перейти въ православную церковь не по упрямству, а изъ опасенія потерять истинную вѣру».

Такое направленіе было преподано не только миссіонерамъ, но и всему духовенству, въ приходахъ котораго находились раскольники. Чтобы болѣе сосредоточить противораскольническую пропаганду и поставить ее въ надлежащее отношеніе къ мѣстнымъ условіямъ распространенія раскола, съ благословенія синода было учреждено нѣсколько братствъ, какъ, напримѣръ: св. Гурія при казанской епархіи, Свято-троицкая — при уфимской, братство св. Петра, открытое 1876 г. при астраханскомъ

Digitized by Google

каѳедральномъ соборѣ, наконецъ, московское братство св. митрополита Петра и проч. Польза отъ дѣятельности этихъ братствъ несомнѣнна. Заводя школы, библіотеки, издавая брошюры противораскольническаго направленія, распространяя ихъ черезъ книгоношъ, они этимъ самымъ вызываютъ прежде замкнутый въ себѣ расколъ къ диспутамъ, къ умственной богословской работѣ и невольно заставляютъ ихъ взглянуть на возможный путь духовнаго сближенія. Съ этою послѣднею цѣлью братства посылаютъ отъ себя для публичныхъ собесѣдованій самыхъ опытныхъ проповѣдниковъ, вразумленія которыхъ, какъ это видно изъ отчетовъ св. синода, не остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, въ особенности, если они ведутся такими даровитыми знатоками раскольническихъ ученій, какъ профессоръ Ивановскій, игуменъ Павелъ и другіе. Наконецъ, въ концѣ-концовъ, церковь отрѣшилась отъ прежняго порядка секретнаго веденія борьбы съ расколомъ и сдѣлала это дѣло гласнымъ, какъ-бы призывая къ нему участіе всѣхъ православныхъ христіанъ. Еще съ 1854 года былъ основанъ при казанской духовной академіи журналъ «Православное Обозрѣніе» съ цѣлью изслѣдовать, описывать и опровергать расколъ съ разныхъ сторонъ историческаго его возникновенія и развитія догматическихъ ученій. До 1857 г. журналъ этотъ выходилъ 4 раза въ годъ; но съ этого времени онъ началъ издаваться ежемѣсячно, причемъ синодомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы епархіальныя начальства доставляли въ редакцію всѣ свѣдѣнія о современномъ движеніи раскольническихъ сектъ и о появляющихся между ними сочиненіяхъ. Основанъ былъ также при московскомъ братствѣ митрополита Петра журналъ «Братское Слово», подъ редакціею профессора Субботина. Журналъ просуществовалъ всего только два года. Если г. Субботинъ обращаетъ сыпавшіяся на редактируемый имъ журналъ порицанія въ свою пользу, говоря, «что въ нихъ позволительно видѣть скорѣе аттестатъ о достоинствахъ, нежели, недостаткахъ изданія» (см. «Б. С.» кн. IV, стр. 459), то да позволено будетъ также сказать, что между порицаніями существовали и такія, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть поняты въ противоположномъ смыслѣ: это крайне желчный, рѣзкій полемическій характеръ журнала, нисколько не соотвѣтствующій его названію. Обратимъ вниманіе хотя на полемику съ г. Филиповымъ, отцомъ Верховскимъ, іеромонахомъ Пафнутіемъ и, наконецъ, на «объясненіе съ старообрядцами по поводу адреса свящ. Верховскому». Повсюду проглядываютъ качества немыслимыя въ духовномъ журналѣ—да еще въ такомъ, цѣль назначенія кото-

Digitized by Google

раго была расчищать путь къ соглашенію, а не заграждать его новыми непріязненными отношеніями.

Заключая нашъ историческій обзоръ принимаемыхъ правительствомъ и церковью мѣръ противъ раскола за текущее столѣтіе, мы замѣтимъ одно: если послѣднія усилія церкви приводятъ иногда къ единенію до 2000 человѣкъ въ годъ, то, взамѣнъ того, церковь теряетъ въ числѣ отпадшихъ гораздо большее число. Печальный фактъ этотъ кроется, конечно, не въ одной не-цѣлесообразности или непригодности принимаемыхъ противъ раскола мѣръ; онъ кроется также въ общихъ началахъ, положенныхъ въ основаніе нашей общественной и гражданской жизни. Тутъ выступаетъ на видъ и вопросъ объ отношеніи церкви къ государству, и вопросъ о свободѣ совѣсти, вообще о разладѣ духовно-нравственнаго настроенія между высшими и низшими слоями общества (что у насъ особенно ощутительно), наконецъ, и вопросы о гражданскомъ и общественномъ положеніи самихъ отпадшихъ. Но все это не входитъ въ программу настоящаго очерка и требуетъ для себя болѣе широкой и подробной разработки.

Е. Р.

Digitized by Google

ДЕРЕВЕНСКІЕ МІРОѢДЫ

ОЧЕРКИ.

II *).

СТАРЫЙ ПОКРОВСКІЙ ДЬЯКОНЪ.

Что̀ такое сельскій дьяконъ? Лицо довольно неопредѣленное, существованіе какое-то шаткое, двусмысленное: съ одной стороны, это не церковно-служитель, какъ дьячокъ и пономарь, а священно-служитель, какъ и самъ батюшка, попъ; но съ другой— батюшка никогда не поравняетъ его съ собою, а дьячокъ мнитъ себя по достоинству мало чѣмъ ниже дьякона, не питаетъ къ нему никакого подобострастія, кадило подаетъ ему равнодушно, безъ всякаго смиренія, какъ равный равному; въ мірской жизни, на пиршествѣ, не стѣснится никогда его присутствіемъ, ни въ чемъ не уважитъ, не усумнится сѣсть рядомъ съ нимъ и возразить или перебить въ рѣчахъ, даже находясь въ трезвомъ состояніи, а насчетъ церковнаго устава такъ всегда почти считаетъ себя болѣе знающимъ и опытнымъ. Въ общежитіи, въ сношеніяхъ съ прихожанами, во вліяніи на приходъ, въ большинствѣ случаевъ старый дьячокъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ дьяконъ. Между тѣмъ каждый дьяконъ считаетъ себя на чредѣ священнической, каждый, съ молоду до извѣстной преклонности возраста, собирается держать экзаменъ и мечтаетъ добиться священническаго сана. Каждый дьяконъ завистствуетъ, злоехидствуетъ и старается дѣлать возможныя препоны попу, вслѣдствіе этого дру-

*) См. выше: апрѣль, стр. 553.

Digitized by Google

жески ищетъ поддержки и старается составить оппозиціонную партію въ церковно-служителяхъ: дьячкѣ и пономарѣ, и такимъ образомъ какъ-бы невольно примыкаетъ къ нимъ. Но и въ храмѣ Божіемъ, и въ мірскихъ домахъ, онъ держится около священника и идетъ за нимъ туда, куда часто закрытъ доступъ причетникамъ: въ господскихъ, напримѣръ, усадьбахъ отецъ дьяконъ всегда приглашается къ закускѣ и къ столу вмѣстѣ съ батюшкой, въ гостиную, или въ столовую, тогда какъ причетники оставляются въ прихожей и трапезуются особо отъ господъ и отъ попа съ дьякономъ. Но дьяконъ, подходя къ той же закускѣ, что́ и батюшка, садясь за одинъ столъ и рядомъ съ нимъ, пользуясь почти одинаковымъ гостепріимствомъ, тѣмъ не менѣе играетъ роль ниже, чѣмъ второстепенную, и представляетъ собою скорѣе тѣнь батюшки, чѣмъ самостоятельное лицо. Ни съ нимъ не заговорятъ помимо батюшки, ни онъ не рискнетъ перебить его, или завести отдѣльную бесѣду: онъ всегда почти находится въ молчаливомъ состояніи бдительности и ожиданія, ибо знаетъ, что за каждымъ привѣтствіемъ или выраженіемъ вниманія къ отцу іерею послѣдуетъ таковое же и относительно его; если просятъ къ водкѣ батюшку, то обратятся и къ нему: отецъ дьяконъ, пожалуйте!.. Если чѣмъ-либо настойчиво подчуютъ отца іерея, то скажутъ и ему: а вы что́ же, отецъ дьяконъ? кушайте!.. Поэтому въ гостяхъ, особенно у людей досточтимыхъ, дьяконъ бо́льшею частію смиряется и только вскользь посматриваетъ на отца іерея и непремѣнно прислушивается къ тому, что́ говоритъ батюшка и что́ говорятъ ему, киваетъ головой и иногда поддакиваетъ, чтобы заявить свое согласіе и единомысліе со священникомъ, поспѣшно улыбается, когда тотъ говоритъ весело или остроумно, и рѣшительно отказывается отъ тѣхъ вторыхъ кусковъ кушанья, отъ которыхъ отказался батюшка, за сытостію.

Бываютъ случаи, когда дьяконъ, особенно въ концѣ или послѣ сытнаго обѣда, выходитъ изъ этой роли и высказываетъ собственное мнѣніе о вещахъ и предметахъ, не выждавши предварительно мнѣнія батюшки, а иногда даже и противъ него, но эти случаи бываютъ, видимо, нарушеніемъ порядка, вызываютъ вопросительно-удивленные взгляды, а иногда даже неодобрительное киваніе головы со стороны священника, и желаніе замять и изгладить неловкость поведенія дьякона въ глазахъ хозяевъ. И дьяконъ бо́льшею частію сейчасъ же смиряется. Бываютъ, правда, и такіе, рѣдкіе впрочемъ, случаи, когда дьяконъ щетинится, не уступаетъ, огрызается и даже закусываетъ удила, но это принимается за знакъ, что надо прощаться и уходить спѣшно домой, дабы изба-

Digitized by Google

вить хозяевъ отъ неблагопріличнаго поведенія забывшагося гостя: поднятіе съ мѣста и прощаніе съ хозяевами священника почти всегда усмиряетъ и расходившагося дьякона, — онъ знаетъ, что безъ отца іерея его не попросятъ остаться и посидѣть. Съ молоду сельскій дьяконъ, особенно красивый собою и обладающій хорошимъ голосомъ, мечтаетъ еще и покушается создать себѣ независимое и самостоятельное положеніе: пробуетъ заискивать вниманіе въ господскихъ домахъ и у болѣе зажиточныхъ прихожанъ, пробуетъ учить деревенскихъ ребятъ грамотѣ, затѣваетъ согласное клирное пѣніе, привлекая къ нему прихожанъ, заботливо сторонится отъ причетниковъ, стараясь въ то же время стать на равную ногу съ попомъ, церковную службу совершаетъ тщательно, истово, съ выраженіемъ произноситъ эктенію, не жалѣя груди, вычитываетъ евангеліе,—вообще во всемъ наружномъ видѣ своемъ тщится подражать важности, сановитости и торжественности соборнаго протодіакона... Но не долго онъ сохраняетъ такое настроеніе, скоро начинаетъ сознавать тщету своихъ стремленій и мечтаній, постепенно падаетъ духомъ, входитъ въ установленную колею и занимаетъ то неопредѣленное двусмысленное положеніе, какое условія жизни установили для его сана. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ его поселяется или апатія, или скрытое недовольство, зависть и потребность мелочной, хотя и упорной иногда, оппозиціи священнику. Вслѣдствіе шаткости своего положенія и постояннаго душевнаго недовольства, дьяконъ не такъ прилежитъ и къ своему хозяйству и домоводству, какъ батюшка или причетникъ. Эти послѣдніе знаютъ, что для нихъ нѣтъ лучшаго удѣла, что вопросъ будущаго для нихъ разрѣшенъ, и начинаютъ пользоваться всѣми возможными удобствами среды съ перваго же дня поступленія въ нее, свиваютъ свои гнѣзда тщательно и заботливо, не жалѣя спины ни для поклоновъ, ни для труда, ничѣмъ не пренебрегая, ничѣмъ не брезгуя, что можетъ быть благопотребно для увеличенія ихъ, въ большинствѣ случаевъ, убогаго благосостоянія. Оттого-то сплошь и рядомъ, не говоря уже о священникѣ, причетникъ живетъ лучше дьякона, получая, повидимому, меньше его: у причетника и домъ, и лошадь, и сбруя исправнѣе, и полоса лучше обработана и больше родитъ, чѣмъ у дьякона, да, пожалуй, еще въ огородѣ стоятъ колодки съ пчелами, а въ коробѣ у жены припасены для продажи куски холста собственноручной точи, и въ амбарушкѣ или погребицѣ сушеные бѣлые грибы и соленые грузди и рыжики, тоже собранные руками домовитой хозяйки и приготовленные для продажи. Дьячокъ самъ и полосу свою взоретъ, и сѣно выкоситъ, какъ добрый

Digitized by Google

мужикъ,—своевременно и старательно, самъ и удобреніе вывезетъ, и всякую другую черную работу по дому справитъ; во всякой такой работѣ, безъ всякаго сомнѣнія и щепетильности, поможетъ ему жена—дьячиха, и сынъ и дочь—дьячковы дѣти. Дьячокъ можетъ быть очень скроменъ и во внѣшней обстановкѣ своей жизни: ему не нужно шить суконной рясы и подрясника, которые необходимы для дьякона въ праздничные дни, и которые требуютъ такъ много сукна и стоятъ дорого: дьячокъ можетъ всю жизнь прожить въ нанковомъ сюртукѣ, или казинетовомъ подрясникѣ; ему не нужно изъясниться и на шелковое платье, или даже платокъ для жены и дочери: дьячихѣ можно обойтись даже и безъ шерстянаго, а довольствоваться во всѣхъ случаяхъ бумажиной, ситцомъ. Дѣти дьячка—не поповы дѣти—бѣгаютъ себѣ босикомъ въ однихъ толстыхъ холщевыхъ рубахахъ, и даже въ училищѣ, въ городѣ, довольствуются халатомъ, или перешитымъ изъ стараго отцовскаго подрясника, нанковымъ сюртукомъ, который полагается, придя изъ училища, снимать и беречь, какъ зеницу ока, а сапоги надѣвать только въ стѣнахъ училища, сидя смирно за партою; внѣ же этихъ стѣнъ носить ихъ съ бережью не на ногахъ, а на плечѣ, для сохранности. И домъ у дьячка можетъ быть безъ стыда для хозяина не красенъ углами, совсѣмъ на подобіе крестьянскаго, и даже подъ соломенной крышей: дьячка за это никто не осудитъ. Всѣ эти удобства общественнаго положенія даютъ возможность причетнику, несмотря на грошовый доходъ, не только сводить концы съ концами, прокормить и воспитать дѣтей, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ, при усиленномъ упорномъ трудѣ, при умѣньи стѣснять себя даже и среди тѣхъ лишеній, изъ которыхъ состоитъ вся жизнь, нѣкоторые причетники ухищряются дѣлать сбереженія, скопить сотню-другую заповѣднаго капитала, или протащить закаленныхъ въ суровой школѣ нужды мальчишекъ своихъ чрезъ семинарію до духовной академіи или университета.

Общественное положеніе дьякона совсѣмъ иное, вызывающее другія потребности, требующее бо́льшихъ непроизводительныхъ расходовъ: въ качествѣ священно-служителя, предстоящаго алтарю, почти наравнѣ съ іереемъ, онъ долженъ и жить почти одинаково съ батюшкой, хотя доходы его немного больше причетническихъ. И одежда должна быть приличнѣе, какъ на немъ, такъ и на семейныхъ его, которыя не знаются только съ одними мужиками, но за-урядъ съ семействомъ попа принимаются въ господскихъ домахъ; ни самому дьякону, ни семейству его, нельзя показаться передъ народомъ босыми, безъ обуви, а ко-

Digitized by Google

жный товаръ нынѣче одинъ чего стóитъ, равномѣрно и весь прочій суконный и шерстяной матеріалъ для верхняго одѣянія. Полоса дьякона хоть и больше причетнической, а хлѣба даетъ, пожалуй, меньше, потому что меньше удобрена да и обработана чужими руками, изъ-за водки да изъ-за поклоновъ, мірскою помочью; работать въ полѣ и справлять всякую черную работу самому, своими руками, для дьякона какъ-то непристойно, да отчасти и неудобно и некогда, потому что на немъ лежитъ вся письменная работа—веденіе книгъ и отчетности по церкви и приходу. Хоть это и не прямая обязанность дьякона, но какъ-то вошло уже въ обычай, что на дьякона возлагается письменная часть, и мѣстный священникъ, и отецъ благочинный, того требуютъ. А какой же можетъ быть почеркъ, если руки дрожатъ, изнатуженныя ломовой работой: ораньбой или косьбой? Да и вообще ужъ какъ-то такъ завелось, что у попа большая часть полевыхъ работъ исправляется помочами отъ прихода, а по его примѣру и у дьякона; но только съ той разницей, что къ попу прихожане идутъ, если и не съ большой охотой, то какъ-бы по долгу: потому нельзя не послужить—отецъ духовный, безъ него ни родиться, ни умереть не придется, а къ дьякону идутъ на помощь ужъ совсѣмъ изъ милости, изъ снисхожденія, или по добротѣ душевной и ради очень щедраго угощенія, отъ того и помочи дьякону обходятся дороже, чѣмъ священнику, и выгоды отъ нихъ меньше: и раньше кончатъ, и хуже сдѣлаютъ... Батюшка можетъ и прикрикнуть на помочанъ, и понукнуть въ работѣ, и пожурить за лѣность и нерадѣніе—ничего, перенесутъ и промолчатъ, а если попросить, или побольше поднесетъ, посытнѣе накормитъ, то примутъ не какъ должное, а въ особую честь и уваженіе; а попробуй-ка дьяконъ побраниться, или потребовать лишнихъ часокъ-другой въ работѣ, или плохо угостить: такъ въ другой разъ и не дозовешься на помочь, придется, пожалуй, нанимать да платить за работу. Само-собою разумѣется, и народъ понимаетъ, что безъ дьякона во всякомъ дѣлѣ обойтись можно, что онъ такъ только *для виду*, и самъ по себѣ ничего не можетъ, а идетъ только вслѣдъ за попомъ, и что попъ безъ дьякона все вычитать и справить можетъ, а дьяконъ безъ попа ни даже ни, ничего!.. Выходитъ, что и служить, и уважать ему не изъ-за чего, а развѣ только для Бога, да изъ-за ласки изъ одной: просить очень, докучаетъ, кланяется... Ну, и угощеніе отъ него хорошее бываетъ!.. По всему этому зажиточный, или даже безъ нужды живущій дьяконъ въ селѣ—большая рѣдкость, гораздо большая, чѣмъ справный, зажиточный причетникъ. Поэтому въ большинствѣ

Digitized by Google

селъ среди довольныхъ, спокойныхъ, а иногда и степенно-важныхъ лицъ причетниковъ встрѣчаешь или хмурое, озлобленное, желчное, или приниженное, заискивающее, или совсѣмъ апатичное выраженіе на лицѣ дьякона, если только онъ не молодъ, разстался уже съ розовыми надеждами и пересталъ расчесывать и салить свои волосы... Но не таковъ былъ дьяконъ у Покрова на Семнѣ. И случилось такъ, что не только одинъ, но два сряду, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, тесть и зять, оба были люди не только зажиточные, но даже богатые.

Старый дьяконъ былъ скряга и что-называется крохоборъ: онъ весь ушелъ въ скопидомство и поглощенъ былъ одною страстью стяжанія. Ничѣмъ не брезговалъ онъ, чтобы благопріобрѣсти и увеличить свой достатокъ: при сборѣ нови неотвязно просилъ прибавки и спорилъ съ бабами изъ-за каждаго лишняго яйца, ложки масла, ковша жита; придумывалъ, изобрѣталъ и вводилъ новые поборы съ прихожанъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ, разумѣется, черезъ священниковъ, которыхъ умѣлъ воодушевлять и подбивать на этотъ трудъ. Такимъ образомъ, по его иниціативѣ, въ покровскомъ приходѣ подъ новью, за сборомъ которой ходило и ѣздило духовенство, разумѣлись не только хлѣбъ, масло и яйца, какъ въ другихъ приходахъ, но также сѣно, солома, огородные овощи, сушеные грибы, бабья пряжа, или куски вновь вытканныхъ холстовъ, даже березовыя полѣнья, которыя мужикъ запасалъ на-зиму *для свѣта*. За всѣмъ этимъ неукоснительно и аккуратно отправлялся дьяконъ въ извѣстные сроки и умѣлъ выпрашивать и привозить домой больше самого священника. Трое поповъ смѣнилось у Покрова, пока онъ одинъ безсмѣнно дьяконствовалъ, и это обстоятельство онъ выставлялъ нерѣдко для усовѣщеванія скупыхъ и неподатливыхъ прихожанъ.

— Это что ты мнѣ на попа-то ссылаешься,—говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ:—что ему съ эстолько же подала?.. А ты мнѣ подавай сугубо, не обинуясь: тѣ всѣ молокососы,—сегодня здѣсь, а завтра норовятъ въ другой приходъ, гдѣ поприбыльнѣй, старыхъ чадъ своихъ духовныхъ на новыхъ мѣняютъ, ради мздоимства и своекорыстія... А я у васъ столбъ,—я коренной у васъ былъ, есмь и буду: вонъ ужъ ихъ трое при мнѣ перебывало, поповъ-то, а я все тотъ же, одинъ... Не гнушаюсь, что бѣденъ приходъ, не ропщу, остаюсь доволенъ малымъ, не ищу лучшаго... Я васъ всѣхъ знаю отъ мала до велика — и вы ко мнѣ привыкли: вамъ меня равнять даже съ кѣмъ-нибудь не приходится, —стыдно, а не только умалять. Попу жить и безъ того хорошо: онъ изъ кружки отъ каждаго сборнаго рубля полтину взимаетъ,

Digitized by Google

а я въ четвертакѣ остаюсь... Вотъ нынѣ и въ жалованьѣ та же соразмѣрность, даже болѣе того,—такъ ему жить можно!.. Да я и не ропщу: намъ, по Апостолу, отъ паствы своей питаться указано,—къ паствѣ и обращаюсь, отъ нея и жду доброхотнаго даянія на скудость нашу... Полно-ка, полно, прибавляй еще: Богъ сторицею вознаградитъ!..

— Эка, дьяконъ, ненасытная твоя утроба,—промолвитъ иной бойкій мужикъ или озорливая баба, добавляя, впрочемъ, подачку: — сколь ни подай, все тебѣ мало, все прибавки просишь... Не даромъ, видно, говорится: «попова рука ковшичкомъ».

— То-то и есть, что ковшичкомъ,—отшучивается дьяконъ:— великъ ли ковшичекъ?— ковшомъ море не вычерпаешь, а «въ мірѣ, что въ морѣ»,— тоже сказываютъ. Ваше дѣло мірское— большое, прямое море: ковшикъ-то ты насыплешь,— у тебя и не убыло ничего, все то же осталось... А «съ міру по ниткѣ— бѣдному рубашка»,—и это также говорится, сущая правда. Опять же и то помнить вамъ надо: «дающая рука не оскудѣетъ»— сказано... Не про взимающую сказано, а про дающую, а чья дающая-то?—ваша... Вотъ что помните!.. Вотъ она хоть и не ковшичкомъ, а преизбыточнѣе нашей будетъ... По писанію-то если...

— Да по писанію-то, можетъ статься... Только ковшей-то этихъ, паре, нонѣ больно много развелось: всякъ со своимъ лѣзетъ... Не знаешь, въ который сыпать... Въ писаніи, вѣдь, тоже показано: не желай... а вотъ напротивъ того всякій желаетъ... и ты вотъ желаешь...

— То про другое: если съ завистью, или съ силой, въ отъемъ, а не доброхотно... А, напротивъ того, сказано: «если алчетъ братъ твой — ухлѣби его, аще жаждетъ — напой его»... Вотъ какъ нужно принимать это... А кто же и молится-то за васъ, кѣмъ вы и живы-благополучны, коли не нами, предъ престоломъ всегда предстоящими?.. Не разоритесь, братцы, не разоритесь, что духовному подадите, если и лишнее что придется... Не оскудѣете, говорю: сторицею возвратится!..

Бывали случаи, что говаривали дьякону и такимъ образомъ:

— Эхъ, дьяконъ, дьяконъ, эки глаза-то у тебя завидущіе... Ну, куда тебѣ? вѣдь ужъ, кажется, богатъ: полны корчаги, чу, денегъ-то... А все тебѣ мало... Пущай бы семья большая, а то всего-то дочь одна... Ну, про кого тебѣ, на что?..

Такія рѣчи очень раздражали и сердили дьякона. Онъ на нихъ отвѣчалъ съ нескрываемой обидой и раздраженіемъ:

— Богатъ ли я, бѣденъ — самъ про себя: никому до того

Digitized by Google

дѣла нѣтъ... Я не съ разбоемъ пришелъ, не за воротъ взялъ: прошу слѣдующаго, какъ по обычаю... Ты, видно, не христіанинъ, коли духовному лицу этакія слова говорить можешь... Не хочешь ты подавать — не подавай, такъ и знать будемъ, при случаѣ вспомянемъ, какова въ тебѣ есть вѣра и къ церкви усердіе... а такихъ рѣчей говорить не смѣй!.. Я не самъ по себѣ хожу, не одинъ, самоволомъ, а какъ и весь прочій причтъ: за слѣдующимъ, за показаннымъ, установленнымъ... Вотъ что!.. Ты либо подавай, либо поверни дьякона-то да въ шею: вотъ, молъ, тебѣ мое подаяніе!.. Ужъ лучше будетъ: по крайности, дѣло на виду!

— Зачѣмъ въ шею!.. Мы не къ тому, а такъ только, къ слову... Вотъ получи, Богъ съ тобой...

— Слова-то эти очень обида большая... Не хорошо, братъ, Тихонъ, не хорошо!.. Сказано: не осуждай!.. А ты что дѣлаешь?.. Ты думаешь, легко это, сладко: по васъ ходить, да выклянчивать-то?.. Тяжело, другъ, это... Весьма тяжело и гнусно!.. Приведи Богъ всякому подать, а неужели принять... А что же дѣлать, если намъ отъ Бога, отъ святыхъ отецъ и отъ всѣхъ соборовъ показано—отъ паствы питаться?.. Какъ же намъ быть, съ голоду, что ли, помирать, коли больше негдѣ взять?.. И не то—разбогатѣть, а дай Богъ прокормиться отъ этихъ вашихъ подаяніевъ-то... вотъ что!.. А ты еще хочешь, чтобы и кусокъ-то вашъ, что ты подаешь богомольцамъ за васъ, служителямъ церкви вашей приходской, гдѣ отцы и дѣти ваши вспоминаются за упокой и во здравіе, чтобы и кусокъ-отъ этотъ имъ поперекъ горла всталъ... Не хорошо, другъ Тихонъ, не хорошо... не одобрительно! Дважды и трижды загладь эту рѣчь твою... Постарайся!.. Вотъ что я тебѣ скажу, коли ты истинный христіанинъ и церкви своей сынъ вѣрный, безхитростный!..

Благодаря заботливости, изобрѣтательности и энергической настойчивости того же дьякона, въ покровскомъ приходѣ не только строго поддерживались всѣ праздники «со славою», съ крестными ходами, съ поднятіемъ иконъ, и совершались многія требы, которыя пропускаются въ иныхъ приходахъ, но были введены новыя, не практиковавшіяся по сосѣдству. Въ сосѣднихъ приходахъ со «славою» ходили только два раза въ годъ: на Пасхѣ и въ Крещенье, а у Покрова—и въ Рождество, и во всѣ три престольные праздника (холодной, *настоящей* церкви и двухъ придѣловъ зимней, теплой) — и, сверхъ того, со святою водою въ праздникъ Преполовенія, въ Егорьевъ день для окропленія скота, предъ стономъ на пастбища, и полей предъ посѣвомъ

Digitized by Google

яровыхъ хлѣбовъ, а потомъ въ первый Спасъ — для освященія плодовъ земныхъ, и во второй — передъ посѣвомъ новой ржи. Кромѣ поднятія мѣстныхъ иконъ и хожденія крестнымъ ходомъ вокругъ селеній и полей, ежегодно поднималась и обносилась по всѣмъ деревнямъ чудотворная икона изъ сосѣдняго монастыря. Неукоснительно также читались по домамъ въ свое время постныя и разрѣшительныя, а для женщинъ послѣ родовъ — очистительныя молитвы, не упускалось никогда оцерковленіе новорожденныхъ младенцевъ, а равно сорокоусты по усопшимъ, и въ субботніе дни поминаніе преставившихся родителей, для чего дьяконъ собственноручно написалъ и выдалъ на каждый приходскій домъ поминальную книжку. Особенно гордился дьяконъ и ставилъ себѣ въ большую заслугу поддержаніе въ своемъ приходѣ этого памятованія и усерднаго поминанія усопшихъ родителей и сродниковъ.

— Не вы, попы, здѣсь, а я, дьяконъ, настоящій пастырь добрый нашего духовнаго стада, — говаривалъ онъ иногда при случайныхъ неудовольствіяхъ и спорахъ по поводу раздѣла кружки, или въ иныхъ подобныхъ столкновеніяхъ: — я брегу объ овцахъ и не бѣгаю, вотъ скоро сорокъ лѣтъ стою на стражѣ, а вы то-и-дѣло мѣняетесь, ищете — гдѣ лучше, преизбыточнѣе... Кто всѣ порядки въ приходѣ уставилъ, кто рвеніе въ церкви Божіей въ семъ убогомъ, скудномъ вертоградѣ насадилъ, кто боголюбезное памятованіе объ усопшихъ вкоренилъ?.. Не вы ли пуще? — я, я одинъ!.. А отъ однихъ поминальниковъ тебѣ, попу, можетъ, больше трехъ десятковъ рублей въ годъ сходитъ!.. и то во вниманіе прими, что коли тверда сія вѣра въ загробную жизнь въ простомъ мужикѣ, не забываетъ онъ родителей поминать, то онъ и во всемъ прочемъ твердъ, и къ церкви прилеженъ: настоящій, значитъ, христіанинъ и прихожанинъ, сынъ церкви доброхотный... Вотъ вы что разсуждайте и высчитывайте, а не то, что гроши у меня утягать, да достатками моими меня попрекать!.. Поживи, погрудись, поусердствуй съ мое, да не расточай безъ ума, — наживешь втрое противъ моего!.. Ты, попъ, къ готовенькому пришелъ, да и получаешь слишкомъ вдвое... А спроси-ка меня: къ чему я пришелъ?.. Совсѣмъ приходъ-то послѣдній считался: вовсе народъ распущенъ былъ, никакого усердія къ церкви не имѣлъ... ровно стадо безъ пастыря... А теперь что? А все черезъ кого?.. — черезъ меня: моимъ стараніемъ, заботой и внушеніями!.. Прежде Панино-то попа и знать не хотѣло, въ домъ-то попа не пускало, а ужъ о церкви, аи объ какой требѣ, — и слуху не было... Только слава, что

Digitized by Google

богатая деревня въ приходѣ числилась, а сходу-то отъ нея въ годъ трехъ рублей не приходило... А теперь что? кто насъ кормитъ, какъ не то же Панино? А все кто настоялъ, кто къ порядку привелъ?.. Никто, какъ я же...

Дьяконъ намекалъ на деревню Панино, которая придерживалась старообрядства и чуждалась православнаго духовенства и церкви. Въ былое время она, дѣйствительно, вовсе и знать не хотѣла приходскаго священника, который на нее и рукой махнулъ, и пользовался отъ нея какимъ-нибудь доходомъ развѣ только въ экстренныхъ случаяхъ, когда мужикамъ нельзя было обойтись безъ мѣстной духовной власти. Правда, тогда они платились хорошо, но платою этою пользовался обыкновенно одинъ только священникъ, удѣляя причту лишь самую незначительную долю изъ тайно полученной суммы. Дьякону не нравилось такое явное, дерзкое, неуважительное отпаденіе отъ церкви цѣлой, притомъ самой богатой, деревни; онъ воспользовался періодомъ особеннаго преслѣдованія администраціею раскола и посовѣтовалъ священнику настойчиво входить въ каждый домъ Панина со «славой» и святой водой, строго велъ списокъ бывшихъ у исповѣди, не лѣнясь въ теченіи всего поста напоминалъ беззаботнымъ панинскимъ объ исполненіи этой христіанской обязанности и грозя обличеніемъ въ скрытомъ расколѣ съ совращеніемъ. Много нужно было упорства и терпѣнія въ достиженіи цѣли: не мало споровъ, даже ругательствъ и угрозъ случалось у запертыхъ, передъ носомъ клира, дверей въ иную панинскую избу, особенно въ первый годъ, когда началось хожденіе «со славой» въ Панино. Сначала мужики пробовали-было за-разъ откупиться отъ этой новости, но дьяконъ уперся,—и Панино мало-по-малу покорилось и стало принимать духовенство заурядъ съ прочими деревнями. Всѣ вновь вводимыя «славы» дьяконъ совѣтовалъ начинать всегда съ Панина, причемъ въ другихъ деревняхъ внушалось, что даже въ Панинѣ, которая, всѣмъ извѣстно, немножко придерживается старины,—и тамъ пріяли новую «славу» съ радостью и благодарностью.

Вся эта дѣятельность дьякона, столь многоплодная для прихода въ нравственномъ, а для него самого и причта — въ матеріальномъ отношеніи, происходила еще при крѣпостномъ правѣ. Почти всѣ мужички покровскаго прихода были оброчные и жили такъ себѣ: не богато, но и безъ голодной нужды, — были, что-называется, мужики исправные: недоимки за ними не стояло, денегъ и хлѣба залежныхъ не было, безъ лошади во время пашни не оставались и безъ молока ребятишекъ не выкармливали. Издѣльныхъ была одна только дерев-

Digitized by Google

нишка домовъ въ 10, принадлежавшая мелкопомѣстной старой барынькѣ, большой богомолкѣ и пріятельницѣ дьякона, которая проживала въ маленькой усадебкѣ, бокъ-о-бокъ съ своими мужиками. Барынька эта давно вдовствовала, давно жила въ своемъ сельцѣ, помнила стараго дьякона еще молодымъ, и сама была въ то время, когда онъ поступилъ въ село, дамою еще среднихъ лѣтъ. Дружба ихъ съ дьякономъ давала поводъ къ разнымъ сплетнямъ, которымъ врядъ ли слѣдуетъ вѣрить въ виду того, что сама дьяконица почти каждый праздникъ посѣщала помѣщицу, а во время ея болѣзни, бывало, гащивала у нея въ домѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Къ тому же, дьяконъ и съ молоду отличался практическимъ направленіемъ, не былъ способенъ къ увлеченіямъ, а барынька всегда отличалась искреннимъ благочестіемъ, поддерживала и помогала дьякону въ его усердіи къ утвержденію вѣры и преданности церкви въ прихожанахъ. И если она посылала своихъ барщинныхъ мужиченокъ обработывать дьяконову полосу, если она дала ему лѣсу на постройку новаго двора, ссужала сѣмянами на посѣвъ и дарила дьякону сукна на рясу, а дьяконицѣ телушку и свою старую шаль, то дѣлала это не иначе, какъ изъ усердія къ церкви и изъ уваженія къ усердному служителю ея. За то и дьяконъ считалъ долгомъ еженедѣльно по субботамъ являться къ ней въ домъ, вмѣстѣ съ священникомъ, служить всенощную, и среди недѣли навѣщалъ ее одинъ и читалъ акаѳисты и каноны «сегодняшнимъ святымъ»,—за то и барынька имѣла утѣшеніе то-и-дѣло видѣть въ своей деревнѣ и у себя въ домѣ иконы и батюшекъ со святомъ и со «славою». Въ дружбѣ жилъ дьяконъ и съ бурмистромъ, управлявшимъ оброчными мужиками, составлявшими большую часть покровскаго прихода. Это былъ тоже сверстникъ дьякона, также долго и прочно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ и онъ, также какъ онъ былъ благочестивъ, домовитъ и считался богатымъ человѣкомъ. Онъ былъ полезенъ дьякону въ его пропагаторской дѣятельности, помогалъ направлять ввѣренную ему вотчину къ истинному благочестію, а дьяконъ составлялъ и писалъ ему, какъ неграмотному, письма и отчеты по вотчинѣ къ господамъ. Надо сказать правду, что мужички покровскаго прихода, заброшеннаго въ лѣсную глушь, далекаго отъ соблазновъ и разврата бойкой фабричной жизни, отличались добродушіемъ, смиреніемъ и покорностью, а подъ руководствомъ такихъ трехъ руководителей, какъ дьяконъ, бурмистръ и барыня, могли считаться образцовыми мужичками по своимъ нравственнымъ качествамъ: никогда никакого упорства, или сопротивленія властямъ,

Digitized by Google

кротость, смиреніе и послушаніе предъ указаніями призванныхъ, никакихъ жалобъ и сѣтованій, а тѣмъ болѣе сутяжества, отсутствіе строптивости, скупости и своекорыстія, но, напротивъ того, щедрость, радушіе и гостепріимство съ довольною угостительностью, и ко всему этому—прилежаніе къ церкви и ея служителямъ. Замѣчательно, впрочемъ, что изъ духовенства одинъ только дьяконъ былъ такого мнѣнія о своемъ приходѣ и оставался вполнѣ имъ доволенъ: священникъ и дьячки отзывались о немъ иначе.

— Какой нашъ приходъ, помилуйте!—говаривалъ батюшка:—всего 450 душъ мужеска пола—только, всего, замѣтьте: сталобыть, съ новорожденными и малолѣтними, а дворами считая—дворовъ полтораста, не болѣе. Разсчтите, много ли сойдетъ съ нихъ грошиками, да копѣечками... Народъ небогатый, избытковъ не имѣетъ... Нѣтъ, скудный приходъ, скудный!.. Такіе ли есть, помилуйте!..

— Но за то у васъ народъ усердный къ церкви: много требъ, говорятъ, часто ходите со «славою»...

— Да, конечно!.. Но, вѣдь, что это?..—одно отягощеніе!.. Помилуйте, вѣдь, ѣдешь съ требою-то за десять верстъ, а дадутъ тебѣ пять или шесть копѣекъ... Или ходишь-ходишь цѣлый день по домамъ, а что соберешь? — опять-таки копѣйки... Нѣтъ, какой это приходъ!.. Вотъ есть приходы: хоть бы, напримѣръ, взять Семеновско, Лапотно или Меличкино село—вотъ приходы!—душъ по 700, да все народъ богатый, форсистый,—торговцы, частью... Вотъ тамъ хорошо для клира! Нѣтъ, здѣсь жизнь съ горемъ пополамъ: только что съ голоду не умрешь, конечно, а чтобы избытки большіе — нѣту, нѣтъ!.. Этого нѣтъ!.. А сколько трудовъ!.. Отягощеніе какое!..

— А вотъ же дьяконъ доволенъ остается и состояніе, говорятъ, хорошее нажилъ...

— Да ему подошлось: онъ издревле здѣсь, ну, и дружитъ... Вонъ и съ бурмистромъ, и съ госпожой здѣшней у него содружество старинное... Ему подошлось! Ну, опять же и жизнь ведетъ самую скаредную, и семействомъ не отягощенъ: одна дочь, разсчитайте!.. Много это значитъ: большое облегченіе!.. А вотъ у кого, какъ у меня, семеро: надо обо всѣхъ удумать, накормить, одѣть, воспитать!.. Трудно, очень трудно, по здѣшнимъ доходамъ!.. А дьякону что: ему спола-горя, ему подошлось хорошо!.. Здѣсь народъ малоденежный, больше одной хлѣбной частью, провіантомъ отбывается, такъ дьяконъ-то одними поминальными пирогами не одного борова откормитъ да продастъ:

Digitized by Google

вотъ, значитъ, и капиталъ... А у меня, по моему семейству, все по ртамъ разойдется—и не увидишь, а не то, чтобы скотинку для продажи выкормить, али-бо что другое... Нѣтъ, что, помилуйте, про дьякона нечего и говорить: онъ не примѣръ... По его семейству и всему прочему, какъ онъ здѣсь настарн, и говорятъ разное, какъ у него денегъ не водится!.. Большіе, должно быть, капиталы имѣетъ!.. Ну, не всякому такъ подойдетъ!.. И здоимщикъ большой!.. У-у, Боже сохрани! Своего ужъ не упуститъ, нѣтъ, не упуститъ!.. А попробуй-ка на нужду десятокъ другой рублей позаимствовать: удавится—не дастъ!.. Забожится, заклянется, что нѣтъ денегъ лежалыхъ... Ну, а кто ему повѣритъ?.. Большія деньги водятся, всѣмъ извѣстно, что большія!.. Да, дьяконъ здѣсь—особь статья: онъ не образецъ... Ему легко, хорошо!..

Въ этомъ отзывѣ священника выражался почти общій взглядъ на дьякона: ему подошлось! ему легко, хорошо!—думали и говорили о немъ почти всѣ. Но не такъ смотрѣлъ онъ самъ на себя и свою судьбу: онъ сознавалъ, какихъ трудовъ и лишеній, какого униженія и нравственныхъ уступокъ стоило ему то относительное благосостояніе, которое онъ успѣлъ создать для себя изъ ничтожныхъ средствъ: онъ не доѣдалъ, не досыпалъ ночей, не жалѣлъ своей спины и рукъ, ломалъ постоянно голову для изобрѣтенія новыхъ источниковъ наживы. Дьяконъ былъ скупъ и жаденъ отъ природы, и страсть пріобрѣтенія росла въ немъ съ каждымъ годомъ; но это не былъ только скупецъ, который копитъ и сберегаетъ безсмысленно и непроизводительно, который не можетъ выпустить изъ рукъ вещь, однажды въ нихъ попавшую: въ немъ, напротивъ, при его жадности и прохоборствѣ, преобладалъ духъ предпріимчиваго и разсчетливаго купца, который знаетъ и понимаетъ, что рубль долженъ жить, и что онъ живетъ и приноситъ выгоду только при оборотѣ, что всякая вещь имѣетъ разную цѣну, смотря по тому, въ какомъ видѣ ее сбываешь,—но который помнитъ въ то же время, что основаніе всякаго пріобрѣтенія есть накопленіе и сбереженіе, что не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать, ничего не упускать изъ рукъ, что можно взять. Руководясь такими началами дьяконъ, дѣйствительно, прохоборствовалъ и берёгъ, сколько могъ: на приходъ свой онъ смотрѣлъ, какъ на главный источникъ дохода, какъ на капиталъ, приносящій тѣмъ большіе проценты, чѣмъ умнѣе и ловчѣе будешь имъ пользоваться: и онъ умѣлъ извлекать изъ этого капитала весь возможный доходъ. Малоденежные крестьяне расплачивались большею частью хлѣбомъ и другими продуктами

Digitized by Google

своего деревенскаго хозяйства: дьяконъ никогда почти не продавалъ этихъ приношеній, оставшихся за собственнымъ употребленіемъ, такъ-сказать, натурою, но обращалъ ихъ въ лошадиное, коровье или свиное мясо, и тогда уже сбывалъ съ большимъ барышомъ. Это имѣло и болѣе благопристойный видъ: никто не могъ сказать про него, какъ говорили о прочихъ членахъ причта, что они ужъ захватались мірскимъ подаяніемъ, не знаютъ, куда и дѣвать его, половину сгнаиваютъ, половину сухарями продаютъ. Дьяконъ отлично велъ свое хлѣбопашество: отлично удобренныя, тщательно обработанныя, во время убранныя поля его приносили большой урожай; дьяконскій хлѣбъ вошелъ въ славу въ окрестности: его полосы ржи, овса, ячменя, яровой пшеницы видѣлись изъ всего *попоскаго* поля и ростомъ, и колосомъ, а зерно выходило и чище, и тяжеловѣснѣе, чѣмъ у другихъ; къ дьякону ѣздили покупать сѣмена на посѣвъ, за его хлѣбъ и на базарѣ давали дороже противъ людей. Точно такъ же дьяконовскій скотъ можно было отличать во всемъ сельскомъ стадѣ: его коровы лоснились отъ жира, молодыя телки и жеребята были росліе и веселѣе прочихъ ровесниковъ. Постояннаго скота у дьякона было не особенно много: держалъ онъ пару лошадей матокъ и двѣ-три коровы съ подтелкомъ; но зимою его обширный дворъ наполнялся купленнымъ скотомъ: осенью дьяконъ скупалъ на базарѣ по дешевой цѣнѣ у нуждающихся мужиковъ хорошихъ, но заморенныхъ лошадей, коровъ и овецъ; коровъ и овецъ волокъ (конечно, не собственноручно) на солонину, которой запасалось всегда нѣсколько большихъ чановъ для продажи весною; а лошадей откармливалъ къ веснѣ до того, что они обливались жиромъ, и на первой же ярмаркѣ передъ пашнею продавалъ ихъ за дорогую цѣну. Разсчетъ выходилъ такой, что мясо, скупленное по двѣ, по три копѣйки, весною и лѣтомъ разбиралось по 7, 8 и 10 копѣекъ, а отложенныя и откормленныя лошади, возвращая цѣнность скормленнаго на нихъ сѣна и хлѣба, давали, сверхъ того, чистой наживы рубль на рубль.

Такъ жилъ, хозяйничалъ и наживалъ старый покровскій дьяконъ, и странно было видѣть его высокую, тощую, заморенную фигуру среди откормленныхъ до ожирѣнія скотовъ его двора.

— Чудное это дѣло, братецъ ты мой,—разсуждали про него иной разъ мужики:—самъ себя моритъ, не жалѣетъ, вишь ты, уморышъ какой ходитъ: кожа да кости, ровно сухарь, а лошади-то у него ровно боровья толстые... А намедни борова продалъ, страсть смотрѣть, вылѣзъ весь голый и сѣлъ ужъ на заднія-то

Digitized by Google

ноги, не ходитъ, сидитъ только да хрюкаетъ; кормъ-отъ подъ носъ подставляютъ, самъ-отъ не двинется и къ ѣжѣ-то... Расперло его, значитъ, въ жилахъ-то... А тотъ вертится около него: ну, взять — спица долгая... Посмѣялись мы тогда: сѣсть бы, молъ, тебѣ, дьякону, на свиной-то кормъ, хоть на недѣльку, хоть бы поисправился маненько... Пра, диковинное это дѣло: скотъ сытой, обожрался, а у самого брюхо подвело!..

— А деньга-то... Вотъ она самая и моритъ человѣка: все изъ-за нея!.. Самого себя не жалко, только бы все прибывало, больше да больше... Человѣку-то ужъ и не ѣстся, и не пьется, все объ этомъ думаетъ!..

На этотъ разъ мужики опредѣлили правильно: дьякону дома, дѣйствительно, не пилось и не ѣлось, и не столько отъ скупости, сколько отъ крайней озабоченности и утомленія: цѣлый день онъ былъ въ такой работѣ, что къ ночи, какъ говорится, ногъ подъ собой не слышалъ. Дьяконъ не былъ и постникъ: въ праздничные дни, ходя по крестьянскимъ домамъ со «славою», онъ никогда не отказывался отъ угощенія и имѣлъ такую же, какъ и весь клиръ, способность ѣсть цѣлый день почти безъ отдыха, такъ какъ угощеніе предлагалось въ каждомъ домѣ, и отказъ отъ него считался бы обидою для домохозяина.

Несмотря на сложность и разнообразіе своего хозяйства, дьяконъ никогда не держалъ работника и дѣлалъ все самъ съ помощью только жены, а когда овдовѣлъ, то сестры и дочери. Изъ этихъ трехъ лицъ состояло все его семейство. Дѣти у него не жили, уцѣлѣла изъ нихъ одна только послѣдняя дочь. Дѣвушка стала невѣстой уже въ то время, какъ отцу много перевалило за 60, и онъ началъ видимо старѣться. На пятнадцатомъ году жизни она потеряла мать, и въ осиротѣломъ домѣ поселилась тётка, сестра дьякона, бездѣтная вдова, дьячиха, изъ другого села.

Послѣ смерти жены, съ которою онъ прожилъ почти сорокъ лѣтъ, дьяконъ временно было-затосковалъ, опустился, сталъ не такъ ретиво заниматься хозяйствомъ, но когда дочь вошла вполнѣ въ роль хозяйки въ домѣ, а съ водвореніемъ сестры онъ почувствовалъ, что въ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ идетъ все по-прежнему, дьяконъ опять поправился, къ нему воротился снова неугомонный духъ стяжанія, и жизнь пошла по-прежнему: опять также заботливо началъ онъ объѣзжать деревни со сборомъ, также неутомимо участвовать въ отправленіи всѣхъ требъ, придирчиво отстаивать свою часть изъ кружки и по-прежнему поворачивать колесо своего хозяйства со всѣми его хлопотами

Digitized by Google

и заботами—съ посѣвомъ и уборкой, съ закупками и продажами; опять съ утра до ночи онъ былъ въ работѣ то на полѣ, то дома на дворѣ, около скота, обо всемъ заботился, все видѣлъ, обо всемъ помнилъ. Объ одномъ только дьяконъ не хотѣлъ думать и не помнилъ, что у него дочь давно уже невѣста, что по существующимъ порядкамъ ее давно слѣдовало бы пристроить, т.-е. выдать замужъ. По обычаю, зять долженъ былъ занять мѣсто дьякона, а онъ самъ идти на покой; но онъ чувствовалъ себя еще въ силахъ нести всѣ тяжести своей должности, и даже мысль о томъ, что когда-нибудь въ его домѣ, на его полосѣ будетъ другой хозяинъ, что онъ увидитъ на своемъ дьяконскомъ мѣстѣ, на амвонѣ Покровской церкви, другое лицо, была для него ужасна. Онъ никогда объ этомъ не думалъ и сердился, когда заговаривали другіе: не напоминанія о старости и смерти не любилъ онъ въ этомъ случаѣ, но его страшила мысль о бездѣятельности, объ уничтоженіи за-живо; онъ зналъ, что старый человѣкъ волей-неволей долженъ уступить свое мѣсто и дѣло новому, молодому и болѣе сильному; но видѣть, что этотъ новый человѣкъ поведетъ себя на твоемъ мѣстѣ совсѣмъ иначе, будетъ дѣлать твое дѣло по-своему, а тебя, создавшаго все это, не будетъ ставить ни въ грошъ, что плодами трудовъ твоихъ будетъ пользоваться другой, пожалуй, еще глупый, неопытный, мотушка, да еще и неблагодарный—вотъ что ужасно!..

Но вмѣсто дьякона очень упорно думала и заботилась о судьбѣ его дочери тётка, дьяконова сестра; ей до смерти хотѣлось поскорѣе выдать замужъ племянницу. Не то, чтобы она очень ее любила, желала ей добра и была увѣрена, что въ замужствѣ ей будетъ лучше жить; не то, чтобы ожидала отъ этого брака перемѣны къ лучшему въ домѣ, или для себя самой; напротивъ, она могла ожидать худшаго вообще, а для себя въ особенности: теперь она была на половину хозяйка, тогда навѣрно сойдетъ въ положеніе работницы, такъ ужъ водится—не она первая, не она послѣдняя; но по какому-то особенному женскому инстинкту старуха не могла переносить около себя невыданной замужъ невѣсты, которая по всѣмъ правамъ и обычнымъ порядкамъ давно бы должна быть бабой.

— Ну, съ чѣмъ это схоже,—разсуждала тётка Олимпіада,—вонъ у попа отъ этакой семьи большой, изъ бѣднаго дома, да умѣли дочку выдать, много помоложе нашей Таисьюшки, да и приданымъ-то, говорятъ, обманули зятя, хоть приданаго-то всѣмъ счетомъ на двадцать на пять цѣлковыхъ... И парня-то какого оболванили: пѣвчимъ архіерейскимъ былъ, у владыки на виду...

Digitized by Google

Пускай, говорятъ, дурашливъ вышелъ, запиваетъ и мѣсто дали плохонькое... Да даромъ... Пристроили также, все съ рукъ долой!.. Онъ самъ-девятъ въ семьѣ, не какого ей принца ждать!.. А у вашей Таисьюшки всѣ статьи слава Богу: и мѣсто хорошее, и домъ полна чаша, и денегъ поди сколь у старика-то: все ей пойдетъ, нѣкому больше... Ну, и рожей ничего, чтобы ужъ очень охать: длинна, сухопара, въ отца вышла; за то умна, домовита, не разоритъ домка, и дѣло всякое по хозяйству знаетъ: было отъ кого заняться, отъ родителя-то... Слава тебѣ, Господи!.. Да ее бы съ радостью всякій перворазрядный, на священническое мѣсто который кончилъ, всякій бы съ радостью взялъ...

Иногда она не выдерживала и начинала приставать къ самому дьякону.

— Ты что́ дочь-то коптишь?.. Въ какой запасъ ее бережешь?..

Дьяконъ тотчасъ же догадывался, къ чему рѣчь ведетъ сестра, и, не отвѣчая прямо на вопросъ, старался заговорить о чемъ-нибудь другомъ, или отвѣчалъ въ такомъ родѣ:

— Не твоя забота, моя!.. А ты дѣлай, дѣлай свое... Али дѣла нѣтъ, что явился-отъ зачесался: мнѣ съ вами балясничать некогда...

— Да, вѣдь, сушишь дѣвку-то... Вѣдь, не въ соль ее и вправду класть... Вѣдь, годы-то уходятъ, непутевый!.. Не въ нашемъ мѣстѣ, изъ бѣдныхъ домовъ, такъ въ экихъ-то годахъ давно всѣхъ дѣвокъ повыдали... А ты, слава Богу, могъ бы, кажется, дочку пристроить... Вѣдь скучаетъ дѣвка-то, грѣховодникъ... тоскуетъ, вѣдь...

— Да что́, она просится, что ли?.. научилась тебѣ нечто?.. Жениха, что ли, нашла?..

— Ну, что не дѣло говоришь: когда дѣвка станетъ сама замужъ проситься да жениха искать... Чай, это родителевъ дѣло, родительска обязанность... И развѣ ей такова жениха нужно, что сами по дворамъ бѣгаютъ, да разыскиваютъ, не пойдетъ ли кто за нихъ... Тебѣ, чай, хорошенькаго выбрать можно... Поискать, чай, надобно...

— Вотъ еще искать я стану... Когда мнѣ?.. Да еще, пожалуй, навяжешь на шею себѣ такого хахаря, что и жизни-то не радъ будешь... Да что вамъ не живется, чего еще нужно?.. Слава Богу, кажется, ничѣмъ не обижены... Съ чего это она изъ родного-то дома вонъ проситься будетъ?..

— Да зачѣмъ вонъ? Она и не просится... Сдашь мѣсто-то, такъ съ тобой же, въ своемъ дому, останется... Ты ужъ, слава Богу, послужилъ, поработалъ, поломалъ старыя кости-то... Пора

Digitized by Google

и отдохнуть... И тебя-то такъ жалко; спокою себѣ не знаешь, при старости своихъ лѣтъ...

— Ну, еще послужу... Я не тягощуся трудомъ: обо мнѣ нечего заботиться... Старше меня служатъ... Напрасно вы хлопочете: еще, слава Богу, изъ рукъ ничего не вываливается, ни по службѣ, ни въ дому, ни въ чемъ урону... Дѣлайте-ка вы свое этакъ-то, а меня нечего оговаривать... Пока живъ да въ силѣ, такъ послужу... И отъ нея ничего не уйдетъ: придетъ ея время, наживется, и замужемъ, и дѣвичью пору, можетъ, вспомнитъ... А ты мнѣ не досаждай въ другой разъ съ пустяками... До смерти не люблю... Языки бабьи!.. Все бы трещала, гдѣ спрашиваютъ и гдѣ не спрашиваютъ... У Таисьи-то и въ головѣ чего нѣтъ, а она надуваетъ ей... Ступай, поди, говорятъ... Не стрекочи, не твое дѣло... Мое дѣтище, самъ я не меньше твоего о ней думаю, а ты такъ только, абы языкомъ побить...

Дьяконъ уходилъ обыкновенно послѣ этого разговора, разстроенный и разсерженный.

Но годы шли и брали свое: Таисія втихомолку насчитывала уже себѣ 25 лѣтъ, хотя вслухъ объявляла только 22 года, а дьяконъ самъ сталъ сознавать, что онъ состарѣлся и ослабѣлъ: спина у него сгорбилась, мучилъ кашель и удушье, горло уже не повиновалось и, вмѣсто прежняго трубнаго гласа, издавало непроизвольные, прерывистые, неопредѣленные звуки, напоминавшіе молодого пѣтуха; сильныя нѣкогда руки начали дрожать. И все это шло crescendo, даже прихожане стали покачивать головой и замѣчать: ослабѣлъ нашъ дьяконъ, осѣлъ!.. Годы, значитъ, его подошли!.. Не одинъ разъ и священникъ внушалъ ему: боюсь я, дьяконъ, и священнодѣйствовать-то съ тобой; страшно и чашу-то въ руки тебѣ дать!.. Слабъ ты, братецъ, очень сталъ, опустился!.. Наконецъ, и отецъ благочинный, конечно по наущенію того же завистливаго попа, уже прямо сдѣлалъ внушеніе дьякону:

— Не пора ли, дьяконъ, на покой?.. Преклонность лѣтъ твоихъ, мню, уже отягощаетъ тебя: слабость и трясеніе въ тебѣ... Вотъ даже по письмоводству, по книгамъ, видно... За дочерью твоею мѣсто: похлопоталъ бы пока при жизни своей... Не помысли себѣ чего прискорбнаго: съ полнымъ благожеланіемъ тебѣ совѣтую...—заключилъ благочинный въ утѣшеніе богатому дьякону.

Придя послѣ этого разговора домой, дьяконъ уединился, долгое время сумрачный и унылый ходилъ по комнатѣ, потомъ позвалъ къ себѣ сестру.

— Олимпіада,—сказалъ онъ:—приспѣлъ часъ и время уду-

Digitized by Google

мнѣ намъ о Таисьюшкѣ. Довольно, видно, я потрудился въ сей земной, преходящей юдоли: желаю нынѣ вдать нашу Ревекку избраннику ея, да замѣстить оный отходящаго на покой отца ея, и управить домъ его, и не разорить возвращенный имъ вертоградъ сей...

— Ну, вотъ, слава тебѣ Господи, насилу надумалъ... Пора, батюшка, давно пора...—затараторила-было старуха, но дьяконъ остановилъ ее.

— Постой, погоди... Вотъ что́ удумалъ я... Соберись вскорѣ и отправляйся въ губернію къ братцу нашему двоюродному, г. Бронзову, при сопровождающемъ письмѣ моемъ, которое сейчасъ напишу... Онъ, по профессорской своей должности, знаетъ всѣхъ оканчивающихъ студентовъ, и, по ходатайству моему и любви родственной, изберетъ и укажетъ намъ достойнаго... О всѣхъ нужныхъ статьяхъ и качествахъ довольно опишу въ письмѣ своемъ, а ты прибавишь словесно... Да разсматривай тщательно и не по бабьи, а съ довольнымъ разсужденіемъ... не то, что абы жениха найти поскорѣе, да свадьбу сыграть; торопиться нечего, въ нынѣшнемъ году не найдемъ, годъ-то и еще подождемъ, а главное, чтобы человѣкъ былъ надежный и намъ по всѣмъ частямъ подходящій. Нужно, чтобы былъ степененъ, нравомъ кротокъ, искателенъ и не строптивъ, въ понятіяхъ быстръ, но не самомнителенъ, и умомъ своимъ не превозвышался, а былъ вникателенъ и въ указаніямъ опытныхъ и старшихъ уважителенъ. Изъ богатаго и знатнаго рода не желаю и не ищу: лучше почту изъ бѣднаго, который нужду зналъ—и въ скорбяхъ, въ лишеніяхъ, съ большимъ трудомъ и прилежаніемъ пожиналъ плоды ученія. Конечно, хорошо, если будетъ въ родствѣ съ кѣмъ изъ консисторскихъ, или на виду и въ близости къ владыкѣ состоящихъ, но сіе не главное: не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе; довольно видали примѣровъ, что даже архіерейскіе племянники въ безвѣстности и бѣдности пребываютъ, забвенные и пренебреженные... Собственный разумъ, благоразсужденіе, бережливость и нелѣностное дѣланіе — вотъ что́ созидаетъ домъ... Все это я обдумалъ и отпишу братцу, г. Бронзову: онъ по уму и учености своей, пойметъ меня, а тебѣ я сообщаю только для того, чтобы ты какими глупыми и вздорными своими бабьими рѣчами и разсужденіями не воспрепятствовала въ указаніи и избраніи подходящаго человѣка...

— Ужъ не безпокойся: все это я довольно понимаю, что для нашей Таисіи нуженъ женихъ стоющій... Но ужъ коли ты выискиваешь такого отмѣннаго человѣка, такъ надо же и по-

Digitized by Google

манить его чѣмъ-нибудь: вѣдь, будетъ насчетъ приданаго спрашивать, можетъ денегъ захочетъ... что же сказывать-то?.. Ты мнѣ теперь же скажи, чтобы послѣ грѣха да обмана не было... не попрекнулъ чтобы меня опослѣ...

— Дура ты, больше ничего: вѣдь, дочь-то, чай, у меня одна, все, что есть, все ей достанется, не кому больше...

— Да это само собой... А что изъ теплыхъ-то рукъ посулишь? будутъ спрашивать... Что сказывать-то?..

— Что?.. Все... Вотъ мѣсто ему сдамъ, доходъ будетъ свой имѣть, въ готовомъ домѣ жить будетъ, на всемъ на готовомъ, а захочетъ — хозяйствуй со мной вмѣстѣ, помогай мнѣ, старику... Чего еще?.. Ну, тамъ одежи — и теперь у нея много, а что нужно — еще понашьемъ... Чего еще?.. Заводиться ему ничѣмъ не придется: ко всему готовому придетъ... Въ домѣ-то, слава Богу, всего довольно... Ну, а умру, тогда все ихнее будетъ: не съ собой же въ гробъ возьму, все имъ достанется...

— Значитъ, денегъ въ руки не будетъ... Нынче вонъ, вѣдь, за послѣдней дьячковой дочерью, такъ и то денегъ спрашиваютъ... Да и то сказать: молодые люди, тоже, собины захотятъ, опять же жениху къ свадьбѣ одѣться, обуться нужно; не голаго же къ вѣнцу поведешь, али не въ своемъ подрясникѣ старомъ...

— Ну, на одежу, коли своей не будетъ, дамъ, сколько потребуется...

— Сколь потребуется!.. Нынче этакъ-то не любятъ, а спрашиваютъ: скажи толкомъ... сколько дашь на руки?..

— На что на руки?.. Молодой человѣкъ ни въ чемъ разсчету, ни цѣнъ не знаетъ: накупитъ разной дряни, что и не нужно, либо роскошевъ разныхъ... Ужъ говори, что все будетъ слѣдующимъ порядкомъ: одѣну въ лучшемъ видѣ, самъ съѣзжу съ нимъ въ городъ и все искуплю...

— Эхъ, не любятъ нынче этого, нынче все спрашиваютъ: подавай на руки чистенькими... Самъ что хочу, то и сдѣлаю, не хочу изъ чужихъ рукъ смотрѣть: вотъ, вѣдь, нынче какъ... Да ты, полно, ужъ не скупись на это-то, не расходиться же изъ-за того... Ты помни, что, вѣдь, у попа еще невѣста: какъ привеземъ да будемъ нажимать, а тутъ рядомъ попова дочь, невѣста... вонъ какая ражая дѣвка и молодая!.. какъ разъ переманятъ: насулятъ съ гору, особливо коли хорошаго человѣка изыщемъ... Имъ, вѣдь, все равно сулить-то, а тотъ не знаетъ того, что одинъ обманъ выйдетъ, какъ разъ и перекинется: дьяконъ богатъ, попъ, значитъ, молъ еще богаче... Нѣтъ, вѣдь, это дѣло-то съ разсудкомъ дѣлать нужно... Такъ надо вести,

Digitized by Google

чтобы никто ничего и не зналъ, не вѣдалъ, а то въ нашихъ мѣстахъ люди—народъ тоже... А не помочь деньгами—нельзя, это какъ хочешь... И чѣмъ авантажнѣе человѣчекъ вышется, Богъ дастъ, тѣмъ и деньгами его надо больше приманивать: невѣста не по мысли придется, мѣсто покажется плохо, а ужъ на деньги-то всякій польстится, на деньги всякой пойдетъ... Нѣтъ, а ты не то, что только на одну одежу, а обѣщай такъ ужъ сколько тебѣ Богъ на душу положитъ: сотни три, что ли, али хошь двѣ... Вотъ мнѣ и разговоръ будетъ съ нимъ вольготнѣе вести: мѣсто мѣстомъ, домъ домомъ, одежа одежей, родительское награжденье послѣ смерти само собой, а то вотъ тебѣ изъ теплыхъ рукъ за женой столько сотенъ... Вотъ, молъ, знай, какова у насъ невѣста... Ужъ коли Кронидъ Матвѣичъ Бронзовъ о насъ, по родству, постарается, такъ онъ, знамо, человѣка хорошаго порекомендуетъ... Ну, а хорошенькаго-то нужно хорошенькимъ и показать...

— Ну, отстань, довольно... Тамъ по разсмотрѣнію и какъ мнѣ человѣкъ покажется... Я не столь на твою сутолоку полагаюсь, сколь на рекомендацію и на внушенія Кронида Матвѣича: онъ не упуститъ, въ томъ надѣюсь на него, все растолковать, объяснить и вразумить молодого человѣка, если отыщетъ подходящаго... А твое дѣло, коли окажется таковый, привози поспѣшнѣе: покажемъ невѣсту, разсмотрю его, и если благопотребенъ, то медлить не буду... Всю жизнь, во всѣхъ дѣлахъ, былъ поспѣшенъ, но все дѣлалъ по тщательномъ разсмотрѣніи: такъ будетъ и въ семъ случаѣ... Ну, поди же, собирайся, на ворономъ старомъ поѣдешь: онъ вонъ надежный, не зарвется и не сдастъ... Завтра къ вечеру будешь въ губерніи... Поди же, поди, а я письмо покамѣ изготовлю... Да не забыть бы: возьми съ собою въ гостинчикъ Кроніду-то Матвѣичу окорочекъ свиной, да кадушечку масла... ту, что вторая съ краю стоитъ: въ ней полпуда чистаго масла. Полагаю, для перваго раза довольно, а тамъ, за хлопоты, можно будетъ и впрочемъ еще чего-нибудь послать... коли дѣло у насъ выйдетъ...

Къ профессору, г. Бронзову, дьяконъ писалъ:

. . . . . .

«Лѣта наши преходятъ и годы слагаются, старость, болѣзни и недуги стрегутъ жизнь нашу: яко кринъ сельній, тако отцвѣтешь, говоритъ псалмопѣвецъ, и истинно слово его. Тако и азъ, многогрѣшный, покровскій дьяконъ Павелъ, вашъ богомолецъ и присный родственникъ, не спѣшными, но спѣшными стопами приближаюсь къ предѣлу своему: самоличне уже чувствую сла-

Digitized by Google

бость и преклонность свою, скорби и недуги отяготѣша на главѣ и вѣѣ моей, удушеніе въ груди и трясеніе въ рукахъ и ногахъ ощущаю. Не имѣю единое утѣшеніе въ скорбной сей юдоли, единый отпрыскъ отъ корени моего — дщерь отроковицу, и желаю оную вдать при жизни своей въ замужество, съ предоставленіемъ мѣста служенія моего и всего, еже пріуготовалъ трудами рукъ своихъ; самъ же отыду на покой и довлѣетъ мнѣ, при концѣ дней моихъ, токмо наблюдать, руководить и напрягать сихъ юныхъ замѣстившихъ меня, у многихъ дѣлъ моихъ. Всю жизнь провелъ во трудахъ, хочу въ оныхъ скончать и дни мои, но съ помощію и съ утѣшеніемъ отъ присныхъ своихъ. Сего ради и притекаю къ вашему благорасположенію и родственному покровительству: по профессорству вашему, имѣете вы всегда на предметѣ и во вниманіи многихъ, черпающихъ отъ сокровищницы мудрости и учености вашей; сіи при окончаніи ученія своего остаются яко на распутіи, изыскиваютъ пристанища, и многіе, неопытны сущи, уловляются лестію и обманомъ, лѣпотою тѣлесною, при скудости духовной, и безъ всякихъ даже тѣлесныхъ, но столь въ жизни необходимыхъ, достатковъ, и вступаютъ въ супружество безъ разсужденія. Тамо послѣ осудѣніе, ропотъ, свары, въ дому нестараніе, мотаніе и роскошь, а горше того — развратъ и пьянство, и не преизбыточествуетъ отъ сего домъ, но паче оскудѣваетъ и въ умаленіе приходитъ. Иные въ вѣнцѣ брачномъ зрятъ праздности и сластолюбія покрытіе, роскошествъ, пиршествъ и недѣланія убѣжище. Не такъ разсуждаетъ мудрый и опытомъ искушенный; но не всякому юному дано внимать и питаться поученіемъ старшихъ: есть строптивые, самомнительные, гордые и нерадивые. Посему и взываю: избери, друже, и укажи достойнаго и благонадежнаго. Дщерь моя, Таисія, выросла въ страхѣ Божіемъ, въ трудахъ, послушаніи и смиреніи; всякій домашній обиходъ довольно знаетъ, и дѣлаетъ, мною руководимая, а не въ нарядахъ, суетѣ и праздномысліи время препровождаетъ; по трудамъ моимъ и милости Творца Вседержителя, житница моя не въ оскудѣніи и храмина моя не въ разореніи, что и вамъ, мню, довольно извѣстно: есть къ чему придти, есть чѣмъ заняться и къ чему прилежать. Не книжника и велемудра, не краснослова и буія, но смиренству нашему, желаемъ; но трудолюбца, послушливаго, смиреніемъ и прилежностью украшеннаго, а ученіемъ, мыслю, достаточемъ, буде пастырское благословеніе возведетъ его въ санъ діакона. Сугубо радостенъ буду и съ любезіемъ пріиму, если, при всѣхъ прочихъ вышеизложенныхъ качествахъ и добродѣтеляхъ, вынщется и перворазрядный,

Digitized by Google

и согласится воспріять отъ меня дщерь и діаконское мѣсто: не взбранно будетъ таковому, мало время помедля, и на іерейское мѣсто перейти, въ томъ же нашемъ селѣ, ибо досконально извѣстно, что священникъ нашъ, по малодушію своему и человѣческой стяжательности, не довольствуясь симъ малымъ удѣломъ, отъ Бога ему у нашего престола указаннымъ, тщится перейти въ другой, наивыгоднѣйшій приходъ. Все сіе изложивъ, со всею откровенностію чувствъ и помышленій моихъ, уповаю, милостивѣйшій государь мой, высокопочитаемый и достолюбезнѣйшій братецъ, что не отяготитесь вы ходатайствомъ моимъ и усугубите ваше родственное доброжелательство на потребность нашу, въ чаяніи чего посылаю съ симъ письмомъ и сестру Олимпіаду, дабы она, по женской части своей разсмотря, споспѣшествовала устроенію желанія нашего. При семъ же письмѣ не побрезгуйте скуднымъ приношеніемъ отъ деревенскихъ плодовъ и трудовъ нашихъ — свинымъ окорочкомъ собственной откормки и копченія и кадушечкой масла скоромнаго отъ обиходу хозяйки, отроковицы моей, а вашей племянницы Тансіи. За симъ письмомъ остаюсь съ нижайшимъ моимъ къ вамъ высокопочитаніемъ, благожеланіемъ и вседушевнѣйшей преданностію».

Письмо это и посольство Олимпіады увѣнчалось успѣхомъ, превосшедшимъ ожиданія. У профессора Бронзова оказался любимчикъ изъ выпускныхъ ищущихъ мѣста, съ качествами, вполнѣ соотвѣтствующими желаніямъ покровскаго діакона. Студентъ богословія, окончившій курсъ хотя по 2-му разряду, но съ правомъ на священническое мѣсто, сирота, испытавшій съ дѣтства крайнюю нужду, перебивавшійся въ семинаріи кое-какъ, въ полсыта, грошевыми уроками, переписной и неоставленіемъ дальняго родственника, настоятеля одного монастыря, а также благодаря покровительству начальства, предъ которымъ былъ всегда искателенъ и низкопоклоненъ. Особенными способностями онъ не отличался, но, благодаря настойчивости и прилежанію, преодолѣвалъ до конца трудности семинарской науки, и достигъ желаемаго. Поведенія онъ всегда былъ благонравнаго и не только никогда не былъ замѣченъ въ содружествѣ съ людьми малоблагонадежными, а тѣмъ паче въ карточной игрѣ, или въ пьянствѣ, но даже не курилъ табаку; несмотря на крайнюю бѣдность, одѣтъ былъ всегда благопристойно, одежу содержалъ въ крайней чистотѣ, носилъ ее изумительно долго и даже, какъ увѣряли товарищи, имѣлъ маленькій, тщательно скрываемый капиталецъ, будто бы до тридцати однако рублей. Лицомъ онъ былъ весьма красивъ и обла-

Digitized by Google

далъ довольно порядочнымъ голосомъ, который никогда не растачалъ на распѣваніе хоромъ бурсацкихъ пѣсенъ гдѣ-нибудь, среди долины ровныя, за городомъ, но, какъ и все, тщательно сберегалъ и совершенствовалъ только на онтонхѣ и церковномъ концертномъ пѣніи. По природѣ онъ былъ скрытенъ, необщителенъ, но тамъ, гдѣ хотѣлъ, умѣлъ завязать расположеніе.

Когда профессоръ, г. Бронзовъ, принялъ отъ Олимпіады гостинцы, сопровождаемые поклонами отъ братца и племянницы, и прочиталъ письмо дьякона, то, ни мало не думая, воскликнулъ:

— Имѣю, имѣю!.. Вполнѣ требуемое имѣю!.. Какъ разъ подходитъ... Не перстъ ли сіе указующій?.. Не дальше истекшей недѣли имѣлъ разговоръ и снабжалъ совѣтами... обѣщалъ даже содѣйствіе... Есть, есть человѣчекъ для васъ...

— Батюшка, Кронидъ Матвѣичъ, вѣдь, намъ хорошенькаго желательно... Сами изволите знать: братецъ—человѣкъ состоятельный, а дочь у него одна... Конечно, крѣпкій человѣкъ, хоть бы братецъ, но, вѣдь, уже годы его пришли дряхлые, слабосиленъ сталъ, больше храбрость только одна старая осталась, а ужъ силы прежней нѣтъ... Долго ли, коротко ли, а ужъ немного потянетъ, придетъ его конецъ: не вому,—дочери съ зятемъ, все останется... Нечего васъ и увѣрять: много теперь не дастъ,—двѣ-три сотни, что-ли—и во все хозяйство зятя не пуститъ, такъ, чтобы все сдать ему на руки, этого не сдѣлаетъ,—нѣчего, ужъ я его знаю... Такъ что же дѣлать? можно и подождать для этого... А насчетъ Таисьюшки ужъ и говорить нечего: степенная дѣвушка, хозяйка до всего, не сутолока какая, али не модница-франтиха... Ужъ мужа будетъ любить да покоить, настоящая будетъ мужу помощница, не какъ нынѣшнія, хвостовертки-шляпницы... Да ужъ и заждалась же она, моя голубушка, судьбы-то своей: кажется, прильнетъ и не отлѣпишь... Такъ вотъ намъ и хочется хорошенькаго-то, чтобы со всего стоющій былъ... Не пьющій, смирненькій!.. И изъ себя чтобы...

— Ужъ хорошъ, говорю тебѣ: хорошъ!.. Лучше не изыщешь, да и искать нечего... Одно только, что во священники прямо можетъ по аттестату... во дьяконы, пожалуй, обидно покажется... Но съ моего настоянія... и въ виду состоятельности будущаго тестя... полагаю—согласится... А, вѣдь, я думаю, много ужъ накопилъ дьяконъ-то?.. капиталъ, я полагаю, значительный имѣетъ?.. А? Какъ думаешь, тысячъ съ десятокъ, чай, есть?..

— Не знаю, батюшка Кронидъ Матвѣичъ, истинно не знаю: не сказываетъ, вѣдь, онъ... А только гдѣ, чай, думаю, быть экимъ деньгамъ: ужъ больно много, нечто, сказалъ...

Digitized by Google

— Есть!.. Какъ не быть!.. больше вѣдь сорока лѣтъ на одномъ мѣстѣ сидитъ, хозяйничаетъ, торгуетъ, барышничаетъ, а проживаетъ-то, поди пустяки, да и притомъ на всемъ на готовомъ, отъ прихода... Хорошая ваша жизнь, деревенская!.. Нечего сказать!.. Не то, что наша городская: все купи, за всѣмъ на базаръ бѣги!.. А ужъ крѣпокъ, старикъ, надо сказать, крѣпокъ и скупъ!.. Ну, хоть бы въ нашемъ дѣлѣ взять: съ какой просьбой обращается, вѣковѣчное дѣло дѣлаетъ, судьбу дочери устроить собирается, просить выбрать себѣ зятя и замѣстителя, а единственной дочери—мужа... И что же, отъ своего состоянія, въ гостинецъ присылаетъ семейному родственнику?.. оброкъ да маслеца!..

— Батюшка, Кронидъ Матвѣичъ, хотѣлъ еще прислать, это проговаривалъ: обѣщалъ...

— Да мнѣ что!.. Я не въ тому, мнѣ все равно: я по родству готовъ постараться для племянницы... Но такъ только къ слову, насчетъ того, что прижимистъ, скупъ очень.. Вотъ теперь, говоришь, сотни двѣ-три дастъ на руки жениху, и то ты это отъ себя говоришь, а онъ даже однимъ словомъ насчетъ денегъ не заикается... Ну, что это за деньги по нынѣшнему времени? Что на нихъ сдѣлаешь?.. И какъ я такому жениху, что на священническое мѣсто всѣ права имѣетъ, буду совѣтовать идти во діаконы, ради богатаго тестя, когда за невѣстой только триста рублей обѣщаютъ, и то не навѣрно...

— Нѣтъ, ужъ это-то вѣрно, Кронидъ Матвѣичъ, ужъ это мы съ него возьмемъ... Говори, не бойся...

— Да мнѣ чего бояться...—съ улыбкой замѣтилъ г. Бронзовъ.—Я опасаюсь, что женихъ-то на это не пойдетъ... Не повѣритъ, что дьяконъ-то богатый...

— Ну, это я свезу, все покажемъ: и невѣсту, и домъ, и все хозяйство... Пускай посмотритъ,—у насъ, слава Богу, всего довольно, есть что показать...

— Да, вѣдь, денегъ-то ты все-таки ему не покажешь, а въ нихъ-то вся и сила: домашній-то скарбъ у всякаго зажиточнаго сельскаго дьячка есть...

— И я, вѣдь, ему, братцу, тоже толковала: чѣмъ, я говорю, ты сманишь хорошаго человѣка, окромя денегъ... Да и не то, что улита ѣдетъ—когда-то будетъ, сиди да жди у моря погоды, покамъ ты помрешь, а всякъ хочетъ—дай ему на руки чистенькими... Вотъ я ему какъ говорила...

— Да само-собой!.. Ну, а что же онъ?..

— Да извѣстно что: все то же... Умру, говоритъ, все ихнее

Digitized by Google

будетъ... Да на это нечего смотрѣть, Кронидъ Матвѣичъ, это мы обдѣлаемъ дѣло... Коли этакой женихъ, да вы напишите ему, батюшка, что безъ эстольких сотъ, молъ, не согласается, да посовѣтуете ему, чтобы не терялъ такого жениха, и пятьсотъ дастъ, право—дастъ, али и еще больше, особливо коли ему понравится, что уменъ, смиренъ, да уважителенъ... Право, будемъ обѣщать пятьсотъ, Кронидъ Матвѣичъ, въ свою голову... Только какъ бы мнѣ-то посмотрѣть его?.. Можно?.. Тоже тётка, вѣдь... привыкла къ Таисьюшкѣ-то, жалѣю!.. Хорошенькаго-то хочется про нее, чтобы и меня, старуху, послѣ поминила, да благодарила... Поговорить бы, да посмотрѣть бы и мнѣ-то на него хочется... Право, ну!..—Олимпіада прослезилась.

— Да это отчего же?.. Легче ничего быть не можетъ: вотъ велю ужó къ вечернему чаю придти... И насмотритесь, и наговоритесь... Да ужъ впередъ знаю, что понравится, лучше вамъ не найти... только бы онъ-то согласился...

— Дай-то Господи... А изъ себя-то каковъ?.. Мы, вѣдь, вотъ бабы: кому что, а мы и объ рожѣ-то тоже сомнѣваемся... Ты не взыщи на мнѣ, старухѣ, Кронидъ Матвѣичъ,—можетъ, глупое слово какое сказала... Хочется Таисьюшкѣ-то потрафить, чтобы во всемъ авантажѣ былъ паренёкъ... и съ лица, и съ карахтера... Такъ изъ себя-то ничего, Кронидъ Матвѣичъ? Не рябой, не корявый, али не мухортикъ какой махонькій?.. Она-то, вѣдь, у насъ рослая изъ себя... Ей надо въ пару... Изъяна какого нѣтъ ли въ ёмъ?

— Не безпокойся: все на своемъ мѣстѣ, какъ говоритъ одинъ авторъ...—отвѣчалъ Бронзовъ, весело посмѣиваясь.—Не то что съ изъяномъ съ какимъ, а молодецъ вполнѣ, красавецъ-мужчина... И голосъ имѣетъ пріятный... По правдѣ сказать, наружнымъ-то видомъ онъ Таисьѣ-то и не пара... Ей, вѣдь, ужъ, поди, перевалило за двадцать за пять, да и собой-то она не очень была красива... Помню, вѣдь, я ее: длинная она у васъ была, высокая да худая такая...

— Ай, чтой-то... Ну-ка, полно, ничего... Чѣмъ не дѣвка: сухопарована, правда,—такъ, вѣдь, батюшка, дѣвушка, вѣдь!.. Подумай-ка сколь ждала, а вотъ замужъ-то выйдетъ, раздобрѣетъ и она въ годъ... А ужъ честная-то, такъ голову на плаху кладу... Ужъ будь женишёкъ покоенъ!.. Что мать-то покойная, что я, съ глазъ не спускали, да и сама она, нечего сказать, степенная дѣвушка, не запялитъ глаза не въ свое мѣсто... Нѣтъ, нѣтъ, надо чести приписать, блюденая дѣвка!.. Въ полномъ видѣ не-

Digitized by Google

вѣста!.. Безъ захуду!.. А какъ, сударь, Кронидъ Матвѣичъ, звать-то его?.. Имячко-то его какое будетъ?..

— Это кого?.. Жениха-то, что ли?

— Ну, знамо... Имя-то какое и прозваніе ихнее?

— Имя тоже хорошее: Іаковъ Горскій...

— Ну, вотъ, прекрасное и имя, и прозваніе... Дай Господи въ добрый часъ!.. Кабы намъ эвое дѣло сдѣлать!.. Да хорошенькаго-то бы!.. Вѣкъ бы за васъ стали Бога молить!..

Іаковъ Горскій, явившійся къ вечернему чаю, совершенно очаровалъ собою тётку Олимпіаду: онъ понравился ей не только своимъ ростомъ, дородствомъ и красивымъ лицомъ, но особенно тѣмъ, что ходилъ неспѣшно, осмотрительно, и безъ стуку, кланялся низко, сидѣлъ на стулѣ степенно, склонивъ голову, со скромною привѣтливою улыбкою на устахъ, говорилъ тихо и ласково, громко не смѣялся, даже откашливался и отхаркивался въ руку, собесѣднику въ упоръ въ глаза не смотрѣлъ, а вскинетъ глазами изрѣдка вверхъ, взглянетъ вскользь, съ подобострастіемъ, и сейчасъ же скромно опуститъ ихъ, ровно красная дѣвица. Передъ тёткой Олимпіадой сидѣлъ идеальный женихъ, о которомъ она даже мечтать не смѣла: это былъ въ ея глазахъ какой-то ковчегъ, въ которомъ собраны щедрою рукою всѣ достоинства, желанныя въ женихѣ Таисіи. Послѣ часовой бесѣды она сгорала отъ нетерпѣнія приступить къ дѣлу и внутренно сѣтовала на г. Бронзова, что онъ не начиналъ, а сидѣлъ какъ будто совсѣмъ спокойно и беззаботно, разговаривалъ о предметахъ совсѣмъ посторонникъ, къ дѣлу не относящихся, и посматривалъ то на жениха, то на тётку Олимпіаду съ какой-то неопредѣленной, двусмысленной улыбочкой: онъ видѣлъ впечатлѣніе, которое произвелъ его протежэ на тётку и эгоистично любовался и тѣшился этимъ, какъ-бы кокетничая и поддразнивая старуху. Супруга г. Бронзова, дама тучная, но нрава нетерпѣливаго, выручила ее.

— А что, Горскій,—вдругъ, круто, безъ всякой подготовки, спросила она:—есть у тебя что въ виду?..

— Это насчетъ чего изволите? — уклончиво переспросилъ Горскій, хотя и понималъ, о чемъ спрашиваетъ его г-жа Бронзова.

— Извѣстно о чемъ: о мѣстахъ... Хлопоталъ, вѣдь, чай, тоже навѣдывался. Есть ли невѣсты-то на примѣтѣ?..

Бронзовъ нахмурился, у тётки Олимпіады захватило духъ.

— Какъ же-съ... Имѣю двухъ... — конфузливо и скромно отвѣчалъ Горскій, сразу понявшій, зачѣмъ его пригласили къ чаю,

Digitized by Google

и что значило присутствіе за нимъ пріѣзжей родственницы, не спускавшей съ него жаднаго, пытливаго взгляда.

— На какія же вакансіи: на священническія? — вмѣшался Бронзовъ, вдругъ сдѣлавшійся серьёзнымъ и даже нѣсколько мрачнымъ.

— Всеконечно...—отвѣчалъ Горскій, все-таки съ приличною скромностію:—потому аттестатъ мой дозволяетъ...

— Само-собой!..—согласился Бронзовъ.—Что же, въ городъ, или въ село?..

— Оба въ селахъ...—отвѣчалъ Горскій, подумавши.

— И хорошія мѣста?

— Достаточныя...

— Что же, справки наводишь, или ѣхать ужъ собираешься на смотрины?.. Можетъ быть, уже и переѣдывался?..

— Было все... отчасти... Вдругъ этого дѣла нельзя... А безъ вашего совѣта ни на что не рѣшусь...

Бронзовъ бѣгло, съ достоинствомъ, взглянулъ на Олимпіаду.

— А хочешь посовѣтоваться, можетъ, секретно... Пойдемъ, отдѣльно потолкуемъ...

Бронзовъ и Горскій поднялись и пошли въ другую комнату.

— Есть, вѣдь, всякія и священническія мѣста!.. Иное хуже и дьяконскаго!.. И опять же много нынче обманываютъ!..—успѣлъ лишь только эти слова проговорить имъ вслѣдъ оторопѣвшая Олимпіада, нѣсколько даже испуганная неожиданнымъ уходомъ гостя и хозяина.

— Мы только переговоримъ и скоро опять вернемся: вы намъ не мѣшайте...—сказалъ Бронзовъ на порогѣ другой комнаты.

О чемъ происходилъ разговоръ между Бронзовымъ и женихомъ осталось тайною для Олимпіады, но чрезъ нѣсколько времени онъ выпустилъ изъ своей комнаты Горскаго и позвалъ къ себѣ тётку.

— Ну, переговорилъ,—сказалъ онъ,—уламывалъ: ни за что не хочетъ во діаконы... Зачѣмъ же, говоритъ, я старался, учился, зачѣмъ курсъ на священника кончилъ... Только тѣмъ, кажется, и поколебалъ нѣсколько, что семьсотъ рублей на руки дадите передъ свадьбой, да что, можетъ быть, въ томъ же селѣ, священникомъ будетъ, такъ какъ вакансія предвидится... Однако рѣшительнаго все не сказалъ... Вотъ теперь ужъ твое дѣло: оканчивай, доламывай его... Я, съ своей стороны, всѣ резоны представлялъ: и про богатство тестя, и невѣсту, и мѣсто хвалилъ... Стоитъ на своемъ: къ чему же, говоритъ, я самъ себя добровольно въ низшій санъ низводить буду... Да еще что тебѣ

Digitized by Google

скажу... Наслышанъ онъ, что въ вашемъ же селѣ у попа дочь невѣста, а я обмолвился, что попъ въ переводъ просится, онъ и говоритъ резонно: такъ вотъ, говоритъ, ужъ лучше же я толкнусь ко священнику...

— Да развѣ нашъ попъ дастъ за дочкой столь, сколько нашъ братецъ?.. У него семья-то самъ-девять, и домъ-отъ хуже нашего, а ужъ о чемъ прочемъ, али о деньгахъ—и говорить нечего... Да онъ и перваго-то взятя обманулъ: что обѣщалъ, того не далъ, да и не изъ-чего ему дать...

— Ну, ужъ это ваше дѣло: улаживайте, какъ знаете... Мое дѣло: вотъ вамъ женихъ, лучше не найдете, а только меньше семисотъ нечего его и почтивать, и чтобъ четыреста рублей отдать тотчасъ послѣ благословенія, а триста въ день свадьбы, или какъ ужъ вы тамъ сладитесь... Мнѣ въ это входить не приходится...

— Какъ же это, Кронидъ Матвѣичъ, семьсотъ рублей?.. И опять же всѣ вдругъ до свадьбы... Не могу я этого обѣщать: я наобѣщаю, а какъ онъ, братецъ, и меня-то съ нимъ погонитъ... Одна срамота будетъ тогда!..

— Ничего, ничего я этого не знаю, и входить въ это не могу и не желаю... По-моему, вотъ это такъ срамно: богатый человѣкъ, одна дочь, изыскиваетъ хорошаго жениха, является самый благожелательный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже превосходитъ всякія ожиданія, а вы торговаться съ нимъ будете; чѣмъ бы привлекать и уловлять всячески, а вы будете утѣснять и нажимать его... Всеконечно тогда плюнетъ и уйдетъ: и тутъ же у васъ, на глазахъ, возьметъ попову дочь и будетъ попомъ въ вашемъ же селѣ... Вотъ тутъ каково будетъ?.. Съ этакой скупостью вамъ не то, что наилучшаго жениха выбирать, а отдавать Таисью-то за перваго встрѣчнаго... Только бы взялъ, Христа ради...

— Ай, чтой-то, Кронидъ Матвѣичъ, батюшка, неужто ужъ такъ наша невѣста самая послѣдняя... противъ всѣхъ?.. И гдѣ-то нигдѣ, такъ высматриваютъ, да выбираютъ жениховъ-то... кои получше... а не то, что такъ: перваго встрѣчнаго!.. Чтой-то, Господи помилуй...

— Ну, такъ то-то и есть... Хотите получше, такъ и раскошеливаться придется... хочешь—не хочешь...

— Да кабы моя воля-то была, такъ я бы... неужто бы я пожалѣла чего, коли этакой человѣкъ подвернулся?..

— Ну, какъ хотите... Я свое дѣло сдѣлалъ, что по родственному слѣдовало... А тамъ ваше дѣло... Пойдемъ... Вѣдь, еще

Digitized by Google

неизвѣстно, и на это-то согласится-ли онъ, Горскій-то... Еще сама поговори съ нимъ... А ужъ я другого подобнаго въ виду не имѣю: есть, вѣдь, ихъ много, но только тѣхъ прочихъ я на свою рекомендацію не приму... Ищите сами, если съ этимъ не сдѣлаетесь...

Послѣ этого разговора тётка Олимпіада принялась усиленно за уловленіе желаннаго жениха. Она возвратилась къ прерванному разговору объ исканіи мѣста и внушала Горскому, что иныя священническія мѣста бываютъ хуже дьяконскихъ, что для молодыхъ супруговъ самое тяжелое и трудное дѣло придти къ пустому дому и вновь обзаводиться и устраиваться... «А ужъ на что лучше и спокойнѣе, какъ придешь ко всему готовому: ни о чемъ не горюй — не думай, живи, проклажайся въ свое удовольствіе съ молодой супругой...» Она увѣряла также неопытнаго юношу, что «во дьяконахъ на первое время гораздо способнѣе и покойнѣе, пока не осмотришься и не привыкнешь: ходи, знай, за попомъ, дѣлай изъ-за него, нѣтъ ни въ чемъ твоей заботы и твоего отвѣта... Ну, а въ попы-то перейти, кто по разряду вышелъ, завсегда можно...» Также и на-счетъ невѣсты разсказывала, что всякія бываютъ: «дѣвчонку молодую взять, такъ вмѣсто, чтобы дѣло съ нея спрашивать,—ходи за ней, да учи-пріучай ко всему, а въ хозяйствѣ, въ домѣ, изъ-за того, чѣмъ бы прибыль,—одно во всемъ умаленіе... Да еще, храни Богъ, которая попадется слабая да балованная: у отца-то не при дѣлѣ, а на бездѣльѣ, въ холѣ, да въ баловствѣ, на однихъ нарядахъ жила... Тутъ ужъ мужу бѣда совсѣмъ: чѣмъ бы ей дѣло дѣлать, да въ хозяйствѣ все управлять, какъ лучше, она мужа-то смаетъ: добывай, нарядовъ ей шей, за ней ровно за королевой ухаживай, работницу ей нанимай, а то въ тоску, въ скуку, да въ болѣсть ее бросаетъ... Видали мы много, вѣдь, такихъ примѣровъ-то: вотъ не далеко ходить, у Николы въ Березкахъ, въ селѣ, попъ-то молодой, изъ себя умный и тихой, кроткой такой, на дочери благочиннаго женился, думалъ—домъ богатый, тестюшка живетъ пышно... ну, благочинный, доходы имѣетъ большіе, за дочерью наобѣщали много, думаетъ: невѣсть, какую благодать Господь подаетъ, а того не сдогадался, что у благочиннаго семья-то восемь человѣкъ, да все почитай, дочери, сыновей-то одинъ-ли, двое ли, только... Ну, сударь мой, мѣсто вышло ему у Николы въ Березкахъ не важное, голодное, народъ тамъ бѣдный, да балованный, къ церкви не приученъ... Обженился нашъ попъ Семенъ, къ мѣсту ѣхать надо, обзаводиться нужно, просить обѣщанныхъ денежекъ, а тестюшка гово-

Digitized by Google

рить: — погоди, другъ любезный, поисхарчился на свадьбу, на наряды для твоей же жены, погоди, вотъ деньгами пособьюсь, тогда... Дѣлать нечего: поѣхали... Пріѣзжаютъ: дома-то нѣтъ, покупать надо, а денегъ нѣтъ, старый попъ въ пожданье хошь и продаетъ домъ, да вдвое проситъ, а ничего не подѣлаешь: покупать надо, не на волѣ, али не на фатерѣ у причетника, жить... Ну, нечего дѣлать, взялъ на шею обузу, долгъ, — купилъ домъ... Домъ-отъ есть, да въ дому-то ничего: голыя стѣны, ни лошади, ни коровы, ни ложки, ни плошки, — ничего: все покупай на чистенькія... а гдѣ ихъ взять?.. А окромя того: ѣсть, пить надо... Пишетъ къ тестю: ни привѣта, ни отвѣта... Бѣгаетъ по прихожанамъ: по фунтикамъ муку занимаетъ... А жена сидитъ разряженная, чаю, сахару, конфектовъ проситъ, а ужъ какой чай-сахаръ, коли хлѣба нѣтъ... ревётъ, плачетъ, убивается, съ лица худѣетъ, попа бранитъ, точитъ ровно рыка желѣзо... Пошли у нихъ ссоры, свара, брань, ругань, до драки дѣло доходитъ... А прихожане, смотрятъ, осуждаютъ: вотъ, молъ, какой попъ пріѣхалъ: съ молодой женой, со красивой, согласу нѣтъ... И видно попъ не путной: ни коровы, ни лошади не заводитъ, а въ суконной рясѣ ходитъ и жена въ шерстяныхъ платьяхъ, да въ шляпкахъ въ будень день, на улицу показывается... Что же, вѣдь, ты думаешь, вышло?.. Году не прошло: сбѣжала, вѣдь, отъ него жена-то... Право, ну!.. къ отцу уѣхала: онъ, говоритъ, мой попъ, съ голоду меня моритъ, мучитъ, тиранитъ, бьетъ, при моихъ цвѣтущихъ годахъ въ чахотку меня вгоняетъ, и теперь, говоритъ, ужъ я чахотку въ себѣ, кашель, чувствую... Какъ ты думаешь: вѣдь, до владыки дѣло доходило... Пріятно это?.. Да самъ разсуди: какой попъ безъ попадьи?.. Особливо молодой человѣкъ... Соблазнъ!.. Благочинный узналъ, что попъ безъ жены живетъ, а по священству своему, службу всякую править и таинства совершаетъ, знамо, усумнился, да и сутяжный же старичонко — преосвященному донесъ... Вытребовали, вѣдь, попа-то въ консисторію, внушеніе сдѣлали, велѣли, какъ хочетъ, а чтобы попадья была при немъ... А та, сказываютъ, ему персть до кости прокусила, съ того страха больше и сбѣжала, чтобы къ отвѣту не попасть... Такъ вотъ онѣ каковы, модницы-то, поповы дочери, бѣлоручки... на баловствѣ-то, да на нарядахъ выроченныя!..

— Нѣтъ, а вы, Яковъ Лосинычъ, не того ищите, а ищите, чтобы хоть не больно молода и модна, да чтобы дѣвушка-то была смирная, да степенная, ко всякому дѣлу рукодѣльница, а изъ дома, изъ хорошаго, изъ хозяйственнаго, чтобы было къ чему придти: не къ пустымъ стѣнамъ. Вотъ хочешь ли, Яковъ

Digitized by Google

Логинычъ, такую высватаю: есть у меня такая на примѣтѣ... Какъ разъ по тебѣ, въ твою руку... хочешь ли?

— Надо сначала посмотрѣть... Какъ же такъ, не видавши... —уклончиво отвѣчалъ Горскій.

— А поѣдемъ, поѣдемъ со мной: я тебѣ покажу... И невѣсту покажу, и домъ, все: небось, не много этакихъ хозяйствъ и промежду поповъ... А невѣста-то—одна дочь у отца: все ей достанется, все къ ней перейдетъ... Поѣдемъ, вправду говорю, хошь завтра же съ утра...

— Да позвольте же узнать: кто такіе будутъ?..

— Да ужъ что тебѣ заглазно разсказывать: пріѣдешь—все самъ увидишь и узнаешь... И съ невѣстой, и съ отцомъ самъ переговоришь... Ужъ, говорю тебѣ, поѣдемъ, жалѣть не будешь, не даромъ съѣздишь...

— Однако, помилуйте, какъ же это ѣхать, и самъ не знаю куда... коли мнѣ ничего даже неизвѣстно... Это никакъ невозможно...

— Ну, да что тебѣ... Ну, я, пожалуй, скажу: не за кого-нибудь хочу сватать, а за свою родную племянницу... Вотъ и Кроніду Матвѣичу двоюродная племянница приходится: женишься, Богъ дастъ, и съ нимъ породнишься... Вотъ у насъ родня-то... не кое-какая... Не стыдно и вамъ будетъ породниться...

— Конечно, это сколь пріятно, столь и лестно... Но, вѣдь, какъ я наслышанъ, братецъ Кроніда Матвѣича дьякономъ, слѣдовательно за невѣстой дьяконское мѣсто... А я во священники могу прямо... полное право имѣю...

— Никто тебѣ и не запретитъ: побудь сперва дьякономъ, а опосля, коли захочешь, и въ попы перейдешь... А не крайности, ты невѣсту возьмешь не въ одномъ платьѣ, не съ пустыми руками... ужъ, сказать, что съ полнымъ домомъ...

— А какое за ними награжденіе отъ родителя?..

— Да какое?.. Дочь-то у отца одна: что ни есть—все ваше будетъ; съ собой въ гробъ ничего не возьметъ... А ужъ лѣта его преклонныя...

— Нѣтъ, что это... Не о томъ.. Дай Богъ имъ добраго здоровья и долгихъ дней жизни... По одному христіанству, объ этомъ думать и желать не слѣдуетъ, а ужъ кольми паче по родству... Нѣтъ я про то: сколько на руки, такъ-сказать въ приданое, въ награду дочери назначаютъ?.. Вонъ мнѣ сватаютъ священническую дочь, и тоже прямо на отцовское мѣсто, и пятьсотъ рублей на руки обѣщаютъ, а домъ, тамъ и все прочее... то

Digitized by Google

само собой... Такъ, замѣтьте, — прямо во священники, а не во дьяконы...

— Да ужъ поѣдемъ ты только, да покажись самому-то: можетъ, онъ и не то тебѣ пообѣщаетъ... Слава Богу, ему есть изъ чего дать... А куда ему беречь-то на старости лѣтъ: ему былъ бы только спокой, да всякое почтеніе и уваженіе отъ васъ... А ему бы на васъ смотрѣть да тѣшиться...

— Это само собой!.. Родителю всякое почтеніе и подобострастіе слѣдуетъ отъ дѣтей, а равномѣрно и тестю отъ зятя!.. Это уже по всякому закону, по божескому и по человѣческому... а особливо еще, если родитель щедроты свои изливаетъ на присныхъ своихъ... Что до меня, такъ я всегда помню наставленіе: старца почти! ужъ не говоря о заповѣди Господней: чти отца твоего и матерь твою!... И ужъ, конечно, отъ меня родитель всегда успокоенъ будетъ... Но, вѣдь, конечно, хоть бы и отецъ дьяконъ—не согласятся же они, при живности своей, передать въ наши руки все свое имущество, да и требовать этого нельзя, не деликатно даже, но и намъ оставаться безъ копѣйки въ рукахъ тоже невозможно. Вотъ посему и нужно переговорить и условиться обстоятельно...

— Вотъ, вотъ, батюшка, вотъ ты этакъ-то ему: о почтеніи-то, да о покорности, что, молъ, на всю вашу жизнь... ты этакъ-то съ нимъ поговори: успокой ты его только, да по нраву его потрафь, такъ онъ не пожалѣетъ, наградитъ... Да, молъ, желаю трудиться по примѣру вашему и по благословенію родительскому... Вотъ онъ и увидитъ тебя... Ну, благословляй его, Кронидъ Матвѣичъ, ѣхать-то со мной...

— Что же?.. По-моему, съ Богомъ, если есть свое доброе желаніе...

— Да, батюшка, Кронидъ Матвѣичъ, не оставьте вы его вашими умными наставленіями... Ну, что я, баба старая, глупая,— вы люди умные, ученые, гдѣ мнѣ противъ васъ говорить... Не оставьте, Кронидъ Матвѣичъ...

— Да ужъ что тутъ лишнее говорить... какія тутъ наставленія?.. Съ Богомъ! вотъ одно слово... Онъ самъ не дуракъ: самъ все увидитъ и разсмотритъ: есть ли интересъ для него какой, или нѣтъ... Извѣстно, моя племянница невѣста хорошая, ну, да и онъ женихъ не плохой, имъ нигдѣ не побрезгуютъ... Что говорить: пара бы была, а впрочемъ—все въ волѣ Божіей... Ну, и въ братцѣ много состоять будетъ: какъ онъ раскошелится... Что же, поѣзжай, Горскій, посмотри... Дай Богъ счастливо... А богать будешь, насъ не забывай: не возгордись!..

Digitized by Google

Горскій подобострастно улыбнулся.

— Чего никогда не можетъ статься, Кронидъ Матвѣичъ, чтобы передъ вами, наставникомъ и благодѣтелемъ, могъ какую гордость имѣть...—сказалъ онъ.—Вы мнѣ замѣсто отца...

— На свадьбу-то, чай, пригласишь, коли сладитесь?..—продолжалъ шутить г. Бронзовъ.

— Не только, Кронидъ Матвѣичъ, но слезно буду просить въ отца мѣсто, съ кѣмъ бы и когда бы ни привелось мнѣ сочетаться... А Марью Антоновну, чтобы за родительницу благословила меня, потому—какъ есть я сирота круглый и вы одни мои благодѣтели и, по духу, родня... тѣмъ же паче, если Богъ благословитъ, породнимся и по плоти...

Яковъ Горскій говорилъ съ чувствомъ и даже прослезился. Навернулись слезы отъ чувства и у г. Бронзова.

— Благодарю, я всегда считалъ тебя признательнымъ...—проговорилъ Кронидъ Матвѣичъ.—Надѣюсь, что не забудешь всемое попеченіе и стараніе о тебѣ...

На слѣдующій день тётка Олимпіада повезла съ собою, на своей лошади, избраннаго жениха. Она была неспокойна: у нея захватывало дыханіе — и отъ радости, что она такъ скоро и успѣшно исполнила порученіе и свое собственное желаніе— отыскала и везла племянницѣ въ женихи такого умницу, и смиренника, и красавца, — и отъ боязни, что они не сойдутся въ рядѣ со старикомъ, и что этакое сокровище, пожалуй, сманитъ попъ и женитъ на своей пучеглазой. Эта пучеглазая, смазливая попова дочь особенно безпокоила тётку Олимпіаду: какъ ни былъ скроменъ, степененъ и, какъ видно, разсчетливъ и падокъ на денежку Яковъ Горскій, но все-таки онъ еще молодой человѣкъ, не установился вполнѣ, неопытенъ и сердцемъ еще слабъ: долго ли до грѣха, увидитъ красивую молоденькую дѣвчонку, да еще попову дочь, да еще наобѣщаютъ тамъ съ три вороба,—какъ-разъ перекинется туда. Бѣда тогда будетъ сущая: срамъ-то срамомъ, и для Таисьи, и для нея, свахи, — да ужъ очень и обидно: на самыхъ на глазахъ другую возметъ, изъ рукъ уйдетъ... На улицу-то, кажись, послѣ этакого зазора не выйдешь цѣлый годъ, да и Таисья-то смается совсѣмъ, особливо коли увидитъ его да понравится...

Олимпіада задалась задачей провезти Горскаго къ себѣ въ домъ такъ, чтобы ни онъ никого, ни его никто на селѣ не видалъ: нарочно медлила дорогой и пригоняла, чтобы пріѣхать домой вечеромъ или хоть въ сумерки; а между тѣмъ во время всего пути—и кстати, и некстати—ругала своего попа и все

Digitized by Google

его семейство, особливо дѣвокъ. Чего-чего ужъ она не наговаривала и не измышляла въ охужденіе попа и всей его семьи: и какія всѣ они безработныя и бездѣльныя, какія сластоѣжки, и франтихи, и даже безпутныя, намекала что-то очень понятное про молодого дьячка и попадью, про попову дочь и кабатчика... Изъ мѣщанъ,—холостой да лихой такой былъ, сквернословъ окаянный,—знамо, кабатчикъ... А все вертится у попа, все у попа... И дочка тутъ... Деньги, чу, попу-то взаймы давалъ изъ-за дочки-то... Ну, тотъ и мирволилъ имъ!.. И про то разсказывала, какой попъ сутяга и какъ онъ обманулъ перваго зятя... А и живутъ теперь, говорятъ, плохо: бѣдно, да и ссорятся... Онъ-то человѣкъ смирный, хорошій, а она-то—охалка, этакая же безпутная, что и вторая-то сестрёнка, дѣвка-то...

— Да что, отецъ дьяконъ, въ ссорѣ, что ли, со священникомъ?.. Неудовольствіе, должно быть, промежъ ихъ есть?..— спросилъ, наконецъ, Горскій, наслушавшись злорѣчивыхъ разсказовъ Олимпіады.

— Нѣтъ, такъ явнаго ничего нѣтъ, живемъ въ согласіи,— отвѣчала Олимпіада, спохватившаяся, что, видно, много черезъчуръ переложила усердія.—Нѣтъ, вѣдь, что братецъ, что мы съ Таисьей—уступчивы, да мы и изъ дома-то мало выходимъ, нѣкогда намъ, мало съ ними и знаемся, — а такъ, отъ людей... Люди что говорятъ,—вотъ мы и слышимъ...

— Клеветы, можетъ быть, одни, сплетни... Люди злоязычны!..

— Ну, батюшка, и люди на-обумъ говорить не станутъ,— что-нибудь да есть... Худая-то слава бѣжитъ... Да, вѣдь, ужъ по-сосѣдству живемъ, тоже и видимъ... Не все отъ людей слышимъ, все и сами видимъ... Нѣтъ, ужъ нѣтъ, худого не похвалишь...

— Мнѣ только одно удивительно,—продолжалъ Горскій:— хвалите вы приходъ, разсказываете, какое состояніе нажилъ въ немъ отецъ дьяконъ... А, вѣдь, священникъ, по крайней мѣрѣ, вдвое долженъ получать противъ дьякона, — какъ же онъ такъ бѣдствуетъ, что даже безъ долговъ прожить не можетъ... Вотъ что мнѣ невразумительно!.. И опять же, говорите: цѣлая деревня старовѣрства придерживается—это все наиболѣе въ пользу священника, а не дьякона... Какъ же такъ?.. Дьяконъ богатъ, а попъ крайне нуждается?.. Недоумѣваю!..

— Ахъ, ты мой родимый, милый человѣкъ, развѣ тутъ въ одномъ приходѣ сила?.. Сила, батюшка ты мой, въ головушкѣ перво-на-перво: умная головушка, куда ты ее ни запри, съумѣетъ промыслить про-себя, а глупая-то, пустая которая,—и на бога-

Digitized by Google

томъ мѣстѣ ничего не наживетъ, все измотаетъ... Это человѣкомъ!.. Не то, что... а и готовое-то проживетъ... Не даромъ сказано: «глупому сыну не въ помочь богатство»!.. Все это, батюшка, все въ себѣ, все въ человѣкѣ зависитъ!.. Да нашего братца, особливо какъ помоложе былъ, на какое мѣсто хочешь посади — онъ вездѣ, кажется, свое возьметъ!.. Оборотистъ ужъ очень... Смотри-ка, какъ у него: всѣмъ торгуетъ!.. Ну, да и крѣпонекъ!.. Опять же и семья у него маленькая, дѣтей-то одна Таиса... Ну, а попъ большесемейный...

— Стало-быть, приходъ-то очень плохой, малодоходный... такъ что отъ паствы, отъ одной, безъ сторонняго оборота, не проживешь... Это дѣйствительно — не всякій на то способенъ...

— Нѣтъ, вѣдь, и приходъ, ты не думай... Съ нашего прихода сходъ хорошій... Смотри-ка, сколь всякой нови собираютъ: не то самимъ не переѣстъ—сколь продаемъ!.. Это грѣхъ пожаловаться!..

— Все-таки священникъ получитъ вдвое противъ дьякона... во всякомъ разѣ...

— Ну, извѣстно!.. Такъ что? развѣ мы тебя попомъ-то не сдѣлаемъ?.. Небось, поживи годокъ-другой, а тутъ и въ попы... И Кронидъ Матвѣичъ похлопочетъ... Да и со своими денежками-то развѣ долго, особливо же у тебя разрядъ... въ попы?.. Что тебѣ объ этомъ думать...

— А все-таки дьяконъ — человѣкъ подначальный, не самъ себѣ хозяинъ... Все изъ-за попа живи... Непріятно...

— Ну, съ деньгами-то тебѣ вездѣ честь и первое мѣсто: не посмотрятъ и на попа, впередъ посадятъ!..

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ пододвигались Олимпіада съ Горскимъ къ селу. Пользуясь ими, старуха бросала возжи, и жирная дьяконская лошадь шла, едва передвигая ноги. Но какъ ни старалась Олимпіада замедлить свое путешествіе, село было уже близко, а солнце стояло еще высоко. На бѣду и Горскій соскучился тихою ѣздою.

— Далеко еще будетъ до села, до вашего?—спросилъ онъ.

— Да еще верстъ семь, али восемь будетъ, а можетъ и всѣ десять: кто ихъ знаетъ—не мѣряныя онѣ... А что?

— Да ужъ очень тихо ѣдемъ... Лошадь у васъ, кажется, хорошая, а еле двигаемся...

— Какъ же быть-то, родной... хорошую скотину нужно беречь; пожалуй, перегнать-то ее не долго, да что изъ того пути-то будетъ?.. Братецъ-то у насъ ай бережливъ къ лошадямъ, жалосливъ...

Digitized by Google

— Да ужъ даже спину разломило, разморило совсѣмъ всего...

— Да, ну, ну, я поѣду пошибче... А ты вотъ что,—вдругъ надумала она:—ты ляжь въ телѣгѣ-то, протянись, да усни, а я попрытче поѣду... И не сдогадаешься, какъ пріѣдешь... Право, ложись-ка, ложись...

Горскій было-поуперся; но Олимпіада остановила лошадь, подсунула спутнику подъ голову мягкій узелъ съ чѣмъ-то, настоятельно потребовала, чтобы онъ вытянулся во всю телѣгу, сама прилѣпилась съ краю и заставила свою лошадь трусить. «Вотъ бы задремалъ,—лучше бы не надо», думала она: «такъ бы и привезла его къ самому крыльцу соннаго»...

— На-ка отъ солнца-то, да отъ пыли, прикройся моимъ платкомъ... На, прикройся,— настаивала она, снимая съ плечъ большой платокъ и покрывая имъ Горскаго. Онъ попробовалъ было сопротивляться, но безполезно: Олимпіада настояла. Къ великому ея удовольствію, Горскій, дѣйствительно, задремалъ.

Олимпіада поѣхала рысью, то-и-дѣло взглядывая на спутника и натягивая ему на голову сползавшій отъ тряски платокъ.

— Спи, спи, батюшка, спи...—уговаривала она его при этомъ, когда замѣчала, что Горскій полуоткрывалъ глаза. Небось, къ селу будемъ подъѣзжать, разбужу...

Но вотъ и село. Церковь давно видиѣется изъ-за деревьевъ. Ѣдутъ поповскимъ полемъ. Вотъ дьяконскія полосы выдѣляются хлѣбомъ, рослымъ, густымъ, сильнымъ: хорошо бы показать жениху, похвастать, да нѣтъ, пускай лучше спитъ: захочетъ послѣ—сходитъ. Слава Богу, проѣхали и село, остался одинъ только пустырь до монастыря, т.-е. поповской слободы—спитъ, не ворочается. Олимпіада зорко слѣдитъ за платкомъ: не удалось пригнать къ вечеру, не вынесетъ ли, не закроетъ ли жениха отъ жадныхъ поповскихъ глазъ эта хитрость?.. Вотъ подъѣзжаютъ къ самому монастырю: два причетническихъ дома, потомъ проулокъ, потомъ поповъ домъ, а потомъ и дьякона. Горскій ворочается, платокъ ползетъ прочь...

— Спи, спи, батюшка, еще далеко... Вотъ сейчасъ, вотъ сейчасъ!..—говоритъ Олимпіада, закрывая Горскаго отъ завистливыхъ глазъ не только платкомъ, но даже собою. Горскій дѣлаетъ усиліе, приподнимается въ телѣгѣ, стараясь освободиться и отъ платка, и отъ Олимпіады, но и Олимпіада не плошаетъ: лѣвой рукой понукаетъ жирнаго лѣнивца, тотъ крупной рысью проносится мимо поповскаго дома. Горскій, наконецъ, поднимается, садится въ телѣгѣ, протираетъ глаза и поправляетъ волосы и

Digitized by Google

шапку, но они уже у самаго крыльца дьяконова дома. Все это видѣли и отъ попа, и отъ дьячковъ, и впослѣдствіи со злорадствомъ разсказывали, что тётка Олимпіада жениха Таисѣ подъ рогожкой провезла... Какъ бы то ни было, Олимпіада достигла цѣли: доставила жениха прямо въ домъ, не показавъ его никому изъ сельскихъ и не допустивъ его разсѣяться и смутиться духомъ отъ лицезрѣнія посторонннихъ красотъ. На крыльцѣ Горскаго встрѣтилъ дьяконъ и повелъ тотчасъ же въ комнаты, откуда семинаристъ долженъ былъ выдти обратно на улицу, или женихомъ Таисы, или врагомъ дома, которому навсегда уже закрытъ доступъ въ него. Олимпіада рѣшила въ душѣ своей не спускать глазъ съ жениха и поставить дѣло сватовства такъ, чтобы скупой старый дьяконъ вынужденъ былъ согласиться на всѣ условія Горскаго. Она надѣялась этого достигнуть, во-первыхъ, посредствомъ письма г. Бронзова, въ которомъ онъ рекомендовалъ жениха съ самой отличной стороны; во-вторыхъ, безвыходностью положенія, въ которое будетъ поставленъ дьяконъ: или потерять такого прекраснаго зятя, ославить дочь, что отъ нея отказался первый женихъ, за которымъ нарочно въ городъ ѣздили, зазывали, заманивали, въ домъ привозили,—или устроить насидѣвшуюся невѣсту, вынувши прежде времени лишнюю сотню-другую рублей, которая ей же бы пошла послѣ его смерти. Въ томъ, что женихъ понравится и дьякону, и Таисѣ, Олимпіада не сомнѣвалась. Вообще она ни въ чемъ не ошиблась. Узнавши требованія Горскаго, старый дьяконъ сначала даже ужаснулся, заломался и сказалъ на-отрѣзъ, что у него даже и денегъ такихъ нѣтъ; но послѣ продолжительной перепалки съ сестрою, которая корила и срамила его, грозила ссорой съ г. Бронзовымъ и наконецъ призвала Таисію, которая объявила отцу, что ей лучшаго мужа даже и во снѣ не снилось и что она будетъ вѣкъ безчастна, если родитель лишитъ ее такого жениха,—старикъ наконецъ уступилъ. Онъ остался съ Горскимъ наединѣ, т.-е. полагалъ, что остался, потому-что во время всего ихъ уединеннаго разговора, тётка Олимпіада съ Таисіей лежали на запертыхъ дверяхъ; долго торговался съ нимъ, доказывалъ, что Горскому совсѣмъ такихъ большихъ денегъ не нужно, клялся, что у него и нѣтъ ихъ, и если давать, то придется самому занимать; но молодой человѣкъ былъ твердъ, какъ скала, и стоялъ на томъ, что у него уже есть невѣста со священническимъ мѣстомъ и съ пятью стами рублей на руки; что ему не изъ-за чего отказываться отъ готоваго уже счастья, и что онъ только по

Digitized by Google

Кронду Матвѣичу, г. Бронзову, желаетъ... Горскій намекнулъ даже, что изъ просимыхъ 700 руб. ему останется только 500, такъ какъ 200 онъ долженъ отдать долга одному благодѣтельному человѣчку; онъ не назвалъ его, но и дьяконъ, и Олимпіада поняли, что этотъ благодѣтельный человѣкъ не кто другой, какъ самъ г. Бронзовъ, выговорившій себѣ магарычъ за прежнія благотворенія и послѣднюю рекомендацію.

Олимпіада толкнула локтемъ Тансію и шепнула ей:

— Поди, Бронзову?..

— Ну, еще, тамъ, видно будетъ... Больно ужъ много!.. съ неудовольствіемъ, какъ-то загадочно, проговорила шопотомъ Тансія.

— Касательно долга... Ну, это еще подождать можетъ... Долгъ-то, поди, безъ документа... Уплатишь по усмотрѣнію... когда разживешься...—сказалъ съ своей стороны и дьяконъ. А для облегченія моего и чтобы не больно къ тебѣ приставали и было бы чѣмъ отъ долга отговориться, вотъ какъ сдѣлаемъ, ужъ это послѣднее тебѣ предлагаю: какъ Богъ дастъ—благословимся, обрученіе сдѣлаемъ, такъ въ тотъ день я тебѣ двѣ сотни на руки для всякихъ закупокъ насчетъ нарядовъ и всего прочаго, а въ день свадьбы вексель на себя дамъ въ пятьсотъ рублей... Вотъ хочешь?.. Кто и съ долгами пристанетъ, такъ вексель покажешь: вотъ, молъ, самъ не получилъ еще... Когда получу, тогда... Ты-то покоенъ: съ меня-то ужъ получишь... Весь домъ въ твоихъ рукахъ будетъ... Да и мнѣ не занимать стать, или товару за безцѣнокъ не продавать, на-скоро... Ну, и отъ благодѣтелей-то утѣсненія не будетъ: нѣтъ, такъ негдѣ взять... Подумай-ка! это послѣднее ужъ... Больше мнѣ нечего для тебя и сдѣлать, лучше этого... Помысли, говорю... Что тебѣ? Къ чему такъ ужъ очень спѣшить съ деньгами?.. Знаю, молодому человѣку лестно имѣть прямо капиталъ въ рукахъ, да вѣдь вексель—тотъ же капиталъ, а окромя того, все, вѣдь, ваше будетъ, съ собой ничего не возьму, было бы только отъ васъ почтеніе да послушаніе... Эй, помысли!..

Горскій помыслилъ, и къ великому удовольствію всѣхъ согласился. Дьяконъ ударилъ съ нимъ по рукамъ и облобызался. Тансія, понявъ рѣшеніе своей судьбы, вся зардѣлась, закинула фартукомъ свое лицо и убѣжала, въ сопровожденіи торжествующей Олимпіады, въ кухню, гдѣ принялась плакать и причитать. Долго не шла она на призывъ отца къ жениху, но когда вышла, то стараніями Олимпіады оказалась набѣленною и нарумяненною даже до излишества.

Затѣмъ вскорѣ Тансія стала молодой покровской дьяконицей На бракосочетаніи ея, въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей на

Digitized by Google

ходился и г. Бронзовъ, но былъ очень важенъ, молчаливъ, мраченъ и съ какою-то особенною, недружелюбною и даже язвительною усмѣшкою посматривалъ на молодыхъ. По всѣмъ признакамъ, онъ измѣнилъ свое мнѣніе о достоинствахъ жениха и выгодахъ совершившагося брака,—напротивъ, за большимъ столомъ, онъ много распространялся о людской неблагодарности, о вредѣ излишняго довѣрія и доброты къ людямъ, и о томъ, какъ легко обмануться въ человѣкѣ, повидимому, самомъ благонадежномъ. Старый дьяконъ показывалъ видъ, что не слышитъ этихъ словъ, или, по крайней мѣрѣ, не придаетъ имъ никакого особеннаго значенія, а молодые слушали ихъ смиренно, опустя въ тарелку глаза, какъ и слѣдовало новобрачнымъ.

Алексѣй Потѣхинъ.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ѲЕОДОСІЮ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

6 іюля, 1879.

Все случайно совпало вмѣстѣ: и низкій заграничный курсъ, и «Берегъ моря»—крымскій романъ г. Евгенія Маркова, и собственные недуги, отъ которыхъ, по мнѣнію уважаемыхъ медицинскихъ авторитетовъ, одно только средство и есть—поѣздка на море, и, если не за границу, то именно въ отечественный Біарицъ—Ѳеодосію.

— Море, море и море! И опять, и еще разъ—море!

— Но что же дѣлать тамъ, у васъ, на морѣ?

— Laissez agir les élémentsl.. Laissez agir les éléments—предоставьте дѣйствовать стихіямъ—совѣтовалъ мнѣ, благодушно бесѣдуя со мной въ послѣдній разъ передъ моимъ отъѣздомъ, въ уютномъ своемъ докторскомъ кабинетѣ, знаменитый авторитетъ, докторъ по нервнымъ болѣзнямъ, прелестнѣйшій человѣкъ и мой личный другъ и пріятель. — Не мудрствуйте лукаво; слушайтесь и вѣрьте. Болѣзнь безспорно зашла далеко, исцѣленіе будетъ медленное, но за то можетъ быть и радикальное. Вамъ который годъ?

— Тридцать девять лѣтъ.

— Что-жъ, превосходно! Чудесно! Самая пора. Въ эти годы именно и можетъ быть полная надежда на полное выздоровленіе. Раньше — труднѣе. А теперь, намъ съ вами, батенька... дѣло

Digitized by Google

зависитъ прямо отъ насъ самихъ. Терапію, лекарства — все это по́ боку, въ сторону. Вся задача—приспособить себя такъ, чтобъ сдѣлать себя доступнымъ *натуральнымъ* благодѣтельнымъ вліяніямъ: моря, воздуха, свѣта, тепла, красотъ природы, и пріятнаго общества, и покойнаго сна, и вкуснаго кушанья... Пренебрегать не слѣдуетъ ничѣмъ. Это и есть, это и называется — laissez agir les éléments! Въ этомъ ваше спасеніе. И это достигается далеко не такъ легко и просто, какъ оно кажется. Это цѣлая наука, искусство, другъ, которому тоже нельзя такъ вдругъ выучиться. Ему учитъ жизнь, цѣлая жизнь, и только она одна. Да, одна она — жизнь! Но за то человѣкъ, обладающій этимъ искусствомъ, можетъ почитать себя счастливымъ на всю жизнь. Всѣ душевныя способности его находятся въ состояніи равновѣсія. Въ этомъ-то уравновѣшенномъ состояніи—il laisse agir les éléments, и ему становится одинаково доступно наслажденіе голубой морской далью, и крѣпкимъ бульономъ, и Лекоковской опереткой, и Шекспировскимъ Гамлетомъ... Люди вообще, обыкновенные люди, поступаютъ какъ разъ напротивъ этому: они безъ толку, нелѣпо, односторонне увлекаются однимъ какимъ-нибудь предметомъ; безтолково и страстно, очертя голову, забывая обо всемъ, стремятся въ погоню за этимъ предметомъ, и достигаютъ... И чего же достигаютъ они въ концѣ-концовъ?—Того, что жизнь оказывается ухлопанною ни за копѣйку, обмѣнивается на миражъ, на призракъ, а то случается и того хуже:—на завѣдомый со стороны другихъ и пошлый обманъ. И ничего въ замѣнъ, потому что спохватываются обыкновенно поздно, когда ничего уже и подѣлать нельзя. И приходится тогда воскликнуть словами поэта: «до чего ты меня, моя молодость, довела меня, домыкала, что и шагу мнѣ ступить некуда...» Вотъ хоть бы вы, напримѣръ, батенька, чѣмъ это вы уходили себя такимъ обстоятельнымъ образомъ?

Мы стояли другъ противъ друга. Мой другъ смотрѣлъ на меня сверху внизъ, на мою поджарую, тщедушную фигуру, пытливымъ, медицинскимъ взоромъ съ выраженіемъ покровительственнаго сочувствія. Я тоже поднялъ глаза на своего друга и тоже какъ-то вдругъ, сразу оглядѣлъ его, и не только его одного, но и въ связи, вмѣстѣ со всей его обстановкой. Я понялъ, что все, что онъ сказалъ только-что, онъ это говорилъ о самомъ себѣ. Да, дѣйствительно это было такъ: это былъ онъ самъ, счастливый, уравновѣшенный человѣкъ.

Онъ стоялъ передо мной, выпрямившись во весь прекрасный ростъ свой, чуть-чуть поджимая, начинающій уже выдаваться и

Digitized by Google

округляться, животъ и откинувъ назадъ красивую голову... Силой, спокойствіемъ дышала вся фигура его. Щеки хранили еще золотистый загаръ заграничной, Ментонской весны, и только кудри, порѣдѣлыя, жидкія кудри показывали, что искусство—laissez agir les éléments—и ему не сразу далось и кое-что потребовало на себя. Но теперь за то онъ обладалъ этимъ искусствомъ вполнѣ. Это было внѣ сомнѣній! Оно одно—это искусство—могло дать ему этотъ олимпійски-спокойный, магнетизирующій, силою своего спокойствія,—видъ, несомнѣнно импонирующій его нервнымъ, раздраженнымъ, вздрагивающимъ паціентамъ и паціенткамъ; оно одно—это искусство—могло научить его устроить для себя эту *обстановочку*, *докторскую обстановочку*, оригинальную и солидную, и шикарную, и уютную; могло заставить повѣсить на стѣнку рядомъ съ старой гравюрой Гвидо-Рени «Вознесенія» и «Юдифью» Аллори—акварельную, пошлую головку въ нелѣпой шляпкѣ; могло заставить положить въ уголокъ на письменномъ столѣ, въ красивомъ порядкѣ уложенномъ медицинскими корифеями,—пѣсни «Московскихъ цыганъ» и «Мадамъ Анго» въ переводѣ Курочкина... И въ концѣ-концовъ, что же въ самомъ дѣлѣ изъ всего этого? Это ничуть не мѣшаю ему быть извѣстнымъ, прекраснымъ врачомъ, прекраснымъ человѣкомъ! Имъ были довольны, онъ былъ собой доволенъ... Онъ былъ *здоровъ*—это важнѣе всего! Стало быть, онъ былъ правъ!..

— C'est mon opinion et je la partage,—произнесъ мой другъ, опускаясь въ роскошное атласное кресло, непремѣнно вышитое и подаренное благодарными паціентками.—Это вся моя философія по отношенію къ самому себѣ, а въ настоящую минуту также и по отношенію къ вамъ, синьоръ. Такъ-то, другъ! Prenez votre pliant, et... laissez agir les éléments. Это мой послѣдній вамъ дружескій завѣтъ, на прощаніе. Море—вещь грандіозная. Дышите и созерцайте, и съ Богомъ отправляйтесь въ путь, немедля, со Христомъ.

— Но почему же именно выбрать Ѳеодосію?

— А Ѳеодосія—закрытая бухта, песчаное дно, сравнительно дешевая жизнь и хорошій климатъ...

Доводы достаточные и убѣдительные. Я убѣждаюсь ими. Ну, море—такъ море! Ѳеодосія—такъ Ѳеодосія! Да и надо же въ самомъ дѣлѣ на лѣто куда-нибудь дѣвать себя.

Мы пожали другъ другу руки и разстались.

Черезъ день я ѣхалъ на Курскъ, Харьковъ по дорогѣ къ Севастополю и Ѳеодосіи...

Удивительная вещь—путешествіе! Кажется, что можетъ быть

Digitized by Google

тяжеле и нелѣпѣе этого состоянія въ положеніи звѣря, запертаго въ клѣткѣ, исключающаго само по себѣ всякое понятіе о свободѣ и комфортабельности. А между тѣмъ вотъ подите же! Свободнѣе дышитъ усталая грудь, свободно поглощая и дымъ локомотива, и міріады какихъ-то микроскопическихъ пылинокъ, темнымъ слоемъ осѣдающихъ на бѣльѣ и лицѣ, и больные нервы, тоскливо изнывавшіе среди столичнаго гама и комфорта, бодро переносятъ шумное оживленіе курьерскаго поѣзда. Курьерскій поѣздъ движется со всей возможной, допускаемой для курьерскаго поѣзда медленностью... И куда ему въ самомъ дѣлѣ спѣшить! и какъ это прелестно, что онъ такъ дѣйствительно не спѣшитъ никуда! Однообразныя картины однообразной природы мелькаютъ въ окнахъ. И какъ по душѣ мнѣ это ихъ плоское, матовое однообразіе! Пассажиры—дамы и мужчины—входятъ въ вагонъ и выходятъ изъ него; они всѣ одинаково незнакомы, и какъ поэтому всѣ одинаково симпатичны мнѣ безъ исключенія. Никакой связи, ни малѣйшей прицѣпки, ни малѣйшихъ задатковъ обязательныхъ отношеній нѣтъ у меня ко всему этому новому, неизвѣстному и уже со всѣхъ сторонъ обступающему меня міру,—и я спокойно отношусь къ нему и къ этому обступанію. Я знаю, что міръ этотъ не въ силахъ будетъ захватить и подавить меня, и превратить необязательныя отношенія въ обязательныя, потому что въ немъ самомъ нѣтъ устойчивости, и самъ онъ ежечасно измѣняется; и въ этомъ крѣпкомъ убѣжденіи—разгадка моего душевнаго настроенія и спокойствія.

Я застегиваю на-глухо пальто, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ часовой цѣпочки на моей шеѣ и не вздумалъ бы освѣдомиться у меня — который часъ? Я надѣваю фуражку пониже на лицо, и дѣлаю видъ, что сплю, хоть я и не сплю, а слушаю и смотрю, хотя почти не могу разслушать и разглядѣть ничего. Но не потому, что не могу, а потому, что этого не хочу. Никакихъ желаній. Въ головѣ Торричелліева пустота! Ни одной мысли, ни одного воспоминанія, и новыя впечатлѣнія скользятъ въ мозгу, не оставляя слѣда. Чего больше?! Стихійныя начала очевидно проявляютъ свое благодѣтельное дѣйствіе.

Но вотъ (время движется быстрѣй курьерскаго поѣзда) — вагонная ночь, душная ночь, безсонная, дремотная ночь! Въ эти ночи неудержимо разыгрывается любопытство кондукторовъ и контролеровъ, ежечасно освѣдомляющихся о цѣлости пассажирскихъ билетовъ. Въ эти ночи оплываютъ свѣчи въ вагонныхъ фонаряхъ и обдаютъ диваны и лежащихъ на нихъ пассажировъ

Digitized by Google

застывающими, бѣлыми, стеариновыми каплями. Въ эти ночи въ мужскихъ отдѣленіяхъ вагоновъ, поверхъ несообразно коротких диванов, по всѣмъ направленіямъ торчатъ вверхъ и внизъ обутыя и разутыя ноги, стоитъ табачный дымъ облакомъ и слышно многоголосое храпѣніе. Въ эти ночи рѣзче и визгливѣе раздаются среди тишины свистки и звонки на станціяхъ, и неистовѣе колотитъ по колесамъ со сна сонный колесный досмотрщикъ...

Стихійныя начала оказываютъ соотвѣтственное дѣйствіе. Просыпаешься съ помятымъ лицомъ, съ тупой болью въ вискѣ и продолжаешь путь сутки, другія сутки, третьи сутки... Но вотъ — Крымъ. Степи смѣняются холмистой, гористой мѣстностью; курьерскій поѣздъ давно уже получилъ третій классъ; въ вагонахъ появляются узкоглазыя рожи, болтающіеся рукава и женскія чадры и шаровары. Вдали на сѣромъ фонѣ сѣрыхъ, выженныхъ солнцемъ, горъ глянула сверкающая, ярко-синяя, дышащая свѣжестью полоса. Это — *море*. Въ душу съ неодолимою силою вторгается желаніе, одно желаніе — подвергнуть себя въ скорѣйшемъ времени дѣйствію иныхъ стихійныхъ началъ, кромѣ жары, вагонной качки и духоты, и потребность въ этомъ ощущается все настоятельнѣй и сильнѣй.

Севастополь. Ослѣпительно яркій, южно-знойный полдень. Конецъ желѣзно-дорожнаго путешествія; впереди — самоваръ, комната, отдыхъ. Мѣдно-лицый, въ туфляхъ безъ задковъ, татаринъ, играющій роль артельщика, предлагаетъ свои услуги насчетъ багажа. На раскрытой, бронзоваго цвѣта груди нѣтъ обычной бляхи, не видать никакихъ внѣшнихъ признаковъ артельщицкаго достоинства, ничего кромѣ крупныхъ капель пота; крупныя капли струятся по груди, по щекамъ и рукамъ, готовы кажется выступить сквозь рыжую кожу татарскихъ сандалій. Цѣлая группа артельщиковъ-татаръ, костюмомъ, наружностью и разбойничьими лицами напоминающихъ тифлисскихъ муши [1]), тѣснится у входа въ вокзалъ. На вопросъ мой о нумерѣ мнѣ отвѣчаютъ, что нумеровъ по здѣшнимъ мѣстамъ не полагается никакихъ, а въ отвѣтъ на недоумѣвающее выраженіе лица замѣчаютъ успокоительнымъ тономъ съ оригинальнымъ восточнымъ акцентомъ: — «Нэ безпокойся, нэ пропадэтъ. Мы его знаемъ уси. Это есть честнѣйшій человѣкъ!»

Я вручаю «честнѣйшему человѣку» квитанцію отъ багажа и черезъ нѣсколько минутъ честнѣйшій человѣкъ дѣйствительно

[1]) Муши — носильщики тяжестей на Кавказѣ.

Digitized by Google

появляется передо мной, нагруженный моимъ сундукомъ. Мы спускаемся по лѣстницѣ внизъ. Внизу снова повторяется та же исторія: у ломовыхъ извозчиковъ также не оказывается нумеровъ, и также мгновенно всѣ ломовые извозчики-татары входятъ въ мое положеніе, участливо обступаютъ меня и успокоиваютъ тѣмъ же тономъ, слово въ слово тою же самою фразою: — «Мы его знаемъ уси. Это есть честнѣйшій человѣкъ».

Мой сундукъ переходитъ отъ одного честнѣйшаго человѣка къ другому честнѣйшему человѣку; меня увозитъ парный фаэтонъ по дорогѣ, несомнѣнно сохранившейся во всей неприкосновенности послѣ Севастопольскаго бомбардированія, и время отъ времени на толчкѣ послѣ ухаба, среди облаковъ сѣдой пыли, мелькаетъ позади мѣдно-красная, разбойничья рожа честнѣйшаго человѣка, неуклонно поспѣвающаго за нами на одной низкорослой татарской лошадкѣ.

Мысленно въ записной книжкѣ отмѣчаю на память: «Севастополь — депо честнѣйшихъ людей».

Въ севастопольскихъ гостинницахъ — ни одного свободнаго нумера. Наплывъ пріѣзжихъ на морскія купанья. Приходится ночевать на заднемъ дворѣ гостинницы, въ конурѣ, прикрытой плоской восточной кровлей, бокъ-о-бокъ съ ничѣмъ не прикрытой помойной ямой. Стихійныя начала проявляютъ дѣйствіе явно-неблагопріятное, и тѣмъ не менѣе поразительно впечатлѣніе, оставляемое Севастополемъ. Никакое описаніе не даетъ о немъ точнаго понятія. Нужно видѣть, самому видѣть эти трагическія развалины рядомъ съ помойными ямами, съ закипающей уже повсюду хищнически-торгашеской и обыденно-мѣщанской жизнью. Нужно видѣть эти оригинальные тоны почвы и фантастическое южно-ночное освѣщеніе.

Городъ почти лишенъ растительности. На скалахъ надъ главной улицей разбитъ чахлый бульваръ изъ бѣлой акаціи. Бѣлая акація густымъ налетомъ покрыта бѣлой известковой пылью; не видать листьевъ. Бѣлая подъ ногами земля; бѣлые по сторонамъ дома; бѣлые гуляютъ въ бѣлыхъ кителяхъ и бѣлыхъ фуражкахъ, въ бѣлыхъ морскихъ рубахахъ — офицеры, солдаты и матросы; дѣти, мальчики въ парусинныхъ бѣлыхъ костюмахъ, барыни въ бѣлыхъ кисеяхъ и чадрахъ... И надъ всѣмъ этимъ, надъ бѣлыми домами и бѣлыми людьми, и парусинными мальчиками, и кисейными барынями, и трагическими, словно изъ бѣлаго мрамора сложенными, развалинами — ослѣпительно-бѣлое освѣщеніе южной ночи, южной луны, широкимъ, серебрянымъ дискомъ сіяющей въ небѣ и заливающей свѣтомъ почти фантастическую картину.

Digitized by Google

Одно худо! Худо дѣйствуютъ подчасъ эти полу-фантастическія, стихійныя начала: плохо спится нервному человѣку въ эту фантастическую бѣлую ночь!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

12 іюля.

Пароходъ уходилъ на другой день въ два часа по-полудни. Пристань напоминаетъ петербургскую биржу суетой и оживленіемъ, но, разумѣется, въ миніатюрѣ. На сценѣ опять «честнѣйшіе люди» съ мѣдно-красными лицами, голыми грудями и икрами, и живописными, едва прикрывающими наготу лохмотьями,—что, впрочемъ, тоже довольно характерно для честнѣйшихъ людей. Матросы съ юркими движеніями, напоминающими обезьянъ, снуютъ по всѣмъ направленіямъ по пароходу. Пароходная машина для подъема багажа возбуждаетъ любопытство и восторженное удивленіе всѣхъ севастопольскихъ «гаменовъ», безъ которыхъ и здѣсь, какъ и вездѣ, не обходится никакая суета.

Пассажиры второго и третьяго класса устремляются черезъ мостки съ необозримыми ворохами всякаго ручного добра. Публика перваго класса отличается элегантностью. Больныхъ почти не видать. Больные, большею частью, ѣдутъ или много раньше —весной, или гораздо позднѣе — на зиму. Это все здоровые, обладающіе болѣе или менѣе достаточными средствами, люди: администраторы, военные, адвокаты, купеческія семейства. Ѣдутъ они на южный берегъ, въ Ялту, въ Алушту, въ Ѳеодосію, отчасти потому, что заграничный курсъ низокъ; отчасти потому, что и сама «заграница» нынѣ какъ-то не въ прежней модѣ; отчасти потому, что за первые два мѣсяца петербургскаго и московскаго дачнаго житья дачи уже успѣли опостылѣть до неистовства невылазной скукой, и можно ѣхать искать новой скуки по пословицѣ: «хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ».

Среди разношерстной, разноплеменной толпы невольно обращаетъ на себя вниманіе еврейскій элементъ. Большинство евреевъ путешествуетъ изъ Одессы; въ Севастополѣ прибавляется сравнительно незначительное количество и большая часть ихъ несомнѣнно гешефтмахеры послѣдней войны. Ѣдутъ они цѣлыми семьями, съ своими Рахилями и Ліями, цѣлымъ колѣномъ израилевымъ; но никто еще изъ нихъ, ни они сами, ни Рахили и Ліи, не успѣли еще оклиматизироваться, обтерпѣться, какъ слѣдуетъ, въ новомъ своемъ положеніи, хотя бы настолько, чтобы не ломаться нестерпимымъ образомъ, справляться съ шлейфами

Digitized by Google

и говорить по-русски хотя со сколько-нибудь сноснымъ русскимъ акцентомъ.

— Видѣть не могу! Вѣрите ли, такъ вотъ мнѣ что-то тамъ нутро все и поворачиваетъ, — говорилъ рядомъ со мной, обращаясь къ собесѣднику, полный господинъ, уже пожилыхъ лѣтъ, по костюму, очевидно, отставной генералъ.

— Чѣмъ это вы такъ возмущаетесь?—съ улыбкой спросилъ штатскій, красавецъ-брюнетъ, сложенный какъ Эндиміонъ, съ ослѣпительными зубами, въ безукоризненнѣйшемъ костюмѣ изъ бѣлой китайской матеріи и съ тоненькимъ японскимъ вѣеромъ въ рукахъ.

— А вотъ-съ жидовина эта богомерзкая расплодилась вездѣ, никуда ты отъ нея не дѣнешься! И какъ это я могъ позволить уговорить себя ѣхать на пароходѣ! Чудесное бы дѣло въ фаэтонѣ, до Ялты...

— На пароходѣ веселѣе и покойнѣе.

— Да, веселѣе, нечего сказать! Да я никакого спокойствія не возьму съ васъ за то, чтобы, вонъ, съ той рожей вмѣстѣ на одномъ пароходѣ пропутешествовать! Пренелѣпая вещь, съ одной стороны, воля ваша, эти пароходы! Ну, въ вагонахъ—тамъ купэ, что ли, какое-нибудь отдѣльное возьмешь, а здѣсь — что такое! Видите, вонъ тамъ — рыжій, гороховое пальто?.. Вѣдь онъ два года... да нѣтъ, какой! — полтора года тому назадъ въ Одессѣ посыльнымъ коммиссіонеромъ состоялъ, квартиры подыскивалъ. И мнѣ подыскивалъ. И кухарку приказалъ ему пріискать,— онъ мнѣ и кухарку пріискалъ. Далъ я ему за всю исторію на чай, за хлопоты, пять цѣлковыхъ серебра,—такъ онъ съ радости не зналъ къ которой ручкѣ подойти... А теперь, говорятъ, тысячъ на двѣсти состоянія. Вонъ поглядите, какую дамочку ведетъ!

На палубѣ, прислонившись къ перилламъ, дѣйствительно, стояло несомнѣнно еврейскаго происхожденія пренахальнѣйшее гороховое пальто и, оскаливъ зубы и сощуривъ свиные глазки, наклонялось съ какими-то любезностями къ своей дамѣ. Дама, по говору и лицу, очевидно, не еврейка, шикарно одѣтая—съ особымъ шикомъ, съ особенно обтянутымъ животомъ и спутанными ногами, съ пышно-взбитой головкой, обмотанной тюлевой тряпочкой,—сидѣла, положивъ ногу на ногу, и дѣлала глазки vis-à-vis офицеру, не обращая должнаго вниманія на своего кавалера-жида, который, наконецъ, замѣтилъ невниманіе къ себѣ, обидѣлся, бросилъ скалить зубы и властно увелъ свою даму подъ-ручку внизъ, кофе пить.

Digitized by Google

— Что-жъ, пойти и намъ пульку кончать? — предложилъ толстякъ военный.

— Помилуйте, генералъ! Развѣ можно теперь играть? Какія теперь карты! Надо природой любоваться, виды смотрѣть.

— Послѣ успѣете. Виды!.. Еще насмотритесь!..

— Послѣ будетъ темно, невозможно. Сами посудите: ну, пріѣдемъ мы съ вами домой, спросятъ насъ: что, каково тамъ было у васъ на южномъ берегу?—а мы что же отвѣтимъ? восемь въ червяхъ!.. А то вотъ не хотите ли сюда, на живой видъ посмотрѣть, полюбоваться?

Онъ осторожно указалъ глазами и японскимъ вѣеромъ въ сторону.

Генералъ обернулся и замеръ на мѣстѣ съ червонной восьмеркой въ рукѣ.

Недалеко отъ насъ, на низенькомъ pliant, рядомъ съ дамой пожилыхъ лѣтъ, сидѣла дѣвушка, скорѣе—дѣвочка. Раскрытая книга лежала у нея на колѣняхъ, но она не смотрѣла въ книгу. Соломенная, наивная шляпка, безъ всякихъ украшеній, кромѣ какихъ-то наивныхъ шерстяныхъ шишечекъ, сдвинулась немного на затылокъ и позволяла разглядѣть прекрасное лицо, прекрасные, глубоко-задумчивые глаза. Взоръ ихъ былъ неподвижно устремленъ по одному направленію, на море. Книга выпала изъ рукъ ея и скатилась съ колѣнъ. Штатскій красавецъ-Эндиміонъ, съ вѣеромъ въ рукѣ, бросился къ ея ногамъ, склонился на колѣни и поднялъ книгу. Она поблагодарила его молчаливымъ наклоненіемъ головы и продолжала смотрѣть.

Вечерѣло. Садилось солнце...

О, другъ мой! О, мой мудрый докторъ! Я слѣдую твоему мудрому совѣту. Je laisse agir les éléments!..

Вечерѣло. Садилось солнце...

Помните ли вы свои юношескіе сны? Помните ли эти оригинальныя картины, эти фантастическіе пейзажи, насквозь освѣщенные какимъ-то розовымъ сіяніемъ, какимъ-то золотымъ отблескомъ, который послѣ сна и на-яву еще долго стоитъ и золотитъ все въ глазахъ, и сквозь который и дѣйствительность долгое время кажется еще какимъ-то волшебствомъ? Тогда я былъ юнъ и глупъ,—теперь я сталъ старъ и глупъ... Мнѣ вспомнились мои молодые, мои наивные, волшебные сны.

Голубыя, розовыя, лазоревыя—вставали изъ волнъ горы. Въ нихъ не было кавказской, подавляющей грандіозности, дикаго, сумрачнаго величія; не было также и швейцарской, частью сантиментальной, съ ручейками, бесѣдочками и шале, или—кухонно-

Digitized by Google

хозяйственной, исполосованной ячменемъ и картофелемъ, частью также величественной природы... Здѣсь былъ свой особый жанръ, совсѣмъ другой тонъ. Этотъ тонъ давала южная природа, южное роскошное море и point de vue съ моря, съ парохода. Горы были въ дали. Тонкій, голубоватый туманъ уже поднимался въ нихъ и окутывалъ ихъ поверхъ горячихъ тоновъ, поверхъ багряныхъ красокъ заката. Кипарисы росли на скалахъ. Поразителенъ былъ этотъ контрастъ южной, могучей растительности на каменномъ фонѣ этихъ каменныхъ, исполинскихъ громадъ.

Вся палуба поднялась, вооруженная биноклями, лорнетами, подзорными трубами. Гурзуфъ, Оріанда, Алупка, Ливадія, Ялта... Вотъ они «дерзкія дива природы, вѣнчанныя дивами искусства»! Все смолкло на палубѣ. Смолкли сосѣдки мои, желтолицыя саксонки, съ поджарыми животами и грудью и записными книжками, на нѣмецкомъ нарѣчіи вспоминавшія «die schöne» саксонскую Швейцарію. Журавлиныя шеи и поблекшіе взоры ихъ обратились къ горамъ, къ заходившему солнцу. Солнце сѣло. Розовые тоны потухли въ горахъ, и только кое-гдѣ, зацѣпившись за верхушки лѣсовъ, за острія скалъ, словно розовый пухъ, легкія какъ мечтанія, лежали еще розовыя облака и медленно исчезали, словно таяли въ вечернихъ тѣняхъ.

Неизъяснимая, морская вечерняя прохлада разливалась въ воздухѣ, вливалась въ грудь. Стихійныя начала дѣйствовали всей стихійною мощью. Какое-то оцѣпенѣніе, полу-забытье овладѣвало организмомъ. Не хотѣлось нарушить обаянія, двинуть руки, пошевельнуть головой... Такъ виситъ вѣтка на деревѣ; такъ дремлетъ нива въ полуденномъ зноѣ, — такъ стоитъ, не шелохнется вода...

А кругомъ все уже зашевелилось, задвигалось, заговорило. Пароходъ стоялъ на рейдѣ; спускали трапъ; пріѣхали въ Ялту. Большинство пассажировъ ѣхало только до Ялты и съѣзжало на берегъ. Военные яliки, убранные коврами, подъѣзжали къ трапу; его шибко раскачивало волной на всѣ стороны и отбрасывало отъ него причаливавшія къ нему лодки. Слышался плачъ дѣтей, крики и визгъ женщинъ. Матросы бѣгали вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и помогали сходить публикѣ. На самой серединѣ раскачивавшагося трапа я увидѣлъ вдругъ бѣлокурую дѣвочку. Вѣтеръ игралъ ея свѣтлыми косами. Она боязливо спускалась, осторожно переступая прекрасными, художественно-обутыми ножками. Эта поза, лѣстница, ея наклоненный профиль, свѣтлая одежда и вся нѣжная, свѣтлая фигура напомнили фигурку Сандрильоны—маленькой сказочной красавицы въ сказкѣ Перро на

Digitized by Google

картинѣ Густава Доре; она спускается по лѣстницѣ съ бала и праздника у прекраснаго принца. И прекрасный принцъ былъ недалеко. Она взглянула внизъ и вдругъ остановилась... Дюжій матросъ, слѣдовавшій за ней, по-своему истолковалъ причину замѣшательства, — не долго думая, неожиданно подхватилъ ее на руки и однимъ быстрымъ, ловкимъ движеніемъ пересадилъ ее на лодку внизъ.

А внизу на лодкѣ, отбросивъ японскій вѣеръ, выставивъ впередъ одно колѣно, расирывъ могучія объятія и, оскаливъ въ улыбкѣ ослѣпительные зубы, ждалъ ее красавецъ-Эндиміонъ. Она перелетѣла къ нему, не вскрикнувъ, свѣтлая и легкая, какъ бабочка. Только горячая краска волной залила ея нѣжное лицо, и онъ, почтительно склонившись, предложилъ ей свой японскій вѣеръ.

И унесли ихъ веселыя, рѣзво-плескавшіяся волны. И сказывали онѣ имъ, волны, дорогой чудныя сказки, и радовалось старое мое оскопленное сердце, глядя на неотразимо-сказывавшееся взаимное влеченіе красоты къ красотѣ, молодыхъ, полныхъ жизни сердецъ.

Одно только: жаль, если они уѣхали совсѣмъ и не вернутся на пароходъ. Ты снова правъ, о, мой мудрый врачъ! Необходимо взаимодѣйствіе стихійныхъ началъ, пополненіе однихъ другими. Хорошо, когда сидишь такъ и смотришь на божественно-прекрасный пейзажъ, но лучше, когда сидишь не одинъ, а сидитъ подлѣ тебя и другой человѣкъ, смирно сидитъ, и кротко выраженіе лица его, не говоритъ онъ и не сантиментальничаетъ, а только видишь ты въ прекрасно-задумчивыхъ глазахъ отраженіе того же горящаго огня, того же душевнаго настроенія, что́ и въ тебѣ самомъ...

Онѣ вернулись — дѣвочка и ея спутница. Красавецъ-Эндиміонъ остался на берегу. Какая тихая, радостная жизнь горѣла въ ея глазахъ! Она видимо весело и хорошо провела время и была оживлена. Въ ея наружности былъ своеобразный англійскій отпечатокъ, смѣсь, очевидно, привитой воспитаніемъ, крайней сдержанности и природнаго, еще дѣтскаго оживленія. Оживленіе взяло верхъ на этотъ разъ послѣ поѣздки въ Ялту и дѣйствовало заразительно. Она заставляла смѣяться свою спутницу и говорила безъ умолку по-англійски. Замѣчали ли онѣ или не замѣчали меня? Вѣроятнѣе, что не могли не замѣтить, и предполагали, что я не знаю англійскаго языка. Я зналъ англійскій языкъ и не уходилъ.

Ее звали Мими; ея тётку — тётя Мэри. Тётя Мэри была

Digitized by Google

женщина еще не слишкомъ пожилыхъ лѣтъ, высокая, бѣлокурая и сухощавая; у нихъ были кто-нибудь навѣрное англичане въ роду. Лицо тёти Мэри неправильное, но привлекательное, выражало попеременно два чувства: чувство крайняго утомленія, результата несомнѣнно пережитыхъ въ свое время нравственныхъ страданій, и другое чувство—сердечной тревоги, которая появлялась на лицѣ ея каждый разъ при взглядѣ на Мими. Онѣ были, очевидно, болѣе чѣмъ не богаты и одиноки. Тётя Мэри была вѣроятнѣе всего старая дѣвушка или вдова, а Мими—сирота. Судя по внѣшности и манерамъ обѣ были прекрасно воспитаны и вполнѣ то, что́ называется comme il faut.

Съ палубы сняли, покрывавшій ее, брезентъ. Огоньки зажигались въ исчезавшей за горнымъ выступомъ Ялтѣ. Въ небѣ всплывала луна и слабо теплились звѣзды.

Мими сидѣла на широкомъ свёрткѣ морского каната въ концѣ палубы, поднявъ вверхъ непокрытую, безъ шляпы, свѣтлую голову. Онѣ говорили вполголоса съ тѣмъ особымъ мягкимъ акцентомъ, который бываетъ иногда у русскихъ, владѣющихъ англійскимъ языкомъ. До меня долетали отрывки разговора.

— ... И какая хорошая ночь! И какая я сегодня счастливая, тётя Мэри! Почти совсѣмъ счастливая...

— Отчего же не совсѣмъ, Мими? Чего же тебѣ бы хотѣлось еще?

— Мнѣ бы хотѣлось... хотѣлось бы мнѣ, тётя Мэри, чтобы мы ѣхали не во второмъ, а въ первомъ классѣ. Непремѣнно въ первомъ классѣ, тётя Мэри.

— Это невозможно, Мими.

— Я знаю, но это не мѣшаетъ мнѣ желать. Мнѣ бы хотѣлось ѣхать въ первомъ классѣ, тётя Мэри!

Онѣ поѣхали, дѣйствительно, во второмъ и только приходили сидѣть на палубу вмѣстѣ съ пассажирами перваго класса.

— Ну, а если бы мы ѣхали въ первомъ классѣ, Мими?

— Если бы мы ѣхали въ первомъ классѣ, тётя Мэри... если бы... Тогда... Тогда я желала бы, чтобы все, все здѣсь было бы совсѣмъ не такъ, какъ теперь!

Я не разслышалъ нѣсколькихъ словъ.

— ... И чтобы всѣ люди, которые ѣхали, были бы знакомые между собой, и веселые, счастливые, и такіе хорошіе, такіе красивые люди, тётя Мэри. (Мнѣ вспомнился красавецъ-Эндиміонъ.) И играла бы музыка... хорошая... и у всѣхъ въ рукахъ были бы букеты, цвѣты... хорошіе цвѣты, тётя Мэри.

Digitized by Google

Хорошая погода и все хорошіе, хорошіе, самые хорошіе люди! тётя Мэри!..

— Онъ хорошій человѣкъ, Мими...

Что-то особенное было несомнѣнно въ этомъ словѣ. Этотъ «онъ» былъ понятенъ, очевидно, безъ поясненій. Мими не произнесла ни одного звука, только вдругъ быстро поднялась и торопливо стала кутаться въ свой сѣренькій ватеръ-пруфъ. Мнѣ показалось, что она поблѣднѣла, но, можетъ быть, это былъ свѣтъ луны.

Разговоръ сразу оборвался. Онѣ посидѣли еще нѣсколько минутъ и ушли. Палуба пустѣла. Публика по-немногу расходилась по каютамъ. Наступила полная тишина. Время было за полночь. Я сидѣлъ почти одинъ и думалъ... сидѣлъ и думалъ... Слыхалъ ли кто, какъ русскія бабы кровь заговариваютъ? Безсмысленный и тихій до нѣжности, молитвенно-пѣсенный и грустный шопотъ... И вѣдь заговариваютъ, останавливаютъ руду, затягиваютъ кровавую рану!.. Звѣзды ли то шептали или волны, доносилось ли шопотомъ сонное людское дыханіе, или стихійныя начала дѣйствовали, или духи морскіе, духи Чернаго моря, женскіе, нѣжные духи, сердобольныя морскія русалочки жалѣли одинокаго безсоннаго странника,—но кругомъ меня разростался и смолкалъ и снова разростался и звучалъ этотъ шопотъ, обступала меня эта шепчущая тишина и заговаривала, заговаривала, заговаривала... Словно въ калейдоскопѣ битыя стеклышки переворачивались мысли въ мозгу. И я снова думалъ... И думалъ я уже не свои, а чужія мысли. И думалъ я о хорошемъ кораблѣ съ хорошими людьми, о которыхъ думала бѣдненькая маленькая Мими, и мнѣ вспомнилась вдругъ старая, престарая восточная сказка «О волшебномъ кораблѣ и о мертвецахъ мореплавателяхъ», фантастическая и страшная до ужаса, но не лишенная своеобразной поэзіи, какъ всѣ восточныя сказки. Только тамъ было наоборотъ: тамъ были на кораблѣ все только одни дурные люди, осужденные вѣчно плавать за совершонныя кровавыя злодѣянія: капитанъ, пригвожденный къ мачтѣ гвоздемъ черезъ лобъ, изуродованные шкипера, израненые матросы... Они умирали на день и всѣ оживали—и въ дикой оргіи пировали по ночамъ. На нашемъ кораблѣ, съ хорошими и дурными людьми, все происходило наоборотъ сказочному кораблю: все полно было оживленія днемъ — и заснуло и замерло на ночь. Ни малѣйшаго не было движенія, никакого признака жизни. Спали пассажиры, прислуга; матросы спали, растянувшись на скамьяхъ и люкахъ. Сонное царство было кругомъ. Послѣ вагоннаго стука

Digitized by Google

и гама, свистковъ и звонковъ, станцій и полустанковъ, поразительна была эта величавая тишина. Даже колеса не было обычнаго на пароходахъ; пароходъ былъ громадный, морской, винтовой. Стоялъ гдѣ-то тамъ высоко въ стеклянной, освѣщенной будочкѣ хорошій человѣкъ, не спалъ и смотрѣлъ на компасъ. И все тутъ, и никого болѣе...

Берегъ скрылся изъ глазъ; луна скрылась за тучами, и быстро и увѣренно плылъ пароходъ, величаво разсѣкая тѣснившійся кругомъ мракъ и развозя по Черному морю, по лицу свѣта бѣлаго... бакалейные и красные товары—московскія произведенія для кавказскихъ портовъ; молодыя, нетронутыя жизнью, и старыя, въ жизненномъ бою истекшія кровью—сердца; жидовъ-гешефтмахеровъ и всякихъ, дурныхъ и хорошихъ людей.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

21-го іюля.

«Ѳеодосія—уѣздный городъ таврической губ., съ восемью тысячами жителей. Въ прежнее время Ѳеодосія, пожалуй, не могла бы предложить пріѣзжимъ особыхъ удобствъ; въ настоящее же время, когда она сдѣлалась городомъ сезоннымъ, городомъ, такъ-сказать, понявшимъ свое прямое назначеніе, она можетъ служить всѣмъ, въ чемъ только могутъ нуждаться и страждущіе, и пользующіеся вожделѣннымъ здравіемъ»,—такъ предупредило меня сочиненіе Э. И. Платонова: «Ѳеодосія и ея цѣлительныя ванны»...

Пароходъ пришелъ въ Ѳеодосію на зарѣ, рано поутру. Интересно первое впечатлѣніе этого оригинальнаго городка, много видовъ видавшаго на своемъ вѣку въ рукахъ генуэзцевъ, татаръ и турокъ, много разъ разореннаго до тла и вновь строившагося, и теперь, по увѣренію своего историка г. Платонова, послѣ почти тысячелѣтняго существованія—понявшаго свое прямое назначеніе.

Первое впечатлѣніе напоминаетъ нѣсколько Севастополь: та же почва, горы, камни и отсутствіе растительности; только все имѣетъ не бѣлый, а нѣсколько затушованный, болѣе мягкій, сѣроватый колоритъ. Ѳеодосія расположена амфитеатромъ по самому берегу глубокой бухты, на небольшой равнинѣ, замкнутой съ трехъ сторонъ горами—отрогами Таврическихъ горъ.

Первое слово во всѣхъ ѳеодосійскихъ, какъ и въ севастопольскихъ гостинницахъ: ни одного свободнаго нумера! Приходится ждать, пока уѣдутъ на пароходъ и освободится комната,

Digitized by Google

ждать два часа въ тѣсномъ, неметёномъ ресторанѣ, напоминающемъ сорный ящикъ, въ лучшей «Крымской» гостинницѣ. Мало обѣщаетъ впереди эта лучшая ѳеодосійская гостинница! Но за то у входа въ нее на крыльцѣ обѣщаетъ, сулитъ всевозможныя блага и удобства квартирныя кривоглазый жидокъ-комиссіонеръ, предлагающій свои услуги насчетъ пріисканія помѣщеній для пріѣзжающихъ.

Въ ожиданіи свободнаго нумера, выпивъ поданный заспаннымъ лакеемъ стаканъ кофе, въ видѣ отвара цикорія и лакрицы въ холодной, соленой водѣ, я отправляюсь въ сопровожденіи кривоглазаго чичероне розыскивать себѣ временное обиталище. Предварительно я самымъ точнымъ образомъ излагаю жидку свои требованія: большая комната, высокіе потолки, окна на море и проч.

— Есть такія комнаты?

— Есть, есть! Превосходныя есть комнаты.

Мы поворачиваемъ въ улицу, какъ разъ противуположную морскому берегу.

— Куда же мы идемъ? Вѣдь это будетъ въ сторону, а не на море!

— А это будетъ превосходная квартира для господина. Господинъ меня благодарить будетъ.

Я поддаюсь. Жидъ ведетъ меня во вторую, въ третью улицу: квартира — окнами въ заборъ, низкій потолокъ и болѣе полуверсты отъ моря. Идемъ дальше—повторяется та же исторія. Я теряю терпѣніе и разстаюсь съ своимъ одноглазымъ спутникомъ. Самостоятельные поиски по морскому берегу увѣнчиваются желаннымъ успѣхомъ. Берегъ обсаженъ бульваромъ на разстояніи нѣсколькихъ саженъ.

За бульваромъ стоитъ полу-разрушенная генуэзская башня; уцѣлѣла и канава, бывшая когда-то, очевидно, крѣпостнымъ рвомъ; у канавы кончается городъ, и за ней начинаются такъ-называемыя дачи. На одной изъ дачъ, обсаженной акаціей, я вижу бѣлый кусочекъ въ окошкѣ.

— Есть комната?

— Нѣтъ.

— А какъ же билетъ-то у васъ виситъ?

— А это такъ... Да нѣтъ, вотъ ужъ я лучше мамашу къ вамъ позову.

— Пожалуйста, мамашу позовите.

Полуодѣтая, растрепанная, необыкновенно флегматическаго вида, барышня удаляется въ боковую дверь, и черезъ минуту

Digitized by Google

изъ той же двери появляется мамаша, также неодѣтая и нечесанная, но за то, въ противоположность дочкѣ, необыкновенно оживленная и бойкая. Съ перваго взгляда видно баба-дѣлецъ, кулакъ-баба, красивая и рѣчистая и видавшая виды на своемъ вѣку.

— Квартиру желаете, мосьё?

— Да, вотъ нужно бы мнѣ комнату.

— Въ настоящую минуту не имѣю вамъ предложить, но черезъ два часа...

Ужаснѣе всего опять эти два часа!

— Нельзя ли по крайней мѣрѣ теперь взглянуть на нее?

— Невозможно, мосьё, да и незачѣмъ. Вы останетесь довольны.

— По крайней мѣрѣ не можете ли вы мнѣ сказать, чтб, въ ней есть какая-нибудь меблировка?

— Прежде всего, что я полагаю для всякаго мужчины, какъ и для дамы всего необходимѣе—есть зеркало, мосьё. Затѣмъ обыкновенно: диванъ, столъ, кровать...

— Клопы есть?

— Будутъ, мосьё, если вы ихъ привезете съ собой.

Разсуждаемъ о самоварахъ, о прислугѣ... Вижу: бой-баба, нѣчто среднее между Жмигулиной и Кукушкиной Островскаго; выражается время отъ времени аллегорически. Бѣда—аллегоріи въ устахъ квартирныхъ хозяекъ и деревенскихъ приказчиковъ! Сознаю это многолѣтнимъ опытомъ и тѣмъ не менѣе соблазняюсь размѣрами оконъ, предполагающими соотвѣтственные размѣры потолка, видомъ на море и дачнымъ воздухомъ. Весь домъ сдается подъ chambres-garnies; всѣ эти «чембръ-харни» или «джембръ-харни», какъ называетъ ихъ попеременно хозяйка, набиты биткомъ. Живутъ люди—буду жить и я!

10-ое августа.

Въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ разсказовъ своего «Салона», въ «Мемуарахъ г-на Шнабеловопскаго» Гейне говоритъ, что «съ высоко-идеальной точки зрѣнія женщины имѣютъ вездѣ образъ и подобіе своей родной кухни.» По отношенію къ Ѳеодосіи замѣчаніе это справедливо въ значительной степени. Что было, то прошло! Были, можетъ быть, въ прежнія, давно-прошедшія времена [1]), прекрасныя гречанки,

---

[1]) Ѳеодосія, прежняя Кафа—основана въ 500 г. до Р. Х. милетскими греками.

Digitized by Google

красавицы купеческія жены генуэзскія, и черноглазая супруга консула Готфрида де-Заоліо, и ходила она, быть можетъ, закрывъ смуглое личико итальянскими покрывалами, смотрѣть какъ растутъ не по днямъ, а по часамъ, по велѣнію супруга ея, консула [1]), каменныя стѣны и башни—укрѣпленія Ѳеодосіи... Но, что было, то прошло! Что кушали генуэзскія красавицы и супруги консуловъ, насчетъ этого преданія и исторія не сохранили для насъ указанія; но для современнаго наблюдателя несомнѣнно, что потомки древнихъ—нынѣшнія обитательницы Ѳеодосіи—не съумѣли сохранить слѣдовъ прежней красоты, и въ то же время на-ряду съ этимъ хозяйки ея явнымъ образомъ пренебрегли всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ благородномъ кулинарномъ искусствѣ.

Гречанокъ и итальянокъ въ Ѳеодосіи, впрочемъ, сравнительно небольшой процентъ. Большинство составляютъ татарки, армянки, караимки, коротконогія, низкорослыя созданія съ несоразмѣрно-длинными тальями, ведро-образными головами, рулеобразными носами, пропадающими въ смуглыхъ, мясистыхъ щекахъ, съ узкими, темными глазками. Мужчины не лучше женщинъ. Здѣсь нѣтъ кавказскихъ красивыхъ восточныхъ типовъ: благороднозогнутыхъ носовъ, зубовъ, какъ миндалины, и черныхъ и крупныхъ, какъ королевскій черносливъ, влажно-страстныхъ глазъ. Мужчины также бо́льшею частью дурно сложены и малы ростомъ, какъ женщины, и почти съ молодыхъ лѣтъ получаютъ наклонность къ тучности. Но хуже ихъ, хуже мужчинъ и женщинъ—кухня и ѣда въ Ѳеодосіи, и нѣтъ той нескладной и достаточно мѣднолицой обитательницы ея, которая бы, ссылаясь на авторитетъ Гейне, могла дать объ этой кухнѣ хотя бы приблизительное понятіе.

Утро въ «чембръ-харни» начиналось чрезвычайно рано. Часовъ въ семь, въ восьмомъ—вереницы жильцовъ, нагруженныхъ кувшинами, тазами, подносами съ посудой, уже тянулись по обоимъ корридорамъ вверху и внизу дома. Женщины и мужчины, встрѣчаясь, конфузливо переглядывались между собой, запахивая утренніе костюмы—халаты и пеньюары, и затѣмъ продолжали путь. Смыслъ этихъ утреннихъ экскурсій весьма быстро разъяснился для меня. Дѣло въ томъ, что на весь домъ, на все огромное количество нумеровъ «чембръ-харни» прислуги полагалась одна двѣнадцатилѣтняя дѣвочка и деньщикъ мальчуганъ

[1]) Укрѣпленія Ѳеодосіи каменными стѣнами и башнями приписывается консулу Готфриду де-Заоліо, что относится къ 1352 году.

Digitized by Google

въ матросскомъ костюмѣ и поварскомъ колпакѣ, исполнявшій въ одно и то же время должность лакея и повара. Прямымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что жильцы чувствовали себя приблизительно въ положеніи Робинзона Крузое на необитаемомъ островѣ. Chacun pour soi, Dieu—pour tous! Большинство больныхъ обѣдало у хозяйки за отдаленностью отъ города и городскихъ гостинницъ. Обѣдъ готовилъ матросъ. Характеризовать эту матросскую стряпню однимъ словомъ было бы почти такъ же невозможно, какъ и переваривать ее. Но вотъ вопросъ: не матросы ли готовили обѣды и во всѣхъ кухняхъ, во всѣхъ ѳеодосійскихъ ресторанахъ и гостинницахъ! Ихъ menu отличались полнѣйшимъ единодушіемъ. Всюду подавались однѣ и тѣ же спартанскія похлебки, получавшіяся съ помощью развареннаго помидоровъ; мучные соусы, цвѣтомъ и видомъ напоминавшіе выброшенное волною на берегъ морское сало [1]); цыплята и рыба, отравленныя бараньимъ саломъ и греческими приправами.

Получить хорошій, сколько-нибудь удовлетворительный столъ нельзя ни за какія деньги ни въ одной ѳеодосійской гостинницѣ. Мѣстное, преобладающее населеніе не чувствуетъ въ немъ ни малѣйшей потребности. Богачи-купцы, армяне и караимы, получающіе въ годъ тысячъ по двадцати и болѣе дохода, довольствуются обѣдомъ изъ вяленыхъ сухихъ бараньихъ ножекъ, которыя скоблятъ ножами, и запиваютъ мѣстными дешевыми винами.

О, мой мудрый другъ! Научи, какими стихіями ограждать себя отъ удручающаго дѣйствія житейскихъ вліяній, отъ бараньяго сала и греческихъ соусовъ, неваренія желудка и голоднаго сосанія подъ ложечкой!.. О, вы, заграничные пансіоны Монтрё и всей Швейцаріи! Какъ вспоминаются мнѣ каждый разъ въ отечественныхъ Kurort'ахъ ваши опрятныя и проворныя Минни и Эрмини, съ голыми по локоть, самой природой приспособленными для вытиранія пыли, здоровенными, красными лапками! —ваши табель-д'оты, ваши ростбифы съ каштанами и каштаны съ битыми сливками!..

29-го августа.

Въ мою комнату, сгибаясь подъ тяжестью самовара, входитъ Соня. Соня двѣнадцатилѣтняя дѣвочка-казачка. Наружность Сони съ-разу останавливаетъ на себѣ вниманіе: крошечная ростомъ, худая до костлявости, еле прикрытая какой-то шерстяной рванью, закрывавшей только до колѣнъ ея смуглыя, быстрыя ножки, она,

---

[1]) Морское сало—медуза, низшее морское животное.

Digitized by Google

казалось, только-что сорвалась съ какой-то дикой скалы, съ какого-нибудь горнаго или морского пейзажа, на которомъ собирала раковины или пасла козъ. Поразительной чертой ея смуглаго, худенькаго лица были глаза: дикіе и строгіе, не дѣтскіе и недобрые глаза. Она говорила, смотрѣла и держала себя какъ взрослая и работала неутомимо. Мнѣ случалось заговаривать съ ней. Она была несловоохотлива. Ее отдала въ работу, въ люди, изъ деревни мачиха.

— Я уйду отсюда,—сказала она мнѣ, устанавливая самоваръ, за неимѣніемъ въ квартирѣ подходящаго стола, на окнѣ съ превосходнымъ видомъ на море, но безъ всѣхъ обычныхъ украшеній въ видѣ шторъ, оконныхъ крючковъ или задвижекъ.

— Отчего же ты уйдешь, Соня? Тяжело?

— Мочи нѣтъ.

— А хозяйка пуститъ?

— А какъ же ей не пустить! Денегъ, говоритъ, не отдастъ... Мнѣ денегъ не надо.

— Куда же ты пойдешь?

— Знаю куда!—Она сверкнула глазами и махнула рукой.

— Ну, будешь уходить, хоть сказаться, попрощаться приди.

Но она не пришла; не взяла денегъ у хозяйки, не зашла за деньгами ни къ кому изъ жильцовъ—и вдругъ исчезла въ одинъ прекрасный день, словно въ море канула. Всѣ всполошились, стали считать вещи, ждали пропажи... Но никакой пропажи не оказалось. Пропала только Соня, не выдержавшая каторжной работы, а всего пуще—неволи—свободная, дикая дѣвочка,—и часто потомъ, гуляя гдѣ-нибудь по морскому берегу въ глухихъ, отдаленныхъ мѣстахъ, мнѣ представлялось все, что я могу вдругъ встрѣтить ее гдѣ-нибудь за камушкомъ подъ кустомъ, на тонкихъ, загорѣлыхъ ножкахъ, съ дикимъ взглядомъ красивыхъ недобрыхъ глазъ.

Отсутствіе прислуги—одно изъ самыхъ ощутительныхъ бѣдствій въ Ѳеодосіи. На него жалуются одинаково всѣ: пріѣзжіе и постоянные жители. Дѣло въ томъ, что идутъ въ услуженіе, соглашаются наниматься только русскіе; а между тѣмъ преобладающій въ населеніи мѣстный элементъ — туземцы, и русскихъ, по сравненію, лишь очень незначительное количество. Но ни одна туземка, татарка и армянка, или еврейка, ни за какія сокровища не соглашается наняться въ услуженіе: она предпочитаетъ ѣсть кукурузу и ходитъ полунагая и босая, съ неизмѣннымъ, длиннымъ, болтающимся вязаньемъ въ рукѣ, рядомъ съ мужниной телѣгой, взадъ и впередъ по солнопеку, пока мужъ

Digitized by Google

работаетъ на портѣ, привозитъ и свозитъ кули. Полунагой младенецъ, въ бараньей шапкѣ, тутъ же лежитъ на кулях.

Самый климатъ располагаетъ къ безпечности и лѣни. Что-то особенное есть въ этомъ воздухѣ, жаркомъ и полномъ морскихъ испареній, что-то разслабляющее душу и тѣло. Къ этому прибавляется еще дѣйствіе морского купанья, не имѣющаго, по производимому впечатлѣнію, ничего общаго съ купаньемъ рѣчнымъ. Какой-то гальваническій токъ, особое морское электричество, проходитъ по всему организму. Что-то даютъ онѣ вамъ и что-то берутъ, отнимаютъ отъ васъ, эти безпокойныя, влажной пѣной обдающія васъ волны. Нѣтъ блаженнѣе ощущенія, какъ плыть на спинѣ по слегка волнующемуся морю, и нѣтъ тѣхъ мигреней и головныхъ болей, которыя бы не унялись, не утихли бы хоть на время, пока больная голова погружена на половину въ водѣ, а тѣло поддерживаютъ и только чуть-чуть колышатъ его упругія, атласныя волны.

Купанье въ Ѳеодосіи считается лучшимъ во всемъ Крыму, и оно дѣйствительно лучшее: бархатное дно, изрядныя купальни, и одинъ только недостатокъ—неопрятное содержаніе самаго морского берега.

Отъ меблированныхъ комнатъ до купалень почти съ версту пути по открытому солнопеку, по базарной площади, затѣмъ по бульвару и наконецъ по главной Итальянской улицѣ съ сквозными арками. Пятый часъ вечера, а жаръ еще не свалилъ. Кругомъ—мертвая тишина. Гдѣ-то въ двухъ шагахъ, но слабо, словно ни вѣсть изъ какой дали, поетъ голосъ, нѣжный, мужской, итальянскій голосъ, поетъ по-итальянски и одинъ нарушаетъ сонное, смертное уныніе. На базарѣ, сонно склонившись надъ столиками, изморенныя отъ дневного жара, досиживаютъ день армянки и торговки; подъ арками, на складныхъ стульчикахъ, дремлютъ караимы-приказчики, въ голубыхъ и зеленыхъ панталонахъ, модныхъ въ Ѳеодосіи, морскихъ цвѣтовъ; по бульвару, на морскомъ берегу, уныло бродятъ парочками, группами и въ одиночку, пріѣзжая публика...

Есть у насъ такъ-называемый свѣтъ,
Есть даже люди, общества—нѣтъ.

Къ этому полному отсутствію всякой общественной жизни, въ Ѳеодосіи присоединяется еще, совершенно особаго рода, акустическое явленіе—въ ней нѣтъ резонанса. Зависитъ ли это отъ топографическаго положенія города, или отъ построекъ, отъ мѣстнаго, пористаго камня въ городскихъ домахъ, но резонанса нѣтъ

Digitized by Google

на открытомъ воздухѣ, нѣтъ его и внутри домовъ, въ комнатахъ. Особенность эта невольно обращаетъ на себя вниманіе въ мѣстахъ общественныхъ собраній: въ церквахъ, на базарныхъ площадяхъ, на портѣ и въ танцовальныхъ залахъ. Не слышно обычнаго шума, гама и гула людскихъ голосовъ. Жиденькіе звуки жидовскаго оркестра гаснутъ въ дремлющемъ воздухѣ; смѣхъ и рѣчи замираютъ, едва слетая съ устъ, и уныло смотритъ пестрая разряженная толпа, словно по заказу собравшаяся въ тѣсный, разубранный кумачными лоскутами загонъ, именуемый «Ротондой» — лѣтнимъ помѣщеніемъ Ѳеодосійскаго клуба. Два, три хорошенькихъ личика, нѣсколько человѣкъ полковыхъ офицеровъ, громыхающихъ саблями и шпорами—и ни малѣйшаго признака непринужденнаго оживленія и веселья.

На бульварѣ, по дорогѣ къ купальнямъ, мнѣ встрѣчалась время отъ времени знакомая, путешествовавшая на пароходѣ, дѣвочка. Ѳеодосійская скука, повидимому, не дѣйствовала на нее заразительно. Изъ-подъ прежней наивной шляпки съ шерстяными шишечками все по прежнему наивно и оживленно смотрѣли прекрасные, дѣтскіе глаза, и тонкая фигура въ свѣтлыхъ лѣтнихъ костюмахъ поражала изяществомъ въ бульварной толпѣ. Она прогуливалась всегда вдвоемъ, неразлучно съ своей спутницей, съ маленькой крымской корзиночкой въ рукѣ, постоянно нагруженной раковинами, камушками и горными травами. Повидимому, онѣ совершали продолжительныя прогулки вдвоемъ за городъ и рѣшительно избѣгали всякаго новаго знакомства.

Къ концу мѣсяца я неожиданно увидѣлъ ихъ en trois. По бульвару, рядомъ съ дѣвочкой, шагалъ господинъ еще почти молодыхъ лѣтъ съ видомъ attaché иностраннаго посольства и съ восхитительнѣйшими бакенбардами на гладкомъ, умѣренно-полномъ и поразительно свѣжемъ лицѣ. Только пиво и воздухъ Курляндіи даютъ эту роскошную смѣсь цвѣтовъ, неувядающую даже въ петербургскихъ министерскихъ канцеляріяхъ! — На головѣ его была широкая panama. Лѣтній костюмъ солиднаго покроя былъ несомнѣнно отъ французскаго портного.

Но что было съ лицомъ дѣвочки! Въ первую минуту я почти не узналъ его. Это было одно изъ тѣхъ неправильныхъ, нѣжныхъ лицъ, вся прелесть которыхъ заключается въ выраженіи. Они хороши, какъ хороши бываютъ транспарантныя картины до тѣхъ поръ, пока освѣщены огнемъ изнутри, огнемъ жизни, придающимъ каждой чертѣ яркій блескъ и временное, тѣмъ сильнѣе дѣйствующее очарованіе. Но разъ лампа взята, огонекъ по-

Digitized by Google

гасъ... и передъ вами каррикатура прекраснаго лица, гипсовая маска, снятая съ умершаго...

Холодные вѣтры подули съ горъ. Административныя баккенбарды въ осеннемъ пальто двигались по бульвару съ выраженіемъ холоднаго достоинства. Старуха тётка съ озабоченнымъ видомъ куталась въ свой шотландскій плэдъ. Ея дѣвочкѣ представлялась прекрасная партія.

16-е сентября.

Въ отношеніи живописнаго мѣстоположенія и красотъ природы, по общепризнанному мнѣнію, Ѳеодосія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ Крыму. Но вопросъ, что считать и что называть красотой? Въ Ѳеодосіи нѣтъ поразительныхъ контрастовъ, роскошной растительности и горъ южнаго берега; но за то есть, именно въ ней есть та особая, такъ-сказать, духовнаго рода красота, какой не можетъ быть у размалеванной, разряженной вычурными бельведерчиками и балкончиками, современной выскочкѣ—Ялтѣ.

Что-то невыразимо трогательное въ самомъ дѣлѣ, какой-то особый, глубоко-поэтическій колоритъ бываетъ у этихъ старинныхъ, выродившихся городовъ съ грандіозной и блестящей прошедшей жизнью. Словно глядитъ она на васъ—эта прожитая жизнь—тысячами потухшихъ очей и придаетъ смыслъ и красу ничтожнѣйшимъ обломкамъ и развалинамъ. Таковъ въ высшей степени Севастополь, таковъ нашъ сѣверный Новгородъ.

Одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ Ѳеодосіи—бывшій чумный карантинъ; онъ находится почти въ чертѣ города. Генуэзскія стѣны, уцѣлѣвшія съ незапамятныхъ временъ, окружаютъ его съ двухъ сторонъ.—Я не взялъ съ собою складного стула, который совѣтовалъ взять мой пріятель докторъ; но я удобно устроился и безъ pliant на камушкѣ у подножія башни и—je laissais agir les éléments. И стихійныя начала проявляли свое дѣйствіе. Я долго придумывалъ сравненіе, которымъ можно было бы охарактеризовать это дѣйствіе, и наконецъ нашелъ его. Это созерцаніе моря въ продолженіи долгихъ часовъ напомнило мнѣ мои посѣщенія московской обсерваторіи. Впечатлѣнія получались почти тождественныя. И тамъ, и здѣсь были безконечныя перспективы, голубыя, прозрачныя, изумительно прекрасныя; и тамъ, и здѣсь были міріады міровъ и высшее, доступное матеріальному созерцанію величіе. Да, другъ мой былъ правъ: это дѣйствіе моря было совершенно противоположно дѣйствію горной природы. Въ его величіи не было ничего подавляющаго. Безконечныя перспек-

Digitized by Google

тивы открывали свободный выходъ взволнованному чувству, замыкали его неприступными стѣнами—и оно разрѣшалось кроткимъ настроеніемъ, полнымъ душевнаго мира, примиренія съ окружающимъ и спокойствіемъ передъ темнотою грядущаго.

Въ одинъ изъ сентябрьскихъ вечеровъ передъ отъѣздомъ (сентябрь особенно хорошъ въ Ѳеодосіи) мое мѣстечко у башни на камушкахъ оказалось занятымъ. Еще издали замѣтилъ я двѣ фигуры, низко-сидѣвшія у самаго берега. Приближаясь, я узналъ ихъ. Это были: блѣдная дѣвочка и «онъ», несомнѣнно тотъ самый «онъ», одно напоминаніе о которомъ такъ взволновало ее ночью на пароходѣ. Я встрѣчалъ ихъ постоянно вмѣстѣ, съ самаго пріѣзда его въ Ѳеодосію. Тётки на этотъ разъ съ ними не было. Онъ сидѣлъ, положивъ на камни рядомъ широкую panama и, сложивъ руки надъ тростью, смотрѣлъ передъ собой. Я прошелъ мимо и тоже присѣлъ въ отдаленіи. Мнѣ видны были фигуры, и время отъ времени долеталъ звукъ голосовъ.

Море волновалось; журчащія, съ бѣлыми кружевными гребешками, волны бѣжали и убѣгали отъ берега.

„Я помню море предъ грозою,
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ твоимъ ногамъ.
Какъ я хотѣлъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами...“

Хотѣлъ ли онъ этого? Какія слова онъ ей говорилъ? Какія рѣчи декламировалъ? Иногда на бульварѣ я слышалъ между ними нѣмецкую рѣчь...

„Nur einmal noch möcht ich dich sehen
Und fallen vor dir auf's Knie
Und sterbend zu dir sprechen:
Madame, ich liebe Sie...“

Но онъ не падалъ на колѣни. Волны дерзко зализывали берегъ у самыхъ камней, и камни были сырые и острые и, падая на колѣни, ему пришлось бы поранить свои панталоны. Да и въ тому же любовь—такая пѣсня, которую каждый поетъ на свой напѣвъ, авторъ которой всегда оригиналенъ. Она слушала пѣсню любви блѣдная и молчаливая; только какъ рыбка билось и трепетало все тѣло ея отъ сдерживаемаго волненія, и чудно откинула она въ сторону маленькую ручку свою... Бѣловурыя, казавшіяся рыжими въ блескѣ заходившаго солнца, бакенбарды

Digitized by Google

склонились надъ блѣдной ручкой и... Но въ Ѳеодосіи нѣтъ резонанса! Сущая находка — этотъ городокъ — для влюбленныхъ, для таинственныхъ прогулокъ съ поцѣлуями и влюбленнымъ шопотомъ въ полныя таинственной поэзіи, лунныя, блѣдныя ночи.

Ночь наступила. Южные короткіе сумерки смѣнились темнотою. Изъ-подъ обломанныхъ зубцовъ генуэзской башни выплылъ молодой мѣсяцъ.

Мы въ одно время поднялись съ своихъ мѣстъ и очутились передъ запертыми воротами. Случилось неожиданно маленькое происшествіе: мы оказались запертыми внутри карантина. Заперта была калитка, заперты ворота у противоположной стѣны. Ясно было, что не оставалось никакой возможности выбраться въ городъ безъ посторонняго содѣйствія.

Содѣйствіе явилось въ лицѣ сторожа-солдатика, неохотно выглянувшаго изъ дверей сторожки съ вѣеромъ игральныхъ картъ въ рукѣ. Онъ въ сердцахъ, съ крѣпкимъ словомъ швырнулъ карты на столъ, на которомъ очевидно, какъ на грѣхъ, чертовски счастливо именно въ эту минуту обыгрывалъ своего несчастливо игравшаго соперника и, не прельщаясь обѣщаніемъ «на-чай», сердито повелъ насъ за собой. Предстояло цѣлое маленькое путешествіе. Старинный чумной карантинъ построенъ былъ на широкую ногу. Мы поднимались по извилистой дорожкѣ вверхъ. Вдали мелькали бѣлые домики — изолированныя помѣщенія для зачумленныхъ; домъ для мортусовъ; другія карантинныя строенія... Солдатъ отперъ ключомъ калитку въ стѣнѣ, и мы очутились внутри башни на каменной лѣстницѣ въ совершеннѣйшей темнотѣ. Онъ досталъ изъ кармана коробку спичекъ и сталъ зажигать ихъ одну за другой, черкая объ стѣны. Дрянныя сѣрныя спички разгорались, медленно вспыхивая, освѣщая пространство на два шага жидкимъ дымившимся пламенемъ. Передъ нами были темные, пустые, громадные сараи съ рядами деревянныхъ столбовъ по сторонамъ. Восхитительно было это путешествіе! Поразительная оригинальностью обстановка, лица — хоть комедію, хоть картину пиши! Старый унтеръ въ растерзанной рубахѣ и военныхъ штанахъ шагалъ, бормоча себѣ подъ носъ какія-то заклинанія. Спички вспыхивали. Исполинскія черныя тѣни ползли, колыхались и обнимались на стѣнахъ. Звукъ шаговъ гуломъ шелъ подъ высокими крышами. Резонансъ былъ поразительный и... какой случай! какой случай!! Какими поцѣлуями цѣловаться, какимъ объятіемъ обняться бы здѣсь, короткимъ и неразрывнымъ на смерть, въ самыхъ владѣніяхъ черной смерти, въ мгновенія, когда погасали сѣрныя спички и все погружалось

Digitized by Google

въ непроглядный, словно смертный мракъ. Но... Въ чуткомъ воздухѣ раздавалось одно черканье объ стѣны. Одинъ черныя тѣни цѣловались и миловались по чумнымъ стѣнамъ. Спички вспыхивали и освѣщали: высокую фигуру мужчины, строго выпрямленную, съ безстрастнымъ выраженіемъ лица и мѣрною поступью—и съ нимъ объ руку бѣлую фигуру женщины съ склоненной головой, съ смертной блѣдностью въ лицѣ и тихо вздрагивавшей на темномъ рукавѣ сюртука дѣтскою, блѣдною ручкой... Часовой съ ружьемъ окликнулъ и пропустилъ насъ. Мы вышли на свѣтъ, спустились съ лѣстницы и вошли въ городъ.

17-е сентября.

На другой день я вернулся въ карантинъ и опоздалъ на полчаса: въ карантинной церкви, крошечной, сложенной изъ мѣстнаго камня, съ чернымъ крестомъ на верху и двумя черными якорями у входа надъ могилой двухъ утопленниковъ—вѣнчали свадьбу. Вѣнчался «хорошій баринъ», щедро заплатившій за свадьбу батюшкѣ и причетнику унтеру. Женихъ былъ молодецъ собой, а невѣста—бѣлая, что известка въ горахъ. Было двое свидѣтелей, да съ невѣстой старушка родственница. Барышней онѣ часто ходили со старушкой въ карантинъ къ поздней и къ утрени...

Такъ быстро, уже! Странно. Поторопились! Трудно было повѣрить, но сомнѣваться по описанію было едва ли возможно...

Черезъ день я уѣхалъ изъ Ѳеодосіи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Нѣтъ ничего на свѣтѣ скучнѣе повторенія! Но, къ счастію, на свѣтѣ никогда и не бываетъ настоящаго повторенія. Жизнь не копируетъ, а творитъ, измѣняя все цѣликомъ, или одно ядро, или одни аксессуары, но неизбѣжно вводя новые элементы и потребляя свѣжіе матеріалы.

Мы снова ѣхали на пароходѣ по дорогѣ въ Севастополю. Пароходъ былъ не тотъ, и день былъ не тотъ — была ночь, и сами мы были не тѣ. Мы—т.-е. публика вообще, а въ частности, мы, ѳеодосійцы, возвращавшіеся по домамъ послѣ курса ѳеодосійскаго морского купанья.

Между нами были довольные и недовольные, знакомые между собой и незнакомые, но постоянно встрѣчавшіеся другъ съ другомъ за два мѣсяца житья въ одномъ городѣ. Путешествіе дѣй-

Digitized by Google

ствовало на всѣхъ возбуждающимъ образомъ. На палубѣ поддерживалась оживленная бесѣда. Дамы жаловались на скуку и на гадкія кушанья.

— Что это за скука! Это вѣдь какая-то совсѣмъ особенная, морская скука! Не шутя! Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ отъ моря, какъ сплинъ у англичанъ?

— Ну, скука—съ этимъ бы еще примириться можно. Гдѣ у насъ весело! А вотъ я какъ благодати жду — пріѣхать домой да поѣсть и напиться кофе со сливками.

— Да, очень плохое молоко.

— Откуда ему и быть хорошему, когда коровы исключительно на одномъ морскомъ воздухѣ. Что ни говорите тамъ о благорастворенiи его, но вѣдь имъ ѣсть нечего. И затѣмъ этотъ обычай за отсутствiемъ погребовъ сохранять молоко въ коровѣ же...

— То-есть какъ же это?

— А такъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ, безъ всякой аллегорiи: понадобится кому-нибудь полъ-стаканъ молока, ну, и пойдутъ, потеребятъ ее и нацѣдятъ полъ-стакана, и затѣмъ оставятъ ее въ покоѣ съ молокомъ, пока еще не потребуется. Чтобы не прокисало...

— Да, оригинально! Въ Ялтѣ вотъ за то, говорятъ, все дороже, но по крайней мѣрѣ всѣ удобства можно найти.

— Помилуйте, въ Ялтѣ! Да теперь въ Ялтѣ хуже Ѳеодосiи. Тамъ, говорятъ, теперь ни за какiя деньги ничего достать нельзя. Ни квартиръ, рѣшительно ничего, все переполнено. Достаточно сказать, что одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, генералъ, начальникъ—на бильiардѣ ночевалъ. Чего же еще!

Легенда о высокопоставленномъ лицѣ, ночевавшемъ на бильiардѣ, повторялась еще въ Ѳеодосiи, переходя изъ устъ въ уста и не производя, впрочемъ, ни на кого особо поразительнаго впечатлѣнiя. Несмотря на несомнѣнную достовѣрность слуховъ о дороговизнѣ и недостатнѣ помѣщенiй въ Ялтѣ, никто изъ направлявшихся туда не принималъ повидимому этихъ слуховъ особенно близко къ сердцу, какъ-бы разсуждая, что хоть тамъ генералъ и на бильiардѣ ночевалъ, а мы себѣ мѣсто найдемъ. Какъ мѣстамъ не быть! Были бы деньги!..

Небольшой колесный пароходъ едва вмѣщалъ въ себѣ всю массу пассажировъ. Множество путешествовали безъ права на койки. Гостиная въ каютъ-компанiи была уступлена на ночь въ распоряженiе дамъ. Ночь проходила незамѣтно. Подъѣзжали къ

Digitized by Google

Ялтѣ. Утро было холодное, я спустился за пледомъ внизъ и вздрогнулъ отъ неожиданности: изъ притворенныхъ до половины дверей общей гостиной слышались знакомые голоса, знакомый и милый англійскій лепетъ. Судьба еще разъ сталкивала насъ вмѣстѣ. Каюта была пуста, всѣ поднялись на палубу. Я остался въ каютѣ и присѣлъ на диванчикъ подлѣ дверей.

— Почему ты не хочешь съѣздить въ Ялту, Mimi? Только прокатиться и доставить всѣмъ намъ удовольствіе. Вспомни, вѣдь въ прошлый разъ это доставило удовольствіе также и тебѣ самой!..

— Вотъ поэтому-то я и не хочу теперь. Вы этого не понимаете? Ахъ, да не могу же, не могу я...

Дверь быстро растворилась и на порогѣ показалась дѣвочка... Но это была уже не дѣвочка... Это была — женщина. Она словно выросла за два дня. Только женщины въ наши дни способны къ этимъ быстрымъ перемѣнамъ, переходамъ изъ вчерашняго ребенка въ сознательнаго, сознательно-страдающаго человѣка. Наши глаза встрѣтились. Послѣднее восклицаніе, обращенное къ ея спутницѣ, вырвавшееся вдругъ не на англійскомъ, а на русскомъ языкѣ, замерло у нея на губахъ. Чуткимъ женскимъ инстинктомъ мгновенно угадала она въ чужихъ глазахъ сочувствіе, можетъ быть состраданіе, пониманіе ея положенія—и женщина сказалась въ ней. Дрогнувшія брови и опустившіеся углы губъ, дѣтская гримаса готоваго заплакать ребенка смѣнилась выраженіемъ спокойнаго женскаго достоинства. Англійское воспитаніе явилось на подмогу, и она прошла мимо меня, почти надменно поднявъ блѣдную, красивую головку и, не останавливаясь, поднялась на палубу.

На палубѣ ждалъ ее мужъ съ ея мантильей на рукѣ. Наканунѣ съ вечера я не замѣтилъ также и его. Вѣроятно онъ рано ушелъ въ каюту. На лицѣ его не было никакой особой перемѣны, кромѣ слѣдовъ утомленія и сонливости, которая придавала оттѣнокъ какъ-бы нѣкоторой мягкости его черезъ-чуръ неподвижнымъ и строго правильнымъ чертамъ. Только въ глазахъ, красивыхъ, но далеко разставленныхъ и слишкомъ прикрытыхъ низкими вѣками, сохранялось обычное, нѣсколько жосткое и хищное выраженіе, да ротъ—румяныя, полныя губы складывались по прежнему, словно готовились каждую минуту запѣть «Wacht am Rhein».

Онъ прекрасно держалъ себя, съ невозмутимымъ самообладаніемъ, такъ, какъ будто въ жизни и въ положеніи его не случилось ничего выдающагося изъ хода обыкновенныхъ дѣлъ. Закутавъ жену мантильей, онъ усадилъ обѣихъ дамъ, еще разъ

Digitized by Google

предложилъ поѣздку на берегъ, и, получивъ отказъ, спокойно закурилъ папиросу и сталъ прохаживаться по палубѣ.

Было раннее утро. Публика любовалась восходомъ солнца на морѣ. Съ парохода бросили якорь. У трапа поднялось обычное движеніе, причаливали и отъѣзжали ялики. Часть пассажировъ съѣзжала въ Ялту, и на смѣну пріѣзжали новые пассажиры изъ Ялты.

На палубѣ, вскарабкавшись по трапу, появилась вдругъ крошечная фигурка въ черномъ сюртучкѣ, въ бѣломъ галстукѣ и широкополой чорной пуховой шляпѣ съ крыломъ. Это былъ, знакомый всей Ѳеодосіи, карликъ итальянецъ пѣвецъ. Его сопровождалъ толстый мужчина въ желтомъ лѣтнемъ костюмѣ съ шарманкой черезъ шею на выпяченномъ животѣ. Они ѣхали изъ Ялты, совершая свое артистическое путешествіе. По странному совпаденію карлу звали Carla, Carlino, Carlinetto, какъ онъ самъ себя называлъ. Противъ обыкновенія онъ не былъ золъ и раздражителенъ, какъ бываютъ карлики. Напротивъ: въ характерѣ его было много юмору и добродушія, и была несомнѣнная артистическая жилка. Оффенбаха, французскія оперетки онъ отвергалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и пѣлъ только по-итальянски, итальянскія народныя пѣсни и цѣлые отрывки изъ популярныхъ оперъ. Пѣлъ онъ слабымъ, надтреснутымъ голосомъ, но съ той особой патетической манерой, которая бываетъ только у заправскихъ итальянцовъ пѣвцовъ. Вся физіономія его участвовала въ его пѣніи: добродушно-лукавые, черные, масляные глазки закатывались вверхъ; огромный лобъ хмурился и распускалъ морщины. Въ особенно патетическихъ мѣстахъ онъ жестикулировалъ не хуже перваго тенора въ оперѣ, прижимая крошечныя ручки къ уродливо выпуклой груди. Это пѣніе на Ѳеодосійскихъ улицахъ безъ резонанса, походившее скорѣе на какую-то страстную декламацію, какъ-то особенно шло къ Ѳеодосіи, къ общему характеру ея природы, къ унынію улицъ и сѣрому фону ея построекъ и горъ. И оно производило эффектъ, который по достоинству оцѣнивался всѣми. Синьоръ Carlino имѣлъ успѣхъ въ Ѳеодосіи. Едва онъ появлялся въ своей эффектной шляпѣ и бѣломъ галстукѣ и, ставъ въ позу передъ окномъ въ лунные, августовскіе вечера, своимъ, полнымъ драматизма, голосомъ начиналъ арію:

Vieni alla finestra
Il mio tesoro...

— какъ дѣйствительно растворялось окно и въ окошкѣ показывалась сантиментальная головка пріѣзжей барышни, и донъ-Carlino могъ

Digitized by Google

бы поспорить съ самимъ донъ-Жуаномъ въ искусствѣ раскрывать окна по первому аккорду своей серенады.

Очутившись на палубѣ, онъ сдѣлалъ ручкой, отвѣчая на привѣтствія знакомой публики; потомъ по приглашенію рѣшился-было стать въ позу и запѣть — но ничего не вышло. Не было Ѳеодосіи, не было луны и вечера, и слишкомъ много было свѣта и моря, и слишкомъ много публики. Онъ началъ-было арію, но самъ тотчасъ же спохватился, ловко перехватилъ и закончилъ куплетъ и, махнувъ своей шарманкѣ, съ глубокимъ поклономъ удалился въ третій классъ, въ качествѣ истиннаго артиста не принимая денегъ за неудавшееся представленіе. Они ѣхали до Севастополя.

Пароходъ готовился сняться съ якоря; матросы уже шли поднимать трапъ и остановились, поджидая быстро приближавшійся яликъ. Въ яликѣ кромѣ гребцовъ сидѣли двѣ женщины и мужчина. Только во время путешествій, да во французскихъ романахъ возможны такія совпаденія и счастливыя случайности. Я тотчасъ же призналъ подъѣхавшаго мужчину: это былъ тотъ самый красавецъ брюнетъ Эндиміонъ, который ѣхалъ съ нами на пароходѣ отъ Севастополя до Ялты.

Онъ первый выпрыгнулъ на трапъ съ огромнымъ, мохнатымъ пледомъ на рукѣ и подалъ другую руку дамѣ. Дама тяжело поднималась по лѣстницѣ и, не поворачивая головы, отдавала черезъ плечо какія-то приказанія другой женщинѣ, очевидно своей камеристкѣ, нагруженной мелкими вещами ручного багажа. Но кто могла быть она сама? По виду она давно уже была немолода, и едва ли могла быть хороша когда-нибудь. Ея слишкомъ грубое лицо, слишкомъ грубо-румяное, несмотря на покрывавшій его слой пудры, казалось непривлекательнымъ всего болѣе тѣмъ особеннымъ, жеманнымъ, жиродирующимъ выраженіемъ, которое бываетъ у провинціальныхъ барышень и маленькихъ актрисъ, или у купеческихъ дочекъ, желающихъ нравиться. Но она была не купчиха, не актриса и не провинціальная барышня. Появленіе ея было тотчасъ же замѣчено на палубѣ. Она оказалась извѣстной всей Ялтѣ, московской княжной, единственной наслѣдницей аристократическаго имени и огромнаго состоянія, уже много лѣтъ къ ряду пріѣзжавшей въ Ялту. Нынѣшнимъ лѣтомъ послѣ войны, по части брачныхъ дѣлъ на водахъ и купаньяхъ курсъ вообще стоялъ твердо. Матери семействъ, обремененныя дочерьми, уѣзжали съ водъ съ половинной частью живого багажа, и самостоятельная, некрасивая собой, богатая княжна вышла замужъ за обращавшаго на себя общее внима-

Digitized by Google

ніе красавца доктора, съ тѣмъ однако, чтобы онъ немедленно бросилъ свою медицинскую практику.

Увы! Ему пришлось бросить не одну медицинскую практику! Не было вѣера! Брошенъ былъ вѣеръ, тоненькій, изящный, граціозный японскій вѣеръ! Не было японскаго вѣера! Вмѣсто японскаго вѣера, былъ громадный, неуклюже-мохнатый англійскій плэдъ, который онъ покорно несъ до самаго мѣста назначенія. Перемѣна въ жизни его произошла очевидно еще слишкомъ недавно; онъ не успѣлъ еще въ полной мѣрѣ овладѣть собой и обстоятельствами, войти въ колею новаго своего положенія, и нѣкоторая, происходившая отсюда, неловкость и отсутствіе прежней красивой самоувѣренности, какъ-то особенно не шли къ его эффектной мужественной фигурѣ, невольно привлекавшей на себя общее вниманіе. Онъ освободился, наконецъ, отъ своего плэда и отъ своей спутницы, пристроилъ то и другое къ мѣсту съ помощью камеристки, и готовился спуститься въ каюту, но вдругъ посторонился, давая дорогу дамѣ, также подходившей къ лѣстницѣ подъ руку съ своимъ кавалеромъ. Какъ ни мимолетно было знакомство ихъ, но впечатлѣніе было произведено несомнѣнно также и на него, и онъ тотчасъ же призналъ ее. Онъ почтительно отступилъ на два шага, пропустилъ ихъ впередъ себя, и пристально, съ невольно пробудившимся и нескрываемымъ вниманіемъ разсматривалъ обоихъ въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ,—повидимому онъ понялъ все. Унылая усмѣшка скривила его красивыя губы; онъ нервно передернулъ плечами и велѣлъ подать себѣ кофе на палубу...

— Синьоръ Carlino, отчего вы не спѣли ни одной изъ своихъ хорошенькихъ пѣсенокъ, которыя вы пѣли въ Ѳеодосіи?

— Оттого, что здѣсь не Ѳеодосія, mon buon mosié.

Carlino говорилъ по-французски, коверкая слова и ударенія на свой итальянскій ладъ.

— Синьоръ Carlino, а отчего же вы не спѣли какую-нибудь другую пѣсенку?

— Оттого, что другія пѣсни—другіе люди, а я все тотъ же самый—и пѣсни мои тѣ же самыя, mon buon mosié.

— Синьоръ Carlino, а будете ли вы пѣть еще пѣсенки?

Carlino сидѣлъ, взгромоздившись съ ногами на огромномъ тюкѣ какой-то поклажи, съ вѣткой винограда въ зубахъ. Онъ выпустилъ вѣтку изъ зубовъ, поднялъ ее одной ручкой въ воздухѣ, а другой похлопалъ себя по жиденькому кармашку.

Digitized by Google

— Когда здѣсь есть — можно пѣть, а когда здѣсь нѣтъ — нужно пѣть. Нужно ѣсть — нужно пѣть. Всѣ поютъ. Всякій свою пѣсню поетъ, пока не умретъ. А умретъ—не поетъ. V'la, mon bion mosié!..

Онъ махнулъ своей вѣткой и снова принялся за нее съ какими-то птичьими движеніями, отщипывая по ягодкѣ, щурясь отъ солнца и выплевывая шелуху за бортъ.

Солнце близилось къ полудню и сильно жгло, несмотря на сентябрь и на покрывавшій палубу брезентъ. Оставаться въ каютѣ не было возможности.

Я не видѣлъ лица Мими и не могъ прослѣдить непосредственнаго впечатлѣнія неожиданной встрѣчи, но я не замѣтилъ въ немъ ничего особеннаго, никакой особой перемѣны, когда она вернулась на палубу съ англійскимъ томикомъ Таухницовскаго изданія въ рукахъ. Она присѣла у борта на складной стулъ и читала, или дѣлала видъ, что читаетъ. Тётка сидѣла подлѣ, видимо ухаживая за ней, какъ ухаживаютъ за трудно-больной, стараясь втянуть ее въ разговоръ.

— А жаль, что мы не съѣздили въ Ялту! Тамъ, кажется, еще очень хорошо и до сихъ поръ.

— Листья пожелтѣли,—замѣтила Мими, какъ-бы про себя.

— Но, по крайней мѣрѣ, одно твое желаніе исполнено: мы ѣдемъ въ первомъ классѣ, Мими.

Мими не отвѣтила и подняла глаза.

Подъ огнемъ этихъ дѣтскихъ свѣтлыхъ глазъ, вспыхнувшихъ укоризной и нѣмымъ скорбнымъ гнѣвомъ, старая женщина опустила глаза и отвернула лицо, чтобы скрыть горячую краску, залившую ея шею и щеки, и навернувшуюся слезу.

«Всѣ поютъ. Всякій свою пѣсню поетъ. А умретъ — не поетъ...»

Синьоръ Carlino не умеръ, а потому не выдержалъ и запѣлъ:

Въ милыя горы
Мы возвратимся...

Пѣсня подходила къ концу. Мы возвращались. Впереди виднѣлись уже розовыя скалы Георгіевскаго монастыря, Херсонесъ и, наконецъ, Севастополь. На пароходѣ поднялась обычная суетня. Все перемѣшалось и перепуталось: пріѣзжіе и встрѣчающіе, матросы, извозчики и *честнѣйшіе* люди, по-прежнему, незамѣнно фигурировавшіе на севастопольской пристани.

Я подождалъ, пока схлынетъ толпа и протѣснился къ воротамъ, вручивъ, на этотъ разъ безъ всякихъ заднихъ мыслей,

Digitized by Google

квитанцію отъ багажа одному изъ честнѣйшихъ людей. У воротъ, на площади, въ парномъ фаэтонѣ сидѣли мои знакомые. Носильщики укладывали въ экипажъ послѣднія мелкія вещи, лошади готовы были уже тронуться, когда Мими вдругъ замѣтила меня. Она все время смотрѣла въ мою сторону, въ сторону моря, заслоненнаго отъ нея воротами и высокой стѣной. Неизъяснимое выраженіе мелькнуло вдругъ въ ея лицѣ. Она привстала слегка въ фаэтонѣ и, опираясь одной рукой на подушки и устремивъ на меня, прямо въ упоръ, свои сѣрые, дѣтскіе, прекрасные глаза, медленно и отчетливо произнесла: «прощайте!» —и кивнула головой. Лошади тронули. Коляска покатилась и исчезла изъ виду.

Мимо меня двигались и проходили люди, ѣхали и проѣзжали экипажи, а я все еще стоялъ съ непокрытой головой, со шляпой въ рукѣ, и въ ушахъ моихъ все еще звучало это «прощайте». Что оно значило? Мы во все время не сказали другъ съ другомъ ни одного слова, но передъ отъѣздомъ у нея вдругъ явилось желаніе попрощаться со мной—невольнымъ свидѣтелемъ перипетій ея маленькаго романа безъ романа, ея дѣтской жизни, такъ грубо надломленной въ самомъ началѣ своемъ. Въ лицѣ моемъ она, можетъ быть, прощалась съ этой жизнью, съ мечтами о хорошихъ корабляхъ и хорошихъ людяхъ, на порогѣ новой жизни, можетъ быть, безъ хорошихъ людей, съ хорошими манерами, хорошими бакенбардами...

«Sie ist die erste nicht!» Я пробовалъ успокоить себя—и не могъ. Въ воображеніи неотступно стоялъ плѣнительно-кроткій, женскій образъ; наивные дѣтскіе глаза укоризненно и строго-вопросительно останавливались на мнѣ... Но причемъ же тутъ былъ я? Что же могъ тутъ я? Я окончательно ничего не могъ понять, когда, вмѣсто нѣжнаго лица, въ уровень къ моему лицу приблизилось мѣдно-красное, бородатое лицо, и дребезжащій голосъ подъ шершавыми усами настоятельно приглашалъ меня сдвинуться съ мѣста и куда-то идти за собой. Это былъ честнѣйшій человѣкъ, навьюченный моимъ сундукомъ. Онъ готовъ былъ уже указать мнѣ вѣрный путь къ ближайшей гостинницѣ, —я готовъ былъ уже слѣдовать за нимъ, какъ вдругъ знакомый голосъ окликнулъ меня по имени.

— Другъ! Что, какъ, куда?! Какими судьбами?

— Да вотъ вончилъ купанье, исполнилъ ваше приказаніе и благополучно возвращаюсь обратно во-свояси.

— Возвращаетесь! Что вы, батенька, помилосердуйте! Кто же теперь возвращается? Добрые люди теперь только ѣдутъ на

Digitized by Google

южный берегъ, а вы возвращаться выдумали! Возвращайтесь, да только не туда. Поѣдемте со мной вмѣстѣ...

Это былъ мой пріятель докторъ, по его словамъ только-что пріѣхавшій съ поѣздомъ изъ Москвы, но видимо уже успѣвшій освѣжить и перемѣнить туалетъ, оживленный и изящный, какъ всегда, и даже болѣе обыкновеннаго, съ бѣлой хризеей на англійскій ладъ вокругъ шляпной тульи и рыженькими модными башмаками на полосатыхъ чулкахъ.

— Вы сами-то куда ѣдете?—освѣдомился я.

— Какъ куда! Разумѣется, въ Ялту.

— Не ѣздите.

— Это почему?

— Квартиры не найдете. Все занято, набито биткомъ...— Онъ не далъ мнѣ договорить и вдругъ засмѣялся самымъ добродушнымъ образомъ.

— Квартиръ не найду! У насъ это, батенька, все уже заранѣе обдѣлано, припасено-съ.

— Что-жъ, заранѣе телеграфировали?

— Даже и того не трудился. Мнѣ телеграфировали. Вотъ, поглядите, телеграмма въ сорокъ словъ.

Онъ помахалъ телеграммой передъ моимъ носомъ, потомъ вдругъ сощурился и понизилъ тонъ.

— Разумѣется, чтобы это осталось между нами, entre nous... Ну, да вы, я знаю, не любите болтать. Вотъ слушайте, получилъ въ Москвѣ всего пять дней тому назадъ, хотя, впрочемъ, надо признаться, заранѣе ждалъ: «Пьеръ (то-есть, это—мужъ) уѣхалъ въ Баденъ. Пріѣзжайте, все готово, васъ ждутъ» и т. д. и т. д. Вы не знаете ее? Вотъ сердце! Вотъ женщина! Живая поэма. Мужъ, разумѣется, животное, не умѣетъ понять ее, хоть и называетъ себя артистомъ въ душѣ.

— Кажется, чего бы! Артистъ и поэма! Тутъ бы совѣтъ да любовь.

— Да, а вотъ поди же, ни того, ни другого. И средства прекрасныя... Но она въ самомъ дѣлѣ необыкновенное существо. Поѣдемте, я познакомлю васъ.

— Ну, третье лицо, я полагаю, лишнее...

— Полноте, какое тамъ третье лицо! Просто премило проведемъ время. Купаться будемъ, гулять, дышать, созерцать...

— Laissez agir les éléments!

— А что, запомнили, батюшка, запало въ душу словечко? Не правда ли—геніально формулировано? Именно, именно: laissez agir les éléments!.. Ну, такъ какъ же, идете?

Digitized by Google

— Нѣтъ, ужъ будетъ съ меня, довольно. Ко дворамъ пора. Когда вы-то отправляетесь? Развѣ пароходъ отходитъ?

— Пароходъ! Нѣтъ. Да кто же ѣдетъ въ Ялту на пароходѣ? Вечеромъ, на лошадяхъ, встрѣчать восходъ солнца у Байдарскихъ воротъ. А вы-то развѣ не такъ ѣхали?

— Нѣтъ, я на пароходѣ.

Онъ почти съ содроганіемъ взглянулъ на меня, пожалъ мнѣ руку и отправился къ Графской пристани—осматривать достопримѣчательности Севастополя. Между колоннами на фонѣ бухты мелькнула передо мной еще разъ его почти атлетическая и въ то же время почти юношески-стройная фигура... Сохранить себя такъ въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ! Да, вотъ оно что̀ значитъ равновѣсіе душевныхъ силъ, искусство—laisser agir les éléments, или, что̀ то же,—искусство раздѣлить мозгъ и сердце на клѣточки съ туго закрывающимися и плотно-приходящимися клапанами, изъ которыхъ одни держать постоянно настежь открытыми съ неустанной готовностью воспринимать и ассимилировать благопріятные элементы и впечатлѣнія; а другія—такъ ужъ наглухо закрыть и плотно законопатить на всю жизнь. Да! На это надо искусство, прирожденный даръ, талантъ. Благо имѣющимъ!.. «Овому одинъ талантъ, овому два... Имущему дается и пріумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что̀ имѣетъ».

Но что̀ же имѣется и что̀ можно отнять? Квартиру окнами на московскій бульваръ, съ синимъ диваномъ вдоль кабинетной стѣны, съ старикомъ Карнѣичемъ и его древней подругой безъ зубовъ, и съ зубастымъ, рѣзвымъ, охотничьимъ псомъ, съ самоварами во всякое время дня и ночи...

А что̀ если, въ самомъ дѣлѣ, «отнимется!» Вдругъ возьмутъ да отнимутъ. Да такъ-таки—очень просто! Возьмутъ себѣ, да и отнимутъ! Пожаръ, или хуже того—умрутъ, воръ заберется, зарѣжутъ... Лѣто—время глухое. Шутка—два мѣсяца!.. Да долго ли въ самомъ дѣлѣ!.. Да мало ли что!..

Этотъ страхъ, эта мысль о возможности потери, перемѣны, до такой степени вдругъ, безраздѣльно, панически овладѣла моимъ умомъ, всѣмъ моимъ существомъ, что я не въ силахъ былъ принудить себя остаться въ Севастополѣ еще день, какъ предполагалъ вначалѣ. Я выѣхалъ въ тотъ же вечеръ, давъ Карнѣичу предварительно телеграмму о моемъ возвращеніи. Всю дорогу мысль эта заставляла биться виски и тревожно колотиться сердце въ груди. Но ужъ въ вокзалѣ букетъ московской сентябрьской сляко̀ти освѣжительно подѣйствовалъ на мои нервы. Молодецъ извозчикъ понесся, не разбирая мостовой, и передъ

Digitized by Google

глазами блеснули освѣщенныя окна квартиры... Все было благополучно. Рѣзвый песъ чуть не сшибъ меня съ ногъ и оглушилъ лаемъ въ порывѣ радостнаго привѣтствія. Карнѣвичъ и подруга его цѣловали меня беззубыми устами въ «сахарныя уста» точь-въ-точь такъ, какъ писали въ своихъ письмахъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ рядомъ съ ворохомъ нераспечатанныхъ журналовъ и газетъ.

Я тревожно оглянулся еще разъ и вздохнулъ наконецъ полной грудью. Все было въ порядкѣ, въ своемъ видѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ я оставилъ все два мѣсяца тому назадъ, и котораго уже почти не имѣлъ надежды найти. Словно я и не трогался съ мѣста, и во снѣ, или въ панорамѣ, промелькнуло передо мной это путешествіе въ Ѳеодосію.

Налитой стаканъ душистаго чаю, не на соленой ѳеодосійской, а на «сладкой» мытнинской водѣ стоялъ на столѣ. Синій диванъ манилъ къ себѣ всѣми своими синими, стеганными, триповыми волнами. Свѣчи подъ абажурами горѣли ясными звѣздочками... Знакомыя стихіи привѣтно принимали меня въ лоно свое. Я легъ на синій диванъ, лицомъ къ стѣнкѣ, и... je laissais agir les éléments.

Л. Н.

Digitized by Google

СЁСТРЫ

Изъ новаго романа Эберса.

Die Schwestern. Roman von Georg Ebers. Achte Auflage. Stuttgart und Leipzig. 1880.

Въ послѣднія два-три десятилѣтія, ни одна изъ областей историческаго знанія не сдѣлала такихъ крупныхъ успѣховъ, какъ египтологія. Множество новыхъ письменныхъ памятниковъ открыто въ теченіе послѣдняго времени, и благодаря этимъ открытіямъ древнѣйшая культура человѣчества ожила передъ современными изслѣдователями во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Отысканы не только внѣшнія ея проявленія и особенности, отыскано и то, что составляло ея смыслъ и душу. Древній египтянинъ, которому человѣчество обязано первыми начатками науки и своего нынѣшняго письма, пересталъ быть для насъ нѣмою мумією, бездушнымъ набальзамированнымъ трупомъ; наука сняла съ него таинственные погребальные покровы и воскресила его передъ нами во всей его живой непосредственности, во всей его умственной и бытовой оригинальности. Масса накопившагося историческаго матеріала, по своей древности доступнаго только спеціалистамъ, разрослась такъ широко, что стала возможною популяризація понятій, быта и образовъ глубокой древности, до сихъ поръ знакомой намъ только по сухимъ, часто спорнымъ даннымъ археологіи — и, однако же, представляющей не мало общечеловѣческаго интереса.

Такимъ популяризаторомъ новѣйшихъ успѣховъ египтологіи явился въ Германіи извѣстный профессоръ лейпцигскаго универ-

Digitized by Google

ситета, Эберсъ, давшій свое имя одному изъ самыхъ обширныхъ и важныхъ памятниковъ египетской письменности. Живой умъ и беллетристическій талантъ помѣшали ему зарыться въ гробницахъ, надписяхъ и папирусахъ древняго Египта и ограничиться одними чисто-учеными изслѣдованіями. Отсюда совершенно исключительное положеніе Эберса въ современной ученой литературѣ и беллетристикѣ Германіи. Кромѣ двухъ большихъ томовъ: «Aegypten in Bild und Wort», Эберсъ написалъ три историческихъ романа («Eine aegyptische Königstochter», «Uarda», «Homo sum»), недавно издалъ четвертый: «Сестры» («Die Schwestern»), и теперь печатаетъ пятый: «Durch Gosen zum Sinai»,—представляя собою рѣдкое соединеніе ученаго писателя, совершенно самостоятельнаго въ своей спеціальности, съ талантливымъ беллетристомъ.

Почти всѣ историческіе романы Эберса болѣе или менѣе знакомы русской публикѣ по переводамъ и извлеченіямъ, въ свое время появлявшимся въ нашей печати, и мы имѣемъ въ виду остановиться на одномъ только послѣднемъ его беллетристическомъ произведеніи: «Сёстры», которое, повидимому, имѣетъ большой успѣхъ въ Германіи. Появившись въ самомъ концѣ прошлаго года, оно къ минувшему марту вышло уже восьмымъ изданіемъ! Успѣхъ вполнѣ заслуженный. По живости историческихъ картинъ, набросанныхъ ученымъ авторомъ, по тонкости изображенія характеровъ, по усвоенію имъ духа описываемой эпохи, его историческіе романы безспорно составляютъ явленіе выдающееся надъ общимъ уровнемъ современной беллетристики. Въ его романахъ не трудно подмѣтить смѣлые и характерные штрихи настоящаго художника. Нѣкоторые изъ нашихъ такъ-называемыхъ историческихъ романистовъ могли бы многому поучиться у Эберса и провести время съ большою пользой въ его научной и артистической школѣ.

«Сёстры» переносятъ насъ въ новѣйшую пору древнеегипетской жизни, въ ту пору полнаго упадка и разложенія, когда египетская національность изжила всѣ свои силы и стала добычей выродившихся грековъ, въ свою очередь, давно подпавшихъ римскому вліянію и контролю. Дѣйствіе происходитъ въ 164 году до христіанской эры. Египетъ въ то время находился уже болѣе полутораста лѣтъ подъ властью греко-македонской династіи Птолемеевъ или Лагидовъ, потомковъ одного изъ полководцевъ Александра Македонскаго. Въ основанной послѣднимъ Александріи греческая образованность временъ упадка свила себѣ благодарное гнѣздо, изъ котораго, какъ изъ образо-

Digitized by Google

вательнаго центра, она распространяла свое чарующее вліяніе на разслабленную, омертвѣлую, давно завершившую свое развитіе египетскую народность. Эта оригинальная народность, долго неподдававшаяся духу своихъ прежнихъ завоевателей: гиксовъ, мидійцевъ и персовъ, теперь не устояла противъ вліяній греческой культуры, представлявшихъ въ то время свои благотворныя и свои растлѣвающія стороны. Египетъ, нѣкогда одно изъ самыхъ замкнутыхъ и недоступныхъ государствъ древности, при Птолемеяхъ настежь раскрылъ свои ворота чужеземнымъ элементамъ, и Александрія стала всемірно-историческимъ городомъ не только въ торговомъ, но и въ умственномъ отношеніи. Въ нее стекались, въ ней сталкивались и переработывались, изъ нея исходили на весь міръ плоды умственной и религіозной жизни всѣхъ народовъ: критика и невѣріе грековъ, мистическій формализмъ египтянъ, магія вавилонянъ и сирійцевъ, единобожіе евреевъ. Еврейская община въ Александріи, болѣе или менѣе эллинизированная, пользовалась тогда почти равнымъ вліяніемъ съ греческой. Сами Птолемеи, политически опиравшіеся главнымъ образомъ на грековъ и относившіеся презрительно къ подвластной имъ египетской національности, принимали дѣятельное участіе въ философскихъ, литературныхъ и религіозныхъ спорахъ своего времени. Но авторъ не нашелъ возможнымъ избрать Александрію мѣстомъ дѣйствія для своего романа. Египетскій элементъ игралъ въ этомъ греческомъ по преимуществу городѣ слишкомъ ничтожную роль, онъ былъ слишкомъ затертъ пришлыми элементами, чтобы тамъ можно было ярко освѣтить его общее положеніе въ послѣдней половинѣ втораго столѣтія до христіанской эры. Онъ предпочелъ избрать Мемфисъ, гдѣ правилъ Птолемей Филометоръ, предоставляя своему брату Птолемею Эвергету управленіе Нижнимъ Египтомъ изъ Александріи. Мемфисъ—городъ вполнѣ египетскій. Греки въ душѣ, греки по образу жизни, Птолемеи изъ политическаго разсчета щадили египетскія народныя вѣрованія и жреческіе интересы, и затѣмъ полновластно распоряжались внутри государства, сдерживаемые въ дѣлахъ внѣшнихъ однимъ только страхомъ передъ римскимъ могуществомъ. Внѣшнимъ образомъ поклонялись египетскимъ богамъ, они полновластно располагали всѣмъ достояніемъ египетскаго народа, проводили жизнь въ пиракъ, тонули въ роскоши и наслажденіяхъ, не зная предѣла своимъ прихотямъ и своей расточительности. Подвластные Птолемеямъ египтяне, народная масса продолжала въ это время крѣпко держаться окаменѣлой вѣры отцовъ, пока значительная часть ея, склонная къ монаше-

Digitized by Google

ству и созерцательной жизни, не примкнула впослѣдствіи къ вѣрѣ угнетенныхъ и нищихъ, къ тому нравственному обновленію человѣка, которое было дано христіанствомъ.

Въ числѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ бумагъ погибшаго царскаго архива въ Мемфисѣ, сохранились прошенія, писанныя на папирусѣ, на греческомъ языкѣ, однимъ отшельникомъ Серапеума [1]) въ пользу двухъ сестеръ, названныхъ въ этихъ прошеніяхъ близнецами прислужницами бога Сераписа. Содержаніе этихъ прошеній внушило автору мысль, а отчасти и самый сюжетъ его романа. Оно дало ему возможность воспроизвести въ своемъ воображеніи внутреннюю жизнь языческой обители и храма, разрушенныя стѣны котораго открыты въ то же время неутомимымъ французскимъ египтологомъ Маріеттомъ. Авторъ лично посѣтилъ эти мѣста, надъ которыми протекли десятки столѣтій, и, оставаясь вѣрнымъ исторіи, духу изображаемаго времени, вставилъ въ историческія рамки своего романическаго повѣствованія созданные имъ самимъ образы двухъ сестеръ, по имени Клеа и Ирена, обреченныхъ на затворническую жизнь и черную работу при храмѣ, послѣ того, какъ ихъ родители—греки, оклеветанные придворнымъ евнухомъ Эвлаемъ, были сосланы въ каторжныя работы. Другія лица романа—Птолемей Филометоръ и жена его, царица Клеопатра, которую не надо смѣшивать съ знаменитой любовницей Юлія Цезаря и Марка Антонія, братъ Филометора Эвергетъ II Фисконъ (толстый), извѣстный Аристархъ, евнухъ Эвлай и римлянинъ Публій Корнелій Сципіонъ Назика—вполнѣ историческія лица.

I.

Въ одной изъ низенькихъ глиняныхъ построекъ, примыкавшихъ къ храму Сераписа, куда стекались вѣрующіе со всѣхъ концовъ Египта, и гдѣ они охотно проводили ночь подлѣ драгоцѣнной святыни,—въ бѣдной каморкѣ, въ которую свѣтъ могъ проникать только сквозь дырявую крышу и пріотворенную дверь, живутъ двѣ юныя прислужницы храма, сестры-затворницы, которымъ ежедневно приносятъ отъ храма скудную отшельническую пищу. Въ каморкѣ нѣтъ ничего, кромѣ деревяннаго ящика, двухъ глиняныхъ тазовъ, плохого глинянаго кувшина и краси-

[1]) Серапеумъ — храмъ Сераписа, и при немъ—нѣчто въ родѣ отшельнической обители.

Digitized by Google

ваго сосуда изъ чистаго, блестящаго золота, въ которомъ онѣ должны были съ ранняго утра носить воду изъ колодца въ храмъ. На заднемъ планѣ лежали двѣ сплетенныя изъ лыка циновки, разостланныя по тонкому слою овечьей шерсти. Казалось, этому скучному, однообразному, безотрадному существованію, смягчаемому только отчасти искреннимъ религіознымъ чувствомъ молодыхъ затворницъ, нѣтъ и не будетъ конца. Въ обители Сераписа у нихъ былъ, правда, покровитель и защитникъ; но это былъ также отшельникъ, старецъ Серапіонъ, бывшій пріятель ихъ несчастнаго отца, тоже съ трудомъ и неохотно исполняющій свой затворническій обѣтъ. Къ нему обращаются Клеа и Ирена въ затруднительныхъ случаяхъ, онъ—ихъ лучшій, ихъ единственный совѣтникъ. Различіе возрастовъ и характеровъ не мѣшаетъ обѣимъ сестрамъ одинаково тяготиться своимъ безразсвѣтнымъ положеніемъ. Клеа старше, серьёзнѣе, сосредоточеннѣе Ирены; но и ея молодой душѣ знакомы смутныя, но завѣтныя грезы любви и счастья, и напрасно старается она заглушать ихъ сознаніемъ своего долга относительно храма и младшей сестры, еще болѣе юной, еще болѣе нуждающейся въ нравственномъ вліяніи матери.

Храмъ Сераписа усердно посѣщаютъ и египтяне, и любопытные иностранцы. Греки и римляне всегда и сильно интересовались оригинальными нравами, религіей и обрядами Египта. И вотъ, въ числѣ другихъ иностранцевъ, посѣщаютъ храмъ два гостя Птолемеевъ, римлянинъ Сципіонъ Назика и коринѳянинъ Лизій. Сестры, прислужницы храма, поражаютъ ихъ своей красотой, граціей и достоинствомъ, они узнаютъ отъ Серапіона объ ихъ происхожденіи и несчастіи, Сципіонъ вызывается передать царю Птолемею Филометору прошеніе Серапіона по дѣлу ихъ сосланнаго отца, излагающее всѣ продѣлки евнуха Эвлая, который все еще пользуется полнымъ довѣріемъ царя и царицы Клеопатры. Прямой, честный, нѣсколько грубый Сципіонъ плѣненъ красивою, простою, серьёзной и мужественной, исполненной правдивости и достоинства Клеей; избалованный Лизій, богачъ, вкусившій всѣхъ плодовъ и благъ греческой жизни и цивилизаціи, очарованъ живою, рѣзвой, непосредственной Иреной, и оба ставятъ себѣ цѣлью — спасти отшельницъ изъ того безотраднаго положенія, которому обрекла ихъ слѣпая судьба.

Сердце подаетъ вѣсть сердцу. Съ того утра, какъ Сципіонъ, во время одной религіозной церемоніи, бросилъ Клеѣ связку фіаловъ, Клеа не знаетъ покоя. Напрасно гонитъ она отъ себя новыя, невѣдомыя до тѣхъ поръ мысли. Когда осиливаютъ ее

Digitized by Google

голодъ и усталость, она засыпаетъ съ страшною мыслью о человѣкѣ, ей чужомъ, съ которымъ она еще не обмѣнялась ни однимъ словомъ, отъ котораго долгъ велитъ держать себя какъ можно дальше.

Прежде чѣмъ улеглась ея взволнованная головка, и сомкнулись ея вѣки, губы ея мучительно подергивались; потомъ сгладились черты ея лица, уста тихо раскрылись и, какъ кроткое дыханіе весны по озябшему цвѣтку, по краснѣющимъ щекамъ ея пробѣжала улыбка.

Нѣтъ, эта спящая дѣвушка рождена не для одиночества и отреченія отъ жизни; нѣтъ, она рождена для того, чтобы дарить другихъ и самой наслаждаться любовью и ея чарами.

Въ каморкѣ сестеръ стало тепло и тихо, совсѣмъ тихо. Слышно было жужжанье мухи, летавшей около опорожненнаго Иреной кувшина съ масломъ, и все болѣе и болѣе ускорявшееся дыханіе спящей.

Слѣды утомленія совсѣмъ сошли съ ея лица, уста раскрылись точно для поцѣлуя, щеки ярче раскраснѣлись; она подняла обѣ руки и, объятая сномъ, проговорила, что-то отстраняя, но все-таки нѣжно: «нѣтъ, да нѣтъ, ни за что; пожалуйста, милый...» Одна рука опустилась теперь и, падая, ударилась о деревянный ящикъ, на которомъ она сидѣла,—и она проснулась.

Медленно раскрыла она вѣки, съ улыбкой блаженства на губахъ; потомъ ея длинныя, шелковистыя рѣсницы стали все больше и больше подниматься, широко раскрывшіеся глаза въ ужасѣ уставились впередъ, точно увидѣли нѣчто невиданное и неслыханное.

Такъ сидѣла она нѣсколько минутъ, безъ всякаго движенія, потомъ приподнялась, прикрыла правою рукой лобъ и глазъ и, озираясь, точно увидѣла что-нибудь ужасающее, точно содрагаясь отъ холода, порывисто проговорила сквозь стиснутые зубы:

—«Что это со мною? Откуда такія мысли? Что за духи дѣлаютъ съ нами и заставляютъ насъ ощущать во снѣ то, что мы далеко-далеко отолкнули бы на-яву? Я могла бы ужасаться, презирать и ненавидѣть себя изъ-за этихъ видѣній, потому что я, гадкая, допустила, что онъ меня обнялъ, и не гнѣвъ—нѣтъ —а что-то другое, невыразимо сладостное охватило при этомъ мою душу».

При этихъ словахъ кисти рукъ ея сжались, и она крѣпко сдавила себѣ виски; но потомъ онѣ опять вяло упали ей на колѣни, и, качая головой, она сказала уже другимъ, болѣе мягкимъ голосомъ:

Digitized by Google

—«Впрочемъ, это былъ только сонъ, а когда мы спимъ, оно и должно быть такъ, о, вѣчные боги! Къ нечистымъ мыслямъ я еще прибавляю теперь неправду о самой себѣ! Нѣтъ, этотъ сонъ посланъ мнѣ не какимъ-нибудь духомъ,—онъ только подобіе того же, что́ я чувствовала и вчера, и наканунѣ, и раньше, съ тѣхъ поръ какъ стройный иностранецъ уже въ четвертый разъ властно посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и потомъ подалъ мнѣ фіалки. Развѣ я отвернулась отъ него, развѣ наказала гнѣвнымъ взглядомъ его смѣлость? И развѣ нельзя прогнать непріятеля одними глазами? Мнѣ всегда удавалось это, когда мужчина присматривался къ намъ; но вчера я не смогла, а между тѣмъ — я не спала, какъ не сплю и теперь. Чего хочетъ отъ меня этотъ иностранецъ? Чего требуетъ властный взглядъ его, преслѣдующій меня уже много дней, куда бы я ни обращалась, и даже во снѣ не даетъ мнѣ покою? Зачѣмъ я допустила его заглянуть мнѣ въ глаза, о которыхъ говорятъ, что они ведутъ къ сердцу? Теперь ростетъ въ сердцѣ принятый мною ядъ, но я вырву его отсюда, и когда вернется Ирена, я затопчу или отдамъ ей эти фіалки; она быстро оплететъ ихъ или дастъ имъ засохнуть, я же хочу остаться чистою даже и во снѣ. Чистота — единственное мое достояніе».

На этомъ прервалась ея бесѣда съ собою: она услышала голосъ Ирены, а этотъ голосъ, должно быть, сочувственно дѣйствовалъ на ея душу, потому что страдальческое и жёсткое выраженіе, искажавшее передъ тѣмъ ея красивыя черты, вдругъ исчезло, она вздохнула свободно и проговорила:

—«Я однако еще не совсѣмъ бѣдна и заброшена, пока она со мною, и я еще слышу ея голосъ».

Но покой отшельницы навсегда отлетѣлъ изъ этой сильной и сосредоточенной души. Отдавъ сестрѣ завѣтныя фіалки, она спѣшитъ въ храмъ, чтобы молитвой заглушить мірскіе нечистые помыслы.

И вотъ она вошла въ большую залу святилища, куда допускались только посвященные и служащіе при храмѣ, къ числу которыхъ принадлежала и она.

Тутъ возвышались передъ нею, точно стебли лилій, многочисленныя стройныя колонны, увѣнчанныя красиво закругленными цвѣтами-колокольчиками,— тутъ, съ высоты каменнаго потолка, тихо смотрѣли на нее ночное небо и съ золотыхъ своихъ лодокъ блестящія, незнающія отдыха и вѣчно безмятежныя свѣтила, планеты и неподвижныя звѣзды.

Digitized by Google

Да, тутъ было такъ сумрачно и тихо, что можно было предаться уединенной бесѣдѣ съ божествомъ!

Какимъ-то лѣсомъ колоссальныхъ растеній иного міра представились ей окружавшія ее колонны; ей казалось, что благоуханіе ѳиміама исходило изъ пестрыхъ цвѣточныхъ капителей, на которыхъ онѣ держали потолокъ; и это благоуханіе дѣйствовало опьяняющимъ образомъ на ея чувства, заостренныя голодомъ и внутреннимъ волненіемъ.

Съ поднятымъ къ небу взоромъ и скрещенными на груди руками прошла она по этой залѣ и нерѣшительно приблизилась къ другой, менѣе обширной и высокой комнатѣ, въ глубинѣ которой занавѣсъ изъ драгоцѣнной, тяжелой матеріи прикрывалъ мѣдную дверь въ святѣйшее изъ всѣхъ святилищъ храма.

Приближаться къ этому святилищу было запрещено не посторонимъ только, но и ей; но въ эту минуту она была такъ преисполнена трепетнаго желанія искать божественной помощи, что подошла къ заповѣдной святынѣ, вопреки данному прежде и ни разу еще не нарушенному ею обѣту.

Охваченная благоговѣйнымъ ужасомъ, повергласъ она ницъ передъ дверью святѣйшаго мѣста въ храмѣ и крѣпко прижалась въ уголъ, образуемый выдающимся двернымъ столбомъ и задней стѣной комнаты.

Томительная потребность искать направляющей судьбу нашу силы внѣ насъ самихъ свойственна всякому народу, всякому человѣку, она такъ же присуща разумному существу, какъ и стремленіе узнавать причины замѣчаемыхъ явленій, невольное желаніе видѣть, когда земля освѣщена, и слышать, когда волнообразные переливы звука доходятъ до нашего слуха. Конечно, люди въ разной степени надѣлены религіознымъ чувствомъ, какъ и всякою другою способностью. Въ Клеѣ оно всегда было очень сильно, благочестивая мать еще усилила его наставленіемъ и примѣромъ, между тѣмъ какъ отецъ внушалъ ей только одно— быть правдивой, неумолимо правдивой по отношенію къ другимъ и къ самой себѣ.

Служебныя обязанности заставляли ее часто посѣщать храмъ божества, которое она привыкла считать величайшимъ и могущественнѣйшимъ изъ боговъ. Часто случалось ей видѣть издали, какъ занавѣсъ святилища сдвигался въ сторону, образъ Сераписа показывался въ полумракѣ святилища съ обычной корзиной на головѣ и церберомъ въ ногахъ, и лучъ свѣта, чудесно вылетавшій изъ мрака, ложился полосой на чело божества и лобызалъ его уста, когда жрецы восхваляли въ пѣснѣ его благость.

Digitized by Google

Въ другое время чудесно зажигались свѣчи по сторонамъ божества, или внезапно потухали.

Тогда она съ увлеченіемъ славила, вмѣстѣ съ другими богомольцами, великаго владыку загробной жизни, который замѣнялъ каждое угасшее солнце новымъ, извлекалъ жизнь изъ смерти, вновь оживлялъ усопшаго и возносилъ его до себя, если усопшій служилъ истинѣ на землѣ, и судьи, поставленные божествомъ на томъ свѣтѣ, признавали его правдивымъ.

Правду, которой слѣдовать училъ ее отецъ, какъ высшему благу жизни, — правду награждалъ Сераписъ больше, чѣмъ всякую другую добродѣтель; на вѣсахъ правды взвѣшивались передъ нимъ сердца, и всякій разъ, когда Клеа представляла его себѣ въ человѣческомъ образѣ, она переносила на него серьёзныя и въ то же время мягкія черты отца, ей казалось, что онъ говоритъ ей словами того человѣка, которому она обязана жизнію, который былъ слишкомъ рано отнятъ у нея, который тяжко пострадалъ за правое дѣло, и отъ котораго она никогда не слыхала ни единаго слова, недостойнаго божественной правды.

Она чувствовала себя столько же вблизи своего отца, какъ и вблизи Сераписа въ тотъ часъ, когда, плотно прижавшись къ темному углу святилища, безпощадно упрекала себя въ томъ, что въ сердцѣ ея зашевелились нечистыя желанія, что она была неправа въ отношеніи къ самой себѣ и Иренѣ, что если она не съумѣетъ вырвать образъ римлянина изъ своей души, то ей придется или лгать передъ сестрой, или смутить прямую и беззаботную душу впечатлительнаго ребенка, которому она привыкла быть матерью и опорой.

Тяжко угнетало ее даже и легкое повидимому горе; Ирена, напротивъ, легко сбрасывала съ себя, какъ перышко, горе дѣйствительно серьёзное и тяжелое. Клеа была похожа на влажную глину, въ которой даже и нѣжныя лапки бабочки оставляютъ свой отпечатокъ; Ирена, напротивъ, походила на зеркало, съ котораго быстро и совсѣмъ исчезаетъ помутившее его дыханіе.

— Боже великій — шептала она съ мольбою — мнѣ чувствуется, что римлянинъ зажегъ сильный огонь въ моей душѣ. Помоги мнѣ задушить его, стать опять такою же, какою я была прежде, чтобы я опять могла чистыми и правдивыми глазами, безъ лукавства смотрѣть на Ирену и по прежнему могла бы сказать — въ глубинѣ души, что отецъ мой порадовался бы, еслибъ узналъ мои мысли и поступки.

Она еще молилась, когда къ святѣйшему изъ святилищъ

Digitized by Google

храма стали приближаться шаги двухъ мужчинъ и прервали ея молитвенное настроеніе.

Теперь только въ душѣ ея вдругъ промелькнуло ясное сознаніе, что она остается въ запрещенномъ мѣстѣ и подвергнется строгому наказанію, если ее тутъ увидятъ.

— Запри эту дверь! — шопотомъ проговорилъ одинъ изъ вошедшихъ своему спутнику, указывая на дверь, ведущую изъ залы съ колоннами въ главное святилище. — Даже и посвященные не должны видѣть того, что ты тутъ дѣлаешь для насъ...

Клеа узнала голосъ главнаго жреца; она хотѣла выдти изъ своего угла и сознаться въ своей винѣ; но обыкновенно мужественная, она однако не сдѣлала этого, а, напротивъ, еще плотнѣе прижалась къ своему совершенно темному углу, когда заперлась мѣдная дверь не имѣвшаго оконъ святилища, въ которомъ она находилась.

Теперь она увидѣла, какъ раздвинули занавѣсъ и растворили двери, скрывавшія святилище отъ молящихся; услышала, какъ повертывали буравъ, чтобы искусственно произвести огонь; на ея глазахъ, изъ святилища блеснулъ свѣтъ, и послышались удары молотка и жужжаніе пилы.

Тихое святилище превратилось въ наковальню; но какъ ни шумно стало въ немъ, Клеѣ все-таки казалось, что сердце ея бьется еще громче, чѣмъ мѣдныя орудія Кратеса, одного изъ старѣйшихъ жрецовъ храма, завѣдывавшаго священными принадлежностями богослуженія, обыкновенно не говорившаго ни съ кѣмъ, кромѣ первосвященника, и славившагося между своими земляками греками своимъ искусствомъ чинить металлическія вещи, дѣлать крѣпкіе замки и ковать серебро и золото.

За пять лѣтъ передъ тѣмъ, когда сестры только-что поступили въ храмъ, Ирена очень боялась этого малорослаго, какъ карликъ, широкоплечаго и ширококостнаго человѣка, котораго сморщенное лицо походило на пробку, а ноги постоянно и мучительно болѣли, что часто мѣшало ему двигаться; но этотъ страхъ не раздражалъ, а забавлялъ Кратеса, который, встрѣчаясь съ дѣвочкой, тогда еще одиннадцатилѣтней, поднималъ свои губы къ большому красному носу, выворачивалъ глаза и издавалъ устрашающіе звуки, чтобы еще усилить ужасъ, внушаемый имъ ребенку.

Онъ не былъ золъ, но не имѣлъ ни жены, ни дѣтей, ни братьевъ, ни сестеръ, ни друга, а въ каждомъ человѣкѣ такъ сильно желаніе, чтобы другіе что-нибудь къ нему чувствовали, что многимъ гораздо пріятнѣе внушать страхъ, чѣмъ оставаться незамѣченными.

Digitized by Google

Преодолѣвъ эту боязнь къ старику, Ирена потомъ уже сама, съ свойственной ей плѣнительной и вкрадчивой лаской, просила Кратеса, котораго чуждалось и считало мрачнымъ и недоступнымъ все населеніе храма, сдѣлать ей гримасу, и онъ охотно исполнялъ эту просьбу и отъ души смѣялся, когда дѣвочка, къ общему ихъ удовольствію, опять пугалась и убѣгала. И когда, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Ирена поранила себѣ ногу и нѣкоторое время не выходила изъ своей каморки, произошло нѣчто небывалое: Кратесъ съ участіемъ спросилъ Клею, что сдѣлалось съ ея сестрой и просилъ передать ей подарокъ.

Пока работалъ Кратесъ, между нимъ и верховнымъ жрецомъ не было произнесено ни слова. Потомъ онъ отложилъ молотокъ въ сторону и сказалъ:

— Такую работу я исполняю неохотно, но эта все-таки удалась мнѣ. Всякій прислужникъ храма, скрытый за алтаремъ, можетъ теперь зажигать и тушить свѣчи, причемъ и умнѣйшій изъ нихъ не замѣтитъ въ чемъ дѣло. Подойди теперь къ дверямъ большой залы и произнеси свое слово.

Клея слышала, какъ верховный жрецъ исполнилъ это желаніе Кратеса и провозгласилъ нараспѣвъ: «Такъ властвуетъ онъ надъ мракомъ ночи, и ночь превращается въ день; такъ властвуетъ онъ надъ потухшимъ свѣтильникомъ, и свѣтильникъ ярко загорается. Если ты пребываешь вблизи насъ, Сераписъ, то явися намъ».

Струя свѣта тотчасъ полилась изъ святилища и внезапно угасла, когда верховный жрецъ пропѣлъ: «Такъ являешься ты въ видѣ свѣта сынамъ истины, но мракомъ наказуешь ты сыновъ лжи».

— Еще разъ?—спросилъ Кратесъ тономъ человѣка, желающаго получить отрицательный отвѣтъ.

— Пожалуйста, — отвѣчалъ верховный жрецъ.—На этотъ разъ штука удалась еще лучше, чѣмъ прежде. Я былъ заранѣе увѣренъ въ твоемъ искусствѣ; но поразмысли, въ чемъ собственно тутъ все дѣло. Оба царя и царица, быть можетъ, пріѣдутъ на празднество, Филометоръ и Клеопатра пріѣдутъ непремѣнно, а у нихъ хорошее зрѣніе; съ ними пріѣдетъ и римлянинъ, уже въ четвертый разъ участвовавшій недавно въ процессіи. Если я хорошо понялъ его, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ вельможъ своего народа, которые вѣрятъ лишь собственнымъ глазамъ, охотно довольствуются, когда нужно, древними богами своихъ предковъ и не принимаютъ къ сердцу того, что мы выдаемъ имъ за чудо, а трезво взвѣшиваютъ видѣнное. Люди

Digitized by Google

такого сорта, люди, которые не стыдятся молитвы, не философствуютъ, а размышляютъ лишь настолько, насколько это имъ нужно, чтобы правильно дѣйствовать, — такіе люди — злѣйшіе враги всякаго сверхъестественнаго дѣйствія.

— А натуралисты музея? — спросилъ Кратесъ. — Они вѣдь признаютъ дѣйствительно существующимъ только то, что могутъ видѣть и наблюдать сами.

— И именно поэтому легко могутъ быть введены въ заблужденіе твоимъ искусствомъ,—возразилъ верховный жрецъ. — Увидѣвъ дѣйствіе безъ причины, они склонны принимать непознаваемую причину за сверхъестественную [1]). Растворя еще разъ двери, выйдемъ въ боковую дверцу и возьми на себя помочь Серапису. Не забудь, что Филометоръ тогда только утвердитъ земельную дарственную запись въ пользу храма, если онъ выйдетъ изъ храма, пораженный величіемъ нашего бога. Успѣешь ли ты поставить новую курильницу къ рожденью царя Эвергета, которое будетъ праздноваться въ Мемфисѣ?

— Увидимъ, — отвѣчалъ Кратесъ. — Прежде всего надо кончить замокъ къ большимъ воротамъ Аписова склепа. Пока онъ лежитъ у меня въ мастерской, каждый можетъ отворить склепъ, кому вздумается поднять гвоздемъ задвижку, и всякій можетъ запирать его желѣзнымъ болтомъ. Пришли за мной, прежде чѣмъ начнется игра со свѣчами; я приду, несмотря на мои больныя ноги. Разъ я взялся за это дѣло, и только поэтому, я хочу довончить его; а все-таки, по-моему, можно бы и безъ такихъ надувательскихъ средствъ...

— Мы не надуваемъ, — строго прервалъ своего помощника верховный жрецъ: — мы только даемъ близорукому человѣчеству понять силу божества въ осязательномъ, общедоступномъ видѣ.

Съ этими словами, верховный жрецъ повернулся спиною къ мастеру и вышелъ въ боковую дверь; а Кратесъ растворилъ мѣдныя врата и, собирая свои орудія, проговорилъ такъ громко, что Клея ясно разслышала каждое слово: «Мнѣ оно выгодно, но обманъ — все-таки обманъ, божество ли обманываетъ царя, или ребенокъ — ничего».

— Обманъ — все-таки обманъ! — сказала Клея вслѣдъ за Кратесомъ, и вышла изъ своего убѣжища, когда и онъ удалился отгуда.

Она остановилась въ большой залѣ и посмотрѣла вокругъ. Въ первый разъ замѣтила она стертыя краски на стѣнахъ,

[1]) Таковы въ наше время натуралисты-спириты.

Digitized by Google

слѣды всеповреждающаго времени на колоннахъ, и распластавшіяся плиты, изъ которыхъ былъ сложенъ полъ..

Приторно сладкимъ показалось ей благоуханіе ѳміама, и проходя мимо одного старика, который горячо молился, поднявъ руки, она посмотрѣла на него съ сожалѣніемъ.

Миновавъ замыкавшіе храмъ пилоны, она оглянулась и, разсматривая храмъ, съ удивленіемъ покачала головой: она знала, что въ теченіе послѣдняго часа въ храмѣ Сераписа не было перемѣнено ни единаго камня, а онъ казался ей теперь столь же чуждымъ, какъ та мѣстность, которую мы впервые увидѣли въ весеннемъ украшеніи, а потомъ видимъ снова помертвѣлою въ зимнее время, какъ женскій образъ, который казался намъ прекраснымъ подъ таинственнымъ покрываломъ, и который безъ покрывала оказывается непривлекательнымъ и старымъ.

Когда до нея долетѣли слова Кратеса: «обманъ—все-таки обманъ», она ощутила ѣдкую боль въ груди и не могла удержаться отъ слезъ, подступившихъ къ ея рѣдко плакавшимъ глазамъ; но съ той минуты, какъ сама она повторила жесткій приговоръ стараго мастера, ея слезы высохли, и когда она, какъ путникъ, прощающійся съ близкимъ сердцу другомъ, въ волненіи озирала храмъ, она вздохнула свободнѣе, подняла голову и съ пораненнымъ сердцемъ, но гордо отвернулась отъ храма и вышла.

Подлѣ жилья храмового привратника, нетвердымъ шагомъ и съ поднятыми ручками, шелъ ей навстрѣчу ребенокъ. Она приподняла его, поцѣловала и спросила у привѣтствовавшей ее матери ребенка кусокъ хлѣба, потому что голодъ начиналъ терзать ее. Пока она глотала сухой хлѣбъ, ребенокъ оставался у нея на колѣняхъ, и слѣдилъ своими большими глазами за движеніями ея руки и рта.

То былъ мальчикъ лѣтъ пяти, съ такими слабыми ногами, что онѣ едва выносили тяжесть остального тѣла, но съ особенно красивымъ личикомъ. Впрочемъ, это личико казалось совсѣмъ безжизненнымъ, и только въ ту минуту, когда маленькій Филонъ завидѣлъ Клею, глаза его радостно заблистали.

— Возьми вотъ это молоко,—сказала мать ребенка, подавая дѣвушкѣ глиняную чашку.—Молока въ ней мало, и я совсѣмъ не могла бы предложить его тебѣ, еслибъ Филонъ ѣлъ, какъ другія дѣти; но ему точно больно глотать. Онъ выпьетъ нѣсколько капель, съѣстъ кусочекъ, и потомъ ничего уже не хочетъ, хотя иной разъ и побьешь его за это.

— Ты опять била его?—спросила Клея съ упрекомъ и прижала къ себѣ ребенка.

Digitized by Google

— Не я, а мужъ... — отвѣчала мать, перебирая складки своего платья. — Мальчикъ родился въ счастливый день и счастливый часъ, а все-таки остается слабымъ, не умѣетъ говорить, а это сердитъ Піанхи.

— Онъ опять все испортитъ! — вскричала Клеа. — Гдѣ онъ?

— Его позвали въ храмъ.

— Развѣ не радуетъ его уже одно то, что мальчикъ зоветъ его «папой», тебя — «мамой», и меня называетъ по имени, да и умѣетъ различать кое-что? — спросила Клеа.

— Какъ не радовать! — отвѣчала жена. — Мужъ говоритъ, что ты учишь мальчугана говорить, точно скворца, и мы тебѣ благодарны за это.

— Благодарности мнѣ не нужно, прервала ее Клеа; но я требую, чтобъ вы не бранили и не наказывали мальчугана, да радовались бы вмѣстѣ со мною, видя, какъ пробуждается мало-по-малу его бѣдная дремлющая душа. Если вы будете поступать съ нимъ такъ, то придетъ время, когда и этотъ малашка будетъ понятливъ и уменъ. Какъ зовутъ меня, мальчикъ?

— Ке-ея, — отвѣчалъ маленькій Филонъ и улыбнулся своей пріятельницѣ.

— Теперь отвѣдай вотъ этого, что у меня въ рукахъ. Что это такое? Я вижу по лицу, что ты знаешь, что это. Это... Ну, скажи мнѣ на ушко. Такъ, такъ, — мо-ло-ко, вотъ какой ты молодецъ! Это — молоко, и зовется молокомъ. Ну, раскрой ротикъ и хорошенько повтори за мной — еще разъ, еще, а если скажешь двѣнадцать разъ, то я тебя поцѣлую. Молодецъ! Цѣлую тебя и въ это и еще въ другое мѣсто. А это что такое? Твое у — у-хо! Славно! А это — твой носъ!

Глаза мальчика свѣтились все ярче и ярче во время этого дружескаго урока, и ни онъ, ни Клеа не чувствовали усталости, когда, часъ спустя, раздался призывный ударъ въ мѣдную доску, долго потомъ отдававшійся въ воздухѣ.

Клеа хотѣла уйти, но мальчикъ съ плачемъ поплелся за нею; она взяла его на руки, передала матери и поспѣшила въ свою каморку, чтобы одѣться и одѣть сестру къ предстоявшей церковной процессіи.

На пути домой, ей припомнилось и недавнее посѣщеніе храма, и ея молитва.

— Передъ святилищемъ, — проговорила она, — я не могла освободить мою душу отъ того, что смущало ее, а теперь, потрудившись съ мальчикомъ, я чувствую себя легко. Божество, по-моему, можетъ избирать своимъ святилищемъ все чистое, а

Digitized by Google

развѣ душа ребенка не чище жертвенника, передъ которымъ истина предается поруганію?

Процессія, къ которой готовились сестры, привлекла въ храмъ и дворъ и иностранцевъ; тутъ были и римлянинъ Сципіонъ Назика, и грекъ Лизій. Но гордый и юный римскій патрицій напрасно старался привлечь вниманіе Клеи; она холодно избѣгала его взгляда, она нарочно не смотрѣла на него, чтобъ подавить въ себѣ нечистыя желанія. Серьёзная и цѣльная, она не хотѣла играть привязанностью, которая казалась ей мимолетною для заѣзжаго иноземца, случайно обратившаго на нее свое благосклонное вниманіе. Иначе относилась бойкая и рѣзвая Ирена къ любезностямъ Лизія. Послѣ процессіи, когда Клеа возвратилась въ свое жалкое жилище, Ирена, пришедшая раньше, уже сидѣла въ углу, закрывъ лицо руками, и тихо вздыхала.

— Что съ тобой? — спросила Клеа, заботливо подойдя къ плачущей сестрѣ, склонившись къ ней и стараясь ободрить ее.

— Оставь меня, — проговорила рыдающая Ирена, быстро отвернувшись отъ нея и, какъ упрямый ребенокъ, избѣгая ея ласки.

Потомъ, когда Клеа заботливо и нѣжно коснулась ея волосъ рукою, чтобъ успокоить огорченную сестру, Ирена рѣзко встала и съ досадой громко сказала сквозь слезы:

— Мнѣ оставалось только плакать и плакать, вотъ уже цѣлый часъ. Послѣ процессіи, Лизій дружески заговорилъ со мною, а ты, ты не хочешь и знать меня и оставляешь меня такъ долго одну въ этой пыльной, противной норѣ. Нѣтъ, я больше не выдержу здѣсь, и если вы хотите задержать меня силой, я убѣгу изъ этого храма. Тамъ, на свободѣ, свѣтло и отрадно, здѣсь же все — мрачно, страшно.

Пока этотъ ребенокъ плакалъ о Лизіѣ и своемъ безотрадномъ существованіи въ мертвой обстановкѣ храма, пока Сципіонъ, удивленный высокомѣрнымъ равнодушіемъ старшей сестры во время процессіи, бесѣдовалъ съ покровителемъ сестеръ, отшельникомъ Серапіономъ, отдѣлившись отъ двора и его свиты, въ мемфисскомъ дворцѣ Птолемеевъ текла обычнымъ порядкомъ жизнь совсѣмъ иного рода, жизнь дворскихъ интригъ, причудливой роскоши, властолюбія и раболѣпства.

За бѣлой стѣной, окружавшей крѣпость Мемфиса съ ея бастіонами и насыпями, стоялъ старый царскій дворецъ, великолѣпное, выкрашенное за-ново, кирпичное зданіе съ безчисленными двориками, ходами, комнатами, залами, верандообразными, пестро расписанными деревянными пристройками и прелестнымъ, изо-

Digitized by Google

сильно уставленными колоннами, монументальным зданіемъ въ греческомъ вкусѣ.

Роскошные сады окружали дворецъ со всѣхъ сторонъ, и цѣлая стая рабочихъ ухаживала за цвѣтниками и тѣнистыми аллеями, кустами и деревьями, содержала пруды въ чистотѣ и кормила въ нихъ рыбъ, смотрѣла за парками, въ которыхъ жили четвероногіе всѣхъ видовъ, отъ тяжело выступающаго слона до легкой антилопы, и гдѣ можно было встрѣтить въ большомъ изобиліи пестрыхъ птицъ изъ разныхъ странъ.

Отъ великолѣпно устроенныхъ купальныхъ залъ поднимался легкій бѣлый паръ, изъ псарней раздавался громкій лай, изъ длинныхъ, открытыхъ конюшенъ—ржаніе коней, топотъ копытъ и звонъ цѣпей.

Къ старому дворцу примыкали новое зданіе въ формѣ полукруга—театръ и множество большихъ палатокъ для стражи, пословъ и писцовъ; другія палатки, служившія столовыми для придворныхъ, возвышались среди садовъ и внѣ окружавшихъ сады стѣнъ.

Солдатамъ было отведено большое пространство, отдѣлявшее улицы города отъ царскаго дворца и по сторонамъ котораго, подлѣ тѣнистыхъ дворовъ, стояли казармы и тюрьмы. Другіе солдаты помѣщались въ палаткахъ, плотно примыкавшихъ къ самымъ стѣнамъ дворца.

Звонъ ихъ оружія и звуки греческой команды офицеровъ долетали какъ разъ въ это время до комнатъ царицы, находившихся на-верху, потому что Клеопатра любила проводить лѣто въ прохладныхъ палаткахъ, возвышавшихся на плоской крышѣ дворца, богато украшенной мраморными статуями, среди широколиственныхъ растеній юга и цѣлой рощи цвѣтущаго кустарника.

Одинъ только ходъ велъ въ это обставленное царскою пышностью убѣжище, день и ночь освѣжаемое тихими вѣтрами съ рѣки, куда не могъ проникнуть ни одинъ непризванный и нарушить покой царицы своимъ появленіемъ: внизу широкой лѣстницы, которая вела на крышу, стояли ветераны изъ македонскаго дворянства, обязанные столь же безусловнымъ повиновеніемъ Клеопатрѣ, какъ и самому царю.

Эта дворянская стража смѣнялась при закатѣ солнца, и царица слышала команду ея офицеровъ и стукъ щитовъ, ударявшихъ о мечи и каменный полъ, потому что вышла изъ своей палатки на вольный воздухъ и смотрѣла на западъ, гдѣ заходящее солнце заливало чудными красками желтую, изобилующую могилами и совершенно обнаженную цѣпь известковыхъ ливій-

Digitized by Google

скихъ горъ и группы пирамидъ; эти краски мало-по-малу зарумянивали легкія серебристыя облака на ясномъ небосклонѣ мемфисской долины и окаймляли ихъ золотистыми краями.

Царица, вышедшая теперь изъ своихъ покоевъ въ сопровожденіи молодой гречанки, бѣлокурой Зои, дочери придворнаго сановника Зенодота, которую она любила больше всѣхъ подругъ дѣтства, — царица, хотя и смотрѣла на западъ, но оставалась безучастною къ прелести этого великолѣпнаго зрѣлища; прикрывъ ладонью глаза, ослѣпленные солнечнымъ блескомъ, она сказала Зоѣ:

— И куда это дѣлся Сципіонъ! Когда мы садились въ колесницы, чтобъ уѣхать изъ храма, онъ исчезъ, и сколько ни смотрѣла я на дорогу во владѣнія Сокари и Сераписа, я не замѣтила ни его колесницы, ни колесницы Эвлая, который долженъ былъ сопровождать его. Не совсѣмъ учтиво исчезать такимъ образомъ, не откланявшись; я могла бы назвать это неблагодарностью, потому что обѣщала разсказать ему на обратномъ пути о моемъ братѣ Эвергетѣ, который пріѣхалъ сегодня въ Мемфисъ съ своими друзьями; его онъ еще совсѣмъ не знаетъ: Эвергетъ былъ въ Киренѣ, когда Публій Корнелій Сципіонъ посѣтилъ Александрію. Ты видишь черную тѣнь — вонъ тамъ, около какемскихъ виноградниковъ? Можетъ быть, это онъ. Но нѣтъ, ты права, это — птицы, стаей перелетающія дорогу. Не видно ли что-нибудь еще? Нѣтъ? А у насъ обѣихъ молодые и острые глаза! Любопытно, понравится ли Эвергетъ Публію Сципіону. Едва ли существуютъ болѣе противоположные люди, а между тѣмъ и у нихъ есть что-то общее.

— Оба они мужественны и съ характеромъ, — прервала Зоя царицу и при этомъ посмотрѣла на нее, какъ-бы ожидая одобренія.

— Именно, — гордо проговорила Клеопатра. — Мой братъ еще такъ молодъ, что еслибъ онъ не былъ царскимъ сыномъ, то считался бы почти мальчикомъ, несовершеннолѣтнимъ юношей, однако и между старыми нѣтъ равнаго ему твердостью воли и необузданной дѣятельностью. Еще прежде, чѣмъ я вышла за Филометора, онъ уже взялъ въ свои руки Александрію и Кирену, которая по праву должна принадлежать моему мужу, старшему изъ насъ троихъ. Онъ поступилъ тогда не по-братски, и мы имѣли бы еще другія причины сердиться на него; но когда я вновь увидѣла его девять мѣсяцевъ тому назадъ, пришлось забыть все это и привѣтствовать его, точно этотъ юный титанъ, способный взвалить Пеліонъ на Оссу, дѣлалъ только добро и мнѣ, и своему брату, который, однако же, мой мужъ

Digitized by Google

по обычаю фараоновъ и нашего дома. Я, конечно, знаю, какъ часто онъ бываетъ просто дикъ и безмѣрно необузданъ, но я легко прощаю ему, потому что и въ моихъ жилахъ течетъ быстрая кровь, и всѣ его выходки объясняются свойственной ему силой, настоящей, крѣпкой силой. А именно такой силѣ и поклоняемся мы всего больше въ мужчинахъ, какъ единственному дару, которымъ скудно надѣлили насъ боги. Жизнь всегда ставитъ преграды слишкомъ стремительнымъ потокамъ, но я сомнѣваюсь, чтобъ ей удалось остановить его бурные порывы. Такіе люди быстро идутъ впередъ и остаются крѣпки до конца, который рано или поздно вдругъ настигаетъ ихъ, а дикій и бурный потокъ мнѣ пріятнѣе, чѣмъ узенькая рѣчка долины: она никому не вредитъ и, чтобы жить подольше, обращается въ болото. Если кому-нибудь можно простить бурные порывы, то именно ему, потому что безмѣрны и поразительны не только его недостатки — скажу прямо—пороки, но и крупныя, чарующія стараго и молодого, хорошія его стороны. Кто же превосходитъ его въ Греціи и Египтѣ остроуміемъ и силой таланта?

— Ты можешь гордиться имъ,—сказала Зоя.—Такого полета, какой у Эвергета, нѣтъ и у Публія Сципіона.

— За то ему не дана твердая, спокойная увѣренность Публія. Человѣку, въ которомъ соединились бы лучшія качества этихъ двухъ людей, не въ чемъ было бы уступать богамъ.

— Онъ былъ бы единственнымъ совершеннымъ человѣкомъ между нами, несовершенными смертными,—замѣтила Зоя.—Но боги не могутъ терпѣть совершенныхъ людей: имъ пришлось бы тогда принять на себя неудобный трудъ соперничать съ своими созданіями.

— Вотъ приближается существо, которое не въ чемъ упрекнуть!—воскликнула молодая царица, идя навстрѣчу богато одѣтой пожилой женщинѣ; она вела къ ней ея сына, блѣднаго двухлѣтняго мальчика.

Нѣжно, но съ лихорадочной рѣзкостью, ухватилась мать за ребенка, чтобы взять его на руки; но впечатлительный мальчикъ, сначала улыбавшійся своей матери, теперь испугался, быстро отвернулся отъ нея и сталъ прятать свое узенькое личико въ платье знатной мамки, цѣпляясь при этомъ за нее своими ручонками.

Царица тотчасъ упала на колѣни, взяла мальчика за плечи и пыталась сначала лаской, потомъ силой отвлечь его отъ мамки; но хотя послѣдняя, бывшая прежде и кормилицей мальчика, старалась помочь ей своими увѣщаніями, испуганный ре-

Digitized by Google

бенокъ принялся горько плакать, и тѣмъ упорнѣе отталкивать ласки матери, чѣмъ рѣзче она старалась привлечь его къ себѣ.

Наконецъ, мамка высоко подняла маленькаго царевича и хотѣла передать его матери; но тутъ плачъ раздраженнаго ребенка, судорожно уцѣпившагося за шею кормилицы, перешелъ въ громкій крикъ.

Въ самый разгаръ этой неискусной борьбы матери съ упорствомъ сына раздались на дворцовомъ дворѣ стукъ колесъ и топотъ копытъ. Царица, заслышавъ ихъ, тотчасъ отвернулась отъ кричавшаго ребенка, поспѣшила на край крыши и закричала Зоѣ:

— Публій Сципіонъ ѣдетъ! Мнѣ нужно скорѣе одѣваться къ праздничному пиру. Упрямый мальчикъ все еще не слушается! Унеси его, Праксиноя, и знай, что я недовольна тобою. Ты отъучаешь отъ меня моего сына, чтобы расположить въ свою пользу будущаго царя. Это гадко и доказываетъ только, какая ты неумѣлая въ своемъ дѣлѣ. Обязанности кормилицы исполнены тобой, но я буду искать и найду другую мамку для сына. Пожалуйста, безъ возраженій и слезъ! Довольно мнѣ было и дѣтскаго крика!

Съ этими громко и порывисто произнесенными словами, Клеопатра отвернулась отъ пораженной какъ громомъ Праксиноя, жены знатнаго македонца, и возвратилась въ свой шатеръ, въ которомъ только-что были поставлены на столики изящной работы зажженные многоручные свѣтильники.

Эти послѣдніе, какъ и вся утварь въ уборной царицы, были сдѣланы изъ блестящей слоновой кости, красиво выдѣлявшейся на голубомъ полотнѣ шатра съ вытканными серебряными лиліями и колосьями, и на тигровыхъ шкурахъ, которыми были обтянуты всѣ подушки и обложены на полу мягкіе бѣлые, окаймленные голубымъ меандромъ ковры.

Царица кинулась на сидѣнье передъ своимъ туалетомъ, долго смотрѣлась въ зеркало, точно въ первый разъ видѣла свое лицо и свои густые красноватые волосы, и сказала, обращаясь въ половину къ Зоѣ, на половину къ своей любимой аѳинской горничной, стоявшей вмѣстѣ съ другой прислугой за ея сидѣньемъ:

— Какъ глупо, что мы окрасили мои темные волосы въ свѣтлый цвѣтъ; теперь надо такъ оставить, потому что Сципіонъ, ничего не подозрѣвающій о нашемъ искусствѣ, нашелъ этотъ цвѣтъ рѣдкимъ и красивымъ, а ему совсѣмъ не нужно знать его происхожденіе. И Лизій, и римлянинъ, называютъ варварскою ту египетскую прическу съ головою коршуна, что такъ нравится царю, и такъ назоветъ ее всякій, кому нѣтъ дѣла до

Digitized by Google

египетскихъ вкусовъ. Но сегодня мы проводимъ вечеръ въ кругу близкихъ людей, и я надѣну золотой колосистый вѣнокъ съ виноградными кистями изъ сафира. Не будетъ ли красиво, Зоя, надѣть при этомъ уборѣ прозрачное шелковое платье, полученное вчера изъ Коса? Но я не могу надѣть его, оно слишкомъ легко и прозрачно, ничего не прикрываетъ, а именно теперь мнѣ недостаетъ необходимой полноты. На шеѣ у меня опять замѣтны жилы, локти заострились, я стала легче прежняго. Это все отъ вѣчныхъ огорченій, отъ волненія и заботъ. Какъ много пришлось мнѣ вчера волноваться въ совѣтѣ, потому что мужъ все уступалъ, на все соглашался и хотѣлъ быть сговорчивымъ. Всякій разъ, когда нужно отказывать, мое вмѣшательство необходимо, какъ ни досадно мнѣ вмѣшиваться такимъ образомъ, какъ ни безсмысленно то, что я принуждена обращать на себя ропотъ, обыкновенно возбуждаемый разочарованіемъ и отказомъ, и выдавать себя за жесткую и безсердечную женщину, сохраняя моему мужу сомнительную славу мягкосердечнѣйшаго, добрѣйшаго изъ всѣхъ людей и царей. У моего сына есть своя воля, и это приводитъ къ волнующимъ сценамъ; но такъ все-таки лучше, чѣмъ еслибы Филопаторъ бросался всѣмъ въ объятія. Воспитаніе мальчика должно бы состоять прежде всего въ томъ, чтобъ его учили говорить: «нѣтъ». Я и сама часто говорю: «да», гдѣ бы не слѣдовало этого дѣлать, но я—женщина, а мы гораздо красивѣе, когда уступаемъ, чѣмъ когда противодѣйствуемъ. Красота для насъ первое дѣло. Остановимся же на этомъ свѣтло-голубомъ платьѣ и положимъ на него сѣть золотыхъ нитокъ съ сафирами, на узлахъ. Этотъ нарядъ отлично подойдетъ къ головному убору. Осторожнѣе съ гребнемъ, Таиса, мнѣ больно! Я не могу больше болтать. Зоя, дай мнѣ тотъ свитокъ. Я чувствую потребность привести немного въ порядокъ мои мысли, прежде чѣмъ сойду внизъ, чтобы бесѣдовать съ мужчинами за пиромъ. Когда побываешь въ обители смерти, посѣтишь Сераписа и вспомнишь о безсмертіи нашей души и о судьбѣ ея за гробомъ, то охотно перечитываешь сказанное пріятнѣйшимъ изъ всѣхъ мыслителей о подобныхъ предметахъ. Начни отсюда, Зоя!

Подруга дѣтства Клеопатры дала знакъ праздно стоявшимъ горничнымъ, чтобъ онѣ удалились, опустилась на низенькую подушку противъ царицы и принялась читать толково, видимо привычнымъ голосомъ, прерываемая только звукомъ перебираемыхъ драгоцѣнностей, шуршаньемъ рѣдкихъ матерій, каплями маслъ и эссенцій, упадавшими съ хрустальныхъ чашъ, краткими,

Digitized by Google

произносимыми шопотомъ вопросами дѣвушки, убиравшей царицу, и не менѣе быстрыми и тихими отвѣтами послѣдней.

Всѣ, не занятыя особой царицы, а ихъ было до двадцати женщинъ всякаго возраста, стояли кругомъ вдоль стѣнъ обширнаго шатра или сидѣли на полу на подушкахъ, и недвижно ожидали той минуты, когда очередь служить дойдетъ и до нихъ, точно очарованныя магическимъ словомъ волшебника. Онѣ переговаривались между собою только словами и пальцами: онѣ знали, что царица не любила, когда ей мѣшали слушать чтеніе, и не затруднялась ни минуты выбрасывать, какъ жмущій ногу башмакъ или порванную струну, все то, что̀ въ какомъ-нибудь отношеніи шло наперекоръ ея желаніямъ и прихоти.

Черты ея были неправильны и остры, ея челюсть и губы, за которыми блестѣли бѣлоснѣжные, но далеко расходившіеся зубы, были слишкомъ развиты; но пока она напрягала свой сильный умъ, и съ блестящими глазами, похожими на глаза ясновидящей, съ полу-раскрытыми устами прислушивалась къ словамъ Платона, — это придавало ей какую-то невыразимую, тонкую привлекательность, исходившую какъ-бы изъ лучшаго, высшаго міра. Она была гораздо красивѣе въ эти минуты, чѣмъ теперь, когда ее совсѣмъ одѣли. Зоя отложила Платона въ сторону, и прислужницы окружили царицу, громко расточая передъ нею безмѣрную лесть.

Клеопатра любила сильныя хвалы, и для того, чтобъ она могла наслаждаться удивленіемъ многихъ, число женщинъ около ея туалета было всегда велико. Со всѣхъ сторонъ подносили ей зеркала, поправляли складки ея одежды и снурки ея сандалій, украшенныхъ драгоцѣнными камнями.

Однѣ превозносили густоту ея волосъ, другія стройность ея стана, нѣжность суставовъ и миніатюрность ея дѣтскихъ ручекъ и ножекъ.

Одна дѣвушка обращала вниманіе другой—но такъ громко, что царица это слышала—на блескъ ея глазъ, который, по мнѣнію льстившей, чище воды сафира на челѣ и одеждѣ царицы, а аѳинянка Таиса увѣряла, что царица пополнѣла, потому что сегодня было уже не такъ легко застегнуть золотой ея поясъ, какъ десять дней тому назадъ.

Царица кивнула головой, Зоя бросила серебряный шарикъ въ изящно отдѣланный тазъ изъ того же металла, и у входа въ шатеръ вскорѣ послышались шаги стражи.

Клеопатра вышла на воздухъ, окинула быстрымъ взглядомъ крышу, ярко освѣщенную смолой и факелами, мраморныя

Digitized by Google

статуи, выдѣлявшіяся своею ослѣпительной бѣлизной на темномъ фонѣ зелени, и, не оглянувшись на шатеръ, гдѣ спали ея дѣти, подошла къ носилкамъ, внесеннымъ для нея на крышу и опущеннымъ молодыми македонскими дворянами.

Зоя и Таиса поддержали ее, когда она садилась на носилки; подруги ея дѣтства, служанки и другія женщины, сбѣжавшіяся изъ сосѣднихъ шатровъ, стали рядами по обѣимъ сторонамъ ея пути и разразились словами удивленія и восторга, когда царица, высоко приподнятая носильщиками, величественно покачивалась надъ ними.

Брилліанты на ручкѣ сложеннаго изъ перьевъ опахала Клеопатры заблистали, когда она кивнула своимъ женщинамъ съ тою милостивой снисходительностью, которая всегда напоминаетъ привѣтствуемымъ, какъ велико разстояніе между ними и привѣтствующимъ. Каждое движеніе ея руки было царственно гордо и разсчитано, а въ глазахъ свѣтились ни чѣмъ не сдерживаемое и не прикрытое наслажденіе молодой женщины красивымъ нарядомъ, довольство собственной особой и ожиданіе веселыхъ, праздничныхъ часовъ.

II.

На царскій пиръ, гдѣ готовилась блистать въ тотъ день Клеопатра, съѣхались лишь избранные гости, въ томъ числѣ — братъ Филометора, Эвергетъ, пріѣхавшій изъ Александріи съ оффиціальной цѣлью праздновать завтра свое рожденье въ Мемфисѣ, а въ самомъ дѣлѣ—для сверженія брата и соединенія всего Египта подъ своею властью. Этотъ юноша, соединявшій самое утонченное образованіе съ коварствомъ и нахальствомъ безсердечнаго тирана, хитрый и безмѣрно самодовольный, проводилъ цѣлые часы въ александрійскомъ музеѣ, бесѣдовалъ и работалъ съ Аристархомъ, и въ то же время точилъ на брата ножъ, за-одно съ его, повидимому, вѣрнымъ слугою Эвлаемъ.

Фигура Эвергета—одна изъ самыхъ удачныхъ и живыхъ фигуръ романа. Читая сцены, въ которыхъ онъ участвуетъ, вы видите его передъ собой. Замысливъ свергнуть брата, онъ не сошелся однако съ Сципіономъ; на пиру, гдѣ Клеопатра расточала свои чары передъ юнымъ римляниномъ, они обмѣнялись колкостями, съ-разу показавшими, что они антипатичны другъ другу. И вотъ, Эвергетъ поручаетъ своему сообщнику Эвлаю убить знатнаго и вліятельнаго римлянина такъ, чтобы можно было скрыть убій-

Digitized by Google

ство и приписать смерть Сципіона нападенію звѣрей или укушенію змѣи. Хитрый грекъ боится Рима, но чѣмъ больше онъ его боится, тѣмъ тоньше и хитрѣе старается провести его. Эвлай передался ему, чуя свое скорое паденіе. Сципіонъ взялся передать Клеопатрѣ прошеніе Сераціона о двухъ сестрахъ и ихъ родителяхъ, сосланныхъ по лживому извѣту евнуха.

На пиру Лизій предложилъ на завтрашній торжественный день исполнить во дворцѣ одну изъ тѣхъ художественныхъ группъ, которыя сохранились отъ великихъ художниковъ въ живописи или скульптурѣ. То было нѣчто въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ живыхъ картинъ. Лизій указалъ на малоизвѣстную древнюю мраморную группу одного крупнаго пелопоннезскаго художника, сохранившуюся на колодцѣ его отцовскаго дома въ Коринѳѣ. Въ бытность свою въ Коринѳѣ, Сципіонъ былъ очарованъ этою группой, изображающей бракъ Геракла съ Гебой, возведеннаго въ боги героя съ вѣчною юностью. Группа эта была вырѣзана въ Коринѳѣ на камнѣ по заказу Сципіона, и онъ привезъ ее съ собою. Эвергетъ согласенъ изображать Геракла, Клеопатра также беретъ на себя роль богини Пейто; но они хотятъ, чтобъ Геба была непремѣнно красива, и очень красива, и Лизій указываетъ на Ирену, какъ на лучшую Гебу, какую только можетъ представить себѣ его воображеніе. Клеопатрѣ не нравится этотъ выборъ. Она брезглива,—а ей придется въ группѣ касаться Гебы рукой; но Эвергетъ настаиваетъ, довѣряя вкусу Лизія, и царица соглашается; не желая однако раздражать египетское духовенство, она хочетъ предварительно получить согласіе верховнаго жреца.

Самъ Лизій скоро испугался своего указанія на Ирену. Онъ не былъ равнодушенъ къ ней; а плотоядный Эвергетъ возбуждалъ и въ немъ, и въ Сципіонѣ, самыя серьёзныя опасенія. Обдумавъ возможныя послѣдствія неосторожности Лизія, они рѣшились спасти Ирену, увезти ее изъ храма прежде, чѣмъ за ней пришлютъ изъ дворца, и помѣстить ее въ знакомомъ семействѣ художника Аполлодора.

Въ то время, когда они совѣщались объ этомъ, колесница за колесницей выѣзжала изъ высокихъ воротъ царскаго дворца въ объятый сномъ городъ.

Въ большой пиршественной залѣ стало тихо, и чернокожіе невольники уже принялись, при скудномъ свѣтѣ нѣсколькихъ непотушенныхъ лампъ, чистить метлами и губками мозаичный полъ, осыпанный листьями, упавшими съ вѣнковъ изъ розъ, плюща и тополя, и тускло свѣтившійся пролитымъ виномъ.

Digitized by Google

Въ углу сидѣлъ юный флейтистъ, отуманенный сонливостью и виномъ.

Вѣнокъ изъ тополя, украшавшій его голову, соскользнулъ съ его лба на красивое лицо, но флейту онъ и во снѣ крѣпко держалъ въ своихъ пальцахъ.

Прислуга оставляла его спать и равнодушно возилась около него; только одинъ надсмотрщикъ указалъ на него пальцемъ и проговорилъ со смѣхомъ:

— И товарищи его ушли домой не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ этотъ молодецъ. Онъ и красивъ, да и любовникъ красавицы Хлои; та напрасно будетъ ждать его сегодня.

— А, можетъ быть, и завтра, — возразилъ другой. — Если «толстякъ» увидитъ ее, то она ужъ не услышитъ больше бѣдняка Дамона.

А «толстякъ», какъ называли жители Александріи и вообще египтяне царя Эвергета, помышлялъ въ это время совсѣмъ не о Хлоѣ.

Онъ находился въ купальнѣ, принадлежавшей къ его великолѣпно устроенному жилищу.

Совершенно раздѣтый, стоялъ онъ въ теплой влагѣ, наполнявшей большой бассейнъ изъ бѣлаго мрамора. На свѣтлой поверхности благоуханной воды отражались статуи юныхъ нимфъ, бѣгущихъ отъ влюбленныхъ сатировъ, и яркій свѣтъ многочисленныхъ, привѣшенныхъ къ потолку, свѣтильниковъ.

По одну сторону бассейна лежала бородатая фигура бога Нила, на которой копошились, къ своему и отцовскому удовольствію, шестнадцать дѣтскихъ фигуръ, олицетворявшихъ число локтей, необходимыхъ рѣкѣ для того, чтобы давать хорошую жатву.

Изъ вазы, въ которую почтенный старецъ упирался рукою, бѣжала обильная струя холодной воды, которую принимали пять юношей въ стройные алебастровые сосуды, чтобы выливать ее на голову, на цѣлыя горы мускуловъ, покрывавшихъ грудь, спину и руки юнаго купавшагося царя.

— Еще, еще, еще! — кричалъ Эвергетъ, такъ какъ юноши замедляли черпаніе и изливаніе влаги, и когда на него былъ вылитъ новый потокъ воды, онъ запыхтѣлъ отъ удовольствія; крупныя брызги разлетались отъ него во всѣ стороны, когда бурное дыханіе его легкихъ коснулось ниспадавшей на него влаги.

Наконецъ, онъ громко закричалъ: «Довольно!» — ринулся всей своей тяжестью въ воду, которой брызги поднялись при этомъ

Digitized by Google

такъ высоко, точно въ нее бросили кусокъ утеса,—пробылъ нѣкоторое время подъ водою и потомъ поднялся по мраморнымъ ступенькамъ изъ купальни, бойко и сильно тряхнулъ головой, чтобы съ мальчишескимъ высокомѣріемъ замочить друзей, слугъ, стоявшихъ на краю бассейна, далъ завернуть себя въ бѣлоснѣжныя, тончайшія ткани, спрыснуть драгоцѣнными благоуханіями и вошелъ въ небольшую комнату, обложенную пестрыми коврами.

Тутъ онъ бросился въ груду мягкихъ подушекъ и сказалъ, вздохнувъ глубоко:

«Теперь мнѣ хорошо, и я опять свѣжъ, какъ дитя, еще не вкушавшее ничего, кромѣ молока своей матери. Пиндаръ правъ! Нѣтъ ничего лучше воды! Она тушитъ жгучій пылъ, зажигаемый виномъ въ нашихъ головахъ и нашемъ сердцѣ. Много ли глупостей наговорилъ я передъ тѣмъ, Гіераксъ?

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, начальникъ войскъ и личный другъ царя, бросилъ вопросительный взглядъ на остальныхъ присутствовавшихъ; но такъ какъ Эвергетъ приказалъ говорить ему не смущаясь, то онъ отвѣчалъ:

— Вино никогда не обезсиливаетъ до глупости такой умъ, каковъ твой, но ты былъ неосторожень. Было бы чудомъ, еслибъ Филометоръ не замѣтилъ...

— Прелестно!—остановилъ его царь и приподнялся на своихъ подушкахъ. Гіераксъ и ты, Команъ, останетесь здѣсь; другіе пусть уйдутъ. Только не уходите слишкомъ далеко, чтобъ быть подъ рукою, если вы будете мнѣ нужны. Наступаютъ дни, въ которые должно случиться очень много, что обыкновенно совершается только годами.

Отпущенные удалились; только знатный македонянинъ, одѣвавшій царя, въ нерѣшительности остановился въ дверяхъ, но Эвергетъ подалъ и ему знакъ удалиться и крикнулъ ему вслѣдъ:

— Я свѣжъ и совсѣмъ не лягу спать сегодня. Черезъ три часа послѣ разсвѣта я ожидаю Аристарха для работы. Приготовь привезенныя мною рукописи. Ждетъ ли евнухъ Эвлай въ передней? Да? Тѣмъ лучше! Теперь мы останемся одни, мои умные друзья, Гіераксъ и Команъ, и я долженъ открыться вамъ, что на этотъ разъ отъ слишкомъ большого ума вы кажетесь мнѣ совсѣмъ неумными. Быть умными значитъ неограниченно властвовать надъ широкимъ умственнымъ горизонтомъ, и притомъ такъ, чтобы близкое такъ же мало противилось намъ, какъ и далекое; быть неумнымъ значитъ видѣть только то или другое. Ограниченнымъ умамъ бываетъ доступно лишь то, что лежитъ

Digitized by Google

подлѣ; наоборотъ, глупцамъ и фантастамъ—то, что̀ далеко. Я не порицаю васъ, потому что и у мудреца выдаются глупые часы; но сегодня вы, очевидно, забываете ближайшее изъ-за далекаго, и потому спотыкаетесь. Еслибъ вы не впали въ эту ошибку, то не дивились бы, какъ я замѣтилъ, моему восклицанію: «Прелестно!» Слушайте внимательно. Филометоръ и сестра моя отлично знаютъ, какъ я настроенъ и чего они могутъ ждать отъ меня. Еслибъ я надѣлъ себѣ на носъ маску довольнаго человѣка, удовлетвореннаго тѣмъ, что̀ онъ имѣетъ, то они были бы удивлены и стали бы подозрѣвать меня; я же показалъ себя именно такимъ, какимъ былъ всегда и даже грубѣе обыкновеннаго, и такъ открыто высказывалъ мои желанія, что они могутъ ждать отъ меня всякаго насилія въ будущемъ, но едва ли ожидаютъ хитраго нападенія завтра же: кто замышляетъ напасть на непріятеля съ тылу, тотъ шумѣть не станетъ. Еслибъ я вѣрилъ въ ваше ученіе о добродѣтели, то и я былъ бы того мнѣнія, что нападеніе сзади не представляетъ ничего особенно краснваго, потому что и я охотнѣе смотрю людямъ въ лицо, чѣмъ въ спину, особенно моему брату и сестрѣ — вѣдь они благовоспитанные люди. Но что же дѣлать? Лучшимъ, въ концѣ-концовъ, остается всегда тотъ, за кѣмъ остается побѣда, кто выигрываетъ игру. Избранный мною способъ борьбы найдетъ себѣ защитниковъ и между мудрыми. Кто хочетъ ловить мышей, тому нужно сало; кто хочетъ заманить въ свои сѣти людей, тотъ долженъ знать, какъ они чувствуютъ и мыслятъ, и прежде всего стараться спутать ихъ. Быкъ всего менѣе опасенъ тогда, когда онъ бѣжитъ разъяренный, а двуногій противникъ его тогда, когда онъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и ощупью бѣжитъ то направо, то налѣво. Спасибо за вашу помощь, потому что я заслужилъ ее, и надѣюсь отплатить тебѣ за нее, мой Гіераксъ. Я жажду выслушать твое донесеніе. Поправь мнѣ подушку подъ головой и начинай.

— Мнѣ кажется, все идетъ отлично,—отвѣчалъ военачальникъ. —Наши отборныя войска, гетеры и діадохи, двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, уже въ дорогѣ, и завтра утромъ станутъ лагеремъ на сѣверѣ отъ Мемфиса. Пятьсотъ человѣкъ проникнутъ въ крѣпость съ жрецами и другими, чтобы поздравить тебя съ днемъ рожденія; остальныя двѣ тысячи будутъ скрыты въ палаткахъ. Начальникъ филобазилистовъ твоего брата подкупленъ и теперь за насъ; но онъ обошелся дорого: Команъ долженъ былъ предложить ему двадцать талантовъ, прежде чѣмъ тотъ пошелъ на удочку.

— Онъ получитъ ихъ—со смѣхомъ произнесъ царь,—и со-

Digitized by Google

хранить ихъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ вздумается признать его подозрительнымъ и наградить по заслугамъ, конфисковавъ его имущество. Что дальше?

— Чтобъ усмирить возстаніе въ Θивахъ, Филометоръ отправилъ третьяго дня своихъ лучшихъ наемниковъ, отряды Дефилая и Арсиное. Не дешево стоило, конечно, навербовать зачинщиковъ и поднять возстаніе.

— Мой братъ покроетъ эти издержки, когда мы пересыплемъ его казну въ нашу,—прервалъ Эвергетъ. Дальше!

— Всего труднѣе будетъ намъ справиться съ жрецами и евреями. Жрецы держатся за Филометора, потому что онъ старшій сынъ твоего отца и сдѣлалъ много дареній храмамъ въ Аполлинополѣ и Филахъ; евреи любятъ его за то, что онъ ласкаетъ ихъ чуть ли не больше, чѣмъ грековъ, вмѣстѣ съ своею супругой, твоей высокой сестрой, вмѣшивается въ ихъ пустые религіозные споры, разсуждаетъ съ ними объ ихъ вѣрѣ и за столомъ ни съ кѣмъ не бесѣдуетъ такъ охотно, какъ съ ними.

— Я пошлю имъ вино и яства, которыми они тутъ упиваются,—сильно крикнулъ Эвергетъ.—Сегодня я уже не пустилъ ихъ къ столу, потому что у нихъ зрячіе глаза и умы, заостренные такъ же тонко, какъ и еврейскіе носы. Всего опаснѣе они тамъ, гдѣ имъ есть чего бояться или есть чѣмъ поживиться. Нельзя однакоже отказать имъ въ преданности и цѣпкости, и такъ какъ большинство между ними люди имущіе, то они рѣдко бываютъ за-одно съ крикливой толпой, особенно въ Александріи. Въ томъ, что они прилежны и предпріимчивы, можетъ упрекать ихъ только зависть, потому что примѣръ евреевъ и ихъ финикійскихъ соплеменниковъ поднялъ дѣятельность эллиновъ. Всего лучше живется имъ въ спокойные дни, и такъ какъ подъ властью моего брата и сестры спокойнѣе, чѣмъ подъ моею, то они и держатся за Филометора, ссужаютъ ему деньги и добываютъ сестрѣ рѣзные камни, сафиры и смарагды, красивыя матеріи и всякую бабью дрянь за исписанный папирусъ, который скоро будетъ имѣть такую же цѣну, какъ перо, выпавшее изъ крыла крикуна, что сидитъ тамъ на жерди. Не понимаю, какъ такіе умные люди не видятъ, что нѣтъ ничего постояннѣе непостояннаго, ничего достовѣрнаго, кромѣ того, что ничто не достовѣрно, и что поэтому они считаютъ своего бога за единаго истиннаго бога, свои ученія — за безусловно и вѣчно истинныя, и презираютъ то, во что вѣрятъ другіе народы. Это самомнѣніе дѣлаетъ ихъ глупцами, но, можетъ быть, именно оно же и твердая ихъ вѣра помогаютъ имъ быть и хорошими солдатами.

Digitized by Google

— Да, они хорошіе солдаты,—подтвердилъ Гіераксъ,—но они охотнѣе и за меньшую цѣну идутъ на службу къ твоему брату, чѣмъ къ намъ.

— Я покажу имъ, что считаю такой вкусъ извращеннымъ и преступнымъ!—воскликнулъ Эвергетъ.—Жрецы мнѣ нужны, потому что они учатъ народъ быть послушнымъ и терпѣливо переносить свое тяжелое положеніе, а евреевъ — при этихъ словахъ глаза его дико заблистали—евреевъ я истреблю, когда придетъ время.

— Это пригодится и для нашей казны,—улыбнулся Команъ.

— Да и для храмовъ,—добавилъ Эвергетъ.—Другихъ враговъ я стараюсь истреблять, но жрецовъ лучше привлечь на свою сторону, если мнѣ достанется царство Филометора: египтяне требуютъ, чтобы богъ былъ у нихъ царемъ, а стать настоящимъ богомъ, которому мои подданные будутъ поклоняться съ удовольствіемъ, не отравляя мнѣ жизни возстаніями,—стать настоящимъ богомъ я могу только тогда, когда жрецы возведутъ меня въ это званіе.

— И однако сегодня же, ради тебя, будетъ предъявлено верховному жрецу Сераписа тяжелое требованіе,—возразилъ Гіераксъ, единственный изъ слугъ Эвергета, не боявшійся противорѣчить ему въ важныхъ случаяхъ.—Ты требуешь выдачи одной прислужницы храма, и Филометоръ не преминетъ...

— Не преминетъ,—прервалъ Эвергетъ,—сообщить все сильному верховному жрецу Асклепіодору, что онъ требуетъ красавицы не для себя, а для меня. Знаете ли вы, что Эросъ поразилъ мое сердце, и я пылаю страстью къ прелестной Иренѣ, хотя моимъ глазамъ и не было дано видѣть ее? Вы мнѣ вѣрите, я вижу это по вашимъ глазамъ, и я говорю сущую правду: да, я желаю обладать этою маленькой Гебой, какъ надѣюсь пріобрѣсти тронъ моего брата. Но я сажаю мои деревья не для того только, чтобъ украсить мой садъ, а и для того, чтобъ извлечь изъ нихъ пользу. Вы увидите, какъ я, въ одно и то же время добуду, вмѣстѣ съ прелестнѣйшей дѣвочкой, еще и благорасположеніе верховнаго жреца, который хотя и грекъ, но вовсе не податливъ. Мое орудіе уже ждетъ меня тамъ. Теперь оставьте меня и велите позвать евнуха Эвлая.

— Ты настоящее божество,—сказалъ Команъ, низко кланяясь,—а мы только смертные люди. Темными и непонятными часто представляются твои дѣйствія нашимъ слабымъ умамъ; но если исполнится то, что, повидимому, не обѣщаетъ добраго исхода, мы должны будемъ съ изумленіемъ признать, что ты часто избиралъ запутаннѣйшій, но всегда вѣрнѣйшій путь къ цѣли.

Digitized by Google

Эвергетъ оставался одинъ нѣкоторое время и, сжавъ брови, серьёзно уставилъ глаза въ полъ.

Заслышавъ тихіе шаги евнуха и болѣе громкіе шаги его спутника, онъ опять принялъ видъ простодушнаго и безпечнаго сластолюбца, ободрительно привѣтствовалъ Эвлая и напомнилъ ему о своемъ дѣтствѣ, когда евнухъ часто помогалъ ему склонять мать къ исполненію его дѣтскихъ желаній, въ которыхъ она уже отказала ему.

— Но времена измѣнились, старикъ,—прибавилъ Эвергетъ, и теперь твоимъ правиломъ стало:—все для Филометора и ничего для бѣднаго Эвергета, который однакоже всего болѣе нуждается въ твоей помощи, какъ младшій.

Евнухъ наклонился съ улыбкой, показывавшей, что онъ отлично понимаетъ, какъ не серьёзны послѣднія слова Эвергета, и сказалъ:

— Я желаю служить и думаю, что все еще служу слабѣйшему изъ васъ.

— То-есть, моей сестрѣ?

— Царица Клеопатра принадлежитъ къ тому полу, который мы часто невѣрно называемъ слабѣйшимъ. Хотя ты, безъ сомнѣнія, шутилъ, произнося твой послѣдній вопросъ, я все-таки считаю долгомъ отвѣтить на него, что разумѣлъ не ее, а царя Филометора.

— Филометора? Ты, стало быть, не вѣришь въ его силу, считаешь меня сильнѣйшимъ, а между тѣмъ сегодня, за пиромъ, предлагалъ мнѣ свои услуги и говорилъ, что тебѣ поручено царскимъ именемъ потребовать у верховнаго жреца выдачи маленькой прислужницы Сераписа. Развѣ это значитъ служить слабѣйшему? Можетъ быть, ты былъ нетрезвъ въ то время, когда говорилъ мнѣ объ этомъ? Нѣтъ! Ты былъ воздержнѣе меня! Въ такомъ случаѣ, въ твоихъ мысляхъ произошла большая перемѣна. Она удивляетъ меня; вѣдь по твоимъ правиламъ, ты долженъ служить слабѣйшему сыну моей матери...

— Ты смѣешься надо мной,—прервалъ евнухъ съ легкимъ упрекомъ и однако же умоляющимъ голосомъ. Если я обратился къ тебѣ, то сдѣлалъ это не по измѣнчивости и нерѣшительности, а именно потому, что хочу остаться вѣрнымъ единственной цѣли моей жизни.

— Какой цѣли?

— Пещись о благѣ страны въ духѣ твоей высокой матери, которой совѣтникомъ я былъ при ея жизни.

Digitized by Google

— Ты забылъ другую твою цѣль—создать самому себѣ наилучшее положеніе.

— Я не забылъ и этой цѣли, но не назвалъ ея, зная, какъ дорого время царямъ; къ тому же, мысль о себѣ такъ же естественна, какъ и то, что, покупая коня, мы въ то же время пріобрѣтаемъ и тѣнь его.

— Тонко! Но я такъ же мало осуждаю тебя, какъ и дѣвушку, подходящую къ зеркалу, чтобъ нарядиться для своего возлюбленнаго, и любующуюся при этомъ удобномъ случаѣ собственною красотой. Возвратимся же теперь къ твоему первому заявленію. Для пользы Египта, ты предлагаешь мнѣ теперь ту службу, которую ты несъ до сихъ поръ для брата?

— Это правда. Въ наше трудное время, нужны воля и рука сильнаго правителя.

— И ты считаешь меня такимъ правителемъ?

— Великаномъ по силѣ воли, тѣла и ума, котораго желаніе соединить обѣ половины Египта и единовластвовать надъ ними не можетъ не осуществиться, если ты хорошо примешься за дѣло, и если...

— Если? — повторилъ Эвергетъ за евнухомъ и такъ пристально заглянулъ ему въ глаза, что тотъ поникъ и тихо отвѣчалъ:

— Если Римъ не помѣшаетъ.

Эвергетъ пожалъ плечами и серьёзно сказалъ:

— Римъ—это рокъ, окончательно рѣшающій все, что́ мы предпринимаемъ. Я не жалѣлъ величайшихъ жертвъ, лишь бы смягчить эту неотразимую силу, и мой посланецъ, черезъ руки котораго проходятъ бо́льшія суммы, чѣмъ черезъ руки казначея моихъ войскъ, пишетъ мнѣ, что римскій сенатъ склоняется въ мою пользу.

— Мы знаемъ это и отъ нашего. У тебя больше друзей на Тибрѣ, чѣмъ у Филометора, но послѣднее, полученное нами письмо пришло уже нѣсколько недѣль тому назадъ, а на-дняхъ произошли такія событія...

— Говори!—вскричалъ Эвергетъ, приподнявшись на своихъ подушкахъ. Но если ты хитришь со мной и подосланъ моимъ братомъ, то хотя бы ты бѣжалъ потомъ въ отдаленнѣйшую пещеру троглодитовъ, я велю поймать тебя и заживо разорвать на куски.

— Я заслужилъ бы такое наказаніе,—отвѣчалъ Эвлай смиренно, и потомъ прибавилъ:—если я не ошибаюсь, намъ предстоятъ уже на-дняхъ крупныя событія.

Digitized by Google

— Да!—рѣшительно подтвердилъ Эвергетъ.

— А именно теперь Филометоръ будетъ лучше представленъ въ Римѣ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Ты познакомился съ молодымъ Публіемъ Сципіономъ на пиру у царя, и не обнаружилъ большой склонности пріобрѣсти его расположеніе.

— Онъ изъ рода Корнеліевъ, знатный юноша, состоящій въ родствѣ со всѣмъ, что признаетъ себя великимъ на Тибрѣ, но онъ не посолъ, онъ пріѣхалъ изъ Аѳинъ въ Александрію, чтобы поучиться, въ чемъ онъ очень нуждается; онъ только выше поднимаетъ голову и свободнѣе на языкъ, чѣмъ то прилично въ отношеніи къ царямъ. Эта заѣзжая молодежь воображаетъ, что ей очень пристало важничать.

— Но, вѣдь, это опаснѣе, чѣмъ ты думаешь.

— Въ такомъ случаѣ, я приглашу его въ Александрію и въ три дня склоню его въ мою пользу. Это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Эвергетомъ.

— Тогда будетъ уже поздно. Я знаю навѣрное, что онъ получилъ сегодня отъ сената полномочіе говорить здѣсь, въ случаѣ нужды, именемъ Рима, пока не пріѣдетъ назначенный сюда новый посолъ.

— И я узнаю это только теперь!—вскричалъ Эвергетъ, вскочивъ съ своего ложа. Мои друзья и глухи, и слѣпы, и хромы, если только у меня есть друзья! Мнѣ противенъ этотъ высокомѣрный, жесткій господинъ, но я приглашу его завтра, приглашу сегодня же на веселый пиръ и пошлю ему лучшую четверку коней, приведенныхъ мной изъ Кирены. Я...

— Все это будетъ напрасно,—серьёзно и свободно сказалъ евнухъ,—потому что онъ пользуется, въ самомъ полномъ и широкомъ смыслѣ слова, благосклонностью,—осмѣлюсь выразиться свободнѣе—больше чѣмъ нѣжнымъ чувствомъ царицы Клеопатры. Филометеръ, по обыкновенію, относится къ этому спустя рукава; Публій и Клеопатра, Клеопатра и Публій при всѣхъ блаженствуютъ, смотрятъ другъ другу въ глаза, точно аркадскіе пастушки, обмѣниваются чашами и взаимно цѣлуютъ края, къ которымъ прикасались ихъ губы. Ты можешь обѣщать и подарить этому человѣку все, что хочешь, онъ все-таки будетъ за твою сестру, и если тебѣ удастся столкнуть ее съ трона, онъ дерзко начертитъ около тебя кругъ, какъ начертилъ его Попилій Лена около твоего дяди Антіоха, и скажетъ, что, при попыткѣ выдти изъ этого круга, ты будешь имѣть дѣло съ Римомъ.

Эвергетъ молча выслушалъ эти слова, потомъ сбросилъ съ себя ткани и бурно зашагалъ по комнатѣ, отъ времени до вре-

Digitized by Google

мени испуская звуки, похожіе на стонъ и мычаніе, точно дикій волъ, чувствующій себя укрощеннымъ веревками и цѣпями и напрягающій всѣ свои силы, чтобы порвать ихъ.

Наконецъ, онъ остановился передъ Эвлаемъ и спросилъ:

— Что знаешь ты еще о римлянинѣ?

— Онъ, хотя во время пира не далъ тебѣ сравнить себя съ Алкивіадомъ, за то старается предупредить любимца аѳинскихъ дѣвицъ, Лизія; ему мало того, что онъ похитилъ у царя сердце его супруги, онъ еще имѣетъ виды на самую красивую служительницу величайшаго изъ боговъ. Служительница храма, которую другъ римлянина, Лизій, совѣтовалъ взять для роли Гебы, —она любовница Корнелія, который надѣется свободнѣе наслаждаться ею въ вашемъ великомъ дворцѣ, чѣмъ въ мрачномъ храмѣ Сераписа.

Эвергетъ воскликнулъ:

— Быть царемъ, мужчиной, способнымъ управиться съ десятью, и терпѣть, какъ то терпитъ мужикъ, когда его поля топчатъ мои всадники! Онъ можетъ все испортить, все—и мои планы, и мои желанія. Мнѣ ничего не остается, какъ сжать кулаки и задохнуться отъ ярости! Но эти стоны и скрежетъ зубовъ такъ же безполезны, какъ безполезны были мое бѣснованіе и проклятія у постели умиравшей матери, которая все-таки умерла и не воскресла. Еслибъ этотъ Публій былъ грекъ, сиріецъ, египтянинъ, еслибъ онъ былъ даже роднымъ моимъ братомъ, онъ не долго стоялъ бы мнѣ поперегъ дороги — клянусь тебѣ, Эвлай, — но онъ — уполномоченный Рима, а Римъ сама судьба, судьба!

Тяжело переводя духъ и точно надломленный, царь кинулся опять въ свои подушки и зарылся въ нихъ лицомъ; но Эвлай неслышными шагами подошелъ къ юному великану, и съ торжественной медленностью шепнулъ ему:

— Римъ — сама судьба, но и Римъ безсиленъ противъ судьбы. Публій долженъ умереть за то, что соблазняетъ дочь твоей матери, и мѣшаетъ тебѣ, спасителю Египта. Сенатъ отомстилъ бы страшно за убіеніе Публія, но что можетъ онъ сдѣлать, если хищные звѣри нападутъ на его уполномоченнаго и растерзаютъ его?

— Превосходно! — вскричалъ Эвергетъ, опять вскочивъ на ноги и поднявъ свои большіе глаза, засверкавшіе удивленіемъ и счастіемъ, точно небо раскрылось передъ нимъ и онъ увидѣлъ высокій сонмъ боговъ, пирующихъ за золотыми столами.

Digitized by Google

— Ты великій человѣкъ, Эвлай, и я съумѣю наградить тебя. Но знаешь ли ты тѣхъ хищныхъ звѣрей, которые намъ нужны, и съумѣютъ ли они повести дѣло такъ, чтобы никто не имѣлъ и тѣни подозрѣнія, что раны, вырытыя ихъ клыками и зубами, нанесены кинжаломъ, топоромъ или копьемъ?

— Будь покоенъ, эти хищные звѣри уже были испробованы здѣсь въ Мемфисѣ и состоятъ на службѣ у царя...

— Каковъ мой кроткій братецъ! — засмѣялся Эвергетъ.— Онъ вѣдь хвалится, что убивалъ только въ бою, а теперь оказывается...

— У Филометора есть и жена,—прервалъ Эвлай.

— Да, женщины! чего только не узнаёшь о нихъ!—замѣтилъ Эвергетъ, и тихо прибавилъ:—Когда могутъ приступить къ дѣлу твои звѣри?

— Солнце давно уже взошло. До заката, я сдѣлаю всѣ приготовленія, и дѣло, я думаю, можетъ быть исполнено въ полночь. Мы посулимъ римлянину любовное свиданіе, заманимъ его въ храмъ Сераписа, и когда онъ будетъ возвращаться пустыней...

— Да, именно тогда!—воскликнулъ Эвергетъ, дѣлая такое движеніе рукой къ груди, точно держалъ въ рукѣ ножъ, и прибавилъ свой совѣтъ:—Твои люди должны быть сильны, какъ львы, и осторожны, какъ кошки. Если тебѣ нужно золото, обратись къ Коману, или лучше возьми вотъ это. Довольно ли? Я долженъ еще спросить тебя: имѣешь ли ты причины лично ненавидѣть римлянина?

— Да,—рѣшительно отвѣчалъ Эвлай.—Онъ догадывается, что мнѣ извѣстны всѣ его дѣла, и преслѣдуетъ меня ложными обвиненіями, которыя могутъ подвергнуть меня сегодня величайшей опасности. Если ты услышишь, что онъ склонилъ царицу заключить меня въ тюрьму, то похлопочи немедля о моемъ освобожденіи.

— Никто не тронетъ волоса на твоей головѣ, будь въ томъ увѣренъ. Я вижу,—у тебя есть причины вести одну игру со мною, и это меня радуетъ, потому что мы дѣйствуемъ со всей энергіей только для самихъ себя. Теперь послѣдній вопросъ: когда привезешь ты мнѣ маленькую Гебу?

— Черезъ часъ я ѣду къ Асклепіодору; но дѣвушка понадобится намъ только завтра, потому что сегодня надо оставить ее въ храмѣ, какъ приманку для римлянина.

— Я буду терпѣливъ, но все-таки имѣю дать тебѣ еще одно порученіе. Представь верховному первосвященнику все

Digitized by Google

дѣло такъ, какъ будто мой братъ желаетъ удовлетворить мою прихоть, и рѣшительно требуетъ выдачи Гебы. Оскорби его, насколько возможно это сдѣлать, не возбуждая подозрѣній, и если я не ошибаюсь, онъ будетъ отстаивать свое право и откажетъ въ выдачѣ. Послѣ тебя къ нему явится мой Команъ съ поклонами, подарками и посулами. Завтра, если мы покончимъ съ римляниномъ, ты привезешь дѣвушку именемъ моего брата, захвативъ ее хитростью или силой, а послѣ-завтра, если боги помогутъ мнѣ соединить обѣ половины Египта, я открою Асклепіодору, что наказалъ Филометора и низложилъ его съ престола за оскорбленіе, нанесенное имъ храму. Пусть видитъ Сераписъ, кто ему другъ и кто врагъ! Если все пойдетъ хорошо, я назначу тебя—клянусь душами моихъ умершихъ предковъ—эпитропомъ [1]) вновь возсоединеннаго царства. Сегодня моя дверь открыта для тебя во всякое время.

Евнухъ вышелъ такимъ легкимъ шагомъ, точно разговоръ съ Эвергетомъ возвратилъ ему молодость.

Когда Гіераксъ, Команъ и другіе слуги вошли къ царю, Эвергетъ приказалъ имъ доставить поутру своему другу, Публію Корнелію Сципіону, четверку благороднѣйшихъ киренскихъ коней, въ знакъ своего уваженія и дружбы. Потомъ онъ одѣлся, отыскалъ Аристарха и сѣлъ съ нимъ за работу.

Мы привели лучшія сцены изъ первой части романа. Вторая часть носитъ болѣе патетическій характеръ; ея содержаніе можно изложить въ немногихъ словахъ. Лизію удается увезти Ирену изъ храма. Юная затворница соблазнилась его предложеніемъ прокатиться и была доставлена имъ въ знакомое ему семейство художника. Въ храмѣ пошли тревожные толки объ исчезновеніи дѣвушки. Клеа въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ бросается въ городъ отыскивать сестру. Тамъ она случайно слышитъ разговоръ Эвлая объ его замыслѣ убить Сципіона и, зная, гдѣ должно быть совершено злодѣйство, спасаетъ своего героя, и они даютъ другъ другу вѣчные обѣты. Убійцы по ошибкѣ нападаютъ на Серапіона, въ свою очередь отыскивающаго Клеа, и лишаютъ его жизни, принявъ его темною ночью за предназначенную имъ жертву. Одинъ Эвергетъ удачно исполняетъ задуманный имъ насильственный переворотъ; но потомъ обнаруживается, что Сципіонъ остался цѣлъ и невредимъ.

[1]) Собственно: помощникомъ самого правителя.

Digitized by Google

Онъ приходитъ къ Эвергету и уличаетъ его въ злодѣйскомъ умыслѣ. Эвергетъ отрицаетъ все, велитъ позвать Эвлая, вынуждаетъ у него признаніе, падающее только на евнуха, и отдаетъ приказаніе немедленно его повѣсить. Тогда Сципіонъ требуетъ возвращенія родителей Клеи и Ирены изъ ссылки, а въ случаѣ ихъ смерти—возвращенія сестрамъ конфискованнаго имущества родителей и полнаго освобожденія сестеръ отъ всякихъ служебныхъ обязанностей въ храмѣ. Въ Египтѣ, гдѣ царствовало безаконіе, только сильнымъ иностранцамъ могло удаваться отстаивать свое и чужое право. Лизій увозитъ Ирену въ Грецію, Сципіонъ береть съ собой Клею въ Римъ, съ тѣмъ чтобы никогда не разлучаться съ ними...

В. К.

Digitized by Google

ОБЩЕСТВЕННО-МЕДИЦИНСКІЕ ЭТЮДЫ

I.

ДИФТЕРИТЪ

ЕГО ИСТОРІЯ И БОРЬБА СЪ НИМЪ.

Всякому популяризатору наукъ, которыя обыкновенно вмѣщаютъ въ себѣ массу противоположныхъ и часто несовмѣстимыхъ теорій, взглядовъ и мнѣній, представляется трудная, не всегда удобовыполнимая задача—заявить свою profession de foi, стать, какъ говорится, подъ то или другое знамя. Особенно трудною представляется такая задача въ наше переходное время, когда всѣ умственные интересы публики и руководящихъ классовъ приняли особенно острый характеръ. Такая обостренность играетъ не малую роль во всѣхъ нашихъ современныхъ общественныхъ отношеніяхъ; на всей нашей жизни замѣтна печать не совсѣмъ нормальнаго, спокойнаго состоянія мысли. А между тѣмъ, популяризація наукъ въ наше время пріобрѣтаетъ для себя raison d'être—все болѣе и болѣе.

Кому за постоянными занятіями—по общественной ли дѣятельности, по вопросу ли о стяжаніи и укрѣпленіи своего личнаго частнаго благосостоянія, или, наконецъ, за большимъ досугомъ, нѣтъ времени посвятить себя умственной работѣ, но у кого, въ то же время, сохранилась живая искра пытливости и интересъ къ наукѣ,—тотъ прибѣгаетъ обыкновенно къ популярной науч-

Digitized by Google

ной литературѣ и ищетъ, при помощи послѣдней, дополнить и расширить свой кругозоръ, свое знакомство съ результатами умственной работы современниковъ. Въ этомъ отношеніи популяризація научныхъ истинъ и теорій играетъ не малую историческую роль въ жизни народовъ, и нельзя отрицать извѣстнаго значенія ея въ исторіи цивилизаціи. Служа, нѣкоторымъ образомъ, духовною связью между кабинетомъ ученаго и свѣтскимъ салономъ, этотъ родъ литературы выполняетъ двойную службу: во-первыхъ, онъ вноситъ живую жизнь въ кабинетъ ученаго, во-вторыхъ—вноситъ систему, разсчетъ и осмысленную программу въ область общественной дѣятельности. Такимъ образомъ поддерживается и укрѣпляется тѣсная связь между наукою и жизнью, между головою и прочими членами организма. Всю длинную исторію своего развитія, процвѣтанія, упадка и какого-нибудь новаго возрожденія къ жизни наука проходила вѣчно подъ вліяніемъ политическо-общественной жизни народовъ. Питаясь и развиваясь на-счетъ общественной суммы труда, она всегда являлась какъ-бы плодомъ сложной работы ума и черныхъ, мозолистыхъ рукъ пахаря и фабрично-заводскаго люда. Высшіе слои общества, конечно, менѣе всего участвовали въ этой работѣ, хотя и имъ нельзя отказать въ извѣстномъ вліяніи на то или иное направленіе, на болѣе быстрое или медленное движеніе въ жизни науки. Затѣмъ всегда наступаетъ ея очередь помогать развитію различныхъ сторонъ человѣческой жизни, приходитъ ея чередъ служить житницею и кормилицею тѣхъ силъ, которымъ она обязана своимъ существованіемъ. Безъ этого взаимнаго служенія другъ другу немыслима дальнѣйшая разумная дѣятельность человѣческаго общества, невозможенъ прогрессъ мысли и жизни. Пока работа мысли служитъ лишь удовлетворенію индивидуальной пытливости немногихъ счастливцевъ, пока она лишь пріятно шевелитъ умъ кабинетнаго ученаго, пока она не стала достояніемъ всего человѣчества безъ различія сословій, національностей, пока она не стала таковою, по крайней мѣрѣ—въ принципѣ, если не на практикѣ,—до тѣхъ поръ она не достигла главной своей цѣли.

Дѣятельность на поприщѣ популяризаціи такихъ авторитетовъ, какъ Heckel, Virchow и др., говоритъ, конечно, много объ измѣнившихся взглядахъ на популяризацію наукъ вообще; и въ русской литературѣ найдется не мало признанныхъ наукою авторитетовъ, не лишающихъ популярную литературу своего вниманія. Достаточно указать на гг. Сѣченова, Мечникова и другихъ. Конечно, у насъ въ этомъ отношеніи примѣры весьма малочисленны; но въ западной Европѣ популяризація наукъ

Digitized by Google

сдѣлала громадные успѣхи и имѣетъ для себя весьма почтенныхъ представителей. Тамъ можно встрѣтить примѣры весьма смѣлыхъ попытокъ ввести въ популярную литературу не только спорные, но совершенно новые и еще мало установившіеся вопросы. Къ числу такихъ попытокъ принадлежатъ двѣ недавно вышедшія брошюры д-ра Oidtmann'a: «Unser tägliches Brod» и «Mehr Licht in die Diphtheritis-Theorien»; послѣдняя прямо касается предмета, избраннаго нами для перваго этюда, и потому въ своемъ мѣстѣ мы упомянемъ о ней и отдадимъ справедливость ея высокому общественному значенію.

Но, и независимо отъ всего нами сказаннаго, популяризація наукъ въ наше время представляетъ особую важность вслѣдствіе утвердившагося сознанія, что успѣхъ борьбы со всякимъ общественнымъ зломъ или недугомъ обусловливается содѣйствіемъ общественныхъ массъ: чѣмъ распространеннѣе въ нихъ сознательное отношеніе къ дѣлу, тѣмъ болѣе можно положиться на общественное содѣйствіе, и ожидать отъ него дѣйствительной пользы; чѣмъ больше сумма истинъ, находящихся въ общественномъ оборотѣ, тѣмъ легче опираться на такое общество. Въ этомъ отношеніи, популяризація наукъ является сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ, она дозволяетъ каждому слѣдовать предписанію поговорки: «вѣкъ живи, вѣкъ учись»—и послѣ школы.

Предпринятый нами опытъ общественно-медицинскихъ этюдовъ направленъ именно къ подобной цѣли—посредствомъ популяризаціи заинтересовать общество въ судьбѣ медицинскихъ вопросовъ дня, которые тяготѣютъ надъ этимъ же самымъ обществомъ, и тѣмъ вызвать его къ самодѣятельности, направляемой сознаніемъ дѣла. Начнемъ съ болѣзни, которая въ послѣднее время обращала на себя особенное вниманіе, въ качествѣ народнаго бича.

I.

...«Исторія повальныхъ болѣзней составляетъ существенную часть не одной исторіи медицины: она столько же необходима для политической исторіи, и именно — культурной», говоритъ профессоръ Либермейстеръ, извѣстный не однимъ только медикамъ по профессіи [1]). Если исторія болѣзней такъ необходима для пониманія вообще исторіи человѣчества, то надобно предпо-

[1]) Liebermeister: Einleitung zur Infectionskrankheiten, p. 4.

Digitized by Google

ложить, что она тоже не совсѣмъ безполезна для уразумѣнія современныхъ общественныхъ и политическихъ явленій въ жизни народовъ. Извѣстное и много разъ приводимое положеніе о неповторяемости историческихъ явленій не исключаетъ однако неизмѣнности законовъ исторіи, по которымъ аналогическія причины вызываютъ аналогическія же послѣдствія, и если до сихъ поръ милліоны лѣтъ, прожитыя человѣчествомъ, не умудрили его въ пониманіи историческихъ явленій, то все-таки надобно думать, что настанетъ же, наконецъ, время, когда люди научатся видѣть и слышать въ прямомъ, а не обратномъ смыслѣ.

Нерѣдко приходится слышать въ публикѣ сѣтованія на то обстоятельство, что наше поколѣніе чуть ли не съ каждымъ десятилѣтіемъ порождаетъ и вскармливаетъ на-счетъ собственнаго благополучія какую-нибудь новую болѣзнь, о которой наши дѣды и отцы не имѣли и представленія.

— На что намъ вся ваша премудрость и ученость? на что намъ медики и вся медицина, когда вы, господа, не умѣете ни вылечивать насъ, ни избавлять насъ отъ ужасныхъ болѣзней, говорятъ въ отчаяніи близкіе не успѣвшаго еще остыть трупа.—На что намъ весь этотъ величественный ходъ науки, на что всѣ эти колоссальныя пріобрѣтенія ума человѣческаго, какъ вы картинно изволите выражаться, на что намъ все это, когда жизнь наша ведетъ насъ отъ одного горя къ другому, когда вся наука ваша не съумѣла выработать до сихъ поръ ни одного вѣрнаго пути и средства помочь человѣчеству? Цѣлыя тысячелѣтія она все только изучаетъ, наблюдаетъ да изслѣдуетъ, а до сихъ поръ она не въ силахъ даже объяснить появленіе эпидемическихъ болѣзней, уносящихъ тысячами дорогихъ и близкихъ намъ людей!!..

Много, конечно, правды въ этомъ отчаянномъ воплѣ человѣка, потерявшаго, можетъ быть, единственное сокровище свое, но много и ошибочнаго, невѣрнаго. Дѣйствительно, вѣрно то, что наука дала намъ, пока, мало практическихъ результатовъ; дѣйствительно, вѣрно и то, что при современномъ состояніи медицины, врачу-практику часто, и даже слишкомъ часто, приходится принимать картинную позу Наполеона, наблюдая лишь, съ сохраненіемъ собственнаго достоинства, капризное теченіе болѣзни; еще чаще приходится нашему брату разводить руками и пожимать плечами, лишь только вопросъ коснется мѣръ предупрежденія народныхъ повальныхъ болѣзней; дѣйствительно, вѣрно, наконецъ, и то, что въ нашъ «вѣкъ цивилизаціи и прогресса», неудержимо стремящійся за «урваньемъ кусковъ пирога», эпидемическія болѣзни

Digitized by Google

развились до ужасающихъ размѣровъ [1]), мало того, онѣ явно показываютъ наклонность превратиться изъ эпидемическихъ, заносныхъ болѣзней,—въ *эндемическія* (дифтеритъ въ западной Европѣ и южной Россіи, брюшной тифъ на сѣверо-западѣ Россіи и пр.). Ошибочно, однако, мнѣніе, будто современное общество и все присущее ему обладаютъ особеннымъ предрасположеніемъ развивать въ себѣ зачатки все новыхъ и новыхъ видовъ болѣзней. Большинство эпидемическихъ и др. болѣзней современнаго общества пустило корни въ глубокой старинѣ и многія изъ нихъ такъ же стары, какъ и сама исторія. Мнѣ самому часто приходились слышать жалобы на такъ-называемыя «модныя болѣзни». Одно время, чуть ли не во всей Россіи, господствовала такая болѣзнь—хроническій катарръ желудочно-кишечнаго тракта; теперь, какъ извѣстно, вся южная полоса нашего обширнаго отечества безпощадно опустошается дифтеритомъ. Несомнѣнно, найдутся и теперь готовые также утверждать, будто отцы и дѣды наши вовсе не знали, да и знать не хотѣли этой ужасной современной болѣзни. Но исторія дифтерита, какъ и всѣхъ прочихъ инфекціонныхъ, эпидемическихъ и не-эпидемическихъ болѣзней, совмѣстно съ добросовѣстнымъ и неподкупнымъ изученіемъ жизненныхъ (въ сущности, разрушительныхъ) силъ всѣхъ этихъ бичей человѣчества, могли бы научить насъ многому другому. Во-первыхъ, и это самое главное, разумное изученіе характера, сущности и исторіи этихъ болѣзней породили бы и распространили бы въ обществѣ убѣжденіе о безсиліи одной медицины въ борьбѣ съ эпидеміями. Медики и медицина, какъ наука, никогда не были и не будутъ въ силахъ побороть или предупредить, пріостановить развитіе народныхъ повальныхъ болѣзней. Это—простое и непозволительное заблужденіе, результатъ апатіи и полнаго отсутствія пониманія своей пользы и благосостоянія, своихъ обязанностей и долга—слагать все вѣдѣніе эпидеміологіей въ руки врачей, абсолютно лишенныхъ возможности сдѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное въ этой области. Этотъ вопросъ касается всякаго общественнаго дѣятеля столько же, какъ и любого члена санитарныхъ коммиссій. Во-вторыхъ, если бы общество нѣсколько болѣе интересовалось вопросами по эпидеміологіи, то оно скоро бы пришло къ заклю-

[1]) Въ лѣтописяхъ медицины, правда, находятся данныя, изъ которыхъ возможно вывести діаметрально противоположное заключеніе. Такъ, напр., черная смерть, опустошавшая въ половинѣ XIV вѣка Базель, унесла разомъ до 14-ти тысячъ жителей этого города. Но мы еще, пока, не обладаемъ сравнительными статистическими данными, на основаніи которыхъ могли бы вывести общую % цифру потерь отъ эпидемическихъ болѣзней.

Digitized by Google

ченію, раздѣляемому теперь уже не малымъ числомъ врачей, какъ ученыхъ, такъ и исключительно-практиковъ—оно бы убѣдилось, что зачатки и сѣмя, по крайней мѣрѣ многихъ повальныхъ болѣзней, лежатъ въ самомъ строѣ нашей частной, и пожалуй, общественной жизни. Нѣкоторыя подробности затронутаго нами вопроса мы постараемся развить въ концѣ статьи; насколько намъ удастся исполнить выраженное здѣсь намѣреніе, насколько мы съумѣемъ совладать съ громаднымъ матеріаломъ, располагаемымъ нами, конечно, другой вопросъ,—теперь же обратимся къ главной темѣ нашей статьи.

Дифтеритъ, названный такъ впервые французскимъ патолого-анатомомъ *Bretonneau* въ 1818 году, вовсе не такая новая, молодая болѣзнь, какъ склонны предполагать это многіе не-медики и даже, незнакомые съ исторіею медицины, врачи. Не говоримъ о сохранившихся указаніяхъ древнѣйшихъ писателей (Hyppokrates, Aretaeus, Prosper, etc.), такъ какъ свидѣтельства ихъ отчасти темны, отчасти не могутъ быть и интересны современной читающей публики [1]). Существуютъ еще, правда, сомнительныя, сообщенія о дифтеритѣ у арабскихъ писателей и въ Талмудѣ. Но гораздо положительнѣе уже показанія, жившаго вѣроятно въ концѣ второго или началѣ третьяго вѣка по Р. Х., *Aetius*'а, который описалъ дифтеритъ съ такою подробностью и ясностью, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ характера описанной имъ болѣзни [2]). Аэцій, какъ и послѣдующіе писатели, называетъ дифтеритъ «египетской язвой», чѣмъ уже дается достаточное указаніе на мѣсторожденіе этой болѣзни. Что касается вопроса, въ какой формѣ и при какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ развивался дифтеритъ въ эту глубокую старину, то-есть, являлся ли онъ періодически, какъ большинство нашихъ народныхъ болѣзней, или же носилъ также *спорадическій* (отдѣльные случаи заболѣванія) характеръ, высказаться съ положительностью на этотъ счетъ нельзя.

Позднѣйшія сообщенія даютъ намъ уже право разсматривать дифтеритъ, какъ вполнѣ выразившуюся эпидемическую болѣзнь: такъ, въ хроникѣ St. Denis говорится о какой-то повальной болѣзни 580 года, которая, по нѣкоторымъ даннымъ, должна

---

[1]) Каждый можетъ найти это въ любомъ учебникѣ, напр. хоть въ учебникѣ Цимсена

[2]) *Haeser*. Geschichte der Medicin u. d. epidemischen Krankheiten B. III.—*A. Hirsch*. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie. B. II.—*Hecker*. Geschichte der Heilkunde.

Digitized by Google

была быть дифтеритомъ. *Cedrenus* [1]) упоминаетъ о подобной же болѣзни въ Византіи, относя ее къ 1004 году. Несомнѣнно, эпидемически свирѣпствовалъ дифтеритъ въ половинѣ XVI вѣка въ Германіи, Франціи, Испаніи, Швейцаріи и Нидерландахъ, а особенно сильно опустошилъ Испанію въ началѣ XVII-го вѣка. Несчастный 1613 годъ извѣстенъ въ медицинско-историческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ «anno de los garrotillos» [2]). Вообще, театромъ развитія и распространенія этой болѣзни, въ теченіи первой половины XVII-го вѣка служила лишь южная Европа, но за то длинный рядъ годовъ съ 1720 по 1770 представляетъ собою какъ-бы періодъ развитія и распространенія дифтерита по всей западной Европѣ. Къ 1761 году болѣзнь добралась и до отдѣльно-лежащей Швеціи, гдѣ она свирѣпствовала въ Стокгольмѣ и Упсалѣ [3]). Особенно поучительно наблюденіе писателей, по которому грозный характеръ болѣзни постепенно усиливается по мѣрѣ приближенія къ современному намъ періоду [4]). Труссо выражается даже въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя формы (мы бы рѣшились сказать: степени) дифтерита опаснѣе чумы [5]). Конецъ прошлаго столѣтія ознаменовался распространеніемъ дифтерита преимущественно по сѣверной и западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Сюда же принадлежатъ значительныя эпидеміи, господствовавшія, одна,—въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Лондонѣ и его окрестностяхъ [6]), а другая, отличавшаяся особенной жестокостью, посѣтила въ 1787—88 г. департаментъ Лоары и Сонны во Франціи. Эта послѣдняя эпидемія извѣстна у французскихъ писателей подъ именемъ «fièvre remittente soporeuse maligne avec diphtherie».

Въ теченіи XIX-го вѣка дифтеритъ достигъ, такъ-сказать, своего апогея. Распространеніе его приняло такіе географическіе размѣры, какихъ не наблюдалъ еще ни одинъ изъ прежнихъ пи-

---

[1]) *H. Haeser.* l. c. B. III, p. 434.

[2]) „Garrotte", собственно—палочка, спеціально же этимъ именемъ называютъ тотъ штифтъ, который служитъ палачу для закручиванія на затылкѣ петли, надѣтой на шею преступника.—*A. Hirsch.* l. c., p. 133, B. II.

[3]) Д-ръ *E. Wiss* (Heilung u. Verhütung der Diphtheritis. Berlin, 1879) замѣчаетъ что дифтеритъ распространяется гораздо быстрѣе и значительнѣе въ городахъ (при болѣе и менѣе значительномъ медицинскомъ персоналѣ), чѣмъ въ деревняхъ. Это относится столько же къ Европѣ, какъ и Сѣв.-Америк. Шт.

[4]) *A. Hirsch.* l. c.—*Ancelon*, Bull. de Therapeutique, 1856. Mars.

[5]) *Trousseau* De l'angine maligne. Union medical, 1855, 70. Des angines—Gaz. d. Hospit. 1855, 86—119.

[6]) *G. Levison.* On the epidemical sore-throat. Lond. 1778. 8. Нѣмец. пер. Berl.-Stettin. 1783. 8.

Digitized by Google

сателей [1]). Смертность [2]), какъ равно и учащенность эпидемій, достигли небывалой величины. Ужасная эпидемія 1853 года въ La Chapelle-Verange дала 100% смертности—ни одинъ изъ заболѣвшихъ не избѣжалъ своей печальной участи. Тогда какъ два столѣтія тому назадъ наблюдались періоды между двумя циклами эпидемій дифтерита въ 50 и даже почти 100 лѣтъ, въ XIX-мъ вѣкѣ не проходило почти ни одного года, чтобы въ какомъ-нибудь углу Европы или Сѣверной Америки не свирѣпствовала болѣе или менѣе сильная эпидемія [3]). Одинъ періодъ съ 1828 по 1846, т.-е. 18 лѣтъ, какъ полагаютъ, составлялъ какъ-бы перерывъ въ безостановочномъ ходѣ дифтерита. Мнѣніе это однако ошибочно, какъ видно изъ хронологической таблицы Hirsch'a. Можетъ быть, причиною этого служило частое смѣшиванье дифтерита съ круппомъ, съ одной стороны, и со скарлатиною—съ другой. Рядомъ съ эпидемическимъ распространеніемъ занимающей насъ болѣзни, наблюдается, особенно въ послѣдніе годы, сильное развитіе спорадическаго заболѣванья [4]).

Уже старые писатели признавали дифтеритъ болѣзнью особаго рода. Они причисляли эту «чуму дѣтскаго возраста» (Kinderpest) къ числу тѣхъ оригинальныхъ болѣзней, появленіе, теченіе и характеръ которыхъ, по ихъ наблюденіямъ, уклонялись отъ типа всѣхъ прочихъ, извѣстныхъ имъ болѣзней. Уклоненіе это характеризуется главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе высокой злокачественности, неожиданномъ появленіи и наклонности этого рода болѣзней поражать одновременно значительное число особей. Эти характерныя черты были подмѣчены и простымъ людомъ, что и послужило основаніемъ народамъ всѣхъ странъ и весей окрестить ихъ печальнымъ именемъ—«мора». Многія изъ этихъ болѣзней, появлявшіяся періодически черезъ болѣе или менѣе продолжительные, неправильные промежутки времени, то быстро исчезавшія, то длившіяся долгое время, должны были казаться еще болѣе загадочными, и, естественно, сильно занимали

---

[1]) *Hirsch*. l. c. B. II, p. 113—115.

[2]) *Chavanne*. Relation d'une épidemie de diphtherie etc. These. (Gazete med. de Paris, 1852. *Isambert*, Des affections diphtherique etc.) Arch. général 1857. — *Trousseau*, l. c.

[3]) См. таблицу у *A. Hirsch'a*, l. c. p. 131 u. 7.

[4]) Въ этомъ краткомъ хронологическомъ очеркѣ мы вовсе не коснулись Россіи. Причины этого ясны: во-1-хъ, крайняя бѣдность русской спеціальной литературы заслуживающими довѣрія компиляціями, наблюденіями и статистическими свѣдѣніями; во-2-хъ, долговременное пребываніе наше за предѣлами Россіи, не дающее возможности воспользоваться даже тѣмъ скуднымъ матеріаломъ, которымъ располагаетъ наша отечественная литература.

Digitized by Google

умы древнихъ и болѣе позднихъ писателей. Медики старыхъ и новыхъ вѣковъ тщетно искали объясненіе этой догадкѣ. Умственная работа ученыхъ въ этомъ направленіи породила однако цѣлую массу объясненій и теорій, на которыхъ и покоились представленія о природѣ, характерѣ, способѣ возникновенія и распространенія этихъ заразъ. Жаль только, что дѣйствительность какъ-то вовсе не вязалась съ этими теоріями. Сначала набросились было на атмосферическія перемѣны и колебанія, и медицина всею тяжестью ума надавила стараго, но вѣчно вѣрнаго козла отпущенія —*простуду*. Оглядѣвшись вокругъ, пришли однако къ печальному выводу, что всѣ эти заразы (вслѣдствіе этой-то особенности и названныя *инфекціонными* болѣзнями) никакъ не поддаются представленію о простудныхъ немочахъ. Простуды оказалось недостаточно. Нечего дѣлать! надо было подыскивать другія причины, и надо было притомъ найти такія, вліяніе которыхъ на появленіе той или другой эпидемической болѣзни было бы столь же загадочно и непонятно, какъ и самыя слѣдствія, порождаемыя этими причинами. Разъ допустивъ игру фантазіи и мистицизма въ область реальныхъ наблюденій, всего проще было обратить взоры къ самому темному и загадочному—къ вліянію причинъ, находящихся внѣ сферы дѣйствія и ихъ слѣдствій. Такъ и случилось: звѣзды, солнце, луна, кометы, однимъ словомъ, всѣ божія творенія, оказались въ общемъ заговорѣ противъ жителей ничтожнаго клочка вселенной, именуемаго землею. Астрологія и медицина соединились и смѣло бросились въ бѣшеный вихрь мистическихъ несообразностей. Сдѣлавъ на пользу человѣчеству и во славу божію это маленькое partie de plaisir по необъятнымъ пространствамъ небесной тверди, медицина опустилась, наконецъ, домой, на землю. Пришлось подвести итоги своимъ пріобрѣтеніямъ. Результаты оказались болѣе чѣмъ плачевные— не смотря ни на солнце, ни на луну, ни на весь этотъ міріадъ свѣтящихся и освѣщающихъ тѣлъ, въ наукѣ по прежнему господствовалъ полный мракъ, касательно генезиса всѣхъ этихъ странныхъ болѣзней. Естественно было обратить свои взоры въ противоположную сторону. Не повезло наукѣ «въ надзвѣздныхъ краяхъ», можетъ быть ея изысканіямъ на землѣ посчастливится! Причины инфекціонныхъ болѣзней стали искать на днѣ морей и рѣкъ, въ нѣдрахъ земного шара, въ глубокихъ кратерахъ вулкановъ. Изверженія огнедышащихъ горъ, землетрясенія, морскіе смерчи и штурмы — всѣ эти и подобныя имъ явленія огуломъ зачислялись въ разрядъ болѣзнотворныхъ причинъ. Наконецъ, присоединивъ сюда еще разъ атмосферическія явленія и захва-

Digitized by Google

тивъ по дорогѣ весьма кстати открытые электричество и озонъ, свалили всю эту массу частью неясныхъ, частью совсѣмъ темныхъ понятій и представленій въ общую кучу, окрестили ее еще болѣе темнымъ, но звучнымъ терминомъ *космически-теллурическихъ вліяній*, и пустили въ свѣтъ.

Рядомъ съ этими витаніями изъ одной области фантазіи въ другую, Либермейстеръ сопоставляетъ простой, но раціональный взглядъ на моровыя болѣзни не ученаго, но сильнаго природнымъ смысломъ и логикой простого народа: «Господствовавшее во время каждой почти значительной эпидеміи, начиная съ аѳинской чумы, народное мнѣніе — будто вода въ колодцахъ была отравлена, имѣло, по крайней мѣрѣ, то преимущество передъ гипотезами, облаченными въ тогу учености, что оно предполагало извѣстную реальную причину бѣдствія» [1]).

Въ такомъ положеніи находилось ученіе объ инфекціонныхъ болѣзняхъ до самой революціи 1848 года. Еще и теперь мы не можемъ похвастаться яснымъ, вполнѣ округленнымъ представленіемъ самаго хода зараженія и заболѣванія во многихъ отдѣльныхъ и даже общихъ (эпидемическихъ) случаяхъ; еще до сихъ поръ толкуютъ о какой-то «constitutio epidemica», о какомъ-то «genius epidemicus» и о прочихъ звучныхъ терминахъ, лишенныхъ одного свойства — соединять въ себѣ какое-нибудь ясное и точное представленіе или понятіе.

Но все же съ 1848-го г. замѣчается усиленное развитіе мысли и умственной работы въ области хотя весьма ограниченнаго, но тѣмъ не менѣе важнаго отдѣла наукъ. Не успѣло человѣчество прожить цѣлыхъ три десятка лѣтъ, какъ теперешнее положеніе науки, ея пріобрѣтенія и развитіе достигли такихъ размѣровъ, какихъ она не успѣла сдѣлать за три столѣтія до 50-хъ годовъ. Читая памятники науки предшествующаго періода, какъ-то не вѣрится, что все это писано еще такъ недавно, — кажется, что цѣлая пропасть отдѣляетъ насъ отъ 30-хъ и 40-хъ годовъ нашего столѣтія.

Въ области естественныхъ наукъ первыя десятилѣтія второй половины XIX вѣка оставили неизгладимые слѣды усиленной работы талантливѣйшихъ изслѣдователей и мыслителей. Потребность строгаго отчета въ собственныхъ представленіяхъ и понятіяхъ, стремленіе подвергать встрѣчающіяся намъ явленія точному изслѣдованію и реальной критикѣ, проникли мало-по-малу въ медицину. Ставъ однажды на почву реальнаго изслѣдованія, отбро-

[1]) Liebermeister, l. c., p. 8.

Digitized by Google

свнъ въ сторону путь метафизическаго мышленія, критика должна была неминуемо произвесть радикальный переворотъ какъ во взглядахъ и пріемахъ врачей, такъ и въ самой *системѣ классификаціи* болѣзней. Работа эта, правда, далеко еще не кончена, даже—она только лишь начата, но тѣмъ не менѣе, она и теперь уже успѣла дать извѣстные плоды. Результатомъ этой работы явилось болѣе разумное направленіе въ планахъ и исполненіяхъ научныхъ изслѣдованій, тотъ настоящій путь, который одинъ только и въ состояніи довести медицину когда-нибудь до начертанной цѣли.

Вполнѣ правильное положеніе, по которому аналогичныя причины (при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, замѣтимъ въ скобкахъ) порождаютъ аналогичныя же явленія, увлекло прежнихъ мыслителей на совершенно ложный путь. Рельефности ради приведемъ слѣдующій, можетъ быть и не совсѣмъ подходящій примѣръ: дифтеритъ и сифилисъ—двѣ вполнѣ различныя, хотя и инфекціонныя болѣзни, разрушая организмъ человѣческій, могутъ, разумѣется, дать въ концѣ-концовъ не только аналогичный, но даже тождественный результатъ — смерть; возможно ли на основаніи подобнаго тождественнаго результата дѣлать даже приблизительныя предположенія объ аналогичности причинныхъ моментовъ? Возьмемъ другой, болѣе подходящій примѣръ. Два человѣка идутъ мимо строющагося зданія и беззаботно разговариваютъ. Одинъ изъ нихъ, положимъ, А — вполнѣ здоровый субъектъ, другой В страдаетъ аневризмой аорты. Вдругъ обрывается балка и съ высоты строенія падаетъ на голову А. Ударъ оказывается достаточно сильнымъ, чтобы моментально убить А, хотя теплая мѣховая шапка его защитила кожу отъ удара, такъ что наружныхъ знаковъ поврежденія при осмотрѣ могло не оказаться. Сильный толчокъ сердца, вызванный испугомъ, нервнымъ потрясеніемъ, при видѣ несчастнаго товарища, вызываетъ у В разрывъ аорты.—Результатъ: лежитъ бревно на землѣ и рядомъ съ нимъ два трупа — оба безъ знаковъ наружныхъ поврежденій. Здѣсь уже двѣ діаметрально противоположныя причины, при *разности* всѣхъ прочихъ условій, дали одинъ и тотъ же результатъ. Сходство конечныхъ результатовъ—часто наружное, кажущееся, самый же характеръ измѣненій въ обоихъ организмахъ совсѣмъ различенъ. Болѣе тѣсная аналогія встрѣчается уже тамъ, гдѣ двѣ разнородныя причины вызываютъ въ организмѣ болѣе или менѣе хроническіе процессы, кажущіеся однородными. Древніе врачи, имѣвшіе крайне поверхностныя и ложныя свѣдѣнія изъ нормальной и патологической анатоміи и физіологіи

Digitized by Google

человѣка, естественно судили о болѣзняхъ по тѣмъ наружнымъ явленіямъ, которыя были доступны ихъ крайне недостаточнымъ діагностическимъ пріемамъ. Понятно, что въ ихъ положеніи вся наука исчерпывалась болѣе или менѣе точнымъ наблюденіемъ и изученіемъ однихъ наружныхъ симптомовъ и леченіемъ этихъ симптомовъ. Такимъ образомъ, водянка — результатъ хроническаго страданія лихорадкой (malaria), и водянка, развивающаяся вслѣдствіе сердечной болѣзни, или болѣзни легкихъ, почекъ и т. д., — все это разсматривалось какъ однородныя болѣзни и лечилось тоже во всѣхъ случаяхъ одинаково. Дифференцированіе болѣзней строилось по тѣмъ же даннымъ [1]), и такимъ образомъ явились на свѣтъ всѣ тѣ имена и названія, которыя, указывая на тотъ или иной выдающійся *симптомъ*, не даютъ ни малѣйшаго представленія о характерѣ самого болѣзненнаго процесса: «краснуха», «водянка», «роза» (собственно «роза») и пр.

Эта древняя, чисто *симптоматологическая*, классификація болѣзней не могла выдержать напора критики, когда стали изучаться самые болѣзненные процессы, когда стала разработываться молодая наука — *патологическая анатомія*. Вскорѣ убѣжденіе въ необходимости судить о болѣзняхъ по существу ихъ стало господствующимъ — все ученіе медицины основывалось на анатомическихъ и патолого-анатомическихъ данныхъ. Въ этотъ, вполнѣ еще современный намъ періодъ, въ этотъ вѣкъ *цѣлюлярной* патологіи и господства микроскопа, діагностика достигла высшей степени своего развитія. Извѣстно, однако, что увлеченіе часто переходитъ границы, устанавливаемыя холоднымъ разсудкомъ; такъ случилось и здѣсь. Весьма крупные изслѣдователи не съумѣли воздержаться отъ этого абсолютно-монархическаго царствованія *діагноза* въ медицинѣ. Діагнозъ начиналъ и вѣнчалъ собою всю науку. Что могла сдѣлать несчастная *терапія*, когда ее ставили на задній планъ, когда ею не интересовались, почти забыли даже ее, и если не сдали въ архивъ памятниковъ древностей, то, пожалуй, поступили съ нею и того хуже, передавъ право владѣнія на нее цѣлому сонму шарлатановъ, ежедневно публиковавшихъ о себѣ во всевозможныхъ газетахъ и рекламировавшихъ самымъ безцеремоннымъ тономъ. Это увлеченіе въ медицинѣ достигло той точки, когда за патологическимъ процессомъ исчезала индивидуальность, личность больного. Облегченіе недуга перестало быть задачею врача патолого-анатомической школы. Ярко рисуются у меня въ памяти картины изъ прошлой

[1]) *Sauvages*, Nosologia methodica. T. I, p. 501.

Digitized by Google

академической жизни: страннымъ и смѣшнымъ можетъ показаться фактъ, что было время, когда среди *порядочныхъ* студентовъ считалось неприличнымъ толковать о медицинѣ съ точки зрѣнія леченія. Конечно, въ этомъ была своя доля правды, но самый принципъ былъ ложенъ. Все искусство, вся сила сообразительности, однимъ словомъ — весь внутренній міръ врача анатомо-патологической школы заключался въ постановкѣ *вѣрнаго* діагноза и въ подтвержденіи ея на секціонномъ столѣ. И надо сознаться — въ наше время, такъ много толкующее о гуманности, альтруизмѣ и другихъ прекрасныхъ чувствахъ души человѣка, приходилось нерѣдко всрѣчать въ журналахъ, диссертаціяхъ, отчетахъ и пр. коротенькую фразу, отлично характеризующую весь тонъ и принципъ занимающаго насъ направленія — «Patient ist aber *leider* nicht secirt worden!» Эта фраза не даетъ вамъ ни малѣйшаго намека на исходъ той или другой болѣзни,—живъ больной, или онъ умеръ? изъ отчета мы этого не видимъ; мы знаемъ лишь, что, къ сожалѣнію,—его, т.-е. не больного, а «паціента» (извѣстный патологическій случай) не удалось вскрыть, и такимъ образомъ не удалось химическими и микроскопическими изслѣдованіями подтвердить или опровергнуть сдѣланное при жизни предположеніе о томъ или иномъ развившемся болѣзненномъ процессѣ.

Рядомъ съ развитіемъ такого направленія въ медицинѣ, родилась новая школа, носящая въ себѣ задатки свѣжей и здоровой жизни, это—*школа этіологическаго* (причиннаго) *принципа*. По ученію ея, характеръ и свойства болѣзней зависятъ отъ характера тѣхъ причинныхъ моментовъ, дѣйствію которыхъ обязанъ своимъ развитіемъ и возникновеніемъ тотъ или иной патологическій процессъ. Индивидуальныя различія особей играютъ здѣсь извѣстную роль лишь по стольку, по скольку они споспѣшествуютъ или препятствуютъ воспринятію извнѣ того или иного яда, по скольку они способствуютъ пагубному дѣйствію на организмъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ вліяній, наконецъ, по скольку они благопріятствуютъ *развитію* тѣхъ или иныхъ вредностей, переданныхъ организму путемъ унаслѣдованія. Такимъ образомъ, разумная классификація болѣзней и пріемы леченія послѣднихъ должны быть построены и провѣрены на основаніи *причиннаго различія;* что же касается симптомовъ и самихъ болѣзненныхъ процессовъ, то ихъ значеніе остается и здѣсь болѣе діагностическаго свойства: они служатъ лишь вспомогательными средствами для главной цѣли — *леченія*.

Тогда какъ предъидущія системы имѣли въ виду лишь борьбу

Digitized by Google

съ развившимися продуктами болѣзненнаго состоянія, или же спокойное изученіе и наблюденіе болѣзненныхъ процессовъ въ организмѣ, этіологическій принципъ сдѣлалъ медицину обладательницею могучихъ средствъ для достиженія своей цѣли — онъ далъ намъ возможность дѣйствовать въ первой линіи противъ самыхъ причинъ заболѣваній, онъ создалъ *профилактику*. Тогда какъ симптоматологическая система развивала шарлатанство въ медицинѣ, а патолого-анатомическая школа вырывала своихъ исповѣдниковъ изъ рядовъ живыхъ бойцовъ за существованіе, этіологическій принципъ создалъ истинную терапію въ образѣ *причинныхъ показаній* (indicationes causales). Постепенно изучая основныя причины индивидуальныхъ и народныхъ болѣзней, изыскивая средства и путь, парализующія въ корнѣ разрушительныя дѣйствія этихъ вредныхъ моментовъ, — профилактика во многихъ отношеніяхъ отодвинетъ собственно терапію на задній планъ, — болѣе того, она даже сдѣлаетъ ее менѣе нужною, по крайней мѣрѣ, во многихъ отношеніяхъ. Не одна грозная эпидемическая болѣзнь со временемъ исчезнетъ съ лица земли, обитаемой цивилизованнымъ обществомъ. Необходима только небольшая оговорка къ этому розовому будущему человѣчества — мы все-таки остаемся при нашемъ твердомъ убѣжденіи, что медицина, какими бы интеллектуальными и матеріальными средствами она ни обладала, не въ состояніи сдѣлать, въ этомъ смыслѣ, почти ни одного шага впередъ, пока общество не проникнется само сознаніемъ необходимости обнаружить въ этомъ отношеніи свою самодѣятельность.

II.

Переходя теперь къ обширному и въ высшей степени интересному вопросу о болѣзнотворныхъ причинахъ всѣхъ эпидемическихъ болѣзней, а слѣдовательно и дифтерита, мы постараемся однако не злоупотреблять терпѣніемъ читателя и ограничимся краткой передачей сущности господствующей нынѣ въ медицинѣ теоріи зараженія черезъ *контагій*. Надѣемся въ другомъ мѣстѣ обстоятельнѣе разобрать эту теорію, составляющую по-истинѣ эру въ медицинѣ, и заключающую въ себѣ громадный общественно-научный интересъ. Дѣйствительно ли видѣлъ кто-нибудь этотъ живой контагій (contagium vivum), и дѣйствительно ли то, что видѣли нѣкоторые на самомъ дѣлѣ такой контагій — распространяться объ этомъ мы пока не будемъ; воздержимся также отъ разбора

Digitized by Google

безконечныхъ споровъ между контагіонистами и міазматиками съ одной стороны, и между этими двумя школами и приверженцами теоріи броженія—съ другой. Различіе всѣхъ этихъ взглядовъ и теорій скорѣе относительное, чѣмъ абсолютное, и читатель немного потеряетъ, если причислитъ ихъ всѣхъ къ одному и тому же роду. Сущность всего этого все-таки сводится къ общему положенію, по смыслу котораго, дифтеритъ, какъ и всѣ прочія заразныя болѣзни, обязанъ своимъ происхожденіемъ и развитіемъ вредному дѣйствію на организмъ человѣка низшихъ растительныхъ (?) организмовъ, тѣмъ или инымъ путемъ попадающимъ въ человѣка (т.-е. въ кровь и другіе соки человѣческаго тѣла), размножающимся въ немъ и ведущимъ въ концѣ-концовъ къ полному отравленію животнаго организма. Попавъ въ кровь и произведя въ ней неизвѣстныя пока намъ измѣненія, эти микроскопическіе организмы (вѣроятно, всѣ изъ класса грибовъ), лишаютъ питательные соки нашего организма способности поддерживать круговоротъ жизни, и такимъ образомъ ведутъ зараженный животный организмъ по пути тѣхъ *матеріальныхъ* измѣненій, которыя роковымъ образомъ кончаются смертью.

Теорія «живого контагія» совсѣмъ не такъ нова. Нѣкоторые древніе писатели усматривали уже причину болѣзней въ присутствіи маленькихъ живыхъ существъ, представленія о которыхъ, впрочемъ, значительно разнились отъ нашихъ современныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Въ наше время врядъ ли найдется шутникъ, готовый, подобно одному ученому XVII-го вѣка, вполнѣ серьёзно совѣтовать сильнымъ шумомъ (пальбой изъ пушекъ, барабанной трескотней и пр.) распугивать маленькихъ животныхъ, летающихъ въ воздухѣ во время эпидемій. Изъ этого должно заключить, что контагіонисты XVII-го вѣка воображали себѣ болѣзнотворную причину эпидемическихъ заразъ въ образѣ какихъ-то микроскопическихъ животныхъ—насѣкомыхъ, напримѣръ—носящихъ въ себѣ какой-то ядъ, прикосновеніе котораго къ тѣлу человѣка производило данную болѣзнь. О развитіи и размноженіи этихъ животныхъ въ самомъ организмѣ человѣка, о путяхъ, избираемыхъ ими для проникновенія въ соки человѣческаго тѣла у писателей прошлыхъ вѣковъ нѣтъ никакихъ указаній. По всей вѣроятности, этотъ вопросъ казался имъ слишкомъ страннымъ и даже несообразнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, все ученіе о живой болѣзнотворной причинѣ является разумнымъ и понятнымъ лишь въ той формѣ, которую оно приняло, благодаря работѣ контагіонистовъ и міазматиковъ послѣднихъ десятилѣтій текущаго XIX-го вѣка. Ученіе это могло родиться и вырости

Digitized by Google

въ понятную оформленную теорію, благодаря лишь послѣднимъ открытіямъ въ области микроскопической анатоміи и ботаники. Конечно, и теперь еще возможно спорить по поводу вопроса о томъ, дѣйствительно ли всѣ заразныя болѣзни обязаны своимъ появленіемъ низшимъ организмамъ, можно возставать даже противъ всей теоріи, въ той формѣ, которую она теперь приняла, — но отнять у нея извѣстную разумность, правдоподобность и дѣйствительную справедливость, касательно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ эпидеміологіи, — невозможно. Въ началѣ XIX-го вѣка теорія эта была еще такъ несовершенна, была построена на такихъ шаткихъ, чисто умозрительныхъ данныхъ, что неудивительно, если она возбуждала общее недовѣріе и была вполнѣ заброшена въ половинѣ нашего столѣтія, какъ несостоятельное ученіе, невыдерживающее никакой критики. Теорія эта была окрещена именемъ ненаучной и безсмысленной гипотезы и теряла съ каждымъ днемъ своихъ сторонниковъ. Но уже въ 1865 году Либермейстеръ [1]) пророчествовалъ ей полное господство въ наукѣ — и пророчеству его суждено было сбыться гораздо раньше и въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ это предполагалъ самъ Либермейстеръ.

Здѣсь однако приходится намъ прервать на время послѣдовательное изложеніе теоріи контагіонистовъ (которую, мимоходомъ сказать, мы и не разсчитываемъ исчерпать во всей подробности) и обратиться на минуту къ тѣмъ явленіямъ и процессамъ физіологіи природы, которыми занимается *патологія* (Pathologia), т.-е. наука о гніеніи.

Время сильнаго развитія и, пожалуй, самаго порожденія патологіи, какъ науки, совпадаетъ вообще со временемъ быстраго усовершенствованія всѣхъ естественныхъ наукъ. За нѣсколько десятковъ лѣтъ никто не предполагалъ такого вліянія патологіи на прочія естественныя науки, какъ это мы видимъ теперь. Химія, зоологія и ботаника, физіологія, медицина и гигіена, — всѣ эти и др. отрасли знанія человѣческаго черпаютъ въ огромномъ количествѣ важныя свѣдѣнія изъ этого отдѣла наукъ. Не касаясь агрономіи, агрикультурной химіи, заводской промышленности и техники, строющихъ на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ патологіи, цѣлыя отрасли производствъ, — мы укажемъ лишь на то, что микроскопъ, въ рукахъ Ehrenberg'a, Liebig'a, Pasteur'a и многихъ другихъ, открылъ цѣлыя міріады живыхъ

[1]) C. Liebermeister: Ueber die Ursachen der Volkskrankheiten. Akademische Antrittsrede. Basel, 1865.

Digitized by Google

организмовъ животнаго и растительнаго царствъ, существованіе которыхъ тѣсно связано съ тѣмъ или инымъ родомъ гніенія, и, въ свою очередь, значительно вліяетъ на болѣзненные процессы человѣческаго организма. Цѣлая отрасль медицинскихъ наукъ — гигіена — черпаетъ всѣ свои свѣдѣнія и законы изъ этого царства разложенія. Жизнь и все живое связаны крѣпкою цѣпью съ процессомъ гніенія. Только благодаря этому постоянному присутствію гніенія въ природѣ, возможно въ ней поддержаніе и дальнѣйшее развитіе жизни. Процессъ гніенія, являясь результатомъ смерти, распаденія органическихъ соединеній на простѣйшія составныя части, въ то же время — единственный истинный возбудитель жизни. Смерть — или, вѣрнѣе, гніеніе — и жизнь идутъ рука объ руку, поддерживаютъ и постоянно переходятъ другъ въ друга. Въ этомъ смыслѣ, извѣстная картина Верещагина, посвященная «великимъ полководцамъ всѣхъ странъ и временъ», одинаково справедливо можетъ считаться какъ эмблемой разрушенія, такъ и выраженіемъ жизни. Обыденныя выраженія наши: *смерть* и *жизнь*, соединяютъ собою совершенно ложныя представленія. Обыкновенно жизнь противополагается смерти; жизнью опредѣляется совокупность извѣстныхъ процессовъ въ организованномъ существѣ — будь то животное или растеніе, все равно; — подъ именемъ же смерти разумѣютъ тоже, большею частью, рядъ измѣненій и процессовъ, такъ или иначе исключающихъ собою представленіе о жизни. Что это за процессы, какими характерными чертами отличаются они отъ жизненныхъ, и дѣйствительно ли они такъ различны между собою? — этими вопросами на практикѣ не смущаются. Самый фактъ жизни и смерти кажется столь очевиднымъ и понятнымъ, что даже не рождается сомнѣнія въ противоположности этихъ процессовъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія медика и натуралиста, эти два процесса невозможно противополагать другъ другу уже по тому одному, что *жизнь* представляетъ собою, дѣйствительно, рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ измѣненій въ организмѣ, тогда какъ *смерть* есть лишь условное обозначеніе времени, а не какого-либо процесса, — это лишь одинъ моментъ, раздѣляющій собою процессъ жизни отъ процессовъ гніенія, — два ряда измѣненій, весьма схожихъ другъ съ другомъ, управляемыхъ одними и тѣми же физико-химическими законами и вмѣщающихъ въ себѣ явленія, входящія въ разрядъ физіологическихъ. Еще въ 1843 году Helmholtz [1]) ясно опредѣлилъ связь

[1]) Helmholtz. Ueber das Wesen der Gärung u. Fäulniss; Müller's Arch. 1843, p. 453.

Digitized by Google

и сходство этихъ двухъ процессовъ. Онъ говоритъ: «гніеніе и жизненный процессъ замѣчательно схожи другъ съ другомъ по тождеству матеріи, по способности распространенія и по тождеству условій, необходимыхъ для ихъ поддержанія или уничтоженія». Опираясь на эту идентичность явленій жизни и гніенія, Arnold Hiller [1]) разсматриваетъ ихъ какъ нормальныя физіологическія отправленія въ природѣ («physiologische Vorgänge in der Natur»). Жизненныя силы, измѣненія формы и состава химической матеріи, разложеніе однихъ соединеній и образованіе другихъ — равно характерны для обоихъ процессовъ, непосредственно примыкающихъ другъ къ другу и вѣчно переходящихъ одинъ въ другой. Такимъ образомъ, понятнымъ является и географическое распредѣленіе дѣятельности обоихъ процессовъ. Гдѣ жизнь течетъ наиболѣе быстро, гдѣ силы природы наиярче выражаются роскошнымъ и обильнымъ развитіемъ фауны и флоры, тамъ и процессы гніенія принимаютъ колоссальнѣйшіе размѣры. Песчаныя пустыни Африки и Азіи, голыя плоскогорья Альпъ и Кавказа, представляя собою скудную жизнь животнаго и растительнаго царства, тѣмъ самымъ не даютъ достаточной пищи гніенію. Наоборотъ, всѣ тропическіе и наши родные лѣса, задерживая влагу и привлекая подъ свою сѣнь тьму животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, осыпая ежегодно почву цѣлымъ слоемъ богатой листвы, въ высшей степени благопріятствуютъ гніенію, вѣчно поддерживаютъ его и, въ свою очередь, сами существуютъ и размножаются лишь благодаря этому самому гніенію.

Аналогія двухъ занимающихъ насъ процессовъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ это можетъ показаться изъ одной только зависимости ихъ существованія другъ отъ друга. Если мы постараемся вникнуть въ сущность химическихъ измѣненій тамъ и здѣсь, то невольно придемъ къ странному, на первый взглядъ, заключенію, — что между человѣкомъ, вѣнцомъ творенія, и трупомъ любого животнаго, существуетъ, въ смыслѣ химическаго измѣненія вещества, болѣе тѣсная, *родственная* связь, чѣмъ, напримѣръ, между дубомъ и опавшими осенью дубовыми листьями. Тогда какъ все царство растеній представляетъ собою какъ-бы реторту химика, служащую для производства сложнѣйшихъ химическихъ соединеній, — соединеній до того темныхъ, что современная химія, при всемъ успѣхѣ, достигнутомъ ею въ послѣднія десятилѣтія, не только не мечтаетъ произвести ихъ искусственнымъ путемъ, но даже не рѣшается опредѣлить того момента, когда составъ этихъ

[1]) Ar. Hiller. Die Lehre von der Fäulniss. Berl. 1879, p. 3 u. ff.

Digitized by Google

соединеній будетъ ей въ точности извѣстенъ,—животныя, на-ряду съ могилами городовъ и поверхностнымъ слоемъ почвы лѣсовъ и болотъ, служатъ главнымъ мѣстопроизводствомъ тѣхъ процессовъ, которые извѣстны намъ подъ именемъ *разложенія*. *Синтезъ* характеризуетъ собою растительное, *анализъ*—животное и мертвое царства. Воспринимая изъ растенія самыя сложныя органическія соединенія, каковы: бѣлокъ, сахаръ, алкоголь и пр., животный организмъ строитъ изъ этого, уже готоваго матеріала элементы (гистологическіе) своихъ тканей и переводитъ ихъ въ болѣе простыя составныя, каковы всѣ выдѣленія, экскременты животнаго. Умирая и тѣмъ самымъ подвергаясь гніенію, существа животнаго и растительнаго царства идутъ еще далѣе по тому же пути распаденія на элементарныя составныя соединенія, каковы: амміакъ, кислородъ, сѣрнистый и фосфорный водородъ, вода и пр. Воздухъ, влага и теплота играютъ главную роль въ этомъ постепенномъ расчлененіи сложныхъ органическихъ соединеній. Подъ вліяніемъ этихъ трехъ агентовъ, всякій остатокъ, равно какъ и человѣческій трупъ, или поблекшіе, опавшіе листья, сваленные на землю гиганты первобытныхъ лѣсовъ и пр.,—всѣ эти и подобные имъ предметы быстро претерпѣваютъ цѣлый рядъ измѣненій, пока, наконецъ, путемъ размельчанія, разжиженія и растворенія, съ одной стороны,—а путемъ испаренія и вступленія вновь въ другія соединенія, все болѣе и болѣе простѣйшія, съ другой — не превратятся въ тотъ черный, богатый неорганическими солями слой, что покрываетъ собою тучныя нивы и лѣсную почву. Этотъ слой извѣстенъ подъ именемъ чернозема, или просто жирной земли (humus). Заключая въ себѣ цѣлыя залежи необходимыхъ всякому растенію солей, этотъ черноземъ служитъ имъ пищею, обусловливающею собою болѣе или менѣе роскошное развитіе и процвѣтаніе растительной жизни, въ свою очередь опять идущей въ пищу животнымъ, и т. д., безъ конца. Весь круговоротъ органической жизни только и возможенъ въ силу того простого обстоятельства, что въ этотъ заколдованный кругъ вдѣлано звено, именующееся смертью и допускающее возможность гніенія въ необходимыхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, приходится согласиться, что смерть, т.-е. условное обозначеніе одного лишь момента, отдѣляющаго собою два *жизненныхъ* процесса—ростъ, развитіе, и тлѣніе, гніеніе—есть необходимая составная часть круговорота матеріи—жизненныхъ отправленій вселенной. Уже около трехсотъ лѣтъ тому назадъ, въ 1600 году, Giordano Bruno говорилъ: «То, что было дерномъ, становится травой, изъ нея выростаетъ злакъ, потомъ хлѣбъ,

Digitized by Google

пищевой сокъ, кровь, сѣмя животнаго, зародышъ; далѣе—человѣкъ, трупъ, снова земля, камень или иная какая-нибудь масса, и такъ далѣе... Мы видимъ здѣсь нѣчто превращающееся во всѣ эти предметы и, въ то же время, вѣчно остающееся тѣмъ же самымъ, чѣмъ оно было въ началѣ (метаморфоза). Если что-либо умираетъ—это лишь преддверіе новой жизни, это лишь расторженіе одного соединенія и образованіе (тотчасъ же) другого, новаго» [1]).

Породнившись, такимъ образомъ, другъ съ другомъ, питаясь одинъ на счетъ другого и производя въ то же время другъ друга, два міровыхъ процесса — созиданія и разложенія, идутъ рядомъ, вѣчно услуживая одинъ другому и вѣчно враждуя между собою.—Это тѣснѣйшіе друзья и заклятые враги. Густыя лѣсныя чащи, богатѣйшіе американскіе пампассы, обширнѣйшія болота, кишащія дичью всякаго рода—средоточія свободной первобытной жизни животнаго и растительнаго царствъ; города, промышленные порты, торговые центры древняго и новаго міра—средоточія цивилизованной жизни народовъ,— какъ тѣ, такъ и другіе суть огромныя кладбища, колоссальнѣйшія химическія лабораторіи, въ которыхъ безостановочно происходятъ процессы разложенія со всѣми ихъ послѣдствіями. Здѣсь, какъ и тамъ, путемъ механическаго размельченія, растворенія въ водѣ, выѣтриванья и т. д., мертвый организмъ распадается на простѣйшія составныя части свои. Но и наоборотъ—каждая помойная яма, каждая навозная куча служитъ исходной точкой энергичной молодой жизни разнообразнѣйшихъ существъ растительнаго и животнаго царства. Поглощая одни продукты гніенія, развивая и выдѣляя изъ себя новые элементы, это густое населеніе всѣхъ гніющихъ кучъ, самымъ процессомъ жизни, ускоряетъ процессъ разложенія. Кончится этотъ послѣдній—и дальнѣйшее развитіе перваго неминуемо прекратится. Это царство организмовъ низшаго порядка играетъ не малую роль въ экономіи природы. Ему обязаны своими характеристическими чертами всѣ процессы броженія, разложенія, а слѣдовательно и собственнаго гніенія. Можетъ быть, самый фактъ смерти во многомъ зависитъ отъ того или иного отношенія низшихъ грибковъ къ организму высшихъ представителей животнаго царства. По крайней мѣрѣ Бильротъ доказалъ присутствіе низшихъ организмовъ въ ткани человѣка уже спустя нѣсколько часовъ послѣ смерти. Если бы наши средства изслѣдованія были совершеннѣе, ничего нѣтъ мудренаго въ томъ,

[1]) См. у Büchner., Kraft u. Stoff, p. 13.

Digitized by Google

что мы были бы въ состояніи констатировать этотъ фактъ, а слѣдовательно и самый процессъ гніенія, гораздо раньше, можетъ быть въ самый моментъ смерти, и даже—до него. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего противоестественнаго въ томъ положеніи, что *—гніеніе и жизнь непосредственно примыкаютъ другъ къ другу, непосредственно переходятъ одна въ другое.*

Изслѣдованіями цѣлаго ряда выдающихся ученыхъ, какъ врачей по спеціальности, такъ особенно ботаниковъ и другихъ микроскопистовъ, установлено въ послѣднія десятилѣтія текущаго вѣка ученіе о развитіи, во всей окружающей насъ средѣ, живыхъ организмовъ низшаго порядка, вліяніе которыхъ на общественное здоровье оказывается гораздо значительнѣе, чѣмъ это предполагалось прежде. Бильротъ, Конъ, Вирховъ, Негели и др. выдающіяся свѣтила германской науки, наиболѣе причастны точнымъ наблюденіямъ въ области условій развитія, классификаціи, взаимныхъ отношеній между собою и вліянія этихъ низшихъ организмовъ на человѣка. Фактъ проникновенія ихъ въ нашъ организмъ и развитія ихъ въ немъ на счетъ жизненныхъ силъ и импульсовъ человѣка—доказанъ многократными неопровержимыми данными. Еще недавно профессоръ Гергардтъ имѣлъ случай демонстрировать предъ многочисленной публикой—спиральныя бактеріи (Spirobacteria), признанныя производителями возвратнаго тифа.

Если бы мы рѣшились окунуться въ сложный и спорный вопросъ классификаціи низшихъ растительныхъ организмовъ, которымъ приписывается такое громадное значеніе въ вопросѣ народнаго здравія, то мы попали бы въ такой дремучій лѣсъ разнорѣчивыхъ и спорныхъ опредѣленій, изъ котораго вернулись бы развѣ, потерявъ всякую надежду добраться до какого-либо путнаго результата. Можно бы насчитать цѣлый десятокъ именъ и названій, относящихся все къ одному и тому же роду или виду грибковъ, что, само собою разумѣется, только путаетъ и затрудняетъ врачей, незнакомыхъ вполнѣ со всѣмъ ученіемъ о низшихъ организмахъ. О прочей публикѣ, конечно, и говорить нечего. Самый фактъ этотъ уже указываетъ на колоссальную трудность самаго предмета изслѣдованія и на недостаточность нашихъ свѣдѣній въ этой отрасли знанія. Ботаники оказались въ этомъ отношеніи болѣе сильными систематиками, чѣмъ медики, да оно и понятно—имъ и книги въ руки. Въ виду этого обстоятельства, начнемъ и мы наше знакомство съ организованными болѣзнотворными причинами по тѣмъ даннымъ, которыми мы стали обладать со времени выхода въ свѣтъ замѣчательнаго труда

Digitized by Google

мюнхенскаго профессора Негели [1]). Въ дополненіе къ этому позволимъ себѣ здѣсь замѣтить лишь одно. Всѣ низшіе организмы, считающіеся болѣзнотворными причинами эпидемическихъ болѣзней, по всей вѣроятности принадлежатъ всѣ къ царству растеній, и именно къ роду грибковъ. На языкѣ медиковъ принято называть ихъ бактеріями, хотя филологически это названіе не во всѣхъ случаяхъ вѣрно. Вообще должно различать по формѣ строенія между самыми низшими грибками (по Nägeli—3-й видъ) двѣ разновидности—одни изъ нихъ шарообразной формы: coccus (шарикъ); другіе—палочкообразны: bacterium (палочка). Этотъ послѣдній видъ собственно и долженъ носить имя бактерій, превратившееся почему-то въ общее названіе. «Кокки», бо́льшею частію, называются, тоже неправильно, микрококками, такъ какъ micrococcus—собственно лишь одинъ видъ кокковъ, какъ mesococcus, какъ microbacterium и т. д.—Теперь обратимся къ вышеупомянутому сочиненію Негели.

Мюнхенскій профессоръ дѣлитъ всѣ низшіе организмы изъ порядка грибовъ, играющіе извѣстную роль въ процессѣ разложенія органическихъ соединеній, на три главныя группы, или класса: *плесень* (Mycelfäden, mycetes), *отростковые* или *ростковые грибы* (Sprosspilze, saccharomyces), и *составные* или *расщепляющіеся* (Spaltpilze, schyzomycetes). Первые два класса играютъ важную роль преимущественно во всѣхъ тѣхъ процессахъ, которые, уничтожая первоначальный характеръ органическихъ соединеній, обусловливаютъ тотъ рядъ измѣненій, который извѣстенъ всѣмъ подъ именемъ тлѣнія и броженія; третій же классъ организмовъ участвуетъ въ процессахъ гнилостнаго разложенія (гніенія въ тѣсномъ смыслѣ).

Плесень представляетъ собою, какъ извѣстно, конгломератъ тонкихъ микроскопическихъ нитей бѣловатаго цвѣта, переходящаго постепенно въ сѣрый, желтовый, зеленоватый, бурый и, наконецъ, черный. Грибки эти собираютъ въ обильномъ количествѣ въ сырыхъ и темныхъ углахъ, плохо вентилируемыхъ и протапливаемыхъ квартиръ, въ подвалахъ, погребахъ и проч., что извѣстно каждому уже съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ. Эта группа организмовъ образуетъ ту темноватую пленку, которою часто покрываются плохо консервируемые съѣстные припасы—колбасы, сыръ, плохо выпеченный хлѣбъ и пр. На обыкновенномъ разговорномъ языкѣ принято обозначать это состояніе из-

---

1) *C. v. Nägeli:* Die niederen Pilze in ihren Beziehungen zu den Infectionskrankheiten u. Gesundheitspflege. München. 1877.

Digitized by Google

вѣстнымъ выраженіемъ «зацвѣсть»: говорятъ, напримѣръ, «хлѣбъ зацвѣлъ». Если осторожно снять тонкую пленку обыкновенной плесени, концомъ булавки или иголки, и, положивъ ее на стекляшко, прибавить одну только каплю воды, то эта пленка вскорѣ совершенно пропитается влагою и какъ-бы распластается на стекляшкѣ; теперь стоитъ взять только обыкновенную лупу (зажигательное стекло) и разсматривать сквозь нее плесень, чтобы получить вѣрное представленіе о грубомъ строеніи ея. Дотронувшись концомъ булавки до препарата и слегка расщепляя его, легко убѣдиться, что маленькій кусочекъ обыкновенной плесени состоитъ изъ безчисленнаго множества тонкихъ нитей, представляющихъ собою каждая отдѣльный грибъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ родъ растительныхъ организмовъ, такъ часто незамѣтно примѣшивающійся къ нашей ежедневной пищѣ, попадаетъ съ нею вмѣстѣ въ нашъ организмъ въ огромномъ количествѣ. Можно было бы естественно предполагать, что эта примѣсь къ пищѣ человѣка должна бы оказывать извѣстное вредное дѣйствіе на наше здоровье, однако жизненная практика приводитъ къ противоположному заключенію. Если мы не можемъ признать за плесенью какого-нибудь полезнаго дѣйствія на нашъ организмъ, если мы и не въ правѣ причислить ее къ числу питательныхъ веществъ, то, съ другой стороны, мы положительно лишены права приписывать ей извѣстныя ядовитыя свойства. Это противорѣчило бы какъ повседневнымъ наблюденіямъ, такъ и спеціальнымъ изслѣдованіямъ по данному вопросу. Что становится съ плесенью, попавшею въ желудокъ человѣка, во что она превращается тамъ и переваривается ли въ тѣсномъ смыслѣ этого слова?—отвѣтить на этотъ вопросъ съ положительностью мы не беремся; мы констатируемъ лишь фактъ, что до сихъ поръ не удалось еще открыть плесени, какъ таковой, въ сокахъ и тканяхъ животнаго. Такимъ образомъ, мы должны признать плесень индифферентнымъ видомъ грибовъ, должны подтвердить ея безвредность. Страннымъ можетъ показаться на ряду съ только-что выведеннымъ нами заключеніемъ, общеизвѣстный фактъ быстраго съѣденья плесенью всѣхъ органическихъ соединеній, не связанныхъ съ живымъ организмомъ. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что плесень можетъ до тла уничтожить не только съѣстные припасы, но и другія болѣе или менѣе трудно поддающіеся гніенію предметы. Стоитъ лишь поставить на нѣсколько мѣсяцевъ любую обувь въ сырой шкафъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что такой плотный и крѣпкій предметъ, какъ кожа, будетъ доведенъ плесенью до состоянія негодности къ употребленію. По-

Digitized by Google

чему же, спрашивается, въ живомъ организмѣ, гдѣ достаточно и влаги и воздуха [1]), эти растительные организмы не развиваются, почему ихъ невозможно найти въ тканяхъ и полостяхъ только-что убитыхъ животныхъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы можемъ только предположеніемъ о вѣроятной погибели плесневыхъ грибковъ вслѣдствіе дѣйствія на нихъ желудочнаго и кишечнаго сока.

Второй классъ растительныхъ организмовъ — *отростковые грибы* (названы такъ у Негели по способу ихъ размноженія) представляетъ собою то, что въ обыденной жизни именуется «пивными или винными дрожжами»,—предметъ, который хорошо знакомъ каждой кухаркѣ, каждому булочнику, хотя навѣрно ни одинъ изъ нихъ и не подозрѣваетъ здѣсь присутствія какихъ-то живыхъ, оформленныхъ организмовъ. Каждая капля дрожжевого раствора заключаетъ въ себѣ цѣлыя тысячи существъ, представляющихся подъ микроскопомъ въ видѣ овальныхъ, или шарообразныхъ (клѣточка, Zelle), плавающихъ въ полѣ зрѣнія микроскопа то отдѣльно, то группами, то сплачивающихся между собою и принимающихъ четкообразную или древовидную конфигурацію. Присутствію этого-то грибка въ дрожжахъ обязано всякое тѣсто способностью «*подниматься*». — Судьба бродильныхъ грибковъ въ самомъ организмѣ человѣка не счастливѣе судьбы плесени. Нѣтъ сомнѣнія, что мы ежедневно принимаемъ внутрь огромное количество этого сорта грибковъ — хлѣбъ, печенія разнаго рода, сдобное тѣсто, пироги и пр. — но не только не умираемъ отъ этого, а даже не всегда испытываемъ тяжелыя слѣдствія дальнѣйшаго дѣйствія этихъ организмовъ въ нашемъ желудкѣ. Кислое броженіе, вызывающее изжогу, подниранье подъ ложечкой и прочія явленія, развиваются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и то больше у обжоръ, не знающихъ границъ чревоугодію. Причина безвредности бродильныхъ грибковъ лежитъ въ самомъ характерѣ ихъ дѣятельности. Попавъ въ желудокъ, они находятъ здѣсь самую подходящую почву для дальнѣйшаго развитія своего и размноженія. Быстро потребляя питательные элементы той среды, въ которую они попали, они самымъ процессомъ своего развитія создаютъ условія, неминуемо ведущія къ ихъ уничтоженію. Поглощая углеродъ сахаристыхъ и алкогольныхъ соединеній желудочной кашицы, отростковые грибы окисляютъ эти соединенія и переводятъ ихъ въ винную и др. кислоты, служащія препятствіемъ ихъ развитію, и такимъ об-

[1]) Съ каждымъ кускомъ хлѣба, проглатываемымъ нами, мы вводимъ въ желудокъ немалое количество обыкновеннаго воздуха, служащаго необходимой пищей всѣмъ организмамъ — высшимъ, какъ и низшимъ.

Digitized by Google

разомъ погибаютъ въ организмѣ животнаго, какъ и представители первой группы.

Почти во всѣхъ отношеніяхъ — какъ морфологическихъ, такъ и физіологическихъ — представляетъ собою противоположность только-что описаннымъ двумъ видамъ низшихъ организмовъ, третій классъ растительныхъ паразитовъ — Schyzomycetes, или *расщепляющіеся*. Уже въ силу однѣхъ физическихъ особенностей этихъ грибковъ, мы принуждены признать за ними необыкновенную способность быстро и легко проникать въ самыя мелкія отверстія и скважины нашихъ тканей. Величина и вѣсъ ихъ такъ неизмѣримо малы [1]), что они пожираются кровяными и лимфатическими тѣльцами, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ послѣдними. Что касается подробностей анатомическаго строенія этихъ организмовъ, то этотъ вопросъ будетъ, вѣроятно, еще очень долго занимать изслѣдователей-спеціалистовъ. До сихъ поръ самые лучшіе оптическіе инструменты, которыми мы обладаемъ, не въ состояніи дать намъ сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ въ этомъ отношеніи. Организмы эти столь малы, что, по словамъ Негели, даже лучшіе микроскописты рѣдко узнаютъ ихъ правильно, а многимъ вовсе неизвѣстны видъ и форма нѣкоторыхъ (конечно, мельчайшихъ) видовъ этихъ растительныхъ организмовъ. Вообще говоря, всѣ schyzomycetes, которыхъ принимаютъ теперь нѣсколько видовъ и родовъ, представляютъ собою кругловатыя или шарикоподобныя, овальныя или удлиненныя клѣтки (Zelle), живущія то отдѣльно, то соединяясь группами, причемъ образуется подъ микроскопомъ картина тончайшихъ *палочекъ*, *нитей*, рѣже, *пластинокъ* или *кубиковъ*.—Таковы главнѣйшіе элементы, сопровождающіе всѣ процессы гніенія и разложенія въ природѣ. Имъ-то и приписываетъ новѣйшая наука свойства носителей и возбудителей цѣлаго ряда конституціональныхъ болѣзней и всѣхъ воспалительныхъ процессовъ.

А. Карвицкій.

Вюрцбургъ, въ Баваріи.

---

[1]) Величина различныхъ видовъ этого рода организмовъ колеблется между $^1/_{200}$ и $^1/_{2000}$ миллиметра; вѣсъ ихъ въ высушенномъ состояніи высчитанъ, для самыхъ большихъ видовъ, въ $^1/_{250.000.000}$ миллиграмма, а для самыхъ малыхъ — въ $^1/_{30.000.000.000}$; такимъ образомъ, чтобы составить 1 граммъ необходимо болѣе 30 биліоновъ недѣлимыхъ, а для одного грана (grj)—около 2-хъ биліоновъ.

Digitized by Google

СОЛНЦЕ

Сцена изъ поэмы о Мірозданіи.

Творецъ—на тронѣ. Передъ нимъ сонмы ангеловъ и демоновъ. Облака, окружающія тронъ, вдругъ озаряются ослѣпительнымъ блескомъ.

Творецъ.

Сокрылся мракъ—и пламя охватило
Поверхность тучъ, плывущихъ надо мной.
Подобное создать хочу свѣтило
И солнцемъ звать, да свѣтитъ надъ землей.
Вы знали тьму, вы зрите волны свѣта:
Скажите мнѣ: во благо-ль я рѣшилъ?

Одинъ изъ демоновъ.

Тебѣ-ль, Господь, родникъ творящихъ силъ,
Тебѣ-ль просить у разума совѣта?
Ты разума мудрѣе; ты силенъ,
Ты поразилъ Хаосъ рукой могучей,
Ты повелѣлъ—и вотъ зардѣлись тучи,
И для земли небесный свѣтъ зажженъ.
Счастливая! О, какъ завидна доля
Тѣхъ ангеловъ, что будутъ жить на ней!....

Но, можетъ быть, властительная воля
Рѣшитъ не такъ, и ширь земныхъ полей
Не ангеламъ, а смертнымъ дѣтямъ праха
Назначишь ты обителью—тогда
Земныхъ племенъ грядущая судьба

Digitized by Google

Не завистью, но вѣщимъ чувствомъ страха
Томитъ мой духъ...

И въ благахъ есть предѣлъ,
Избытокъ благъ есть зло. Какъ въ мірозданьи
Ты расчленилъ всю цѣпь великихъ дѣлъ
На звенья — такъ да существуютъ грани
И въ цѣпи благъ, даруемыхъ тобой.
Кто ниже сталъ на лѣстницѣ твореній,
Тотъ низшихъ благъ достоинъ. Червь земной,
Презрѣнный прахъ, живущій во мгновеньи —
И этотъ блескъ ему?! Нѣтъ, рабъ судьбы —
Ослѣпнетъ онъ, едва на солнце взглянетъ,
И для него — вотъ лишнихъ благъ плоды —
Не вѣчный свѣтъ, а вѣчный мракъ настанетъ.
И будетъ онъ скорбѣть, объятый мглой,
И солнце клясть, скитаясь безъ цѣли.
Господь, Господь! О, сжалься надъ землей
И повели, чтобъ тучи потускнѣли!

Одинъ изъ ангеловъ.

Я видѣлъ, какъ цѣпь необъятной вселенной
Звено за звеномъ ты, Господь, созидалъ.
То свѣтлый восторгъ мое сердце сжималъ,
То вѣра, то гордость, то ужасъ священный:
Творецъ! Въ безконечной цѣпи твоихъ дѣлъ
Я равныхъ двухъ звеньевъ найти не умѣлъ...

Различны они, но равно прославляютъ
Премудрость твою совершенствомъ своимъ.
Песчинка земли и святой херувимъ
Твой разумъ и силу равно воплощаютъ,
Равно говорятъ про твою благодать.
И если въ цѣпи мірозданія стройной
Нѣтъ твари, тебя отражать недостойной,
Такъ есть ли — чтобъ солнце твое отражать?..

Ты солнца свѣтлѣе. Кого-жъ ослѣпили,
Несчастьемъ и скорбью кого поразили
Твой разумъ и сила? Съ тѣхъ поръ какъ Хаосъ
Низвергъ ты и тронъ его — мертвую груду —
Живящимъ дыханьемъ согрѣлъ ты — повсюду
Ты радость, свободу и счастіе внесъ.

Digitized by Google

И высшихъ, и низшихъ, любви всеобильной
И благости равной ты обнялъ крыломъ.
Ты—благо, всемудрый, ты—благо, всесильный,
Ты—благо, а благо не можетъ быть злымъ!...

Господь! Если свѣтъ только благо предъ тьмою,
То свѣтомъ чистѣйшимъ пусть солнце горитъ,
Пусть небо и землю съ любовью одною,
Безплотныхъ и смертныхъ равно озаритъ.
Какъ блескъ твоей славы нетлѣнной и ясной,
Пусть льется на всѣхъ его свѣтъ неугасный.
Я знаю: во всей его чудной красѣ
Великое солнце постигнуть не всѣ.
Но, Боже, и разумъ твой всякъ-ли объемлетъ?
Лишь высшимъ блаженство сознанья дано,
А въ низшихъ сознаніе спитъ или дремлетъ.
Твой разумъ же всѣхъ обнимаетъ равно...
Неравный восторгъ пусть пробудитъ лучъ знойный,
Но свѣта, какъ Бога, равно всѣ достойны...

И грезится мнѣ: будетъ дѣтямъ земли
Горящее солнце казаться святыней...
И если средь смертныхъ родятся въ пыли
Надменные сердцемъ, больные гордыней,
И будутъ томиться землей, какъ пустыней —
Лишь солнца не будутъ они проклинать,
Лишь къ солнцу предсмертный свой взоръ поднимать.

Я вѣрю, о, Боже! Блаженство невольно
Мнѣ душу объемлетъ. Нѣмѣетъ языкъ.
Ты свѣту не скажешь: «Померкни! довольно!»
Чистѣйшаго свѣта чистѣйшій родникъ!
Я вѣрю... Хвала уже въ сердцѣ готова.
Я вѣрю и жду всепобѣднаго слова...

ТВОРЕЦЪ.

Да будетъ свѣтъ!...

Изъ бездны Хаоса поднимается шаръ и загорается тѣмъ же ослѣпительнымъ свѣтомъ. Ангелы падаютъ ницъ. Солнце приходитъ въ движеніе...

Н. МИНСКІЙ.

Digitized by Google

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

V *).

Статья Самарина, о которой мы говорили, представляетъ самое характерное изложеніе взгляда на польскій вопросъ въ славянофильской школѣ. Переходя еще къ нѣкоторымъ варьяціямъ этого взгляда, сдѣлаемъ сначала одну оговорку.

Если возможно «примиреніе», о которомъ не мало писалось въ послѣднее время, для него требуются два условія, каждое — sine qua non: во-первыхъ, чтобы подобное направленіе могло найти опору въ какихъ-либо правительственныхъ актахъ, которые способны были бы сдѣлать извѣстное впечатлѣніе въ польскомъ обществѣ, въ успокоительномъ смыслѣ,—безъ этого толки о примиреніи для польскаго большинства остались бы пустыми фразами, да и у насъ едва ли бы могли продолжаться; вторымъ, въ сущности еще болѣе важнымъ условіемъ должно быть серьёзное вниманіе обѣихъ сторонъ къ существу вопроса, правдивое и критическое изученіе этого печальнаго между-славянскаго разногласія. Отъ большинства трудно требовать такого изученія; но болѣе разумное, болѣе образованное меньшинство къ нему обязано, даже если бы настоящее и не представляло тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какія мы сейчасъ предположили. Это

*) См. выше: апрѣль, стр. 686.

Digitized by Google

безпристрастное изученіе вопроса необходимо, разумѣется, для обѣихъ сторонъ; нужно обѣимъ понять свое взаимное положеніе, отложивъ пока въ сторону накопившееся раздраженіе и недовѣріе. Мы не скрываемъ отъ себя, что поляку очень нелегко это сдѣлать—какъ не совсѣмъ легко и нашему среднему человѣку освободиться отъ противо-польскихъ предубѣжденій; но есть серьёзныя соображенія, которыя должны побудить къ этому польскихъ образованныхъ людей. Прежде всего *собственный интересъ*. Какъ бы ни смотрѣли они на русскихъ и русскія отношенія, хотя бы совершенно враждебно, въ ихъ собственномъ интересѣ важно понять истинный характеръ своего противника; заблуждаться о немъ — значитъ, вредить самому себѣ: напримѣръ, заблуждаться объ его матеріальной силѣ,—когда хочешь съ нимъ бороться, или заблуждаться объ его внутреннемъ содержаніи,—когда воображаешь свое превосходство надъ нимъ. Но притомъ этотъ интересъ становится первостепеннымъ, когда все новѣйшее положеніе вещей должно убѣдить, что для польскаго народа, вѣроятно, не въ очень далекомъ будущемъ предстанетъ общее дѣло, гдѣ онъ можетъ—и для собственнаго самосохраненія долженъ—идти вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ и народомъ; это — угрожающее положеніе Германіи. Второе, что должно побуждать къ взаимному изученію, есть интересъ умственный, *критика*, которая для истинно-образованнаго ума обязательна, потому что она только даетъ право его рѣшеніямъ. Она опять, конечно, обязательна для обѣихъ сторонъ, но едва ли мы ошибемся, сказавши, что съ польской стороны ея требовалось бы гораздо больше, нежели съ русской. Весь національный польскій характеръ живѣе, подвижнѣе, богаче фантазіей, наклоннѣе къ преувеличенію, суетливѣе и самолюбивѣе, нежели русскій, и тѣмъ самымъ онъ менѣе наклоненъ слушаться строгой, сухой, иной разъ непривлекательной критики. Недостатокъ ея въ изложеніяхъ польской исторіи отражался на представленіяхъ современныхъ и не помогалъ ихъ правильности. Только отсутствіе критики могло породить и дать ходъ, напримѣръ, извѣстной теоріи Духинскаго, что русскіе — племя туранское, или изображенію племенной и религіозной борьбы малороссовъ противъ Польши какъ «хлопскаго бунта», или объясненію паденія Польши одними интригами русской политики временъ Екатерины, или мечтамъ о мессіанизмѣ и т. д. Думаемъ, что русская литература въ этомъ отношеніи смотритъ на вещи шире и могла бы, примѣрами критическаго безпристрастія къ своему прошедшему и

Digitized by Google

настоящему, внушить то уваженіе и довѣріе, которыя ей слѣдуютъ и которыя могутъ послужить основаніемъ для литературнаго сближенія и потомъ взаимнаго общественнаго пониманія. Нашу литературу разславили свои и чужіе за ея «отрицательное направленіе»; но, отбросивъ глупыя клички и всматриваясь въ сущность явленія, не трудно видѣть, что основа этого «отрицанія» лежитъ въ глубокой потребности слѣдить за успѣхами научной мысли, провѣрять теоретическую силу существующихъ понятій, слишкомъ часто напоминающихъ о своей несостоятельности, искать новыхъ путей для достиженія общественнаго и народнаго блага, болѣе широкаго обезпеченія личности. Въ этомъ направленіи бывали—особенно въ популярныхъ повтореніяхъ—ошибки, преувеличенія, но съ другой стороны онѣ вознаграждались обиліемъ трудовъ научныхъ, нерѣдко замѣчательнаго достоинства. Въ литературѣ художественной довольно назвать имена Тургенева, Льва Толстого, Некрасова, Салтыкова, чтобы указать великія пріобрѣтенія, данныя реализмомъ и сатирой.

Къ *этой* научно-критической и художественной области русской литературы — а это ея лучшая область — польская образованность могла бы обращаться съ полнымъ довѣріемъ, могла бы найти въ ней много и сочувственнаго, и поучительнаго; ея художественныя произведенія доставили бы богатую пищу чувству изящнаго,—что давно уже увидѣли въ Европѣ, гдѣ, не говоря о Тургеневѣ и Львѣ Толстомъ, пытались переводить даже Салтыкова, самаго непереводимаго изъ русскихъ писателей.

Польская литература старыхъ временъ не была лишена своей сильной критической струи; она, впрочемъ, не могла стать господствующей, и въ тревожныхъ событіяхъ нынѣшняго вѣка почти совсѣмъ замерла, уступивъ мѣсто разгорячennому и мистическому романтизму. Къ счастью, можно сказать, что въ послѣднія десятилѣтія она пробивается вновь—въ трезвой оцѣнкѣ стараго и недавняго прошлаго, исторіи и литературы, въ попыткахъ борьбы противъ революціонной фантастики. Такова краковская историческая школа, таковы нѣкоторые новые опыты въ литературѣ варшавской. Для насъ это новое вѣяніе можетъ быть только сочувственно, потому уже, что сходится съ общей наклонностью нашей собственной литературы.

На этомъ пути обѣ литературы—при доброй волѣ—могутъ сойтись въ сходномъ пониманіи многихъ существенныхъ вопросовъ русской и польской исторической жизни и современности, — и въ особенности положить начало выясненію того историческаго раздора, который такъ тяжело ложится на польскомъ об-

Digitized by Google

ществѣ и такъ вредитъ обѣимъ сторонамъ, и затѣмъ (какъ надо желать) — выясненію общаго пути въ будущемъ. Дѣло, разумѣется, нелегко, но, по нашему мнѣнію, возможно, а по внѣшнимъ обстоятельствамъ политическимъ становится необходимо.

Такъ, между прочимъ, польской литературѣ было бы важно познакомиться съ тѣмъ, что говорилось съ нашей стороны о польскомъ вопросѣ и дружелюбно, и враждебно. Мы замѣчали выше, что говорилось въ литературѣ далеко не все, что думалось, и не высказались въ особенности тѣ мнѣнія, которыя настроены были примирительно: въ разгарѣ возстанія ихъ не допускали и внѣшнія условія печати, и вообще большая еще непривычка массы русскаго общества къ независимому мнѣнію. Но и въ томъ, что писалось противниками «полонизма» (мы разумѣемъ писателей болѣе серьёзныхъ), польскій читатель найдетъ среди полемики, захватывающей самые принципы, много искренняго убѣжденія, съ которымъ надо считаться, много историческихъ вопросовъ, которые нужно разъяснить, и, наконецъ, при всемъ противорѣчіи взглядовъ въ настоящую минуту, много племенныхъ сочувствій, которыя слѣдуетъ оцѣнить.

Славянофилы, безъ сомнѣнія, — самые серьёзные противники современнаго польскаго направленія умовъ, не тѣ полонофаги, которыхъ главное побужденіе состояло въ злобномъ раздраженіи, и которые не имѣли и дома уваженія людей истинно просвѣщенныхъ. Славянофилы ставили вопросъ на почву коренныхъ принциповъ, и хотя способъ постановки былъ черезъ мѣру отвлеченный и едва ли возможный въ дѣйствительности, но постановка дѣлалась по искреннему убѣжденію и заключала не мало вѣрныхъ положеній историческихъ.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей славянофильской школы былъ Гильфердингъ; въ одномъ отношеніи онъ былъ и главнымъ ея представителемъ, именно — какъ отличный историческій и практическій знатокъ славянства. Въ публицистическихъ трудахъ своихъ о славянствѣ онъ не разъ обращался къ польскому вопросу и спеціально останавливался на немъ въ періодъ польскаго возстанія. Тогда, именно въ теченіе 1863 г., были написаны имъ три статьи: «За что борются русскіе съ поляками?»; «Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?»; «Положеніе и задача Россіи въ царствѣ польскомъ» [1]), — статьи

[1]) Эти статьи явились сначала въ „Русскомъ Инвалидѣ", были повторены въ „Дн[illegible] и вошли въ „Собраніе сочиненій", II, 291—363. Къ нимъ надо прибавить еще: „Письмо къ г. Ригеру о русско-польскихъ дѣлахъ", тамъ же, стр. 279—291.

Digitized by Google

эти составили довольно цѣльный трактатъ о польскомъ вопросѣ, который, по изложенному сейчасъ нашему мнѣнію, заслуживалъ бы серьёзнаго вниманія польскихъ историческихъ и политическихъ изслѣдователей. Мы поставили впередъ статью Самарина, потому что она передаетъ общій взглядъ старшаго поколѣнія школы, который былъ воспринятъ Гильфердингомъ какъ готовый; но Гильфердингъ, принявши теорію, самостоятельно ее развивалъ и обставилъ историческими фактами, польскими и русскими,— такъ что съ этой стороны она богаче объясненіями и доказательствами.

Такимъ образомъ, мы не имѣемъ надобности останавливаться на основаніяхъ взгляда Гильфердинга — намъ пришлось бы повторить то, что мы говорили по поводу Самарина; мы приведемъ лишь нѣсколько подробностей.

Весь взглядъ Гильфердинга, какъ цѣлой школы, основанъ на указываемой ими противоположности самыхъ глубокихъ принциповъ польской и русской исторической жизни. Польша подчинилась религіи и культурѣ западно-европейской; религія, принятая русской землей, связала ее съ восточнымъ античнымъ міромъ, стоявшимъ внѣ западно-европейской семьи, и притомъ эта религія не вмѣшивалась во внутренній распорядокъ жизни, такъ что народный бытъ могъ свободно сложиться въ самобытный и сильный организмъ. Здѣсь и былъ источникъ всѣхъ историческихъ столкновеній: когда западныя идеи, католичество, рыцарство, латинская образованность вошли въ плоть и кровь поляковъ, стали для нихъ идеаломъ, то нести этотъ идеалъ къ другимъ славянамъ, его не знавшимъ, становилось священнымъ завѣтомъ для польскаго народа... Русь тѣхъ временъ довольно легко поддавалась пропагандѣ, — но когда пропаганда стала насиліемъ и угнетеніемъ, когда она затронула самые чувствительные нервы русской народной жизни, — произошелъ взрывъ, борьба на жизнь и смерть.

Что сами поляки не вполнѣ понимаютъ свою историческую роль — это извѣстно, и Гильфердингъ приводитъ эту мысль въ словахъ талантливѣйшаго изъ польскихъ историковъ, Шайнохи, который такъ опредѣляетъ самое начало польской исторіи: «Токъ жизненныхъ силъ этого великаго тѣла (древней Польши) стремился отъ запада къ востоку. Эти двѣ противоположныя стороны были двумя полюсами Польши со временъ Мечислава и въ послѣдующіе вѣка; западъ — ея воспріемлющимъ полюсомъ, которымъ проникало въ нее организаціонное вліяніе остального цивилизованнаго міра (т.-е., какъ упомянуто, католицизмъ, ры-

Digitized by Google

царство, латинская образованность); востокъ — полюсомъ дѣйствующимъ, гдѣ это усвоенное внутреннимъ процессомъ чужое вліяніе воздѣйствовало самостоятельно на дальнѣйшемъ, въ началѣ не имѣвшемъ еще опредѣленныхъ очертаній, поприщѣ историческомъ. Проникновеніе этимъ органическимъ вліяніемъ было, очевидно, начальною, первою эпохою этой дѣятельности; распространеніе того же вліянія на дальнѣйшіе края — позднѣйшею, второю»... Указывая въ другомъ мѣстѣ на первый примѣръ католическаго польскаго прозелитизма при бракѣ русскаго князя Святополка съ польскою княжною, дочерью Болеслава Храбраго, Шайноха замѣчаетъ, что «такъ какъ не востокъ имѣлъ на западъ, а западъ на востокъ цивилизующее вліяніе, то не изъ Руси, а изъ Польши выходила эта невольная дѣятельность необходимаго прозелитизма»... Шайноха продолжаетъ: «Это религіозное вліяніе было такъ же важно, какъ велика была разница между *исповѣданіемъ запада и востока*. Разницы этой нельзя искать только въ новѣйшихъ временахъ раздѣленія этихъ церквей, но въ самомъ началѣ христіанства, въ совершенно различномъ ихъ положеніи и, по тому самому, развитіи. Церковь восточная подчинилась преобладанію свѣтской власти, сперва византійскихъ императоровъ, потомъ государей каждой отдѣльно страны — и, наконецъ, нашла въ этихъ государяхъ свое средоточіе, свое начальство и, утонувъ въ сліяніи, такъ сказать, съ свѣтскою властью, утратила свою нравственную силу, сдѣлалась орудіемъ свѣтскихъ цѣлей» (въ этихъ словахъ Шайнохи, — замѣчаетъ Гильфердингъ, — отражается общій взглядъ поляка и западнаго человѣка, *смѣшивающій* церковь съ іерархіей и принимающій невмѣшательство въ политическія дѣла за раболѣпство). «Напротивъ того, церковь западная, которой именно въ эпоху появленія Польши и Руси на историческомъ поприщѣ грозила такая же участь неволи передъ свѣтскою властью, успѣла освободиться отъ этого вещественнаго ярма, вооружила духъ противъ плоти и, вызвавъ исполинскую войну власти духовной, папской, противъ свѣтской власти германскихъ императоровъ, — это, самое величественное зрѣлище всемірной исторіи, — вызвала, дальнѣйшими послѣдствіями этой войны, нынѣшнее западно-европейское просвѣщеніе, у котораго весь восточно-христіанскій міръ не смѣетъ *еще* оспаривать превосходства» [1]).

---

[1]) Выписки сдѣланы изъ книги Шайнохи: „Bolesław Chrobry", стр. 11, 176. Шайноха забывалъ только, что „нынѣшнее западно-европейское просвѣщеніе" развилось между прочимъ именно черезъ *отрицаніе* римскаго католическаго принципа.

Digitized by Google

Если дѣйствительно западная жизнь есть высшій идеалъ человѣчества,—говоритъ Гильфердингъ,—то польское дѣло есть исторически правое; такъ въ самомъ дѣлѣ и думаетъ бо́льшая часть поляковъ, это объясняютъ большинство польскихъ мыслителей. Но Шайноха не высказывается совершенно положительно: Польша присоединилась къ западно-европейскому просвѣщенію, у котораго восточно-христіанскій міръ *еще* не смѣетъ оспаривать превосходства. А если онъ когда-нибудь станетъ его оспаривать,—спрашиваетъ Гильфердингъ,—если темная масса русскаго народа оказалась убѣжищемъ и хранительницей духовной и общественной самобытности славянскаго племени?

«Въ такомъ случаѣ,—говоритъ далѣе Гильфердингъ,—мы (не обвиняя, разумѣется, въ частности ни прежнихъ помѣщиковъ польскихъ, ни поляковъ, современниковъ нашихъ, ибо это невольный плодъ исторической судьбы), мы сказали бы, что Польша совершила историческую измѣну славянскому дѣлу, что въ прошедшемъ, казавшееся столь близкимъ торжество польскаго владычества въ русской землѣ убило бы всю будущность славянскаго племени и что, въ настоящемъ, поляки, вооружающіеся во имя преданій своей прежней исторіи противъ русской земли, тѣмъ самымъ ратуютъ противъ исторической будущности славянскаго міра... И таковъ именно *наш*ъ взглядъ на эту борьбу... Но, впрочемъ, кому что́ за дѣло до нашего взгляда? Исторія представляетъ факты, ея логика сильнѣе нашихъ теоретическихъ выводовъ».

Послѣ, публицисты извѣстнаго сорта много разъ повторяли фразу объ исторической «измѣнѣ» Польши славянству. Гильфердингъ сказалъ фразу очень осторожно, какъ оборотъ рѣчи; другіе нелѣпо повторяли ее въ буквальномъ смыслѣ. Но кому же Польша обязывалась, если говорятъ объ «измѣнѣ»? Разумѣется, никому не обязывалась, когда въ первыя времена своей исторіи встрѣтилась съ вліяніями западной образованности, римской церкви, рыцарства и т. д., которымъ не противодѣйствовало другое равное вліяніе; и слѣдовательно никому не измѣняла. Если переносить въ исторію подобныя понятія, то совершало измѣну все западное славянство, не только поляки, но чехи, моравяне, словаки, лужичане, хорваты, словенцы, когда принимали римскій католицизмъ; чехи, во времена Гуса, собирались-было поправить «измѣну», но были подавлены силой, и теперь опять «измѣняютъ» со всѣмъ остальнымъ западнымъ славянствомъ... Но если разсуждать въ подобномъ смыслѣ, сколько «измѣнъ» славянской идеѣ совершено было, въ другихъ отношеніяхъ, самою русскою жизнью, и въ

Digitized by Google

такія времена, когда исторія могла идти не въ потьмахъ впередъ, какъ средніе вѣка, а могла уже быть освѣщена національнымъ сознаніемъ!

Гильфердингъ очень послѣдовательно проводитъ уже извѣстный намъ взглядъ школы; какъ писатель серьёзный, онъ не скрываетъ фактовъ, и въ его собственномъ изложеніи указаны историческія явленія, объясняющія, какимъ образомъ Польша могла укрѣпиться въ своихъ идеалахъ. Гильфердингъ замѣчаетъ, что первыя усилія Польши въ пропагандѣ воспринятыхъ ею западныхъ началъ сопровождались невѣроятными успѣхами. Дѣло въ томъ, что, кромѣ того, что она хотѣла быть проводникомъ католичества, она была проводникомъ *образованности*. «Русская земля влеклась, такъ-сказать, *сама* къ свѣту цивилизаціи, къ развитому общественному строю, съ которымъ выступала (въ XIV вѣкѣ) Польша. *Почти безъ насилія* земля галицкая присоединилась къ ней при Казимирѣ Великомъ. Это было *первымъ шагомъ* къ нравственному завоеванію поляками русскихъ земель. Примѣръ Галиціи возбудилъ въ полякахъ сознаніе той будущности, которая открывалась имъ на славянскомъ востокѣ»... [1]).

Начался извѣстный рядъ политическихъ, церковныхъ и образовательныхъ вліяній и завоеваній Польши въ русскихъ земляхъ, и вмѣстѣ рядъ враждебныхъ столкновеній. Малороссію Польша считала своею; польское знамя было водружено въ самой Москвѣ. Но съ этого торжества начинается и обратное теченіе. «Изгнаніе поляковъ изъ московскаго государства было первымъ шагомъ въ этомъ новомъ историческомъ періодѣ: русская земля полагала въ себѣ предѣлъ распространенію польскихъ началъ. Возстаніе Малороссіи было вторымъ шагомъ: русская земля заявляла потребность освободиться отъ нихъ и тамъ, гдѣ они уже водворились. Третьимъ шагомъ была реформа Петра I, которая имѣла въ русско-польскомъ вопросѣ то огромное значеніе, что она отняла у польской пропаганды на Руси разумную цѣль, что она упразднила, такъ-сказать, историческую задачу Польши въ отношеніи къ русской землѣ»;—т.-е. упразднила ея послѣднее, *образовательное* значеніе. «Пока Польша была образована, а Россія невѣжественна, вопросъ былъ еще сомнителенъ, какой сторонѣ принадлежитъ будущность въ славянскомъ мірѣ». Эти послѣднія указанія очень справедливы, и именно выясняютъ важную сторону русско-польскихъ отношеній, сторону образовательную, которая обыкновенно упускалась изъ виду нашими обличителями «полонизма».

---

1) Собраніе Соч., II, стр. 299—300.

Digitized by Google

Признавъ въ старые вѣка почти добровольное влеченіе русскихъ земель къ Польшѣ, Гильфердингъ и далѣе признаетъ, что русское противодѣйствіе польскимъ началамъ (заявленіе «духовной и общественной самобытности славянскаго племени») и послѣ Петра было еще очень слабо, такъ что поляки легко могли оставаться при своемъ старомъ понятіи о значеніи своемъ въ русской землѣ. Екатерина присоединила къ Россіи западный край, но предоставила его русское населеніе тому же внутреннему польскому господству, какое было и до раздѣла. Императоръ Александръ имѣлъ въ политическомъ отношеніи особое предпочтеніе къ Польшѣ. Обыкновенно, съ славянофильской точки зрѣнія говорятъ, что въ этомъ нашемъ заблужденіи оцѣнить національное положеніе западной Руси виновато было то удаленіе отъ народныхъ русскихъ началъ, которое наступило съ Петровской реформой, виновать такъ-называемый «петербургскій періодъ»; но Гильфердингъ видитъ болѣе простыя и ближнія причины, по крайней мѣрѣ относительно временъ Екатерины: въ самой Россіи господствовалъ крѣпостной порядокъ вещей, и этотъ же порядокъ былъ поддержанъ правительствомъ въ присоединенномъ западномъ краѣ,—хотя тамъ панами были поляки, а крѣпостными были русскіе. При императорѣ Александрѣ,—говоритъ Гильфердингъ,—правительство дало въ западныхъ губерніяхъ такой просторъ и оказывало такое покровительство польской стихіи, что значительная часть тамошняго мѣстнаго русскаго дворянства *именно въ это время* перешла въ католицизмъ и приняла польскую народность. Гильфердингъ и другіе приписываютъ вообще «увлеченію западомъ» эту «уступчивость старымъ польскимъ идеямъ»: императоръ Александръ «сочувствовалъ аристократическому духу поляковъ, восхищался ихъ рыцарскимъ характеромъ и не находилъ ни этого аристократическаго характера, ни этого рыцарства въ русскомъ народѣ». Но, кажется, пора прибавить и еще нѣчто: это была реакція послѣ раздѣловъ Польши. Эти раздѣлы были дѣломъ такъ-называемаго raison d'état, который обыкновенно отличается порядочной безцеремонностью. Какъ теперь извѣстно, инициатива раздѣловъ не принадлежала Россіи, но Россія была въ числѣ исполнителей этого плана. Гордіевъ узелъ былъ не разрѣзанъ, а разрубленъ, а впечатлѣніе этого осталось. Императоръ Павелъ показалъ большое уваженіе къ Костюшкѣ; императоръ Александръ, которому въ товарищи юности дали Чарторыскаго, несомнѣнно имѣлъ тѣ же впечатлѣнія. Отношеніе императора Александра I къ Польшѣ было, какъ мы *теперь* видимъ, несправедливостью къ русскому (крестьянскому въ большинствѣ) населенію; но это, при тогдаш-

Digitized by Google

немъ положеніи русскаго общества, имѣть возможность заикнуться объ этомъ [1]) и не оказывалась ли подобная несправедливость всему крестьянскому народу въ самой Россіи? Въ такихъ вопросахъ нельзя не принимать въ расчетъ общихъ причинъ. Намъ кажется, что основаніемъ отношенія русскихъ правительственныхъ сферъ къ Польшѣ было гораздо меньше «увлеченіе западомъ», чѣмъ безграничное господство крѣпостного права и полная безгласность русскаго общества.

Прошло царствованіе императора Александра, наступилъ періодъ, когда оффиціально былъ заявленъ принципъ «народности», и дѣло осталось однако въ томъ же положеніи. Ставя однимъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ польскаго вопроса положеніе Западной Руси,—предоставленной, какъ мы сейчасъ говорили, самимъ русскимъ управленіемъ польскому господству,—Гильфердингъ замѣчаетъ: «Логика историческихъ событій неумолима. Ненависть къ намъ славянскаго народа, соединеннаго съ нами подъ одною властію,—ненависть, являющаяся отрицаніемъ всѣхъ нашихъ народныхъ началъ,—истекаетъ изъ притязаній Поляковъ на западную Русь, которымъ мы удовлетворить не можемъ. Но, не будучи въ силахъ удовлетворить этимъ притязаніямъ и имѣя полное право ихъ отвергнуть во имя здраваго смысла, исторической истины и всего, что составляетъ существо нашего народнаго государственнаго бытія, мы *ничего не сдѣлали* для того, чтобы притязанія эти прекратились; а времени было, кажется, довольно. Вотъ уже *четвертое поколѣніе* живетъ въ западной Руси со времени ея освобожденія отъ матеріальной власти поляковъ. Мы платимся теперь за всю прежнюю систему дѣйствій въ западной Руси».

Такимъ образомъ, если стремленія поляковъ вообще были «измѣнной славянству», то мы, слѣдовательно, въ теченіе четырехъ поколѣній сами ей содѣйствовали?—Въ другомъ мѣстѣ Гильфердингъ указываетъ, какъ это дѣлалось: «Все зданіе польскихъ притязаній держится въ западной Руси и Литвѣ на власти и привилегіяхъ дворянства, съ которыми соединялась до сихъ поръ *монополія образованія*, тѣмъ болѣе, что тамъ купечество и вообще средній классъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ евреевъ. Какъ будто *нарочно* для того, чтобы эта монополія образованія была какъ можно болѣе обезпечена полякамъ, существовало въ томъ краѣ

1) Записка Карамзина была фактомъ совершенно исключительнымъ, возможнымъ только по личнымъ отношеніямъ къ нему императора Александра. Да и Карамзинъ говорилъ только о *политической*, а не *народной* сторонѣ вопроса.

Digitized by Google

учрежденіе *дворянскихъ училищъ*, закрывающее всѣмъ не-дворянамъ, значитъ всей массѣ русскаго и литовскаго туземнаго населенія, возможность идти далѣе элементарнаго обученія»... Что же слѣдуетъ сдѣлать теперь? Прежде всего—уничтожить эту монополію образованія, открывъ всѣмъ сословіямъ равный доступъ въ училища, улучшить общественное положеніе низшихъ классовъ и дать покровительство мѣстнымъ народностямъ, которыя до сихъ поръ отдавались въ жертву польской,—покровительство не только народности русской, но и литовской. «Словомъ,—говоритъ Гильфердингъ,—слѣдуйте неуклонно, на каждомъ шагу, во всѣхъ подробностяхъ, принципу народности, не давайте ни въ чемъ преимущества меньшинству надъ большинствомъ, чужому надъ туземнымъ, аристократическому надъ народнымъ: этого требуетъ самая строгая справедливость, самое строгое безпристрастіе,—и это разомъ положитъ конецъ неестественному господству польскихъ стихій въ краѣ, не принадлежащемъ польской народности».

Мы вполнѣ согласились бы съ этой программой, опирающейся на принципъ народности,—но что очутилось на дѣлѣ вмѣсто нея?

Какъ мы раньше видѣли, Погодинъ готовъ былъ совсѣмъ отказаться отъ Польши, обладаніе которой составляетъ для Россіи такую тяжелую обузу. Конечно, гораздо искреннѣе и серьёзнѣе выражаетъ Гильфердингъ тягостное чувство, которое является у насъ съ этимъ *обладаніемъ*. «Мы понимаемъ,—говоритъ онъ,—что теперь (1863), послѣ нападенія поляковъ на наши войска, послѣ угрозъ Европы, выступить изъ Польши было бы срамомъ, и объ этомъ рѣчи быть не можетъ въ настоящее время [1]). Но мы *стали бы ждать съ нетерпѣніемъ* отъ будущаго, чтобы политическія обстоятельства сложились благопріятнымъ образомъ и чтобы мы могли непринужденно и съ честью *оставить страну*, которая насъ не терпитъ и увѣряетъ, что никогда не примирится съ нашею властію... Насильственное обладаніе Польшею ставитъ Россію въ тягостное внутреннее противорѣчіе съ самой собою, съ ея характеромъ славянской державы, съ ея призваніемъ представительницы и заступницы славянскаго племени», и т. д. Но и по мнѣнію Гильфердинга, эта идея, какъ бы ни была привлекательна, разбивается о дѣйствительность. Свободная Польша, если бы она основалась, первымъ дѣломъ бросилась бы на западную Русь и—опять вернулось бы прежнее положеніе вещей.

[1]) Можно прибавить, что послѣ подобнаго выступленія русскихъ войскъ—безъ всякаго сомнѣнія—произошло бы вступленіе войскъ прусскихъ и австрійскихъ, и Польша, быть можетъ, въ послѣдній разъ была бы подѣлена между *этими двумя* государствами.

Digitized by Google

Но Гильфердингъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ мысли (которую между прочимъ съ обычной фамильярностью высказывалъ Погодинъ, когда у него вспарилось благоволеніе къ Польшѣ)—объ удаленіи поляковъ изъ западнаго края въ царство. Гильфердингъ думаетъ, что это было бы повтореніемъ изгнанія мавровъ изъ Испаніи. «Съ этого событія историки привыкли считать паденіе Испаніи, и, кажется, не напрасно. Не въ томъ дѣло, что страна потеряла въ маврахъ большое количество рабочихъ и умственныхъ силъ; главное дѣло въ томъ, что это было признаніемъ внутренней несостоятельности испанскаго духа, сознаніемъ его въ безсиліи одолѣть враждебное настроеніе и чуждыя стихіи пришельцевъ, очутившихся гражданами кастильскаго государства. Захотимъ ли мы подражать печальному примѣру Испаніи?»—И съ этими мыслями мы опять согласны.

Путь къ умиротворенію Польши, къ разрѣшенію польскаго вопроса есть только одинъ.

«Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда съ одной стороны польская народность утратитъ господство не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью русскою и литовскою въ западномъ краѣ [1]), и когда, съ другой стороны, устойчивая сила *крестьянскихъ общинъ* въ царствѣ польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго *обывательства*. — А до тѣхъ поръ, это намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія»... Но намъ предстояло бы, вмѣстѣ съ этимъ, одно великое дѣло, — просвѣщеніе. «Какъ мы погрѣшили передъ польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись 30-лѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать изъ него то, что, приходится дѣлать теперь, среди неустройства и борьбы, такъ точно погрѣшимъ мы и передъ всѣми прочими классами польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ, мы думали, что полякъ мало образованный есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ просвѣщенный полякъ. Давно ли возстановленъ въ Варшавѣ университетъ? А сколько времени въ самой столицѣ царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса?.. Мы не понимали, что именно врагъ опасныхъ для насъ польскихъ идей и стремленій есть наука и просвѣщеніе... Всякое правительство, коль скоро оно беретъ въ свои руки общественное образованіе, съ тѣмъ вмѣстѣ

[1]) Выше замѣчено, что единственнымъ средствомъ для этого есть система дѣйствій, основанная на широкомъ признаніи принципа народности.

Digitized by Google

принимаетъ на себя обязательство содѣйствовать ему всѣми своими силами: это для него долгъ совѣсти передъ народомъ. Но въ Польшѣ это для насъ болѣе, чѣмъ долгъ совѣсти; наша прямая *политическая задача*, для нашей собственной пользы — развивать въ этой странѣ всѣми средствами серьёзное, основательное научное образованіе»...

Желанія эти все еще остаются далеко неисполненными; варшавскій университетъ, правда, дѣйствуетъ, но не слышно, чтобы онъ былъ такимъ орудіемъ истинной и широкой науки и просвѣщенія, какое было бы необходимо по мнѣнію Гильфердинга — и съ нимъ, конечно, всѣхъ людей, истинно образованныхъ.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала «Время», 1863, издававшагося подъ редакціей М. М. Достоевскаго и при ближайшемъ участіи его брата Ѳ. М. Достоевскаго, Н. Н. Страхова и Аполлона Григорьева, помѣщена была статья, надѣлавшая тогда немало шуму [1]). Журналъ отличался очень умѣреннымъ характеромъ своихъ мнѣній; направленіе его было славянофильское sui generis и состояло въ защитѣ «народныхъ началъ», очень идеалистической, чувствительной и даже отчасти мистической; врагами своихъ мнѣній онъ считалъ людей, виновныхъ, по его мнѣнію, въ увлеченіи началами европейскими, хотя, впрочемъ, и самыя «начала», и враги ихъ представлялись писателямъ этого журнала нѣсколько въ туманѣ. Въ томъ же духѣ «народныхъ началъ» была предположена и упомянутая статья «Русскаго»,— писателя несомнѣнно патріотическаго, но, вѣроятно, къ его большому изумленію, она произвела совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого онъ ждалъ.

Разбирая вопросъ, тогда сильно занимавшій общество, авторъ указываетъ, что польское возстаніе прививалось у насъ двумъ источникамъ: во-первыхъ, идеямъ «космополитическимъ», по его выраженію, т.-е. стремленію расширить свои права; во-вторыхъ, идеѣ національной, т.-е. желанію освободиться изъ-подъ власти чужого народа; или обоимъ этимъ источникамъ вмѣстѣ. По его мнѣнію, это опредѣленіе причинъ польскаго возстанія неполное, и именно забываетъ объ одномъ существенномъ обстоятельствѣ.

«Что порождаетъ вражду, возбуждающую поляковъ противъ русскихъ?» — спрашиваетъ авторъ. «Постараемся вникнуть въ

---

[1]) „Время", 1863, апрѣль, 2-й отдѣлъ, стр. 152—163: „Роковой вопросъ", съ подписью „Русскій".

Digitized by Google

настроеніе поляковъ, перенесемъ себя въ ихъ положеніе и будемъ смотрѣть съ *ихъ* точки зрѣнія. Очевидно, кромѣ причинъ космополитическихъ и національныхъ въ эту вражду входитъ еще одинъ элементъ, который, какъ *намъ* кажется, весьма существенно опредѣляетъ дѣло. Поляки возбуждены противъ насъ также какъ народъ *образованный* противъ народа менѣе образованнаго или даже совсѣмъ необразованнаго. Каковы бы ни были поводы къ борьбѣ, но одушевленіе борьбы, очевидно, воспламеняется тѣмъ, что съ одной стороны борется народъ цивилизованный, а съ другой—варвары.

«Таковъ по крайней мѣрѣ, должно быть, взглядъ поляковъ. Чтобы убѣдиться въ глубокой дѣйствительности этой причины, какъ составного элемента вражды, стоитъ только вспомнить, что польскій народъ имѣетъ полное право считать себя въ цивилизаціи наравнѣ со всѣми другими европейскими народами, и что, напротивъ, на насъ они едва ли могутъ смотрѣть иначе какъ на варваровъ».

Таковъ исходный пунктъ разсужденій. Авторъ указываетъ затѣмъ (между прочимъ, словами Ив. Кирѣевскаго), что поляки въ самомъ дѣлѣ могутъ указать въ своемъ прошедшемъ факты блестящаго развитія образованности, между тѣмъ какъ мы «не можемъ похвалиться нашимъ развитіемъ и не смѣемъ ставить себя на ряду съ другими, болѣе счастливыми племенами». «Не будемъ обманывать себя,—говоритъ авторъ:—постараемся понять, какимъ взглядомъ должны смотрѣть на насъ поляки и даже вообще европейцы. Они до сихъ поръ не причисляютъ насъ къ своей заповѣдной семьѣ, несмотря на наши усилія примкнуть къ ней. Наша исторія совершалась отдѣльно; мы не раздѣляли съ Европой ни ея судебъ, ни ея развитія. Наша нынѣшняя цивилизація, наша наука, литература и пр.—все это едва имѣетъ исторію, все это недавно и блѣдно, какъ запоздалое и усильное подражаніе»... Правда, у насъ есть пріобрѣтеніе и заслуга: мы основали государство,—но, «государство есть форма весьма простая, проявленіе весьма элементарное. Самые дикіе и первобытные народы легко складывались въ государство. Если государство врѣзано, то это, конечно, хорошій знакъ, но только знакъ, только надежда, только первое заявленіе народной жизни. И потому на нашу похвалу [1]) нашимъ государствомъ намъ могутъ отвѣчать такъ: никто не споритъ, что вы—варвары, *подающіе большія надежды*, но тѣмъ не менѣе вы все-таки варвары».

[1]) Т.-е. похвальбу.

Digitized by Google

«И вотъ та рана,—продолжаетъ «Русскій»,—которую больше или меньше разбережаетъ польскій вопросъ. Онъ стоитъ намъ не только крови и денегъ, не только составляетъ язву, отъ которой страдаетъ тѣлесная, физическая жизнь Россіи—нѣтъ, онъ каждый разъ еще отзывается внутреннею болью, онъ наводитъ на насъ тяжелое раздумье своею внутреннею, глубокою стороною. Какъ скоро мы вдумываемся въ настроеніе поляковъ, мы невольно должны чувствовать его отраженіе на нашемъ собственномъ настроеніи».

Авторъ вдается потомъ въ оцѣнку всякихъ предположеній, которыя могли строиться и строились на этомъ отношеніи между поляками и русскими, взвѣшиваетъ ихъ взаимныя притязанія и приходитъ къ заключенію, что, признавъ необходимо болѣе высокую степень польской образованности, мы можемъ взять надъ нею верхъ и тѣмъ доказать свое право господства—лишь показавши дѣйствительную силу русскихъ народныхъ началъ, содержаніе русской національности. Приведемъ еще разъ слова самого автора.

«Что касается до насъ, русскихъ, то мы очевидно должны съ бо́льшею вѣрою и надеждою обратиться къ народнымъ началамъ. Мы тогда только будемъ правы въ своихъ собственныхъ глазахъ, когда повѣримъ въ будущность еще хаотическихъ, еще несложившихся и невыяснившихся элементовъ духовной жизни русскаго народа. Но только вѣрить *мало*, и только тѣшить себя надеждами *недостаточно*. На насъ лежитъ обязанность *знать* эти элементы, слѣдить за ихъ развитіемъ и способствовать ему всѣми мѣрами. Намъ можетъ быть сладка наша вѣра въ народъ и пріятны наши блестящія надежды. Но не забудемъ и горькаго: не забудемъ, что на насъ лежитъ тяжелый долгъ — оправдать нашу народную гордость и силу».

Въ общемъ выводѣ авторъ такъ выражаетъ положеніе обѣихъ сторонъ:

«Русскія духовныя силы (которыя нужны для доказательства правоты русскаго дѣла)! Гдѣ онѣ? Кто, кромѣ насъ, имъ повѣритъ, пока онѣ не проявятся съ осязаемою очевидностію, съ непререкаемою властію? А ихъ развитіе и раскрытіе—оно требуетъ вѣковой борьбы, труда и времени, тяжелыхъ усилій, слезъ и крови.

«Отказаться (т.-е. полякамъ) отъ гордости своею цивилизаціею! Развѣ это легко? Можетъ быть, это даже вовсе невозможно! Вѣдь цивилизація входитъ въ плоть и кровь человѣка; вѣдь недаромъ она — высокое благо, честь и гордость историческихъ

народовъ. Ничего нѣтъ страннаго, что за нее умираютъ какъ за святыню.

«Пожелаемъ отъ всей души, чтобы при рѣшеніи этого роковаго вопроса какъ можно меньше лилось крови двухъ родственныхъ племенъ; будемъ призывать всѣми нашими желаніями самый мирный, наименѣе губительный внѣшній исходъ для этого дѣла. Но чѣмъ глубже мы поймемъ его внутреннія источники, тѣмъ лучше; чѣмъ яснѣе мы сознаемъ взаимныя отношенія, тѣмъ легче можетъ совершиться ихъ правильное разграниченіе. И потому не станемъ скрывать отъ себя всѣхъ трудностей внутренней задачи, лежащей въ вопросѣ. Польскій вопросъ вѣроятно еще долго будетъ глубокимъ русскимъ вопросомъ; чѣмъ онъ труднѣе и важнѣе, тѣмъ нужнѣе для насъ сознавать въ отношеніи къ нему свой долгъ».

Статья «Русскаго» хотѣла возбудить ревность къ «русскимъ началамъ», но произвела совсѣмъ не то впечатлѣніе, на какое онъ разсчитывалъ. Онъ подвергся обвиненію въ недостаткѣ патріотизма и послѣ, когда «Время» уже не существовало, писалъ оправдательныя объясненія въ тѣ московскія изданія, которыя на него обрушились и которыя теперь съ выговоромъ ихъ приняли. Оставивъ эти дальнѣйшія объясненія, очевидно, что смыслъ первоначальной статьи «Русскаго» вовсе не былъ такъ криминаленъ, какъ это вѣрно и понялъ Самаринъ. «Русскій» хотѣлъ сказать то, что говорили и славянофилы, что польское возстаніе не есть временный бунтъ, который можетъ быть усмиренъ и тѣмъ конченъ, а именно взрывъ вѣкового историческаго противорѣчія двухъ принциповъ, которое вовсе не будетъ упразднено однимъ военнымъ усмиреніемъ; что, слѣдовательно, для борьбы и желательнаго уничтоженія подобныхъ взрывовъ надо всмотрѣться въ самые принципы и дѣйствовать такъ, какъ научитъ ихъ здравое, безпристрастное пониманіе. Послѣднему «Русскій» и желалъ содѣйствовать. Окончательный его выводъ: надо изучать эту глубокую внутреннюю сторону польскаго вопроса, надо высоко поднять русскія «народныя начала» и русское просвѣщеніе, потому что только при этомъ мы можемъ равносильно выступить противъ Польши, опирающейся на западно-европейской культурѣ, только этимъ мы можемъ пріобрѣсти образовательное превосходство, которое одно можетъ дать намъ прочную побѣду и окончательное успокоеніе и примиреніе Польши. Это та самая мысль, которую въ статьяхъ того же года (немного позднѣе) разъяснялъ Гильфердингъ и которая въ высокой степени справедлива. Но «Русскій» увлекся своимъ желаніемъ быть безпри-

Digitized by Google

страстнымъ и забылъ о той степени пониманія, которую онъ долженъ былъ встрѣтить у своихъ читателей, — и мирный приверженецъ русскихъ «народныхъ началъ», въ другихъ случаяхъ доходившій въ этомъ до крайностей, навлекъ на себя обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма!

Въ новой славянофильской школѣ пользуется особымъ почетомъ книга г. Н. Данилевскаго: «Россія и Европа». [1]). Это — объемистый томъ, гдѣ вопросъ о судьбахъ славянства опредѣляется ab ovo и гдѣ даже предсказывается будущее, на основаніи теоретическихъ соображеній о законахъ развитія въ природѣ и человѣчествѣ, и историко-философскихъ соображеній о свойствахъ и отношеніяхъ западно-европейскихъ народовъ и славянства. Г-нъ Данилевскій не говоритъ спеціально о Польшѣ, но общая его тема не могла конечно миновать и рѣшенія польскаго вопроса.

Теорія г. Данилевскаго очень близка къ славянофильской, но и отличается отъ нея. Славянофильское ученіе, по словамъ г. Данилевскаго, вышло изъ двухъ источниковъ: изъ германской философіи и изъ изученія началъ русской и вообще славянской жизни. Оно настаивало на необходимости самобытнаго національнаго развитія, потому что сознавало высокое достоинство славянскихъ началъ, видѣло исторически развившуюся и оказавшуюся односторонность и непримиримое противорѣчіе началъ европейскихъ и полагало, что славянамъ именно нужно разрѣшить общечеловѣческую задачу, которой не разрѣшали ихъ предшественники. Но по Данилевскому, такой задачи не существуетъ — въ томъ смыслѣ, чтобы когда-нибудь одно культурно-историческое племя рѣшило ее для себя и для остальнаго человѣчества. Задача состоитъ, напротивъ, въ проявленіи разными племенами и въ разное время всѣхъ разнообразныхъ сторонъ, какія заключаются въ идеѣ человѣчества какъ возможность. Развѣ тогда, когда человѣчествомъ пройдены будутъ всѣ его многоразличные пути, кто-либо, кто былъ бы въ состояніи обозрѣть всѣ эти

---

[1]) Полное заглавіе: „Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ романо-германскому", 2-е изд. Спб. 1871. Предметы разсужденія указаны такъ: Причины—почему Европа враждебна Россіи.—Формы и законы всемірной исторіи (ученіе о культурно-историческихъ типахъ).—Ученіе о народности.—Исторія и духъ Европы въ сравненіи съ исторіею и духомъ Россіи.—Восточный вопросъ, его исторія, сущность и будущность.—Идеалъ славянскихъ народовъ.

Digitized by Google

развитія, могъ бы рѣшить задачу человѣчества,—но это было бы только идеальное ея постиженіе, а не дѣйствительное осуществленіе. На дѣлѣ существуютъ только «культурные типы», и здѣсь, правда, типъ западно-европейскій совсѣмъ отличенъ отъ славянскаго.

До сихъ поръ сильнѣйшимъ выраженіемъ этого славянскаго типа служитъ Россія и изложеніе нашего автора заключается въ опредѣленіи противоположности его съ западно-европейскимъ и въ указаніи тѣхъ путей, способовъ жизни, которые должны быть для Россіи нормальными и при посредствѣ которыхъ культурный типъ славянскій можетъ быть приведенъ къ совершенству. Но Россія еще не есть славянство, и потому дальнѣйшій идеалъ автора есть *все-славянскій союзъ*, въ которомъ Россія будетъ только однимъ изъ членовъ. Столица союза, но не Россіи, долженъ быть Царьградъ.

Въ подробностяхъ развитія этой программы, у г. Данилевскаго очень много общаго съ положеніями славянофильской школы. Такъ какъ у него начала славянскія также противоположны романо-германскимъ, то мы встрѣчаемъ у него тѣ же, или очень похожія объясненія разныхъ отношеній Европы и Россіи и ихъ принципіальнаго противорѣчія. Зная Хомякова, Самарина, К. и Ив. Аксаковыхъ, встрѣчаемыя у г. Данилевскаго съ знакомыми мыслями, иногда оборотами рѣчи.

Въ подробности о Польшѣ, какъ мы сказали, онъ не вдается, но взглядъ его легко угадать изъ противоположенія началъ русскихъ и европейскихъ. Польша очень позаимствовалась послѣдними, и понятно, что она — «исконная измѣнница славянству» [1]) (авторъ долженъ бы прибавить, что такими же исконными измѣнниками славянству были другія многочисленныя славянскія племена — чехи, моравяне, словаки, лужицкіе сербы, хорваты, словинцы). Но г. Данилевскій по крайней мѣрѣ предлагаетъ исходъ очень широкій — упомянутый все-славянскій союзъ, который понимаетъ не въ смыслѣ подчиненія славянства Россіи, а какъ свободное цѣлое, въ которомъ Россія будетъ только частью.

«Великій славянскій союзъ» представляется г. Данилевскому въ очень широкихъ размѣрахъ. Въ него должны войти: русская имперія, съ присоединеніемъ къ ней Галиціи и угорской Руси; королевство чехо-мораво-словакское [2]); королевство сербо-хорвато-словенское; королевство булгарское; королевство румунское; ко-

[1]) Стр. 389.

[2]) Словацкое?

Digitized by Google

ролевство эллинское; королевство мадьярское; цареградскій округъ. Что касается Польши, то ей могутъ предстоять, при разныхъ обстоятельствахъ и способахъ дѣйствія русской власти—разныя возможности, въ томъ числѣ и полное слитіе съ родственнымъ ей русскимъ народомъ; но наиболѣе желательнымъ и очень возможнымъ представляется автору тотъ исходъ, гдѣ Польша, «при сохраненіи своей національности, очищенной продолжительнымъ русскимъ вліяніемъ отъ приставшихъ къ ней зловредныхъ, искажающихъ ее примѣсей, станетъ, подобно всѣмъ славянамъ,—дружественнымъ товарищемъ и пособникомъ русскому народу въ великомъ обще-славянскомъ дѣлѣ, пріобрѣтая и для себя постепенно все бо́льшую и бо́льшую долю самостоятельности». «Но эта счастливая судьба можетъ открыться для Польши и поляковъ не иначе, какъ при посредствѣ все-славянской федераціи. Въ качествѣ члена союза, будучи самостоятельна и независима, въ формѣ ли личнаго соединенія съ Россіей или даже безъ онаго, она была бы свободна только во благо, а не во вредъ обще-славянскому дѣлу. Силы Польши были бы въ распоряженіи союза; а всякое дѣйствіе ея противъ Россіи было бы дѣйствіемъ не противъ нея только, а противъ всего славянства (одну изъ составныхъ частей котораго она сама бы составляла), было бы слѣдовательно измѣною противъ самой себя» [1]).

Такимъ образомъ, г. Данилевскій, очистивъ и исправивъ «исконную измѣнницу славянства», въ концѣ-концовъ желаетъ ей благополучнаго національнаго существованія въ нѣдрахъ все-славянскаго союза.

Но было очень извѣстно, что новѣйшая исторія Россіи политическая и многія явленія въ ея внутреннемъ общественномъ развитіи далеко не отвѣчали или совсѣмъ противорѣчили тому понятію о ней, какъ сильнѣйшей представительницѣ славянства и не-европейскаго культурнаго типа, какое имѣетъ о ней нашъ авторъ. Россія въ самомъ дѣлѣ ни мало не гналась, да и теперь мало гонится за представительствомъ славянства, а иногда и положительно отъ него устраняется. Особое культурное явленіе, типа не-европейскаго, Россія, конечно, представляетъ, но все-таки не по той программѣ, какую имѣетъ г. Данилевскій. Онъ очень хорошо это видитъ, и объясняетъ, что если Россія не исполняла своего назначенія, то виновата была Европа и происшедшее отъ нея наше «европейничанье», которое онъ и пре-

[1]) Стр. 417, 420.

Digitized by Google

даетъ строгому осужденію [1]). Здѣсь г. Данилевскій повторяетъ извѣстныя мысли славянофильской школы, которая, впрочемъ, едва ли не была болѣе его послѣдовательна въ своемъ осужденіи «петербургскаго періода».

Приведемъ нѣкоторыя подробности. Идеалъ г. Данилевскаго, какъ мы сказали, есть славянская роль Россіи, главенство въ великомъ славянскомъ союзѣ. Слѣдовательно, истинная, вполнѣ національная политика Россіи должна быть славянская, направленная къ освобожденію и возвышенію славянства. Безъ славянства, безъ тѣсной связи съ нимъ, Россія по мнѣнію автора просто не имѣла бы смысла... «Что бы она представляла собою въ мірѣ? Какого знамени была бы носительницею? Все грозное значеніе Россіи заключается въ томъ, что она—прибѣжище и якорь спасенія пригнетеннаго, но не раздавленнаго, не упраздненнаго обширнаго славянскаго міра. Безъ этого, она была бы какимъ-то привидѣніемъ прошедшаго, вторгнувшимся изъ области тѣней въ міръ живыхъ, и чтобы сдѣлаться участницею въ его жизни, ей дѣйствительно ничего бы не оставалось, какъ сбросить скорѣе съ себя свой славянскій обликъ. Это было бы существованіе безъ смысла и значенія, слѣдовательно, въ сущности,—существованіе невозможное» [2]). Такимъ образомъ, намъ нечего чураться обвиненія въ панславизмѣ,—«какъ будто честный русскій человѣкъ, понимающій смыслъ и значеніе словъ, имъ произносимыхъ—можетъ не быть панславистомъ, т.-е. можетъ не стремиться всѣми силами души своей къ сверженію всякаго ига съ его славянскихъ братій, къ соединенію ихъ въ одно цѣлое, руководимое одними славянскими интересами,—хотя бы они были сто разъ противоположны интересамъ Европы и всего остальнаго свѣта, до которыхъ намъ нѣтъ и не должно быть никакого дѣла» [3]). «Тѣ ревнители и друзья славянства, которые для укрѣпленія славянскаго общенія желали бы ограничиться чисто нравственнымъ образомъ дѣйствія (каковому образу мыслей было представлено довольно примѣровъ на знаменитомъ славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ и Петербургѣ), утверждаютъ свой взглядъ на томъ, что славянскія идеи еще мало проникли какъ въ наше, такъ и въ западно-славянскія общества. По ихъ мнѣнію, общеніе научное, литературное, такъ-сказать союзъ славянскихъ душъ и сердецъ заключается въ высшей, сверхъ-политической сферѣ, и къ

[1]) Въ цѣлой особой главѣ XI, стр. 278—317, и много разъ въ другихъ мѣстахъ.
[2]) Стр. 336—337.
[3]) Стр. 311.

Digitized by Google

нему только и должно стремиться. Я знаю, что многіе изъ выражавшихся въ этомъ духѣ изустно и письменно, накладывали узду на свою мысль и слово изъ-за внѣшнихъ соображеній, ради разнаго рода благоприличій; но нѣкоторые искренно такъ думаютъ. Такое эонирное общеніе и единеніе душъ и сердецъ можетъ дѣйствительно существовать въ одной сферѣ человѣческихъ отношеній, но только въ одной — въ той, которая выше всего земного: въ сферѣ религіозной. Но интересъ народный, какъ онъ ни возвышенъ, хотя идетъ непосредственно послѣ интереса религіознаго, есть все-таки интересъ вполнѣ и совершенно земной и долженъ быть достигаемъ и средствами болѣе положительными, земного и матеріальнаго свойства» [1]).

Прекрасно; очень извѣстно, что не только у насъ, но и во всемъ славянствѣ вопросъ не объ эонирномъ, а о болѣе существенномъ соединеніи такъ еще теменъ, что приниматься прямо за «положительныя средства» было бы чистымъ ребячествомъ, или нелѣпой и опасной затѣей; если многіе «накладывали узду на свою мысль» — это очень жаль, но они дѣлали это, вѣроятно, изъ опасенія, что узду наложатъ другіе...

Положительная цѣль, которую должно имѣть славянство, и Россія въ особенности, есть, какъ мы говорили, все-славянскій союзъ, которому предстоитъ «блистательная, величавая, міродержавная историческая власть [2]). Авторъ рисуетъ картину его съ разными подробностями, которыя очень хороши въ его книгѣ; но союзъ заключенъ, кажется, нѣсколько поспѣшно. Славяне являются въ немъ уже какъ особый «культурный типъ», «соотвѣтственно своему этнографическому составу, религіозному просвѣщенію и историческому воспитанію,» — хотя читатель оставленъ въ недоумѣніи о томъ, какъ успѣлъ умириться разладъ, существующій въ настоящую минуту въ славянствѣ — и по религіозному просвѣщенію, и по историческому воспитанію. Кромѣ славянъ, въ союзѣ будутъ спокойно процвѣтать и греки, *если* откажутся отъ Царьграда (назначеннаго быть столицей союза) и отъ притязанія господствовать надъ болгарами; и венгры, *если* откажутся отъ властолюбивыхъ покушеній противъ своихъ славянъ; и наконецъ румуны.

Когда это совершится — неизвѣстно: г. Данилевскій излагаетъ только программу, идеалъ. Одно изъ главнѣйшихъ условій для

---

[1]) Стр. 458.

[2]) Ему посвящена цѣлая глава, XV, стр. 421 — 460; сюда же принадлежитъ и глава XIV, „Царь-Градъ“.

Digitized by Google

его достиженія—славянская, національная политика Россіи, отсутствуетъ или, по крайней мѣрѣ, только-что намѣчается, и мы упоминали, что авторъ строго караетъ, въ прошедшемъ, этотъ недостатокъ національнаго духа и способа дѣйствій Россіи. Виновато наше «европейничанье». Съ XVIII вѣка мы ходимъ на помочахъ Европы, ухаживаемъ за ней, пугаемся ея, надѣваемъ ея очки, хотя она чуждается насъ и даже пренебрегаетъ нами: отсюда рядъ ошибокъ, противо-національныхъ дѣйствій Россіи къ ея и славянскому вреду. «Мы» думаемъ, что принадлежимъ къ европейскому союзу,—говоритъ авторъ; но союзъ народовъ и государствъ возможенъ только при взаимности услугъ и выгодъ; «когда же первыя требуются только отъ одной стороны, а вторыя достаются только другой, то такія отношенія нельзя назвать другимъ именемъ, какъ эксплуатаціею слабаго, глупаго или довѣрчиваго—сильнымъ, умнымъ, лукавымъ, или просто—одурачиваньемъ. Если вникнемъ въ роль, которую Россія играла въ обществѣ европейскихъ государствъ, въ такъ-называемой политической системѣ Европы, съ самаго того времени, какъ стала дѣятельнымъ членомъ ея, то едва ли найдемъ другія выраженія для характеристики этой роли» [1]). Россія, «особенно въ послѣднее, послѣ-екатерининское время совершала частыя уклоненія отъ здраваго политическаго пути»; ея дѣйствія обнаруживали «неясность цѣлей и отсутствіе политики либеральной и національной вмѣстѣ»; русская политика дѣлала грубыя ошибки, «надѣвая европейскія очки», въ самыхъ внутреннихъ дѣлахъ поддаваясь «страху передъ Европой»,—какъ, напримѣръ, въ концѣ прошлаго столѣтія «пришли въ безкорыстный ужасъ отъ неистовствъ французской революціи, когда она уже сама собою приходила къ концу, и въ не менѣе безкорыстное соболѣзнованіе къ неудачамъ безкорыстной Австріи», и позднѣе, когда русскія силы шли на устройство чужихъ интересовъ; словомъ, Россія безпрестанно «не понимала и не исполняла своего назначенія» [2]). Поэтому надо стать, наконецъ, на здравый путь. «А Россіи (повторяетъ авторъ въ другой разъ)—неисполнившей своего предназначенія и тѣмъ самымъ потерявшей причину своего бытія, свою жизненную сущность, свою идею,—ничего не останется, какъ безславно доживать свой жалкій вѣкъ, перегнивать какъ

[1]) Стр. 421—422.

[2]) То-есть также „измѣняла славянству"? Ср. стр. 342: „Нѣтъ надобности доказывать въ настоящее время (въ 1871), что уступка какой-либо части славянскихъ земель Австріи есть настоящее преступленіе противъ славянства — и совершенно противна интересамъ Россіи". А это, какъ небезъизвѣстно, бывало.

Digitized by Google

историческій хламъ, лишенный смысла и значенія, или образовать безжизненную массу, такъ-сказать, неодухотворенное тѣло и, въ лучшемъ случаѣ, также распуститься въ этнографическій матеріалъ для новыхъ невѣдомыхъ историческихъ комбинацій, даже не оставивъ послѣ себя живого слѣда» [1]).

Г-нъ Данилевскій принадлежитъ къ разряду писателей, имѣющихъ то завидное свойство дарованія, что имъ все ясно. Но ясно бываетъ, разумѣется, субъективно. Авторъ одинаково легко создаетъ идеалистическіе планы, какъ раздаетъ направо и налѣво осужденія и приговоры. Мы готовы признать, что идеализмъ автора внушается самыми лучшими чувствами; но также прямо скажемъ, что многое въ разсужденіяхъ автора фальшиво до послѣдней степени. Таковы въ особенности его обличенія «европейничанья» въ нашихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Авторъ принимаетъ видъ «русскаго человѣка» (этого загадочнаго человѣка съ великими трудами старается постичь русская литература и наука, и еще не рѣшается сказать, что его постигла), и смѣло, гуртомъ, судитъ и рядитъ объ явленіяхъ русской жизни, смѣшиваетъ въ одну кучу вещи совершенно противоположныя и побѣдоносно изрекаетъ приговоръ. Все, что ему не нравится, онъ — не старается понять, а прямо осуждаетъ: это — «европейничанье».

«И нигилизмъ, и аристократизмъ, и демократизмъ, и конституціонализмъ, составляютъ только весьма частныя примѣненія нашего европейничанья,—самый общій видъ его, повидимому, менѣе зловредный, въ сущности же гораздо опаснѣйшій изъ всѣхъ, есть наше балансированіе передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы»... [2]). Въ другомъ мѣстѣ, осудивши польскій католицизмъ, польское магнатство, польскую революцію и ржондъ, какъ порожденіе вкравшихся въ польскую историческую жизнь *чуждыхъ* элементовъ, которое должно быть намъ ненавистно въ Польшѣ, авторъ продолжаетъ: «Но не объ усиленіи ли этого самаго чуждаго вліянія и у насъ въ Россіи хлопотало и хлопочетъ (!) такъ-называемое западничество, во всѣхъ его разнообразныхъ оттѣнкахъ, отъ идеализма Грановскаго до нигилизма Добролюбова (?) и Писарева съ одной,—до феодализма или, если угодно, цивилизованнаго крѣпостничества «Вѣсти» и «Новаго Времени» — съ другой, и до отступничества патера іезуита Гагарина—съ третьей стороны. Всѣ они одинаково черпаютъ свои идеи не внутри русской жизни, а внѣ ея; не ста-

[1]) Стр. 312, 342, 410, 426.
[2]) Стр. 310.

Digitized by Google

раются отыскать сохранившееся еще зерно истинно русской жизни и развить его въ самобытное самостоятельное цѣлое. У всѣхъ этихъ направленій одинъ идеалъ — Европа», и такъ далѣе [1]). Вслѣдъ затѣмъ, авторъ прямо ставитъ Грановскаго рядомъ съ издателемъ «Вѣсти», — потому что и тотъ, и другой (разумѣется, по совершенно различнымъ основаніямъ) спорили противъ славянофиловъ. Въ общемъ выводѣ автора, всѣ эти люди, и лучшіе представители русской образованности, рядомъ съ подонками крѣпостничества, оказываются врагами истиннаго національнаго интереса и вредными людьми. Но что же особеннаго европейскаго и не-русскаго говорилъ, напримѣръ, Грановскій? Главное «европейское», или, скорѣе, общечеловѣческое, что онъ говорилъ, было: просвѣщеніе, достоинство человѣческой личности, просторъ для мысли, возвышеніе общественной самодѣятельности; говорилось это обществу, которому нужно было еще объяснять право науки, внушать нравственно-общественные идеалы; въ обществѣ этомъ люди того круга съ личнымъ рискомъ открывали борьбу противъ крѣпостного права и т. д. Но это были противники національнаго мистицизма, и г. Данилевскій не церемонится отдѣлаться отъ нихъ гуртомъ: очевидно, что это огульное осужденіе есть или крайній non sens (чтобы не употреблять грубаго русскаго слова), или недобросовѣстность. Такой путь разсужденія ведетъ прямо въ компанію героевъ Салтыкова, которые даръ слова принимаютъ за «каверзу» [2]).

Мы могли дать только нѣсколько образчиковъ изъ составленнаго г. Данилевскимъ кодекса новѣйшаго славянофильства. Авторъ вѣроятно имѣлъ наилучшее намѣреніе — доказать важность національно-славянскихъ интересовъ; онъ настаиваетъ на необходимости

---

[1]) Стр. 418—419.

[2]) Ср. еще стр. 429, гдѣ, наконецъ, трудно понять, о какой русской „интеллигенціи“ говоритъ г. Данилевскій; или стр. 296, гдѣ говорится, что „освобожденіе печатнаго слова изъ узъ цензурныхъ“ (въ чемъ такъ давно нуждалась наша образованность и примѣръ чего давалъ, конечно, „западъ“) — вовсе не можетъ быть никакимъ заимствованіемъ съ запада, потому что „свобода слова есть право естественное“. Но гдѣ же, со временъ самого Рюрика, г. Данилевскій можетъ указать въ нашей исторіи сознательное и открытое пользованіе этимъ „естественнымъ правомъ“? Первые шаги русской печати сдѣланы были еще въ чистой отъ „европейничанья“ московской Россіи, — однако у ней объ „естественномъ правѣ“ не было и помышленія. Вопросъ о свободѣ печати, напротивъ, былъ именно однимъ изъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыя отвоевывала себѣ европейская образованность и наука отъ стараго невѣжества, абсолютизма и нетерпимости. Г-нъ Данилевскій не желаетъ этого знать.

Digitized by Google

соединенія такъ-называемаго либеральнаго и національнаго направленія; въ исторіи вопроса умѣетъ справедливо осудить многія нелѣпости, сдѣланныя русской политикой; для славянства онъ придумалъ блестящую перспективу, и т. д. Но въ цѣломъ это — тенденціозное теоретизированіе на старую славянофильскую тэму о противоположности Россіи и Европы, странное и, наконецъ, скучное, когда, какъ въ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ, авторъ — точно намѣренно уклоняется говорить о дѣйствительныхъ явленіяхъ нашей жизни и ихъ причинахъ, которыхъ, при своемъ умѣ, кажется, не могъ бы не понимать.

Мы остановимся еще на одной статьѣ, посвященной уже спеціально польскому вопросу и принадлежащей славянофилу особаго рода, именно ученому слависту новаго поколѣнія, г. Будиловичу [1]). Авторъ трактуетъ польскій вопросъ съ той же стороны, какъ и г. Данилевскій, именно въ связи съ цѣлымъ славянскимъ вопросомъ, но ставитъ его не въ области фантазіи, а въ области ближайшихъ фактовъ и отношеній, и ставитъ гораздо проще и — вѣрнѣе.

Нить разсужденій г. Будиловича слѣдующая. Важность выясненія польскаго вопроса онъ указываетъ замѣчаніемъ, что — «черезъ нѣсколько лѣтъ мы можемъ вдругъ очутиться передъ роковой невозможностью спасти Польшу для славянства» (и, конечно, также для нея самой): «она захлебнется волной германизма и потонетъ подъ наплывомъ чуждыхъ стихій»; но теперь польскій вопросъ еще не сталъ неразрѣшимымъ, и притомъ разрѣшеніе его въ значительной степени зависитъ отъ насъ, русскихъ.

Обращаясь къ польской исторіи, авторъ желаетъ опредѣлить причины изолированности Польши въ славянскомъ мірѣ и останавливается на соціальной, религіозной и политической сторонѣ ея исторической жизни. Въ соціальномъ отношеніи въ Польшѣ произошло абсолютное дѣленіе двухъ слоевъ народа: шляхта, одна овладѣвшая политическими правами, отожествила себя съ народомъ, — и это было величайшимъ общественнымъ несчастіемъ старой Польши; польское хлопство, т.-е. большинство народной массы, было до того порабощено, что даже не помышляло о возможности свободы и конечно лишено было всякаго вліянія въ національной дѣятельности. «Эманципація польскихъ кметовъ — замѣчаетъ авторъ, — начата Хмельницкимъ, а окончена (?) Милютин-

[1]) „Нѣсколько замѣчаній о польскомъ вопросѣ съ точки зрѣнія всеславянства". Бесѣда, 1871, VI, стр. 146—164.

Digitized by Google

нымъ!» Въ отношеніи религіозномъ, Польша очень рано подпала господству сильно развившейся клерикальной власти, которая еще съ конца XIV-го вѣка задумала католическую пропаганду на восточную Русь. Движеніе было задержано на два вѣка гуситствомъ, потомъ реформаціей; въ XVI-мъ вѣкѣ вліяніе духовенства очень ослабѣло, и возникала даже идея о польской національной церкви, т.-е. объ ограниченіи ультрамонтанства. Но скоро и въ Польшѣ наступила реакція въ полной формѣ, съ іезуитствомъ, воспитавшимъ цѣлыя поколѣнія фанатиковъ и обскурантовъ, съ растратой національныхъ силъ на предпріятія, чуждыя, даже вредныя для страны. Въ политическомъ отношеніи Польша почти не имѣла самобытныхъ славянскихъ идеаловъ. Подчинившись вліянію германскихъ понятій, она не только не защитила своихъ западныхъ земель отъ нѣмцевъ, но даже сама призывала нѣмецкихъ колонистовъ, которые потомъ и стали хозяевами этого края. Взамѣнъ того, Польша стала надвигаться на востокъ и захватывать земли русской народности, опять служа чуждымъ цѣлямъ политическимъ и религіознымъ,—изъ чего потомъ возникъ рядъ политическихъ бѣдствій для нея, какъ отпаденіе Малороссіи, потомъ вмѣшательства посторонніхъ державъ, наконецъ раздѣлъ.

Но вынося такое впечатлѣніе изъ польской исторіи, авторъ оговаривается, что вовсе не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ польской старинѣ одни темныя пятна. Напротивъ, эта старина представляетъ много почтеннаго и достойнаго подражанія. Въ самой шляхтѣ, хотя она и была кастой, было здоровое зерно, были прекрасныя, чисто славянскія качества: равенство въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, живое участіе къ дѣламъ государственнымъ, любовь къ свободѣ и самоуправленію. Много прекрасныхъ качествъ наслѣдовала отъ предковъ и новая шляхта. Польскій кметъ даровитъ и трудолюбивъ. Далѣе, въ излишествахъ религіознаго польскаго одушевленія есть также многія прекрасныя черты: теплота чувства, сила убѣжденія, самоотверженность въ борьбѣ. Іезуиты привили къ этой религіозности много превратнаго; но даже между ними были исключенія, заслуживающія уваженія, какъ, напримѣръ, Скарга. Въ самой политической исторіи, ошибки смягчаются разными обстоятельствами. Польша была совершенно открыта съ запада германскому напливу, и если движеніе Польши, служившей при этомъ цѣлямъ Рима, на русскія земли было губительно для обоихъ народовъ, то, съ другой стороны, это движеніе могло истекать изъ того же инстинкта, который нѣсколько разъ вну-

Digitized by Google

шалъ южному и западному славянству попытки политическаго объединенія. Но Польша возъимѣла эти попытки надъ племенемъ, на ту минуту разрозненнымъ, но въ цѣломъ несравненно болѣе сильнымъ и многочисленнымъ.

Это послѣднее обстоятельство, инстинктивная потребность объединенія,—замѣчаетъ при этомъ авторъ,—въ настоящее время можетъ быть примѣнено и къ Россіи... «Вотъ почему Россія (какъ племя наиболѣе сильное) съ бо́льшимъ правомъ можетъ считать своимъ предназначеніемъ принять со временемъ политическое водительство славянскаго племени, до котораго она, впрочемъ, далеко еще *не доразвилась*». Но,—оговаривается тутъ же авторъ,—если она будетъ поступать въ славянскомъ племени съ такою же безтактностью и легкомыслiемъ, какъ нѣкогда поляки на Руси, то она «достойна будетъ и судьбы послѣднихъ, и, конечно, рано или поздно, не избѣжитъ ея. Но если эта гегемонія будетъ опираться на преимуществахъ русской образованности, на образцовыхъ достоинствахъ русской науки и литературы, русскаго общественнаго и государственнаго строя, трудолюбія и безкорыстія народа, наконецъ его любви и самоотверженія для другихъ,—то тогда, и *только тогда*, русской гегемоніи не постигнетъ судьба столькихъ другихъ, ей предшествовавшихъ» [1]).

Но свѣтлыя стороны старо-польской жизни не перевѣшивали ея темныхъ сторонъ, и паденіе Польши обозначало явную несостоятельность ея тогдашнихъ началъ—іезуитскаго фанатизма, шляхетскаго безграничнаго своеволія, подавленности народа. *Та* Польша возродиться не можетъ: для народныхъ массъ она была угнетеніемъ; Европа ее не поддержитъ, какъ не поддержала Ганновера, Баваріи и т. д. [2]); старо-польскій строй не выдержалъ бы и напора новыхъ либеральныхъ идей. Но значитъ ли это, что польскій народъ не имѣетъ никакой будущности? Многіе такъ и думаютъ, но авторъ высказываетъ полное убѣжденіе, что «польскій народъ можетъ и долженъ еще возродиться для будущности свободной и счастливой, въ которой будутъ искуплены всѣ ошибки или, лучше, всѣ несчастія и страданія его прошлаго».

Польскому народу можетъ предстоять троякая будущность: во-первыхъ, обрусеніе; во-вторыхъ, онѣмеченіе; въ-третьихъ, со-

---

[1]) Стр. 156.

[2]) Прибавимъ, какъ не поддержала неаполитанскихъ Бурбоновъ, властительства папъ въ Церковной Области, герцоговъ тосканскихъ и проч.

Digitized by Google

храненіе своей народности. Авторъ высказываетъ свое мнѣніе о каждой изъ этихъ возможностей.

На тэму обрусенія говорилось довольно много въ нашей печати въ шестидесятыхъ годахъ. Обрусеніе считалось многими за единственный способъ умиротворенія Польши: оно должно было превратить поляковъ въ русскихъ гражданъ и вмѣстѣ послужить исправительнымъ наказаніемъ за бунты. Принятыя въ царствѣ административныя мѣры, повидимому, окончательно утверждали планъ обрусенія Польши. Но людямъ — не скажемъ даже съ славянскими сочувствіями, а просто понимающимъ историческія и этнографическія отношенія, идея обрусенія тогда же казалась невозможной, и даже крайне вредной и опасной. Г. Будиловичъ также отвергаетъ ее самымъ рѣшительнымъ образомъ.

«Вѣроятно ли и желательно ли обрусеніе польскаго народа? Отвѣчаемъ: невозможно и потому нежелательно... Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ и способомъ могло бы оно совершиться? Указываютъ на два пути: государственный и народный. Проводниками и органами перваго считаются: управленіе, законы, школы, оффиціальный языкъ и т. п. внѣшнія правительственныя средства. Способами же взаимодѣйствія собственно народнаго или общественнаго служатъ: науки и искусства, религія, связи торговыя и промышленныя, но преимущественно — народная колонизація. Легко видѣть, что дѣйствительность и сила этихъ двухъ способовъ натурализаціи однимъ народомъ другого далеко не равномѣрны. Можно даже утверждать, что единственно надежнымъ и вѣрнымъ путемъ къ этому могутъ служить связи народныя, а не вліяніе государственное. Послѣднее скользитъ, такъ сказать, по поверхности народной жизни и касается однихъ верхнихъ слоевъ; оно чрезвычайно тихо и медленно проникаетъ въ глубь народнаго быта, душевныхъ вѣрованій, стремленій, понятій и идеаловъ народныхъ массъ. Вотъ почему всегда почти завоеванія внѣшнія, государственныя, не оказываются особенно прочными и долговѣчными. Развѣ германская Австрія онѣмечила мадьяръ, румуновъ и славянъ? Государственная сила османовъ отуречила ли грековъ и албанцевъ, арабовъ и славянъ?.. Намъ укажутъ на романизацію Галліи, Испаніи, или на германизацію Балтійскаго поморья средствами римскаго и германскаго государствъ. Но здѣсь потокъ вліянія, всегда болѣе или менѣе насильственнаго, государственнаго, былъ поддержанъ нѣкоторыми другими факторами: силою высшей культуры, связями народными и, болѣе всего, непрерывною колонизаціей. Отчего тотъ же Римъ покорилъ, но не романизовалъ ни Греціи, ни Британіи? — Отъ

Digitized by Google

того, что первая была образованнѣе и населеннѣе самого Рима, а скудная природа Альбіона не могла особенно привлекать къ себѣ итальянскихъ и другихъ южныхъ колонистовъ. Германія тоже навсегда завоевала область балтійскихъ славянъ ни чѣмъ другимъ, какъ непрерывной, и вольной, и насильственной колонизаціей. Точно также пріобрѣтены англо-саксами Америка, а русскими Волга, Обь, Енисей и Амуръ... Слѣдовательно, вопросъ: можетъ ли Россія *натурализовать* себѣ Польшу—удобно и справедливо перефразируется въ другой: можетъ ли Россія *колонизовать* Польшу? Сейчасъ мы это разсмотримъ: здѣсь же, для полнаго успокоенія тѣхъ, которые вѣрятъ въ возможность обрусенія Польши государственными средствами, мы позволяемъ себѣ нескромный вопросъ: а какъ распространить вліяніе русской гражданственности на ту *половину*, свыше 4-хъ милліоновъ польскаго народа, которая живетъ въ предѣлахъ Австріи и Пруссіи, —слѣдовательно, совершенно изъята отъ государственнаго воздѣйствія Россіи? Что съ нею сдѣлать?—«Отдать нѣмцамъ!» Такъ вотъ откуда исходятъ теоріи руссификаціи Польши!»

Припомнимъ, что въ эпоху польскаго возстанія слышались даже и такія мнѣнія, что для военнаго усмиренія Польши слѣдуетъ половину самой русской Польши отдать Германіи...

Но *колонизацію* Польши русскимъ населеніемъ авторъ считаетъ невозможностью, потому уже, что колонизація направляется обыкновенно изъ странъ болѣе населенныхъ въ менѣе населенныя, а этого отношенія здѣсь нѣтъ. «Конечно, государство располагаетъ такими могущественными средствами, что оно можетъ объявить борьбу не только съ естественными законами природы, но даже съ нравственными законами общественныхъ организмовъ». Еслибы Россія усвоила себѣ способъ дѣйствій тевтонскихъ рыцарей, она могла бы провести въ Польшу русскую народность, на мѣсто *истребленной* польской; но авторъ сомнѣвается, чтобы Россія приняла подобную систему дѣйствій: въ ея прошедшемъ нѣтъ примѣровъ систематическаго истребленія народностей, а для «обрусенія» нашлось бы много дѣла у себя дома, чтобы тратить еще нравственныя и матеріальныя силы Россіи на насильственную руссификацію Польши.

«И что за надобность русскому ополячиться или поляку обрусѣть? Или вы думаете, что Русь и Польша—враги смертельные, которыхъ примирить развѣ смерть одного изъ двухъ?—Напрасно: мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ взаимной антипатіи русскаго и польскаго *народовъ*. Непріязненна Россіи польская шляхта; но зачѣмъ за 10 шляхтичей вы желаете загубить 90 ни въ чемъ

Digitized by Google

неповинныхъ кметовъ, не разъ заявлявшихъ (напр., въ 1863 году) нелицемѣрную дружбу къ Россіи и ожесточенную вражду къ своимъ шляхетскимъ утѣснителямъ?..» Наконецъ, посягательство Россіи на польскую народность совершенно оттолкнуло бы отъ Россіи остальное славянство—чего другого могли бы они ждать и для себя отъ соединенія съ русскими? «Непрочно государство,— говоритъ г. Будиловичъ, — основанное на насиліи и народной исключительности. Вотъ почему, по нашему глубокому и непоколебимому убѣжденію, лучше даже *потерять* Польшу, чѣмъ *насильственно* ее *обрусить*. Въ первомъ случаѣ мы потеряемъ связь и вліяніе лишь на одно изъ славянскихъ племенъ; во второмъ же мы всѣхъ отъ себя оттолкнемъ и приготовимъ великое торжество для нѣмцевъ, которые не замедлятъ эксплуатировать въ свою пользу негодованіе на Россію славянскихъ народовъ».

На вопросъ, возможно ли онѣмеченіе Польши, г. Будиловичъ отвѣчаетъ, что оно совершенно возможно. Германія имѣетъ для этого обширныя матеріальныя и нравственныя средства, большой избытокъ населенія на колонизацію, и большую безцеремонность въ исполненіи. Въ своихъ восточныхъ провинціяхъ (отчасти это тоже Польша, уже обнѣмеченная) и въ разныхъ пунктахъ запада Россіи, а также въ Москвѣ и Петербургѣ, Германія имѣетъ и опору для этого. Онѣмеченіе особенно возможно, если оно будетъ представляться Россіи желательнымъ [1]). «Но можетъ ли это ей представляться? Можетъ ли Россія выдать Германіи польскій народъ, съ которымъ, правда, у насъ есть свои счеты, но возможна и мирная по нимъ расплата, чего нельзя сказать о счетахъ Россіи съ Германіей? Это, конечно, болѣе всего будетъ зависѣть отъ быстроты и направленія нашего общественнаго развитія, нашего народнаго славянскаго самосознанія». Хорошо, если мы во-время увидимъ бездну, которая открывается передъ нами; но если мы ея не увидимъ, то Богъ знаетъ, что̀ можетъ случиться... Опасность, на которую указываетъ г. Будиловичъ, есть чрезвычайное матеріальное усиленіе Германіи: если она овладѣетъ Вислой, то остановится развѣ за Двиной; соединенная Австрія и Германія, раздвинувшаяся отъ устьевъ Рейна до устьевъ Дуная и Днѣстра и отъ Балтійскаго моря, быть можетъ, до Босфора или по крайней мѣрѣ до Балканъ и Черногоріи [2]), будетъ не очень благополучнымъ сосѣдомъ, — а эта волна непремѣнно

---

[1]) Мы упомянули выше, что во время польскаго возстанія были голоса объ этой желательности.

[2]) До Черногоріи Австрія уже дошла теперь и стремится къ Эгейскому морю.

Digitized by Google

разольется, если открыть плотину: эту плотину составляютъ для насъ Чехія и Польша, а пока вообще Австрія и (до послѣднихъ лѣтъ) Турція.

Единственную надежду въ этой опасности авторъ возлагаетъ на «геній славянства», который много разъ его спасалъ и на этотъ разъ охранитъ отъ роковыхъ ошибокъ. По мнѣнію автора, славянство, взятое совокупно, сильнѣе всякаго народа въ мірѣ, не исключая и германскаго. «Если же тѣмъ не менѣе нѣмцы могутъ нанесить славянству тяжелыя раны, то не иначе, какъ славянскими же руками, пользуясь общественной и политической неразвитостію славянскихъ народовъ и происходящими отъ этого ихъ разрозненностію и рабствомъ». Но съ другой стороны онѣмеченіе Польши было бы гибельно не только для славянства, но и для Германіи, потому что вызвало бы ее на борьбу съ Россіей, —и исходъ такой борьбы трудно предсказать.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ авторъ думаетъ, что въ интересѣ не только славянства, но и человѣчества надо желать «сохраненія польскимъ народомъ своей исторической личности. Это не то что возможно и желательно, но необходимо и потому неизбѣжно, какъ требованіе права, какъ законъ природы, какъ условіе свободы, какъ залогъ будущности».

Теперь Россія еще не можетъ предоставить Польши ея судьбѣ: славянство еще не сплотилось; а пангерманство уже есть. Притомъ, великій соціальный переворотъ въ польской жизни, начатый реформами Милютина, еще не завершился; новая народная интеллигенція не успѣла образоваться. «Однако уже и теперь [1]) Россія можетъ и должна дать польскому народу и обществу одно благо, котораго оно кажется лишено: *надежду!* Пусть Польша знаетъ, что цѣль Россіи не уничтоженіе польской народности, а вызовъ изъ среды народа тѣхъ здоровыхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, которымъ по всякому праву принадлежитъ устроеніе народной будущности». Впослѣдствіи, когда совершится этотъ внутренній переворотъ, когда утвердятся политическія отношенія славянства, Польша, можетъ быть, найдетъ себѣ почетное и независимое мѣсто въ славянскомъ союзѣ.

Мы подробно остановились на статьѣ г. Будиловича, такъ какъ она представляетъ опять особую форму новаго славянофильства. Въ постановкѣ дѣла много пунктовъ соприкосновенія

[1]) Въ 1871.

Digitized by Google

со взглядомъ Гильфердинга, но у г. Будиловича, быть можетъ, меньше конфессіональной исключительности, которой значительный запасъ Гильфердингъ все-таки вынесъ изъ школы Хомякова. Г. Будиловичъ смотритъ на вопросъ съ точки зрѣнія обще-славянскихъ интересовъ (которая и должна здѣсь имѣть мѣсто), и выводы, къ какимъ онъ приходитъ, безъ сомнѣнія, отвѣчаютъ и здравому политическому разсчету, и требованіямъ справедливости. Быть можетъ, онъ преувеличиваетъ опасность, грозящую со стороны Германіи, но столкновеніе, по убѣжденію, очень распространенному и въ Россіи и въ Германіи, стоитъ на очереди, а въ польской Познани и безъ формальнаго «столкновенія» онѣмеченіе «мирными», не очень церемонными, путями идетъ такъ быстро, что теперь уже грозитъ окончательнымъ уничтоженіемъ польскаго элемента,—послѣ чего процессъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ перейти русскую границу. Далѣе, г. Будиловичъ, сколько мы понимаемъ, вовсе не есть какой-нибудь особенный любитель польщизны; но въ этомъ случаѣ онъ вѣрно примѣняетъ тѣ соображенія, къ какимъ должно приводить изученіе славянскаго національнаго движенія новѣйшихъ временъ; его заключенія тѣмъ болѣе любопытны, что онъ все-таки есть человѣкъ школы и въ другихъ примѣрахъ (напр. въ странномъ и ненаучномъ отношеніи къ движенію южнорусскому) не есть образецъ послѣдовательности и безпристрастія.

Возвращаемся къ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ нами въ началѣ статьи. Мы привели рядъ образчиковъ славянофильскаго взгляда въ разныхъ его оттѣнкахъ: суровая исключительность первоначальной школы въ нихъ уже сильно смягчена критическимъ вниманіемъ къ исторической судьбѣ польскаго племени, и послѣдній выводъ—самая положительная забота о сохраненіи польскимъ народомъ своей исторической личности. Чѣмъ больше этого вниманія къ исторіи, тѣмъ больше является безпристрастія и спокойнаго отношенія къ чужой народности, тѣмъ больше въ массѣ историческихъ отличій начинаютъ выдаваться близкія племенныя черты,—тѣ самыя, которыя и могли бы стать основаніемъ для примиренія сознательнаго.

Приведенныя мнѣнія не имѣютъ, правда, въ настоящую минуту авторитетнаго значенія въ практической политикѣ, примѣняемой теперь въ польскихъ дѣлахъ, но для польскихъ образованныхъ людей они должны имѣть свою немалую важность, какъ образчикъ того, какъ складываются взгляды даже въ томъ литературномъ кругѣ, который *въ принципѣ* стоитъ главнымъ теоретическимъ противникомъ польскихъ началъ. Прибавимъ, что приведенныя мнѣнія, говорившія съ русской стороны въ защиту

Digitized by Google

интересовъ польской народности, съ сочувствіями къ ея достоинствамъ и ея славянскимъ сторонамъ, отчасти высказаны были въ пору разгара польскаго возстанія, слѣдовательно въ пору самаго сильнаго обоюднаго раздраженія и нетерпимости. Нѣтъ сомнѣнія, что во времена болѣе спокойныя, при бо́льшей свободѣ русской литературы, эти сочувствія высказались бы еще съ бо́льшей полнотой и исторической убѣдительностью,—но вѣроятно и съ бо́льшими запросами къ самому польскому обществу. Намъ кажется, что здѣсь былъ бы серьёзный предметъ размышленія для польскихъ историковъ и публицистовъ, и—хорошій примѣръ: тѣмъ и другимъ давно бы пора съ тѣмъ же критическимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ обратиться къ изученію прошедшихъ и нынѣшнихъ русско-польскихъ отношеній.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

ЧЕЛОВѢКЪ КАМЕННАГО ВѢКА

У

ЛАДОЖСКАГО ОЗЕРА

По новѣйшимъ раскопкамъ.

«Только народы совершенно грубые бываютъ равнодушны къ своему прошедшему; забота о существованіи подавляетъ у нихъ всѣ другіе интересы. Но чѣмъ высшую степень образованности занимаетъ народъ, тѣмъ больше онъ принимаетъ участія въ изслѣдованіи своей страны». Эти слова были высказаны въ 1861 г. академиками — Бэромъ и Шифнеромъ въ предисловіи къ переводу Ворса «Сѣверныя древности», изданному академіею наукъ.

Мнѣ кажется, что мысль, высказанная академиками, явилась результатомъ сравненія нашихъ свѣдѣній, относящихся къ доисторическому человѣку Западной Европы, съ таковыми же свѣдѣніями относительно Россіи. Сравненіе было далеко не въ пользу этой послѣдней. Вотъ почему и гг. академики, какъ чужестранцы, думали возбудить интересъ къ подобнаго рода изысканіямъ—напоминая намъ объ обязанностяхъ народовъ образованныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Западной Европѣ съ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, со времени знаменитыхъ открытій гг. Турналя, Кристоля, Шмерлинга, Буше-де-Перта и многихъ другихъ, было вполнѣ установлено, что въ ней задолго до того времени, о которомъ разсказываютъ преданія, жилъ человѣкъ—и было доказано, что онъ жилъ совмѣстно съ такими громадными вымершими животными, —какія

Digitized by Google

жили нѣкогда на землѣ—мамонтъ и носорогъ. Западная Европа съ тридцатыхъ годовъ представляетъ намъ обширный, энергично-собираемый многочисленными изслѣдователями, матеріалъ для всесторонняго изученія до-историческаго человѣка. Стоитъ припомнить открытія кучъ кухоннаго сора, изслѣдованія, торфяниковъ и долменъ Даніи, краноже Ирландіи, свайныхъ построекъ Швейцаріи и блестящій рядъ изученій пещерныхъ отложеній различныхъ странъ, чтобы возникло представленіе о томъ громадномъ количествѣ данныхъ, которыя пролили совершенно новый, своеобразный свѣтъ, не только на образъ жизни до-историческаго человѣка, но и на законность въ ходѣ его культуры. Эта послѣдняя была доказана стратиграфически, чисто геологическимъ пріемомъ, какъ на раскопкахъ знаменитыхъ торфяниковъ Даніи, такъ и на послойномъ разборѣ пещерныхъ отложеній. Изъ ряда подобныхъ изслѣдованій впервые было узнано, что въ прогрессивномъ развитіи культуры до-историческаго человѣка были вѣка каменный, бронзовый и желѣзный.

Многочисленныя искусственныя сооруженія, производящіяся въ Западной Европѣ, довольно высокій средній уровень образованія, дозволилъ людямъ даже мало-подготовленнымъ для изученія до-историческаго человѣка, быть энергичными коллекторами и аккуратными хранителями собраннаго матеріала. Такое его обиліе, а равно и громадный къ нему интересъ вообще, очевидно, вызвало къ дѣятельности большое количество рабочихъ рукъ. Западная Европа представляетъ намъ нынѣ обширную литературу по вопросу о до-историческомъ человѣкѣ; эта литература захватываетъ собою всѣ извѣстныя государства. Французы, нѣмцы, англичане, итальянцы, датчане, испанцы, швейцарцы и шведы издаютъ отдѣльныя самостоятельные журналы, занимающіеся до-историческимъ человѣкомъ, и создали обширные музеи, наполненные остатками глубокой древности.

Если въ настоящее время для Западной Европы уже вполнѣ отчетливо установилась послѣдовательность въ ходѣ культуры до-историческаго человѣка,—послѣдовательность въ измѣненіяхъ, постигшихъ окружающую его флору и фауну, то того же нельзя сказать относительно нашихъ знаній самого человѣка.

Черепа людей каменнаго періода, а равно и части ихъ костяковъ, встрѣчаются вообще въ ограниченномъ количествѣ. Это объясняется какъ, съ одной стороны, тѣмъ обычаемъ сожиганія, которое доказано для нѣкоторыхъ до-историческихъ народовъ, такъ—съ другой, массою дикихъ звѣрей, окружавшихъ первобытнаго человѣка, и вѣроятно истребившихъ какъ его самого, такъ

Digitized by Google

и его трупы. Знатокъ и талантливый изслѣдователь до-историческаго человѣка Катрфажъ насчитываетъ всего, хранящихся въ музеяхъ Западной Европы, около сорока череповъ, да еще нѣсколько ихъ отдѣльныхъ костей. Такое ограниченное количество остатковъ самого человѣка, сравнительно съ громаднымъ количествомъ его издѣлій, по истинѣ изумительно.

Всѣ швейцарскія свайныя постройки, изъ которыхъ иныя, какъ, напримѣръ, одно изъ поселеній на Баденскомъ озерѣ близъ Вангена, по показанію знатока ихъ Келлера, вмѣщало до тысячи человѣкъ,—представили всего остатки шести недѣлимыхъ.

Дезоръ говоритъ, что въ свайныхъ постройкахъ каменнаго періода нѣтъ ни одного остатка, принадлежащаго костяку человѣка.

Въ настоящее время уже сдѣлана первая попытка классифицировать и самого человѣка. Такая попытка принадлежитъ совмѣстной работѣ гг. Катрфажа и Гами, которые въ своемъ интересномъ трудѣ «Crania ethnica» стараются установить уже девять основныхъ расъ каменнаго вѣка.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ главный матеріалъ и главные результаты, вытекающіе изъ изученія до-историческаго человѣка въ Западной Европѣ съ конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія до настоящаго времени.

I.

Что же дѣлалось по занимающему насъ вопросу въ это время въ Россіи?

Мы привыкли къ мысли, что и въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ, какъ и вопросовъ жизни, мы являемся только послѣдователями того, что дѣлается на Западѣ: — хватаемъ и ловимъ, хотя иногда и поздно, дошедшія до насъ мысли и факты. Но періодъ въ тридцать-сорокъ лѣтъ для такого вопроса,—какъ вопросъ о до-историческомъ человѣкѣ, слишкомъ продолжителенъ, чтобы исключительно только такимъ способомъ объяснять столь поздніе занятія у насъ такимъ важнымъ и интереснымъ для науки вопросомъ. Мнѣ кажется, есть еще и другая причина, которая кроется въ слѣдующемъ обстоятельствѣ:

Главный источникъ, служившій столь долгое время для изученія раннихъ періодовъ исторической жизни человѣка въ Россіи, конечно, былъ—знаменитая лѣтопись Нестора. Лѣтописецъ, начиная свой разсказъ объ образованіи Руси, очевидно, имѣлъ въ своемъ распоряженіи крайне небольшой матеріалъ для періода

Digitized by Google

его глубокой древности,—матеріалъ, ограничивающійся немногочисленными уцѣлѣвшими устными преданіями. Вотъ почему и первые періоды времени въ Россіи историческаго человѣка представлены у него слабо и освѣщены еще извѣстною точкою зрѣнія автора-монаха. Хотя въ ряду научныхъ дѣятелей въ нашей исторіи и являлись отдѣльные изслѣдователи, доказывавшіе, что сказанія грековъ и римлянъ даютъ намъ довольно значительный матеріалъ и для того времени, съ котораго начинаетъ свой разсказъ Несторъ,—но отдѣльные голоса такихъ дѣятелей не могли подорвать корни, столь глубоко пущенные Несторовскою лѣтописью. Авторитетъ такихъ ученыхъ иногда еще и умышленно затемнялся болѣе крупными научными единицами. Наши западные сосѣди, часто даже съ предвзятою мыслью, дабы и съ исторической стороны выставить насъ народомъ крайне молодымъ, разбирая сказанія Нестора, населяли Россію ирокезами и другими совершенно дикими народами, относя такое населеніе ко времени призванія варяговъ. Нѣкоторые и русскіе историки вторили этимъ западнымъ авторитетамъ, а кому же мы и вѣримъ въ такихъ вопросахъ—какъ не спеціалистамъ?

Продолжительное время образованная часть нашего общества, съ первыхъ шаговъ своего воспитанія и образованія, росла въ мысли, что раньше разсказа нашего знаменитаго лѣтописца Нестора, на Руси ничего не было или, по мѣткому выраженію г. Забѣлина, характеризующаго отношеніе нашего общества къ этому вопросу, на Руси было «пустое мѣсто». По нашему мнѣнію, эта мысль должна была лежать тяжелымъ и продолжительнымъ гнетомъ надъ умами даже талантливыхъ дѣятелей. Что же было и отыскивать въ пустомъ мѣстѣ?

Но мало-по-малу этотъ мракъ о «пустомъ мѣстѣ» сталъ разсѣиваться. Какъ письменныя указанія древнихъ (грековъ и римлянъ), такъ еще болѣе вещественныя доказательства въ изслѣдованіяхъ памятниковъ быта, въ раскопкахъ кургановъ, пролилъ совершенно новый и неожиданный свѣтъ на древнее населеніе Россіи. Многочисленныя раскопки кургановъ, произведенныя гг. Ходаковскимъ, Тихонравовымъ, гр. Тышкевичемъ, гр. Уваровымъ, Забѣлинымъ, Богдановымъ Самоквасовымъ, Тизенгаузеномъ, Антоновичемъ, Ивановскимъ и многими другими, обнаружили богатые остатки человѣка, принадлежащіе не только тому времени, съ котораго начинаетъ свой разсказъ Несторъ, но и значительно болѣе отдаленному.

Такія изслѣдованія не только дали надлежащее освѣщеніе сказаніямъ Геродота, но дали возможность разъяснить и допол-

Digitized by Google

нить нѣкоторые изъ намековъ древнихъ сказаній, придать имъ надлежащій смыслъ и развитіе.

Эти изслѣдованія были окномъ, черезъ которое заглянулъ изслѣдователь Россіи и во времена болѣе отдаленныя. Находки такихъ историческихъ, а отчасти и до-историческихъ памятниковъ прямо указывали на возможность встрѣчи памятниковъ еще болѣе древнихъ, уже типичныхъ до-историческихъ.

Эта возможность обусловливалась также весьма давно тѣмъ же отношеніемъ простого русскаго человѣка къ остаткамъ каменнаго періода, какъ и въ Западной Европѣ. Простой народъ издѣліямъ изъ камня давалъ названія «громовыхъ стрѣлъ», приписывая имъ небесное происхожденіе, а потому и видѣлъ въ нихъ необыкновенную цѣлебность отъ всѣхъ своихъ недуговъ. Онъ собиралъ ихъ уже весьма давно, и до сихъ поръ въ Россіи, при внимательныхъ разспросахъ крестьянъ, можно найти у нихъ, за божницею, эти древніе остатки каменнаго вѣка.

Если въ Западной Европѣ первыя несомнѣнныя находки издѣлій человѣка каменнаго періода были сдѣланы въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, то для Россіи мы должны отмѣтить только конецъ шестидесятыхъ. Вотъ почему наши академики Бэръ и Шифнеръ въ вышеприведенныхъ словахъ и отыскиваютъ причину недостатка у насъ изслѣдованій древняго человѣка въ недостаткѣ образованія нашего общества.

Съ г. Бутеневымъ, съ конца шестидесятыхъ годовъ, появляется въ нашей литературѣ, постоянно увеличивающійся списокъ дѣятелей. Гг. Рыбниковъ, Лерхе, Гревинкъ, Аспелинъ, Головкинскій, гр. Уваровъ, Ѳеофилактовъ, Роговичъ, Пржиборовскій, Самоквасовъ, Поляковъ, Кельсіевъ, Зенгеръ, Сандбергъ, Кудрявцевъ, Докучаевъ, Голицынъ, Тышкевичъ, Пельцамъ, Карпинскій, Мережковскій и другіе, собираютъ болѣе или менѣе обширныя коллекціи изъ различныхъ мѣстностей Россіи, доказывающія, что и у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, тоже былъ каменный періодъ, т.-е. такой, когда человѣкъ не умѣлъ употреблять еще металла. И здѣсь, какъ и въ Западной Европѣ, на полѣ изслѣдованія до-историческаго человѣка каменнаго періода мы видимъ и археологовъ, и натуралистовъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи показали, что и въ Европейской Россіи, какъ и за границей, также жилъ въ весьма отдаленныя времена до-историческій человѣкъ вмѣстѣ съ мамонтомъ и носорогомъ. Первая находка была сдѣлана профессоромъ Ѳеофилактовымъ, въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, а за нимъ гр. Уваровымъ по р. Окѣ и т. д.

Digitized by Google

Но во всякомъ случаѣ во всѣхъ этихъ находкахъ, за исключеніемъ найденнаго гр. Уваровымъ одного полнаго и остатковъ двухъ другихъ череповъ на р. Окѣ, не былъ извѣстенъ самъ авторъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ произведеній, безспорно принадлежащихъ къ каменному періоду.

Прошедшимъ лѣтомъ, въ побережьи Ладожскаго озера мнѣ посчастливилось сдѣлать находку какъ самого человѣка каменнаго періода, такъ и многочисленныя его издѣлія изъ камня и кости, а равно и сопровождающую его фауну и флору.

На бывшемъ въ августѣ мѣсяцѣ конгрессѣ антропологовъ въ Москвѣ, я уже сдѣлалъ краткое сообщеніе объ этой находкѣ, представивъ главнымъ образомъ геологическій характеръ залеганія содержащихъ остатки слоевъ.

Еще въ 1869 году мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что при работахъ новаго Ладожскаго канала, открытаго въ 1866 году, были находимы, въ разработываемыхъ слояхъ, кости животныхъ и черный дубъ, изъ котораго мнѣ даже пришлось видѣть нѣсколько издѣлій. Но дошедшія до меня извѣстія были позднія, каналъ былъ открытъ, а слѣдовательно о наблюденіи надъ послойнымъ залеганіемъ исчезнувшаго матеріала нечего было и думать. Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ сильно заинтересовалъ меня, и были приняты мѣры, на случай новыхъ работъ въ указанномъ побережьи Ладожскаго озера, дабы во-время узнать объ этомъ.

Интересъ къ сдѣланнымъ, но пропавшимъ находкамъ на Ладожскомъ каналѣ, былъ поддержанъ, и можно сказать—усиленъ, моими изслѣдованіями долины р. Невы, начавшимися съ 1877 года. Изъ знакомства съ этими находками я узналъ, что дубъ, найденный на новомъ Ладожскомъ каналѣ, былъ находимъ и ниже по р. Невѣ, при устройствѣ буровой скважины въ обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, при устройствѣ новаго дока въ Кронштадтѣ; и, наконецъ, еще Палласъ указывалъ на лодку изъ сплошного дуба, найденную при работахъ на террасѣ у Стрѣльны. Эти факты показываютъ, что дубъ, встрѣчающійся изрѣдка въ дикомъ состояніи на Корельскомъ перешейкѣ, пользовался еще сравнительно недавно значительнымъ распространеніемъ въ разсматриваемой нами мѣстности.

Сложность строенія долины р. Невы заставила меня выдти изъ нея по направленію къ Ладожскому озеру и познакомиться съ строеніемъ террасъ этого послѣдняго. Къ подобнаго рода изслѣдованію меня подвинуло еще и то обстоятельство, что въ 1878 году начаты были работы на новомъ Сясскомъ каналѣ.

Digitized by Google

С.-Петербургское общество естествоиспытателей, принимая во вниманіе мои занятія наносами р. Невы, командировало меня для изслѣдованія разрѣзовъ строющихся каналовъ.

Уже ранней весной со студентами-спеціалистами совершена была мною поѣздка на эти работы. Затѣмъ многократныя мои поѣздки и разсказы завѣдующимъ работами и рабочимъ о важности сбора встрѣчаемыхъ предметовъ, а равно и поѣздки, по моей просьбѣ гг. кандидатовъ нашего университета, П. Н. Венюкова, Б. Н. Коленко, а также и Д. П. Европеуса, занимающагося на р. Вороновой раскопками кургановъ, дали возможность не только въ полныхъ деталяхъ опредѣлить геологическій характеръ залеганія разнообразныхъ остатковъ, но и собрать прекрасную коллекцію, находящуюся нынѣ въ геологическомъ кабинетѣ петербургскаго университета.

Здѣсь же считаю долгомъ выразить мою благодарность и гг. инженерамъ, завѣдующимъ работами, ибо многіе предметы были найдены и собраны ими. Гг. Н. П. Бенардъ, А. Ѳ. Стембницкій, Ю. Ѳ. Бальцъ, В. О. Герценштейнъ и О. В. Гаевскій, оказали мнѣ полное содѣйствіе къ вышеозначенному сбору.

Въ настоящее время работы на новомъ Сясскомъ каналѣ почти закончены, собранный матеріалъ отчасти уже обработанъ, вотъ почему и является возможность, до подробнаго изложенія, представить общую картину какъ самаго характера положенія всѣхъ остатковъ до-историческаго человѣка въ слояхъ пройденныхъ каналомъ, такъ и реставрировать его самого и окружающую его флору и фауну, а равно и самый образъ его жизни.

Для насъ, петербуржцевъ, не привыкшихъ къ горамъ, терраса, окаймляющая долину р. Невы съ юга—извѣстная подъ названіемъ царскосельскихъ высотъ, уже кажется горною мѣстностью, равно какъ и высоты парголовскія, ограничивающія ту же долину съ сѣвера, и служащія любимымъ дачнымъ мѣстомъ петербургскихъ жителей. Царскосельскія высоты переходятъ къ намъ изъ остзейскаго края и сопровождаютъ долину р. Невы, вплодь до Ладожскаго озера. Но при самомъ выходѣ р. Невы изъ этого послѣдняго, высоты значительно отступаютъ къ югу, обнажаясь въ извѣстныхъ пудиловскихъ плитныхъ ломкахъ, снабжающихъ въ изобиліи Петербургъ своимъ матеріаломъ. Эти высоты не теряются и далѣе—ихъ можно прослѣдить въ нѣкоторомъ разстояніи отъ южнаго берега Ладожскаго озера не только до р. Волхова, но и до р. Сяси. Эти высоты обусловливаютъ образованіе послѣднихъ пороговъ на вышеуказанныхъ рѣкахъ.

Digitized by Google

Между этою высокою террасою и южнымъ берегомъ Ладожскаго озера лежитъ низменная, болотистая мѣстность, слабо спускающаяся къ уровню Ладоги. По этой мѣстности, были устроены какъ старые каналы, такъ и новые. Ново-ладожскій каналъ проведенъ между старымъ и самимъ берегомъ. Точно также и новый Сясскій каналъ отдѣленъ не большимъ участкомъ суши отъ Ладожскаго озера.

Геологическое строеніе мѣстности, пройденной каналомъ, крайне простое. Въ основаніи лежитъ сѣрая песчаная глина, мѣстами переходящая въ красноватую и мѣстами же крайне богатая громаднымъ скопленіемъ валуновъ, иногда весьма значительныхъ размѣровъ. На новомъ Сясскомъ каналѣ она выходитъ у дна канала только,—какъ при выходѣ канала изъ р. Волхова, такъ и при впаденіи его въ рѣку Сясь. На этой поддонной моренѣ нѣкогда-бывшаго обширнаго ледника лежитъ непосредственно слой торфа до $^1/_2$ аршина, почти исключительно состоящій изъ листьевъ деревьевъ съ сучьями и цѣльными стволами. Это такъ-называемый лѣсной торфъ; на него налегаетъ толща песковъ, въ которой встрѣчаются многочисленные прослои крайне тяжелаго, богатаго пескомъ и слюдою, намывнаго торфа, то исключительно состоящаго изъ береговаго тростника, то къ нему примѣшивается въ нѣкоторомъ избыткѣ и наземная растительность.

Начиная съ самыхъ глубокихъ слоевъ намывного торфа, во всей толщѣ песковъ и прослоевъ торфа встрѣчаются весьма многочисленные, полуобугленные стволы деревьевъ и при постепенномъ углубленіи, которое ведется на каналѣ, можно было легко усмотрѣть, что деревья погибли здѣсь съ сучьями и мелкими вѣтками. Нѣкоторыя изъ деревьевъ представляютъ въ діаметрѣ до 18 вершковъ и почти всегда расположены съ извѣстною правильностію, т.-е. лежатъ поперекъ канала.

Вся толща песковъ, прорываемыхъ каналомъ, доходитъ до 3-хъ саженъ, но мѣстами она, безспорно, много больше, такъ какъ не было необходимости углублять каналъ ниже по всему пространству. Запасъ деревьевъ начинаетъ встрѣчаться въ особенности въ большомъ количествѣ съ глубины 1,7 саж. подъ уровнемъ Ладожскаго озера.

Остатки человѣка и животныхъ начинаютъ встрѣчаться съ лѣсного слоя, но въ немъ такіе остатки крайне рѣдки. Главный ихъ запасъ встрѣчается въ нижнихъ слояхъ намывного торфа, а равно и въ нижнихъ прослояхъ песковъ.

Такія находки были дѣлаемы почти по всему каналу и даже

Digitized by Google

при началѣ новаго свирскаго канала, но главный запасъ мы встрѣчали въ наибольшемъ скопленіи на протяженіи первыхъ трехъ верстъ отъ р. Волхова (длина всего новаго Сясскаго канала около десяти верстъ).

Различнаго рода остатки, находимые въ указанныхъ слояхъ, встрѣчаются совмѣстно, т.-е. рядомъ съ частями костяка человѣка; здѣсь же мы находимъ костяныя и каменныя орудія, кости животныхъ, позвонки, кости рыбъ и т. д.

Нами найдены остатки человѣка, принадлежащіе 18-ти недѣлимымъ. Изученіе человѣка, какъ животнаго, произведено по моей просьбѣ нашимъ извѣстнымъ антропологомъ, профессоромъ московскаго университета, А. П. Богдановымъ. Кромѣ остатковъ самого человѣка, здѣсь же были найдены и его издѣлія. Орудій и оружій собрано въ настоящее время до 250 экземпляровъ, и всѣ они состоятъ или изъ камня (75) или изъ кости (175). Кромѣ того, найдены плитки песчаника, плитки глинистаго сланца и обломки горшковъ, а равно и корма челнока, выдолбленнаго изъ сплошного ствола дуба.

Оружія и орудія изъ камня представляютъ формы, уже въ большинствѣ извѣстные намъ какъ изъ сѣверной Россіи, такъ и изъ Финляндіи и Остзейскаго края. Здѣсь мы находимъ: топоры, долота двухъ родовъ и различныхъ типовъ, рубилы, клинья, скребки и т. д. Матеріаломъ для нихъ служатъ почти исключительно сланцеватыя породы, и въ особенности значительнымъ распространеніемъ здѣсь пользовался глинистый сланецъ, изъ котораго приготовлено большинство орудій и оружій; за нимъ идутъ другіе сланцы (рогово-обманковый, слюдяный и т. д.), но уже въ значительно меньшемъ количествѣ. Всѣ каменныя орудія, за исключеніемъ небольшого числа скребковъ, представляютъ крайне тщательную полировку и вполнѣ симметрическую отдѣлку, но изъ всего ряда каменныхъ орудій и оружій, только одно, вѣроятно, служившее точиломъ для костяныхъ издѣлій, содержитъ небольшое, правильно просверленное отверстіе, служившее, очевидно, для его привѣса. Весь матеріалъ, изъ котораго сдѣланы означенныя орудія, находится здѣсь же на лицо, въ поддонной моренѣ, подстилающей нижній лѣсной слой. Для шлифовки и полировки какъ издѣлій изъ камня и изъ кости, до-историческій человѣкъ употреблялъ плитки песчаника, который ему приходилось отыскивать верстахъ въ пяти отъ берега озера въ унгулитовомъ пескѣ кембрійской формаціи. Отсюда же онъ бралъ, конечно, и тѣ фигурчатыя конкреціи, которыя намъ пришлось найти вмѣстѣ съ его издѣліями.

Digitized by Google

Нахожденіе здѣсь крайне мелкихъ шести скребковъ изъ роговика представляетъ намъ весьма наглядное доказательство той внимательности, съ которою относился до-историческій человѣкъ къ встрѣчающимся ему предметамъ. Нахожденіе роговика и кремня въ коренномъ мѣсторожденіи здѣсь настолько рѣдко, что кремень и роговикъ мы считаемъ не находящимся въ силурійскихъ и кембрійскихъ образованіяхъ. На эту же наблюдательность указываютъ намъ и окаменѣлости (одинъ эхиносферитъ и ортоцератитъ), также найденные вмѣстѣ съ издѣліями человѣка и очевидно принесенные имъ съ мѣста выхода силурійской формаціи, т.-е. съ пороговъ рѣки Волхова.

Многіе изъ каменныхъ орудій представляютъ разнообразныя фазы приспособленій поломанныхъ и испорченныхъ инструментовъ, видна пропиловка и различныя фазы приспособленія, вполнѣ аналогичныя указываемымъ Нильсономъ для Скандинавіи.

Значительно разнообразнѣе издѣлія изъ кости и рога. Здѣсь мы нашли иглы, шила, наконечники стрѣлъ и копій, разнообразной формы ножи, сдѣланные то изъ лопатокъ различныхъ животныхъ, то изъ сплошной берцовой или плечевой кости и т. д. Въ ряду наиболѣе распространенныхъ здѣсь издѣлій изъ кости надо отмѣтить довольно своеобразное и оригинальное издѣліе, сдѣланное изъ полой кости; кость распиливали на двѣ части по длинѣ, и затѣмъ одинъ конецъ ихъ косо стачивали; на другомъ концѣ такого орудія весьма часто находимъ отверстіе, за которое прикрѣплялось оно для ношенія; отъ этого орудія наблюдается переходъ къ цѣлому ряду другихъ, причемъ можно видѣть, что и другой бокъ мало-по-малу стачивался, а это придавало заостренію болѣе симметрическій видъ. Точно опредѣлить назначеніе ихъ мнѣ еще не удалось до сихъ поръ: очень можетъ быть, что они служили для сниманія коры съ деревьевъ или для вырыванія изъ земли корней, но во всякомъ случаѣ, они были необходимы нашему до-историческому человѣку, ибо онъ носилъ ихъ при себѣ. Въ этихъ орудіяхъ особенно любопытно слѣдующее обстоятельство. Измѣряя острый уголъ, приготовленный человѣкомъ посредствомъ стачиванія на многихъ орудіяхъ первоначальнаго типа, мнѣ пришлось получить его въ 45° съ колебаніемъ отъ 2 до 3°. Такое постоянство угла указываетъ намъ набивку руки при приготовленіи заостренія.

Надо вообще замѣтить, что до-историческій человѣкъ побережья Ладожскаго озера не придавалъ, за исключеніемъ иголъ (нѣкоторыя изъ нихъ служили ему и вмѣсто крючковъ для ловли рыбы) и шилъ, своимъ копьямъ и вообще заостреніямъ полнаго

Digitized by Google

совершенства: зная относительную хрупкость кости онъ пріострялъ свои инструменты въ форму узкаго долота, чѣмъ и предохранялъ ихъ отъ поломки.

Два изъ костяныхъ орудій представляютъ намъ и орнаментъ; особенно хорошо онъ выраженъ на одномъ; орнаментъ здѣсь въ видѣ слабо изломанной линіи, и преобладающимъ числомъ здѣсь является цифра четыре. На другомъ рисунокъ болѣе сложный, хотя также въ видѣ ломаныхъ линій, но нетребующій такой сложной работы, какъ предыдущій.

Особенно интересны наблюдаемыя на двухъ орудіяхъ зарубки. На одномъ, которое, вѣроятно, привѣшивалось на шею въ видѣ украшенія, съ одной стороны находятся четыре зарубки; на другомъ орудіи, которое можно принять за ножъ, такихъ зарубокъ гораздо больше: у нижняго конца ножа, въ которомъ сдѣлано также отверстіе, съ одной стороны края пришлось насчитать 22 зарубки, съ другого—25; на другой сторонѣ, на одномъ краю—29, на другомъ—24.

Кромѣ того, характеръ самыхъ зарубокъ различный—то прямой, то косой. Мнѣ кажется, что въ такихъ подѣлкахъ мы должны видѣть аналогъ биркамъ, употребляемымъ и нынѣ нашими крестьянами, но что записывалъ на нихъ до-историческій человѣкъ, конечно, остается неизвѣстнымъ.

Многіе изъ найденныхъ орудій и оружій въ высшей степени любопытны въ томъ отношеніи, что указываютъ на однообразіе въ ходѣ культуры нашего человѣка съ человѣкомъ весьма отдаленныхъ мѣстностей. Шило изъ кости, или гарпунъ, найденный нами, представляетъ полнѣйшую копію съ шиломъ, описаннымъ Жерве изъ Франціи; наши гарпуны представляютъ полное сходство съ гарпунами, найденными въ Скандинавіи и употребляемыми еще и нынѣ эскимосами. Нѣкоторые изъ костей носятъ ясные слѣды ихъ обработки и распиловки то вдоль, то поперекъ длины кости. Но особенно интересенъ кусокъ рога лося, дающій намъ возможность вполнѣ усвоить тотъ способъ, котораго придерживался до-историческій человѣкъ побережья Ладожскаго озера. Распиловку кости и рога онъ производилъ клиновидными каменными орудіями при помощи крупнаго кварцеваго песка, который и до сихъ поръ вдавленъ въ рогъ внутри распиленнаго мѣста. Что дѣйствительно распиловка велась при помощи клиновиднаго каменнаго орудія, на это указываетъ и форма разрѣза, свидѣтельствующая, что инструментъ былъ заостренъ только къ самому концу, а далѣе—утолщался. Но, повидимому, подобная, для насъ, конечно, трудная, работа легко преодолѣвалась до-исто-

Digitized by Google

ческимъ человѣкомъ. Мы находимъ много орудій, сдѣланныхъ изъ полыхъ костей; толщина пропиленной ихъ части доходила до 2 сантиметровъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о другихъ издѣліяхъ нашего человѣка—о посудѣ. Вся посуда найдена здѣсь въ видѣ обломковъ, и принадлежитъ горшкамъ, изъ которыхъ иные были весьма значительныхъ размѣровъ. Орнаментъ украшаетъ только весьма немногіе изъ нихъ, а именно изъ большого количества обломковъ всего 11% было украшено весьма простымъ орнаментомъ.

Внимательно разсматривая матеріалъ горшковъ, можно было замѣтить, что въ немъ отличаются три сорта: 1) чистая глина, 2) глина съ примѣсью толченаго гранита, и 3) наиболѣе распространена глина съ примѣсью разбитыхъ раковинъ береговой Unio, еще и нынѣ живущей въ Ладожскомъ озерѣ. Интересно то, что горшки съ орнаментомъ и толще, и сдѣланы только изъ глины съ примѣсью толченаго гранита. Горшки изъ глины съ Unio обыкновенно тоньше, и вѣроятно только при обжиганіи подвергались огню, а затѣмъ уже болѣе не подвергались нагрѣванію.

Нельзя еще не упомянуть о находкѣ нѣкоторыхъ предметовъ, которые, рядомъ съ орнаментомъ, свидѣтельствуютъ о нѣкоторой духовной жизни нашего человѣка. Я говорю объ амулетахъ. Иначе дѣйствительно трудно объяснить нахожденіе медвѣжьяго клыка, корень котораго обработанъ съ двухъ сторонъ стачиваніемъ, и кабаньяго рѣзца, на концѣ корня котораго наблюдается стачиваніе для прикрѣпленія его вѣроятно при помощи бичевки на шею. Мы знаемъ, что и въ настоящее время клыкъ медвѣдя носятъ на шеѣ многіе дикари отъ злого глаза. Какое же было назначеніе амулета, сдѣланнаго изъ рѣзца кабана, трудно сказать въ настоящее время.

Перейдемъ теперь къ обзору остатковъ животныхъ, сопровождавшихъ каменнаго человѣка.

По настоящее время остатковъ животныхъ собрано нами въ количествѣ 1750 отдѣльныхъ костей, не считая тѣхъ, которые находятся въ подѣлкахъ, т.-е. обработаны человѣкомъ. Въ этой массѣ костей, часть принадлежитъ млекопитающимъ, около 325, часть—птицамъ, около 30, остальная—масса рыбамъ. Всего по настоящее время опредѣлено 32 вида.

Разборъ млекопитающихъ показалъ мнѣ, что здѣсь ихъ встрѣчается 16 видовъ, выраженныхъ въ количествѣ 49 недѣлимыхъ. Эти остатки принадлежатъ слѣдующимъ видамъ: тюленю 9 недѣлимыхъ, лосю 8, собакѣ 6, соболю 5, куницѣ, кабану и мед-

Digitized by Google

вѣдю по 3; вымершему быку (Bos primigenius), бобру и волку по 2, и по одному: хорьку, водяной крысѣ, сѣверному оленю, зайцу бѣляку, выдрѣ и лисицѣ. Остатки всѣхъ перечисленныхъ животныхъ представляютъ въ количествѣ и качествѣ костей большое разнообразіе, въ особенности кости лося и кабана ясно обнаруживаютъ сильное ихъ раздробленіе; всѣ плечевыя и бедреныя кости лося разбиты для извлеченія изъ нихъ костного мозга, и на нѣкоторыхъ еще сохранились слѣды ударовъ отъ разбиванія. Совершенно инымъ характеромъ отличаются кости другихъ животныхъ, мясо которыхъ, можетъ быть, и служило человѣку въ пищу, но къ костямъ которыхъ онъ относился съ пренебреженіемъ, какъ, напримѣръ, кости тюленя рѣдко даже поломаны.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ животныхъ обращаетъ на себя вниманіе Bos primigenius и собака. Bos primigenius принадлежитъ, какъ извѣстно, къ вымершимъ животнымъ, которыхъ однако видѣлъ еще Юлій Цезарь; а по свидѣтельству Герберштейна этотъ быкъ жилъ еще въ XVI столѣтіи—въ Германіи и Польшѣ. Раскопки нашихъ кургановъ, петербургской губерніи, относящихся къ IX и X столѣтію, по словамъ Л. К. Ивановскаго, совершенно не содержатъ остатковъ этого быка. Надо замѣтить, что у насъ найдены остатки, принадлежащіе двумъ недѣлимымъ; одному взрослому, другому — молодому. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ, что онъ находился въ прирученномъ состояніи. Только объ одномъ животномъ можетъ быть рѣчь въ этомъ смыслѣ—это о собакѣ, количество недѣлимыхъ которой доходитъ до 6.

Остатки лося весьма многочисленны и нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ весьма крупныхъ размѣровъ; по всей вѣроятности онъ превосходилъ въ своемъ ростѣ нынѣ живущаго лося. Не всегда однако до-историческій человѣкъ пользовался головнымъ ихъ мозгомъ; въ нашей коллекціи, кромѣ отдѣльныхъ кусковъ черепа, есть два полныхъ—одинъ самца, другой самки.

Отъ нѣкоторыхъ, въ особенности мелкихъ животныхъ, сохранилось вмѣстѣ съ челюстями очень мало другихъ костей. Здѣсь вѣроятно, въ смыслѣ уничтоженія костей, человѣку оказывала энергичную помощь и собака.

Остатки тюленей въ количествѣ до 70-ти свидѣтельствуютъ, что до-историческій человѣкъ побережья Ладожскаго озера выбиралъ изъ нихъ только зрѣлыхъ недѣлимыхъ; такъ, у большинства кости tibia и fibula представляются сросшимися.

Птицы опредѣлены благодаря обязательности М. Н. Богданова. Здѣсь встрѣчается 6-ть видовъ, распредѣленныхъ, по количеству

Digitized by Google

недѣлимыхъ, слѣдующимъ образомъ: уткамъ принадлежитъ 6 недѣлимыхъ, глухарю и беркуту (Aquila nobilis) по два, и по одному чайкѣ, полосатой гагарѣ и бѣлой куропаткѣ. Всѣ изъ названныхъ птицъ живутъ и по настоящее время въ разсматриваемой нами мѣстности. Относительно малое количество костей птицъ я объясняю присутствіемъ собаки, которая оставила только крупныя изъ нихъ.

Но особенно многочисленны, какъ упомянуто выше, остатки рыбъ. Благодаря тщательной ихъ разработкѣ, произведенной К. Ѳ. Кесслеромъ, здѣсь можно привести до 7 видовъ, а именно: налимъ, судакъ, сомъ, окунь, сиги, плотва и бершъ. Преобладающими костями рыбъ являются: кости налима, судака и сома. Должно полагать, что кости налима принадлежатъ по крайней мѣрѣ 25 недѣлимымъ; нѣкоторые изъ нихъ достигали отъ 4 до 5 футовъ.

Можно сказать относительно сома, что онъ уже отчасти вытѣсненъ изъ этой области. Сомъ, найденный нами, достигалъ громадныхъ размѣровъ, нѣкоторые изъ недѣлимыхъ были до 10 или 12 футовъ длины, что представляетъ явленіе почти небывалое въ нашихъ сѣверныхъ водахъ. Нѣкоторые изъ рыбьихъ остатковъ представляютъ еще и другой интересъ; такъ, въ массѣ костей налима можно было насчитать до 55 ключичныхъ костей. Эта кость обладаетъ, съ одной стороны, острымъ рѣжущимъ краемъ, а потому такое большое скопленіе ихъ здѣсь можетъ подать поводъ къ заключенію, что ими пользовался человѣкъ какъ ножами для легкихъ предметовъ. Эта мысль находитъ себѣ подтвержденіе еще и въ томъ, что у многихъ ключичныхъ костей налима, мѣстами, этотъ рѣжущій край поломанъ.

Изъ молюсковъ мною найдено всего три вида. Всѣ они и до сихъ поръ живутъ въ разсматриваемой нами мѣстности. Первые два вида встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ, за то Unio здѣсь въ громадномъ запасѣ, можетъ быть и она служила также пищею человѣку.

Разнообразные торфы, а равно и отдѣльно встрѣчающіяся стволы деревьевъ даютъ намъ возможность ознакомиться съ характеромъ флоры того періода, когда жилъ здѣсь до-историческій человѣкъ каменнаго періода. Профессоръ кіевскаго университета И. Ѳ. Шмальгаузенъ уже отчасти произвелъ разборъ собранныхъ мною остатковъ растеній, и въ настоящее время имъ опредѣлено около 25 видовъ, изъ которыхъ здѣсь встрѣчаются: дубъ, осина, береза, ольха, орѣшникъ, до 4-хъ видовъ различныхъ ивъ, ель, сосна; изъ кустарниковъ Comarum palustre, 2 вида осоки, бо-

Digitized by Google

лотный трифоль, болотный Scirpus radicans, одинъ изъ болотныхъ злаковъ, болотный касатикъ, мерошка, такъ называемая сорная трава (chenopodium album) и нѣсколько видовъ водяныхъ растеній.

Лѣсной торфъ изобилуетъ остатками древесныхъ растеній, намывной — водными, а наземныя являются только примѣсью къ этимъ послѣднимъ. Сохраненіе здѣсь растеній настолько хорошо, что большинство изъ названныхъ нами сохранило даже плоды и сѣмена, а у нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, Scirpus radicans, и у другихъ видовъ плоды еще окружены характерными щетинками. По мнѣнію И. Ѳ. Шмальгаузена, до сихъ поръ встрѣченныя имъ формы всѣ нынѣ живущія въ этой мѣстности.

Впрочемъ, если и можно замѣтить измѣненіе, то только въ слѣдующемъ отношеніи. Раньше уже было сказано о нахожденіи въ описываемой нами группѣ слоевъ многочисленныхъ стволовъ деревьевъ, изъ которыхъ вполнѣ преобладающимъ является дубъ. Такое развитіе здѣсь этого растенія (а у насъ есть дубы, имѣющіе до 250 лѣтъ), вмѣстѣ съ упомянутыми находками его въ наносахъ долины рѣки Невы, конечно, способно указывать намъ на нѣкоторое измѣненіе происшедшее во флорѣ.

Дубки еще и понынѣ изрѣдка встрѣчаются въ этой мѣстности дико растущими, изобиліе же ихъ въ видѣ остатковъ въ полуобугленномъ состояніи, вмѣстѣ съ сучьями и вѣтвями, можетъ подать поводъ сдѣлать заключеніе о нѣкогда болѣе значительномъ ихъ здѣсь развитіи.

II.

Подробное описаніе найденныхъ предметовъ, сопровождающихъ нашего человѣка каменнаго періода въ побережьѣ Ладожскаго озера, представитъ намъ со временемъ болѣе полную картину; теперь же попробуемъ, на основаніи уже извѣстнаго, реставрировать въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ самого человѣка, такъ и окружающія его условія и вызванный ими образъ жизни.

На берегу Ладожскаго озера близъ впаденія въ него рѣки Волхова, въ дремучихъ лиственныхъ лѣсахъ, изобилующихъ большими болотами, находилось значительное поселеніе до-историческаго человѣка. Каковы были его жилища — это остается пока неизвѣстнымъ. Были ли они деревянныя, или онъ жилъ въ ямахъ, какъ живетъ на территоріи Аляски индійское племя

Digitized by Google

ингелеты или другое племя малемуты—мы не знаемъ; но интересно, что и извѣстный писатель X-го столѣтія Ибнъ-Даста, описывая славянъ этого періода говоритъ, что они жили въ ямахъ, нарочно вырытыхъ въ землѣ.

Во всякомъ случаѣ, какъ изслѣдованіе растительности торфовъ, такъ и остатки фауны съ наглядностью показываютъ намъ, что поселеніе здѣсь было, а не прикочевывалъ сюда человѣкъ періодически. Выше было уже сказано, что въ намывномъ и лѣсномъ слояхъ торфа встрѣчаются плоды и сѣмена растеній. По моей просьбѣ А. Н. Бекетовъ сообщилъ мнѣ время созрѣванія плодовъ и сѣмянъ, найденныхъ здѣсь растеній, а отсюда можно съ положительностію сдѣлать заключеніе, что растительные остатки скоплялись здѣсь въ теченіи всего растительнаго періода, т.-е. здѣсь есть плоды и сѣмена растеній, созрѣвающія какъ въ началѣ лѣта, такъ и позднѣе, — осенью. Въ этихъ слояхъ, нѣкогда отлагавшихся въ побережьѣ, мы находили и остатки костяковъ самого человѣка и кости животныхъ. Съ другой стороны, изъ костей наземныхъ животныхъ мы находили здѣсь совмѣстно и кости молодыхъ, и старыхъ недѣлимыхъ. По моему мнѣнію, скопленіе этихъ остатковъ было у самаго берега, а объ этомъ зналъ и сомъ, выбирающій себѣ омуты, глубокія ямы, изъ которыхъ и дѣлалъ нападенія на свою добычу.

Остатки растеній, дающіе намъ возможность сдѣлать заключеніе о преобладаніи лиственной растительности, находятъ себѣ подтвержденіе и въ остаткахъ фауны. Лось, столь часто здѣсь встрѣчающійся въ каменный періодъ, еще и понынѣ водится въ громадныхъ лѣсахъ, питаясь листьями и побѣгами болотныхъ ивъ, березы, ольхи, осины, дуба, сосенъ и ели и т. д. Кабанъ также живетъ въ Европѣ въ большихъ лѣсахъ, и наибольшихъ размѣровъ достигаетъ въ лѣсахъ богатыхъ болотами; питается онъ, какъ извѣстно,—всѣмъ, но осенью и зимою ѣстъ желуди дуба, лѣсные орѣхи и т. д. Соболь нынѣ водится въ глухихъ лѣсахъ, между рѣкою Леною и Восточнымъ океаномъ. Не будемъ разбирать образъ жизни другихъ изъ найденныхъ нами животныхъ, ибо, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно и этихъ примѣровъ. Въ нихъ мы видимъ полное подтвержденіе вывода, сдѣланнаго изъ обзора растеній.

Племя, населявшее собою вышеуказанное поселеніе, представлялось длинноголовымъ, скорѣе низкаго, чѣмъ средняго роста. Крайне любопытная особенность его заключалась въ малоголовости. Изъ найденныхъ череповъ большинство мужскихъ, меньшая часть женскихъ, причемъ встрѣчены черепа какъ взрослыхъ, такъ и

Digitized by Google

молодыхъ недѣлимыхъ. По мнѣнію А. Н. Богданова, здѣсь даже можно различить въ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ типовъ.

Но, говоря вообще, фигура и физіономія побережнаго жителя Ладожскаго озера не была изящна. Съ небольшою длинною головою, въ которой наблюдалось незначительное развитіе лба откинутаго назадъ, съ сильно развитыми надбровными дугами и затылочнымъ бугромъ; съ длиннымъ носомъ, съ челюстями, выдающимися сильно впередъ и съ особенно интересной нижней челюстью. Эта послѣдняя представляетъ намъ рычагъ, передъ которымъ едва ли способна была устоять какая бы то ни было пища, попавшая въ полость рта нашего человѣка. Вѣнечной отростокъ, поставленный почти подъ прямымъ угломъ, къ нижней челюсти, придавалъ ей необыкновенную силу. А что ею пользовался человѣкъ, достаточно взглянуть на сильную стертость зубовъ почти до десенъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что подъ-часъ каменному человѣку приходилось пережевывать предметы значительной твердости. Это подтверждается и мѣстами прикрѣпленія мускуловъ, управляющихъ движеніемъ нижней челюсти.

Одинъ изъ экземпляровъ, сохраненный наиболѣе полно, показываетъ собою крайне любопытную особенность въ томъ отношеніи, что у него сильно стерты рѣзцы и клыки сравнительно съ коренными зубами. Такая особенность способна указывать намъ на малое жеваніе пищи твердой и рваніе ее рѣзцами и клыками; но подобная особенность свойственна только одному экземпляру, и по ней мы, конечно, не въ правѣ дѣлать общихъ выводовъ. У всѣхъ остальныхъ челюстей наблюдается стираніе коренныхъ зубовъ почти до десенъ.

Въ строеніи остальныхъ частей костяка нашего человѣка наблюдаются также нѣкоторыя особенности. На костяхъ всѣ бугры, къ которымъ прикрѣплялись мускулы, управлявшіе движеніемъ, необыкновенно ясно выражены. Нѣкоторыя изъ костей были трехгранной формы, указывающія намъ примитивность расы.

Да и подруга его жизни мало представляла отличій въ своей фигурѣ и физіономіи. Обладая еще болѣе низкимъ ростомъ и меньшаго объема черепомъ, она тоже сохраняла сильно выдающіяся надбровныя дуги и еще меньшій лобъ,—совершенно отброшенный назадъ. Зубы точно также сильно сточены, что̀ указываетъ намъ на одинаковой образъ жизни ея съ мужчиною;—ей также приходилось пережевывать твердую пищу, для нея въ этомъ отношеніи, въ столь отдаленныя времена, не дѣлалось исключенія.

Digitized by Google

По многимъ признакамъ, какъ-то, по строенію нижней челюсти, по отношенію зуба мудрости къ другимъ кореннымъ зубамъ, по трехгранной формѣ нѣкоторыхъ костей скелета и т. д. —это былъ дикарь.

Такъ какъ по настоящее время не найдено никакихъ остатковъ, свидѣтельствующихъ въ пользу тканья или вязанья, то, по аналогіи съ нынѣ живущими дикими племенами, надо придти къ заключенію, что одеждою нашего человѣка служили шкуры убитыхъ имъ животныхъ. Причемъ надо думать, судя по количеству остатковъ, что легкій и теплый мѣхъ такихъ звѣрьковъ, какъ соболь и куница, часто служилъ покровомъ, защищая его отъ холода. Но, очевидно, что болѣе распространенныя и болѣе доступныя животныя, какъ лось, вымершій быкъ, медвѣдь, и т. д. доставляли своею шкурою матеріалъ для платья и обуви древнему жителю побережья Ладожскаго озера чаще, чѣмъ вышеупомянутыя мелкія животныя. Не сохранялъ ли въ теплыхъ собольихъ, куньихъ и бобровыхъ мѣхахъ нашъ человѣкъ своихъ дѣтей или свою прекрасную половину? Но безспорно, что болѣе храброму и отважному доставалась шкура медвѣжья, ибо борьба съ нимъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился нашъ до-историческій человѣкъ, была борьбою тяжелою — на жизнь или смерть.

Итакъ, съ одной стороны дремучій лѣсъ, съ другой обширный водный бассейнъ—вотъ двѣ стихіи, окружавшія нашего человѣка. Очевидно, каждая изъ нихъ должна была съ своей стороны содѣйствовать развитію его характера, обусловливать и самый образъ его жизни. Лѣсъ создаетъ народъ осторожный, опасающійся засады какъ со стороны звѣря, такъ и недобраго человѣка; обширный водный бассейнъ дѣйствуетъ иначе, даетъ просторъ человѣку, даетъ возможность видѣть опасность издали.

Но оба, какъ лѣсъ, такъ и вода, сходятся въ одномъ, оба содѣйствуютъ развитію промысла, даютъ возможность развиться домовитости, а съ нею, конечно, обусловливаютъ и начало семейнаго быта — гражданственность. Лѣса, окружавшіе нашего человѣка, уже по тѣмъ находкамъ, которыя сдѣланы, представляли обиліе дичи, звѣря и ягодъ. Мы и до сихъ поръ можемъ видѣть въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Россіи людей зажиточныхъ, промысловыхъ, обставленныхъ и со стороны экономическихъ и гигіеническихъ условій крайне богато сравнительно съ жителями средней или южной Россіи. Жители береговыхъ мѣстностей обширныхъ водныхъ бассейновъ свой промысловый характеръ развиваютъ отъ добычи рыбы и воднаго звѣря. Въ этомъ отношеніи

Digitized by Google

едва ли найдется наиболѣе типичный примѣръ въ европейской Россіи, какъ наше поморье Бѣлаго моря. Здѣсь сама природа ставитъ человѣка въ полнѣйшую невозможность эксплуатировать какую-либо иную сторону природнаго богатства, — какъ воду. На песчаномъ или гранитномъ бугрѣ, на берегу Бѣлаго моря, расположены обширныя селенія поморовъ, отдѣленныя отъ материка непривѣтною тундрою. Не даромъ у поморъ сложилась объ ихъ мѣстности весьма распространенная поговорка: «впередъ — море, справа — горе, слѣва — охъ, а справа — Богъ». Сосредоточиваясь въ своей дѣятельности на водѣ, изъ поморовъ выработался типъ отважнаго мореходца, уходящаго на значительный срокъ отъ своего постояннаго мѣста жительства, но возвращающагося домой съ богатой добычей. Промыселъ и здѣсь даетъ не только довольство, но и избытокъ.

Понятно, слѣдовательно, что, несмотря на крупное различіе во вліяніи на могущій сложиться характеръ народа отъ лѣса и воды, эти вліянія до нѣкоторой степени сходятся при образованіи промысловаго характера народа. Отвага, являющаяся у побережнаго жителя и осторожность — жителя лѣсовъ, представляли счастливое сочетаніе условій для образованія характера и нашего человѣка. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, при совмѣстномъ вліяніи лѣса и воднаго бассейна — этотъ послѣдній бралъ перевѣсъ большею легкостію и доступностью къ своимъ богатствамъ, чѣмъ сосѣдній лѣсъ.

Въ озерѣ и въ лѣсу нашъ человѣкъ долженъ былъ отыскивать себѣ не только пропитаніе, но и матеріалъ для одежды. Хотя онъ и былъ дикарь, но дикарь умный. Онъ былъ вполнѣ свободенъ отъ каннибализма. Масса сдѣланныхъ имъ инструментовъ доказываетъ намъ, что многое приходилось прежде обдумать, чѣмъ сдѣлать орудіе или оружіе для извѣстной ему цѣли. Развѣ не искусство смастерить такіе гарпуны, какіе пришлось найти намъ въ его издѣліяхъ? Или приспособить поломанный инструментъ къ другимъ цѣлямъ?

Вода безспорно притягивала къ себѣ нашего человѣка каменнаго періода. Если бы было возможно опредѣлить абсолютное отношеніе между количествомъ животныхъ наземныхъ и водныхъ въ найденныхъ нами остаткахъ, то можно было бы съ полною наглядностію доказать большую любовь нашего человѣка къ водѣ — чѣмъ къ лѣсу. Но и теперь, по сравнительному преобладанію остатковъ водныхъ животныхъ, можно думать, что сосѣдній водоемъ почти постоянно снабжалъ нашего человѣка пищею.

На челнокѣ, выдолбленномъ изъ сплошного ствола дуба, вы-

Digitized by Google

ѣзжалъ онъ на охоту за тюленями, выбирая изъ нихъ наиболѣе крупныхъ и поражая ихъ своимъ гарпуномъ. При такихъ-то поѣздкахъ, во время бурь, онъ вѣроятно и погибалъ въ водахъ Ладожскаго озера, переходя въ достояніе геологіи. Разборъ рыбъ указалъ намъ, что встрѣчающіеся здѣсь остатки главнымъ образомъ принадлежатъ рыбамъ, живущимъ въ глубокихъ водахъ, слѣдовательно, требующимъ для ихъ ловли значительно приспособленные снаряды. Но изъ найденныхъ нами остатковъ нѣтъ повода заключить, что ихъ имѣлъ нашъ человѣкъ каменнаго вѣка. К. Ѳ. Кесслеръ сообщаетъ мнѣ, «что только неимѣніемъ подходящихъ сѣтей можно объяснить почти совершенное отсутствіе въ собранной коллекціи костей всякихъ мелкихъ рыбъ, тогда какъ эти послѣднія, судя по числу и по огромной величинѣ хищниковъ, непремѣнно должны были встрѣчаться въ изобиліи». Не умѣли также люди каменнаго вѣка, повидимому, ловить лососей и щукъ, такъ какъ остатковъ ихъ не имѣется, а между тѣмъ трудно допустить, чтобы ихъ тогда недоставало въ данной мѣстности.

Если остановиться на этомъ выводѣ, то всѣ перечисленныя рыбы могли сдѣлаться достояніемъ человѣка только въ то время, когда они подходили къ мелководному берегу. Пріемъ лова у береговъ—оглушеніемъ во время перваго зимняго льда, еще не занесеннаго снѣгомъ, давно извѣстенъ, и трудно себѣ представить, чтобы періодически насыщающійся человѣкъ, увидавъ чрезъ ледъ громаднаго налима или судака, могъ удержаться, чтобы не ударить по льду.

Первый опытъ, а за нимъ оглушеніе рыбы и возможность достать ее чрезъ сдѣланную, при помощи рубила, прорубь, могли только поощрить человѣка къ подобнаго рода добычи; но, конечно, были и другіе способы лова. Хотя нельзя не упомянуть, что крючковъ для ловли рыбы совершенно не было встрѣчено въ числѣ разнообразныхъ найденныхъ нами остатковъ,—но какъ изъ камня, такъ и изъ кости мы нашли нѣсколько такихъ палочкообразныхъ прямыхъ и короткихъ подѣлокъ, заостренныхъ съ двухъ сторонъ—не служили ли эти инструменты нашему человѣку въ замѣнъ крючковъ? На нихъ онъ могъ точно также насаживать приманку, и если такая приманка была проглочена рыбою, то рыбакъ быстрыми движеніями могъ заставить острые края палочекъ вонзиться во внутренніе органы животнаго.

Перечисленная раньше рыба подходитъ къ берегу главнымъ образомъ во время нароста, а если составить списокъ этого вре-

Digitized by Google

мени для названныхъ рыбъ, то окажется, что обѣденное мэню нашего человѣка, за исключеніемъ іюля, августа и сентября, было главнымъ образомъ рыбное; въ особенности были богаты рыбою апрѣль и май мѣсяцы. Въ тѣ мѣсяцы, когда рыба находилась на глубинахъ, онъ могъ ловить ее съ челнока на иглы, но вѣроятнѣе питался птицею и другими животными. Въ концѣ іюля и въ августѣ поспѣвала морошка, въ августѣ готовы были орѣхи и т. д.

Но не одна забота о добычѣ пропитанія занимала нашего человѣка: онъ умѣлъ уже приготовлять себѣ посуду, имѣлъ огонь и, какъ показали нѣкоторыя находки, даже поджаривалъ на огнѣ рыбу. Многочисленныя разбитыя кости лося и кабана показываютъ, что костный мозгъ былъ также любимымъ блюдомъ человѣка каменнаго періода побережья Ладожскаго озера.

Нѣкоторые предметы, указанные выше, даютъ намъ право сдѣлать заключеніе, что и художественное проявленіе духа дѣятельности было ему не чуждо.

Орнаментъ на кости и на посудѣ, правда, простъ и встрѣчается рѣдко, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что изрѣдка человѣкъ упражнялся и въ этомъ направленіи.

Въ Олонецкой губерніи уже раньше находили издѣлія, вполнѣ схожія съ тѣми, которыя встрѣчаются въ нашей мѣстности. Но тамъ среди издѣлій нѣкоторыя даже украшены изображеніями звѣрей, а именно — изображены весьма удачно голова лося и голова медвѣдя. Если означенныя находки принадлежатъ къ тому же времени, какъ и нашъ человѣкъ, то въ нихъ мы можемъ видѣть тоже значительную долю художественности.

Наконецъ, амулеты и зарубки, въ родѣ нашихъ бирокъ, даютъ возможность сдѣлать заключеніе, что человѣкъ каменнаго періода побережья Ладожскаго озера интересовался и вопросами болѣе высшими, чѣмъ добыча пищи и защита.

Итакъ, нашъ человѣкъ каменнаго вѣка былъ дикарь, но дикарь умный.

Остается еще одинъ вопросъ, — вопросъ важный, а именно: о древности нашего человѣка.

Здѣсь не мѣсто обыкновеннымъ лѣтосчисленіямъ, здѣсь надо искать такихъ пріемовъ, которые дали бы намъ возможность судить о древности относительно. Въ засѣданіи антропологической секціи VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, 22-го декабря, я имѣлъ случай предложить, какъ руководящій, палеонтологическій принципъ для подраздѣленія человѣка

Digitized by Google

каменнаго вѣка во времени на болѣе мелкіе отдѣлы. Если съ этой точки зрѣнія посмотрѣть на найденную нами фауну, то оказывается, что нашъ человѣкъ становится во времени между человѣкомъ свайныхъ построекъ и человѣкомъ кучъ кухоннаго сора Даніи, но при этомъ стоитъ почти рядомъ съ этимъ послѣднимъ.

Вотъ для такого сравненія цифровыя данныя — № 1 принадлежитъ свайнымъ постройкамъ Швейцаріи, № 2 — побережью Ладожскаго озера, и № 3 — остаткамъ кухоннаго сора Даніи:

	№ 1		№ 2		№ 3	
Вымершихъ животныхъ	1,6 %		3,1 %		4,7 %	
Вытѣсненныхъ совершенно	5,0 „		12,5 „		16,6 „	
„ отчасти	16,6 „	98,4 %	12,5 „	96,9 %	11,9 „	95,3 %
Домашнихъ животныхъ.	10,0 „		3,1 „		2,3 „	
Нынѣ живущихъ	67,0 „		68,8 „		64,5 „	

Сходство еще увеличивается при детальномъ сравненіи съ остатками Даніи каменнаго вѣка. Все различіе заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что тамъ, въ Даніи, человѣкъ жилъ на берегу моря, здѣсь — на берегу обширнаго прѣсноводнаго бассейна.

Тамъ изобиліе остатковъ морскихъ рыбъ и многочисленные остатки морскихъ молюсковъ; здѣсь — рыбы прѣсноводныя. Взамѣнъ этого различія въ водной фаунѣ, — въ наземной фаунѣ крайне близкое сходство.

Но какое различіе за то представляется въ характерѣ орудій и оружій? Въ Даніи запасъ кремня, — здѣсь его нѣтъ: отчасти онъ замѣненъ у насъ сланцеватыми породами, а еще болѣе костью.

Отдаленность отъ насъ того періода времени, когда жилъ въ побережьѣ Ладожскаго озера человѣкъ каменнаго вѣка, можетъ быть указана относительно еще и сравненіемъ остатковъ животныхъ съ другими, принадлежащими историческому времени.

Новѣйшіе успѣхи сравнительнаго языкознанія приводятъ насъ къ нѣсколькимъ родоначальнымъ типамъ нынѣ существующихъ народностей. Для большинства европейскихъ племенъ, такими родоначальными типами выдаются арійцы, въ языкѣ которыхъ, реставрированномъ извѣстнымъ путемъ — общность корней словъ въ нынѣшнихъ языкахъ, — уже обнаруживаются многіе изъ тѣхъ словъ, по которымъ является возможность сдѣлать заключеніе объ образѣ жизни, а отчасти и нравахъ этихъ народовъ. Намъ

Digitized by Google

извѣстно, что арійцы уже знали о золотѣ, серебрѣ и мѣди, что они обработывали гречиху, а можетъ быть и пшеницу; кромѣ того, намъ извѣстно, что у нихъ въ домашнемъ состояніи были: корова, коза, баранъ, лошадь, свинья и собака. Исходящія изъ арійцевъ обще-славянскія племена выступаютъ на историческую сцену, въ лицѣ скиѳовъ и венетовъ, очень рано. Геродотъ описываетъ скиѳовъ въ V вѣкѣ до Р. Х. Тацитъ и Плиній старшій уже знаютъ о венетахъ въ первомъ вѣкѣ нашей эры. Извѣстно, кромѣ того, что уже въ обще-славянскомъ языкѣ встрѣчается слово «желѣзо». Слѣдовательно, еще за-долго до подраздѣленія обще-славянскаго племени на отдѣльныя племена, это родоначальное племя жило въ желѣзномъ вѣкѣ, а съ другой стороны также извѣстно, что славяне обособились отъ литовцевъ въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х.

Если историческія свѣдѣнія объ отдѣлившихся отъ родоначальнаго корня племенахъ восходятъ къ такой глубокой исторической древности, то очевидно, что арійцы жили въ Европѣ за нѣсколько вѣковъ—а, можетъ быть, и десятковъ вѣковъ—до первыхъ свѣдѣній о славянахъ. Нахожденіе у арійцевъ такой массы домашнихъ животныхъ, а равно и металловъ, сравнительно съ нашимъ человѣкомъ побережья Ладожскаго озера, который не имѣлъ металлическихъ издѣлій, а въ домашнемъ состояніи имѣлъ только собаку, ставитъ нашего человѣка во времени чрезвычайно далеко отъ времени жизни арійцевъ.

Съ другой стороны, и непосредственное сравненіе съ памятниками быта историческаго народа той же мѣстности даетъ возможность видѣть отдаленность отъ насъ человѣка каменнаго періода.

Благодаря сообщенію Л. К. Ивановскаго, изучившаго массу кургановъ въ Петербургской губерніи, относящихся къ IX-му и X-му столѣтію, въ этихъ послѣднихъ были найдены въ домашнемъ состояніи: лошадь, свинья, собака, баранъ и курица,—тогда какъ нашъ человѣкъ имѣлъ въ домашнемъ состояніи только собаку. Но наиболѣе рельефное указаніе относительно древности нашего человѣка каменнаго вѣка мы находимъ въ сообщенномъ раньше геологическомъ разрѣзѣ. Мы видѣли, что лѣсной слой торфа, который могъ образоваться только изъ растительности наземной, мѣстами, на каналѣ, обнаруженъ на глубинѣ трехъ саженъ подъ уровнемъ Ладожскаго озера. Таковое его положеніе указываетъ намъ, что горизонтъ воды въ Ладогѣ, въ то время, когда жилъ въ побережьи до-историческій

Digitized by Google

человѣкъ, былъ, по крайней мѣрѣ, на три сажени ниже, что затѣмъ этотъ уровень сталъ повышаться, и у насъ есть доказательство, что онъ былъ еще много выше, чѣмъ въ настоящее время, затѣмъ наступило его пониженіе до настоящаго уровня.

Здѣсь не мѣсто разбирать причины такого измѣненія уровня воды, — они будутъ подробно изложены въ моемъ геологическомъ строеніи долины р. Невы, но во всякомъ случаѣ такое высокое стояніе воды въ Ладогѣ уже не засталъ историческій человѣкъ—и о немъ не сохранилось никакихъ преданій.

Всѣ такія крупныя гидрографическія измѣненія показываютъ намъ, что промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ человѣка каменнаго вѣка въ побережьѣ Ладожскаго озера—громадный.

А. Иностранцевъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е мая, 1880.

I.

— *Всеобщая исторія литературы.* Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ первый. С.-Петербургъ, 1880.

Всеобщая исторія литературы, предназначенная—какъ въ данномъ случаѣ — *для общаго чтенія*, т.-е. для массы образованной публики, должна соединять популярность, легкость изложенія съ всесторонними, по возможности, освѣщеніемъ предмета, во всѣхъ существенныхъ частяхъ его. Судя по первому выпуску, обширный трудъ, предпринятый В. Ѳ. Коршемъ, во многомъ будетъ соотвѣтствовать этимъ условіямъ. Нѣкоторыя изъ числа статей, входящихъ въ составъ перваго выпуска, одинаково далеки отъ краткости учебника и отъ подробности спеціальнаго трактата; не ограничиваясь передачей мнѣній одного ученаго или одной партіи, одной школы, онѣ знакомятъ читателей съ различными взглядами, существующими въ современной наукѣ; избѣгая полемики, онѣ не могутъ, однако, быть названы безцвѣтными и носятъ на себѣ отпечатокъ строго-научнаго направленія, котораго держится редакція.

Наименѣе удовлетворительнымъ показался намъ „очеркъ важнѣйшихъ памятниковъ санскритской литературы“, составленный И. П. Минаевымъ. Сухая номенклатура занимаетъ въ ней слишкомъ много мѣста; содержаніе памятниковъ изложено довольно подробно, внѣшняя исторія ихъ указана въ главныхъ чертахъ,—но о внутреннемъ значеніи, о художественномъ достоинствѣ индійской литературы сказано весьма немного, сравненія ея съ другими, болѣе извѣстными литературами, нѣтъ почти вовсе. Возьмемъ, для примѣра, отдѣлъ, касающійся буддизма. Мы найдемъ въ немъ перечень частей, на ко-

Digitized by Google

торыя распадаются священныя книги буддизма; указаніе числа трактатовъ, содержащихся въ каждой части, и предмета, которому они посвящены; свѣдѣнія о языкахъ, на которыхъ написаны дошедшія до насъ буддійскія произведенія; двѣ короткія выписки изъ этихъ произведеній, не заключающія въ себѣ почти ни одной черты, характеристической для буддизма—и только. Все это не подвигаетъ насъ ни на шагъ впередъ въ пониманіи буддизма, не раскрываетъ намъ его духа, его отношенія къ браманизму, его вліянія на другія религіозныя ученія—вліянія, несомнѣнность котораго констатируется и г. Минаевымъ. Авторъ признаетъ за буддизмомъ высокое научное значеніе, видитъ въ немъ самостоятельное объясненіе вѣковыхъ задачъ, понынѣ занимающихъ человѣческій умъ—вопросовъ о началѣ и конечной цѣли міровой жизни; но въ чемъ состоитъ это объясненіе—читатели г. Минаева не узнаютъ. „Широкій гуманизмъ и высокая идеальная нравственность“ — такова крайне неопредѣленная и крайне неполная оцѣнка буддизма, дальше которой не идетъ авторъ. О буддійской нирванѣ, о такъ-называемомъ буддійскомъ нигилизмѣ, о фазисахъ развитія буддизма, о глубокомъ различіи между первоначальнымъ ученіемъ Будды и доктринами современныхъ его поклонниковъ не упомянуто ни однимъ словомъ. Не говоря уже о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, всѣ эти вопросы довольно полно разработаны, напримѣръ, у Каррьера (сочиненіе котораго — „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества“—переведено на русскій языкъ); оставить ихъ безъ разрѣшенія, не намекнуть даже на ихъ существованіе—значитъ дать весьма неполное понятіе о буддизмѣ. Объяснить игнорированіе ихъ тѣмъ, что религіозно-нравственное и философское значеніе буддизма не входитъ въ область исторіи литературы, едва ли возможно, въ виду широкаго — и совершенно правильнаго—взгляда на предѣлы этой области, высказаннаго въ предисловіи г. Корша. „Исторія литературы“,—говоритъ редакція,— не есть только исторія словесности; въ нее неизбѣжно входитъ также область творчества теоретическаго, исторія человѣческой мысли... Она излагаетъ процессъ нарожденія, развитія, упадка и обновленія умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ идеаловъ человѣчества, поскольку они выражаются въ словѣ... Она обнимаетъ всѣ крупныя попытки и усилія ума, фантазіи и сердца стать выше данныхъ, будничныхъ условій жизни, осмыслить человѣческое существованіе, поставить ему широкія, просвѣтительныя, облагораживающія задачи“. Съ этой точки зрѣнія отдѣлъ о буддизмѣ, очевидно, слѣдовало обработать совсѣмъ иначе, чѣмъ обработалъ его г. Минаевъ. Въ отдѣлѣ о ведахъ и о брахманической литературѣ также много излишнихъ подробностей, но меньше чувствительныхъ пробѣловъ,

Digitized by Google

Отдѣлы объ эпосѣ и драмѣ страдаютъ полнымъ отсутствіемъ критической оцѣнки; излагая содержаніе главныхъ эпическихъ поэмъ и одной индійской драмы, г. Минаевъ не приводитъ ни собственнаго своего взгляда на эти замѣчательныя отрасли индійской литературы, ни отзывовъ о нихъ компетентныхъ судей. Онъ сообщаетъ намъ, что Гердеръ, Шеллингъ, Фридрихъ Шлегель восхищались „Сакунталой", что Гёте вѣрно оцѣнилъ ея красоты въ извѣстномъ четверостишіи (неужели оно настолько извѣстно у насъ въ Россіи, что излишне было бы привести его, въ подлинникѣ или переводѣ?); но онъ не даетъ намъ даже возможности догадаться о свойствѣ этихъ красотъ, о причинѣ этого восхищенія, потому что не говоритъ больше ни слова о „Сакунталѣ". Прочитавъ статью г. Минаева, можно узнать много новыхъ именъ и фактовъ, но нельзя получить общаго понятія, живого представленія объ умственной жизни, творчествѣ и идеалахъ индійскаго народа.

Кромѣ очерка важнѣйшихъ памятниковъ санскритской литературы, въ составъ перваго выпуска входятъ еще три статьи—о языкѣ, о письменности и объ общихъ законахъ историческаго движенія литературъ,—составляющія, вмѣстѣ взятыя, введеніе въ исторію литературы. Изъ этихъ статей, написанныхъ самимъ редакторомъ, наибольшею полнотою отличается первая, разсматривающая и процессъ образованія языка, и законы его развитія, и различныя его формы, и значеніе его въ умственной жизни народовъ. Точки соприкосновенія сравнительной филологіи съ естествознаніемъ, вліяніе дарвинизма на новѣйшіе труды лингвистовъ, разногласіе между реалистами въ родѣ Іегера и идеалистами въ родѣ Макса Мюллера—все это выставлено на видъ весьма рельефно. Всего меньше выясненъ тотъ моментъ въ исторіи языка, когда онъ возвышается надъ ступенью звукоподражанія, когда развитіе его идетъ параллельно съ процессомъ обобщенія, образованія понятій, когда голосовые звуки становятся способомъ взаимнаго пониманія для небольшой группы лицъ, составлявшихъ уже и прежде одно, болѣе или менѣе сплоченное цѣлое. Объ этомъ моментѣ можно найти много интереснаго въ сочиненіяхъ Нуаре и Каспари. Людвигъ Нуаре, въ обширномъ изслѣдованіи о происхожденіи языка („der Ursprung der Sprache", 1877) и въ разъясняющей его брошюрѣ („Max Müller und die Sprach-Philosophie", 1879), старается доказать, что человѣкъ сталъ прежде всего именовать не предметы, а свои дѣйствія, что корни, образующіе основу языка, въ первоначальномъ значеніи своемъ—не что иное, какъ именно названія дѣйствій, впослѣдствіи уже примѣненныя къ предметамъ, надъ которыми или по отношенію къ которымъ эти дѣйствія совершаются. Наблюденія, клонящіяся къ такому заклю-

Digitized by Google

ченію, были дѣлаемы и раньше—напр., извѣстнымъ филологомъ Гейгеромъ,—но Нуаре построилъ на нихъ цѣлую систему, объясняющую, по его мнѣнію, не только происхожденіе языка, но и тѣсно связанный процессъ развитія человѣческаго разума. Эта система остается пока гипотезой, но въ фактахъ, говорящихъ въ ея пользу, нѣтъ недостатка. „Копать, ударять, тереть, рвать, вязать, раздѣлять"—вотъ примѣры первоначальныхъ корней, образовавшихъ безконечное множество названій. Отъ корня, означающаго дѣленіе (*мат*—въ однихъ языкахъ; *акал* или *де*, *дай*—въ другихъ), произошли выраженія, означающія ножъ, мясника, ѣду, пиршества и т. п.; отъ корня, означающаго привязыванье (*пас* или *пак*) — выраженія, означающія домашній скотъ; отъ корня, означающаго сдираніе (*дейр*)—выраженія, означающія дерево, дрова, копье и т. п. Если дерево получило свое названіе не отъ рубки, а отъ сдиранія коры, то объясняется это, какъ замѣтилъ уже Гейгеръ, тѣмъ, что сдираніе коры должно было предшествовать рубкѣ, требующей болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ. Въ сочиненіи Каспари: „die Urgeschichte der Menschheit" (1873) разработана другая сторона вопроса—о способѣ распространенія языка, о причинахъ усвоенія цѣлою группой людей однихъ и тѣхъ же звуковъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій или предметовъ. Каспари объясняетъ этотъ процессъ преимущественно вліяніемъ начальниковъ или старѣйшинъ, рано появляющихся между людьми, въ силу природнаго неравенства ихъ и наклонности къ общежитію. Первые, по времени, кружки, въ которыхъ создавался языкъ (die sprachschöpferischen Kreise), были вмѣстѣ съ тѣмъ первыми по времени, организованными обществами. Хаотическія волны безконечно разнообразныхъ звуковъ могли разбиться только о возвышеніе—а такимъ возвышеніемъ, въ первобытномъ обществѣ, могла быть только преобладающая въ немъ личность. Звуки, издаваемые главою рода или вождемъ племени, должны были сдѣлаться средоточіемъ или кристаллизаціоннымъ пунктомъ для общаго языка; повторяемые со всѣхъ сторонъ, они становились, мало-по-малу, наименованіями дѣйствій и предметовъ, понятными и привычными для цѣлой группы,—такова гипотеза Каспари, несомнѣнно заслуживающая вниманія, пока на мѣсто ея не будетъ поставлена другая, болѣе правдоподобная.

Въ статьѣ объ общихъ законахъ историческаго движенія литературъ слишкомъ рѣшительнымъ показалось намъ положеніе, что творчество человѣка въ области слова началось съ эпоса. Какъ согласить это положеніе съ тѣмъ безспорнымъ фактомъ, констатируемымъ и въ статьѣ г. Минаева, что Ригъ-Веда—т.-е. древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ литературныхъ памятниковъ, относя-

Digitized by Google

щійся къ такой эпохѣ народной жизни, отъ которой въ другихъ странахъ ничего до насъ не сохранилось—состоитъ не изъ эпическихъ сказаній, а изъ молитвенныхъ гимновъ, т.-е. изъ произведеній лирической поэзіи? Правда, въ самой Ведѣ есть намеки на существованіе народныхъ эпическихъ пѣсенъ, впослѣдствіи, быть можетъ, послужившихъ основой для Махабхараты; но составныя части Ригъ-Веды написаны въ разное время, и опредѣлить хронологическую послѣдовательность появленія гимновъ и пѣсенъ едва ли возможно. Старшинство первыхъ сравнительно съ послѣдними по меньшей мѣрѣ столь же правдоподобно, какъ и противоположная гипотеза. Чувства, изъ которыхъ рождается первобытная лирическая поэзія, свойственны человѣку, въ началѣ его исторической жизни, въ такой же мѣрѣ, какъ и чувства, создающія первобытный эпосъ; формы творчества и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково просты. Другое дѣло—драма; слагаясь изъ разнородныхъ поэтическихъ элементовъ, она естественно не могла появиться раньше составныхъ частей своихъ, т.-е. раньше эпоса и лирики.

Говоря о превращеніи эпоса въ романъ, авторъ разрѣшаетъ мимоходомъ старый вопросъ о практическомъ значеніи и цѣляхъ искусства. „Подъ вліяніемъ усиливающейся критической мысли", говоритъ онъ, „романъ отрѣшается мало-по-малу отъ народныхъ легендарныхъ преданій и переходитъ въ художественное изображеніе дѣйствительности, исторической или современной, ея общественныхъ идей и задачъ, ея типическихъ характеровъ. Съ этой исторической точки зрѣнія наши недавніе споры объ искусствѣ для искусства и о тенденціозности въ искусствѣ дѣлаются просто праздными спорами. Искусство *для* искусства немыслимо въ наше время сильной умственной работы. Геніальнѣйшіе представители литературнаго движенія всѣхъ временъ и всѣхъ историческихъ народовъ были также и выразителями идей своего времени. Безъидейное искусство никогда не приходилось по мѣркѣ большимъ талантамъ, оставлявшимъ по себѣ глубокій слѣдъ въ общей исторіи литературы; тѣмъ менѣе смысла имѣетъ оно теперь, когда усложнились до крайности соціальныя и психологическія задачи". Едвали вопросъ разрѣшается такъ просто, какъ полагаетъ авторъ. *Художественное изображеніе дѣйствительности* можетъ входить въ программу и тенденціознаго, и нетенденціознаго искусства; изъ того, что оно составляетъ задачу современнаго романа, нельзя вывести заключенія ни въ пользу, ни противъ той или другой эстетической теоріи. Авторъ смѣшиваетъ, повидимому, идею съ тенденціей; тенденціозное произведеніе всегда внушено идеей—но произведеніе, въ основаніи котораго лежитъ идея, можетъ и не быть тенденціознымъ. Безспорно, ни одинъ писатель

Digitized by Google

не оставался и не остается чуждъ идеямъ своего времени; но господствующую роль онѣ играютъ далеко не у всѣхъ, служеніе идеѣ далеко не всегда составляло главную силу генія или таланта. Величіе Шекспира заключается, безъ сомнѣнія, не въ томъ, что онъ былъ выразителемъ идей своей эпохи. Въ произведеніяхъ Пушкина никто не увидитъ воплощенія идей первой половины нашего вѣка—но это не мѣшаетъ ему занимать высокое мѣсто въ нашей поэзіи. Какъ бы сильна ни была умственная работа нашего времени, она не исключаетъ искусства для искусства, а только съуживаетъ его сферу. Отрѣшиться отъ жгучихъ вопросовъ дня художнику теперь труднѣе, чѣмъ прежде—но трудность не равносильна невозможности. Искусство для искусства, т.-е. искусство, не преслѣдующее никакихъ практическихъ цѣлей, не задающееся никакими общественными задачами, сохраняетъ мѣсто рядомъ съ искусствомъ тенденціознымъ и сохранитъ его до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ страсти, стремленія, порывы, общіе всѣмъ эпохамъ, независящіе отъ политическихъ и соціальныхъ условій. Если мы восхищаемся „Ромео и Юліей", несмотря на отсутствіе въ этой драмѣ не только тенденціи, но и идеи, то нѣтъ причины сомнѣваться въ возможности появленія новыхъ произведеній, написанныхъ на ту же тэму, проникнутыхъ исключительно тѣмъ же чувствомъ. Споръ между искусствомъ для искусства и искусствомъ тенденціознымъ мы также считаемъ праздными—но не потому, чтобы одно изъ нихъ одержало безусловную побѣду надъ другимъ, а потому, что они имѣютъ одинаковое право на существованіе, потому что процвѣтаніе одного вовсе не предполагаетъ уничтоженіе другого.

Отношеніе автора къ русскому языку и русской литературѣ, насколько можно судить по нѣсколькимъ бѣглымъ замѣткамъ, отличаются излишнимъ пессимизмомъ. Выражая желаніе, чтобы русскій литературный языкъ обновился живою народною рѣчью, авторъ утверждаетъ, что незнакомство нашихъ писателей—за весьма немногими исключеніями—съ народными нарѣчіями, неумѣнье найти соотвѣтственныя русскія слова для выраженія тѣхъ или другихъ понятій, въ соединеніи съ небрежнымъ отношеніемъ къ литературной формѣ, влечетъ за собою наводненіе русской рѣчи множествомъ совершенно ненужныхъ иностранныхъ словъ, дѣлающихъ ее неудобопонятною для большинства. Справедливость этого упрека подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, большому сомнѣнію. Безцѣльное размноженіе иностранныхъ словъ едва ли составляетъ современный грѣхъ нашего литературнаго языка. Заимствуются вновь и получаютъ право гражданства, бо́льшею частію, только научные, политическіе, техническіе термины, равносильныхъ которымъ не можетъ дать народная рѣчь, потому что

Digitized by Google

народу чужды выражаемыя ими понятія или предметы. Можно, конечно, составить изъ русскихъ элементовъ новое слово для означенія новаго представленія; но для народа это слово будетъ звучать какъ иностранное, потому что онъ не будетъ соединять съ нимъ знакомаго образа, знакомой идеи. Если русскій литературный языкъ неудобопонятенъ для неграмотнаго, неразвитаго русскаго крестьянина, то многимъ ли понятнѣе для такого же нѣмецкаго крестьянина языкъ Шиллера или Гёте? Искусственная руссификація русскаго языка не достигнетъ цѣли, къ которой можетъ привести лишь болѣе широкое распространеніе образованія въ народѣ. Противъ введенія въ литературный языкъ мѣткихъ, выразительныхъ словъ изъ народной рѣчи мы, конечно, не возражаемъ; мы думаемъ только, что оно не устранитъ потребности въ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ и могущихъ еще войти у насъ въ общее употребленіе. Что касается до русской литературы, то авторъ, очевидно, не правъ, находя, что она *во всѣхъ отношеніяхъ далеко* уступаетъ передовымъ литературамъ Запада. Въ области лирической поэзіи и романа у насъ есть немало произведеній, достойныхъ занять мѣсто на-ряду съ лучшими образцами западно-европейскихъ литературъ. Пессимизмъ автора отразился и въ его взглядѣ на современное настроеніе русскаго общества, которое онъ называетъ „безъидейнымъ и бездушнымъ“. Жалобы этого рода раздавались въ послѣднее время довольно часто; для подробнаго обсужденія ихъ мы подождемъ другого, болѣе удобнаго повода. Судьба такого труда, какъ „Всеобщая исторія литературы“, не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ той или другой минуты общественнаго настроенія, отъ близости или неблизости „спасительной реакціи“—не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ нихъ какъ потому, что исторія литературы пишется не для одной, скоропреходящей минуты, такъ и потому, что потребность въ пріобрѣтеніи знаній, однажды возбужденная, не исчезаетъ и въ эпохи застоя общественной жизни.

II.

— *К. Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражданскаго права. Третья часть. Договоры и обязательства. С.-Петербургъ, 1880.

Не входя въ разборъ чисто-юридической стороны этой, во всякомъ случаѣ весьма полезной, книги, мы коснемся только нѣкоторыхъ мнѣній автора, интересныхъ и для не-юристовъ. Сюда относятся, прежде всего, общія замѣчанія его о договорѣ личнаго найма, такъ какъ мысль о пересмотрѣ дѣйствующихъ узаконеній по этому предмету

Digitized by Google

только отложена, а не вовсе оставлена. Проектъ новаго закона о личномъ наймѣ, составленный въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, предполагалъ установить обязательность рабочей книжки, т.-е. обязанность нанимателя требовать, обязанность нанимающагося—представлять ее при заключеніи договора найма. Г-нъ Побѣдоносцевъ считаетъ эту мѣру непрактичной, особенно въ виду непримѣнимости ея къ работамъ задѣльнымъ и поденнымъ; онъ предлагаетъ, не дѣлая рабочей книжки обязательною, предоставить ей только нѣкоторыя юридическія преимущества. Менѣе опредѣлительно высказывается авторъ по другому, еще болѣе важному вопросу—о принудительномъ возвращеніи рабочихъ, самовольно оставившихъ работу до окончанія ея или до истеченія срока найма. Упомянувъ о томъ, что эта мѣра многими признается полезной, въ видахъ обезпеченія твердости договора о личномъ наймѣ, онъ прибавляетъ: „съ другой стороны, подобная мѣра признается вредною, такъ какъ она могла бы повести къ насильственному закрѣпленію личнаго труда, не достигающему цѣли, такъ какъ возвращенный насильно не можетъ быть хорошимъ работникомъ". Эти два аргумента такъ сильны, что, при отсутствіи оговорки со стороны автора, всего естественнѣе, повидимому, было бы считать ихъ выраженіемъ его собственной мысли; къ тому же заключенію ведетъ и другое мѣсто книги, резюмирующее—опять-таки безъ всякой оговорки со стороны автора,—взглядъ иностранныхъ законодательствъ на договоръ личнаго найма: „нельзя закупить личный трудъ человѣка, можно только нанять его, и притомъ такъ, что ни та, ни другая сторона не понуждается противъ воли къ продолженію личной связи, соединенной съ подчиненіемъ". Съ другой стороны, однако, авторъ высказывается въ пользу права нанимателя удерживать у себя паспортъ нанявшагося, если послѣдній отойдетъ отъ него до окончанія работы или истеченія срока. Признавая передачу паспорта, на все время найма, изъ рукъ нанимающагося въ руки нанимателя мѣрой вполнѣ практичной и полезной, г. Побѣдоносцевъ „сожалѣетъ, что значеніе этой мѣры въ послѣдніе годы совершенно ослаблено юрисдикціей мировыхъ судей, которые, увлекаясь одностороннимъ представленіемъ личной свободы передвиженія, упускали иногда изъ виду другую сторону дѣла—обезпеченіе обязательности и вѣрности сдѣлокъ о личномъ трудѣ до положеннаго срока. Во множествѣ случаевъ, когда рабочіе, уклоняясь отъ работы, принятой у одного хозяина, и желая перейти до срока на выгоднѣйшихъ условіяхъ къ другому хозяину, требуютъ отъ перваго возвращенія паспортовъ, мировой судъ, безъ обсужденія причинъ удержанія, отрицаетъ у хозяевъ *безусловно* право удержанія паспортовъ и даже признаетъ ихъ виновными въ самоуправствѣ". Но развѣ признаніе за

Digitized by Google

хозяиномъ права удержанія паспорта до срока найма не равносильно *принужденію* рабочаго оставаться у хозяина, или насильственному возвращенію его къ хозяину? Развѣ аргументы, приводимые противъ послѣднихъ мѣръ, не примѣнимы въ равной степени и къ первой? Безъ паспорта рабочій никуда законно уйти, ничего законно предпринять не можетъ; ему остается только возобновить, *противъ воли*, работу у прежняго хозяина—или увеличить собой число безпаспортныхъ, состоящее въ прямомъ отношеніи въ числу преступниковъ. Не всегда же, притомъ, рабочій оставляетъ хозяина для пріисканія болѣе легкой или болѣе выгодной работы; весьма часто онъ бываетъ вынужденъ къ этому дурнымъ содержаніемъ или другимъ нарушеніемъ со стороны хозяина условій найма (припомнимъ, напримѣръ, многочисленные случаи ухода рабочихъ съ желѣзнодорожныхъ работъ)—нарушеніемъ, которое не легко доказать на судѣ, при отсутствіи или неопредѣленности письменнаго договора о наймѣ. Самая возможность одновременнаго существованія въ сосѣднихъ мѣстностяхъ существенно различныхъ цѣнъ на одну и ту же работу, влекущихъ за собою переходъ рабочихъ отъ одного хозяина къ другому, не обусловливается ли, наконецъ, ненормальностью тѣхъ условій, которыя заключаются въ моменты безденежья рабочихъ, съ черезъ-чуръ явнымъ нарушеніемъ равновѣсія между интересами нанимаемыхъ и нанимателя?

Удержаніе хозяиномъ паспортовъ нанявшихся къ нему рабочихъ имѣетъ, въ глазахъ г. Побѣдоносцева, столь высокую цѣну, что приводится имъ даже какъ аргументъ въ пользу сохраненія существующей у насъ паспортной системы, хотя стѣснительность ея и сознается авторомъ. Другое удобство этой системы авторъ видитъ въ томъ, что паспортъ служитъ наглядным и очевиднымъ для всякаго удостовѣреніемъ личности, при отсутствіи котораго мѣстнымъ властямъ слѣдовало бы предоставить право задерживать всякаго заѣзжаго человѣка или мѣстнаго жителя (?!), впредь до собранія о немъ справокъ. Въ этомъ, по удостовѣренію автора, заключается одна изъ многихъ причинъ, почему бывшія донынѣ совѣщанія объ отмѣнѣ паспортовъ не привели ни къ какому окончательному рѣшенію. Нельзя не удивиться, что подобные доводы въ пользу паспортной системы повторяются до сихъ поръ, послѣ всѣхъ событій послѣдняго времени, доказавшихъ полную непригодность паспортовъ, какъ наглядnаго и очевиднаго удостовѣренія личности. Кромѣ того, между паспортомъ, разъ навсегда выданнымъ въ качествѣ вида на жительство или удостовѣренія личности, и паспортомъ, обязательно каждый годъ возобновляемымъ и оплачиваемымъ, весьма мало общаго; еслибы и можно было доказать необходимость перваго, то отсюда вовсе еще

Digitized by Google

не слѣдовала бы необходимость второго. Нападенія противъ существующей паспортной системы имѣютъ предметомъ преимущественно паспорты послѣдняго рода, установленные закономъ для лицъ податныхъ сословій.

Въ отдѣлѣ о товариществѣ мы замѣтили у г. Побѣдоносцева одинъ весьма крупный пробѣлъ—полное умолчаніе о промышленныхъ товариществахъ, образуемыхъ рабочими на западѣ Европы и регулированныхъ во Франціи закономъ 1867 г., въ Германіи—прусскимъ закономъ того же года, съ 1873 г. получившимъ обязательную силу во всей германской имперіи. Свѣдѣнія объ этихъ законахъ, въ высшей степени любопытныя и важныя, можно было бы заимствовать хотя бы изъ книги г. Исаева о „промышленныхъ товариществахъ“ (См. „Литературное Обозрѣніе“ въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1879 г.). О нашихъ артеляхъ г. Побѣдоносцевъ говоритъ довольно мало. Онъ считаетъ ихъ произведеніемъ народнаго хозяйственнаго быта, явленіемъ одного порядка съ общиной или семьей, существенно отличнымъ отъ обыкновенныхъ договорныхъ отношеній, и именно потому не признаетъ возможнымъ уловить въ нихъ какія-либо твердыя юридическія начала.

Несмотря на установленіе у насъ, закономъ 1879 г., вольнаго процента, т.-е. отмѣну правила, опредѣлявшаго maximum законнаго роста (шесть процентовъ), возраженія г. Побѣдоносцева противъ безграничной свободы роста сохранили значительную часть своего интереса. Въ основаніи ихъ лежитъ совершенно правильное критическое отношеніе къ системѣ laissez faire, laissez passer, совершенно правильное убѣжденіе, что государство имѣетъ право и даже обязано защищать слабыхъ противъ эксплуатаціи сильными, установлять предѣлъ, за которымъ пользованіе правомъ становится злоупотребленіемъ. Спорнымъ представляется лишь практическій вопросъ о томъ, насколько новый порядокъ измѣнитъ къ худшему положеніе нуждающагося населенія въ Россіи. По мнѣнію г. Побѣдоносцева, онъ долженъ отозваться пагубно въ народномъ бытѣ, въ массѣ мелкихъ сдѣлокъ, вызываемыхъ крестьянскою нуждою. До сихъ поръ власть мелкихъ ростовщиковъ надъ крестьянами была только фактическою, внѣ-законною; теперь она узаконяется подъ знаменемъ экономической же-свободы. „Эта свобода“, — говоритъ авторъ, „и останется лишь въ воображеніи законодателей. Такое состояніе (какъ состояніе нуждающейся массы) не содержитъ въ себѣ элементовъ свободы; оно есть, напротивъ того, экономическое рабство, и мнимая свобода, вносимая словомъ закона, послужитъ здѣсь лишь къ узаконенію этого рабства“.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что г. Побѣдоносцевъ высказывается за необходимость допустить удостовѣреніе маловажныхъ сдѣлокъ ну-

Digitized by Google

темъ свидѣтельскихъ показаній, за возможно-широкое толкованіе законовъ, относящихся къ этому предмету (въ особенности ст. 409 уст. гражд. судопроиз.). Вполнѣ раздѣляя мнѣніе автора, мы думаемъ, что для осуществленія его не слѣдовало бы отступать и передъ пересмотромъ дѣйствующихъ законовъ о свидѣтельскихъ показаніяхъ.

III.

— Э. *Фриманъ*, Общій очеркъ исторіи Европы, переводъ подъ редакціей Я. Г. Гуревича. С.-Петербургъ, 1880.

— Э. *Фриманъ*, Очеркъ исторіи Европы, переводъ М. Стратилатова. С.-Петербургъ, 1880.

Обѣ названныя нами книги—переводъ одного и того же сочиненія, но сдѣланный съ разныхъ изданій: переводъ г. Гуревича—съ послѣдняго (пятаго) англійскаго изданія, переводъ г. Стратилатова со второго. Сообразно съ этимъ, книга, изданная г. Гуревичемъ, значительно превышаетъ по объему книгу, изданную г. Стратилатовымъ. Оба переводчика объясняютъ свой трудъ недостаткомъ въ нашей литературѣ такого обзора европейской исторіи, который соединялъ бы краткость конспекта съ живымъ интересомъ изложенія, который, служа учебникомъ или учебнымъ пособіемъ, могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить охоту къ ближайшему изученію исторіи. „Множество наивныхъ, безплодныхъ и часто положительно абсурдныхъ сужденій“, говоритъ г. Стратилатовъ въ предисловіи къ своему переводу, „не могло бы появляться въ нашей прессѣ, еслибы у значительной массы пишущихъ было солидное историческое образованіе; громадно обширная область литературы, трактующая объ общественныхъ вопросахъ, совершенно не мыслима безъ широкаго знакомства съ исторической наукой“, *Будильникомъ*, побуждающимъ къ такому знакомству, можетъ служить, по убѣжденію г. Стратилатова, сочиненіе Фримана. Раздѣляя мнѣніе гг. переводчиковъ о болѣзни, мы не вполнѣ согласны съ ними относительно лекарства. Книга Фримана переполнена фактами и именами, посвящена почти исключительно внѣшней судьбѣ европейскихъ государствъ; тѣмъ же сторонамъ народной жизни, освѣщеніе которыхъ составляетъ главную задачу и главный интересъ современной исторической науки, Фриманъ отводитъ слишкомъ мало мѣста. Онъ даетъ именно конспектъ, т.-е. перечень событій, годный для справокъ, для возобновленія въ памяти забытыхъ фактовъ, а не связную, живую картину важнѣйшихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ положеніи, жизни, міросозерцаніи европейскихъ народовъ. Поясникъ нашу

Digitized by Google

мысль нѣсколькими примѣрами. О государственномъ строѣ Аѳинъ мы находимъ у Фримана лишь двѣ-три неопредѣленныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: „правленіе аѳинянъ сдѣлалось болѣе демократическимъ (*послѣ* паденія Пизистратидовъ)—подъ вліяніемъ Перикла правленіе въ Аѳинахъ получило вполнѣ демократическій характеръ". Объ александрійскомъ періодѣ сказано только, что ученость и наука процвѣтали тогда какъ никогда прежде. Причины реформаціи изложены такъ, какъ будто бы она была направлена только противъ папской власти, церковныхъ злоупотребленій и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ догматовъ католицизма, какъ будто бы главнымъ двигателемъ ея не было возстаніе человѣческой мысли противъ внѣшняго авторитета. Двойственный характеръ дѣятельности Лютера, какъ протестанта и какъ устроителя новой церкви, не указанъ вовсе. Великое умственное движеніе XVIII-го вѣка упомянуто лишь мимоходомъ, причемъ высказано по меньшей мѣрѣ странное мнѣніе, что относительно учености и оригинальныхъ произведеній XVIII-ый вѣкъ стоитъ гораздо ниже предъидущаго столѣтія. Подобныхъ парадоксовъ, совершенно неумѣстныхъ въ историческомъ конспектѣ, у Фримана не мало. Онъ утверждаетъ,—но конечно не доказываетъ,—что Сулла имѣлъ большее вліяніе на послѣдующую исторію міра, чѣмъ Цезарь или кто бы то ни было послѣ него; что Цезарь былъ одинаково великъ какъ воинъ, какъ государственный человѣкъ и *какъ ученый;* что возстаніе крестьянъ во Франціи XIV-го вѣка (т.-е. жакерія) было вызвано мыслью о природномъ равенствѣ всѣхъ людей; что Цвингли принесъ больше пользы проповѣдью противъ обычая швейцарцевъ наниматься въ военную службу у иностранныхъ государей, чѣмъ проповѣдью новаго религіознаго ученія. Иногда наклонность къ парадоксамъ доводитъ Фримана до явнаго противорѣчія. Признавая средневѣковую Флоренцію величайшимъ и знаменитѣйшимъ демократическимъ государствомъ новаго міра, онъ сравниваетъ управленіе Медичи въ одно и то же время и съ управленіемъ Перикла, и съ управленіемъ Августа и другихъ римскихъ императоровъ, уважавшихъ законы своего государства. Итакъ, между Периклomъ, съ одной стороны, Августомъ или Траяномъ, Козьмой или Лаврентіемъ Медичи съ другой, существуетъ внутреннее сходство? Мы думали, что подобныя параллели вышли изъ моды, съ тѣхъ поръ какъ никто не говоритъ серьёзно о пресловутыхъ четырехъ *золотыхъ вѣкахъ* литературы. Исторія искуства, науки, промышленности, экономической жизни оставлена Фриманомъ почти вовсе безъ вниманія. Событія послѣднихъ десятилѣтій изложены имъ не только не полно, но и не совсѣмъ вѣрно. Іюльская монархія, напримѣръ, охарактеризована слѣдующимъ

Digitized by Google

образомъ [1]): „за исключеніемъ нѣсколькихъ возстаній въ Парижѣ и Ліонѣ, въ началѣ правленія Людовика Филиппа, царствованіе его было спокойно до 1848 г. Но съ 1848 г. король сдѣлался не популярнымъ; въ февралѣ этого года его изгнали". Не говоря уже о томъ, что возстанія въ Парижѣ происходили какъ въ началѣ, такъ и въ срединѣ царствованія Людовика-Филиппа (напр. въ 1839 г.), замѣтимъ только, что непопулярность короля является у Фримана какъ deus ex machina; на причины ея не сдѣлано даже намека, начало ея отнесено къ 1848 г., между тѣмъ какъ она росла медленно и постепенно чуть не съ первыхъ лѣтъ царствованія. Іюньское возстаніе 1848 г. приписано крайнимъ республиканцамъ, какъ будто бы о соціалистахъ тогда не было еще и помину. Неточностью страдаетъ, впрочемъ, не только окраска, но иногда и самое изложеніе фактовъ. Такъ, напримѣръ, въ общемъ выводѣ изъ XI-ой главы (въ переводѣ г. Гуревича), обнимающей періодъ времени съ начала XII-го до половины XIII-го вѣка, мы читаемъ, что „Плантагенеты, потерявъ свои владѣнія на континентѣ, сдѣлались національными государями"; между тѣмъ, англійскіе короли продолжали владѣть Аквитаніей до конца XIV-го вѣка, въ XV-мъ вѣкѣ завоевали, на короткое время, большую часть Франціи и потеряли Кале лишь во второй половинѣ XVI-го вѣка. Ошибки въ хронологіи также встрѣчаются: начало польскаго возстанія отнесено (въ обоихъ переводахъ) къ 1831-му, вмѣсто 1830-года; начало революціонныхъ войнъ въ текстѣ г-на Гуревича къ 1790-му, а въ приложенной къ нему хронологической таблицѣ—къ 1793-му году, вмѣсто 1792-го. Попадаются, наконецъ, и ошибки, которыя слѣдуетъ приписать гг. переводчикамъ; шотландцевъ XVII-го вѣка г. Стратилатовъ называетъ *скоттами* (стр. 146), какъ они назывались въ древности, у г. Гуревича упоминается какъ часть бургундскаго королевства, какой-то *Венсенъ* (стр. 148)—вѣроятно, вмѣсто Venaissain (comtat Venaissain, главнымъ городомъ котораго былъ Авиньонъ).

Все сказанное выше приводитъ къ убѣжденію, что существенно полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы книга Фримана названа быть не можетъ, а всего менѣе можно ожидать отъ нея исцѣленія нашей прессы отъ указанныхъ г. Стратилатовымъ недостатковъ.

---

[1]) Мы цитируемъ вездѣ переводъ г. Гуревича, какъ болѣе подробный.

Digitized by Google

IV.

— *Земскій Ежегодникъ за 1877-ой годъ.* Изданіе Вольнаго Экономическаго Общества, подъ редакціей Ф. И. Шмигельскаго. С.-Петербургъ, 1879.

— *Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.* Выпуски первый, второй и третій. С.-Петербургъ, 1879 и 1880.

— *Труды коммиссіи по техническому образованію, и отчетъ о школахъ, учрежденныхъ русскимъ техническимъ обществомъ.* С.-Петербургъ, 1880.

Второй томъ „Земскаго Ежегодника" составленъ по той же системѣ, какъ и первый, обнимающій собою 1876-ой годъ. Система эта представляетъ два главные недостатка: въ каждомъ отдѣлѣ постановленія земскихъ собраній не группируются по предметамъ, а печатаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ губерніи и уѣзды слѣдуютъ другъ за другомъ по алфавиту—и постановленія, касающіяся отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, не разрѣшающія никакого общаго вопроса, не представляющія никакого общаго интереса, печатаются на ряду съ тѣми, которымъ, собственно говоря, исключительно слѣдовало бы посвятить весь сборникъ. Остановимся, для примѣра, на первомъ отдѣлѣ: „Отправленіе дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ". Чѣмъ оправдать включеніе въ него постановленій въ родѣ слѣдующихъ: „Сергачское собраніе признало неправильнымъ избраніе въ гласные крестьянина с. Сарги, Климова" (почему—неизвѣстно);—„Белебеевское собраніе 27 сентября назначило слѣдующее засѣданіе съ 5 октября, такъ какъ большинство гласныхъ, постоянно бывающихъ въ собраніи, магометанскаго вѣроисповѣданія"; —„Карсунское собраніе постановило не числить въ составѣ гласныхъ такого-то, состоящаго подъ слѣдствіемъ", и т. п.? Если устранить всѣ подобныя постановленія, не имѣющія никакого права на увѣковѣченіе путемъ напечатанія въ „Земскомъ Ежегодникѣ", то остальныя статьи перваго отдѣла, также слѣдующія одна за другою безъ всякой внутренней связи, могли бы быть разбиты на пять группъ: въ первую могло бы быть включено все касающееся порядка избранія гласныхъ; во вторую—все касающееся порядка дѣлопроизводства въ земскихъ собраніяхъ; въ третью—все, касающееся ревизіонныхъ и другихъ избираемыхъ собраніями коммиссій; въ четвертую—всѣ мѣры къ предварительному ознакомленію гласныхъ съ подлежащими обсужденію ихъ дѣлами; въ пятую—статистика случаевъ, когда собранія, за недостаточностью числа наличныхъ гласныхъ, не могли состояться или продолжаться—а также, случаевъ продленія сессій за предѣлы узаконеннаго срока. Такая группировка не только облегчила бы изученіе сборника, но и значительно уменьшила бы его объемъ, предупредивъ не-

Digitized by Google

нужныя повторенія, замѣнивъ немногими обобщеніями длинные перечни отдѣльныхъ, интересныхъ только въ совокупности своей фактовъ. Сказанное нами о первомъ отдѣлѣ примѣнимо, въ большей или меньшей степени, и ко всѣмъ другимъ. Множество статей могло бы быть вовсе исключено изъ „Ежегодника", не только безъ всякой для него потери, но и съ большою выгодою. Таковы, напримѣръ, постановленія о включеніи тѣхъ или другихъ дорогъ въ число земскихъ, или наоборотъ; о сооруженіи или починкѣ тѣхъ или другихъ мостовъ; объ открытіи ярмарокъ или базаровъ, съ подробнымъ указаніемъ времени ихъ и мѣста,—и многія другія. Кому и для чего нужно знать, что такое-то земство отложило устройство въ уѣздѣ ветеринарной части, что другое рѣшило высылать въ Вольное Экономическое Общество всѣ свои изданія въ обмѣнъ на „Труды" Общества, что третье опредѣлило поставить въ залѣ засѣданій портретъ своего предсѣдателя, и т. п.? Редакція „Ежегодника" отступаетъ слишкомъ часто отъ правила, ею же установленнаго (см. предисловіе къ первому тому „Ежегодника")—не печатать постановленій, относящихся къ текущимъ исполнительнымъ дѣламъ земства. Отсутствіе группировки чувствуется во всѣхъ сколько-нибудь обширныхъ отдѣлахъ. Народнымъ школамъ, напримѣръ, посвящено слишкомъ 67 страницъ „Ежегодника"—и на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ читатель не встрѣчаетъ никакой руководящей нити, безпрестанно переходитъ отъ открытія новыхъ школъ къ статистическимъ свѣдѣніямъ о существующихъ, отъ помѣщенія училищъ къ учебнымъ пособіямъ, отъ содержанія учителей къ участію сельскихъ обществъ въ учрежденіи училищъ, отъ общихъ мѣръ къ частнымъ. Указанные нами недостатки обусловливаютъ несоразмѣрно большой объемъ „Ежегодника" (около 35 печатныхъ листовъ большого формата, напечатанныхъ чрезвычайно убористо—не считая таблицъ и алфавитныхъ указателей), а слѣдовательно и его дороговизну (6 рублей), затрудняющую его распространеніе. Въ предисловіи къ разбираемому нами тому „Ежегодника" редакція замѣчаетъ, что существенно отступать отъ однажды избраннаго плана значило бы стать еще дальше отъ выработки наиболѣе совершенной системы. Наши указанія клонятся не къ измѣненію плана, а только къ лучшему его исполненію. Единственная существенная перемѣна системы заключалась бы въ томъ, что въ каждомъ отдѣлѣ постановленія каждаго земскаго собранія, теперь непосредственно слѣдующія одно за другимъ, были бы размѣщены по различнымъ группамъ, соотвѣтственно ихъ предметамъ. Въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ, когда изученіе „Ежегодника" имѣетъ цѣлью знакомство съ дѣятельностью того или другого земства, а не съ исторіей того или другого вопроса, пріисканіе необходимыхъ

Digitized by Google

свѣдѣній не представитъ и при предлагаемомъ нами порядкѣ никакихъ затрудненій, благодаря алфавитному указателю земскихъ собраній.

Слабыя стороны „Земскаго Ежегодника“ не мѣшаютъ ему, однако, быть однимъ изъ самыхъ полезныхъ изданій, предпринятыхъ въ послѣднее время. Нельзя не порадоваться, что продолженіе его обезпечено правительственной субсидіей, назначенной на три года. Онъ облегчаетъ весьма существенно изученіе нашего земскаго самоуправленія, даетъ массу матеріаловъ для выводовъ и обобщеній, сберегаетъ массу труда, которую пришлось бы затрачивать безъ него не только на чтеніе земскихъ изданій, но и на собираніе ихъ. Составители „Земскаго Ежегодника“ за 1876 г. имѣли доступъ ко всѣмъ библіотекамъ, въ которыхъ есть земскія изданія—и все-таки не могли получить полнаго ихъ комплекта; въ ихъ рукахъ не было, напримѣръ, журналовъ четырехъ губернскихъ собраній, а по Пензенской губерніи они не нашли даже рѣшительно ничего. Составители „Ежегодника“ за 1877 г. ничего не говорятъ о пробѣлахъ, которыхъ имъ не удалось пополнить—но стоитъ только заглянуть въ алфавитный указатель земскихъ собраній, чтобы убѣдиться въ существованіи такихъ пробѣловъ. Понятно, что если ихъ не могла избѣжать редакція, пользующаяся содѣйствіемъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій, то усилія частнаго лица еще гораздо чаще не приводили бы къ желанной цѣли. Мы надѣемся, что Вольному Экономическому Обществу удастся осуществить и другую, не менѣе счастливую мысль—удастся издать сборникъ свѣдѣній о дѣятельности земства за десятилѣтіе съ 1865-го по 1875-ый годъ. Вмѣстѣ съ „Ежегодниками“, этотъ сборникъ послужитъ основой для будущей исторіи русскаго земства.

Комиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, учрежденная при совѣтѣ торговли и мануфактуръ (т.-е. въ вѣдомствѣ министерства финансовъ) въ концѣ 1872 г., но приступившая къ исполненію своей задачи лишь въ началѣ 1874 г., употребила очень много времени на приготовительныя работы, на составленіе программы, на собраніе свѣдѣній о лицахъ, могущихъ принять на себя мѣстныя изслѣдованія. Настоящая дѣятельность ея началась только въ 1878 г., и только съ тѣхъ поръ подвигается впередъ довольно быстро. Три выпуска трудовъ ея, изданные въ продолженіе одного года, заключаютъ въ себѣ множество интересныхъ и важныхъ свѣдѣній. Особеннаго вниманія заслуживаютъ подробныя изслѣдованія, посвященныя положенію нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ въ губерніяхъ калужской и нижегородской. Одно изъ нихъ обнимаетъ собою кустарную промышленность цѣлаго уѣзда (медынскаго, калуж-

Digitized by Google

ской губерніи), со всѣми отраслями ея; другія имѣютъ предметомъ отдѣльные кустарные промыслы въ извѣстной мѣстности — ложкарство въ семеновскомъ, приготовленіе рогожъ въ макарьевскомъ, сапожный и скорняжный промыслы въ арзамасскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи. Общее впечатлѣніе, производимое всѣми этими изслѣдованіями, крайне печальное. Кустарная промышленность, въ высшей степени важная для благосостоянія, иногда даже для существованія крестьянъ, почти вездѣ клонится къ упадку; упорный, тяжелый трудъ вознаграждается скудно, большинство эксплуатируется меньшинствомъ, ничего не предпринимающимъ для обезпеченія промысла, для улучшенія способовъ производства; часть деревенскаго населенія отвыкаетъ отъ земледѣлія, не находя, однако, вознагражденія за него въ ремесленной работѣ. Въ мединскомъ уѣздѣ мочальный промыселъ занимаетъ все меньше и меньше рукъ и становится все менѣе и менѣе выгоднымъ; не прекращается онъ только потому, что зимой все равно дѣлать нечего, а работа привычная и несложная; женщина въ цѣлый день усиленнаго труда можетъ заработать не болѣе 9 или 10 копѣекъ. Пеньковому промыслу конкурренція съ фабричной работой и съ заграничными издѣліями грозитъ неминуемымъ упадкомъ. Приготовленіемъ дугъ не стоило бы заниматься, если бы бо́льшая часть матеріала не доставалась кустарю даромъ. Горшечный промыселъ мединскимъ кустарямъ придется бросить, если не будутъ введены лучшіе способы производства. Въ нижегородской губерніи положеніе ложкарей, т.-е. работниковъ, приготовляющихъ деревянныя ложки—постоянно ухудшается; при крѣпостномъ правѣ лѣсъ доставался имъ даромъ, теперь приходится его покупать. То же самое слѣдуетъ сказать и о рогожникахъ макарьевскаго уѣзда; мочало, изъ котораго выдѣлывается рогожа, возрасло въ цѣнѣ, относительно, гораздо больше, чѣмъ самая рогожа. Скорняжный промыселъ въ арзамасскомъ уѣздѣ упалъ до такой степени, что многіе скорняки уходятъ на земляныя работы въ пермскую губернію. Процвѣтаетъ, до извѣстной степени, только сапожный промыселъ въ окрестностяхъ Арзамаса. Кромѣ застоя въ способахъ и пріемахъ производства, массѣ кустарей вредятъ всего больше три обстоятельства: пріобрѣтеніе матеріала не изъ первыхъ рукъ, небольшими партіями, причемъ покупка дорогого матеріала (напримѣръ, пальмоваго и кленоваго дерева, изъ котораго выдѣлываются лучшія ложки,—олифы, употребляемой для ихъ окраски) остается для нихъ совершенно недоступной; затрудненіе въ сбытѣ готоваго товара, вынуждающее и здѣсь обращаться къ посредничеству третьихъ лицъ, и наконецъ отсутствіе дешеваго кредита. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, обусловливаютъ экономическую зависимость кустарей отъ

Digitized by Google

кулаковъ-міроѣдовъ, отъ крупныхъ, сравнительно, производителей, заказчиковъ или скупщиковъ товара. Вотъ, напримѣръ, картина продажи кустарями ложекъ въ городѣ Семеновѣ, нарисованная съ натуры протоіереемъ Борисовскимъ (приводимъ званіе автора, чтобы показать, что онъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ тенденціозной односторонности, въ намѣренномъ пристрастіи къ мрачнымъ краскамъ). „Разодѣтые, какъ купцы губернскаго города, всѣ скупщики (числомъ 15) величаво и молча проходятъ по рядамъ ложкарей, которыхъ набирается до полутораста человѣкъ, — принимая, какъ нѣчто должное, ихъ низкіе поклоны. Осмотрѣвъ всѣхъ и все, одинъ изъ нихъ подходитъ къ какому-нибудь ложкарю и лаконически говоритъ: *семь берешь* (т.-е. семь рублей *ассигнаціями* за *тысячу* ложекъ)?—Помилуйте, больно обидно жалуете. Купецъ бормочетъ про себя, отходя:—„*сытъ еще, бестія*“. При ослабленіи на время запроса на ложки, ложкарь не получаетъ за свои издѣлія, въ сущности, ничего, т.-е. отдаетъ ихъ за цѣну матеріала, потому что не имѣетъ возможности ждать болѣе удобнаго момента для продажи. Въ такомъ же положеніи находятся и рогожники. Покупая мочало небольшими партіями и въ долгъ, они переплачиваютъ за него въ зиму, сверхъ настоящей цѣны его, до 45 рублей—сумму громадную, при скудномъ ихъ заработкѣ. Купивъ дорого, они продаютъ дешево опять-таки потому, что *должны* продать во что бы то ни стало, не только для покупки новаго матеріала, но и для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба. Условія кредита въ медынскомъ уѣздѣ таковы, что меньше чѣмъ за 25% кустарю нельзя заключить заемъ, да и то нужно долго упрашивать и *угощать* кулака, чтобы получить отъ него деньги. Нижегородскому рогожнику приходится въ этомъ отношеніи еще хуже. Кулакъ отпускаетъ ему сплошь да рядомъ куль соли, стоющій 7 руб. 50 коп., съ тѣмъ, чтобы онъ черезъ восемь мѣсяцевъ заплатилъ 11 руб.; но рогожнику нужна не соль, нужны деньги; онъ везетъ куль на базаръ и продаетъ его за 7 руб., т.-е. теряетъ еще 50 копѣекъ.—Я бралъ у Шишанова въ долгъ,—разсказывалъ одинъ рогожникъ автору статьи,—12 пудъ мочала по 1 руб. 10 коп. (дѣйствительная цѣна мочала—70 коп. за пудъ), на одинъ годъ, но не могъ во-время уплатить этотъ долгъ; теперь въ четыре года я заплатилъ процентовъ 16 рублей (т.-е. по 4 рубля въ годъ—около 30%), а за мной все-таки числится долга 13 руб. 20 коп.“ Кустари, работающіе на хозяина, т.-е. по его заказу и изъ его матеріала, или работающіе у хозяина, т.-е. на его харчахъ и въ его домѣ, не испытываютъ, конечно, описанныхъ выше затрудненій по пріобрѣтенію матеріала, по сбыту товара, по заключенію займовъ; но это еще не значитъ, чтобы положеніе ихъ было болѣе завидное.

Digitized by Google

Работница, занимающаяся у хозяина окраской ложекъ, получаетъ, на самыхъ скудныхъ харчахъ, 8 копѣекъ въ день, за 19 (!) часовъ почти непрерывной работы. Заработокъ рабочаго скорняка едва-едва покрываетъ подати и расходы на прокормленіе семьи. Участія въ барышахъ работники нигдѣ не имѣютъ; въ случаѣ ихъ болѣзни хозяинъ не считаетъ себя обязаннымъ заботиться о нихъ.

Тамъ, гдѣ всѣ условія, неблагопріятныя для кустарей, дѣйствуютъ съ особенною силой, гдѣ земледѣліе или почти оставлено или, вслѣдствіе скуднаго количества и дурного качества земельнаго надѣла (при недостаткѣ скота и удобренія), даетъ имъ чрезвычайно мало, положеніе ихъ можетъ быть названо не только тяжелымъ, но и вполнѣ бѣдственнымъ. „Ложкари и ложкарницы, — говоритъ авторъ статьи объ этомъ промыслѣ, — живутъ подобно птицамъ небеснымъ. Больше крайне необходимаго, безъ чего жить нельзя, они не вырабатываютъ... Ложкарь не только не получаетъ чистаго барыша отъ своего промысла, но далеко не всегда имѣетъ даже необходимо нужное пропитаніе... Положеніе ложкаря можетъ назваться безвыходнымъ. Бросивъ поле, заростивъ луга, лишившись послѣдней коровы, — онъ лишился самыхъ надежныхъ средствъ пропитанія и сдѣлался батракомъ, дойной коровой міроѣда-скупщика. Ему угрожаетъ постоянно не гибель, а другая бѣда—нищенство. Сбывая, пополамъ съ горемъ, ложку и не получая за свой тяжелый трудъ вознагражденія, онъ подъ конецъ не выдерживаетъ этой каторги и идетъ по міру". Какимъ образомъ кустарь лишается своего рабочаго скота, это мы узнаемъ изъ статьи о рогожникахъ; лошади ихъ и коровы продаются, за недоимки, иногда по 4 — 6 руб. за голову; недоимка въ 1,000 руб., лежавшая на сельскомъ обществѣ, покрывается такимъ образомъ въ недѣлю, но цѣлая деревня остается безъ коровъ и лошадей. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ кустари не могутъ и думать о болѣе гигіеническомъ устройствѣ своихъ жилищъ и мастерскихъ, о предупрежденіи вреда, приносимаго имъ работой. Въ избахъ рогожниковъ, кромѣ копоти отъ лучины и гари отъ курной печи, стоитъ пыль отъ тканья рогожъ, смрадъ отъ сырого мочала; горячка и воспаленіе глазъ — обычныя болѣзни этихъ кустарей. Удушливый воздухъ въ избѣ и ѣдкая краска вредно дѣйствуютъ на ложкарницъ-красильницъ, разрушая ихъ зрѣніе и легкія. Скорняки сидятъ согнувшись среди пыли и пуха отъ звѣриныхъ кожъ, въ атмосферѣ, сильно пропитанной вредными испареніями; между ними замѣтно уже вырожденіе, молодое поколѣніе силой и ростомъ значительно уступаетъ прежнимъ. Пьянство, обычный спутникъ безнадежной нищеты, процвѣтаетъ и между рогожниками, и между ложкарями. Тамъ, гдѣ промыселъ—напримѣръ,

Digitized by Google

рогожный — начинаетъ переходить въ города и сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ, положеніе дѣлъ ничуть не лучше. Кустари-рогожники считаютъ себя счастливыми, сравнительно съ рогожниками, работающими въ Нижнемъ-Новгородѣ у купцовъ въ *казармахъ*, т.-е. въ большихъ мастерскихъ. „Когда всѣ примутся ткать рогожи въ двадцать становъ, — разсказывали автору статьи нѣкоторые рогожники, испытавшіе оба способа производства, — такъ отъ пыли и свѣта вольнаго не увидишь. Отдушинъ нѣтъ ни въ окнахъ, ни въ стѣнахъ. Привычные мы люди, — а встанешь утромъ на работу [1]), куда какъ нехорошо несетъ подъ носомъ. И жарко очень въ этихъ казармахъ, а выйдешь немного освѣжиться — смотришь, и простудился. Простудился одинъ, за нимъ спишло другого, да такъ и начнетъ перебирать народъ".

Какъ помочь кустарямъ — это явствуетъ само собою изъ всего вышесказаннаго, и указывается отчасти авторами изслѣдованій. Для того, чтобы кустари не оставляли земледѣлія, необходимы тѣ же мѣры, въ какихъ вообще нуждается крестьянское сословіе — облегченіе податного бремени, переоцѣнка слишкомъ высоко оцѣненной земли и т. п. Кустарная промышленность драгоцѣнна именно какъ *подспорье* при земледѣліи; *замѣняя* его, она рѣдко обезпечиваетъ крестьянина. Спеціально кустарямъ величайшую услугу оказало бы широкое распространеніе — конечно, съ помощью правительства или земства — промышленныхъ товариществъ, какъ производительныхъ, такъ и сырьевыхъ (т.-е. покупающихъ сырой матеріалъ, необходимый для производства), и складочныхъ (т.-е. завѣдывающихъ сбытомъ издѣлій). Весьма полезны, конечно, и ссудныя товарищества; но при томъ направленіи, которое они приняли у насъ, существенную помощь бѣдному населенію они оказываютъ весьма рѣдко. Разсчитывать на нихъ для поднятія и поддержки кустарной промышленности можно было бы только при коренныхъ перемѣнахъ въ ихъ дѣятельности и устройствѣ [2]). Усовершенствованію способовъ производства, столь необходимому для успѣшной конкурренціи кустарныхъ промысловъ съ фабричною промышленностью, могло бы содѣйствовать, наконецъ, распространеніе техническихъ знаній, какъ пу-

---

[1]) Рабочіе въ этихъ *казармахъ* и ѣдятъ, и спятъ — мужчины вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми.

[2]) Изъ сообщенныхъ намъ недавно „Краткихъ свѣдѣній о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ по 1-е января 1880 г." видно, что распространеніе ихъ въ послѣднее время значительно замедлилось. Въ 1876 году было утверждено 202 новыхъ устава товариществъ, въ 1877 году—156, въ 1878 году—57, въ 1879 году—43. Изъ числа уѣздовъ, о которыхъ была рѣчь выше, въ мединскомъ и семеновскомъ нѣтъ ни одного товарищества, въ макарьевскомъ—1, въ арзамасскомъ—4.

Digitized by Google

темъ преподаванія ремеслъ въ народныхъ школахъ, такъ и посредствомъ предлагаемыхъ г. Тимоховичемъ (авторомъ статьи о кустарной промышленности въ медынскомъ уѣздѣ) періодическихъ объѣздовъ техниковъ, для ознакомленія крестьянъ съ неизвѣстными имъ орудіями и пріемами работы.

Въ „Земскихъ Ежегодникахъ" за 1876 и 1877 гг. есть особый отдѣлъ, озаглавленный: „Содѣйствіе развитію мануфактурной и торговой промышленности". Онъ показываетъ намъ, какъ мало сдѣлало земство — по крайней мѣрѣ, за эти два года — для кустарной промышленности. Изслѣдованіе ея было проектировано въ 1876 году верейскимъ уѣзднымъ, въ 1877 году—ярославскимъ губернскимъ собраніемъ; но въ первомъ случаѣ все дѣло ограничилось выборомъ коммиссіи, которая, за неимѣніемъ средствъ, ничего не предпринимала. Техникъ, для улучшенія смолокуренія, былъ приглашенъ тверскимъ губернскимъ собраніемъ. Олонецкое уѣздное собраніе, по примѣру тверского земства, ассигновало 2,100 руб. (заимообразно) на устройство артелей для смолокуренія. Лужское уѣздное собраніе ассигновало 500 руб. (заимообразно) на кустарное производство; усманское уѣздное собраніе—столько же на выдачу наградъ ремесленникамъ (въ уѣздѣ) и по 150 руб. ежегодно на устройство справочнаго бюро, для собранія свѣдѣній о производительности уѣзда, о спросѣ и предложеніи работы, и т. п. Котельническое уѣздное собраніе выдало одному крестьянину въ ссуду 250 руб. на кирпичедѣланіе. Этимъ исчерпывается двухлѣтняя дѣятельность земства на пользу кустарной промышленности (не считая, конечно, исполненія прежде состоявшихся постановленій). А между тѣмъ, харьковское губернское собраніе опредѣлило выдать заимообразно правленію компаніи по торговлѣ шерсти — т.-е. крупному предпринимателю, не имѣющему никакого права на поддержку земства — 150.000 руб., и исполненію этого опредѣленія помѣшалъ только протестъ губернатора.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ „Трудахъ" коммиссіи есть нѣсколько интересныхъ статей о заграничной кустарной промышленности.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о „Трудахъ" коммиссіи по техническому образованію. Статья г. Абрамова: „Образованіе и обезпеченіе быта рабочихъ въ Россіи", напечатанная въ прошедшемъ году въ „Вѣстникѣ Европы" (№ 1, стр. 321—356), познакомила нашихъ читателей съ школами, учрежденными въ С.-Петербургѣ Русскимъ техническимъ обществомъ. Разсматривая причины, затрудняющія развитіе и дѣятельность этихъ полезныхъ школъ,

Digitized by Google

г. Абрамовъ указалъ на отсутствіе правилъ, которыми регулировалось бы число рабочихъ часовъ какъ для взрослыхъ, такъ и въ особенности для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ фабричныхъ работниковъ. Изъ отчета о школахъ техническаго общества за 1878—79 учебный годъ, напечатаннаго въ „Трудахъ“ коммиссіи по техническому образованію, видно, что вліяніе этой причины продолжаетъ чувствоваться и въ настоящее время. Число записавшихся въ школы доходило до 654 (на 216 больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ учебномъ году), но среднее число дѣйствительно посѣщавшихъ школы не превышало 384. Объясненіемъ этой громадной разницы можетъ служить, между прочимъ, слѣдующій фактъ, приводимый въ отчетѣ. Въ числѣ 125 человѣкъ, записавшихся на посѣщеніе второй василеостровской школы, 100 человѣкъ были съ балтійскаго механическаго завода, 25 — съ ситцевой фабрики Лютша. На балтійскомъ заводѣ работы оканчиваются въ 6, на фабрикѣ Лютша — въ 7 час. вечера; занятія въ школѣ пришлось начинать, поэтому, въ $7^1/_2$ час., но рабочіе съ фабрики Лютша все-таки не успѣвали приходить аккуратно къ началу занятій, и черезъ мѣсяцъ почти всѣ прекратили посѣщеніе классовъ, ссылаясь на недостатокъ времени для ужина послѣ работы и на утомленіе отъ работъ, продолжающихся съ пяти часовъ утра до семи часовъ вечера. Начавшіяся въ январѣ 1879 года на балтійскомъ заводѣ вечернія работы заставили большинство рабочихъ этого завода прекратить посѣщеніе школы, вслѣдствіе чего въ февралѣ мѣсяцѣ былъ закрытъ одинъ изъ ея классовъ. Устранить подобныя препятствія къ развитію школьнаго дѣла, конечно, не въ силахъ техническаго общества; оно можетъ только просить объ уменьшеніи числа рабочихъ часовъ, по крайней мѣрѣ для несовершеннолѣтнихъ, въ тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, которые доставляютъ учениковъ въ его школы. Существенно измѣнить положеніе дѣлъ, неблагопріятное для дальнѣйшихъ успѣховъ техническаго образованія, могло бы только изданіе общаго закона о фабрикахъ, столь необходимаго и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Въ 1878 — 79 году число школъ техническаго общества не увеличилось [1]); но министерствомъ финансовъ утвержденъ уставъ ремесленнаго училища по механическому дѣлу, открытіе котораго ожидается въ ближайшемъ времени, какъ только будутъ собраны необходимыя для того средства. Коммиссія по техническому образованію выработала проектъ нормальнаго положенія о школахъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, со всѣми относящимися къ нему програм-

[1]) Всѣхъ школъ общества 10, въ томъ числѣ пять вечернихъ школъ для взрослыхъ рабочихъ, четыре утреннихъ дѣтскихъ и одна школа для приготовленія десятниковъ по строительному дѣлу.

Digitized by Google

мами, а учрежденная при коммиссіи, изъ лицъ обоего пола, подкоммиссія — проектъ общаго положенія о женскихъ профессіональныхъ (ремесленныхъ) училищахъ и курсахъ техническаго общества. Осуществленіе этого послѣдняго проекта значительно подвинуло бы впередъ организацію женскаго образованія въ Россіи. Въ училища, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, предполагается принимать дѣвочекъ отъ 12 до 14 лѣтъ, знающихъ все то, что входитъ въ составъ программы народныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ предметовъ, для всѣхъ обязательныхъ (законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, отчизновѣдѣніе, естествознаніе въ приложеніи къ гигіенѣ и домоводству, основныя начала торгово-ремесленнаго законовѣдѣнія, черченіе съ главными понятіями изъ геометріи, рисованіе, хоровое пѣніе, гимнастика, рукодѣлья, необходимыя во всякомъ домашнемъ обиходѣ, а также рукодѣлья, развивающія вкусъ), каждая ученица обучается какому-нибудь спеціальному ремеслу, избираемому ею на третьемъ году ученья. Къ слушанію отдѣльныхъ курсовъ допускаются дѣвицы не моложе 14 лѣтъ, съ подготовкой, степень которой проектъ устава предоставляетъ опредѣлить будущимъ попечительнымъ совѣтамъ училищъ. Предметы занятій на курсахъ — тѣ же ремесла, изученіе которыхъ предполагается ввести въ училищахъ (выборъ одного изъ нихъ производится слушательницей при самомъ вступленіи на курсы), и, сверхъ того, прикладное рисованіе, стенографія, иностранные языки и коммерческое счетоводство. Ремесла, на первый разъ, выбраны слѣдующія: бѣлошвейное, швейное и портняжное, модное, вышивальное (съ плетеньемъ и вязаньемъ), басонное, переплетное и картонажное, мозаичное, типографское съ гравернымъ; сверхъ того, въ училищахъ можно будетъ обучаться домоводству, садоводству, огородничеству и уходу за дѣтьми.

Въ „Трудахъ“ коммиссіи, кромѣ свѣдѣній о дѣятельности ея, напечатаны сообщенія г. Лачинова—о профессіональныхъ школахъ во Франціи, г. Ведрова—о техническихъ начальныхъ школахъ въ той же странѣ, г. Иверсена—о женскихъ профессіональныхъ школахъ во Франціи, Бельгіи и Германіи, и г. Андреева (предсѣдателя коммиссіи)—объ общественномъ значеніи и организаціи техническаго образованія. Сообщеніе г. Андреева посвящено, между прочимъ, важному вопросу о различныхъ способахъ школьнаго обученія ремесламъ. Преподаваніе ихъ можетъ или быть введено во всѣ начальныя народныя школы, или быть сосредоточено въ особыхъ школахъ, съ устроенными при нихъ мастерскими; въ эти послѣднія школы могутъ быть допускаемы или всѣ окончившіе курсъ въ народныхъ школахъ, или только тѣ, которые уже нѣсколько времени практически занимались ремес-

Digitized by Google

лами въ качествѣ учениковъ; наконецъ, при фабрикахъ могутъ быть учреждены полудневныя школы, въ которыхъ занятія шли бы параллельно съ работами на фабрикахъ. Г-нъ Андреевъ стоитъ всего больше за преподаваніе ремеслъ въ народныхъ школахъ, въ которыхъ оно можетъ быть возложено на самихъ учительницъ и учителей; онъ ссылается при этомъ на примѣръ скандинавскихъ государствъ, гдѣ народные учителя и учительницы обучаются ремесламъ въ каникулярное время [1]). Въ Россіи также существуетъ нѣсколько школъ, соединяющихъ начальное обученіе съ ремесленнымъ. Распространеніе у насъ этой системы дѣйствительно было бы какъ нельзя болѣе желательнымъ; помимо всѣхъ остальныхъ ея преимуществъ, она могла бы принести величайшую пользу нашей кустарной промышленности.

Заключимъ небольшою замѣткой. Въ обширномъ пантеонѣ древнихъ римлянъ было отведено особое мѣсто маленькимъ божкамъ и богинямъ, спеціально приставленнымъ къ различнымъ періодамъ или различнымъ функціямъ человѣческой жизни. Нѣкоторые изъ нихъ учили младенца ѣсть, другіе — ходить, третьи — двигать руками; были и такіе, вліяніе которыхъ начиналось съ достиженіемъ извѣстнаго возраста или съ совершеніемъ извѣстнаго дѣйствія. Трудно повѣрить, чтобы нѣчто подобное могло быть проповѣдуемо въ настоящее время и въ христіанскомъ обществѣ; но брошюра, изданная въ 1879 г. протоіереемъ Евгеніемъ Поповымъ, въ Перми, доказываетъ слишкомъ наглядно, что невѣроятное иногда бываетъ возможнымъ. Заглавіе этой брошюры таково: „Святые, имѣющіе особенную благодать помогать въ разныхъ болѣзняхъ и другихъ нуждахъ“. Она предлагаетъ списокъ святыхъ, которые прославили себя помощью людямъ въ особенныхъ нуждахъ людей или *къ которымъ по крайней мѣрѣ особенно примѣчною можетъ быть молитва* въ этихъ нуждахъ (курсивъ въ подлинникѣ; онъ дѣйствительно оказывается весьма умѣстнымъ). Къ числу такихъ нуждъ отнесены не только разныя болѣзни (къ леченью которыхъ обыкновенными медицинскими средствами авторъ не совѣтуетъ обращаться, какъ къ *суетному спасенію человѣческому*), не только недостатокъ материнскаго молока, слабое ученье дѣтей, гоненіе жены мужемъ, но и торговыя дѣла, не исключая даже торговли виномъ и крѣпкими напитками! На стр. 14-ой, мы находимъ указаніе кому именно должны молиться православные, живущіе или сидящіе для торговли въ питейныхъ домахъ! Рекомен-

---

[1]) Интересныя свѣдѣнія по этому предмету можно найти въ третьемъ выпускѣ „Трудовъ коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи“.

Digitized by Google

дуются, далѣе, вѣрные пути къ отысканію украденнаго, къ предотвращенію вреда со стороны *именуемыхъ волшебниковъ*. Прибавка слова: *именуемыхъ*, кажется намъ здѣсь совершенно напрасной. Автору слѣдовало бы открыто сознаться, что онъ вѣритъ въ волшебство; еслибы онъ въ него не вѣрилъ, то не сталъ бы изыскивать мѣръ къ охраненію отъ него. Въ какой степени полезно и своевременно признаніе волшебства, исходящее изъ такого источника—объ этомъ легко составить себѣ понятіе, если вспомнить недавнее сожженіе мнимой колдуньи въ Тихвинскомъ уѣздѣ и другіе однородные факты. Въ концѣ брошюры предлагаются средства для борьбы съ плотскою страстью, противъ особеннаго бѣсовскаго нападенія на плоть, противъ блудныхъ сновидѣній и ихъ послѣдствій. О родителяхъ, желающихъ поскорѣе доставить своему сыну мѣсто или занятіе и не имѣющихъ земной протекціи, о родителяхъ, желающихъ поскорѣе выдать дочку замужъ и не имѣющихъ въ виду женяховъ, о. Поповъ также не забываетъ. Мы привыкли говорить объ остаткахъ язычества, сохранившихся въ средѣ народа; прочитавъ упомянутую брошюру приходится спросить себя, въ одной ли только этой средѣ они сохранились?

Безъ всякаго желанія неуспѣха труду о. протоіерея Евгенія Попова, мы позволимъ себѣ однако къ слову упомянуть о только-что вышедшей въ свѣтъ, недалеко отъ Перми—въ Казани, книги орд. профессора В. М. Флоринскаго: „Народная медицина, лечебникъ для народнаго употребленія“ (1880 г., стр. 875, ц. 4 рубля); этотъ почтенный трудъ удостоенъ полной „преміи Императора Петра Великаго“. Весьма справедливо говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи: „При невозможности организовать для народа въ должномъ размѣрѣ правильную врачебную помощь, можно (и прибавимъ: должно) до нѣкоторой степени помочь этому недостатку путемъ проведенія въ народъ научныхъ медицинскихъ понятій; такими проводниками могутъ служить, кромѣ врачей, всѣ развитые люди, какъ-то: помѣщики и помѣщицы, духовенство, народные учители и т. д. При помощи популярныхъ медицинскихъ сочиненій они могутъ давать совѣты, разъясненія и указанія для охраненія здоровья въ деревенскомъ быту, и этимъ могутъ принести дѣйствительную пользу“. Авторъ справедливо возлагаетъ свои надежды и на духовенство, такъ какъ мы относимъ брошюру отца протоіерея Евгенія Попова къ спорадическимъ явленіямъ нашей духовной литературы.—К. К.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1880.

Прежніе политическіе процессы въ ихъ связи съ послѣдующими. — Степень участія въ этихъ процессахъ учащейся молодежи. — Подпольная и „надпольная“ печать. — Есть ли въ Россіи партія? — Облегченіе участи лицъ, подвергшихся административной высылкѣ. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1878 г. — Требы и ихъ вознагражденіе. — Мѣры къ развитію церковной проповѣди. — Сообщеніе объ открытіи новыхъ городскихъ училищъ С.-Петербурга, и перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

I.

Въ нашей періодической литературѣ нѣсколько разъ высказывалась мысль о необходимости тщательнаго изслѣдованія прискорбныхъ явленій, пережитыхъ Россіей за послѣдніе два года, — ихъ ближайшихъ и отдаленныхъ причинъ, ихъ преемственности и взаимной связи. Признавалось, и совершенно справедливо, что нельзя устранить зло, не изучивъ его во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, нельзя найти лекарство, не опредѣливъ болѣзни. Къ сожалѣнію, дѣло не шло дальше этихъ общихъ положеній; работа, всѣми желаемая, никѣмъ не предпринималась. Обвинять за это нашу печать было бы несправедливо; всѣмъ извѣстно, что она богаче добрыми намѣреніями, чѣмъ возможностью осуществлять ихъ. Въ такое изслѣдованіе, какъ только-что упомянутое нами, печать не могла внести двухъ существенно важныхъ условій — всесторонности и безпристрастія; сознавая это и вспоминая судьбу немногихъ покушеній на искренность, она не бралась и не берется за исполненіе непосильной для нея задачи. Мы говоримъ, конечно, объ общемъ правилѣ, а не объ исключеніяхъ. Трудное или невозможное для большинства оказывается, по обыкновенію, легкимъ и удобнымъ для тѣхъ немногихъ, которые разъ навсегда освободили себя отъ безпристрастія и ищутъ свою силу именно въ односторонности. Въ Москвѣ — „Московскія Вѣдомости“ посвятили

Digitized by Google

недавно цѣлый рядъ статей Нечаевскому дѣлу, въ связи съ послѣдующими политическими процессами; въ Петербургѣ—„Берегъ“ привелъ нѣсколько числовыхъ данныхъ для разъясненія вопроса, изъ какихъ сферъ преимущественно выходятъ политическіе преступники, и набросалъ, съ помощью двухъ-трехъ цитатъ изъ „Набата“ и „Народной Воли“, параллель между „подпольными благодѣтелями“ и „надпольными радѣтелями“, т.-е. между революціонною прессой и оппозиціонною или, лучше сказать, нравственно-независимою—печатью. Матеріаловъ для изученія недавняго прошлаго во всемъ этомъ весьма немного; но въ настоящемъ случаѣ дѣло шло не о собраніи данныхъ, а объ искусственномъ ихъ освѣщеніи. Посмотримъ поближе на результаты этой работы.

Такъ-называемое Нечаевское дѣло, т.-е. политическій процессъ 1869—71 г., неизбѣжно выдвигается на первый планъ, какъ только заходитъ рѣчь объ исторіи революціонной агитаціи въ Россіи. Причинъ этому много. Это, во-первыхъ, единственное обширное политическое дѣло, производившееся на точномъ основаніи уставовъ 20 ноября 1864 г., съ соблюденіемъ, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго процессуальнаго момента, полнѣйшей гласности—единственное политическое дѣло, по которому напечатаны цѣликомъ рѣчи обвинителя и защитниковъ и, что̀ еще гораздо важнѣе, объясненія подсудимыхъ и показанія свидѣтелей. Политическій процессъ 1866 г. производился также на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ, но при закрытыхъ дверяхъ и съ оглашеніемъ въ печати лишь окончательнаго судебнаго приговора. Всѣ позднѣйшія политическія дѣла—за исключеніемъ дѣла о покушеніи 2-го апрѣля, когда обвинялся одинъ только подсудимый—разрѣшены или особымъ присутствіемъ сената, или военнымъ. Отчеты о нихъ вовсе не появлялись въ печати, или печатались съ большими и существенными сокращеніями. Относясь къ одному изъ первыхъ фазисовъ подземнаго движенія, Нечаевское дѣло соединяетъ въ себѣ, однако—и это второй источникъ возбуждаемаго имъ интереса,—многія характеристическія черты новѣйшихъ политическихъ процессовъ; тайное общество 1869 г. является какъ-бы образцомъ для послѣдующихъ, дѣятельность Нечаева—прототипомъ позднѣйшихъ формъ революціонной агитаціи, личный составъ подсудимыхъ—нормой, повторяющейся на будущее время съ небольшими только варіантами. Здѣсь встрѣчается впервые лозунгъ: „въ народъ“, обрисовывается система кружковой организаціи; здѣсь выступаютъ на видъ тѣ пріемы вербовки новыхъ членовъ, которые постоянно наблюдаются въ послѣдствіи времени; здѣсь ясно обозначены условія, облегчающія сравнительно быстрый и легкій успѣхъ преступной пропаганды; здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, бросается въ глаза громадность

Digitized by Google

контингента, доставленнаго тайному обществу высшими учебными заведеніями; здѣсь между подсудимыми попадаются женщины, чего не было ни въ одномъ изъ предъидущихъ политическихъ процессовъ. Самая печальная точка соприкосновенія между Нечаевскимъ дѣломъ и другими, свидѣтелями которыхъ мы недавно были—это роль, принадлежащая въ немъ прокламаціи: „Народная расправа", содержаніе которой легко угадать по ея заглавію. Вліяніе ея отразилось лишь на небольшой группѣ, рѣзко выдѣляющейся изъ среды большинства подсудимыхъ,—но отразилось такимъ фактомъ, какъ убійство Иванова. Что же извлекли „Московскія Вѣдомости" изъ этой массы данныхъ, до сихъ поръ не утратившихъ своего интереса? Констатировавъ несомнѣнную связь между „катихизисомъ русскаго революціонера", найденнымъ у одного изъ подсудимыхъ, и позднѣйшимъ образомъ дѣйствій агитаторовъ, онѣ поставили себѣ задачей доказать слѣдующіе два тезиса: 1) вступленіе учащейся молодежи въ ряды тайнаго общества отнюдь не обусловливалось бѣдственнымъ ея положеніемъ; и 2) снисходительное отношеніе суда къ подсудимымъ послужило одною изъ причинъ дальнѣйшаго распространенія и усиленія смуты. Остановимся сначала на второмъ изъ этихъ тезисовъ; первый удобнѣе будетъ разсмотрѣть въ связи съ статистикой политическихъ преступниковъ, приводимой „Вѣстникомъ".

За Нечаевскимъ дѣломъ потянулся длинный рядъ политическихъ процессовъ; революціонная агитація не ослабѣла, а постоянно возростала. Разсуждая по шаблону: „post hoc, ergo propter hoc" (т.-е. смѣшивая хронологическую послѣдовательность съ причинною связью), можно предположить, съ перваго взгляда, что мягкость приговора судебной палаты вызвала усиленіе пропаганды; но стоитъ только подвинуться на три года впередъ, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей неосновательности этого предположенія. Въ 1874 г. рѣшено особымъ присутствіемъ сената такъ-называемое Долгушинское дѣло. Ни въ способѣ его веденія, ни въ содержаніи приговора нельзя подмѣтить ни малѣйшаго сходства съ Нечаевскимъ процессомъ—а между тѣмъ число политическихъ преступниковъ и преступленій продолжало послѣ того рости съ удвоенною быстротою; за Долгушинскимъ дѣломъ послѣдовало въ 1875 г. дѣло Дьякова и Сѣрякова, въ 1877 г.—дѣло о безпорядкахъ на Казанской площади и такъ-называемое „московское дѣло" о пятидесяти подсудимыхъ. Если бы можно было примѣнить къ этимъ дѣламъ приведенный выше латинскій афоризмъ, то пришлось бы связать усиленіе преступности уже не съ снисходительностью, а съ строгостью суда. Исторія послѣднихъ двухъ лѣтъ окончательно убѣждаетъ насъ въ тщетѣ всякихъ попытокъ установить какое-либо правильное соотношеніе между числомъ и свойствомъ политическихъ

Digitized by Google

преступленій и образомъ дѣйствій суда, или содержаніемъ судебныхъ приговоровъ. Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ мы видимъ и періодъ сравнительной снисходительности (приговоръ особаго присутствія по такъ-называемому процессу *ста девяноста восьми*, оправданіе Вѣры Засуличъ), и періодъ удвоенной строгости, начинающійся съ приговора одесскаго военно-окружного суда надъ Ковальскимъ—но никакъ не можемъ пріурочить усиленіе политическихъ преступленій болѣе къ первому, чѣмъ ко второму изъ этихъ періодовъ. Въ виду недвусмысленныхъ уроковъ, представляемыхъ исторіей цѣлаго десятилѣтія, позволительно ли возвращаться къ старымъ, избитымъ нареканіямъ противъ судебной палаты, противъ обвинителя и защитниковъ по Нечаевскому дѣлу? Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, новый судъ остался вѣрнымъ самому себѣ, т.-е. великимъ началамъ, лежащимъ въ основаніи его устройства. Къ подсудимымъ, обвиняемымъ въ политическомъ преступленіи, онъ не считалъ ни нужнымъ, ни возможнымъ относиться иначе, чѣмъ къ обвиняемымъ въ какомъ бы то ни было другомъ преступленіи. Онъ помнилъ, что *до* произнесенія приговора передъ нимъ стоятъ обвиняемые, а не осужденные, что задача правосудія заключается въ возможно-полномъ разъясненіи дѣла, т.-е. въ предоставленіи сторонамъ возможно-большей свободы. Онъ понималъ, что мягкій, деликатный тонъ по отношенію къ подсудимымъ не унижаетъ достоинства суда, а способствуетъ правильному ходу дѣла, напоминая подсудимымъ объ обязательномъ для нихъ уваженіи къ суду—уваженіи, которое въ Нечаевскомъ процессѣ (если не считать выходки подсудимой Дементьевой въ началѣ перваго судебнаго засѣданія) ни разу не было нарушено или забыто. Съ этой точки зрѣнія мы не видимъ никакой разницы между образомъ дѣйствій судебной палаты и верховнаго уголовнаго суда, какъ въ 1866-мъ, такъ и въ 1879-мъ году. По единогласному удостовѣренію очевидцевъ, дѣла Каракозова и Соловьева были ведены въ томъ же тонѣ, какой вообще выработанъ нашимъ новымъ судомъ, въ противоположность старому, инквизиторіальному процессу. Насмѣшливо подчеркиваемые „Московскими Вѣдомостями“ вопросы предсѣдателя и членовъ суда по Нечаевскому дѣлу — не всегда, можетъ быть, удачные по своей формѣ—были внушены исключительно желаніемъ раскрыть истину, освѣтить внутренній міръ подсудимыхъ. Приторную гуманность могутъ видѣть въ нихъ только тѣ, которымъ болѣе по сердцу система допроса, описанная Щедринымъ въ „Губернскихъ Очеркахъ“. Что касается до приговора судебной палаты, то къ четыремъ подсудимымъ, участвовавшимъ въ убійствѣ Иванова, она отнеслась строго, конечно установивъ между ними различіе по мѣрѣ вины (высшее наказаніе понесъ Успенскій, низшее—Николаевъ;

Digitized by Google

но всѣ четверо были присуждены къ каторжной работѣ). Снисходительность приговора по отношенію къ остальнымъ подсудимымъ объясняется вполнѣ какъ юридическою квалификаціей ихъ вины (палата признала, согласно съ обстоятельствами дѣла и закономъ, что ими было составлено тайное общество, а не заговоръ), такъ и фактически-незначительнымъ участіемъ ихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ Нечаева.

Въ приговорѣ по Нечаевскому дѣлу, принадлежность къ тайному обществу признана была доказанною относительно тридцати одного подсудимаго. Изъ нихъ достигли зрѣлаго возраста только двое; средній возрастъ остальныхъ двадцати девяти—$23^1/_2$ года. Несовершеннолѣтнихъ между ними было только трое, но очень много молодыхъ людей двадцати-двухъ лѣтъ и двадцати-одного года. Шестнадцать членовъ тайнаго общества были слушателями петровской земледѣльческой академіи, четверо — студентами московскаго университета, трое—студентами медико-хирургической академіи. Привлечены къ дѣлу, но освобождены отъ слѣдствія или оправданы судомъ были также почти исключительно молодые люди, бо́льшею частью не окончившіе еще курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (такъ, напримѣръ, изъ числа девяти подсудимыхъ второй группы, оправданныхъ судомъ, пятеро были слушателями петровской академіи, четверо—студентами московскаго университета). Таковы характерныя цифры, на которыя въ свое время было обращено вниманіе читателей нашего журнала; теперь мы можемъ дополнить ихъ цифрами, между прочимъ, заимствуемыми и изъ „Берега“. Изъ числа тысячи съ небольшимъ лицъ, привлеченныхъ, въ семидесятыхъ годахъ, къ отвѣтственности по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ, около 80% получили бо́льшее или меньшее образованіе; между остальными грамотныхъ около 19, неграмотныхъ—около 1%. Изъ числа лицъ, получившихъ образованіе, $32^1/_2$% приходится на долю высшихъ, $20^1/_2$—на долю среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній, 6%—на долю женскихъ учебныхъ заведеній, $3^1/_2$% — на долю домашняго воспитанія; о степени и мѣстѣ образованія остальныхъ $18^1/_2$ % точныхъ свѣдѣній не собрано. Мѣра участія разныхъ учебныхъ заведеній въ персоналѣ политическихъ процессовъ весьма различна. Изъ числа высшихъ учебныхъ заведеній на долю медико-хирургической академіи приходится 32%, технологическаго института—14, петровской земледѣльческой академіи—$13^1/_2$, с.-петербургскаго университета—$11^1/_2$, университетовъ кіевскаго, харьковскаго и московскаго—приблизительно по 6; самыя мелкія цифры, около $^1/_2$%, выпадаютъ на долю казанскаго университета и института путей сообщенія. Гимназіи и семинаріи, вмѣстѣ взятыя, даютъ 74% общаго числа, причитающагося на долю среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ эта цифра распредѣляется между

Digitized by Google

гимназіями и семинаріями почти поровну (38 и 36). Женщины, привлеченныя къ отвѣтственности, по мѣсту образованія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: гимназистокъ 39%, слушательницъ акушерскихъ курсовъ 25%, слушательницъ женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи [1]) и воспитанницъ институтовъ—17%, воспитанницъ другихъ учебныхъ заведеній—19%. При распредѣленіи по возрасту, всего больше оказывается лицъ, имѣющихъ отъ 21 года до 25 лѣтъ (35%), потомъ несовершеннолѣтнихъ (26%); лицъ, перешедшихъ за тридцатилѣтній возрастъ, меньше, чѣмъ лицъ, имѣющихъ отъ 25 до 30 лѣтъ (10 и 18%). Изъ сословій на первомъ мѣстѣ стоитъ дворянство (26%); потомъ идетъ духовное сословіе (19%), крестьянство (13%), а наименьшій процентъ (3 и $21\frac{1}{2}$) даютъ купцы и разночинцы. Евреевъ между политическими преступниками насчитывается до $6\frac{1}{2}$, иностранцевъ—до $1\frac{1}{2}$, кавказскихъ уроженцевъ—также до $1\frac{1}{2}$ %. Всѣ эти цифры могли бы дать поводъ къ болѣе или менѣе важнымъ выводамъ; мы остановимся пока только на тѣхъ, которыя относятся къ образованію.

Основываясь на значительномъ контингентѣ, доставляемомъ пропагандѣ привилегированными и интеллигентными классами общества, и на зависимости интеллигенціи отъ воспитанія и обученія, „Берегъ“ видитъ главный источникъ зла именно въ положеніи у насъ воспитанія и обученія, но не мотивируетъ подробно своей мысли, не указываетъ (за исключеніемъ кое-какихъ замѣчаній о реальныхъ училищахъ) ни недостатковъ воспитательно-учебной системы, ни средствъ къ ихъ устраненію. „Московскія Вѣдомости“ высказываются по этому предмету болѣе опредѣленно, чѣмъ „Берегъ“. Вербовка агитаторовъ въ рядахъ учащейся молодежи приписывается ими прежде всего университетскому уставу 1863 г. и другимъ постановленіямъ *того же духа*. „Этимъ уставомъ и этими постановленіями относительно высшихъ учебныхъ заведеній было сдѣлано въ маломъ видѣ то, что нынѣ разными намеками такъ настойчиво предлагается сдѣлать въ большихъ размѣрахъ: имъ дана была конституція, которая свято соблюдалась властями. Государственная власть совсѣмъ ушла изъ аудиторіи, съ экзаменовъ, изъ совѣтовъ и правленій этихъ учрежденій, и стала у дверей, какъ сила чуждая, которой надо было давать отворъ“. Студентамъ и слушателямъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, дано было слишкомъ много свободы; не въ стѣсненіи корпоративной жизни, а въ излишней ея распущенности слѣдуетъ

[1]) Начальникъ этихъ курсовъ сообщилъ „Берегу“, что изъ числа слушательницъ ихъ къ отвѣтственности по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ привлечены были только двѣ, если не считать двухъ другихъ, недолго пробывшихъ на курсахъ и выбывшихъ оттуда раньше привлеченія ихъ къ отвѣту.

Digitized by Google

искать, по мнѣнію московской газеты, разгадку быстраго успѣха Нечаевской пропаганды. Въ подтвержденіе этого дѣлается ссылка на свидѣтельскія (по Нечаевскому дѣлу) показанія о многочисленныхъ сборищахъ, происходившихъ въ 1869 г., въ медико-хирургической академіи, въ университетахъ с.-петербургскомъ и московскомъ; приводится также разсказъ свидѣтеля Лунина о кассѣ, тайно существовавшей въ петровской земледѣльческой академіи, съ раздѣленіемъ членовъ ея на кружки, т.-е. съ установленіемъ готовыхъ рамокъ для тайной политической организаціи. Всего сильнѣе „Московскія Вѣдомости“ настаиваютъ на томъ, что учащаяся молодежь, поступавшая въ тайное общество, вовсе не бѣдствовала въ матеріальномъ отношеніи, что картины бѣдности ея были способомъ приманки, орудіемъ фальши, знаменемъ, аргументомъ (агитаціи), но вовсе не снимкомъ съ дѣйствительности. Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ посылокъ не высказанъ прямо, но подразумѣвается самъ собою: слѣдуетъ измѣнить университетскій уставъ, ввести государственную власть, т.-е. учебную администрацію, въ совѣты и правленія, въ аудиторіи и на экзамены, не допускать даже тѣни корпоративной связи между студентами, подчинить ихъ строжайшему надзору и не особенно заботиться о матеріальномъ ихъ положеніи, такъ какъ оно, вообще говоря, вовсе не бѣдственное.

Итакъ, первый и главный виновникъ агитаціи въ средѣ учащейся молодежи—это конституція, извѣстная въ общежитіи подъ обманчивымъ названіемъ университетскаго устава 1863 г. Не разъясненнымъ остается только одно—почему агитація началась въ то время, когда объ этомъ уставѣ не было еще и помина? Откуда произошли студенческія волненія *1861* г., гораздо болѣе сильныя, чѣмъ всѣ послѣдующія? Какимъ образомъ могло случиться, что уставъ, изданный такъ скоро послѣ подавленія этихъ волненій, узаконилъ все то, къ чему они стремились? Ничего подобнаго, само собою разумѣется, и не случилось. Объ устраненіи государственной власти отъ управленія университетами не можетъ быть и рѣчи не только потому, что остались попечители учебныхъ округовъ, остались инспекторы и субъ-инспекторы студентовъ, но и потому, что корпорація профессоровъ представляетъ собою отрасль той же единой государственной власти, а не силу, ей чуждую или противоположную. Студенческія сходки, кассы, читальни продолжали быть запрещенными и послѣ изданія устава 1863 г. Университетскія и академическія „исторіи“ 1869 г. можно объяснять чѣмъ угодно—только не избыткомъ академической свободы. Сходки, весною этого года, дѣйствительно происходили—но онѣ скоро были прекращены, съ принятіемъ строгихъ репрессивныхъ и карательныхъ мѣръ, о результатѣ которыхъ „Московскія

Digitized by Google

Вѣдомости" могли бы, если бы захотѣли, почерпнуть не мало поучительныхъ свѣдѣній изъ актовъ Нечаевскаго процесса. Въ той самой петровской академіи, которую московская газета выставляетъ образцомъ распущенности, касса могла существовать лишь въ видѣ тайнаго общества. Мы готовы допустить, что она дала готовые кадры для Нечаевской организаціи—но для того, чтобы уяснить себѣ значеніе этого обстоятельства, слѣдуетъ спросить себя: послужила ли бы касса такимъ же орудіемъ для пропаганды, если бы дѣйствовала открыто, съ разрѣшенія начальства? Читая „Московскія Вѣдомости", можно предположить, что образованіе тайнаго общества совпадаетъ съ эпохой сборищъ и сходокъ (т.-е. съ весной 1869 г.), что послѣднія служили главнымъ театромъ революціонной пропаганды; факты показываютъ намъ совсѣмъ другое, удостовѣряя, что тайное общество было основано Нечаевымъ—въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ—послѣ возвращенія его изъ-за границы, въ сентябрѣ или октябрѣ 1869 г. Пойдемъ дальше; никто не станетъ утверждать, что отличительною чертой семидесятыхъ годовъ было отсутствіе надзора за высшими учебными заведеніями. Отдѣльные случаи волненій встрѣчаются и въ это время, напр. осенью 1878 г.; но прекращеніе ихъ никогда не заставляетъ долго ждать себя, и въ мѣрахъ, направленныхъ къ этой цѣли, едва ли кто-нибудь усмотритъ недостатокъ рѣшительности и строгости. Между тѣмъ, высшія учебныя заведенія продолжали, какъ мы уже видѣли, поставлять сравнительно наибольшее число лицъ въ ряды политическихъ преступниковъ. Процентное отношеніе, выпадающее здѣсь на ихъ долю, за послѣднее время, не такъ велико, какъ напримѣръ, въ Нечаевскомъ процессѣ; но это объясняется просто распространеніемъ агитаціи, проникшей въ такія сферы, которыхъ она лѣтъ десять тому назадъ вовсе еще не касалась. Чѣмъ же объяснить, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", не прекращавшійся до сихъ поръ приливъ молодыхъ интеллигентныхъ силъ къ той же гибельной для нихъ дорогѣ? Неужели только тѣмъ, что еще не отмѣненъ университетскій уставъ 1863 г., или что не успѣло еще обнаружиться благодѣтельное вліяніе реформы среднихъ учебныхъ заведеній? Не ясно ли, что разсуждать такимъ образомъ, значитъ скользить по поверхности предмета, не затрогивая самыхъ важныхъ сторонъ его, или лучше сказать, вовсе не находить и не хотѣть видѣть настоящаго пути изслѣдованія? Отрицая значеніе бѣдности въ занимающемъ насъ вопросѣ, московская газета идетъ наперекоръ несомнѣннымъ фактамъ, которыхъ не слѣдуетъ преувеличивать, но не слѣдуетъ и игнорировать. Конечно, бѣдственное матеріальное положеніе большинства учащейся молодежи не было *главной* причиной, увлекавшей многихъ изъ ея рядовъ въ сферу политической агитаціи; но мы вполнѣ

Digitized by Google

убѣждены, что оне способствовало увлеченію, ослабляло противодѣйствующія ему условія, облегчало успѣхъ пропаганды. Вліяніе бѣдности чувствовалось не только тѣми молодыми людьми, которые непосредственно отъ нея страдали, но и болѣе счастливыми ихъ товарищами —послѣдними, можетъ быть, въ еще большей степени, чѣмъ первыми. Если бы даже, по тщательномъ изслѣдованіи, и оказалось, что изъ числа политическихъ преступниковъ лишь весьма немногіе лично испытали на себѣ все бремя постоянныхъ лишеній, то отсюда еще никакъ нельзя было бы заключить объ отсутствіи всякой связи между матеріальнымъ положеніемъ большинства молодежи и участіемъ ея въ политической пропагандѣ. Безпристрастное изученіе фактовъ показываетъ, впрочемъ, что крайняя бѣдность вовсе не исключительное явленіе въ средѣ, изъ которой преимущественно пополнялись ряды революціонеровъ: такъ напримѣръ, кружокъ самарцевъ (въ процессѣ ста девяноста восьми) питался въ Петербургѣ конниной; три рубля для ушедшей „въ народъ“ партіи пропагандистовъ представлялись большими деньгами. Всякій, кому знакома исторія нашихъ политическихъ процессовъ, согласится съ высказаннымъ недавно мнѣніемъ,—съ мнѣніемъ, что крайняя нужда нерѣдко заставляла молодыхъ людей, вполнѣ подготовленныхъ къ полученію высшихъ научныхъ познаній, приниматься за занятія вовсе имъ не свойственныя, а иногда наталкивала ихъ и на преступленія.

Кромѣ учебно-воспитательныхъ порядковъ, сложившихся до „новой эры“ въ исторіи министерства народнаго просвѣщенія, т.-е. до 1866 г.,—въ измышленіяхъ нашихъ противниковъ постоянно фигурируетъ еще одинъ источникъ всяческихъ золъ, еще одна опора крамолы: наша литература, въ особенности періодическая (за исключеніемъ изъ нея, конечно, тѣхъ изданій, которыя разъ навсегда присвоили силѣ монополію благонамѣренности). Зловредность періодической печати и солидарность ея съ врагами общества и государства — старая тэма, до пресыщенія разработанная „Московскими Вѣдомостями“; мы не стали бы возвращаться къ ней, если бы она не обогатилась въ послѣднее время новыми варьяціями, едва ли не превосходящими всѣ прежнія (превосходство, въ подобныхъ случаяхъ, заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ избыткѣ смѣлости, не знающей преградъ и стѣсненій). Новая сокрушительница независимой—или, выражаясь ея словами, *подпольной* печати—газета „Берегъ“. Пріемъ, употребляемый для сокрушенія, слѣдующій: берутся выписки изъ *подпольныхъ* изданій, подмѣчается въ чемъ-нибудь сходство между ними и взглядами *надпольной* прессы, и отъ этого сходства прямо заключается къ тождеству стремленій „подпольныхъ благодѣтелей“ и „над-

Digitized by Google

польныхъ радѣтелей". „При малой разности въ воззрѣніяхъ извѣстной части легальной прессы и подпольнаго органа боевыхъ дѣятелей,— говоритъ „Берегъ" (№ 15)—мы отдаемъ *предпочтеніе* „Народной Волѣ" по ясности выражаемыхъ ею стремленій и, пожалуй, бо́льшей ихъ толковости". Выдерживая послѣдовательность до конца, „Берегъ" предлагаетъ очень простой критерій для отдѣленія волковъ отъ овецъ, для отграниченія правой стороны отъ лѣвой. Если сойтись въ чемъ бы то ни было съ „Народной Волей" или „Набатомъ"— хотя бы въ томъ, что лѣтомъ тепло, а зимой холодно—значитъ сдѣлаться „легальнымъ ихъ сторонникомъ или послѣдователемъ" (*легальнымъ*, очевидно, лишь до норы до времени, пока не откроются глаза правительства), то праведникомъ можетъ считаться только тотъ, кто *всегда* говоритъ и дѣлаетъ прямо противоположное ихъ мнѣнію, *всегда* называетъ чернымъ называемое ими бѣлымъ, и наоборотъ. „Набатъ" возстаетъ противъ „мужицкой аристократіи"—необходимо, слѣдовательно, стремиться къ искусственному ея созданію; въ „Хитрой механикѣ" не любятъ слова *кулакъ*—необходимо не робѣть передъ этимъ словомъ и не отступать передъ заключающимся въ немъ понятіемъ; еще гдѣ-то вздыхаютъ по распадающейся общинѣ—нужно ускорить и довершить ея распаденіе. Если въ революціонныхъ изданіяхъ высказывалось когда-либо (что́ весьма возможно) сожалѣніе о невѣжествѣ народа, какъ о чемъ-то дѣлающемъ его менѣе пригоднымъ орудіемъ въ рукахъ революціи, то, въ силу того же критерія, придется высказаться за закрытіе народныхъ школъ и направить всѣ усилія къ предупрежденію умственнаго развитія народа. Къ какимъ опаснымъ абсурдамъ ведетъ этотъ путь—понять не трудно; къ какимъ недоразумѣніямъ можетъ дать поводъ предлагаемый „Берегомъ" критерій—это покажетъ намъ слѣдующій примѣръ. „Въ средѣ сельскаго населенія", читаемъ мы въ одномъ недавно вышедшемъ сочиненіи, „господствуетъ ростовщичество въ самыхъ грубыхъ, иногда чудовищныхъ формахъ; мѣстный еврей-ростовщикъ или *сельскій кулакъ* держитъ здѣсь во власти цѣлое населеніе въ средѣ безграмотной или малограмотной, посреди *крайней нужды* и полной экономической неразвитости понятій. Орудіемъ власти его служитъ мелкая ссуда за страшные проценты, ихъ величина иногда не сознается самими заемщиками... Такое состояніе не содержитъ въ себѣ элементовъ свободы, оно есть, напротивъ того, *экономическое рабство*". Кому принадлежитъ приведенная нами цитата? По теоріи „Берега", ее слѣдуетъ приписать мнимо-легальной прессѣ, солидарной съ подпольными изданіями; тутъ есть и сельскій кулакъ, и крайняя нужда, и экономическое рабство сельскаго населенія, есть все то, что́ звучитъ „Набатомъ" въ ушахъ редакціи „Берега". Встрѣтивъ подобную фразу на страницахъ

Digitized by Google

несомнѣнно умѣренной, но независимой газеты, мы не рѣшились бы цитировать ее, изъ опасенія навлечь на газету обвинительные громы „Берега“; мы ссылаемся на нее съ спокойнымъ сердцемъ только потому, что заимствуемъ ее изъ книги, вполнѣ обезпеченной отъ этихъ громовъ, изъ „Курса гражданскаго права“ г. Побѣдоносцева [1]) (стр. 82). Нужно ли, послѣ того, продолжать опроверженіе тезиса, выставленнаго „Берегомъ“? Нужно ли доказывать, что если *надломная* пресса полемизируетъ противъ нѣкоторыхъ общественныхъ явленій, осуждаемыхъ и подпольными изданіями, то въ этомъ частномъ совпаденіи взглядовъ нѣтъ ничего похожаго на тождество цѣлей и стремленій? По теоріи „Берега“, подпольныя изданія непогрѣшимы въ томъ смыслѣ, что все желаемое ими дѣйствительно ведетъ къ революціи, все порицаемое ими—дѣйствительно ей препятствуетъ; такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Утверждая, что распаденіе общины, образованіе класса кулаковъ затруднитъ или сдѣлаетъ невозможнымъ успѣхъ насильственнаго переворота, выражалъ ли „Набатъ“ свое настоящее убѣжденіе, или только пускалъ въ обращеніе софизмъ, годный для его практической цѣли—для борьбы съ другимъ оттѣнкомъ эмиграціи, отвергавшимъ необходимость и цѣлесообразность немедленнаго приступа къ революціи? Послѣднее изъ этихъ двухъ предположеній по меньшей мѣрѣ столь же вѣроятно, какъ и первое; но если и принять слова „Набата“ за чистую монету, то остается еще доказать правильность высказаннаго въ нихъ мнѣнія. Въ западной Европѣ общинное землевладѣніе давно исчезло, третье сословіе давно сложилось, въ кулакахъ всякаго рода не было и нѣтъ недостатка; это не предупредило, однако, революціи 1789 г. и всѣхъ послѣдующихъ, не предупреждаетъ въ настоящее время распространенія и усиленія соціаль-демократической пропаганды. Суждено ли Россіи пройти черезъ всѣ ступени общественнаго развитія, наблюдаемыя вами въ исторіи западной Европы, суждено ли ей видѣть распаденіе общины, крѣпкую организацію буржуазіи, поглощеніе кустарныхъ промысловъ крупнымъ фабричнымъ производствомъ, образованіе сельскаго и городскаго пролетаріата—это вопросъ будущаго; *искусственно* вызывать явленія, реакція противъ которыхъ неизбѣжна, искусственно создавать причины, обусловливающія современное критическое положеніе западной Европы—задача во всякомъ случаѣ несовмѣстная съ интересами русскаго народа. Мы далеки отъ мысли, чтобы ему было предопредѣлено какое-то особое, во всемъ своеобразное историческое поприще, соотвѣтствующее какимъ-то особымъ, прирожденнымъ качествамъ его національнаго духа; но столь же ошибочна, въ нашихъ глазахъ, и точка зрѣнія, обрекающая его на бук-

[1]) См. выше, Литературное Обозрѣніе, стр. 802.

Digitized by Google

вальное повтореніе всего пережитаго западною Европой. Опытъ другихъ народовъ можетъ пройти для насъ не даромъ; сохранивъ до сихъ поръ нѣкоторыя черты общественнаго строя, утраченныя западной Европой въ другой, сравнительно ранній, періодъ ея исторіи, мы можемъ удержать ихъ и на будущее время, измѣняя и дополняя ихъ согласно съ новыми условіями и новыми требованіями жизни. Господство кулаковъ—это не фатумъ, неотразимо тяготѣющій надъ Россіей, не громоотводъ противъ революціонныхъ тенденцій; это—результатъ извѣстной комбинаціи экономическихъ данныхъ, которую можно—а слѣдовательно и должно—предотвратить или по крайней мѣрѣ ослабить. Если въ борьбѣ съ кулачествомъ неизбѣжна встрѣча съ нежеланнымъ, неудобнымъ союзникомъ, то это еще не значитъ, что нужно отказаться отъ борьбы или перейти, съ оружіемъ и багажомъ, въ непріятельскій лагерь. Вредъ, приносимый подпольной прессой, увеличился бы во сто кратъ, если бы ей предоставлено было косвенное вліяніе на движеніе общественной мысли и общественной жизни, если бы каждый вопросъ, затронутый ею, становился запретнымъ для обсужденія или предрѣшался въ смыслѣ прямо противоположномъ. Пускай органы подпольной пропаганды провозглашаютъ готовность, какъ извѣщаетъ о томъ „Берегъ“, помогать „не вошедшимъ съ нею въ союзъ оппозиціоннымъ элементамъ“ — это не должно имѣть никакого вліянія на образъ дѣйствій независимой печати. Случайное и большею частью только кажущееся соприкосновеніе ея съ тенденціями, которыхъ она не раздѣляетъ и не одобряетъ, не должно ни измѣнить ея убѣжденій, ни помѣшать открытому выраженію ихъ, насколько оно вообще для нея возможно. Вѣдь не закроютъ же редакціи газетъ „Берегъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ своихъ изданій, если онѣ получатъ еще какую-нибудь „программу исполнительнаго комитета“ съ объясненіемъ, что ихъ публицистическая дѣятельность, въ извѣстномъ смыслѣ, съ руки революціонной партіи.

II.

Идя рука объ руку въ составленіи обвинительныхъ актовъ противъ независимой печати, реакціонныя газеты—петербургская и московская—расходятся, до извѣстной степени, по вопросу о нашихъ такъ-называемыхъ политическихъ партіяхъ. „Берегъ“ совершенно отрицаетъ ихъ существованіе; „Московскія Вѣдомости“ находятъ крайне фальшивыми толки о партіяхъ консервативной и либеральной, но признаютъ наличность двухъ другихъ: національной и антина-

Digitized by Google

ціональной (или отрицательной), включая въ составъ послѣдней самые разнообразные оттѣнки—консервативный, либеральный, радикальный,—объединенные общимъ чувствомъ непріязни къ русскому государству и русскому народу. Слово: *партія*—весьма эластично; оно можетъ означать организованную группу, имѣющую своихъ признанныхъ вождей, свою точно установленную программу, свои опредѣленныя рамки, свою внутреннюю дисциплину, но можетъ означать и неорганизованную совокупность лицъ, одушевленныхъ однородными стремленіями, одинаково относящихся къ спорнымъ вопросамъ эпохи, къ задачамъ дня и минуты, согласныхъ, въ принципѣ, на счетъ того, что́ желательно въ ближайшемъ будущемъ. Партіи, въ первомъ смыслѣ этого слова, могутъ существовать лишь при политической свободѣ, при представительномъ управленіи, и, само собою разумѣется, не существуютъ, въ настоящее время, въ Россіи; но партіи въ послѣднемъ смыслѣ слова предполагаютъ только нѣкоторый интересъ къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, нѣкоторую умственную подготовку образованнаго меньшинства, нѣкоторое разнообразіе мнѣній и симпатій, отсутствующее лишь при полномъ невѣжествѣ и полной нравственной апатіи какого-нибудь вполнѣ деморализированнаго, или еще дикаго народа. Это—совершенное заблужденіе утверждать, что тамъ, гдѣ нѣтъ англійскаго парламента, тамъ нѣтъ и партій, въ широкомъ смыслѣ этого слова. *Такія* партіи несомнѣнно существуютъ и въ Россіи, если не со временъ Радищева и кн. Щербатова, Сперанскаго и Карамзина, Магницкаго и Н. Тургенева, то во всякомъ случаѣ съ сороковыхъ годовъ, т.-е. со времени обособленія западниковъ и славянофиловъ. Гдѣ партіи, тамъ и борьба—и если единственнымъ яснымъ, наглядньмъ выраженіемъ этой борьбы у насъ долго служили газеты и журналы, то это еще не значитъ, чтобы она больше нигдѣ не происходила; не даромъ же покойный Я. А. Соловьевъ, въ своихъ запискахъ („Русская Старина", 1880 г. № 2), говоритъ о партіяхъ консервативной и либеральной, обрисовавшихся во время приготовительныхъ работъ къ отмѣнѣ крѣпостного права. Въ земскихъ собраніяхъ, въ городскихъ думахъ, въ ученыхъ обществахъ—всюду можно подмѣтить слѣды различныхъ, иногда противоположныхъ теченій, идущихъ именно отъ нашихъ безформенныхъ, неопредѣленныхъ, но тѣмъ не менѣе реальныхъ и даже не особенно малочисленныхъ партій. Если бы партіи могли нарождаться только при широкой политической жизни,—въ новѣйшей исторіи должна была бы повториться нѣсколько разъ, хотя бы и не надолго, странная комбинація фактовъ—совпаденіе политической свободы съ отсутствіемъ политическихъ партій. На самомъ дѣлѣ отыскать такую комбинацію едва ли возможно; новая эра въ политикѣ всегда обнару-

Digitized by Google

живала существованіе группъ, уже сложившихся и готовыхъ къ дѣятельности. Въ Пруссіи до 1847, въ Австріи до 1860 года не было *организованныхъ* партій — но онѣ появились, какъ только Фридрихъ-Вильгельмъ IV созвалъ „Соединенный Сеймъ", какъ только императоръ Францъ-Іосифъ подписалъ октябрьскіе дипломы. Очевидно, что онѣ возникли гораздо раньше, что новыя условія только довершили давно начатое дѣло. Соединительнымъ звеномъ для партіи, въ какомъ бы фазисѣ развитія она ни находилась, служатъ основныя идеи, отдѣляющія ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ другихъ партій, ей чуждыхъ или враждебныхъ. Антинаціональная, отрицательная партія, о которой говорятъ „Московскія Вѣдомости", просто немыслима; ничего подобнаго нельзя найти въ исторіи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Временный союзъ разнохарактерныхъ партій возможенъ и неоднократно встрѣчался въ дѣйствительности; но необходимое его условіе —точно опредѣленная и ограниченная, удободостижимая практическая цѣль, входящая въ программу всѣхъ союзныхъ партій, какъ бы далеко затѣмъ ни расходились ихъ дороги. Ненависть къ русскому государству и русскому народу—это не цѣль, а чувство, во имя котораго никогда не образуется ни партія, ни союзъ партій. Притомъ, развѣ это чувство можетъ быть однородно у консерваторовъ, у либераловъ, у радикаловъ? Развѣ всѣ эти отдѣлы или оттѣнки мнимой партіи могутъ имѣть одну исходную точку, могутъ стремиться къ одному конечному результату? Что это за консерваторы, ненавидящіе государство, что это за либералы и радикалы, ненавидящіе народъ? Мы думали сначала, что „Московскія Вѣдомости", вспомнивъ старую пѣсню о польской интригѣ, понимаютъ подъ именемъ антинаціональной партіи союзъ русскихъ революціонеровъ съ польскими консерваторами и либералами; но предположеніе это устраняется словами: „Наша свѣтская чернь, наши ученые и литераторы бо́льшею частію или колеблются между обѣими партіями, или же примыкаютъ къ партіи анти-національной". Наши ученые и литераторы, наши свѣтскіе люди—не поляки и не революціонеры; слѣдовательно, антинаціональная партія не исчерпывается этими двумя категоріями—а не исчерпываясь ими, она окончательно переходитъ въ сферу больной фантазіи, къ сожалѣнію—небезвредной. Такимъ же призракомъ оказывается и національная партія, отличительную черту которой „Московскія Вѣдомости" видятъ въ томъ, что она желаетъ только *полезнаго* для Россіи. Что понятіе о полезномъ допускаетъ самыя различныя толкованія и не можетъ служить ни критеріемъ, ни программой—объ этомъ мы уже имѣли случай говорить въ предъидущемъ обозрѣніи. Какъ ни условны понятія о консерватизмѣ и либерализмѣ, они все-таки болѣе опредѣленны, чѣмъ понятія о вредѣ

Digitized by Google

или вольнѣе, разъясненныя исторіей политическихъ партій въ западной Европѣ, они сохранятъ свое значеніе и у насъ, сколько бы ни было прилагаемо стараній къ изъятію ихъ изъ обращенія. Московскіе афоризмы въ родѣ слѣдующихъ: „Всякій консерваторъ, когда дѣло идетъ о своемъ карманѣ или о своихъ правахъ, всякій либералъ на чужой или на казенный счетъ"—убѣдительны только для тѣхъ, кто узнаётъ въ нихъ свой собственный практическій кодексъ дѣятельности, свою житейскую мудрость. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, не нужно даже обращаться къ урокамъ западно-европейской исторіи; достаточно вспомнить Самарина и Милютина, ратующихъ у насъ за освобожденіе крестьянъ съ землею, наши земскія собранія, высказывающіяся въ 1870 г. за коренную податную реформу, за отмѣну привилегій такъ-называемыхъ неподатныхъ сословій.

Отъ заподозриваній, обвиненій, огульныхъ приговоровъ, наполняющихъ столбцы реакціонныхъ газетъ—а мы коснулись только наименьшей ихъ части, ничего не сказавъ, напримѣръ, о выходкахъ „Берега" и „Московскихъ Вѣдомостей" по поводу осужденія г. Дьякова (Незлобина) за поддѣлку паспорта, г. Булгакова (предсѣдателя кременчугской уѣздной управы) за оклеветаніе нѣсколькихъ молодыхъ людей, находившихся въ Кременчугѣ подъ надзоромъ полиціи,—отрадно перейти къ явленію противоположнаго свойства. Начало минувшаго мѣсяца ознаменовалось существенно важнымъ шагомъ на пути къ забвенію прошлаго, къ „возобновленію правильнаго теченія государственной жизни", обѣщанному въ первомъ публичномъ заявленіи Главнаго Начальника верховной распорядительной коммиссіи. Лицамъ, высланнымъ изъ постояннаго мѣста жительства и состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, предоставлена возможность выдти изъ этого тягостнаго положенія; молодымъ людямъ, исключеннымъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ и нарушеніе дисциплинарныхъ правилъ, открытъ доступъ къ окончанію образованія, къ пріобрѣтенію того, что казалось утраченнымъ для нихъ безвозвратно. Судя по тому, что верховною распорядительною коммиссіею возбужденъ общій вопросъ о положеніи лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ и состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, можно ожидать, что коренному пересмотру подвергнется вся система административной расправы, что личная свобода, внѣ случаевъ привлеченія къ отвѣтственности передъ судомъ, будетъ ограждена достаточными гарантіями. Безъ такихъ гарантій, административная высылка останется сизифовымъ камнемъ нашей администраціи; за каждымъ поднятіемъ его въ гору—т.-е. за каждымъ частнымъ уменьшеніемъ числа лицъ, высланныхъ изъ постояннаго мѣста жительства, будетъ слѣдовать новое его паденіе — т.-е. примѣненіе

Digitized by Google

той же мѣры къ другимъ лицамъ. Между тѣмъ, право административной высылки, предоставленное указомъ 5-го апрѣля 1879 г. временнымъ генералъ-губернаторамъ, еще недавно распространено, въ тѣхъ же предѣлахъ, на постояннаго генералъ-губернатора восточной Сибири.

III.

Реформы нашего времени коснулись всѣхъ сословій; но всего меньше измѣнено ими положеніе русскаго православнаго духовенства. Несмотря на уничтоженіе, въ принципѣ, наслѣдственности духовнаго званія, духовенство продолжаетъ стоять особнякомъ отъ другихъ классовъ общества; надъ громаднымъ большинствомъ его продолжаетъ тяготѣть бѣдность, изъ которой не предвидится пока никакого выхода. „Вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ и замѣтнымъ развитіемъ разныхъ сторонъ церковной жизни въ отечествѣ“ — сказано въ заключеніи отчета оберъ-прокурора св. Синода за 1878-ой годъ — „все болѣе и болѣе выясняются и заявляютъ о себѣ ея нужды, требующія попечительнаго вниманія и удовлетворенія. Такова, *прежде всего*, нужда въ матеріальномъ обезпеченіи православнаго русскаго духовенства, — тѣмъ больше *неотложная*, что устраненіе ея составляло бы завершеніе всѣхъ предпринятыхъ въ послѣднее время улучшеній въ области церковнаго управленія. Къ сожалѣнію, эта весьма важная и давняя потребность русскаго духовенства и самой церкви доселѣ не можетъ получить полнаго и общаго всему духовенству удовлетворенія, по значительности соединенныхъ съ симъ денежныхъ расходовъ“. Дѣло, признанное *неотложнымъ*, остается, такимъ образомъ, все въ томъ же неутѣшительномъ положеніи, о которомъ неоднократно заявлялось въ прежнихъ отчетахъ; никакихъ коренныхъ мѣръ къ измѣненію этого положенія въ ближайшемъ будущемъ не указано. Замѣна вознагражденія, получаемаго духовенствомъ за требы, опредѣленнымъ разъ навсегда или на продолжительный срокъ содержаніемъ отъ прихода, подвигается впередъ крайне медленно и неуспѣшно. Въ 1878 г. соглашеніе между прихожанами и духовенствомъ состоялось вновь только въ 16 приходахъ черниговской, въ 10—кавказской и въ 2—симбирской епархіи. Между тѣмъ, со стороны симбирскаго епархіальнаго начальства приложены были особыя старанія къ распространенію подобныхъ соглашеній въ буинскомъ уѣздѣ, гдѣ, при численномъ преобладаніи инородческаго элемента въ сельскомъ населеніи, „издавна заведенный способъ полученія духовенствомъ содержанія оказывается

Digitized by Google

положительно вреднымъ для установленія и сохраненія нравственныхъ отношеній между священнослужителями и ихъ прихожанами—инородцами". Къ участію въ предпринятомъ дѣлѣ привлечены были буинское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, буинскій уѣздный предводитель дворянства—и все-таки результаты пока мало соотвѣтствуютъ ожиданіямъ. Тамъ, гдѣ новый порядокъ былъ вводимъ при помощи начальства — напримѣръ, какъ въ таврической губерніи, вслѣдствіе „усиленныхъ стремленій" губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—онъ оказывается непрочнымъ; прихожане начинаютъ уклоняться отъ исполненія обязательствъ, установленныхъ общественными приговорами. Подобныя нарушенія приговоровъ встрѣчаются и въ кавказской епархіи, причемъ, по удостовѣренію епархіальнаго начальства, въ оправданіе ихъ приводятся иногда вѣскія и уважительныя причины, устраняющія возможность понудительныхъ мѣръ къ исполненію приговоровъ. По словамъ отчета, всѣ затрудненія въ примѣненіи новой системы проистекаютъ не изъ ея сущности, а отъ недостатка условій, ее гарантирующихъ; успѣхъ ея требуетъ участія земскихъ учрежденій. Примѣры такого участія приведены въ отчетахъ за 1877 и 1878 г. Харьковское губернское земское собраніе избрало комиссію для разработки вопроса о мѣрахъ къ обезпеченію духовенства; конотопское земство (черниговской губерніи) разрѣшило его еще въ 1877 г., назначивъ на вознагражденіе духовенства за исполненіе обязательныхъ требъ опредѣленные оклады изъ земскихъ суммъ, въ размѣрѣ отъ 640 до 900 рублей на причтъ, смотря по населенности прихода.

Сочувствуя, въ принципѣ, замѣнѣ вознагражденія за требы опредѣленнымъ содержаніемъ отъ прихода, мы думаемъ однако, что вполнѣ полезной и справедливой эта мѣра можетъ быть лишь подъ условіемъ полной свободы въ принятіи или непринятіи ея, подъ условіемъ *добровольнаго* соглашенія между прихожанами и духовенствомъ, безъ всякаго вмѣшательства земскихъ или тѣмъ болѣе правительственныхъ учрежденій. Вознагражденіе за требы, въ особенности за требы *обязательныя* (крещеніе, исповѣдь, причащеніе, вѣнчаніе, погребеніе), зависитъ теперь отъ усмотрѣнія лица, надъ которымъ или по просьбѣ котораго онѣ совершаются. Священникъ не только не имѣетъ права потребовать за совершеніе требы опредѣленную сумму, но не можетъ даже отказать въ совершеніи ея лицу, несостоятельному въ какой бы то ни было за нее уплатѣ. Измѣненіе способа вознагражденія не должно измѣнять его принципа; размѣръ ежегоднаго платежа отъ лица прихода — платежа, слагающагося какъ-бы изъ всѣхъ отдѣльныхъ уплатъ отъ лица прихожанъ — не долженъ быть опредѣляемъ

Digitized by Google

помимо самихъ плательщиковъ или путемъ болѣе или менѣе сильнаго давленія на ихъ волю. Назначеніе причтамъ вознагражденія за требы изъ *земскихъ суммъ* представляется въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ именно разрѣшеніемъ вопроса помимо одной изъ заинтересованныхъ въ немъ сторонъ: помимо плательщиковъ-прихожанъ (интересы другой стороны—духовенства—достаточно ограждены правомъ отвергнуть новый способъ вознагражденія, въ случаѣ признанія его невыгоднымъ). Установленіе новаго расхода, покрываемаго изъ земскихъ суммъ, неминуемо влечетъ за собою возвышеніе земскаго сбора, а способъ раскладки и взиманія его остается прежній; приходъ, какъ самостоятельная единица, устраняется, такимъ образомъ, отъ всякаго участія въ дѣлѣ, непосредственно его касающемся. Весьма легко можетъ случиться, что часть добавочнаго сбора, упадающая на одинъ приходъ, пойдетъ въ пользу другого, что инымъ сельскимъ обществамъ придется платить не только за свои требы, но и за чужія. Въ бѣдномъ приходѣ прихожане теперь платятъ за требы меньше, чѣмъ въ богатомъ; при покрытіи вознагражденія за требы изъ земскихъ суммъ, бѣдному приходу—въ случаѣ равенства внѣшнихъ условій, по которымъ опредѣляется земскій сборъ—придется платить наравнѣ съ богатымъ. Еще важнѣе, въ нашихъ глазахъ, перемѣна, могущая произойти въ распредѣленіи платежа не между приходами, а между членами одного и того же прихода. При обыкновенномъ способѣ вознагражденія за требы, размѣръ его соотвѣтствуетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, средствамъ каждаго прихожанина. Эту соразмѣрность желательно сохранить, по возможности, и при новой системѣ; между тѣмъ, при включеніи платежа за требы въ число земскихъ расходовъ, она должна исчезнуть совершенно. Богатѣйшій и бѣднѣйшій крестьянинъ одного и того же прихода или даже одного и того же уѣзда будутъ вносить на вознагражденіе за требы одну и ту же сумму, если только они владѣютъ одинаковымъ числомъ десятинъ земли (что, какъ извѣстно, встрѣчается сплошь да рядомъ). Тяжесть налоговъ, безъ того уже столь чувствительная для массы крестьянскаго населенія, увеличится еще новымъ сборомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ прочихъ. Отъ такого порядка едва ли можно ожидать желаемаго улучшенія отношеній между крестьянами и духовенствомъ. Не слѣдуетъ, далѣе, упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ населеніи уѣзда можетъ быть много иновѣрцевъ, раскольниковъ, ничего не платящихъ православному духовенству въ видѣ вознагражденія за требы; справедливо ли было бы облагать ихъ сборомъ, установляемымъ спеціально въ замѣнъ этого вознагражденія? А земскій сборъ, на что бы онъ ни предназначался, уплачивается всѣми жителями уѣзда, безъ различія вѣроисповѣданій.

Digitized by Google

Избѣжать всѣхъ указанныхъ нами неудобствъ и правонарушеній можно только тогда, когда замѣна вознагражденія за требы заранѣе опредѣленною суммой предпринимается по собственной, свободной иниціативѣ прихода, — или, лучше сказать, каждаго изъ сельскихъ обществъ, входящихъ въ составъ прихода, такъ какъ послѣдній не имѣетъ ни законнаго представительства, ни правильно-организованныхъ собраній. Только тогда можно опредѣлить съ полною точностью и справедливостью размѣръ платежа, принявъ въ основаніе дѣйствительную или среднюю цифру прежде платившагося вознагражденія за требы (обязательныя, или безразлично всѣ, смотря по тому, предположено ли будетъ оставить въ силѣ добровольное вознагражденіе за необязательныя требы — молебны, панихиды и т. п.); только тогда можно достигнуть правильнаго распредѣленія платежа, освободивъ отъ него всѣхъ не-православныхъ (право которыхъ, въ случаѣ надобности, можно было бы оградить и особымъ закономъ) и обложивъ каждое семейство сообразно его многочисленности и его средствамъ; только тогда можно быть увѣреннымъ, что уплата однажды назначенной суммы не встрѣтитъ никакихъ затрудненій и не послужитъ яблокомъ раздора между прихожанами и духовенствомъ. Даже волостной сходъ не могъ бы, по нашему убѣжденію, замѣнить въ этомъ отношеніи сельскіе сходы, потому что положеніе сельскихъ обществъ въ предѣлахъ одной и той же волости далеко не всегда одно и то же, да и вообще волостной сходъ гораздо меньше представляетъ собою дѣйствительную волю населенія. Для предварительныхъ переговоровъ съ причтомъ сельскія общества могли бы, какъ это предлагаетъ симбирское епархіальное начальство, выбирать особыхъ уполномоченныхъ; но окончательное соглашеніе должно быть предоставлено сельскому сходу, тѣмъ болѣе, что онъ одинъ только можетъ постановлять приговоры отъ имени общества. Присутствіе на сходѣ, при обсужденіи соглашенія съ причтомъ, волостного старшины или вообще какой-нибудь власти не только не желательно, но положительно вредно. Однажды постановленный приговоръ, безъ сомнѣнія, долженъ имѣть для сторонъ обязательную силу, въ предѣлахъ назначеннаго въ немъ срока; но именно потому онъ и долженъ быть постановляемъ при условіяхъ, возможно болѣе гарантирующихъ его обдуманность и непринужденность.

Тамъ, гдѣ новая система будетъ введена по добровольному, въ полномъ смыслѣ слова, соглашенію между прихожанами и духовенствомъ, она несомнѣнно подниметъ нравственный авторитетъ послѣдняго; но замѣтной перемѣны въ матеріальномъ его положеніи она не произведетъ. Вопросъ, поставленный въ заключеніи отчета,

Digitized by Google

все-таки останется вопросомъ, разрѣшеніе котораго, очевидно, слѣдуетъ искать не въ формѣ, а въ размѣрѣ вознагражденія. Въ одномъ изъ прошлогднихъ „Внутреннихъ Обозрѣній“ („Вѣстникъ Европы“, 1879 г., № 3) была указана система, при которой матеріальный бытъ духовенства могъ бы быть дѣйствительно обезпеченъ, были отчасти указаны и средства, которыми могло бы пользоваться и распоряжаться духовенство, въ случаѣ предоставленія ему, какъ самоуправляющейся корпораціи, полной самостоятельности въ устройствѣ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Тѣ статьи прихода, которыя въ 1877 г. доходили до 16/$^1_2$ милл., въ 1878 г. дали около 19 милл. рублей. Посмотримъ поближе на нѣкоторыя цифры, входящія въ составъ этого итога (не обнимающаго собою, какъ уже было замѣчено у насъ въ прошломъ году, такой важной статьи дохода, какъ свѣчной сборъ). Церковно-приходскими попечительствами въ послѣднемъ отчетномъ году было сдѣлано пожертвованій на сумму 1.677,813 р. Сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ: на поддержаніе и украшеніе церквей—1.385,281 р., на содержаніе причтовъ—128,452 р., на церковно-приходскія школы и благотворительныя учрежденія въ приходахъ — 164,079 руб. Пожертвовано въ церкви въ 1878 году—10.593,434 р., въ томъ числѣ на устройство церквей и другіе (очевидно, однородные) предметы—3.573,392 р., а на вспоможеніе духовенству—494,312 р. Изъ другихъ приложеній къ отчету видно, что православныхъ церквей и соборовъ въ 1877 г. было 37,785, часовенъ и молитвенныхъ домовъ — 13,254; въ 1878 г. вновь построено церквей—359, часовенъ и молитвенныхъ домовъ—99. Положено по штату было, въ 1877 г., 37,342 священнослужителя (включая и дьяконовъ), а на-лицо состояло (не считая четырехъ епархій, по которымъ свѣдѣній не доставлено) — 42,685. Сопоставленіе этихъ данныхъ показываетъ, что число церквей въ Россіи вполнѣ достаточно, что число священнослужителей подлежитъ сокращенію; уменьшеніе числа приходовъ, предпринятое именно въ видахъ улучшенія быта духовенства, и постройка, въ значительномъ числѣ, новыхъ церквей — явленія, вовсе не гармонирующія между собою [1]). Между тѣмъ, значительная часть пожертвованій идетъ именно на устройство церквей, другая, также немалая ихъ часть—на украшеніе храмовъ, т.-е. на предметъ менѣе неотложной необходимости, чѣмъ обезпеченіе

[1]) Весьма вѣроятно, что многія изъ новыхъ церквей строятся взамѣнъ прежнихъ, пришедшихъ въ ветхость,—но нельзя же объяснить этимъ постройку всѣхъ 359 новыхъ церквей. Несомнѣнно, что здѣсь имѣются и случаи замѣны деревянной церкви каменною (или вообще старой церкви — новою) безъ особой въ томъ надобности, и случаи постройки церквей тамъ, гдѣ ихъ прежде не было.

Digitized by Google

быта духовенства. Суммы, пожертвованныя на содержаніе причтовъ, составляютъ едва 5% общей суммы пожертвованій. Само-собою разумѣется, что направленіе пожертвованій на тотъ или другой предметъ зависитъ отъ усмотрѣнія жертвователей; но указаніе пути, на которомъ они могутъ принести наибольшую пользу — указаніе, сдѣланное и повторенное много разъ авторитетными лицами церковной іерархіи—едва ли осталось бы безъ послѣдствій. Только привычкой, вкоренившейся издавна и ничѣмъ не уравновѣшиваемой, ничѣмъ не оспариваемой, можно объяснить и такой фактъ, что сумма, пожертвованная церковно-приходскими попечительствами на церковно-приходскія школы и благотворительныя учрежденія въ приходахъ, въ восемь слишкомъ разъ меньше пожертвованной ими на поддержаніе и украшеніе храмовъ. Если бы рѣчь шла только о церковно-приходскихъ школахъ, то скудость пожертвованій можно было бы, пожалуй, объяснить положеніемъ этихъ школъ, доживающихъ, повидимому, свой вѣкъ и ежегодно уменьшающихся въ числѣ, параллельно съ развитіемъ другихъ сторонъ училищнаго дѣла [1]); но что̀ сказать о небольшой, сравнительно, цифрѣ пожертвованій на благотворительныя учрежденія въ приходахъ? Къ нашему народу вполнѣ примѣнимо изреченіе: „рука дающаго не оскудѣваетъ“; желательно только, чтобы въ назначеніи даяній произошла нѣкоторая перемѣна, соотвѣтствующая новымъ требованіямъ жизни. Неутѣшителенъ, также, выводъ, который можно сдѣлать изъ свѣдѣній о числѣ больницъ и богаделенъ при церквахъ и монастырякъ. Съ перваго взгляда, цифры, относящіяся къ этому предмету, кажутся довольно внушительными; при монастыряхъ числится 73 больницы, на 911 лицъ, и 41 богадельня, на 744 лица, при церквахъ—20 больницъ, на 359 лицъ, и 607 богаделенъ на 6,551 лицо. При ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что изъ числа монастырскихъ больницъ и богаделенъ 29, на 446 лицъ, изъ числа церковныхъ — 461, на 4,933 лица, содержатся на счетъ частныхъ лицъ и обществъ; про всѣ остальныя заведенія сказано, что они содержатся на *казенномъ* и монастырскомъ (или церковномъ) иждивеніи, причемъ доля участія казны и монастырей—или церквей—не опредѣлена. Если и предположить, что первая ничтожна сравнительно съ послѣдней, то все-таки нельзя не признать, что 85 больницъ и богаделенъ, на 1,209 лицъ, — чрезвычайно малая цифра на 331 монастырь (мужскихъ — 221, женскихъ — 110, не считая заштатныхъ),

[1]) Въ 1876 году церковно-приходскихъ школъ по отчету значилось 6,811, съ 197,181 учащимися; въ 1877 году—6,321, съ 180,771 учащимися; въ 1878 году—5,974, съ 171,937 учащимися. Замѣтимъ, что около половины этого числа школъ и учащихся приходится на западныя и прибалтійскія губерніи.

Digitized by Google

съ 3,638 монахами и 3,087 монахинями. Незначительное число больницъ и бораделенъ, состоящихъ на церковномъ иждивеніи, меньше бросается въ глаза, потому что наши церкви, вообще говоря, гораздо бѣднѣе, чѣмъ наши монастыри.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, отчетъ оберъ-прокурора упоминаетъ о мѣрахъ, принимаемыхъ къ развитію церковной проповѣди. Въ одной изъ епархій всѣмъ священникамъ вмѣнено въ обязанность произносить поученія—собственнаго ли сочиненія, или составленныя и изданныя отечественными проповѣдниками,—непремѣнно при каждомъ богослуженіи во всѣ воскресные и праздничные дни. Долгъ проповѣдничества возложенъ, кромѣ священниковъ, и на псаломщиковъ (т.-е. причетниковъ), получившихъ богословское образованіе. Комитету, завѣдывающему разсмотрѣніемъ произносимыхъ священниками проповѣдей, поручено издать руководство для составленія поученій. Трудно предположить, чтобы всѣ эти мѣры достигли желанной цѣли. Руководство для составленія проповѣдей облегчитъ, быть можетъ, трудъ проповѣдниковъ, но не сдѣлаетъ ихъ слово болѣе понятнымъ и общедоступнымъ, не усилитъ вліянія его на большинство слушателей. Подѣйствовать на массу, молящуюся въ нашихъ сельскихъ храмахъ, можетъ только живая, простая рѣчь, не связанная никакими внѣшними условіями и не претендующая на такъ-называемое ораторское искусство, т.-е. на соблюденіе тѣхъ или другихъ риторическихъ правилъ. Руководство для составленія проповѣдей едва ли научитъ кого-либо этому дѣлу, а повредить ему можетъ, въ особенности при цензурномъ разсмотрѣніи проповѣдей самими авторами руководства. Обязательное, въ назначенные дни, произнесеніе поученій легко можетъ обратиться въ формальность, а возложеніе проповѣдническихъ обязанностей на причетниковъ въ большинствѣ случаевъ мало будетъ соотвѣтствовать той роли, которую они играютъ въ своихъ приходахъ.

Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько интересныхъ числовыхъ данныхъ. Число лицъ, присоединившихся къ православію, уменьшилось въ 1878 г. еще больше, чѣмъ въ 1877-мъ; въ 1876-мъ г. оно составляло 12,340, въ 1877 — 11,299, въ 1878 г. — только 9.885 человѣкъ. Изъ римско-католическаго вѣроисповѣданія обратилось 1,376, изъ протестантскаго—667, изъ раскола—3,150 (въ томъ числѣ на правилахъ единовѣрія—1,578), изъ евреевъ—463, изъ магометанъ—413, изъ язычниковъ—3,803 человѣка. Расторгнуто синодомъ браковъ въ 1878 г.—829, въ томъ числѣ за вступленіемъ въ бракъ при жизни одного изъ супруговъ—23, по близкому родству — 7, за неспособностью къ брачному сожитію—6, вслѣдствіе прелюбодѣянія

Digitized by Google

66, за безвѣстнымъ отсутствіемъ—480, и вслѣдствіе лишенія одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія—247. Замѣчательно, что изъ числа 66 браковъ, расторгнутыхъ вслѣдствіе прелюбодѣянія, цѣлая треть (22) приходится на долю с.-петербургской епархіи; въ 32 епархіяхъ (изъ 56) случаевъ расторженія браковъ по этому поводу вовсе не было. Ошибочно было бы изъ небольшой цифры браковъ, расторгнутыхъ вслѣдствіе прелюбодѣянія, выводить заключеніе о высокомъ уровнѣ нравственности въ нашемъ обществѣ; она объясняется просто матеріальными затрудненіями, съ которыми сопряженъ этотъ видъ развода. Гдѣ лучше умѣютъ обходить или устранять эти затрудненія—напр., въ Петербургѣ,—тамъ и увеличивается число расторгнутыхъ браковъ. Число родившихся православныхъ доходило въ 1877 г. до 3.175,581—на 67,582 меньше, чѣмъ въ 1876 г.; число православныхъ дѣтей, умершихъ въ томъ же году до достиженія пятилѣтняго возраста, составляло 1.328,173—на 7.426 больше, чѣмъ въ 1876 г.! Ужасающее отношеніе, на которое указано было у насъ въ прошломъ году, повторилось еще разъ, даже нѣсколько измѣнялось къ худшему.

Въ дополненіе къ сказанному у насъ въ апрѣльской хроникѣ о городскихъ училищахъ С.-Петербурга присоединяемъ полученное нами весьма утѣшительное сообщеніе изъ вѣрнаго источника, а именно, что по смѣтѣ на 1880 г., сверхъ ассигнованныхъ на содержаніе начальныхъ училищъ 147,445 р., назначено 3320 р. на послѣобѣденные классы въ 4-хъ начальныхъ училищахъ, и 648 р. на два воскресные класса,—а всего: 151,413 р. Кромѣ того, въ 1880 г. будетъ основано вновь 25 училищъ, что составитъ, съ прежде-основанными, всего близъ 80 начальныхъ школъ; во всѣхъ этихъ школахъ могутъ получать первоначальное обученіе до 4,250 дѣтей обоего пола. Предполагается основать такимъ образомъ два новыхъ училища въ Литейной части, такое же число въ Рождественской, на Выборгской и т. д.; болѣе всего требуется школъ въ Спасской, Московской и Коломенской частяхъ. Всѣ училища, существующія въ настоящее время, переполнены, за исключеніемъ училища Галерной Гавани, гдѣ изъ 50 вакансій занято всего 28. Городская дума дѣлаетъ всѣмъ этимъ весьма почтенный шагъ, если принять въ соображеніе тотъ фактъ, что въ нынѣшнемъ учебномъ году *900* желавшихъ поступить въ училища получили отказъ! Въ наступающемъ учебномъ году, благодаря новой мѣрѣ, этотъ печальный фактъ не повторится, или по крайней мѣрѣ не будетъ имѣть такихъ ужасающихъ размѣровъ, и число дѣтей, осужденныхъ быть „живыми о единомъ хлѣбѣ“, значи-

Digitized by Google

тельно уменьшится; но все-же необходимо имѣть въ виду ту норму, которой желательно было бы достигнуть впослѣдствіи, а такою нормою принимается, по исключеніи изъ населенія лицъ, получающихъ домашнее образованіе и безсемейныхъ, по крайней мѣрѣ, отъ 1:15 до 1:20. Въ такомъ случаѣ, норма для Петербурга, считая 800,000 жителей, будетъ отъ 40 до 50 тысячъ учащихся, т.-е. въ 10 разъ болѣе настоящаго.

Крупный шагъ нашего городского управленія по пути къ увеличенію образовательныхъ средствъ главной массы жителей Петербурга—случайнымъ образомъ совпалъ съ личною перемѣною въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Около 10 лѣтъ, какъ мы видѣли въ прошедшемъ обозрѣніи, употребила городская дума при бывшемъ министерствѣ только на то, чтобы покончить съ различными затрудненіями по пріобрѣтенію городскихъ училищъ въ свое вѣдѣніе изъ рукъ министерства,—и вотъ, послѣ того, въ какихъ нибудь два-три года число городскихъ училищъ изъ 16-ти, принятыхъ городомъ отъ министерства, достигаетъ 80, т.-е. *упятерится*, безъ малѣйшаго обремененія для государственнаго бюджета; въ качественномъ же отношеніи училища выиграли еще болѣе, чѣмъ въ количественномъ. Конечно, это единичный фактъ изъ судебъ народнаго просвѣщенія эпохи, только-что отошедшей въ область исторіи, но тѣмъ не менѣе—характеристичный: по немъ можно судить приблизительно о томъ, что Россія получила бы въ послѣднія 14—15 лѣтъ, если бы общественная самодѣятельность за все это время встрѣчала себѣ содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ей часто приходилось преодолѣвать трудности. Народное образованіе составляетъ такую естественную потребность всякаго живого общества, что одно отрицательное отношеніе къ этому дѣлу со стороны министерства, одно воздержаніе отъ затрудненій, можетъ составить почти заслугу, а при малѣйшемъ содѣйствіи, въ самое короткое время легко достигнуть великихъ результатовъ,—но для того необходимо изгнать изъ никольнаго дѣла преслѣдованіе всякихъ личныхъ видовъ, удалить всякую „политику“, и помнить, что нѣтъ такого политическаго положенія вещей, при которомъ насущный хлѣбъ и образованіе могли бы оказаться въ избыткѣ, такъ что даже потребовался бы усиленный и дорого стоющій надзоръ за тѣмъ, чтобы не накопилось слишкомъ много хлѣба, и чтобъ образованіе не распространялось слишкомъ далеко. А въ этомъ именно послѣднемъ смыслѣ,—образованіе у насъ еще недавно составляло предметъ весьма серьёзныхъ заботъ—но тщетныхъ и даже опасныхъ, такъ какъ образованіе при этомъ, по пословицѣ, начинаетъ всегда влѣзать въ окошко, вмѣсто того, чтобы идти настежь открытыми дверями.

Digitized by Google

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 апрѣля, 1880.

Парламентскіе выборы 1880-го года.

Какая-то газета передавала недавно, что князь Бисмаркъ, раздраженный паденіемъ торійскаго кабинета Биконсфильда, подумываетъ объ отозваніи германскаго посла, графа Мюнстера, за то, что онъ не умѣлъ предвидѣть такое событіе. Германскій имперскій канцлеръ, безъ сомнѣнія, человѣкъ очень искусный: онъ не разъ доказалъ это, и только близорукіе могутъ сомнѣваться въ его мастерствѣ. Но, несмотря на все то, онъ и самъ вряд ли бы оказался болѣе прозорливымъ, чѣмъ его злосчастный делегатъ,—несмотря на всѣ выгоды его личнаго положенія и пребыванія на мѣстѣ происшествія.

Приведу въ доказательство одинъ только фактъ, но весьма знаменательный: сами либералы, противники Биконсфильда, долго не вѣрили въ свой успѣхъ. Вся ихъ надежда была въ томъ, что имъ удастся значительно уменьшить консервативное большинство въ палатѣ общинъ, такъ чтобы правительство стало невозможнымъ, и явилась бы необходимость новаго распущенія палаты и новые шансы на побѣду. Вотъ почему партія, стоявшая во главѣ управленія, имѣла всѣ основанія считать себя пока непоколебимой,—и это убѣжденіе роковымъ образомъ должно было сообщиться всякому серьёзному наблюдателю, замѣчавшему притомъ ясно выраженное уныніе въ противномъ лагерѣ.

„Можно предсказать,—писалъ я въ послѣднемъ письмѣ,—что лордъ Биконсфильдъ опять получитъ большинство въ будущемъ парламентѣ, но только большинство ослабленное, которое будетъ поддерживать его въ вопросахъ внѣшней политики, но мало-по-малу растаетъ, когда дѣло коснется задачъ по внутреннему законодательству". Эти строки напечатаны были въ февральской книжкѣ „В. Е.", между тѣмъ 24 марта въ „Times" говорилось: „Мы не имѣемъ претензіи предсказывать результата выборовъ; но можно безъ всякой самонадѣянности утверждать, что въ будущемъ парламентѣ ни консерваторы, ни либералы не получатъ достаточнаго большинства, чтобы доставить кабинету диктаторскую власть. Безъ сомнѣнія, между партіями возстановится полнѣйшее равновѣсіе". Итакъ, „Times" не имѣлъ претензіи предсказывать; онъ только *утверждалъ*, что вещи произойдутъ почти въ томъ же родѣ, какъ и мы указывали.

Digitized by Google

И вотъ, однако всѣ ошиблись: органъ Сити, посолъ германской имперіи... и рядомъ съ такими сильными міра—вашъ скромный корреспондентъ. Ошиблась даже сама заинтересованная сторона, побѣдители настоящей минуты, нисколько не разсчитывавшіе на такое полное торжество. А между тѣмъ торжество оказалось столь же полное, безспорное, сколь и неожиданное: все-таки слѣдовало бы предсказать его, быть настолько проницательнымъ, предвидѣть все и тѣмъ осуществить желаніе Бисмарка. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, кто вѣрилъ въ дѣйствительность „научной политики", претерпѣли сильное пораженіе, большое разочарованіе; это пораженіе послужитъ новымъ аргументомъ для нашихъ противниковъ, приверженцевъ доктрины случая. Намъ, маленькимъ людямъ, остается утѣшаться только тѣмъ, что наша ошибка раздѣляется такимъ многочисленнымъ и блестящимъ собраніемъ людей; но все же необходимо немедленно изучить это явленіе и постараться открыть его настоящія причины, дѣйствительную цѣпь событій, которыя, конечно, не случайны.

Мы не отступимъ передъ этой задачей, но прежде всего надо заняться самымъ спѣшнымъ дѣломъ: разобрать практическую, ближайшую сторону вопроса и взвѣсить тѣ вѣроятныя послѣдствія, какія будетъ имѣть для Европы и для Англіи паденіе министерства Биконсфильда. Его торійскій кабинетъ въ настоящее время не что иное, какъ трупъ, —и остается только исполнить надлежащія формальности, чтобы похоронить его. Въ ту минуту, какъ я пишу (13 апрѣля) остается выбрать всего лишь 27 членовъ для того, чтобы наполнить палату: изъ числа 625, которые уже выбраны, насчитываютъ 346 либераловъ, 227 консерваторовъ и 52 ирландскихъ автономиста. Итакъ, какъ бы дальше ни пошли выборы, новое правительство можетъ разсчитывать на большинство слишкомъ ста голосовъ, кромѣ ирландскихъ членовъ. Остается узнать, какъ оно воспользуется своей властью безспорной, такъ сказать—диктаторской. Это вопросъ серьёзный и сложный, и я прошу позволенія разсмотрѣть вѣроятныя послѣдствія перехода власти въ руки либеральной партіи съ точки зрѣнія европейской политики, политики ирландской и колоній, и политики внутренней.

Отсюда намъ кажется, что въ Петербургѣ не помнятъ себя отъ радости, а въ Вѣнѣ зубами скрежещутъ, узнавъ о неожиданномъ успѣхѣ „стараго, болтливаго господина",—говоритъ, это выраженіе употребилъ одно очень высоко поставленное лицо въ Австріи для характеристики Гладстона. Я упоминалъ выше о досадѣ Бисмарка: быть можетъ, онъ меньше всѣхъ ошибается въ своихъ предвидѣніяхъ. Но въ концѣ-концовъ странно ожидать переворота въ установленномъ порядкѣ европейской дипломатіи отъ министерской перемѣны, совершившейся здѣсь. Долгое время по крайней мѣрѣ ничего въ ней не

Digitized by Google

измѣнится, и берлинскій трактатъ останется базисомъ операцій для либеральнаго правительства, какъ и для торійскаго правительства, вызвавшаго его къ жизни. И вотъ тому доказательства.

Во-первыхъ, общимъ правиломъ въ Англіи является то, что кабинеты, смѣняющіе другъ друга, признаютъ совершившіеся факты и не стараются реагировать противъ законодательства, созданнаго ихъ предшественниками. Кромѣ того, сообщая въ послѣдніе четыре года о постоянныхъ нападкахъ Гладстона на министерство, я неустанно настаивалъ на слѣдующей истинѣ: „будьте увѣрены, говорилъ я, что либеральный ораторъ, будь онъ во главѣ управленія, дѣйствовалъ бы въ восточномъ вопросѣ такъ же, какъ и лордъ Биконсфильдъ". Послушаемъ же, что Гладстонъ говорилъ въ своихъ послѣднихъ спичахъ, сказанныхъ въ Эдинбургѣ, 17 марта. Уже теперь онъ толкуетъ о „могуществѣ имперіи и о чести имперіи". Утверждали также, что если либералы станутъ во главѣ управленія, то они откажутся отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ на себя настоящимъ правительствомъ: „никогда еще не бывало такой нелѣпой выдумки, лишенной всякаго основанія; мы не властны освободить васъ отъ обязательствъ чести и добросовѣстности, принятыхъ на себя такъ необдуманно настоящей администраціей. При всей своей неохотѣ, несмотря на всѣ усилія, какія мы дѣлали чтобы указать на ихъ дурныя дѣйствія и опасности ихъ политики, мы должны перенести ея послѣдствія, страна должна перенести ея послѣдствія". А если кто еще не убѣжденъ, если кто думаетъ, что все это говорилось въ видѣ приманки для jingos [1]), съ цѣлью ихъ привлечь на свою сторону, то вотъ факты: послѣ войны, которая повела за собою присоединеніе Сіуда въ остъиндской имперіи, кабинетъ сэра Роберта Пиля долженъ былъ высказаться объ образѣ дѣйствій лорда Элленборо, бывшаго ея зачинщикомъ. „Мы признаемъ,—говорилъ Гладстонъ, бывшій членомъ этого министерства,—что пріобрѣтеніе значительное, война славная, искусство большое, и что политика эта увѣнчалась успѣхомъ: но въ этомъ дѣлѣ былъ элементъ, который не могъ его рекомендовать кабинету, а именно: простое соображеніе, что война эта несправедлива?" Чего ждете вы послѣ этихъ словъ? Думаете ли вы, что вслѣдствіе этого

---

[1]) Прозвище, данное восторженнымъ поклонникамъ лорда Биконсфильда; французы назвали бы ихъ *шовинистами*. Происхожденіе этого прозвища идетъ отъ борьбы by jingo! или: „by the living jingo!" Что касается самого jingo, то пусть рѣшатъ знатоки: говорится ли тутъ о языческомъ божествѣ (jinko) или это сокращеніе „Jesus God", или наконецъ St. Gingolph, именуемаго также St. Gingo—одного изъ мучениковъ супружеской невѣрности, такъ какъ онъ былъ зарѣзанъ однимъ клерикомъ, который „cum uxore sua adulterare solebat".

Digitized by Google

кабинетъ отказался отъ владѣнія Сіудомъ? Ничуть не бывало: „мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, признали это совершившимся фактомъ".

Это довольно характеристично, но это еще не все. Люди, не знакомые близко съ „старымъ, болтливымъ господиномъ", вѣрили, что у него есть послѣдовательность въ идеяхъ, считали его приверженцемъ манчестерской школы. Но это чистѣйшее заблужденіе, раздѣляемое, между прочимъ, „Journal des Débats", и противъ котораго я не переставалъ протестовать въ своихъ письмахъ. Тутъ опять на помощь мнѣ является самъ Гладстонъ: „За-границей увѣряли,—восклицаетъ онъ,—что если либералы снова станутъ во главѣ управленія, то настанетъ царство манчестерской школы. Но эта школа никогда не руководила иностранной политикой нашего края, ни при консервативномъ, ни при либеральномъ правительствѣ... Хотя мы и ненавидимъ войну всѣми силами души, но существуютъ такія потребности нашей природы, бываютъ такіе моменты, когда справедливость и благополучіе рода человѣческаго требуютъ, чтобы люди не отступали передъ отвѣтственностью, налагаемой ею".

Итакъ, долой манчестерскую школу и миролюбивыя мечты! Теперь, конечно, любопытно знать, какъ отнесется Гладстонъ къ щекотливому пункту, къ восточному вопросу. Желаете, напримѣръ, знать, какая разница существуетъ между берлинскимъ трактатомъ и санъ-стефанскимъ договоромъ? Вотъ она: „одна часть Бессарабіи, до момента подписанія берлинскаго трактата, пользовалась благодѣяніемъ свободной конституціи: Россія потребовала эту территорію, и Англія (т.-е. министерство Биконсфильда) главнымъ образомъ, виновата въ томъ, что она была предана во власть россійской имперіи — to be governed despotically by the Russian Empire". Этотъ отзывъ не имѣетъ уже ничего общаго съ недавними комплиментами Гладстона Россіи.

Да, вездѣ слишкомъ поторопились обрадоваться, и слѣпы тѣ, кто не понимаетъ, что всѣ прошлыя любезности были ничѣмъ инымъ, какъ уловками человѣка партіи, убѣжденія котораго никогда не могли противиться тому теченію, которое приводитъ къ власти. А если мы обратимся съ вопросомъ къ оффиціальному главѣ либеральной партіи, маркизу Гартингтону, то получимъ тотъ же отвѣтъ: „Я не имѣю ни малѣйшаго желанія, восклицалъ недавно благородный маркизъ передъ своими избирателями, я не имѣю ни малѣйшаго желанія нападать на личность лорда Биконсфильда... Говорятъ, что онъ честолюбивъ: но я бы желалъ, чтобы мнѣ указали человѣка, который бы добился такого высокаго политическаго положенія, какъ то, какое онъ занимаетъ въ странѣ, и который бы не испытывалъ честолюбивыхъ поползновеній. Никто не можетъ объяснить образъ дѣйствія лорда Биконсфильда низкими или мелкими мотивами. Мы

Digitized by Google

расходимся съ нимъ въ мнѣніяхъ: но мы принуждены восхищаться талантомъ, умомъ, выказанными имъ въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился. Но хотя я и не нападаю на него, хотя и восхищаюсь его политической карьерой, но тѣмъ не менѣе считаю опаснымъ и пагубнымъ принятый имъ образъ дѣйствія".

Значитъ, теперь изберутъ иной путь и будутъ противодѣйствовать предыдущей политикѣ? О, нѣтъ, Боже мой! „Приговоръ страны произнесенъ слишкомъ поздно: потому что совершилось многое, чего больше нельзя передѣлать".

Слишкомъ поздно! вотъ общій крикъ или, вѣрнѣе сказать, лозунгъ, подъ которымъ таится твердое рѣшеніе новыхъ правителей придерживаться образа дѣйствій своихъ предшественниковъ, *насколько онъ согласуется съ истинными общими европейскими интересами британской имперіи*. Вотъ гдѣ настоящій узелъ вопроса, и всѣ наперерывъ и на всѣ лады повторяютъ: жизненный интересъ Англіи, либеральной партіи, равно какъ и консервативной, заключается въ томъ, чтобы парализовать всѣ попытки Россіи расширить свои владѣнія на югъ въ Азіи, какъ и въ Европѣ. Нѣтъ никакой нужды ломать голову и изощряться въ предположеніяхъ: въ томъ, что̀ касается этого вопроса, — интересы очевидны, и новое правительство будетъ дѣйствовать сообразно этому.

„Несомнѣнно,—говоритъ „Times",—что если бы безпрепятственно пропустили санъ-стефанскій договоръ, ограничившись простымъ протестомъ, если бы согласились на притязанія Россіи: уладить свою ссору съ турками безъ содѣйствія Европы,—эта держава безпрепятственно владычествовала бы въ настоящее время надъ Чернымъ моремъ, надъ проливами и надъ Эгейскимъ моремъ. Что такому владычеству необходимо воспрепятствовать, въ этомъ либеральные государственные люди согласны съ консервативной партіей, какъ это торжественно заявилъ лордъ Гартингтонъ... Мы всегда отстаивали на этихъ столбцахъ условія берлинскаго трактата, которымъ всѣ довольны, за исключеніемъ Россіи, и мы убѣждены, что лордъ Гартингтонъ и его друзья почувствуютъ необходимость признать не только букву, но и духъ его. Съ другой стороны, мы порицали самымъ энергическимъ образомъ двусмысленное поведеніе, индифферентное отношеніе правительства лорда Биконсфильда къ Греціи и странные поступки съ Египтомъ. Мы, не обинуясь, предсказывали, что либеральное правительство во всемъ, что̀ касается внѣшней политики, будетъ слѣдовать политикѣ вполнѣ согласной съ совѣтами, какіе мы не переставали давать кабинету Биконсфильда. Кое-какія обѣщанія, сдѣланныя на-вѣтеръ, будутъ устранены, хотя бы и пришлось возбудить досаду и разочарованіе въ иныхъ крайнихъ политикахъ. Либе-

Digitized by Google

ральный кабинетъ, кто бы ни былъ его главою, будетъ, конечно, управляться въ духѣ декларацій лорда Гартингтона, и его путь ясно начертанъ. Онъ будетъ поддерживать берлинскій трактатъ; онъ будетъ вліять на совѣты Порты, чтобы дать ей почувствовать необходимость уступить требованіямъ Греціи и добиться реформъ, необходимыхъ для христіанскихъ народовъ Арменіи. Что касается англо-турецкой конвенціи, то онъ посмотритъ на нее такъ, какъ и мы всегда на нее смотрѣли, т.-е. какъ на менѣе важное обязательство".

Можно утверждать, что эта программа и будетъ, за немногими измѣненіями, программою новаго правительства. Что же касается Австро-Венгріи, то тутъ дѣло нѣсколько сложнѣе. Тутъ нельзя ждать, чтобы Гладстонъ оказался столь же нейтральнымъ и равнодушнымъ, какъ и относительно Россіи. „Слышали ли вы,—восклицалъ онъ въ вышеприведенной рѣчи,—что австрійскій императоръ призывалъ англійскаго посла сэра Генри Элліота и говорилъ ему про вредоноснаго человѣка (a pestilent person), про нѣкоего Гладстона, который позволяетъ себѣ враждебно относиться къ внѣшней австрійской политикѣ? Онъ даже выразилъ ему свое горячее желаніе, чтобы онъ былъ отвергнутъ избирателями Мидлотіона, вами? Да, господа, если вы желаете, чтобы правительство нашей страны признало политику въ австрійскомъ вкусѣ, то вотируйте сообразно желаніямъ австрійскаго императора. Какова однако эта политика? При этомъ, помните, однако, что я не говорю, будто Австрія совсѣмъ неизлечима: теперь она гораздо лучше организована. Но я разбираю ея прошлое поведеніе и вижу, — она была постояннымъ и неутомимымъ врагомъ свободы на всѣхъ пунктахъ Европы. Россія, съ сожалѣніемъ говорю это, была тоже врагомъ свободы — но по крайней мѣрѣ она сдѣлала исключеніе въ пользу славянъ, тогда какъ Австрія была врагомъ свободы даже славянъ. И нѣтъ ни одной точки на картѣ, на которую бы вы могли указать пальцемъ, говоря: здѣсь Австрія сдѣлала добро!" Вотъ еще отзывъ и тѣмъ болѣе суровый, что попадаетъ довольно мѣтко. Навѣрное между Австріею и новымъ кабинетомъ отношенія будутъ „холодныя", по крайней мѣрѣ сначала; но Австрія не забудетъ, что существуетъ цѣлая пропасть между Гладстономъ кандидатомъ и Гладстономъ министромъ.

Съ точки зрѣнія колоній, водвореніе либеральной партіи тоже не вызоветъ тѣхъ театральныхъ эффектовъ, которыхъ ожидаютъ. Вниманіе съ разу и непосредственно устремляется на Индію и Афганистанъ: тѣмъ болѣе, что тутъ существуетъ прямая связь съ внѣшней политикой. Тутъ новое правительство врядъ ли ухитрится немедленно ввести какія-нибудь измѣненія и съ честью выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Но чтобы хорошенько понять, въ чемъ

Digitized by Google

дѣло, необходимо обозрѣть событія, совершившіяся въ послѣдніе три мѣсяца въ бывшемъ афганскомъ государствѣ.

Говорю, „бывшемъ государствѣ“ потому—что искусственное царство, склеенное изъ кусковъ, вперные соединенныхъ въ неуклюжее цѣлое шахомъ Ахмедомъ немного болѣе одного столѣтія назадъ,—это царство распалось. По крайней мѣрѣ, оно существуетъ только въ умѣ претендентовъ, стремящихся его возсоздать. Противники отставного министерства упрекали его за то, что оно разрушило это царство, царство сосѣда и могущественнаго друга, естественную преграду „русскимъ захватамъ“. Сосѣда—несомнѣнно, друга—нѣтъ, тѣмъ менѣе—могущественнаго. Это—пустыя увѣренія, которыми можно только уронить собственное дѣло. Мы уже доказали, что афганская война была роковымъ слѣдствіемъ поведенія предшествовавшаго либеральнаго министерства, которое сдѣлало все возможное, чтобы оттолкнуть Ширъ-Али, такъ что лордъ Литтонъ нашелъ въ Афганистанѣ враждебное государство, ожидающее только удобнаго случая, чтобы заявить объ этомъ. Съ другой стороны, это государство разрушено англійскимъ оружіемъ,—и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; послѣднія усилія отходящей администраціи клонились, повидимому, къ тому, чтобы возсоздать уничтоженныя ханства въ томъ видѣ приблизительно, въ какомъ они существовали до Ахмедахана.

Такъ, совсѣмъ еще недавно, вице-король призналъ сердаря Ширъ-Али-хана, кузена покойнаго эмира, своего тёзки, независимымъ владѣтелемъ Кандахара съ титуломъ вали. По правдѣ сказать, фактъ этотъ еще извѣстенъ неоффиціально, но первый шагъ сдѣланъ—и пресса удивляется даже, не безъ основанія, что такое важное рѣшеніе принято въ такую минуту. Само-собой разумѣется, что англійскій резидентъ и гарнизонъ будутъ постоянно находиться въ столицѣ новаго государства.

Почти въ то же самое время узнали, что генералъ Стюартъ выступаетъ изъ Кандахара съ семью или восемью тысячами войска и направляется въ Гузни, послѣднее убѣжище афганскихъ инсургентовъ. Въ этомъ городѣ они укрылись послѣ пораженія въ битвѣ при Шерпурѣ, въ концѣ декабря мѣсяца: туда—ихъ генералъ Мохамедъ-Джанъ и другіе нотабли перенесли центръ своего управленія. Но между ними произошелъ разладъ, и нѣсколько сердарей, принадлежащихъ къ партіи оппозиціи въ Гузни, отправились въ Кабулъ къ генералу Робертсу съ заявленіемъ своей покорности. Безъ сомнѣнія, наступленіе генерала Стюарта сильно повліяло на это рѣшеніе. Всего интереснѣе въ этомъ дѣлѣ то, что въ Кабулѣ ожидали пріѣзда самого Мохамеда-Джана, но до сихъ поръ онъ еще не пріѣзжалъ.

Digitized by Google

Съ другой стороны, нѣкоторую тревогу внушалъ Абдурахманъ, такъ счастливо спасшійся бѣгствомъ изъ русскаго Туркестана, и о движеніяхъ котораго ничего неизвѣстно. Однако, несмотря на эту тревогу и хотя онъ считается русскимъ протеже, но его охотно признали бы владыкой афганскаго Туркестана, предполагая, что въ такомъ случаѣ онъ сталъ бы вѣрнымъ союзникомъ Англіи.

Что касается Герата, то сильно поговариваютъ о томъ, чтобы уступить владычество надъ нимъ персидскому шаху—какъ, значитъ, времена перемѣнились! Но при этомъ находятъ необходимымъ учредить надъ этимъ государемъ и его владѣніями серьёзный и полный протекторатъ и помѣшать, во что бы то ни стало, ему подпасть вліянію Россіи. Вѣчно Россія! Это непрерывный кошмаръ англійскихъ государственныхъ людей. Въ этомъ отношеніи кажется, что Якубъ-ханъ въ своихъ бесѣдахъ съ генераломъ Робертсомъ сдѣлалъ весьма любопытныя сообщенія. Въ 1873 году, говоритъ онъ, отецъ его, не добившись отъ остъ-индскаго правительства требуемыхъ имъ гарантій, обратился къ Россіи. Въ 1878 году письмо вице-короля, возвѣщавшее о знаменитомъ посольствѣ, нашло эмира въ Дурбанѣ: члены русской миссіи тоже присутствовали. Русскій посланникъ убѣждалъ Ширъ-Али воспротивиться прибытію англійскаго посольства, обѣщая ему, въ случаѣ нужды, покровительство и вмѣшательство Россіи. Это подтверждается прокламаціей Ширъ-Али, въ которой приводится письмо подковника Столѣтова, обѣщавшаго помощь русской арміи. Все это вполнѣ естественно, ибо враждебныя дѣйствія могли съ минуту на минуту открыться между двумя великими державами, но все это доказываетъ также, что остъ-индское правительство думало имѣть основаніе дѣйствовать энергически.

Къ несчастію для него, оно встрѣтило въ странѣ болѣе сильное сопротивленіе, нежели то, на какое разсчитывало,—или, вѣрнѣе сказать, оно предприняло походъ съ силами недостаточными въ гористой странѣ, какъ бы самою природою предназначенной для партизанской войны. Какъ бы то ни было, но новое правительство наслѣдуетъ существующее положеніе дѣлъ, и было бы безуміемъ воображать, что оно предоставитъ Афганистанъ самому себѣ. „Говорили, будто я выражалъ желаніе, чтобы войска наши были выведены изъ Афганистана,—объявилъ лордъ Гартингтонъ своимъ избирателямъ въ Ланкаширѣ — никогда я ничего подобнаго не говорилъ. Я говорилъ только, что либеральное правительство посмотритъ на это, какъ посмотрѣло бы и консервативное, если бы имѣло нравственное мужество. Я думаю, что въ настоящую минуту его члены, такіе какъ и мы, желаютъ выпутаться изъ ложнаго положенія, въ какое они сами себя поставили: къ несчастію, всегда бываетъ гораздо

Digitized by Google

легче поставить себя въ ложное положеніе, нежели выпутаться изъ него, и въ этомъ отношеніи либеральному правительству, которое не отвѣтственно за ихъ заблужденія и не связано ихъ ученіями,—либеральному правительству будетъ легче выпутаться, безъ ущерба для чувства собственнаго достоинства, нежели правительству консервативному. Но я того мнѣнія, что было бы недостойно англійской чести, недостойно имени англичанина предоставить Афганистанъ его теперешнему положенію... Правительство, которое унаслѣдуетъ настоящее, должно будетъ возстановить порядокъ въ странѣ, прежде чѣмъ отступить за свои „научныя границы".

Замѣтьте, выраженія: „англійская честь", „имя англичанина", начинаютъ играть ту же роль въ устахъ либеральныхъ „leaders", какую вчера играли въ устахъ торійскаго кабинета.

Точно такъ же не будетъ никакихъ ближайшихъ перемѣнъ въ общей политикѣ колоній. Только согласно обычаю, прежніе дѣятели замѣнятся новыми: лордъ Литтонъ оставитъ вице-королевство Ость-Индіи, а сэръ Бартль Фреръ — капское губернаторство. Война съ зулусами окончена, и о ней нѣчего больше толковать, но необходимо придти въ соглашеніе съ трансваальскими боэрами, причинившими не мало хлопотъ сэру Гарнету Уольселею. Какого рода будетъ это соглашеніе — покажетъ будущее, а пока безполезно вдаваться въ различныя предположенія.

Съ точки зрѣнія внутренней политики, перемѣна на этотъ разъ дѣйствительно полная, радикальная. И чтобы оцѣнить все значеніе настоящей перемѣны, мы должны попытаться открыть причины, вызвавшія ее.

Я уже упоминалъ о неожиданности результата выборовъ: 8-го марта, первый министръ объявилъ въ палатѣ лордовъ предстоящее распущеніе парламента, и съ тѣхъ поръ стало очевидно, что выборы произойдутъ въ первыхъ числахъ апрѣля.

Въ тотъ же день онъ адресовалъ письмо герцогу Мальборо, лорду-намѣстнику Ирландіи, и въ немъ переносилъ избирательный вопросъ на почву единства и могущества британской имперіи; осуждая попытки ирландскихъ сепаратистовъ, онъ представлялъ противниковъ правительства людьми, которые не отступятъ передъ расчлененіемъ Соединеннаго королевства, лишь бы добиться своей цѣли. „Въ текущемъ столѣтіи рѣдко случалось намъ переживать болѣе критическій моментъ, чѣмъ настоящій, — прибавлялъ онъ. — Могущество Англіи и спокойствіе Европы зависятъ отъ вердикта страны". Это письмо очень критиковали, особенно послѣ окончательнаго результата, и надо сознаться, что нота въ немъ нѣсколько форсирована. Но какъ бы то

Digitized by Google

ни было, а письмо лорда Биконсфильда не при чемъ въ пораженіи его партіи.

Слѣдуетъ ли искать причину его въ искусной организаціи либеральной партіи, въ „caucus“ Бирмингэма и другихъ происходившихъ въ Соединенномъ королевствѣ? „Caucus“—вотъ дикое слово, занесенное къ намъ американскими политиками. Еще въ прошломъ вѣкѣ янки окрестностей города Бостона заимствовали его у краснокожихъ для обозначенія собраній и комитетовъ, въ которыхъ организовались избирательныя кандидатуры, и гдѣ каждая партія старалась объ успѣхѣ своихъ представителей. Но если слово „caucus“ ново, по крайней мѣрѣ въ Старомъ Свѣтѣ, за то сама система не нова и практикуется на широкую ногу въ Бирмингэмѣ и необходимо дать понятіе объ ея организаціи.

Послѣ Reform Bill'я 1867 г., увеличившаго число избирателей въ Соединенномъ королевствѣ до 1.500,000, либералы великаго мануфактурнаго города почувствовали необходимость измѣнить свою прежнюю избирательную тактику. Роль,—которая до тѣхъ поръ принадлежала небольшой кучкѣ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, оказалась несовмѣстимою съ новыми условіями; либералы постарались опереться на возможно большее число избирателей всѣхъ классовъ, обезпечить за собою бо́льшинство во всѣхъ цеховыхъ обществахъ и профессіяхъ. Но наибольшаго развитія достигло новое учрежденіе въ періодъ министерства лорда Биконсфильда, паденія котораго такъ добивались либералы. Въ 1877 г., благодаря постояннымъ усиліямъ Чэмберлена, радикальнаго депутата и мэра Бирмингэма, оно достигло своего апогея.

Бирмингэмъ раздѣляется на 16 wards, или кварталовъ. Ассоціація либераловъ ежегодно созываетъ въ каждомъ ward митингъ изъ мѣстныхъ либераловъ. Всякій желающій можетъ сдѣлаться членомъ ассоціаціи, съ правомъ голоса,—независимо отъ того, состоится или нѣтъ подписка, минимумъ которой опредѣленъ въ одинъ шиллингъ. Каждый кварталъ назначаетъ 35 представителей въ общій совѣтъ (general Comittee); изъ каждой такой группы въ 55 чел. избираются пятеро въ исполнительный совѣтъ (executive Comittee). Кромѣ того, исполнительный совѣтъ избираетъ для пополненія выборовъ тридцать человѣкъ, которые входятъ въ его составъ. Равнымъ образомъ, онъ избираетъ 30 человѣкъ и для общаго совѣта; такимъ образомъ число всѣхъ членовъ достигаетъ 600; отсюда и названіе ассоціаціи —„шестьсотъ“ — „six hundred“. Въ Ливерпулѣ она состоитъ изъ „900“.

Общій совѣтъ ежегодно избираетъ президента, вице-президента, казначея и секретаря. Кромѣ того, назначается распорядительный комитетъ изъ 11 членовъ: 7 отъ исполнительнаго совѣта, 4 отъ об-

Digitized by Google

щее. Но это еще не все: существуетъ „федерація“ обществъ, образовавшихся въ различныхъ мѣстахъ королевства. Ежегодно, въ большихъ городахъ собирается совѣтъ изъ делегатовъ, назначаемыхъ въ соотвѣтствующемъ числѣ отъ каждой либеральной ассоціаціи. При этомъ совѣтѣ также существуетъ комитетъ; назначаемый подобно вышеупомянутому и занимающійся текущими дѣлами, этотъ комитетъ долженъ содѣйствовать образованію новыхъ обществъ, созывать ежегодно федеральный совѣтъ, а также, въ случаѣ надобности, предоставлять рѣшенію ассоціацій возникающіе вопросы. Такимъ именно образомъ, и притомъ въ самое короткое время, были устроены 150 митинговъ, протестовавшихъ противъ турецкихъ звѣрствъ и въ особенности противъ министерства.

Безъ сомнѣнія, эта могущественная организація является залогомъ вѣрнаго успѣха, какъ это уже оказалось въ самомъ Бирмингэмѣ, гдѣ на 350,000 жителей приходится не менѣе 65,000 избирателей. Трое радикаловъ, *Мюнцъ*, *Джонъ Брайтъ* и *Чэмберленъ* одержали верхъ, получивъ до 20,000 голосовъ въ свою пользу; консерваторы потерпѣли полное пораженіе, пріобрѣтя около 15,000 голосовъ. Въ Бредфордѣ президентъ „Four Hundred“ сдѣлался товарищемъ депутата Форстера, бывшаго министра при Гладстонѣ. Этотъ послѣдній, два года тому назадъ энергически протестовавшій противъ диктатуры самсиз, теперь безъ сомнѣнія перемѣнитъ свои убѣжденія, видя, что эта система содѣйствовала его успѣху.

Можно много сказать за и противъ этой системы. Но каковы бы ни были ея неудобства, нѣтъ основанія оспоривать ея законность; ибо, разъ уже признано за всѣми право ассоціаціи,—партіи имѣютъ полное право организоваться и дѣйствовать сообща, чтобы доставить побѣду своимъ кандидатамъ. Опасно одно: чтобы одно аккуратное посѣщеніе собраній не явилось правомъ на избраніе. Но и это неудобство устраняется назначеніемъ членовъ, выборъ которыхъ предоставленъ на волю исполнительнаго совѣта; это уравновѣшиваетъ вліяніе „политиковъ по профессіи“, составляющихъ одну изъ язвъ свободной Америки. Впрочемъ, не слѣдутъ воображать, что либералы обезпечили себѣ такимъ образомъ постоянный успѣхъ. Безъ сомнѣнія, дѣятельность этихъ ассоціацій много содѣйствовала ихъ успѣху и повліяла на результатъ баллотировки; но сама система не въ силахъ будетъ бороться съ направленіемъ общественнаго мнѣнія, она можетъ повліять на него, но не создать; такъ что полнаго объясненія надо искать въ другомъ мѣстѣ.

По моему мнѣнію, великая, истинная причина поворота, пережитаго нами, заключается въ промышленномъ, земледѣльческомъ и торговомъ кризисѣ, который уже два года даетъ себя чувствовать въ

Digitized by Google

странѣ. Этотъ кризисъ свирѣпствовалъ по всей Европѣ со времени франко-германской войны; но до поры до времени щадилъ Англію. Любопытное дѣло! Министерство Биконсфильда достигло своего апогея въ эпоху берлинскаго трактата, а съ нимъ вмѣстѣ и финансовое благосостояніе королевства. Съ этого момента стали ощущаться послѣдствія экономическаго разстройства, причиненнаго русско-турецкой войной, равно какъ и всеобщимъ смятеніемъ. Я не стану входить въ подробности положенія дѣлъ, на которое много разъ указывалъ читателямъ въ послѣднее время: финансовые кризисы, ослабленіе торговыхъ оборотовъ, конкурренція продавцовъ австралійскаго и американскаго мяса, дѣйствующихъ въ ущербъ фермерамъ; къ этому нужно прибавить два неурожая самаго плачевнаго свойства, въ особенности въ прошломъ году. Все это, включая сюда конкурренцію „cooperative stores"—лавочникамъ всякаго рода, о которой я говорилъ въ своемъ предпослѣднемъ письмѣ,—все это вело къ одному и тому же результату.

Относительная неудача афганской войны, непріятныя происшествія въ Южной-Африкѣ и у зулусовъ, тоже не остались безъ вліянія, — но это было гораздо слабѣе, чѣмъ думаютъ многіе. Главнымъ образомъ дало себя почувствовать увеличеніе налоговъ, вынужденное этими войнами, — тѣмъ болѣе, что это увеличеніе падало на „rate-payers", и безъ того уже обремененныхъ, благодаря перечисленнымъ выше причинамъ. Итакъ, не въ политическихъ, но въ экономическихъ обстоятельствахъ надобно искать первую причину паденія министерства, и хотя я всегда спорилъ съ тѣми, которые приписываютъ экономическому вопросу главную, единственную роль въ развитіи и паденіи государствъ, однако нельзя не сознаться, что эта роль имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ частныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ настоящемъ.

Это до такой степени вѣрно, что избиратели совсѣмъ не занимались программой либераловъ; они смотрѣли на ярлыкъ — и довольно! Смутныя указанія на возможное въ отдаленномъ будущемъ „disestablishment" англиканской церкви, не менѣе смутныя надежды на утвержденіе системы національнаго и свѣтскаго образованія, желаніе реформы земельныхъ законовъ—показались удовлетворительными для всѣхъ и каждаго. Притомъ, не было высказано ничего опредѣленнаго, никакой обязательной программы для кандидатовъ, а нынѣ депутатовъ, которые могутъ теперь воспользоваться этимъ и дѣйствовать по своему усмотрѣнію, хотя этотъ избытокъ свободы можетъ затруднить ихъ больше, чѣмъ они думаютъ, когда наступитъ время повѣрки различныхъ мнѣній и явится необходимость принять какую-нибудь рѣшительную мѣру.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ думать, что великая либеральная партія, ставшая теперь у дѣлъ, составляетъ одно цѣлое. Есть *виги* —партія умѣренныхъ либераловъ, весьма многочисленная; во главѣ ея стоитъ маркизъ *Гартингтонъ;* между ними нужно отличать *пальмерстонціанцевъ*, которые по части иностранной политики заходятъ такъ же далеко, какъ и приверженцы покойнаго министерства. Есть либералы въ собственномъ смыслѣ слова: они слѣдуютъ за знаменемъ *Гладстона*, пылкаго, какъ Ахиллъ, рѣчистаго и хитраго, какъ Улиссъ: въ отличіе отъ предъидущихъ, ихъ уже называютъ *радикалами*.

Но этотъ терминъ нужно приберечь для новой группы,—для представителей *бирмингамской школы;* безъ сомнѣнія, это новое, спеціальное имя вполнѣ подходитъ къ партіи, возвышающейся надъ развалинами *манчестерской школы*, представителемъ которой въ скоромъ времени останется одинъ только *Джонъ Брайтъ*. Во главѣ радикаловъ Бирмингэма и другихъ мѣстностей стоитъ *Чэмберленъ*, на-ряду съ нимъ и даже, можетъ быть, нѣсколько впереди—баронетъ *сэръ Чарльзъ Дилькъ*, республиканецъ въ глубинѣ души, — и наконецъ, *Брадло*, великій революціонный ораторъ, весьма извѣстный издатель „National Reformer". Новые дѣятели—по крайней мѣрѣ, съ извѣстной стороны, и если къ тому исключить Гладстоновскую словоохотливость—примыкаютъ къ партіи будущаго, къ партіи прогресса.

А Ирландія?—что выиграетъ Ирландія, которая во всѣхъ мануфактурныхъ городахъ, гдѣ массами укрываются ея сыны, вотировала за либераловъ, не требуя отъ нихъ никакихъ обязательствъ и обѣщаній? Увы, она выиграетъ очень немного, и въ настоящее время можно воскликнуть, пародируя знаменитыя слова: „Въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось въ парламентѣ: прибавился только одинъ Home-ruler". Въ самомъ дѣлѣ, въ 1874 году ихъ было 59 человѣкъ, теперь—60. И вотъ бѣда: Парнелль, который надѣялся располагать большинствомъ и повелѣвать Вестминстеромъ, Парнелль безусловно парализованъ, вмѣстѣ съ своей маленькой партіей; ибо, независимо отъ Home-ruler'овъ, соглашеніе съ которыми, впрочемъ, весьма сомнительно, либералы имѣютъ нынѣче (15-го апрѣля) 117 голосовъ большинства, такъ что всего составится 177 голосовъ, если парнеллиты будутъ вотировать за-одно съ ними. Но они вполнѣ могутъ обойтись безъ ихъ поддержки, — такъ что новое правительство, удовлетворяя справедливыя требованія ирландцевъ, будетъ имѣть полную возможность отклонять ихъ преувеличенныя требованія.

Во время послѣдней избирательной борьбы, личность Парнелля пріобрѣла несоразмѣрное значеніе. Онъ былъ еще въ Америкѣ и

Digitized by Google

собиралъ подписку въ пользу своихъ соотечественниковъ, когда вѣсть о распущеніи парламента заставила его поспѣшить къ ирландскимъ берегамъ — Hibernian shore. Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ пустилъ въ ходъ свой „caucus", и устроилъ вездѣ обструкціонистскія, парнеллитскія, иначе сказать — сепаратистскія кандидатуры, такъ какъ этотъ оттѣнокъ автономистовъ почти требуетъ распаденія Соединеннаго королевства.

Борьба была жаркая; священники приняли въ ней участіе, но бо́льшей части—противъ „диктатора"; тамъ-и-сямъ проявились довольно любопытные образчики католико-ирландской любезности. Казалось, воротилось доброе старое время выборовъ въ Соединенномъ королевствѣ, когда число проломленныхъ головъ конкуррировало съ количествомъ выпитыхъ боченковъ. Такъ, напримѣръ, въ Эннискорти, въ графствѣ Векcфордъ, произошла сцена, которая, по словамъ дублинской „Nation", „заставила всю Ирландію содрогнуться отъ ужаса и негодованія". Парнеллиты созвали митингъ подъ открытымъ небомъ въ пользу своихъ кандидатовъ, но мѣстные священники, у которыхъ были свои любимцы, первые явились на мѣсто собранія въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ приверженцевъ, и заняли эстраду, приготовленную ихъ соперниками. „Солнце сіяло въ полномъ блескѣ,— разсказываетъ „Freeman's Journal",—трубачи Vinegar Hill'я, съ своимъ зеленымъ знаменемъ, заняли мѣсто передъ эстрадою, а вокругъ, на скатахъ холма, расположилось до 10,000 человѣкъ. Была относительная тишина, какъ вдругъ явилась противная партія". Противная партія, т.-е. Парнелль и его друзья, — разумѣется, взбѣшены такимъ захватомъ. Начинается схватка. Парнелль подходитъ къ эстрадѣ, и пущенный въ него апельсинъ расплющивается на лицѣ сосѣда. Но почти въ ту же самую минуту ему въ физіономію летитъ яйцо; щеки его окрашиваются въ желтый цвѣтъ. Затѣмъ раздаются оглушительные крики и не менѣе звонкіе удары; президентъ, священникъ О'Горманъ, размахиваетъ сучковатой палкой и старается возстановить порядокъ,—затѣмъ съ обѣихъ сторонъ летятъ камни и грязь. Какой-то человѣкъ, взобравшійся на столбъ, падаетъ оттуда на головы стоящихъ внизу и колотитъ кого ни попало, пока ему не удается подняться на ноги. Другой, порядкомъ побитый, летитъ внизъ съ эстрады; кровь струится ручьемъ изъ его „разсѣченнаго лба". Въ эту минуту—и, безъ сомнѣнія, весьма кстати—появляется отрядъ полисменовъ съ ружьями и занимаетъ позицію въ центрѣ, послѣ чего возстановляется относительное спокойствіе. Парнелль, блѣдный и растерянный, желаетъ сказать нѣсколько словъ.

— Вы оскорбляете духовенство Векcфорда! — кричитъ патеръ Мюрфи.

Digitized by Google

Парнелль протестуетъ, объясняетъ, что онъ не говорилъ ничего оскорбительнаго.

— Вы оскорбляете ихъ, милостивый государь! — возражаетъ его собесѣдникъ, а священникъ-президентъ отталкиваетъ злополучнаго Парнелля; одни толкаютъ его впередъ, другіе — тащатъ назадъ, со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „не нужно диктатора!“ и — „долой Парнелля!“

Вотъ образчикъ изъ эпохи выборовъ въ Ирландіи. Слѣдуетъ прибавить, что оба кандидата Парнелля были избраны въ этомъ графствѣ. Я, конечно, описываю только впечатлѣніе минуты: къ этому вопросу придется возвратиться въ слѣдующемъ письмѣ, когда все немного успокоится и выяснится.

Въ заключеніе, кто будетъ первымъ министромъ? Если королева послѣдуетъ влеченію собственнаго сердца и, конечно, совѣтамъ Биконсфильда, — она выберетъ лорда Грэнвилля; маркизу Гартингтону будетъ поручено „Foreign office“. Есть еще лордъ Дерби — я позабылъ о немъ — вышедшій изъ консервативной партіи; что́ сдѣлаютъ съ нимъ? Можетъ быть, — ничего; до сихъ поръ не знаютъ, куда его дѣвать. Что касается Гладстона, то значительная часть торжествующей партіи непремѣнно желаетъ видѣть его первымъ министромъ, хотя онъ, по собственной охотѣ, отказался отъ званія оффиціальнаго „leader'a“ либераловъ. Пока—онъ отказывается, какъ Цезарь, когда Антоній предлагалъ ему корону... Впрочемъ, къ чему теряться въ догадкахъ: когда мои строки появятся въ печати, новое министерство, вѣроятно, будетъ уже окончательно назначено [1]).

R.

[1]) 14-го апрѣля телеграфъ принесъ извѣстіе о составѣ новаго министерства: 1) лордъ Грэнвилль назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; 2) маркизъ Гартингтонъ—министромъ Индіи; 3) Чайльдерсъ—военнымъ; 4) Нортсбрукъ—морскимъ, и 5) лордъ Сельборнъ — лордомъ-канцлеромъ. Подробности, принесенныя позже газетами, объяснили, что королева, слѣдуя духу англійской конституціи, пригласила Гладстона къ составленію новаго министерства, сдѣлавъ его первымъ лордомъ казначейства. — *Ред.*

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

11/23 апрѣля, 1880.

LVII.

Стендаль и его труды.

Изъ всѣхъ романистовъ, Стендаля читаютъ несомнѣнно меньше другихъ; если одни восхищаются имъ безмѣрно, а другіе усиленно отрицаютъ его, то все это дѣлается съ чужихъ словъ. О немъ не высказано еще никакого окончательнаго мнѣнія, и онъ остается въ литературѣ какою-то легендою. Онъ всегда интересовалъ меня своимъ талантомъ, я всегда любилъ изучать его, но тѣмъ не менѣе долго не рѣшался приняться за перо, изъ опасенія, что не съумѣю выдвинуть во весь ростъ фигуру этого писателя—и правильно освѣтить ее. Но роль Стендаля въ нашей новѣйшей литературѣ такъ велика, что необходимо попытаться изслѣдовать его труды, весьма сложнаго характера: они, вмѣстѣ съ произведеніями Бальзака, вызвали къ жизни современное реалистическое направленіе, — рискую при этомъ не справиться съ своей задачей такъ, какъ бы мнѣ того хотѣлось.

I.

Въ Стендалѣ замѣчательно прежде всего то, что онъ всю жизнь любилъ окружать себя какою-то таинственностью. Онъ далеко не былъ добродушнымъ человѣкомъ, широкой и искренней натурой, въ жилахъ которой льется старая галльская кровь; онъ не писалъ спокойно, на глазахъ у людей. Такое обыкновенное дѣло, какъ дѣло писателя, онъ усложнялъ всяческими ухищреніями и тонкостями, съ видомъ дипломата, путешествующаго incognito, и наслаждался про себя тѣмъ, что дурачитъ публику. Стендаль изобрѣталъ псевдонимы, прибѣгалъ къ хитрымъ уловкамъ, смыслъ которыхъ былъ понятенъ ему одному. Все это, разумѣется, было приправлено поддѣльнымъ презрѣніемъ къ литературѣ. Родившись въ 1783 г., онъ принадлежалъ къ прошлому столѣтію по своимъ свѣтскимъ связямъ и философскимъ воззрѣніямъ: ему не нравилось обширное литературное производство нашей эпохи; онъ не могъ представить себѣ, чтобы можно было жить перомъ, нисколько не хлопоталъ объ томъ, и смотрѣлъ, слѣдовательно, на литературу, какъ на развлеченіе, забаву для ума,

Digitized by Google

а не какъ на карьеру. Онъ по-очередно занимался живописью, торговлею, администраціей; затѣмъ, совершивъ походъ 1812 г., вмѣстѣ съ „великой арміей“, онъ вступилъ на дипломатическое поприще, куда несомнѣнно призывалъ его самый складъ ума. Но на этомъ поприщѣ онъ занималъ очень скромный постъ; долгое время онъ оставался и умеръ простымъ консуломъ въ Чивиттà-Веккіи. Но тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуютъ современники, онъ больше гордился своимъ административнымъ постомъ, нежели званіемъ писателя. Разсказываютъ, что когда іюльское правительство наградило его орденомъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы награда была присуждена ему какъ консулу, а не какъ романисту. Несомнѣнно, словомъ, что Стендаль какъ-будто даже рисовался тѣмъ, что онъ писатель-дилеттантъ. Онъ старательно выдѣлялъ себя изъ общаго муравейника литераторовъ, чернильныхъ душъ, и чувствовалъ къ нимъ отвращеніе. Онъ боялся быть занесеннымъ въ списокъ писателей, выказывалъ такое же пренебреженіе къ слогу, какъ и Сенъ-Симонъ, и постоянно смотрѣлъ на себя какъ на дѣлового человѣка, чѣмъ ему такъ хотѣлось прослыть. Повѣрить ему, такъ придется считать всѣ его литературные труды дѣломъ одной случайности въ его жизни.

То, что я называю легендой о Стендалѣ, получило свое начало именно въ этой особенности его характера. Несмотря на все то, что онъ писалъ о себѣ, несмотря на то, что современники разсказывали о немъ, онъ очень мало извѣстенъ, какъ человѣкъ. Къ нему относишься съ недовѣріемъ, постоянно опасаешься мистификаціи со стороны его загадочнаго ума, который вѣчно стремится „провести“ толпу, подобно дипломату, который желаетъ „провести“ того короля, къ кому отправленъ посломъ. Я все прочиталъ, что писалось о Стендалѣ, и сознаюсь—это меня мало подвинуло впередъ. Современники, въ томъ числѣ и Сентъ-Бёвъ, поверхностно судили о немъ. Онъ самъ не высказывался, а никто не пытался понять его. Въ настоящее время разгадать истинный характеръ Стендаля—еще труднѣе. Я знаю, что самое лучшее — относиться ко всему въ простотѣ, не смущаться сложностью явленій и помнить, что самыя хитрыя на видъ машины весьма часто прикрываютъ этою самою хитростью наипростѣйшій механизмъ.

Если намъ нельзя изучать Стендаля непосредственно, то постараемся изучить его въ его же произведеніяхъ. Это самый вѣрный путь узнать истину, потому что произведенія—это такіе свидѣтели, которыхъ никто не въ силахъ отвести. Надо однако признаться, что до сихъ поръ произведенія Стендаля только усиливали мракъ, сгустившійся вокругъ его имени. Ихъ разбирали пристрастно, въ ту

Digitized by Google

или другую сторону, превозносили ихъ или порицали, но никто еще не высказалъ трезваго сужденія и не отвелъ писателю надлежащаго ему мѣста. И здѣсь мы наталкиваемся опять на легенду. Въ лагерѣ художниковъ цитируютъ слова Стендаля: „Каждое утро я читаю страницу кодекса законовъ, чтобы настроиться, какъ слѣдуетъ“,— и этого достаточно, чтобы навлечь на него анаѳему всей романтической „клики“; между тѣмъ какъ тѣ же слова вызовутъ непремѣнно дружныя похвалы противниковъ торжествующей риторики. Весьма возможно, что эта фраза была сказана или написана, но ея недостаточно для того, чтобы охарактеризовать писателя. Я думаю, что знакомство съ ролью, какую игралъ Стендаль въ движеніи 1830 года, очень разъяснило бы исторію этого движенія, потому что Стендаль вначалѣ поддерживалъ романтизмъ и отдѣлился отъ него только позднѣе, когда окончательно восторжествовалъ растрепанный лиризмъ поэтовъ той эпохи. Въ настоящее время ошибочно думаютъ, что Викторъ Гюго съ-разу создалъ романтизмъ, силою личнаго генія. Правда состоитъ въ томъ, что онъ нашелъ его готовымъ и просто завоевалъ себѣ своимъ сильнымъ дарованіемъ; онъ безусловно и нераздѣльно завладѣлъ имъ. Поэтому оригинальные умы, какимъ былъ Стендаль, устранились, не желая быть проглоченными. Стендаль, будучи лѣтъ на двадцать старше Виктора Гюго, остался вѣренъ традиціямъ слога восемнадцатаго столѣтія, очень не любилъ новаго языка, смѣялся надъ избыткомъ эпитетовъ, считая ихъ лишнимъ бременемъ, также какъ и всѣ фестоны и украшенія, отъ которыхъ старинная французская рѣчь утрачивала точность и живость. Ему было ненавистно преувеличеніе чувствъ и характеровъ; онъ готовъ былъ признать философскій переворотъ въ умахъ, революцію въ идеяхъ, но всей своей натурой отворачивался отъ шутовского мятежа, переодѣвавшаго вѣчныхъ грековъ и вѣчныхъ римлянъ въ средне-вѣковыхъ рыцарей. Отсюда его слова о кодексѣ законовъ, которыя до сей поры еще характеризуютъ для многихъ людей его талантъ. Но, право, такой аргументъ слишкомъ ничтоженъ. Мы все еще, повторяю, имѣемъ дѣло съ легендой.

О Стендалѣ писали очень мало, въ особенности если мы примемъ во вниманіе громадную массу статей и даже книгъ, написанныхъ о Бальзакѣ. Я знаю всего только три статьи, заслуживающія вниманія, а именно: Бальзака, Сентъ-Бёва и Тэна. Но согласія между ними нѣтъ: Бальзакъ и Тэнъ стоятъ за Стендаля, Сентъ-Бёвъ — противъ него. Прибавлю, что всѣ трое, по-моему, не исчерпываютъ предмета, и что каждый смотритъ на романиста односторонне, и не отводитъ ему настоящаго мѣста, не поясняетъ роли,

Digitized by Google

какую онъ игралъ. Прочитавъ всѣ три статьи, чувствуешь себя неудовлетвореннымъ, сознаешь, что Стендаль все еще не вполнѣ ясенъ.

Статья Вальзака—одинъ сплошной восторгъ. Онъ безусловно восхищается, превозноситъ своего соперника до небесъ. И восхищеніе это искренно, потому что его находишь и въ его письмахъ. 20-го марта 1839 года, онъ писалъ Стендалю, прочитавъ эпизодъ изъ сраженія при Ватерлоо въ „Constitutionnel": „Это достойно кисти и пера Бургоньона и Вувермана, Сальватора-Розы и Вальтеръ-Скотта". 6-го апрѣля, онъ опять пишетъ: „La Chartreuse" — великая и прекрасная книга; говорю вамъ это безъ лести, потому что не умѣю льстить, и могу откровенно хвалить то, къ чему самъ неспособенъ. Я дѣлаю фрески, а вы—итальянскія статуи... Тутъ все оригинально и ново... Вы объяснили душу Италіи". Все это искренно и восторженно, но признаюсь, что несовсѣмъ понимаю сопоставленіе фресокъ съ итальянскими статуями, и, кромѣ того, Бургоньонъ и Вувермансъ, Сальваторъ Роза и Вальтеръ-Скоттъ — этотъ странный винигретъ именъ меня смущаетъ и удивляетъ. Я думаю, что критикъ долженъ говорить ясно и опредѣленно. Бальзакъ сильно чувствовалъ талантъ Стендаля. Онъ пытался передать свое восхищеніе, не опредѣляя личности романиста, не разбирая механизма этого рѣдкостнаго ума, какой только дѣйствовалъ во французской литературѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Если мы перейдемъ къ Сентъ-Бёву, то встрѣтимъ у него статью, наполненную остроумными замѣчаніями, которыя постоянно вертятся около предмета, не давая о немъ никакого заключенія. Все это очень тонко и вмѣстѣ пусто. Впрочемъ, разъ Сентъ-Бёвъ увлекся до того, по поводу Стендаля, что высказалъ рѣшительное сужденіе, какъ то́ съ нимъ не часто бывало. Онъ написалъ въ статьѣ, посвященной Тэну: „Тэнъ упоминаетъ о Стендалѣ, и чаще всего — въ своей книгѣ „les Philosophes", и отзывается о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ (великій романистъ, величайшій психологъ нашего столѣтія). Рискуя уронить самого себя, требуя отъ Тэна бо́льшей строгости въ сужденіи о современникахъ, скажу, что, будучи знако́мъ съ Стендалемъ, близко зная его романы, еще недавно перечитавъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, заставляя себя перечесть эти хваленые романы (всегда неудачные, несмотря на хорошенькія отдѣльныя мѣста, и въ сущности—отвратительные, detestables), я не могу раздѣлять того восхищенія, съ какимъ нынѣ принято относиться къ этому умному, тонкому, проницательному и пикантному писателю, но не имѣющему связи въ идеяхъ, неестественному и лишенному воображенія". Слово произнесено: романы Стендаля — отвратительны. Въ другомъ мѣстѣ, Сентъ-Бёвъ объявляетъ, что готовъ пред-

Digitized by Google

почесть „Voyage autour de ma chambre“, Ксавье де-Местра. Тутъ, очевидно, столкнулись двѣ враждебныя натуры, и на этотъ разъ приходится отвергнуть сужденіе Сентъ-Бёва, такъ какъ, несмотря на свойственную ему тонкость анализа, онъ судитъ о Стендалѣ поверхностно. Безъ сомнѣнія, Стендаль непослѣдователенъ,—безъ сомнѣнія, онъ иногда бываетъ неестественъ, но заключать изъ этого, что его романы отвратительны, не приводя никакихъ доводовъ, не стараясь изучить ихъ глубже, — это, значитъ, стрѣлять холостыми зарядами, или по меньшей мѣрѣ высказывать одно голое мнѣніе, не подкрѣпляя его никакими аргументами. Статья Сентъ-Бёва не что иное, какъ болтовня литератора, возмущеннаго натурой, противоположной его собственной; она ничего не объясняетъ и нисколько не убѣдительна.

Съ Тэномъ мы опять попадаемъ въ тонъ безусловнаго восторга. Я знаю, что его статья о Стендалѣ, напечатанная въ 1866 г. въ его „Essais de critique et d'histoire“, не считается имъ самимъ полною и законченною. Онъ желалъ бы расширить ея рамки, она ему кажется въ настоящемъ своемъ видѣ недостойною Стендаля. Но тѣмъ не менѣе въ ней ясно выражены мотивы восхищенія. Онъ начинаетъ такъ:—„Я ищу слова, чтобы выразить, какой родъ ума у Стендаля, и мнѣ думается, что лучшимъ словомъ въ этомъ случаѣ будетъ *высокій умъ*—esprit supérieur“. Исходя изъ этого и употребляя свой систематическій пріемъ, онъ все приводитъ къ этому слову, или, вѣрнѣе сказать, изъ него выводитъ все, что видитъ въ личности Стендаля. Пока я удовольствуюсь слѣдующей цитатой. Сказавъ, что Викторъ Гюго—живописецъ, а Бальзакъ—физіологъ нравственнаго міра, онъ прибавляетъ:—„Въ безконечной вселенной художникъ выбираетъ свой міръ. Міръ Стендаля обнимаетъ одни только чувства, черты характера, игру страстей, словомъ—жизнь души“.—Все сказано этимъ, и отнынѣ восхищеніе Тэна понятно. Философъ, который сидитъ въ Тэнѣ, нашелъ себѣ романиста по душѣ въ идеологѣ Стендалѣ, какъ онъ его самъ называетъ, въ психологѣ и логическомъ умѣ, который далъ намъ „le Rouge et le Noir“ и „la Chartreuse de Parme“. И я тоже начну съ этого пункта, но только я приду къ другому выводу, нежели Тэнъ, утверждающій по поводу Жюльена Сорель, что „такіе характеры единственные, которые заслуживаютъ въ настоящее время того, чтобы обратить на себя наше вниманіе“. Современная литературная формула шире; ставя Стендаля во главѣ движенія, слѣдуетъ строго опредѣлить его роль, и не загромождать путь позади него, вслѣдствіе философскаго увлеченія. Послѣ преувеличенныхъ похвалъ Бальзака, негодующей болтовни Сентъ-Бёва и философскихъ размышленій Тэна, пора, мнѣ кажется, высказать о

Digitized by Google

Стендалѣ голую правду, анализировать его безъ всякой предвзятой мысли и отвести ему его настоящее мѣсто въ текущемъ столѣтіи.

При своемъ появленіи, два главныхъ романа Стендаля: „le Rouge et le Noir“ (1831) и „la Chartreuse de Parme“ (1838) не имѣли никакого успѣха. Хвалебная статья Бальзака не заставила публику ихъ читать; романы вращались лишь въ кругу литераторовъ, да и тѣмъ мало нравились. Только въ 1850 г. произошло въ нѣкоторомъ родѣ ихъ воскрешеніе. Оно очень удивило Сентъ-Бёва, и онъ, наконецъ, былъ раздраженъ всѣмъ этимъ. Затѣмъ, Тэнъ, выражая, конечно, мнѣніе той группы друзей, какихъ онъ пріобрѣлъ въ нормальномъ училищѣ, пустилъ въ ходъ слова „великій романистъ“ и „величайшій психологъ текущаго столѣтія“. Съ тѣхъ поръ стало въ модѣ восхищаться Стендалемъ, причемъ его все-таки не читали и мало понимали. На этомъ вопросъ и застылъ: художники отрицаютъ Стендаля, философы превозносятъ.

Я займусь въ Стендалѣ только романистомъ, и даже ограничусь двумя изъ его романовъ: „le Rouge et le Noir“ и „la Chartreuse de Parme“, оставляя въ сторонѣ его многочисленныя новѣсти и даже его первое произведеніе: „Armance, scènes d'un salon de Paris“, напечатанное въ 1827 г.

II.

Скажу сначала нѣсколько словъ о свойствѣ таланта Стендаля, затѣмъ перейду къ разбору его капитальныхъ трудовъ, и подкрѣплю такимъ образомъ свои сужденія примѣрами. Конечно, это значитъ начинать съ конца, такъ какъ я начну съ замѣтокъ, сдѣланныхъ мною при чтеніи „le Rouge et le Noir“ и „la Chartreuse de Parme“. Но мнѣ кажется, что только такимъ путемъ можно добиться ясности.

Стендаль прежде всего—психологъ. Тэнъ очень хорошо опредѣлилъ его сферу, сказавъ, что онъ исключительно интересуется „жизнью души“. Для Стендаля человѣкъ состоитъ изъ одного только мозга; остальные органы не идутъ въ счетъ. Само собой разумѣется, что я помѣщаю чувства, страсти, характеры въ мозгу, въ матеріи мыслящей и дѣйствующей. Онъ не допускаетъ, чтобы другія части тѣла оказывали вліяніе на этотъ благородный органъ, или по крайней мѣрѣ это вліяніе кажется ему недостаточно сильнымъ, не стоющимъ того, чтобы на него обращать вниманіе. Кромѣ того, онъ никогда не принимаетъ въ разсчетъ среду, гдѣ вращается его дѣйствующее лицо. Внѣшній міръ для него почти не существуетъ; онъ не интересуется ни домомъ, въ которомъ выросъ его герой, ни го-

Digitized by Google

ризонтомъ, при которомъ онъ жилъ. Итакъ, вотъ въ краткихъ словахъ вся его формула: изученіе механизма души ради курьёзности этого механизма, изученіе человѣка—но чисто философское и нравственное изученіе его интеллектуальныхъ и чувственныхъ свойствъ, помимо окружающей природы.

Въ сущности, это воззрѣніе двухъ послѣднихъ классическихъ вѣковъ. Безъ сомнѣнія, первоначальныя идеи о человѣкѣ, догматы, могли измѣниться, но мы все же стоимъ лицомъ къ лицу съ метафизикой, изучающей душу, какъ абстракть, не стремясь изучить дѣйствіе пружинъ въ человѣческомъ тѣлѣ и вліяніе, которое вся природа, очевидно, имѣетъ на нее. Такимъ образомъ, Тэнъ самъ пришелъ къ тому, что сравниваетъ Стендаля съ Расиномъ.—Стендаль, —говоритъ онъ,—былъ ученикомъ идеологовъ, другомъ де-Траси, и эти мастера анализа преподали ему науку о душѣ. Въ Расинѣ очень хвалятъ знаніе человѣческаго сердца, его противорѣчій, его безумствъ, и не замѣчаютъ, что постоянное краснорѣчіе и изящество, искусное развитіе, подробное и ученое объясненіе, къ какимъ прибѣгаетъ каждое дѣйствующее лицо при описаніи своихъ ощущеній, лишаетъ ихъ отчасти правды... У Стендаля нѣтъ этого недостатка, и родъ произведеній, избранный имъ, помогаетъ ему избѣжать его. Сначала эта параллель какъ будто изумляетъ, но она вѣрна. У поэта-трагика и у романиста пріемъ одинъ и тотъ же, но примѣняется на основаніи различной риторики. Это опять-таки, повторяю, чистая психологія, свободная отъ всякой физіологіи и естественныхъ наукъ.

Во всякомъ психологѣ сидитъ идеологъ и философъ. Въ этомъ торжество Стендаля. Стóитъ прослѣдить, какъ онъ, исходя отъ извѣстной идеи, показываетъ развитіе цѣлой группы идей, которыя порождаются одна другой, усложняются и распутываются. Ничего не можетъ быть тоньше, проницательнѣе, неожиданнѣе его непрерывнаго анализа. Онъ изобрѣтаетъ душу, одаренную извѣстными чувствами и страстями, окружаетъ ее цѣлымъ рядомъ фактовъ и довольствуется тѣмъ, что показываетъ, какъ дѣйствуетъ эта душа при данныхъ обстоятельствахъ. По-моему, Стендаль не наблюдатель, который начинаетъ съ наблюденія и путемъ логики приходитъ къ истинѣ; онъ—философъ, начинающій съ логики, и часто приходитъ къ истинѣ помимо наблюденія.

Его часто приводятъ на ряду съ Бальзакомъ, и, повидимому, не видятъ, какая пропасть раздѣляетъ ихъ. Тэнъ, сравнивающій ихъ, не говоритъ ничего положительнаго. Онъ отводитъ Стендалю психологію, жизнь души, и прибавляетъ относительно Бальзака: „Что видѣлъ Бальзакъ въ „Comedie humaine“? — Все, скажете вы; — да, но какъ ученый, какъ физіологъ нравственнаго міра, какъ „докторъ со-

Digitized by Google

ціальныхъ наукъ", какъ онъ называлъ самого себя; изъ чего явствуетъ, что его разсказы суть теоріи, что читатель на страницѣ романа находитъ лекцію Сорбонны, что диссертаціи и комментаріи *являются* язвой его слога". Я совсѣмъ не понимаю выводовъ, дѣлаемыхъ тутъ критикомъ. Доктору соціальныхъ наукъ вовсе нѣтъ надобности разсуждать или комментировать, ему достаточно излагать. Такъ отмѣчаетъ литературный характеръ таланта Бальзака и безъ всякаго основанія выдаетъ это за роковую ошибку его формулы. Правда въ томъ, что Бальзакъ, какъ ученый изучалъ свой предметъ, вся его работа была основана на наблюденіи человѣка, и онъ, подобно зоологу, пришелъ къ тому, что придавалъ огромное значеніе всѣмъ органамъ и средѣ. Надо видѣть его въ анатомическомъ театрѣ, съ скальпелемъ въ рукахъ, доказывающимъ, что въ человѣкѣ живетъ не одинъ мозгъ, угадывающимъ, что человѣкъ—растеніе, связанное съ почвою, и рѣшающимся изъ любви къ истинѣ ничѣмъ не пренебрегать въ человѣкѣ, изображать его всесторонне, съ его истинными свойствами, развивающимися подъ вліяніемъ среды. Въ это время Стендаль сидитъ взаперти въ своемъ кабинетѣ, какъ философъ, возится съ идеями и интересуется въ человѣкѣ только его мозгомъ. Онъ пишетъ романъ не съ тѣмъ, чтобы проанализировать какой-нибудь уголокъ дѣйствительности съ его одушевленными и неодушевленными предметами. Онъ пишетъ романъ, чтобы примѣнить систему Кондильяка объ образованіи идей. Такова великая разница между Стендалемъ и Бальзакомъ. Она капитальна, потому что происходитъ не только отъ двухъ противоположныхъ темпераментовъ, но также и отъ двухъ различныхъ философскихъ взглядовъ.

Короче сказать, Стендаль является настоящимъ звеномъ, соединяющимъ современный романъ съ романомъ восемнадцатаго вѣка. Онъ былъ на шестнадцать лѣтъ старше Бальзака, онъ принадлежалъ другой эпохѣ. Всего характернѣе въ этомъ отношеніи его презрѣніе къ плоти, его молчаніе о физіологическихъ элементахъ въ человѣкѣ и о роли среды. Онъ замыкается въ абстрактѣ, выдѣляетъ человѣка изъ остальной природы и объявляетъ, что такъ какъ одна только душа благородна, то она одна имѣетъ право гражданства въ литературѣ. По-моему, онъ одностороннѣе Бальзака—вотъ и все.

Я не могу не настаивать на этомъ, такъ какъ въ этомъ заключается сущность вопроса. Возьмите дѣйствующее лицо у Стендаля; это отлично собранная машина, надѣленная умомъ и чувствами. Возьмите дѣйствующее лицо у Бальзака—это человѣкъ съ мясомъ и костями, въ томъ платьѣ, какое онъ носитъ и съ тѣмъ воздухомъ, какимъ онъ дышетъ. У кого творчество полнѣе? гдѣ жизнь? Очевидно,

Digitized by Google

у Бальзака. Я не признаю высокаго и низкаго въ человѣкѣ. Мнѣ говорятъ, что душа высока, а тѣло низко. Почему же? Я не могу представить себѣ душу безъ тѣла и беру ихъ вмѣстѣ. Чѣмъ Жюльенъ Сорель, напримѣръ, существо чисто умозрительное, выше барона Гюло, живого человѣка? Одинъ разсуждаетъ, другой живетъ. Я предпочитаю послѣдняго. Если вы не признаете тѣла, если вы не берете въ разсчетъ физіологіи, то вы далеки отъ истины; то же надо сказать и о средѣ: она существуетъ, она имѣетъ очевидное, большое вліяніе, и нѣтъ ничего возвышеннаго въ томъ, чтобы устранить ее и не принимать въ соображеніе при описаніи людей.

Итакъ, вотъ отвѣтъ, который слѣдуетъ давать противникамъ натуральной школы, когда они упрекаютъ современныхъ романистовъ за то, что они отмѣчаютъ животнаго въ человѣкѣ и вдаются въ описанія. Описаніе является необходимымъ дополненіемъ анализа. Во всѣхъ своихъ движеніяхъ душа будетъ подпадать вліянію зрѣнія, обонянія, слуха, вкуса, осязанія. Понятіе о душѣ изолированной, дѣйствующей въ пустомъ пространствѣ—понятіе ложное. Конечно, можно злоупотреблять анализомъ, въ особенности описаніями. Виртуозность часто увлекаетъ риторовъ; они соперничаютъ съ живописцами, стараясь придать яркость и картинность слову. Но злоупотребленіе не мѣшаетъ тому, что для современнаго романа является научной необходимостью—точно и ясно описывать среду и изучать ея вліяніе на дѣйствующихъ лицъ.

Возьму примѣръ для большей ясности. Въ „le Rouge et le Noir“ есть знаменитый эпизодъ, сцена, въ которой Жюльенъ, сидя вечеромъ рядомъ съ m-me де-Реналь въ тѣни вѣтвистаго дерева, беретъ ее за руку, въ то время, какъ она разговариваетъ съ m-me Дерваль. Эта маленькая безмолвная драма написана съ огромнымъ талантомъ, и Стендаль превосходно анализируетъ состояніе души обоихъ дѣйствующихъ лицъ. Но среда при этомъ совсѣмъ устранена. Мы могли бы быть, гдѣ угодно и при какихъ угодно обстоятельствахъ—сцена осталась бы безъ измѣненія, лишь бы было темно. Я хорошо понимаю, что Жюльена, при напряженномъ состояніи его духа, среда нисколько не задѣваетъ. Онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не чувствуетъ; онъ хочетъ только взять руку m-me Реналь и продержать ее въ своей рукѣ. Но m-me Реналь должна, напротивъ того, поддаваться всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ. Дайте написать этотъ эпизодъ писателю, признающему среду, и онъ покажетъ, какую роль играла въ паденіи этой женщины ночь, съ ея ароматами, звуками ея мягкой тѣни. И этотъ писатель будетъ ближе къ истинѣ, его изображеніе будетъ полнѣе. Повторяю: дѣло не во фразахъ, которыми можно злоупотреблять, но въ томъ, чтобы отмѣчать всѣ обстоятель-

Digitized by Google

ства, вліяющія на дѣйствія человѣческаго организма. Это замѣчаніе мнѣ придется сдѣлать относительно всѣхъ произведеній Стендаля. Но этимъ доказывается его превосходство,—скажутъ.—Почему такъ?—Онъ не риторъ, тѣмъ лучше для него.—Но если онъ ограничивается абстрактомъ, то я не вижу, почему слѣдуетъ ставить его выше тѣхъ, которые изучаютъ дѣйствительность, какъ Бальзакъ. Нѣтъ никакого основанія ставить психолога выше физіолога.

Но вотъ вопросъ: въ чемъ же заключается сущность таланта Стендаля? По-моему, она заключается въ той правдѣ, какой онъ часто добивается путемъ своего психологическаго пріема, несмотря на всю его неполноту и систематичность. Я сказалъ, что не вижу въ немъ наблюдателя. Онъ не наблюдаетъ и не списываетъ съ природы, не мудрствуя лукаво. Его романы—произведенія головныя, философская квинтэссенція человѣка. Онъ видѣлъ людей и очень много; но они не представляются ему въ своей будничной, повседневной обстановкѣ; онъ примѣриваетъ на нихъ свои теоріи и рисуетъ ихъ сквозь свои собственныя соціальныя измышленія. Но при этомъ случается, что этотъ психологъ, пренебрегающій дѣйствительностью и весь преданный логикѣ, доходитъ путемъ чисто умозрительнымъ до смѣлыхъ истинъ, какихъ никто до него не рѣшался давать въ романѣ. Вотъ что меня въ немъ восхищаетъ. И съ этой точки зрѣнія мнѣ больше нравится „le Rouge et le Noir“, чѣмъ „Chartreuse de Parme“. Я не знаю ничего удивительнѣе первой любовной ночи Жюльена и m-me де-ла-Моль. Въ ней чувствуется смущеніе, неловкость, ошибка, глупая и жестокая, и это впечатлѣніе остается неизгладимымъ,—до такой степени всѣ факты дышатъ правдой. Конечно, это не наблюденіе, а выводъ; но дѣло въ томъ, что психологъ освободился отъ своихъ ухищреній и сразу перешелъ къ простотѣ, скажу даже къ наивности, какая отмѣчаетъ правду. Я могъ бы привести массу отрывковъ изъ Стендаля, гдѣ онъ дѣлаетъ изумительно вѣрныя замѣчанія, путемъ одной логики. Никто до него не изображалъ любви такъ правдиво; когда онъ не заблуждается въ своей системѣ, то представляетъ такіе аргументы, которые опрокидываютъ всѣ условныя понятія и бросаютъ неожиданный свѣтъ на вещи. Въ этомъ его истинная сила. Если онъ стоитъ во главѣ натуральной школы, то не потому только, что онъ былъ психологомъ, но потому, что, будучи только психологомъ, имѣлъ настолько таланта, чтобы найти правду, вопреки своимъ теоріямъ и безъ помощи физіологіи и естественныхъ наукъ.

Итакъ, скажу въ заключеніе, что Стендаль представляетъ переходъ въ романѣ отъ метафизическаго понятія о немъ, господствовавшаго въ восемнадцатомъ столѣтіи, къ научнымъ понятіямъ нашего

Digitized by Google

вѣка. Какъ и писатели двухъ вѣковъ, стоящихъ за его спиной, онъ не выходитъ изъ сферы души и видитъ въ человѣкѣ только благородную машину, надѣленную идеями и страстями; слѣдуетъ однако прибавить, что его метафизика уже не метафизика Расина, ни даже Вольтера. Кондильякъ оставилъ свой слѣдъ, появляется позитивизмъ; съ Стендалемъ переносишься на порогъ научнаго столѣтія. Никакой догматъ больше не тяготѣетъ надъ дѣйствующими лицами. Изслѣдованіе начато, и романистъ отправляется на поиски за истиной; какъ онъ самъ говоритъ, онъ „наводитъ зеркало на большую дорогу"; но только въ этомъ зеркалѣ отражается одна голова человѣка, одна благородная часть его, но не туловище и не окружающіе предметы. Это—дѣйствительность, отражающаяся въ головѣ философа и дипломата, не затронутаго ни наукой, ни искусствомъ. Прибавьте ко всему этому умъ, освободившійся отъ всѣхъ предразсудковъ и увлекающійся зачастую теоріями, свободный и проницательный умъ, часто возвышающійся до ироніи и не только подсмѣивающійся надъ другими, но и надъ самимъ собой—и вы получите Стендаля.

Перехожу теперь къ „le Rouge et le Noir". Впрочемъ, я вовсе не думаю дать здѣсь полный анализъ. Я только-что перечиталъ романъ съ карандашомъ въ рукахъ, и вотъ какія размышленія онъ вызвалъ во мнѣ.

III.

Судьба Наполеона играетъ огромную роль въ творчествѣ Стендаля. Чтобы понять „le Rouge et le Noir", необходимо перенестись въ ту эпоху, когда романъ былъ написанъ; необходимо дать себѣ отчетъ о томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ чудовищное честолюбіе Наполеона оставило поколѣніе Стендаля. Этотъ скептикъ, этотъ холодный насмѣшникъ, этотъ моралистъ безъ предразсудковъ, этотъ лишенный всякаго энтузіазма писатель,—трепещетъ и преклоняется предъ однимъ только именемъ Наполеона. Онъ не говоритъ этого, но вы постоянно чувствуете въ немъ старинное обожаніе, и онъ весь еще подавленъ обломками и развалинами, оставшимися отъ паденія колосса. Съ этой точки зрѣнія на Жюльена Сореля должно смотрѣть, какъ на олицетвореніе честолюбивыхъ грезъ и сожалѣній цѣлой эпохи.

Я пойду дальше. По моему мнѣнію, Стендаль самъ въ значительной степени отразился въ Жюльенѣ. Я не прочь думать, что онъ мечталъ о военной славѣ, живя въ эпоху, когда простые солдаты дѣлались маршалами Франціи. Наконецъ, имперія рушится, и вся молодежь, къ которой онъ принадлежалъ, всѣ эти разгорѣвшіеся аппе-

Digitized by Google

титы, всѣ эти честолюбія, мечтавшія найти корону въ солдатскомъ патронташѣ, — разомъ попадаютъ въ другую эпоху, въ эпоху реставраціи, въ эпоху правленія патеровъ и царедворцевъ; гостиницы и салоны смѣнили поле битвы, лицемѣріе стало всемогущимъ оружіемъ выскочекъ. Вотъ, ключъ для пониманія характера Жюльена, въ началѣ книги; и все, включая загадочное заглавіе „le Rouge et le Noir", повидимому, указываетъ на смѣну военнаго правленія клерикальнымъ.

Я настаиваю на этомъ, потому что, сколько мнѣ кажется, еще недостаточно опредѣлено несомнѣнное вліяніе, оказанное Наполеономъ на нашу литературу. Правда, что въ эпоху имперіи литература отличалась весьма ничтожной производительностью; но нельзя отрицать, что судьба Наполеона какъ молотомъ ударила по головамъ того времени. Вліяніе проявилось впослѣдствіи въ общемъ потрясеніи умовъ. У Виктора Гюго такое потрясеніе выразилось въ цѣломъ потокѣ лиризма. У Бальзака она повела къ гипертрофіи личности; онъ, очевидно, хотѣлъ создать въ романѣ цѣлый міръ, подобно тому какъ Наполеонъ мечталъ о покореніи стараго міра. Честолюбіе разгоралось необыкновенно; предпріятія принимали исполинскій характеръ; въ литературѣ, какъ и вездѣ, мечтали о созданіи всемірнаго царства. Но всего болѣе удивляетъ меня, что это направленіе задѣло и Стендаля. Онъ задумывается, повидимому, онъ смотритъ на Наполеона, какъ на бога, унесшаго съ собой всю свободу и все благородство Франціи.

Итакъ, вотъ передъ нами Жюльенъ, втайнѣ боготворящій Наполеона и принужденный скрывать свое благоговѣніе, если хочетъ сдѣлать карьеру. Весь его характеръ, столь сложный и съ перваго взгляда парадоксальный, построенъ на этомъ фундаментѣ: благородная, чувствительная, нѣжная натура, не имѣя возможности открыто удовлетворять своему честолюбію, бросается въ притворство и самыя запутанныя интриги. Въ самомъ дѣлѣ, отнимите у Жюльена честолюбіе, — и онъ будетъ счастливъ въ своихъ горахъ; или, съ другой стороны, дайте Жюльену достойное его силъ поприще, и онъ восторжествуетъ, какъ герой, не унижаясь до дипломатическихъ хитростей. Онъ—дитя этой исторической эпохи, человѣкъ съ выдающимися способностями, котораго темпераментъ толкаетъ на путь славы; но онъ слишкомъ поздно родился, чтобы быть Наполеоновскимъ маршаломъ, и потому рѣшается добиваться своей цѣли путемъ лицемѣрія, дѣйствуя какъ лицемѣрный лакей. Съ этой точки зрѣнія его характеръ становится понятнымъ; объясняются его покорность и возмущеніе, его нѣжность и вспышки жестокости; его обманы и откровенность. Притомъ, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ крайности, онъ столько же наивенъ, какъ и ловокъ; онъ еще болѣе невѣжественъ, чѣмъ уменъ. Стендаль хотѣлъ изобразить въ немъ человѣка, со всѣми его про-

Digitized by Google

тиворѣчіями, проявляющимися сообразно обстоятельствамъ. Безъ сомнѣнія, его анализъ—замѣчателенъ; никогда и никто такъ не рылся въ человѣческомъ мозгу. Я недоволенъ только постояннымъ напряженіемъ дѣйствующаго лица; оно не живетъ, оно всюду и вѣчно является „субъектомъ“ въ глазахъ автора, до такой степени, что его мелкіе поступки даютъ гораздо болѣе матеріала, чѣмъ рѣшительные моменты его жизни.

Очень любопытно изучать самое начало романа. Вы еще не увлечены интересомъ предмета, и можете дать себѣ отчетъ въ литературномъ методѣ автора. Его методъ есть методъ произвола. Для романа нѣтъ никакого основанія начинаться описаніемъ города Верьеръ и портретомъ Реналя. Я знаю, что надо же начать чѣмъ-нибудь; но я хочу сказать, что Стендаль не подчиняется никакимъ идеямъ симметріи, постепеннаго развитія, порядка. Онъ пишетъ какъ попало, точно въ записной книжкѣ. Кто первый попадется подъ руку, тотъ и описывается. Такъ что, пока разсказъ не разростается, въ немъ даже замѣтна какъ-бы нѣкоторая путаница; кажется, что натыкаешься на противорѣчія; приходится возвращаться назадъ и удостовѣряться, что основная нить разсказа не порвана. Замѣтьте въ особенности, какимъ образомъ дѣйствующія лица вступаютъ въ разсказъ. Они появляются какъ-бы экспромптомъ; когда они понадобятся Стендалю, онъ вызываетъ ихъ, и они приходятъ часто вслѣдъ за какимъ-нибудь эпизодомъ. Поэтому и городокъ Верьеръ, къ которому онъ время отъ времени возвращается, остается чрезвычайно смутнымъ; вы чувствуете, что онъ выдуманъ авторомъ, вы не видите его въ дѣйствительности. Въ общемъ, все это лишено порядка, лишено логики. Да! осмѣливаюсь высказать это: обладая логикой въ идеяхъ, Стендаль является запутанникомъ въ отношеніи слога и литературной композиціи. Тутъ есть непослѣдовательность, которая поразила меня, и кажется мнѣ характеристичною. Я еще возвращусь къ этому обстоятельству.

Мадамъ де-Реналь—одинъ изъ очень удачныхъ типовъ Стендаля, потому что онъ не особенно носился съ нею. Онъ предоставилъ ей нѣкоторую свободу дѣйствій. Однако долженъ замѣтить, что онъ хотѣлъ придать ей излишнюю возвышенность характера—это вѣчное стремленіе Стендаля, за которое Тэнъ считаетъ нужнымъ его похвалить: онъ ненавидитъ посредственность, постоянно старается возвысить ее, выставить ее идеаломъ умственнаго развитія. Сначала мадамъ де-Реналь является довольно ничтожной буржуазкой; но затѣмъ романистъ начинаетъ выставлять ее необыкновенной женщиной при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Первая встрѣча Жюльена съ этой красивой дамой изображена прекрасно; ихъ любовь, нерѣшительность женщины, наивно-холодная разсчетливость молодого человѣка

Digitized by Google

запечатлѣны правдой, немного искусственной, и напоминающей въ въ этомъ отношеніи „Confessions“. Только, признаюсь, меня немного смущаетъ возвышенность обоихъ и постоянныя рѣчи мадамъ де-Реналь о геніальности Жюльена. „Его геніальность,—говоритъ Стендаль,—даже пугала ее; съ каждымъ днемъ она все ясно различала будущаго великаго человѣка въ этомъ молодомъ аббатѣ“. Подумайте же теперь, что Жюльену не исполнилось еще 20 лѣтъ; что онъ абсолютно ничего не совершилъ, и даже не совершитъ ничего въ доказательство своей геніальности, которою его такъ щедро надѣляютъ. Для Стендаля онъ геній, безъ сомнѣнія, потому, что Стендаль, будучи единственнымъ хозяиномъ надъ этой головой, наполняетъ ее тѣмъ, что считаетъ за признаки генія. Впрочемъ, мы натыкаемся здѣсь на поврежденіе, причиненное Наполеономъ мозгамъ людей той эпохи: для Стендаля, какъ и для Бальзака, геніальность—обыкновенное состояніе дѣйствующихъ лицъ. Мы находимъ это и въ „Chartreuse de Parme“.

Приведу здѣсь слова Жюльена о мадамъ де-Реналь: „Вотъ геніальная женщина, которую встрѣча со мною довела до послѣднихъ предѣловъ несчастія“. А хуже всего то, что Жюльенъ судитъ иногда о той же самой женщинѣ, какъ глупецъ. Такъ, напримѣръ, онъ думаетъ: „Кто знаетъ, сколько у ней было любовниковъ! можетъ быть, она согласась со мной только благодаря легкости свиданій“. Это даже досадно: проницательность Жюльена значитъ очень не велика, если онъ не могъ лучше узнать мадамъ де-Реналь, несмотря ни на маленькій городокъ и ежедневныя свиданія. Такимъ образомъ встрѣчаются необыкновенныя уклоненія въ анализѣ, часто на разстояніи нѣсколькихъ строчекъ; и это нарушаетъ ходъ романа и придаетъ ему произвольный характеръ. Безъ сомнѣнія, человѣкъ полонъ противорѣчій; но, по моему мнѣнію, такіе скачки дѣйствующаго лица, такое коканье въ его мозгу, вредятъ широкому и простому развитію жизни. Мы почти постоянно имѣемъ дѣло съ исключеніями. Такимъ образомъ, въ любви мадамъ де-Реналь и Жюльена, въ особенности въ роли послѣдняго, постоянно слышится скрипъ и неѣзжія машины, колёса которой плохо дѣйствуютъ. Укажу примѣръ: Жюльенъ—опьяненъ восторгомъ, что держитъ руку мадамъ де-Реналь въ своей рукѣ; и Стендаль прибавляетъ: „Но это волненіе было удовольствіемъ, а не страстью. Возвратясь въ свою комнату, онъ думалъ только объ одномъ счастьи: приняться за свою любимую книгу; въ двадцать лѣтъ онъ уже весь былъ поглощенъ желаніемъ блистать въ свѣтѣ“. Вы не повѣрите, до какой степени меня смущаетъ это философское отличіе „удовольствія“ отъ „страсти“; и вы видите, что авторъ тотчасъ же постарался подкрѣпить это отличіе примѣромъ, заставивъ Жюльена предпочесть чтеніе Mémorial de Sainte-Hélène—неоставившимъ еще воспоминаніямъ

Digitized by Google

о мадамъ де-Реналь. Я не отрицаю возможности такого факта. Но онъ смущаетъ меня, потому что я чувствую, — авторъ приводитъ его не на основаніи наблюденія, но просто изъ желанія подкрѣпить свою теорію „удовольствія и страсти“ въ любви. Такимъ-то образомъ авторъ повсюду является истолкователемъ, философомъ, который отличаетъ душевное настроеніе своихъ героевъ, самъ же навязываетъ имъ все это. Герои Стендаля точно страдаютъ головною болью, до такой степени онъ роется въ ихъ мозгу. Читая его, я страдаю за нихъ; часто мнѣ хочется сказать автору: „Ради Бога! оставьте же ихъ въ покоѣ; пусть ихъ хоть сколько-нибудь поживутъ простой жизнью животныхъ, повинуясь указаніямъ инстинкта и природы; пожалѣйте ихъ хоть разъ“.

Этотъ произвольный характеръ сочиненія проявляется въ особенности въ описаніи лицемѣрія Жюльена. „Le Rouge et le Noir“ можно назвать трактатомъ о лицемѣріи; и всего характернѣе, что изслѣдованіе лицемѣрія авторъ продолжаетъ и въ „Chartreuse de Parme“. Одною изъ главныхъ заботъ Стендаля было искусство „проводить“. Какъ иные рождаются сыщиками, такъ Стендаль, кажется, родился дипломатомъ, съ его таинственностью, его искусной двуличностью,—качества, составлявшія въ то время великую славу дипломатическаго искусства; теперь это измѣнилось. Мы знаемъ, что, вообще говоря, дипломатъ такъ же глупъ и такъ же уменъ, какъ и всякій другой человѣкъ. Но Стендаль полагалъ идеалъ человѣческаго совершенства въ могущественномъ умѣ, который наслаждается, надувая людей, и одинъ пользуется плодами своихъ обмановъ.

Замѣтьте, что, какъ я уже указывалъ, Жюльенъ, въ сущности говоря, благороднѣйшій человѣкъ, безкорыстный, мягкій, великодушный. Онъ губитъ только благодаря избытку воображенія, онъ—слишкомъ поэтъ. Поэтому Стендаль заставляетъ его видѣть необходимое орудіе успѣха только во лжи, онъ заставляетъ его лицемѣрить изъ любви къ искусству, и душевно радуется, когда тому удается какой-нибудь ловкій обманъ. Такъ, напримѣръ, онъ съ отеческимъ удовольствіемъ восклицаетъ: „Не слѣдуетъ слишкомъ дурно думать о Жюльенѣ; онъ удачно подбиралъ слова коварнаго и осторожнаго лицемѣра. Это недурно для его лѣтъ“. Въ другомъ мѣстѣ, когда въ Жюльенѣ просыпается честный человѣкъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: „Признаюсь, слабость Жюльена внушаетъ мнѣ не важное мнѣніе о немъ“. Здѣсь романъ переходитъ уже въ философскій разсказъ на манеръ Вольтера. Это ироніи, Жюльенъ становится простымъ символомъ. Въ основѣ лежитъ соціальная задача; далѣе проскальзываетъ великое презрѣніе къ людямъ, поклоненіе передъ исключительными умами, поддерживающими свое господство, не разбирая средствъ. Замѣчу еще разъ,—все это

Digitized by Google

натянуто, дѣйствительная жизнь проще. Когда Стендаль пишетъ: „Жюльенъ положилъ себѣ за правило говорить только то, что самъ считалъ ложью“,—онъ предостерегаетъ насъ противъ дѣйствующаго лица, которое съ начала до конца книги является скорѣе характеромъ, нежели личностью.

И при всемъ этомъ множество великолѣпныхъ страницъ. Повсюду чувствуется та сила логики, о которой я говорилъ; истиной дышутъ поразительныя сцены, въ родѣ перваго свиданія Жюльена и мадамъ де-Реналь. Никогда не была глубже анализирована любовь съ ея ложью и великодушіемъ, съ ея пошлостью и наслажденіями. Въ особенности превосходенъ портретъ мужа. Я не знаю болѣе реальнаго изображенія бури происходящей въ душѣ человѣка, чѣмъ борьба, возникающая въ душѣ Реналя, когда онъ получаетъ анонимное письмо, извѣщающее его о любовной связи жены.

Я такъ пространно говорю о началѣ романа,—потому что оно, конечно, составляетъ лучшую часть книги, и даетъ мнѣ возможность ясно опредѣлить точку зрѣнія и методъ Стендаля. Теперь я разберу остальныя части труда, уже не такъ подробно.

Жизнь Жюльена въ семинаріи—тоже удивительный эпизодъ. Здѣсь читателя не смущаетъ искусственное лицемѣріе Жюльена, потому что и ему самому приходится бороться съ лицемѣріемъ. Къ тому же, бѣдный Жюльенъ съ своимъ умѣньемъ лгать чувствуетъ себя совершеннымъ мальчишкой передъ искусниками, которые лгутъ отъ природы безъ всякаго усилія. Онъ бросилъ бы лицемѣріе, еслибъ не честолюбіе. Стендаль долженъ былъ чувствовать себя привольно въ семинаріи, гдѣ царствуютъ шпіонство и недовѣріе, также какъ позднѣе при дворѣ парижскаго короля. Дѣйствительно, картина вышла художественная; недостатокъ непосредственнаго наблюденія вознаграждается необыкновенной силой индукціи. Поступленіе Жюльена въ семинарію, первое свиданіе съ аббатомъ Пираромъ, внутренняя жизнь въ семинаріи—принадлежатъ къ числу лучшихъ страницъ книги.

Перехожу теперь къ любовной связи Жюльена съ мадмуазель де-ла-Моль,—связи, которая занимаетъ собою добрую половину книги. По моему мнѣнію, это худшая половина, такъ какъ наполнена приключеніями и странностями. Стендалю показалось недостаточнымъ создать Жюльена съ его исключительнымъ устройствомъ мозга; онъ захотѣлъ создать самку для этого самца, и изобрѣлъ мадмуазель де-ла Моль,—особу съ такимъ же необыкновеннымъ механизмомъ въ мозгу. Это—второй Жюльенъ. Вообразите себѣ самую холодную, безумно-романическую дѣвушку, какую только можно себѣ представить; все тотъ же возвышенный умъ, исполненный презрѣнія ко всему окружающему и бросающійся въ приключенія вслѣдствіе чрезмѣрно

Digitized by Google

развитаго воображенія. „Они называли любовью,—говоритъ Стендаль,—только то героическое чувство, которое встрѣчалось во Франціи во времена Генриха III и Бассомпьерра". Такимъ образомъ, въ силу холоднаго разсужденія, она заставляетъ себя полюбить Жюльена. Она первая вызываетъ его на объясненіе, и когда онъ черезъ окошко пробирается къ ней въ комнату,—съ отвращеніемъ отдается ему, только потому, что считаетъ это своимъ долгомъ. Вслѣдствіе того, ихъ связь становится самымъ отвратительнымъ безумiемъ. Жюльенъ, который не любилъ её, начинаетъ обожать и страстно желать ее по воспоминаніямъ. Но она опасается встрѣтить въ немъ господина, подавляетъ его своимъ презрѣніемъ, пока наконецъ не загорается страстью, вслѣдствіе сцены, въ которой ей показалось, что любовникъ хотѣлъ убить ее. Впрочемъ, они продолжаютъ ссориться; Жюльенъ, чтобы возвратить ея любовь, вынужденъ возбудить ея ревность, и ведетъ долгую тактику. Наконецъ, мадмуазель де-ла-Моль дѣлается беременной и признается во всемъ отцу, которому объявляетъ, что выйдетъ замужъ за Жюльена. Я не знаю любви болѣе болѣзненной, менѣе естественной и искренней. Оба любовника совершенно невыносимы, съ своей постоянной заботой поступить почуднѣе. Стендаль, этотъ первостепенный аналитикъ, забавляется тѣмъ, что до безконечности усложняетъ ихъ характеры, какъ тѣ знаменитые игроки на бильярдѣ, которые нарочно устроиваютъ себѣ затрудненія, чтобы доказать, что никакое положеніе не помѣшаетъ имъ сдѣлать карамболь. Во всемъ этомъ мы видимъ одни мозговые курьёзы.

Впрочемъ, авторъ вполнѣ понялъ это. Онъ самъ указываетъ на это, но съ той принужденной иронiей, которая одинаково поднимаетъ на смѣхъ и дѣйствующихъ лицъ, и читателей. Онъ внезапно прерываетъ свой разсказъ, и говоритъ: „Эта странница во многихъ отношеніяхъ повредитъ несчастному автору. Ледяныя души обвинятъ его въ забвеніи приличій. Онъ вовсе не думаетъ оскорблять молодыхъ особъ, блистающихъ въ парижскихъ салонахъ, предположеніемъ, что хоть одна изъ нихъ способна на безумные поступки, обезображивающіе характеръ Матильды. Это совершенно вымышленное лицо, и даже вымышленное наперекоръ соціальнымъ обычаямъ, доставляющимъ цивилизаціи XIX вѣка столь почетное мѣсто между всѣми вѣками". Это остроумно и мило, но тѣмъ не менѣе Матильда остается скорѣе экспериментомъ автора, чѣмъ живымъ существомъ.

Методъ Стендаля въ особенности проявляется въ монологахъ, которые онъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ. Жюльенъ, Матильда и другіе ежеминутно изслѣдуютъ свою совѣсть, прислушиваются къ своимъ мыслямъ, съ удивленіемъ и радостью ребенка, привладывающаго ухо къ часамъ. Они до безконечности развиваютъ нить своихъ

Digitized by Google

мыслей, останавливаются на каждомъ узлѣ, разсуждаютъ до умопомраченія. Всѣ, по примѣру автора,—замѣчательные психологи. И это понятно, потому что всѣ они—скорѣе дѣти Стендаля, чѣмъ дѣти природы. Напримѣръ, Стендаль заставляетъ Матильду такъ размышлять объ окружающихъ ее людяхъ: „Рѣшившись заговорить о серьезномъ предметѣ, они, послѣ пятиминутнаго разговора, задыхаются и дѣлаютъ великое открытіе изъ того, что я твердила имъ уже цѣлый часъ". Кто это говоритъ, Матильда или Стендаль? Очевидно, Стендаль, а героиня тутъ служитъ только прикрытіемъ.

Оставляю въ сторонѣ парижскую среду, въ которой вращается Жюльенъ. Есть тутъ превосходные портреты; но, по моему мнѣнію, весь этотъ людъ отзывается искусственностью; Стендаль рѣдко изображаетъ жизнь, и его свѣтскія дамы, его аристократы и выскочки, заговорщики и хваты, отличаются какою-то сухостью и въ то же время незаконченностью, напоминая легкіе эскизы свойственные мемуарамъ. Никогда онъ не изображаетъ среду съ достаточною полнотой. Головы остаются простыми профилями на черномъ или бѣломъ фонѣ.

И при все томъ безпрестанно прорываются сцены, дышащія правдой, точно проблески логики. Я упоминалъ о первомъ свиданіи Матильды и Жюльена. Слѣдовало бы выписать эти четыре страницы, чтобы показать ихъ правду и глубину; это такъ мало походитъ на дуэтъ Ромео и Джульетты, что сперва производитъ непріятное впечатлѣніе; потомъ поражаешься реальностью самыхъ мелкихъ подробностей. Прочтите эти строчки: „Матильда дѣлала усиліе, чтобы говорить ему „ты", она очевидно больше обращала вниманіе на этотъ странный способъ разговора, чѣмъ на смыслъ своихъ словъ. Это „ты", лишенное всякой нѣжности, вовсе не доставляло удовольствія Жюльену, онъ удивлялся отсутствію счастья; наконецъ, чтобы добиться его, обратился къ разсудку". Вотъ онъ, добрый Стендаль, психологъ, достигающій истины простымъ анализомъ отдѣльныхъ движеній души. Въ другой сценѣ, когда маркизъ де-ла-Моль узнаетъ обо всемъ и приглашаетъ къ себѣ Жюльена, меня поразилъ его пріемъ. Дайте эту сцену романисту-ритору, вы увидите отца съ сѣдыми волосами, услышите рѣчь, сказанную съ благороднымъ отчаяніемъ. Послушайте Стендаля; „Жюльенъ нашелъ маркиза взбѣшеннымъ; можетъ быть въ первый разъ въ своей жизни, этотъ господинъ измѣнилъ хорошему тону; онъ осыпалъ Жюльена ругательствами, какія первыя попадали на языкъ. Нашъ герой былъ удивленъ, возмущенъ; но его признательность не поколебалась". И далѣе: „Маркизъ дѣйствительно былъ внѣ себя. При видѣ этого движенія (Жюльенъ упалъ на колѣни), онъ снова началъ осыпать его жестокою бранью, достойною кучера. Новизна этихъ ругательствъ, можетъ быть, служила развлеченіемъ".

Digitized by Google

Вотъ человѣческій крикъ, вѣрная и новая нота въ романѣ. Это изслѣдованіе человѣка, какъ онъ есть, безъ риторическихъ украшеній и независимо отъ общественныхъ и литературныхъ приличій. Стендаль первый осмѣлился обнаружить истину.

Всѣмъ извѣстенъ прекрасный эпизодъ, заканчивающій „le Rouge et le Noir". Мадамъ де-Реналь, по настоянію своего духовника, пишетъ маркизу де-ла Моль письмо, разрушающее возможность брака между Матильдою и Жульеномъ. Жульенъ, повинуясь безумному движенію, возвращается въ Верьеръ и стрѣляетъ изъ пистолета въ мадамъ де-Реналь, молящуюся на колѣняхъ въ церкви. Его сажаютъ въ тюрьму, судятъ и гильотинируютъ. Послѣднія пятьдесятъ страницъ посвящены анализу мыслей Жульена въ темницѣ, въ виду близкой смерти. Стендаль упивается разсужденіями; и крайне интересно сравнить этотъ эпизодъ съ „Dernier jour d'un condamné", Виктора Гюго. Это очень глубоко, очень оригинально, не могу сказать очень вѣрно, такъ какъ мозгъ Жульена до такой степени исключителенъ, что въ дѣйствительности не хватаетъ матеріала для сравненія, ибо приговоренные къ смерти, обладающіе подобнымъ настроеніемъ ума, встрѣчаются очень рѣдко. Нужно смотрѣть на это, какъ на психологическую задачу, поставленную при особенныхъ условіяхъ—и блистательно разрѣшенную. Въ этой развязкѣ преимущественно чувствуется, насколько исторія выдумана, насколько она написана не на основаніи непосредственнаго наблюденія. Тэнъ говоритъ: „Исторія заимствована почти цѣликомъ изъ дѣйствительности; это исторія семинариста изъ Безансона, по имени Бертé; авторъ старается только описать чувства молодого честолюбца и изобразить нравы общества, среди котораго онъ живетъ; дѣйствительность представляетъ тысячи фактовъ гораздо болѣе романическихъ, чѣмъ этотъ романъ". Да, но если процессъ доставилъ Стендалю первоначальную идею его книги, то всѣ характеры онъ изобрѣлъ самъ. Безъ сомнѣнія, тэма сочиненія не романическая, хотя приключенія маленькаго аббата, находящагося въ связи съ двумя важными дамами, убивающаго одну изъ любви къ другой, и наконецъ оплакиваемаго обѣими до сумасшествія и до самой смерти,—уже составляютъ прекрасную драму; но если мы гдѣ нибудь входимъ въ область романическаго или скорѣе исключительнаго, такъ это именно тамъ, гдѣ авторъ съ любовью и безостановочно объясняетъ намъ движенія механизма, управляющаго героями. Это рѣшительно выходитъ изъ области повседневной дѣйствительности, изъ области той правды, на которую мы наталкиваемся въ жизни, и психологъ Стендаль такъ же увлекаетъ насъ въ страну необыкновеннаго, какъ и сказочникъ Александръ Дюма. Для меня, съ точки зрѣнія строгой истины, Жульенъ пред-

Digitized by Google

ставляется столь же страннымъ, какъ д'Артаньянъ. Мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ вымыслами, съ невѣроятными приключеніями и исключительными натурами. Подумайте только, что Жюльенъ умеръ 23 лѣтъ, и что его духовный отецъ выдаетъ его за генія, который какъ будто открылъ человѣческую мысль. Я, съ своей стороны, думаю, что между пропастью, отдѣляющею разсказчиковъ отъ психологовъ, существуетъ очень широкая дорога,—сама жизнь, дѣйствительность, не слишкомъ низкая и не слишкомъ высокая, съ своею умѣренностью и могущественною простотой,—тѣмъ болѣе интересная, что она показываетъ намъ человѣка съ большою полнотой и съ большою точностью.

IV.

„La Chartreuse de Parme" нравится менѣе „le Rouge et le Noir", безъ сомнѣнія потому, что дѣйствующія лица вращаются въ средѣ, съ которой я мало знакомъ. И, если хотите знать мое мнѣніе, то я съ трудомъ вѣрю, что Италія Стендаля есть дѣйствительно современная Италія; по моему мнѣнію, онъ скорѣе изобразилъ въ „Chartreuse de Parme" Италію пятнадцатаго вѣка, съ ея ядами, кинжалами, переодѣтыми шпіонами и бандитами, необыкновенными приключеніями, въ которыхъ любовь безпечно зарождается въ крови. Не знаю, что́ думаетъ Тэнъ о романической сторонѣ этого сочиненія; но я не знаю ничего запутаннѣе интриги этого романа, и нахожу въ немъ совершенное противорѣчіе съ моимъ представленіемъ о Европѣ 1820 года. Для меня это—Вальтеръ-Скоттъ, только безъ его риторики. Можетъ быть, я ошибаюсь, я просто—излагаю свое впечатлѣніе.

Впрочемъ, справедливо замѣчали, съ чѣмъ вполнѣ согласенъ и я, что „Chartreuse de Parme" была въ нашей литературѣ первымъ талантливымъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ иностранной культуры. Стендаль даже притворяется, что предпочитаетъ Италію Франціи. Онъ находитъ ее не такъ плоско-буржуазной, болѣе чувственной, менѣе предавшейся деньгамъ и себялюбію. Я подозрѣваю, что онъ смотрѣлъ на нее сквозь очки своихъ вкусовъ и своей природы, потому что, въ сущности, итальянецъ проще и естественнѣе. Но тѣмъ не менѣе онъ живыми красками обрисовалъ основныя черты этихъ живыхъ и свободныхъ темпераментовъ, главное занятіе которыхъ—любить и наслаждаться жизнью, насмѣхаясь надъ общественнымъ мнѣніемъ.

Здѣсь мы также находимъ возвышенные умы, геніевъ. Я насчиталъ ихъ четыре: герцогиня Сансеверина, Фабрицій, Моска и Ферранте Палла. Мы постоянно имѣемъ дѣло съ чистымъ разумомъ.

Digitized by Google

Эта герцогиня Сансеверина, центральное лицо романа, по истинѣ родная дочь Стендаля. Онъ надѣляетъ ее всѣми прелестями, всѣми усложненіями страсти. Она едва не доходитъ до кровосмѣшенія, пускается на отравленіе, и тѣмъ не менѣе остается симпатичной героиней, которую Стендаль обожаетъ. Чувствуешь, что онъ восхищается ея преступленіями; я думаю даже, что онъ толкаетъ ее на злодѣянія изъ ненависти къ банальному. Онъ гордится ею, онъ готовъ сказать, наслаждаясь удивленіемъ людей: „вотъ женщина, какихъ вамъ не часто случалось видѣть". Прослѣдите ея біографію. Джина дель-Донго, супруга графа Пьетранера, одного изъ наполеоновскихъ офицеровъ, страстно любитъ своего мужа, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей обманывать его съ однимъ молодымъ человѣкомъ, по имени Лимеренти. Мужъ умираетъ, она заводитъ другихъ любовниковъ; наконецъ, въ нее влюбляется Моска, министръ принца пармскаго; она становится его любовницей. Но въ то же время она воспламеняется страстью къ своему племяннику, Фабрицію, которому годилась бы въ матери, будучи на 16 лѣтъ старше его; эта страсть становится съ тѣхъ поръ главною цѣлью ея жизни, не мѣшая ей продолжать свои отношенія къ Моска и имѣть другія связи. Желая спасти Фабрицію отъ смерти, она рѣшается отравить принца пармскаго, при помощи Ферранте Палла, сумасшедшаго генія, который ее обожаетъ. Это еще не все: по смерти принца ей опять приходится спасать Фабрицію, и на этотъ разъ она рѣшается продать себя наслѣдницу престола; она долго сопротивляется, но она дала слово, и отдается ему. Наконецъ, претерпѣвъ всѣ муки ревности по поводу любви Фабрицію и Клеліи, она живетъ спокойно съ Моска. Стендаль рѣшился избавить ее отъ связи съ Фабриціемъ. Я забылъ прибавить, что Моска женится на ней, предварительно выдавъ ее замужъ за стараго герцога Сансеверина-Таксисъ, очень богатаго чистолюбца, который догадывается умереть во время, и которому она наслѣдуетъ: — одной уже этой сдѣлки было бы достаточно, чтобы замарать женщину. Такова героиня. Присоедините къ этому красоту, необыкновенный умъ и ореолъ славы, которымъ Стендаль постоянно окружаетъ ее. Я не претендую на него за это, я только не считаю ее герцогиней нашей эпохи. Это—француженка временъ Фронды. Это вторая мадмуазель де-ла-Моль, только съ другимъ характеромъ. Стендаль, мнѣ кажется, всегда рисовалъ историческіе портреты; онъ не зналъ ни современнаго мужчины, ни современной женщины.

Что касается до Фабрицію дель-Донго,—онъ имѣетъ много общаго съ Жюльеномъ Сорель. Въ началѣ мы находимъ то же поклоненіе Наполеону, которому мы обязаны замѣчательнымъ эпизодомъ ватер-

Digitized by Google

лоской битвы,—эпизодомъ, не имѣющимъ никакой связи съ романомъ. Далѣе,—и здѣсь выступаетъ на сцену борьба клерикальнаго направленія съ военнымъ. Фабрицій, какъ Жюльенъ, хотѣлъ бы быть солдатомъ, но вынужденъ надѣть сутану. Положенія и идеи одинаковы. Правда, что Фабриціи увлекся страстью; это болѣе нѣжная, гибкая, южная натура. Притомъ, это истинный герой, по рецепту рыцарскихъ романовъ. Онъ странствуетъ по дорогамъ, со шпагою въ рукѣ. Тэнъ, который съ восхищеніемъ отмѣчаетъ сухость Стендаля, въ двухъ строчкахъ описывающаго дуэль Жульена въ „le Rouge et le Noir", не подумалъ о романическомъ изображеніи дуэлей Фабриція въ „Chartreuse de Parme". Во-первыхъ, онъ дерется съ комедіантомъ Джилетти, потомъ съ графомъ М..., на дворѣ гостинницы. Я не буду упоминать объ анонимныхъ письмахъ, которыми изобилуетъ романъ, о переодѣтыхъ слугахъ—вся эта странная среда кажется мнѣ волшебной сказкой—и перейду къ восхитительному эпизоду Фарнезской башни, гдѣ узникъ Фабриціи влюбляется въ прекрасную Клелію, дочь губернатора. Положеніе почти одинаковое съ положеніемъ Жюльена въ Безансонѣ, такъ какъ и Фабрицію угрожаетъ смерть; но, хотя психологъ не перестаетъ анализировать мысли своихъ героевъ, онъ превращается здѣсь въ разсказчика, и романическіе факты играютъ главную роль. Тутъ мы находимъ всякаго рода необыкновенныя и неправдоподобныя подробности свиданія Фабриція съ Клеліей, сношеній съ герцогиней посредствомъ цѣлой системы свѣтовыхъ сигналовъ; затѣмъ, письма, посылаемыя въ свинцовыхъ пулякъ, веревочныя лѣстницы, удивительный спускъ съ чудовищной высоты, причемъ ни одинъ часовой не трогается съ мѣста; и посреди всего этого—отравленія на каждой страницѣ, точно во времена Борджіа. Все это очень интересно, но очень далеко отъ простой и вѣрной дѣйствительности. Позднѣе Фабриціи возвращается въ тюрьму изъ любви къ Клеліи и едва избѣгаетъ отравленія. Клелія выходитъ замужъ, Фабриціи дѣлается архіепископомъ, и обладаетъ ею въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; они сходятся въ темной комнатѣ, потому что Клелія дала клятву не видѣть его, и хочетъ соблюсти букву своей клятвы; эта казуистика, характерная для итальянскихъ нравовъ, вызываетъ у насъ невольную улыбку. Наконецъ, когда Клелія умираетъ, Фабриціи умираетъ въ свою очередь,—на этомъ романъ и оканчивается.

Личность графа Моска больше всего увлекала Бальзака. Говорили, что Стендаль хотѣлъ изобразить въ немъ князя Меттерниха. „Стендаль до такой степени превознесъ возвышенныя стороны характера перваго парижскаго министра,—пишетъ Бальзакъ,—что сомнительно, чтобы Меттернихъ былъ такимъ великимъ, какъ Моска; хотя сердце этого знаменитаго государственнаго человѣка представляетъ для того, кто

Digitized by Google

хорошо знаетъ его жизнь, одинъ или два примѣра страсти, по меньшей мѣрѣ столь же глубокой, какъ страсть Моска... Что касается до Моска, какимъ онъ является въ романѣ, и до образа дѣйствій этого человѣка, котораго Джина считаетъ величайшимъ дипломатомъ Италіи—то нужно было обладать геніемъ, чтобы создать безчисленныя и безпрерывныя случайности событій, заговоры, среди которыхъ развертывается этотъ могучій характеръ... При мысли о томъ, что авторъ все это изобрѣлъ, запуталъ и распуталъ, какъ запутываются и распутываются дѣла при дворѣ, самый смѣлый и творческій умъ остается оглушеннымъ, ошеломленнымъ подобной работой... Рѣшиться вывести на сцену человѣка, равнаго по генію Шуазёлю, Потемкину, Меттерниху, создать его, оправдать созданіе самыми дѣйствіями его, заставить его вращаться въ средѣ, которая ему наиболѣе свойственна и въ которой его способности могутъ развернуться,—это трудъ не человѣка, но волшебника".

Я привелъ всю эту страницу, потому что она даетъ намъ понятіе о томъ, какъ смотрѣли наши предшественники на геній. Признаюсь, что я, съ своей стороны, вовсе не вижу генія въ Моска. Нѣтъ ни одной страницы въ романѣ, на которой бы онъ являлся для меня великимъ человѣкомъ. Какъ политикъ, онъ ничего не дѣлаетъ. Онъ просто вмѣшивается въ дворцовыя интриги, среди которыхъ лавируетъ, какъ ловкій и осторожный человѣкъ, желающій сохранить и мѣсто, и любовницу. Для всего этого, мнѣ кажется, достаточно быть любезнымъ человѣкомъ, и только; Моска даже дѣлаетъ ошибки, какъ пошлый придворный. Правда, что геній господина Меттерниха не трогаетъ насъ въ настоящее время, и Моска раздѣляетъ участь своего образца. Разумѣется, если мы будемъ смотрѣть на Моска, какъ на любопытный и удивительно анализированный типъ, не сокрушая его названіями великаго человѣка и громаднаго характера,—то должны будемъ согласиться, что Стендаль выказалъ величайшій талантъ, выведя на сцену подобное дѣйствующее лицо. Бальзакъ, въ качествѣ романиста, имѣлъ основаніе восторгаться картиной парижскаго двора, сѣтью интригъ, которыми полезняется характеръ Моска. Это дѣйствительно чудовищная изобрѣтательность, въ хорошемъ смыслѣ слова. Можно подумать, что читаешь дѣйствительную лѣтопись маленькаго двора. Я не отважусь изложить вкратцѣ эту сложную драму, похожую на журналъ, веденный изо дня въ день, гдѣ одинъ за другимъ проходятъ характеры, тщательно отдѣланные: самъ принцъ съ его кровожадностью и глупымъ тщеславіемъ, составляющимъ сущность его характера, и страшный Расси, и графиня Ревери, и вся эта шумная клика придворныхъ. Но, еще разъ, я протестую противъ величія, я не вижу здѣсь ничего великаго. Не понимаю также стран-

Digitized by Google

наго выраженія Бальзака, резюмирующаго свое мнѣніе о „Chartreuse de Parme“: „Наконецъ, онъ написалъ новѣйшаго „Государя“: такой романъ написалъ бы и Макіавелли, еслибъ былъ изгнанъ изъ Италіи въ XIX вѣкѣ“. Послѣ этого я ничего не понимаю въ этомъ романѣ, если оказывается, что Эрнестъ IV Стендаля съ своими заботами о минувшемъ вѣкѣ, съ своимъ стремленіемъ походить на Людовика XIV, долженъ напоминать мнѣ современнаго государя. Это остроумная карикатура королевской власти, сдѣланная человѣкомъ тонкаго ума,—и ничего болѣе.

Остановлюсь на минуту на личности Ферранте Палла, этой странной фигурѣ, оставляющей такое живое впечатлѣніе въ памяти читателя. Этотъ Ферранте Палла — политическій изгнанникъ, трибунъ, осужденный на смерть, и вынужденный поддерживать свое существованіе воровствомъ. Вотъ нѣкоторыя изъ его фразъ, обращенныхъ къ герцогинѣ, и резюмирующихъ его исторію: „Съ тѣхъ поръ, какъ я, исполняя долгъ гражданина, навлекъ на себя смертный приговоръ, я живу въ лѣсахъ, и послѣдовалъ за вами, не для того, чтобы попросить милостыни, или ограбить васъ, но какъ дикарь, очарованный ангельской красотой. Я такъ долго не видѣлъ прекрасныхъ бѣлыхъ ручекъ... Я веду списокъ ограбленныхъ мною людей, и если когда-нибудь буду имѣть какія-нибудь средства, то возвращу имъ украденное. Я думаю, что работа народнаго трибуна, такого, какъ я, стоитъ 100 франковъ въ мѣсяцъ: за тотъ рискъ, съ которымъ она связана, такимъ образомъ, я не беру болѣе 1200 франковъ въ годъ“. И этому-то странному вору герцогиня поручаетъ отравить принца. Договоръ длится долго. Когда онъ соглашается и уходитъ, она останавливаетъ его: „Ферранте,—закричала она,—великій человѣкъ!“ Онъ возвращается, потомъ опять уходитъ, и она еще разъ останавливаетъ его. „Онъ возвратился съ безпокойнымъ лицомъ; герцогиня стояла посреди салона; она бросилась ему въ объятія. Прошло нѣсколько секундъ, Ферранте почти лишился чувствъ отъ счастія; герцогиня высвобождается изъ его объятій и глазами указываетъ ему на дверь. —Вотъ единственный человѣкъ, который меня понялъ, сказала она самой себѣ; такъ бы поступилъ и Фабрицій, если бы могъ меня понять“. Такова сцена, о которой Бальзакъ особенно распространяется въ доказательство своего безумнаго восторга; правда, что онъ постоянно сравниваетъ Стендаля съ Вальтеръ-Скоттомъ, и это нѣсколько портитъ для меня его похвалы. Я думаю, что не слѣдуетъ разбирать эту сцену со стороны вѣрности фактовъ. Я точно также не постигаю возвышенности характера у Ферранте Палла: этотъ оригинальный воръ, который какъ будто побился объ закладъ, что будетъ поступать такъ, а не иначе, этотъ трибунъ, вѣшающійся на шею гер-

Digitized by Google

догинямъ,—скорѣе продуктъ фантазіи, нежели жизни. Но что меня удивляетъ еще сильнѣе, это—восхищеніе, возбуждаемое имъ въ герцогинѣ. Она любима — это не должно ее удивлять. Многіе республиканцы согласились бы убить принца за ея поцѣлуй, тѣмъ болѣе, что они совершенно готовы убить его даромъ. Правда, что Вальзакъ усматриваетъ въ этомъ душу Италіи, и мнѣ остается только преклониться, потому что тутъ задѣвается вопросъ для меня чуждый. По-моему, Ферранте Палла одна изъ удачныхъ фигуръ Вальтеръ-Скотта. Стендаль перестаетъ даже быть здѣсь великимъ психологомъ: онъ становится разсказчикомъ и дѣйствуетъ на воображеніе. Поэтому Ферранте Палла удерживается въ памяти, какъ одинъ изъ героевъ Александра Дюма или Виктора Гюго. Всѣмъ этимъ я хотѣлъ только подкрѣпить мнѣніе, высказанное мною, что „Chartreuse de Parme"—столько же произведеніе фантазіи, сколько и анализа.

Чтобы резюмировать свое сужденіе, скажу, что въ этой книгѣ я вижу главное примѣненіе теорій Стендаля о любви. Извѣстно, что у него была на этотъ счетъ необыкновенно остроумная и сложная система.

Въ „Chartreuse de Parme" мы находимъ всѣ роды любви, классифицированные имъ, начиная отъ любви тщеславной и кончая любовью страстной. Это родъ обширнаго изслѣдованія, и Италія избрана для этой цѣли потому, что представляетъ болѣе удобную почву для такого изслѣдованія. Безъ сомнѣнія, идеологъ тоже выступаетъ на сцену; такъ, есть разговоры между Сансеверина и графомъ Моска, гдѣ оба собесѣдника, очевидно,—два подставныхъ лица, сообщающихъ другъ другу идеи самого Стендаля. Кромѣ того, дѣйствующія лица постоянно прибѣгаютъ къ монологамъ, и здѣсь пускается въ ходъ все та же мозговая машина. Но только факты занимаютъ больше мѣста.

Надо также замѣтить, что Стендаль, хотя и напускалъ на себя презрѣніе къ внѣшнему міру, однако былъ первымъ романистомъ, который признавалъ законъ среды. Онъ высказываетъ слѣдующее глубоко вѣрное замѣчаніе въ предисловіи къ „Chartreuse de Parme": „Мнѣ кажется, что каждый разъ, какъ мы отъѣзжаемъ на двѣсти льё разстоянія отъ юга къ сѣверу, мы можемъ наткнуться на новый романъ такъ же, какъ и на новый пейзажъ". Весь законъ среды въ этомъ. Сравните, напримѣръ, любопытныя похожденія де-ла-Моль и герцогини Сансеверина; во-первыхъ, темпераменты различны, затѣмъ, несомнѣнно, различіе въ результатахъ, вызванныхъ этими любовными похожденіями, зависитъ отъ различія климатовъ и обществъ, гдѣ они происходятъ. Слѣдуетъ анализировать оба произведенія съ этой точки зрѣнія. Стендаль примѣнялъ, какъ философъ,

Digitized by Google

теоріи, которыя мы нынѣ стараемся примѣнять, какъ реалисты. Формула его — не наша, но наша формула вытекаетъ изъ его формулы.

Не слѣдуетъ однако думать, что Бальзакъ не дѣлаетъ никакихъ критическихъ замѣчаній о „Chartreuse de Parme". Вотъ эти замѣчанія. Книгѣ недостаетъ системы, авторъ долженъ былъ бы начать своимъ великолѣпнымъ описаніемъ сраженія при Ватерло, и все начало книги, черезъ-чуръ длинное, должно было бы быть сжато въ одинъ короткій разсказъ. Благодаря отсутствію единства, не знаешь хорошенько, въ чемъ заключается сюжетъ: Фабриціи ли тутъ на сценѣ или Пармскій дворъ. Наконецъ, развязка представляетъ начало новой книги. Бальзакъ пишетъ еще такую фразу: „Слабой стороной этого произведенія является слогъ". Всѣ его замѣчанія вѣрны, и я бы резюмировалъ ихъ такъ: логики не хватаетъ какъ въ самомъ планѣ сочиненія, такъ и въ слогѣ, какимъ оно написано. И это остается мнѣ разобрать, прежде чѣмъ кончить статью.

V.

Итакъ, займемся планомъ и слогомъ романовъ Стендаля.

Для всѣхъ насъ, болѣе или менѣе мятежныхъ сыновъ романтизма, безпорядочность плана и неправильный слогъ въ произведеніяхъ Стендаля—большая мука. Позволено ли мнѣ будетъ сдѣлать личное признаніе? Высказавъ свое отношеніе, мнѣ легче будетъ перенести вопросъ на знакомую мнѣ почву. Я никогда не могъ читать Стендаля, не будучи обуреваемъ сомнѣніями относительно формы. Гдѣ правда?—на сторонѣ ли этого выдающагося ума, безусловно презирающаго риторику, или же она на сторонѣ художниковъ, которые обратили въ наше время языкъ французскій въ такой звучный и богатый инструментъ? И если мнѣ отвѣтятъ, что правда на той и на другой сторонѣ, то гдѣ та золотая середина, которую я долженъ избрать? Тревожная задача для всѣхъ молодыхъ писателей, старающихся понять свою литературную эпоху и желающихъ создать прочныя произведенія.

Я хорошо знаю то, что говорится въ томъ и другомъ лагерѣ. Тэнъ, который стоитъ на сторонѣ Стендаля, проходитъ молчаніемъ вопросъ о слогѣ и о планѣ сочиненія. И даже какъ будто хвалитъ романиста за то, что тотъ не останавливается на такихъ пустякахъ. По его мнѣнію, если Стендаль стоитъ выше другихъ, то именно потому, что онъ не риторъ. Въ противоположномъ лагерѣ, великіе писатели, которыхъ излишне называть здѣсь, безусловно отрицаютъ Стендаля, потому что у него нѣтъ латинской симметріи, и потому

Digitized by Google

что онъ тщится употреблять варварскій и безцвѣтный языкъ кодекса законовъ,—и они прибавляютъ не безъ основанія, что не бывало примѣра, чтобы книга, написанная внѣ правилъ риторики, передавалась изъ вѣка въ вѣкъ на поклоненіе людей. Все это прекрасно. Очевидно, что только высшій умъ можетъ отдѣлаться отъ словъ и видѣть въ языкѣ лишь покорное орудіе; но, съ другой стороны искусство, или, вѣрнѣе сказать, наука языка существуетъ, риторика завѣщала намъ мастерскія произведенія, и намъ кажется невозможнымъ обойтись безъ нея.

Итакъ, вотъ два противныхъ мнѣнія, и между ними мы стоимъ въ нерѣшительности. Сколько разъ я ненавидѣлъ свои фразы, проникался отвращеніемъ къ ремеслу писателя, которое сдѣлалось мнѣ всесвѣтнымъ! Мнѣ слышалось пустозвонство словъ, я стыдился хвоста безполезныхъ эпитетовъ, султановъ, увѣнчивавшихъ каждую тираду—всѣхъ этихъ избитыхъ пріемовъ, неизмѣнно повторяемыхъ для того, чтобы внести въ письмо звуки музыки и краски пластическихъ искусствъ! Безъ сомнѣнія, тутъ есть соблазнительные литературные курьёзы, утонченность искусства, которая все еще мнѣ нравится; но надо же, наконецъ, сказать, что въ этомъ нѣтъ ни силы, ни здраваго смысла, ни правды, когда это доводится до того нервознаго изступленія, до какого мы дошли. Да! намъ нужна простота въ языкѣ, если мы хотимъ сдѣлать изъ него серьёзное орудіе вѣка. Между тѣмъ, всякій разъ, какъ я принимался читать Стендаля подъ вліяніемъ этихъ идей, онъ тотчасъ же производилъ на меня отталкивающее впечатлѣніе. Я признавалъ Стендаля, главнымъ образомъ, головою, теоретически, когда его не читалъ. Какъ только я принимался за изученіе его, онъ смущалъ, онъ неудовлетворялъ меня. Я хотѣлъ бы найти простой планъ, отчетливый языкъ, нѣчто въ родѣ стекляннаго дома, сквозь который свѣтятся идеи; я мечталъ о пренебреженіи къ риторикѣ, о человѣческихъ документахъ во всей ихъ строгой наготѣ. Но рѣшительно Стендаль—не мой герой. Что-то въ немъ претило мнѣ. Я восхищался имъ какъ принципомъ, но отворачивался, когда принципъ находилъ примѣненіе.

Теперь я понялъ, отчего происходило мое недовольство. Стендаль, обладающій логикой въ идеяхъ, не обладаетъ логикой въ планѣ сочиненія и въ слогѣ. Вотъ, тотъ пробѣлъ, вотъ, тотъ недостатокъ, который его умаляетъ. Но не удивительно ли это? Предъ нами превосходный психологъ, съ необыкновенной ясностью распутывающій клубокъ идей въ мозгу своихъ дѣйствующихъ лицъ; онъ показываетъ, какъ цѣпляются другъ за друга всѣ душевныя движенія, приводитъ ихъ въ порядокъ, путемъ систематическаго анализа. Но какъ только онъ переходитъ къ сочиненію, какъ только ему нужно

Digitized by Google

писать, вся эта удивительная логика улетучивается, онъ пишетъ зря, какъ ни попало. Куда дѣвается метода, система, порядокъ; является какой-то хаосъ и даже искусственный хаосъ, которымъ онъ очень гордится. Замѣчательно, что тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ не о риторикѣ, не о картинномъ и блестящемъ слогѣ. Я говорю только, что въ замѣчательномъ умѣ Стендаля существовалъ пробѣлъ, или, лучше сказать, противорѣчіе. Онъ отрицалъ свой методъ, какъ скоро переходилъ отъ идей къ языку.

Отсутствіе логическаго плана въ романахъ Стендаля бросается въ глаза, въ особенности въ „Chartreuse de Parme". Бальзакъ, не смотря на все свое восхищеніе, очень хорошо это замѣтилъ. Что касается слога, то онъ такъ же безпорядоченъ. И тутъ опять сужденіе Бальзака очень вѣрно. „Слабой стороной этого произведенія является слогъ, — говоритъ онъ, — въ смыслѣ распредѣленія словъ, такъ какъ мысль, по существу своему французская, поддерживаетъ фразу". Это распредѣленіе словъ есть не что иное, какъ логика слога, и повторяю, удивительно, что ея нѣтъ у Стендаля, мастера въ распредѣленіи идей. Я не упрекаю его за небрежность, за всякіе qui и que, повторенія словъ, попадающіяся по десяти разъ на одной страницѣ, ни даже за грамматическія ошибки; я упрекаю его въ нелогической постройкѣ фразъ и напускномъ презрѣніи ко всякой системѣ въ искусствѣ писать.

Говорятъ о Сентъ-Бёвѣ. Но Сентъ-Бёвъ мастеръ языка, не смотря на его высокомѣрную неправильность. Его слогъ—это потокъ, который катитъ золото рядомъ съ ручейкомъ Стендаля, часто весьма прозрачнымъ, но который начинаетъ пѣниться и мутиться при каждой неровности почвы.

Итакъ, вотъ моя мечта: завладѣть прекрасной простотой, превозносимой Тэномъ, сбить всѣ наши романтическіе султаны, писать трезвымъ, степеннымъ, правильнымъ языкомъ, но вносить въ этотъ языкъ логику и знаніе формы, разъ мы претендуемъ на логику и знаніе въ идеяхъ. Говорили не безъ основанія, что языкъ—это философія; можно также сказать, что языкъ — это наука. Дурно писать значитъ—быть дурнымъ философомъ и дурнымъ ученымъ. Будемъ судить о формѣ точно такъ, какъ и о дѣйствующихъ лицахъ, путемъ логическаго анализа. Книга, написанная плохо и неправильнымъ слогомъ похожа на искалѣченнаго человѣка. Я мечтаю о такомъ произведеніи, о такомъ романѣ, гдѣ бы человѣкъ выразился весь цѣликомъ, въ формѣ солидной и ясной, которая бы служила ему лучшимъ одѣяніемъ.

Прежде чѣмъ кончить, сдѣлаю одно замѣчаніе, которое меня мучитъ. Отъ чего происходитъ, что дѣйствующія лица Стендаля не

Digitized by Google

удерживаются въ памяти? Говорятъ, что онъ писалъ для высшихъ умовъ и отсюда происходитъ непопулярность типовъ, созданныхъ имъ. Это резонъ, но его недостаточно, потому что въ настоящее время Стендаля читаютъ больше, и публика можетъ его знать. Между тѣмъ, несомнѣнно, что ни Жюльенъ Сорель, ни Моска, ни Сансеверина не стали для насъ своими людьми, какъ, напримѣръ, старикъ Горіо или старикъ Гранде. Это очевидно происходитъ отъ того, что дѣйствующія лица Стендаля гораздо скорѣе являются умозрѣніями, нежели живыми людьми. Жюльенъ Сорель не оставляетъ никакого отчетливаго впечатлѣнія; онъ сложенъ какъ машина, дѣйствія которой непонятны, не говоря уже о томъ, что иногда кажется, будто онъ просто надъ вами смѣется. Прибавьте, что онъ не вноситъ съ собой своей атмосферы, что онъ врѣзывается острымъ клиномъ, какъ и его разсужденія. Напротивъ того, старикъ Горіо движется въ собственномъ воздухѣ—и мы видимъ, какъ онъ одѣтъ, какъ онъ ходитъ, говоритъ; анализъ, вмѣсто того, чтобы усложнять, упрощаетъ его; онъ искренъ и живетъ личной жизнью. Вотъ, почему онъ удерживается въ памяти, и мы не забудемъ его, разъ повстрѣчавшись съ нимъ. Стендаль взялъ одну только голову человѣка—и принялся дѣлать надъ ней психологическіе опыты. Бальзакъ бралъ всего человѣка, со всѣми его органами, его природной и общественной средой и дополнялъ наблюденія психолога опытами физіолога.

Кончаю. Вокругъ Стендаля и Бальзака образовалась цѣлая группа странныхъ поклонниковъ, которые набрасываются въ произведеніяхъ этихъ мастеровъ на фантастическія ихъ части, ихъ преувеличенія системы, натяжки характера. Такъ, изъ Бальзака они возьмутъ „l'Histoire des Treize“ и „la Femme de trente ans“, и будутъ мечтать о великомъ свѣтѣ, сочиненномъ романистомъ, пожелаютъ быть Растиньяками и Рюбампрэ, чтобы перевернуть общество вверхъ дномъ и воспользоваться невѣдомыми наслажденіями. Этотъ припадокъ романтическаго безумія повредилъ таланту Барбе д'Орвилльи. Что касается Стендаля, то онъ будетъ для нихъ изумительнымъ алхимикомъ человѣческой мысли, извлекающимъ изъ мозговъ квинтэссенцію генія. Жюльенъ и Моска представятся имъ кладезями мудрости, въ которыхъ они потонутъ, а Сансеверина понравится имъ обаяніемъ своей наивной испорченности. У этихъ диковинныхъ послѣдователей каждый прохожій превращается въ исполина; необыкновенное попадается на каждомъ шагу; они не могутъ десяти минутъ поговорить съ человѣкомъ, чтобы не корчить изъ себя Бальзаковъ и особенно Стендалей, находить тайный смыслъ въ каждомъ словѣ, копаться въ чужомъ мозгу, открывать бездну премудрости. Говоря такъ, я совсѣмъ не фантазирую; я знаю весьма умныхъ людей, которые именно та-

Digitized by Google

имъ образомъ понимаютъ вождей современной натуральной школы. Но какое намъ дѣло до того, что Бальзакъ былъ самымъ отчаяннымъ мечтателемъ своего времени, и что Стендаль жилъ въ вѣчномъ миражѣ своего собственнаго превосходства. Въ настоящее время только произведенія ихъ занимаютъ насъ, и эти произведенія хороши лишь настолько, насколько въ нихъ присутствуетъ правда. Все остальное можетъ быть очень курьёзно и заслуживаетъ изученія, но нашъ восторгъ не долженъ распространяться на это, въ особенности если такое восхищеніе переходитъ затѣмъ въ школьное правило. Я ограничиваюсь Стендалемъ, такъ какъ онъ одинъ составляетъ предметъ настоящей статьи, и говорю, что смотрѣть на него сквозь призму m-lle де ла-Моль и принимать Моска за геніа, уму котораго можно позавидовать—не значитъ любить или понимать его. Стендаль великъ тогда, когда его изумительная логика приводитъ его къ безспорному человѣческому акту, дѣйствію; но Стендаль становится жертвою логики, когда на всѣ лады теребитъ свои дѣйствующія лица, чтобы сдѣлать ихъ странными и непохожими на другихъ людей. Откровенно сознаюсь, что тогда я не могу за нимъ слѣдовать; его таинственные, дипломатическіе пріемы, его жеманная иронія, за которыми часто ничего не скрывается, кромѣ пустоты, могутъ разстроить только нервы. Онъ всѣмъ намъ отецъ, какъ и Бальзакъ, онъ принесъ съ собой анализъ, онъ былъ несравненнымъ и тонкимъ писателемъ, но ему не хватало, такъ-сказать, благодушія великихъ романистовъ. Жизнь—гораздо проще.

Эмиль Зола.

Digitized by Google

ЗАКОНЫ БУРЬ.

Извлеченіе изъ бесѣды г. Фая въ Сорбоннѣ.

Мнѣ случилось не такъ давно присутствовать въ Сорбоннѣ на весьма интересной бесѣдѣ президента въ парижскомъ „Bureau des longuitudes“, г. Фая (Faye). Она касалась предмета, законы котораго давно обращали на себя вниманіе изслѣдователей природы, несмотря на то, что вѣтеръ служитъ въ представленіи людей до настоящаго времени эмблемою непостоянства, неуловимости,—чѣмъ-то такимъ, что́ не признаетъ надъ собою никакого закона. Задача лектора состояла въ томъ, чтобы въ популярной формѣ распространить свѣдѣнія о новѣйшихъ успѣхахъ науки и по отношенію вѣтра; практическое значеніе такихъ успѣховъ дѣлается яснымъ, если только подумать о числѣ ежегодныхъ человѣческихъ гекатомбъ, поглощаемыхъ моремъ, вслѣдствіе недостаточности изслѣдованія законовъ бури,—а такіе законы отчасти уже существуютъ. Помимо интереса самого предмета, бесѣда г. Фая можетъ служить образцомъ популяризаціи научныхъ истинъ, безъ ущерба для нихъ,—вотъ почему мнѣ и пришло на мысль изложить подробно наброшенныя тогда мною замѣтки. Лекторъ началъ съ историческаго обзора попытокъ человѣчества въ разныя времена, разными путями, выяснить себѣ постоянство и непреложность законовъ природы даже и въ такомъ вопросѣ, гдѣ практика жизни ежедневно отрицаетъ самое подобіе закона.

I.

Древніе и новые поэты—началъ г. Фай—любили описывать бури. Мы встрѣчаемъ три подобныхъ описанія въ „Одиссеѣ“, одно въ первой книгѣ „Энеиды“, одно въ „Луизіадѣ“ Камоэнса, и одно въ „Мученикахъ“ Шатобріана. Кромѣ того, мы имѣемъ замѣчательное описаніе бури въ „Работникахъ моря“ Виктора Гюго.

Лучше всего будетъ напомнить эти превосходныя описанія (отбросивъ въ сторону драматическій элементъ, т.-е. борьбу человѣка со стихіями), потому что всякій поэтъ,—мы говоримъ о великихъ поэтахъ,—есть зеркало, въ которомъ отражаются не только чувства и страсти его эпохи, но также и всѣ идеи, и научные взгляды ея. Настав-

Digitized by Google

ники нашей молодости никогда не забывали обратить наше вниманіе на то, что Гомеръ правдивъ до мелочей даже въ анатомическихъ описаніяхъ; что Виргилій замѣчателенъ по глубинѣ философскихъ взглядовъ и по своему знакомству съ природой; что Данте во всѣхъ отношеніяхъ глубокій мыслитель; что Камоэнсъ самъ совершилъ всѣ описываемыя имъ экспедиціи, а Шатобріанъ изъѣздилъ всѣ страны древняго міра. Что касается Виктора Гюго, то неизвѣстно, гдѣ онъ почерпнулъ свои знанія, но очевидно, что онъ въ 1866 г. зналъ о бурѣхъ гораздо больше, нежели многіе ученые метеорологи того времени.

Гомеръ разсказываетъ, что когда Одиссей подружился съ Эоломъ, то повелитель вѣтровъ подарилъ ему, при отъѣздѣ его изъ Итаки, мѣхъ, въ которомъ были заперты всѣ вѣтры, за исключеніемъ Зефира. Къ несчастью, товарищи Одиссея вообразили, что мѣхъ заключаетъ сокровища, и раскрили его потихоньку;—тотчасъ разъяренные вѣтры, освобожденные ими, забушевали на морѣ и отбросили корабль Одиссея далеко отъ настоящаго пути.

Въ этомъ коротеномъ эпизодѣ мы уже встрѣчаемся съ задатками мнѣнія, утверждающаго, будто буря родится на мѣстѣ отъ столкновенія вѣтровъ, дующихъ отъ четырехъ сторонъ горизонта. У Гомера же мы встрѣчаемъ эту мысль еще опредѣленнѣе — Зефиръ, Эвръ, Борей и Нотъ перечисляются по имени, при описаніи ихъ борьбы другъ съ другомъ. Въ настоящее время эти вѣтры носятъ названіе западнаго, восточнаго, сѣвернаго и южнаго.

Итакъ, Гомеръ, а съ нимъ и его современники, были увѣрены, что бури образуются на мѣстѣ отъ столкновенія четырехъ главныхъ вѣтровъ.

Пропустимъ теперь 8 или 9 вѣковъ, возьмемъ „Энеиду“, и мы убѣдимся, что въ то время, когда она написана, въ то время, когда римскій флотъ искрещивалъ по всѣмъ направленіямъ Средиземное море, господствовало то же мнѣніе относительно возникновенія бурь.

Вѣковъ черезъ пятнадцать послѣ Виргилія, вотъ что говоритъ Камоэнсъ:

„Вѣтры сѣвера и юга, вѣтры востока и тѣ, которые исходятъ изъ странъ, гдѣ садится солнце, спорятъ другъ съ другомъ о чести погрузить природу въ ея древній хаосъ“.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, Шатобріанъ также описалъ бурю и остался своимъ описаніемъ столь же доволенъ, сколько и моряки, съ которыми онъ совѣтовался по этому поводу; онъ тоже говоритъ намъ о борьбѣ четырехъ небесныхъ вѣтровъ.

Итакъ, мы въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ встрѣчаемся все съ одною и тою же идеей. Нѣкоторые ученые метеорологи и въ на-

Digitized by Google

стоящее время берутъ эту идею за исходную точку для построенія цѣлой теоріи происхожденія бурь. Вотъ эта теорія:

Для того, чтобы вѣтры дули со всѣхъ точекъ горизонта къ одному и тому же данному мѣсту, нужно, чтобы на этомъ мѣстѣ произошло разрѣженіе воздуха, т.-е. сравнительная пустота. Равновѣсіе воздуха разъ нарушено, — всѣ нижніе слои атмосферы придутъ въ движеніе, чтобы возстановить его, другими словами, наполнить пустоту. Вотъ, болѣе или менѣе научно-изложенное вѣковое мнѣніе, о которомъ сказано выше.

Но почему же происходитъ тамъ и здѣсь разрѣженіе воздуха,— т.-е. сравнительная пустота? Метеорологи, авторы излагаемой теоріи, не затрудняются угадать и это. Достаточно, говорятъ они, чтобы въ нижнихъ слояхъ воздуха, которые будутъ мѣстомъ и объективомъ бури, лучи солнца встрѣтили въ тихій безвѣтряный день легко нагрѣваемую почву. Воздухъ, находящійся надъ почвой, слишкомъ прозраченъ для того, чтобы нагрѣваться непосредственно подъ вліяніемъ проходящихъ черезъ него солнечныхъ лучей, но соприкосновеніемъ его съ раскаленною почвою температура его повысится, онъ расширится и сдѣлается легче находящихся надъ нимъ, не соприкасающихся съ почвою воздушныхъ слоевъ; онъ будетъ стремиться подняться; но если день тихій, то не будетъ причинъ, чтобы нижній слой поднялся скорѣе въ одномъ мѣстѣ, нежели въ другомъ—этому помѣшала бы также тяжесть верхнихъ слоевъ, давящихъ на нижніе; изъ всего этого вмѣстѣ образуется родъ неустойчиваго равновѣсія воздушныхъ слоевъ, плотности которыхъ теперь располагаются обратно своему естественному порядку, такъ какъ болѣе легкіе слои находятся внизу, а болѣе тяжелые наверху. Но это равновѣсіе въ высшей степени неустойчивое; малѣйшая случайность, полетъ птицы, вспыхиваніе вороха соломы или сухихъ листьевъ—достаточно, чтобы нарушить его, произвести отверстіе въ верхнемъ воздушномъ слоѣ и тѣмъ открыть путь, куда устремляется воздухъ нижняго. Этотъ воздухъ, поднимаясь, произведетъ аспирацію подобно трубѣ съ хорошей тягой; разъ начатое движеніе передается далѣе и далѣе въ нижнихъ слояхъ, воздухъ ихъ будетъ со всѣхъ сторонъ стремиться къ открывшемуся отверстію, быстро расширитъ его и вскорѣ образуетъ широкій восходящій воздушный столбъ, поднимающійся вслѣдствіе своей удѣльной легкости, между тѣмъ, какъ питающіе его нижніе воздушные потоки, постоянно усиливая свое теченіе, произведутъ, наконецъ, настоящую бурю. По мѣрѣ того, какъ воздушный столбъ, восходя выше и выше, постоянно будетъ расширяться, влажность, заключенная въ немъ въ видѣ паровъ, сгустится въ тучи. Скоро все небо покроется ими, начиная съ зенита; потомъ раздастся громъ,

Digitized by Google

заблеститъ молнія и изобильно падутъ дождь или градъ; это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока воздухъ будетъ притекать къ основанію воздушнаго столба. Если буря возникнетъ на морѣ, то корабли, находящіеся въ центрѣ урагана, будутъ страдать одновременно отъ всѣхъ вѣтровъ, и волны, поднимаемыя во всѣхъ направленіяхъ, будутъ чудовищны. Но подобная буря прекратится, какъ только нарушенное равновѣсіе воздуха возстановится при помощи самихъ вѣтровъ, и когда воздушные слои снова примутъ свою обыкновенную плотность и расположеніе, т.-е. когда тяжелые лягутъ внизу, а болѣе легкіе вверху.

Такова „аспиративная" теорія бурь. Согласно ей, всѣ бури родятся и утихаютъ на мѣстѣ. Причина, производящая ихъ, есть явленіе вполнѣ мѣстное и не порождаетъ никакихъ силъ, которыя стремились бы перемѣстить бурю. Эта теорія такъ проста и такъ хорошо вытекаетъ изъ первыхъ посылокъ, т.-е. изъ взгляда на бури, существующаго уже 3,000 лѣтъ, что есть опасность принять ее за что-нибудь дѣйствительно серьёзное. Но не слѣдуетъ составлять себѣ никакого мнѣнія, не прочтя послѣдняго описанія бури, сдѣланнаго Викторомъ Гюго въ 1866 г. Какъ и во всѣхъ другихъ описаніяхъ, мы и здѣсь встрѣчаемъ человѣка въ борьбѣ съ разъяренными силами природы. Для насъ въ настоящую минуту важна не драма, а то, что̀ есть правдиваго и реальнаго въ самомъ описаніи явленія природы; пусть всякій самъ разсудитъ, производитъ ли правдивое и реальное—менѣе поэтическое впечатлѣніе, нежели условное и предвзятое.

„Море было не только спокойно,—говоритъ В. Гюго,—оно было недвижно; небо, повсюду ясное, казалось не голубымъ, а бѣлесоватымъ. Эта бѣлесоватость производила странное впечатлѣніе. На западѣ, на самомъ горизонтѣ, виднѣлось пятно какого-то непріятнаго вида; оно не мѣняло мѣста, но постепенно росло. У прибрежныхъ скалъ влага тихо дрожала. Джилліатъ взобрался на высоту, съ которой было видно все море. Западъ былъ поразителенъ. Оттуда выходила стѣна; большая стѣна тучъ, которая, перерѣзывая пространства изъ конца въ конецъ, медленно поднималась отъ горизонта къ зениту. Эта стѣна тумановъ расширялась и росла, но верхній край ея оставался параллельнымъ линіи горизонта. Она поднималась вся сразу, молча. Солнце, совсѣмъ блѣдное изъ-за прозрачнаго какого-то нездороваго тумана, освѣщало эти апокалипсическія очертанія. Воздухъ былъ раскаленъ. Небо, изъ голубаго сдѣлавшееся бѣлымъ, изъ бѣлаго стало сѣрымъ, точно громадная асфидная доска. Ни дуновенія, ни волны, ни звука.

„Вдругъ солнце исчезло. Его захватила ползшая вверхъ туманная

Digitized by Google

туча. Она теперь сморщилась, сложилась въ складки, совсѣмъ перемѣнила видъ. Молніи не было, разливался какой-то ужасный, зловѣщій, разсѣянный свѣтъ.

„Узкая бѣловатая поперечная тучка, неизвѣстно откуда взявшаяся, перерѣзывала наискось отъ сѣвера къ югу мрачную высокую стѣну тучъ; подъ нею, очень низко, маленькія тучки, совсѣмъ черныя, метались изъ стороны въ сторону. На востокѣ, за Джилліатомъ, были словно ворота, сквозь которыя виднѣлся клочокъ яснаго неба, но и эти ворота грозили сейчасъ закрыться. Вѣтра не чувствовалось вовсе, а между тѣмъ, вдругъ пронеслась неизвѣстно откуда взявшаяся горсть какого-то растрепаннаго сѣраго пуха, точно сейчасъ ощипали огромную птицу за этою стѣною мрака. Предчувствовалось, что что-то близится.

„Вдругъ раздался ужасный, неслыханный, оглушающій раскатъ грома. Ни малѣйшая искра не освѣтила небесъ—то былъ черный громъ. Снова наступила тишина, словно все хотѣло собраться съ силами.

„Потомъ, одна за другой засіяли громадныя, безформенныя молніи. Эти молніи били нѣмы".

Это прологъ; вотъ и первое дѣйствіе:

„Джилліатъ вдругъ почувствовалъ, что какое-то дуновеніе растрепало ему волосы. Три или четыре крупныя капли дождя расплюснулись около него на скалѣ. Потомъ снова раздался грохотъ. Вѣтеръ поднялся.

„Это мгновеніе было ужасно. Ливень, ураганъ, зарница, молнія, волны до тучъ, крики, ревъ, ропотъ, свистъ—все сразу. Все чудовищное сорвалось съ цѣпи.

„Вѣтеръ бушевалъ, дождь не шелъ, онъ рушился. Все, небо и океанъ, въ тревогѣ ринулось на утесъ. Слышались голоса безъ числа, —кто могъ такъ кричать? По временамъ казалось—раздается команда. Потомъ опять крики, трубные звуки, странныя трепетанія, и сквозь все это величественный гулъ, про который моряки говорятъ: что это „зовъ океана!".

„Летучія, неопредѣленныя спирали вѣтра крутили морскую влагу, волны, превращенныя этими круговоротами въ диски, рушились на прибрежныя скалы, какъ-бы пущенныя туда невидимыми атлетами. Пѣна заливала скалы. Мѣстами было тихо; мѣстами вѣтеръ мчался съ быстротою двадцати туазовъ въ секунду. Море, куда ни взгляни, было бѣло, точно десять льё мыльной пѣны.

„Вскорѣ ураганъ достигъ пароксизма. Буря была до сихъ поръ только страшна—теперь она стала ужасна. Въ такія минуты, говорятъ моряки, вѣтеръ все равно, что бѣсноватый".

Digitized by Google

Этимъ заканчивается первое дѣйствіе; перейдемъ теперь ко второму дѣйствію:

„Вдругъ все просвѣтлѣло, дождь пересталъ, тучи мѣстами разорвались. На зенитѣ открылось словно окно въ сумерки, и молніи потухли. Въ эту минуту въ самой мрачной части тучи является неизвѣстно зачѣмъ—можетъ быть, чтобы подглядѣть всеобщій переполохъ — кругъ синяго свѣта, который старые испанскіе моряки назвали „окомъ бури“ — el ojo de tempestad. Можно было ожидать конца,—это было новое начало. Вѣтеръ вдругъ перескочилъ съ юго-востока на сѣверо-западъ. — Буря опять начиналась, ей помогало новое войско урагановъ. Теперь сѣверъ готовился къ натиску; южный вѣтеръ наноситъ главнымъ образомъ воду, громъ и молнію. Въ это время въ бурякъ происходитъ тотъ постоянный расходъ электричества, который Пиддингтонъ называетъ „каскадомъ молній“...

„Вдругъ мимо Джилліата пронеслось что-то бѣлое и пропало во мракѣ. То была чайка. Въ бурю нѣтъ ничего пріятнѣе такой встрѣчи. Когда показываются птицы, буря уходитъ. Дождь съ-разу пересталъ. Потомъ послышался только ворчливый раскатъ въ тучахъ. Гроза прекратилась моментально, точно провалилась куда-то. Тучи стали расползаться и исчезать. Щель яснаго неба разогнала темноту. Джилліатъ удивился—былъ уже день. Буря продолжалась двадцать часовъ.

„Вѣтеръ приносившій—онъ же и унесъ. Мракъ рушился, загромождая горизонтъ. Разрозненные и безпорядочно уносящіеся туманы тѣснились тревожно; по всей линіи тучъ шло отступленіе; послышался продолжительный утихающій гулъ; пало нѣсколько послѣднихъ дождевыхъ капель, и весь этотъ полный грома мракъ удалился, какъ шумное собраніе грозныхъ колесницъ. Небо внезапно сдѣлалось голубымъ“.

Нужно сознаться, что если принять аспиративную теорію метеорологовъ, то настоящее описаніе бури показалось бы намъ ничему не соотвѣтствующимъ—ни теоріи, ни описаніямъ Гомера и Виргилія, Камоэнса и Шатобріана. Буря Гюго не образовалась на мѣстѣ; авторъ описываетъ намъ ее какъ нѣчто наступающее, приносящееся издалека; она не на мѣстѣ и прекращается, а мчится дальше, разрушая все на пути своемъ. По идеѣ автора, это что-то идущее мимо. Далѣе, намъ ничего не говорятъ о четырехъ вѣтрахъ, дующихъ одновременно отъ четырехъ странъ свѣта. Въ первомъ дѣйствіи бури, бушуетъ одинъ только вѣтеръ — юго-восточный; во второмъ тоже одинъ — сѣверо-западный. Но достаточно и этого, чтобы понять, сколько противорѣчій у Виктора Гюго съ древними авторами. Чѣмъ же это объяснить? Да тѣмъ, что бури, описанныя у древнихъ, а также у Камоэнса и Шатобріана, бушевали и возникали только въ воображеніи авторовъ, точно такъ же какъ и построен-

Digitized by Google

мыя на этихъ данныхъ теоріи. Одно описаніе В. Гюго точно. Все, что онъ говоритъ, оправдывается для наблюдателя, находящагося за 40° сѣв. шир. и стоящаго приблизительно на линіи, по которой несется центръ бури. Бури—не простыя случайности, онѣ не скоропроходящія разстройства или болѣзни атмосферы, нѣтъ—онѣ имѣютъ законы, подобно свѣтиламъ, и повинуются имъ съ совершенною покорностью.

II.

Открытіе законовъ бурь есть одно изъ славнѣйшихъ научныхъ завоеваній XIX вѣка. Это открытіе плодотворно какъ для теоріи, такъ и для практики. На основаніи этихъ законовъ зиждется новая теорія, переименовавшая бури въ „циклоны"; и дѣйствительно, всѣ бури не что иное, какъ циклоны, т.-е. круговращательныя движенія воздуха, необычайной силы. Всѣ они получаютъ начало близъ экватора, налетаютъ на насъ, не измѣняя своего характера и неистово несясь чрезъ громадныя пространства какъ морей, такъ и материковъ. Быстроту ихъ можно сравнить сначала съ быстротою дилижанса, потомъ товарнаго поѣзда и наконецъ экстреннаго поѣзда.

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ три тысячи лѣтъ ошибочныхъ мнѣній и поверхностныхъ наблюденій, однимъ словомъ, предразсудковъ, и возьмемся за изученіе вопроса по научному методу, состоящему въ собраніи фактовъ и разборѣ ихъ, безъ всякой предвзятой идеи.

Съ одной стороны, съ точки зрѣнія чистой науки, дѣло идетъ о важномъ вопросѣ динамики, а вовсе не о мѣстномъ нарушеніи равновѣсія, стремящагося возстановиться путемъ аспираціи; мы имѣемъ передъ собою обширныя движенія, стоящія въ связи со всею атмосферою, а не только съ отдѣльными частями ея.

Съ практической стороны интересъ не менѣе великъ; для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ стоитъ только вспомнить о громадномъ развитіи современныхъ торговыхъ флотовъ, замѣнившихъ крошечныя флотиліи грековъ и римлянъ, а также португальцевъ XVI столѣтія.

Въ Парижѣ существуетъ очень интересное и полезное учрежденіе, занимающееся публикованіемъ свѣдѣній о корабляхъ, находящихся на всѣхъ моряхъ земного шара. „Bureau Veritas", такъ называется это учрежденіе, ежемѣсячно печатаетъ статистику какъ погибшихъ кораблей, такъ и тѣхъ, которые настолько повреждены, что становятся негодными къ дальнѣйшему употребленію. Причины кораблекрушеній весьма многочисленны и разнообразны:

Digitized by Google

къ нимъ принадлежатъ абордажи, столкновенія съ льдинами, туманы, скрывающіе опасныя скалы, порча компаса, ошибки въ опредѣленіи положеній судна, пожары и, наконецъ, ветхость. Большую часть несчастій однако приходится затѣмъ приписывать бурямъ. Слѣдующая таблица представляетъ статистику погибшихъ кораблей отъ бури, за послѣднія 7 лѣтъ:

	Погибшія суда:	
	Парусныя:	Паровыя:
Въ 1872 году. . . .	2.682	188
„ 1873 „	2,165	204
„ 1874 „	1,999	131
„ 1875 „	1,524	153
„ 1876 „	1,398	132
„ 1877 „	1,649	115
„ 1878 „	1,268	110
Въ 7 лѣтъ . .	12,685	1,033

Вотъ какова дань, которую мы платимъ циклонамъ! Если мы вычислимъ потери въ деньгахъ, то онѣ окажутся громадными, и все-таки по важности ихъ нельзя и сравнивать съ печальной гибелью стольких „тружениковъ моря“. Уменьшеніе опасности для этихъ послѣднихъ—вотъ въ чемъ заключается слава науки.

Бури изучались по слѣдующему истинно-научному методу. Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ бури свирѣпствуютъ часто и долго и гдѣ плаваетъ много судовъ, корабельныя книги тщательно просматриваются, и на морской картѣ большого масштаба записываются въ данное число и данный часъ положеніе каждаго судна, причемъ стрѣлкой отмѣчается направленіе испытаннаго имъ вѣтра. Тогда получается для даннаго числа и даннаго часа настоящій эскизъ бури. Та же работа повторяется и для другихъ дней.

Такимъ образомъ, ходъ бури изучается по возможности на всемъ пространствѣ, гдѣ она свирѣпствовала.

Карта представляетъ поразительную картину: намъ остается только какъ-бы читать на ней исторію бури, слѣдя за нею шагъ за шагомъ. При этомъ мы находимъ слѣдующее: прежде всего совокупность стрѣлокъ, разсматриваемыхъ въ какой-нибудь одинъ данный моментъ, показываетъ, что буря есть не что иное, какъ обширное вращательное движеніе воздуха, кружащагося около опредѣленнаго центра. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, на карту накладываютъ листъ прозрачной бумаги, на которой предварительно было начерчено нѣсколько круговъ съ общимъ центромъ, но съ радіусами различной длины. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ всегда удается уложить бумагу такъ, чтобы всѣ стрѣлки, относящіяся къ одному и тому-же

Digitized by Google

дню и числу, расположились по одному и тому же кругу [1]). Замѣчено также, что скорость вѣтра тѣмъ значительнѣе, чѣмъ стрѣлка, обозначающая его, ближе къ центру. Въ самомъ центрѣ циклона существуетъ обыкновенно ясное и спокойное пространство — „око бури"—о которомъ говоритъ Викторъ Гюго. Не всѣ однако мореплаватели видѣли его, для этого нужно находиться въ самомъ центрѣ бури.

Круговращательное движеніе циклона не измѣняется во все его продолженіе. Одно, что можно замѣтить, это—то, что циклонъ съ теченіемъ времени какъ-бы расширяется.

Описаннымъ выше образомъ опредѣляютъ день за днемъ радъ точекъ, которыя остается потомъ только соединить чертой для того, чтобы имѣть линію хода бури.

Итакъ, буря есть не что иное, какъ обширное вращательное движеніе около центра, который въ свою очередь движется впередъ. Подобное явленіе ни въ какомъ случаѣ не могло бы зависѣть отъ вѣтровъ, дующихъ къ одному пункту отъ четырехъ странъ свѣта.

Упомянутыя нами работы сдѣланы для бурь Атлантическаго океана, для бурь Индійскаго моря въ южномъ полушаріи, и для тифоновъ Индо-Китая и Японіи. Вездѣ отыскались одни и тѣ же законы.

Вотъ они:

1. Всякая буря есть движеніе циркулярное, или циклоническое, и вполнѣ ограниченное, среди вообще спокойной атмосферы. Круговращеніе усиливаетъ свою быстроту по мѣрѣ приближенія къ центру; этою увеличенною скоростью не пользуется только нѣкоторая часть, родъ центральнаго ядра, въ которомъ господствуетъ сравнительное спокойствіе. Барометръ постоянно и неизмѣнно понижается по направленію отъ круговращенія къ центру, и опять поднимается послѣ того какъ центръ пройденъ.

2. Направленіе круговращенія не произвольное. Оно совершается справа налѣво на нашемъ полушаріи, т.-е. въ направленіи противо-

---

[1]) Метеорологи, основывающіеся болѣе на кривыхъ, выражающихъ одинаковое барометрическое давленіе, чѣмъ на направленіи вѣтра, оспориваютъ круговращательную форму циклоновъ. Но тутъ, очевидно, происходитъ смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ разрядовъ явленій: давленія — явленія чисто-статистическаго, и вѣтра — явленія существенно динамическаго. Теорія не даетъ намъ возможности заключать отъ одного къ другому. Остается фактическая сторона: всѣ циклоны настолько незначительные, что мы можемъ охватить взглядомъ ихъ общій ходъ — кругообразны; карты, гдѣ отмѣчены вѣтры большихъ циклоновъ, указываютъ на подобный же характеръ; исключенія, какія были, относятся только къ тѣмъ областямъ, гдѣ дуютъ пассаты; ошибки происходили отъ того, что не принимались въ разсчетъ эти вѣтры, которые не прерываются циклонами.

Digitized by Google

положномъ ходу часовой стрѣлки. Замѣчательно то, что циклонъ движется въ противномъ направленіи въ южномъ полушаріи.

3. Это вращательное движеніе путешествуетъ въ спокойной атмосферѣ съ постоянно увеличивающеюся скоростью; циклонъ постепенно охватываетъ спокойное мѣсто, и оставляетъ спокойными покинутыя имъ. Его центръ описываетъ на поверхности земного шара обширную сферическую параболу, начинающуюся у экватора и теряющуюся въ полярныхъ областяхъ. Наблюденія, сдѣланныя по настоящее время, еще не даютъ намъ возможности прослѣдить циклоны до полюсовъ.

4. Обширныя описываемыя бурями параболы обращены своею выгнутостью къ востоку; оси ихъ ориентируются такимъ же образомъ, параллельно кругамъ широты. Это одинаково для обоихъ полушарій, только траіекторіи (линіи хода) бурь симметричны по отношенію къ экватору.

Таковы главныя законы бурь, открытые Пиддингтономъ (Piddington) въ Индіи, Редфильдомъ въ Америкѣ (Redfield) и Ридомъ въ Англіи (Reid).

Вотъ еще послѣдній законъ, дополняющій и поясняющій предъидущіе:

5. Круговращательныя движенія или циклоны—нисходящи. Они не родятся внизу, у поверхности земли, какъ думаютъ нѣкоторые метеорологи, съ удивленіемъ узнавшіе, что бури движутся вращаясь, подобно свѣтиламъ; происхожденіе циклоновъ слѣдуетъ искать въ верхнихъ теченіяхъ атмосферы, о существованіи которыхъ мы знаемъ благодаря присутствію особеннаго рода перистыхъ облаковъ несомыхъ ими [1]). Циклоны постоянно опускаются, пока почва или поверхность водъ не остановитъ ихъ, и тогда они расходуютъ противъ этого препятствія всю живую силу, которою запаслись вверху. Если въ области, на которую налетѣла буря, господствуетъ пассатъ, то онъ не прерывается циклономъ, причина происхожденія котораго лежитъ гораздо выше; циклонъ, пронесясь по нижнимъ, находящимся въ движеніи, слоямъ воздуха, исчезаетъ вдали, оставляя пассатъ такимъ же какъ и до своего появленія.

Поразительно то, что эти законы атмосферной механики не имѣютъ никакихъ исключеній. Если бы буря на нашемъ полушаріи вдругъ вадумала вращаться слѣва направо, это было бы столь же удивительно, и почти столь же чудесно, какъ если бы солнце вздумало вставать на западѣ и заходить на востокѣ. Если бы буря образовалась близъ поверхности земли въ спо-

[1]) Эти облака называются „Cirrhus“ и состоятъ изъ тонкихъ ледяныхъ иглъ.

Digitized by Google

войной атмосферѣ и поднялась вверхъ, направляя свои спирали въ болѣе высокіе слои, это было бы столь же удивительно, какъ если бы камень, уроненный нами, полетѣлъ къ небу, вмѣсто того, чтобы упасть на землю.

Но зачѣмъ намъ знать, что бури движутся вращаясь, и что на одной половинѣ земного шара онѣ вертятся справа налѣво, а на другой слѣва направо, пробѣгая въ 15—20 дней громадныя траіекторіи правильной геометрической формы?—Само собою очевидно, что вышесказанные законы научатъ насъ, какъ происходятъ бури, и чего намъ отъ нихъ слѣдуетъ ожидать; наше дѣло—съумѣть защититься, основываясь на томъ, что намъ о буряхъ извѣстно. Англичане говорятъ: „A warned man is an armed man“ [1]). Посмотримъ же, въ чемъ выгода быть предупрежденнымъ. Еще до наступленія бури существуютъ различныя предзнаменованія, заставляющія наблюдательнаго мореплавателя насторожиться. Бурѣ уже за нѣсколько дней неизмѣнно предшествуетъ появленіе перистыхъ облаковъ въ высшихъ слояхъ атмосферы. Постепенное пониженіе этихъ облаковъ придаетъ небу своеобразный видъ, который подмѣченъ и Викторомъ Гюго. Верхнія теченія, несущія перистыя облака, исходятъ изъ экваторіальныхъ областей и ведутъ за собою уже готовый циклонъ. На морѣ появляется особая, знаменательная зыбь, волны которой происходятъ не только отъ господствующаго въ ту минуту вѣтра, но зависятъ уже и отъ приближающейся бури,—движеніе въ глубокихъ слояхъ воды передается быстрѣе, нежели несется самъ циклонъ. Далѣе: горизонтъ на той сторонѣ, откуда идетъ буря, становится грозенъ. Верхнюю часть циклона—устье его, находящуюся иногда на высотѣ двухъ льё, видно дальше, нежели самую высокую гору земного шара. Перспектива заставляетъ ее принять видъ плоской тучи очень низкой, и восходящее движеніе которой сначала едва ощутительно. Наконецъ, барометръ начинаетъ падать сначала медленно, потомъ быстрѣе. Это рѣшительный признакъ. На нѣкоторыхъ моряхъ и въ извѣстныя времена года капитанъ корабля сдѣлалъ бы громадную неосторожность, если бы не слѣдилъ ежеминутно за барометромъ.

Но, вотъ первое дуновенье вѣтра становится ощутительнымъ; видно, какъ быстро несутся хлопья тучъ, отдѣлившіеся отъ общей массы, между тѣмъ какъ та быстро заволакиваетъ весь горизонтъ.

Пора на что-нибудь рѣшиться. Прежде всего нужно знать, гдѣ центръ циклона: тамъ вѣтеръ всего бѣшенѣе и море всего опаснѣе. Нужно во что бы-то ни стало избѣжать его. Вотъ хорошее правило для узнаванія положенія центра; нужно встать лицомъ противъ вѣтра

[1]) Предупрежденный человѣкъ все-равно что вооруженный человѣкъ.

Digitized by Google

и протянуть правую руку—центръ находится по направленію руки. На южномъ полушаріи нужно искать указанія при помощи лѣвой руки.

Посмотримъ теперь, къ какимъ опасностямъ можетъ повести ложная теорія. Если бы теорія аспиративныхъ бурь была вѣрна, то становясь лицомъ къ вѣтру, мы имѣли бы центръ бури назади себя!

Второй пунктъ также очень важенъ; каждый циклонъ имѣетъ двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга половины—одна носитъ названіе опаснаго полукруга, другая—полукруга сноснаго. Діаметръ, идущій по тому направленію, по какому движется впередъ буря, дѣйствительно раздѣляетъ циклонъ на двѣ половины, въ одной изъ которыхъ круговращательное движеніе совершается въ томъ же направленіи какъ и поступательное—тутъ двѣ скорости складываются; въ другой половинѣ круговращеніе совершается въ направленіи противоположномъ движенію поступательному—вслѣдствіе этого тамъ существуетъ только разность двухъ скоростей.

Если циклонъ несется съ быстротою десяти льё въ часъ—и круговращеніе его имѣетъ 40 метровъ въ секунду, какъ въ описаніи Виктора Гюго, что составитъ 36 льё въ часъ,—то мы имѣемъ въ первомъ случаѣ вѣтеръ, несущійся со скоростью 46 льё въ часъ. Между тѣмъ какъ во второмъ—онъ будетъ дѣлать всего 26 льё въ часъ.

Итакъ, опасность въ одномъ случаѣ почти вдвое больше, нежели въ другомъ. Находясь въ сносномъ полукругѣ (demi-cercle maniable) можно уходить отъ бури, имѣя вѣтеръ въ тылъ; волны въ этомъ случаѣ не обладаютъ достаточной механической силой, чтобы раздробить корабль на мѣстѣ; къ нимъ можно повернуть судно бокомъ и даже задомъ, т.-е. наиболѣе слабыми частями. Но если мореплаватель попадаетъ въ опасный полукругъ (demi-cercle dangereux), то море становится вокругъ настолько грознымъ, что остается единственный исходъ—повернуться къ бурѣ лицомъ, т.-е. носомъ, и дать ей промчаться. Бѣжать въ этомъ случаѣ значитъ попасть въ круговоротъ, промчаться нѣсколько разъ вокругъ центра, потерять мачты, получить течь и, наконецъ, неизбѣжно погибнуть.

Было бы слишкомъ долго пересчитывать всѣ правила, которыхъ слѣдуетъ придерживаться морякамъ для отысканія того или другого положенія по отношенію къ бурѣ. Большая часть изъ этихъ правилъ представляетъ прямой переводъ законовъ циклона на практическій языкъ. Не слѣдовать этимъ правиламъ значило бы бросаться очертя голову на опасность. Но не одни практическіе интересы и цѣли заставляютъ насъ заняться циклонами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я изучалъ пятна на солнцѣ. Я искалъ математическихъ законовъ ихъ движеній; чѣмъ болѣе я вычислялъ наблю-

Digitized by Google

деній, сдѣланныхъ надъ пятнами солнца, тѣмъ болѣе поражался странною правильностью ихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто. Мнѣ наконецъ удалось найти искомые законы, но тутъ я былъ пораженъ, замѣтивъ въ нихъ характеристическія черты земныхъ циклоновъ.

Позже я имѣлъ случай убѣдиться, что существуетъ не только аналогія, но полная тождественность между обоими разрядами явленій. Пятна солнца не что иное, какъ настоящіе циклоны съ одною только разницею, что наши циклоны движутся отъ экватора къ полюсамъ, а солнечные—несутся параллельно экватору. Теорія однако скоро отвѣтила мнѣ и на этотъ вопросъ. Теченія солнца, въ которыхъ получаютъ начало циклоны этого свѣтила, остаются параллельными экватору; наши же теченія вскорѣ покидаютъ экваторъ, чтобы навсегда удалиться отъ него. Мнѣ возразили на это, что солнечные циклоны, какъ нисходящіе, не могутъ быть сравниваемы съ восходящими (по мнѣнію метеорологовъ) земными циклонами.

Относительно солнечныхъ циклоновъ ошибиться нельзя. Если бы темныя центральныя ядра солнечныхъ пятенъ были обязаны своимъ происхожденіемъ восходящимъ движеніямъ, приносящимъ болѣе раскаленные матеріалы изнутри къ западнымъ поверхностямъ, то мы видѣли бы не темныя, а блестящія ядра. Исходя изъ этого, я заключаю слѣдующее: циклоны, будучи нисходящими на солнцѣ, должны быть такими же и на землѣ—существуетъ только одна механика, и она одинакова для солнца и для земли. Покончивъ съ солнечными пятнами, я рѣшился изучать всѣ земныя бури; ураганы, тифоны, торнадосы, тромбы и т. д., то-есть всѣ виды циклоновъ, для того, чтобы убѣдиться, восходящи ли они, какъ въ этомъ увѣряютъ метеорологи. Вотъ въ короткихъ словахъ теорія этихъ явленій.

Ничего нѣтъ поразительнѣе въ нашей атмосферѣ, какъ двойной поясъ пассатныхъ вѣтровъ, постоянно дующихъ косвенно по направленію къ экватору. Эти вѣтры, дуя день и ночь съ сотворенія міра, все-таки не могутъ пополнить пустоты, которая, повидимому, притягиваетъ ихъ къ экватору. Итакъ, нужно, чтобы въ верхнихъ слояхъ атмосферы излишекъ воздуха на экваторѣ изливался куда-нибудь, другими словами—возвращался бы къ своей точкѣ исхода, или во всякомъ случаѣ къ полюсамъ. Подобныя теченія, лежащія на высотѣ нѣсколькихъ льё, дѣйствительно существуютъ, но они недоступны непосредственному наблюденію воздухоплавателей по своей высотѣ, хотя ихъ легко различить, потому что они несутъ своеобразныя перистыя облака, состоящія изъ тонкихъ ледяныхъ иголъ. Эти настоящія воздушныя рѣки текутъ подобно большимъ морскимъ теченіямъ. Легко понять, что круговращеніе земного шара должно сильно сгибать эти теченія, отбрасывая ихъ сначала на западъ, потомъ на сѣверъ, потомъ

Digitized by Google

на сѣверо-западъ на нашемъ полушаріи; на южномъ полушаріи произойдетъ то же самое симметрично къ экватору.

Между тѣмъ, инженерамъ, хорошо изучившимъ теченіе нашихъ земныхъ рѣкъ, извѣстно, что въ извивающихся теченіяхъ, скорость которыхъ постоянно увеличивается, а русло расширяется, образуются круговращательныя движенія, или водовороты, съ вертикальною осью.

Это знаютъ также ловцы и лодочники. Если ловецъ имѣетъ несчастіе попасть въ водоворотъ, то бываетъ роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ увлеченъ ко дну, и ему остается единственное средство для того, чтобы спастись, именно: не тратить силъ напрасно на борьбу, а стараться, достигнувъ дна, оттолкнуться ногою отъ почвы, чтобы вынырнуть на поверхность далеко отъ воднаго циклона. Рѣчные водовороты легко изучить, ихъ спирали постоянно съуживаются, приближаясь ко дну, они концентрируютъ на все болѣе и болѣе узкомъ пространствѣ живую силу, собранную ими при своемъ устьѣ, и когда достигаютъ дна рѣки, то сильно роютъ его. Далѣе: водовороты не остаются постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, но движутся впередъ вмѣстѣ съ теченіемъ, мало-по-малу замедляя его и прорывая русло рѣки. Такимъ образомъ, теченіе самыхъ быстрыхъ рѣкъ измѣняетъ мало-по-малу свой характеръ и регулируется на счетъ живой силы, которую водовороты истощаютъ на взрытіе рѣчного русла. Наконецъ, направленіе круговоротовъ не произвольное, оно опредѣляется разницею скоростей текущихъ параллельно водяныхъ слоевъ. Водоворотъ направленъ отъ болѣе быстрыхъ слоевъ къ менѣе быстрымъ.

Инженеры отличаютъ въ водоворотахъ даже полукруги: опасный и сносный, какъ въ циклонахъ, наблюдая во время ледохода отношеніе водоворота къ плывущему льду.

Всѣ описанныя характеристичныя черты водоворотовъ встрѣчаются и въ большихъ теченіяхъ нашей атмосферы. Ихъ вогнутость направлена къ востоку, тамъ слѣдуетъ искать и наибольшей скорости. Круговращеніе должно совершаться въ нихъ съ востока на западъ, проходя черезъ сѣверъ; противоположное должно имѣть мѣсто въ южномъ полушаріи, потому что большія верхнія атмосферныя теченія симметричны по отношенію къ экватору.

Ставя циклоны въ зависимость отъ верхнихъ теченій воздуха, существованіе которыхъ несомнѣнно, легко вывести всѣ законы бурь. Переходя къ частностямъ, мы точно также могли бы объяснить всѣ явленія извѣстныя подъ именами: торнадосовъ, тромбъ, грозъ, ливней, града и грома.

Упомянемъ теперь еще и о слѣдующемъ примѣненіи знакомства

Digitized by Google

съ законами бурь,—я хочу сказать о наблюденіи за ними и предсказаніи ихъ появленія. Уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Леверье, директоръ парижской обсерваторіи, основалъ учрежденіе, получавшее извѣстія о бурѣхъ изъ всѣхъ странъ Европы, что̀ давало возможность брать необходимыя противъ нихъ предосторожности. Въ настоящее время Америка пошла еще далѣе. Газета „New Iork Herald“ основала цѣлую метеорологическую службу въ своихъ конторахъ, и даетъ знать оттуда всему свѣту о наступающихъ бурѣхъ, какъ о тѣхъ, которыя налетаютъ на Америку съ Тихаго океана, такъ и о тѣхъ, которыя возникаютъ на Атлантическомъ. О нихъ телеграфируется сначала въ Лондонъ, а оттуда во всѣ страны Европы.

Не всѣ предсказанія сбываются вполнѣ точно. Для того, чтобы безошибочно опредѣлить будущую линію хода бури на протяженіе 1.500 льё, нужно было бы съ полною точностью знать какъ самый характеръ, такъ и скорость даннаго циклона.

Замѣтимъ въ заключеніе, что бури, всѣ вообще идущія къ намъ съ запада, не имѣютъ никакого отношенія къ гольфштрому. Циклоны проносятся надъ материками и морями, ни въ чемъ не измѣняя своего характера; когда они въ нижнихъ областяхъ атмосферы встрѣчаютъ теплый и влажный воздухъ, то вызываютъ въ немъ образованіе тучъ, ливня и града, которые не встрѣчаются тамъ, гдѣ воздухъ не содержитъ сырости. Такъ, напримѣръ, бури Тихаго океана, перенесясь черезъ американскій материкъ, измѣняются повидимому въ характерѣ, достигнувъ теплыхъ водъ Ньюфаундленда; но въ сущности измѣнена только внутренняя атмосфера круговорота, превратившаяся изъ сухой въ влажную. Одни верхнія теченія опредѣляютъ геометрическую фигуру траіекторіи бури; поверхностныя измѣненія земной коры могутъ вызвать развѣ мѣстныя и незначительныя измѣненія въ этихъ круговоротахъ почти безконечной величины.

А. Л.

Digitized by Google

МИКЕНСКІЯ И ТРОЯНСКІЯ РАСКОПКИ ШЛИМАНА.

Археологическая замѣтка.

Отчеты императорской Археологической Коммиссіи, составленные академикомъ Л. Стефани о памятникахъ классической древности въ южной Россіи, пользуются заслуженною извѣстностію, свидѣтельствуя о глубокой учености и строго-научномъ методѣ нашего знаменитаго археолога.

Въ послѣдніе годы отчеты эти стали возбуждать живой интересъ не только ученыхъ, но и вообще образованнаго міра, такъ какъ г. Стефани въ нихъ неоднократно касался важнѣйшихъ вопросовъ исторіи древняго искусства, хотя, слѣдуетъ замѣтить, труды нашего академика обращали на себя болѣе вниманія въ западной Европѣ, чѣмъ у насъ, несмотря на то, что именно классическіе памятники Россіи были предметомъ, или же исходною точкою археологическихъ его изслѣдованій.

Въ виду сказаннаго, считаемъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ ознакомить нашихъ читателей съ весьма интереснымъ разсказомъ, помѣщеннымъ въ только-что отпечатанномъ 18-мъ отчетѣ Археологической Коммиссіи (Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'année 1877), который посвященъ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ открытыхъ у насъ въ 1876 году памятниковъ древности. Разсказъ этотъ проливаетъ совершенно новый свѣтъ на степень древности и на происхожденіе предметовъ, найденныхъ извѣстнымъ г. Шлиманомъ въ Микенахъ и Троѣ и отнесенныхъ имъ и его послѣдователями къ самымъ отдаленнымъ вѣкамъ. Особенный же интересъ для русскихъ должно представлять то обстоятельство, что значительная часть этихъ предметовъ была изъ южной Россіи перенесена, въ III столѣтіи по Р. Х., въ Микену и Трою, и найденные г. Шлиманомъ въ Микенахъ курганы были воздвигнуты не въ память царей древняго рода Атридовъ, а въ честь *скиѳскихъ* вождей съ береговъ Азовскаго моря. Вотъ въ чемъ заключается сжатый, но вполнѣ обстоятельный разсказъ г. Стефани.

Основою для изслѣдованій г. Стефани служитъ то положеніе, что ни одинъ курганъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть древнѣе позднѣйшаго по времени предмета, найденнаго въ немъ. Итакъ, если возможно доказать, что въ Микенскихъ курганахъ встрѣчаются предметы, относящіеся къ III столѣтію по Р. Х., то становится оче-

Digitized by Google

видным, что и самые курганы не старше этого же вѣка. Исключеніе составляютъ, конечно, тѣ случаи, когда съ достовѣрностію доказано, что тотъ или другой курганъ былъ впослѣдствіи разрытъ и въ него положены предметы позднѣйшаго происхожденія.—Относительно же найденныхъ въ Микенахъ предметовъ можно, по мнѣнію г. Стефани, различать двѣ отдѣльныя группы ихъ. Первая обнимаетъ предметы, художественно обработанные по образцу тѣхъ, которые относятся къ золотому вѣку греческаго искусства, либо ко времени римскихъ императоровъ. Но никогда обработка этихъ предметовъ не указываетъ на слѣды древнѣйшаго греческаго искусства.

Что касается второй группы, то она лишена всякаго художественнаго достоинства, заключая въ себѣ предметы, приспособленные къ первоначальнымъ практическимъ потребностямъ низшихъ слоевъ общества, какъ, напр., найденная въ Микенахъ въ большомъ числѣ глиняная посуда. Древности такого рода сохранились во множествѣ изъ разныхъ столѣтій древняго міра; но никому и въ голову не приходило отнести ихъ, по грубой ихъ отдѣлкѣ, къ героической эпохѣ грековъ.

Г-нъ Стефани доказываетъ прежде всего, что Микенскіе курганы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть старше третьяго столѣтія до *Р. Х.* и вотъ по какимъ причинамъ: основываясь на разсмотрѣніи ладонки съ изображеніемъ золотой личинки цикады (Cicaden-Puppe), г. Стефани указываетъ на то, что бабочка, при всемъ ея сходствѣ съ цикадою, является предметомъ греческаго искусства только съ половины III-го вѣка до Р. Х. (у писателей упоминается о ней уже въ IV-мъ столѣтіи), тогда какъ цикада весьма часто уже со временъ Гомера обращала на себя вниманіе грековъ, нерѣдко воспѣвалась ихъ поэтами и являлась въ изображеніяхъ пластическаго искусства.

Въ виду того, что въ Микенскихъ раскопкахъ найдено не мало золотыхъ пластинокъ, изъ коихъ на каждой изображена была довольно искусно бабочка, эти пластинки, а слѣдовательно и Микенскіе курганы, по законамъ исторической критики, не могутъ быть многимъ старше половины III в. до Р. Х., ибо, при множествѣ болѣе старыхъ памятниковъ литературы и искусства, появленіе бабочки лишь въ IV или III столѣтіи нельзя отнести къ простой случайности. Предположеніе, будто памятники древности, на коихъ найдены изображенія бабочки, относятся къ XII столѣтію до Р. Х., идетъ совершенно въ разрѣзъ съ основными законами методической критики: памятники эти могутъ восходить никакъ не далѣе IV столѣтія Р. Х.

По этому поводу г. Стефани замѣчаетъ, что предположеніе, будто древнѣйшіе обитатели Микенъ переняли съ Востока особенное предпочтеніе къ бабочкѣ, лишено всякаго вѣроятія, на томъ основаніи,

Digitized by Google

что ни въ одномъ изъ памятниковъ древнѣйшей литературы и искусства Востока и Египта не встрѣчается бабочки.

Правда, г. Стефани допускаетъ, что найденная г. Шлиманомъ въ четвертой Микенской гробницѣ серебряная бычачья голова можетъ быть отнесена къ III столѣтію до Р. Х., и что даже нѣкоторыя изъ Микенскихъ древностей, изъ коихъ пока только извѣстная часть издана, принадлежатъ къ болѣе отдаленному періоду искусства. Предположеніе это не лишено нѣкотораго вѣроятія, такъ какъ, по мнѣнію г. Стефани, Микенскія гробницы сооружены скиѳами, ограбившими во второй половинѣ III столѣтія по Р. Х. древніе пелопоннесскіе города и безъ сомнѣнія украсившими гробницы своихъ покойниковъ предметами частію ими захваченными.—Но если безспорно, что хотя одинъ изъ предметовъ, найденныхъ въ гробницахъ, принадлежитъ къ III столѣтію до Р. Х., то и самыя гробницы, какъ мы уже сказали, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть древнѣе.

Г-нъ Стефани приводитъ, сверхъ того, еще множество доказательствъ, что гробницы гораздо новѣе III столѣтія до Р. Х. и относятся только къ III вѣку по нашему лѣтосчисленію.

Величайшую важность заключаетъ въ себѣ тотъ фактъ, что въ трехъ различныхъ гробницахъ найдено шесть золотыхъ слѣпковъ съ покойниковъ. Конечно, совершенно невѣроятно, чтобы эти слѣпки были сдѣланы не одновременно съ самымъ устройствомъ гробницъ. Греки, отличавшіеся въ этомъ отношеніи отъ римлянъ и египтянъ, до III вѣка послѣ Р. Х. никогда не клали масокъ въ гробницы, и даже съ того времени они это дѣлали довольно рѣдко и притомъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Обычай этотъ сталъ появляться у такъ называемыхъ варваровъ, сколько извѣстно, также не ранѣе III столѣтія по Р. Х.

Весьма важно также обстоятельство, что открытыя въ Микенахъ маски, по художественной ихъ обработкѣ, чрезвычайно сходны съ принадлежащими императорскому Эрмитажу двумя золотыми масками III столѣтія по Р. Х., найденными въ южной Россіи.

Такъ какъ, по справедливому замѣчанію г. Стефани, научныя предположенія должны основываться на достовѣрныхъ фактахъ, но не наоборотъ, то Микенскія маски ни въ какомъ случаѣ нельзя относить ко времени троянской войны, а слѣдуетъ причислить ихъ къ III столѣтію по Р. Х.

Не менѣе достойно замѣчанія, что нѣкоторыя Микенскія древности имѣютъ очевидное сходство съ произведеніями персидскаго искусства періода Сассанидовъ, царствовавшихъ съ III вѣка по Р. Х. Какъ извѣстно, южная Россія въ древности имѣла вплоть до пермской губерніи оживленныя торговыя сношенія съ Персіею.

Digitized by Google

Найденный въ шестой Микенской гробницѣ золотой перстень прямо указываетъ на персидское его происхожденіе: на немъ находится изображеніе нѣсколькихъ женщинъ, одѣтыхъ въ длинные покровы, тѣсно облегающіе формы и обнажающіе грудь. Сверхъ того, къ изображеніямъ этимъ придѣланы длинныя спускающіяся косы. У греческихъ женщинъ покровъ и коса не были въ употребленіи и не встрѣчаются на древнихъ памятникахъ греческаго происхожденія, но они находятся у двухъ женщинъ, изображенныхъ на серебряномъ блюдѣ, найденномъ въ пермской губерніи и принадлежащемъ графу С. Г. Строганову [1]). Изображеніе это какъ по предмету своему, такъ и по обработкѣ, а равно и самое мѣсто нахожденія блюда, свидѣтельствуютъ о томъ, что блюдо относится къ III столѣтію по Р. Х. и принадлежитъ къ произведеніямъ персидскаго искусства. Поэтому и Микенскій перстень долженъ относиться къ тому же самому времени и имѣть ту же родину. Равнымъ образомъ, утварь, которую держитъ въ одной рукѣ сидящая женщина, изображенная на перстнѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ утвари, представленной на цилиндрахъ позднѣйшаго персидскаго происхожденія и притомъ встрѣчаемой только на послѣднихъ.

Наконецъ, листья изображеннаго на перстнѣ дерева весьма большого размѣра, почти круглы и прикрѣплены только къ оконечностямъ вѣтвей; то же самое мы встрѣчаемъ только въ деревьяхъ, изображенныхъ на стѣнныхъ украшеніяхъ керченскихъ гробницъ II и III вѣка по Р. Х.

Въ доказательство древняго происхожденія Микенскихъ гробницъ нѣкоторые ученые приводили то обстоятельство, что на нихъ не найдено ни одной надписи. Г-нъ Стефани замѣчаетъ по этому поводу, что и въ большей части гробницъ южной Россіи, относящихся къ V вѣку до Р. Х., а также къ гораздо позднѣйшему времени, встрѣчается то же явленіе.

Напротивъ того, мы находимъ нѣсколько отдѣльныхъ буквъ на обломкѣ сосуда, найденномъ впрочемъ, кажется, не въ самыхъ гробницахъ, но въ тамъ и сямъ разбросанныхъ на поверхности ихъ развалинахъ; по очертанію же, эти буквы принадлежатъ не къ отдаленной древности. Мы могли бы привести еще множество доказательствъ въ пользу позднѣйшаго происхожденія Микенскихъ раскопокъ, но, намъ кажется, названные нами примѣры вполнѣ достаточны.

Въ то время, какъ многіе археологи слѣпо вѣрили взгляду г. Шлимана на преклонный возрастъ Микенскихъ древностей, другіе же къ этому взгляду относились съ недовѣріемъ,—только г-ну Стефани первому удалось опредѣлить настоящее время ихъ происхожденія

[1]) См. Koehler, Gesammelte Schriften, Th. VI, Taf. 7.

Digitized by Google

Заключая въ себѣ предметы, относящіеся безспорно къ III ст. по Р. Х., Микенскія гробницы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть древнѣе этого времени.

Мало того: г. Стефани умѣлъ съ достовѣрностію опредѣлить не только самый годъ возникновенія Микенскихъ гробницъ, но и отечество соорудившаго ихъ народа.

Давно было предметомъ удивленія множество найденныхъ въ Микенскихъ гробницахъ разнаго рода золотыхъ предметовъ. Правда, уже Гомеръ называетъ Микены „богатыми золотомъ". Но мы съ достовѣрностію знаемъ, что греки никогда не опускали въ гробницы много золотыхъ вещей. Равнымъ образомъ и географъ Страбонъ свидѣтельствуетъ, что люди, которые послѣ разрушенія Коринѳа (146 до Р. Х.) опустошили гробницы, находившіяся въ окрестностяхъ этого города, а въ томъ числѣ, полагаемъ мы, и Микенскія (г. Микены, разрушенный уже въ V ст. до Р. Х., какъ извѣстно, находится въ весьма близкомъ разстояніи отъ Коринѳа), нашли въ нихъ только глиняныя и бронзовыя, но не золотыя вещи.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ народовъ только у одного существовалъ цѣлое тысячелѣтіе обычай класть въ гробницы знатныхъ лицъ множество золотыхъ и серебряныхъ вещей, а именно у скиѳовъ, жившихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Они были богаты золотомъ, которое добывали частію въ рудникахъ Уральскаго хребта, частію получали чрезъ постоянныя торговыя сношенія съ Азіей. Они любили хвалиться своими сокровищами, что доказывается даже опусканіемъ золотыхъ вещей въ гробницы. Вотъ почему въ южной Россіи найдено болѣе двѣнадцати гробницъ, изъ коихъ каждая содержитъ несравненно больше золотыхъ предметовъ, чѣмъ всѣ Микенскія вмѣстѣ взятыя. Если принять во вниманіе этотъ фактъ равно и то обстоятельство, что, какъ мы уже упомянули, многія Микенскія древности по ихъ художественной обработкѣ весьма схожи съ древностями, найденными на югѣ Россіи, то невольно является предположеніе, что родиной Микенскихъ древностей, по крайней мѣрѣ части ихъ, слѣдуетъ считать южную Россію.

Но спрашивается: какимъ образомъ народы южной Россіи проникли въ Микены и въ замокъ Атридовъ?

На это исторія даетъ весьма простой отвѣтъ: Пелопоннесъ былъ въ древности дважды ограбленъ племенами сѣвернаго Черноморскаго прибрежья, однажды готѳами Алариха въ 395 по Р. Х., и еще раньше, герулами (или готѳами) въ 267 г.

Такъ какъ большая часть готѳовъ Алариха были христіанами, въ Микенскихъ же древностяхъ не найдено памятниковъ христіанскаго происхожденія, то г. Стефани справедливо предполагаетъ, что

Digitized by Google

Микенскія гробницы сооружены племенами, опустошившими въ 267 г. Пелопоннесъ. О вторженіи послѣднихъ греческіе и римскіе писатели повѣствуютъ слѣдующее.

Въ 267 г., герулы (или готѳы), отправившись на 500 кораблях чрезъ Азовское море въ Понтъ, завоевали Византію и Хризополь; послѣ того они направились въ Грецію и сожгли тамъ Аѳины, Коринѳъ, Спарту и Аргосъ. Вся Греція была ими разграблена, пока наконецъ аѳиняне, подъ предводительствомъ Дексиппа, описавшаго впослѣдствіи эту войну, не заманили ихъ въ засаду и не истребили бо́льшую ихъ часть. Такъ какъ весь Пелопоннесъ былъ ограбленъ герулами, то, слѣдуетъ полагать, они оставались въ немъ довольно долго.

На основаніи этого разсказа, г. Стефани полагаетъ, что герулы давно оставленный Микенскій за́мокъ, весьма удобно расположенный между Коринѳомъ и Аргосомъ, заняли какъ важный стратегическій пунктъ, откуда они легко могли дѣлать свои набѣги, и этотъ за́мокъ служилъ имъ складомъ для награбленныхъ ими вещей.

Когда, во время владычества въ Пелопоннесѣ геруловъ, умиралъ или былъ убитъ греками тотъ или другой вождь ихъ, то, по ихъ обычаю, они предавали его землѣ, въ которую и опускали множество золотыхъ вещей; мѣстомъ же погребенія они выбирали Микены, пустынная мѣстность которыхъ, казалось, ручалась имъ, что сооруженныя въ нихъ гробницы не подвергнутся опасности быть разграбленными впослѣдствіи.

Такъ какъ герулы разсчитывали при выѣздѣ изъ Азовскаго моря на продолжительный походъ, то и удивляться нечему, если богатые представители этого народа взяли съ собою свои сокровища, которыми впослѣдствіи, равно какъ награбленными въ Пелопоннесѣ предметами, стали наполнять гробницы герульскихъ вождей.

Этимъ и объясняется пестрое разнообразіе найденныхъ въ Микенскихъ гробницахъ предметовъ, частію богатыхъ, частію не имѣющихъ никакой цѣны.

Между послѣдними предметами находятся, напр., нѣкоторыя глиняныя вещи, которыя и послужили приверженцамъ г. Шлимана совершенно неосновательнымъ поводомъ къ тому, чтобъ отнести Микенскія гробницы къ глубокой древности, тогда какъ подобные предметы во множествѣ сохранились, какъ уже сказано нами, отъ разныхъ столѣтій древности.

Какъ Микенскія гробницы, такъ и гробницы Алариха и Аттилы также украшались самыми разнообразными предметами; причемъ люди, коимъ поручалось копаніе ямъ для гробницъ, убивались, дабы тѣмъ сохранить гробницы отъ расхищенія.

Digitized by Google

Совершенно одновременно съ походомъ геруловъ, скиѳы и готѳы съ сѣверныхъ береговъ Понта ограбили сосѣднія съ этимъ моремъ мѣстности Малой Азіи, и въ числѣ ихъ, какъ прямо указано историками, мѣста, на которыхъ была когда-то выстроена воспѣтая Гомеромъ Троя.

Отъ этихъ-то скиѳовъ и готѳовъ происходятъ, по мнѣнію г. Стефани, найденные г. Шлиманомъ въ Троѣ предметы, въ особенности золотыя украшенія и золотая утварь.

Поэтому нельзя и удивляться, если троянскія древности, открытыя тѣмъ же Шлиманомъ, такъ сходны съ Микенскими.

Извѣстно, что въ наше время множество самыхъ ученыхъ и остроумныхъ археологовъ посвятили себя изученію древней культуры грековъ и малоазіятскихъ народовъ.

Слѣдуетъ радоваться, что благодаря проницательности г. Стефани, фантастическія грезы г. Шлимана и его приверженцевъ о баснословной древности Микенскихъ и троянскихъ памятниковъ разсѣяны, тогда какъ въ противномъ случаѣ предпринятыя до сихъ поръ археологическія изысканія легко могли бы подвергнуться опасности отступить передъ пустыми гипотезами, лишенными всякаго критическаго основанія и ученаго метода.

Древности въ родѣ тѣхъ, которымъ г. Стефани сдѣлалъ надлежащую ихъ оцѣнку, наполняютъ европейскіе музеи, въ особенности нашъ императорскій Эрмитажъ. Для насъ же, русскихъ, особенный интересъ представляетъ тотъ фактъ, что родина Микенскихъ и троянскихъ древностей, происхожденіе коихъ возбуждало столько споровъ—южная Россія, чего археологи до г-на Стефани вовсе и не подозрѣвали.

Л — нъ.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По поводу „Воспоминаній“ П. В. Анненкова.

Въ той части „Воспоминаній“ П. В. Анненкова („Замѣчательное десятилѣтіе“), которая была напечатана у насъ въ апрѣльской книгѣ, между прочимъ, было сказано, что, предъ напечатаніемъ „Бѣдныхъ Людей“ г. Достоевскаго въ альманахѣ Некрасова „Петербургскій Сборникъ“ (1846 г.), авторъ „потребовалъ, чтобы его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ—каймой. Романъ и былъ дѣйствительно обведенъ почетной каймой въ альманахѣ“.

Весь этотъ анекдотъ самъ-по-себѣ не представляетъ важности, но, по поводу вышеприведенныхъ словъ П. В. Анненкова, въ № 1473 „Новаго Времени“ сдѣлана была слѣдующая замѣтка:

„Такъ увѣряетъ г. Анненковъ, желая выставить самомнѣніе г. Достоевскаго какъ можно рельефнѣе, обвести его, такъ-сказать, особой каймой въ отличіе отъ другихъ начинающихъ авторовъ, отличающихся скромностью. Мы взяли „Петербургскій Сборникъ“ 1846 г. и увидѣли, что г. *Анненковъ это обстоятельство сочинилъ*, вѣроятно, по свойственному ему добродушію: „Бѣдные Люди“ напечатаны безъ всякой каймы, тѣмъ же самымъ шрифтомъ, какъ и другія статьи этого сборника...

„Такимъ образомъ, П. В. Анненкову надо покаяться, а вмѣстѣ съ нимъ и „Вѣстнику Европы“. Это прискорбно будетъ для такихъ тузовъ.“

Мы ни на минуту не сомнѣвались, что П. В. Анненковъ ни „по свойственному ему добродушію“, ни по какой другой причинѣ, никакъ не могъ „сочинить“ вышеприведеннаго „обстоятельства“ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“; но, въ виду сдѣланнаго возраженія, сочли необходимымъ разъяснить этотъ вопросъ окончательно. Авторъ „Воспоминаній“ находится за-границей; но намъ и не пришлось ожидать отъ него объясненій, такъ какъ возможность справки оказалась у насъ подъ-рукой. Вся существенная сторона разсказа о „каймѣ“—несомнѣнна, но авторъ „Воспоминаній“, писанныхъ имъ на разстояніи 25 лѣтъ и явившихся въ печати 35 лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій, отнесъ „обстоятельство“, извѣстное всѣмъ въ ту эпоху, къ „Бѣднымъ Людямъ“, между тѣмъ какъ дѣло должно было идти о другомъ произведеніи г. Достоевскаго—„Разсказъ Плисмыль-

Digitized by Google

кова", или что-то въ этомъ родѣ, предназначавшемся въ задуманный Бѣлинскимъ сборникъ „Левіаѳанъ". Туда, какъ извѣстно, готовились произведенія лучшихъ писателей, какъ, напримѣръ: „Кто виноватъ", „Обыкновенная исторія", первые разсказы изъ „Записокъ Охотника" и др. Авторъ „Бѣдныхъ Людей" потребовалъ не отъ Некрасова, а отъ Бѣлинскаго, чтобы его новый трудъ былъ помѣщенъ не иначе, какъ въ началѣ или въ концѣ сборника, но никакъ не между другими, въ серединѣ, а къ тому же — былъ бы обведенъ каймой. Бѣлинскій тогда же, смущенный такимъ оригинальнымъ требованіемъ, изложилъ свое затрудненіе близкимъ друзьямъ; чтобы утѣшить его —Некрасовъ, Панаевъ и др. придумали написать отъ имени Бѣлинскаго стихотворное посланіе къ автору „Бѣдныхъ Людей", которое заключалось такимъ четверостишіемъ:

„Будешь ты доволенъ мною:
Поступлю я, какъ п.....
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ" [1]).

Послѣ этого, обвиненіе П. В. Анненкова въ „сочиненіи" дѣлается по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ, и не ему предстоитъ необходимость принести покаяніе. Сущность дѣла, конечно, состоитъ не въ томъ, — относилась ли „кайма" къ „Бѣднымъ Людямъ", или къ какому-нибудь другому произведенію того же автора, а въ томъ,— существовалъ ли когда-нибудь фактъ требованія о „каймѣ", или его „сочинилъ" П. В. Анненковъ? Точно также важно не то,—въ „Петербургскій Сборникъ" или въ „Левіаѳанъ" назначалась статья г-на Достоевскаго. А въ такомъ случаѣ, разсказъ П. В. Анненкова въ главномъ совершенно вѣренъ: такое „обстоятельство" было, но авторъ „Воспоминаній", по прошествіи значительнаго промежутка времени, могъ весьма легко ошибиться въ подробностяхъ, которыя легко исправить, не прибѣгая къ обвиненію его въ „сочиненіи". „Сочинить" и „ошибиться" въ второстепенныхъ подробностяхъ—далеко не одно и то же. Ошибка П. В. Анненкова очевидна, впрочемъ, сама собою: г. Достоевскій могъ предъявлять требованія „каймы" только послѣ того, какъ онъ сдѣлался авторомъ „Бѣдныхъ Людей", слѣдовательно, эта повѣсть должна была быть уже напечатана, когда могло состояться такое требованіе; кайма же должна относиться только къ

[1]) Это четверостишіе памятно многимъ людямъ той эпохи; мы слышали его съ небольшимъ варіантомъ перваго стиха, а именно: „Буду нянчиться съ тобою"; въ настоящемъ же его видѣ, оно сообщено намъ изъ записной книги 50-хъ годовъ, веденной однимъ изъ лицъ, весьма близко стоявшихъ къ редакціи „Современника" той эпохи.

Digitized by Google

какому-нибудь послѣдующему произведенію того же автора, уже составившаго себя имя вышеупомянутою повѣстью, и дѣйствовавшаго сообразно съ тѣмъ.

Чтобы довести до конца исторію этой „каймы", прибавимъ, что, какъ извѣстно, изданіе „Левіаѳана" не осуществилось: въ 1847 г. открылся „Современникъ", и всѣ статьи, предназначавшіяся въ этотъ сборникъ, были уступлены Бѣлинскимъ, вмѣстѣ съ упомянутою повѣстью г. Достоевскаго, редакціи новаго журнала, для которой „кайма" уже не была обязательна, да и притомъ во главѣ ея стояли авторы вышеприведеннаго четверостишія.

Итакъ, самое „обстоятельство", какъ теперь оказывается, П. В. Анненковъ вовсе не „сочинилъ"; ошибка его — повторяемъ — можетъ относиться не къ „обстоятельству", а къ заглавію альманаха и самой повѣсти; за тѣмъ же, самая кайма такъ и остается каймою, какъ разсказалъ ея исторію П. В. Анненковъ, безъ всякаго желанія выставить самомнѣніе г. Достоевскаго, по возможности, рельефнѣе; да это было бы несогласно и съ общимъ характеромъ его „Воспоминаній", изложенныхъ вообще съ соблюденіемъ извѣстнаго правила историковъ: писать—ad narrandum, sed non ad probandum.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ [1]).

I. Отчетъ казначея за 1877—79 г.

1. Приходъ.

	Руб.	К.
Къ 1-му засѣданію Комитета 23-го ноября 1878 г. состояло въ кассѣ Общества	21,988	69
которые составились слѣдующимъ образомъ:		
Съ закрытіемъ Владимірскихъ и Аларчинскихъ курсовъ къ 1-му сентября 1877 г. оставалось:		
отъ Владимірскихъ курсовъ . . . . 165 р. 7 к.		
„ Аларчинскихъ „ . . . . . 57 „ 28 „		
Итого . . . 222 р. 35 к.		
Съ 1-го сентября 1877 г. по 23-е ноября 1878 г. поступило на приходъ:		
a) Субсидіи отъ министерства народ. просвѣщенія за 1877 г. 1,000 и за 1878 г.—1,500 р. . . .	2,500	—
b) Пожертвованій:		
отъ гр. Паниной . . . . . 2,000 р.		
„ NN . . . . . 40 „		
„ NN . . . . . 25 „		
„ г-жи Шиловской и NN по 15 р. . 30 „		
„ г-на Покровскаго . . . . . 8 „		
„ гг. Максимовичъ, Кистеръ, Плеске и NN по 5 р. . . . . 20 „	2,123	—
c) Взносовъ отъ учредителей возникавшаго Общества:		
отъ 2 лицъ по 100 р. . . . . 200 р.		
„ 2 „ „ 20 „ . . . . . 40 „		
„ 1 „ „ — „ . . . . . 25 „		
„ 11 „ „ 10 „ . . . . . 110 „		
„ 55 „ „ 5 „ . . . . . 275 „	650	—
d) отъ продажи принадлежавшихъ бывшимъ Владимірскимъ курсамъ книгъ	195	—
e) % отъ госуд. бумагъ и текущаго счета . . .	161	60
f) отъ продажи билетовъ за право слушанія лекцій за 1-е полугодіе 1878—79 года отъ 467 постоянныхъ слушательницъ и 347 вольнослушательницъ	17,825	—
Итого . . .	23,454	60

[1]) Въ дополненіе къ отчету секретаря Общества и докладу ревизіонной комиссіи, напечатаннымъ въ январьской книгѣ журнала, стр. 456.

Digitized by Google

	Руб.	К.
Въ приходѣ съ остаточными	23,676	95
Въ расходѣ	1,688	26
Затѣмъ, какъ сказано, въ остаткѣ къ 21-му ноября состояло	21,988	69

2. Расходъ.

Съ 1-го сентября 1878 г. (времени открытія курсовъ) по 23-е ноября 1878 г. употреблено въ расходъ:

	Руб.	К.
a) На плату ассистентамъ	120	—
b) „ покупку книгъ для библіотеки	750	—
c) „ содержаніе прислуги	137	50
d) „ покупку и ремонтъ мебели	394	10
e) „ освѣщеніе	144	91
f) „ канцелярскіе расходы	50	15
g) „ мелкіе расходы	31	60
h) „ пособіе одной учащейся	60	—
Итого	1,688	26

3. Приходъ.

Съ 23-го ноября 1878 года по 1-е сентября 1879 г. поступило на приходъ:

a) Пожертвованій:		
отъ г. Ф. И. Базилевскаго	500 р. — к.	
„ г-жи Цебриковой	300 „ — „	
„ 3-хъ лицъ	7 „ 83 „	
	807	83
b) Членскихъ взносовъ:		
отъ 1 лица, по 10 въ мѣс. за 8 мѣсяцевъ	80 р.	
„ 5 лицъ по 100 р.	500 „	
„ 2 „ „ 50 „	100 „	
„ 3 „ „ 25 „	75 „	
„ 2 „ „ 10 „	20 „	
„ 108 „ „ 5 „	540 „	
	1,315	—
c) Отъ продажи принадлежащихъ Обществу книгъ	259	—
d) % съ госуд. бумагъ	907	—
e) прибыли при продажѣ 50 бил. 1-го внутрен. съ выигр. займа	469	33
f) Отъ устройства въ пользу Общества балз зимой и гулянья лѣтомъ	4,223	15
g) Отъ продажи билетовъ за право слушанія лекцій за второе учебное полугодіе 1878 — 79 года отъ 447 постоянныхъ слушательницъ и 168 вольнослушательницъ	14,173	—
Итого	22,154	31

Digitized by Google

	Руб.	К.
Въ приходѣ съ остаточными	44,143	—
Въ расходѣ	19,715	88
Итого въ остаткѣ къ 1-му сентября 1879 г.	24,427	12

Процентными бумагами:

44	бил.	1-го вост. займа на сумму	5,018	р. 78	к.
4	„	2-го „ „ „ „	3,723	„ 89	„
36	„	2-го „ „ „ „	12,169	„ 87	„
3	„	5% госуд. банка . . .	300	„ —	„
				21,212	54

Наличными деньгами:

На текущемъ счету въ госуд. банкѣ	3,184	р. 50	к.	
Въ кассѣ распорядительницы . .	30	„ 8	„	
			3,214	58
Итого . . .			24,427	12

4. Расходъ.

	Руб.	К.
Съ 23-го ноября 1878 года по 1-е сентября 1879 г. употреблено въ расходъ:		
a) На уплату профессорамъ	12,450	—
b) „ „ ассистентамъ	1,050	—
c) „ учебныя пособія	788	89
d) „ содержаніе прислуги	892	12
e) „ покупку и ремонтъ мебели	1,377	60
f) „ освѣщеніе	283	3
g) „ канцелярскіе расходы	221	85
h) „ мелкіе расходы	539	64
i) „ залогъ государственныхъ бумагъ	30	75
j) „ бумагу по совершенію контракта на квартиру	82	—
k) Въ счетъ платы за квартиру (Сергіевская, 7) . .	2,000	—
Итого . . .	19,715	88

II. Смѣта на 1879—80 гг.

1. Приходъ.

	Руб.	К.
a) Субсидіи отъ министерства народ. просвѣщенія .	3,000	—
b) Членскихъ взносовъ	1,500	—
c) Пожертвованій (отъ барона Гинцбурга)	1,000	—
d) Отъ продажи билетовъ за право слушанія лекцій	25,000	—
e) % съ госуд. бумагъ	1,100	—
f) Отъ устраиваемыхъ въ пользу Общ. баловъ и концертовъ	4,000	—
g) Отъ продажи принадлежащихъ Обществу книгъ .	200	—
Итого . . .	35,800	—

Digitized by Google

2. Расходъ.

	Руб.	К.
a) Плата профессорамъ	21,450	—
b) „ ассистентамъ	2,000	—
c) Учебныя пособія	5,000	—
d) Содержаніе прислуги	1,800	—
e) Покупка и ремонтъ мебели	2,000	—
f) Освѣщеніе	300	—
g) Мелкіе, хозяйственные и канцелярскіе расходы	1,000	—
h) Квартира	6,000	—
Итого	39,550	—

III. Свѣдѣнія о состояніи высшихъ женскихъ курсовъ, сообщенныя педагогическимъ совѣтомъ.

Высшіе женскіе курсы имѣютъ два отдѣленія: физико-математическое и словесное. При открытіи курсовъ въ сентябрѣ 1878 года лекціи въ обоихъ отдѣленіяхъ читались только на первомъ курсѣ. При этомъ преподавались слѣдующіе предметы: по физико-математическому отдѣленію: алгебра—г. Поссе; геометрія—г. Билибинъ; физика—г. Боргманъ; механика—г. Гезехусъ; ботаника—г. Бекетовъ; зоологія — г. Вагнеръ; химія — г. Потылицынъ; латинскій языкъ — г. Мусселіусъ. По словесному отдѣленію: русская исторія—г. Бестужевъ-Рюминъ; древняя исторія — г. Бауеръ; всеобщая литература—г. Веселовскій; психологія—г. Владиславлевъ; историческая грамматика русскаго языка—г. Некрасовъ; латинскій языкъ—г. Шеборъ.

Съ сентября 1879 года открытъ 2-й курсъ и кромѣ того спеціально-математическое отдѣленіе на обоихъ курсахъ. Предметы преподаванія слѣдующіе:

На I-мъ курсѣ, по физико-математическому отдѣленію: алгебра (спец. к.)—г. Билибинъ; стереометрія (спец. к.)—г. Тихомандритскій; алгебра (общ. к.)—г. Артемьевъ; геометрія (общ. к.)—г. Волковъ; физика—г. Боргманъ; механика—г. Гезехусъ; ботаника (общ. к.)—г. Бекетовъ; зоологія—г. Вагнеръ; химія (неорг.)—г. Менделѣевъ. По словесному отдѣленію: русская исторія—г. Бестужевъ-Рюминъ; древняя исторія—г. Бауеръ; русская литература—г. Миллеръ; психологія—г. Радловъ; историческая грамматика русскаго языка—г. Некрасовъ; латинскій языкъ—г. Шеборъ; французскій языкъ—г. Варонъ.

На II-мъ курсѣ, по физико-математическому отдѣленію: алгебра (спец. к.)—г. Поссе; тригонометрія (спец. к.)—г. Билибинъ; алгебра (общ. к.)—г. Артемьевъ; геометрія (общ. к.)—г. Волковъ; тригонометрія (общ. к.)—г. Тихомандритскій; физика—г. Боргманъ; физическая географія—г. Гезехусъ; геологія и минералогія—г. Иностранцевъ; анатомія и физіологія—г. Овсянниковъ; анатомія и физіологія растеній—г. Фаминцынъ; зоологія—г. Вагнеръ и г. Богдановъ; химія (неорг.)—г. Потылицынъ; химія (орг.)—г. Бутлеровъ. На словесномъ отдѣленіи: русская исторія—г. Бестужевъ-Рюминъ; всеобщая исторія (средн.)—г. Васильевскій; всеобщая литература—г. Веселовскій; логика и психологія—г. Радловъ; историческая грамматика русскаго

Digitized by Google

языка—г Некрасовъ; латинскій языкъ—г. Шеборъ; русская литература—г Миллеръ; политическая экономія—г. Янсонъ.

При открытіи лекцій въ сентябрѣ 1878 г. на курсы записалось:

постоянныхъ слушательницъ	468
вольнослушательницъ	346
Всего . . .	814

Къ 1-му января 1879 г. перешло изъ вольнослушательницъ въ постоянныя слушательницы 79 лицъ, и выбыло изъ курсовъ 21 вольнослушательница.

Такимъ образомъ, къ 1-му января 1879 г. состояло:

постоянныхъ слушательницъ		547
на словесномъ отд. . . .	211	
„ физико-мат. „ . . .	336	
вольнослушательницъ		246
Всего . . .		793

Къ началу 1879—80 учебнаго года выбыло:

постоянныхъ слушательницъ	125
вольнослушательницъ	188
Всего . . .	313

Изъ остальныхъ держало экзаменъ и перешло на второй курсъ:

постоянныхъ слушат. физико-матем. отд.	177
„ „ словесн. отдѣленія	142
Всего . . .	319

Осталось на первомъ курсѣ:

постоянныхъ слушательницъ	103
вольнослушательницъ	58
Всего . . .	161

Вновь поступило въ сентябрѣ 1879 г.:

постоянныхъ слушательницъ	314
вольнослушательницъ	22
Всего . . .	336

Изъ этого числа выбыло 27

Всего слушательницъ находится въ настоящее время на обоихъ отдѣленіяхъ и курсахъ 789

Составъ Комитета:

Предсѣдатель: *А. Н. Бекетовъ*—университетъ.

Товарищъ предсѣдателя: *А. Я. Гердъ*—Литейная, 43.

Казначей: *В. П. Тарновская*—Надеждинское родовспомогательное заведеніе, кв. д-ра Тарновскаго.

Распорядительница на курсахъ: *Н. В. Стасова* — Сергіевская, близъ Таврическаго, д. Покатилова.

Digitized by Google

Члены Комитета:

М. А. Лялина—Кузнечный пер., д. 16.
О. А. Мордвинова—Манежный пер., д. Никитина.
О. Н. Рукавишникова — Офицерская, близъ В. Мастерской, об. домъ.
Л. Н. Страннолюбскій—Екатерингофскій просп., близъ Аларчина моста, д. Шупше.
М. К. Цебрикова—редакція журн. „Воспитаніе и Обученіе"—Греческій просп., д. № 21.
З. Ю. Яковлева—уголъ Казанской и Новаго переулка, д. Яковлевыхъ.

Пожертвованія и членскіе взносы принимаются у всѣхъ членовъ Комитета.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

МАНИФЕСТЪ

О КОНЧИНѢ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Божіею Милостію, МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и пр. и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Богу Вседержителю, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Его святаго Промысла, угодно было ниспослать Намъ тяжкое испытаніе, поразившее Насъ и весь Домъ Нашъ безпредѣльною скорбію: въ 22-й день сего мая Любезнѣйшая Супруга Наша Императрица Марія Александровна скончалась послѣ продолжительной болѣзни, давно уже возбуждавшей тревожныя опасенія. Всѣ принятыя, по указаніямъ опытныхъ врачей, къ возстановленію Ея здоровья мѣры, все усердіе и нѣжныя попеченія окружающихъ, внушенныя горячею къ Ней любовію и живѣйшею преданностію, оказались, къ глубокой горести Нашей, безсильными противъ недуга, пресѣкшаго драгоцѣнную жизнь Ея, которую Она съ самоотверженіемъ, до самой кончины, неуклонно посвящала высокимъ обязанностямъ Своего земнаго призванія и подвигамъ христіанскаго милосердія.—Неустанная материнская заботливость въ Бозѣ почившей Императрицы о благѣ многочисленныхъ юныхъ питомицъ, въ непосредственномъ Ея вѣдѣніи состоявшихъ воспитательныхъ учрежденій; Ея сердобольное участіе къ жертвамъ минувшей войны и ихъ семействамъ, не ограниченное предѣлами отечества, но простиравшееся и на отдаленныхъ единовѣрцевъ,—Мы

Digitized by Google

твердо уповаемъ,—навсегда запечатлѣются въ благодарной памяти Ею облагодѣтельствованныхъ и достойно оцѣнятся Всеблагимъ Праведнымъ Судіею въ другомъ лучшемъ мірѣ.

Въ семъ убѣжденіи находя единственное для Себя утѣшеніе и благоговѣйно преклоняясь предъ опредѣленіемъ Всевышняго, призываемъ любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ вознести, вмѣстѣ съ Нами, сердечныя искреннія молитвы къ Отцу Небесному объ упокоеніи чистой души Усопшей въ горнихъ обителяхъ вѣчнаго блаженства.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 22-й день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восьмидесятое, Царствованія же Нашего въ двадцать шестое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

На хорошихъ страницахъ исторіи нашего времени будетъ встрѣчаться Августѣйшее имя почившей Государыни Императрицы Маріи Александровны: женская школа и благотворительность—вотъ то земное поприще, которое Она усвоила Себѣ, и съ котораго не сходила съ самаго перваго Своего появленія въ нашей средѣ, почти сорокъ лѣтъ тому назадъ (1841 г.). Многіе изъ насъ помнятъ то время,—и помнятъ, какія надежды тогдашнее общество возлагало на юную Цесаревну, прибывшую въ Россію лѣтъ десять съ небольшимъ по смерти вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая положила у насъ первое основаніе болѣе правильному женскому образованію — и мѣсто ея оставалось какъ-бы не вполнѣ занятымъ. Тожество имени подало тогда поводъ сказать въ одномъ изъ многочисленныхъ привѣтствій, которыми была встрѣчена Цесаревна:

„Да ниспошлетъ намъ Богъ въ Маріи
„Марію бывшую у насъ..."

—и таковы, дѣйствительно, были ожиданія тогдашняго общества. Вполнѣ самостоятельная и широкая дѣятельность на поприщѣ женской школы для нареченной преемницы Маріи Ѳеодоровны могла начаться только со вступленія на престолъ

Digitized by Google

Государя Императора—и послѣдовавшей вскорѣ за тѣмъ кончины вдовствующей императрицы, въ 1860 году. Но это было болѣе чѣмъ простое продолженіе дѣла, начатаго Маріей Ѳеодоровной: ея Августѣйшая преемница положила начало новому, самостоятельному періоду женскаго образованія въ Россіи, съ которымъ имя Ея и останется связаннымъ неразрывно. Закрытыя женскія учебныя заведенія, институты, въ свое время имѣвшія значеніе,—сдѣлались аномаліею въ виду общей перестройки нашей общественной жизни на иныхъ началахъ,—и безъ могущественной иниціативы и поддержки со стороны почившей Государыни Императрицы, трудно было бы представить себѣ ту легкость, съ которою была совершена реформа, весьма деликатная, не имѣвшая никакихъ корней въ общественныхъ нравахъ, и представлявшая массу затрудненій въ старыхъ привычкахъ и взглядахъ на женское образованіе. Двадцать лѣтъ (1860—1880 г.) оказались однако достаточными не только для переворота въ идеяхъ, но и для прочнаго основанія дѣла, о чемъ свидѣтельствуютъ современныя цифры гимназическаго образованія женщинъ: болѣе 100 женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и министерства народнаго просвѣщенія, и въ нихъ обучаются около 50,000 ученицъ—будущихъ матерей!

Гораздо труднѣе выразить цифрами значеніе дѣятельности почившей Государыни Императрицы на поприщѣ благотворительности; но кто могъ бы сосчитать жертвы войны, разоренныя семейства этихъ жертвъ,—тотъ сказалъ бы намъ въ цифрахъ, сколько разъ будетъ помянуто съ благодарною молитвою то Августѣйшее имя, которое стояло во главѣ нашего «Краснаго Креста», распространившаго въ мирное время свою дѣятельность на помощь жертвамъ другихъ общественныхъ бѣдствій, не уступающихъ войнѣ.

Такъ сильно сочувствовать несчастію, умѣть цѣнить тяжелыя утраты, требуемыя отъ насъ иногда слѣпымъ рокомъ, могла только Мать, сама испытавшая въ Своей жизни жестокую, невозвратную потерю.

Изъ всѣхъ земныхъ поприщъ Почившая избрала себѣ благую часть, а потому она и не отнимется у Нея.

Digitized by Google

Digitized by Google

НА ВЫСТАВКѢ М. АНТОКОЛЬСКАГО

I.

КЪ МЕФИСТОФЕЛЮ

между „Христомъ“ и „Сократомъ“.

Зачѣмъ ты здѣсь, духъ злобы и сомнѣнья,
Съ усмѣшкой искривленной на устахъ,
Съ туманомъ лжи, съ отравою презрѣнья
Въ задумчиво блуждающихъ глазахъ?
Зачѣмъ тебя художникъ вдохновенный
Впустилъ въ тотъ храмъ таинственно-священный
Величія, добра и красоты,
Гдѣ усмѣхаться можешь только ты?
Отъ глазъ Христа, отъ близости Сократа,
Отъ юности, отъ славы, отъ ума,
Бѣги въ вертепы лести и разврата,
Туда, гдѣ смѣхъ и плачъ, бряцанье злата,
Гдѣ пьяное веселье, шумъ и тьма.
Тебя я проклинаю, ненавижу,—
Ты отравилъ души восторгъ святой...
Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ тебя я вижу,
Зачѣмъ твой взоръ смѣется надо мной?!

Увы, отвѣтъ предвижу я заранѣ,
И шопотъ твой знакомъ мнѣ съ давнихъ дней,
Знакомъ, какъ боль въ незаживленной ранѣ,
Какъ тяжкій бредъ безсонныхъ злыхъ ночей!

Digitized by Google

Когда добра и свѣта полный жажды,
Искалъ я новыхъ знаній, думъ и встрѣчъ,
Не ты-ль въ тиши шепталъ мнѣ не однажды
Лукавую, язвительную рѣчь:
«Добро и зло, ничтожество—величье,
Все, что́ живетъ, что́ отжило давно...
Гдѣ судъ тому, гдѣ мѣра, гдѣ различье?
Не все-ль людьми поругано равно!»
И нынѣ здѣсь, въ святилищѣ искусства,
Ты въ прахѣ вновь язвить и хохотать,
Развѣнчивать святыню, клеветать,
Подмигивать на красоту, на чувство,
Сжигать людей презрѣнія огнемъ,
Дышать въ лицо имъ ложью и развратомъ,
Между отравленнымъ Сократомъ
И крѣпко связаннымъ Христомъ!

II.

БЕЗВОЗВРАТНАЯ ПОТЕРЯ.

Барельефъ.

Онъ уснулъ, онъ угасъ—но витаютъ надъ нимъ
Голубыя, какъ небо, видѣнья.
Этимъ новымъ мечтамъ, этимъ снамъ золотымъ
Ужъ не внятны земли сожалѣнья!

Не горюйте, что спитъ непробуднымъ онъ сномъ,
Ни мольбамъ, ни слезамъ не внимая;
И на дѣтскомъ челѣ полюбуйтесь лучомъ
Недоступнаго вѣчнаго рая!

Digitized by Google

III.

У ПАМЯТНИКА МОЛОДОЙ ДѢВУШКѢ.

Недугомъ злымъ привлечена
Къ дверямъ безвременной могилы,
Почуя сквозь мракъ унылый,
Въ тоскѣ склонилася она.

Ея уста не шепчутъ пени,
Въ глазахъ угасъ надежды свѣтъ;
Но—двѣ послѣднія ступени
Переступить ей силы нѣтъ!

Кругомъ весна, цвѣты, веселье,
И зной, и блескъ со всѣхъ сторонъ;
А смерть толкаетъ въ подземелье,
Въ холодный мракъ, на вѣчный сонъ!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

V *).

СТЕПНАЯ СТОРОНА.

Не отличается живописнымъ разнообразіемъ природа южно-тамбовскаго края. Нѣтъ тамъ высокихъ горъ, красиво увѣнчанныхъ многолюдными селами и торговыми городами, потонувшими въ густой зелени садовъ; нѣтъ и многоводныхъ рѣкъ, съ ранней весны до поздней осени горделиво несущихъ и дерзко-свистящіе пароходы и неуклюжіе дощаники и граціозныя расшивы... Нѣтъ и стекловидныхъ озеръ, поэтично-сверкающихъ среди тихихъ, лѣсистыхъ береговъ,—озеръ, усѣянныхъ веселыми островами, богатыхъ рыбою, чистыхъ и глубокихъ... Нѣтъ ничего этого. Ни красою Поволжья, ни угрюмою прелестью за-московскаго, сѣвернаго края, ни дикимъ величіемъ глухого Полѣсья не влечетъ къ себѣ моя родина. Куда ни глянешь—все поля да поля... Мелькнетъ осиновый кустъ, засинѣетъ далекій лѣсъ, зачернѣютъ на горизонтѣ два-три кургана, блеснетъ на солнышкѣ степной прудокъ или поросшая коблами рѣчка, бросится въ глаза барская усадьба съ ярко-зелеными и красными кровлями своихъ построекъ, вспухнутъ тамъ и сямъ позолоченные кресты сельскихъ церквей, выглянетъ сѣрымъ пятнышкомъ купеческій хуторокъ—и опять поля, поля...

И народъ не изъ бойкихъ населяетъ эти поля. Угрюмая низменность и томительное однообразіе края словно отозвались на немъ. Нѣтъ въ немъ той разбитной юркости бывалаго человѣка,

*) См. выше: февр. 511; мар. 286 стр.

Digitized by Google

которою щеголяетъ ярославецъ, нѣтъ и смышлености подмосковнаго жителя; не блещетъ онъ сметкою и талантливостью нагорѣвшаго въ отхожихъ промыслахъ рязанца, не обладаетъ находчивостью костромича, оборотливостью владимірца, стойкостью и энергіей сибиряка. Онъ не поетъ тѣхъ историческихъ пѣсенъ, которыми славится Поволжье; онъ не помнитъ ни Стеньки Разина, ни Ермака Тимоѳеевича; въ его пѣсняхъ и сказкахъ нѣтъ тѣхъ преданій, которыми такъ богаты Украинскія думы, Олонецкія былины, Поволжскія пѣсни. Вольная-воля, богатырская сила, молодецкая удаль, насколько онѣ выразились въ коренномъ, старо-русскомъ эпосѣ, неизвѣстны ему. Его преданія не поэтичны. Въ нихъ, повторяю, и помину нѣтъ, ни о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ, съ его сильно-могучими богатырями, ни о Новгородскихъ ушкуйникахъ, то разбивавшихъ богатыя, торговыя, суда, то ретиво ратовавшихъ за вѣче, за свободу, то заселявшихъ суровое Поморье;—ни о понизовой вольницѣ съ ея отчаянными атаманами и удалыми есаулами, разъѣзжающими въ разукрашенныхъ косныхъ лодочкахъ вдоль по матушкѣ по Волгѣ...

За то онъ помнитъ всѣ ужасы крѣпостного права. Помнитъ волостныхъ головъ, окружныхъ, засѣдателей. Помнитъ времена заселенія края, когда на цѣлыя сотни верстъ тянулись дѣвственныя степи, когда по берегамъ изобилующихъ рыбою рѣкъ и рѣчонокъ высились дремучіе лѣса, въ которыхъ водились косматые медвѣди и шаловливыя бѣлки; но татарскіе наѣзды, безпрестанно тревожившіе новую «украйну», уже не помнитъ онъ. Не вспоминаетъ онъ въ своихъ пѣсняхъ ни о подвигахъ молодецкой удали, ни о милостивомъ божескомъ заступленіи, несомнѣнно имѣвшемъ мѣсто при оборонѣ молодыхъ поселеній. Вѣчный недосугъ, вѣчное чиновничье и помѣщичье ярмо, какъ-бы обезцвѣтили его фантазію, притупили его память на все необычное, на все выходящее изъ уровня сѣренькой, прозаической дѣйствительности.

Онъ прежде всего землепашецъ. Не уважаетъ новшествъ, презираетъ городскіе нравы, плохо вѣритъ начальству. Онъ тихъ, страшно-терпѣливъ, добродушенъ, но любитъ разгулъ, питаетъ склонность къ веселой бесѣдѣ и въ пору этого разгула, во время этой бесѣды, становится раздражительнымъ и буйнымъ.

Въ немъ тьма противоположностей, и поэтъ, скорбно обратившійся къ нему съ вопросомъ:

Такъ кто-жъ ты, наконецъ?!..

вѣроятно не скоро дождется отвѣта.

Digitized by Google

Онъ добродушно вѣритъ въ чорта, съ замѣчательной подробностью представляя не только его когти, но даже и наружность; онъ цѣлыми массами стекается на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, въ Кіевъ, Задонскъ, Воронежъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлые годы не говѣетъ, лѣниво посѣщаетъ свой приходскій храмъ и не любитъ попа. Онъ основываетъ секты, идущія по пути раціонализма дальше протестантства, и на ряду съ этимъ бьетъ отлебями колдуновъ, становитъ капканы на вѣдьмъ и оборотней, косо глядитъ на «скоромниковъ». Онъ въ большинствѣ плохой міранинъ, а между тѣмъ не можетъ себѣ представить иной формы землевладѣнія, какъ общинная. Съ рѣдкимъ единодушіемъ дерется «всѣмъ міромъ» за спорные покосы съ сосѣдями, стойко отстаиваетъ интересы міра въ волости, съ замѣчательной аккуратностью дѣлаетъ раскладки, дѣлитъ «мірское» вино, «мірскіе» луга, съ аптекарской тщательностью производитъ передѣлы, съ удивительной равностью распредѣляетъ «мірской» лѣсъ, «мірскія» тяготы... А въ земскіе гласные выбираетъ «міроѣда», оставляетъ безъ призора сиротъ и увѣчныхъ, и,—что главное,—оказывается совершенно несостоятельнымъ тамъ, гдѣ требуется не одно только математическое распредѣленіе тяготы, или пользованіе старыми правами и угодьями по старымъ дѣдовскимъ обычаямъ, а *мірская* иниціатива, *мірская* предпріимчивость и *мірское* единодушіе. А это требованіе, конечно, предъявилось и предъявляется ему безпрестанно новыми порядками, воздвигнутыми на новой, еще не извѣданной имъ, почвѣ,—почвѣ, созданной послѣ-реформенными экономическими и нравственными отношеніями...

Своеобразенъ и противорѣчивъ онъ (какъ и во всемъ) въ своихъ понятіяхъ о нравственности и правдѣ. Прощая волостнымъ старшинамъ тысячныя растраты, благодушно мотивируя ихъ «человѣческою слабостью», онъ совершенно безчеловѣчно, съ какою-то варварскою, холодною жестокостью мучаетъ, а иногда забиваетъ и до смерти, мелкаго воришку, попавшагося съ хомутомъ, или холстами; разводя безъ помощи св. синода, по одной только «своей мужицкой» совѣсти мужа съ женою, народъ этотъ въ то же время порета розгами сноху, обругавшую распутника, свекра «чернымъ словомъ».

Онъ таковъ, какимъ его воспитало многовѣковое ярмо.

Край пересѣкли желѣзныя дороги, въ селахъ водворились кабатчики, въ усадьбѣ—кулаки. Вѣяніе трактирной цивилизаціи тлетворно пронеслось надъ тихими, степными деревнями. На ряду съ страшнымъ развитіемъ хищничества, появился отхожій промы-

Digitized by Google

селъ. Зашаталась община подъ напоромъ тысячи плотоядныхъ инстинктовъ, зашевелившихся въ степной глуши.

Тамбовскій мужикъ тихъ, страшно-терпѣливъ, добродушенъ... Тридцать лѣтъ тому назадъ и съ этими только качествами ему жилось хорошо: — земля рожала, хлѣба до новины доставало съ избыткомъ, подати выплачивались; теперь онъ копитъ недоимки, истощаетъ землю, пьянствуетъ и нищенствуетъ... Прежнихъ трехъ добродѣтелей оказывается недостаточно. Откуда же придутъ къ нему тѣ, которыя одни только въ силахъ противостать все-разлагающему духу времени?...

Но отчего же эта безконечная ширь полей, эта уныло-однообразная равнина, гдѣ-тдѣ перемежаемая едва замѣтными возвышенностями, эти тамъ-и-сямъ разсѣянные села, хутора и усадьбы, этотъ убогій народъ, — съ такимъ непобѣдимымъ очарованіемъ влекутъ меня къ себѣ? Отчего мнѣ вѣчно мерещится моя бѣдная родина съ ея безбрежными полями, вѣчно вспоминается ея захватывающій душу просторъ, ея синѣющая даль? Почему предо мною неотступно встаютъ кусты и курганы, бѣлѣютъ высокія колокольни, и уныло звенитъ тоскливая мужицкая пѣсня?..

Вотъ и теперь, когда тусклый свѣтъ Петербургскаго полдня тускло брезжетъ въ мою тѣсную, затхлую квартирку, когда въ запыленныя окна видиѣется лишь узкій какъ колодезь дворъ, да клочокъ сѣраго, холоднаго, неба когда съ улицы доносится назойливый трескъ экипажей, лязгъ лошадиныхъ копытъ и возгласы кучеровъ — вспоминаю я далекую родину... И кажется мнѣ, что изъ какой-то едва досягаемой, чудно-таинственной дали, съ чарующей ясностью выступаютъ и всецѣло заполоняютъ меня родныя картины...

И тоскливая печаль обнимаетъ мое сердце,—печаль, мучительно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и невыразимо-сладко колеблющая какія-то странныя, болѣзненно-чуткія, болѣзненно-отзывчивыя струны въ моей груди...

Digitized by Google

VI.

МУЖИЧОКЪ СИГНѢЙ, И МОЙ СОСѢДЪ ЧУХВОСТИКОВЪ.

Славные вечера бываютъ весною въ нашей степной сторонѣ! Солнце ужъ низко. Пустынныя поля словно облиты его мягкими, ласкающими лучами. Осиновые кусты и поросшія густымъ тальникомъ окладины, разбросанныя тамъ-и-сямъ среди полей, подернуты золотисто-багровымъ свѣтомъ. Въ сторону противоположную закату, отъ нихъ тянутся густыя, влажныя тѣни. На далекомъ разстояніи другъ отъ друга виднѣются деревеньки, хутора, барскія усадьбы. Кое-гдѣ сверкаютъ кресты церквей и алѣютъ каменныя колокольни.

Нѣжно-голубое небо покрыто тамъ-и-сямъ легкими какъ пухъ и словно паръ прозрачными облаками, подернутыми то багрянымъ, то свѣтло-розовымъ, то золотисто-палевымъ румянцемъ. Какая-то свѣтящаяся, бѣловатая полоса узкой чертою обнимаетъ западный горизонтъ. На востокѣ этой полосы нѣтъ, тамъ небо окрашено густой синевою, а надъ самимъ горизонтомъ протянулась хмурая, непривѣтливая кайма. Едва ощущаемое вѣяніе прохладнаго, но еще мягкаго и нѣжнаго вѣтерка, слабо тревожитъ воздухъ, напоённый запахомъ свѣже-разрытой земли, горьковатаго осинника и молодой полыни. Иногда, къ этому исключительно полевому запаху, тоненькая струйка воздуха приноситъ изъ ближней деревни запахъ парного молока, иногда потянетъ оттуда дымкомъ, дегтемъ или свѣжимъ навозомъ, и съ примѣсью этой-то едва уловимой струйки жилого запаха, какъ-бы живительнѣй и благотворнѣй становится запахъ полей.

Тихо. Гдѣ-то во ржи, пока еще рѣдко и лѣниво, отбиваетъ свое «ва-ква» перепелъ. Въ сырой луговинѣ, около окладины, скрипитъ дергачъ, посвистываютъ конюшки. Надъ маленькой кочковатой ложбинкой, заросшей въ мокрыхъ мѣстахъ густыми купами молодого темно-зеленаго камыша, вьется чибиска, пронзительно разрѣзая воздухъ своими острыми крыльями и печально оглашая поле рыдающимъ крикомъ. Изъ-за дальнихъ кустовъ чуть слышно доносятся тоненькое, переливистое ржаніе сосунка-жеребенка.

Вдалекѣ маячится сгорбленная фигура пахаря, щедро облитая лучами заходящаго солнца. Густыя тѣни бѣгутъ отъ этой фигуры и тянутся длинною полосою по коричневой пашнѣ. Вдоль полей широкой, прямой лентою, пролегла большая дорога, пестрѣя своими полосатыми верстовыми столбами. По дорогѣ

Digitized by Google

ѣдетъ ямщикъ-обратный. Усталая тройка еле плетется, ямщикъ лѣниво мурлычетъ пѣсенку, колокольчикъ медленно, словно нехотя, позваниваетъ подъ высокой дугою; тѣни прихотливо двигаются за тройкой. По окраинѣ дороги, мелкими и частыми шажками бредетъ богомолка. «Садись-подвезу!» — кричитъ ямщикъ; богомолка молчитъ и прибавляетъ шагу. «Э, ты»... ямщикъ крупно ругается и вдругъ дико вскрикиваетъ: «ну, голубе!»... Лошади поднимаются вскачь. Телѣга гремитъ, колокольчикъ уныло захлебывается, изъ-подъ колесъ поднимаются клубы пыли. Клубы эти отъ красноватыхъ солнечныхъ лучей кажутся темно-багровыми. Исполинскія тѣни бѣгутъ въ слѣдъ за тройкой.

«Вовлѣ!.. вовлѣ окаян-н-ая...» — кричитъ пахарь и понукаетъ лошадёнку, спѣша допахать полосу. «Вовлѣ... вовлѣ-ѣ»... откликается ближній лѣсокъ.

Солнце почти закатилось. Лучи его проникаются пурпуромъ и все дѣлаются короче и короче. Тѣни почти сплошь заполоняютъ поля. Тѣ свѣтлыя, покатыя къ западу, круговины, до которыхъ еще достигаютъ низкіе горизонтальные лучи солнца, можно перечесть,—такъ ихъ немного. Въ глубинѣ востока трепетно и неувѣренно мигая вспыхнула блѣдненькая звѣздочка. Небо синѣетъ. Облака, тихо плавающія по серединѣ неба, ужъ не отливаютъ золотистымъ румянцемъ. Какая-то чахлая желтизна окаймляетъ ихъ со стороны запада, да и та съ каждой минутой потухаетъ, уступая обычному блѣдно-сѣрому цвѣту. Только надъ самымъ закатомъ рдѣетъ еще, словно раскаленный уголь, маленькое продолговатое облачко... Воздухъ становится холодноватымъ и влажнымъ. Запахъ свѣжести усиливается. Отъ ближняго поселка доносится мычаніе и блеяніе ворочающагося домой стада, скрипъ отворяемыхъ и запираемыхъ воротъ, звонкая ругань бабъ, громкое щелканье кнута и новые звуки жилѣекъ.

Въ полѣ тоже не дремлятъ... Только чибиска умолкла. Зато перепела оглашаютъ воздухъ неустаннымъ треньканьемъ, дергачъ скрыпитъ какъ оглашенный, конюшки переливаются въ запуски, въ маленькомъ степномъ прудѣ робко и мелодично квакаютъ лягушки...

Мужикъ допахалъ полосу, перевернулъ вверху сошниками соху, посмотрѣлъ изъ-подъ руки на закатъ, обратясь къ востоку медленно и размашисто перекрестился, ласково огладилъ тяжело дышавшую кобылу, и, съ усиліемъ взвалившись на нее верхомъ, поѣхалъ по межѣ къ поселку.

Останемся одни среди поля.

Digitized by Google

Загораются звѣзды. Золотится заря. Неподвиженъ чудно-прозрачный воздухъ. Ровною, необозримой пеленою уходятъ во всѣ стороны поля, изрѣдка перемежаемыя кустами... Вдалекѣ поселки, хутора, усадьбы, съ поразительной ясностью выступающіе на голубоватомъ фонѣ мягкихъ весеннихъ сумерокъ...

Тишина... прохлада... просторъ.

Отъ молодыхъ всходовъ овса, отъ начинающихъ выколашиваться озимей, отъ рыхлой пашни, только-что засѣянной просомъ или вздвоённой подъ гречиху, отъ межниковъ, поросшихъ всякими травами и дикимъ персикомъ, отъ зеленѣющаго пара, еще не вытравленнаго скотиной, отъ осиновыхъ кустовъ, густо одѣтыхъ вѣчно трепещущей листвою, отъ далекихъ селъ и деревень, — отъ всего этого безмятежнаго приволья вѣетъ какой-то мужественной и здоровой свѣжестью, все это возбуждаетъ въ васъ какое-то умилительное чувство, чувство мира и глубокаго покоя...

На какой-то далекой колокольнѣ бьютъ часы. Тягучіе, бархатные звуки сельскаго колокола, торжественно и мѣрно, съ какою-то медлительной плавностью, уносятся въ глубокое поднебесье. Гдѣ-то чуть слышно дрожитъ тягучій отзвукъ... Дикія утки, словно ошалѣлыя, пронеслись надъ самой землей, съ какимъ-то тревожнымъ визгомъ разрѣзая воздухъ. Заря чуть теплится....

Ночь.

Въ одинъ изъ такихъ-то благодатныхъ весеннихъ вечеровъ ко мнѣ на хуторъ прикатилъ, въ своей отчаянно дребезжащей таратайкѣ, сосѣдъ мой и хорошій знакомый Андрей Захарычъ Чухвостиковъ. Я только-что вернулся съ поля, гдѣ у меня въ тотъ день сѣяли гречиху.

Но надо, я думаю, разсказать, что такое былъ за человѣкъ Андрей Захарычъ.

Человѣкъ онъ былъ хорошій. Происходилъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ какого-то графа, у котораго много лѣтъ служилъ управляющимъ. Когда громадное графское состояніе, съ надлежащимъ шикомъ, было истощено владѣльцемъ и, въ концѣ-концовъ, разлетѣлось въ дребезги отъ соприкосновенія съ новыми порядками, Андрей Захарычъ купилъ на сбереженые гроши, недалеку отъ меня, сорокъ десятинъ земли, выстроилъ на этой землѣ уютный хуторокъ и зажилъ себѣ припѣваючи. Былъ онъ холостъ, высокъ, страшно худъ и костлявъ. Сохранялъ вѣчную угрюмость, хотя далеко не былъ флегматикомъ, курилъ Асмо-

Digitized by Google

ловскій табакъ третьяго сорта, говорилъ скороговоркой и безъ малѣйшей вдумчивости, во время разговора немилосердно хмурилъ свои густыя брови и сурово вращалъ глазами, почти къ каждому слову прибавлялъ «слово-ересь» и страстно, до изнеможенія, любилъ сплетни. Впрочемъ, надо отдать ему справедливость, относился онъ къ сплетнямъ не какъ къ пустому препровожденію времени, а какъ-бы къ нѣкоему государственной важности дѣлу. Ничѣмъ нельзя его было такъ обидѣть, какъ легкомысленнымъ, смѣшливымъ отношеніемъ къ сплетнѣ. Онъ тогда до невѣроятности насупливалъ брови, ожесточенно чесалъ всегда плохо выбритый подбородокъ, и, въ концѣ-концовъ, глубоко нахлобучивъ свой бархатный, старомодный картузъ, съ нѣмымъ достоинствомъ удалялся отъ деревоненаго. Но за то не было для него и большаго удовольствія, какъ если кто вдавался съ нимъ въ серьёзное, основательное разсужденіе, по поводу той или другой сплетни. Онъ становился тогда важнымъ и внушительнымъ; строго и неукоснительно опредѣляя одно за другимъ всѣ свойства разбираемой сплетни, нерѣдко ударялся даже въ философію, и оставлялъ въ покоѣ эту злосчастную сплетню не иначе, какъ по извлеченіи изъ нея цѣлаго ворона болѣе или менѣе мудрыхъ (хотя всегда чрезвычайно лаконичныхъ) умозаключеній. Сплетни замѣняли ему газеты, которыя онъ терпѣть не могъ. Все, что дѣлалось въ околоткѣ, всегда первому и всегда во всѣхъ подробностяхъ было извѣстно Чухвостикову. По многимъ селамъ и деревнямъ у него бывали спеціальные агенты, въ большинствѣ случаевъ старики и старухи, которые, по мѣрѣ накопленія матеріала, пріѣзжали и приходили къ нему на хуторъ, гдѣ за вѣчно-шипѣвшимъ самоваромъ и выкладывали всю подноготную.

Кромѣ этой слабости Андрея Захарыча (если только это слабость), онъ имѣлъ и еще двѣ. Былъ приверженъ къ охотѣ съ дудочкой на перепеловъ и питалъ непреоборимую страсть къ рыболовству. Въ извѣстныя времена года одна изъ этихъ трехъ слабостей (ужъ будемъ ихъ такъ называть) непремѣнно имѣла перевѣсъ въ Чухвостиковѣ, хотя и не заглушая двухъ остальныхъ... Такъ, напримѣръ, съ осени и до весны особенно сокрушительно свирѣпствовала жажда сплетень, лѣтомъ же перемежались и перепела, и рыба. Впрочемъ, кромѣ іюля, перевѣсъ былъ всегда на сторонѣ рыбы. Къ несчастію, на земелькѣ Андрея Захарыча, вмѣсто пруда, находилось какое-то гнусное болото, и вотъ почему, начиная съ весны и кончая осенью онъ частенько-

Digitized by Google

такій навѣщалъ мой хуторъ. У меня былъ хотя и маленькій прудокъ, но за то чрезвычайно изобилующій карасями.

— Ну, батенька, — встрѣтилъ я Андрея Захарыча, когда онъ входилъ въ комнату, — вѣдь ловить-то сегодня некому! Одинъ Михайло дома, да и тому сейчасъ приказалъ ѣхать въ Березовку, повѣстить о пахотѣ.

— А Семенъ?

— Семенъ въ городѣ.

— Ахъ ты, Господи, какая досада-съ, — опечалился Андрей Захарычъ, разсѣянно здороваясь со мною; — а я, какъ нарочно, сегодня и Ѳедьку своего не взялъ-съ... Ахъ, какое горе-съ!..

— Ну, вотъ...

— А-ахъ, ахъ! — Чухвостиковъ насупилъ свои густѣйшія брови и недовольно сморщилъ лобъ; — а вы изволили слышать: у Вертаева-то, конторщикъ сто-тридцать два цѣлковыхъ потерялъ, да-съ! — Тутъ на мгновеніе было-оживился онъ, но, уже не дожидаясь отъ меня отвѣта, опять поникъ головою.

— Вѣдь вотъ тебѣ горе-то-съ, вотъ! Онъ частыми шажками заходилъ по комнатѣ, съ нервной раздражительностью пощипывая щетинистый подбородокъ, и безпрестанно поддергивая, почему-то вѣчно сползавшія, панталоны.

— А священникъ-то Крутоярскій, отецъ Вассіанъ, жеребца въ Полетаевѣ купилъ-съ, сто-два цѣлковыхъ...

— Какой масти? — спросилъ я, вознамѣрившись разговоромъ на любимую тему Андрея Захарыча отвлечь его отъ грустныхъ мыслей.

— Вороной-съ, правая задняя нога въ полъ-вѣнца бѣлая, — не задумываясь отвѣтилъ Андрей Захарычъ и, вдругъ обратившись ко мнѣ, внушительно произнесъ: — Вотъ я и думаю, Николай Васильичъ... Ежели взять, съ одной стороны — пастырь-съ... и ежели опять — стадо-съ, овцы — по писанію. Ну, купилъ онъ тамъ жеребца-съ...

— Ну-съ, такъ какъ?

Но Андрей Захарычъ внезапно отвернулся, ожесточенно вздернулъ панталоны и сокрушительно воскликнувъ: — Вѣдь, кто это зналъ-съ, кто это зналъ-то-съ! — заходилъ по комнатѣ.

— Это вы на счетъ жеребца, что-ль? — участливо спросилъ я.

Онъ круто остановился и недоумѣвающе взглянулъ на меня, потомъ развелъ руками и опять заботливо зашагалъ по комнатѣ.

— Зорька-то благотворная-съ! — какъ-бы поясняя, проронилъ

Digitized by Google

онъ на ходу, и затѣмъ меланхолически добавилъ:—у Дурманина овцы колѣютъ-съ...

— Зараза?—коротко спросилъ я.

— Небреженіе-съ!—такъ же коротко, но съ несомнѣннымъ оттѣнкомъ злорадства, отвѣтилъ Чухвостиковъ (онъ терпѣть не могъ Дурманинскаго управляющаго, страстнаго любителя газетъ, политикана и гордеца Семена Андреича),—и затѣмъ, тяжело вздохнувъ, нѣсколько укоризненно произнесъ:—Э-ихъ, теплынь-то-съ, теплынь-то матушка!..

Мнѣ даже стало жалко Андрея Захарыча. Если бы была хотя маленькая возможность не посылать Михайлу въ Березовку, я, конечно, предоставилъ бы его въ распоряженіе Чухвостикова, но дѣло въ томъ, что посылать было нужно необходимо. Самъ я ловить рыбу не умѣлъ, а, между тѣмъ, для ловли бреднемъ непремѣнно нужно двоихъ; то-есть требовался еще одинъ человѣкъ, помимо самого Андрея Захарыча... Однимъ словомъ, не представлялось никакой возможности устроить ловлю. Приходилось иными способами отвлекать гостя отъ удручающихъ его мыслей, и я попросилъ Анну подавать поскорѣе самоваръ.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса самоваръ уже клокоталъ на балконѣ, и Анна возилась у стола, разставляя посуду. При взглядѣ на Анну, озабоченное лицо Андрея Захарыча вдругъ оживилось, онъ какъ-то удивленно взмахнулъ бровями и даже, если не ошибаюсь, улыбнулся.

— Съ ней бы?—радостно обратился онъ ко мнѣ.

— Чего?—удивился я.

— Рыбу, ежели-съ...

Я не утерпѣлъ и засмѣялся. Андрей Захарычъ вдругъ ужасно переконфузился, какъ-то чрезвычайно скоро перевернулся на одной ногѣ и стремительно вышелъ на балконъ. Онъ, видимо, что-то сообразилъ. Это было замѣтно даже по тѣмъ враждебнымъ взглядамъ, которыми онъ искоса окидывалъ Анну, какъ-бы укоряя ее за тотъ прекрасный полъ, къ которому она имѣла глупость на этотъ разъ принадлежать.

Чай ужъ былъ налитъ, и отъ него тоненькой, душистой струйкой вился бѣловатый паръ.

Прямо передъ балкономъ тянулся маленькій садикъ, въ которомъ, впрочемъ, кромѣ густого малинника да нѣсколькихъ группъ только-что начинавшей зацвѣтать сирени, ничего не было. За садикомъ тихо покоился прудокъ, отражая еще не прогорѣвшую зарю, глубокое, чистое небо, да высокій и зеленый какъ лукъ камышъ, съ мертвою неподвижностью стоявшій въ тепломъ,

Digitized by Google

безвѣтряномъ воздухѣ. Часто, гладкая какъ стекло, поверхность пруда колебалась, и небольшіе круги расходились по ней слоистой рябью: то́ играла рыба. Иногда даже надъ водой проворно мелькали серебристыя, блестящія пятнышки...

Ничто не нарушало тишины. Только нашъ самоваръ монотонно тянулъ свои унылыя, тихо-звенящія пѣсенки, да гдѣ-то чуть слышно турлыкала лягушка и печально стонала выпь.

Чухвостиковъ угрюмо молчалъ, отъ времени до времени недовольно оглядывая прудокъ.

— У Чумакова кобеля овчарнаго отравили-съ,—брюзгливо, а отчасти даже и пренебрежительно произнесъ онъ, не поворачивая ко мнѣ головы, и затѣмъ чуть слышно прошепталъ:— Эка, вѣдь, играетъ-то, эка плескается!..

— Не слыхать, кто?—полюбопытствовалъ я.

— Ванька Архиповъ, изъ Крутоярья,—задумчиво обозрѣвая окрестности, отвѣтилъ Андрей Захарычъ, и вдругъ опять оживленно, всѣмъ корпусомъ повернулся ко мнѣ.

— Вентеря есть у васъ?

Мнѣ просто горько сдѣлалось. Я даже не рѣшился съ-разу отвѣтить... А между тѣмъ Андрей Захарычъ не унимался: онъ ужъ порывисто вставалъ съ кресель. Лицо его просвѣтлѣло и въ суровыхъ до того глазахъ засверкали ласковыя искорки...

— Съ вечера ежели поставить-съ,—чрезвычайно возбужденнымъ голосомъ началъ онъ,—а обо́полъ полночи...

— Да нѣту вентерей-то!—тоскливо отозвался я.

Андрей Захарычъ опѣшилъ; онъ даже не нашелся что́ сказать,—такъ сильна была у него увѣренность въ непремѣнномъ существованіи вентерей на моемъ хуторѣ. Лицо его окуталось мракомъ, глаза спрятались подъ сдвинутыми бровями...

— А вѐрши?—какимъ-то упавшимъ и даже почему-то мгновенно осипшимъ голосомъ спросилъ онъ.

Я ужъ-было, съ рѣшимостью отчаянія, собирался отвѣтить ему, что и вѐршей нѣтъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно у балкона появился Михайло. Онъ застѣнчиво мялъ въ рукахъ шапку и бросалъ заискивающіе взоры на Андрея Захарыча. Впрочемъ, отпечатокъ несомнѣннаго внутренняго довольства чѣмъ-то ясно былъ видѣнъ на его какъ-бы смущенномъ лицѣ. Я былъ отчасти радъ, что онъ подошелъ къ балкону въ такую критическую для меня минуту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень непріятно удивился, потому что предполагалъ, что онъ уже въ Березовкѣ.

Digitized by Google

— Ты чего же, это, не ѣдешь-то до сихъ поръ? — спросилъ я.

— Да я вотъ на-счетъ рыбы все,— переминаясь съ ноги на ногу, отвѣтилъ Михайло, опять-таки умильно взглядывая на Андрея Захарыча, который, при одномъ упоминовеніи рыбы, вдругъ весь распрямился и трепетно приподнялъ брови.

— Ну?—торопилъ я Михайлу.

— Ну, ну?—нетерпѣливо любопытствовалъ Чухвостиковъ.

— Тутъ мужичокъ у насъ ночуетъ, Сигнѣй.

— Какой Сигнѣй?

— Калинкинскій. Онъ нонѣ-то не допахалъ,—ну, такъ и ночуетъ...

— Зови, зови его, чего-жъ ты!—ужасно загорячился Андрей Захарычъ, поспѣшно вскакивая съ кресла и яростно поддергивая панталоны. Но Михайло, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его горячность, тѣмъ же ровнымъ и чрезвычайно вразумительнымъ голосомъ продолжалъ:

— Еще сынъ у ево, у Сигнѣя-то, Митрофанъ... Митрофаномъ звать... И только онъ, Митрофанъ-то, въ Лущевятку уѣхалъ, за палицей... Палица-то сломалась у ихъ... Пообѣдамши уѣхалъ...

— Ну, поговорилъ бы ему, Сигнѣю-то этому: рыбу, молъ, ловить... Только самъ-то поѣзжай,—прервалъ я Михайлу.

— Сей-минутъ! Я ужъ говорилъ; онъ бредень снимаетъ...

— Вотъ и отлично! Ну, ступай теперь.

Но Михайло все стоялъ.

— И только онъ лошадямъ мякинки просить....

— Пускай возьметъ. Да поѣзжай самъ-то скорѣй!

— Сей-минутъ! — повторилъ Михайло, и затѣмъ печально добавилъ:—и штобъ водки два стакана... потому — какъ вода... и, значитъ, кабы сынъ.... этъ Митрофанъ-то!.. а нежели мнѣ, говоритъ, понтенному человѣку... И опять, говоритъ, ломота... Кабы ежели не ломота...

— Все?—нетерпѣливо спросилъ я.

Михайло разомъ остановился и, слегка вздохнувъ, сказалъ, что все...

— Ну, ладно. Ступай въ Березовку!

— Я—сей-минутъ... Духомъ-съ!—уже весело заключилъ онъ и быстро исчезъ. Немного погодя, бойкій топотъ Копчика по твердо-убитой дорогѣ далъ намъ знать, что Михайло дѣйствительно скатаетъ «духомъ» въ Березовку.

Когда Андрей Захарычъ напялилъ на свое тощее, костлявое тѣло костюмъ, спеціально предназначенный имъ для рыбной ловли,

Digitized by Google

и мы подошли къ тому мѣсту пруда, отъ котораго нужно было «заходить», мужичокъ Сигнѣй уже сидѣлъ на корточкахъ около бредня, раскинутаго по отлогому бережку, и, старательно расцутывая мотню, выкидывалъ изъ нея мелкіе камешки, раковины, сухую тину и тому подобную дрянь, насорившуюся въ прошлую ловлю.

— Эхъ, бреденекъ-то, господа поштенные, ста-ре-некъ!— встрѣтилъ онъ насъ, неторопливо становясь на ноги и низко кланяясь.

Мужичокъ Сигнѣй смотрѣлъ чрезвычайно симпатично. Сѣдые кудри на головѣ, румянныя, свѣжія щеки, сивая, окладистая бородка, маленькіе, слегка прищуренные глазки, тонкая и какъ-бы насмѣшливая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ласкательная улыбка,—все привлекало въ немъ. Только пѣвучая рѣчь его была черезъ-чуръ ужъ льстива и вкрадчива. Правда, частенько сквозь эту вкрадчивость просвѣчивала иронія, но только опытный да опытный человѣкъ могъ уловить ее: такъ незамѣтно змѣилась она въ ворохѣ льстивыхъ фразъ. Онъ былъ низенькій, коренастый и необыкновенно широкоплечій.

— Старенекъ, господа поштенные, ста-ре-некъ!—повторилъ онъ, медлительно растягивая слова.

— Какой есть,—сказалъ я.

— Вотъ это ты вѣрно! — какъ-бы пораженный справедливостью моего замѣчанія, воскликнулъ Сигнѣй, — это ужъ какой есть... Не стать его теперь бросать-то...

— Ты—Сигнѣй-то? — прервалъ его Чухвостиковъ, ёжась и вздрагивая въ своемъ черезъ-чуръ легкомъ костюмѣ, въ которомъ онъ походилъ на какую-то ощипанную птицу, до нелѣпости громадныхъ размѣровъ.

— Мы будемъ, судырь ты мой, мы... А ведерку-то кто поносить? Аль ужъ ты рученьки-то свои бѣлыя потрудишь!—обратился онъ ко мнѣ.

— Я.

— Ишь ты вѣдь,—съ какимъ-то почтительнымъ удивленіемъ замѣтилъ Сигнѣй, и взялся за бредень.—Господи, владычица небесная!.. Ну-ко, благословясь... Ты ужъ, баринъ, первый-то заходи, — ишь, маленько быдто поросѣй меня будешь-то... Что подѣлаешь! не далъ мнѣ Богъ роста, не далъ... Я ужъ отъ бережка похлопочу... Тоже вѣдь съ умомъ надо... Постараюсь, постараюсь вашей милости... отчего добрымъ людямъ не послужить...

Рыболовы, осторожно ступая, зашли въ воду и тихо потя-

Digitized by Google

нули бредень. Андрей Захарычъ какъ-то всхлипывалъ отъ холода, но удерживался и ни разу не вскрикнулъ; вода доходила ему по горло, а иногда и выше, и тогда онъ, порывисто захлебываясь, подпрыгивалъ и проходилъ на цыпочкахъ глубокое мѣсто. Лицо его посинѣло и страшно вытянулось. Изумительно вытаращенные глаза съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ и чрезвычайно сосредоточенно были устремлены на воду.

Мужичокъ Сигнѣй шелъ отъ берега. Вода въ рѣдкихъ случаяхъ доходила ему до пояса. Онъ не переставалъ вести полушопотомъ разговоры.

— Тяни, судырь, глыбже... тяни!.. Растягивай бреденекъ-то... растягивай его... Нижей ко дну-то пущай... И-ихъ, молодецъ ты, какъ я погляжу!.. Вотъ и баринъ... что твой заправскій рыбакъ... Напередъ-то, напередъ-то клони... такъ, такъ... Ну, теперь ужъ она наша!.. это какъ есть...

— Выволакивать, полагаю? — страстнымъ полу-шопотомъ освѣдомился Чухвостиковъ.

— Въ усыночекъ-то [1]), баринъ, въ усыночекъ-то... Трафь въ усыночекъ... такъ, такъ, такъ... Вотъ и баринъ! — одобрительно отзывался Сигнѣй, возвышая голосъ, и выволакивалъ бредень. Андрей Захарычъ, чуть не бѣгомъ, тоже выносился съ своимъ «крыломъ» на берегъ. Волна хлынула вслѣдъ за ними и разбилась мельчайшими брызгами. Въ мотнѣ заблестѣла отчаянно трепыхавшаяся рыба. Андрей Захарычъ, съ радостной дрожью въ голосѣ, требовалъ ведро. Я налилъ въ него воды и подставилъ къ бредню. Измокшіе и перезябшіе рыбаки, съ лихорадочной поспѣшностью, выбирали крупныхъ карасей и бросали ихъ въ ведро; мелочь пускалась обратно въ прудъ. Рыба, предназначаемая для ухи, грузно шлепалась о звонкія стѣнки ведра и безпомощно билась въ тѣсномъ пространствѣ; пущенная же опять въ прудъ, шаловливо ударяла хвостикомъ по его темной поверхности и моментально исчезала въ глубинѣ. Взбаломученная рыбаками вода подернулась маленькими волнами. Когда эти волны дошли до камыша и разбились въ немъ тихими всплесками, онъ вдругъ какъ-бы проснулся. Казалось — вѣтеръ пробѣжалъ по его темно-зеленой поверхности и встревоженно зашуршалъ молодыми, шероховатыми листьями.

Заря ужъ почти померкла и на блѣдно-синемъ небѣ кроткимъ, трепещущимъ свѣтомъ загорѣлись звѣзды, когда мои рыбаки прекратили, наконецъ, ловлю. Совершали они ее бо́льшею частью

[1]) Маленькій заливчикъ.

Digitized by Google

въ строгомъ и какомъ-то созерцательномъ молчаніи. Даже разговорчивый Сигнѣй и тотъ только изрѣдка прерывалъ это молчаніе. Физіономіи у обоихъ были чрезвычайно дѣловыя и внушительныя.

Объ уловѣ нечего и говорить: онъ былъ очень хорошъ. Такъ хорошъ, что пришлось часть его пустить обратно въ прудъ. Подъѣхалъ и Михайло. Онъ заботливо развернулъ бредень по отлогой окраинѣ плотины, когда Андрей Захарычъ и Сигнѣй почти бѣгомъ отправились переодѣваться, а послѣдній, и кромѣ того, получатъ выговоренные два стакана водки.

Такъ какъ вечеръ былъ очень теплый, то уху рѣшили и варить, и ѣсть тутъ же, около пруда, гдѣ на покатомъ бережку еще прошлымъ лѣтомъ была вырыта для этой цѣли небольшая ямка. Михайло былъ мастеръ варить уху. Во всемъ процессѣ рыболовства, этотъ заключительный актъ всего больше нравился ему. Надо было видѣть, съ какой важной серьёзностью онъ чистилъ рыбу, клалъ въ кипятокъ соль и перецъ, крошилъ туда лукъ и слѣдилъ во время кипѣнія за пѣной, которую аккуратно и съ видимымъ наслажденіемъ снималъ половникомъ... А потомъ многократное смакованіе ухи,—солона ли, довольно ли луку, не мало ли перцу,—съ какимъ сосредоточеннымъ глубокомысліемъ совершалось это!.. Имѣлъ онъ и обычный недостатокъ всѣхъ великихъ мастеровъ: терпѣть не могъ, чтобы вмѣшивались въ его дѣло. Хотя бы какое-либо замѣчаніе, насчетъ того, напримѣръ, что не дурно бы еще подложить перцу,—было и справедливо, Михайло всегда недовольно щурился и складывалъ свои толстыя губы въ пренебрежительную улыбку. Впрочемъ, это бывало только тогда, когда замѣчаніе дѣлалъ «баринъ», «своего брата» онъ по простому, безъ всякихъ измѣненій физіономіи, обрывалъ самымъ грубѣйшимъ образомъ.

Когда рыба была уже перечищена, и Михайло наливалъ въ большущій чугунъ воду, пришли и рыболовы. Андрей Захарычъ напялилъ на себя коротенькій, мерлушечій тулупчикъ, а мужичокъ Сигнѣй одѣлъ позамаслянный, но еще совершенно крѣпкій полушубокъ. Вслѣдъ за ними Анна принесла коврикъ, на которомъ мы и усѣлись съ Чухвостиковымъ, молчаливо закуривъ папиросы. Вообще, подъ вліяніемъ ли холода или почему-либо другому, Андрей Захарычъ не пускался въ разговоры. Лицо его, хотя и совершенно спокойное, носило на себѣ печать какой-то мечтательной задумчивости, глаза разсѣянно были устремлены куда-то въ даль.

Сигнѣй суетливо разводилъ огонь. Онъ раза два попытался-

Digitized by Google

было вмѣшаться и въ самое приготовленіе ухи, но, получивъ рѣзкій отпоръ со стороны Михайлы, ретировался, не забывъ при этомъ усмѣхнуться себѣ въ бороду. Когда Михайло сталъ опускать въ чугунъ здоровенныхъ, еще не заснувшихъ, карасей, Сигнѣй обратился ко мнѣ:

— Ну-у, рыба у тебя, Миколай Василичъ!.. Вотъ ужъ рыба-а... Карасищевъ-то такихъ, я чай, и въ Битюкѣ поискать... Эка жисть-то, съ водой-то матушкой! — онъ легонько вздохнулъ.

Я вспомнилъ, что въ Калинкиныхъ дворикахъ не было пруда.

— Какъ это вы безъ пруда-то обходитесь?

— Колодези у насъ, милый ты мой баринъ, колодези... Что подѣлаешь—перебиваемся какъ ни то... Барская воля, чего-жъ съ ей будешь дѣлать... Угодно имъ, вотъ и сселили...

— Прежнія-то мѣста, кажется, хороши были у васъ?

— Были-то они были... Это что говорить, хорошія мѣста были, угодливыя... Ну, только имъ виднѣе... Не способно, стало быть, намъ, дуракамъ, жить-то тамъ, вотъ и переселили. Имъ тоже своего терять не приходится... Съ чего же? Мы ежели теперь и безъ угодьевъ, все какъ ни какъ перебиваемся, пока Богъ грѣхамъ терпитъ... Все хлѣбышко какой ни на есть жуемъ!.. А баринокъ-то нашъ человѣкъ нѣжный...онъ вонъ и съ угодьями горюетъ... Какъ тутъ быть-то!

— Вы, никакъ, не хотѣли переселяться-то, еще бунтъ, кажется затѣяли?—спросилъ я.

— Было малость,—неохотно отвѣчалъ Сигнѣй,—грѣха нечего таить—было... Подурили маленько, признаться... Что-жъ, Миколай Василичъ, народъ мы темный, глупый... Охъ, глупый мы народъ-то!—(Сигнѣй даже сокрушительно вздохнулъ и совсѣмъ прищурилъ свои маленькіе глазки).—Учить-то насъ вотъ какъ еще надо! вотъ какъ... Я въ тѣ поры еще толковалъ: бросьте, молъ, мужики... ну, нѣтъ!.. Гдѣ ужъ намъ!.. Гдѣ ихъ милость указала, тамъ и селись... Имъ виднѣе!.. То-то все гордыня-то наша... Дали волю, ослобонили, такъ нѣтъ—мало... Ну, и споказались... Гордыней-то ничего не возьмешь, а ежели тихостью, смиренствомъ, ну такъ... Съ бариномъ завсегда можно обойтись, потому, баринъ—онъ добрый, и заслугу завсегда понимать можетъ... не чета купцу... А то бунтовать!

Я спросилъ Сигнѣя, гдѣ онъ пахалъ? На своемъ полѣ мнѣ не случалось его видѣть.

— Хе, хе,—пріятно осклабился Сигнѣй,—тутъ я тебѣ услугу сдѣлалъ, Миколай Василичъ... Это ужъ какъ есть—услужилъ... Сватъ у меня есть, въ Россошномъ, Григорій, — помнишь, мо-

Digitized by Google

жеть?—Я помнилъ Григорія; разъ, во время вьюги, онъ провожалъ меня къ одному знакомцу (помнитъ его и читатель, если не забылъ перваго очерка моихъ записокъ: «Ночная поѣздка»).—Ну, вотъ!.. Своячина-то его за моимъ малымъ будетъ, за Митрошкой... Вотъ мы и сваты... По нашему, по-мужицки это... Онъ, сватъ-то...—ну, не похвалюсь я имъ... что ужъ!..—(Сигнѣй снисходительно засмѣялся)—Плоховатъ онъ, сватокъ-то мой... Это ужъ правду надо сказать—плоховатъ...

— Ты что же, пашешь что-ль, за него?—спросилъ я, вспомнивъ, что Григорій снялъ у меня подъ яровое двѣ десятины земли.

— За него, Миколай Василичъ, за него,—одобрительно пропѣлъ Сигнѣй,—гдѣ ужъ ему, сватку-то, осилить, ну, я за него и стараюсь... Все кабыть не чужой... Да и тебѣ-то, признаться, послужить хотѣлъ, наслышаны мы про тебя-то,—онъ ласково заглянулъ мнѣ въ глаза.

— Мнѣ-то какая тутъ услуга?—удивился я.

— А ка-акъ же,—торжествующимъ тономъ протянулъ Сигнѣй,—вѣдь онъ убогій человѣкъ, сватокъ-то мой, Григорій-то... Ему не токмà что сымать—впору съ своей душевой управиться, съ земелькой-то... Ну, я его и ослобонилъ... Это прямо надо сказать—ослобонилъ... А то двадцать-шесть цѣлковыхъ!.. Гдѣ ему...

— Бѣдняйшій человѣкъ-то онъ,—сожалительно пояснилъ мужичокъ Сигнѣй.

— Ты, стало быть, переснялъ у него землю-то?

— Вызволилъ, Миколай Василичъ, вызволилъ... Что-жъ—Богъ съ нимъ... пущай... Да и тебя-то, признаться, пожалѣлъ... Что, думаю, барину съ нимъ возжаться... Чего съ него взять?.. Тутъ не то съ нимъ хлопочи, не то съ своими дѣлами справляйся... Дѣловъ-то у васъ не намъ чета!.. Намъ что?—поработалъ денекъ-то, да и завалился спозаранку... А тутъ все подумай, да приспособь: какъ, что... куда какую вещію произвесть... Мы вѣдь это тоже можемъ понимать!.. Другой вонъ скажетъ—жисть барину-то!.. А поживи-кось!.. У тебя сколько земли-то?—спросилъ онъ у меня.

— На этомъ хуторѣ около четырехсотъ десятинъ...

— Вонъ!—съ почтительнымъ удивленіемъ протянулъ Сигнѣй,—легко вымолвить!.. Управься-ко съ ей, съ хàзиной-то съ эстой... Произведи ее въ дѣло!.. А нашему брату-дураку что?—знай соху да борону... Ахъ, грѣхи, грѣхи!—Онъ опять сокрушительно вздохнулъ и помахалъ головой.

— Теперь вотъ хошь покосъ взять... Мало его нешто у тебя?—

Digitized by Google

(мужичокъ Сигнѣй вопросительно и участливо заглянулъ мнѣ въ лицо),—а тоже вѣдь надо и его устроить... Я все такъ-то думаю, думаю,—вотъ и баринъ!.. не легко тоже... Оно, пожалуй, раздай его, покось-то, нешто не раздать?.. Тоже много такихъ, какъ сватокъ-то мой... А опосля и собирай!..

— Развѣ Григорій-то плутовать?—спросилъ я.

— Бѣдность-то его, баринъ, зашибла-а... Куда ужъ ему плутовать!.. Иной разъ и радъ бы по чести, да ничего не подѣлаешь... Дѣться-то некуда... Вѣдь вотъ объ Троицѣ тебѣ платить десять рублевъ, за земельку-то... Ну, гдѣ ему?.. Я-то по благости Господней, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, смогу... А ему и тяжко...

— У меня застой не будетъ, —заговорилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія,—хоть сейчасъ получай... Я ему и сказалъ: ну, что ты, молъ, сватъ, барина-то будешь гнѣвить... Онъ вѣдь, баринъ-то, какъ ни то—пригодится... Въ гнѣвъ-то его вводить тоже не слѣдъ... Ну, и вызволилъ!.. Что ужъ... По душѣ!.. Пущай...—Мужичокъ Сигнѣй съ великодушнѣйшимъ видомъ махнулъ рукой и затѣмъ совершенно неожиданно добавилъ:

— А ты ужъ покосецъ-то у Яркиной окладины уважь мнѣ... Я ужъ тебѣ заслужу... Травка-то тамъ хоша и не важная, ну, да намъ, по мужицкому нашему обиходу, сойдетъ... Больше все ковылёкъ тамъ-отъ... Дай Богъ, копенъ на двадцать!..

Покосецъ у Яркиной окладины никогда не давалъ меньше пятидесяти копенъ. Я сказалъ, что подумаю

— Это отъ чего не подумать,—одобрительно протянулъ мужичокъ Сигнѣй,—подумать—первое дѣло... Только ужъ, Миколай Василичъ, ей-Богу, безъ обиды... Думаю—какъ заѣхалъ я къ тебѣ, вызволилъ изъ земельки-то эфтой, сватниной-то, такъ за одно ужъ... послужу... А мнѣ кстати бы—близко покосецъ-то къ посѣву... Та-акъ рядышкомъ... Ты, можетъ, видалъ?.. Какъ, поди, не видать... Ты чтой-то не больно барствуешь-то!.. Я позавчёра куда тебѣ рань какую на разсѣвъ-то поднялся, а ты ужъ по полю-то бродишь... Это ужъ прямо надо сказать—хозяинъ!

Надо сообщить читателю, что одна изъ самыхъ зазорныхъ моихъ слабостей—это страсть поспать... Хозяинъ я тоже плохой—сонливый и лѣнивый.

Уха уже нѣсколько разъ кипѣла, и Михайло объявилъ, что ее скоро надо ѣсть. Анна притащила хлѣбъ и посуду.

Надъ нами висѣла ужъ настоящая ночь, которая казалась очень темною отъ огня, острыми языками лизавшаго стѣнки огром-

Digitized by Google

наго чугуна съ ухою. На траву ложилась, едва еще замѣтная, роса. Прудокъ походилъ на громадную лужу чернилъ, окрашенную отъ берега багровымъ заревомъ нашего костра. Млечный путь опоясалъ черный небосклонъ, звѣзды сіяли уже не робко и трепетно, а съ какой-то торжественной ясностью. Съ поля доносились задорныя перекликанья перепеловъ. Въ неподвижномъ камышѣ что-то, едва слышно, шуршало. Влажная свѣжесть пропитывала воздухъ. Пахло водою и какой-то пріятной затхлостью.

Я отправился въ домъ за папиросами и воротившись къ берегу засталъ уху уже налитую въ огромную чашку. Андрей Захарычъ, наконецъ, вышелъ изъ своей странной задумчивости, и велъ съ Сигнѣемъ разговоры. Сигнѣй солидно и не спѣша уплеталъ уху. Михайло съ какой-то ретивостью подсоблялъ ему.

Я сѣлъ поодаль отъ нихъ и закурилъ папиросу (ухи мнѣ ѣсть не хотѣлось). Чухвостиковъ трактовалъ о ворономъ жеребцѣ, купленномъ Крутоярскимъ батюшкой, отцомъ Вассіаномъ.

— Ну, пастырь онъ, положимъ-съ... По писанію ежели...— говорилъ Андрей Захарычъ.

— Это ужъ ты, какъ есть,—подтверждалъ Сигнѣй, тщательно откусывая хлѣбъ отъ огромнѣйшаго ломтя, и бережно отряхая этотъ ломоть надъ ухою,—знамо пастырь... Наставлять, чтобы...

— Да... наставлять... — задумчиво произнесъ Андрей Захарычъ, и затѣмъ оживленно добавилъ:—теперь—жеребецъ, возьмемъ жеребца...

— Что-жъ—жеребецъ?.. Сто-два цѣлковыхъ — цѣна небольшая... Такъ ежели будемъ говорить: четырехлѣтокъ онъ...

— Четырехлѣтокъ.

— Ну, продержитъ онъ его съ годъ...

— Съ годъ...

— А тамъ, глядишь, повелъ его въ Толши [1])...

— Монахи тоже!—язвительно воскликнулъ Андрей Захарычъ, и не давъ кончить Сигнѣю, вдругъ горячо и часто заговорилъ:—Вотъ я и утверждаю-съ... ну, пастырь онъ... Примѣръ ему подобаетъ подавать иль нѣтъ-съ?.. Печаловаться, такъ сказать... чтобъ души ежели... Потому, какъ ни говори, христіанскія онѣ, крещеныя... Наблюденіе-то за ними надобно-съ, за душами-то!.. Ну, а онъ жеребца теперь... Ты говоришь, вотъ,

---

[1]) Монастырь въ Воронежскомъ уѣздѣ. Лѣтомъ тамъ бываетъ значительная конная ярмарка, которая, впрочемъ, годъ отъ году теряетъ свое значеніе, подобно и знаменитой ярмаркѣ Лебединской.

Digitized by Google

— въ Толши... Это мнѣ повесть аль тебѣ тамъ, ну, такъ... Потому мы — міряне...

— Это ужъ какъ есть, что міряне, — довольно безучастно отозвался Сигнѣй.

— Да... Ежели молебенъ, ну, свадьба тамъ — это его... Это ему надлежитъ... Но неежели жеребца-съ... Потому, что́ же это такое, скажите на милость? — пастырь и... жеребецъ!.. Андрей Захарычъ окинулъ Сигнѣя укоризненнымъ взглядомъ, послѣ чего тотъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Ужъ это что!.. извѣстно — не порядокъ... Жеребецъ — ему холя нужна... Тоже зря-то всякій бы съумѣлъ... Купилъ да и поставилъ въ хлѣвушекъ... Нѣтъ, а ты его наблюди-и!..

— Наблюди? — неувѣренно произнесъ Андрей Захарычъ, повидимому слегка опѣшенный неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— А то какъ же! какъ-бы увлекаясь — воскликнулъ мужичокъ Сигнѣй, — а ты думалъ зря ка́къ?.. Нѣтъ — погодишь!.. Съ ей, съ скотиной-то, тоже надо умѣючи...

— Надо умѣючи, — какъ-то тупо подтвердилъ Чухвостиковъ, почему-то тоже впадая почти въ восторженный тонъ.

— Ну, а попу съ эстимъ недосугъ, священнику то-исъ, — продолжалъ Сигнѣй, — вотъ ежели ты, баринъ, заведешь коня-то — это та́къ, это къ дѣлу... Потому — человѣкъ ты слободный, умственный... порядки знаешь... И по хозяйству все: какъ напоить, какъ овса засыпать, аль рѣзки... Чего тебѣ!.. Есть лошадки-то въ откормѣ? — участливо докончилъ онъ свою реплику, окидывая заискивающимъ взглядомъ Андрея Захарыча.

Михайло подбросилъ дровъ на то мѣсто, гдѣ варилась уха, и костеръ весело затрещалъ, вмигъ охватываясь сплошнымъ огнемъ: дрова были очень сухія.

— Есть — трехлѣтокъ, — съ довольнымъ видомъ отвѣтилъ Андрей Захарычъ, повидимому очень польщенный комплиментами Сигнѣя.

— Вотъ ишь! — одобрительно замѣтилъ Сигнѣй, — битючокъ?

— Битюкъ.

— А гдѣ купилъ-то?

— Въ Мордовѣ.

— Небось, ужъ самъ покупалъ-то, дорого не далъ?.. Ишь баринъ-то не промахъ... Не обойдешь его... — снисходительно посмѣивался Сигнѣй, весь какъ-бы проникнутый какимъ-то почтительнымъ уваженіемъ къ особѣ «непромаха-барина». Чухвостиковъ горделиво улыбнулся и важно приподнялъ брови.

Digitized by Google

— Не дорого,—пренебрежительно проронилъ онъ,—семьдесятъ-пять...

— Въ Толши?

— Туда.

— Эхъ врéмя-то многонько еще,—завздыхалъ Сигнѣй,—почитай цѣлое лѣто кормить-то!.. Овса одного, поди, прорва выходитъ... Ужъ я это знаю... Знаю я эту канитель-то... Тоже случалось, выкармливали... А овесъ-то! — три рублика анадысь на базарѣ...

— Свой у меня,—немного разочарованнымъ тономъ отвѣтилъ Андрей Захарычъ.

— Это иное дѣло!.. иное... Извѣстно, ежели деньги на выручку, продалъ его по три-то рублика... А ужъ коли не къ спѣху...—это ничего... Можно и жеребчикомъ потравить, можно... Все, глядишь, выручитъ къ осени-то... Рублика два выручитъ, поди, за четвертъ-то? — безхитростно спросилъ Сигнѣй, и самъ же отвѣтилъ:—какъ, поди, не выручить...

— Неужель три рубля, овесъ-то? — совсѣмъ уже разочарованно спросилъ Чухвостиковъ, съ явнымъ признакомъ душевной истомы въ голосѣ.

— Три рублика, три... Объ этомъ что говорить... Десять съ полтинкой, значитъ, будетъ, ежели по старому,— на сигнаціи... Да-а, дорого-онекъ!..—Сигнѣй участливо чмокнулъ губами и, обтеревъ ложку, отложилъ ее въ сторону.

Появилось другое блюдо—вареная рыба.

Чухвостиковъ положительно затуманился. Я и забылъ сказать, что онъ былъ таки-скупенекъ. Теперь его, по всей вѣроятности, мучила невозможность продать по хорошей цѣнѣ тѣ десять-пятнадцать четвертей овса, которыя нужно было удержать для жеребца. Впрочемъ, мужичокъ Сигнѣй не долго держалъ его въ такомъ состояніи; задумчиво и печально съѣвъ двѣ, три рыбки, онъ вдругъ поднялъ голову, и, съ сожалѣніемъ взглянувъ на Андрея Захарыча, благодушно произнесъ:

— Аль ужъ выручить тебя, баринъ?.. Ужъ одно къ одному... Господа-то вы хорошіе!.. Теперь Миколая Василича вызволилъ, ужъ и тебя... Намъ Богъ пошлетъ... Найпаче по душѣ старайся... а ужъ тамъ... (Сигнѣй не договорилъ что «тамъ», но съ молодецкой пренебрежительностью махнулъ рукой); куплю я у тебя жеребчика-то, куплю... Хорошъ баринъ-то!.. Видно ужъ надо ослобонить... Завтра прибѣгу, посмотрю... Не горюй... Я ужъ вызволю, не таковскій человѣкъ... Мы еще, слава Богу, покамѣсть Богъ грѣхамъ терпитъ—въ силѣ...

Digitized by Google

Андрей Захарычъ сразу просвѣтлѣлъ и какъ-то изумительно обрадовался. Я даже удивился этой сильной радости. Вѣрно ему ужъ до жадности захотѣлось тѣхъ трехъ рублей за четверть овса, которые, по словамъ Сигнѣя, охотно платятъ на базарѣ.

— Бач-ка-а! — послышался съ хутора грубоватый, немного охрипшій голосъ.

— Митроха-а!—откликнулся Сигнѣй.

— Гдѣ ты?

— Подь сюда-а!

— Ты ужъ, Миколай Василичъ, дозволь малому ушицы-то похлебать,—обратился ко мнѣ Сигнѣй,—тоже сынъ вѣдь... Грубоватъ хошь парень-то, а все сынъ...

Я, конечно, дозволилъ «грубоватому парню» похлебать ушицы.

Митроха имѣлъ большое сходство съ отцомъ, но сходство это ограничивалось только одной наружностью: онъ былъ такой же низенькій, такой же коренастый и щекастый, у него были такіе же маленькіе, прищуренные глаза и насмѣшливыя губы... Но отцовскаго духа, духа лицемѣрія и лжи, не было замѣтно въ его красивыхъ чертахъ. Глаза его глядѣли не умильно и ласково, а вдумчиво и строго, на губахъ играла не подобострастная улыбка, перемежаемая лукавой насмѣшливостью, а одна только жосткая иронія. И рѣчь его, въ противоположность рѣчи отцовской, не изобиловала мягкими тонами. Она была груба, безъискусственна и, что мнѣ показалось тоже страннымъ, даже дерзка, когда обращалась къ отцу или ко мнѣ съ Андреемъ Захарычемъ.

Никому не поклонившись, онъ сѣлъ за уху.

— Купилъ палицу-то? — спросилъ его отецъ.

— А то какъ же! за ней ѣздилъ — стало-быть купилъ, — нехотя отвѣтилъ Митроха.

— Стальныя есть? — освѣдомился я.

— Всякія есть. По деньгамъ...

— Что, говорятъ въ Лущеваткѣ дьячокъ погорѣлъ? — полюбопытствовалъ Андрей Захарычъ.

— А я почемъ знаю? Може и погорѣлъ...

Сигнѣй сокрушительно развелъ руками и сладко произнесъ, какъ-бы извиняясь передъ нами:

— Грубоватъ онъ у меня, грубоватъ, господа поштенные...

— Не стать лебезить по-твоему,—буркнулъ Митроха.

Сигнѣй только покачалъ головою и немного погодя ушелъ. Чухвостиковъ прозябъ и тоже пошелъ въ домъ. Я остался докурить папиросу.

Digitized by Google

— Эка отецъ-то у тебя добрякъ какой?— сказалъ я Митрофану.

— Доберъ!— иронически отвѣтилъ онъ,—привыкъ въ бурмистрахъ-то лебезить...

— Нешто онъ былъ бурмистромъ?

— Какъ же! Когда еще барскіе были, онъ пять лѣтъ ходилъ въ бурмистрахъ... Такъ и пропадалъ въ барскихъ хоромахъ... Доберъ!.. Теперь вотъ ему лафа-то отошла — баринъ сдалъ имѣнье-то!.. А то, бывало, безперечь къ нему шатается — чаи распивать...

— А ты, должно, не любишь отца-то?—засмѣялся я.

— Любить-то его не за что,—угрюмо отвѣтилъ Митроха,— изъ-за него и такъ на міру проходу нѣтъ... Ужъ онъ всѣмъ намозолилъ глаза-то... Это еще, спасибо, у насъ народъ-то въ достаткѣ, въ дворикахъ... А то бы онъ покуражился!.. И то никакъ по окрестнымъ селамъ должниковъ завелъ... И диви бы чужіе... Вотъ свата Гришку какъ околпачилъ!

— Въ землѣ? — спросилъ я.

— Вотъ въ твоей-то. Ты ему сдалъ по тринадцати цѣлковыхъ, и чтобъ десять рублей объ Троицѣ... Чего еще! по нонѣшнему времени какая это цѣна... Такъ нѣтъ, батя-то мой и тутъ его принагнулъ... Задатку тебѣ Григорій четыре цѣлковыхъ отдалъ, такъ это ужъ отъ бати пойдетъ... А свату ничего!

Я просто руками развелъ.

— Да какъ же онъ все говорилъ—вызволилъ, вызволилъ...

— Вызволить, какъ же, дожидайся!.. Таковскій—чтобъ вызволилъ...

— Ну, тебѣ, стало быть, не по нраву, что отецъ-то твой все норовитъ денегъ побольше зашибить?—спросилъ я Митроху.

— А что мнѣ въ ней, въ деньгѣ-то!.. Кабыть насъ много — я да онъ... По мнѣ, абы съ міромъ жить въ ладу... А обижать-то такъ тоже не приходится... Я ужъ къ ему приставалъ — отдѣли, молъ... Не отдѣляетъ!.. Я, говоритъ, для тебя... А мнѣ все равно какъ наплевать!.. Мужикъ — ну, мужицкое дѣло и исполняй... Знай свою соху!.. А онъ, вѣдь, норовитъ все, какъ ни какъ, къ купецкому дѣлу пристать... батя-то!.. Лошади, теперь — барышевать ими вздумалъ... Страмотье!—Митрофанъ сердито замолчалъ.

— А тоже еще въ уху встревать! — вдругъ необыкновенно сварливымъ голосомъ проговорилъ, все время упорно молчавшій, Михайло, — кабыть безъ него не знаютъ, какъ ее сварить-то... Учитель нашелся!—онъ съ негодованіемъ плюнулъ и принялся собирать посуду.

Digitized by Google

Я пошелъ къ дому. До меня все еще доносились возгласы Михайлы: «Старый чортъ, тоже два стакана водки... Ишь, невидаль какая!.. Ломота его одолѣла... Баринъ какой выискался...»

При входѣ моемъ въ комнаты я засталъ Андрея Захарыча опять за чаемъ.

— Эка мужичокъ-то важный-съ!—встрѣтилъ онъ меня.

— Кто?

— Сигнѣй-то, мужичокъ-съ!.. почтительный да и доброжелательный-съ... А вѣдь этого у нихъ страсть какъ мало-съ, чтобы почтенія-то-съ... Напаче все грубостью промышляютъ-съ...

— Да, почтительный и доброжелательный,—задумчиво произнесъ я, вспоминая ироническій отвѣтъ Митрохи—«до-бё-ръ!»...

У крыльца послышался грузный лошадиный топотъ и грохотъ экипажа, а немного погодя въ комнату ввалился Семенъ Андреичъ Гундриковъ, управляющій господъ Дурманиныхъ, тотъ самый политиканъ и гордецъ, который пользовался особеннымъ нерасположеніемъ Андрея Захарыча.

— А я къ вамъ ночевать вѣдь,—проговорилъ Гундриковъ, устремляясь ко мнѣ съ объятіями.

— Очень радъ, — сказалъ я, искоса поглядывая на Андрея Захарыча, который, вдругъ напустивъ на себя какую-то величественную важность, съ нѣмымъ достоинствомъ ожидалъ привѣтственнаго обращенія отъ вновь прибывшаго гостя.

— А, здравствуйте, господинъ Чухвостиковъ!—свысока проронилъ Семенъ Андреичъ.

— Мое почтеніе-съ,—многозначительно отчеканилъ Андрей Захарычъ, неистово вращая глазами, и затѣмъ язвительно добавилъ:—А у васъ овцы колѣютъ-съ, Семенъ Андреичъ!..

— Вотъ какъ! — пренебрежительно протянулъ Гундриковъ, и, обратившись ко мнѣ, затараторилъ:—А вы слышали новость?—Гамбетта, представьте себѣ, сдѣлалъ чрезвычайно обстоятельный запросъ въ палатѣ депутатовъ, касательно того, что...

Но здѣсь мы остановимся, потому что господину Гундрикову я намѣренъ со временемъ посвятить особый очеркъ.

А. Эртель.

Digitized by Google

НАШИ ВЫСЕЛЕНІЯ

И

КОЛОНИЗАЦІЯ

I.

Малоземелье, обнаружившееся въ различныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, со всѣми его неудобными послѣдствіями, является фактомъ общепризнаннымъ, послужившимъ въ послѣднее время предметомъ нѣсколькихъ изслѣдованій. Это малоземелье и безземелье, проявляющееся въ различныхъ губерніяхъ Россіи, отражается, между прочимъ, весьма ощутительнымъ явленіемъ — отхожими промыслами и переселеніями. Давно замѣчено, что вслѣдъ за крестьянской реформой начались повсемѣстныя передвиженія крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую. Явленіе это не могло пройти незамѣтнымъ въ русской жизни, и о немъ накопляется все болѣе и болѣе заявленій. Фактъ этотъ обращаетъ все болѣе вниманіе какъ литературы, такъ и земствъ.

Укажемъ на нѣсколько болѣе крупныхъ примѣровъ. Такъ, сызранская земская управа заявляла недавно, что движеніе рабочихъ въ самарскія степи имѣетъ слишкомъ большое значеніе для края. Оно захватываетъ, конечно, не одинъ сызранскій уѣздъ, но черезъ этотъ уѣздъ, по кузнецкому и московскому скотопрогонному тракту, проходятъ массы народа изъ пензенской, а частью — саратовской и симбирской губерній; къ сожалѣнію, вся эта масса людей, ищущая работы, не можетъ въ своемъ движеніи управляться точными свѣдѣніями о томъ, гдѣ ея трудъ требуется.

Digitized by Google

Наклонность къ выселенію, какъ и самовольныя переселенія крестьянства, обратили особое вниманіе своею грандіозностью въ концѣ 1874 года. Въ лебедянскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, когда объявлено было по волостямъ указаніе министерства внутреннихъ дѣлъ, что въ херсонской и бессарабской области находится нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ свободныхъ земель, и что желающіе могутъ занять эти мѣста, то этому циркуляру было придано особое значеніе. Крестьяне крѣпко ухватились за мысль переселенія. Мѣстныя власти направили людей «записываться» о желаніи переселяться. Крестьяне сообщили сосѣдямъ о своей радости, и, вслѣдъ затѣмъ, движеніе по уѣзду приняло такіе широкіе размѣры, что желающихъ переселяться явились «цѣлыя тысячи». Крестьяне распродавали скотъ и сбирались въ дорогу. Когда же пришло извѣстіе, что раздача земель на югѣ прекращена, то движеніе остановить было невозможно, и, по поводу этихъ недоразумѣній, наряжено было слѣдствіе. Число желающихъ было такъ велико, что въ одномъ первомъ станѣ уѣзда было возвращено до 1,500 поданныхъ прошеній Въ 1875 году обнаружилось передвиженіе нѣмецкихъ колонистовъ въ Америку,— англійское посольство предложило имъ Канаду. Затѣмъ, началось переселеніе крымскихъ татаръ въ Турцію; черезъ Керчь двигались партіи бессарабскихъ колонистовъ. Далѣе проявилось движеніе въ лохвицкомъ уѣздѣ, полтавской губерніи. Многіе крестьяне стали собираться куда-то на поселеніе и распродали все; изъ одного селенія поднимались по 50-ти семей; всѣ они, какъ говорили, собирались то въ Черноморію, то въ кубанскія степи. Иногда крестьяне идутъ съ нѣкоторою опредѣленностью, и ими руководятъ тѣ, кто бывалъ ранѣе на заработкахъ въ различныхъ мѣстахъ; иногда же эти движенія совершенно смутны, и крестьяне идутъ на-авось, по слуху, даже ища какихъ-то обѣтованныхъ острововъ. Стремленіе къ произвольнымъ переселеніямъ столь сильно, что ничѣмъ не можетъ быть сдержано, и масса народа уходитъ неизвѣстно куда. Оттокъ и переселенія изъ различныхъ мѣстностей все болѣе и болѣе дѣлаются замѣтными. Такъ, недавно сообщены подобныя же извѣстія о движеніи населенія изъ орловскаго и котельническаго уѣздовъ, вятской губерніи. Изъ этихъ уѣздовъ, вслѣдствіе безплодія земли и малаго количества лѣсовъ, уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, крестьяне выселяются въ болѣе плодородныя лѣсистыя мѣстности: въ глазовскій, малмыжскій и сарапульскій уѣзды. Нерѣдки и дальнія переселенія, напримѣръ—въ уфимскую и томскую губерніи. Объ отдаленныхъ мѣстностяхъ переселенцы имѣютъ всегда весьма смутное

Digitized by Google

понятіе. Такъ, свѣдѣнія крестьянъ объ уфимской губерніи ограничиваются тѣмъ, что они знаютъ о существованіи рѣки Бѣлой, доброкачественности земли и лѣса, и о выгодныхъ, будто бы, условіяхъ, на которыхъ отдаются земли. Часто крестьяне, не послав никого для отысканія новыхъ мѣстъ и не узнавъ условій для переселенія, распродаютъ на родинѣ все, что имѣютъ, и наавось отправляются въ новыя мѣста, гдѣ, по разсказамъ, текутъ «молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ». Легко себѣ представить положеніе тѣхъ, которые, за непріисканіемъ новаго мѣста жительства, возвращаются домой, гдѣ у нихъ все распродано — и нѣтъ ни кола, ни двора, ни денегъ.

Какъ ни обширенъ сольвычегодскій уѣздъ, со своими ста-пятью десятинами на одну душу населенія, какъ ни много въ немъ пустыхъ, незанятыхъ мѣстъ, а между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что здѣшнему крестьянину *тѣсно* жить. Это — фактъ. Еще раньше, въ началѣ зимы, мнѣ не разъ приходилось слышать, что въ средѣ сольвычегодскаго крестьянскаго населенія ходятъ темные, неопредѣленные толки о какихъ-то свободныхъ земляхъ, которыя съ охотою раздаетъ правительство каждому желающему селиться на нихъ, надѣляя по 21-й десятинѣ на душу. Въ настоящее время извѣстно «доподлинно» мѣстонахожденіе этого благодатнаго края, гдѣ земли — вволю, сколько хошь, да и земля вся барская, хоть всю поднимай... не то, что здѣсь. Благодатный край находится въ Сибири: это — Акмолинская область. Крестьяне не на шутку вздумали воспользоваться свободными землями. Такъ, въ настоящее время въ воробинской волости 30-ть семействъ распродаютъ свое убогое имущество и собираются вмѣстѣ переселиться на новыя земли. Все это народъ бѣдный, семейный, для котораго переселеніе представляетъ крайне рискованную вещь. Что же толкаетъ этихъ бѣдняковъ искать счастья вдали, за двумя съ половиною тысячами верстъ отъ родины? «Вотъ за Лальскомъ, въ Учкѣ, въ устюжскомъ уѣздѣ,—разсуждаютъ крестьяне,—тамъ давно уже начали переселяться къ этой самой Петропавловской крѣпости (Акмолинской области)... Одинъ, вишь, заѣхалъ, да увидѣлъ, что легче тамъ нашему брату живется, — ну, и другихъ, значитъ, приглашаетъ туда же... И ѣдутъ... Земли, говорятъ, много, скота и лошадей плоди, сколько хочешь: за травой никогда не станетъ дѣло, косятъ, сколько гдѣ кто захочетъ, и никогда не спрашиваютъ, а если накосилъ теперь, а дождь промочитъ — бросай! Коси новую, никто не воспрепятствуетъ... И пріѣдешь теперь на мѣсто, купи ведерку вина, позови мужиковъ на новоселье — и тотъ тебѣ тащитъ хлѣба, другой корову ведетъ...

Digitized by Google

А ѣхать тоже не страшно, потому—ѣдешь не одинъ, а съ своими же людьми... И расходовъ почти никакихъ... Только до Котельнича, вотъ, доберись, а заѣхалъ за Котельничъ, переѣхалъ волокъ—тамъ ужъ по вятской поѣдешь все; не станетъ харчей—только въ деревню заявись, помяни Христово имя—и тебѣ на тридцать верстъ впередъ харчей надаютъ... И такъ до самой Петропавловской! Семь городовъ проѣдешь!..» Однимъ словомъ, и дорога въ Акмолинскую область, и самая Акмолинская область рисуются самыми розовыми привлекательными красками; и хотя сами же крестьяне крайне скептически относятся къ этой розовой картинѣ,—тѣмъ не менѣе толкуютъ и поощряютъ другъ друга, словно и взаправду желаютъ нажить счастье, хотя и въ мечтахъ. Но тѣ, желанія которыхъ идутъ дальше теоретическихъ разсужденій и розовыхъ иллюзій, не задумываются совсѣмъ бросать насиженныя мѣста и отправиться въ даль искать счастья и свободныхъ земель. А разъ крестьянинъ идетъ на такой рискованный шагъ,—это, значитъ, что въ жизни его творится что-то неладное, что жить ему, хотя бы на насиженномъ дѣдами и отцами мѣстѣ, крайне тяжело. Вотъ, напримѣръ, богачи, люди состоятельные, такъ тѣ совершенно иначе относятся къ вопросу о переселеніи. «Не повѣримъ мы,—говорятъ они,—чтобы ужъ такъ выгодно было переселяться нашему брату... Тоже пріѣдешь хоть туда—все деньги нужны, чтобы и землю поднять, и хозяйствомъ завестись, а у кого есть деньги,—прибавляютъ богачи,—тому и здѣсь жить сподручно и хорошо... Пусть ужъ ѣдутъ другіе!» И, конечно, міросозерцаніе этихъ послѣднихъ имѣетъ всѣ признаки суроваго жизненнаго опыта и практики. Въ самомъ дѣлѣ, переселяться крестьянъ всегда почти заставляетъ нужда и экономическая безысходность. Такъ и въ данномъ случаѣ. Одинъ ѣдетъ потому, что боится, чтобы ревизія не застала съ пятью сыновьями малъ-мала меньше, а онъ владѣетъ отдѣльно отъ общины небольшимъ клочкомъ земли, обезпечивающимъ пропитаніе только одной души; у другого — хлѣбъ уже давно вышелъ,—и безъ того, значитъ, придется ѣхать за кусочками; третьему — просто черезъ-чуръ ужъ надоѣло возиться съ неблагодарною почвою и терпѣть вѣчныя неудачи. Но большинство рѣшается на переселеніе единственно потому, что старое мѣстожительство положительно не обезпечиваетъ крестьянина достаточными земельными надѣлами. Здѣшніе крестьяне вообще терпятъ крайнюю недостачу въ обработанныхъ земляхъ или годныхъ къ обработкѣ. То же въ частности оказывается и въ воробинской волости, главномъ мѣстѣ выселенія крестьянъ. Здѣсь мало и пашенъ, и

Digitized by Google

сѣнокосовъ, — и въ особенности вторые представляютъ предметъ постоянныхъ заботъ и желаній крестьянъ. Дѣло въ томъ, что вести земледѣльческое хозяйство въ сольвычегодскомъ уѣздѣ возможно при единственномъ условіи — при имѣніи подъ руками достаточнаго количества навоза. Нуженъ, стало-быть, скотъ, — а чѣмъ его станешь содержать, когда совсѣмъ не оказывается луговъ и сѣнокосовъ, и когда, при всемъ этомъ, зимы бываютъ такъ продолжительны, что держать скотъ въ стойлахъ на сѣнѣ приходится цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ въ году? Исходъ тутъ, конечно, можетъ быть только одинъ. Это — расчистка новыхъ луговъ и сѣнокосовъ, но именно расчистка и оказывается менѣе всего мыслимой, какъ по неимѣнію, съ одной стороны, на общинныхъ земляхъ подходящихъ мѣстъ, такъ и по крайней затруднительности получить возможность расчищать такія мѣста на казенныхъ земляхъ — съ другой. И выходитъ, слѣдовательно, что интенсивное хозяйство для крестьянина немыслимо, благодаря неимѣнію такихъ, повидимому, пустяшныхъ вещей, какъ навозъ, а экстенсивное — невозможно, вслѣдствіе разнаго рода формальныхъ стѣсненій. И вотъ, поставленный въ положительную невозможность разрѣшить такого рода дилемму, крестьянинъ, по необходимости, рѣшается бросать свое родное гнѣздо. «Рыба ищетъ — гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше». Такъ и переселенцы. Но вѣдь «отъ хорошаго худого никогда не ищутъ», а если убогіе и безталанные труженики сольвычегодскаго уѣзда рѣшаются ѣхать за двѣ тысячи съ половиною верстъ «киселя хлебать», то этотъ фактъ меньше всего, конечно, можетъ подтверждать мнѣніе будто русскій крестьянинъ вообще достаточно обезпеченъ земельными надѣлами. Все это доказывается тѣмъ, что факты переселенія являются не единичные, а общіе, въ различныхъ мѣстностяхъ одновременно.

Экономическія условія быта крестьянъ въ сѣверо-западной части вятской губерніи настолько неудовлетворительны, что стремленіе ихъ къ переселенію въ другія губерніи, или же на новыя мѣста въ этой же губерніи, является вполнѣ естественнымъ. Отсутствіе промышленныхъ заведеній и отхожихъ промысловъ, плохое качество земель, незначительный надѣлъ, тяжесть податей, — все, вмѣстѣ взятое, побуждаетъ крестьянъ покидать мало-плодородныя родныя поля и искать болѣе благодарныхъ земель въ другихъ мѣстностяхъ. Общее направленіе крестьянскихъ переселеній — юго-восточное. Часть переселенцевъ направляется въ томскую и енисейскую губерніи, часть — въ уфимскую и оренбургскую, и затѣмъ очень значительная масса стремится на свободныя казенныя земли и лѣса — въ южную часть вятской губерніи.

Digitized by Google

Насколько вообще сильно движеніе крестьянъ къ выселенію можно судить по тому, что, въ теченіи какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ, въ вятскій отрядъ по составленію и выдачѣ крестьянамъ владѣнныхъ записей поступило свыше 1000 прошеній о переселеніи на новыя мѣста, въ предѣлахъ одной только вятской губерніи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить точныхъ свѣдѣній о числѣ душъ крестьянъ, ходатайствующихъ о переселеніи, но надо думать, что общая масса покидающихъ надѣлъ превыситъ 10,000 душъ. Кромѣ того, ежегодно около 1000 ревизскихъ душъ (до 400 семействъ) выселяются въ другія, вышеуказанныя губерніи. Переселеніе крестьянъ въ вятской губерніи началось давно и идетъ впередъ прогрессивно. Истощеніе почвы и увеличеніе народонаселенія—вотъ главныя причины, замѣтно вліяющія на усиленіе его.

Хотя министерство государственныхъ имуществъ, имѣя во владѣніи до 85% всей ея площади и являясь потому самымъ крупнымъ собственникомъ въ вятской губерніи, почти всегда удовлетворяло желанію крестьянъ, ходатайствовавшихъ о переселеніи на избранныя ими свободныя казенныя земли, но тѣмъ не менѣе, большинство крестьянъ предпочитало, въ случаѣ нужды, переселяться на новыя мѣста, безъ всякихъ разрѣшеній, самовольно, находя такой способъ переселенія и болѣе скорымъ, и менѣе разорительнымъ. Недавно еще, каждое переселеніе крестьянъ *законнымъ порядкомъ*, т.-е. начиная съ подачи прошенія въ бывшую палату государственныхъ имуществъ и кончая нарѣзкою земли подъ поселеніе, обходилось крестьянамъ не менѣе, какъ по 25 руб. съ каждой ревизской души. Поселенцамъ приходилось оплачивать каждый шагъ; платить своему обществу за увольненіе, платить за мѣсто подъ поселеніе, платить за скорѣйшее движеніе дѣла, за перечисленіе душъ казенною палатою и, наконецъ, за самую нарѣзку земли и вводъ во владѣніе, такъ что общая сумма расхода составляла по меньшей мѣрѣ отъ 700 до 1,000 руб. съ каждаго новаго поселенія—душъ въ 40 или въ 50. Такой порядокъ дѣлъ побуждалъ крестьянъ изыскивать способы и обходить *законный путь* и переселяться тайкомъ. Что число такихъ самовольно заведенныхъ поселеній въ губерніи довольно значительно, видно изъ того, что по одному глазовскому уѣзду, по произведенной въ послѣднихъ годахъ съемкѣ, оказалось свыше 200 новыхъ деревушекъ,—не показанныхъ ни на планахъ и не числившихся ни по какимъ документамъ.

Въ 1874 году, министерство государственныхъ имуществъ, озабочиваясь скорѣйшимъ надѣленіемъ землею крестьянъ, отъ

Digitized by Google

которыхъ поступили прошенія о переселеніи на новыя мѣста, въ предѣлахъ вятской губерніи, издало особыя правила, заключающіяся въ слѣдующемъ:

Въ вятской губерніи нарѣзываются участки подъ поселенія крестьянъ изъ такихъ свободныхъ лѣсныхъ пространствъ съ дровянымъ насажденіемъ, и малоцѣнныхъ земельныхъ оброчныхъ статей, которыя, по несомнѣнно хорошему качеству почвы и другимъ условіямъ, оказались бы годными для образованія новыхъ поселеній. Планы на эти участки, вмѣстѣ съ хозяйственными къ нимъ описаніями, по мѣрѣ изготовленія, передаются въ вятское управленіе государственными имуществами, которое уже завѣдываетъ водвореніемъ переселенцевъ на отведенныхъ участкахъ. По разрѣшеніи министерствомъ какимъ-либо крестьянамъ переселенія, вятское управленіе даетъ имъ о томъ знать; причемъ предлагаетъ указать, на какой именно изъ участковъ они желаютъ переселиться. Затѣмъ, если величина избраннаго крестьянами подъ поселеніе участка будетъ превышать то количество десятинъ, на какое крестьяне имѣютъ право по закону, то излишнее пространство отрѣзывается и обращается подъ водвореніе другихъ лицъ; въ противномъ случаѣ—участокъ отдается цѣликомъ. Съ 1-го января слѣдующаго за вводомъ во владѣніе года, крестьяне-переселенцы облагаются оброчною податью, исчисленною по особымъ, утвержденнымъ министерствомъ, правиламъ. Подать эту крестьяне должны платить впредь до выдачи владѣнной записи на отведенныя имъ въ надѣлъ земли. По выдачѣ же владѣнной записи, они должны будутъ уплачивать оброчную подать, исчисленную согласно высочайше утвержденной 16 января 1869 года инструкціи.

Къ 1877 году, въ южныхъ уѣздахъ вятской губерніи, какъ обладающихъ болѣе плодородною почвою, было уже образовано 84 поселенческихъ участка, на 2,997 душъ, общею площадью въ 32,111 десятинъ.

Норма надѣла для переселенцевъ принята двоякая: въ уѣздахъ—яренскомъ и малмыжскомъ, какъ многоземельныхъ,—по 15 десятинъ на ревизскую душу, изъ которыхъ 12 десятинъ назначаются къ обращенію въ хозяйственныя угодья, и 3 десятины въ лѣсной надѣлъ, для пользованія лѣсными матеріалами. Въ елабужскомъ уѣздѣ, какъ малоземельномъ, только по 8 десятинъ на душу, изъ нихъ 7 десят. въ хозяйственныя угодья, и 1 десятина въ лѣсной надѣлъ. Такой надѣлъ, при хорошемъ качествѣ почвы, можно считать вполнѣ обезпечивающимъ быть крестьянъ-поселенцевъ.

Digitized by Google

За лѣсныя пространства, вошедшія въ составъ поселенческихъ участковъ, крестьяне облагаются податью въ размѣрѣ 37 коп. за десятину; за десятину же разработанныхъ угодій—по 74 коп. въ годъ. Лѣсной надѣлъ—по особой оцѣнкѣ сообразно съ древесною массою, подлежащею ежегодной вырубкѣ. Весь лѣсной матеріалъ, произрастающій на пространствахъ, назначенныхъ къ обращенію въ хозяйственныя угодья, предоставляется въ пользу крестьянъ безплатно, какъ-бы въ вознагражденіе за трудъ расчистки.

Въ 1879 году, какъ заявлялось въ печати, переселенія не уменьшались противъ прежняго, и чуть ли не увеличивались. Въ Оренбургѣ скопилось одно время до 800 семействъ переселенцевъ изъ воронежской, полтавской и саратовской губерній. Такъ какъ городъ тогда погорѣлъ, то ихъ затруднились куда размѣстить.

Изъ данковскаго уѣзда, рязанской губерніи, сообщалось, что много земледѣльцевъ направилось въ томскую губернію. Изъ уѣздовъ кирсановскаго и моршанскаго, тамбовской губерніи, и уѣзда саранскаго, пензенской губерніи, крестьяне двигаются въ въ губернію уфимскую. Изъ курской губерніи также направляются переселенцы въ оренбургскую губернію и Сибирь. Въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ» пишутъ изъ Пирятина, полтавской губерніи, что ежегодно проходятъ мимо вереницы переселенцевъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, частію на Кавказъ въ александропольскій уѣздъ, частію «куда Богъ дастъ». Тѣ же извѣстія изъ Казани, Перми и т. д. По всему этому можно судить, что въ настоящее время переселенія охватываютъ всю Россію и заслуживаютъ вниманія, становясь вопросомъ дня.

Впрочемъ, уже давно въ печати возбужденъ вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ изъ густо-населенныхъ губерній въ такія мѣстности, гдѣ земля больше, и рабочія руки оплачиваются лучше; при этомъ указывалось, какъ на естественную и экономическую необходимость этого рода переселеній, такъ и на цѣлый рядъ затрудненій, съ которыми встрѣчается каждый, пытающійся переселяться, и устраненіе которыхъ составляетъ настоятельную необходимость и для рабочаго населенія, и для государства. Несмотря однако на всѣ разсужденія, дѣло остается въ прежнемъ видѣ, и правила, затрудняющія правильный ходъ крестьянскаго передвиженія, остаются безъ пересмотра. Можетъ быть, это отчасти есть плодъ отвлеченія общаго вниманія отъ внутреннихъ вопросовъ къ внѣшнимъ дѣламъ; но если оно и такъ, то въ этомъ нельзя признать нормальнаго явленія: внутренніе вопросы имѣютъ свое право,—а къ тому же удачнымъ, благовре-

Digitized by Google

менным разрѣшеніемъ ихъ создаются тѣ самыя силы, которыя поддерживаютъ и внѣшнее государственное могущество. Успѣхъ во внутреннихъ дѣлахъ никогда не мѣшаетъ успѣшному ходу внѣшнихъ.

Пренебреженіемъ къ вопросу о переселеніяхъ, разумѣется, не уничтожается, а увеличивается его значеніе, такъ какъ жизнь продолжаетъ дѣлать свое дѣло. Постоянно мы встрѣчаемъ, хотя и отрывочныя, но несомнѣнныя извѣстія изъ провинціи о разныхъ попыткахъ крестьянъ искать себѣ «новыхъ мѣстъ». Всего чаще подобныя извѣстія относятся къ полтавской, воронежской, курской и тамбовской губерніямъ: крестьянскія семейства поднимаются съ мѣста десятками и, соединившись съ другими такими же группами, передвигаются большими партіями съ дѣтьми, телѣгами и вещами. На ряду съ свѣдѣніями о движеніи крестьянъ на югъ, мы чаще и чаще начинаемъ встрѣчать извѣстія о направленіи ихъ еще въ другую сторону — на востокъ. Оказывается, что пока мы не признавали ихъ нужды и положенія, крестьяне нѣкоторыхъ губерній успѣли проторить себѣ тропинку — даже въ Сибирь. Сколько именно ихъ туда уходитъ — мы, разумѣется, въ точности не знаемъ; но извѣстія о движеніи въ Сибирь мы встрѣчали уже не одинъ разъ. Одно изъ послѣднихъ такихъ извѣстій мы нашли еще недавно въ «Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ». Между пассажирами парохода, перевозящаго въ Саратовъ за Волгу, по словамъ корреспондента «Листка», нынѣшнею весною встрѣчалось особенно много крестьянъ-переселенцевъ. «И днемъ и ночью, говоритъ онъ, ими наполненъ весь переулокъ, ведущій къ парому, и отчасти захватывается старо-соборная площадь; всѣ они ждутъ своей очереди по цѣлымъ сугкамъ, чтобы стать на перевозное судно и перешагнуть черезъ Волгу». Всѣ они пришли изъ тамбовской, курской, пензенской, саратовской, а всего болѣе изъ воронежской губерніи. На вопросы, обращаемые къ переселенцамъ, они отвѣчаютъ: «думаемъ, въ томскую проѣхать, а Богъ знаетъ, можетъ гдѣ и поближе остановимся — въ семирѣченской; а то, говорятъ, хорошо и въ семипалатинской». Оказывается, что этимъ людямъ не впервые слышать о Сибири, что они уже нѣсколько ознакомлены съ географіею азіятской Россіи и кое-что слыхали о тамошнемъ бытѣ.

Частныхъ изслѣдователей этого любопытнаго явленія нашей народной жизни до сихъ поръ было мало, да они и не имѣютъ средствъ дѣлать полныя изслѣдованія, такъ какъ имъ недоступны оффиціальные источники. Газетные корреспонденты, особенно толковые, встрѣчаются не вездѣ, и отъ нихъ приходится случайно

Digitized by Google

узнавать только болѣе видныя явленія. Имѣющіяся уже у насъ статистическія данныя показываютъ, что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ имѣть широкіе размѣры, что условія, побудившія крестьянъ къ движенію на новыя мѣста, одинаковы на довольно значительномъ пространствѣ. Мы вполнѣ чувствуемъ жизненное значеніе вопроса о переселеніяхъ; видимъ, какія чувствительныя послѣдствія создаетъ въ народномъ бытѣ задержка его разрѣшенія, но не можемъ представить этихъ послѣдствій въ достаточно полномъ, достаточно ясномъ видѣ. Мы не знаемъ, по какимъ направленіямъ теперь переселенцы движутся сильнѣе и по какимъ слабѣе; какъ эти направленія борятся между собою, какія перемѣны въ этомъ отношеніи совершаются въ послѣднее время, какъ часть попытокъ къ переселеніямъ увѣнчивается успѣхомъ и какимъ именно.

Дѣйствительно, фактъ переселенія и причины, побуждающія къ тому, все болѣе и болѣе требуютъ изслѣдованія. Что различныя губерніи Россіи начинаютъ страдать отъ малоземелья и во многихъ губерніяхъ встрѣчаются массы народа безземельнаго, — это давно заявляется. Извѣстно, не мало губерній, гдѣ крестьяне получили надѣлъ отъ 2-хъ до 3-хъ десятинъ на душу. Таковы многіе уѣзды воронежской губерніи, екатеринославской, курской, казанской, орловской, рязанской, пензенской, тамбовской, тульской, харьковской, черниговской, полтавской — и другихъ.

Изъ крестьянъ удѣльныхъ и дворцовыхъ обращаютъ на себя вниманіе 39,893 души пермской губерніи, получившія $2^1/_4$ десятины надѣла на душу.

Потребности переселеній обусловливаются, при недостаткѣ земель, самою цѣною за земли при покупкѣ и арендѣ. Цѣны эти значительно поднялись въ губерніяхъ смоленской, гдѣ отдѣльныя угодья скупаются по 50 руб. за пашню и покосъ, и 75—100 руб. за заливные луга.

Въ симбирской — средняя цѣна при покупкѣ: 22—25 руб. за десятину, а при покупкѣ по-десятинно участками: 35—70 р.

Въ тульской губерніи, — первые отъ 15 до 80 руб., вторые до 100—125 руб., а заливные луга 200—400 руб.

Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ цѣны достигли въ послѣднее время довольно высокой суммы за десятину, а именно: 80, 100 и 150 руб.

Въ курской губерніи, крестьяне арендуютъ помѣщичьи земли, платя за одну десятину подъ посѣвъ озимаго хлѣба — 26 р. въ годъ, за десятину подъ яровой хлѣбъ — 12 руб., и, кромѣ того, выполняютъ особыя отработки единственно за то, что имъ даютъ

Digitized by Google

земли въ аренду. Въ той же курской губерніи, при стѣсненіи крестьянъ въ хозяйствѣ, землевладѣльцы выдаютъ деньги крестьянамъ впередъ на подати, которыя послѣдніе обязываются отработать. Такъ дѣлается въ уѣздахъ: курскомъ, фатежскомъ, тимскомъ и др.

Рядомъ съ этимъ, обращаетъ вниманіе экономическое положеніе тѣхъ крестьянъ, которые получили одну четверть дарового надѣла, взамѣнъ трехъ четвертей. Крестьяне эти значительно терпятъ недостатокъ въ землѣ и начинаютъ обращаться въ пролетаріатъ. Такихъ крестьянъ считалось больше 20,000 въ губерніяхъ пермской, саратовской, симбирской, воронежской, екатеринославской, тамбовской, уфимской, казанской, самарской и пензенской; отъ 10 до 20,000 въ нижегородской, оренбургской, херсонской и въ донской области; отъ 3 до 10,000 въ вятской, курской, полтавской, рязанской, харьковской, таврической и черниговской. Болѣе другихъ выдаются губерніи пермская и саратовская, гдѣ такихъ крестьянъ доходитъ до 100,000. Общее же число этого рода крестьянъ простирается до 600,000 душъ. Единственными мѣрами къ облегченію ихъ быта оказывается переселеніе.

Въ западныхъ губерніяхъ также появилась масса безземельныхъ лицъ. Такъ, въ ковенской губерніи насчитываютъ 110,800 душъ батраковъ. Невыгодное положеніе бѣлорусскихъ и западнаго края крестьянъ довольно извѣстно.

Разсматривая это явленіе, князь Васильчиковъ говоритъ: во всѣхъ сельскихъ обществахъ встрѣчаются уже нынѣ крестьяне, отказавшіеся отъ полевого надѣла послѣ утвержденія уставныхъ грамотъ, сдавшіе, по частнымъ сдѣлкамъ, свои полосы односельцамъ или чужестраннымъ людямъ и разночинцамъ, перешедшіе уже нынѣ на права бобылей, т.-е. не-пашенныхъ, не-тяглыхъ крестьянъ. Число ихъ быстро возрастаетъ, по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя собраны были немногими земскими управами; оно составляетъ уже въ настоящее время значительный процентъ сельскаго населенія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и губерніяхъ.

Въ 12-ти уѣздахъ тамбовской губерніи считается всѣхъ крестьянскихъ дворовъ 248,481, и въ томъ числѣ дворовъ безземельныхъ крестьянъ, т.-е. имѣющихъ одну усадебную осѣдлость безъ полевого надѣла, 12,500, что составляетъ около 5% всѣхъ дворовъ, принимая на одинъ дворъ по средней сложности выведенной въ губерніи 3,1 ревизскихъ или 6,2 душъ обоего пола,

Digitized by Google

—всѣхъ безземельныхъ крестьянъ обоего пола будетъ 77,500 (Докладъ коммиссіи при губернской управѣ).

Въ курской губерніи изъ числа всѣхъ дворовъ имѣютъ:

усадьбу съ надѣломъ	195,654	или 94, 1%
одну усадьбу	6,793	» 2, 9
не имѣютъ во все земли	7,008	» 3, 0

Считая на одинъ дворъ 6,8 душъ обоего пола, будетъ всего крестьянъ съ одной усадьбой, или безъ земли, около 93,840 (Докладъ губернской управы по 14 уѣздамъ).

Въ костромской губерніи въ 10 уѣздахъ насчитано:

дворовъ, имѣющихъ полевой надѣлъ. . . .	138,906
и безземельныхъ	21,626

что составитъ громадную пропорцію: почти 15 безземельныхъ дворовъ на 100, и должно равняться по среднему выводу 5,5 душъ обоего пола общему числу безземельныхъ сельскихъ обывателей 93,474 (Докладъ губ. упр., стр. 49).

Въ докладахъ земскихъ управъ не объяснено, что собственно надо разумѣть подъ наименованіемъ разночинцевъ и солдатъ, купцовъ и прочихъ водворенныхъ въ селеніяхъ: полныхъ ли хозяевъ, имѣющихъ недвижимую собственность, или малоземельныхъ и безземельныхъ обывателей, пристроившихся на гумнахъ, огородахъ у другихъ крестьянъ, и имѣющихъ въ утлыхъ своихъ избахъ только пристанище и кровъ. Мы полагаемъ, что большая часть изъ нихъ находится въ очень бѣдномъ положеніи, на томъ роковомъ рубежѣ, который отдѣляетъ обывателя - домохозяина отъ пролетарія и обозначается на Руси названіемъ — бобыль. Если это такъ, то къ безземельнымъ дворамъ надо причислить еще большое количество подобныхъ разночинцевъ: въ казанской губерніи 9,502 двора, въ курской — 17,719, въ одномъ бирюченскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи 1,133.

Всего оказывается въ 68 уѣздахъ, о коихъ мы нашли свѣдѣнія:

на общее число крестьянскихъ дворовъ или семействъ . .	1.193,667
безземельныхъ.	75,081
съ одной усадьбой	7,406
посторонніхъ жителей, приписанныхъ къ обществамъ . .	16,740

Явленіе это, совершенно естественное, должно было быть напередъ предвидѣно; тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ серьёзнаго, глубокаго вниманія, и, если не ошибаемся, знаменуетъ у насъ въ Россіи тотъ моментъ, роковой въ жизни народовъ, когда, по

Digitized by Google

освобожденіи отъ крѣпостныхъ и феодальныхъ узъ, по провозглашеніи полноправности всѣхъ состояній, зарождается хозяйственное неравенство, развивается неимущество и безземелье въ низшихъ слояхъ общества и закладываются основанія общественнаго строя, съ крупнымъ землевладѣніемъ вверху и сельскимъ пролетаріатомъ внизу.

Моментъ этотъ надо схватить: покуда безземелье составляетъ исключеніе и число пролетаріевъ—незначительное меньшинство, можно еще принять мѣры къ предотвращенію опасностей, къ умѣренію зла, неизбѣжнаго въ каждомъ человѣческомъ обществѣ [1]).

Такимъ образомъ, вопросъ о малоземельи и безземельи, какъ и связанный съ нимъ вопросъ о мѣрахъ помочь этому, является не частнымъ, мѣстнымъ, а общимъ для Россіи вопросомъ.

Уже изъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены, получается представленіе, какое огромное число крестьянъ въ Россіи начинаетъ терпѣть нужду въ переселеніяхъ. Мы видимъ сотни тысячъ въ губерніяхъ воронежской, тамбовской, тульской, смоленской, харьковской, черниговской. Намъ указываютъ на 600,000 получившихъ четверть надѣла, 110,800 батраковъ Западнаго края, 77,500 безземельныхъ крестьянъ тамбовской губерніи, 93,000 курской, 98,000 костромской. Въ общемъ это будетъ милліона три крестьянъ, требующихъ немедленной помощи, въ виду ихъ безъисходнаго положенія.

Естественное и простое средство находитъ самъ народъ въ переселеніяхъ, къ нему обращаются уже и нѣкоторыя земства. Такъ, орловское уѣздное земское вятской губерніи собраніе, обсуждая мѣры помочь бѣдственному положенію населенія, рѣшило ходатайствовать предъ губернскимъ собраніемъ о назначеніи жителямъ пособій на переселеніе въ другія лучшія мѣста. Эти пособія должны выдаваться жителямъ тѣхъ волостей, гдѣ климатическія и почвенныя условія, несмотря на всѣ старанія и усилія землепашца, не даютъ ему возможности успѣшно заниматься сельскимъ хозяйствомъ и прокармливать себя и семью. Вятское губернское собраніе нашло эту мѣру совершенно цѣлесообразною и изъявило готовность ассигновать на эту «помощь по переселенію» не одну тысячу рублей. Съ другой стороны, другія земства начинаютъ ходатайствовать о привлеченіи населенія тамъ, гдѣ земель много и есть потребность въ рабочихъ рукахъ. Такъ, саратовское, оренбургское земства привлекаютъ переселенія въ уфимскую губернію и въ Новороссію. Само правительство сознало необходи-

[1]) „Мелкій земельный кредитъ въ Россіи". Кн. Васильчикова и Яковлева.

Digitized by Google

мость переселеній и приступило къ продажѣ земель въ оренбургской и самарской губерніяхъ. Нѣкоторые указываютъ на необходимость двинуть переселенія въ херсонскую, екатеринославскую, таврическую, ставропольскую губерніи, въ донскую и кубанскую области. Такъ, на Дону, изслѣдованіе г. Вечеславскаго указывало недавно полтора милліона свободныхъ десятинъ земли войсковаго запаса, куда бы могли быть привлечены переселенцы; болѣе милліона десятинъ находится въ самарской; болѣе 200,000 десятинъ въ саратовской; до 400,000—въ херсонской; до 300,000—въ таврической, и 100,000 десятинъ въ екатеринославской, но еще болѣе земель въ Сибири, въ которой не произведено точныхъ земельныхъ изслѣдованій..

II.

При всей важности и значеніи переселеній для государства, при всемъ томъ, что вопросъ этотъ охватываетъ интересы милліоновъ трудящагося населенія, ищущаго выхода и облегченія своего экономическаго положенія, къ сожалѣнію, онъ остается у насъ въ Россіи все-таки весьма мало разработаннымъ и выясненнымъ не только въ частностяхъ, но и въ принципѣ. Поэтому намъ кажется своевременно поставить вопросъ: насколько выгодны вообще переселенія на новыя земли, какъ должно смотрѣть на выселенія народа изъ различныхъ мѣстностей, должна ли имъ быть предоставлена свобода, оказываться поддержка, или, напротивъ, должны быть употреблены старанія къ удержанію населенія на старыхъ мѣстахъ.

Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ государства, которое бы задерживало переселенія насильственно, такъ какъ право человѣка искать лучшихъ условій существованія—весьма естественно. «Право переселенія есть право жизни», говоритъ одинъ изслѣдователь европейской колонизаціи [1]). Европа давно испытала историческое значеніе колонизаціи, начиная съ греческихъ и римскихъ колоній (клерухій и апойкій), составлявшихъ могущество и славу греческаго и римскаго міра, кончая созданіемъ американскихъ государствъ и насажденіемъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта. Поэтому въ Европѣ покровительствуютъ колонизаціи даже такія націи, которыя не имѣютъ собственныхъ колоній, и кажется,

[1]) L'émigration Européenne, son importance, ses causes, ses effets, par A. Legoyt. 1861, p. XLVIII.

Digitized by Google

ничего не выигрываютъ отъ нея, напримѣръ, Германія. Что касается до переселенія людей въ собственныхъ владѣніяхъ и выселенія въ колоніи, то это считается однимъ изъ выгоднѣйшихъ предпріятій, какъ для старой, такъ и для новой страны. «Вывозъ работниковъ и капитала изъ старыхъ странъ въ новыя, оттуда, гдѣ они имѣютъ меньшую — туда, гдѣ они имѣютъ бо́льшую производительную силу, увеличиваетъ сумму богатствъ старой и новой страны», говоритъ англійскій экономистъ Милль. «При нынѣшнемъ состояніи дѣлъ на земномъ шарѣ, колонизація — выгоднѣйшее изъ всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, какимъ можетъ заниматься капиталъ старой и богатой страны», прибавляетъ онъ. Поэтому Англія, сознавъ эту истину, издавна покровительствуетъ переселеніямъ. Смотря на нихъ какъ на весьма важное народно-экономическое и государственное средство помочь населенію, Россія точно также обязана многимъ совершившемуся въ ней разселенію: благодаря ему, она получила возможность укрѣпить за собою обширнѣйшія владѣнія въ мірѣ, которыми обусловливается ея могущество. Но, кромѣ этого политическаго значенія, колонизація у насъ имѣетъ также важное экономическое значеніе. Нашъ народъ, ища лучшихъ и болѣе просторныхъ мѣстъ, при своемъ экстензивномъ хозяйствѣ, въ переселеніяхъ всегда находилъ способъ поднять свое экономическое благосостояніе. Потребность въ переселеніяхъ, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ въ началѣ статьи фактовъ русской народной жизни, не только не уменьшается, но постоянно увеличивается. Густота населенія при опредѣлившихся границахъ надѣла даетъ себя все болѣе чувствовать. Даже въ лучшихъ губерніяхъ преобладающая норма надѣла очень мало удаляется отъ двухъ десятинъ, говоритъ г. Воропоновъ при изслѣдованіи вопроса переселеній, — и не доставляетъ крестьянину полныхъ средствъ для содержанія. Кромѣ того, надѣлы, замкнувъ крестьянство разъ въ земельные предѣлы, не позволяютъ даже расширенію земельныхъ участковъ. Земли съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе недостаточно, тогда какъ населеніе возрастаетъ. Если приростъ населенія въ плодородныхъ губерніяхъ положить не болѣе процента съ четвертью ($1\frac{1}{4}\%$), то населеніе должно удвоиться въ 55 лѣтъ, а увеличиться въ $1\frac{1}{2}$ раза — въ 32 года. Если при предполагаемомъ умѣренномъ разсчетѣ также будетъ возрастать и потребность въ землѣ, то черезъ 10 лѣтъ настоятельная нужда въ переселеніи коснется уже цѣлыхъ милліоновъ крестьянъ. Сила вещей поставитъ тогда вопросъ въ рѣшительной формѣ. Князь Васильчиковъ въ своей извѣстной книгѣ справедливо указываетъ

Digitized by Google

на колонизацію, какъ на одно изъ средствъ отъ накопленія пролетаріата [1]). Дѣйствительно, явленіе переселеній уже теперь становится фактомъ повсемѣстно распространеннымъ. Неизбѣжность и настоятельная потребность переселенія очевидны для насъ, какъ и для другихъ народовъ, и противъ принципа переселеній едва ли могутъ найтись достойныя вниманія возраженія.

Всего менѣе въ выигрышѣ отъ переселеній, повидимому, должна быть мѣстность, откуда люди выселяются, такъ какъ здѣсь потеряны, а не пріобрѣтены рабочія руки. По этому поводу иногда высказываются людьми, нуждающимися въ этихъ рукахъ, различныя опасенія. Но противъ подобныхъ опасеній существуютъ весьма вѣскія возраженія.

Опасеніе, будто мѣста, покидаемыя переселенцами, останутся безъ рабочихъ рукъ—опасеніе совершенно неосновательное; между тѣмъ, всякое стѣсненіе свободы, несправедливое въ самомъ принципѣ, повело бы къ величайшимъ несправедливостямъ при практическомъ разрѣшеніи вопроса о переселеніи крестьянъ. Что движеніе переселенцевъ, говорятъ, должно имѣть свои границы, это не подлежитъ сомнѣнію, но такія границы даются сами собою, дѣйствіемъ естественныхъ законовъ. Эмиграція будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на мѣстахъ заселяемыхъ условія жизни будутъ выгоднѣе, нежели на мѣстахъ покидаемыхъ. Первые поселенцы пожнутъ въ новой странѣ самые обильные плоды; но ихъ преемники, по мѣрѣ занятія края, будутъ получать уже меньшее вознагражденіе за свой трудъ. Между тѣмъ, въ покидаемыхъ мѣстахъ разрѣженіе населенія естественно будетъ имѣть слѣдствіемъ постоянное возрастаніе заработковъ. Этими двумя противоположными теченіями цѣнъ труда—нисходящимъ въ заселяемыхъ мѣстностяхъ и восходящимъ въ покидаемыхъ—рано или поздно, и тамъ и здѣсь, вознагражденіе труда будетъ приведено къ одному и тому же уровню, и тогда наступитъ конецъ выселенію. Чѣмъ виноваты люди, которыхъ новая мѣра задержитъ въ мѣстности, откуда они стремятся, подъ тѣмъ предлогомъ, что кто-то можетъ пострадать отъ недостатка рабочихъ рукъ? Такая задержка равнялась бы наложенію на свободныхъ людей обязанности продавать свой трудъ въ пользу другихъ лицъ по низшей цѣнѣ сравнительно съ стоящею на рынкѣ. Съ другой стороны, всякая мѣра къ опредѣленію границъ колонизаціи допускаетъ обширное поприще для произвола и случайности. Разрѣшеніе или запрещеніе выселяться будетъ по-

[1]) „Земледѣліе и Землевладѣніе“, кн. Васильчикова.

Digitized by Google

ставлено въ зависимость отъ обилія или недостатка рабочихъ рукъ. Но понятіе о недостаткѣ рабочихъ рукъ есть, очевидно, относительное. Землевладѣлецъ жалуется на такой недостатокъ всякій разъ, какъ только онъ не находитъ рабочихъ по цѣнѣ, какую платилъ до тѣхъ поръ; между тѣмъ, стоитъ увеличить цѣну, и отъ рабочихъ не будетъ отбоя. Въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, откуда, вслѣдствіе чрезмѣрной населенности, крестьяне цѣлыми тысячами отправляются въ отхожіе промыслы, сплошь и рядомъ раздаются голоса о невозможности достать рабочихъ. Курскій землевладѣлецъ уже начинаетъ кричать объ отсутствіи рабочихъ, какъ скоро не оказывается охотниковъ обработывать его поля по 5 р. за десятину. Между тѣмъ, очевидно, что самое стремленіе удалиться съ привычнаго, насиженнаго мѣста, самая рѣшимость на лишенія во время отдаленнаго переѣзда есть уже признакъ избытка рабочихъ рукъ, невозможности найти для труда занятіе, обезпечивающее человѣку сколько-нибудь сносное существованіе. Такимъ образомъ, вопросъ объ обиліи и недостаткѣ рабочихъ рукъ можетъ быть рѣшаемъ совершенно различно, смотря по тому, смотритъ ли рѣшающій на дѣло съ точки зрѣнія крестьянина или землевладѣльца. Кто бы ни былъ судьею вѣрности этихъ противоположныхъ взглядовъ, ему, во всякомъ случаѣ, будетъ трудно, подъ многообразными побочными вліяніями, удержаться въ столь деликатномъ вопросѣ на почвѣ строгой справедливости.

Во всякомъ случаѣ, колонизація не можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія интересовъ лицъ, заинтересованныхъ въ конкурренціи рабочихъ, хоть бы часть ихъ умирала съ голоду, она не можетъ быть подчинена также частнымъ интересамъ губерній,—она есть дѣло самихъ лицъ, чувствующихъ потребность въ выселеніи, и дѣло государства, которое отъ этого не проигрываетъ, а, напротивъ, выигрываетъ, получая, вмѣсто разоренныхъ пролетаріевъ, зажиточныхъ производителей.

Есть еще мнѣнія противъ колонизаціи, раздающіяся изъ лагеря лицъ, заинтересованныхъ въ развитіи отечественной земледѣльческой культуры. Они состоятъ въ томъ, что колонизація разрѣжаетъ населеніе и тѣмъ задерживаетъ переходъ къ болѣе совершенному хозяйству. Чѣмъ гуще будетъ населеніе, тѣмъ скорѣе земледѣльцы перейдутъ къ усовершенствованнымъ системамъ, думаютъ они. Но это едва ли такъ, потому что переходъ къ высшему хозяйству совершается не подъ вліяніемъ только тѣсноты и малоземелья, но для этого нужны и другія условія—извѣстное накопленіе средствъ, орудія и умѣнье, т.-е. капиталъ

Digitized by Google

и знаніе, которые не вдругъ пріобрѣтетъ бѣдное и невѣжественное населеніе. Человѣкъ нужды и голода не изобрѣтетъ машины Уайта, Аркрайта, парового плуга и т. д., а если и додумается до новыхъ орудій, до новыхъ пріемовъ хозяйства, то не въ состояніи будетъ примѣнить ихъ, потому что на это нужны будутъ средства. Обрекать же населеніе на голодъ и разореніе въ ожиданіи, когда оно накопитъ эти средства, слишкомъ дорогая цѣна пріобрѣтаемаго прогресса. Никто не будетъ указывать, конечно, на колонизацію, какъ на разрѣшеніе всѣхъ народно-экономическихъ вопросовъ, которые находятся въ связи съ аграрными законами, установившимися соціальными отношеніями, распредѣленіемъ богатствъ, знаній и т. п. Въ этомъ отношеніи колонизація, безъ сомнѣнія, должна быть признана палліативою соціальныхъ золъ, но она важна тѣмъ, что въ переходныя времена кризисовъ, по мѣрѣ достиженія экономическаго прогресса, она предотвращаетъ бѣдствія и катастрофы, открывая во-время клапанъ жизни, и выдѣленіемъ части населенія создаетъ новыя соціальныя ячейки въ видѣ колоній, содѣйствуетъ болѣе равномѣрному распредѣленію населенія по земному шару, распространяетъ жизнь, культуру и иногда создаетъ новые государственные организмы.

III.

Мѣстностью, намѣченною народомъ, куда двигаются съиздавна переселенія, служатъ обширный сѣверо-востокъ и Сибирь.

Разсмотримъ же результаты этой колонизаціи русскаго народа для того, чтобы судить вообще о значеніи переселеній.

Прежде всего скажемъ, что Сибирь по происхожденію есть продуктъ самостоятельнаго и самобытнаго порыва русскаго народа къ переселеніямъ, безъ этого движенія не было бы Сибири. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ народъ кинулся съ жадностію на новыя мѣста, на свободу изъ-подъ ига крѣпостного права, отъ безурядицы, смуты; онъ бѣжалъ впослѣдствіи отъ рекрутчины, отъ суровой регламентаціи, отъ налога. По свидѣтельству Витзена, цѣлыя мѣстности опустѣли отъ этого перемѣщенія. Въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX переселенія не останавливались, но они были значительно сдерживаемы, иначе, можетъ быть, отъ крѣпостного права значительная часть Руси перебралась бы въ Сибирь. Вмѣсто того, Сибирь начала получать для народа устрашающее значеніе. Направленная сюда ссылка дискредитировала и подорвала репута-

Digitized by Google

цію этой страны въ глазахъ русскаго народа. Вмѣсто миѳовъ объ обѣтованной землѣ, начали слагаться другіе миѳы о странѣ, гдѣ люди ходятъ подъ землею и гдѣ не свѣтитъ солнце. Несмотря однако на это предубѣжденіе, внушаемый страхъ, а впослѣдствіи положительныя запрещенія самовольныхъ переселеній и преслѣдованіе бѣствъ, дорога въ Сибирь не заростала; подлѣ торной дороги, по которой съ звономъ кандаловъ гнали партіи преступниковъ, вилась незамѣтная лѣсная тропа, по которой тайкомъ перебирался русскій свободный переселенецъ и бѣглецъ. Народъ переселялся въ Сибирь подъ разными предлогами и во всевозможныхъ видахъ. Бывали случаи, что дѣти ссыльныхъ отцовъ бѣжали въ Сибирь и здѣсь съ помощью денегъ записывались въ число ссыльныхъ. Положеніе ссыльнаго поселенца было легче въ Сибири, чѣмъ участь крѣпостного крестьянина въ Европейской Россіи. Когда противъ общаго колонизаціоннаго стремленія были приняты мѣры, началась эмиграція тайная, и народъ началъ выбирать болѣе укромныя и глухія мѣста въ самой Сибири. По мѣрѣ правительственной организаціи, начались преслѣдованія противъ передвиженій и скитаній народа въ самой Сибири. Въ XVIII столѣтіи, какъ обнаруживаютъ многія дѣла и акты, Сибирь представляла древнюю бродячую Русь. Въ разныхъ мѣстахъ ея, открывали всевозможныхъ бѣглецовъ, странниковъ, промышленниковъ, скитавшихся годы по лѣсамъ, скиты раскольниковъ и блокгаузы скваттеровъ. Бѣглецы эти, подъ вліяніемъ преслѣдованія, превращались впослѣдствіи въ разбойниковъ, какъ напримѣръ крестьяне Селезневы на Бухтармѣ (пограничныя дѣла Омскаго областнаго архива 1759, т. 47, стр. 78). Драгунскія команды разъѣзжали по Сибири ловить бѣглецовъ и людей безпаспортныхъ, ихъ забирали и судили. Правительство, въ 1743 году, указомъ запретило проникать за пограничную линію и, за нарушеніе, приказало наказывать кнутомъ всѣхъ свыше 40 лѣтъ возрастомъ—и плетьми и батогами, кто моложе. Но это не прекращало авантюризмъ, скитальчество и промышленное піонерство, далеко за линіями, отдѣлявшими русскіе посты; на границахъ кочевниковъ, калмыковъ и киргизовъ, раскидывались промышленныя избушки, балаганы охотниковъ, и русское крестьянство разсыпалось далеко, уходя иногда въ глубь Средней Азіи подъ именемъ охотниковъ соболевщиковъ, хмѣлевщиковъ, рыболововъ и кладоискателей (см. акты Омскаго обл. архива 1759, 1762, т. 67, 68, 73, и матеріалы, собранные къ исторіи Сибири Потанинымъ). По мѣрѣ того, какъ мѣстныя власти изслѣдовали территорію и приближались къ китайскимъ границамъ, они откры-

Digitized by Google

вали поселки вольныхъ и бѣглыхъ людей. Такъ, въ прошломъ столѣтіи, при Екатеринѣ, были открыты на Бухтармѣ цѣлыя слободы бѣглыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ каменьщиковъ, которые были приняты въ русское подданство, какъ инородцы. Переселенія въ Сибирь, такимъ образомъ, съиздавна дѣлятся на два рода: правительственныя обязательныя или по вызову и указанію и вольно-народныя. Къ правительственному способу заселенія Сибири принадлежали: высылка служилыхъ людей, казаковъ, пахотныхъ людей, ямщиковъ, наконецъ преступниковъ.

О первомъ правительственномъ заселеніи Сибири мы встрѣчаемъ свѣдѣнія около 1592 года при построеніи Пелыма, для житья въ которомъ повелѣно набрать 50 человѣкъ казаковъ конныхъ, до 100 человѣкъ стрѣльцовъ пѣшихъ, которымъ, вмѣсто хлѣбнаго жалованья, велѣно служить изъ пашенъ, чтобы впредь хлѣбныхъ запасовъ не привозить въ Пелымъ изъ Россіи. Кромѣ того, переведены въ Пелымъ на пашню изъ Москвы, Каргополя, Перми и Вятки крестьяне и велѣно имъ пахать на Государя. Грамота 1592 года воеводамъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «О всемъ промышляти, и городъ дѣлать, и люди устроить, и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людямъ и казакамъ, смотря по тамошнему мѣсту, какъ бы впередъ было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакамъ терскимъ государево жаловальное слово, чтобъ они государю послужили. А которые захотятъ въ жильцы туто изо всякихъ ратныхъ людей, и ихъ переписати, а устроить туто пятьдесятъ человѣкъ конныхъ: тѣмъ и земли, помѣтивъ, раздавать; а жалованья годоваго сулить имъ польскимъ казакамъ по семи рублевъ, а атаману десять рублевъ, а хлѣба по семи четь муки, а овса потомужъ. А стрѣльцовъ прибирать пѣшихъ до ста человѣкъ, а сотнику потомужъ, что и атаману, а пѣшимъ стрѣльцамъ по пяти рублевъ, да хлѣба по пяти четь муки, да по чети крупъ, да по чети толокна человѣку. А земли бы имъ всѣмъ давати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и хлѣба бы не возить. А которые московскіе веденцы девять человѣкъ изъ Каргополя посланы, и тѣмъ указать земли и угодья, чтобъ они изъ Перміи съ собою взяли и лошади, и животины и сохъ, хотя немного, чтобъ имъ пашни вскорѣ завести. А которые посланы изъ Перміи и съ Вятки на житье для пашни, и у тѣхъ бы, и хотя у четырехъ человѣкъ была лошадь, и животина бы съ ними была, и сохи бы съ ними были, хотябъ къ паранинѣ завести и немного пашни, да и ржи взяти на заводъ десять четь изъ Перміи; и велѣти жилецкимъ людямъ дворы себѣ ставить, и слободы у города устроить, въ которомъ мѣстѣ при-

Digitized by Google

гоже и земли на пашни высмотрѣть лучшія и у крѣпостей подавать пашни на Государя пахать всякимъ людямъ. А лучшія мѣста выбравъ, оставить про государевъ обиходъ до трехъ сотъ четь; а впредь та земля пахать на Государя жилецкимъ людемъ, которыхъ устроять на житье. Да изъ таборовъ и кошуковъ пашенныхъ молодчихъ людей взять со всѣми семьями и съ лошадьми и посадить туто на пашнѣ, и пашни пахати велѣти на Государя. На таборы и кошуки, на тутошные люди, положить хлѣбомъ оброкъ, чтобъ съ нихъ ничего не имать, никакого оброку, ни соболей, а имать бы хлѣбомъ. Только устроя городъ и укрѣпя,—положить на нихъ оброкъ хлѣбной, разспроса про нихъ, что пригоже на нихъ не положить. А церковное строеніе устроить, а попа и дьякона взять ѣдучи въ Сибирь и, въ подмогу, съ посадскихъ тамошнихъ поповъ собрать сорокъ рублевъ. А на церковь послано съ Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну, да пудъ воску, да ведро вина церковнаго, и образы, и книги, и колокола и все церковное строеніе».

Что касается самовольной колонизаціи, то она чуть-ли не превосходила въ первое время правительственную. По крайней мѣрѣ мы находимъ слѣдующую обрисовку ея у мѣстныхъ изслѣдователей.

«Неправительственная колонизація, какъ кажется, шла значительно быстрѣе правительственной. Сибирь, по покореніи ея, открылась привольною страною, въ которой могли найти успокоеніе всѣ недовольные условіями своей прежней жизни. Подъ прикрытіемъ лѣсовъ и болотъ, а также при неводворенномъ еще порядкѣ управленія, не находя сопротивленія между слабосильными инородцами, сюда бѣжали воры, грабители, разбойники и разные преступники, раскольники, крѣпостные отъ своихъ господъ, люди избѣгавшіе рекрутчины и платежа государственныхъ повинностей, и вообще всѣ тѣ, которые по какимъ-либо причинамъ считали свободнѣе жить въ привольныхъ и никѣмъ не занятыхъ обширныхъ пространствахъ Зауралья. Конечно, тобольская губернія, какъ первая полоса, лежащая на пути еще въ не совсѣмъ извѣстную страну, подвергалась и болѣе частымъ заселеніямъ всего этого бѣглаго люда. Даже само правительство въ первое время смотрѣло на эти переселенія довольно благосклонно; такъ, указомъ 1597 года повелѣно было бѣжавшимъ за 6 лѣтъ и болѣе, кому бы они ни принадлежали, оставаться на своихъ мѣстахъ. Но усиленныя переселенія 1680—1686 годовъ вывели, наконецъ, изъ терпѣнія правительство; въ 1683 году воспослѣдовалъ указъ, по которому не дозволялось пропускать въ Сибирь

Digitized by Google

безъ государевыхъ проѣзжихъ грамотъ. Бѣглецы обыкновенно селились гдѣ-нибудь въ урманѣ, заводя *заимки*, превращавшіяся впослѣдствіи въ деревни и села; бѣглые расчищали лѣсъ, заводили пашню и жили иногда по нѣскольку лѣтъ, не будучи извѣстны правительству. Воеводы, открывая подобныя поселенія, накладывали на нихъ государственную подать, но не доносили царю, такъ какъ для нихъ были весьма выгодны подобные поселенцы, заселявшіе и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивавшіе на будущее время обладаніе чужеземнымъ краемъ. Чрезъ такое разселеніе переселенцы знакомились съ окрестными мѣстами: нашедши болѣе удобныя, они переселялись частями. Уже въ половинѣ XVII столѣтія мѣста, лежавшія на дорогѣ изъ Верхотурья чрезъ Туринскъ и Тюмень въ Тобольскъ, были значительно заселены; русскіе разселялись по ту и другую сторону дороги, въ отдаленіи, по рѣкамъ и озерамъ, заводили слободы и деревни. Самовольныя переселенія крестьянъ, какъ кажется, продолжаются и въ настоящее время; такъ, напр., деревня *Кирилинская* тарскаго округа, образовавшаяся *самовольно* въ Бутаковской волости, утверждена казенною палатою только въ 1869 году» (Списки населенныхъ мѣстъ Россійск. Имперіи. LX. Тобольская губернія, стр. XCVIII).

Съ XIX столѣтія, когда въ Сибири сформировалось вполнѣ административно-гражданское управленіе, и не было угла, гдѣ бы не было своего исправника, бродить свободно и скрываться по Сибири уже было весьма затруднительно. Паспортная система и запрещеніе безъ разрѣшенія основывать поселки и деревни сковали переселенія въ тѣсныя границы; вмѣсто бѣгства и свободнаго перехода, возможно было только формальное перечисленіе, но для многихъ ли было оно возможно при крѣпостномъ правѣ? Правда, народъ употреблялъ всевозможные способы къ тому, чтобы проникнуть въ свободную отъ крѣпостного права и обильную землями Сибирь, но какихъ усилій это стоило. Исторія ссылки намъ открываетъ много фактовъ, какъ въ формѣ иногда подневольной ссылки сквозило затаенное желаніе найти свободу. Русскій крестьянинъ записывался то въ дезертиры, то въ бродяги. Многіе добивались быть сосланными по волѣ помѣщика, т.-е. по капризу, безъ особой вины, и подобные случаи встрѣчаются въ легендахъ этого времени. Наконецъ, въ Россіи создался особый типъ «непомнящаго»,—въ этомъ типѣ взялъ свою роль и эмигрантъ. Свободное легальное переселеніе выпадало только на долю государственныхъ крестьянъ. Когда правительство открывало клапанъ колонизаціи,

Digitized by Google

она лилась широкимъ потокомъ. Въ современной исторіи переселеній мы встрѣчаемъ такой періодъ съ 1852 по 1855 годъ. Въ одномъ 1854 году въ тобольскую и томскую губерніи было приписано 19,163 души переселившихся. Въ эти годы переселеніе въ Сибирь двигалось по вызову правительства; причемъ переселенцамъ обѣщаны были льготы и вспомоществованія. Несмотря на то, что эти переселенія требовали особыхъ заявленій и удостовѣреній, также, несмотря на то, что они замыкались въ тѣсномъ кругѣ государственныхъ крестьянъ, переселенцы дружно двинулись въ Сибирь и начали наполнять губерніи. По произведеннымъ нами изслѣдованіямъ по двумъ губерніямъ Западной Сибири, тобольской и томской, мы видимъ, что въ тобольскую губернію съ 1846 по 1879 годъ перечислено было 43,753 души, въ томскую губернію съ 1852 по 1879 г.—35,000 душъ. По межевымъ свѣдѣніямъ, въ этихъ двухъ губерніяхъ съ 1852 года до 55,311 душъ крестьянъ получили полный земельный надѣлъ. По точнымъ изслѣдованіямъ число переселенцевъ въ одну томскую губернію съ 1852 по 1863 годъ опредѣляется въ 18,340 душъ. Самые большіе размѣры переселеніе имѣло передъ крымской кампаніей; затѣмъ съ 1855 года ослабѣло, но по окончаніи войны и съ вызовомъ на Амуръ переселенцевъ, оно снова усилилось; передъ 1862 годомъ—временемъ освобожденія крестьянъ, число переселенцевъ опять начало уменьшаться, а потомъ за освобожденіемъ возрастать, причемъ въ движеніи приняли участіе и бывшіе крѣпостные. Въ количествѣ этихъ переселеній и распространеніи ихъ можно было бы вѣроятно прослѣдить исторію внутренней жизни Россіи и ея экономическіе фазисы, если бы мы имѣли достаточно цифровыхъ данныхъ о выселеніяхъ. Несомнѣнно, что всѣ измѣненія народной жизни, всѣ ея волненія выражались тѣмъ количествомъ эмиграціоннаго матеріала, который всплывалъ на поверхность и вырывался за предѣлы постоянныхъ границъ жизни, подъ вліяніемъ кипѣнія, зависѣвшаго отъ температуры историческаго момента. При передвиженіи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь до 1863 года, мы встрѣчаемъ играющими роль десять губерній, восемь изъ нихъ принадлежатъ внутренней Россіи и двѣ восточной. На первомъ планѣ стояли тамбовская, воронежская, пензенская, калужская, орловская и курская губерніи. Хотя исчисленіе переселеній по отдѣльнымъ губерніямъ даетъ весьма слабое понятіе обо всей совокупности движенія, но изъ этого видно, какъ значительны были переселенія. Въ 25 лѣтъ до послѣдняго времени въ одну томскую губернію было перечислено 34,988 душъ кре-

Digitized by Google

стьянъ. Въ 20-ти-лѣтіе въ двѣ сибирскія губерніи переселеніе равнялось 60,000 душъ, и если мы прибавимъ къ этому восточныя губерніи Сибири, то формально перечисленныхъ въ 20 лѣтъ въ Сибирь должно быть не менѣе 100,000 душъ [1]). Несмотря на то, что послѣ освобожденія крестьянъ, и особенно по исполненіи ими девятилѣтней обязательной повинности, у насъ ожидалось огромное передвиженіе населенія, нѣчто въ родѣ переселенія народовъ, фактъ, къ которому одни относились съ опасеніемъ и робостью, другіе же въ этомъ видѣли неминуемый законъ правильнаго распредѣленія населенія, которое слишкомъ долго было скована насильственными цѣпями крѣпостного права; тѣмъ не менѣе, опасенія эти и предположенія далеко не оправдались, вѣроятно,—потому, что легальныя условія нашихъ переселеній, какъ и многія условія народнаго хозяйства, не совсѣмъ совпадали съ стремленіемъ къ передвиженіямъ. По нѣкоторымъ даннымъ, мы замѣчаемъ, правда, что перечисленія послѣ освобожденія крестьянъ вообще получили нѣкоторый просторъ, и въ извѣстные годы, какъ въ 1871 и 1872 годахъ, они довольно замѣтно поднимались по томской губерніи (напримѣръ, съ 1.400 на 2,210 въ 1871), но переселенія все-таки далеко не достигли ожидаемыхъ громадныхъ размѣровъ. Разницу въ проявленіяхъ колонизаціоннаго стремленія за послѣдующій послѣ реформы періодъ тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить. Судя по произведеннымъ нами наблюденіямъ въ Сибири, видно, что, вмѣсто *десяти* прежнихъ губерній, нынѣ фигурируютъ въ переселеніяхъ *тридцать семь губерній;* причемъ весьма видную роль занимаютъ восточныя губерніи, какъ пермская, вятская, оренбургская. Переселенія въ Сибирь не ослабѣваютъ и до послѣдняго времени, хотя распредѣленія по губерніямъ измѣняются. Напримѣръ, прекратились перечисленія въ тобольскую губернію, но направляются все болѣе въ томскую.

Томская губернія, о которой мы собрали болѣе всего фактовъ, представляетъ по годамъ слѣдующую лѣстницу переселеній:

Въ 1870 году	. . . . .	1,412
„ 1871 „	. . . . .	1,574
„ 1872 „	. . . . .	2,210
„ 1873 „	. . . . .	1,393

[1]) Кромѣ того, мы должны принять переселенія въ другія области, какъ сѣверо-восточныя губерніи. По свѣдѣніямъ уфимскаго статистическаго комитета въ уфимскую губернію переселялось до 6,000 душъ въ 10 лѣтъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ семирѣчинской области—до 7,000 душъ.

Digitized by Google

Въ	1874 году	1,608
„	1875 „	1,610
„	1876 „	1,254
„	1877 „	1,477
„	1878 „	1,648

Это не ослабѣвающее, но ровно поднимающееся движеніе, въ среднемъ числѣ, показываетъ, что колонизаціонное напряженіе у насъ, по крайней мѣрѣ, нисколько не уменьшается. Мы должны при этомъ замѣтить, что приводимыя нами цифры о формальныхъ перечисленіяхъ, какъ мы убѣдились личнымъ наблюденіемъ, далеко не опредѣляютъ размѣра переселеній въ Сибирь и не исчерпываютъ ихъ. Переселенія до послѣдняго времени совершаются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Въ сущности, струю народнаго движенія опредѣлить не представляется даже возможности. Кромѣ легальныхъ перечисленій, къ которымъ встрѣчается много препятствій и затрудненій, народъ изыскалъ много другихъ способовъ и путей переселенія. Многіе крестьяне идутъ по паспортамъ и остаются на новыхъ мѣстахъ, только подновляя билеты. Списки проживающихъ въ сибирскихъ деревняхъ крестьянъ показываютъ, что люди живутъ здѣсь лѣтъ по десяти и болѣе, обзаведясь домами, но находясь въ зависимости отъ прежнихъ обществъ; множество лицъ хлопочетъ по нѣскольку лѣтъ о перечисленіи, находясь въ переходномъ состояніи, давно совершивъ фактъ переселеній. Множество скрываются въ глухихъ мѣстахъ и дебряхъ или продолжаютъ жить безъ приписки по лицу широкой и гостепріимной матери-Россіи и привольной Сибири. Фактъ такъ-называемыхъ самовольныхъ переселеній играетъ и до сего времени весьма важную роль въ исторіи нашей колонизаціи. Переселенія, также какъ и въ древній періодъ, вѣтвятся въ двѣ формы. Легальную при помощи оффиціальнаго перечисленія и самовольную, совершающуюся безъ всякихъ формальностей, завѣщанную отъ вольныхъ движеній прошлаго. Нѣкоторые факты доказываютъ, что проявленія послѣдней весьма значительны. Въ Сибири нерѣдкость открываемыя цѣлыя деревни и свободы: въ спискѣ населенныхъ мѣстъ тобольской губерніи упоминается образовавшаяся самовольно деревня кирилинская, тарскаго округа, приписанная палатою только въ 1869 году; но подобныхъ деревень много и въ томской губерніи. Въ Алтаѣ и другихъ глухихъ мѣстахъ не мало деревень, которыя признаются и утверждаются послѣ многихъ лѣтъ существованія. Мы встрѣчаемъ въ Сибири множество мѣстъ, которыя долго считались на картѣ пустынями, но впо-

Digitized by Google

слѣдствіи, когда являлось межеваніе, оно находило готовыя обстроенныя деревни и довольно значительныя завоеванія колонизаціи. Такъ, въ настоящее время производится колонизація по правымъ притокамъ Иртыша, по Ую, Шишу, Тарѣ, соединяя огромный Васюганскій волокъ въ тарскомъ округѣ и пролагая дорогу на сѣверъ; такъ идетъ колонизація по Карасуку, въ барнаульскомъ округѣ, по Бухтармѣ и т. д. Въ семирѣчинской области крестьяне также садятся оазисами среди пустынь, ищутъ укромныхъ мѣстъ на границахъ и иногда селятся около самыхъ китайскихъ владѣній. Но и внутри Сибири, въ глухихъ лѣсахъ и тайгахъ, находятся еще до-нынѣ скиты, заимки, хутора и расчистки. Къ сожалѣнію, эти несчастные піонеры колонизаціи, часто принимаемые за бѣглыхъ, возбуждаютъ, при открытіи ихъ, самое безжалостное отношеніе къ нимъ со стороны патріархальной сибирской полиціи, которая выжигаетъ эти поселки съ хлѣбами, съ обзаведеніемъ, а люди цѣлые годы томятся въ тюрьмахъ.

Русское крестьянство, боясь преслѣдованій и изыскивая свободныя мѣста, стремится все глубже и глубже къ азіатскимъ границамъ. Извѣстно, что прежде чѣмъ прибыли географы, а также и пограничныя власти къ подножьямъ Катунскихъ альпъ въ вершинахъ р. Катуни, какъ они были уже посѣщены бухтарминскими охотниками-крестьянами, расположившимися въ сосѣдствѣ ихъ деревнями. Горячіе рахмановскіе ключи названы по имени крестьянина Рахманова. Относительно весьма смѣлаго проникновенія крестьянъ и колонизаторовъ на наши окраины, мы позволимъ себѣ привести два характеристическихъ разсказа изъ недавняго времени. Во время нашего военнаго движенія на Кульджу, на границѣ былъ поставленъ военный постъ, близъ р. Борохудзиръ, гдѣ оставлена была сотня казаковъ и военный лазаретъ,—вдругъ около этого мѣста появляются телѣги переселенцевъ. Оказалось, что они пришли поселяться. Какъ ихъ ни разубѣждали, что здѣсь военная линія и заселеніе преждевременно,—крестьяне рѣшились ждать генерала, управлявшаго краемъ. Пріѣхалъ начальникъ и также представлялъ имъ разныя неудобства селиться на мѣстахъ не вполнѣ безопасныхъ, пушилъ ихъ даже, что далеко зашли, но крестьяне, прошедши дальній путь, ни за что не хотѣли уходить и просили записать ихъ хотя въ казаки. Съ разрѣшенія семирѣчинскаго губернатора, наконецъ, они были записаны, и скоро сермяжный строй, подъ руководствомъ казаковъ, учился артикулу, а между прочимъ, и завелъ пашни, т.-е. удовлетворилъ главной потребности. Нынѣ

Digitized by Google

Борохудзиръ — цвѣтущее русское осѣдлое населеніе семирѣчинской области. Второй примѣръ. Одинъ начальникъ, объѣзжая границы, узналъ, что казаки ведутъ споры съ мужиками. — Да какіе же здѣсь мужики?—спрашиваетъ изумленный начальникъ. Отправившись въ экспедицію, онъ увидѣлъ въ неприступныхъ горахъ выросшую самовольно русскую деревню.—Кто вы такіе? —спрашиваетъ пограничный начальникъ.—Мы россійскіе!—Кто вамъ дозволилъ здѣсь переселиться и какъ вы смѣли? — Мы не на твоей землѣ живемъ,—отвѣчали переселенцы.—А на чьей же? —Мы киргизскому султану, что̀ въ Китаѣ живетъ, другой годъ дань за землю платимъ,—отвѣчали наивные русскіе колонисты, вообразившіе, что они находятся въ китайскихъ предѣлахъ,—на самомъ дѣлѣ, они были еще въ предѣлахъ Россіи, хотя въ такой мѣстности, которую знали плохо и русскіе. На границахъ минусинскаго округа, по Енисею, уже образовываются заселенія. Послѣдніе путешественники, бывшіе въ Монголіи, удостовѣряютъ, что сибирскія заимки, хутора, встрѣчаются далеко за русской границей на монгольскихъ земляхъ, русскіе люди давно проникаютъ сюда, хотя географическая наука только-что начинаетъ открывать эту terram incognitam.

Заселеніе и передвиженіе народа въ Сибири, такимъ образомъ, постоянное. Иногда переселенцы цѣлыми массами наполняютъ мѣстности и неизвѣстно куда исчезаютъ. Такъ, въ 1874 г., заявлялось въ печати, что томскую губернію наполнили вятскіе переселенцы, въ числѣ 1,700 человѣкъ, которые долго отыскивали возможности перечислиться сюда, но встрѣтивъ много препятствій, разсыпались Богъ знаетъ куда, и до 200 человѣкъ перебралось въ енисейскую губернію. Когда-то шедшіе на Амуръ переселенцы, не дойдя до мѣста, также разсыпались по Сибири. Въ 1875 году, на югѣ томской губерніи въ обширномъ резервуарѣ переселеній за послѣднее время оказалось множество лицъ водворившихся, но не перечисленныхъ; когда поднятъ былъ вопросъ о приписке этихъ лицъ на мѣстахъ водворенія, ихъ оказалось 1,345 семей, въ числѣ ихъ были и шедшіе на Амуръ. По другимъ же свѣдѣніямъ, такихъ переселенцевъ насчитывалось 2,177 душъ, но, вѣроятно, и это не все число; когда получено было разрѣшеніе оставить переселенцевъ на мѣстѣ водворенія, мѣстное начальство было поставлено въ новое недоумѣніе: вмѣсто прежнихъ лицъ, которыя опять исчезли въ колонизаціонномъ потокѣ, оказались все новые самовольные переселенцы.— Въ губерніяхъ Восточной Сибири, по послѣднимъ извѣстіямъ, оказалось только оффиціально извѣстныхъ до 200 семей само-

Digitized by Google

вольныхъ переселенцевъ, а сколько еще ихъ не приведено въ извѣстность. Нынѣ о такихъ переселенцахъ возбуждаются постоянныя ходатайства, такъ какъ возвращеніе ихъ массами изъ Сибири является дѣломъ невозможнымъ, оно поведетъ къ уничтоженію цѣлыхъ поселеній и неразсчетливому разоренію людей,—такимъ образомъ, правительство фактически уже примиряется съ этимъ народнымъ движеніемъ.

По этимъ фактамъ можно судить, съ какимъ крупнымъ и грандіознымъ явленіемъ русской жизни мы имѣемъ дѣло. Исторія этихъ движеній и многообразное проявленіе всѣхъ формъ и видовъ колонизаціи подлежитъ еще многимъ внимательнымъ изслѣдованіямъ и, вѣроятно, откроетъ замѣчательныя черты для наблюдателя народной жизни. Обратимся же теперь къ ея результатамъ и разселенію пришельцевъ на новыхъ земляхъ. Приведенные факты доказываютъ, какъ давно русскій народъ намѣтилъ нашъ сѣверо-востокъ. Разселеніе по Сибири избрало различные пути, обусловленные народными инстинктами, экономическими потребностями и физическими условіями мѣстности. Въ исторіи колонизаціи Востока и Сибири мы видимъ, что колонизація направлялась сначала сѣверными путями, вѣтвилась по сибирскимъ рѣкамъ, единственнымъ удобнымъ путямъ сообщенія древняго времени. Это былъ первый остовъ колонизаціи. Расположившись на двухъ обширныхъ бассейнахъ сибирскихъ рѣкъ, Иртыша и Оби, колонизація достигла крайняго сѣвера. Огромныя пространства и пустыни, раздѣлявшія водораздѣлы, оставались незаселенными, такими были Тарскій волокъ, Бараба до Томска и пространство до Енисея. Съ главныхъ рѣкъ разселеніе располагалось по-немногу по притокамъ съ низу рѣкъ къ вершинамъ, это называлось по сибирски «вывершить рѣку». При этомъ населеніе начало вѣтвиться и избирать мѣста преимущественно по южнымъ притокамъ рѣкъ, приближаясь къ болѣе плодороднымъ мѣстностямъ. Такой путь колонизаціи по рѣкамъ отъ мѣстъ менѣе плодородныхъ къ болѣе плодороднымъ есть естественный путь разселенія всѣхъ народовъ. Законъ этотъ замѣтилъ и выяснилъ, между прочимъ, Кэри [1]). «Воздѣлываніе земли идетъ въ глубь страны къ плодороднымъ долинамъ»,—говоритъ онъ. Таковъ путь былъ разселенія въ Америкѣ въ Массачузетѣ, Нью-Норкѣ, Нью-Гавенѣ, въ Нью-Джерсеѣ по теченію Делавары, въ Висконсинѣ, въ сѣверной Каролинѣ, на Миссисипи и въ Техасѣ; таково же было заселеніе Мексики, Вестъ-

[1]) Руководство къ соціальной наукѣ, Кэри, стр. 93, 98, 194 и др.

Digitized by Google

Индіи и Южной Америки. Естественнымъ стремленіемъ переселенца является занять болѣе сносныя мѣста для жизни, хотя и менѣе плодородныя. Только въ позднѣйшій, второй періодъ, русская колонизація заняла среднюю земледѣльческую полосу Сибири, и такимъ путемъ образованы самые заселенные округа тобольской и томской губерній. Наконецъ, съ присоединеніемъ степей, съ расширеніемъ русскихъ границъ къ Китаю и оттѣсненіемъ кочующихъ ордъ, очистился югъ Сибири. Въ климатическомъ отношеніи это лучшая полоса. Русское населеніе уже въ прошломъ столѣтіи подвигалось къ границамъ и начинало населять предгорья Алтая, но пограничныя линіи полагали предѣлъ попыткамъ колонистовъ и промышленниковъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія, осѣдлая крестьянская колонизація прорвала эти линіи и началось заселеніе огромной территоріи Алтая. Наконецъ, къ Сибири присоединились новыя области на югѣ, таковы были Семирѣчье и Амуръ. Для русской колонизаціи открылось новое обширное поле.

Разсматривая современное направленіе русскихъ переселеній въ предѣлахъ Сибири, мы видимъ, что русскій народъ избираетъ для поселеній преимущественно югъ. Такъ, переселенцы идутъ въ семирѣчинскую область, на югъ томской губерніи въ Алтай, въ минусинскій край енисейской губерніи. Трудно избрать лучшія мѣста по плодородію и богатымъ экономическимъ условіямъ.

Вся Алтайская мѣстность съ горами, долинами, лѣсами, изобиліемъ минеральныхъ богатствъ, составляетъ драгоцѣннѣйшій перлъ Сибири. Лѣтъ сорокъ назадъ началась колонизація, и тѣмъ не менѣе создались уже цѣлыя цвѣтущія волости. Въ 5-ти новообразованныхъ волостяхъ находится до 50,000 жителей. Во всемъ бійскомъ округѣ 203,855 жителей обоего пола. Съ 1866 по 1878 годъ сюда перечислилось до 8,124 крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Здѣсь совершается великая колонизаціонная работа русскаго населенія. Несмотря на запрещеніе, крестьянство проникло въ районъ инородческихъ земель, куда переселеніе не разрѣшалось, и занимаетъ нынѣ калмыцкія земли. Наконецъ, крестьянство упорно стремится разомкнуть государственныя границы—и нынѣ находится у предѣловъ Китая.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ мы видѣли цвѣтущія поселенія и пользующіяся замѣчательнымъ благосостояніемъ. Кромѣ Алтая, мы должны привести другой крупный примѣръ колонизаціонныхъ и культурныхъ завоеваній. Это—заселеніе семирѣчинскаго края. Семирѣчье было присоединено почти одновременно съ

Digitized by Google

Амуромъ; такое названіе носятъ плодоносныя долины Или, около озера Балхаша, на русской границѣ,—нынѣ это цѣлая область, въ которую стремится русское переселеніе. Вотъ что сообщается объ этомъ краѣ въ послѣднее время. Семирѣчинскій край, населеніе котораго въ 1872 году простиралось до 543,000 душъ съ туземцами, имѣетъ нынѣ 31,800 русскихъ жителей, но съ каждымъ годомъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше переселенцевъ.

Послѣ 19 февраля 1861 года, въ Семирѣчье стали переселяться малороссы, тамбовцы, воронежцы и вятскіе вотяки; черезъ десять лѣтъ ихъ уже насчитывалось до 7,000; всѣ они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ. Растительная почва, при орошеніи, изумительна. По разсказу автора замѣтокъ о Семирѣчинскомъ краѣ («Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1876, № 6 — 8), лѣтъ восемь назадъ, при церковномъ домѣ въ малой Алматинской станицѣ, было воткнуто до 500 тополевыхъ колышковъ,—теперь они стали деревьями, имѣющими болѣе 5 вершковъ въ отрубѣ; боярка вырастаетъ болѣе 3 саженъ, въ отрубѣ—до 5 вершковъ; облѣпиха —тоже; бѣлая акація—до 8 саженъ. Прививки къ плодовымъ деревьямъ даютъ въ первое же лѣто большіе побѣги, которые приносятъ въ слѣдующемъ году плоды,—вообще тамъ не растетъ только то, что не посажено». «Семирѣчинскій край изобилуетъ всѣмъ, необходимымъ для человѣка: въ горахъ Алатаускихъ и Тяньшанскихъ находятся серебряныя, мѣдныя, свинцовыя, никкелевыя, желѣзныя и иныя руды; большое природное сокровище составляютъ цѣлебные минеральные источники, теплые и холодные. Иссыкъ-кульскіе ключи имѣютъ весьма высокую температуру. Въ малой Алматникѣ, близъ Вѣрнаго, находится источникъ, вода котораго, отъ множества выдѣляющагося газа, кажется кипящею и такъ холодна, что окунувшемуся въ нее, въ жаркую лѣтнюю пору, едва ли можно выдержать леденящую температуру этого Нарзана. Здоровость и живописность Семирѣчинскаго края дополняютъ общую картину и невольно привлекаютъ къ нему симпатіи».

Приводимъ также изъ «Туркестанскаго Ежегодника» описаніе станицы Лепсинской, гдѣ колонизуется нынѣ крестьянство. Лепса — одна изъ 7-ми рѣкъ, впадающихъ въ Балхашъ. Мѣстность Лепсинской станицы, составлявшая прежде любимое кочевье джунгарскихъ (калмыцкихъ) хановъ, замѣчательна также своимъ превосходнымъ, благорастворенным климатомъ. Весна начинается здѣсь въ концѣ апрѣля. Верховья Лепсы, лѣтомъ мало-

Digitized by Google

водныя, превращаются въ это время въ стремительные потоки, увлекающіе камни и деревья. Весною идутъ проливные дожди, увлажающіе почву, а лѣтомъ нерѣдко случаются сильныя грозы въ горахъ. Вслѣдствіе возвышеннаго мѣстоположенія долины Чубаръ-агачъ (Лепсинской), лѣтомъ тамъ зной не такъ ощутителенъ, а ночи даже довольно холодны. Лѣтомъ дожди бываютъ рѣдко, но травы однако же не высыхаютъ, какъ въ киргизской степи. Яркая зелень, испещренная цвѣтами, ежедневно освѣжается по утрамъ росою и сохраняетъ свѣжесть до осени, которая обыкновенно начинается въ октябрѣ и сопровождается густыми туманами. Въ ноябрѣ выпадаетъ снѣгъ, а въ декабрѣ уже устанавливается полная зима.

Таково же описаніе долины Борохудзира, гдѣ, вслѣдъ за русскимъ отрядомъ, также явилось крестьянство. Долина Борохудзирская, лежащая по обѣимъ сторонамъ рѣки Борохудзиръ, орошаемая холодными ключами и арыками (ирригаціонными каналами), проведенными изъ самой рѣчки, изобилуетъ превосходными пастбищными и луговыми мѣстами. Растущая здѣсь въ большомъ количествѣ трава и клеверъ весьма сочны и питательны. Почва долины плодородна и удобна для хлѣбопашества, доказательствомъ чему служитъ хорошій урожай хлѣба (самъ-25 и 30), въ особенности у китайскихъ эмигрантовъ. На киргизскихъ же пашняхъ, расположенныхъ между развалинами пикетовъ Ку и Шакыръ, урожай пшеницы и проса бываетъ самъ-15 и 20. Огородныя овощи также родятся въ изобиліи. На Борохудзирѣ эмигрантами разводится хлопокъ, который однако, по достоинству своему, уступаетъ бухарскому. Берега рѣки Борохудзира покрыты тальникомъ и мѣстами густымъ камышомъ. Лѣсъ на топливо, преимущественно тополь (туранты) и кустарникъ саксаулъ, находится въ 25 верстахъ отъ отряда: первый на рѣкѣ Или, а второй—на урочищѣ Айдарлы-кумъ; какъ тотъ, такъ и другой ростутъ въ изобиліи. На Борохудзирѣ водятся утки, кулики и множество фазановъ, а въ камышахъ встрѣчаются и кабаны, стада которыхъ бываютъ отъ 50 до 80 головъ.

Кокъ-кезень—при слiяніи рѣкъ Большого и Малаго Усека. Мѣстность этого урочища живописна, богата водою и изобилуетъ хорошими пастбищными и луговыми мѣстами; въ лѣсѣ также нѣтъ недостатка: на долинѣ урочища растутъ въ изобиліи — тополь, тальникъ, береза, урюкъ и кустарники облѣпихи, барбариса и шиповника. Берега Усека покрыты высокимъ и густымъ камышомъ, гдѣ скрывается множество кабановъ. Строевой еловый лѣсъ растетъ въ верховьяхъ рѣки Усека, въ горахъ, на отвѣсныхъ

Digitized by Google

скалахъ. Земля урочища, по отзывамъ киргизовъ и китайскихъ эмигрантовъ, плодородна и удобна для хлѣбопашества.

Въ IV томѣ «Ежегодника», изданномъ туркестанскимъ статистическимъ комитетомъ, извѣстный нашъ ученый, г. Сѣверцевъ, указываетъ благодатныя и роскошныя мѣста для поселеній къ югу отъ Исыкъ-куля.

Кромѣ Семирѣчинскаго края, является не менѣе привлекательнымъ для переселеній Минусинскій округъ, енисейской губерніи. Минусинскій округъ занимаетъ самую южную часть енисейской губерніи, — это житница для цѣлаго края. Округъ раскидывается на 105,775 квадратныхъ верстъ; обширный Енисей прорѣзываетъ округъ во всемъ направленіи, на югѣ высится Саянскій хребетъ, пуская горные отроги. Степи, лѣса и альпійскіе луга чередуются въ этой роскошной мѣстности, горныя рѣки орошаютъ ее и способствуютъ богатой растительности, горы представляютъ разнообразныя кристаллическія породы. Минеральныя богатства округа чрезвычайно значительны: каменный уголь, соль, желѣзо и золото, давшее возможность развиться широко золотопромышленности. Нынѣ округъ заселенъ 45,000 душъ крестьянъ, 2,785 осѣдлыхъ инородцевъ и 23,800 кочевыхъ. Населеніе въ округѣ тѣмъ не менѣе прибываетъ путемъ колонизаціи. Земледѣліе играетъ важную роль между занятіями жителей и особенно распространено въ долинахъ Енисея и въ рѣчныхъ областяхъ Ои и Тубы. При необыкновенномъ плодородіи почвы, Минусинскій округъ, въ отношеніи земледѣлія, занимаетъ первое мѣсто въ губерніи и снабжаетъ хлѣбомъ золотые пріиски. Подъ хлѣбопашествомъ въ округѣ до 50,000 десятинъ и занято трудомъ 20,000 ж. муж. пола. Скотоводство ведется также на широкихъ размѣрахъ. Въ округѣ до 118,000 лошадей, 130,000 крупнаго рогатаго скота и 200,000 овецъ. Но еще болѣе привольныя мѣстности расположены къ югу округа; мѣста эти не заняты и влекутъ поселенца въ свои неисповѣдимо-богатыя и прекрасныя нѣдра. Въ Минусинскомъ краѣ населеніе также стремится примкнуть къ границамъ Китая и поселиться въ вершинахъ Енисея, какъ и въ западной Сибири —въ вершинахъ Катуни и Иртыша. Здѣсь, сначала въ глухихъ мѣстахъ, какъ на Усѣ, образовались раскольничьи поселенія, долго невѣдомыя и слывшія подъ именемъ мионческаго «Бѣловодья». Теперь сюда стремятся проникнуть крестьяне, и колонизація ихъ, по свидѣтельству мѣстнаго жителя, была бы въ высшей степени благодѣтельна для Усинскаго края.

Кромѣ этихъ мѣстъ, населеніе стремится также въ наши

Digitized by Google

киргизскія степи: такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ уже прибываютъ переселенцы въ Кокчетавскій округъ, акмолинской области, —лучшій округъ во всей степи; нынѣ поселено здѣсь до 600 душъ.

Подобные примѣры показываютъ, съ какимъ вѣрнымъ чутьемъ и знаніемъ народъ избираетъ себѣ мѣста для поселеній. Распространеніе русскаго населенія въ три вѣка на обширной территоріи Сибири служитъ достаточно наглядным примѣромъ той пользы и той существенной заслуги, какую принесла наша колонизація. Тѣмъ не менѣе представляется вопросъ: миновала ли надобность въ этой колонизаціи, представляется ли необходимымъ поощреніе переселеній въ ея цѣляхъ—или, напротивъ, имъ пора положить предѣлъ?

Результаты нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній до сихъ поръ были значительны, у насъ заняты огромныя пространства новыхъ земель. Нельзя сказать, чтобы наша народная колонизація не сдѣлала доселѣ успѣховъ и была робкою. Занятіе Сибири, отъ Урала до береговъ Тихаго океана, съ Камчаткой, русской Америкой и островами, въ весьма короткій періодъ, было не малымъ подвигомъ, обнаружившимъ нашу колонизаціонную способность не ниже другихъ народовъ. Духъ стараго землепроходца, духъ піонерства, протореніе тропъ, не умеръ и до сихъ поръ въ русскомъ народѣ: русскіе переселенцы идутъ впереди путешественниковъ, впереди военныхъ отрядовъ и посѣщаютъ невѣдомыя мѣста Средней Азіи—въ родѣ Чернаго Иртыша, вершинъ Енисея и Лобъ-Нора [1])—и тѣмъ не менѣе результаты нашей колонизаціи слабы, хотя порывы широки. Несмотря на вѣковыя заселенія, наша азіатская территорія все еще остается пустынною и слабо заселенною. Физическія условія были слишкомъ неодолимы въ новой странѣ, а культурныя силы населенія—слишкомъ слабы. Когда-то сообщеніе съ Сибирью чрезъ Уральскій хребетъ происходило разъ въ годъ, движенія совершались по рѣкамъ, населеніе—обязанное ямской повинностью—разбѣгалось, поселенное насильно на трактахъ—вымирало. Всѣ усилія правительства были сосредоточены въ первое время—установить сообщенія по главнымъ дорогамъ и соединить раскиданные передовые посты русской осѣдлости, намѣченные въ завоевательный періодъ. Бо́льшею частью сама колонизація была осуждена служить средствомъ заселенія трактовъ и проведеніемъ путей. Это видно изъ существующаго распредѣленія жителей по Сибири. На поселенія по трактамъ въ самой насе-

[1]) Г. Пржевальскій, посѣтивъ озеро Лобъ-Норъ, узналъ, что здѣсь были и прожили зиму русскіе раскольники-переселенцы.

Digitized by Google

ленной части края выпадаетъ 1/5 часть жителей, вообще же въ тобольской и томской губерніяхъ 1/4 разселена по дорогамъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ каинскомъ, на почтовомъ трактѣ 93,31% жителей округа. Такимъ образомъ, рѣдкое населеніе, тянущееся нитями по длиннымъ сибирскимъ дорогамъ, едва связываетъ отдаленныя пространства, куда закинула исторія русское населеніе. Несмотря на борьбу съ разстояніями и усиленное проведеніе путей во все прошлое столѣтіе, сообщенія въ краѣ представляютъ огромныя трудности. На всю огромную территорію въ 240,000 квадратныхъ миль, мы видимъ съ запада только одинъ торговый путь въ Сибирь, соединяющій Азію съ Европою черезъ Уралъ. На всемъ громадномъ протяженіи южной сибирской границы существуетъ только четыре торговыхъ прохода, обширные промежутки между этими пунктами непроницаемы для внѣшней торговли. Югъ Сибири отдѣленъ обширными степями на тысячи верстъ, какъ отъ Средней Азіи, Туркестана, такъ и внутренняго Китая. На востокѣ, несмотря на примыкающій океанъ, существуютъ только три значительныхъ порта, и вся береговая полоса остается мертвымъ пространствомъ. Еще болѣе безлюденъ сѣверъ Сибири съ устьями величайшихъ рѣкъ въ мірѣ, текущихъ съ юга. Такимъ образомъ, страна даже съ внѣшней стороны кажется уединенною и недоступною, а населеніе отрѣзаннымъ; немногія дороги составляютъ только первую брешь, пробитую въ этотъ замкнутый міръ. Что касается внутреннихъ трактовъ, то они также едва намѣчены предшествовавшей колонизаціей. Мы видимъ одну транзитную дорогу, тянущуюся на разстояніи 6,000 верстъ, пробитую кяхтинской торговлей среди пустынныхъ мѣстностей. Сообщенія въ сторону, по проселкамъ, представляютъ первобытные пути среди дебрей и болотъ; мѣстами эти дороги въ лѣсахъ превращаются въ тропинки для верховыхъ, а во всей лѣсной и южной гористой Сибири сообщенія и перевозки тяжестей производятся верхомъ, вьюками. Алтай представляетъ образецъ вьючныхъ дорогъ: проѣзды здѣсь, среди скалъ, даже верхомъ совершаются съ опасностью жизни. Въ общемъ, населеніе, располагающееся лишь по нѣкоторымъ рѣкамъ и главнымъ трактамъ, составляетъ не болѣе какъ тригонометрическую сѣть, или едва намѣченныя черты будущей колонизаціи; промежутки же этой сѣти составляютъ пустыни [1]). Рѣдкость населенія Сибири обнаруживается тѣмъ, что

[1]) Мы позволимъ себѣ попросить обратить вниманіе на карту Сибири, гдѣ остаются такія огромныя пространства незаселенныя, какъ пространство между

Digitized by Google

тобольская губернія, превосходящая вдвое болѣе, по пространству, самую значительную изъ губерній россійскихъ, занимаетъ однако сороковое мѣсто по густотѣ населенія и заключаетъ всего 46 жителей на квадратную милю. Томская губернія—64, но есть области, какъ Амурская, гдѣ приходится одинъ житель на квадратную милю. Предоставляемъ судить о сравнительной населенности, когда и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи приходится по 2,500 и по 2,000 жителей на то же пространство (кв. милю). Даже нѣкоторыя мѣстности Средней Азіи, наполненныя кочевымъ населеніемъ, являются гуще населенными, чѣмъ остальныя сибирскія губерніи,—какъ, напримѣръ, Туркестанъ.

Обратимъ вниманіе теперь на пространства, доставшіяся намъ въ удѣлъ для колонизаціи. Одна томская губернія обладаетъ 15,688 квадратныхъ миль или 752,068 кв. верстъ, составляя 18% пространства всей европейской Россіи, превосходя европейскія владѣнія: Великобританію въ 2½ раза, Пруссію въ 3 раза и Францію въ 1½ раза. Тобольская губернія имѣетъ 26,749 кв. миль или 1.295,788 кв. верстъ (съ областями вся западная Сибирь заключаетъ 61,196 кв. миль). Если мы представимъ себѣ хотя часть этого пространства, а именно всю среднюю черноземную полосу Западной Сибири, способную безусловно къ заселенію, населенною такъ же, какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51.360,000 жителей,—если населить ее подобно Франціи, то 114.700,000, и подобно Англіи—285.000,000. Между тѣмъ все нынѣшнее населеніе тобольской и томской губерніи равняется всего 2.179,483. Вся же Сибирь, по недавнимъ свѣдѣніямъ, имѣетъ едва 3.500,000 душъ русскаго населенія. Въ виду этого, нельзя не признать, что заселеніе Сибири, принимая во вниманіе ея уже трехсотлѣтнее существованіе, шло весьма медленно. Съ ограниченіемъ попытокъ свободнаго переселенія, правительство когда-то думало достигнуть увеличенія населенія ссылкою въ Сибирь, но опытъ этотъ, какъ доказываютъ исторія ссылки и существующее ея положеніе, не привелъ ни какимъ результатамъ. Ссылка наполняла Сибирь бездомнымъ, несчастнымъ пролетаріатомъ, который не создавалъ осѣдлаго гражданскаго элемента, но постоянно вымиралъ. Ссылка оставляла едва ⅕ людей на мѣстахъ, остальные

Иртышемъ и Обью, къ сѣверу отъ Тары на Нарымъ и Томскъ,—наконецъ, весь Алтай, степь, значительная часть Марінскаго округа, не говоря уже о Восточной Сибири.

Digitized by Google

исчезали или погибали. Нечего говорить, что такой контингентъ весьма вредно вліялъ на гражданственность, онъ не обновлялъ страны, не оживлялъ производительности, но деморализировалъ общество, портилъ его соки и составлялъ помѣху и опасность для свободнаго гражданина. Попытка колонизаціи ссыльными Сибири должна такимъ образомъ скоро покончиться въ интересахъ страны. Полезно сравнить въ этомъ случаѣ успѣхи заселенія новыхъ земель европейцами. Американскіе Штаты, благодаря привлеченію свободной колонизаціи, обладаютъ уже 40.000,000 населенія. Австралія, получившая въ 1788 году 757 человѣкъ ссыльныхъ, нынѣ, благодаря эмиграціи свободной, имѣетъ болѣе 2.000,000 свободныхъ гражданъ. Даже Канада имѣетъ населеніе 3.672,116 человѣкъ, то-есть чуть-ли не болѣе Сибири.

Чтобы понять, насколько европейскія колоніи обязаны увеличеніемъ своего населенія свободному притоку колонизаціи, достаточно указать, что одни Соединенные-Штаты приняли, съ 1820 по 1870 годъ, семь милліоновъ пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ переселенцевъ!

Результаты нашей колонизаціи показываютъ, что роль наша въ Сибири еще далеко не окончена. Положеніе нашихъ окраинъ и ихъ пустынность удостовѣряютъ въ чувствуемой потребности: колоніи наши слабы, безсильны и бѣдны. Мы далеко не воспользовались всѣми выгодами нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Между тѣмъ такія выгоды могутъ быть извлечены для населенія при одномъ условіи заселенія пустынныхъ пространствъ. Изъ всего этого остается вывести одно заключеніе, что періодъ нашихъ разселеній и колонизаціи, какъ и задачи ея, не прекратились, но только начинаются. Когда внутри государства чувствуется экономическій кризисъ и возстаетъ уже грозный призракъ малоземелья, тогда переселенія и колонизація должны возбудить особое вниманіе. Нужды нашего крестьянства отъ малоземелья уравновѣшиваются избыткомъ земель въ другихъ мѣстахъ, и если народный инстинктъ самъ научился удовлетворять своимъ потребностямъ путемъ переселеній, то странно было бы отнимать у него эту возможность. На новыхъ мѣстахъ Сибири народъ находитъ удовлетвореніе своимъ насущнымъ потребностямъ въ землѣ. Остается, стало быть, направить только колонизаціонное движеніе и воспользоваться уже существующей наклонностью къ переселеніямъ народа—къ выгодѣ настолько же населенія, какъ и къ пользамъ государства.

Сибирь и наши сѣверо-восточныя владѣнія Азіи въ этомъ

Digitized by Google

случаѣ представляютъ многочисленныя выгоды. Въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для земледѣлія и скотоводства, слѣдовательно гораздо бо́льшій выборъ этихъ земель для переселенца. По характеру страны, здѣсь есть мѣстности степныя, лѣсистыя, земледѣльческія равнины и горныя пространства; климатъ разнообразенъ, начиная съ сурового сѣвера, кончая южными широтами южнаго Алтая, Бухтармы, Зайсана, Семирѣчья и Амура; все это можетъ удовлетворить привычкамъ самаго разнообразнаго населенія, начиная съ малоросса, кончая архангельцемъ. Далѣе, Сибирь представляетъ полную возможность просторнаго экстенсивнаго хозяйства, обширность луговъ благопріятствуетъ скотоводству; во многихъ мѣстностяхъ, населеніе можетъ пользоваться почти по 60 и по 100 десятинъ на душу. Обыкновенный надѣлъ равняется отъ 18 до 21 десятины, но при перелогахъ дается вдвое. Въ Сибири большинство земель государственныхъ, исключая только горнаго алтайскаго вѣдомства, гдѣ кабинетскія земли оплачиваются 6-тирублевымъ оброкомъ съ души, сколько бы кто ни владѣлъ землею. Надѣленіе переселенцевъ землею поэтому переходитъ въ вѣчное ихъ пользованіе совершенно безплатно. Для государственныхъ крестьянъ въ Сибири еще не совершенъ окончательный надѣлъ, да и едва ли можетъ быть скоро совершенъ, такъ какъ огромныя пространства остаются еще необмежеванными. Пріобрѣтеніе государственныхъ земель безъ особенной платы и ренты составляетъ драгоцѣнную особенность Сибири передъ всѣми другими мѣстностями. Переселенецъ, привлекаемый въ другія мѣста на земли собственниковъ-землевладѣльцевъ, не пользуется такими выгодами; самое привлеченіе переселенцевъ обусловлено выгодами и барышами бывшихъ помѣщиковъ, а рента или выкупъ земли ставитъ переселенца въ зависимое и часто кабальное отношеніе къ владѣльцу земли. Доходъ отъ земледѣлія идетъ не на поправленіе земледѣльца и усиленіе его хозяйства, но на потребу землевладѣльца, причемъ улучшеніе земли и трудъ, прилагаемый къ ней, становится достояніемъ только лица, которому принадлежитъ земля; поэтому привлеченіе переселенцевъ на владѣльческія земли есть прямой разсчетъ однихъ, окупленный ограниченіемъ хозяйствъ и дохода другихъ. Необременяемый рентой и платой землевладѣльцу, переселенецъ въ Сибири получаетъ, наоборотъ, полную возможность расширить свое хозяйство, пріобрѣтаетъ весь доходъ изъ земледѣлія въ свою пользу, и такимъ образомъ все благопріятствуетъ здѣсь его свободному труду и широкому примѣненію силъ.

Digitized by Google

Кромѣ выгодъ переселенца, съ колонизаціей Сибири выдвигаются и экономическія выгоды государства: государству выгоднѣе имѣть колонію заселенною, чѣмъ пустынною, естественныя богатства которой остаются доселѣ нетронутыми; въ три столѣтія мы едва коснулись природныхъ даровъ ея — и коснулись, должны сознаться, самымъ неразсчетливымъ образомъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что переселенцы изъ европейской Россіи, селясь между старожилами, вносятъ улучшенные способы хозяйства и культуры, которые замѣняютъ прежніе способы захвата и истощенія почвы. Увеличеніе населенія въ Сибири будетъ содѣйствовать развитію промышленности, созданію фабрикъ и заводовъ, для чего доселѣ недоставало на окраинѣ рабочихъ рукъ. При богатой природѣ, прекрасной почвѣ и лугахъ, при огромныхъ залежахъ минералогическихъ богатствъ, Сибирь можетъ приносить въ сто разъ болѣе дохода, чѣмъ теперь. Привлеченіемъ переселеній усилится въ Сибири русскій элементъ; колонизація придастъ ему болѣе прочности, стойкости и окажетъ бо́льшее вліяніе на инородцевъ, способствуя ихъ гражданственности. При преобладаніи инородцевъ надъ русскими, мы видимъ ослабленіе и вырожденіе русскихъ. Тамъ, гдѣ русское населеніе въ Сибири преобладаетъ, мы видимъ поглощеніе, ассимиляцію инородцевъ. Перевѣсъ русскаго населенія на востокѣ окажетъ также значительное вліяніе и на наше политическое положеніе въ Азіи. Онъ дастъ возможность развернуть національныя силы, создать дѣйствительную гражданственность, которой недостаетъ намъ при всѣхъ нашихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. Только гражданственность укрѣпитъ наши владѣнія и обезпечитъ ихъ цвѣтущую будущность. Приступить къ этому намъ становится тѣмъ необходимѣе, что азіатскія государства, какъ Японія и даже Китай, начинаютъ выходить изъ положенія застоя, и при помощи европейскаго вліянія могутъ явиться серьёзною силою. Инстинктъ цивилизаціи не можетъ быть чуждымъ и имъ, и, разъ ступивъ на этотъ путь, они пойдутъ по немъ неизбѣжно въ силу необходимости. Мы не можемъ уже болѣе пренебрегать нашими владѣніями на востокѣ и ихъ культурою хотя ради того, чтобы не отстать предъ остальными азіатскими государствами. Задачи, оставляемыя для будущаго, приблизились къ намъ незамѣтно, и часъ дѣятельности на нашемъ востокѣ пробилъ.

Имѣя въ виду перечисленныя выгоды и весьма серьёзныя указанія, мы должны обратить всю энергію на колонизацію Сибири, воспользовавшись всѣми благопріятствующими для этого

Digitized by Google

условіями времени и обстоятельствъ. Пропущенное нами время до сихъ поръ должно быть наверстано; одними военными кордонами трудно охранять наши обширныя восточныя границы безъ помощи народной колонизаціи, и послѣдніе толки объ ожидаемомъ столкновеніи съ Китаемъ могли убѣдить каждаго въ трудностяхъ защищать край, въ случаѣ нападенія сосѣдей, которые могутъ при томъ воспользоваться средствами европейской цивилизаціи.

Н. Ядринцевъ.

СЪ ВОЛКАМИ ЖИТЬ...

Сцены и характеры изъ новаго романа г-жи Уйда: «Moths».

Имя г-жи Уйда не разъ встрѣчалось на страницахъ нашего журнала, и въ общихъ обзорахъ новѣйшей англійской беллетристики, и въ извлеченіяхъ изъ произведеній этого талантливаго автора. Потому, не повторяя уже сказаннаго въ журналѣ, ограничимся однимъ указаніемъ на значеніе новаго романа въ ряду фактовъ прежней дѣятельности г-жи Уйда. Новый романъ, въ нашихъ глазахъ, составляетъ переходную ступень въ ея творческой дѣятельности; прежній, нѣсколько искусственный, жанръ какъ будто оставляется авторомъ, отъ чего, конечно, читатель можетъ только выиграть, такъ какъ нельзя не предпочесть вычурной, бьющей на эффектъ фабулѣ — простой, выхваченный изъ ежедневной жизни, и потому самому сильно-дѣйствующій на душу, сюжетъ.

Обыкновенная исторія молодой, умной дѣвушки, попавшей, въ силу обстоятельствъ, въ совершенно чуждую ей среду, страданія, борьба, сомнѣнія, столкновенія съ окружающими лицами, вся нравственная ломка, которую ей при этомъ пришлось вынести — вотъ, простая, но всегда интересная тэма для романа.

Съ тонкимъ юморомъ и неподражаемой наблюдательностью, рисуетъ намъ г-жа Уйда личность матери героини, въ которой, словно въ фокусѣ, сосредоточилось все, что антипатично ея дочери. Лэди Долли — свѣтская женщина до мозга костей; свѣтъ — ея фетишъ, ему готова она принести въ жертву все и всѣхъ, весьма наивно воображая, что такъ и быть должно; такія личности — не рѣдкость во всѣхъ обществахъ, онѣ составляютъ международное явленіе, но мы не помнимъ романа (изъ новѣйшихъ по крайней мѣрѣ),

Digitized by Google

въ которомъ имъ было бы отведено такъ много мѣста, какъ въ настоящемъ произведеніи г-жи Уйда; вокругъ лэди Долли вращается еще нѣсколько пріятельницъ, сродныхъ съ ней по духу, и тоже весьма ярко очерченныхъ.

Очевидно, г-жа Уйда спустилась изъ области превыспреннихъ мечтаній и идеальныхъ характеровъ («Идалія», «Трикотринъ», «Паскарель» и пр.) въ міръ дѣйствительности, и рисуетъ его со всѣми его безобразными, раздирающими душу диссонансами.

Въ этомъ романѣ есть еще одна особенность: выведены на сцену наши соотечественники, успѣвшіе, впрочемъ, совершенно слиться съ мѣстнымъ обществомъ, какъ это иногда и бываетъ.

I.

Лэди Долли должна была считать себя совершенно счастливой. Она обладала всѣмъ, что̀ можетъ составлять благополучіе современной женщины. Она жила въ Трувилѣ. Она выиграла много денегъ въ карты. Она видѣла свою главную соперницу въ туалетѣ, который ей былъ не къ лицу; она получила отъ мужа письмо съ извѣстіемъ объ его отъѣздѣ на островъ Яву, или на планету Юпитеръ, словомъ — куда-то, на неопредѣленное время; на ней было платье, стоившее знаменитому дамскому портному двадцати часовъ напряженныхъ размышленій: ничего, кромѣ батиста, правда, — но батиста, доведеннаго до апоѳеоза при помощи старинныхъ кружевъ и геніальности артиста. Вокругъ нея толпились обожатели. Министръ сообщилъ ей, на ушко, государственную тайну; ей прочли, въ рукописи, новую комедію, мѣсяца за три до постановки пьесы на одной изъ парижскихъ сценъ; передъ ней разстилалось чудное, голубое море; въ лицо ей дулъ ароматный вѣтерокъ, вокругъ нея болтали и смѣялись самые веселые, самые знатные люди всей Европы, и... несмотря на все это, лэди Долли жестоко страдала. Ее преслѣдовала одна мысль: — «Что̀ я буду съ *ней* дѣлать?» — думалось ей. И точно: что̀ ей было дѣлать съ шестнадцати-лѣтней дочерью? — ей, хорошенькой женщинѣ, страшной кокетѣ, любившей оставаться на балу до самаго конца котильона, имѣвшей столько же обожателей, сколько паръ ботинокъ.

— «*Она* такъ меня состаритъ, — соображала лэди Долли, а сама она вовсе не была стара, ей не было и тридцати-четырехъ лѣтъ, и къ тому же она была красива, какъ въ семнадцать, можетъ

Digitized by Google

быть, еще красивѣе, благодаря нѣкоторымъ ухищреніямъ, о которыхъ не станемъ распространяться...

— Что́ я съ *ней* стану дѣлать, Джекъ?—вздыхала она, обращаясь къ своему интимному совѣтнику, сопровождавшему ее на прогулкѣ по морскому берегу.

— Выдайте ее замужъ.

— Разумѣется! Дѣвушекъ всегда выдаютъ замужъ; какіе вы пустяки говорите!—капризно промолвила лэди Долли.

— И тогда вы будете бабушкой,—съ злобной улыбкой замѣтилъ совѣтникъ. Онъ только-что заплатилъ за нее счетъ въ магазинѣ рѣдкостей, а потому былъ менѣе любезенъ.

Она съ досадой отвернулась отъ него, и разговорилась съ подошедшимъ къ ней молодымъ герцогомъ де-Динанъ, съ которымъ и принялась обсуждать проектъ предстоявшаго пикника, разбирать семейныя дѣла своихъ знакомыхъ, соображать, кто нынче будетъ приглашенъ къ обѣденному столу принца Валлійскаго,—и такъ заболталась, что почти позабыла о предстоявшемъ ей испытаніи—прогуливаться съ дочерью, которая должна была пріѣхать къ вечеру отъ бабушки.

— Однако пора идти завтракать,—проговорила она, наконецъ, и встала. Былъ часъ пополудни, солнце начинало печь; гуляющіе разбрелись понемногу.

— На что́ это они тамъ глядятъ? — вдругъ замѣтила лэди Долли, обращаясь къ своимъ спутникамъ; и точно—головы многихъ гуляющихъ были обращены къ морю, туда же были направлены всѣ глаза и всѣ лорнеты. Что́ это? Принцъ, президентъ, эскадра, утопающій? ничуть не бывало; это—какія-то двѣ вновь прибывшія дамы. Произвести впечатлѣніе своимъ появленіемъ въ Трувилѣ тѣмъ, кого всѣ знаютъ, невозможно; коронованныя лица тамъ составляютъ обыденное явленіе, министры никого не занимаютъ, маршалы наскучили; но пріѣздъ личностей, никому неизвѣстныхъ, все же возбуждаетъ нѣкотораго рода интересъ, хотя бы какъ пища для насмѣшекъ.

— Кто это?—спрашивалъ *весь Трувиль;* женщины улыбались, мужчины напрягали зрѣніе, и всѣ слѣдили за прелестной фигурой, облеченной въ простое платье изъ небѣленаго полотна.

— Полотно!—скажите на милость! воскликнула лэди Долли, прикладывая лорнетъ къ глазамъ:—*что* это за фигура!

— Какое личико! — шептали осторожные обожатели: они знали, что одну женщину въ присутствіи другой не хвалятъ.

Между тѣмъ полотняное платье приближалось, двѣ ручки

Digitized by Google

внезапно протянулись издалека къ лэди Долли, и звучный голосъ воскликнулъ:

— Мама! неужели ты меня не узнала, мама!

Лэди Долли вскрикнула и замерла.

— Въ этомъ платьѣ!—простонала она, очнувшись.

Берегъ, море, солнце, все кружилось въ глазахъ лэди Долли; она слышала за своей спиной хихиканье друзей, обожателей, соперницъ и враговъ, а между тѣмъ блестящіе и вдумчивые глаза смотрѣли на нее, одна рука все еще робко протягивалась къ ней.

— Но какъ ты могла явиться въ такомъ видѣ, не сдѣлавъ даже своего туалета? Я тебя ждала только къ вечеру. Это фрейлейнъ Шредеръ съ тобой... Удивляюсь, какъ это не стыдно!.. Ступай домой, Верэ, ступай домой, ступай скорѣй, я сейчасъ приду.

Лэди Доротея Вандердекенъ, которую всѣ, знавшіе ее, безъ исключенія, звали лэди Долли—была седьмой дочерью очень бѣднаго пэра, графа Катергэмскаго, искуснаго политика, но человѣка всегда страдавшаго отъ хроническаго разстройства своихъ финансовыхъ дѣлъ. Лэди Долли, семнадцати лѣтъ отъ роду, преглупо вышла замужъ, конечно, по любви, за своего двоюроднаго брата Герберта, младшаго сына герцога Мулль, только-что покинувшаго Оксфордъ и вступившаго въ ряды служителей церкви. Мужъ ея прожилъ недолго: Долли не было и двадцати лѣтъ, когда она осталась вдовой съ младенцемъ на рукахъ. Въ теченіи двухъ недѣль она горько плакала, потомъ вытерла глаза, нашла, что крепъ прелестно оттѣняетъ ея кожу, напоминавшую лепестки чайной розы, предоставила своего ребенка попеченіямъ сначала тётки и свекрови, старой и суровой герцогини Мулль, а сама, вмѣстѣ съ своей матерью, на которую была очень похожа, отправилась для поправленія здоровья на югъ Франціи.

Черезъ годъ послѣ смерти Герберта, лэди Долли вышла замужъ за нѣкоего мистера Вандердекена, англичанина по рожденію, голландца по происхожденію, человѣка очень богатаго, не особенно знатнаго, финансиста, политика, очень подвижнаго и не имѣвшаго привычки предлагать лишніе вопросы, что̀ ей было на руку. Ему же было выгодно породниться со многими знатными фамиліями—и пріобрѣсти красавицу-жену.

Свою дочь лэди Долли оставила, года три тому назадъ, у бабушки, матери покойнаго мужа, гдѣ та и воспитывалась подъ совершенно иными вліяніями, чѣмъ тѣ, какими бы окружила ее мать, и результатомъ этого было то неловкое положеніе, въ которомъ она теперь находилась, сознавая, что ей

Digitized by Google

надо съизнова знакомиться съ дочерью. Вообще, въ эту минуту лэди Долли было не легко: дочь была похожа на отца-пастора; воспоминанія нахлынули волной на душу женщины, не любившей оглядываться назадъ, глаза ея затуманились, и она, вернувшись домой, съ нѣкоторымъ волненіемъ постучалась въ дверь комнаты дочери.

— Могу я взойти, милая?—спросила она.

Молодая дѣвушка отворила дверь и молча остановилась передъ нею.

— «Красавица, они совершенно правы», подумала лэди Долли, «но по счастью совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ я. Удивительно похожа на отца, только еще красивѣе».

Она нѣжно обняла и поцѣловала дочь.

— Ты меня сегодня застала въ-расплохъ, душа моя,—сказала она, какъ-бы извиняясь,—и, кромѣ того, я такъ ненавижу сцены...

— Сцены?—повторила Верэ:—какія?

— Сцены! да это—ну, все, что глупо, что заставляетъ людей смѣяться, все, что дѣлается передъ публикой, это такъ вульгарно.

Верэ была прекрасивая дѣвушка, и, несмотря на свой ростъ, все еще казалась ребенкомъ. Ея маленькая головка была граціозно посажена на тонкой шеѣ, черты ея совершенно блѣднаго лица были правильны, изящны, благородны, бѣлокурые волосы прямо подрѣзаны надъ бровями и слегка закручены на затылкѣ, ея прекрасный ротъ былъ серьёзенъ и не такъ малъ, какъ ротъ матери, а ясные сѣрые глаза отличались созерцательнымъ, вдумчивымъ выраженіемъ.

— Все ли у тебя есть, что нужно?—спросила лэди Долли, окидывая комнату быстрымъ взглядомъ. — Ты знаешь, я, вѣдь, совсѣмъ не ждала тебя.

— Неужели бабушка не писала?

— Бабушка просто телеграфировала, что ты выѣхала. Какъ это на нее похоже! но, вѣдь, ты не жалѣешь, что пріѣхала ко мнѣ?—продолжала она, садясь на оттоманку и привлекая къ себѣ дочь.

— Я была очень рада,—отвѣчала дѣвушка.

— Три года я тебя не видала, если не считать нѣсколькихъ дней, проведенныхъ у васъ въ Бульмерѣ; скучно тамъ было, не правда ли?

— Я не скучала, если-бъ только бабушка не такъ часто...

— Злилась, — смѣясь подсказала лэди Долли; знаю я ее,

Digitized by Google

самая непріятная женщина въ мірѣ; старикъ-герцогъ былъ премилый и красавецъ, но ты его, конечно, едва помнишь; а бабушка твоя—старая кошка. Мы о ней говорить не станемъ. Какъ она тебя одѣла! Не безобразіе ли такъ одѣвать дѣвушку! вѣдь это значитъ портить ей вкусъ. Ты очень недурна собой, Верэ.

— Неужели?—говоритъ, я похожа на отца.

— Очень.

Глаза матери затуманились; воображеніе рисовало ей облитый солнцемъ лугъ въ Девонширѣ, массу розановъ и ребенка у груди ея. Она пристально смотрѣла на Верэ, взглядъ ея становился все серьёзнѣе и серьёзнѣе.

«Она думаетъ о прошломъ, о моемъ отцѣ», думала дѣвушка, и ея молодое сердце переполнялось благоговѣйнымъ сочувствіемъ. Она не осмѣливалась прервать молчаніе матери.

— Верэ!—задумчиво проговорила лэди Долли,—я все думаю, какъ бы намъ устроиться съ твоимъ туалетомъ; придется поручить Адріеннѣ, моей горничной: не бойся—она очень искусна, смастеритъ что-нибудь для тебя, не сидѣть же тебѣ взаперти въ такую чудную погоду.

Верэ молча сидѣла передъ матерью.

— Ужасную эту фрейлейнъ можно отпустить, не правда ли? тебѣ она больше не нужна?

— Ради Бога не отсылайте ее, безъ фрейлейнъ я не могу продолжать заниматься математикой, и, кромѣ того, она такая добрая.

— Математикой, на что она тебѣ?

— Я хочу это знать.

— Знаешь ли, что тебѣ знать нужно? ты должна умѣть одѣться, поклониться, показать себя. Большаго съ тебя не спросятъ.

Верэ молчала.

— Что ты больше всего любишь?—неожиданно спросила ее мать.

Верэ подняла на нее свои большіе, задумчивые глаза и отвѣчала:

— Греческій языкъ.

— А кромѣ того?

— Музыку; греческій языкъ—та же музыка.

— Господи!—вздохнула лэди Долли.

— Я люблю верховую ѣзду, охоту,—продолжала Верэ, умѣю грести, управлять парусомъ и рулемъ.

— Все это, пожалуй, годится, только знаешь ли что, Верэ:

Digitized by Google

я ужасно боюсь, какъ бы изъ тебя не вышла недотрога. Нынче это никому не нравится, предупреждаю тебя.

— Не нравится,—кому?

— Мужчинамъ, они такихъ терпѣть не могутъ. Нынче только и нравятся, что русскія да американки; въ нихъ есть что-то такое, а въ тебѣ — ничего. Глядя на тебя, можно подумать, что ты каждую минуту изучаешь библію. Итакъ, душа моя,—продолжала она,—ты будешь ѣздить верхомъ, плавать; ахъ, да,—есть у тебя костюмъ для купанья?

— Какъ же. Желаете его видѣть? я прикажу подать.

Костюмъ приносятъ, онъ оказывается ужаснымъ по мнѣнію элегантной маменьки, такъ какъ закрываетъ шею и руки, она показываетъ дочери—свой, и та, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ, замѣчаетъ, что онъ напоминаетъ ей костюмы наѣздницъ изъ цирка, и что она ни за что такого не надѣнетъ.

— Надѣнешь, что велятъ,—возразила мамаша:—ну, полно, поцѣлуй меня. Какая ты рослая: посмотришь—черезъ какой-нибудь годъ и замужъ пора.

— О, нѣтъ!—со страхомъ воскликнула Вера.

— Глупая дѣвочка! какъ же ты думаешь прожить, если не хочешь выходить замужъ?

— Съ фрейлейнъ, въ деревнѣ.

— Всю жизнь? и умереть старой дѣвой?

— Мнѣ все равно.

Лэди Долли засмѣялась.

— Зачѣмъ говоришь такъ, вѣдь ты иначе думаешь,— проговорила она шутливо.

— Нѣтъ, я такъ и думаю.

— Пустяки. Ну, прощай, Вѣра, моя душа; я стану называть тебя по-русски—*Вѣра;* это такъ мило, не правда ли?

— Не нахожу; мое имя—Вера, да и я не русская.

— Прощай, несносная дѣвочка, тебѣ надо отдохнуть съ дороги, а у меня еще бездна дѣла. До свиданія, ты очень мила.

— Кто этотъ господинъ, котораго я видѣла здѣсь?—спросила Вера, когда мать встала и готовилась выдти изъ комнаты.

Лэди Долли слегка покраснѣла.

— Это Джекъ.

— Онъ нашъ родственникъ?

— Нѣтъ,—другъ.

— Вѣдь не всѣ же зовутъ его Джекомъ.

— Конечно. Не говори глупостей. Онъ лордъ Іура, сынъ лорда Шетлэнда; служитъ въ гвардіи, онъ очень старый знако-

Digitized by Google

мый, помнитъ тебя маленькой... Я сейчасъ пришлю тебѣ Адріенну; можешь смѣло отдаться ей въ руки, у нея бездна вкуса. Съ этими словами лэди Долли отворила дверь и выскользнула изъ комнаты. Верэ осталась одна; глаза ея потускнѣли, она задумчиво остановилась у открытаго окна и глядѣла передъ собой, ничего не видя...

Знаменитая горничная явилась къ ней, съ предложеніемъ услугъ; мать запла потомъ на одну минуту поболтать передъ отъѣздомъ на вечеръ въ Казино; ничего, казалось, не произошло особеннаго, тѣмъ не менѣе дѣвушка чувствовала себя одинокой, несчастной, и заснула вся чуть не въ слезахъ подъ шумъ морского прилива и тихій молитвенный шопотъ доброй фрейлейнъ.

II.

На слѣдующее утро, Верэ проснулась въ пять часовъ, и тотчасъ вскочила съ постели, вспомнивъ, что мать еще наканунѣ разрѣшила ей отправиться на раннюю прогулку, подъ однимъ условіемъ: никому не попадаться на глаза. Часъ спустя, молодая дѣвушка была готова и вышла изъ дому въ сопровожденіи старой служанки, прибывшей съ нею изъ Англіи. Утро было дивное, по ясному небу плыли перистыя облака; Верэ быстро шла впередъ; дороги она не знала, но думала, что если все идти берегомъ, то когда-нибудь да оставитъ же позади себя эти несносные дома, окна которыхъ напоминали ей глаза и лорнеты, устремленные на нее вчера. По мѣрѣ того, какъ она подвигалась, на душѣ у нея становилось все яснѣе и яснѣе,—свѣтъ, воздухъ и движеніе были ей необходимы, она привыкла къ нимъ, такъ какъ въ Бульмерѣ бабушка ее не стѣсняла, позволяя совершать огромныя прогулки пѣшкомъ и верхомъ, сколько ей угодно.

— Вы устали?—спросила Верэ у своей спутницы, когда Трувиль остался далеко позади ихъ; служанка согласилась, что онѣ очень далеко ушли.

— Ахъ, вы бѣдная,—съ искреннимъ сожалѣніемъ воскликнула Верэ,—я не дала вамъ времени и поѣсть; знаете ли что—сядьте вонъ на томъ плоскомъ камнѣ на берегу, а я еще похожу.

Верэ съ радостнымъ сердцемъ пустилась къ морю; долго бродила она вдоль берега, отыскала нѣсколько пустыхъ гнѣздъ, служившихъ прежде жилищемъ морскихъ куликовъ, сняла шляпу,

Digitized by Google

и наконецъ стала заглядываться на воду; купаться ей нельзя, но отчего бы не снять ботинки, чулки и не окунуть хоть ноги въ эту чистую, прозрачную воду?—въ одинъ мигъ намѣреніе приведено въ исполненіе, обувь оставлена на берегу, и Верэ бредетъ по водѣ; она въ восторгѣ, ей кажется, что она одна въ цѣломъ мірѣ, кругомъ ни души, тишина невозмутимая, она какъ ребенокъ радуется, собираетъ раковины, любуется морскими анемонами, она просто въ раю.

Вдругъ откуда-то раздается голосъ, поющій отрывки изъ *Реквіема* Моцарта,—голосъ чистый, какъ голосъ ласточки, полный, какъ звуки органа, нѣжный, какъ первый поцѣлуй любви, словомъ—безукоризненный теноръ.

Верэ какъ стояла въ водѣ, такъ и замерла всѣмъ существомъ.

Послѣ «Реквіема» слышатся страстныя пѣсни «Ромео» Гуно;—какъ бы ни судило потомство о Гуно, никто не рѣшится отрицать, что онъ великій мастеръ говорить языкомъ любви. Страстные звуки раздавались въ воздухѣ, поднимались, казалось, до самаго неба, потомъ постепенно замирали, замирали, и наконецъ умолкли...

Верэ тяжело вздохнула, и почти вскрикнула, когда изъ-за скалы показался самъ пѣвецъ и, снявъ шляпу, вѣжливо поклонился ей, какъ-бы извиняясь въ томъ, что нарушилъ ея уединеніе. Верэ тотчасъ узнала его, это былъ онъ — Корревъ, знаменитый пѣвецъ, о которомъ она много слышала въ Англіи, и котораго замѣтила еще наканунѣ, когда онъ проходилъ мимо ихъ виллы во время ея совѣщанія съ Адріенной о модахъ; камеристка матери и назвала его ей.

Дѣвушка разомъ спустилась съ неба на землю, тотчасъ вспомнила о своихъ мокрыхъ и босыхъ ножкахъ, и вся вспыхнула.

— Боже мой, я потеряла... прошептала она.

— Ваши ботинки?

— Да, я сняла ихъ, положила на берегу, а теперь и отыскать не могу.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ;—и красивый пѣвецъ, черные глаза котораго такъ ласково глядѣли на нее за минуту передъ тѣмъ, дѣятельно принялся за поиски; но всѣ усилія его оказались тщетными, обувь Верэ пропала; вѣроятно, она была унесена начинающимся приливомъ.

— Исчезли,—проговорилъ онъ наконецъ,—да и вы сами рискуете, отойдя такъ далеко отъ берега: приливъ можетъ васъ застигнуть врасплохъ.

Digitized by Google

— Я вернусь къ моей служанкѣ, проговорила Вера, прыгая какъ серна съ камня на камень.

— Но позвольте: между вами и ею уже цѣлое море. Оглянитесь!—Онъ былъ правъ: широкая полоса воды уже отдѣляла служанку отъ Веры.

— Боже! она утонетъ!—простонала дѣвушка, и хотѣла броситься въ воду, но онъ въ одинъ мигъ удержалъ ее, схватилъ и поставилъ на прибрежный песокъ.

— Вашей спутницѣ не угрожаетъ никакой опасности,—спокойно проговорилъ онъ:—закричите ей, чтобы она пробиралась потихоньку вдоль тропинки, ведущей къ скаламъ, мы пойдемъ другой дорогой и встрѣтимся съ ней наверху. Вотъ и все.

Вера послѣдовала его совѣту. Служанка тотчасъ поняла, чего отъ нея хотятъ, встала и пошла по указанному направленію.

Вера осталась со своимъ новымъ спутникомъ, и они тотчасъ же принялись карабкаться по тропинкѣ, высѣченной въ скалахъ. «Не бойтесь», шепталъ онъ по временамъ, когда она останавливалась, чтобы перевести духъ,—«я позади васъ».

— Такъ это вы пѣли?—спросила она его дорогой.

— Я. Пріѣхалъ сюда покупаться, и за-одно прорепетировать свою партію изъ новой оперы Тома, которую поставятъ въ Парижѣ будущей зимой. Въ Трувилѣ нельзя спокойно заняться въ теченіи десяти минутъ, вотъ я и поселился здѣсь по дорогѣ въ Виллервиль. Вы любите музыку; впрочемъ, не отвѣчайте, это сейчасъ видно.

— Я никогда не была въ оперѣ,—шопотомъ проговорила Вера, снова принимаясь карабкаться.

— Желалъ бы я пѣть въ первой оперѣ, которую вамъ суждено услышать.

Наконецъ, они добрались до вершины скалъ; Вера опустилась на траву, надъ головой ея рѣяли птицы.

— Вамъ не дурно?—съ безпокойствомъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я только устала.

— Отдохните здѣсь минутъ десять, а я сейчасъ вернусь.

— Хорошо.

Онъ улыбнулся дѣтской покорности ея отвѣта, и ушелъ; она осталась на томъ же мѣстѣ, любовалась моремъ, а въ душѣ ея все звучалъ этотъ чудный голосъ...

Онъ вскорѣ вернулся, держа въ рукѣ пару маленькихъ деревянныхъ башмачковъ.

— Я подумалъ, что они все же предохранятъ васъ отъ

Digitized by Google

пыли и камней, миссъ Герберть, а въ этой деревушкѣ нельзя достать ничего лучше. Не примѣрите ли ихъ?

Башмачки оказались ей такъ же впору, какъ стеклянная туфля Сандрильонѣ.

— Вы очень добры,—робко проговорила она.—Но откуда вы знаете мое имя?

— Я вчера былъ свидѣтелемъ вашего прибытія. Однако пора, пойдемте, если вы не устали, я хочу показать вамъ мою деревеньку, я ее открылъ и питаю къ ней пристрастіе.

Деревенька оказалась состоящей изъ нѣсколькихъ домиковъ, разбросанныхъ подъ сѣнью яблонь и вишневыхъ деревьевъ; по самой срединѣ ея красовался большой орѣшникъ.

Подъ вишневыми деревьями, вскорѣ явились два деревянныхъ стула, столъ, а на столѣ молоко, медъ, хлѣбъ и крупныя, спѣлыя вишни. Пчелы жужжали вокругъ нихъ, ласточки разрѣзали воздухъ въ тысячѣ направленій.

— Я увѣренъ, что вы голодны, — замѣтилъ гостепріимный хозяинъ,—и Верэ съ улыбкой согласилась съ нимъ.

Она съ наслажденіемъ напилась молока и принялась за вишни.

— «Вотъ идиллія-то!»—думалъ ея новый товарищъ.

— Однако, m-lle Герберть, долженъ же я вамъ сказать кто я такой,—промолвилъ онъ.

— Я знаю,—отвѣчала Верэ, держа ягоду у губъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, я васъ вчера видѣла, и мнѣ сказали, что вы—Корресъ.

— Мнѣ очень лестно, что вамъ угодно было освѣдомиться.

— Что за жизнь должна быть ваша!—задумчиво проговорила Верэ.—Поэма.

— Жизнь артиста далеко не то, чѣмъ вы ее считаете, но въ ней точно много красокъ, много разнообразія. Когда-нибудь я вамъ разскажу свою исторію.

— Разскажите теперь.

Онъ засмѣялся.

— Да разсказывать-то почти нечего; зовутъ меня Рафаэль-де-Корресъ,—маркизъ де-Корресъ, если угодно, только я предпочитаю быть просто пѣвцомъ. Маркизовъ такъ много, теноровъ —меньше. Семья моя принадлежала къ знатнѣйшему савойскому дворянству, но во время террора разорилась. Я родился въ хижинѣ, дѣдъ мой въ замкѣ—вотъ и вся разница. Онъ былъ философъ и ученый, поселился въ горахъ и полюбилъ ихъ.

Digitized by Google

Отецъ мой женился на крестьянкѣ и жилъ какъ простой пастухъ. Мать моя умерла рано. Я бѣгалъ по горамъ и пасъ козъ. Однажды путешественникъ услышалъ мое пѣніе и сказалъ, что мой голосъ—состояніе. Эта мысль засѣла у меня въ головѣ. По смерти отца я отправился въ Парижъ, учился тамъ, потомъ въ Италію, и проложилъ себѣ дорогу,—вотъ и все.

Въ оживленномъ разговорѣ, посреди пѣнія, шутокъ, время летитъ незамѣтно; обратный путь ихъ, уже на лодкѣ, былъ продолженіемъ того же волшебнаго сна. Верэ сидитъ на рулѣ, на колѣняхъ у нея букетъ, поднесенный ей спутникомъ, Коррезъ гребетъ, разсказываетъ ей исторіи, поетъ венеціанскія баркароллы, а лодка незамѣтно скользитъ по гладкой поверхности голубого моря. Наконецъ, они пріѣхали, и, о ужасъ! первое лицо, на которое они наталкиваются, по выходѣ на берегъ—лэди Долли, окруженная толпой сателлитовъ въ костюмѣ для купанія. Бѣдную Верэ, какъ провинившуюся школьницу, отсылаютъ домой подъ конвоемъ Джека, съ приказаніемъ, не выходить изъ своей комнаты цѣлый день, а Коррезу довольно ясно даютъ понять, что недовольны, и весьма недовольны его образомъ дѣйствій. Ему все равно, у него на умѣ одно—она.

— «Какъ она мила теперь», думалось ему, «какъ чиста ея душа, какъ ясны глазки. Но годъ, одинъ годъ свѣтской жизни—и все измѣнится. Она пріобрѣтетъ шикъ, талантъ, тактъ, станетъ носить высокіе каблуки, узнаетъ, что такое сарказмы, намеки, чего стоютъ и мужчины, и женщины,—все узнаетъ. Сначала будетъ изумлена, испугана, огорчена, потомъ привыкнетъ, освоится, на мѣстѣ нѣжнаго сердечка появится льдинка, и не станетъ моей бѣлой розы!»

Верэ, тѣмъ временемъ, поставивъ букетъ свой въ воду, прилегла на кушетку, и въ мечтахъ переживала сызнова только-что канувшія въ вѣчность блаженныя минуты.

Тихій голосъ, произнесшій ея имя, пробуждаетъ ее; Коррезъ стоитъ внизу, на балконѣ, и тихо говоритъ ей:

— Пришелъ съ вами проститься. Сегодня вечеромъ ѣду въ Германію; я знаю, что вы въ заточеніи, а потому осмѣлился заговорить съ вами отсюда.

— Вы уѣзжаете!—дѣвушкѣ вдругъ показалось, что вокругъ нея мракъ.

— Уѣзжаю и на прощаніе хочу сказать вамъ проповѣдь: храните себя *незапятнанною свѣтомъ!* Въ васъ есть правда, чистота, ясность духа, дорожите ими. Вамъ станутъ говорить, что это допотопная тріада въ родѣ трехъ грацій, не вѣрьте имъ,

Digitized by Google

безъ этихъ качествъ женщина не можетъ быть прекрасной, а любовь, внушаемая ею—чистой. Простите, дитя!

Онъ подалъ ей букетъ и исчезъ.

III.

У лэди Долли былъ искренній другъ—Адина, лэди Стотъ, очень кроткая съ виду женщина, съ чрезвычайно мягкимъ голосомъ, но съ желѣзной волей; лэди Стотъ въ теченіи предшествовавшаго сезона взяла призъ, а именно выдала свою дочь (красавицу) замужъ за молодого маркиза—пьяницу, дурака и негодяя, соединявшаго въ себѣ, если не считать этихъ маленькихъ недостатковъ, все, о чемъ могла только мечтать для дочери любящая мать; всѣ великосвѣтскія маменьки завидовали лэди Стотъ. Она любила дѣлать добро всѣмъ, ради удовольствія, какое оно ей доставляло, готова была вынести всячесніе безпокойства, лишь бы примирить какихъ-нибудь враговъ, предупредить скандалъ.

— Это моя обязанность, — говаривала она своимъ тихимъ, мелодичнымъ и вмѣстѣ монотоннымъ голосомъ.

Всѣ знакомые считали ее за святую.

Къ этой-то святой и отправилась за совѣтомъ лэди Долли, не на шутку испугавшаяся вчерашнихъ похожденій дочери.

Выслушавъ подробное донесеніе друга,—лэди Стотъ только улыбнулась—и потомъ сказала:

— Все это очень похоже на Коррева; онъ самый опасный человѣкъ въ мірѣ,—всѣ въ него влюбляются, но все же онъ не изъ нашего круга, и это, по-моему, не важно.

— Да, вѣдь, онъ вездѣ принятъ.

— Да, его приглашаютъ, но все-же онъ—пѣвецъ.

— Говорятъ, онъ маркизъ.

— Всѣ пѣвцы — маркизы, если вѣрить имъ. Неужели вы серьёзно боитесь Коррева?—Э, въ такомъ случаѣ надо поскорѣй выдать ее замужъ.

— Она совсѣмъ не въ нынѣшнемъ вкусѣ,—съ отчаяніемъ проговорила лэди Долли;—въ ней, правда, много врожденнаго изящества, но кто-жъ его цѣнитъ? Я убѣждена, что мужчины будутъ ее бояться. Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать!

— Отчего бы не выдать ее за молодого Шамбрэ?

— Захотятъ приданаго, а у Вере ничего, какъ есть ничего нѣтъ.

— А за Іура?

Digitized by Google

Лэди Долли засмѣялась и покраснѣла.

— Бѣдный Джэкъ, онъ ненавидитъ самую мысль о женитьбѣ.

— Всѣ они ее ненавидятъ,—спокойно замѣтила лэди Стотъ,—а тѣмъ не менѣе всѣ люди съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ женятся. Что вы скажете о Сержѣ Зуровѣ?

На этотъ разъ лэди Долли не засмѣялась; она поблѣднѣла, въ ея блестящихъ глазахъ отразилась тревога.

— Зуровъ!—машинально повторяла она,—Зуровъ!

— Я бы попыталась,—спокойно продолжала лэди Стотъ,—право, попыталась бы. Возьмите ее съ собой въ Фелисите, для васъ было бы очень важно выдать ее замужъ въ нынѣшнемъ году, и тѣмъ самымъ избавиться отъ нашего скучнаго сезона. Я-то ужъ знаю, что это такое; а вамъ, такой молодой, ѣздить на балы съ взрослой дочерью! бѣдняжка,—вы этого не вынесете!

— Въ самомъ дѣлѣ не вынесу!—капризно воскликнула лэди Долли, и чуть не заплакала.

Лэди Стотъ успокоила ее какъ могла, и онѣ разстались очень довольныя другъ другомъ.

До отъѣзда въ Фелисите оставалось еще нѣсколько дней, и Вера успѣла приглядѣться къ блестящему обществу, толпившемуся въ Трувилѣ; оно было ей противно до глубины души: если *это свѣтъ*, думалось ей, то очень легко не поддаваться ему; она не знала, что изъ этихъ болотъ, переполненныхъ лестью, интригами, завистью, пикировкой, соревнованіемъ, поднимаются міазмы, противъ которыхъ не устоять и самымъ здоровымъ легкимъ. Она не знала, что жить въ свѣтѣ по-своему труднѣе и тяжелѣе, чѣмъ во время бно удалиться въ Онваиду. Всему этому ей предстояло научиться.

Иныя времена, иные нравы, и въ современномъ обществѣ есть мученики.

Фелисите былъ приморскій замокъ русскихъ князей Зуровыхъ, купленный ими у разорившагося семейства французскихъ аристократовъ и превращенный новыми владѣльцами въ волшебное жилище. Въ нынѣшнемъ году домъ былъ переполненъ гостями. Княгиня Надежда Нелагина хозяйничала у своего холостого брата. Это была женщина небольшого роста, носившая парикъ, курившая съ утра до ночи, очень умная, очень образованная, хитрая, подчасъ жестокая, но, по-своему, добрая, музыкантша, бывшая посланница, нѣкогда отличавшаяся при первостепенныхъ дворахъ. У нея было, въ свое время, многое множество всяческихъ интригъ, но она никогда не бывала скомпрометтирована.

Digitized by Google

Она была значительно старше брата, къ которому относилась довольно строго.

Лэди Долли съ дочерью подъѣзжали къ Фелиситэ. На Верэ было бѣлое платье и круглая шляпа съ широкими полями, убранная бѣлыми перьями; она была очень блѣдна,—мать вообразила, что это отъ волненія, и сочла долгомъ обратиться къ ней съ материнскими наставленіями:

— Ну, теперь, душа моя, ты положительно вступаешь въ свѣтъ. Старайся не смотрѣть такъ серьёзно, мужчины ненавидятъ серьёзныхъ женщинъ; если захочешь спросить о чемъ-нибудь, не обращайся ко мнѣ, я всегда занята,—а къ Адріеннѣ или къ лэди Стотъ. Ты знаешь, какое она милое созданіе, она тебѣ все объяснитъ. Тамъ будетъ еще одна прелестная дѣвушка, американка Фускія Личъ, замѣчательная умница. Наблюдай за ней и старайся подражать ей. *Весь Парижъ* сходилъ по ней съ ума прошедшей зимой. Она выйдетъ замужъ за кого заблагоразсудитъ... Ради Бога, не срами меня. Оставь всѣ свои глупости, свое педантство, не дѣлай сценъ. Никогда не смотри удивленной, ни къ кому не обнаруживай антипатіи, будь со всѣми вѣжлива, и не говори, пожалуйста, о математикѣ и библіи... Кажется—все—объ остальномъ догадывайся сама; свѣтъ—какъ игра въ вистъ, безъ практики ничему не научишься. Главное—слѣди за миссъ Личъ; по ней ты увидишь, чѣмъ должна быть, въ наше время, дѣвушка, желающая нравиться.

— Я вовсе не желаю нравиться,—съ изумительной гримаской, отвѣтила Верэ.

— Это—глупо: если не хочешь нравиться, зачѣмъ ты живешь на свѣтѣ. Какая цѣль нашей жизни?

Мать зѣвнула. Вдали показалась высокая крыша Фелиситэ, окруженная купами деревъ. Замокъ стоялъ на берегу моря, не въ дальнемъ разстояніи отъ Villers-sur-Mer.

Княгиня Нелагина встрѣтила гостей на террассѣ, горячо поцѣловала Верэ, и сказала ей, что она похожа на картину Генсборо.

Сама княгиня показалась молодой дѣвушкѣ волшебницей, съ своимъ маленькимъ ростомъ, веселымъ лицомъ и блестящими, темными глазами.

Три часа спустя, Верэ, одѣтая къ обѣду, стучалась въ дверь матери; лэди Долли была уже въ полномъ, довольно нескромномъ туалетѣ, заставившемъ дочь покраснѣть за нее, и онѣ отправились отыскивать хозяевъ.

Верэ молча спускалась съ широкой лѣстницы, освѣщенной

Digitized by Google

золотыми канделябрами; ихъ поддерживали черные мраморные негры.

Хозяинъ дома поднялся на встрѣчу гостямъ, прошепталъ, какъ-бы про себя: божественно прекрасна! — а лэди Стотъ подумала: что́ за красота! Словомъ — Верэ произвела впечатлѣніе; на нее же весь этотъ блескъ дѣйствовалъ мало, ей было скучно, какъ-то безотчетно тяжело.

Въ теченіи цѣлаго вечера — она всего болѣе разговаривала съ лордомъ Іура, и не обращала почти никакого вниманія на хозяина дома, а между тѣмъ Зуровъ, никогда не питавшій иныхъ чувствъ, кромѣ отвращенія ко всѣмъ незамужнимъ женщинамъ, какъ-то невольно любовался ею.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-семи, высокій, но дурносложенный, некрасивый, но безукоризненный джентльмэнъ, когда ему угодно было себя хоть немножко взять въ руки, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ, принадлежавшій къ знатной и вліятельной фамиліи. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ, со дня его выпуска изъ пажескаго корпуса, и съ минуты появленія его въ Парижѣ, этотъ русскій аристократъ составлялъ цѣль всѣхъ стремленій и предметъ отчаянія матерей, удрученныхъ взрослыми дщерями.

Каково-же было изумленіе всѣхъ, собравшихся подъ его гостепріимной кровлей, когда онъ прошелъ мимо нихъ, ведя подъ руку молоденькую дебютантку: онъ хотѣлъ показать ей свои оранжереи; богатая американка Фускія Личъ удивленно уставила глаза, лэди Далли непремѣнно бы поблѣднѣла, еслибъ не была такъ размалевана, а лэди Стотъ приблизила лорнетъ къ носу, направила его на удалявшуюся пару—и улыбнулась.

IV.

Образъ жизни въ Фелиситэ былъ пріятный и разнообразный, съ утра до вечера всѣ только и помышляли что объ удовольствіяхъ. Верэ не могла съ этимъ примириться:—Господи, думалось ей, вѣчно смѣются, и какъ подумаешь, надъ чѣмъ? а на свѣтѣ столько горя, столько бѣдности! Все окружающее казалось ей загадкой; она вовсе и не знала, что пріятельницы ея матери считали всѣ свои обязанности по отношенію къ меньшей братіи исполненными, если отъ времени до времени продавали на благотворительномъ базарѣ фарфоръ или цвѣты.

— Ты до безобразія серьёзна, Верэ,—съ досадой говаривала ей мать; молодая дѣвушка и на этотъ упрекъ отвѣчала молча-

Digitized by Google

ніемъ. Прекрасная американка Фуссія Личъ пыталась съ нею сблизиться, но Верэ такъ отнеслась къ ея любезностямъ, что бойкая миссъ, привыкшая къ побѣдамъ, почувствовала себя не совсѣмъ ловко. У бабушки—Верэ любила вставать въ шесть часовъ и ложиться въ десять, проводить цѣлый день въ занятіяхъ и прогулкахъ на открытомъ воздухѣ; здѣсь же день начинался въ два часа пополудни и оканчивался при пѣніи пѣтуховъ. Ей тяжело было сознавать, что ее постоянно выставляютъ на показъ. Она мало говорила, много слушала и наблюдала, и понемногу начала понимать все противъ чего, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, предостерегалъ ее Корресъ.

Она уже замѣчала злобу, скрывавшуюся подъ медовыми фразами, ненависть—подъ привѣтливой улыбкой; она невольно слѣдила за этими маленькими заговорами, составляющими ежедневную пищу какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, вращающихся въ обществѣ. Легкіе и тщеславные характеры уживаются въ подобной атмосферѣ, но Верэ не была ни легкомысленной, ни тщеславной, и вся эта ложь удивляла ее.

— Вы маленькая пуританка, душа моя, съ улыбкой говаривала ей лэди Стотъ.

«Неужели это правда?» думалось дѣвушкѣ. Въ исторіи она ненавидѣла пуританъ, всѣ ея симпатіи принадлежали противной сторонѣ.

— Отчего ты не ладишь съ людьми?—приставала къ ней мать.

— Мнѣ кажется, я имъ не симпатична,—смиренно отвѣчала Верэ.

— Всякій нравится настолько, насколько самъ того желаетъ, а ты не любезна,—вотъ въ чемъ вся бѣда.

Послѣ одной изъ подобныхъ стычекъ, опечаленная дѣвушка сошла въ садъ, въ сопровожденіи Лора, большой собаки, принадлежавшей Зурову, и къ которой Верэ очень привязалась; бѣдняжкѣ было крайне тяжело, она сѣла на садовую скамейку, обвила руками шею вѣрнаго пса, и горько, чисто по-дѣтски, расплакалась.

— M-lle Вѣра, что съ вами?—раздался неожиданно подлѣ нея голосъ Сергѣя Зурова.

Она подняла голову, на щекахъ виднѣлись слѣды слезъ.

— Что васъ огорчило?—продолжалъ онъ мягкимъ, совершенно несвойственнымъ ему тономъ:—если я хоть въ чемъ-нибудь могу помочь: приказывайте!

— Вы очень добры, — нерѣшительно проговорила Верэ;—со мной ничего, такъ—пустяки, мать на меня сердится.

Digitized by Google

— Неужели! Въ такомъ случаѣ ваша прелестная maman вѣрно не права. Въ чемъ-же дѣло?

— Говорятъ, я никому не нравлюсь.

— Гдѣ же такіе варвары, желалъ бы я знать?

Его холодные глаза оживились; но она не замѣтила его взгляда, она задумчиво глядѣла на видиѣвшееся вдали море.

— Я никому не нравлюсь,—устало проговорила Верэ. Maman думаетъ, что я сама тому виною. Вѣроятно, оно такъ и есть. Я равнодушна къ тому, что́ нравится другимъ, я люблю садъ, лѣсъ, море, собакъ.

Она притянула къ себѣ Лора, встала, ей не хотѣлось оставаться наединѣ съ Зуровымъ, крайне ей антипатичнымъ. Но онъ пошелъ рядомъ съ нею.

— Вамъ нравится моя собака, хотите взять ее себѣ?

Личико дѣвушки вспыхнуло отъ удовольствія.

— Это было бы прелестно, если мама позволитъ.

— Maman позволитъ,—съ странной улыбкой замѣтилъ Зуровъ.—Лоръ счастливое животное: онъ приглянулся вамъ.

— Но я люблю всѣхъ собакъ.

— И никого изъ людей?

— Я о нихъ не думаю.

— Мнѣ ничего не остается, какъ желать быть собакой,—сказалъ Зуровъ.

Верэ засмѣялась, но сейчасъ-же нахмурила брови.

— Собаки не льстятъ мнѣ,—коротко замѣтила она.

— Чего и я не дѣлаю, клянусь честью. Но скажите, неужели жестокая лэди Долли васъ точно заставила плакать? и вдобавокъ, у меня въ домѣ; мнѣ это крайне досадно.

— Мама была права,—холодно отвѣчала Верэ,—она говоритъ, что я не люблю людей, и это правда.

— Въ такомъ случаѣ у васъ отличнѣйшій вкусъ,—смѣясь, замѣтилъ Зуровъ.—Я не стану нападать на вашу холодность, m-lle Вѣра, если вамъ угодно будетъ сдѣлать исключеніе въ мою пользу.

Верэ молчала.

— Неужели вы хоть немножко не полюбите меня ради Лора?

Верэ молча стояла на дорожкѣ, обсаженной розовыми кустами, и смотрѣла на него серьёзными, ясными глазами:

— Съ вашей стороны было очень мило подарить мнѣ Лора, я вамъ за него очень благодарна, но все-же не стану говорить неправды, это было-бы вамъ плохой наградой.

Digitized by Google

«Что́ она такое: искусная кокетка, или просто самый странный ребенокъ въ мірѣ?» думалъ Зуровъ, и спросилъ вслухъ:

— Чѣмъ же я вамъ не нравлюсь, дитя?

Верэ съ минуту колебалась.

— Я думаю, что вы недобрый человѣкъ.

— Чѣмъ же я имѣлъ несчастіе заслужить подобное мнѣніе?

— Вашей манерой говорить, и потомъ, на прошлой недѣлѣ, вы разъ толкнули Лора ногой.

Зуровъ громко разсмѣялся.

— Буду надѣяться, что время измѣнитъ вашъ взглядъ, а Лора я больше толкать не могу, онъ вашъ, развѣ съ вашего разрѣшенія?..

— Его вамъ никогда не получить, — съ улыбкой отвѣтила Верэ, вдругъ испугавшаяся мысли, что она была очень груба съ любезнымъ и щедрымъ хозяиномъ дома...

— Не зналъ я, что вы желаете имѣть собаку, а то давно бы подарилъ вамъ ее, — сказалъ въ тотъ же вечеръ лордъ Іура, обращаясь къ Верэ.

Она улыбнулась и поблагодарила его.

— А какъ вамъ нравится тотъ, кто подарилъ вамъ Лора?

Верэ спокойно встрѣтила его пытливый взглядъ.

— Мнѣ онъ вовсе не нравится, — тихо отвѣтила она, — но можетъ быть, этого говорить не слѣдуетъ, онъ очень любезенъ, и мы у него въ домѣ.

— Потому-то и слѣдуетъ говорить о немъ дурно, — вставила ей мимоходомъ, смѣясь, одна изъ дамъ, проходившихъ въ сосѣднюю гостиную, гдѣ играли въ карты.

— Не слушайте ее, — быстро проговорилъ Іура, — вамъ она можетъ только повредить... Всѣ здѣсь хороши, нечего сказать.

— Неужели такъ легко человѣка погубить?

— Такъ же легко, какъ запачкать перчатку, — угрюмо проговорилъ онъ.

Верэ слегка вздохнула; жизнь представлялась ей дѣломъ мудренымъ.

— Какъ могли вы стать тѣмъ, что вы есть, вы, дочь Долли!

— Я стараюсь быть такою, какою бы желалъ видѣть меня отецъ, — шопотомъ проговорила она.

Іура былъ тронутъ.

— Желалъ бы я, чтобъ отецъ вашъ охранялъ васъ, — промолвилъ онъ. — Въ нашемъ свѣтѣ, дитя мое, вы очень будете нуждаться въ Ангелѣ-Хранителѣ. Впрочемъ, можетъ быть, вы сами съумѣете охранять себя. По крайней мѣрѣ, я на это надѣюсь.

Digitized by Google

Онъ крѣпко пожалъ ей руку и сильно поблѣднѣлъ.

— Вы очень добры, что думаете обо мнѣ,—не безъ волненія проговорила она.

— Какъ же о васъ не думать, — краснѣя, пробормоталъ Іура, и прибавилъ:—моя заботливость не должна васъ удивлять, я такой другъ вашей матери.

— Да,—серьёзно отвѣтила она.

— Правда ли, что Зуровъ хочетъ жениться на вашей дочери? —спросилъ Іура у Долли, въ тотъ же вечеръ.

Лэди Долли на это какъ-то неопредѣленно улыбнулась.

— О, нѣтъ, не знаю, такъ много болтаютъ, не думаю, чтобъ онъ серьёзно—а вы?

— Не знаю,—коротко отвѣтилъ онъ.—Но вы этого желаете?

— Конечно, я желаю всего, что можетъ составить ея счастіе.

Онъ громко разсмѣялся.

— Что за лицемѣрки, эти женщины!—воскликнулъ онъ отъ всей души.

Нѣсколько дней спустя Іура уѣхалъ къ отцу въ Шотландію, и передъ отъѣздомъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ лэди Долли, въ которомъ высказалъ ей все, что зналъ о вѣтренной жизни Зурова въ Парижѣ.

Она слушала разсѣянно, очевидно, не придавая вѣры его словамъ.

Прошло еще нѣсколько дней; однажды вечеромъ во время спектакля, на которомъ Верэ не присутствовала, такъ какъ на домашнемъ театрѣ въ Фелиситэ давалась какая-то черезъ-чуръ ужъ неприличная оперетта, Зуровъ подсѣлъ къ лэди Долли, и съ той недоброй улыбкой, которой она такъ боялась, безъ дальнихъ околичностей, сказалъ ей:

— Не правда ли, милэди, мы всегда были добрыми друзьями, вы меня хорошо знаете и можете судить обо мнѣ безпристрастно. Что бы вы сказали, еслибъ я сознался вамъ, что ищу руки вашей дочери?

Лэди Долли молчала.

— У каждой матери для васъ одинъ отвѣтъ,—съ усиліемъ, наконецъ, заговорила она. Вы слишкомъ добры, и я слишкомъ счастлива.

— Такъ я могу говорить съ ней завтра?

— Позвольте мнѣ прежде потолковать съ ней,—быстро проговорила она:—она такъ еще молода!

— Какъ вамъ угодно. Скажите ей, что я самъ и все, что я имѣю—у ея ногъ.

Digitized by Google

— Что вы только нашли въ ней, Господи Боже мой!—воскликнула она съ изумленіемъ.

— Она избѣгала меня, — отвѣчалъ Зуровъ, и потомъ прибавилъ самымъ любезнымъ тономъ:—къ тому же, она ваша дочь.

Оркестръ заигралъ, занавѣсъ взвился.

— Здѣсь очень жарко,—прошептала лэди Долли:—нельзя ли отворить окно? Вы меня такъ удивили...

«Никогда мнѣ не убѣдить ее»,—думала лэди Долли, широко раскрытыми глазами глядя въ темноту своей спальни, въ теченіи длинной, безсонной ночи.

V.

На слѣдующее утро Верэ возвращалась изъ саду съ полными цвѣтовъ руками, и тихонько пробиралась по корридору, боясь разбудить кого-нибудь, какъ вдругъ дверь изъ комнаты матери отворилась, и до ушей дѣвушки долетѣлъ ея голосъ, звавшій ее.

Верэ вошла свѣженькая и веселая, съ невысохшей еще росой на волосахъ.

Мать, уже облеченная въ изящный утренній капотъ бирюзоваго цвѣта, раскрыла объятія, приняла въ нихъ дочь и напечатлѣла поцѣлуй на лбу ея.

— Дорогое дитя мое,—прошептала она,—у меня есть для тебя новость, новость, которая меня несказанно радуетъ, Вѣра.

— Да?—промолвила дочь, стоя передъ нею съ широко-раскрытыми глазами.

— Очень, очень радуетъ, такъ какъ обезпечиваетъ твое счастіе,—продолжала мать.—Можетъ быть, ты и догадываешься въ чемъ дѣло, дитя, даромъ что такъ молода, и почти не знаешь, что такое: *любовь*. Вѣра, мой старый другъ князь Зуровъ просилъ у меня твоей руки.

— Мама! — Верэ сдѣлала шагъ назадъ, и остановилась. Безмолвное изумленіе, полное недовѣріе, невыразимое отвращеніе отразились на лицѣ ея.

— Ты удивлена, милочка,—продолжала, между тѣмъ, лэди Долли самымъ любезнымъ тономъ:—понятно, ты такое дитя. Но, подумавъ съ минуту, ты увидишь, какъ лестно для тебя это предложеніе, ты...

— Мама,—снова вскрикнула дѣвушка, и на этотъ разъ то былъ крикъ ужаса.

— Не повторяй, сдѣлай милость: мама, мама! — ты знаешь,

Digitized by Google

что я это ненавижу! — заговорила лэди Долли уже болѣе естественнымъ тономъ; ты такая глупенькая, придумать не могу, что онъ въ тебѣ нашелъ, но что-нибудь да нашелъ же, если хочетъ на тебѣ жениться. Это очень хорошая и выгодная партія, Вѣра,—лучшей и желать нечего.

Лэди Долли остановилась на минуту, желая перевести духъ, и подалась слегка впередъ, чтобы снова поцѣловать дочь, но Верэ отшатнулась отъ нея, глаза ея потемнѣли отъ гнѣва, губы дрожали.

— Князь Зуровъ — не благороденъ, тихо, но съ горечью проговорила дѣвушка.—Онъ знаетъ, что я ненавижу его и считаю дурнымъ человѣкомъ. Какъ же смѣетъ онъ такъ оскорблять меня!

— Оскорблять тебя!—почти вскрикнула лэди Долли,—да ты съ ума сошла или нѣтъ? Человѣкъ, за которымъ полъ-Европы гонялось въ теченіи пятнадцати лѣтъ!.. Да и когда почиталось предложеніе оскорбленіемъ, желала бы я знать?

— По-моему, оно можетъ быть величайшимъ,—по прежнему тихо проговорила Верэ.

— «По-твоему», «ты думаешь», да что ты такое, чтобы смѣть думать? Скажи лучше, что ты поражена, это пожалуй естественно. Ты не замѣчала, что онъ влюбленъ въ тебя, хотя всѣ это видѣли.

— Не говорите такихъ ужасовъ!

Румянецъ залилъ щеки дѣвушки, она закрыла глаза руками.

— Ты просто смѣшна,—съ нетерпѣніемъ заговорила мать,—и если только не играешь комедіи—то ты совершенная идіотка. Не серьёзно же ты говоришь, утверждая, будто человѣкъ, предлагающій тебѣ занять положеніе, на которое полъ-Европы точило зубы, оскорбляетъ тебя.

— Если знаетъ, что я не выношу его, то, конечно, оскорбляетъ,—съ сверкающими глазами проговорила Верэ.—Передайте ему это отъ меня. О, мама, мама! какъ могли вы позвать меня, чтобы заставить слушать подобныя вещи! Я не хочу выходить замужъ. Отпустите меня въ Бульмеръ. Ни я не создана для свѣта, ни свѣтъ для меня.

— Что правда, то правда,—воскликнула мать, чувствуя, что ее что-то словно душитъ за горло. Тѣмъ не менѣе ты вступишь въ свѣтъ подъ именемъ княгини Зуровой. Эта партія мнѣ по душѣ, а меня не легко заставить отказаться отъ того, чего я разъ пожелала. Твои комедіи я ставлю ни во что. Въ шестнадцать лѣтъ всѣ дѣвушки глупы и болтливы. Я такая же была. Слава Богу, что тебѣ такъ посчастливилось. Я совершенно отчая-

Digitized by Google

валась. Ты хороша, это правда, но за то—старомодная, непріятная педантка! Вдобавокъ у тебя нѣтъ гроша за душой—понимаешь ли ты это?..

— Довольно, мама,—громко и твердо проговорила Верэ.—Можете передать отъ меня князю Зурову, въ какихъ выраженіяхъ вамъ будетъ угодно, что я за него замужъ не пойду. Не пойду, и только.

Затѣмъ, прежде чѣмъ мать успѣла раскрыть ротъ, она собрала свои цвѣты, и вышла изъ комнаты.

Къ завтраку лэди Долли сошла одна, и, конечно, порученія дочери не исполнила, а только просила Зурова подождать окончательнаго отвѣта, говоря, что дѣвушка смущена, взволнована, и даже сама себя не понимаетъ хорошенько. Верэ между тѣмъ написала своему претенденту сухой, но вѣжливый отказъ, и поручила горничной отнести ему письмо; та, зная порядки, отнесла его Адріеннѣ, которая, въ свою очередь, вручила его лэди Долли. Осторожная маменька письмо сожгла, дочери не сказала ни слова, и повезла ее на нѣсколько дней гостить къ какой-то своей пріятельницѣ, давъ Зурову слово вернуться къ балу, который онъ собирался дать въ честь принца Валлійскаго, обѣщавшаго посѣтить его замокъ. Во все время своего отсутствія, лэди Долли безъ устали приставала къ дочери, убѣждая ее согласиться, увѣряя, что ея записка не могла произвести на Зурова никакого серьёзнаго впечатлѣнія, что онъ просто счелъ это за дѣтскую выходку и пр. Верэ по прежнему оставалась непоколебимой. На подмогу матери явилась лэди Стотъ; съ первыхъ же словъ дѣвушка поняла, къ чему она клонитъ, и остановила ее вопросомъ:

— Мать моя прислала васъ? — затѣмъ прибавила: — будьте такъ добры, лэди Стотъ, передайте ей, что все это ни къ чему не поведетъ: я за князя Зурова замужъ не пойду.

— Нехорошо такъ говорить, душа моя. Если я пришла толковать съ вами, то это единственно въ вашихъ интересахъ. Много видала я молоденькихъ дѣвушекъ, губившихъ всю свою жизнь изъ-за того только, что не хотѣли во-время подумать.

— Я думала.

— Думали, какъ думаютъ въ шестнадцать лѣтъ, но я не то хочу сказать; я желаю, чтобы вы взглянули на вопросъ сквозь очки моей опытности и привязанности, а равно—опытности и привязанности вашей матери. Вы еще очень молоды, Верэ.

— Шарлотта Корде была почти такъ же молода, какъ я, Іоанна д'Аркъ—тоже.

Digitized by Google

— Не знаю, къ чему вы ихъ припутали, но еслибъ онѣ обѣ вышли замужъ въ шестнадцать лѣтъ, — имъ это было бы весьма полезно. Вы теперь дѣвочка, дитя мое, совсѣмъ маленькая дѣвочка. Вамъ дозволяется носить одинъ жемчугъ. Вы не представлены ко двору. Вы—ничто. Въ обществѣ такихъ дѣвушекъ какъ вы—сотни. Не выйди вы замужъ, васъ, въ двадцать лѣтъ, будутъ считать старухой и станутъ говорить: *ахъ, она давнымъ давно выѣзжаетъ, она ужъ не молода*, и что всего хуже—*вы начнете это чувствовать;* тогда вы будете рады выдти замужъ за кого попало, а ужаснѣе этого ничего быть не можетъ. Вы пойдете за младшаго сына какого-нибудь баронета, за секретаря миссіи, отправляющагося въ Гонъ-Конгъ или Чили, за кого случится, лишь бы не видать болѣе своего лица въ зеркалахъ большой залы. Если же вы выйдете замужъ рано и хорошо, всѣ эти ужасы минуютъ васъ, тогда вы будете носить брильянты, будете сами себѣ госпожей, пожалуй пріобрѣтете серьёзное значеніе въ обществѣ въ то время, какъ ваши современницы еще будутъ считаться дебютантками и носить бѣленькія платьица, у васъ будутъ дѣти—вотъ вамъ и серьёзный интересъ, у васъ будетъ все, что есть лучшаго въ жизни. Лучшій художникъ напишетъ вашъ портретъ, а Ворть будетъ одѣвать васъ. И всѣ эти блага выпадутъ вамъ на долю единственно потому, что вы вышли замужъ рано, и вышли хорошо. Душа моя, для дѣвушки подобный бракъ—то же, что для юноши—война, первая битва.

Однако и эта краснорѣчивая, въ своемъ родѣ, тирада оставляетъ Верэ непреклонной. Тогда маменька рѣшается выдвинуть тяжелую артиллерію, и однажды ночью вся въ слезахъ подкрадывается къ ея постели, и сообщаетъ ей что-то такое, послѣ чего Верэ, вся помертвѣлая отъ ужаса, соглашается, наконецъ, быть женой Зурова.

Мать и дочь возвращаются въ Фелисите; Верэ ходитъ, говоритъ, отвѣчаетъ на вопросы, благодаритъ за поздравленія—точно во снѣ.

Зуровъ былъ счастливъ и доволенъ, сестра его со слезами на глазахъ поглядывала на свою будущую невѣстку, всѣ гости были поражены удивленіемъ, никто изъ нихъ не ожидалъ, чтобы ихъ гостепріимный хозяинъ женился на дочери лэди Доротеи Вандердекенъ. Мужчины жалѣли прекраснаго ребенка, женщины уже завидовали ей и относились къ ней враждебно. На балѣ Верэ всѣхъ поразила своей красотой и своимъ мрачнымъ видомъ. Главное украшеніе ея туалета былъ дивный жемчугъ—подарокъ жениха; ей казалось, что это цѣпи, сковывающія ее какъ простую

Digitized by Google

рабыню... конечно, такія дикія мысли могли придти въ голову ей одной.

Изъ французскихъ газетъ узналъ Корревъ, во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, о предстоявшей свадьбѣ князя Зурова съ миссъ Гербертъ; онъ скомкалъ № газеты и швырнулъ его въ каминъ, и изъ Москвы написалъ лэди Долли письмо, по прочтеніи котораго съ ней сдѣлался истерическій припадокъ. Письмо она уничтожила и, конечно, оставила безъ отвѣта. Въ числѣ многочисленныхъ свадебныхъ подарковъ, полученныхъ Верэ, былъ одинъ, присланный безо всякаго письма, а потому какъ-бы анонимный: роскошное опаловое ожерелье съ привѣшенной къ нему брильянтовой звѣздой, подъ звѣздой была мушка изъ сафировъ и жемчуга, а еще ниже лучи изъ рубиновъ, какъ-бы изображавшіе пламя. Мушка такъ была привѣшена, что то поднималась до звѣзды, то опускалась и исчезала въ пламени. Верэ не требовалось никакихъ объясненій, она сразу догадалась, кто прислалъ ей эту вещь.

Отъ бабушки молодая дѣвушка получила въ Парижѣ, куда мать ее повезла дѣлать приданое, очень суровое письмо. Старуха, не понимавшая компромиссовъ съ совѣстью, отказывалась отъ внучки, почти проклинала ее.

Между тѣмъ приготовленія къ свадьбѣ быстро близились къ концу, женихъ вернулся изъ Россіи, куда ѣздилъ по дѣламъ; лэди Долли любовалась соболями, бирюзами дочери, втайнѣ завидовала ей...

Ровно черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ князя, свадебный обрядъ былъ совершенъ сначала въ русской церкви въ Парижѣ, потомъ въ капеллѣ англійскаго посольства.

Ничто не было забыто, что только могло увеличить торжественность длинной церемоніи; весь большой свѣтъ присутствовалъ на ней. Подарки были роскошны, свадебная корзинка любой модисткѣ показалась бы сномъ. Описанія этой свадьбы наполняли столбцы газетъ, объ одномъ только обстоятельствѣ забыли упомянуть услужливые хроникёры, а именно, что когда послѣ вѣнца мать подошла къ молодой и хотѣла обнять ее, та молча ее отстранила, и упала въ обморокъ на ступени, ведущія къ алтарю.

Ее не скоро привели въ чувство.

Digitized by Google

VI.

Со дня свадьбы Верэ Гербертъ прошелъ цѣлый годъ, за это время она побывала съ мужемъ въ Россіи, блистала въ Петербургѣ, а теперь жила въ прелестной виллѣ близъ Виллафранкской бухты, все еще извѣстной подъ именемъ Villa Nelaguine, хотя Зуровъ купилъ ее у сестры.

Княгиня Вѣра прогуливалась подъ тѣнью пальмъ, а невѣстка ея, слѣдя за ней глазами, думала:

—«Надѣюсь, что онъ по крайней мѣрѣ не жестокъ; можетъ быть, она опечалена смертью ребенка».

Вѣра точно будто угадала ея мысль.

— Я рада, что ребенокъ умеръ,—просто проговорила она, глядя ей прямо въ глаза.

Княгиня Нелагина слегка вздрогнула.

— Душа моя,—проговорила она,—этого быть не можетъ; не говори этого; женщины, даже самыя несчастныя, находятъ утѣшеніе въ дѣтяхъ. У тебя нѣжное любящее сердце, ты навѣрное...

— Мнѣ кажется, что сердце мое превратилось въ камень,—тихимъ голосомъ проговорила молодая женщина; потомъ прибавила: въ одной поэмѣ женщина любитъ ребенка, рожденнаго отъ ея позора, я не такая. Можетъ быть, это и очень дурно, не знаю, понимаете ли вы меня.

— Понимаю, понимаю,—быстро проговорила княгиня Нелагина, и крѣпко, съ искреннимъ чувствомъ, сжала руки Верэ.

Много лѣтъ тому назадъ сама Nadine Зурова была выдана за нелюбимаго человѣка, тогда какъ ей казалось, что ея собственная жизнь зарыта въ безымянной могилѣ молодого офицера, погибшаго въ горахъ Кавказа.

— Чувства твои со временемъ измѣнятся, повѣрь мнѣ,—продолжала она.—Въ ранней молодости горе всегда отчаянное; тѣмъ не менѣе оно не убиваетъ. Когда-то и я чувствовала то же что́ ты, а теперь у меня много интересовъ, много занятій, мои сыновья и дочери дороги мнѣ, хотя они и не *его* дѣти; то же, будетъ и съ тобой.

Верэ вздрогнула.

— Люди различны, — просто проговорила она—для меня ничто не измѣнится.

Она сорвала пучокъ бѣлыхъ розъ, смяла ихъ въ рукахъ и бросила о землю.

Digitized by Google

— Вѣдь этимъ розамъ не расцвѣсть?—промолвила она.— А то, что я сдѣлала съ ними, братъ вашъ сдѣлалъ со мной. Теперь меня ничто не измѣнитъ. Забудьте все, что я вамъ наговорила, впередъ постараюсь этого не дѣлать.

Ребенокъ ея, родившійся ранней осенью во время пребыванія князя и княгини въ Россіи, прожилъ нѣсколько часовъ. Мать не горевала о немъ—это былъ ребенокъ Сергѣя Зурова.

Странное волненіе охватило ее, когда она подошла къ безжизненному маленькому трупу, но то была не материнская любовь, не материнское горе, всего скорѣй—то было раскаяніе.

Въ теченіи всей своей болѣзни Верэ только и умоляла мужа не выписывать къ ней мать, и лэди Долли преспокойно осталась въ Парижѣ,—поѣздка въ Россію казалась ей, по всѣмъ вѣроятіямъ, мало привлекательной. Теперь же, когда дочь снова поселилась на югѣ, мать пожелала повидаться съ ней и написала, изъ Парижа, письмо къ Зурову, прося его сказать, можетъ ли она навѣстить ихъ. Отвѣтъ получился утвердительный, и въ одно прекрасное, ясное, теплое утро въ декабрѣ лэди Долли явилась на виллу дочери.

Верэ вышла ей на встрѣчу на террассу въ бѣломъ платьѣ, съ мантильей изъ старинныхъ испанскихъ кружевъ на головѣ; во всѣхъ движеніяхъ ея замѣчалась какая-то особенная лѣнивая грація; фигура роскошно развилась, выраженіе лица было очень холодное, мать ее не узнала,

— Неужели это Верэ?—почти вскрикнула лэди Долли.

— Это Вѣра,—сухо отвѣтилъ Зуровъ.

— Дитя мое, какое горе, какая радость,—лепетала маменька, устремляясь къ дочери съ распростертыми объятіями.

Верэ стояла неподвижно, и позволила ей прикоснуться подкрашенными губами къ ея холоднымъ щекамъ. Глаза ея одинъ только разъ встрѣтились съ глазами матери, и лэди Долли задрожала.

— Этотъ ужасный вѣтеръ!—воскликнула она, пожимаясь—хуже и въ Россіи ничего быть не можетъ.—Моя дорогая, милая Вѣра, я такъ была встревожена, такъ огорчена, подумать только что ты лишилась этого ангельчика.

— Не станемъ говорить объ этомъ—совершенно спокойно попросила ее дочь.

Вообще эта поѣздка лэди Долли была не изъ удачныхъ, Вѣра отъ нея сторонилась, Зуровъ былъ, правда, гораздо, любезнѣе, но и онъ словно давалъ ей чувствовать, что она лишняя у нихъ въ домѣ, даже княгинѣ Нелагиной—и той было не до нея, она

Digitized by Google

все искала удобной минуты, чтобы переговорить съ братомъ о его женѣ, и наконецъ улучила ее однажды вечеромъ.

— Сергѣй,—сказала она ему,—Вѣра смотритъ нездоровой!

—Неужели?—небрежно проговорилъ онъ,—она всегда слишкомъ блѣдна; я ей говорю, чтобы она румянилась, а не то она навряд ли будетъ имѣть успѣхъ на парижскихъ балахъ, даромъ что такъ хороша собой.

— Румяниться въ семнадцать лѣтъ! ты, конечно, говоришь не серьёзно. Ей одно нужно—быть счастливой. Не думаю, чтобы ты составлялъ ея счастіе. Пытался ли ты?

— Не мое дѣло составлять счастье женщинъ. Онѣ могутъ быть счастливы, я имъ не мѣшаю. У нея десять тысячъ франковъ въ мѣсяцъ на ея прихоти, если этого мало—я прибавлю. Можешь передать ей это. Въ деньгахъ я никогда не отказываю.

— Ты говоришь какъ буржуа,—съ нѣкоторымъ презрѣніемъ замѣтила ему сестра.—Неужели ты воображаешь, что деньги—все? Для такихъ женщинъ, какъ она, онѣ почти не имѣютъ значенія. Она все отдаетъ бѣднымъ, ей отъ нихъ нѣтъ радости никакой.

— Въ такомъ случаѣ она совсѣмъ не похожа на свою мать,—съ улыбкой замѣтилъ князь.—Я съ ней ласковъ, мнѣ кажется, нельзя же на свою жену смотрѣть какъ на святую, растолкуй ей это, пожалуйста. Еслибъ она была благоразумна, какъ другія, она была бы счастлива подобно имъ.

На этомъ разговоръ прекратился.

Лэди Долли, съ своей стороны, изъ себя выходила, видя постоянную тоску дочери. «Вотъ неблагодарность-то!» думала она глядя на роскошь, которою зять ея окружалъ свою жену, и сознавая, какъ мало все то, что бы ее, теперь, въ ея годы, заставило прыгать отъ радости, доставляло удовольствія Вѣрѣ.

— Неужели общество ее совсѣмъ не занимаетъ?—спрашивала Долли у княгини Нелагиной.

— Ни на волосъ—былъ отвѣтъ.—И я прекрасно понимаю—почему. Безъ кокетства или честолюбія, невозможно увлекаться обществомъ; каждой хорошенькой женщинѣ слѣдуетъ быть кокеткой, каждой умной женщинѣ—должно заниматься политикой; волненія, интриги, соперничество—неразлучны съ этими двумя карьерами,—это соль, безъ которой самый великолѣпный обѣдъ покажется безвкуснымъ. Женщинѣ нужна цѣль, все равно какъ рыболову нужна рыба въ ручьѣ, а то живо надоѣстъ безъ толку хлестать удочкой по водѣ. Вѣра, по самой природѣ своей, не можетъ быть кокеткой, она слишкомъ горда; къ тому же, мужчина ее не интересуетъ. Политикой ей тоже не увлечься, великіе

Digitized by Google

вопросы ее, правда, занимаютъ, но ничтожныя, мелкія средства, при помощи которыхъ люди стараются добиться своихъ цѣлей, ей безгранично противны, а потому и дипломаткой ей никогда не бывать.

— Да,—со вздохомъ замѣтила на это лэди Долли:—странно, какъ подумаешь что, Верэ—моя дочь.

— Еще страннѣе, что она жена моего брата,—сухо проговорила Нелагина.

На слѣдующій же день, послѣ этого разговора, лэди Долли уѣхала съ мужемъ, пріѣхавшимъ повидаться съ ней, въ Англію. Она уѣзжала съ облегченнымъ сердцемъ, дочь возбуждала въ ней зависть и досаду...

Вскорѣ и супруги Зуровы собрались въ Парижъ, князю легко дышалось только въ этомъ городѣ.

Сидя въ вагонѣ, Вѣра все время думала о Коррезѣ, ей не хотѣлось встрѣтиться съ нимъ; что-то онъ подумалъ обо мнѣ? размышляла она; подумалъ, конечно, что я продала себя, и мнѣ нельзя будетъ разубѣдить его. А поѣздъ летѣлъ и летѣлъ. Съ каждой минутой приближалась она къ нему, къ человѣку, умолявшему ее *сохранить себя незапятнанной свѣтомъ*. Они пріѣхали въ Парижъ въ семь часовъ пополудни; милліоны уличныхъ фонарей сверкали въ отдаленіи, погода стояла очень холодная; кучеръ повезъ ихъ мимо зданія Оперы; по тому же направленію стремились толпы пѣшеходовъ, тянулись длинныя вереницы каретъ. Карета княгини двигалась медленно, а при газовомъ освѣщеніи легко было прочесть напечатанныя крупными буквами, на афишѣ, слова: «Фаустъ»—Коррезъ.

Вѣра откинулась въ глубину кареты.

Вскорѣ экипажъ въѣхалъ во дворъ ихъ отеля. То былъ большой, великолѣпно разукрашенный домъ во вкусѣ второй имперіи. Цѣлые ряды лакеевъ низко склонялись передъ своей госпожей, золоченые канделябры бросали яркій свѣтъ на красный коверъ лѣстницы, украшенной кустами камелій и азалій.

Вѣра прошла прямо въ свою комнату, упала на колѣни у кровати, уронила голову на руки, и горько зарыдала.

У дверей раздался голосъ мужа.

— Одѣвайтесь скорѣй,—кричалъ онъ ей,—мы живо пообѣдаемъ и еще успѣемъ показаться въ оперѣ.

Жена попробовала-было возражать, отговариваясь усталостью, но онъ весьма категорически объявилъ, что подобныхъ капризовъ выносить не намѣренъ; и она, съ невысохшими еще глазами на рѣсницахъ, принялась одѣваться. Черезъ нѣсколько ми-

Digitized by Google

нутъ она сошла въ столовую, на ней было бѣлое бархатное платье, сафиры и брилліянты сверкали въ ея свѣтлыхъ волосахъ, подавленное волненіе придало необычайный блескъ ея глазамъ, вызвало яркій румянецъ на щеки.

Во время обѣда мужъ нѣсколько разъ пристально на нее взглядывалъ.

— Вы послѣдовали моему совѣту и нарумянились?—вдругъ неожиданно спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала жена.

— Парижъ рѣшитъ, что вы прекраснѣе всѣхъ остальныхъ,— небрежно замѣтилъ онъ.—Мы кончили, поѣдемте.

Еще ярче вспыхнули щеки Верэ, она поняла, что подъ *остальными* супругъ разумѣлъ тѣхъ женщинъ, съ именемъ которыхъ Парижъ издавна привыкъ связывать свое имя.

Княгиня Зурова вошла въ свою ложу точно во снѣ, и сейчасъ же опустилась на стулъ.

На сценѣ стояли другъ противъ друга—Маргарита и Фаустъ.

Свѣтъ падалъ прямо на классическій профиль Корреза, стоявшаго съ опущенными глазами, и глядѣвшаго на дѣвушку у его ногъ. Костюмъ выказывалъ все изящество его фигуры, а страстная меланхолія, отражавшаяся на лицѣ, дѣлала красоту линій этого лица какъ-бы еще замѣтнѣе.

Когда Верэ вошла, Фаустъ молчалъ; но черезъ минуту Коррезъ поднялъ голову, и въ залѣ раздались чудные звуки. Вся театральная зала внимала пѣвцу, затаивъ дыханіе; Верэ казалось, что сердце ея перестало биться, она слушала въ безмолвномъ упоеніи, подперевъ щеку рукой.

По окончаніи дѣйствія, ложа ея наполнилась представителями парижскаго высшаго общества.

— Вы затмили самого Корреза, княгиня,—замѣтилъ ей одинъ изъ нихъ:—любуясь вами, Парижъ разсѣяннѣе обыкновеннаго слушалъ своего соловья, и по счастью для него, такъ какъ онъ положительно взялъ фальшивую ноту.

— Если ты очень устала, поѣдемъ,—сказалъ ей мужъ послѣ четвертаго акта: съ него было довольно, онъ видѣлъ, какъ бинокли всей залы направлялись на *русскую красавицу*, какъ ее называли.

— Я какъ-будто отдохнула,—робко проговорила она.

— Капризна же ты, нѣчего сказать, — смѣясь, замѣтилъ мужъ: — я привезъ тебя съ тѣмъ, чтобы тебя видѣли,—цѣль достигнута, теперь мнѣ пора въ клубъ—поѣдемъ.

Digitized by Google

VII.

Зуровскій отель нѣсколько измѣнилъ свой характеръ, при появленіи въ его стѣнахъ молодой хозяйки; подъ управленіемъ княгини Нелагиной, онъ представлялъ нейтральную почву, на которой, во имя собственнаго удовольствія, сталкивались представители различныхъ общественныхъ слоевъ и всевозможныхъ политическихъ фракцій; Вера нѣсколько иначе смотрѣла на вещи, чѣмъ ея невѣстка: она была строже къ себѣ и другимъ, и вліяніе ея личности тотчасъ отразилось на всемъ окружающемъ.

«Живи ты лѣтъ сто тому назадъ,—ты бы изъ нашего дома сдѣлала Hôtel Rambouillet», говаривалъ ей мужъ.

Женщины ея круга тяготились обществомъ молодой княгини: «не правда ли, — говорили онѣ другъ другу, — при ней всегда кажется, будто находишься въ церкви?»

Успѣхъ молодая княгиня имѣла огромнѣйшій, но не на радость былъ онъ ей. Жизнь свою она находила до-нельзя скучной и шумной: ей казалось, что она постоянно на сценѣ, вѣчно окружена льстецами, лишена друзей, и—главное—никогда не бываетъ одна. Ничего не понимала она въ свѣтской жизни, и только недоумѣвала, почему людямъ угодно называть всѣ эти утомительныя упражненія — удовольствіями? Ей не оставалось часа времени для размышленій, свободной минуты для молитвы. Посреди самаго блестящаго общества въ Европѣ, она чувствовала себя одинокой — словно птица въ клѣткѣ; ей бы хотѣлось имѣть друга, но для этого она была слишкомъ горда и слишкомъ робка; женщины завидовали ей, — мужчины ее боялись. «Лесть и удовольствія утѣшаютъ всѣхъ женщинъ, — почему не прибѣгните вы къ нимъ?» — безъ словъ говорили ей всѣ и каждый, не понимая, до какой степени опасны подобные совѣты.

Бурный потокъ свѣтской жизни уноситъ на своихъ волнахъ счастье многихъ молодыхъ женщинъ, подобно тому, какъ рѣка въ своемъ теченіи уноситъ плавающіе на поверхности ея розовые лепестки; но, конечно, если лепесткамъ не удастся совладать съ теченіемъ и они погибнутъ, то винить будутъ ихъ, и всѣ единогласно рѣшатъ: «лепестки виноваты!» Сергѣй Зуровъ только тогда вспоминалъ, что онъ женатъ, когда лестные для его самолюбія отзывы о красотѣ жены долетали до ушей его; все свое время проводилъ онъ въ обществѣ женщинъ, не стѣсня-

Digitized by Google

шихъ ея мизинца; одну изъ нихъ—Noisette, вульгарную, но красивую актрису одного изъ маленькихъ театровъ, онъ отбилъ у своего лучшаго друга, другую—отличавшуюся смуглой кожей и толстыми губами, придававшими ей видъ мулатки, — у богатаго банкира; та и другая грабили его на-пропалую, но забавляли, а ему только это и требовалось.

Бывали, впрочемъ, минуты, когда эти милыя особы надоѣдали Зурову, и тогда онъ бѣжалъ въ изящный будуаръ своего стараго друга, герцогини де-Соннавъ, и тамъ проводилъ цѣлые часы въ веселой, непринужденной болтовнѣ.

Герцогиня была женщина лѣтъ тридцати-трехъ; она принадлежала и по рожденію, и по замужству, къ двумъ древнѣйшимъ родамъ французской аристократіи; ближайшіе родственники ея совершали ежегодныя путешествія въ Фрондорфъ; сама герцогиня находилась въ числѣ немногихъ представительницъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, удостоившихъ признать вторую имперію. Не въ ея характерѣ было жертвовать собою и сидѣть взаперти изъ-за какого-то призрака и какой-то лиліи. Это была женщина, любившая роскошь и поклоненіе.

Одѣвалась герцогиня де-Соннавъ положительно лучше всѣхъ, и была очаровательна, хотя во всемъ лицѣ ея только и было хорошаго, что глаза; ей поклонялись всѣ, даже такіе люди, которые бы прошли равнодушно мимо Елены или Венеры. Съ самаго появленія молодой жены Зурова на парижскомъ горизонтѣ, герцогиня, которую извѣстіе о бракѣ ея одного стариннаго обожателя съ молодой англичанкой привело въ положительное бѣшенство, была съ Верэ крайне любезна, ласкова, привѣтлива, хвалила ее всѣмъ и въ особенности ея мужу, когда тотъ, въ припадкѣ откровенности, сознавался Жаннѣ де-Соннавъ, что ему съ женой—тоска.

— Жена ваша, — возражала ему въ такихъ случаяхъ собесѣдница,—принадлежитъ къ прежнему типу чистыхъ и гордыхъ женщинъ. Намъ полезно, отъ времени до времени, видать такихъ. Она бы величаво взошла на гильотину, но ей никогда не понять современныхъ условій, и всегда будетъ она питать къ нимъ тайное презрѣніе. Въ ней есть чувство собственнаго достоинства, въ насъ — ни искры, мы даже позабыли, что это такое. Мы злимся, если намъ подадутъ больной счетъ. Играемъ —и не платимъ, куримъ, бранимся, громко смѣемся, вульгарно интригуемъ; мы не въ состояніи никого вдохновить ни на что, развѣ на скверную войну, или на гибельную спекуляцію. Вотъ каковы мы; судите же: похожа ли на насъ ваша жена, и будьте

Digitized by Google

благодарны судьбѣ, хотя она точно святая и нѣсколько напоминаетъ бѣлаго лебедя въ Лоэнгринѣ».

Съ матерью княгиня Зурова видалась рѣдко: лэди Долли окончательно поселилась въ Лондонѣ, и не могла нахвалиться своимъ выборомъ: «Лондонъ теперь такой милый городъ,—говорила онъ всѣмъ своимъ друзьямъ,—всѣ эти глупости на-счетъ соблюденія воскреснаго дня выводятся окончательно, и время можно проводить превесело, — стоитъ только хранить всѣ обычаи: бывать въ церкви въ положенные дни, никуда не показываться и ходить въ черномъ въ теченіи Страстной недѣли,—до остальнаго никому дѣла нѣтъ». Лэди Долли, лучше чѣмъ кто-либо, умѣла пренебрегать обязанностями изъ-за удовольствій, въ лицѣ ея примирялись рулетка и ритуализмъ: она всегда отправлялась поутру въ церковь св. Маргариты, если разсчитывала вечеромъ обѣдать въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ. Кромѣ того, лэди Долли отличалась значительной терпимостью, въ сравненіи съ прочими членами гордой семьи своего мужа; когда племянникъ ея, молодой герцогъ де-Мулль, вопреки желанію бабушки и всѣхъ своихъ близкихъ, женился на красавицѣ-американкѣ — Фускіи Личъ, и всѣ его родные, начиная съ Веры Зуровой, протестовали противъ его выбора весьма энергически, и даже не согласились присутствовать на бракосочетаніи, лэди Долли одна изъ всѣхъ его тётокъ явилась на свадьбу, и хотя осуждала его въ глубинѣ души, но заявляла всѣмъ, кто съ ней только объ этомъ разговаривалъ, что, относительно говоря, выборъ Франка еще не такъ дуренъ: онъ могъ бы жениться на пѣвицѣ изъ café-chantant, или на наѣздницѣ изъ цирка, — женятся же многіе молодые люди на подобныхъ личностяхъ!

Новую свою племянницу лэди Долли, впрочемъ, терпѣть не могла, — главнымъ образомъ потому, что она имѣла большой успѣхъ, большій, какъ ей казалось, чѣмъ ея дочь.

— Вѣра сама виновата,—часто говорила она своей вѣчной confidente лэди Стотъ:—всякій, кто къ ней приблизится, видитъ, что ей съ нимъ скучно, а этого люди не прощаютъ. Теперь самая популярная женщина во всей Европѣ, это—ненавистная Фускія Мулль. Ею восхищаются, за ней ухаживаютъ; вы думаете — потому, что она герцогиня? вовсе нѣтъ, душа моя: можно быть герцогиней—и ровно ничего не значить внѣ предѣловъ своего графства, вонъ какъ эта ужасная старая кошка въ Бульмерѣ. Фускія нравится оттого, что сама отъ всѣхъ въ восторгѣ, что все ее забавляетъ. Она весела какъ жаворонокъ. Я ее ненавижу, но тамъ, гдѣ она—никому не бываетъ скучно. Да вотъ

Digitized by Google

вамъ примѣръ: на томъ благотворительномъ базарѣ въ пользу бѣдныхъ валаховъ—кто бы они тамъ такіе ни были—было рѣшительно все общество; у Вѣры была лавочка,—она ее наполнила великолѣпными, слишкомъ великолѣпными вещами и сидѣла подлѣ, точно одинъ изъ лучшихъ портретовъ Миньяра. Она была очаровательна, прелестна; надъ головой ея возвышалась бесѣдка изъ орхидей, сидѣла она на индійскомъ рѣзномъ стулѣ изъ слоновой кости. Что-жъ вы думаете?—люди сотнями стекались къ ея лавочкѣ, любовались ея красотой — и уходили. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, Фускія Муль торговала скверно́йшимъ чаемъ, пирожками и папиросами,—къ ней почти невозможно было подойти, — такая толпа: правда, на ней была прелестная шляпа Louis XIII, восхитительное, золотистое платье съ длиннымъ бархатнымъ жилетомъ. Она цѣловала папироски и продавала ихъ по пяти фунтовъ за штуку. Зурову стало досадно, — онъ подошелъ къ женѣ и сказалъ ей: «вонъ тамъ за бріошку даютъ больше, чѣмъ за весь вашъ саксонскій и севрскій фарфоръ, или за ваши орхидеи». Вѣра только взглянула на него — знаете ея взглядъ?— и спросила: «не прикажете ли мнѣ цѣловать орхидеи?»—Даже мужъ ея разсмѣялся; «нѣтъ,—сказалъ онъ,—вы на это не годитесь: вы не умѣете быть доступной»,—и это правда; а нынче—если не умѣешь быть доступной, такъ и съ успѣхомъ простись.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, лэди Долли обнаруживала большой запасъ житейской философіи; дочь ея точно была не по-плечу той сферѣ, въ которую бросила ее судьба. Многое въ этой средѣ смущало и раздражало ее: съ благотворительностью свѣтскихъ барынь она, напримѣръ, примириться никакъ не могла. «*Нищихъ всегда имѣете съ собою*, сказалъ Христосъ,—говорила она однажды, обращаясь къ шумной группѣ своихъ знакомыхъ:—вы считаете себя послѣдовательницами Христа, *но какъ имѣете вы ихъ съ собою — этихъ нищихъ?*—толстая стѣна отдѣляетъ ваши палаццо отъ ихъ конуръ; вы богаты развлеченіями, которымъ вамъ угодно придавать характеръ благотворительныхъ затѣй: лотереи въ пользу голодающихъ, спектакли въ пользу жертвъ наводненія,—что́ это все такое, какъ не страшная насмѣшка надъ страданіемъ? Почему бы вамъ честно не сознаться, что вы равнодушны къ бѣднякамъ? можетъ быть, они простили бы вамъ ваше равнодушіе, но, конечно, не простятъ оскорбленія, какое вы имъ наносили вашимъ притворнымъ сожалѣніемъ».

Слушательницы были скандализированы,—онѣ совѣтывались

Digitized by Google

со своими духовниками, и порѣшили, что не позволять болѣе молоденькой женщинѣ читать имъ проповѣди, въ родѣ тѣхъ, которыми Іоаннъ Златоустъ нѣкогда громилъ константинопольскихъ женщинъ.

Сама Вера дѣлала много добра: она каждое утро посѣщала бѣдныхъ и, кромѣ матеріальной помощи, оказывала имъ и нравственную поддержку; лучшіе часы ея жизни были тѣ, которые она проводила среди своихъ смиренныхъ друзей; въ обращеніи ея съ ними не было и тѣни обычной надменности: она всегда помнила завѣтъ бабушки, говорившей ей, бывало, во дни ея тихаго дѣтства: «можешь, если желаешь, надѣть второе свое платье для представленія королевѣ, но когда идешь навѣстить бѣдняка — надѣвай что́ у тебя есть лучшаго, не то огорчишь его, обидишь». Зуровъ часто, въ насмѣшку, называлъ жену святой Елисаветой, но ея затѣямъ не мѣшалъ; онъ только требовалъ, чтобы она всегда возвращалась домой во́-время, для прогулки въ Булонскомъ лѣсу или для визитовъ, но не препятствовалъ ей проводить раннее утро въ занятіяхъ, приходившихся ей по душѣ. Въ великосвѣтскихъ гостиныхъ героиня наша часто видала Коррева, но онъ не искалъ случая быть ей представленнымъ, а потому она не имѣла возможности говорить съ нимъ; почти каждый вечеръ бывала она въ оперѣ, втайнѣ упиваясь его пѣніемъ и не воображая, что онъ поетъ совсѣмъ иначе, — еще лучше обыкновеннаго, когда видитъ издали, въ глубинѣ ея ложи, бѣлокурую головку, полу-закрытую вѣеромъ...

Такъ проходилъ день за днемъ; княгиня Зурова, по прежнему, составляла предметъ разговоровъ, — о ея портретахъ, ея бюстахъ, ея туалетахъ, ея брилльянтахъ писали въ газетахъ; а тоска, гнѣздившаяся въ ея сердцѣ, все возростала и возростала. Однажды на одной изъ выставокъ ей бросилась въ глаза картина, изображавшая дѣвицу, купленную для гарема, связанную веревками по рукамъ и по ногамъ и окруженную грудами драгоцѣнныхъ тканей, цѣлыми ящиками блестящихъ каменьевъ; долго, не отрываясь, смотрѣла Вера на несчастную, и, наконецъ, спросила, обращаясь къ живописцу, писавшему картину: «неужели вамъ для этого сюжета надо было ѣздить на Востокъ?» Картину она купила и повѣсила у себя въ спальнѣ. Таково было положеніе дѣлъ, когда однажды въ одномъ изъ посольствъ былъ назначенъ большой костюмированный балъ.

Князь и княгиня Зуровы пріѣхали изъ послѣднихъ. На немъ былъ старинный боярскій костюмъ, состоявшій изъ соболей и драгоцѣнныхъ камней, — она изображала Лѣдъ;

Digitized by Google

брилльянты и висюльки изъ чернаго хрусталя покрывали ее всю, съ головы до пятъ.

Появленіе ея было встрѣчено восторженными восклицаніями. Она—полюбовавшись въ теченіи нѣсколькихъ минутъ красивой и оживленной картиной праздника, готова была сейчасъ же воротиться домой, ей, какъ всегда—было скучно!

Медленно двигалась она по комнатамъ, на груди ея сверкалъ одинъ изъ крупнѣйшихъ брилльянтовъ Европы, въ рукѣ она держала опахало изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ, шлейфъ ея поддерживали два маленькихъ де-Сонназъ, одинъ изображалъ полярную Звѣзду, другой—Морозъ.

Самая ея молчаливость соотвѣтствовала характеру ея красоты и принятой ею на себя роли.

— Когда вы проходите мимо,—шепнулъ ей одинъ изъ принцевъ, почтившихъ праздникъ своимъ присутствіемъ, просто холодѣешь отъ отчаянія. Она низко присѣла ему, она почти ничего не слыхала, глаза ея слѣдили за показавшейся вдали фигурой. То былъ венеціанецъ съ лютней. Костюмъ его былъ скопированъ съ знаменитой фрески Батиста Зелотти, онъ казался оожившимъ Джорджано. Нѣсколько знатныхъ дамъ, подъ прикрытіемъ маски, осыпали его цвѣтами и сластями. Онъ смѣялся и защищался при помощи золотого жезла, похищеннаго у пріятеля, изображавшаго Меркурія. Онъ быстро подвигался впередъ, но принцъ преградилъ ему дорогу и спросилъ:—Что пользы въ вашей лютнѣ, если струны ея молчатъ?

— Подобно пѣвцу,—носящему ее, моя лютня всегда найдетъ голосъ для вашего высочества,—отвѣчалъ музыкантъ.

Они находились въ длинной галереѣ вдали отъ бальной залы, въ раскрытыя окна виднѣлся иллюминованный садъ, стѣны были увѣшаны гобеленовыми обоями, галерея выходила прямо на мраморную террассу, за которой тянулись лужайки съ бьющими посреди ихъ фонтанами.

Венеціанецъ запѣлъ, подъ аккомпаниментъ лютни, романсъ на слова Гейне, содержащія, въ восьми строкахъ, разсказъ о двухъ разбитыхъ жизняхъ:

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ розой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Digitized by Google

Какъ только первыя ноты задрожали въ воздухѣ, Вера еще пристальнѣе взглянула на пѣвца, и узнала въ немъ Корреза.

— Ради Бога, еще что-нибудь,—умолялъ принцъ; Корресъ сдался на его просьбу и пропѣлъ «La Nuit de Mai» Альфреда де-Мюссе.

Когда онъ кончилъ—въ галереѣ царило глубокое молчаніе, всѣ эти легкомысленные люди ощутили, хотя бы на минуту только, внезапную боль, смутное сожалѣніе о чемъ-то, словомъ—все, что ощущалъ самъ поэтъ, писавшій эти дивныя строки.

Двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ прелестной женщины на ея бриллианты. Пѣвецъ отвѣсилъ принцу никакій поклонъ и скрылся въ толпѣ.

— А я только-что хотѣлъ представить его княгинѣ,—съ неудовольствіемъ подумалъ высокій покровитель искусства,—впрочемъ, онъ, можетъ быть, правъ. Артисты, подобно богамъ, должны иногда скрываться отъ взоровъ толпы. Я его прощаю, но я ему завидую.

Принцъ замѣтилъ отуманившіеся взоры Веры.

VIII.

Эта встрѣча не была однако послѣдней Веры, еще много разъ суждено было сталкиваться въ толпѣ съ человѣкомъ, оставшимся, по-старому, ея идеаломъ; такъ, однажды на большомъ вечерѣ у герцогини Жанны онъ съ такимъ искреннимъ одушевленіемъ, съ такимъ глубокимъ чувствомъ спѣлъ простой романсъ, что княгиня Вера, наконецъ, поняла; яркій румянецъ залилъ ея щеки, когда глаза его встрѣтились съ ея глазами.

Сезонъ кончился, супруги Зуровы отправились на первые лѣтніе мѣсяцы къ себѣ въ Фелисите; герцогиня Жанна де-Сонназъ покинула Парижъ одновременно съ ними, она рѣшилась провести часть лѣта по сосѣдству съ ихъ имѣніемъ, въ Трувилѣ.

Даже лѣтомъ, Вере не суждено было, хоть немного, отдохнуть отъ того водоворота, въ которомъ она постоянно жила; обязанности хозяйки дома поглощали все ея время. Герцогиня Жанна, своими веселыми затѣями, оживляла ихъ маленькій кружокъ; ей, между прочимъ, были обязаны очень оригинальной мыслью, а именно по ея иниціативѣ устроенъ былъ въ Трувилѣ благотворительный базаръ въ новой формѣ, въ видѣ ярмарки, причемъ всѣ продавщицы, въ числѣ которыхъ были представительницы многихъ аристократическихъ именъ Европы, должны

Digitized by Google

были явиться въ костюмахъ фламандскихъ крестьянокъ, съ соотвѣтствующими золотыми украшеніями, въ высокихъ бѣлыхъ чепцахъ и въ деревянныхъ баттакахъ. Княгиня Зурова, по желанію мужа, должна была также принять участіе въ этомъ праздникѣ. Разноцвѣтныя палатки были разбиты на лугу въ громадномъ паркѣ графа д'Онуль; каждая изъ нихъ была украшена флагомъ съ изображеннымъ на немъ гербомъ будущей продавщицы. Противъ голубой палатки, предназначавшейся для княгини Зуровой, виднѣлась полосатая, бѣлая съ розовымъ, надъ которой, вмѣсто герба, красовалось изображеніе бѣлки, грызущей орѣхи, съ надписью вокругъ, гласящей: — «Да здравствуютъ браконьеры». На полахъ палатки была надпись: «Mademoiselle Noisette».

Вера Зурова, пріѣхавшая съ мужемъ, невѣсткой и гостями, по просьбѣ герцогини взглянуть на приготовленія къ ея празднику, побѣднѣла отъ гнѣва, замѣтивъ, какимъ сосѣдствомъ наградила ее распорядительница. Тѣмъ не менѣе она не промолвила ни слова; но въ тотъ же вечеръ, улучивъ свободную минутку, подошла къ мужу и въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ объявила ему, что если Noisette осмѣлится занять свою палатку, то она, Вера, своей не займетъ. Мужъ разсвирѣпѣлъ; жена оставалась непреклонной; княгиня Нелагина пыталась-было убѣдить невѣстку въ томъ, что нелѣпымъ требованіямъ всего лучше покориться, если не желаешь навлечь на себя еще бо́льшихъ непріятностей, молодая женщина ничего слышать не хотѣла; неизвѣстно, чѣмъ бы это все кончилось, а главное — къ чему бы привело супруговъ возникшее между ними неудовольствіе, еслибъ не вмѣшалась въ дѣло милосердая судьба. Въ самый день праздника княгиня Вера прогуливалась по саду; вдругъ къ ногамъ ея упалъ камень, съ привязанной къ нему запиской.

Вера развернула ее; на небольшомъ клочкѣ бумаги, незнакомымъ ей, но твердымъ и плотнымъ, мужскимъ почеркомъ были начертаны слѣдующія слова:

«Mademoiselle Noisette вчера была вызвана въ Парижъ. Смиренный доброжелатель умоляетъ княгиню Зурову болѣе этимъ обстоятельствомъ не тревожиться. Она можетъ, съ совершенно спокойной душой, удостоить ярмарку своимъ присутствіемъ».

Прочтя письмо, Вера оглянулась, кругомъ не было ни души, только вдали виднѣлась маленькая лодочка, съ сидѣвшимъ въ ней рыбакомъ, энергически работавшимъ веслами.

Лица его ей не было видно.

«Вѣрно онъ бросилъ мнѣ письмо», съ недоумѣніемъ подумала молодая женщина.

Digitized by Google

Она спокойно совершила свой обычный обходъ, побывала въ другомъ саду, въ оранжереѣ, и часовъ въ одиннадцать возвратилась домой, гдѣ застала все общество въ сильномъ волненіи; герцогиня только-что получила отъ одного изъ помощниковъ своихъ по устройству праздника извѣстіе, что Корресъ, находящійся въ Трувилѣ проѣздомъ, предлагаетъ имъ свои услуги, и проситъ отдать въ его распоряженіе павильонъ m-lle Noisette.

Предложеніе это, конечно, принимается съ восторгомъ; праздникъ удается какъ нельзя лучше, но герцогиня, отъ наблюдательности которой ничто не ускользаетъ, замѣчаетъ, что Корресъ, любезничающій со всѣми женщинами, играющій съ дѣтьми, забавляющій публику своими шутками, остротами, приводящій ее въ восторгъ своимъ пѣніемъ, веселый, оживленный Корресъ не бросилъ ни одного взгляда на палатку княгини Зуровой.—«Тутъ что-нибудь да не такъ», думаетъ проницательная госпожа, и рѣшаетъ въ умѣ, что за *безупречной красавицей* не мѣшаетъ приглядывать, можетъ быть, кое-что и увидишь»!

IX.

Надъ красивымъ, утонувшимъ въ зелени Ишлемъ спущались вечернія сумерки.

Ишль, какъ молоденькая дѣвушка, всего лучше поутру. Вечернее освѣщеніе недостаточно ярко, луна долго не поднимается надъ сосновыми лѣсами, окаймляющими городокъ, но за то, когда она покажется, то очень эффектно освѣщаетъ быстро катящій воды свои Траунъ, съ отражающимися въ нихъ огнями, мелькающими въ окнахъ прибрежныхъ домовъ.

Ишль спокойный, приличный, простой городокъ. Ишль не напоминаетъ кокотку—какъ прежній Баденъ, или титулованную кокодетку—какъ Монако. Ишль не играетъ въ азартныя игры, не кутитъ, вообще не безумствуетъ; онъ отличается нѣсколько старомоднымъ характеромъ.

Ишль рано ложится и рано встаетъ.

Въ описываемый августовскій вечеръ, въ городкѣ царила невозмутимая тишина, хотя посѣтителей было чрезвычайно много. Тихія группы гуляющихъ мелькали подъ деревьями эспланады, на балконахъ сидѣли мужчины и женщины; по временамъ слышался лай собаки, дѣвичій смѣхъ, всплескъ весла на рѣкѣ.

Вдругъ, съ большой дороги, раздались стукъ копытъ, щелканіе бича, почтовый рожокъ, все звуки, нарушавшіе благо-

Digitized by Google

датную вечернюю тишину, и показалась запряженная четверикомъ коляска, съ двумя дамами и собакой.

Мужчина, сидѣвшій на окнѣ отеля: «Kaiserin Elisabeth», тотчасъ узналъ путешественницъ.

— Судьба,—пробормоталъ онъ.—Цѣлыхъ два года я ее избѣгаю, и вдругъ fatum, въ лицѣ нашихъ докторовъ, посылаетъ насъ обоихъ сюда.

Въ эту минуту, надъ самыми ушами его, раздались звуки австрійскаго марша, убійственно исполненнаго ужаснѣйшимъ оркестромъ. Кургастъ бросился къ окнамъ и сталъ затворять ихъ одно за другимъ.

— Что это за шумъ? спросилъ онъ у появившагося въ его комнатѣ слуги.

— Шумъ? это—серенада музыкальной капеллы.

— Кого же это привѣтствуютъ?

— Княгиня Зурова изволила прибыть.

— «Я честно старался избѣгать ее,—говорилъ себѣ Корресъ, по уходѣ слуги,—что прикажете дѣлать—судьба!»

Стемнѣло. Онъ вышелъ на балконъ, перегнулся черезъ перила и заглянулъ внизъ.

Тамъ на балконѣ лежала собака, Лоръ; звѣздный свѣтъ отражался на ея серебристо-сѣрой шерсти; подлѣ, на стулѣ, виднѣлись букетъ альпійскихъ розъ и большой, черный вѣеръ.

— «Теперь я ей задамъ серенаду», подумалъ Корресъ, «не такую, какой подарила ее капелла».

Онъ ушелъ въ себѣ въ комнату, и вынесъ оттуда большую, испанскую гитару, безъ которой никогда не путешествовалъ...

Какъ только первые звуки сорвались съ устъ его, княгиня, отдыхавшая съ дороги въ салонѣ нижняго этажа, вскочила на ноги и стала прислушиваться. Сердце ея сильно билось. Другого подобнаго голоса не было въ цѣломъ мірѣ. Она вышла на балконъ, облокотилась о перила и стала слушать.

Онъ пѣлъ: «Salve Dimora», изъ Фауста.

Она слушала, наклонивъ голову, вся блѣдная,—она чувствовала, что онъ поетъ для нея одной.

Послѣ первой аріи онъ спѣлъ нѣсколько отрывковъ изъ Ифигеніи, изъ Фиделіо, и наконецъ, свою любимую пѣснь, пѣснь о соснѣ.

Затѣмъ послышалось дрожаніе словно оборвавшейся струны, стукъ затворяемаго окна—и все стихло.

Когда Ишль проснулся на другой день, утро было великолѣпное. Зеленая рѣка сверкала. Кофейныя чашки звенѣли на

Digitized by Google

всѣхъ балконахъ. На плотахъ виднѣлись груды бѣлаго бѣлья и толпы смѣющихся прачекъ. Дѣти бѣгали, хорошенькія женщины на высокихъ каблукахъ и съ длинными палками прогуливались подъ деревьями.

То была мирная, живописная, достойная кисти Ватто—картина. Трудно, невозможно было представить себѣ, глядя на нее, чтобы на свѣтѣ существовали революціи, спекуляціи, бѣдность, соціализмъ, торопливость и шумъ...

Корресъ наслаждался утромъ, стоя у себя на балконѣ; кто-то закричалъ ему снизу:

— Доброе утро, Корресъ. Вчера вечеромъ вы задали намъ божественную серенаду. Приходите къ намъ завтракать въ десять часовъ; здѣсь мы встаемъ съ пѣтухами.

То былъ голосъ Жанны де-Сонназъ.

Герцогиня смотрѣла на него и смѣялась, на ней былъ бѣлый пеньюаръ, весь покрытый волнами кружевъ, одна живая роза красовалась въ волосахъ ея, другая на груди.

— Приходите,—продолжала она,—вы встрѣтите Веру Зурову. Вы ее знаете. Доктора увѣряютъ, будто она больна, я этого не вижу. А хорошенькое мѣсто Ишль, бывали вы здѣсь прежде? Правда, немножко напоминаетъ декорацію, только скука страшная, надѣюсь—вы насъ развеселите.

Корресъ отвѣчалъ на ея рѣчи нѣсколькими любезными фразами, а самъ думалъ: «Какъ смѣетъ это животное доцѣрять жену Жанинѣ де-Сонназъ?»

Княгиня Вера возвратилась изъ ванны, съ слегка зарумянившимися щеками; на ней было бѣлое шерстяное платье, съ серебрянымъ поясомъ, къ которому былъ привѣшенъ молитвенникъ.

— Вы похожи на Нильсонъ, въ роли Маргариты,—съ улыбкой замѣтила Жанна де-Сонназъ. Ахъ — да, кстати, Фауста я пригласила завтракать.

— Зачѣмъ, зачѣмъ было это дѣлать!—воскликнула Вера, вся поблѣднѣвъ.

— Вотъ прекрасно! да у меня сотня причинъ на то была; не пугайтесь, дорогая,—Корресъ вездѣ принятъ, онъ джентльменъ, даромъ что пѣвецъ.

Доложили о приходѣ Корреса.

— Вы, кажется, знакомы съ княгиней Зуровой?—небрежно промолвила герцогиня.

Онъ молча поклонился.

За завтракомъ герцогиня и Корресъ разговаривали одни, Вера слушала.

Digitized by Google

Между прочимъ, герцогиня упрекнула пѣвца за его равнодушіе къ заслугамъ Берліоза.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ горячо,—я отказываюсь признать достоинства шума, отрицаю значеніе чудовищныхъ хоровыхъ массъ. Странное дѣло, съ каждымъ днемъ музыка становится искусственнѣе, а прочія искусства—естественнѣе. Я учился музыкѣ въ Италіи и вѣрю въ одну мелодію. Простота—душа музыки. Музыка не наука,—она божественный инстинктъ. Я каждый день жду, что мою манеру пѣть признаютъ устарѣвшей.

— Но не станете же вы обращать вниманіе на подобные толки?

Корресъ пожалъ плечами.

— Я равнодушенъ. Равнодушіе всегда сила, теперь я дѣлаю, что́ хочу, потому что я въ модѣ, для насъ мода замѣнила славу; что-жъ, вѣрно, мы получаемъ то, что́ заслужили.

— Неужели вы думаете, что участь наша всегда соотвѣтствуетъ нашимъ заслугамъ?—тихо спросила Верэ.

— Да, княгиня, я всегда это думалъ.

— Это жестокое ученіе.

— И ложное, можетъ быть?

На слѣдующій день Корресъ вздумалъ совершить хорошую прогулку верхомъ.

Чудная дорога тянется черезъ Вейсбахскую долину, вплоть до озера Аттерзее; протяженіе ея—миль шестнадцать, если не болѣе, идетъ она лѣсомъ, изобилующимъ гигантскими, поросшими мхомъ деревьями, плющами, цвѣтами; пѣнистая рѣка Вейсбахъ катитъ свои волны у подножія деревъ-великановъ; вдали мелькаютъ на горизонтѣ—горы; несчетные ручейки журчатъ между высокихъ травъ, а въ концѣ этой живописной дороги виднѣется блестящая голубая поверхность самаго большого озера во всей Австріи—Аттерзее.

Корресъ, увлекшись красотами природы, ѣхалъ шагомъ, такъ что добрался до озера часа черезъ два; здѣсь онъ сошелъ съ лошади, и рѣшилъ, что обратный путь совершитъ пѣшкомъ; оставивъ лошадь въ небольшой прибрежной гостинницѣ, онъ только-что успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ завидѣлъ въ отдаленіи силуэты двухъ человѣческихъ фигуръ и собаки.

Онъ тотчасъ узналъ Верэ и ея русскаго слугу. Онъ колебался, не зная: догонять-ли ему ихъ или нѣтъ.

Въ эту самую минуту Верэ оглянулась, желая, вѣроятно, полюбоваться видомъ, и увидала его.

Онъ болѣе не колебался, и подошелъ къ ней.

Digitized by Google

Она просто и ласково подала ему руку.

— Вы были у озера, княгиня, я также, но лѣсная дорога лучше. На берегахъ Аттерзее слишкомъ много народу.

— Къ сожалѣнію—по озеру ходятъ пароходы. Но эта дорога—прелесть.

— Дивныя здѣсь мѣста, не иди такъ часто дождь—была бы просто Аркадія. Но скажите: довольно ли вы сильны, чтобы ходить такъ далеко?

Она быстро отвѣчала, что любитъ ходить, что въ Парижѣ ходитъ мало, и ей это гораздо вреднѣе, чѣмъ подобныя прогулки.

Корревъ пошелъ рядомъ съ нею.

Сѣдой, угрюмый съ виду слуга слѣдовалъ за ними.

Они долго молчали.

— Madame де-Сонназъ не съ вами сегодня,—наконецъ, сказалъ онъ, чтобы только заговорить о чемъ-нибудь.

Вера отвѣчала ему:—Нѣтъ, у нея много друзей въ Ишлѣ, она у эрцгерцогини Софіи.

— Нравится вамъ m-me де-Сонназъ? впрочемъ, что-жъ я спрашиваю, конечно—да,—разъ, что вы путешествуете вмѣстѣ.

— Она сама предложила ѣхать со мной, мужъ принялъ ея предложеніе. Это было очень мило съ ея стороны.

— Герцогиня очень остроумна, очень любезна,—она должна быть пріятной спутницей, когда въ духѣ.

— Вы какъ будто ее не любите, а мнѣ вчера казалось, что она пользуется вашей симпатіей.

— Мнѣ она нравится, какъ и вся ея сфера, когда я смотрю на нее глазами ума. Сердцемъ я ее ненавижу.

— Значитъ, вы отдѣляете область чувства отъ области мысли?

— Ихъ раздѣляетъ огромное пространство. Что, князь пріѣдетъ къ вамъ сюда?

— Мы съѣдемся въ Вѣнѣ. M-me де-Сонназъ ѣдетъ со мною въ Россію.

— Долго думаете пробыть въ Россіи?

— О, нѣтъ, мѣсяца два не болѣе.

— Неужели васъ не утомитъ такое продолжительное путешествіе?

— Мнѣ кажется, я довольно сильна, чтобы вынести его. Я точно утомлена, но утомлена сознаніемъ моей безполезности. Въ нашей жизни господствуетъ такая рутина, всѣ дни наполнены заботами о мелочахъ. Такъ трудно быть полезной.

— Но ваши крестьяне? Мнѣ кажется, въ Россіи еще такъ сильно развито невѣжество, суевѣріе...

Digitized by Google

— Мужъ не любитъ, чтобы я имѣла дѣло съ крестьянами; кромѣ того, я такъ мало живу въ Россіи; что могу, то дѣлаю въ Парижѣ.

Во все время этого разговора ихъ обоихъ тревожили различныя мысли: онъ жаждалъ узнать, какія силы довели ее до этого ужаснаго брака? она жаждала объяснить ему, что не низкое тщеславіе побудило ее отдать свою руку Сергѣю Зурову, но ни онъ, ни она не рѣшались высказать томившихъ ихъ мыслей.

«Я не должна винить ни мать, ни мужа», — думала она.

Щеки ея горѣли.

Они медленно двигались подъ величавой сѣнью старыхъ деревьевъ.

— Итакъ, вамъ m-me де Сонназъ нравится? — снова спросилъ онъ.

— Она очень пріятная женщина, и часто напоминаетъ мнѣ о разныхъ вещахъ, о которыхъ я забываю. Я очень забывчива.

— Въ пустякахъ, можетъ быть. Это часто случается съ мыслящими людьми. Такъ, m-me де-Сонназъ—вашъ менторъ.

— Мужъ приказалъ мнѣ, разъ навсегда, слѣдовать ея совѣтамъ, онъ, кажется, очень ее уважаетъ. Неужели вы считаете ее недоброй женщиной?

Корревъ засмѣялся.

— Недоброй? ее-то? герцогиню? Да, она очень добра, пять минутъ послѣ выхода изъ исповѣдальни. Большинство людей, княгиня, и m-me де-Сонназъ съ ними, не добры, не злы; не чувствуютъ влеченія ни къ преступленію, ни къ добродѣтели. Вамъ бы не мѣшало присмотрѣться къ герцогинѣ. Нельзя быть достаточно осторожнымъ въ выборѣ друзей своихъ.

— Она мнѣ не другъ, у меня нѣтъ друзей.

— Легко повѣрю, что нѣтъ. Въ нашемъ большомъ свѣтѣ мало мыслятъ; симпатіи, сочувствія тамъ и искать нечего, а безъ сочувствія какая же дружба? Несчастіе современнаго общества заключается еще въ томъ, что всѣ другъ на друга похожи, не на комъ и остановиться.

На полъ-дорогѣ отъ Аттерзее, въ Вейсбахской долинѣ, возвышается деревянный, украшенный грубой живописью крестъ, поставленный, вѣроятно, въ память какого-нибудь печальнаго событія, вокругъ него растутъ тѣнистыя деревья, неподалеку стоитъ деревянная скамья.

Наши путники, незамѣтнымъ для самихъ себя образомъ, дошли до этого мѣстечка.

— Отдохните здѣсь, княгиня, — сказалъ Корревъ,—вы уже

Digitized by Google

прошли нѣсколько миль. Полюбуйтесь на эти горы, выдѣляющіяся сквозь деревья, а я соберу вамъ цвѣтовъ, вы по прежнему любите ихъ, не правда ли?

Верэ грустно улыбнулась.

— Люблю; но и цвѣтами мы, несчастные, мало наслаждаемся, потому именно, что видимъ ихъ постоянно въ такомъ изобиліи,—подумайте, что ихъ гибнетъ на одномъ балѣ!

Верэ сидѣла на скамьѣ у креста, на колѣняхъ ея лежали цвѣты; на ней было бѣлое платье безъ всякихъ украшеній, она походила на дѣвочку, которую Корреэ нѣкогда угощалъ вишнями и молокомъ.

Онъ облокотился о древесный стволъ и не спускалъ съ нея глазъ.

Долго говорили они о посторонннихъ предметахъ.

Наконецъ, молодая женщина собралась съ духомъ и проговорила:

— Вы помните, какъ вы просили меня сохранить себя незапятнанной свѣтомъ? Я хочу сказать вамъ, что всегда, всегда стремлюсь къ этому. Мной не руководили ни самолюбіе, ни тщеславіе, какъ вы, вѣроятно, думали. Больше я сказать вамъ ничего не могу. Но если вы хоть сколько-нибудь понимаете меня, то, конечно, понимаете, что я говорю правду.

— Я зналъ это прежде, чѣмъ вы мнѣ сказали.

Онъ забылъ, что не такъ еще давно подозрѣвалъ и упрекалъ ее.

Верэ молча связывала свои цвѣты.

Онъ слѣдилъ за нею, въ его темныхъ глазахъ сверкали слезы.

— Не я одинъ васъ понялъ безъ словъ, княгиня; вѣроятно, свѣтъ васъ понимаетъ, и вотъ почему добрая половина вашихъ знакомыхъ не въ силахъ простить вамъ.

— Теперь я васъ не понимаю, — съ слабой улыбкой вопросительно проговорила Верэ.

— Да, вы меня не понимаете,—быстро проговорилъ онъ,— въ этомъ вся опасность. Знаете ли вы, чего стоитъ быть чистой женщиной въ томъ свѣтѣ, въ которомъ вы живете? Знаете ли, какая казнь за это преступленіе—*одиночество*. Если вамъ стыдно ходить полу-одѣтой, если вы не желаете смѣяться надъ неприличными намеками, понимать непристойныя пѣсни, имѣть въ числѣ своихъ друзей женщину съ двусмысленной репутаціей, если вы такая отсталая,—вы оскорбляете свое поколѣніе, вы ему живой упрекъ. Неужели вы не сознаете, что ваши современ-

Digitized by Google

ницы скорѣй простили бы вамъ порокъ во всей его наготѣ, чѣмъ эти незапятнанныя одежды, которыя вы достойны носить наравнѣ съ дѣтьми и съ ангелами?

Онъ умолкъ.

Вера слушала, лицо ея слегка зарумянилось, потомъ покрылось еще большей блѣдностью. Теперь она хорошо, слишкомъ хорошо поняла его. Смутный стыдъ закрался ей въ душу при мысли, что онъ знаетъ, какъ тернистъ ея путь, какъ ненавистна ей ея собственная участь.

Она собрала свои цвѣты и встала.

— Далеко мнѣ до ангеловъ, вы слишкомъ хорошаго обо мнѣ мнѣнія, — проговорила она слегка дрожащимъ голосомъ. — Солнце, кажется, садится. Становится поздно.

— Да, скоро стемнѣетъ. Княгиня, вы не забудете моихъ словъ, вы будете осторожны съ вашими врагами?

— Кто они такіе?

— Всѣ женщины вашего круга и большая часть мужчинъ.

Они вышли на перекрестокъ, гдѣ ждалъ ее экипажъ.

— Увижу ли я васъ завтра? — спросила она, подавая ему руку.

— Завтра я отправляюсь на охоту, гдѣ пробуду, можетъ быть, нѣсколько дней, но по возвращеніи буду имѣть честь привѣтствовать васъ.

Экипажъ покатился.

Птицы пѣли въ лѣсу. Солнце садилось.

— «Онѣ поютъ и въ моемъ сердцѣ», подумалъ Коррезъ; «но ихъ слушать не надо. Гейне зналъ судьбу-капризницу, онъ не прибѣгнулъ ни къ какому чуду, чтобы заставить сосну встрѣтиться съ пальмой».

IX.

За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Ишля, Вера Зурова и герцогиня Жанна собрались, въ сопровожденіи многочисленной свиты, обозрѣвать старинный, живописный, оригинальный городокъ Ауссе.

Вера, тяготившаяся болтовней своихъ спутниковъ, отстала отъ нихъ, и пошла одна-одинехонька осматривать церковь (Spital-Kirche), объ алтарѣ которой, древне-германскомъ произведеніи, относящемся къ четырнадцатому столѣтію, говорилъ ей Каульбахъ.

Digitized by Google

Эти старинныя церкви въ австрійскихъ городахъ способны внушать благоговѣйныя мысли; въ нихъ царятъ мракъ и тишина. Смѣлые рыцари, дѣла которыхъ по сіе время воспѣваются въ сумерки, подъ аккомпаниментъ цитры, спятъ подъ поросшими травою плитами. Высоко надъ головами молящихся, виднѣется колоссальное распятіе. Сквозь полу-растворенную, обитую желѣзомъ дверь, доносится запахъ сосны, передъ тускло-горящими лампадами непремѣнно стоитъ на колѣняхъ и молится какая-нибудь согбенная старушка. Такимъ же характеромъ отличается церковь въ Ауссе.

Верэ принялась срисовывать алтарь; а когда убѣдилась, что задача эта превосходитъ ея слабыя силы, оставила кисти и краски, сѣла на потемнѣвшую отъ времени скамью и погрузилась въ глубокую задумчивость.

Звуки органа вывели ее изъ оцѣпенѣнія, она прислушалась. Кто-то игралъ «реквіемъ» Моцарта. Торжественно звучала въ маленькой церкви дивная мелодія. Къ Верэ подошелъ мальчикъ, русокудрый и голубоглазый, и подалъ ей букетъ альпійскихъ розъ, посреди которыхъ виднѣлся темноголубой цвѣтокъ: *Вольфиніи Коринтіаны*, растущей, какъ говорятъ, исключительно на отлогостяхъ Гартнеркегеля.

— Господинъ, для котораго я работалъ органными мѣхами, посылаетъ вамъ эти цвѣты, и спрашиваетъ, не можетъ ли онъ повидать васъ на минуту?

— Скажи, что *да*.

Черезъ мгновеніе передъ ней стоялъ Корресъ.

— Я думала, что вы далеко, — съ усиліемъ сказала она ему,—мнѣ казалось, вы въ Гагѣ.

— Я тамъ буду, но неужели вы думаете, что я такъ скоро покину Австрію, когда вы въ ея предѣлахъ?

— Вы писали m-me де-Сонназъ.

— Я писалъ ей многое, чему она, конечно, не повѣрила,— быстро возразилъ онъ. Со свѣтомъ приходится бороться его же оружіемъ, или быть побѣжденнымъ. Вы для этого слишкомъ правдивы.

Онъ вздохнулъ. Верэ молчала. Она не вполнѣ постигала его.

— И вы все это время были среди ледниковъ?—наконецъ, спросила она.

— Нѣтъ, я былъ въ Каринтіи. Развѣ вы не знаете, что этотъ голубой цвѣтокъ растетъ лишь на Гартнеркегелѣ, и болѣе нигдѣ во всей Европѣ. Мнѣ захотѣлось его вамъ привезти.

— Вы только за этимъ и ѣздили?

Digitized by Google

— Только за этимъ. Что вамъ подарить? у васъ все есть. Князь Зуровъ купилъ вонъ одинъ изъ крупнѣйшихъ брилльянтовъ въ свѣтѣ, но не думаю, чтобы онъ полѣзъ доставать вамъ Вольфинію. А она не болѣе какъ горный цвѣтокъ.

— Да, не болѣе, какъ горный цвѣтокъ!—но тонъ, которымъ онъ говорилъ, придавалъ Вольфиніи значеніе цвѣтка Оберона.

— Почему вы знали, что я здѣсь?

Онъ улыбнулся.

— Очень просто. Сегодня рано я былъ въ Ишлѣ. Вы ѣдете въ Россію?

— Черезъ три дня.

Онъ вдругъ опустился къ ея ногамъ.

— Я не болѣе, какъ пѣвецъ,—прошепталъ онъ,—но чту васъ, какъ другіе, болѣе серьёзные люди чтить не могутъ. Не вѣрьте никому, кто станетъ говорить вамъ обо мнѣ дурно. Если вамъ когда понадобится слуга или мститель—позовите меня. Если буду живъ—явлюсь. Увы, ни мнѣ и никому другому не спасти душу вашу вполнѣ, но вы въ рукѣ Божіей, если надъ нами есть Богъ. Простите.

Онъ удалился; десять минутъ спустя и она вышла изъ церкви, заслышавъ голоса друзей своихъ.

— Гдѣ вы были, моя милая,—закричала ей герцогиня:—что это за цвѣтокъ; неужели онъ растетъ въ церкви?

Сѣдовласый посланникъ и ученый ботаникъ, лордъ Бангоръ, находившійся въ свитѣ герцогини, посмотрѣлъ на цвѣтокъ сквозь очки.

— Вольфинія!—вскрикнулъ онъ въ восторгѣ;—Вольфинія Каринтіана, да это фениксъ между цвѣтовъ; можно узнать, княгиня, гдѣ вы достали это сокровище? Его родина — въ значительномъ отсюда разстояніи, въ Гитьчепалѣ, въ Каринтіи.

— Онъ оттуда и есть, мнѣ его принесъ мальчикъ,—отвѣчала Верэ, и покраснѣла, почувствовавъ, что сказала не всю правду.

Герцогиня бросила на нее быстрый взглядъ и подумала:

— «Коррезъ прислалъ или принесъ ей эти цвѣты. Я въ Гагу не вѣрю».

По возвращеніи въ Ишль, Верэ застаетъ тамъ мужа, который, переговоривъ о чемъ-то съ Жанной де-Сонназъ, проситъ жену пригласить Корреза къ нимъ въ Россію. Княгиня пишетъ вѣжливое и оффиціальное приглашеніе, но мужъ недоволенъ тономъ письма, находя его слишкомъ учтивымъ. По его мнѣнію, артистъ этого не стоитъ. Герцогиня Жанна предлагаетъ свои услуги, и пишетъ пѣвцу записочку; онъ отвѣчаетъ отказомъ, подъ предлогомъ, будто много-

Digitized by Google

численные ангажементы не позволяютъ ему располагать своимъ временемъ.

Спустя нѣсколько недѣль, Верэ уже жила съ мужемъ въ Россіи, въ огромномъ имѣніи князей Зуровыхъ, на берегу Балтійскаго моря. Мать къ ней пріѣхала изъ Карлсбада, герцогиня де-Сонназъ гостила у нихъ, княгиня Нелагина, какъ всегда, была съ ними; ожидалось множество гостей. Охоты, спектакли, обѣды, всевозможные праздники, непрерывной вереницей слѣдовали одинъ за другимъ.

Совѣсть лэди Долли совершенно успокоилась; она успѣла убѣдить себя въ томъ, что въ дѣлѣ замужства Верэ, она, какъ мать, дѣйствовала великодушно, съ самоотверженіемъ и мужествомъ.

— «Немногія женщины рѣшились до такой степени пожертвовать собою и всѣми своими личными чувствами, какъ пожертвовала я», совершенно серьёзно говорила себѣ эта почтенная матрона.

Если-же, подчасъ, въ душѣ ея возникали еще непріятныя ощущенія, она спѣшила выпить немного хересу или немного хлору, смотря по времени дня, и очень скоро приходила въ нормальное настроеніе.

А дочь? Дочь по прежнему терзалась; вся гордость, свойственная ей, вся природная чистота ея—возмущались противъ мужа. Нося подаренные имъ брилльянты, сидя за его столомъ, принимая его гостей, она ненавидѣла его, ненавидѣла всѣми силами души, и въ то же время ненависть эту почитала грѣхомъ.

Камнемъ давила ее глухая безнадежность, а мужъ совѣтовалъ ей искать развлеченій въ тряпкахъ и побѣдахъ.

Однажды вечеромъ, усадивъ высокихъ гостей своихъ за карты, Верэ вышла на террассу — подышать воздухомъ. Нелагина послѣдовала за ней.

— Здорова-ли ты сегодня, Вѣра?

— Какъ всегда.

— Мнѣ кажется, Ишль не принесъ тебѣ пользы?

— Ишль? что можетъ сдѣлать для меня Ишль? Траунъ — не Лета.

— Неужели ты никогда не успокоишься?

— Не думаю.

Нелагина вздохнула.

— Скажите мнѣ, — неожиданно заговорила Верэ, — вы его сестра, съ вами я могу говорить: неужели обязанности женщины все тѣ же, даже если мужъ о своихъ забываетъ?

Digitized by Google

— Конечно, душа моя, то-есть—да, я думаю...

— Чувствую я, что ничто не измѣнитъ разъ принятыхъ мною на себя обязанностей,—съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ заговорила Верэ.—Что обѣщалъ, то сдержи, это вѣрно. Значитъ, что бы онъ ни дѣлалъ, оставить его нельзя?

Она глядѣла своими ясными очами прямо въ глаза его сестры.

— Дорогая моя,—уклончиво заговорила Нелагина,—жена не должна покидать мужа. Свѣтъ всегда готовъ осудить женщину, почти никогда—мужчину. Жена, покинувшая домъ мужа, всегда въ фальшивомъ положеніи. Какъ бы другія женщины ей ни сочувствовали, рѣдкая изъ нихъ станетъ принимать ее; ради Бога, не думай даже объ этомъ.

— Я думала не о томъ, чего-бы я лишилась: это въ глазахъ моихъ не имѣетъ никакой цѣны,—спокойно замѣтила Верэ,—а лишь объ обязанностяхъ жены передъ Богомъ.

— Возвышенны твои чувства, Вѣра; только жаль — душа твоя настроена нѣсколькими октавами выше, чѣмъ все тебя окружающее; ни съ кѣмъ ты не сходишься въ мысляхъ; ты святая, воздымающая хоругвь во время священной борьбы, мы—толпа смѣющихся масокъ...

— Значитъ, вы въ состояніи смѣяться... Однако становится свѣжо, не войдемъ ли мы въ комнаты?

Быстро пролетѣли два мѣсяца охотничьяго сезона,—время, которое Зуровы разсчитывали провести въ Россіи,—и въ назначенный заранѣе день они возвратились на свою виллу на Средиземномъ морѣ. Супружеская жизнь Верэ окончательно перешла въ тотъ фазисъ, когда мужъ и жена совершенно чужіе другъ другу, они обмѣнивались нѣсколькими словами лишь въ присутствіи постороннихъ.

Зуровъ словно боялся ее, а она радовалась, видя, что онъ оставляетъ ее въ покоѣ.

Очень часто Верэ, стоя на колѣняхъ въ тиши своей комнаты, старалась уяснить себѣ: насколько виновата она въ безобразномъ поведеніи мужа, но какъ ни анализировала она свои поступки, ей было ясно одно: она ничѣмъ не въ силахъ была пособить горю; даже еслибъ она любила его—и тутъ ничего бы сдѣлать не могла. Любовь его къ ней была основана на однихъ чувственныхъ стремленіяхъ; а привычки срослись со всѣми фибрами его существа. Начни она обнаруживать нѣжность въ обращеніи съ нимъ, онъ бы тотчасъ оттолкнулъ ее какимъ-нибудь циническимъ словцомъ. Вѣрность въ глазахъ его была пус-

Digitized by Google

тымъ, не имѣющимъ никакого значенія звукомъ, честь поставилъ онъ себѣ въ одномъ: никогда не сробѣть передъ мужчиной.

Честныя женщины рѣдко пользуются значительнымъ вліяніемъ; Жанна де-Сонназъ всегда могла вліять на Зурова, Верэ—никогда.

Женѣ вообще не обладать вліяніемъ равнымъ вліянію любовницы.

Однажды Верэ, отправляясь навѣстить больную невѣстку свою, жену Владиміра Зурова, жившую въ Ниццѣ, проѣзжала по Promenade des Anglais; она была одна, на переднемъ сидѣніи коляски помѣщался Лоръ и большая корзина цвѣтовъ, предназначавшихся въ подарокъ больной; день былъ чудный, катающихся множество. Экипажъ Верэ неожиданно обогнала викторія, запряженная парой вороныхъ, въ ней возсѣдала смуглая женщина съ блестящими глазами, вся закутанная въ соболя, а рядомъ съ ней полулежалъ Сергѣй Зуровъ.

Слабый румянецъ, покрывшій лицо Верэ, былъ единственнымъ признакомъ того, что она узнала мужа, и его спутницу.

Спустя минуту, ея лошадь рванулась впередъ и оставила викторію далеко позади. Верэ полузакрыла лицо свое букетомъ ландышей, бывшимъ у нея въ рукахъ.

Проѣхавъ съ полъ-мили, она приказала кучеру ѣхать домой другой дорогой. Возвратясь на виллу, Верэ вошла къ себѣ въ спальню, сняла соболя, свернула ихъ, позвала горничную, и, отдавая ей мѣха, сказала:

— Передайте это князю, скажите ему, что мнѣ ихъ болѣе не нужно, а ему они могутъ понадобиться.

Въ этотъ вечеръ на виллѣ обѣдало человѣкъ сорокъ гостей. Верэ, вся блѣдная, была въ бѣломъ платьѣ, съ букетомъ бѣлой сирени на груди; единственнымъ украшеніемъ ея туалета служилъ крупный жемчугъ, подаренный ей родными ко дню ея свадьбы. Она уронила платокъ, мужъ наклонился поднять, и подавая его ей, шепнулъ:—Я не люблю театральныхъ эффектовъ, до моихъ дѣйствій вамъ нѣтъ никакого дѣла. Завтра вы надѣнете ваши соболя и поѣдете кататься на Promenade des Anglais слышите?

— Слышу, но не поѣду.

— Не поѣдете?

— Нѣтъ.

Гости начали съѣзжаться, Верэ принимала ихъ со своей обычной, нѣсколько холодной граціей.

Послѣ продолжительнаго обѣда все общество собралось въ бѣлой гостиной.

Digitized by Google

Было около одиннадцати часовъ.

Гости успѣли уже насладиться музыкой; два искусныхъ артиста, скрипачъ и піанистъ, исполнили передъ ними нѣсколько пьесъ Листа и Шумана; послѣ того обширная комната наполнилась шумнымъ говоромъ, доказывавшимъ, насколько гости довольны хозяйкой и другъ другомъ. Дверь растворилась на обѣ половинки, и слуги доложили:

— Г-нъ Коррезъ!

— Какое счастіе!—вскрикнула княгиня Нелагина, и, подойдя къ брату, шепнула ему:—Мы съ Вѣрой сегодня встрѣтили его во время утренней прогулки, и я его пригласила, скажи что-нибудь любезное, Сергѣй, онъ въ первый разъ у тебя въ домѣ.

Коррезъ, между тѣмъ, низко поклонившись хозяйкѣ и отвѣтивъ нѣсколькими словами на привѣтствіе хозяина, подошелъ къ роялю, а потомъ, обратившись къ Зурову, сказалъ:

— Я пришелъ, чтобы спѣть что-нибудь вашимъ дамамъ. Это вашъ инструментъ? вы мнѣ позволите.

— «По крайней мѣрѣ знаетъ, зачѣмъ его звали», подумалъ Зуровъ: «но выражается странно, можно подумать, что князь—онъ, а артистъ—я».

Коррезъ взялъ аккордъ, въ комнатѣ воцарилась полная тишина.

Онъ смотрѣлъ передъ собой и ничего не видѣлъ, кромѣ цѣлаго моря свѣта, красновато-розовыхъ цвѣтовъ, и одной женской фигуры, облеченной въ бѣлый бархатъ.

Онъ на минуту задумался; потомъ запѣлъ одинъ изъ рождественскихъ гимновъ Фелисьена Давида.

Никогда не пѣвалъ онъ лучше, чѣмъ въ этотъ день. Когда онъ кончилъ и поднялъ голову, его глаза встрѣтились съ мрачно глядѣвшими на него глазами Сергѣя Зурова.

— Я спою вамъ еще одну вещь, если вы не устали меня слушать,—сказалъ онъ,—но такую, какой вы никогда не слыхали.

Онъ запѣлъ, положенное имъ самимъ на музыку, извѣстное стихотвореніе Сюлли-Прюдома: la Coupe.

Голосъ его гремѣлъ, въ немъ слышался вызовъ; онъ придалъ своему исполненію смыслъ, ясный для всѣхъ его слушавшихъ. Послѣдній же куплетъ онъ спѣлъ съ выраженіемъ нѣжной тоски.

Вера осталась неподвижной, Зуровъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, съ опущенной головой и мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ,—имъ овладѣлъ невольный стыдъ.

Коррезъ всталъ и закрылъ рояль.

— Я пришелъ съ тѣмъ, чтобы пѣть—и пѣлъ; теперь вы мнѣ

Digitized by Google

позволите васъ оставить, такъ какъ завтра на разсвѣтѣ я уѣзжаю въ Парижъ.

Многіе пытались удержать его, но онъ остался непреклоннымъ.

Верэ подала ему руку, когда онъ выходилъ изъ комнаты.

— Благодарю васъ,—промолвила она очень тихо.

Гости тотчасъ же разъѣхались, всѣми овладѣло какое-то непріятное ощущеніе.

Зуровъ неровными шагами заходилъ по комнатѣ.

— Вы пригласили его сюда, чтобы оскорбить меня?—спросилъ онъ, неожиданно останавливаясь передъ женой.

Она взглянула ему прямо въ лицо.

— Нѣтъ. Въ этомъ стихотвореніи не было бы никакого оскорбленія, еслибъ совѣсть ваша не заставила васъ отыскивать его.

На слѣдующій день мужъ потребовалъ, чтобы Верэ ѣхала съ нимъ кататься. Она отказалась. Онъ пришелъ въ бѣшенство; упреки градомъ посыпались на ея гордую голову.

— Что вы такое были?—кричалъ онъ, не помня себя.—Развѣ я не купилъ васъ? Чѣмъ вы лучше этой женщины, носящей мои соболя? Развѣ только тѣмъ, что я за васъ заплатилъ дороже. Неужели вы никогда не подумаете объ этомъ?

— День и ночь думала, съ тѣхъ поръ, какъ стала вашей женой. Но вы знаете очень хорошо, что я вышла не ради вашего состоянія, вашего положенія, вообще не изъ эгоистическихъ цѣлей.

— Нѣтъ? такъ изъ-за чего же?

— Чтобы спасти мою мать—вамъ это извѣстно.

— Чего она вамъ наговорила?—пробормоталъ онъ, измѣняясь въ лицѣ, и выпуская ея руки, которыя крѣпко сжималъ въ своихъ.

— Она мнѣ сказала, что она у васъ въ долгу, что не въ состояніи заплатить вамъ, что у васъ есть ея письма къ кому-то, что она въ вашей власти, что вы грозили ей, въ случаѣ если я не... но вы все это знаете лучше меня. Мнѣ казалось, что мой долгъ—пожертвовать собою, теперь я бы этого не сдѣлала, но тогда я была ребенокъ, и она умоляла меня именемъ отца....

Она остановилась, заслышавъ страшный смѣхъ мужа.

— Вотъ лгунья-то? — бормоталъ онъ: — какова миленькая, пустоголовая, на видъ безвредная лэди Долли!

— Развѣ это неправда?—спросила Верэ.

— Что такое—неправда?

— Что она была въ вашей власти.

Онъ избѣгалъ встрѣтиться съ нею глазами.

— Да, нѣтъ... У нея было много моихъ денегъ, но не въ

Digitized by Google

томъ дѣло; она — она заплатила мнѣ! Не было никакого основанія пугать и принуждать васъ.

— Значитъ, мать обманула меня.

— Да, обманула,—коротко отвѣтилъ онъ.

Его темныя брови нахмурились. Лицо горѣло.

— Теперь не къ чему толковать объ этомъ,—поздно. Мнѣ очень жаль, васъ ввели въ обманъ. Вчерашній проклятый пѣвецъ правъ; вы—золотой кубокъ, а я предпочитаю ему свиное корыто.

Онъ молча поклонился ей, и отправился въ Монте-Карло, гдѣ лэди Долли имѣла обыкновеніе проводить цѣлыя утра за игрой въ рулетку. Тамъ онъ отыскалъ ее, и категорически попросилъ болѣе его порога не переступать, такъ какъ онъ не желалъ видѣть ее подъ одной кровлей съ женою.

Лэди Долли сначала испугалась, но тотчасъ оправилась и его же осыпала упреками.

Она, какъ и всѣ женщины ея закала, жила въ атмосферѣ, пропитанной софизмами, никогда не размышляла и вообще не допускала, чтобы *она* могла поступить дурно. Лэди Долли была современная женщина и, какъ таковая, слабый и испорченный продуктъ современной цивилизаціи. Безполезная какъ мотылекъ, измѣняющая любовникамъ и друзьямъ, просто по неспособности уразумѣть, что̀ значитъ говорить правду; заботящаяся лишь о своемъ личномъ комфортѣ, утомленная жизнью и боящаяся смерти, вѣрующая поочередно то въ духовника, то въ доктора, но вовсе не вѣрующая въ добродѣтель; засыпающая при помощи усыпительныхъ средствъ, бодрствующая при помощи крѣпкихъ напитковъ и сырой говядины; утомленная въ двадцать лѣтъ и совершенно истощенная въ тридцать—такова современная женщина, подлѣ которой трагическія фигуры преступницъ древняго міра—Медеи, Клитемнестры, Федры,—представляются намъ чуть не чистыми и благородными.

X.

Тотчасъ по возвращеніи на зиму въ Парижъ, Зуровъ поспѣшилъ навѣстить герцогиню де-Соннаэъ.

При появленіи его она расхохоталась; онъ поглядѣлъ на нее, насупя брови.

— Неужели вы хоть одну минуту думали, что исторія ваша неизвѣстна всему Парижу? Какъ могли вы довволить *ему*... и

Digitized by Google

въ присутствіи сотни слушателей вдобавокъ:—закричала она!—вѣдь только благодаря мнѣ, обо всемъ этомъ не было напечатано въ «Фигаро». Теперь мы всѣ ждемъ видѣть первые признаки вашего обращенія на путь истины. Съ чего вы намѣрены начать: будете ли ѣздить въ церковь, станете ли катать лэди Долли вокругъ озера? дадите ли клятву никогда не переступать порога кофейни?

— Вамъ угодно шутить, — съ замѣтнымъ неудовольствіемъ сквозь зубы процѣдилъ Зуровъ. Тѣмъ не менѣе, когда онъ вышелъ изъ дома своей пріятельницы, полусозрѣвшее въ душѣ его намѣреніе:—отнынѣ стать менѣе недостойнымъ жены, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ,—испарилось окончательно: онъ былъ раздраженъ, уязвленъ, взбѣшенъ.

Вообще онъ былъ странный человѣкъ; характеръ его не былъ лишенъ энергіи, въ немъ еще сохранилась, несмотря на его образъ жизни и на его скверныя привычки, нѣкоторая доля добропорядочности, заставлявшая его воздавать мысленно должную дань уваженія мужеству и самоотверженію жены.

Бывали минуты, когда ему сильно хотѣлось сказать ей: *простите меня, молитесь за меня*,—но гордость мѣшала. Онъ боялся быть смѣшнымъ, боялся, какъ бы не сказали, что Корреэ исправилъ его при помощи одного романса, и, во избѣжаніе этихъ несчастій, выставлялъ свои пороки на показъ всему свѣту.

Медленно, тоскливо тянулся сезонъ для Верэ, она по-прежнему бывала вездѣ: на скачкахъ въ Шантильи, въ Булонскомъ лѣсу, на посольскихъ балахъ, но жизнь болѣе чѣмъ когда-либо представлялась ей чѣмъ-то лихорадочнымъ, безумнымъ... Неизвѣстно, кто первый произнесъ имя княгини Зуровой рядомъ съ именемъ Корреэа. Этого никто бы рѣшить не могъ; одно достовѣрно: въ обществѣ уже носился на ихъ счетъ какой-то зловѣщій шопотъ, слышались намёки, на многихъ лицахъ мелькали улыбки.

У нея было много враговъ; ее ненавидѣли за красоту, за грацію, за глубокій взглядъ ея вдумчивыхъ очей, передъ которымъ, казалось, обнажались всѣ сокровенныя побужденія тѣхъ, на комъ останавливался этотъ взглядъ.

Ее окружали невидимые враги, самаго существованія которыхъ она не подозрѣвала, что дѣлало ихъ еще опаснѣе. Ни одна изъ ненавидѣвшихъ ее женщинъ не воображала, чтобы подъ снѣгомъ скрывалась земля, чтобы въ чашечкѣ дикой розы притаились червяки, но если это такъ—какое ликованіе!

Идеальная радость ангеловъ при видѣ одного грѣшника кающагося

Digitized by Google

щагося, конечно, въ тысячу разъ слабѣе реальнѣйшей радости грѣшниковъ, созерцающихъ паденіе чистаго дотолѣ существа.

Вера, между тѣмъ, ничего не зная, шла своей дорогой, какъ всегда—гордая и спокойная.

Въ сущности говоря, особеннаго еще не произошло ничего; такъ себѣ, просто *въ обществѣ болтали.*

Зуровъ объ этихъ толкахъ ничего не зналъ; когда ему случалось бывать въ свѣтѣ съ женою, онъ по-прежнему слѣдилъ за ней мрачнымъ, изумленнымъ взглядомъ, въ которомъ сквозила нѣжность. *Онъ кончитъ ролью влюбленнаго мужа,* съ досадой думала въ такія минуты Жанна де-Сонназъ.

Однажды она позволила себѣ, въ его присутствіи, за чашкой кофе, нѣсколько полупрозрачныхъ намековъ, и когда замѣтила его раздраженіе, уже, не обинуясь, начала раскрывать ему глаза.

— Надо быть слѣпымъ,—говорила она,—чтобы не замѣтить, что между Вѣрой и этимъ пѣвуномъ-проповѣдникомъ что-то есть. Вы бы могли догадаться, когда онъ отказался пріѣхать къ вамъ въ Россію: гдѣ это видано, чтобы пѣвецъ безо всякой причины пренебрегъ кучей денегъ? Кромѣ того, онъ былъ въ Ишлѣ, я вамъ тогда не говорила, надобности не было,—но онъ далъ ей дивную серенаду, лазилъ невѣсть на какую высоту ей за цвѣтами; уѣхалъ какъ-то странно,—вдругъ.

— Онъ не болѣе какъ комедіантъ,—грубо перебилъ ее Зуровъ—неужели вы думаете, что она въ состояніи снизойти...

— О, нѣтъ, нѣтъ, жена ваша—жемчужина, это всѣ знаютъ. Тѣмъ не менѣе, такія-то жемчужины и способны хранить чувство въ сердцѣ, подобно тому, какъ хранятъ мощи въ серебряномъ ковчежцѣ.

Зуровъ слушалъ ее въ мрачномъ молчаніи; ревность понемногу разгоралась въ его душѣ, хотя онъ, покамѣсть, ничему не вѣрилъ.

— Воображеніе увлекло васъ слишкомъ далеко,—коротко замѣтилъ онъ.—Когда я женился на Вѣрѣ, ей было шестнадцать лѣтъ; у англичанокъ въ эти годы не бываетъ сердечныхъ исторій, только во Франціи Купидонъ умѣетъ прятаться между лексиконами и молитвенниками.

Жанна де-Сонназъ разсердилась въ свою очередь. Бывши еще въ монастырѣ, лѣтъ шестнадцати отъ роду она чуть-было не учинила великаго скандала съ молодымъ офицеромъ егерскаго полка, и его, по желанію ея семьи, выпроводили въ Африку. Она не воображала, чтобы слухъ объ этой старой, глупой исторіи, дошелъ до ушей Сергѣя Зурова.

Digitized by Google

— Я не думала вовсе о Купидонѣ, — небрежно замѣтила она.—Но я очень хорошо помню, что была какая-то романическая исторія между Корревомъ и вашей женой, когда она была совсѣмъ, совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, чуть ли онъ не спасъ ей жизнь; одно вѣрно: она до сихъ поръ смотритъ на него, какъ на своего ангела-хранителя. Извѣстно ли вамъ, что, благодаря его вмѣшательству, Noisette возвратилась въ Парижъ въ день нашего базара?

— Дерзость проклятая; вы увѣрены въ томъ, что говорите?

— Неужели вы не знали? о, какъ глупы мужчины: я тотчасъ догадалась!

— Я и теперь не вѣрю,—упрямо повторялъ онъ.

— Тѣмъ лучше,—сухо замѣтила его пріятельница.

— Я всегда замѣчала,—продолжала она послѣ небольшой паузы,—что циники и скептики неспособны видѣть истину, которая бьетъ всякому въ глаза. Замѣтьте, что я ничего дурного о женѣ вашей сказать не хочу: она просто восторженнаго характера, смотритъ на жизнь какъ на поэму, на трагедію, но она женщина религіозная, вѣритъ въ грѣхъ, точно такъ же, какъ бретонскіе крестьяне вѣрятъ въ духовъ и святыхъ: худого она никогда ничего не сдѣлаетъ. Что вы смотрите такъ сердито? Радуйтесь, что жена ваша поклоняется мощамъ, а не дарить свою благосклонность дюжинѣ молодыхъ драгуновъ. Конечно, вы могли бы ихъ пострѣлить, но это всегда такъ смѣшно; вообще мужьямъ трудно не быть смѣшными. Воображаю, какое у васъ было лицо, когда Корревъ пѣлъ свою пѣсню: до смертнаго моего часа буду жалѣть, что меня тамъ не было.

Жанна откинулась на спинку кушетки, и громко засмѣялась, закинувъ руки подъ голову и зажмуря глаза.

Взволнованный этимъ разговоромъ, Зуровъ возвращается домой, переодѣться къ обѣду въ русскомъ посольствѣ, и велитъ доложить о себѣ женѣ. Она принимаетъ его стоя, у картины Жерома, изображающей невольницу.

Вера, по обычаю своему, была въ бѣломъ; на шеѣ ея красовалось нѣсколько рядовъ жемчугу и эмблематическій медальонъ, *его* подарокъ.

Глаза мужа сразу замѣтили ненавистную ему драгоцѣнность.

— Кто вамъ это подарилъ?—безо всякихъ предисловій спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, я не должна вамъ отвѣчать.

— Вашъ пѣвецъ прислалъ вамъ эту вещь, снимите ее.

Она молча повиновалась.

Digitized by Google

— Дайте мнѣ ее.

Она подала.

Онъ бросилъ медальонъ объ полъ, и растоптлъ каблукомъ. Въ лицѣ Вере не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

— Что я сдѣлалъ съ его подаркомъ, то сдѣлаю съ нимъ самимъ, если онъ когда-нибудь осмѣлится явиться предъ вами. Слышите?

— Слышу.

— Ну, и что-жъ?

— Что вы хотите, чтобы я вамъ отвѣчала. Я ваша жена, вы можете всячески оскорблять меня, а я не смѣю обижаться. Къ чему же мнѣ еще говорить вамъ, что я обо всемъ этомъ думаю?

Онъ молчалъ, такъ какъ до нѣкоторой степени уходился. Онъ прекрасно сознавалъ, что унизилъ самого себя, поступилъ какъ дрянь, а не какъ джентльменъ.

— Вѣра, — пробормоталъ онъ:—клянусь Богомъ, если ты только позволишь, я буду любить тебя.

Она вздрогнула.

— Хоть отъ этого-то избавьте по крайней мѣрѣ.

— Что онъ вамъ такое, этотъ пѣвецъ?

— Человѣкъ, который меня уважаетъ, и чего вы не дѣлаете.

— Будь онъ мнѣ ровня, я бы его вызвалъ и убилъ.

— Что-жъ, онъ можетъ защищаться, руки его такъ же чисты, какъ и совѣсть.

— Поклянитесь, что онъ не вашъ любовникъ?

Глаза ея сверкнули, но она взяла со стола евангеліе, поцѣловала и проговорила:

— Клянусь!

А затѣмъ обернулась къ нему и почти крикнула:

— Теперь, когда вы нанесли мнѣ послѣднее оскорбленіе, какое человѣкъ можетъ нанести женѣ своей,—удовольствуйтесь этимъ, уходите!

Она указывала на дверь рукою.

— Женщины перерождаются, только когда любятъ, а вы неузнаваемы,—громко проговорилъ онъ.—Но вы не новой школы. Вамъ извѣстно, что я вамъ невѣренъ: почему же вы вѣрны мнѣ?

— Развѣ ваши грѣхи—мѣра моихъ обязанностей?—презрительно отвѣчала она.—Развѣ вы никогда не слыхали о самоуваженіи, о чести, о Богѣ?

— Я вамъ вѣрю, все это прекрасно, но эти возвышенныя чувства продержатся до перваго искушенія, не далѣе; всѣ вы — дочери Евы.

Digitized by Google

Онъ поклонился и вышелъ.

Вера стояла, выпрямившись, съ мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

Прошло нѣсколько мгновеній. Наконецъ она очнулась, наклонилась, подняла съ полу обломки медальона, заперла всю эту сверкающую пыль въ потайной ящикъ своей шкатулки, и позвонила горничную.

Двадцать минутъ спустя, она, въ сопровожденіи мужа, садилась въ карету, чтобы ѣхать на обѣдъ.

Наступилъ іюнь мѣсяцъ; Зуровы, по обыкновенію, отправились въ Фелисите; герцогиня, также по обыкновенію, гостила у нихъ съ своими двумя дѣвочками.

Однажды вечеромъ, поздно, проходя къ себѣ мимо комнатъ, занимаемыхъ Жанной де-Сонназъ, Вера увидала, сквозь полуотворенную дверь,—своего мужа. Въ одинъ мигъ ей все стало ясно.

Она взошла въ свою комнату, взяла бумагу, перо и набросала слѣдующія строки:

«Или я, или герцогиня де-Сонназъ должна покинуть Фелисите завтра—до полудня».

Она приказала прислугѣ вручить письмо князю пораньше утромъ.

Всю ночь она не смыкала глазъ.

На зарѣ ей принесли отвѣтъ:

«Дѣлайте какъ знаете, не могу же я, ради васъ, оскорбить моего друга», отвѣчалъ ей мужъ.

«Друга!» повторила Вера съ горькой улыбкой. Ей вспоминались различные эпизоды ея жизни въ Парижѣ, въ Россіи; намеки, взгляды, все, чему она не придавала никакого значенія. Теперь ей все стало ясно какъ день. Она вспомнила предостереженіе Корреза: онъ, конечно, зналъ,—думалось ей.

Она собрала необходимыя вещи; выбрала подаренныя ей ея семействомъ драгоцѣнности, надѣла самое простое платье, какое только у нея нашлось. Она приготовилась покинуть домъ мужа, но ждала, такъ какъ ей не хотѣлось уйти тайкомъ. Будущее представлялось ей въ туманѣ, одно она рѣшила: ночь не застанетъ ее подъ одной крышей съ Жанной де-Сонназъ.

Мужъ сдѣлалъ ей страшную, безобразную сцену, она стояла на своемъ. Герцогиня, узнавъ отъ своего друга, какъ онъ изъ-за нея оскорбилъ жену, разбранила его, нисколько не выбирая своихъ выраженій, и уѣхала съ дѣтьми, объявивъ прислугѣ о

Digitized by Google

внезапной болѣзни герцога, своего мужа, вынуждавшей ее покинуть гостепріимный кровъ друзей своихъ ранѣе, чѣмъ она предполагала.

Послѣ отъѣзда герцогини, Верэ получила отъ мужа письмо:

«Вы поставили на своемъ: выжили изъ моего дома единственную женщину, обществомъ которой я дорожу. Не спѣшите праздновать побѣду; вы заплатите мнѣ за нанесенное ей оскорбленіе. Я съ вами не скажу слова, хотя бы мы тысячу разъ встрѣчались. Въ настоящее время я желаю избѣгнуть скандала, не ради васъ, но ради ея. Вы хотѣли оставить мой домъ, вы его оставите; какъ только гости разъѣдутся, т.-е. послѣ завтра, вы отправитесь въ сопровожденіи двухъ моихъ вѣрныхъ слугъ и вашихъ женщинъ, въ одно мое имѣніе, находящееся въ Польшѣ. Если вы пожелаете оттуда вырваться, можете искать развода, я противиться не стану.

Князь Сергѣй Зуровъ».

Сначала Верэ рѣшила-было, что не подчинится требованію мужа, а уѣдетъ, будетъ жить, гдѣ вздумается; въ случаѣ надобности, станетъ заработывать хлѣбъ свой, словомъ—поступитъ такъ, какъ бы поступила, еслибъ Жанна де-Сонназъ не удалилась изъ дому ея; поразмыславъ, однако, она пришла къ заключенію, что благоразумнѣе согласиться на поѣздку въ Польшу; если она поселится въ его имѣніи, скандалъ все же будетъ не такъ великъ, какъ еслибъ она совершенно исчезла у всѣхъ изъ виду; при одной мысли о предлагаемомъ мужемъ разводѣ, она гордо выпрямлялась, и говорила себѣ: *ни за что!*

Въ назначенный день она покинула Фелисите, въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ и собаки; покинула совершенно спокойно, словно уѣзжала по собственному желанію.

«Я его плѣнница», подумала она, недѣлю спустя, входя въ огромный господскій домъ въ Шарислѣ, польскомъ имѣніи князей Зуровыхъ.

То было мрачное жилище, не отличавшееся никакими архитектурными красотами; изъ узкихъ оконъ его былъ съ одной стороны видъ на безконечные хвойные лѣса, съ другой—на равнины и болота, между которыми протекала унылая рѣка, медленно катившая свои мутновато-желтыя воды; и въ этой-то обстановкѣ должна была жить молодая женщина, изнѣженная, избалованная, привыкшая ко всевозможнымъ удобствамъ! Удивительная, прирожденная энергія Верэ пришла ей на помощь. Она жила въ полномъ уединеніи, ближайшій городокъ былъ отъ ея имѣ-

Digitized by Google

нія еще весьма далеко; окрестные помѣщики относились къ ней съ холодной враждебностью, какъ къ женщинѣ, носящей русское имя; крестьяне угрюмо на нее посматривали. У нея не было ни друзей, ни общества, ни занятій, кромѣ тѣхъ, какія она сама создала себѣ; люди ея ей служили исправно, тщательно соблюдая ежедневный церемоніалъ — и только. Всѣ усилія употребляла Верэ, чтобы не поддаться овладѣвавшему ею, по временамъ, въ столь ужасной обстановкѣ, унынію. Болѣе всего ей хотѣлось сохранить свою физическую крѣпость; съ этой цѣлью она до глубокой осени совершала большія прогулки верхомъ, а когда выпавшій снѣгъ воспрепятствовалъ этому,—то въ саняхъ, зная издавна, что свѣжій воздухъ и движеніе—лучшіе доктора. Мало-по-малу молодой женщинѣ удалось завоевать расположеніе окрестныхъ крестьянъ; она входила въ ихъ интересы, посѣщала ихъ лачуги, помогала словомъ и дѣломъ; и добилась того, что ея имя произносилось съ нѣкоторой долей симпатіи, хотя Зуровыхъ въ томъ краю вообще не любили. Всего тяжелѣе становилось Верэ, когда холода и мятели не позволяли ей выходить; тогда ей точно, порою, казалось, что она въ тюрьмѣ. Ея служанки француженки покинули ее, имъ въ Шарислѣ было слишкомъ холодно.

Нерѣдко просыпалась Верэ среди ночи отъ завываній вѣтра, вставала съ постели, и начинала ходить по комнатамъ, задавая себѣ вопросъ: ужъ не желалъ ли мужъ свести ее съ ума, что сославъ сюда? Ей вспоминался Парижъ, оперная зала, Фаустъ; только теперь сознавала она, что любитъ Корреза. Ей ничего бы не стоило вернуться туда, гдѣ она снова услышитъ его голосъ, будетъ глядѣть ему въ глаза, надо только было согласиться принимать герцогиню, тогда мужъ тотчасъ *проститъ ее;* но на этой мысли она даже не останавливалась.

А тѣмъ временемъ герцогиня де-Сонназъ переѣзжала изъ одного замка въ другой, вездѣ встрѣчая одинаково радушный пріемъ; съ наступленіемъ осени въ ея имѣніи собрались ея многочисленные друзья, намѣревавшіеся провести охотничій сезонъ подъ ея кровлей. Герцогиня успѣла шепнуть на ушко двумъ или тремъ знатнымъ пріятельницамъ, что въ Фелисите произошла страшная сцена, она пыталась примирить своего стараго друга съ его женой, но тщетно. Князь запрещалъ княгинѣ принимать Корреза, а его между тѣмъ застали вечеромъ въ саду; конечно, серьёзнаго не было ничего — Вѣра святая, но тѣмъ не менѣе сцена была, и мужъ сославъ ее въ имѣнье.

Въ свѣтѣ княгиню Вѣру уже почти позабыли; говорили

Digitized by Google

только:—Княгиня проводитъ зиму въ Польшѣ; не правда ли, какъ эксцентрично? — Впрочемъ, она всегда была какая-то странная, святая; и со смѣхомъ прибавляли:

— Болтаютъ что-то про Коррева.

Княгиня Нелагина посѣтила невѣстку въ ея уединеніи, и всячески убѣждала уступить мужу:

— Будь благоразумна, Вѣра,—молила она со слезами на глазахъ,—свѣтъ полонъ такихъ женщинъ, какъ Жанна де-Сонназъ, прими ее, что тебѣ стóитъ? Вамъ нѣтъ никакой надобности видаться часто: посѣщайте другъ друга въ положенные дни — и только. Вѣдь это ничего не стóитъ.

— Съ той разницей, что если я уступлю, то перестану уважать сама себя,—отвѣчала Вера.

Разубѣдить ее не представлялось никакой возможности.

Другое—еще болѣе тяжелое испытаніе ожидало ее: Коррезъ, нѣвшій въ Берлинѣ, пробрался въ окрестности ея имѣнія, и рѣшился посѣтить ее. Его не впустили, такъ какъ князь, при отъѣздѣ жены, отдалъ строжайшій приказъ никакихъ посѣтителей къ ней не допускать; тогда Коррезъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ—днемъ храмового праздника, проникъ въ слѣдъ за народомъ въ церковь и увидалъ ее; онъ подошелъ къ ней по окончаніи службы, она упрекнула его за это посѣщеніе, но онъ увѣрялъ, что его такъ напугали разсказами объ ужасахъ, какіе ее теперь окружаютъ, что онъ не имѣлъ ни минуты покоя, пока не увидѣлъ всего собственными глазами; онъ сталъ говорить ей о своей любви, уговаривалъ просить развода, она и тутъ осталась непреклонной; «вмѣшательства суда ищутъ, въ подобныхъ случаяхъ, однѣ безстыдныя женщины»,—рѣшила она, и онъ, въ душѣ, не могъ не согласиться съ нею. Онъ уѣхалъ.

А мужъ ея, тѣмъ временемъ, наслаждался обществомъ Жанны, пріобрѣвшей надъ нимъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ то, которымъ она пользовалась въ óны дни, въ первое время ихъ связи. Она теперь нерѣдко навѣщала его, даже привозила съ собой дочерей, которыхъ посылала бѣгать по саду, а сама, сидя въ кабинетѣ Зурова, болтала съ нимъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній она замѣтила у него на столѣ старинную черепаховую шкатулку, обдѣланную въ бронзу. Что это такое?—спросила она придвигая ее къ себѣ; ключъ торчалъ въ замкѣ, Жанна повернула его, и, прежде чѣмъ Зуровъ успѣлъ помѣшать ей, начала пересматривать, перелистывать цѣлую груду старыхъ писемъ:

— Все женскіе почерки!—кричала она въ восторгѣ:—пари держу, что здѣсь нѣтъ только писемъ вашей жены; отдайте мнѣ

Digitized by Google

этотъ ящикъ, я съ такимъ удовольствіемъ разберу эти каракульки, романы нынѣче все такіе скучные! Это гораздо интереснѣе.

— Полно, Жанна, это все старыя письма, вы не должны...

— Не должна? Это что за слово, я и значенія его не знаю; пустяки, я беру ящикъ и завтра возвращу его вамъ.

Онъ поневолѣ уступилъ.

На слѣдующій день она ему сказала:

— Къ чему вы эти письма берегли; между ними были и такія, которыя васъ крѣпко компрометтировали, я ихъ всѣ сожгла, а ящикъ подарила Кларѣ для приданаго ея куклы. Ну, на что вы злитесь? письма все были старыя—а я молчалива какъ могила.

Разговоръ принялъ другое направленіе, и болѣе объ этомъ, пустомъ повидимому, обстоятельствѣ между ними не было рѣчи.

Послѣ посѣщенія Корреза, время стало еще болѣе тянуться для Верэ; она почти ничего не замѣчала, что кругомъ нея происходило; ей казалось, что она умерла въ ту минуту, когда отослала его въ этотъ міръ живыхъ, куда ей самой нѣтъ возврата.

«Что-жъ, буду здѣсь жить, здѣсь и умру», размышляла она по временамъ: «кто знаетъ, встрѣчай я его ежедневно въ Парижѣ, и я, можетъ быть, оказалась бы не сильнѣе другихъ женщинъ, стала бы, подобна имъ, лгать, скрытничать, обманывать, и заслужила бы собственное презрѣніе».

Наступило лѣто, все кругомъ зазеленѣло.

Однажды, въ концѣ мая, часовъ въ семь вечера, Верэ, только-что вернувшись съ прогулки верхомъ, отдыхала: она теперь часто нуждалась въ отдыхѣ, ее все утомляло; сидя у открытаго окна, она погрузилась въ думы и воспоминанія; приходъ слуги, принесшаго письма съ почты, заставилъ ее очнуться. Первое письмо, которое она распечатала, было отъ мужа:

«На прошлой недѣлѣ скоропостижно умеръ Поль-де-Сонназъ; если вы согласитесь сдѣлать женѣ его визитъ, я съ удовольствіемъ привѣтствую васъ въ Парижѣ; въ противномъ случаѣ вы останетесь въ Шарислѣ, несмотря на то, что здоровье ваше страдаетъ отъ тамошняго климата».

Болѣе, кромѣ подписи, въ письмѣ ничего не было.

Верэ разорвала его.

Было письмо отъ княгини Нелагиной, нѣжное, длинное, было еще нѣсколько писемъ, и наконецъ довольно объемистый пакетъ, подписанный незнакомымъ почеркомъ. Верэ машинально распечатала его; нѣсколько писемъ, писанныхъ рукою ея матери, выпали изъ конверта.

Верэ ихъ прочла.

Digitized by Google

То были старыя письма лэди Долли къ Зурову, писанныя за десять лѣтъ предъ симъ, позабытыя имъ въ черепаховой шкатулкѣ, и не преданныя сожженію съ другими подобными же посланіями, за недѣлю до свадьбы.

На слѣдующій день князь Зуровъ обѣдалъ въ клубѣ,—ему подали телеграмму отъ жены:

«Никогда. Оставьте меня здѣсь жить и умереть», писала она.

Коррезъ томился сознаніемъ своего безсилія; ему хотѣлось отмстить за нее, по крайней мѣрѣ, если уже ему не суждено иначе послужить ей; а между тѣмъ тоска его снѣдала; давно уже сталъ онъ равнодушенъ къ женскимъ ласкамъ, къ своимъ успѣхамъ, даже къ музыкѣ; словомъ—ко всему, что не было *она*. Наконецъ, онъ не выдержалъ и снова поѣхалъ въ Польшу. Въ Шарислѣ онъ узналъ, что княгиня больна, а когда увидалъ ее, блѣдную, исхудалую, еле передвигающую ноги, опирающуюся на палку, ему вдругъ показалось, что ей жить не долго, что умретъ она здѣсь, одна, безъ друзей, безъ утѣшеній.

Нравственно она мало измѣнилась, также ласково, какъ и прежде, говорила съ бѣдняками, собравшимися передъ ея домомъ, въ числѣ которыхъ проскользнулъ и Коррезъ, съ такою же любовью подавала имъ милостыню.

Когда онъ подошелъ къ ней, она испугалась.

— Такъ-то вы держите слово, вы обѣщали сюда болѣе не являться? это жестоко,—пролепетала она.

— Вы страдаете? вы больны?—спросилъ онъ, вмѣсто отвѣта:—этотъ климатъ васъ убиваетъ, вы жестоки къ самой себѣ.

— Я не больна, я только слаба,—съ усиліемъ отвѣчала она;—но зачѣмъ, зачѣмъ вы пріѣхали? это жестоко.

— Почему жестоко? нѣтъ, я не могу этого выносить! что вы дѣлаете со своей жизнью? Онъ—чистое животное; къ чему повиноваться ему, быть ему вѣрной?

— Тише, тише! довольно уже я искупала грѣховъ. Позвольте мнѣ жить и умереть здѣсь. Идите, идите, идите.

Коррезъ молчалъ, онъ только глядѣлъ на нее и чувствовалъ, что любитъ ее какъ никогда. Тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что она права, пришлось проститься съ нею.

Вернувшись въ Парижъ, онъ умолялъ княгиню Нелагину сжалиться надъ ея молодой невѣсткой, переговорить съ братомъ, убѣдить его принять жену къ себѣ въ домъ безо всякихъ унизительныхъ условій. Нелагина плакала, слушая его, но заупѣхъ отнюдь не отвѣчала: она знала упрямый характеръ брата.

Digitized by Google

А Зуровъ, тѣмъ временемъ, получилъ отъ Жанны записку, состоявшую всего изъ нѣсколькихъ словъ:

«Корресъ вернулся въ Парижъ, онъ былъ въ Шарислѣ. Не дозволяйте его, выработанному на подмосткахъ, сценическому таланту дурачить васъ».

Часъ спустя Нелагина посѣтила брата, съ которымъ была въ ссорѣ со дня изгнанія Верэ, и передала ему содержаніе своего разговора съ Коррезомъ:

— Комедіантъ этотъ можетъ дурачить васъ, а не меня,—былъ отвѣтъ,—такъ и передайте ему.

Корресъ возвращался пѣшкомъ изъ театра; на бульварѣ его остановилъ старинный пріятель:

— Читалъ ты это?—спросилъ онъ, подавая ему № одной изъ наиболѣе распространенныхъ вечернихъ газетъ.

Они вошли въ кофейню Биньонъ, мимо которой проходили; Корресъ сѣлъ подъ газовымъ рожкомъ и принялся за чтеніе блестящаго очерка, озаглавленнаго: «Земные ангелы». Подъ покровомъ весьма прозрачной аллегоріи въ статейкѣ шла рѣчь о цвѣткѣ, увядающемъ гдѣ-то на сѣверѣ, о парижскомъ Ромео, охладѣвшемъ ко всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, и проч. и проч. Судя по ѣдкой иронiи, по безпощадной насмѣшкѣ, которыми дышали эти строки, можно было полагать, что Жанна вдохновила писавшаго ихъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и Зуровъ, съ цѣлой свитой, вошелъ.

Корресъ поднялся ему на встрѣчу:

— Князь,—сказалъ онъ, указывая ему на № газеты,—вамъ ли угодно будетъ вступиться, или вы предоставите это мнѣ: тутъ дѣло идетъ о чести княгини Зуровой...

— Честь княгини Зуровой?—съ громкимъ смѣхомъ перебилъ его мужъ,—это, конечно, ваше дѣло.

Корресъ поднялъ руку и ударилъ его по лицу...

Спустя нѣсколько дней, Верэ получила отъ мужа коротенькую записку:

«Я прострѣлилъ горлышко вашему соловью, отнынѣ ему не пѣть болѣе».

Она тотчасъ собралась въ дорогу, несмотря на свою слабость; Богъ знаетъ, откуда у нея взялась энергія; безостановочно ѣхала она до прусской границы, а тамъ, по желѣзной дорогѣ, добралась и до Парижа.

Корресъ, раненый, лежалъ въ темной комнатѣ; сестры милосердія сидѣли около него.

Дверь отворилась, и Верэ вошла. Въ глазахъ ея отражалось

Digitized by Google

страданіе, но двигалась она съ своей обычной, гордой граціей, и держала себя какъ женщина, рѣшительность которой неизмѣнна.

— Я та самая женщина, за которую онъ дрался,—сказала она монахинямъ:—мое мѣсто подлѣ васъ.

Она подошла къ кровати, и опустилась на колѣни.

— Это я!—сказала она тихимъ голосомъ.

Онъ открылъ глаза; на лицѣ его явилось такое сіянье, какое должно было озарять лица мучениковъ, созерцавшихъ являвшихся утѣшать ихъ святыхъ.

Онъ не могъ говорить, онъ могъ только смотрѣть на нее.

Все ниже и ниже склонялась ея гордая голова.

— Вы всего лишились ради меня. Если это можетъ васъ утѣшить—я здѣсь.

Вереница блестящихъ экипажей тянулась вдоль парижскихъ бульваровъ, въ ясный весенній вечеръ. Князь Зуровъ сидѣлъ одинъ въ своей коляскѣ, лицо его было мрачно, взглядъ — угрюмый; то былъ канунъ его свадьбы съ его старой пріятельницей Жанной, герцогиней де-Сонназъ.

Бракъ его съ Верэ былъ расторгнутъ на основаніи показаній его прислуги.

Герцогиня въ это время возвращалась изъ Булонскаго лѣса, въ собственномъ экипажѣ, на передней скамейкѣ котораго помѣщались ея дѣти; все лицо ея сіяло, въ глазахъ отражалась насмѣшливая веселость. Сенъ-Жерменское предмѣстье находило предстоявшій бракъ ея съ другомъ ея покойнаго мужа дѣломъ вполнѣ естественнымъ и подходящимъ. Съ радостнымъ сердцемъ думала она, любуясь позлащеннымъ лучами заходящаго солнца Парижемъ:

— «Стоитъ только имѣть немного ума, и всего можно добиться».

Самый бракъ ей рѣшительно былъ безразличенъ; ей только пріятно было сознавать свое торжество, чувствовать, что она отомстила за себя.

— «Заставлю плясать своего медвѣдя», думала она, мысленнымъ взоромъ заглядывая въ будущее.

Въ этотъ же самый часъ лэди Долли возвратилась къ себѣ домой изъ Гайдъ-Парка, вошла въ свой изящный будуаръ, въ сопровожденіи своего стараго друга, лэди Адины Стотъ, и разразилась слезами. Она только-что узнала, что Іура, бѣдный милый Іура, погибъ отъ выстрѣла изъ ружья, до котораго прикоснулся безо всякихъ предосторожностей, считая его незаряженнымъ.

— Все такъ ужасно,—причитывала она, всхлипывая.—Поду-

Digitized by Google

мать только, что я должна отречься отъ родной дочери! Къ довершенію удовольствія: извольте носить гладкія прически, и эти противныя шляпы, которыя ни къ кому не идутъ, что бы тамъ ни толковали; а теперь еще бѣдный Джэкъ застрѣлился,—конечно, застрѣлился: никто не вѣритъ, чтобы смерть его была дѣломъ случая; уже много лѣтъ тому назадъ онъ сдѣлался какимъ-то страннымъ, угрюмымъ, а матушка его теперь вздумала упрекать меня, тогда какъ всему этому вѣка прошли, цѣлые вѣка, да и ничего я ему не сдѣлала, кромѣ добра.

Будуаръ наполнился новыми посѣтителями, знатными дамами, очень молодыми людьми, всѣ они пили чай изъ маленькихъ желтыхъ чашечекъ, кушали мороженое и болтали о смерти бѣднаго Джэка.

— Она такая милочка, и ей такъ много пришлось вынести,— говорятъ о лэди Долли всѣ ея друзья.—Вѣдь это же не легко— не видаться съ родной дочерью. Она относится къ этому съ такимъ тактомъ, она такая добрая, такая милая; но какъ же вы хотите, чтобы она съ ней видѣлась, съ женщиной разведенной, и живущей вдали отъ свѣта—со своимъ Коррезомъ!

О. П—ской.

Digitized by Google

СУДЬБЫ
ПРУССКОЙ МОНАРХІИ

ОТЪ ФРИДРИХА В. ДО ІЕНСКАГО ПОГРОМА.

—Geschichte des preussischen Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen bis zu den Freiheitskriegen. Von Martin Philippson. Erster Band. Leipzig. 1880.

Въ исторіи крупныхъ современныхъ европейскихъ государствъ, Пруссія представляетъ явленіе во многихъ отношеніяхъ рѣдкое и поучительное. Государство сравнительно новѣйшей формаціи, поднявшееся не дальше какъ въ половинѣ прошлаго вѣка изъ небольшого сравнительно курфюршества на степень сильнаго королевства, благодаря нѣсколькимъ талантливымъ и умнымъ людямъ, стоявшимъ во главѣ ея, этимъ своего рода «собирателямъ» нѣмецкой земли, особенно Фридриху Великому,—оно вдругъ рухнуло черезъ двадцать лѣтъ по смерти Фридриха передъ напоромъ свѣжихъ силъ Франціи, освѣженной и обновленной революціонною грозой. Обстоятельства помогли Пруссіи потомъ выпутаться изъ тяжкой бѣды; въ самой глубинѣ своего паденія, она почерпнула потомъ средства къ своему обновленію: искреннія реформы Штейна и Гарденберга, добросовѣстно осуществленныя, вывели ее на новую дорогу къ благоустроенной конституціонной жизни, даже къ побѣдѣ надъ Франціей, деморализованной въ то время цезаризмомъ Наполеона III,—и къ объединенію Германіи. Неудивительно, что эти крупныя реформы, отчасти доставившія Пруссіи тѣ блага гражданской свободы, которыя уже сдѣлали Францію передовою страной въ Европѣ,—стали любимымъ пред-

Digitized by Google

методомъ историческаго изслѣдованія. Имъ, этимъ спасительнымъ реформамъ, посвящены нѣмецкими и англійскими историками обширныя монографіи, составленныя по источникамъ и живымъ слѣдамъ сравнительно недавней общественной дѣятельности прусскихъ реформаторовъ; но почва, изъ которой выросли эти преобразованія, тѣ разнообразныя условія внутренней жизни, которыя привели государство къ гибели и преобразовательному обновленію, не возбуждая ничьихъ симпатій, оставались мало изслѣдованными и недостаточно выясненными. Въ сторонѣ остался въ особенности недолгій періодъ времени, предшествовавшій іенскому погрому, а именно, правленіе Фридриха-Вильгельма II, наслѣдовавшаго Фридриху Великому, и первое десятилѣтіе правленія его преемника. Внутреннія дѣла государства, на которыхъ прежде всего зиждется его международное значеніе, не представляли ничего выдающагося, ничего привлекательнаго, и историкъ охотно проходилъ ихъ молчаніемъ, какъ дѣла темныхъ, къ счастію—безвозвратно-минувшихъ дней.

А между тѣмъ время, протекшее отъ смерти Фридриха Великаго до преобразованій Штейна, по меньшей мѣрѣ такъ же поучительно и любопытно, какъ и самое время этихъ преобразованій. Къ нему относятся первыя стремленія—поставить границы абсолютизму въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился съ конца семнадцатаго вѣка, по уничтоженіи сословнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, — стремленія, которыя сначала сказываются въ чиновнической же сферѣ, и вскорѣ распространяются въ другихъ общественныхъ кружкахъ. Въ этомъ смыслѣ исторія конституціонной жизни въ Пруссіи начинается со смерти послѣдняго, дѣйствительно сильнаго талантомъ, представителя просвѣщеннаго абсолютизма, Фридриха Великаго, и съ воцаренія Фридриха-Вильгельма II. Королевская власть старается противостоять этимъ стремленіямъ; но слабость ея представителя, лишеннаго характерныхъ особенностей и талантовъ своего предшественника, даетъ имъ развиться и окрѣпнуть. Непосредственное вмѣшательство королевской власти во всѣ отрасли чрезвычайно усложнившейся государственной жизни оказывается все болѣе и болѣе невозможнымъ, и назрѣваетъ потребность оградить страну отъ произвола смѣняющихся министровъ и деспотизма королевскихъ любимцевъ. Сильное впечатлѣніе, произведенное кровавымъ французскимъ переворотомъ, сначала вызываетъ реакцію и задерживаетъ конституціонныя вѣянія; но и оно, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ ощущенію и сознанію живой потребности въ большей свободѣ, въ политическомъ урав-

Digitized by Google

неніи гражданъ. Параллельно съ этими противоположными теченіями шла любопытная борьба умиравшаго «просвѣтительнаго» періода и направленія, какъ называется въ прусской исторіи правленіе Фридриха Великаго, съ нарождавшимся романтизмомъ и съ окаменѣлымъ, но мало убѣжденнымъ лютеранскимъ правовѣріемъ. Борьба эта, такъ сильно оживившая философскія и историческія науки, вызвала потомъ богатую литературу, первые начатки которой относятся къ періоду между смертью Фридриха Великаго и іенскимъ погромомъ.

Именно, этому періоду посвященъ первый томъ только-что вышедшаго сочиненія Мартина Филипсона, которое въ цѣломъ своемъ составѣ должно обнять время отъ смерти Фридриха-Великаго до знаменитыхъ войнъ за освобожденіе Пруссіи и Германіи отъ французскаго владычества. Авторъ пользовался для своего труда источниками изъ первыхъ рукъ—тѣмъ богатымъ матеріаломъ, какой могли доставить ему берлинскіе архивы. По собственнымъ его словамъ, онъ ничего не смягчаетъ, ничего не утаиваетъ въ своемъ изложеніи. Онъ не почитатель того патріотизма, который любитъ тѣшить себя одностороннимъ изображеніемъ историческихъ событій своего отечества, и счелъ гораздо болѣе патріотичнымъ представить правдивую картину минувшихъ дней родной страны, чѣмъ искажать истину и прикрашивать дѣйствительность или поддѣлывать поученія исторіи. «Именно политическая, религіозная и экономическая путаница и борьба въ правленіе Фридриха-Вильгельма II, — говоритъ онъ,—могла бы дать намъ поучительныя указанія для выясненія и рѣшенія многихъ серьёзныхъ и страстно обсуждаемыхъ вопросовъ современности». Безъ правдиваго анализа прошлаго нѣтъ возможности выяснить больныя и здоровыя стороны настоящаго.

I.

17-го августа 1786 года сошелъ въ могилу талантливѣйшій изъ Гогенцоллерновъ, послѣ долгой и суровой диктатуры, безпощадно требовавшей отъ страны постояннаго напряженія нравственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. «Просвѣтительное» правленіе Фридриха-Великаго утомило современниковъ, и смерть его, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, возбудила преувеличенныя надежды на менѣе блестящую и громкую, но болѣе счастливую будущность при его ничѣмъ не выдававшемся преемникѣ, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II. Своей любимой задачѣ —

Digitized by Google

учрежденію на сѣверѣ Германіи сильнаго государства, независимаго отъ германской имперіи, во главѣ которой стояла тогда католическая Австрія, государства просвѣщеннаго и вѣротерпимаго,—Фридрихъ II отдавалъ беззавѣтно и свое собственное время, свои силы, и всѣ средства тогдашней Пруссіи. На исполненіе этой задачи были направлены вся его энергія, всѣ его дарованія. Все —для государства: послѣднія силы и средства, жизнь и здоровье, дни и ночи безустанной думы и работы. То была господствующая идея времени, необычайнымъ и болѣе раннимъ воплощеніемъ которой былъ у насъ Петръ Великій. И онъ, какъ нашъ Петръ Великій, нашелъ уже готовыми исторически сложившіяся формы общественной жизни: привилегированное дворянство и закрѣпощенный народъ; и онъ, по нравамъ и понятіямъ времени, неумолимо прилаживалъ эти готовыя формы къ потребностямъ государства. Политическіе и общественные перевороты, пережитые Европой въ новѣйшее время, еще не назрѣли тогда и были еще впереди. Созданіе, округленіе и обособленіе государства, какъ самостоятельной и просвѣтительной силы—вотъ что стояло тогда на первомъ планѣ въ дѣятельности Фридриха Великаго, какъ пятьдесятъ лѣтъ раньше — въ дѣятельности Петра, съ тою большою разницей, что Фридриху были доступнѣе съ ранней юности самые источники тогдашняго европейскаго просвѣщенія. Сначала мягкій, доступный всему прекрасному и доброму, способный къ искренней дружбѣ и привязанности, онъ очерствѣлъ впослѣдствіи подъ вліяніемъ страшныхъ испытаній и опасностей Семилѣтней войны, когда приходилось ежедневно ставить на карту и самое государство, когда критическія обстоятельства могли разомъ сокрушить всѣ его планы. Все больше и больше привыкалъ онъ, послѣ этого тяжелаго кризиса, уходить въ себя, съ холодной ироніей смотрѣть на людей, какъ на орудія своей воли, какъ на нули, имѣющіе значеніе только при единицѣ, которую составлялъ въ настоящемъ случаѣ его собственный умъ, талантъ. Но и при этомъ настроеніи, всѣ силы его природы, всѣ колеса той сложной машины, которая приводилась въ движеніе его твердой рукой, были направлены у него къ цѣлямъ не личнымъ, а государственнымъ. Для государства онъ не щадилъ ни себя, ни своихъ друзей, ни своихъ ближайшихъ, хотя и царственныхъ родственниковъ. Во имя государства, онъ предъявлялъ всѣмъ сословіямъ величайшія притязанія и требованія, давая имъ въ замѣну лишь отвлеченное сознаніе принадлежности къ великому цѣлому и возможность (о правѣ тогда не могло быть и рѣчи) свободно вѣровать и мыслить. Созданная имъ

Digitized by Google

администрація была вѣрнымъ отраженіемъ его государственныхъ стремленій. Нигдѣ государство не имѣло въ то время такого исключительно мірского характера, какъ въ Пруссіи. Будучи самъ философомъ и скептикомъ, онъ изгналъ изъ государственной жизни всякія вѣроисповѣдныя соображенія. Нетерпимость и мракобѣсіе всегда находили въ немъ злѣйшаго «вольтеріанца» и безпощаднаго врага. Поклонникъ французской литературы и отрицатель своей, нѣмецкой, онъ имѣлъ однакоже гораздо бо́льшее вліяніе на пробужденіе нѣмецкаго національнаго чувства, на оживленіе нѣмецкой литературы, чѣмъ многіе такъ-называемые покровители литературы,—столь велико благотворное значеніе передового человѣка во главѣ государства, а онъ былъ въ свое время истинно передовымъ человѣкомъ Германіи. Побѣды, одержанныя имъ въ Семилѣтнюю войну, именно потому дали чрезвычайный толчокъ нѣмецкой литературѣ, что это были побѣды просвѣщенія, умственнаго освобожденія, въ виду господствовавшаго тогда въ Австріи религіознаго гнета и умственнаго застоя. Сражаясь во главѣ Пруссіи, онъ побивалъ закоренѣлый и безъисходный консерватизмъ. Фридрихъ Великій опирался на самыя смѣлыя стремленія своего времени, и былъ для своихъ современниковъ умственнымъ руководителемъ и борцомъ, оставляя управляемому имъ диктаторски народу возможность чувствовать себя до нѣкоторой степени свободнымъ народомъ. «Князья, правители, короли,—писалъ онъ въ 1781 году въ своемъ «Опытѣ о формахъ правленія и обязанностяхъ государей»,—облечены высшею властью не для того, чтобы безнаказанно предаваться роскоши и всякаго рода излишествамъ; они не для того поставлены выше своихъ согражданъ, чтобы всенародно выказывать свою спѣсь и унижать бѣдныхъ и несчастныхъ; они не для того стоятъ во главѣ государства, чтобы держать при себѣ толпу праздныхъ людей, которыхъ бездѣятельность и негодность порождаютъ всякаго рода развратъ. Правитель обязанъ поступать такъ, какъ будто ему предстоитъ во всякую данную минуту дать согражданамъ отчетъ въ своемъ управленіи государствомъ». Расточительность и роскошь были противны Фридриху II, какъ и Петру Великому; онъ тратилъ ежегодно не больше 220,000 талеровъ, что, при вдвое большей цѣнѣ денегъ противъ нынѣшняго, почти равняется содержанію, получаемому президентами сѣверо-американской и французской республикъ. Каждый часъ его, строго распредѣленнаго дня, имѣлъ свое неизмѣнное назначеніе. Каждый пруссакъ могъ обращаться къ нему лично, ни одна обращенная къ нему просьба не оставлялась безъ отвѣта ни въ

Digitized by Google

дорогѣ, ни въ Берлинѣ или Потсдамѣ. Онъ не считалъ этого милостью съ своей стороны, а правомъ своихъ согражданъ. «Обращайтесь только ко мнѣ», — сказалъ онъ депутаціи силезскаго купечества: «я вашъ первый министръ». Какъ Петръ Великій запрещалъ русскимъ называться полуименами, такъ Фридрихъ запретилъ пруссакамъ становиться передъ нимъ на колѣни. Онъ спалъ пять, много шесть часовъ въ сутки; все остальное его время отдавалось труду.

А работы было много у человѣка, который все хотѣлъ дѣлать по-своему и самъ. Въ этомъ отношеніи, вѣрный своему исторически сложившемуся положенію, онъ былъ, какъ и Петръ Великій, въ полномъ смыслѣ слова диктаторомъ и абсолютнымъ государемъ. Обычное медленное теченіе дѣлъ было ему нестерпимо. Въ то время руководящія власти Пруссіи — министерство для внѣшней политики, генеральная дирекція для внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и министерство юстиціи — были устроены на коллегіальномъ основаніи. Къ каждому изъ этихъ вѣдомствъ принадлежали нѣсколько министровъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ однимъ опредѣленнымъ департаментомъ, но такъ, что важнѣйшія дѣла обсуждались и рѣшались коллегіально. Также были устроены и областныя учрежденія. Фридрихъ Великій сохранилъ эти тяжеловѣсныя формы, но при этомъ рѣшалъ важнѣйшія дѣла самъ, безъ участія и даже безъ вѣдома министровъ. Онъ никогда не присутствовалъ въ засѣданіяхъ генеральной дирекціи или государственнаго совѣта, состоявшаго изъ всѣхъ министровъ, и дѣятельно управлялъ страной изъ своего кабинета, а кабинетными его совѣтниками были люди иногда мало образованные,—его «писцы», какъ онъ обыкновенно называлъ ихъ. Министры рѣдко видали короля, который могъ всегда заочно потребовать у нихъ нужныя бумаги и справки, и только разъ въ годъ обыкновенно производилъ имъ смотръ въ Потсдамѣ. Неутомимаго трудолюбія и рѣдкой проницательности Фридриха, въ соединеніи съ его талантомъ, хватало на такую Сизифову работу; но что могло статься съ такой системой при королѣ болѣе ограниченномъ и менѣе дѣятельномъ, менѣе проникнутомъ широкимъ сознаніемъ своего долга?

Такова была система сильно устарѣвшаго теперь, пресловутаго просвѣщеннаго абсолютизма. Фридрихъ Великій впалъ въ ошибку тѣхъ дѣятельныхъ и щедро-одаренныхъ натуръ, которые придаютъ очень мало цѣны нравственнымъ побужденіямъ и содѣйствію общественныхъ силъ, и ожидаютъ всего отъ машинообразной исполнительности. Такъ смотрѣлъ онъ на гражданское

Digitized by Google

управленіе, и на армію. Никогда не имѣя военнаго министра, онъ самъ входилъ диктаторски во всѣ подробности военнаго управленія. Дворянство оставалось при немъ привилегированнымъ и рабовладѣльческимъ сословіемъ; положеніе народа не измѣнилось при немъ къ лучшему, какъ и у насъ при Петрѣ Великомъ. Но онъ, какъ и Петръ, наложилъ тяжелую руку и на дворянство для чисто-государственныхъ цѣлей. Онъ заставлялъ его служить, и въ этомъ отношеніи былъ послѣдователенъ до жестокости. Его финансовыя мѣры, вытекавшія изъ распространенной тогда меркантильной системы, были безпощадны,— опять въ интересѣ государства, ради котораго онъ налагалъ на всѣ сословія непосильныя жертвы. Современники и сограждане Фридриха могли свободно мыслить и свободно высказывать свои теоретическія убѣжденія, но они не имѣли права жечь кофе у себя дома. Признавъ недостаточно прибыльнымъ туземное управленіе косвенными налогами, онъ передалъ управленіе ими французскимъ чиновникамъ, такъ-называемой Regie. Налоги на хлѣбъ были, правда, отмѣнены; но другія необходимыя жизненныя потребности подвергались все бо́льшему и бо́льшему обложенію. Табакъ и кофе были монополіей государства. Соль, также монополія, продавалась почти вчетверо дороже той цѣны, во что́ обходилось ея добываніе, и каждый притомъ долженъ былъ покупать опредѣленное количество соли, за чѣмъ наблюдали особые инспекторы. Не менѣе непонятна была тогда и такъ-называемая кофейная Regie, т.-е. соединенное съ отвѣтственностью и отчетностью взиманіе налога на кофе. Фридрихъ былъ противъ повсемѣстнаго распространенія кофе; самъ онъ очень любилъ этотъ напитокъ, но считалъ его разслабляющимъ, слѣдовательно— убыточнымъ для государства, и опасался, что на кофе будетъ уходить много денегъ изъ страны. Налогъ на кофе былъ доведенъ имъ до 250 процентовъ цѣны этого продукта; во избѣжаніе контрабанды, запрещено было жечь кофе гдѣ бы то ни было, кромѣ королевскихъ мѣстъ его продажи. Не политическія, а такъ-называемыя «кофейныя» ищейки (Kaffeeriecher, собственно: нюхатели кофе) шныряли при Фридрихѣ всюду, чтобы по запаху открывать слѣды противозаконнаго жаренія кофе. Разумѣется, такъ какъ табакъ и кофе были необходимы населенію, то контрабанда приняла огромные размѣры, несмотря на принятыя противъ нея строжайшія мѣры. Эта Regie, съ ея кофейнымъ шпіонствомъ, съ ея печальными нравственными послѣдствіями, съ иноземными (французскими) чиновниками, которыхъ самъ Фридрихъ называлъ иногда «шайкой мошенниковъ», сильно

Digitized by Google

возстановили противъ него народъ. Ненависть къ этимъ чиновникамъ была такъ велика, что постоялые дворы и гостинницы не давали имъ пріюта во время ихъ служебныхъ объѣздовъ. Но Фридрихъ стоялъ на своемъ, не находя возможнымъ иначе оградить интересы государства. Финансовое хозяйство городовъ было также подчинено при немъ контролю его чиновниковъ, и остатки городскихъ суммъ ежегодно должны были поступать въ казну!

Государству нужны были деньги, — и Фридрихъ бралъ ихъ гдѣ могъ; для государства было необходимо просвѣщеніе,—и онъ не только предоставлялъ полную свободу тогдашнимъ направленіямъ мысли, но и стоялъ самъ впереди современныхъ ему прусскихъ просвѣтителей, будучи рѣшительнымъ, даже односторонним сторонникомъ французской философіи восемнадцатаго вѣка. Его не пугали самые смѣлые выводы этой философіи, получившей подъ конецъ чисто-матеріалистическій характеръ. Пруссаку временъ Фридриха Великаго были доступны всѣ современныя литературы, всѣ современныя идеи. Король даже не скрывалъ своего пренебреженія къ произведеніямъ нѣмецкой лиры и нѣмецкаго пера, которыя казались ему отсталыми, робкими, тяжелыми. Онъ былъ ослѣпленъ блескомъ французскаго языка и французскихъ талантовъ, и доходилъ въ этомъ ослѣпленіи до крайней несправедливости. Но онъ несомнѣнно тянулъ за собою народъ къ свѣту и знанію. При немъ развилось въ Пруссіи то «просвѣтительное направленіе», извѣстное подъ именемъ «Aufklärung», родоначальникомъ котораго былъ Вольфъ, авторъ популярной философской системы, подвергшейся гоненію за свое вольномысліе при предшественникѣ Фридриха. Философскія воззрѣнія Вольфа быстро распространились въ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка; каѳедры философіи въ нѣмецкихъ университетахъ были заняты преимущественно его послѣдователями, отрицательное отношеніе къ его системѣ считалось признакомъ слабоумія. Самъ Фридрихъ находилъ и Вольфа тяжеловѣснымъ мыслителемъ, далеко уступающимъ французамъ въ творческомъ талантѣ и блескѣ изложенія; но онъ прекратилъ гоненіе на знаменитаго тогда ученаго и возвратилъ ему отнятую у него каѳедру. Въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ Сѣверной Германіи просвѣтительное направленіе быстро распространялось при Фридрихѣ Великомъ между людьми высшаго круга, учеными, молодыми духовными лицами. Просвѣтители сначала стремились, подъ вліяніемъ философіи Вольфа, согласовать откровеніе съ разумомъ; но литературныя вліянія, шедшія изъ Англіи и Франціи, не замедлили придать этому направленію болѣе рѣшитель-

Digitized by Google

ный отѣнокъ. Съ одной стороны, умозрительный деизмъ, съ другой—чистый натурализмъ дѣлили между собой симпатіи тогдашняго общества и самого Фридриха Великаго. Философія Вольфа теряла подъ собою почву подъ этими сильными вліяніями времени. Придворные, офицерство, чиновники Фридриха и дамское общество читали съ увлеченіемъ Гельвеція и Ла-Метра. То были модныя воззрѣнія того времени. Поверхностное отношеніе общества къ важнѣйшимъ вопросамъ науки и жизни вызвало въ эпоху Семилѣтней войны реакцію въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. «Просвѣтители» поставили себѣ задачей противодѣйствовать модѣ въ той области, гдѣ мода казалась имъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстной, и явились попытки согласовать устарѣвшую философію Вольфа съ ученіемъ Локка, требованія критическаго разума съ идеализмомъ. Въ этомъ направленіи дѣйствовали, въ послѣдней трети прошлаго вѣка, Мендельсонъ, Гарве, Николаи; къ нему примыкали, но только отчасти, Лессингъ и Кантъ, которые потомъ оставили этихъ представителей далеко за собою. Во всякомъ случаѣ, «просвѣтительное направленіе—какъ опредѣлялъ его Кантъ—было выходомъ человѣка изъ несовершеннолѣтія». Обскуранты и мистики ненавидѣли это направленіе, хотя оно и было поворотомъ къ болѣе спокойнымъ воззрѣніямъ, чѣмъ тѣ, какія господствовали при Фридрихѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Къ нему принадлежали теперь и лучшіе богословы Пруссіи. Оно давало религіи просвѣтительную, а просвѣщенію—религіозную окраску. Модныя насмѣшки надъ религіозными вопросами смѣнились интересомъ къ ихъ исторіи и философской разработкѣ; но лютеранское правовѣріе и буквоѣдство, разумѣется, утратили всякую почву подъ ногами. Эта популярная философія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка имѣла, несмотря на свою неопредѣленность и шаткость, огромное вліяніе на дальнѣйшее умственное развитіе Германіи. Именно по своей доступности большинству, она глубоко проникла въ массы, просвѣщеніе массъ и было главнѣйшей ея задачей. Положительные результаты этой школы были неважны, но тѣмъ крупнѣе было ея отрицательное значеніе—противодѣйствіе изувѣрству и фанатизму, ханжеству, исключительности и религіозной враждѣ. Съ церковной каѳедры, въ книгахъ и журналахъ, свободно проповѣдывались при Фридрихѣ Великомъ общечеловѣческія идеи, объ открытомъ заявленіи которыхъ не вездѣ можетъ быть рѣчь даже и въ наше время. Сочиненія ученыхъ и мыслителей, конечно, могли имѣть лишь сравнительно тѣсный кругъ читателей; но такъ какъ всѣ богословскія каѳедры въ сѣверной Германіи,

Digitized by Google

всѣ важнѣйшія мѣста церковнаго управленія были заняты раціоналистами, то вскорѣ просвѣтительное направленіе стало господствующимъ въ духовенствѣ, и съ безчисленныхъ сельскихъ каѳедръ раздались проповѣди практическаго разума и человѣколюбія, вмѣсто догматическихъ тонкостей и вѣроисповѣдной нетерпимости. Спокойная, безпритязательная гуманность и свобода мысли стали общимъ достояніемъ средняго класса и нѣкоторой части крестьянства.

Пока просвѣтительное направленіе было ново и свѣжо, оно сглаживало непримиримыя противоположности различныхъ воззрѣній, совмѣщая вѣрность стародавнимъ преданіямъ съ положительнымъ знаніемъ. Но эти два теченія только временно встрѣтились въ немъ, и не замедлили потомъ разойтись въ разныя стороны. Уже Лессингъ досадовалъ на то, что гуманные просвѣтители его времени только усыпляютъ разумъ своими восхваленіями и воскуриваемымъ ему ѳиміамомъ; что въ чаду этихъ похвалъ и куреній они навязываютъ ему все, что̀ угодно. «Желая сдѣлать насъ разумными христіанами, — насъ дѣлаютъ неразумными философами», писалъ онъ въ 1774 году своему брату; «издѣліемъ кропателей и полу-философовъ представляется мнѣ та религіозная система, которою хотятъ теперь замѣнить старую, и съ гораздо бо́льшимъ вліяніемъ на разумъ и философію, чѣмъ сколько его присвоивала себѣ старая система». Съ своей стороны, люди противоположныхъ мнѣній, мистики и обскуранты, задавались другимъ вопросомъ. Они спрашивали: дѣйствительно ли духовныя лица просвѣтительнаго направленія могли называться протестантскими богословами, а не служителями деизма? Такимъ образомъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ поднялась оппозиція противъ просвѣтительнаго направленія. Съ нимъ разошлись Лессингъ и Реймарусъ, Кантъ и Фихте, и пошли каждый своею дорогой; противъ него возстали сентиментальные мечтатели и мистики — въ родѣ Лафатера, Юнгъ-Штиллинга, Гаманна и Сведенборга — люди чувства, которымъ было душно отъ раціонализма и его условной морали. Къ этимъ послѣднимъ противникамъ просвѣтительнаго направленія примкнули, конечно, и реакціонеры, и піетисты, охотно противодѣйствовавшіе ему изъ личныхъ видовъ.

Недовольныхъ правленіемъ Фридриха Великаго было не мало подъ конецъ царствованія. Страна ожидала отъ наслѣдовавшаго ему племянника, Фридриха-Вильгельма II, облегченія тяжелыхъ налоговъ, а піетисты — противодѣйствія тому направленію, которое при Фридрихѣ Великомъ охватило умы и пустило глубокіе

Digitized by Google

корни. Весь режимъ Фридриха держался, какъ мы видѣли, его личностью; суровый и требовательный въ отношеніи къ своимъ ближайшимъ и отдаленнымъ родственникамъ, онъ не питалъ особой нѣжности и особеннаго довѣрія къ своему племяннику и наслѣднику. Послѣдній, правда, въ угоду своему дядѣ, заводилъ одно время переписку съ Вольтеромъ; но Фридриху едва ли могло быть неизвѣстно, что будущій его преемникъ не раздѣляетъ его убѣжденій и взглядовъ. Еще при жизни его, Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ множества любовныхъ похожденій и разгульной жизни, завязалъ сношеніе съ мистическимъ масонскимъ орденомъ розенкрейцеровъ и былъ принятъ въ этотъ орденъ подъ именемъ Ормеза Великаго (Ormesus Magnus). Фридрихъ Великій зналъ его за человѣка слабохарактернаго, не способнаго къ серьёзнымъ занятіямъ и въ высшей степени чувственнаго. Его долги и расточительность были хорошо знакомы бережливому дядѣ. Въ концѣ 1774 года наслѣдный принцъ задолжалъ 300,000 талеровъ въ Берлинѣ и столько же за границей; бюджетъ его кухни насчитывалъ 100,000 талеровъ дефициту. Кредитъ его былъ совершенно истощенъ, и онъ не затруднился обратиться къ дворамъ англійскому, австрійскому и русскому съ тайными просьбами о ссудѣ. Дворы англійскій и французскій отвѣчали на эти просьбы отказомъ; русскій дворъ отклонилъ ихъ по совѣту самого Фридриха, и принца выручилъ тогда амстердамскій торговый домъ ванъ-Смета. Но дядя рѣшительно отказался покрыть его непомѣрные расходы. Всѣ силы принца уходили на чувственныя удовольствія. Фридрихъ Великій не разъ и притомъ открыто высказывался противъ своего наслѣдника. И однакоже онъ умеръ, какъ и Петръ Великій, не оставивъ по себѣ преемника, способнаго продолжать его дѣло. Недовольный дядей и его направленіемъ, пресытившись удовольствіями, роскошью и приключеніями, Фридрихъ-Вильгельмъ уже при жизни дяди бросился въ объятія реакціонеровъ, клерикаловъ и мистиковъ, поддавшись вліянію двухъ членовъ мистическаго ордена розенкрейцеровъ — Бишофсвердера и Вёльнера, изъ которыхъ послѣдній сталъ тайнымъ, но главнымъ его руководителемъ.

Имя ордена розенкрейцеровъ встрѣчается впервые въ сочиненіи 1614 года, изданномъ извѣстнымъ протестантскимъ богословомъ I. B. Андреа: «Fama fraternitatis почтеннаго ордена розенкрейцеровъ». Сочиненіе это — не что иное, какъ сатирическая мистификація, написанная съ цѣлью осмѣять распространенныя въ то время бредни и плутни алхимиковъ и астрологовъ. Но суевѣрные люди приняли сатиру за чистую монету, и вскорѣ

Digitized by Google

въ Германіи и въ Англіи появилось не мало мнимыхъ розенкрейцеровъ,—частью мечтателей, желавшихъ придать дальнѣйшее развитіе теозофическимъ идеямъ сочиненія, частью проходимцевъ, умѣвшихъ выманивать деньги этимъ оригинальнымъ путемъ. «Fama fraternitatis» съ самаго начала породила цѣлую литературу толкованій и дополненій. Въ Голландіи тогда же составилось общество розенкрейцеровъ, существовавшее, впрочемъ, недолго, но обогатившее ловкихъ людей посредствомъ алхимическихъ плутней. Съ тѣхъ поръ, до самой половины восемнадцатаго вѣка, шарлатаны ссылались на орденъ розенкрейцеровъ, въ дѣйствительности никогда не существовавшій, если не считать упомянутаго выше и недолговѣчнаго голландскаго общества.

Вдругъ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, въ южной Германіи появилось такое общество, съ Шлейсомъ фонъ-Лёвенфельдъ и Доппельмейеромъ во главѣ. Опираясь на прежнюю розенкрейцеровскую литературу, они стали утверждать, что обладаютъ древнѣйшею, сокровенною теозофіей и алхимическими тайнами. Отъ членовъ общества требовалось безусловное послушаніе неизвѣстнымъ, таинственнымъ его руководителямъ. Этотъ орденъ розенкрейцеровъ съ самаго начала выступилъ съ такою увѣренностью въ себѣ и съ такими притязаніями, которыя поражали легковѣрныхъ и доставили ему многочисленныхъ приверженцевъ, отыскивая ихъ преимущественно въ высшихъ слояхъ общества. Орденъ увѣрялъ, что существовалъ уже за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х., обѣщалъ глубочайшее познаніе божества и природы, господство надъ послѣднею и надъ всѣми духовными силами, хвалился своимъ могуществомъ, сулилъ своимъ сторонникамъ величайшія мірскія выгоды, грозилъ врагамъ большими напастями и продавалъ свои степени только за большія деньги. Розенкрейцеры присвоивали себѣ однимъ истинное познаніе природы, умѣнье обращать въ золото всякій металлъ, приготовлять универсальныя цѣлебныя средства. Все это безстыдное лганье сопровождалось призваніемъ имени Божія, подкрѣплялось увѣреніемъ въ Божьей помощи и Божьемъ отмщеніи врагамъ. Розенкрейцерство имѣло совершенно клерикальную подкладку. Оно ставило себѣ цѣлью «объединеніе всѣхъ людей въ вѣрѣ», и нѣкоторыя его заявленія указываютъ на связь его съ католичествомъ. Въ одномъ «пастырскомъ посланіи» этого ордена къ истиннымъ и настоящимъ масонамъ старой системы, напечатанномъ въ 1785 году безъ указанія города, орденъ этотъ названъ настоящимъ орденомъ Іисуса, а его руководители — «духовными отцами».

Digitized by Google

Самыми дѣятельными агентами розенкрейцеровъ были въ Берлинѣ Бишофсвердеръ и Вёльнеръ, послѣдній—нѣкогда одинъ изъ дѣятелей просвѣтительнаго направленія, лично озлобленный на Фридриха Великаго. Теологъ по университетскому образованію, пасторъ-раціоналистъ и воспитатель сына генерала Иценплица, онъ втерся въ довѣріе къ генеральшѣ, которая даже пожелала выдать за него свою богатую дочь, когда мужъ ея погибъ въ битвѣ при Кунерсдорфѣ. Но простой сельскій священникъ не могъ вступить въ бракъ съ дочерью стараго дворянскаго рода. Вёльнеръ сложилъ съ себя званіе пастора, передавъ его сначала своему отцу, а по смерти его — своему брату. Вдова генерала Иценплица купила ему, взамѣнъ пасторства, мѣсто каноника въ Гальберштадтѣ и отдала ему и своему сыну въ общую аренду свои имѣнія. Занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и желая отличиться передъ Фридрихомъ Великимъ, онъ написалъ и посвятилъ ему сочиненіе объ упраздненіи и раздѣлѣ общинныхъ земель, и въ предисловіи къ этому сочиненію осыпалъ короля восхваленіями и лестью. Но бракъ съ дочерью генерала Иценплица, состоявшійся противъ воли ея знатнаго родства, разстроилъ его планы и надежды занять видное мѣсто въ администраціи. Фридрихъ велѣлъ продержать его нѣсколько времени подъ арестомъ, объявилъ его жену несовершеннолѣтней и назначилъ ей опекуна. Тщетно старался полковникъ Форкадъ, родственникъ Вёльнера, доставить ему дворянское званіе. Король отказалъ на-отрѣзъ, и притомъ по причинѣ, доказывающей рѣдкую его проницательность. «Вёльнеръ—плутъ и попъ-интриганъ», отозвался онъ о Вёльнерѣ. Съ тѣхъ поръ Вёльнеръ, нѣкогда восхвалявшій въ своихъ проповѣдяхъ раціонализмъ въ религіи и мудрое правленіе Фридриха, глубоко затаилъ въ душѣ ненависть къ нему и ко всей его дѣятельности.

Но онъ умѣлъ скрыть эту ненависть до благопріятнаго времени. Поселившись въ Берлинѣ, онъ завязалъ тѣсныя отношенія съ дѣятелями просвѣтительнаго направленія и ихъ органомъ—«Всеобщей Нѣмецкой Библіотекой» Николаи, черезъ нихъ и своихъ родственниковъ попалъ на службу къ брату короля, вольтеріанцу принцу Генриху, и въ то же время примкнулъ къ масонамъ «строгаго толка» съ ихъ реакціонными стремленіями. Въ его прошломъ не было ничего такого, что обнаруживало бы его склонность къ мистицизму и мечтательности. Какъ теологъ, онъ принадлежалъ къ раціоналистическому направленію; онъ былъ всегда рѣшительнымъ сторонникомъ прогрессистовъ, пріятелемъ Николаи, сотрудникомъ его журнала. И вдругъ этотъ

Digitized by Google

Вёльнеръ основываетъ въ Берлинѣ ложу розенкрейцеровъ, подъ названіемъ: «Friedrich zum goldenen Löwen», и становится ея ораторомъ, мастеромъ — и, наконецъ, окружнымъ директоромъ, подъ именами Хризофирона и Геликона: первое было его явнымъ именемъ въ орденѣ, второе—тайнымъ, извѣстнымъ однимъ только главнымъ руководителямъ. Въ бумагахъ ордена, относящихся къ этому времени, между членами его упоминаются герцогъ Фр. (Фридрихъ Брауншвейгскій), пр. Карлъ Г. (Гессенскій), грц. Карлъ Зюдерм. (Зюдерманландскій), прусскій наслѣдный принцъ F. W. (Фридрихъ-Вильгельмъ)—«нашъ возлюбленный», и говорится объ усиліяхъ послѣдняго подавить свои чувственныя влеченія и тѣмъ стать вполнѣ достойнымъ членомъ ордена. Будущій прусскій король, наслѣдникъ Фридриха Великаго, былъ уже окутанъ сѣтями Вёльнера и его сочленовъ по ордену. Они поступили сначала очень ловко: овладѣвъ душой будущаго короля, который могъ быть потомъ въ высшей степени полезенъ ихъ цѣлямъ, они не съ-разу приняли его въ свою среду. Они заставили его еще цѣлый годъ просить о формальномъ принятіи его въ члены ордена, требуя отъ него нравственнаго исправленія. Пріемъ состоялся лишь за пять лѣтъ до смерти Фридриха Великаго, въ 1781 году. По выраженію одного изъ руководителей ордена, Ганнона, наслѣдный принцъ былъ принятъ въ члены ордена тѣмъ охотнѣе, что «старая змѣя бѣснуется въ наши дни больше чѣмъ когда-нибудь прежде, чтобы положить конецъ царству Божію страшными ужасами невѣрія лже-мудрецовъ и слабыхъ душъ, ослѣпленныхъ злокачественной магіей и иными заблужденіями». Наслѣдный принцъ былъ принятъ въ орденъ подъ именемъ Ormesus. Рѣшительное вліяніе на это событіе имѣла болѣзнь принца. Искренній мистикъ и обскурантъ Бишофсвердеръ писалъ объ этомъ въ 1781 году одному изъ руководителей ордена: «... Нашъ возлюбленный F. W. уже нѣсколько недѣль страдаетъ четырехъ-дневной лихорадкой; R. Macroc. и Θ univ., которыя я далъ ему въ надеждѣ на содѣйствіе силы божественнаго благословенія, оказываютъ столь прекрасное дѣйствіе, что мы, по всѣмъ признакамъ, вскорѣ можемъ порадоваться полному его выздоровленію. Я хожу за больнымъ и имѣю счастье быть свидѣтелемъ безграничной его надежды на божественное милосердіе и полнѣйшей преданности всесвятой волѣ. Ахъ, возлюбленный отецъ, помогите намъ молитвой, дабы Іегова довершилъ надъ нимъ дѣло своего милосердія! Ваше участіе будетъ пріятно этому добродѣтельному принцу, ибо онъ искренно и высоко чтитъ васъ».

Digitized by Google

Наслѣдный принцъ, разумѣется, очень быстро поднялся по орденскимъ ступенямъ, причемъ руководители всегда съ особенною настойчивостью указывали ему на изувѣра Бишофсвердера и на лукаваго Вёльнера, какъ на надежнѣйшихъ своихъ представителей. И когда искренніе друзья принца добились того, что онъ удалилъ женщину, съ которой жилъ двадцать лѣтъ, отъ которой имѣлъ дѣтей и которая стала ему необходима, какъ податливая свидѣтельница всѣхъ его похожденій и удовольствій, — Вёльнеръ вступился передъ орденомъ за Ормеза, доказывалъ, что было бы жестоко разлучить его съ матерью его дѣтей, и принцъ возобновилъ свои прежнія отношенія съ любовницей. Дрезденскій братъ розенкрейцеровъ, Ганнонъ, издатель дико-мистическихъ «масонскихъ рѣчей гольд- и розен-крейцеровъ старой системы (Амстердамъ, 1779)», въ своей перепискѣ съ принцемъ о церемоніяхъ, обычаяхъ и цѣлебныхъ средствахъ ордена, предостерегалъ его не столько противъ безнравственныхъ поступковъ, сколько противъ «иллюминатовъ», т.-е. свободно мыслящихъ въ церковномъ отношеніи, противъ ихъ силы и опасныхъ происковъ. Иллюминаты, внушалъ онъ, подкапываются подъ всякую власть и всякое начальство, хотя въ ихъ планы и входитъ усыпленіе лестью тѣхъ государей, которые впослѣдствіи могутъ стать имъ поперекъ дороги. Въ особенности же долженъ остерегаться наслѣдный принцъ нѣкоторыхъ, — къ сожалѣнію, обозначенныхъ только цифрами — предводителей просвѣтительнаго направленія, которые старались сблизиться съ нимъ, но которые, какъ и слѣдовало, были имъ отдалены. Въ награду за свои будущія королевскія заслуги передъ орденомъ, наслѣдный принцъ заранѣе получилъ отъ ордена титулъ Ормеза Великаго (Ormesus Magnus).

Душою ордена въ Берлинѣ оставался Вёльнеръ. Орденъ сталъ въ его рукахъ орудіемъ его честолюбивыхъ видовъ, его личныхъ цѣлей. Настойчивыя рекомендаціи руководителей ордена и Бишофсвердера, званіе окружного директора ордена въ Берлинѣ, и ловкое, вкрадчивое приноравливаніе себя къ природѣ наслѣднаго принца — сдѣлали Вёльнера довѣреннѣйшимъ совѣтникомъ послѣдняго. Этотъ умный и энергическій человѣкъ сталъ для принца оракуломъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Съ половины 1784 года, когда здоровье Фридриха Великаго было уже сильно разстроено, Вёльнеръ докладывалъ наслѣдному принцу, словесно и письменно, по разнообразнымъ вопросамъ и дѣламъ, и эти доклады составили потомъ программу правленія короля Фридриха-Вильгельма II. Въ нихъ, какъ и въ тѣхъ докладахъ, которые

Digitized by Google

онъ дѣлалъ впослѣдствіи уже королю Фридриху-Вильгельму II, попадались кое-какія вѣрныя мысли и остроумныя замѣчанія; но эти вѣрныя мысли и остроумныя замѣчанія были отравлены тѣмъ личнымъ интригантскимъ духомъ, который онъ вносилъ во всѣ свои дѣйствія. Его доклады наслѣдному принцу дышали ненавистью ко всѣмъ совѣтникамъ Фридриха Великаго и къ самому Фридриху. Съ озлобленіемъ возставалъ онъ въ нихъ противъ такъ-называемаго невѣрія, противъ «ложной» терпимости и безнравственности, распространившейся въ Пруссіи по винѣ короля, и противъ вольнодумнаго духовенства. Послѣ самого Фридриха, всего ядовитѣе нападалъ онъ на Цедлица, поставленнаго Фридрихомъ во главѣ духовныхъ дѣлъ и церковнаго управленія. «Таковы прелестные плоды просвѣтительнаго направленія!» писалъ онъ принцу въ докладѣ о религіозныхъ дѣлахъ. «О, государь всемилостивѣйшій, ради Бога, ради вашего добраго народа, сжальтесь надъ нами и возвратите моему бѣдному отечеству религію Христа!»—такъ патетически умѣлъ говорить «плутъ» Вёльнеръ о вещахъ, въ сущности ему совершенно безразличныхъ и чуждыхъ! Вёльнеръ предлагалъ и средства къ «возстановленію христіанства» въ прусскомъ государствѣ. Такими средствами онъ называлъ: примѣръ короля; указъ о празднованіи воскреснаго дня; назначеніе «честнаго» министра духовныхъ дѣлъ, такъ какъ любимецъ Фридриха Великаго, Цедлицъ, открыто заявилъ себя «врагомъ Христа» и «натуралистомъ»; составленіе инструкціи для министра духовныхъ дѣлъ, въ которой было бы выражено неудовольствіе короля на преобладающіе въ его владѣніяхъ натурализмъ, деизмъ, социніанизмъ, индифферентизмъ, и внушеніе, запрещающее на будущее время поучать подобнымъ заблужденіямъ; онъ предлагалъ также учредить наблюденіе за всѣми кандидатами и проповѣдниками, дѣйствительно ли они поучаютъ христіанской (т.-е. лютеранской) вѣрѣ во всей ея чистотѣ, безъ примѣси лжеученій; наконецъ, законъ о цензурѣ. Ловко придавъ «христіанское» значеніе своимъ проектамъ, онъ не замедлилъ обнаружить въ томъ же докладѣ и свои личные виды на должность министра духовныхъ дѣлъ.

Замѣчательно, что интригуя въ религіозномъ отношеніи, Вёльнеръ въ то же время давалъ будущему королю прогрессивные политическіе и соціальные совѣты. Горячо распространялся онъ въ своихъ докладахъ о необходимости улучшить положеніе низшихъ, угнетенныхъ классовъ, крестьянъ и евреевъ. Обширныя дворянскія помѣстья мѣшаютъ размноженію населенія, объяснялъ онъ наслѣдному принцу. Крѣпостное право должно быть отмѣ-

Digitized by Google

нено со всѣми его послѣдствіями. Необходимо облегчить ношу мужика, который платитъ государству въ семь разъ больше налоговъ, чѣмъ дворянинъ, и обложить и дворянство. Государство можетъ вообще допустить облегченіе налоговъ, пріумноживъ государственныя имущества и регаліи, лучше управляясь съ ними и присоединивъ къ нимъ духовныя имущества съ назначеніемъ пенсій нынѣшнимъ ихъ бенефиціатамъ. Эти дѣльныя мысли были высказаны Вёльнеромъ еще въ 1765 году, въ его сочиненіи на премію петербургскаго вольнаго экономическаго общества. Онъ предлагалъ также улучшить положеніе евреевъ въ Пруссіи, сдѣлать ихъ такимъ образомъ полезными государству гражданами и привлечь къ военной службѣ. Но эта лучшая часть программы была оставлена и имъ самимъ, и королемъ безъ исполненія. Для его личныхъ цѣлей было всего важнѣе управленіе министерствомъ духовныхъ дѣлъ, и эту часть программы онъ провелъ настойчиво и послѣдовательно, благодаря своему вліянію на Фридриха-Вильгельма II. На остальномъ, единственно важномъ для страны, онъ потомъ совсѣмъ не настаивалъ.

Если правленіе Фридриха Великаго можно характеризовать тремя словами: все для государства,—то девизомъ его преемника и любимца его Вёльнера было: все для короля. Если Фридрихъ Великій, въ государственныхъ видахъ, допускалъ полную свободу мнѣній и ввелъ тяжелые налоги, то преемникъ его, въ своихъ собственныхъ видахъ, наложилъ печать молчанія на первую и нѣсколько облегчилъ вторые. Страна, долго управляемая диктаторски при великомъ предшественникѣ Фридриха-Вильгельма II, долго напрягавшая всѣ свои силы для созданія самостоятельнаго государства на сѣверѣ Германіи, попала теперь въ руки человѣка, незнавшаго что̀ дѣлать съ этимъ новосозданнымъ государствомъ, смотрѣвшаго на нее какъ на свое помѣстье и продолжавшаго истощать ее уже въ своихъ личныхъ видахъ, въ интересахъ своей власти. Насколько диктатура Фридриха шевелила страну, будила ея мысль и силы, настолько система его преемника, не коснувшаяся ни одного изъ закоренѣлыхъ золъ крѣпостного общественнаго строя, съ каждымъ днемъ погружала ее въ апатію и обрекала опасному застою. Какъ будто немного номеньше налоговъ, но гораздо меньше освѣжающей и обновляющей свободы—вотъ характеръ того правленія, которое въ короткое время привело героическую и неодолимую Пруссію Семилѣтней войны къ полному упадку національныхъ силъ и къ іенской катастрофѣ.

Новый король былъ любезенъ и мягокъ въ обращеніи, не

Digitized by Google

любилъ французскихъ идей, французской литературы и французскихъ чиновниковъ, и на первыхъ же порахъ популярно заявилъ себя покровителемъ посредственностей нѣмецкой литературы, съ которою онъ, впрочемъ, былъ такъ же мало знакомъ, какъ и его покойный дядя. Даже добрыя международныя отношенія съ Франціей, которыми такъ дорожилъ Фридрихъ Великій, теперь серьёзно поколебались. Съ самаго начала новаго царствованія, французская партія при берлинскомъ дворѣ совсѣмъ упала духомъ. Близорукіе люди приняли все это за нѣчто благотворное, національное, много обѣщающее въ будущемъ, особенно въ виду предпринятой съ первыхъ же дней отмѣны ненавистной всѣмъ Regie. Въ самомъ началѣ новаго царствованія, была назначена королемъ коммиссія для пересмотра акцизнаго законодательства, и ей было предписано собираться ежедневно для наивозможно скорѣйшаго разрѣшенія своей задачи. Пользуясь прежде, согласно контракту, заключенному при покойномъ королѣ, совершенно независимымъ положеніемъ, французское акцизное управленіе должно было явиться передъ коммиссіей въ качествѣ подсудимаго. Ему было строго запрещено теперь производить ненавистные народу обыски для отысканія контрабанды, т.-е. нарушеній акцизнаго устава. Неудовольствіе французскихъ чиновниковъ на коммиссію и тѣ затрудненія, которыя они противопоставляли ея усиліямъ выяснить дѣло, заставили правительство принять противъ нихъ рѣшительныя, отчасти произвольныя мѣры. 834 чиновника Regie были разомъ совсѣмъ уволены, а содержаніе остальныхъ уменьшено. Но всѣ попытки уличить начальника Regie, де-Лоне, въ злоупотребленіяхъ были безуспѣшны. Всѣ счеты его управленія оказались правильно веденными и провѣренными счетною палатой. Несмотря на обязательство Фридриха Великаго уволить де-Лоне не иначе, какъ съ 6,000 талеровъ пенсіи, которая должна распространяться и на его дѣтей, онъ былъ уволенъ съ пенсіей въ 2,000 талеровъ, которые, по прусскимъ законамъ, онъ долженъ былъ расходовать непремѣнно въ Пруссіи. Когда онъ сослался на обязательство Фридриха, у него потребовали это обязательство для «свѣдѣнія», и потомъ не возвратили его! Это былъ просто обманъ, но обманъ очень характерный, показывающій, какъ сильно были озлоблены тогда противъ системы взиманія акцизныхъ сборовъ черезъ французскихъ чиновниковъ. Акцизный вопросъ еще не былъ разрѣшенъ окончательно, когда король, подъ вліяніемъ Вёльнера, велѣлъ приступить и къ разработкѣ таможеннаго вопроса. Но всѣ эти работы, о ходѣ которыхъ постоянно давались отчеты королю, не привели

Digitized by Google

къ существеннымъ результатамъ. Фридрихъ-Вильгельмъ II не имѣлъ самъ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній въ финансовыхъ вопросахъ; онъ не задавался никакимъ цѣльнымъ принципомъ. Онъ стоялъ твердо лишь за отмѣну табачной и кофейной монополіи, потому что публично обѣщалъ ея отмѣну и не хотѣлъ отказать себѣ въ удобномъ случаѣ открыто противодѣйствовать тому, что̀ сдѣлано его предшественникомъ. При всякомъ серьёзномъ препятствіи и затрудненіи, король отказывался отъ самыхъ лучшихъ, предлагаемыхъ ему, мѣръ, чтобы по возможности менѣе отступать отъ стародавнихъ порядковъ. Результатъ всѣхъ возбужденныхъ королемъ финансовыхъ совѣщаній былъ въ сущности мизерный: упраздненная табачная и кофейная монополія была замѣнена такими акцизными сборами, отъ которыхъ сильно поднялись цѣны на предметы первой необходимости—на пиво, сахаръ, даже на хлѣбъ! Предположенныя первоначально многочисленныя реформы: отмѣна тягостнаго народу пересыпнаго сбора при ввозѣ хлѣбнаго зерна и муки въ города, пониженіе акциза на пиво, который коммиссія признала «непомѣрно высокимъ», и многія другія совсѣмъ не были исполнены. Полное отсутствіе общихъ идей и руководящихъ началъ привело къ тому, что вмѣсто обѣщанныхъ рѣшительныхъ финансовыхъ преобразованій, страна получила рядъ полу-мѣръ, только пріумножившихъ путы, изъ которыхъ безуспѣшно порывались вырваться народныя силы.

Образованная часть общества вскорѣ почувствовала горькое разочарованіе. Благопріятное впечатлѣніе, произведенное отмѣной Regie и двухъ монополій, миновало: общество было поражено и самымъ способомъ отмѣны, и пріостановкой дальнѣйшихъ преобразованій. Оказалось, что и пресловутая отмѣна табачной монополіи,—обнародованный правительствомъ законъ, объявлявшій, что «отнынѣ всякій воленъ безпрепятственно заниматься табаководствомъ», и «производство табаку отнынѣ признается свободнымъ промысломъ»,—что и эта прославленная правительствомъ и узаконенная мѣра получила характеръ уже не прежней государственной, а частной монополіи. Довольно было магдебургскимъ табачнымъ фабрикантамъ протестовать противъ предоставленнаго «необученнымъ людямъ» права заниматься табачной промышленностью, чтобы состоялся указъ, разрѣшавшій это занятіе только тѣмъ, кто докажетъ властямъ свое знакомство съ табачнымъ производствомъ, свою денежную состоятельность, и получитъ такимъ образомъ разрѣшеніе начальства заниматься тѣмъ самымъ промысломъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ признанъ по закону совершенно свободнымъ!

Digitized by Google

Подобная система управленія, ничего не дававшая, кромѣ стѣснительныхъ ограниченій и неизвѣстности, естественно вызвала ропотъ и критику. Въ Берлинѣ появился, безъ указанія мѣста печатанія, безъименный памфлетъ, направленный противъ отмѣны государственной монополіи и восхвалявшій систему Фридриха Великаго. Авторъ стоялъ на устарѣвшей, ложной точкѣ зрѣнія; но онъ сильно осуждалъ высокое обложеніе предметовъ первой необходимости, и этого было достаточно, чтобы привлечь къ его памфлету общее сочувствіе. «Какъ сильно надо было исказить истину»,—говорилъ онъ между прочимъ, «чтобы склонить благодушнаго монарха къ подписанію такого закона». Патетическій и рѣзкій тонъ этой брошюры до крайности раздражилъ высшіе административные круги. Вѣльнеръ, повидимому, почувствовалъ себя лично затронутымъ. По крайней мѣрѣ его манера писать сказалась въ кабинетномъ указѣ короля на имя генералъ-фискала Аньера, вскорѣ напечатанномъ въ берлинскихъ газетахъ,—указѣ, который предписывалъ не только конфисковать дерзкую брошюру, но и отыскать ея автора, причемъ послѣдній названъ «жалкимъ писакой», «распространяющимъ ядъ и безуміе въ личныхъ своихъ видахъ». За открытіе автора была даже назначена премія въ сто талеровъ. Но премія оказалось излишней. Авторъ самъ публично объявилъ свое имя. То былъ тайный совѣтникъ финансоваго вѣдомства фонъ-Боркъ, человѣкъ, когда-то близко стоявшій къ королю, тогда еще наслѣдному принцу. Въ своемъ заявленіи онъ настаивалъ на чистотѣ своихъ намѣреній и на вѣрности приведенныхъ имъ свѣдѣній. Король не нашелъ возможнымъ преслѣдовать этого, лично ему извѣстнаго, человѣка. Дѣло кончилось тѣмъ, что генералъ-фискалъ предложилъ ему вопросъ о томъ, изъ какого источника почерпнуты имъ данныя, на которыхъ основана его брошюра; и когда фонъ-Боркъ доказалъ ихъ подлинность и законность ихъ происхожденія, слѣдствіе по этому дѣлу было прекращено. Правительство ограничилось печатнымъ отвѣтомъ на брошюру фонъ-Борка и ея опроверженіемъ, которое, впрочемъ, мало подѣйствовало на публику. Правительству не помогъ и восторженный адресъ, поднесенный королю тѣми берлинскими торговцами, которымъ была особенно выгодна отмѣна государственной монополіи на табакъ и кофе, и которые приписывали ему въ этомъ адресѣ оживленіе погибавшей торговли, называя его возлюбленнымъ, лучшимъ отцомъ отечества...

Digitized by Google

II.

Въ первые мѣсяцы новаго царствованія, когда обсуждались финансовыя преобразованія, вскорѣ разрѣшившіяся жалкими полу-мѣрами, общество еще продолжало ожидать отъ новаго правительства серьёзнаго вниманія и участія къ интересамъ національной литературы, науки и искусства. Самъ король, наградивъ нѣкоторыя литературныя посредственности, какъ-бы давалъ понять, что онъ не наслѣдовалъ отъ своего дяди пристрастія къ французской литературѣ и пренебреженія къ нѣмецкой. Но и тутъ оказалось въ результатѣ, что пристрастіе и пренебреженіе Фридриха Великаго было гораздо благотворнѣе для умственнаго развитія Германіи, чѣмъ-то неумѣлое, барское покровительство, которое сулилъ его преемникъ нѣмецкой литературѣ и наукѣ.

Свободно мыслящій сторонникъ и министръ Фридриха Великаго, завѣдывавшій духовными дѣлами, фонъ-Цедлицъ, сначала держалъ себя въ сторонѣ, со дня на день ожидая своего увольненія въ виду извѣстнаго ему образа мыслей короля и его любимца Вёльнера. Король, дѣйствительно, выказывалъ открыто свое лютеранское правовѣріе; но многимъ казалось, что онъ считаетъ это дѣломъ личнаго убѣжденія, и Цедлицъ, не получая отставки, задумалъ воспользоваться благопріятной минутой, чтобы двинуть впередъ великое дѣло народнаго образованія. Школьное дѣло въ тогдашней Пруссіи находилось въ жалкомъ положеніи. Сельскія начальныя школы часто были въ рукахъ инвалидовъ, не знавшихъ иного способа преподаванія, кромѣ опредѣленнаго количества ударовъ за каждое слово, пропущенное ученикомъ въ урокѣ катихизиса. Многіе сельскіе учителя, не имѣя возможности существовать на получаемое ими копѣечное жалованье, были въ то же время портными, сапожниками и пр. Въ этихъ школахъ крестьянъ обучали непонятному имъ катихизису, неправильному письму и кое-какому счету. Городскія школы были большею частью школы латинскія, въ которыхъ будущій столяръ, сапожникъ, лавочникъ учился, конечно въ очень скудномъ размѣрѣ, латинскому, греческому и еврейскому языку, не пріобрѣтая никакихъ другихъ свѣдѣній. Еще въ худшемъ положеніи было женское образованіе. Дѣвочекъ учили въ школѣ безсмысленно читать печатныя слова, затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, нѣкоторому бумагомаранію, при помощи котораго онѣ впослѣдствіи не могли записывать даже и своего домашняго расхода.

Digitized by Google

Учительскихъ семинарій во всемъ государствѣ было тогда только пять, въ томъ числѣ одна казенная.

Просвѣщенному Цедлицу очень хотѣлось положить конецъ такому печальному положенію народнаго просвѣщенія. Въ началѣ 1787 года, онъ подалъ королю записку о положеніи учебнаго дѣла въ государствѣ и о средствахъ къ его улучшенію. Безкорыстный министръ Фридриха Великаго предлагалъ въ своей запискѣ не оставлять учебнаго дѣла въ произвольномъ завѣдываніи одного министра, который могъ часто мѣняться, и поручить это дѣло верховной учебной коллегіи, состоящей изъ министра, нѣсколькихъ практическихъ педагоговъ и дѣйствительно ученыхъ чиновниковъ относительно школьнаго дѣла. Сущность его проекта заключалась въ томъ, что «крестьянинъ долженъ быть обучаемъ иначе, чѣмъ будущій ремесленникъ, а послѣдній иначе, чѣмъ будущій ученый или человѣкъ, предназначающій себя служить государству въ высшихъ должностяхъ». Поэтому онъ предлагалъ учредить въ государствѣ школы трехъ разрядовъ: крестьянскія, городскія и ученыя. Въ первыхъ, по его плану, должны были преподаваться: законъ божій, чтеніе, письмо и счетъ, основанія механики и измѣренія площадей, нѣкоторыя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ и медицинѣ и основанія государственнаго устройства, а также легкія ручныя работы: пряжа, плетеніе корзинъ и шляпъ и т. п. Для снабженія этихъ школъ учителями должны были служить уже существующія учительскія семинаріи, значительно улучшенныя, и четыре новыхъ, крайне экономно-устроенныхъ, каждая съ однимъ учителемъ, получающимъ 500 (по нынѣшнему 1000) талеровъ жалованья и съ бюджетомъ въ 1,500 талеровъ на содержаніе двѣнадцати воспитанниковъ. Цедлицъ предлагалъ также опредѣлить норму вознагражденія сельскихъ учителей: каждый изъ нихъ долженъ былъ получать: помѣщеніе, огородъ, выгонъ на одну корову, и въ однихъ мѣстахъ по 120, въ другихъ по 80 талеровъ жалованья.

Городскія школы, по плану Цедлица, должны давать популярное, премущественно практическое образованіе и обучать религіи, чтенію, письму, составленію счетовъ и квитанцій, упражнять въ логическомъ мышленіи, давать общія понятія о природѣ, чисто-практическія свѣдѣнія въ механикѣ, географическое описаніе Пруссіи и смежныхъ съ нею странъ; общія понятія о государственномъ устройствѣ, свѣдѣнія объ отечественной исторіи, начиная только съ вестфальскаго мира, и знакомить съ рисованіемъ, поскольку оно полезно для особенно распространенныхъ ремеслъ. И въ этихъ школахъ неучебные часы предполагалось

Digitized by Google

посвящать практическимъ занятіямъ. Такая школа должна быть въ каждомъ городѣ, и на содержаніе ея въ небольшихъ городахъ назначались суммы, расходуемыя на запущенныя и негодныя латинскія школы. На первое время, для снабженія городскихъ школъ учителями, Цедлицъ считалъ достаточною одну учительскую семинарію, которая могла быть соединена съ берлинскою реальною школой и стоить не болѣе 2,000 лишнихъ талеровъ.

Число ученыхъ школъ должно быть гораздо меньше по проекту Цедлица, который вообще относится къ нимъ менѣе сочувственно, чѣмъ къ школамъ городскимъ и сельскимъ. Весь проектъ имѣетъ въ виду исключительно практическія цѣли тогдашней педагогіи. Въ наше время можно находить его односторонним, съ раннихъ лѣтъ обрекающимъ человѣка на извѣстную спеціальность, къ которой онъ впослѣдствіи можетъ не имѣть ни охоты, ни способности. Но и при этихъ очевидныхъ недостаткахъ проекта несомнѣнно, что примѣненіе его было бы въ то время большимъ шагомъ впередъ. За исключеніемъ немногихъ, пользовавшихся громкою извѣстностью, учебныхъ заведеній, всѣ школы Пруссіи находились въ полномъ упадкѣ, какъ по уровню своихъ преподавателей, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Кромѣ Берлина и немногихъ крупныхъ городовъ, ни одинъ ректоръ ученой школы не получалъ болѣе 500 талеровъ жалованья, ни одинъ преподаватель—болѣе 300 талеровъ или какого-нибудь громкаго титула, тогда какъ сносные писаря носили званіе военныхъ совѣтниковъ, даже тайныхъ совѣтниковъ военнаго вѣдомства съ 1800 талеровъ содержанія! Городскіе учителя получали 181, 160, 108½, 80 и даже 21 талеръ! Цедлицъ просилъ у короля всего 32,000 талеровъ ежегодно на верховную училищную коллегію, на семинарію и на увеличеніе учительскихъ окладовъ. Король письменно вполнѣ одобрилъ его проектъ, и хотя замѣтилъ при этомъ, что можетъ дать ему на первый годъ только 13,000 талеровъ изъ 32,000, однако совѣтовалъ приступить немедленно къ дѣлу, и особенно поторопиться учрежденіемъ верховнаго училищнаго совѣта. «Я непремѣнно позабочусь о томъ, чтобы въ будущемъ (1788) году вы получили всѣ 32,000», писалъ онъ собственноручно своему министру. Ни Цедлицъ въ то время, ни его современники, конечно, не могли ожидать, что весь этотъ проектъ былъ уже похороненъ во мнѣніи самого короля, и что Вёльнеръ, Бишофсвердеръ и т. п. люди уже обрекли дѣло народнаго образованія въ Пруссіи на полный застой и запустѣніе еще на цѣлое тридцатилѣтіе! Самъ Цедлицъ былъ,

Digitized by Google

напротивъ, такъ увѣренъ въ успѣхѣ своего плана, что передалъ извлеченіе изъ него своему другу Гедике для напечатанія въ его «Берлинскомъ Ежемѣсячномъ Журналѣ». Это смѣлое и непривычное прусскому чиновнику обращеніе къ гласности, вѣроятно, не мало повредило Цедлицу въ глазахъ Фридриха-Вильгельма II.

Не меньше школъ нуждались въ помощи и прусскіе университеты. Всѣ они, за исключеніемъ университета въ Галле, находились въ болѣе или менѣе печальномъ положеніи—и научно, и матеріально. Фридрихъ Великій такъ же мало заботился о нихъ, какъ и о другихъ школахъ, и въ этомъ отношеніи онъ много уступалъ Петру Великому. При немъ въ университетахъ не было сдѣлано никакихъ преобразованій, и деньги на ихъ содержаніе отпускались очень скупо, въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ. Если, несмотря на то, въ Галле и Кёнигсбергѣ между профессорами были ученыя свѣтила, то этимъ Пруссія была обязана, во-первыхъ, духу времени, а во вторыхъ—тому общему толчку, который былъ данъ Фридрихомъ Великимъ всему живому и прогрессивному въ странѣ. Всѣхъ университетовъ было тогда въ Пруссіи четыре (въ Галле, Дуисбургѣ, Франкфуртѣ-на-Одерѣ и Кёнигсбергѣ). Какъ и другія учебныя заведенія, они были подчинены министру духовныхъ дѣлъ, и непосредственно управлялись ректоромъ, совѣтомъ и факультетами. При замѣщеніи вакантныхъ или вновь учреждаемыхъ каѳедръ, министръ обыкновенно поступалъ довольно произвольно, не обращая вниманія на желаніе факультетовъ. Очень дурно было и то, что каждый профессоръ долженъ былъ читать всѣ или большинство предметовъ своего факультета.

Заявляя желаніе покровительствовать отечественной наукѣ и отечественному искусству, новый король назначилъ десять тысячъ талеровъ изъ прежнихъ іезуитскихъ имѣній на подкрѣпленіе фондовъ, принадлежавшихъ университетамъ, и семь тысячъ изъ нихъ достались университету въ Галле, тысяча талеровъ—университету во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, и двѣ тысячи—кёнигсбергскому университету. Король былъ гораздо щедрѣе на удовольствія, на театръ, скульптуру и живопись, чѣмъ на народное образованіе. Совсѣмъ другія средства къ пріобрѣтенію искусственной популярности и внѣшняго значенія казались тогдашнему правителю Пруссіи гораздо болѣе дѣйствительными. Въ самомъ началѣ своего правленія, король Фридрихъ-Вильгельмъ II проявилъ великую щедрость на награды, которая значительно понизила ихъ цѣну въ общемъ мнѣніи. Въ арміи и гвардіи множество офицеровъ разомъ получили слѣдующій чинъ. Каммергерскіе

Digitized by Google

ключи, дворянское и графское званіе раздавались щедрою рукой направо и налѣво. Очень посчастливилось въ этомъ отношеніи людямъ, которыхъ не любилъ или даже удалилъ Фридрихъ Великій. Они были особенно пріятны новому королю.

Вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ осчастливить множество людей, безъ всякаго труда и отношенія къ интересамъ государства, король вскорѣ обнаружилъ и другое, еще болѣе неблагопріятное для управляемой имъ страны—стремленіе окружить себя любимцами обоего пола и дѣлать все по ихъ внушенію. Его прежняя любовница, г-жа Рицъ, была осыпана брилльянтами. Номинальный супругъ ея назначенъ тайнымъ каммергергомъ и дерзко хозяйничалъ въ придворномъ вѣдомствѣ, разгоняя просителей даже и физическою силой. Самъ король былъ нетерпѣливъ и часто въ раздраженіи оскорблялъ своихъ слугъ, которыхъ потомъ награждалъ за вынесенныя ими оскорбленія. Рицъ отлично пользовался этой королевской слабостью для своихъ цѣлей. Вызывая короля на оскорбленія, онъ потомъ выпрашивалъ у него все, чего хотѣлъ. Еще будучи принцемъ, король усердно, но безуспѣшно ухаживалъ за красавицей Юліей фонъ-Фоссъ, которую теперь стали преслѣдовать совѣтами уступить привязанности короля, такъ какъ она могла доставить имъ доброе вліяніе на ходъ дѣлъ. Ей говорили, что она одна способна сдерживать его дурные инстинкты и освободить его изъ-подъ вліянія піетистовъ и интригановъ, окружавшихъ его въ союзѣ съ г-жой Рицъ. Въ этомъ смыслѣ говорили ей и собственная родня, и сама королева, которая уже давно была покинута своимъ супругомъ. Кончилось тѣмъ, что Юлія фонъ-Фоссъ сдалась на эти совѣты, и въ маѣ 1787 года придворный проповѣдникъ Цёльнеръ благословилъ этотъ странный союзъ, дѣлавшій короля двоеженцемъ. Украшенная титуломъ графини Ингенгеймъ, несчастная не нашла однакоже ни нравственнаго удовлетворенія, ни покоя въ своемъ новомъ положеніи. Король и послѣ этого брака продолжалъ прежнія отношенія съ г-жой Рицъ, которая опасалась вліянія своей соперницы, интриговала противъ нея за-одно съ своими сторонниками, въ томъ числѣ Вёльнеромъ и другими розенкрейцерами. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ брака, красавица скончалась отъ скоротечной чахотки, оставивъ королю сына. Въ обществѣ увѣряли тогда, что она отравлена г-жою Рицъ, но родные умершей отрицали это, да и вскрытіе трупа обнаружило полное разрушеніе легкихъ. Смерть графини Ингенгеймъ повлекла за собою полное торжество супруговъ Рицъ, розенкрейцеровъ вообще и Вёльнера въ особенности. Король, съ своей стороны, скоро

Digitized by Google

утѣшился, влюбившись въ молодую фрейлину своей жены, графиню Софію Дёнгофъ. Податливый Цёльнеръ обвѣнчалъ его и съ нею; но два года спустя, она была удалена по настояніямъ Рицъ и ея клики, хотя и родила королю сына и дочь.

Братья короля по ордену все больше и больше овладѣвали душою короля. Въ библіотекѣ вновь построеннаго имъ мраморнаго дворца, въ Потсдамѣ, онъ поставилъ, рядомъ съ нѣкоторыми нѣмецкими поэтами, нѣсколько мистическихъ книгъ, въ родѣ «Theosophia revelata» Бёмера, «Physica mistica et physica sacratissima», Югеля, «Сіяющій въ свѣтѣ истины розенкрейцеръ» и т. п. Бишофсвердеръ и Вёльнеръ уже были его довѣреннѣйшими совѣтниками. Оба они хорошо знали, что король всего болѣе опасается имѣть видъ человѣка, руководимаго другими, и оба держались сначала за кулисами, не выставляя себя передъ другими. Но они стали ему необходимы, какъ духовные его руководители, а болѣе умный и ловкій изъ нихъ, Вёльнеръ, пріобрѣлъ и большое вліяніе на государственныя дѣла. Почувствовавъ свою силу, онъ сталъ и менѣе сдержанъ, чѣмъ Бишофсвердеръ. Въ самый годъ своего вступленія на престолъ король уже возвелъ его въ дворянское званіе; къ нему поступали на просмотръ всѣ доклады по разнымъ частямъ управленія, онъ проектировалъ рѣшеніе короля по этимъ докладамъ. Особеннымъ довѣріемъ Фридриха-Вильгельма пользовался онъ въ финансовыхъ дѣлахъ, и министры, зная это, рабски угождали королевскому любимцу. Каждый день, въ семь часовъ утра, король отсылалъ ему всѣ поступавшія письма и прошенія, а въ четыре часа дня онъ уже представлялъ свой докладъ о нихъ. Словесныя просьбы и жалобы, которыя охотно выслушивалъ Фридрихъ Великій, теперь уже не допускались, а письменныя, поступая къ Вёльнеру, всегда могли быть парализуемы подъ благовидными предлогами. Въ Берлинѣ Вёльнера называли «царькомъ». Ни онъ, ни союзникъ его Бишофсвердеръ, безъ котораго король не могъ провести и нѣсколькихъ часовъ, и который привлекалъ короля чудесною стороной розенкрейцерства, не были разборчивы на средства усилить свое вліяніе. Въ квартирѣ Вёльнера была устроена настоящая сцена для духовъ, на которую вызывалась, напримѣръ, тѣнь Цезаря. Роли духовъ исполнялъ саксонецъ Штейнертъ, давній пріятель Бишофсвердера, обладавшій знаніемъ физіономики и даромъ чревовѣщанія, и которому онъ выпросилъ у короля 500 талеровъ годового жалованья подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хорошо приготовляетъ тайные эликсиры. Посредствомъ этихъ зрѣлищъ, розенкрейцеры вывѣдывали мысли

Digitized by Google

и желанія короля, и находили способы достигать своихъ цѣлей. Предсказанія и совѣты изъ устъ таинственныхъ тѣней могли дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ совѣты смертныхъ. Братъ Рица, Рицъ младшій, былъ опредѣленъ кабинетнымъ секретаремъ къ королю и давалъ окончательную редакцію исходившимъ изъ кабинета повелѣніямъ, согласно внушеніямъ Вёльнера и Бишофсвердера. Всѣ они жили въ тѣсной дружбѣ съ г-жой Рицъ. Къ ихъ кликѣ принадлежалъ и баронъ Фридрихъ фонъ-Арнимъ, нѣкогда уплатившій по векселю наслѣднаго принца, теперь короля, 30,000 талеровъ, возведенный послѣднимъ въ графское достоинство и въ званіе оберъ-егермейстера, и поставленный во главѣ лѣсного вѣдомства, съ министерскимъ титуломъ. Кто не принадлежалъ къ этой придворной и мистической кликѣ, тому не давали ходу. Порядочные люди сторонились отъ нея съ опасеніемъ и серьёзнымъ недовольствомъ. Ни на чемъ не основанныя надежды первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія «возлюбленнаго» короля, смѣнились полнымъ разочарованіемъ. Розенкрейцеры совсѣмъ разобщили короля съ народомъ; всѣмъ стало ясно, какимъ пустымъ интересамъ посвящаетъ король все свое время, что возвѣщенныя сначала реформы оказались призраками. Коротенькая брошюра Борка, о которой мы упомянули выше, читалась нарасхватъ; за нее охотно платили по два талера; она была тайно перепечатана и издана еще и на французскомъ языкѣ.

Еще сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное въ 1789 году изданіемъ «Histoire secrète de la Cour de Berlin». Кто издалъ эту книгу, неизвѣстно. Но кто бы ни былъ ея издателемъ—самъ ли Мирабо, прожившій нѣсколько времени въ Берлинѣ, или его противникъ, желавшій навлечь ему процессъ и тѣмъ отстранить его кандидатуру въ члены Etats Généraux, такъ какъ въ брошюрѣ была помѣщена переписка, веденная имъ въ качествѣ тайнаго повѣреннаго Франціи, во второй половинѣ 1786 года, въ бытность его въ Берлинѣ,—многое было очень вѣрно изложено въ этой книгѣ; иное было и невѣрно по незнакомству иностранца съ нѣмецкими дѣлами, и притомъ иностранца раздраженнаго, который потерпѣлъ неудачу въ своихъ тайныхъ переговорахъ и былъ свидѣтелемъ и участникомъ паденія французской партіи при берлинскомъ дворѣ. Оскорбленный разоблаченіями автора «Histoire secrète», Фридрихъ-Вильгельмъ II отказался однако же предъявить жалобу на него въ Парижѣ, и оттого парижскій парламентъ, приговорившій книгу къ сожженію, не коснулся безъименнаго автора, хотя онъ и былъ всѣмъ извѣстенъ. Книга читалась съ жадностью, была переведена на нѣ-

Digitized by Google

мецкій языкъ; были изданы даже извлеченія изъ нея. Появились, впрочемъ, и опроверженія, противъ нея направленныя. Одно изъ нихъ было написано баденскимъ историкомъ Поссельтомъ, другое — барономъ Фридрихомъ фонъ-деръ-Тренкъ, которому король возвратилъ имѣнія, конфискованныя его предшественникомъ. Но эти опроверженія были неудачны и отличались больше бранью на Мирабо, чѣмъ убѣдительными доказательствами или основательнымъ знаніемъ обсуждаемыхъ дѣлъ и обстоятельствъ.

А вліяніе Вёльнера продолжало рости и усиливаться. Вёльнеръ сначала желалъ сдѣлаться министромъ финансовъ, и уже 7-го октября 1786 года писалъ королю: «Я издавна и сильно желалъ быть министромъ духовныхъ дѣлъ; осмѣливаюсь просить ваше величество довѣрить мнѣ пока вакантное мѣсто министра финансовъ. Я могъ бы, несмотря на это, по-прежнему исполнять всѣ immediat-commissiones вашего величества». Но это желаніе его не было исполнено, вѣроятно, благодаря вліянію Юліи фонъ-Фоссъ. Годъ спустя, Вёльнеръ еще жаловался на это королю: «Тоже было и въ то время, когда я желалъ быть министромъ финансовъ... ваше величество считали меня тогда годнымъ». Но на дѣлѣ онъ былъ все-таки первымъ министромъ, хотя оффиціально и назывался только тайнымъ оберъ-финансъ-совѣтникомъ и оберъ-интендантомъ придворныхъ построекъ. Уже въ концѣ 1786 года онъ вручилъ королю записку о преобразованіи департаментовъ генеральной директоріи, какъ называлось коллегіальное управленіе важнѣйшими общими дѣлами государства, предположенія которой были вскорѣ примѣнены королемъ почти буквально. Чудеса розенкрейцеровъ играли при этомъ выдающуюся роль. Такъ, напримѣръ, 28-го сентября 1789 года, черезъ десять недѣль по взятіи Бастиліи парижскимъ народомъ, онъ доставилъ королю съ таинственной торжественностью благодарственное посланіе безвѣстнаго настоятеля ордена. Въ посланіи значилось, что оно писано будто бы еще въ апрѣлѣ 1789 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до взятія Бастиліи, которое въ немъ предсказывалось. Вёльнеръ писалъ при этомъ: «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о Франціи, меня въ особенности поразило то, что посланіе писано 21-го апрѣля, а Revolution произошла только 14-го іюля. Ваше величество усмотрите изъ этого, насколько я былъ правъ, постоянно увѣряя, что святой орденъ не покинулъ насъ, и можете быть твердо увѣрены, что эта сильная защита никогда не можетъ оставить и не оставитъ васъ ни въ войнѣ, ни въ мирѣ. Хвала Господу, ибо Онъ знаетъ своихъ!» Въ другихъ своихъ письмахъ къ королю, онъ изумляется своему «глу-

Digitized by Google

пому», безпредѣльному патріотизму и не менѣе «глупому» безкорыстію. И король довѣрялъ ему вполнѣ, даже поручилъ ему завѣдываніе такъ-называемой королевской диспозиціонной кассой.

Фридрихъ Великій принялъ за правило не допускать ни одного изъ своихъ министровъ до полнаго знакомства съ истиннымъ положеніемъ всего государственнаго хозяйства. Онъ не хотѣлъ, чтобы высшіе чиновники имѣли возможность контролировать его дѣйствія въ цѣломъ, не хотѣлъ, чтобы бюрократія заслоняла собою короля, который, по его мнѣнію, долженъ былъ давать тонъ государству. Правило очень опасное. Искусственный мракъ, покрывшій, такимъ образомъ, прусскіе финансы, препятствовалъ министрамъ толково составлять бюджетъ и предлагать коренныя реформы. Механическая точность и единообразіе стали идеаломъ этой финансовой системы. Поэтому Фридрихъ всегда завѣдывалъ самъ королевскою диспозиціонною кассой, въ которую поступали остатки годичныхъ государственныхъ доходовъ, нѣкоторые налоги и регаліи. Ни одному министру не было извѣстно, сколько денегъ въ этой кассѣ. Въ послѣдній годъ своего правленія, Фридрихъ довелъ приходъ этой кассы до восьми слишкомъ милліоновъ талеровъ, которыми располагалъ на государственныя нужды по своему усмотрѣнію. Выставляя себя сторонникомъ коллегіальнаго порядка, Фридрихъ-Вильгельмъ II могъ бы, оставаясь послѣдовательнымъ, возстановить финансовыя учрежденія своего одноименнаго предка, Фридриха-Вильгельма I, т.-е. упразднить диспозиціонную кассу и передать ея суммы и приходъ двумъ главнымъ государственнымъ кассамъ: генеральной кассѣ государственныхъ имуществъ и генеральной кассѣ военнаго вѣдомства, подчинивъ все это верховному наблюденію генеральной директоріи. Но онъ не пожелалъ пожертвовать государству такою долей личной власти, въ виду сильно увеличившихся личныхъ его расходовъ и расходовъ королевскаго двора. Вёльнеръ былъ очень удобенъ въ этомъ отношеніи. Завѣдывая вмѣстѣ съ королемъ диспозиціонной кассой, онъ стоялъ выше министра финансовъ и, дорожа своимъ положеніемъ, не могъ удерживать короля отъ чрезмѣрныхъ личныхъ расходовъ. Въ первый же отчетный годъ своего правленія онъ израсходовалъ на себя лично втрое больше, чѣмъ Фридрихъ Великій,—почти двѣнадцатую часть всѣхъ государственныхъ доходовъ. И когда были проектированы необходимыя странѣ шоссейныя дороги, на которыя понадобились деньги изъ диспозиціонной кассы, Вёльнеръ сразу показалъ, какъ ревностно онъ оберегаетъ эту кассу для личныхъ цѣлей короля, а не для потребностей государства. Питая нена-

Digitized by Google

вистъ къ составителямъ проекта шоссейныхъ дорогъ, министрамъ Гейницу и Шуленбургу-Блумбергу, также имѣвшими нѣкоторое вліяніе на короля, Вёльнеръ повелъ противъ нихъ искусную интригу, которая свела въ могилу одного изъ нихъ, Шуленбурга. Его записки къ королю содержатъ внушенія объ опаснѣйшихъ намѣреніяхъ этихъ людей, будто бы желающихъ изъять диспозиціонную кассу изъ-подъ королевскаго завѣдыванія и связать королю руки на будущее время. Разумѣется, проектъ шоссейныхъ дорогъ остался безъ исполненія; зато личные расходы короля продолжали возрастать безпрепятственно. Вёльнеръ постоянно поддерживалъ его въ томъ убѣжденіи, что суммы диспозиціонной кассы составляютъ его частную собственность, съ которой онъ можетъ поступать по своему усмотрѣнію, помимо всякихъ государственныхъ соображеній и нуждъ, что всякое употребленіе ихъ на нужды страны есть не болѣе какъ актъ неизреченной королевской милости.

И такая-то система, такіе-то люди призваны были противодѣйствовать, во имя христіанской церкви и морали, тому просвѣтительному направленію, которое господствовало при Фридрихѣ Великомъ и которое противники его считали отрицаніемъ всякой положительной вѣры, нравственности, власти и семейства. Безсовѣстнымъ интриганамъ и обманщикамъ было предоставлено умственное и религіозное руководительство страной. Отсюда, конечно, не могло выдти ничего похожаго на здоровый плодъ, ничего кромѣ гніенія, постепенно распространяющагося изъ политическаго центра страны на всѣ четыре стороны. Цедлицъ еще оставался, правда, министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, но интриганы уже сторожили свою добычу. Въ то самое время, когда король высказывалъ свое одобреніе составленному имъ проекту новыхъ учебныхъ заведеній, было уже рѣшено погубить этотъ проектъ. Дѣло народнаго образованія стало дѣломъ личныхъ интригъ, вопросомъ о преобладаніи Вёльнера на короля. Чтобы свергнуть Цедлица,—Вёльнеръ и Бишофсвердеръ, именемъ ордена розенкрейцеровъ, постоянно твердили королю объ упадкѣ вѣры въ государствѣ, о вредномъ, будто бы анти-религіозномъ направленіи Цедлица, о необходимости «заботиться не о мірскихъ только выгодахъ подданныхъ, но и о вѣчномъ спасеніи милліоновъ безсмертныхъ душъ». Въ половинѣ 1788 года, ихъ усилія и интриги увѣнчались успѣхомъ. Вёльнеръ былъ назначенъ министромъ юстиціи и, «по особому довѣрію короля», начальникомъ духовнаго управленія по всѣмъ учебнымъ и богоугоднымъ заведеніямъ лютеранской церкви. Министромъ юстиціи дѣлался

Digitized by Google

такимъ образомъ человѣкъ, никогда не учившійся юридическимъ или камеральнымъ наукамъ, а министромъ просвѣщенія человѣкъ, даже неумѣвшій правильно писать, какъ доказываютъ его собственныя письма! А Цедлицъ все-таки не былъ окончательно уволенъ. Король видимо игралъ съ нимъ двойную игру и вознаградилъ его другимъ, менѣе руководящимъ назначеніемъ и орденомъ Чернаго орла. Дѣла реформатскаго исповѣданія, несмотря на всѣ домогательства Вёльнера, остались въ завѣдываніи прежняго министра Дёрнберга. Тѣмъ не менѣе, Вёльнеръ сталъ теперь самымъ сильнымъ человѣкомъ въ государствѣ. Обязанный своимъ возвышеніемъ интригѣ и реакціоннымъ наклонностямъ короля, онъ поставилъ себѣ задачей искоренить всякіе слѣды прежняго просвѣтительнаго направленія, не стѣсняясь требованіями духа времени, здраваго смысла и совѣсти. Не французская революція была первымъ поводомъ къ реакціи въ Пруссіи: она только поощрила короля и его интригующихъ и честолюбивыхъ совѣтниковъ къ такимъ безнравственнымъ мѣрамъ, которыя убили всякую общественную самодѣятельность, принизили, обезсилили и развратили духъ народа.

Первымъ дѣломъ новаго министра было существенное измѣненіе въ системѣ учительскихъ испытаній. Цедлицомъ была составлена для этихъ испытаній верховная учебная коллегія, въ которую входили и спеціалисты и духовныя лица. Лютеранскія консисторіи, присвоивавшія себѣ исключительно право производить учительскія испытанія, роптали на такое вмѣшательство мірского элемента въ ихъ духовное дѣло, и Вёльнеръ тотчасъ возвратилъ имъ исключительное завѣдываніе учительскими испытаніями. Верховная учебная коллегія была затѣмъ превращена въ учрежденіе чисто церковное, лютеранское, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣдныхъ элементовъ.

Но самымъ характернымъ дѣломъ Вёльнера былъ «указъ о религіи въ прусскомъ государствѣ», появившійся черезъ нѣсколько дней по вступленіи его въ должность министра. Указъ этотъ, какъ объясняла его вступительная часть, имѣлъ цѣлью — охраненіе въ государствѣ лютеранской вѣры во всей ея чистотѣ и неприкосновенности. Онъ предоставлялъ каждому свободу религіозныхъ вѣрованій «про себя», безъ права распространять ихъ и совращать другихъ. Меннонитамъ, гернгутерамъ, евреямъ предоставлялось имѣть свои молитвенныя собранія; но вѣдомству духовныхъ дѣлъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать на будущее время, чтобъ не выступали съ своими проповѣдями люди, опасные для общественнаго спокойствія, лютеранскаго и реформатскаго

Digitized by Google

правовѣрія. Указъ запрещалъ всякія вольныя толкованія въ дѣлахъ церкви и вѣры; соцініане, деисты, натуралисты «и другія секты» названы были дерзкими и безстыдными. Указъ прямо заявлялъ, что необходимо положить конецъ зловредному просвѣтительному направленію, «дабы не лишать бѣдный народъ спокойствія въ жизни и утѣшенія на смертномъ одрѣ». Онъ угрожалъ пасторамъ кассаціей и болѣе строгими карами за всякое отступленіе отъ библіи и такъ-называемыхъ символическихъ книгъ, излагавшихъ ученіе каждаго исповѣданія, лютеранскаго и реформатскаго, не только при исполненіи проповѣдническихъ, учительскихъ и другихъ обязанностей, но и въ другихъ случаяхъ. На пасторскія мѣста вообще и на профессорскія (богословскія) должности въ университетахъ и учительскія въ школахъ предписывалось назначать только людей, искренно убѣжденныхъ въ истинѣ лютеранскаго правовѣрія. Сыновья проповѣдниковъ и городскихъ учителей освобождались этимъ указомъ отъ военной службы.

Указъ запрещалъ, такимъ образомъ, самостоятельныя философскія и религіозныя изслѣдованія, даже свободныя частныя бесѣды о подобныхъ предметахъ. Оставалось только учредить инквизиціонный судъ, чтобы отыскивать и преслѣдовать еретическія сочиненія и мысли. Въ отечествѣ Фридраха Великаго и Канта подобное вмѣшательство государственной власти въ дѣлѣ совѣсти было по меньшей мѣрѣ безразсудно. Указъ признавалъ ересью всякое отступленіе не только отъ библіи, но и отъ символическихъ книгъ Меланхтона и Лютера, обязательную силу которыхъ отрицали почти всѣ ученые протестантскіе богословы, не исключая людей умѣренныхъ и искренно вѣрующихъ. Все тогдашнее лютеранское и реформатское духовенство было противъ этого требованія указа. На богословскихъ факультетахъ Германіи уже полвѣка совсѣмъ не читали о символическихъ книгахъ, отрытыхъ теперь Вѣльнеромъ. Ихъ воскрешеніе окончательно губило основную мысль предшественниковъ Фридриха-Вильгельма II—прекратить рознь между лютеранами и реформатами. У тѣхъ и другихъ были свои символическія книги, которыхъ они должны были строго придерживаться на будущее время, оставаясь неизмѣнно вѣрными свой давней розни.

Инквизиторская дѣятельность духовнаго вѣдомства должна была особенно распространяться на вновь назначаемыхъ духовныхъ лицъ, отъ которыхъ оно отнынѣ должно было не только требовать формальнаго обязательства о публичной проповѣди лютеранскаго правовѣрія, но и знать ихъ тайный, задушевный образъ мыслей. Притворство и обманъ были неизбѣжны при

Digitized by Google

такой системѣ. Притомъ духовное лицо отнынѣ должно было являться не наставникомъ, утѣшителемъ и совѣтникомъ народа, а ревностнымъ зилотомъ и строгимъ догматикомъ даже вопреки своему внутреннему убѣжденію. Той же узко-конфессіональной, инквизиторской системѣ подпало и учебное дѣло въ государствѣ. Для учителей стали обязательными тѣ же требованія и правила, что́ и для духовныхъ лицъ.

Изложенный нами указъ произвелъ повсемѣстно самое тяжелое впечатлѣніе. Противъ него было и общество, и лютеранское, и реформатское духовенство. Ни то, ни другое не склонило безмолвно выи передъ актомъ интриги, въ рукахъ которой была въ то время вся матеріальная сила страны. Пять изъ шести духовныхъ совѣтниковъ верховной консисторіи подали королю заявленіе, въ которомъ изложили недоумѣнія, вызываемыя указомъ о религіи. То же самое сдѣлалъ и реформатскій совѣтникъ верховной консисторіи Закъ, лично извѣстный королю своими проповѣдями, сынъ его бывшаго законоучителя: онъ отказался исполнять указъ и просилъ увольненія. Въ своихъ письменныхъ сношеніяхъ съ королемъ Вёльнеръ обзывалъ этихъ людей, бо́льшею частью извѣстныхъ своими учеными трудами, «антихристовыми просвѣтителями», «злыми людьми», которыхъ надо проучить за неповиновеніе королевской власти. Онъ предлагалъ также устроить цензуру такъ, чтобы на будущее время держать въ уздѣ «жалкихъ писакъ противъ религіи». Дѣло консисторіальныхъ совѣтниковъ, и безъ того безнадежное при данныхъ условіяхъ, приняло еще болѣе неблагопріятный оборотъ, когда общее неудовольствіе на указъ о религіи выразилось въ нѣсколькихъ рѣзкихъ брошюрахъ, противъ него направленныхъ. Законъ рѣдко вызывалъ на свѣтъ такую обширную литературу, какою можетъ похвалиться указъ о религіи. Въ спискѣ сочиненій о немъ, составленномъ въ 1793 году профессоромъ Генке для «Всеобщей нѣмецкой библіотеки» и въ который вошли только важнѣйшія сочиненія, — послѣднихъ не менѣе 59-ти. Указъ о религіи поразилъ всѣхъ. Въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ въ протестантскихъ земляхъ, вмѣшательство мірской власти въ религіозныя дѣла стало рѣдкостью, терпимость ко всякимъ религіознымъ мнѣніямъ вошла въ нравы и стала господствующею чертою времени; въ теченіи почти полувѣка, при Фридрихѣ Великомъ, просвѣтительному направленію принадлежало полное преобладаніе, и вдругъ, послѣ всего этого, указъ, возвѣщающій — нетерпимость, и притомъ въ оскорбительномъ тонѣ и крупныхъ выраженіяхъ, какія не принято употреблять въ законодательныхъ актахъ. Противъ книгъ,

Digitized by Google

вызванныхъ общимъ изумленіемъ и неудовольствіемъ, король направилъ цензуру; а консисторіальнымъ совѣтникамъ, представлявшимъ собою высшій ученый авторитетъ лютеранства, было объявлено, что правительство не намѣрено уступить ни одной буквы изъ своего указа о религіи, что еслибъ они прежде исполняли надлежащимъ образомъ свои обязанности, то «безбожіе» не распространилось бы въ такой сильной степени. Словомъ, ихъ заявленіе было оставлено безъ всякихъ послѣдствій. Вёльнеръ пошелъ въ своихъ распоряженіяхъ еще дальше указа о религіи: онъ предоставилъ исключительно церковнымъ властямъ назначеніе на учительскія должности по учебному вѣдомству...

Оппозиція, между тѣмъ, росла и по возможности заявляла о своемъ существованіи. Нѣкто д-ръ Вюрцеръ изъ Гамбурга, проживавшій въ то время въ Берлинѣ, напечаталъ въ Лейпцигѣ, безъ имени автора, свои «Замѣтки о религіозномъ указѣ» — наборъ общихъ мѣстъ о свободѣ совѣсти и ханжествѣ. Самъ авторъ былъ такъ увѣренъ въ высокой важности своего сочиненія, что тайно послалъ по экземпляру королю и Вёльнеру, съ надписью: «отъ проживающаго въ Берлинѣ иностранца». Вёльнеръ былъ въ восторгѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что брошюра, не довольно почтительно относившаяся и къ самому королю, писана однимъ изъ его берлинскихъ враговъ, или свободномыслящимъ Штейнбартомъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Онъ тотчасъ же донесъ королю: «Случай представился: просвѣтители сами даются въ руки, и притомъ въ такой степени, что вся публика должна принять сторону вашего величества, если будетъ признано нужнымъ показать примѣръ строгости. Со вчерашняго дня открыто продается толкованіе указа о религіи, полученное изъ Лейпцига и посвященное мнѣ неизвѣстнымъ авторомъ. Этотъ пасквиль превышаетъ все самое ужасное, что только просвѣтители писали до сихъ поръ о христіанской религіи. По слухамъ, онъ написанъ членомъ верховной консисторіи Штейнбартомъ. Какъ скоро я узнаю объ этомъ навѣрное, я буду имѣть честь донести вашему величеству. Люциферъ по истинѣ бѣснуется». Онъ же составлялъ и проектъ указа на имя великаго канцлера Крамера, которому король предписывалъ «немедленно арестовать при помощи полиціи и не выпускать изъ рукъ непризваннаго критика, который, какъ самъ онъ заявляетъ, иностранецъ въ Пруссіи». «Быть можетъ, прибавлялъ король, за нимъ скрываются ваши члены верховной консисторіи, и фискалъ долженъ изслѣдовать это обстоятельство. Я хочу, чтобъ въ моей землѣ былъ порядокъ».

Черезъ почту нетрудно было узнать имя автора. Онъ былъ

Digitized by Google

арестованъ, и слѣдствіе поручено уголовному совѣтнику Амелунгу: оно показало, что Вюрцеръ былъ одинъ авторомъ преслѣдуемой брошюры. Камеральный судъ, куда поступило его дѣло, выказалъ замѣчательную по тогдашнему независимость. Въ своемъ приговорѣ онъ заявилъ, что ученое изслѣдованіе и обсужденіе законовъ приноситъ пользу человѣческому обществу и дозволено въ прусскомъ государствѣ; что авторъ погрѣшилъ безъ злого умысла, но заслуживаетъ наказаніе за рѣзкость выраженій, и приговорилъ его къ тюремному заключенію на шесть недѣль, причемъ ему должно быть зачтено предварительное содержаніе подъ арестомъ. Такъ какъ арестъ Вюрцера со дня его заключенія подъ стражу до утвержденія судебнаго приговора королемъ тянулся почти шесть недѣль, то приговоръ камеральнаго суда былъ прикрытымъ оправданіемъ подсудимаго. Онъ показываетъ, какъ сильно былъ уже тогда поколебленъ абсолютизмъ въ Пруссіи, какъ уступали и тогда духу времени прусскія власти. Періодъ наивнаго просвѣщеннаго абсолютизма кончился; образованные слои общества уже начали борьбу за личную и общественную свободу.

Сообщая королю приговоръ камеральнаго суда, великій канцлеръ умолчалъ о томъ, что продолжительность предварительнаго ареста Вюрцера равняется продолжительности того заключенія, къ которому онъ приговоренъ судомъ, и вскользь, какъ-бы между прочимъ, далъ знаменитому указу о религіи болѣе мягкое толкованіе, чѣмъ Вёльнеръ. Король не замѣтилъ этого, и согласился съ мнѣніемъ канцлера, но это было плохимъ случайнымъ утѣшеніемъ для людей порядочныхъ и просвѣщенныхъ. Вёльнеръ былъ силенъ по прежнему, и вскорѣ провелъ новый законъ о цензурѣ, которую считалъ недостаточной въ прежнемъ ея видѣ.

По виду, этотъ новый законъ, подписанный 19 декабря 1788 года, не былъ хуже другихъ подобныхъ законовъ о предварительной цензурѣ. И въ немъ признавались великія и разнообразныя преимущества умѣренной и добропорядочной свободы печати, для распространенія наукъ и всякихъ общеполезныхъ знаній, и готовность покровительствовать ей въ государствѣ. И онъ запрещалъ печатать книги безъ цензуры, и продавать запрещенныя иностранныя книги. Но общество имѣло основаніе отнестись къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, естественно принимая его за дополненіе къ закону о религіи и хорошо зная, что прежніе законы о предварительной цензурѣ устарѣли и мало примѣнялись на практикѣ. При Фридрихѣ Великомъ никто не представлялъ своихъ сочиненій въ цензуру, и сами цензоры удивля-

Digitized by Google

лись, когда какой-нибудь законникъ-авторъ приносилъ имъ свою рукопись на разсмотрѣніе. Фридрихъ не одинъ разъ осаживалъ усердныхъ цензоровъ и рвеніе генералъ-фискала. А теперь представленіе рукописей въ цензуру становилось опять для всѣхъ обязательнымъ.

Ударъ слѣдовалъ за ударомъ. До сихъ поръ во всѣхъ прусскихъ коллегіяхъ было принято за правило постановлять рѣшеніе по большинству голосовъ; предсѣдатель коллегіи, хотя бы то былъ министръ, завѣдывалъ дѣлами и, при равенствѣ голосовъ за и противъ, своимъ голосомъ давалъ рѣшительный перевѣсъ тому или другому мнѣнію. Озлобленный на членовъ верховной консисторіи, протестовавшихъ противъ указа о религіи, Вёльнеръ не остановился передъ насильственнымъ измѣненіемъ этого порядка. Вопреки закону, онъ внушилъ королю слѣдующій кабинетный указъ: «Такъ какъ вы должны отвѣчать мнѣ за все, что дѣлаютъ верховная учебная коллегія и верховная консисторія, и я требую всего отъ васъ однихъ, то вы хотя и можете допускать голосованіе въ обѣихъ коллегіяхъ, но рѣшать должно всегда ваше мнѣніе. Вы не должны никогда оправдываться передо мною мнѣніемъ коллегіи». Такимъ образомъ, оба учрежденія разомъ были низведены на степень совѣщательныхъ, а вслѣдъ затѣмъ былъ уволенъ отъ должности свободно-мыслящій лютеранскій богословъ, членъ верховнаго училищнаго совѣта, профессоръ и совѣтникъ консисторіи Штейнбартъ.

Вёльнеръ зорко слѣдилъ за проповѣдями; онѣ произносились публично, и шпіоны усердно доносили ему о томъ, согласны ли они съ указомъ о религіи. Труднѣе было услѣдить за преподаваніемъ въ школахъ и за такъ-называемой конфирмаціей. И онъ задумалъ ввести обязательный учебникъ для обученія лютеранъ и реформатовъ закону Божію. Онъ началъ съ болѣе многочисленныхъ — съ лютеранъ. Ему попалось въ руки сочиненіе члена верховной консисторіи Дитерихса, написанное имъ давнымъ-давно, когда онъ еще придерживался лютеранскаго правовѣрія, но писанное только для его паствы: «Первыя основанія христіанскаго ученія». Вёльнеръ пожелалъ сдѣлать это сочиненіе обязательнымъ учебникомъ. Но Дитерихсъ, искренній и скромный человѣкъ, считавшій свои сочиненія слабыми, не былъ польщенъ этимъ выборомъ. Онъ объявилъ Вёльнеру, что «Первыя основанія» уже не удовлетворяютъ его самого, что это сочиненіе никогда не назначалось для такой цѣли, что онъ, въ крайнемъ случаѣ, публично отъ него откажется. Упрямый Вёльнеръ стоялъ, однако, на своемъ, и потребовалъ отъ богословскихъ факультетовъ въ Галле

Digitized by Google

и Кёнигсбергѣ, чтобы они въ теченіе недѣли заявили свое мнѣніе о полномъ правовѣріи сочиненія Дитерихса. Не получивъ отъ нихъ благопріятнаго отвѣта, онъ обратился къ извѣстному своимъ воинствующимъ правовѣріемъ виттенбергскому богословскому факультету, и притомъ въ самой лестной для него формѣ. На этотъ разъ онъ не ошибся. Въ то время, какъ изъ Галле ему отозвались, что «Первыя основанія» хотя и правовѣрны, но написаны тяжелымъ, непонятнымъ языкомъ, по фальшивой методѣ, что въ нихъ есть ошибки и притомъ нравственная сторона ученія принесена въ жертву догматической,—виттенбергцы признали книгу прекрасною и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ ученіи о причащеніи, недостаточно правовѣрною. Согласно этому послѣднему замѣчанію, книга была кое-какъ передѣлана, но сохранила всѣ недостатки, указанные богословскимъ факультетомъ въ Галле. Ее напечатали вновь, по возможности истребивъ старое изданіе; король подписалъ сочиненный Вёльнеромъ указъ о введеніи ея въ качествѣ обязательнаго учебника.

Верховная консисторія опять заявила королю свой протестъ; духовныя и свѣтскія власти формально возстали противъ негодной, по общему мнѣнію, книги. Подобнаго протеста подчиненныхъ противъ распоряженій министра еще не бывало въ Пруссіи. Пора полной, безмолвной покорности миновала навсегда. Гальберштадтскій соборный капитулъ отказался принять книгу, отозвавшись, что онъ уже имѣетъ для своихъ школъ хорошій учебникъ, и просилъ, чтобы его «оберъ-инспекторовъ избавили отъ подобныхъ требованій». Еще желчнѣе былъ отзывъ гальберштадтскихъ сословій, которыя въ своей ѣдкой критикѣ на навязываемый имъ учебникъ не пощадили ни министра, ни самого короля. Вёльнеръ не ожидалъ такого протеста; опасаясь, что дальнѣйшія заявленія въ томъ же смыслѣ могутъ подѣйствовать на короля, онъ отчасти уступилъ, т.-е. остался при своемъ намѣреніи ввести общеобязательный для всей монархіи учебникъ, но рѣшился замѣнить одну книгу другою, тоже устарѣвшею книгой: «Христіанское ученіе, связно изложенное», путанною и непонятною дѣтямъ.

Реформатамъ больше посчастливилось: имъ удалось составить для своихъ школъ новый учебникъ, который хотя и не отвѣчалъ видамъ Вёльнера, но былъ утвержденъ имъ во избѣжаніе новыхъ столкновеній и скандаловъ. Но лютеране не уступили. «Христіанское ученіе, связно изложенное», требовало передѣлокъ, и верховная консисторія не торопилась съ ними, ссылаясь на то, что существующіе учебники тоже хороши и не возбуждаютъ никакихъ нареканій. Но и Вёльнеръ былъ упрямъ, поручилъ пере-

Digitized by Google

смотръ книги троимъ своимъ сторонникамъ, и она была утверждена королемъ. Тѣмъ не менѣе ее называли крайне плохою, разсчитанною на безсмысленную выучку наизусть и полною неумѣстнаго въ учебникѣ полемическаго задора.

III.

Внутреннія дѣла государства имѣютъ гораздо бо́льшее вліяніе на его международное значеніе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Пока государственные люди Пруссіи, вопреки вопіющимъ нуждамъ страны, духу времени и общественному мнѣнію, занимались стѣсненіемъ свободы совѣсти, печати, преподаванія, — международная роль, приданная Пруссіи Фридрихомъ Великимъ, съуживалась все болѣе и болѣе. Реакціонныя стремленія внутри неизбѣжно сопровождаются такими же стремленіями и въ дѣлахъ внѣшней политики, какъ бы ни было сильно желаніе правителей государства, угнетая живыя силы собственной страны, казаться либеральными за-границей. Подобно Вѣльнеру въ дѣлахъ внутреннихъ, руководителемъ внѣшней политики Фридриха-Вильгельма II сталъ розенкрейцеръ и обскурантъ Бишофсвердеръ, ревностный сторонникъ союза съ католической и абсолютистской Австріей. Его вліяніе тотчасъ сказалось въ совершенномъ измѣненіи прусской политики. Уже лѣтомъ 1790 года онъ ожидалъ контръ-революціи во Франціи и подготовлялъ союзъ Австріи и Пруссіи съ королевскою партіей за Рейномъ. Вопреки преданіямъ политики Фридриха Великаго, Бишофсвердеръ чуть не униженно заискивалъ у Австріи. Онъ самъ тайно ѣздилъ въ Вѣну, чтобы склонить императора Леопольда II къ тѣсному союзу съ Пруссіей, частью для обузданія Россіи, частью для возстановленія королевской власти во Франціи. Въ маѣ 1791 года было отправлено изъ Берлина въ Вѣну оффиціальное предложеніе союза между двумя коронами. Несмотря на то, что это предложеніе принято было въ Вѣнѣ не совсѣмъ дружелюбно, Бишофсвердеръ вторично посѣтилъ австрійскую столицу, гдѣ на этотъ разъ достигъ своей цѣли, благодаря мольбамъ Маріи-Антуанетты о помощи. Состоявшійся въ іюлѣ 1791 года союзъ былъ тѣмъ не менѣе выгоденъ для одной только Австріи. Пруссія отказывалась отъ всякихъ новыхъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, ручалась своей союзницѣ за сохраненіе спокойствія въ ея недовольныхъ провинціяхъ, и предоставляла себя въ ея распоряженіе для улаженія французскихъ дѣлъ, которыя вовсе до нея не касались. Вскорѣ

Digitized by Google

король и императоръ съѣхались въ Пильницѣ, и Пруссія была совсѣмъ вовлечена въ сферу австрійской политики. Вражда ко всему, что только напоминало злополучное просвѣтительное направленіе, было такъ велико у людей, правившихъ въ то время Пруссіей, что они переносили ее даже за предѣлы своего государства. Осенью 1789 года король поручилъ своему тогдашнему, потомъ замѣненному Бишофсвердеромъ, министру иностранныхъ дѣлъ заявить саксонскому двору, что Лейпцигъ сталъ средоточіемъ союза иллюминатовъ, представители которыхъ имѣютъ тамъ свои собранія. Саксонскій дворъ сердечно благодарилъ короля за такое вниманіе и обѣщалъ принять надлежащія мѣры, но указаніе прусскаго правительства не подтвердилось. Опасѣнія Фридриха-Вильгельма II были, слѣдовательно, напрасны и могли быть съ умысломъ внушены ему Бишофсвердеромъ или Вёльнеромъ.

Гнилая внѣшняя политика была только отраженіемъ того гніенія, которое быстро охватывало внутреннюю жизнь государства. Духъ Вёльнера пропитывался всюду, разлагая здоровыя силы и соки своимъ тлетворнымъ прикосновеніемъ. Государственные доходы уменьшались годъ отъ году, благодаря дурному экономическому строю и законодательству, расходы годъ отъ году увеличивались, и всякія чрезвычайныя надобности приходилось покрывать чрезвычайными средствами. И при такихъ-то неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, король не только не сокращалъ своихъ личныхъ расходовъ, но еще увеличивалъ ихъ въ большемъ размѣрѣ и довелъ ихъ цифру до восьмой части всего государственнаго прихода. Страна, между тѣмъ, бѣднѣла. Число нищихъ и бѣдныхъ видимо росло. Мы видѣли, въ какомъ положеніи находилось народное образованіе, въ какія условія была поставлена умственная жизнь страны. Если прибавить къ этому рабское положеніе народа относительно помѣщиковъ, а помѣщиковъ и горожанъ относительно королевской власти, то картина выйдетъ, поистинѣ, поразительная, и очень наглядно объяснитъ намъ, почему, немного лѣтъ спустя, Франціи было такъ легко нанести Пруссіи громовой ударъ. Обновленная переворотомъ, удвоившимъ ея нравственныя силы и матеріальныя средства, Франція имѣла дѣло съ параличнымъ государствомъ, больше похожимъ на необъятную тюрьму, чѣмъ на добровольное общежитіе людей свободныхъ, бодрыхъ и довольныхъ. Мы ужасаемся теперь, и ужасаемся не по-напрасну, читая разсказы и акты объ ужасахъ французской революціи. Но что же было сдѣлано толковаго и существеннаго до этого переворота, чтобы предотвратить его и дать правильный исходъ народнымъ силамъ, стремленіямъ и нуждамъ?

Digitized by Google

Ужасно положеніе страны, совершающей ежедневно сотни казней во имя свободы и равенства; но развѣ менѣе ужасно положеніе государства, поражаемаго на смерть въ одномъ сраженіи и обращаемаго въ рабство, хотя бы только временное, чужимъ правительствомъ и народомъ? Близорукимъ людямъ обыкновенно кажется, что не серьёзное устраненіе коренныхъ, глубочайшихъ причинъ къ насильственнымъ переворотамъ, а усиленіе гнёта спасаетъ народы отъ революцій. Пруссія избѣгла переворота, но не избѣгла завоеванія, которое было для нея совершенно равносильно перевороту. Такъ или иначе, народы, какъ и отдѣльные люди, хотятъ и стремятся жить, а не коснѣть во мракѣ и неволѣ. И если не внутреннія событія, то внѣшнія столкновенія приводятъ ихъ неизмѣнно все къ той же цѣли — къ нормальнымъ и свободнымъ условіямъ жизни.

Идеи восемнадцатаго вѣка, разлившіяся по всей Европѣ, нанесли окончательный ударъ феодальному строю европейской жизни. Франція, сбросившая съ себя прежде другихъ феодальныя цѣпи, уже въ силу одного этого освобожденія являлась властительницей умовъ, законодательницей и повелительницей Европы. И въ это-то время, вопреки одному изъ самыхъ грозныхъ уроковъ исторіи, въ Пруссіи дѣлалось все для закрѣпленія отжившаго, удручавшаго народныя силы феодальнаго порядка. Простой народъ былъ его жертвой въ полномъ смыслѣ слова, хотя духъ времени уже давно увлекалъ его совсѣмъ въ другую сторону. До извѣстной степени упрощенное желѣзной волей Фридриха Великаго, прусское феодальное дворянство снова подняло свою привилегированную голову при слабомъ его преемникѣ, давшемъ всей внѣшней и внутренней политикѣ государства совершенно реакціонный характеръ. Фридрихъ-Вильгельмъ II считалъ его надежнѣйшимъ оплотомъ противъ напора революціонныхъ идей въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ. Онъ, конечно, никакъ не думалъ и не ожидалъ, что именно этотъ путь и ведетъ его страну прямо къ перевороту или завоеванію. Его предшественники не даромъ вели ожесточенную борьбу съ дворянствомъ и привилегированными городами. Еще Фридрихъ-Вильгельмъ I считалъ нужнымъ противопоставить прусскимъ «юнкерамъ»: la souveraineté, какъ «un rocher de bronze». Теперь, напротивъ, имъ были возвращены многія прежнія привилегіи, имъ было предоставлено право исключительнаго представительства провинціальныхъ интересовъ. Для нихъ, въ исключительномъ ихъ интересѣ, были созданы кредитныя учрежденія, совсѣмъ недоступныя другимъ сословіямъ. Одно только землевладѣльческое дворянство и могло

Digitized by Google

процвѣтать въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ Пруссіи. Благодаря дворянскимъ кредитнымъ учрежденіямъ и вызванному ими пониженію ссуднаго процента, благодаря тому порядку въ хозяйствѣ, который былъ при этомъ необходимъ для заемщика, благодаря суммамъ, которыя отпускалъ король на поправленіе разстроенныхъ имѣній, и сельско-хозяйственнымъ свѣдѣніямъ, проникавшимъ въ Пруссію изъ Англіи и Франціи, а въ особенности быстро-возраставшимъ цѣнамъ на хлѣбъ, цѣнность дворянскихъ имѣній по меньшей мѣрѣ удвоилась, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялась и еще выше. Поземельный налогъ взимался только съ первоначальной цѣны имѣнія, независимо отъ произведенныхъ въ немъ улучшеній и возвысившейся цѣны его. Крестьянинъ, напротивъ, погибалъ подъ тяжестью налоговъ, барщинныхъ работъ и воинской повинности; отъ цѣнъ, обогащавшихъ дворянина, чахла городская промышленность. За то «юнкеръ» могъ купаться въ шампанскомъ и предаваться оргіямъ. И онъ пользовался своими доходами, по бо́льшей части, не для улучшенія своихъ понятій, не для промышленныхъ предпріятій, не для образованія своихъ дѣтей и не для помощи крестьянству—онъ пользовался ими именно для оргій. Онъ утратилъ даже и привязанность къ наслѣдію отцовъ: дворянство пользовалось возвышеніемъ цѣнъ на земли для безсовѣстнаго барышничества. Оно считало государство своею добычей. Правительство поддерживало его въ этомъ убѣжденіи, постоянно заботясь только о высшихъ классахъ, и ничего не дѣлая для народа, наиболѣе нуждавшагося въ его помощи. «Трудно предположить, какъ могло бы выработаться изъ внутренняго развитія государства дѣйствительное средство противъ такого коренного неравенства, противъ этого рака, разъѣдавшаго народную жизнь,—говоритъ авторъ новой «Исторіи прусскаго государственнаго устройства»... «Много ли могъ сдѣлать цѣлый просвѣтительный вѣкъ съ его гуманитариными ученіями противъ четырехвѣковаго рабства сельскихъ населеній? Развѣ это рабство не было вновь подтверждено новыми законами? Развѣ сельскимъ кредитомъ не была подкрѣплена вновь односторонняя власть дворянства? Нужно было огромное потрясеніе извнѣ, нужна была катастрофа, причиненная Наполеономъ, чтобы такое положеніе дѣлъ коренным образомъ измѣнилось къ лучшему!»

В. Коршъ.

Digitized by Google

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ
А. С. ПУШКИНА

Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта.

Чрезвычайно важно, для пониманія различныхъ эпохъ русской жизни, опредѣленіе нравственной сущности тѣхъ или другихъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ и убѣжденій, которыми были проникнуты главные дѣятели эпохи, приковывавшіе къ себѣ вниманіе своихъ современниковъ. При этомъ вся трудность для изслѣдователя заключается преимущественно въ томъ, что русскіе образованные люди, судя по общему характеру ихъ жизни, какъ будто мало отличались другъ отъ друга, исповѣдывали какъ будто однѣ и тѣ же политическія идеи, говорили почти одно и то же, какъ въ области знанія, такъ и на публичной аренѣ литературы, занимались почти одними и тѣми же, не очень сложными и разнообразными предметами. Со всѣмъ тѣмъ, позднѣйшія монографіи и біографическія изысканія показали, что многіе изъ такихъ дѣятелей, кромѣ своего участія въ общемъ хорѣ, гдѣ дружно исполняли роль, случайно выпавшую на ихъ долю, еще имѣли свои затаенныя воззрѣнія на положеніе дѣлъ, свои правила морали, отличныя отъ тѣхъ, которыя требовались общимъ голосомъ, свою критическую оцѣнку окружающаго міра... Никогда и ни въ какія, даже наиболѣе тихія, строго-организованныя эпохи, не прекращалась у насъ внутренняя дѣятельность общественнаго сознанія, разработка новыхъ жизненныхъ идеаловъ, параллельно съ существующими на-лицо, не исчезало личное,

Digitized by Google

самостоятельное творчество въ способѣ пониманія и представленія явленій русской исторіи, любимыхъ идей, обычаевъ и увлеченій современности. А. С. Пушкинъ точно также имѣлъ свою домашнюю, секретную теорію разумнаго гражданскаго существованія, какъ и учители его — Карамзинъ и Жуковскій, но съ тою разницей, что послѣдніе пользовались возможностью доводить свои теоріи до свѣдѣнія оффиціальнаго міра, между тѣмъ какъ Пушкинскія теоріи, которыя онъ обдумывалъ долгое время, должны были остаться при немъ одномъ, и притомъ въ необдѣланномъ, разбросанномъ, почти безсвязномъ видѣ. Много было уже у насъ попытокъ добраться до смысла истинныхъ политическихъ и общественныхъ убѣжденій Пушкина съ помощію самыхъ его произведеній и тѣхъ выводовъ, какіе они представляютъ, — но все-таки приговоры, основанные на этомъ критическомъ разборѣ, не могутъ имѣть достовѣрности личныхъ показаній и признаній автора. Всего чаще, подобные приговоры не принимаютъ въ соображеніе случайности поэтическаго настроенія, которымъ иногда выражается не подлинная мысль автора, а только мысль, навѣянная ему сюжетомъ, содержаніемъ его образа или его фантазіи. Подлинная мысль человѣка обрѣтается преимущественно въ его бесѣдахъ съ самимъ собою, наединѣ со своей совѣстію, при кабинетной повѣркѣ съ глазу-на-глазъ всего своего умственнаго достоянія. Между всѣми остатками такой литературной дѣятельности А. С. Пушкина, особенною печатью подлинной его мысли помѣчены черновые планы полемическихъ статей, заготовляемыхъ поэтомъ для «Литературной Газеты» барона А. А. Дельвига 1830 года, а затѣмъ отзывы и сужденія Пушкина при перечнѣ указовъ и событій временъ Петра I-го, за исторію котораго онъ принялся въ 1832 году, по порученію правительства. Передачей этой *подлинной мысли* Пушкина въ области политическихъ и общественныхъ вопросовъ мы теперь и займемся, не отказываясь, впрочемъ, и отъ задачи услѣдить ея болѣе или менѣе далекое отраженіе и на нѣкоторыхъ литературныхъ и поэтическихъ его произведеніяхъ; вообще, основная мысль Пушкина сохранилась, въ его бумагахъ, въ формѣ набросковъ, недоговоренныхъ положеній и отрывковъ, соединить которые въ нѣчто цѣлое и однородное представляло не маловажное затрудненіе и потребовало особеннаго труда и усилій.

Digitized by Google

I.

Настоящая цѣль изданія «Литературной Газеты» 1830—31 г. заключалась, какъ извѣстно, преимущественно въ томъ, чтобы образовать какой-либо оплотъ противъ журнальной монополіи, захваченной издателями «Сѣв. Пчелы» и «Сына Отечества», благодаря жалкой безпомощности самихъ писателей и апатическому характеру всего литературнаго міра. Монополія эта, какъ всегда бываетъ, тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы сохранить свое привилегированное положеніе всякими позволительными и непозволительными средствами. Оставляя въ сторонѣ всѣ ея *гнусныя* старанія представить себя какъ единственную охранительницу интересовъ порядка и благочиній — достаточно упомянуть объ орудіяхъ, какія она употребляла, чтобы держать въ страхѣ передъ собой печать и пишущихъ. Орудіями этими служили, во-первыхъ, безустанное преслѣдованіе писателей *независимыхъ*, но еще не составившихъ себѣ имени; лесть и искательство передъ знаменитостями, если они обнаруживали расположеніе покрывать своимъ молчаніемъ заведенный порядокъ дѣлъ, — и наоборотъ — ругательства, клевета, позорные намеки всякаго рода, если они теряли терпѣніе и поднимали голосъ, а затѣмъ необычайное снисхожденіе, покровительство и жаркая рекомендація всякому ничтожеству и посредственности, которыя становились добровольно подъ иго монополіи и въ ней искали залоговъ успѣха и упроченнаго положенія въ печати. Монополія торжествовала. Благодаря заведенному ею террору въ литературномъ мірѣ, полному равнодушію образованнаго общества къ дѣламъ печати, и согласію, полученному ею, гдѣ слѣдуетъ, на предоставленіе простора въ приложеніи дисциплинарныхъ мѣръ къ непокорнымъ умамъ, — она превратила почти весь тогдашній, немногочисленный персоналъ русскихъ писателей въ льстецовъ, клевретовъ и агентовъ своихъ корыстныхъ цѣлей. Къ сожалѣнію, издатель «Московскаго Телеграфа», который могъ бы образовать относительно довольно сильную, самостоятельную и противодѣйствующую ей партію, тоже вошелъ въ ея интересы и пристроился къ ней, напуганный, вѣроятно, московской оппозиціей своему журналу, сильно обнаружившейся при появленіи соперничествующаго «Московскаго Вѣстника», 1827 г., а еще — вѣроятнѣе, по разсчету обезоружить одного изъ членовъ монополіи, Ѳ. В. Булгарина — это типическое лицо своего времени, пользовавшееся довѣріемъ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, несмотря на то, что постоянно вводило

Digitized by Google

ихъ въ ошибки своими сообщеніями. Горькій опытъ показалъ Н. А. Полевому, какъ невѣренъ былъ его разсчетъ.

Ко всему этому слѣдуетъ еще присоединить первое появленіе у насъ памфлетической литературы. Съ альманахами — «Сѣверный Меркурій» 1829 г. и «Сѣверная Звѣзда» 1830—32, изданія М. А. Бестужева-Рюмина — на свѣтъ впервые выступалъ *низшій* родъ журнальной quasi-демократіи, руководимый враждебнымъ чувствомъ ко всѣмъ пріобрѣтеннымъ литературнымъ положеніямъ. Бестужевъ-Рюминъ отличался своего рода цѣпкостію, не связанъ былъ понятіями о приличіи и достоинствѣ своихъ сужденій и представлялъ ранній, хотя еще и тусклый образецъ бойца, который старается смѣлостію и наглостію выдти изъ толпы, гдѣ его удерживаютъ отсутствіе таланта и образованія. Такъ, въ одномъ изъ своихъ изданій Бестужевъ-Рюминъ развязно напечаталъ нѣсколько рукописныхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, безъ вѣдома автора, всегда боявшагося подобныхъ нескромностей, и подъ одними литерами «*An.*» Пушкинъ даже и не протестовалъ, наученный еще прежде опытомъ, что литературная собственность не признается въ его отечествѣ. Въ 1827 г. чиновникъ при Третьемъ Отдѣленіи, статскій совѣтникъ Ольдекопъ, перевелъ на нѣмецкій языкъ его «Кавказскаго плѣнника» и выпустилъ въ свѣтъ съ полнымъ русскимъ текстомъ en regard, что̀ равнялось новому, самовольному изданію поэмы. Всѣ усилія Пушкина—добиться защиты своихъ правъ, обращавшагося за этимъ къ ближайшему начальству смѣлаго переводчика—остались безуспѣшны. Оскорбленный авторъ, махнувъ рукой, тогда же и сказалъ: «Ну, и чортъ съ нимъ, если на него нѣтъ суда».

Въ такомъ видѣ и съ такими нравами и обычаями влачила свои дни журналистика и печать русская къ началу 1830 г.

Понятно, послѣ того, заявленіе, сдѣланное «Литературной Газетой», на первыхъ же порахъ, о своемъ намѣреніи поднять литературную критику изъ ея прискорбнаго состоянія и предоставить поле дѣятельности для *писателей, которые не могутъ участвовать ни въ одномъ изъ Петербургскихъ и Московскихъ журналовъ*. Заявленіе было написано Пушкинымъ и содержало правдивый фактъ. Послѣ прекращенія «Московскаго Вѣстника», цѣлая группа, и самая значительная,—литераторовъ, въ которой числились такія лица, какъ В. А. Жуковскій, Е. А. Баратынскій, князь П. А. Вяземскій, И. А. Крыловъ, П. А. Катенинъ, и наконецъ, самъ Пушкинъ—дѣйствительно не имѣла органа. Группѣ этой именно и принадлежитъ какъ первая мысль объ основаніи газеты, такъ и выборъ редактора для нея. По общему соглашенію, въ редак-

Digitized by Google

торы былъ призванъ А. А. Дельвигъ, пользовавшійся репутаціей очень тонкаго критика и имѣвшій за собой преимущество почти безотлучнаго пребыванія въ Петербургѣ. Правда, всѣ эти основатели газеты помогали ей впослѣдствіи болѣе совѣтами, чѣмъ произведеніями своими, за исключеніемъ одного И. А. Крылова, давшаго ей значительный вкладъ новыхъ басенъ своихъ; а между тѣмъ совокупныя ихъ усилія были бы совершенно необходимы для того, чтобы бороться съ такими опытными и изворотливыми врагами, какіе поджидали новый журналъ. Душой его сдѣлался Пушкинъ. Онъ принялъ на себя важнѣйшую, полемическую часть газеты, и повелъ ее, какъ увидимъ, съ такимъ пыломъ и въ такомъ рѣшительномъ, безпощадномъ тонѣ, какой до того еще и не былъ знакомъ въ нашей литературѣ. Монополія тотчасъ же распознала грозившую ей опасность, и для отвращенія ея собрала всѣ свои силы литературныя, а также и тѣ, которыми располагала *вся* литературы. Вспомоществуемая въ то же время памфлетическими выходками Бестужевской школы, она очень искусно перенесла вопросъ о причинахъ появленія новаго журнала на политическую почву, назвавъ издателей и сторонниковъ «Литературной Газеты»—кружкомъ людей, желающихъ выдѣлиться изъ общаго положенія, существующаго для литераторовъ, и стать особнякомъ, образовать партію знаменитостей, водворить «принципъ аристократизма» тамъ, гдѣ его быть не можетъ, и направлять общественную мысль, въ смыслѣ этого принципа. Этотъ опасный, при тогдашнемъ режимѣ, намекъ и дерзкій вызовъ, брошенные монополіей въ такомъ видѣ, были подняты «Литературной Газетой», или, лучше, ея вдохновителемъ, Пушкинымъ—съ необычайной энергіей. Теперь уже вполнѣ извѣстно, что именно Пушкинъ былъ отчасти составителемъ, а отчасти внушителемъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ полемическихъ замѣтокъ, въ которыхъ участіе избраннаго круга людей въ дѣлахъ общества и литературы объявлялось желательнымъ и въ то время необходимымъ для поднятія строя жизни и уровня мысли въ государствѣ. Въ противоположность съ задачами и цѣлями, какія можетъ имѣть подобный избранный кругъ, публицистъ «Литературный Газеты» ставилъ на видъ задачи какого-нибудь проходимца-литератора, въ родѣ Видока,—и дѣйствительно, статья Пушкина о запискахъ этого сыщика, въ № 20 «Литературной Газеты», нанесла чувствительный ударъ Булгарину, какъ нравственной личности. Далѣе, тотъ же публицистъ клеймилъ ядовитыми эпиграммами враговъ всякой умственной и моральной возвышенности въ людяхъ, какъ признака аристократизма (ср. эпиграмму Пушкина на того же Булгарина),

Digitized by Google

и наконецъ въ пресловутой статейкѣ, надѣлавшей много шума и не мало бѣдъ самому издателю «Газеты» (и она тоже принадлежитъ Пушкину), дошелъ до замѣчанія, что неумолкаемыя нападки журналовъ Булгаринскаго пошиба на аристократію могутъ кончиться тѣмъ, чѣмъ они кончились въ другой странѣ—криками черни: «les aristocrates à la lanterne», и припѣвомъ «ça ira». Статейка еще добавляла свою выходку восклицаніемъ: «avis au lecteur!»

Враги Пушкина и вся Булгаринская партія поздно тогда спохватились, что сдѣлали ошибку, затронувъ его и приложивъ къ нему свой инсинуаціонный способъ борьбы: Пушкинъ встрѣтилъ ихъ на той самой почвѣ, гдѣ они считали себя непобѣдимыми, и далъ почувствовать, что оружіе инсинуаціи можетъ быть обращено и противъ нихъ самихъ. Испугъ, произведенный замѣткой Пушкина въ Булгаринскомъ лагерѣ монополистовъ, былъ понятенъ: она наносила ударъ ихъ оффиціальной репутаціи—благонадежности; но, бросая ее въ такомъ рѣзкомъ видѣ, Пушкинъ надѣялся, что она вызоветъ столь же рѣзкій отвѣтъ—и тѣмъ дастъ поводъ къ началію серьёзной, *принципіальной* полемики.

Ничего подобнаго не случилось. Враждебная партія нисколько не была расположена затрогивать основы своихъ или чужихъ мнѣній и предпочла ограничиться горячими протестами противъ злонамѣреннаго вывода, сдѣланнаго изъ ея словъ, и скрыться подъ покровительство общихъ цензурныхъ законовъ. Но Пушкинъ уже не хотѣлъ оставить ее спокойно предаваться, по прежнему, безмятежному удовольствію вести простую диффаматорскую игру вокругъ именъ и личностей, послѣ того, какъ уже былъ поднятъ вопросъ о направленіяхъ и слѣдовало выразить свое отношеніе къ нимъ. Онъ принялся за объясненіе и распространеніе первоначальной замѣтки, въ формѣ разговора между двумя лицами: *А.* и *Б.*, въ которомъ уже излагалъ отчасти свое воззрѣніе на явленія, носившія названія русской аристократіи и демократіи. Разговоръ предназначался имъ тоже для «Литературной Газеты», въ чемъ можно убѣдиться и по нѣкоторымъ его пріемамъ и нѣсколько осторожному тону изложенія; но Пушкинъ въ этомъ случаѣ слишкомъ понадѣялся на выносливость печати и разсчитывалъ на публикацію, не договорившись, по французскому выраженію, предварительно съ хозяиномъ. Было найдено, что весь этотъ литературный споръ зашелъ уже слишкомъ далеко и затронулъ стороны жизни, не подлежащія его вѣдѣнію, и послѣ должныхъ внушеній обѣимъ сторонамъ, дальнѣйшее его развитіе дѣлалось болѣе невозмож-

Digitized by Google

нымъ. «Разговоръ» такъ и остался въ бумагахъ Пушкина въ томъ необдѣланномъ еще видѣ, въ какомъ мы здѣсь и приводимъ его [1]):

«*А.* Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной Газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?—*Б.* Читалъ.—*А.* Какъ же ты его находишь?—*Б.* Довольно неумѣстнымъ [2]).—*А.* Конечно—иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!..—*Б.* Согласенъ.—*А.* Русскіе журналисты не заслуживали такого презрительнаго сравненія.—*Б.* А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.—*А.* Какъ такъ?—*Б.* Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя. Томасъ, Дюкло, Шамфоръ—были столь же умные, какъ и честные люди—не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.—*А.* Въ «Литературной Газетѣ» сказано, что эпиграммы ихъ приготовили крики: à la lanterne! Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы произвели французскую революцію?—*Б.* О французской революціи «Литературная Газета» молчитъ—и хорошо дѣлаетъ.—А. Помилуй, да посмотри—les aristocrates à la lanterne, ça ira, и т. д.—*Б.* И ты тутъ видишь французскую революцію?—*А.* А ты что тутъ видишь, если смѣю спросить?—*Б.* Одинъ жалкій эпизодъ французской революціи—гадкую фарсу въ огромной драмѣ.—*А.* Такъ видно—ты стоишь за «Литературную Газету». Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ?—*Б.* Какъ, аристократомъ? Что такое аристократъ!—*А.* Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь ли: издатель «Литературной Газеты» и сотрудники его, и читатели его—всѣ аристократы!—*Б.* Воля твоя, я смысла тутъ не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я

---

[1]) Для библіографовъ и для будущаго истинно-полнаго собранія сочиненій Пушкина, мы можемъ еще привести замѣтки его, появившіяся въ смѣси „Литературной Газеты“ и не попавшія ни въ одинъ изъ сборниковъ его твореній. Таковы: № 10, стр. 98—о князѣ Вяземскомъ; № 12, стр. 98—о карикатурѣ въ Англіи, которая содержитъ намекъ на Н. А. Полеваго; № 16, стр. 129—о гекзаметрахъ Мерзлякова, въ сравненіи съ гекзаметрами Дельвига; № 20, стр. 162—отвѣтъ критику, объявившему при разборѣ одного литературнаго сборника, что нѣтъ причинъ сожалѣть объ отсутствіи въ немъ знаменитыхъ писателей; № 36, стр. 298—которая замѣтка о неблаговидности нападокъ на дворянство.

[2]) Этотъ *Б.*, какъ выразитель Пушкинскихъ мнѣній, имѣетъ въ виду еще и литературную полицію, также встревоженную рѣзкой замѣткой.

Digitized by Google

читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія: мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество, въ лицѣ г. Полевого—они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство—они сдѣлали еще лучше.—*А.* А что значитъ: avis au lecteur! Къ кому это относится? Ты скажешь—къ журналистамъ, а я такъ думаю—не къ цензурѣ ли?—*Б.* Да хоть бы и къ цензурѣ—что за бѣда?.. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ, потому только, что оно такое сословіе, а не другое—не хорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго, состоянія, къ которому принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ оффиціальной газетѣ) не хорошо и даже неблагоразумно.—*А.* Почему же статья «Литературной Газеты» показалась неблагонамѣренной многимъ?—*Б.* Потому, что политическіе вопросы никогда не были у насъ разбираемы. Журналы наши, не нарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Демократическіе наши журналы (въ прямомъ или переносномъ смыслѣ), нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ «Газетѣ». Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость. Знаешь ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты» — чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданье.—*А.* И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они, впрочемъ, ни происходили. Повредить замѣчаніемъ нельзя. Образъ мнѣнія почтенныхъ издателей «Сѣверной Пчелы»—*слишкомъ хорошо* извѣстенъ, и «Литературная Газета» повредить *имъ*

Digitized by Google

не можетъ, а г. Полевой, въ ихъ компаніи и подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть тоже безопасенъ».

Въ этомъ отрывкѣ есть небольшая тирада, уже однажды нами приведенная («Пушкинъ въ Александровскую эпоху»), о нападкахъ журналистики преимущественно на остатки старыхъ дворянскихъ родовъ, лишенныхъ всякаго политическаго значенія, но мы предпочли, вмѣсто опущенія ея—повторить теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ ее встрѣтили въ первый разъ.

Когда, вслѣдствіе запрещенія, оказалось невозможнымъ продолжать споръ въ томъ полемическомъ тонѣ, какой онъ принялъ съ самаго начала, Пушкинъ перешелъ къ мысли возобновить его въ болѣе спокойной, объективной формѣ руководящихъ статей и трактатовъ, которые бы могли найти уже безопасный пріютъ въ той же «Литературной Газетѣ» и сообщить ей общественно-политическій оттѣнокъ. На душѣ его лежало:—съ одной стороны, объяснить роль либеральной, прогрессивной, патріотической аристократіи въ государствахъ, которые ею обладаютъ, а съ другой—открыть въ современной литературѣ эру разработки политическихъ вопросовъ, какъ нѣкогда сдѣлалъ это Карамзинъ для своей эпохи въ своемъ журналѣ «Вѣстникъ Европы» (1802—1803 гг.). Пушкинъ принялся набрасывать программы и конспекты для статей *съ направленіемъ*,—но покуда намѣчалъ онъ существенныя черты и ходы будущей своей работы, сама «Литературная Газета» была пріостановлена. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужило нѣсколько переводныхъ стишковъ изъ воззванія Казиміра Делавиня къ бойцамъ іюльскаго переворота, тогда прогремѣвшаго во Франціи и попавшихъ въ газету совершенно случайно, какъ дополненіе печатной страницы, и притомъ всего болѣе за свою форму, такъ какъ сочувствіе къ историческому факту, который упоминался въ стихахъ—ни Дельвигъ и никто изъ литераторовъ не могли питать по простой причинѣ, которую раздѣляли со всѣмъ нашимъ обществомъ того времени: они не имѣли вовсе никакого мнѣнія о немъ. Распоряженіе это однакоже сопровождалось печальными послѣдствіями для Дельвига. Онъ призванъ былъ къ отвѣту генераломъ Бенкендорфомъ, и при этомъ вытерпѣлъ такую бурю подозрѣній, угрозъ и оскорбленій, что она потрясла физическій и нравственный его организмъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ, завелъ карты, дотолѣ не видѣнныя въ немъ, никуда не показывался и никого не принималъ, кромѣ своихъ близкихъ. Подъ дѣйствіемъ такого образа жизни и глубоко-почувствованнаго огорченія можно было опа-

Digitized by Google

саться, что первая серьёзная болѣзнь унесетъ всѣ его силы. Такъ и случилось—болѣзнь не заставила себя ждать и быстро свела его въ могилу (14 января 1830 г.). «Литературная Газета», однакоже, послѣ довольно долгаго перерыва явилась опять на свѣтъ, подъ редакціей извѣстнаго тогда составителя безцвѣтныхъ «обозрѣній Русской Словесности» для альманаховъ—Ореста Сомова, и въ рукахъ его продолжала еще существовать нѣкоторое время, никѣмъ уже болѣе не тревожимая, но и никому ненужная. Пушкинъ отложилъ въ сторону всѣ планы статей для журнала, пересталъ думать о нихъ, и наконецъ, позабылъ вовсе объ ихъ существованіи...

Но они стоютъ того, чтобы вывести ихъ изъ забвенія, на которое были обречены. Какъ еще ни безсвязны, ни сжаты и лаконичны всѣ эти проекты неосуществленнаго труда, потребовавшія отъ насъ объясненій гораздо болѣе пространныхъ, чѣмъ они сами; какъ ни кажутся съ перваго вида многіе изъ тезисовъ, тутъ приведенныхъ, рѣзко парадоксальными и неумѣренно-горячими по выраженію (недостатки, которые вѣроятно были бы сглажены или обойдены при обработкѣ ихъ),—но въ своей совокупности эти программы автора представляютъ довольно ясно и отчетливо существенныя черты и коренныя основанія полной политической теоріи, законченнаго ученія, цѣльнаго историческаго созерцанія. Оно нажито было Пушкинымъ долгими размышленіями о способѣ выяснить себѣ современное ему положеніе общества, найти точку отправленія для своей мысли, и всего болѣе созрѣло въ бесѣдахъ съ людьми, занимавшимися тѣми же поисками за отчетливымъ опредѣленіемъ своей эпохи въ прошлое царствованіе. Вотъ, почему теорія Пушкина, какъ она созидается изъ сложенія и возстановленія всѣхъ отрывковъ, оставшихся послѣ нея, имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, какъ вѣрное отраженіе весьма любопытной и важной стороны Александровской эпохи, которой Пушкинъ былъ вѣрнымъ представителемъ, и во-вторыхъ, какъ документъ, далеко не лишенный интереса для занимающихся исторіей идей, которыя въ разное время посѣщали умы нашего образованнаго общества. Между прочимъ, мы убѣждены, что извѣстный, глубоко-сочувственный, почти восторженный отзывъ Мицкевича о «политическомъ» смыслѣ Пушкина возникъ преимущественно изъ знакомства съ основными чертами этой самой теоріи, которая уже давно народилась и созрѣвала въ головѣ ея автора. Приводимъ, по порядку, первый образчикъ Пушкинскихъ программъ:

Digitized by Google

«Что́ такое потомственное дворянство?—Сословіе народа высшее, т.-е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ, или его представителями.—Съ какою цѣлью?—Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain. Образъ жизни, т.-е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе?—Нужно.—Чему учится дворянство?—Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще.—Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить.—Нужны ли они въ народѣ, также, какъ, напримѣръ, трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—la sauve-garde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества».

Къ этимъ, едва намѣченнымъ мыслямъ и во многихъ мѣстахъ не вполнѣ дописаннымъ фразамъ есть еще у Пушкина дополненіе, которое можетъ служить имъ и комментаріемъ. Оно состоитъ также изъ вопросовъ и отвѣтовъ:

«Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ войско государево.—Чѣмъ *кончается* (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. A=B».

Какъ ни лаконичны по своей формѣ всѣ эти замѣтки, но, повторяемъ, смыслъ ихъ кажется намъ вполнѣ яснымъ. Не видя возможности для крѣпостного тогда народа, ни способности въ немъ—самому заботиться о своей участи, и возлагая на дворянство историческую миссію служить ему опорой и защитой—Пушкинъ ставитъ и необходимыя условія для подобной дѣятельности. Она «кончается»—говоритъ онъ—а съ ней и государственное значеніе сословія, если оптиматы въ республиканскихъ обществахъ

Digitized by Google

соберутся въ одну эгоистическую замкнутую касту («аристократія правъ»), или когда при другихъ формахъ правленія благосостояніе и вліяніе дворянства будетъ созидаться — независимо или даже въ противоположность процвѣтанію всего народа.

Естественно, что придавая такое народовоспитательное и политическое значеніе потомственному независимому дворянству въ государствѣ, Пушкинъ долженъ былъ считать всѣ факты и явленія русской исторіи, помѣшавшіе развитію у насъ боярскаго института и не позволившія ему исполнить свое историческое призваніе—фактами и явленіями въ высшей степени печальными. Такъ, онъ сожалѣлъ объ отмѣнѣ мѣстничества и уничтоженіи разрядовъ, что́, по его мнѣнію, произошло совсѣмъ не изъ видовъ настоятельной, государственной потребности, а изъ домогательства и соперничества мелкихъ дворянскихъ родовъ, завистливо смотрѣвшихъ на привилегіи старшихъ своихъ собратій, да и тутъ еще Пушкинъ не признавалъ «соборный приговоръ» при царѣ Ѳеодорѣ окончательнымъ устраненіемъ мѣстничества. Оно еще довольно долго существовало, по его мнѣнію, и послѣ того, и всѣ разрядные списки, хотя и сожженные оффиціально, управляли еще дѣловымъ русскимъ міромъ и жили всецѣло въ памяти людей, вплоть до Петра I, окончательно похоронившаго ихъ *табелью о рангахъ*. Въ этомъ смыслѣ, личность Петра I, создавшая такую полную систему подчиненія всѣхъ свободныхъ людей, всякаго чина и званія, одной безотвѣтной службѣ государству, гдѣ они и *сравнялись*—являлась Пушкину, какъ личность, по преимуществу, революціонная, и порядокъ, ею водворенный на Руси, революціоннымъ. «Пора кончить революцію въ Россіи!»—восклицаетъ онъ въ разныхъ мѣстахъ своей переписки съ друзьями, а кончить ее иначе нельзя, по его воззрѣнію, какъ созданіемъ въ лицѣ имущественно и политически самостоятельнаго дворянства—сильнаго оплота противъ озлобленнаго класса выходцевъ изъ народа съ одной стороны, и помѣщичьей наклонности—придерживаться азіатскихъ порядковъ существованія и въ нихъ искать своего спасенія—съ другой. Обѣ эти тенденціи представляли для него совершенно одинаковыя величины: $A=B$,—употребляемъ его формулу. «Наслѣдственныя преимущества — говорилъ онъ—высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ, классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности».

Какъ еще ни благоговѣлъ Пушкинъ передъ цивилизаторской дѣятельностію Петра I, но нѣкоторые изъ его внутреннихъ по государству распорядковъ имѣли силу возбуждать въ немъ горь

Digitized by Google

кое чувство сомнѣнія, что отразилось и въ предварительныхъ очеркахъ исторіи Петра I, за которую онъ принялся въ 1832 году, — но объ этомъ скажемъ подробнѣе ниже. Покамѣстъ онъ смотрѣлъ на Петра единственно какъ на безжалостнаго истребителя единственнаго сословія, которое еще могло умѣрять его порывы и увлеченія. Онъ называлъ его соединеніемъ Робеспьера и Наполеона,—въ одномъ лицѣ воплощеніемъ всей революціи.

«Вотъ уже 150 лѣтъ, — восклицалъ онъ,—что «Табель о рангахъ» сметаетъ дворянство въ одну кучу (que la «Табель о рангахъ» balaye la noblesse), а затѣмъ уничтоженіе майоратства хитростнымъ (плутовскимъ, употребляя его терминъ) образомъ при Аннѣ Ивановнѣ и довершило паденіе передоваго класса, начатое «Табелью».—Что изъ этого слѣдуетъ,—прибавлялъ Пушкинъ:—восшествіе Екатерины II, 14 декабря и т. д.». Пушкинъ до того сроднился со своимъ представленіемъ о революціонномъ характерѣ многихъ мѣропріятій Петра и другихъ, за нимъ послѣдовавшихъ, въ томъ же духѣ, что разсказываетъ самъ въ «Запискахъ» своихъ, какъ однажды и гораздо позднѣе описываемой эпохи, посѣтивъ однажды покойнаго великаго князя Михаила Павловича, сказалъ ему въ глаза на разставаньи: — Je connais bien votre famille. Les R*—ont été de tout temps révolutionnaires». «Спасибо,—отвѣчалъ шутя великій князь,—что наградилъ новымъ качествомъ: намъ его недоставало».

Въ томъ же порядкѣ идей и подъ вліяніемъ тѣхъ же представленій шли у Пушкина и историческія изслѣдованія до-петровской старины, ближайшимъ поводомъ къ которымъ было появленіе «Исторіи русскаго народа», Полевого. Въ другомъ мѣстѣ (см. «Матеріалы для біографіи Пушкина», 1855 года) указаны были образцы этихъ набѣговъ на русскую исторію, подъ руководствомъ предвзятой мысли и *апріористическаго* метода заниматься ея вопросами, который, какъ видно и изъ предшествующихъ выписокъ, вошелъ у него въ обычай; этимъ Пушкинъ опять связывался съ Александровской эпохой, не знавшей другого метода изслѣдованія. «Исторія» Полевого, вдобавокъ, открывала еще къ нему и широкую дорогу, будучи сама собраніемъ догадокъ, болѣе или менѣе спорныхъ, и попыткой отыскать ключъ къ уразумѣнію лѣтописныхъ русскихъ данныхъ въ трудахъ западныхъ писателей, объяснявшихъ лѣтописи другихъ народовъ. Особенно первые томы этой «Исторіи» представляли массу фальшивыхъ аналогій между фактами западнаго происхожденія и явленіями русскаго міра, которыхъ сводить вмѣстѣ было любимымъ упражненіемъ автора. При кропотливости университетской

Digitized by Google

оффиціальной исторической науки, которая замѣнила торжественность и самоувѣренность прежней Карамзинской школы перечетомъ лѣтописныхъ сказаній и повтореніемъ буквальнаго ихъ смысла, не заботясь о своеобразной племенной народной жизни, за ними скрывавшейся,—«Исторія» Полевого должна была показаться дерзостью. Составитель ея, однако же, предчувствовалъ, какъ теперь уже почти всѣми признано, нѣкоторыя изъ задачъ будущаго русскаго историка, но для обработки ихъ ему недоставало научной подготовки и первыхъ необходимыхъ свѣдѣній объ особенностяхъ славянской культуры, объ идеяхъ и представленіяхъ, управлявшихъ славянскимъ міромъ и опредѣлившихъ его судьбу и развитіе. Иначе и быть не могло: важнѣйшія изслѣдованія, освѣтившія и выдвинувшія на первый планъ всѣ эти вопросы, явились гораздо позднѣе. Весьма понятно, что присяжные ученые отнеслись къ труду Полевого въ рѣзкихъ статьяхъ своихъ со злобой и презрѣніемъ напрасно потревоженныхъ людей, но гораздо труднѣе понять—почему вознегодовали на него дилетанты исторической науки, которыхъ тогда было много въ обществѣ, и которые не менѣе критикуемаго автора обладали произвольными взглядами на прошлое Руси, почерпнутыми отовсюду, кромѣ изученія предмета. Тайна объясняется тѣмъ, что построеніе гипотезъ всегда у нихъ имѣло въ виду коронованіе русской исторіи самыми дорогими (и въ сущности вовсе ненужными) вѣнцами, а у Полевого сопровождалось скептическими замашками... Фантазія съ отрицающимъ характеромъ казалась уже нестерпимой. Пушкинъ тоже возсталъ противъ нея.

Извѣстно, что онъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» критическую статью объ «Исторіи» Полевого, тотчасъ по выходѣ ея 1-го тома. За ней должна была слѣдовать другая, приготовленія къ которой остались въ его бумагахъ. Все та же главная, господствующая тэма его созерцанія управляетъ и здѣсь его сужденіями, просвѣчивая сквозь всѣ полемическіе пріемы и возраженія, и обнаруживая себя даже и тамъ, гдѣ, казалось, сословному вопросу не могло быть и мѣста. Предлогомъ для ввода послѣдняго въ изслѣдованіе московскаго періода нашей исторіи послужилъ взглядъ Полевого на удѣльную систему, какъ на проявленіе въ русской формѣ западнаго феодализма. Пушкинъ приступилъ тотчасъ же къ опроверженію этого мнѣнія, и въ отрывкѣ, приведенномъ нами прежде (въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855), старался собрать данныя для показанія несостоятельности такого предположенія. Въ этомъ отрывкѣ, направленномъ противъ мысли Полевого, Пушкинъ противопо-

Digitized by Google

ставлялъ феодализму институтъ боярства, который ничего общаго съ первымъ не имѣлъ, и онъ восходилъ изъ этого противопоставленія до опредѣленія разницы въ духѣ и характерѣ западныхъ русскихъ «среднихъ вѣковъ». Содержаніе и мысль этого отрывка Пушкинъ именно и собирался превратить во вторую статью объ «Исторіи» Полевого. Здѣсь мы дополняемъ отрывокъ только одной небольшой, но очень характерной замѣткой автора, не попавшей въ свое время въ печать, отсылая читателя за полнымъ содержаніемъ программы къ «Матеріаламъ» 1855 года. Опровергая Полевого, Пушкинъ, какъ оказывается и по другимъ источникамъ, еще сожалѣлъ объ отсутствіи въ нашей исторіи такого явленія, какъ феодализмъ. По его мнѣнію, феодальный институтъ въ своемъ естественномъ развитіи и перерожденіи могъ бы осѣсться у насъ въ видѣ перваго опыта къ учрежденіямъ независимости (верхняя палата), и вызвать второй, который ни чѣмъ другимъ не могъ быть, какъ собраніемъ общинныхъ представителей (Common-house). Вотъ, какъ резюмируетъ самъ авторъ свою фантастическую постройку въ дополнительной части программы, о которой мы говоримъ:

«Феодализмъ могъ бы развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины—были бы второй), но онъ не успѣлъ... Мѣсто феодализма заступила аристократія.—Какое время силы нашего боярства?—Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами.—Когда пало боярство?—При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться.—Были ли дворянскія грамоты?—Мининъ!—Было ли *зло* мѣстничество?.. Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено?—*Петръ*».

Другая проба высказать свои убѣжденія была сдѣлана Пушкинымъ уже на беллетристической аренѣ, но и тутъ ей не болѣе посчастливилось, чѣмъ въ первыхъ двухъ пробахъ. Махнувъ рукой, послѣ запрещенія «Литературной Газеты», на проекты статей, ей предназначавшихся, Пушкинъ не потерялъ нити своей политической доктрины, а только перенесъ ее, спустя 3—4 года (1833—34 г.), въ повѣсти и разсказы, гдѣ она, какъ красная нитка, и заплеталась въ ткань ихъ романической интриги. При печатаніи, однако-жъ, этихъ произведеній — уже послѣ смерти автора — мѣста, содержавшія намеки на эту доктрину, подверглись исключенію, и красная нитка только кое-гдѣ и клочьями осталась на поверхности разсказовъ. Понятно, что въ беллетристическомъ изложеніи политическая доктрина могла обнаружить только часть своего содержанія, только ту сторону свою, которая

Digitized by Google

обращена была на освѣщеніе нравовъ общества, идей, въ немъ живущихъ и выведенныхъ типовъ. Все прочее оставалось въ полу-мракѣ. На творческомъ станкѣ доктрина потеряла много въ объемѣ, но неизмѣримо выиграла въ блескѣ и цѣнности. Набрасывая свои повѣствовательные отрывки, Пушкинъ уже становится замѣчательнымъ нравоучителемъ, хотя и не покидаетъ своей горячей защиты правъ высшаго просвѣщеннаго сословія. Уваженіе къ предкамъ онъ считаетъ нравственной силой, укрѣпляющей волю, создающей *характеры*, ставящей высокія жизненныя цѣли, и возвышается до степени ядовитаго сатирика и негодующаго патріота, когда принимается обличать слѣпоту и пустоту русскаго *образованнаго* общества, совершенно позабывшаго все свое прошлое для того, чтобы помнить только мелкіе и пошлые интересы дневного существованія, заниматься и питаться вопросами самаго низменнаго свойства, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, къ какимъ способны бываютъ единственно люди, живущіе безъ идеаловъ. Сочувственное отношеніе къ старинѣ, къ исторіи и культурѣ предковъ, лежавшее скрытно въ основѣ всѣхъ политическихъ теорій автора, здѣсь выдѣлилось уже въ пламенную рѣчь и горячую проповѣдь,—и приходится сказать, что проповѣдь эта чуть ли не составляла и самое существенное и единственно-плодотворное зерно всего его ученія.

Извѣстно, что въ послѣднее время своей жизни поэтъ нерѣдко переводилъ на вымышленныя имъ лица нѣкоторыя черты собственнаго своего созерцанія, подъ-часъ даже особенности своего характера, полученныя психическимъ анализомъ своей личности и духовной природы, какъ было уже замѣчено нами прежде, при разборѣ его произведеній и, между прочимъ, при изложеніи исторіи происхожденія пьесы «Импровизаторъ», гдѣ лицо героя представляетъ уменьшенное отраженіе нравственнаго облика самого автора. Другой примѣръ прививки своихъ воззрѣній и убѣжденій къ вымышленному лицу поэтъ представилъ въ извѣстномъ разсказѣ: «Разговоръ вечеромъ на раутѣ». Весь этотъ разговоръ намъ кажется передачей дѣйствительной бесѣды, слышанной авторомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ какомъ-либо изъ аристократическихъ и дипломатическихъ салоновъ Петербурга, куда онъ былъ вхожъ. Въ рукописи разговоръ кончается слѣдующимъ мѣстомъ, которое—можетъ быть—пріятно будетъ встрѣтить читателямъ, послѣ полувѣкового сна его подъ спудомъ, хотя въ сущности оно представляетъ не болѣе, какъ повтореніе и развитіе уже извѣстной, излюбленной Пушкинской темы. Мѣсто на-

Digitized by Google

чинается вопросомъ одного изъ собесѣдниковъ, именно иностраннаго *дипломата*, о русской аристократіи — и завершается отвѣтомъ его русскаго собесѣдника, устами котораго говоритъ уже самъ авторъ. Иностранный дипломатъ открываетъ бесѣду замѣчаніемъ:

— «Вы упомянули о вашей аристократіи: что́ такое ваша аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наслѣдственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ, кажется. Между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство, и доступъ къ оному ни чѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша, такъ-называемая, аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ?»

— «Вы ошибаетесь, — отвѣчалъ онъ, древнее русское дворянство вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, у насъ въ неизвѣстности и составило родъ третьяго сословія. Благородная чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха, но настоящая наша аристократія съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древніе роды ихъ восходятъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ укоръ ихъ достоинствамъ. Достоинство всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь какого-нибудь Монморанси, перваго христіанскаго барона. Я, напримѣръ, — продолжалъ русскій — не могъ бы отыскать въ хроникахъ моего родоначальника. Знаю только, что предки мои сражались близъ Александра Невскаго, были у трона Ивана IV и возвели на престолъ... но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшилъ бы многихъ. Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ: Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ, но очарованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нравственнымъ качествамъ, у насъ... — Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности».

Эта горячая діатриба, направленная столько же противъ суетной фамильной спѣси, сколько и противъ пренебреженія всѣхъ семейныхъ преданій, еще уступаетъ въ выразительности и яркости другой такой же діатрибѣ, встрѣчаемой въ очень за-

Digitized by Google

мѣчательномъ и, къ сожалѣнію, тоже неконченномъ разсказѣ: «Романъ въ письмахъ». Тамъ она служитъ послѣдней крупной и опредѣляющей чертой для физіономіи главнаго дѣйствующаго лица повѣсти, нѣкоего Владиміра Z. Это лицо, даже и въ теперешнемъ своемъ видѣ, представляетъ замѣчательно-полный типъ аристократическаго славянофила временъ Александра I. Нигдѣ еще Пушкинъ не рисовалъ такъ ярко собственнаго своего образа, состоянія собственной своей мысли и задушевныхъ убѣжденій своихъ, какъ въ этомъ вымышленномъ лицѣ, сохраняя ему всѣ живыя краски и особенности самостоятельнаго и оригинальнаго характера. Приводимый отрывокъ находился въ одномъ изъ писемъ романа (письмо VIII), слѣдовалъ за восклицаніемъ Владиміра Z., по поводу матеріальнаго настроенія нашего общества («Къ чему ведетъ такой матеріализмъ?—не знаю»), и начинался еще по французски:

«Но пора положить этому преграды. Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme. Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права, но я, безъ прискорбія, никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. И какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникѣ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ окольничій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и былъ Козьма Миничъ Сухорукій, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

«Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, павшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины, но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т.-е. исторіей отечества. И это вы ставите ему въ достоинство. *Конечно, есть достоинства выше знатности—именно, достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя.* Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться

Digitized by Google

сими именами. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ».

И, наконецъ, въ безпрестанныхъ пробахъ передать свое созерцаніе въ такой формѣ, которая покорила бы вниманіе публики — Пушкинъ дошелъ до самаго блестящаго выраженія его въ великолѣпной поэмѣ: «Мѣдный Всадникъ» (1833 г.), хотя тоже, за смертію поэта, не получившей окончательной отдѣлки. Обезумѣвшій отъ горя, ничтожный потомокъ знатнаго боярскаго рода — и современный коломенскій чиновникъ — осмѣливается укорять великаго императора во всѣхъ своихъ несчастіяхъ и даже посягаетъ на угрозу передъ бронзовымъ ликомъ его, въ которомъ онъ внезапно открываетъ того человѣка, который лишилъ его фамилію гражданскаго значенія, низвелъ его самого въ ряды бездольнаго служаки и косвенно настигъ, даже послѣ своей смерти, въ послѣднемъ его убѣжищѣ — сердечномъ счастіи, унесенномъ наводненіемъ въ основанномъ имъ Петербургѣ. Пушкинъ называетъ этого потомка знатнаго боярскаго рода только по имени:

Прозванья намъ его не нужно—
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ, и не тужитъ
Ни о покойницѣ-роднѣ,
Ни о забытой старинѣ...

Нельзя не остановиться на безсмысленной, съ перваго вида, угрозѣ, слетѣвшей съ устъ этого несчастнаго, подъ конецъ его рѣчи: «Ужо тебя...» — восклицаетъ онъ! Невольно думается, что въ этомъ нелѣпомъ: «ужо тебя» — безумецъ выразилъ промелькнувшую въ его головѣ мысль о возможности еще найти судъ въ потомствѣ и передѣлать приговоръ, давшій такую славу и значеніе имени грознаго реформатора. Мѣдный-Всадникъ, погнавшійся за нимъ, словно угадалъ его тайную мысль...

Всѣ эти идеи Пушкина теперь, по прошествіи почти 50 лѣтъ со дня его смерти, не покажутся никому ни очень новыми, ни очень вѣрными: онѣ получили такое обобщеніе въ послѣднее время, будучи подняты снова борьбой и преніями по поводу

Digitized by Google

нашего земскаго самоуправленія, и притомъ подвергнулись такому критическому обсужденію, что ни для кого не могутъ уже болѣе служить соблазномъ. Притомъ же, одна часть этого воззрѣнія, затрогивающая важность и достоинство историческихъ традицій, обработана была впослѣдствіи съ силой эрудиціи и діалектики, конечно превышающими все, что говорилъ поэтъ, и даже все, что онъ могъ сказать по этому поводу въ свое время. Но за Пушкинымъ и за Александровской эпохой, его воспитавшей, остается честь перваго поднятія многихъ подобныхъ же вопросовъ русской культуры и общественнаго быта.

Рано или поздно эти вопросы должны были снова явиться на свѣтъ и сдѣлаться уже предметами серьёзнаго разбора, ученой и многосторонней полемики, какъ и случилось. Разногласіе по ихъ поводу еще не кончилось, и оградить нѣкоторыя стороны Пушкинскаго ученія отъ превратнаго толкованія представляется еще и теперь необходимостію. Несомнѣнно, что ученіе поэта можетъ дать поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ, если переставить исходный пунктъ, отъ котораго отправлялся авторъ, на другую почву. Теорія, довольно похожая на ту, которую проповѣдывалъ поэтъ, но вдобавокъ требовавшая, чтобы всѣ заботы государства обращены были на интересы одного избраннаго сословія исключительно передъ другими, не разъ уже являлась въ средѣ нашего общества съ претензіями на высокую политическую мудрость. Какую бы строгую оцѣнку и критику ни заслуживали взгляды Пушкина,—но достовѣрно, что ничего общаго съ вышеупомянутой теоріей они не имѣютъ. Мы видѣли, что конечная цѣль всѣхъ его разсужденій была все-таки забота о народѣ и о доставленіи ему той доли защиты и свободы въ трудѣ, какихъ онъ самъ, по стеченію обстоятельствъ и при извѣстной тогдашней обстановкѣ своей, добыть не могъ. Направленіе Пушкина выходило не изъ кровной привязанности къ боярскимъ привилегіямъ, какъ таковымъ, а изъ сожалѣнія о потерѣ передовымъ сословіемъ тѣхъ орудій, которыя могли бы дать ему средства сослужить великую службу отечеству. Чувствуешь, что не въ видѣ лицемѣрной оговорки, а изъ глубины души воскликнулъ онъ: «Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя». И могъ ли сдѣлать своимъ политическимъ знаменемъ одну теорію о наслѣдственномъ правѣ на почетъ, безъ разбора нравственныхъ качествъ лица, тотъ человѣкъ, который въ самомъ разгарѣ аристократическаго одушевленія своего твердо поставилъ афоризмъ—«личныя достоинства выше знатности». Подъ теоріей Пушкина и многихъ его современниковъ текла невидимка, но хорошо зна-

Digitized by Google

ствуемая, горячая политическая струя, не позволявшая расти вокругъ себя ничему похожему на корыстный разсчетъ, родовую кичливость или узкій эгоизмъ, хотя сама теорія представляетъ много спорныхъ сторонъ и является роднымъ дѣтищемъ своего времени, не знавшаго еще другихъ дорогъ къ устраненію злоупотребленій и къ обновленію себя, кромѣ тѣхъ, которыя она прокладывала въ своемъ воображеніи, въ области благородныхъ мечтаній и великодушныхъ химеръ.

II.

Какъ извѣстно, А. С. Пушкинъ тотчасъ послѣ свадьбы своей въ Москвѣ (18 февраля 1831 года) уѣхалъ въ Петербургъ. Спустя двѣ недѣли послѣ того, именно въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ поселяется на дачѣ, въ Царскомъ-Селѣ, и безвыѣздно проводитъ семь мѣсяцевъ въ хорошо-знакомомъ ему городѣ. Эти семь мѣсяцевъ положили основаніе всей послѣдующей жизни Пушкина и должны считаться исходнымъ пунктомъ новой литературной его дѣятельности.

Дворцы, сады и парки царской резиденціи оживились къ лѣту 1831 года прибытіемъ двора. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ, конечно, и главный наставникъ Государя Цесаревича, В. А. Жуковскій. Давнія дружескія связи между нимъ и Пушкинымъ затянулись еще въ болѣе крѣпкій узелъ, благодаря частымъ, ежедневнымъ ихъ свиданіямъ, а также и весьма серьёзному настроенію, которое царствовало вокругъ нихъ. Политическій горизонтъ былъ мраченъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Друзья сходились для того, чтобы передавать другъ другу извѣстія о тяжеломъ положеніи государства, посѣщеннаго холерой, и мысли о неудачахъ, затрудненіяхъ и ошибкахъ нашей польской кампаніи.

Польское возстаніе находилось въ апогеѣ своего развитія и потребовало усилій и жертвъ для подавленія его, сначала и непредвидѣнныхъ. Втихомолку передавались печальныя новости съ театра войны: нерѣшительность дѣйствій русской арміи, возрастающія надежды инсуррекціи, сочувствіе къ ней со стороны народовъ Европы; за междоусобной войной проглядывала возможность большой европейской войны въ близкомъ будущемъ! Нравственная сторона польскаго вопроса особенно обращала вниманіе друзей въ Царскомъ-Селѣ, такъ какъ въ ней-то и заключалось все дѣло. Пока большинство русскаго общества не-

Digitized by Google

годовало просто на медленность вооруженной расправы съ непріятелемъ, обвиняя въ томъ людей, совѣтниковъ и прочихъ, Жуковскій и Пушкинъ всего болѣе думали о принципѣ, который возстаніе положило въ свою основу и которымъ себя оправдывало.

И было о чемъ подумать. Подъ знаменемъ нарушеннаго принципа народной воли и національности, Франція, только-что провозгласившая этотъ принципъ у себя, стала почти цѣликомъ въ ряды самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи. Начавшаяся борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала тамъ въ печати и на трибунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ русскаго народа и правительства,—бурю, которая сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. По секрету передавались слухи объ опасномъ положеніи правительствъ, конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинаково истощавшихся въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, которые требовали почти въ одинъ голосъ передѣлки европейской исторіи и трактатовъ во всемъ, что́ они сказали въ пользу и въ интересѣ Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что какъ бы ни велики были успѣхи нашей секретной дипломатической борьбы съ направленіемъ, — одной этой борьбы еще не было достаточно, и слѣдовало бы вызвать на борьбу съ нимъ голосъ самого общества. Какъ ни совѣтовали еще послѣднему покрывать всѣ яростныя нападки его враговъ однимъ горделивымъ молчаніемъ, но многимъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, казалось, что вмѣшательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому, для разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и сознанія, чѣмъ даже для отраженія несправедливыхъ обвиненій со стороны. Конечно, выразительныхъ словъ: «бунтъ», «мятежъ»—достаточно было для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русской публики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употреблять силу оружія противъ идеи о политической самостоятельности у народа, котораго много лѣтъ пріучали къ ней оффиціально, — этотъ вопросъ оставался и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи. На этотъ вопросъ именно Пушкинъ и рѣшился отвѣчать, противопоставляя польской идеѣ и заграничной ея пропагандѣ другую идею, обнаруживавшую, по его мнѣнію, настоящій историческій и нравственный смыслъ начавшейся борьбы двухъ родственныхъ племенъ. Идея эта имѣла еще и то качество, что способна была оправдать мѣры, принимаемыя для доставленія ей торжества. 5-го августа 1831 года, за три недѣли до паде-

Digitized by Google

нія Варшавы, Пушкинъ написалъ по адресу европейскихъ и польскихъ враговъ нашихъ пьесу «Клеветникамъ Россіи», которую можно назвать первой политической журнальной статьей, тогда написанной у насъ по польскому вопросу,—и это несмотря на ея лирическую форму. Политическая мысль укрылась здѣсь подъ крыло Державинской оды и сложила тутъ свои зародыши, за неимѣніемъ никакого другого пріёмника. Замѣчательно, что ей всѣ обрадовались и, можетъ быть, всего сильнѣе тѣ, которые не считали возможнымъ и нужнымъ призывать на помощь своему дѣлу независимый голосъ публицистики. Всѣмъ она даровала ключъ къ благопріятному толкованію смутнаго и щекотливаго вопроса, но главная привлекательная ея сторона заключалась въ томъ, что она какъ-бы возлагала великую народную миссію на непосредственныхъ, активныхъ дѣятелей войны. Такимъ образомъ, настоятельная потребность минуты была удовлетворена, хотя, безъ сомнѣнія, и въ духѣ того времени. Много разъ потомъ ссылались на мысль Пушкина, что польскій вопросъ представляетъ, по преимуществу, домашнее дѣло славянскаго міра, отъ поворота котораго въ ту или другую сторону зависитъ направленіе и будущность славянства вообще; много разъ также и разработывали эту мысль въ различныхъ смыслахъ. За Пушкинымъ остается, въ концѣ-концовъ, непререкаемая честь первой попытки подложить нравственную и теоретическую основу подъ голый фактъ ненавистнаго столкновенія двухъ родственныхъ племенъ.

27-го августа, совершилось столь долго и нетерпѣливо ожидаемое паденіе Варшавы, далеко не прекратившее, впрочемъ, какъ извѣстно, развитіе племенной борьбы. Пушкинъ привѣтствовалъ событіе стихотвореніемъ «Бородинская годовщина», которое, вмѣстѣ съ пьесой «Клеветникамъ Россіи» и стихотвореніемъ Жуковскаго по тому же случаю, напечатано въ одной брошюрѣ: «На взятіе Варшавы, 1831 г.». Также точно напечатали они въ одной и той же брошюрѣ четыре народныя сказки, сочиненныя ими въ Царскомъ-Селѣ, по уговору между собою. Въ это время они все дѣлали сообща.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, поэтому, что и появленію той знаменитой пьесы предшествовалъ долгій обмѣнъ мыслей въ дружескомъ кругу, который образовался около Пушкина въ Царскомъ-Селѣ, и который состоялъ почти весь изъ лицъ, приближенныхъ болѣе или менѣе къ императорскому двору, а потому и знавшихъ многія подробности и секреты политики, скрытыя еще отъ глазъ толпы. Въ кругу этомъ, между прочимъ, особенное покровительство и поощреніе встрѣтила мысль Пуш-

Digitized by Google

кина основать печатный органъ для отраженія наговоровъ европейской прессы. Сохранился отрывокъ изъ пробы Пушкина составить формальное прошеніе въ этомъ смыслѣ.

«У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ».

Не дожидаясь однако же этого дозволенія и не испросивъ, такъ-сказать, благословенія на подвигъ, Пушкинъ возвысилъ голосъ—и успѣхъ, какъ упомянуто, оказался громадный.

Проектъ изданія политическаго журнала не былъ вовсе покинутъ и послѣ появленія знаменитаго стихотворенія,—только, благодаря толкамъ и совѣтамъ дружескаго круга, въ проектъ замѣшались теперь еще другіе и гораздо болѣе обширные планы, вмѣстѣ съ соображеніями объ окончательномъ устройствѣ общественнаго положенія Пушкина. Дѣйствительно, надо было, думали тогда, опредѣлить мѣсто, которое слѣдуетъ занять поэту въ свѣтѣ, послѣ того какъ онъ сдѣлался семьяниномъ, какъ миновала эра молодыхъ увлеченій и фрондёрства, построенныхъ на самомъ снисхожденіи тѣхъ, кого они затрогивали. Дворъ смотрѣлъ на Пушкина съ участіемъ, и при всякомъ важномъ случаѣ его жизни доказывалъ это участіе несомнѣннымъ образомъ, какъ-бы приглашая поэта отыскать сферу публичной дѣятельности, которая позволила бы ему разсчитывать на признательность, во имя общественныхъ заслугъ и достоинства своихъ трудовъ. По мысли дружескаго круга, слѣдовало выбрать еще занятіе, рядомъ съ обычными занятіями поэзіей, которыя въ рѣдкихъ только случаяхъ давали тогда устроенное гражданское положеніе. Дѣло было нелегкое. Пушкинъ не хотѣлъ и слышать ни о какого рода занятіяхъ, которыя ограничивали бы его независимость, изуродовали бы его талантъ, или потребовали бы сдѣлокъ съ совѣстью; онъ предпочиталъ лучше оставаться по прежнему «заподозрѣннымъ» человѣкомъ, чѣмъ сдѣлаться «выбор-

Digitized by Google

нымъ» на подобныхъ условіяхъ. Друзья Пушкина раздѣляли его сомнѣнія, но въ поискахъ за лучшими поприщами для будущей его дѣятельности и общественной роли они пришли къ заключенію, что въ русскомъ мірѣ существуютъ два вакантныхъ мѣста, отвѣчающія всѣмъ наиболѣе взыскательнымъ требованіямъ совѣстливаго труженика. Первое изъ этихъ мѣстъ могло составить удѣлъ истиннаго журналиста, политическаго писателя, «уполномоченнаго» разъяснять публикѣ духъ, намѣренія и цѣли правительства и отклонять отъ него безумные толки, легкомысленную или превратную оцѣнку его постановленій, обнаруживая ихъ сущность и присущія имъ идеи. Второе мѣсто было еще обольстительнѣе: оно возводило Пушкина въ должность оффиціальнаго историка Петровской эпохи и открывало путь къ занятію государственнаго поста исторіографа, не имѣвшаго еще своего представителя съ самой смерти послѣдняго его обладателя — Н. М. Карамзина. Какъ ни сильно отзывались еще эти предположенія романическимъ и утопическимъ характеромъ, но Пушкинъ съ жаромъ ухватился за нихъ: они отвѣчали тайнымъ пожеланіямъ его собственной мысли. Онъ тотчасъ же и принялся за положеніе основъ къ ихъ осуществленію, и не далѣе какъ въ іюнѣ 1831 года подалъ уже просьбу генералу Бенкендорфу, въ которой заявлялъ свое желаніе служить посредникомъ между правительствомъ и публикой, если оно того пожелаетъ, и прежде всего заняться исторіей Петра I, съ правомъ входа въ государственные архивы.

Мы можемъ привести только черновой набросокъ этой просьбы. Не имѣя подлинника и не зная, увидитъ ли онъ когда-нибудь свѣтъ, полагаемъ, что и первоначальный, блѣдный абрисъ просьбы Пушкина будетъ все-таки любопытенъ для читателя. То достовѣрно — что при окончательной редакціи авторъ документа сохранилъ большую часть его содержанія. Это доказывается ссылкой на письмо въ статьѣ, принадлежащей перу высшаго чиновника Третьяго Отдѣленія, М. М. Попову, который видѣлъ и самый документъ (см. статью: «Алек. Серг. Пушкинъ» въ «Русской Старинѣ», 1874, т. X, августъ). Авторъ этой статьи цитируетъ изъ просьбы поэта, совершенно сходно съ черновой ея подготовкой, только первое положеніе ея, гдѣ Пушкинъ жалуется на неполученіе своевременно двухъ слѣдовавшихъ ему чиновъ и сопровождаетъ цитату укоризненнымъ замѣчаніемъ отъ себя: «Знаменитый, уважаемый всею Русью, поэтъ печалился, что онъ въ служебной іерархіи не болѣе, какъ коллежскій секретарь». Тутъ есть, можетъ быть, и невольное недоразумѣніе. Пушкинъ, добиваясь права на

Digitized by Google

посѣщеніе государственныхъ архивовъ, не могъ забыть, что оно, во-первыхъ, обусловливалось тогда состояніемъ лица на службѣ по какому-либо вѣдомству, и часто находилось, по понятіямъ того времени, въ тѣсной зависимости отъ чина, имъ носимаго. Вотъ какія побужденія управляли имъ, когда онъ напоминалъ о служебной несправедливости, ему оказанной, а совсѣмъ не мелкое тщеславіе, какъ говорили еще при жизни поэта многочисленные его враги изъ Булгаринскаго лагеря, которые радовались всякому случаю навязать комическую погремушку на простую и очень мало-честолюбивую фигуру поэта. Но вотъ и самый документъ:

«Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями Его В—ва, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему, по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ былъ изъ лицея), къ несчастію, *будетъ мнѣ препятствіемъ* на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т.-е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а *я имъ о томъ не припоминалъ*. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало.

«Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостію взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», то-есть такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа, послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу со временемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III».

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать и превзошелъ ожиданія Пушкина. 31 іюля 1831 г., ему обѣщано было разрѣшеніе на изданіе газеты, и тогда же—съ явной охотой и благорасположе-

Digitized by Google

ніемъ — дано право на посѣщеніе и изученіе государственныхъ архивовъ и библіотекъ, подъ руководствомъ статсъ-секретаря Д. Н. Блудова. Нѣсколько позднѣе и уже послѣ того, какъ были написаны объ патріотическія пьесы (Клеветникамъ Россіи и Бородинская годовщина), т.-е. въ ноябрѣ мѣсяцѣ, самымъ неожиданнымъ образомъ устроилось и оффиціальное, служебное положеніе Пушкина. Его причислили къ министерству иностранныхъ дѣлъ *сверхъ штата*, согласно съ отзывомъ начальниковъ вѣдомства, заявившихъ о неимѣніи вакантныхъ мѣстъ въ своемъ распоряженіи; но при этомъ Пушкину положено было весьма значительное, по времени, содержаніе, по 5000 р. ас. въ годъ, что отчасти сравнивало его со сверстниками, успѣвшими обогнать поэта на іерархическомъ поприщѣ. Казалось, всѣ спѣшили на встрѣчу желаніямъ и помысламъ Пушкина въ Царскомъ-Селѣ, и самыя распоряженія, которыхъ онъ былъ предметомъ, носили еще явную печать сочувствія къ намѣренію поэта связать новый, семейный періодъ своей жизни съ дѣльнымъ, обширнымъ патріотическимъ трудомъ. Оставалось пользоваться предоставленными ему выгодами и свободой — и довести постепенно оба предпріятія, взятыя имъ на себя, до блестящихъ результатовъ, какіе они обѣщали и какихъ онъ былъ въ правѣ ожидать отъ своего труда. Извѣстно однакоже, что оба предпріятія, на пути своего развитія, встрѣтили неожиданныя помѣхи, преимущественно въ нравственномъ, душевномъ, субъективномъ настроеніи ихъ автора, — помѣхи эти въ короткое сравнительное время успѣли остановить ростъ Пушкинскихъ проектовъ, а, наконецъ, и вовсе упразднить ихъ.

Главной силой, разрушившей планы Пушкина, были именно политическіе и общественные идеалы его, которые не умѣстились въ рамкахъ, оффиціально заготовленныхъ для нихъ.

Исторію паденія замысловъ Пушкина начинаемъ съ проекта газеты. Не подлежитъ сомнѣнію, что новый политическій органъ, задуманный поэтомъ, связывался у него съ воспоминаніями о «Литературной Газетѣ» барона Дельвига. Еще въ предъидущемъ 1830 г. Пушкинъ мечталъ о превращеніи изданія друга въ газету политическую и заготовилъ даже формальную просьбу въ этомъ смыслѣ, часть которой уже извѣстна публикѣ, по выдержкамъ изъ нея, напечатаннымъ прежде, въ нашихъ матеріалахъ для біографіи Пушкина, 1855 года. Побужденія, которыя онъ тогда выставлялъ на видъ, требуя дополненія «Литературной Газеты» политическимъ отдѣломъ, значительно разнились съ тѣми, которыя теперь легли въ основу его новаго прошенія. Тогда онъ говорилъ о матеріальномъ

Digitized by Google

и нравственномъ ущербѣ, какой терпятъ русскіе писатели отъ монополіи «Сѣверной Пчелы», захватившей иностранныя извѣстія и пользующейся этой даровой силой для привлеченія, такъ сказать, *невольныхъ* подписчиковъ и читателей и для распространенія между ними своихъ корыстныхъ, часто клеветническихъ нападковъ на враговъ. На матеріальный ущербъ, наносимый цѣлому и наиболѣе достойному классу русскихъ писателей, Пушкинъ всего болѣе и налегалъ, предполагая, что администрація будетъ особенно чувствительна къ охраненію интересовъ законнаго труда, честнаго добыванія людьми насущныхъ средствъ къ жизни. Онъ ходатайствовалъ о добавленіи газеты своего друга подцензурнымъ политическимъ отдѣломъ единственно во имя справедливости, возстановленія нарушенныхъ правъ писателей и доставленія имъ возможности бороться равнымъ оружіемъ съ соперниками, которые теперь занимаютъ привилегированное положеніе въ обществѣ. Внезапное исчезновеніе «Литературной Газеты» со сцены журнальнаго міра сдѣлало ненужнымъ дальнѣйшее ходатайство о расширеніи ея программы.

Совсѣмъ другія требованія заявлялись теперь Пушкинымъ, и дѣйствительно, теперь у него не то стояло на первомъ планѣ. Онъ собирался привлечь лучшія, надежнѣйшія силы нашего литературнаго міра къ общей работѣ по выясненію существующихъ порядковъ русской жизни, по толкованію смысла правительственныхъ мѣръ и распоряженій, по развитію въ обществѣ твердыхъ политическихъ идей—и особенно понятій о своемъ достоинствѣ, обязанностяхъ и роли въ государствѣ.

Въ разныя эпохи нашей жизни и многими даровитыми нашими людьми давно уже сознавалась необходимость выдти изъ тяжелаго положенія, какое всегда выпадаетъ на долю общества и частныхъ лицъ, которымъ приходится стыдиться тѣхъ самыхъ основъ существованія, которымъ они покоряются. Весьма честные и благородные умы, съ самаго начала столѣтія, заняты были у насъ постоянно отысканіемъ нравственнаго смысла въ коренныхъ учрежденіяхъ государства—думали о реформѣ, преобразованіи тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо утеряли прежній смыслъ. Либеральный консерватизмъ не былъ новостію на Руси—и причина понятна: съ осмысленнымъ и поясненнымъ фактомъ современнаго политическаго быта Россіи какъ будто становилось легче для совѣсти подчиняться всѣмъ его требованіямъ и естественнымъ послѣдствіямъ. Той же работѣ разъясненія, оправданія историческаго положенія государства и дополненія его, по возможности, новыми элементами нравственнаго содержанія, Пушкинъ намѣ-

Digitized by Google

ревался посвятить, вслѣдъ за нѣкоторыми своими предшественниками, и новую политическую газету. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что мысли, которыя онъ собирался проводить въ ней, были ему самому нужны, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ его будущимъ слушателямъ и читателямъ: онѣ, эти мысли, возстановляли его морально въ собственныхъ его глазахъ, разрѣшали тѣ *болѣзни совѣсти*, которыя сопровождаютъ обыкновенно всякія перемѣны направленій и убѣжденій. Мало того — онъ питалъ еще и надежду, что идеальнымъ представленіемъ обязанностей, лежащихъ на тѣхъ, которые занимаютъ важнѣйшія функціи въ государствѣ, онъ привлечетъ ихъ къ высшему пониманію своего призванія и долга, чѣмъ и окажетъ немаловажную услугу современникамъ. Желая испробовать почву, на которой ему придется дѣйствовать, Пушкинъ представилъ даже разсмотрѣнію ген. Бенкендорфа и образчики тона и пріемовъ, въ какихъ онъ намѣренъ излагать выдающіяся событія внутри имперіи, выбравъ для этого нѣсколько фактовъ изъ ближайшей современной исторіи [1]). Образчики эти, отчасти взятые имъ прямо изъ записной своей книжки, не имѣютъ ничего общаго ни по языку, ни по намѣренію, съ рутиннымъ, приниженнымъ и подобострастнымъ способомъ сообщать полуоффиціальныя извѣстія, какой тогда господствовалъ въ нашей журналистикѣ. Пушкинъ или даетъ картинный разсказъ происшествія и оставляетъ его говорить такимъ образомъ самого за себя, или разъясняетъ его смѣлымъ словомъ убѣжденнаго человѣка. Онъ собирался стать русскимъ консервативнымъ публицистомъ на *свой* образецъ, и его надобно было еще умѣть понимать, прежде чѣмъ разлагать и цѣнить сущность его мнѣній.

Мысль — доставить русской формѣ политическаго быта такое же почетное мѣсто въ области теорій государственнаго права и политическихъ наукъ вообще, какое въ нихъ занимаютъ наиболѣе уважаемыя и цѣнимыя формы правленій, пришла Пушкину опять какъ отвѣтъ на поворящія обвиненія заграничной интеллигенціи. Онъ сдѣлался очень чувствителенъ къ выходкамъ и диффамаціямъ западнаго либерализма, направленнымъ на *всю* исторію Россіи и на общество. Ему казалось, что отыскать нравственныя начала, на которыхъ зиждется наше государство, значитъ — оградить честь русскаго ума и народнаго характера, участвовавшихъ въ его образованіи. И нѣтъ сомнѣнія,

[1]) Два-три такихъ образчика, отдѣленные отъ матеріаловъ и документовъ, которыми мы пользовались въ прежнихъ біографическихъ опытахъ о Пушкинѣ, напечатаны были въ „Библіографическихъ Запискахъ“, 1859, № 5, стр. 184, 185 и слѣд.

Digitized by Google

что большинство тогдашнихъ писателей, на содѣйствіе которыхъ Пушкинъ и разсчитывалъ, пошли бы охотно за нимъ. Кому же не было бы дорого обрѣсть идею и моральную основу въ томъ порядкѣ дѣлъ, въ томъ родѣ жизни, съ которыми связано безповоротно все существованіе каждаго изъ нихъ; кому не была дорога возможность хотя бы діалектически развить и публично высказать затаенныя вѣрованія и надежды своей души? Да и кромѣ того, многіе распознавали въ намѣреніяхъ Пушкина еще болѣе возвышенную цѣль,—именно, цѣль создать черезъ посредство своего органа и для обращенія въ публикѣ популярное ученіе, содержащее философски высокое пониманіе и опредѣленіе вообще государственной власти,—они и не ошибались въ этомъ.

Подъ программой журнала, дѣйствительно таилась у Пушкина общественная теорія, имѣвшая въ виду доставить государственной власти санкцію мысли и свободнаго анализа, наравнѣ со всѣми другими санкціями, ею прежде полученными со стороны церкви, права и народныхъ убѣжденій. Не трудно намѣтить основныя черты самой теоріи, какъ онѣ сказываются въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ, въ разборѣ книги послѣдняго, озаглавленной: «Мысли на дорогѣ», и какъ онѣ отложились во множествѣ отрывковъ, оставшихся послѣ поэта въ бумагахъ его, какъ просвѣчивали въ устныхъ его заявленіяхъ, долго сохранявшихся его семействомъ и друзьями.

Теорія Пушкина была опять, въ сущности, не что иное, какъ отраженіе патріотическихъ воззрѣній В. А. Жуковскаго, который подчинилъ имъ своего друга тѣмъ легче, что послѣдній носилъ въ себѣ зародышъ такого направленія уже издавна, по свидѣтельству ближайшихъ его друзей, какъ, напр., кн. П. А. Вяземскаго. Вѣроятно, въ Царскомъ-Селѣ оба поэта сошлись ближе въ пониманіи сущности доктрины, которую одинъ изъ нихъ уже и прежде намѣтилъ въ безсмертныхъ словахъ, сказанныхъ имъ въ своей запискѣ: «*Подробный планъ ученія В. К. Наслѣдника*», недавно опубликованной («Русск. Старина», 1880, февраль): «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его... общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе... свобода и порядокъ одно и то же: любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и проч.

Консерватизмъ Пушкина совершенно совпадалъ съ такой исходной точкой политическихъ убѣжденій Жуковскаго, и оба они думали совершенно одинаково о важнѣйшихъ явленіяхъ русской

Digitized by Google

жизни. Всѣ духовныя стремленія общества, думалъ Пушкинъ,— всѣ его надежды и чаянія, равно какъ и требованія матеріальнаго свойства, собираются въ правительствѣ, какъ въ естественномъ своемъ хранилищѣ, данномъ исторіей. Они тщательно берегутся тамъ до тѣхъ поръ, пока съ наступленіемъ срока, переработанныя долгой мыслью и въ совѣтѣ съ лучшими умами страны, выходятъ опять на свѣтъ въ образѣ учрежденій, въ формѣ созданія новыхъ и возстановленія старыхъ правъ,—возвращаясь, такимъ образомъ, снова въ народъ, но уже становясь ступенью въ его прогрессивномъ развитіи. Нѣтъ ни стыда, ни униженія безпрекословно подчиняться такой чуткой власти, какъ бы, впрочемъ, она ни называлась: абсолютной, патріархальной, деспотической и т. д. Вотъ въ краткихъ словахъ сущность консервативной черты Пушкина, которая порождала извѣстныя его заявленія въ томъ же духѣ, часто останавливавшія на себѣ вниманіе его современниковъ и послѣдующихъ его цѣнителей, и которую онъ собирался развивать въ новомъ своемъ органѣ.

Здѣсь необходимо сказать, что примѣры иногда весьма оживленной критики заведенныхъ порядковъ и оффиціальныхъ мѣропріятій, которая по-часту встрѣчается въ запискахъ и въ корреспонденціи Пушкина отъ этого же времени, нисколько не свидѣтельствуютъ объ его измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Напротивъ, онъ чрезвычайно дорожилъ новыми нажитыми убѣжденіями даже и послѣ того, какъ принужденъ былъ отказаться отъ публичной ихъ защиты. Можно доказать фактами, что всякій разъ, какъ грубые толчки и удары со стороны реальнаго міра нарушали стройность его консервативной теоріи, колебали ея основанія и грозили потрясти вѣру въ ея положенія, онъ глубоко возмущался и спѣшилъ съ горячимъ обличеніемъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣломъ и примѣромъ своимъ поднимали на нее руку. Онъ становился въ это время не только раздражителенъ и дерзокъ, но и глубоко несчастливъ,—словно цѣлость и неприкосновенность теоріи была ему необходима для возможности собственнаго существованія, спасала его самого отъ большой умственной и нравственной бѣды.

Сложнѣе представляется на видъ, съ перваго раза, другой вопросъ, неизбѣжно идущій вслѣдъ за первымъ. Что же сдѣлалось теперь у Пушкина съ его тэмами о важности передового сословія въ государствѣ, о призваніи аристократіи служить надежнымъ посредникомъ между народомъ и правительствомъ, и съ другими тэмами подобнаго рода? Какъ помирилъ онъ новую свою консервативную теорію съ прежней, которую никогда не

Digitized by Google

покидалъ совсѣмъ, и которой придерживался, какъ извѣстно, еще въ 1835 году, то-есть почти наканунѣ смерти? Отвѣтъ на вопросъ не такъ затруднителенъ, какъ онъ сначала кажется. Противорѣчіе между двумя ученіями при ближайшемъ разсмотрѣніи сводится на простое недоразумѣніе между двумя однородными силами, которыя всегда наклонны къ компромиссу и примиренію. На *теоретической* почвѣ особенно противорѣчіе легко сглаживается. Не трудно было возвести, напримѣръ, Пушкину, хотя онъ никогда не занимался философскими выкладками, оба принципа къ высшему единству, и съ помощью разныхъ аналогій и діалектики самымъ естественнымъ образомъ представить противоположныя свои начала составными частями одного и того же цѣлаго, одного и того же общественнаго идеала, весьма способными къ совмѣстной жизни. Такъ именно и случилось съ Пушкинымъ. Враждебные по натурѣ элементы свободно пріютились въ его мысли и мирно процвѣтали въ ней рядомъ другъ съ другомъ, взаимно ограничивая и умѣряя себя и представляя зрѣлище теоретической гармоніи, какое рѣдко даютъ тѣ же элементы, когда они произрастаютъ на реальной, исторической почвѣ.

Но каковы бы ни были отношенія Пушкина къ обоимъ своимъ ученіямъ,—несомнѣнно, что для публичной ихъ защиты въ журналѣ требовался нѣкоторый просторъ мысли, нѣкоторая свобода въ оцѣнкѣ явленій и право свободнаго критическаго разбора тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ затемнять свѣтлый ликъ поставляемаго на видъ идеала. Это было, можетъ статься, еще необходимѣе для позднѣйшей консервативной теоріи, чѣмъ для первой, либерально-олигархической, которая, нося на себѣ слишкомъ явно фантастическій характеръ, ни въ какихъ особенныхъ заботахъ и предосторожностяхъ не нуждалась. Другое дѣло — ученіе о государственной власти. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, призывать публику къ лучшему пониманію своего быта, хлопотать о поднятіи уровня политическихъ идей въ обществѣ, проповѣдывать спасительныя, ободряющія и укрѣпляющія истины, употребляя то же самое, полу-внятное, пошлое бормотанье, которое служило тогдашней печати при передачѣ ею внутреннихъ и внѣшнихъ событій. Для успѣха распространенія новыхъ философско-политическихъ началъ между образованными людьми эпохи все-таки требовалось хотя бы подобіе мужественной рѣчи, нѣчто похожее на одушевленіе человѣка, проникнутаго своимъ предметомъ, и желательно было дѣйствіе бодраго слова, сбросившаго съ себя старую, обветшалую и изношенную оболочку. Но тутъ-то и встрѣтились затрудненія. Генералъ Бенкен-

Digitized by Google

дорфъ, завѣдывавшій ходомъ и направленіемъ общественной мысли и никогда особенно не довѣрявшій благонадежности писателей и журналистовъ, не нашелъ и теперь достаточныхъ причинъ для какого-либо измѣненія цензурныхъ обычаевъ времени въ пользу новаго изданія. Онъ думалъ, что, испробованный и освященный употребленіемъ, способъ понимать и излагать предметы политическаго характера—совершенно достаточенъ для русскаго общества и отвѣчаетъ вполнѣ всѣмъ умственнымъ его запросамъ. Къ этому присоединилось у него закоренѣлое убѣжденіе, что всѣ, слишкомъ возвышенныя цѣли, поставляемыя себѣ русскими людьми и всѣ крупные ихъ замыслы, выходящіе за черту общаго уровня дѣлъ и понятій, служатъ имъ только удобнымъ способомъ скрывать тенденціозныя намѣренія весьма сомнительнаго свойства. Онъ и не замедлилъ обнаружить вскорѣ эту часть своихъ убѣжденій самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Въ 1832 г., явился альманахъ «Сѣверные Цвѣты», изданный Пушкинымъ и его друзьями въ пользу семейства покойнаго барона Дельвига. Въ этомъ сборникѣ статей, Пушкинъ помѣстилъ превосходное свое стихотвореніе: «Анчаръ — древо яда», которое и сдѣлалось поводомъ довольно непріятной для автора исторіи. Подъ предлогомъ, что пьеса его, безпрекословно дозволенная къ печати обыкновенной цензурой, не была предварительно послана на обсужденіе верховной цензуры, какъ требовалъ того порядокъ, генералъ Бенкендорфъ упрекалъ Пушкина въ измѣнѣ принятымъ на себя обязательствамъ, въ нарушеніи честнаго слова и въ обманѣ. Замѣчательно, что надзоръ, молчаливо терпѣвшій доселѣ подобныя же, довольно многочисленныя уклоненія Пушкина отъ правила—возсталъ теперь съ горячимъ обличеніемъ и притомъ въ такой формѣ, которая показалась слишкомъ рѣзкой Пушкину, такъ что онъ долго не могъ забыть ея и вспоминалъ еще о ней съ горечью, спустя четыре года, въ письмѣ къ женѣ изъ Москвы, въ 1836 г., когда состоялъ уже четыре мѣсяца редакторомъ журнала «Современникъ»: «Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П.-Б., скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а, между тѣмъ, у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. *Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ* [1]), я получалъ ужъ полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: Vous avez trompé,

[1]) То-есть, еще не облеченный формально въ званіе издателя политической газеты, какъ предполагалось сдѣлать, въ 1832 г. послѣ опубликованія программы и условій подписки.

Digitized by Google

и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело—нечего сказать [1])!»

Пушкинъ, разумѣется, принялся тогда отписываться, ссылаясь на прежніе примѣры и представляя новые доводы въ свое оправданіе. Онъ-молъ не хотѣлъ мелкими произведеніями своей музы похищать время сильно занятыхъ государственныхъ людей, а всѣ крупныя произведенія свои неотложно представлялъ на ихъ разсмотрѣніе и обсужденье и проч. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень хорошо понялъ, что сущность дѣла заключается совсѣмъ не въ нарушеніи установленныхъ правилъ относительно появленія въ свѣтъ его стихотвореній, а въ характерѣ и содержаніи самой пьесы. Сопоставленіе различной участи раба и князя, дѣйствующихъ каждый по законамъ своего положенія и призванія, показалось надзору отдаленнымъ политическимъ намекомъ. Единственное объясненіе несоразмѣрной съ проступкомъ живости и безцеремонности упрековъ приходилось искать въ досадѣ надзора на то, что подобные сомнительные и опасные мотивы поэзіи могутъ еще встрѣчаться подъ перомъ автора, послѣ всѣхъ благодѣяній, на него излитыхъ. А, между тѣмъ, пьеса Пушкина не имѣла ничего преднамѣреннаго и цѣликомъ вылилась, безъ всякой примѣси, изъ одного его поэтическаго созерцанія людей и природы. Все это заставило крѣпко призадуматься Пушкина. Если по поводу небольшого стихотворенія, чуждаго всякихъ намековъ и посторонникъ цѣлей, могли отродиться такія вспышки гнѣва и негодованія, чего же можно было ожидать впредь для будущей газеты отъ подозрительности надзора? Бодрость Пушкина не устояла при мысли, что ему предстоитъ ежедневно садиться на скамью подсудимыхъ и разъяснять непонятыя надзоромъ слова и фразы. Онъ упалъ духомъ. Когда московскіе его друзья, обрадованные извѣстіемъ о пріобрѣтеніи имъ печатнаго органа въ свое распоряженіе, просили его о программѣ и выражали самыя сангвиническія надежды на успѣхъ журнала, Пушкинъ поспѣшилъ охладить ихъ настроеніе. Насмѣшливо и съ досадой писалъ онъ имъ: «Какую программу хотите вы видѣть? часть политическая — *оффиціально* ничтожная, часть литературная—*существенно* ничтожная: извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ — вотъ вамъ и вся программа... Я хотѣлъ уничтожить монополію и успѣхъ. Остальное мало меня интересуетъ.

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ 1878, мартъ, стр. 38.

Digitized by Google

Газета моя будетъ немного похуже «Сѣверной Пчелы». Угождать публикѣ я не намѣренъ, браниться съ журналами хорошо разъ въ пять лѣтъ, и то—Косичкину, а не мнѣ. Стихотвореній помѣщать не намѣренъ, ибо и Христосъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой: на то проза-мякина»...

Черновой отрывокъ любопытнаго письма, здѣсь приведенный, показываетъ, что поэтъ не сразу отказался отъ намѣренія редактировать газету, хотя ясно прозрѣвалъ, какая будущность ей предстоитъ. Но прошло немного времени, и невозможность дать свое имя изданію, которое должно было оказаться, по условіямъ существованія, его ожидавшимъ, *немного похуже «Сѣверной Пчелы»*, какъ онъ выразился, уяснилась ему вполнѣ. Когда пропали изъ вида высокія цѣли и намѣренія, лежавшія въ основаніи первоначальнаго проекта, какая была надобность еще цѣпляться за него и посвящать ему свой трудъ. Пушкинъ принялъ намѣреніе сдать обузу дальнѣйшаго веденія постылаго предпріятія первому человѣку, который согласился бы принять на себя роль подставного издателя. Онъ вскорѣ и нашелъ такого человѣка, да притомъ такъ обрадовался своей находкѣ, что порядочно не разузналъ и фамиліи замѣстителя. Въ перепискѣ съ женой онъ постоянно называлъ его «Отрыжковымъ», а, между тѣмъ, это было довольно извѣстное и типическое лицо петербургскаго міра: статскій совѣтникъ, Наркизъ Ивановичъ *Тарасенко-Отрѣшковъ*.

Н. И. Отрѣшковъ успѣлъ составить себѣ репутацію серьёзнаго ученаго и литератора по салонамъ, гостинымъ и кабинетамъ вліятельныхъ лицъ, не имѣя никакого имени и авторитета ни въ ученомъ, ни въ литературномъ мірѣ. Онъ прослылъ агрономомъ, политико-экономомъ, финансовой способностью, не соприкасаясь съ людьми науки и не выходя на арену публичности. Вѣроятно, въ одномъ изъ петербургскихъ салоновъ Пушкину и указали на Н. И. Отрѣшкова, какъ на образцоваго и дѣльнаго сотрудника по журналу. Отрѣшковъ не усумнился взять въ свои руки газету, сдѣлавшуюся предметомъ мукъ и отвращенія для ея основателя, и вести ее безъ признака редакторской способности, безъ литературныхъ связей въ обществѣ и безъ капитала, нужнаго, чтобы поставить на ноги сложное предпріятіе. Пушкинъ не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться. Вышло то, что должно было выдти—переговоры длились и ничѣмъ не кончились. Когда позднѣе, и уже послѣ смерти Пушкина — одинъ изъ многочисленныхъ покровителей Отрѣшкова — графъ Г. Г. Строгоновъ, назначенный предсѣдателемъ въ опекѣ по дѣламъ Пушкинской фамиліи, ввелъ Отрѣшкова, вслѣдъ за собой, и въ

Digitized by Google

опекунскую коммиссію, онъ игралъ въ ней весьма значительную роль. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Отрѣшкова печаталось посмертное изданіе «Сочиненій Пушкина», удивившее даже и тогдашнюю, не очень взыскательную публику, своей безпорядочностію, и онъ же предлагалъ, для устройства матеріальнаго положенія семьи Пушкина, мѣры, которыя, безъ щедротъ государя, выпавшихъ на ея долю, конечно, не обезпечили бы прочно ея будущности и существованія, какъ это случилось. По окончаніи ликвидаціи долговъ и имущества умершаго поэта, Отрѣшковъ собралъ бумаги, прошедшія черезъ его руки, въ теченіи довольно долгаго процесса этого разбирательства, и принесъ ихъ въ даръ императорской Публичной библіотекѣ. Тамъ, въ числѣ другихъ документовъ, можно видѣть и схематическое изображеніе наружнаго вида газеты, которую онъ брался издавать. Это—пустой листъ бумаги, расчерченный перомъ на нѣсколько отдѣловъ съ оглавленіями: — Внутреннія извѣстія, внѣшнія извѣстія и т. д. Вотъ все, что̀ осталось на свѣтѣ отъ газеты и отъ политической *идеи* Пушкина.

Нѣсколько болѣе сохранилось документовъ и свидѣтельствъ отъ другого замысла Пушкина—написать исторію Петра I, который тоже не осуществился, какъ и первый, но съ тою разницей, что погасалъ уже медленно и постепенно, съ ходомъ самыхъ работъ историка.

Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся Пушкинъ, особенно лѣтомъ 1832 г., за разборъ и чтеніе документовъ, касающихся царствованія Петра I въ государственномъ архивѣ, являясь туда каждодневно пѣшкомъ съ Черной рѣчки, гдѣ жилъ. По первымъ же собраннымъ матеріаламъ, онъ приступилъ къ составленію текста, къ спокойному, стройному повѣствованію о жизни и эпохѣ государя, точно предварительная критическая разработка свидѣтельствъ была уже кончена авторомъ; за то, позабытая вначалѣ, она явилась послѣ въ серединѣ труда и разстроила его. Пушкинъ самъ почувствовалъ, что прямое изготовленіе историческаго текста послѣ бѣглаго взгляда, брошеннаго на данныя, изъ которыхъ трудъ долженъ выростать—есть дѣло весьма преждевременное. Почти на каждой строчкѣ своего повѣствованія, онъ встрѣчался съ сомнѣніемъ или относительно достовѣрности источника, откуда взятъ былъ описываемый фактъ, или относительно правильной постановки и освѣщенія его. Всѣ такія сомнѣнія онъ обозначалъ вопросительными знаками въ рукописи и—текстъ повѣствованія покрытъ такими знаками. Они указывали, гдѣ должна была произойти новая провѣрка данныхъ и новое изслѣдованіе

Digitized by Google

ихъ, въ дополненіе упущеній первоначальнаго поверхностнаго обзора. Нѣсколько примѣровъ Пушкинскаго историческаго разсказа, пересѣченнаго во всѣхъ направленіяхъ такими предостерегающими знаками, и нарушающими какъ теченіе его, такъ и вниманіе и довѣріе читателя — собраны были нами въ матеріалахъ для біографіи Пушкина въ 1856 г.

Историкъ однако-жъ продолжалъ упорствовать въ намѣреніи изготовить сперва текстъ сочиненія для того, чтобы впослѣдствіи разрушить его критической провѣркой, и довелъ свою работу до 1689 года — провозглашенія Петра единодержавнымъ правителемъ государства. Тутъ онъ остановился, вѣроятно, потому, что дальше и нельзя было идти въ этомъ направленіи: масса преобразовательныхъ мѣръ монарха, требовавшая настоятельно классификаціи и тщательнаго разбора, загромождала дорогу. Пушкинъ перемѣнилъ манеру труда; онъ отказался отъ эпическаго разсказа и замѣнилъ его самымъ кропотливымъ подборомъ, въ хронологическомъ порядкѣ фактовъ и указовъ царствованія за каждый годъ, сопровождая выписки свои примѣчаніями для памяти, съ цѣлью, по всѣмъ вѣроятіямъ, воспользоваться тѣми и другими, когда достаточное количество собраннаго матеріала позволитъ приступить къ составленію уже настоящей исторіи.

Вотъ, эти именно примѣчанія Пушкина къ указамъ и событіямъ эпохи преобразователя — и тонъ, въ которомъ по-часту излагаются они, и составляютъ единственную существенную часть всего его труда. Въ нихъ обнаруживается тайная мысль историка, — та самая, которая неотступно преслѣдовала его и прежде, и которая теперь помѣшала ему довести до конца свое предпріятіе и написать задуманную книгу — несмотря на весь его талантъ и на все его трудолюбіе.

Чѣмъ яснѣе возставала передъ нимъ картина дѣятельности Петра, благодаря самому предпринятому сборнику, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось у Пушкина старое представленіе о геніальномъ императорѣ, какъ объ олицетвореніи страшной бури, одинаково сметающей передъ собой, безъ выбора и сожалѣнія, все, что ей встрѣчается на пути до тѣхъ поръ, пока не истощится сама собой ея природная, феноменальная сила. Завязтому типу людей Александровской эпохи, какимъ былъ Пушкинъ, казалась тяжелою ношею даже и благодарность за великіе отечественные подвиги, если они совершены съ помощію крутыхъ и нравственно-оскорбительныхъ мѣръ. Еще менѣе расположенъ былъ Пушкинъ, по личному характеру своему, оправдывать реформы, которыя шли на-перекоръ нѣкоторымъ существеннымъ народнымъ

Digitized by Google

особенностямъ, и возмущался ими, когда они не оставляли въ покоѣ частнаго, безвреднаго убѣжденія, или грубо затрогивали наивныя, простосердечныя вѣрованія. Большое разстройство въ сознаніе Пушкина внесено было соображеніемъ, что *не вся правда* цѣликомъ, и при всякомъ случаѣ, стояла на сторонѣ грознаго реформатора, а между тѣмъ мѣры, какія онъ принималъ для доставленія торжества своимъ ошибкамъ и погрѣшностямъ, ничуть не уступали въ энергіи и безпощадности мѣрамъ, съ помощью которыхъ онъ осуществлялъ и свои великія предначертанія: люди гибли, положенія уничтожались, общество колебалось уже въ пользу явной исторической невозможности, чему свидѣтельствомъ остался законъ о престолонаслѣдіи и друг. Сквозь призму своего установившагося воззрѣнія на Петра I, Пушкинъ видѣлъ или думалъ, что видитъ двойное лицо—геніальнаго созидателя государства и старый восточный типъ «*бича божія*». Рука Пушкина дрогнула. Уже много накопилось матеріаловъ для исторіи въ его сборникѣ и ждало только обработки, а онъ все не приступалъ къ ней. Онъ искалъ способа изобразить ликъ великаго государя, согласно со своимъ собственнымъ пониманіемъ его, и не оскорбляя оффиціальнаго міра, ожидавшаго безусловной апоѳеозы преобразователя, для чего собственно и были открыты ему государственные архивы. Пушкинъ такъ и умеръ, не отыскавъ способа примирить эти два совершенно противоположныя требованія, и все продолжалъ еще собирать матеріалы, какъ будто отъ количества ихъ ожидалъ совѣта, помощи и вдохновенія въ этомъ дѣлѣ.

Большая часть замѣтокъ и примѣчаній Пушкина, на которыхъ мы основываемъ выводы, здѣсь изложенные, отличаются чрезвычайно живымъ, критическимъ характеромъ. Извѣстно, что посмертное «Собраніе сочиненій Пушкина» издавалось, по волѣ государя, почти безъ участія цензуры; но, прилагая къ изданію свою обычную помѣтку о дозволеніи печатать (май и іюнь 1840 г.), цензура все-таки заявила мнѣніе о совершенной невозможности открыть право свободнаго обращенія въ публикѣ многимъ циническимъ приговорамъ и заключеніямъ автора. Мѣста эти и были выпущены по ея настоянію, лишивъ остальную часть труда почти всякаго интереса. Для оправданія цензуры того времени въ этомъ случаѣ достаточно сказать, что, по запальчивому тону и крайне рѣзкому выраженію мысли, замѣтки Пушкина и теперь, по прошествіи почти 50 лѣтъ со времени ихъ составленія, походятъ скорѣе на ожесточенныя тирады озлобленнаго человѣка, чѣмъ на вопросы и сомнѣнія ученаго. Выбираемъ изъ ряда

Digitized by Google

Пушкинскихъ замѣтокъ наиболѣе удобныя для сообщенія публикѣ понятія объ ихъ общемъ характерѣ:

«*1711—1714* г. У князя Меньшикова на фейерверкѣ на щитѣ надпись: «*Гдѣ же правда, тамъ и помощь божія*»; *однако Богъ помогъ не намъ*. Въ сіе же время изданъ тиранскій указъ о запрещеніи во всемъ государствѣ каменнаго строенія.—*1715*. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ: онъ повелѣлъ приготовлять юфть по новымъ способамъ, по обыкновенію своему, угрожая за ослушаніе кнутомъ и каторгою.—*1718*. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.—*1721*. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень, принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также и о платежѣ заимодавцамъ. NB. Сей законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ изъ коего онъ проистекаетъ — самъ по себѣ, несправедливость и жестокость. Отъ гнилаго корня отпрыскъ живой.—*1721*. Сенатъ и синодъ подносятъ ему титулъ Отца отечества, Всероссійскаго императора и Петра Великаго. Петръ не долго церемонился и принялъ его. Сенатъ (т.-е., восемь стариковъ) прокричали: vivat! Петръ отвѣчалъ рѣчью гораздо болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ это все торжество.—*1722*. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе.—*1722*. Манифестъ о правѣ наслѣдства, т.-е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства, и отдалъ престолъ на произволеніе...»

И такъ далѣе. Наиболѣе рѣзкимъ словомъ отличаются замѣтки, касающіяся женитьбы Петра на Екатеринѣ магдебургской; процесса царевича Алексѣя, гдѣ встрѣчается такое утвержденіе: «Петръ хвастался своей жестокостію»; процесса несчастныхъ Монсовъ и обстановки, сопровождавшей смерть реформатора.

Значило-ли все это, что Пушкинъ не обладалъ надлежащимъ органомъ для пониманія великой государственной стороны въ дѣятельности Петра I, что онъ лишенъ былъ способности чутья и распознаванія великихъ идей, управляющихъ поступками геніальныхъ людей? Далеко отъ того! Пониманіе величія задачи, поставленной себѣ преобразователемъ, и благоговѣніе передъ силой и ясностію, съ которыми онъ проводилъ ее въ народъ, Пушкинъ обнаруживалъ не разъ въ теченіи своей поэтической дѣятельности. Онъ не выдержалъ только восторженнаго настроенія своихъ стихотвореній, посвященныхъ имени Петра, когда ближе подошелъ къ жизненнымъ подробностямъ его царствованія и услы-

Digitized by Google

шалъ, такъ сказать, вопли жертвъ и шумъ развалинъ, падавшихъ подъ ударами преобразователя, расчищавшаго дорогу новому порядку дѣлъ и новымъ идеямъ. Художническая натура Пушкина мѣшала ему сдѣлаться трезвымъ историкомъ. Ему недоставало сухости воображенія, необходимой для того, чтобы хладнокровно взвѣшивать и опредѣлять цѣну роковыхъ событій, не чувствуя страшной, раздирающей драмы подъ ними, и не смущаясь ею, когда она выступаетъ наружу. Поэтическая способность переноситься всецѣло въ дальнія эпохи и жить съ ними, какъ-бы въ качествѣ ихъ современника, мѣшала ему исполнять обязанности историка. Онъ слишкомъ любилъ побѣжденныхъ и проигравшихъ свое дѣло, слишкомъ возмущался, когда побѣдители кичливо предавались торжеству, хотя бы послѣднее было вынесено самымъ историческимъ ходомъ дѣлъ и необходимостію. Въ числѣ его замѣтокъ находится одна, весьма важная, которая показываетъ, что онъ радъ былъ встрѣтиться на пути своихъ изслѣдованій съ соображеніями, которыя открывали ему возможность войти въ роль безстрастнаго судьи и резонёра гораздо полнѣе, чѣмъ онъ дѣлалъ это доселѣ:

«Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды *ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости;* вторые — нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые—вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика.

«*NB. Это внести въ исторію Петра, обдумавъ*».

Итакъ, вотъ та твердо поставленная программа, изъ которой долженъ былъ у Пушкина возникнуть образъ великаго монарха. Самъ собой рождается при этомъ вопросъ — была ли возможность этой программѣ, по времени, осуществиться на-дѣлѣ? Прежде всего тутъ бросается въ глаза нѣсколько искусственное дѣленіе цѣльной фигуры преобразователя на двѣ части, имѣющія каждая свое особенное выраженіе. Очень много возраженій способно вызвать такое предполагаемое раздвоеніе политической дѣятельности у Петра I, такъ какъ источникъ ея, при всемъ ея разнообразіи, былъ одинъ и тотъ же — сознаніе могущества самодержавной власти, вѣра въ дѣло, заботливость о будущемъ государства, непреклонная воля. Все это уравнивало передъ лицомъ реформатора всѣ сферы общества и администраціи и клало одинаковую печать

Digitized by Google

на всѣ его распоряженія, великія и малыя, безъ различія. Государственныя учрежденія, несмотря на свое коллегіальное устройство, слѣдили за всякимъ настроеніемъ учредителя и предупреждали его, не вѣря въ свою самостоятельность; въ частныхъ, хозяйственныхъ предписаніяхъ могущественнаго «помѣщика» легко усмотрѣть не малую долю благожелательства и мудрости, несмотря на ихъ жестокую форму, которая такъ возмущала Пушкина. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, слѣдуетъ остановиться еще на другомъ. Если бы Пушкину и удалось, силой большого таланта, провести искусно и счастливо параллель своей программы въ историческомъ изложеніи—кого бы она удовлетворила?—Большинство публики и весь оффиціальный міръ ждали отъ поэта просто лучезарнаго лика Петра I и, конечно, возмутились бы всякимъ яркимъ пятномъ, которое бы на немъ примѣтили; съ другой стороны, даже и позволеніе на самый осторожный и необходимый, по существу дѣла, вводъ тѣней въ образъ монарха Пушкинъ принужденъ былъ бы покупать цѣною едва-внятныхъ намековъ, полу-откровеній, недоговоренныхъ мыслей, что́ лишило бы его трудъ всякаго наукообразнаго значенія въ глазахъ свѣдущихъ и компетентныхъ судей. Въ виду разнообразныхъ и одинаково настоятельныхъ требованій, успѣхъ исторіи становился сомнительнымъ, какую бы дорогу, впрочемъ, самъ авторъ ни выбралъ. При такихъ условіяхъ труда, естественно, что онъ долженъ былъ остановиться у Пушкина—и остановился дѣйствительно.

Какъ-бы предчувствуя свою неудачу, Пушкинъ успѣлъ открыть для себя въ архивахъ побочное дѣло, которое утѣшило его отчасти за медленный ходъ главной работы. Часто случается, что изслѣдователь, свободно и довѣрчиво допущенный ко всѣмъ сокровищамъ богатаго книгохранилища, знакомится тамъ съ документами, не касающимися прямо его предмета, но въ высшей степени интересными. Такимъ документомъ, завладѣвшимъ всѣмъ вниманіемъ Пушкина, оказалось дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ: оно сразу пробудило въ немъ производительную энергію, которая дремала за составленіемъ все разраставшагося сборника петровскихъ указовъ и крупныхъ чертъ его жизни и примѣчаній къ нимъ. Правда, что это второстепенное, побочное дѣло прямо перенесло Пушкина въ сферу творчества, въ ту сферу, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ и господиномъ своего таланта. Выписывая оффиціальныя данныя о Пугачевскомъ бунтѣ и передѣлывая ихъ въ простой, чрезвычайно сдержанный и строгій разсказъ—Пушкинъ въ то же время воплощалъ духъ эпохи, и представлялъ картину событія и жизненныя его подробности въ мастерскомъ ро-

Digitized by Google

манѣ,—извѣстной «Капитанской дочкѣ». Эта образцовая историческая повѣсть зачалась въ архивной пыли, выросла на донесеніяхъ, промеморіяхъ, слѣдственныхъ процессахъ, снятыхъ ея авторомъ съ молчаливыхъ полокъ, гдѣ они такъ долго покоились, а закончилась въ одной изъ уральскихъ станицъ, куда въ слѣдующемъ 1833 году Пушкинъ отправился черезъ Казань, Симбирскъ и Оренбургъ для провѣрки и осмотра мѣста дѣйствій, какъ своего романа, такъ и своей исторіи. Эти близнецы назначены были пополнять одинъ другого.

Исторію Пугачевскаго бунта, которую озаглавить Пушкинъ хотѣлъ первоначально народнымъ, генерическимъ прозвищемъ всей эпохи: «*Пугачевщина*», нельзя назвать въ настоящемъ смыслѣ слова исторіей. Это скорѣе дѣльная, хорошо составленная *докладная записка*, назначенная для быстраго ознакомленія съ предметомъ читателя, который бы поинтересовался имъ,—чѣмъ и объясняется ея хладнокровный, чисто объективный и невозмутимый тонъ, который такъ восхищалъ друзей поэта, и, между прочимъ, Н. В. Гоголя, когда она явилась въ печати. Всѣ краски, бытовыя подробности, вся живость изображенія этой русской «жакеріи» выпали на долю «Капитанской дочки». Извѣстно—какимъ изяществомъ постройки она отличается, какимъ добродушнымъ юморомъ вѣетъ отъ описанія патріархальныхъ порядковъ того времени и созданія типическихъ характеровъ въ духѣ эпохи...

Романъ и историческая записка составили какъ-бы отдыхъ для Пушкина, явились чѣмъ-то въ родѣ его *междудѣлія*, которое однакоже еще сильнѣе напоминало ему самому и всѣмъ другимъ о главной задачѣ, за нимъ еще числящейся. Первенствующій его трудъ не подвигался впередъ, даже собственно говоря не начинался вовсе, а нетерпѣніе публики видѣть первые его всходы росло съ года на годъ. По разсказамъ приближенныхъ Пушкина, его особенно тревожила мысль, что долгіе сборы его на заложеніе фундамента исторіи—будутъ приписаны, пожалуй, отвращенію къ герою ея, могутъ показаться бѣгствомъ съ поля сраженія, или, что еще хуже, дадутъ поводъ подозрѣвать его въ преднамѣренномъ обманѣ... Пушкинъ никогда не терялъ надежды найти выходъ изъ раздвоеннаго психическаго состоянія, въ какомъ находился по отношенію къ личности Петра I. Онъ продолжалъ свои работы, и еще въ предпослѣдній годъ своей жизни (1836) уѣхалъ въ Москву и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тамошнемъ архивѣ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Но это было уже только поискомъ дополнительныхъ свѣдѣній, потому что главныя подго-

Digitized by Google

товительныя работы были кончены еще въ прошломъ 1835 г., какъ оказывается изъ подписи на послѣдней страницѣ его сборника матеріаловъ: «15 декабря 1835».

Заканчивая нашъ опытъ передачи, по неизданнымъ документамъ, политическихъ и общественныхъ идеаловъ Пушкина, не можемъ обойтись безъ послѣдней замѣтки. Идеалы поэта могутъ показаться теперь несостоятельными въ своей сущности, построенными на данныхъ, чуждыхъ русской жизни; утопическій, мечтательный ихъ характеръ можетъ быть обсуждаемъ и осуждаемъ болѣе или менѣе строго, а научная сторона ихъ — не выдерживать повѣрки и проч.; но человѣкъ, лелеявшій подобные идеалы *пятьдесятъ* лѣтъ тому назадъ, останется внѣ приговоровъ и заключеній, какіе-бы ни дѣлали о его ученіяхъ и теоретическихъ взглядахъ. Онъ всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ при жизни — представителемъ типа гуманнаго развитія въ свою эпоху, примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство, и всю жизнь обнаруживалъ неустанную энергію въ проповѣди справедливыхъ, честныхъ отношеній между людьми, за что́ и подвергался часто обвиненію въ безпокойномъ либерализмѣ, — который, наконецъ, всею душою постоянно желалъ для своей родины умноженія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденнаго всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи...

П. Анненковъ.

Май, 1880 г.

Digitized by Google

* *
*

Все глубже, все мрачнѣй души моей покой,
Все рѣже краткія минуты пробужденья;
И сонъ—постыдный сонъ, тяжелой пеленой
Окуталъ всѣ мечты, всѣ чувства, всѣ стремленья!

Ни воли нѣтъ, ни силъ стряхнуть его—кругомъ
Окинуть божій міръ пытливымъ, яснымъ окомъ;
Не умилится взоръ красою и добромъ,
Не возмутится онъ ни грязью, ни порокомъ!

Дыханье новыхъ думъ, потоки свѣжихъ силъ
Не пробудятъ надеждъ, любви и жажды дѣла;
Обманы умерли—и жизнь средь ихъ могилъ,
Какъ нищему сума пустая, надоѣла!

Но тайную одну мечту лелеетъ грудь,
Одно не умерло завѣтное стремленье—
И прежде чѣмъ на вѣкъ умолкнуть и заснуть,
Хотѣлось бы его увидѣть исполненье:

Да, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ родился поэтъ
Могучій, полный грёзъ, огня и вдохновенья,
Чтобъ пѣсню онъ запѣлъ—и громомъ пробужденья
Откликнулись сердца на нѣсни той привѣтъ!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

26-го мая, 1880 г.

Digitized by Google

НАПОЛЕОНЪ

ЗА КУЛИСАМИ И НА СЦЕНѢ

—Mémoires de Madame de Rémusat—1802-1808—publiés avec une préface et des notes pas son petit-fils Paul de Rémusat, sénateur de la Haute-Garonne. 3 vol. Paris. 1880.

Если чье-нибудь имя наполняетъ собою десятки лѣтъ и не перестаетъ интересовать позднѣйшія поколѣнія,—это вѣрный знакъ, что такая личность въ свое время отвѣчала потребностямъ эпохи и формулировала собою ея идеалы,—что вліяніе этой личности на умы людей не изгладилось и въ памяти слѣдующихъ поколѣній. Надъ своими современниками такія личности, какъ Наполеонъ I, царятъ безусловно. Еще недавно, у насъ, г. Эмиль Зола, характеризуя Стендаля, вѣрно замѣтилъ, что очарованіе Наполеономъ доводило людей той эпохи до какого-то умопомраченія. Лучшіе люди первыхъ двухъ четвертей нынѣшняго столѣтія, и всѣхъ странъ, не избѣжали этого рокового вліянія. Пушкинъ, объявившій по смерти Наполеона, что «міръ опустѣлъ», Лермонтовъ, Гейне, Альфредъ де-Мюссé, Беранже—всѣ заплатили дань этому обаянію. Послѣдній, котораго не безъ основанія упрекали во Франціи въ томъ, что онъ способствовалъ созданію такъ называемой «Наполеоновской легенды», правда, нашелъ нужнымъ признать свое ослѣпленіе въ извѣстномъ стихотвореніи:

«Si j'ai chanté le grand capitaine» и т. д.

и окончилъ мольбою о пощадѣ:

«Ah! pardonnez au pauvre chansonnier!»

Digitized by Google

Для разгадки такихъ личностей служатъ лучше всего мемуары, подобные тѣмъ, какіе оставила по себѣ m-me де-Ремюза, бывшая *dame de palais* императрицы Жозефины: тутъ мы видимъ Наполеона одновременно и за кулисами, и на сценѣ. Эти мемуары написаны лицомъ, близко знавшимъ его, видавшимъ его въ обыденной жизни, запросто, во всякія минуты жизни, подъ давленіемъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ и впечатлѣній; кромѣ того, они написаны съ большой искренностью и правдивостью. Всего характернѣе выступаетъ Наполеонъ въ своихъ собственныхъ рѣчахъ, передаваемыхъ авторомъ —это чувствуется— съ фотографической почти вѣрностью. Что это такъ, что авторъ сообщаетъ именно мысли и разсужденія самого Наполеона, а не подсказываетъ ихъ ему, явствуетъ уже изъ того, что эти мысли, несмотря на ихъ нѣкоторую иногда парадоксальность, очевидно, превышаютъ умственный уровень самого автора, какой можно было бы предполагать въ немъ. Притомъ, этимъ мемуарамъ нельзя отказать даже въ нѣкоторой художественности,—въ такой степени они изобилуютъ мѣткими и живыми характеристиками лицъ, окружавшихъ Наполеона. Но за то тамъ, гдѣ авторъ говоритъ *отъ себя*, гдѣ онъ не описываетъ, а философствуетъ и морализируетъ, читатель ясно усматриваетъ громадную пропасть, отдѣляющую умъ этой скромно-либеральной и образованной буржуазки, отъ глубокаго, всесторонняго, безпощаднаго въ своемъ анализѣ человѣческой природы и человѣческихъ страстей ума человѣка, во всякомъ случаѣ необыкновеннаго.

Жизнь самой г-жи де-Ремюза не настолько интересна, чтобы о ней распространяться. Достаточно сказать въ двухъ словахъ, что она была дочерью одного Conseiller au parlement de Bourgogne, г. де-Верженнъ, погибшаго на эшафотѣ 24 іюля 1794 г., т.-е. за три дня до паденія Робеспьерра. Въ 1796 г. она вышла замужъ, шестнадцати лѣтъ отъ роду, за г. де-Ремюза, отца извѣстнаго писателя и сподвижника Тьера, Шарля де-Ремюза. Мать ея, г-жа де-Верженнъ была знакома съ Жозефиной де-Богарне, которая въ 1796 г. вышла замужъ за Бонапарта. Когда послѣдняя стала всесильной, г-жа де-Верженнъ искала ея покровительства для своего зятя, г. де-Ремюза, желавшаго поступить въ государственный совѣтъ или въ администрацію. Но первый консулъ или его жена рѣшили иначе: уваженіе, которымъ пользовалась г-жа де-Верженнъ, ея общественное положеніе, ея имя, принадлежавшее отчасти старому порядку, отчасти новымъ идеямъ, придавали въ ту пору нѣкоторую цѣну отношеніямъ консульскаго дворца къ ея фамиліи. Де-Ремюза былъ назначенъ

Digitized by Google

въ 1802 г. дворцовымъ префектомъ. Вскорѣ затѣмъ и его жена сдѣлалась *dame pour accompagner* m-me Бонапартъ, что вскорѣ составило особый титулъ: *dame de palais*.

I.

Мнѣ было двадцать два года, когда я была назначена dame de palais при m-me Бонапартъ. Осенью 1802 года я переселилась въ Сенъ-Клу, гдѣ тогда находился первый консулъ. Насъ было четыре dames de palais, и мы поочереди дежурили по недѣлѣ при m-me Бонапартъ. Губернаторъ дворца, Дюрокъ, жилъ въ Сенъ-Клу; онъ велъ весь домъ въ большомъ порядкѣ; мы обѣдали у него. Консулъ обѣдалъ одинъ съ женой; онъ два раза въ недѣлю приглашалъ членовъ правительства; разъ въ мѣсяцъ въ Тюльери давались большіе обѣды на сто персонъ, и послѣ обѣда происходилъ пріемъ лицъ, занимавшихъ сколько-нибудь важный постъ въ военной или гражданской службѣ, а также и именитыхъ иностранцевъ. Зимою 1803 г. мы были еще въ мирѣ съ Англіей. И это привлекло много англичанъ въ Парижъ,—а такъ какъ ихъ появленіе было въ диковину, то они возбуждали большое любопытство.

На этихъ блестящихъ собраніяхъ царствовала большая роскошь. Первый консулъ любилъ, чтобы женщины были нарядно одѣты, и изъ разсчета или изъ личнаго вкуса поощрялъ страсть къ нарядамъ у жены и у сестеръ. Въ первые мѣсяцы моего пребыванія, какъ въ Сенъ-Клу, такъ и въ Парижѣ, зимою жизнь мнѣ казалась довольно пріятною. Дни проходили съ большою правильностью. Поутру, около восьми часовъ, Бонапартъ покидалъ спальню и уходилъ въ свой кабинетъ; въ Парижѣ онъ приходилъ къ ней завтракать, а въ Сенъ-Клу завтракалъ одинъ и часто на террасѣ, расположенной вровень съ его кабинетомъ. За завтракомъ онъ принималъ артистовъ, актеровъ. Онъ охотно тогда разговаривалъ и съ большимъ добродушіемъ. Послѣ того, занимался общественными дѣлами до шести часовъ. М-me Бонапартъ оставалась у себя, принимала по утру безчисленное множество визитовъ, главнымъ образомъ женщинъ, чьи мужья принадлежали къ правительству, или тѣхъ, которыхъ величали *de l'ancien régime*, не хотѣвшихъ, чтобы считали, что они входятъ въ сношенія съ первымъ консуломъ, но черезъ жену его хлопотавшихъ о примиреніи или о возвращеніи имущества. М-me Бонапартъ принимала всѣхъ съ обольстительной любезностью;

Digitized by Google

она все обѣщала, чего хотѣли, и отпускала каждаго довольнымъ. Проекты, правда, иногда затеривались, но ей приносили другіе, а она никогда не уставала выслушивать просителей.

Въ Парижѣ обѣдали въ шесть часовъ; въ Сенъ-Клу ѣздили послѣ обѣда кататься, консулъ одинъ въ коляскѣ съ женой, мы всѣ въ другихъ экипажахъ. Братья Бонапарта, Евгеній де-Богарне, его сестры, могли пріѣзжать къ обѣду. Иногда пріѣзжала m-me Луи-Бонапартъ. Разъ или два въ недѣлю присылали маленькаго Наполеона, того, который умеръ послѣ въ Голландіи. Бонапартъ, повидимому, очень любилъ этого ребенка, и возлагалъ на него большія надежды въ будущемъ. Быть можетъ, только поэтому онъ и отличалъ его,—по крайней мѣрѣ, Талейранъ разсказывалъ мнѣ, что когда вѣсть о его смерти пришла въ Берлинъ, Бонапартъ казался такъ мало тронутымъ, что въ ту минуту, какъ онъ готовился показаться публикѣ, Талейранъ нашелъ нужнымъ ему замѣтить: «вы забыли, что у васъ семейное горе, и что вамъ нужно имѣть слегка печальный видъ». —«Мнѣ некогда думать о мертвецахъ», отвѣчалъ Бонапартъ.

Послѣ обѣда консула, намъ приходили сказать, что мы можемъ идти наверхъ. Смотря по тому, былъ ли онъ въ хорошемъ или въ дурномъ расположеніи духа, бесѣда длилась болѣе или менѣе. Затѣмъ онъ уходилъ, и мы больше обыкновенно его не видѣли. Онъ снова садился за работу, давалъ частныя аудіенціи, принималъ министровъ и рано ложился спать. M-me Бонапартъ играла въ карты, чтобы занять вечеръ. Между десятью и одиннадцатью часами ей приходили сказать: «Madame, первый консулъ уже легъ въ постель»,—и тогда она насъ отпускала.

Здѣсь будетъ кстати привести портретъ Наполеона, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ пера m-me де-Ремюза́.

Бонапартъ небольшого роста, довольно нескладенъ, потому что у него слишкомъ длинное туловище посажено на короткія ноги. Волосы у него рѣдкіе и каштановаго цвѣта, глаза сѣро-голубые; цвѣтъ лица отливалъ желтизной, пока онъ былъ худощавъ, а затѣмъ сталъ матово-блѣднымъ, безъ всякаго признака румянца. Форма лба, строеніе глаза, линія носа—все это прекрасно, и напоминаетъ античныя медали. Ротъ, немного плоскій, принимаетъ пріятное выраженіе, когда онъ смѣется; зубы хорошіе, подбородокъ короткій, а челюсть массивная и четырехугольная; рука и нога красивы; упоминаю объ этомъ потому, что онъ самъ щеголялъ ими.

У него что-то стремительное въ фигурѣ; глаза, обычно тусклые, придаютъ лицу, когда оно въ покоѣ, меланхолическое и созер-

Digitized by Google

цательное выраженіе. Когда гнѣвъ воодушевляетъ его, взглядъ его дѣлается суровымъ и грознымъ. Смѣхъ ему идетъ, онъ придаетъ ему кроткое выраженіе и молодитъ его. Трудно бывало не увлечься имъ, когда онъ смѣялся,—до такой степени смѣхъ измѣнялъ его лицо и шелъ къ нему. Костюмъ его всегда бывалъ очень простъ; онъ носилъ обыкновенно одинъ изъ мундировъ своей гвардіи. Помню, наканунѣ его коронаціи, новоиспеченные имъ маршалы пришли показаться ему въ своихъ нарядныхъ костюмахъ. Контрастъ ихъ разволоченныхъ мундировъ съ его простымъ платьемъ заставилъ его усмѣхнуться. Я находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; увидя, что я тоже улыбаюсь, онъ мнѣ сказалъ вполголоса: «не всѣ имѣютъ право одѣваться просто». Нѣсколько секундъ спустя, маршалы стали спорить о старшинствѣ и попросили императора регулировать порядокъ ихъ шествія въ церемоніи. Претензіи свои каждый оправдывалъ причисленіемъ своихъ побѣдъ. Бонапартъ слушалъ ихъ и продолжалъ ловить мои взгляды: «Мнѣ кажется», сказала я ему, «что вы сегодня топнули на всю Францію, говоря:—пусть все тщеславіе, скрывающееся въ ней, выростетъ изъ-подъ земли!»—Это правда, отвѣчалъ онъ мнѣ; но дѣло въ томъ, что французами очень легко управлять посредствомъ тщеславія».

По словамъ m-me Ремюзá, императоръ не любилъ никого изъ своихъ маршаловъ.

Онъ охотно говорилъ дурно о нихъ, и часто эти отзывы были самаго серьёзнаго свойства. Онъ всѣхъ ихъ обвинялъ въ страшной алчности, которую намѣренно развивалъ въ нихъ своей безконечной щедростью. Разъ онъ всѣхъ ихъ перебралъ въ моемъ присутствіи и высказалъ о Давý такого рода приговоръ:—Давý такой человѣкъ, что я безнаказанно могу окружать его славой; онъ не съумѣетъ справиться съ ней. Говоря про маршала Нея:—въ немъ есть,—сказалъ онъ,—расположеніе къ неблагодарности и мятежу; если бы мнѣ суждено было умереть отъ руки маршала, то можно было бы побиться объ закладъ, что этимъ маршаломъ былъ бы Ней». Я помню изъ его разговоровъ, что Монсэ, Брюнъ, Бессьеръ, Викторъ, Удинó представлялись ему людьми ничтожными, которымъ суждено всю жизнь оставаться титулованными солдатами; Массенá—человѣкомъ отжившимъ, но когда-то внушавшимъ ему зависть. Сультъ тревожилъ его по временамъ; ловкій, рѣзкій, высокомѣрный, онъ торговался съ своимъ господиномъ и навязывалъ свои условія. Императоръ импонировалъ Ожерó, у котораго было больше неотесанности въ манерахъ, нежели истинной твердости въ характерѣ. Онъ зналъ и довольно

Digitized by Google

безнаказанно оскорблялъ тщеславныя претензіи Мармона, равно какъ и вѣчное недовольство Макдональда. Ланнъ былъ его товарищемъ, и иногда этотъ маршалъ стремился напомнить объ этомъ; тогда его очень мягко сокращали. Бернадоттъ казался умнѣе, чѣмъ остальные, и часто жаловался на обращеніе Наполеона, да, по правдѣ сказать, онъ его часто очень обижалъ.

Какъ бы то ни было, манера, съ какой императоръ сдерживалъ, удовлетворялъ или безнаказанно оскорблялъ людей, столь надменныхъ, столь преисполненныхъ своей славой, была весьма замѣчательна.

Вообще Наполеонъ былъ невысокаго мнѣнія о людяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ про Шатобріана:—«Для меня затруднительно—не купить Шатобріана, а заплатить ему ту сумму, въ какую онъ себя цѣнитъ».

Возвращаясь къ описанію привычекъ и образа жизни Наполеона, продолжаемъ словами m-me Ремюзá:

Бонапартъ былъ чистоплотенъ, скорѣе по системѣ, нежели по вкусу; онъ часто бралъ ванну, иногда среди ночи, потому что считалъ, что это очень полезно для его здоровья. Но поспѣшность, съ какой онъ вообще все дѣлалъ, не позволяла ему тщательно одѣваться, и въ парадныхъ случаяхъ лакеямъ приходилось ловить моменты, чтобы одѣть его какъ слѣдуетъ. Онъ не умѣлъ носить никакихъ украшеній; всякое стѣсненіе казалось ему нестерпимымъ. Онъ срывалъ или ломалъ все, что́ ему хоть сколько-нибудь мѣшало. За туалетомъ онъ бывалъ довольно молчаливъ, если только между нимъ и Корвизаромъ не возникало спора по какому-нибудь медицинскому вопросу. Во всѣхъ вещахъ онъ любилъ схватывать сущность дѣла, и если ему говорили про чью-нибудь болѣзнь, его первымъ вопросомъ было: «Умретъ онъ?» Онъ не любилъ неопредѣленныхъ отвѣтовъ и заключалъ изъ нихъ о несовершенствѣ медицины.

Ему стоило большихъ трудовъ привыкнуть самому бриться. М-г де-Ремюзá убѣдилъ его привыкнуть къ этому, видя, какое волненіе и даже тревогу испытывалъ онъ во все время, пока эта операція производилась цирюльникомъ. Послѣ многихъ опытовъ, когда, наконецъ, онъ справился съ бритьемъ, ему случалось высказывать, что, посовѣтовавъ ему бриться самому, ему оказали большую услугу. Когда Бонапартъ сталъ царствовать, онъ такъ привыкъ считать ни во что всѣхъ своихъ окружающихъ, что это пренебреженіе къ другимъ людямъ отражалось на всѣхъ его привычкахъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о пристойности, какую развиваетъ въ человѣкѣ хорошее воспитаніе, и совершалъ

Digitized by Google

весь свой туалетъ, не стѣсняясь присутствующими, кто бы они ни были. Точно такъ, если лакей возбуждалъ въ немъ нетерпѣніе, одѣвая его, онъ терялъ терпѣніе, не стыдясь ни себя, ни другихъ. Онъ бросалъ на насъ или въ огонь то платье, которое ему не нравилось. Въ особенности онъ холилъ свои руки и ногти; для него требовался всегда большой запасъ ножницъ для ногтей, потому что онъ ломалъ или бросалъ ихъ, если они оказывались недостаточно остры. Никогда онъ не употреблялъ никакихъ духовъ, и довольствовался одеколономъ, которымъ въ такомъ изобиліи поливалъ свою персону, что его выходило у него до шестидесяти стклянокъ въ мѣсяцъ. Онъ считалъ употребленіе одеколона очень здоровымъ.

Я сказала, что улыбка Бонапарта была плѣнительна; но во все время, какъ я его видѣла, онъ рѣдко улыбался. Серьёзность лежала въ основаніи его характера. Въ молодости онъ былъ задумчивъ; позднѣе сталъ печаленъ, а еще позднѣе все это перешло почти въ непрерывное нерасположеніе духа. Когда я знала его, онъ очень любилъ все, что располагало къ мечтательности: Оссіана, полусвѣтъ, печальную музыку. Я слыхала, какъ онъ восторгался завываніемъ вѣтра, съ восхищеніемъ говорилъ о ропотѣ моря; онъ выказывалъ расположеніе вѣрить въ ночныя видѣнія; вообще имѣлъ склонность къ предразсудкамъ. Когда онъ приходилъ изъ своего кабинета въ гостиную жены, то приказывалъ иногда закрывать свѣчи бѣлымъ газомъ; предписывалъ намъ глубокое молчаніе и охотно разсказывалъ или выслушивалъ исторіи о привидѣніяхъ; или же слушалъ негромкую музыку, исполняемую итальянскими пѣвцами подъ аккомпаниментъ немногихъ инструментовъ, съ слабымъ звукомъ. Тогда онъ впадалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой никто не смѣлъ его вывести, не смѣлъ пошевелиться или тронуться съ мѣста. Отъ такихъ припадковъ задумчивости, онъ какъ будто отдыхалъ и дѣлался веселѣе и сообщительнѣе. Онъ довольно охотно въ такихъ случаяхъ передавалъ свои впечатлѣнія, и объяснялъ дѣйствіе музыки на него, высказывая предпочтеніе къ музыкѣ Паэзіелло: «потому что, говорилъ онъ, она монотонна, а только тѣ впечатлѣнія, которыя повторяются, способны овладѣвать нами». Геометрическія привычки его ума постоянно побуждали его анализировать даже свои ощущенія. Бонапартъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе размышляли о *причинахъ*, руководящихъ человѣческими дѣйствіями. Разбирая самого себя по ниточкѣ, вѣчно откапывая тайную пружину всѣхъ своихъ поступковъ, онъ никогда не понималъ той естественной безпечности,

Digitized by Google

въ силу которой иногда говоришь и дѣйствуешь безъ всякаго умысла и цѣли. Поэтому, судя о другихъ по самому себѣ, онъ нерѣдко заблуждался, и его выводы и дѣйствія, къ которымъ они его побуждали, оказывались ошибочными.

Бонапартъ человѣкъ невоспитанный; онъ какъ-бы невозвратно обреченъ жить въ походной палаткѣ, гдѣ все равно, или на тронѣ, гдѣ все дозволено. Онъ не умѣетъ ни войти, ни выдти изъ комнаты; не умѣетъ кланяться, садиться, вставать съ мѣста. Жесты его рѣзки и порывисты, а равно и рѣчи. Въ его устахъ итальянскій языкъ утрачиваетъ все свое изящество. На какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ, этотъ языкъ всегда казался ему чуждымъ; ему приходится какъ будто искать выраженій. Впрочемъ, всякое неизмѣнное правило представляется ему нестерпимымъ стѣсненіемъ; всякая вольность, какую онъ себѣ разрѣшаетъ, нравится ему какъ побѣда, и въ жизнь свою онъ ничего не хотѣлъ уступить даже грамматикѣ.

Онъ разсказывалъ, что въ молодости любилъ романы столько же, сколько и точныя науки. Но кажется, что, къ несчастію, онъ нападалъ на самые плохіе изъ этого рода сочиненій, однако такъ живо помнилъ удовольствіе, доставленное ему ихъ чтеніемъ, что когда женился на эрцгерцогинѣ австрійской, то далъ ей читать «Hippolyte, comte de Douglas, et les Contemporaines», чтобы «она получила понятіе, говорилъ онъ, о деликатности чувствъ и свѣтскихъ приличіяхъ».

Умъ у него замѣчательный, но душа, надо сознаться, низкая. Никакого великодушія, никакого истиннаго величія. Я никогда не слыхала, чтобы онъ восхитился великодушнымъ поступкомъ и понялъ его. Онъ всегда не довѣрялъ добрымъ чувствамъ; онъ нисколько не цѣнилъ искренности и не боялся высказывать, что видитъ превосходство человѣка въ бо́льшемъ или мѣньшемъ искусствѣ, съ какимъ онъ лжетъ, и по этому поводу съ удовольствіемъ разсказывалъ, что одинъ изъ его дядей въ дѣтствѣ его предсказывалъ ему, что онъ будетъ управлять вселенной, потому что постоянно лжетъ. — «Меттерних совсѣмъ почти годится въ государственные люди, — говаривалъ онъ также, — онъ очень хорошо лжетъ». Всѣ средства, которыя Бонапартъ избиралъ, чтобы управлять людьми, клонились къ ихъ униженію. Онъ боялся привязанностей, старался изолировать каждаго и продавалъ свои милости цѣною вѣчной тревоги; онъ думалъ, что настоящая манера привязать къ себѣ людей заключается въ томъ, чтобы скомпрометтировать и даже погубить ихъ въ общемъ мнѣніи. Нельзя сказать, чтобы онъ любилъ славу; онъ всегда

Digitized by Google

предпочиталъ ей успѣхъ; поэтому необыкновенно смѣлый, когда ему везло, онъ смущался и робѣлъ, когда удача покидала его, и въ этомъ отношеніи характеристично его собственное признаніе, котораго я никогда не могла забыть.

Однажды, это было послѣ пораженія при Лейпцигѣ, когда, вернувшись въ Парижъ, онъ собиралъ обломки арміи для обороны нашихъ границъ, онъ говорилъ съ Талейраномъ о неуспѣхѣ войны съ Испаніей и затрудненіяхъ, въ какія она его ставитъ. Онъ вполнѣ откровенно высказывался съ высокомѣрнымъ сознаніемъ превосходства, позволяющаго ничего не скрывать. Во время этого самаго разговора Талейранъ вдругъ замѣтилъ ему:— Кстати, вѣдь, вы совѣтуетесь со мной, точно мы и не въ ссорѣ? Бонапартъ ему отвѣчалъ:—Ахъ! всему свое время. Оставимъ прошлое и будущее, и скажите свое мнѣніе о настоящемъ.

— Если такъ,—отвѣчалъ Талейранъ,—то вамъ остается только одно: вы ошиблись, надо высказать это и высказать благородно. Итакъ, объявите, что, будучи королемъ по выбору народовъ, избранникомъ націй, вы не имѣли намѣренія дѣйствовать противъ нихъ, что, когда вы начали войну съ Испаніей, вы думали только освободить народъ отъ ига ненавистнаго министра, поощряемаго слабостью короля, но что, ближе ознакомившись съ дѣломъ, вы видите, что испанцы, хотя и сознаютъ ошибки своего короля, тѣмъ не менѣе привержены къ его династіи; что вы вернете имъ эту династію для того, чтобы не говорили, что вы противитесь національному желанію. Послѣ этой прокламаціи, возвратите свободу королю Фердинанду и отзовите свои войска. Такое сознаніе сдѣлаетъ вамъ честь, а вы слишкомъ сильны, чтобы его приняли за подлость.

— Подлость?—повторилъ Бонапартъ:—эхъ! вотъ бѣда! Знайте, что я никогда не побоюсь сдѣлать подлость, если она можетъ мнѣ быть полезна. Въ сущности, знайте, что нѣтъ ничего въ мірѣ благороднаго или низкаго; у меня въ характерѣ есть все, что́ можетъ содѣйствовать укрѣпленію власти и обмануть тѣхъ, которые утверждаютъ, что знаютъ меня. Откровенно говоря, я *подлецъ, настоящій подлецъ;* даю вамъ честное слово, что безъ всякаго отвращенія сдѣлаю, что́ люди именуютъ безчестнымъ поступкомъ. Мои тайныя наклонности, въ сущности лишь вѣрныя природѣ, идутъ въ разрѣзъ съ притворнымъ величіемъ, въ которое мнѣ приходится рядиться, и помогаютъ мнѣ обманывать всѣхъ людей. Итакъ, въ настоящую минуту все сводится къ тому, чтобы разобрать: согласно ли то, что вы мнѣ совѣтуете, съ моей теперешней политикой, да еще сообразить (при-

Digitized by Google

бавилъ онъ съ сатанинской улыбкой, какъ выразился Талейранъ), нѣтъ ли у васъ тайнаго разсчета побудить меня къ такому дѣйствію.

Вотъ и другой анекдотъ, характеризующій нравственную физіономію Наполеона.

Онъ готовился къ отъѣзду въ Египетъ и отправился повидаться съ Талейраномъ, бывшимъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ при директоріи: — «Я лежалъ въ постели, больной (разсказывалъ Талейранъ); Бонапартъ сѣлъ подлѣ меня и принялся фантазировать, и заинтересовалъ меня своимъ дѣятельнымъ умомъ, а также и тѣми препонами, какія, какъ я зналъ, готовятъ ему тайные враги. Онъ заговорилъ со мной о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ и сказалъ мнѣ, что не знаетъ, гдѣ достать денегъ. Отоприте мой письменный столъ, — сказалъ я ему, — вы найдете тамъ сто тысячъ франковъ, которые мнѣ принадлежатъ; возьмите ихъ; вы мнѣ ихъ отдадите по возвращеніи. Бонапартъ бросился мнѣ на шею, и мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, была пріятна въ эту минуту его радость. Когда онъ сталъ консуломъ, онъ возвратилъ мнѣ деньги, которые я давалъ ему взаймы; затѣмъ спросилъ какъ-то: какой разсчетъ побудилъ васъ дать мнѣ тогда взаймы эти деньги? Я сто разъ ломалъ надъ этимъ голову и никогда не могъ уразумѣть: какая была у васъ цѣль? — Это потому, — отвѣчалъ я, — что у меня ея не было. Я былъ очень боленъ; могъ никогда больше не увидѣться съ вами; но вы были молоды, произвели на меня сильное и глубокое впечатлѣніе и мнѣ захотѣлось услужить вамъ безъ всякаго разсчета. — Въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ Бонапартъ, — и если у васъ, дѣйствительно, не было никакого разсчета, — вы поступили, какъ дуракъ».

Когда страсти не волновали его ума, онъ былъ способенъ здраво судить даже о такомъ образѣ дѣйствій, который былъ ему непріятенъ, и порою онъ умѣлъ переносить даже противорѣчіе. Его умъ, вообще проницательный и справедливый, заставлялъ его преклоняться, хотя бы мимоходомъ, передъ истиной. У него даже было нѣкоторое безпристрастіе, которымъ онъ любилъ щеголять. Вотъ тому два примѣра. Одинъ относится къ разговору, происходившему между императоромъ и сыномъ m-me де-Сталь, по возвращеніи изъ Италіи 28 декабря 1807 г. Бурьенъ въ своихъ мемуарахъ довольно вѣрно передаетъ главныя черты этого разговора. По окончаніи именно этого разговора, императоръ сказалъ: «Какъ это фамилія Неккеръ можетъ стоять за Бурбоновъ, когда первымъ долгомъ ихъ, если бы они

Digitized by Google

когда-нибудь вернулись во Францію, было бы ихъ повѣсить!» Вотъ что передавалъ объ этомъ свиданіи мужъ m-me де-Ремюза: «Огюстъ де-Сталь разсказывалъ мнѣ, что разъ, во время изгнанія матери, онъ вынужденъ былъ обратиться лично къ императору, чтобы потребовать обратно два милліона, которые Неккеръ внесъ въ казну по выходѣ въ отставку, въ видѣ гарантіи за свое управленіе. Огюстъ увидѣлся съ императоромъ, который внимательно и даже съ нѣкоторой благосклонностью выслушалъ его, хотя просьба эта не была выполнена въ его царствованіе. Когда Огюстъ кончилъ и собрался уходить, Наполеонъ сказалъ ему:—А вы, молодой человѣкъ, что дѣлаете? къ чему предназначаете себя? Въ здѣшнемъ мірѣ надо быть чѣмъ-нибудь? Какіе ваши планы? — Государь, я ничѣмъ не могу быть во Франціи. Я не могу служить правительству, которое преслѣдуетъ мою мать.—Справедливо... Но, въ такомъ случаѣ, такъ какъ рожденіе ваше даетъ вамъ право быть чѣмъ-нибудь и внѣ Франціи, то ступайте въ Англію; потому-что, скажу вамъ, только и есть что двѣ націи: Франція и Англія. Остальное ничего не стоитъ». Эти слова всего болѣе поразили Огюста Сталя, и, дѣйствительно, надо было имѣть безпристрастный умъ императору, чтобы отвести такое высокое мѣсто Англіи, съ которой онъ не могъ жить въ ладу. Вотъ второй примѣръ безпристрастія. Послѣ кампаніи въ Торресъ-Ведрасъ, генералу Фуа поручили его главные сподвижники по португальской арміи постараться, по возвращеніи во Францію, увидѣться съ императоромъ, выяснить ему настоящее положеніе дѣлъ и объяснить, наконецъ, что нуженъ другой генералъ, а не Массена, котораго годы и дурныя привычки сдѣлали неспособнымъ къ командованію. Армія желала въ главнокомандующіе маршала Сульта. Фуа не любилъ императора и не зналъ его. Императоръ тоже не любилъ и не зналъ его. Однако, принялъ. Фуа исполнилъ порученіе, сообщилъ ему все; императоръ его выслушалъ, разспросилъ. По поводу Массена и Сульта онъ перебралъ всѣхъ маршаловъ, говоря о нихъ такъ свободно и откровенно, какъ если бы бесѣдовалъ съ самымъ интимнымъ собесѣдникомъ. Сужденія его о нихъ читатели уже знаютъ. Однимъ нельзя было вѣрить, другіе глупы. Вдругъ онъ неожиданно спросилъ:—Слушайте-ка, скажите мнѣ, мои солдаты дерутся?—То-есть, какъ, государь?.. разумѣется...—Да, да, знаю, но боятся они англійскихъ солдатъ?—Государь, они ихъ уважаютъ, но не боятся.—Ахъ! дѣло въ томъ, что англичане всегда били ихъ... Кресси, Азенкуръ, Мальборо...—Мнѣ кажется, однако, государь, что сраженіе при Фонтенуа... — Ахъ, да! сраженіе

Digitized by Google

при Фонтенуа!.. За то, вѣдь, благодаря этому сраженію монархія прожила лишнихъ сорокъ лѣтъ...

Бесѣда длилась три часа. Фуа съ восторгомъ вспоминалъ о ней и «съ этого дня,—прибавлялъ онъ,—я по-прежнему не любилъ имперіи, но восторженно поклонялся императору».

Умъ императора,—продолжаетъ m-me де-Ремюза,—самая замѣчательная сторона его личности. Трудно, мнѣ кажется, имѣть болѣе обширный умъ. Образованіе къ нему ничего не прибавило, потому-что, въ сущности, онъ не образованъ, очень мало читалъ и всегда кое-какъ. Но онъ удивительно, какъ усвоилъ себѣ то немногое, чему учился, и при этомъ у него такъ работаетъ воображеніе, что онъ могъ многихъ ввести въ заблужденіе и на счетъ своихъ знаній.

Голова у него поразительно способная, судя по той кучѣ вещей, которыя могутъ входить въ нее и легко въ ней укладываться, безъ всякаго для него утомленія. У него одна идея порождаетъ тысячи другихъ. Для меня всегда было большимъ удовольствіемъ разговаривать съ нимъ или, вѣрнѣе, слушать его, потому что разговоръ его чаще всего состоялъ изъ длинныхъ монологовъ,—не потому, чтобы онъ не допускалъ возраженій, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, но, понятно, что по многимъ причинамъ ему не всегда удобно бывало возражать. Я сказала, что онъ неправильно говорилъ, но рѣчь его была обыкновенно оживлена и блестяща; даже самыя грамматическія ошибки придаютъ ей часто неожиданную силу, подкрѣпляемую оригинальностью его идей. Собесѣднику не нужно подзадоривать его. Какъ скоро онъ заговоритъ, то тотчасъ же увлечется, что̀ не мѣшаетъ ему, однако, внимательно слѣдить за тѣмъ, слушаютъ ли его, и быть довольнымъ, если его понимаютъ и восхищаются имъ. Въ былое время умѣть слушать его бывало довольно вѣрнымъ и очень удобнымъ средствомъ угодить ему. Подобно актеру, который оживляется отъ того эффекта, какой производитъ, Бонапартъ наслаждался одобреніемъ присутствующихъ и искалъ его въ ихъ взглядахъ. Помню, что за то, что онъ очень интересовалъ меня своимъ разговоромъ и я его съ удовольствіемъ слушала, онъ провозгласилъ меня умной женщиной, когда я еще не сказала ему и двухъ словъ сряду.

Онъ очень любилъ говорить о себѣ, высказываться о своемъ характерѣ и объяснялъ, что онъ всегда былъ меланхолическаго нрава и ни въ чемъ не походилъ на своихъ товарищей. Память моя очень отчетливо сохранила воспоминаніе о томъ, что онъ мнѣ говорилъ въ своихъ разговорахъ.

Digitized by Google

«Я воспитывался въ военной школѣ, повѣствовалъ онъ, и выказывалъ способности только къ точнымъ наукамъ. Всѣ говорили про меня: «этотъ ребенокъ способенъ только быть геометромъ. Я держался поодаль отъ товарищей. Я избралъ на дворѣ школы маленькій уголокъ, куда ходилъ мечтать на свободѣ; потому что я всегда былъ склоненъ къ мечтательности. Когда товарищи хотѣли отнять у меня этотъ уголокъ, я защищалъ его изъ всѣхъ силъ. Я уже инстинктивно сознавалъ, что моя воля должна брать перевѣсъ надъ чужою, и что то, что мнѣ нравится, должно мнѣ принадлежать. Меня совсѣмъ не любили въ школѣ; надо досугъ, чтобы заставить себя полюбить, а мнѣ всегда казалось, даже и тогда, когда мнѣ нечего было дѣлать, что я не могу терять времени по пустому.

«Когда я поступилъ на службу, то очень скучалъ въ гарнизонахъ и сталъ читать романы; и это чтеніе очень заинтересовало меня.

«Я пробовалъ даже писать романы; это занятіе напустило туману въ мое воображеніе, оно припуталось къ положительнымъ знаніямъ, пріобрѣтеннымъ мною, и часто я забавлялся мечтами и затѣмъ повѣрялъ ихъ компасомъ разсужденія. Я мысленно бросился въ идеальный міръ и старался разобрать, чѣмъ именно онъ отличается отъ того міра, въ какомъ я находился. Я всегда любилъ анализировать, и если серьёзно влюблялся, то разбиралъ предметъ своей любви по ниточкѣ. *Зачѣмъ* и *почему*—такіе полезные вопросы, что ихъ слѣдуетъ какъ можно чаще задавать себѣ. Я не столько изучалъ исторію, сколько завоевывалъ ее; т.-е. я хочу сказать, что удерживалъ изъ нея только то, что могло мнѣ дать новыя идеи, отвергая безполезныя детали и усвоивая только тѣ результаты, какіе мнѣ нравились.

«Я мало понималъ революцію, но она мнѣ была по нраву. Равенство, долженствовавшее меня возвысить, нравилось мнѣ. 20-го іюня, я находился въ Парижѣ, я видѣлъ какъ чернь наступала на Тюльери. Я никогда не любилъ народныхъ движеній; меня возмутило грубое поведеніе этихъ мерзавцевъ; я нашелъ, что вожди, возмутившіе ихъ, дѣйствовали неосторожно, и сказалъ себѣ: «выгоды этой революціи окажутся не для нихъ». Но когда мнѣ сказали, что Людовикъ надѣлъ на голову красный колпакъ, я рѣшилъ, что онъ пересталъ царствовать, потому что въ политикѣ униженіе даромъ не проходитъ.

«10-го августа, я чувствовалъ, что если бы меня призвали, я бы сталъ защищать короля: я возставалъ на тѣхъ, которые основывали республику при посредствѣ народа; кромѣ того, я ви-

Digitized by Google

дѣлъ, какъ люди въ блузахъ нападали на людей въ мундирахъ, и это меня возмущало.

«Позднѣе я научился военному ремеслу: отправился въ Тулонъ: имя мое становилось извѣстно. По возвращеніи я велъ праздную жизнь. Не знаю, какое тайное внушеніе говорило мнѣ, что пока мнѣ не слѣдуетъ дѣйствовать.

«Разъ вечеромъ, я былъ въ театрѣ: это было 12-го вандемьера. Я услышалъ, что на слѣдующій день ожидалась *возня;* вы знаете, что это было обычнымъ выраженіемъ парижанъ, привыкшихъ съ равнодушіемъ взирать на различныя перемѣны въ правительствѣ, съ тѣхъ поръ, какъ это не мѣшало ихъ дѣламъ, удовольствіямъ и даже обѣду. Послѣ террора были довольны всѣмъ, что только давало возможность жить.

«При мнѣ разсказывали, что собраніе засѣдаетъ безъ перерыва; я побѣжалъ туда, и увидѣлъ, что въ немъ царствуетъ смущеніе, нерѣшительность. Вдругъ въ залѣ раздался голосъ, который сказалъ: «если кому-нибудь извѣстенъ адресъ генерала Бонапарта, то пусть онъ пойдетъ и скажетъ ему, что его ждутъ въ комитетѣ собранія». Я всегда придавалъ значеніе случаю, играющему важную роль въ иныхъ событіяхъ; этотъ случай подѣйствовалъ на меня; я пошелъ въ комитетъ, я нашелъ тамъ нѣсколько депутатовъ, совсѣмъ растерянныхъ, въ томъ числѣ и Камбасереса. Они ждали нападенія на слѣдующее утро, и не знали на что рѣшиться. Спросили моего совѣта; я отвѣчалъ требованіемъ пушекъ. Это предложеніе ихъ испугало; вся ночь прошла въ нерѣшительности. Поутру вѣсти пришли худыя. Тогда мнѣ поручили все дѣло, и затѣмъ принялись разсуждать: имѣютъ ли они право отражать силу силой же. «Ждете ли вы, сказалъ я имъ, чтобы народъ вамъ далъ позволеніе стрѣлять по немъ? Вы меня скомпрометтировали, призвавъ меня; справедливость требуетъ, чтобы вы предоставили мнѣ дѣйствовать». Послѣ этого я разстался съ этими адвокатами, утопавшими въ своихъ словоизверженіяхъ, вывелъ войска, направилъ двѣ пушки на Сенъ-Рокъ; дѣйствіе было ужасающее: буржуазная армія и заговоръ сметены въ тотъ же мигъ.

«Но я пролилъ парижскую кровь! Это было святотатствомъ. Надо было расхолодить впечатлѣніе. Я все сильнѣе и сильнѣе сознавалъ, что призванъ совершить нѣчто. Я потребовалъ командованія надъ итальянской арміей. Все надо было создать въ этой арміи: и людей, и порядки. Только молодость можетъ быть терпѣлива, потому что будущее ей принадлежитъ; я отправился въ Италію съ оборванными, но исполненными одушевленія сол-

Digitized by Google

датами. Я заставлялъ везти посреди войскъ фургоны, подъ конвоемъ, хотя они были пусты, и называлъ ихъ казной арміи. Я приказалъ, чтобы роздали башмаки рекрутамъ; никто не захотѣлъ ихъ носить. Я обѣщалъ своимъ солдатамъ, что слава и деньги ждутъ насъ по ту сторону Альпъ; я сдержалъ слово, и съ той поры армія послѣдуетъ за мной на край свѣта.

«Я совершилъ славный походъ и сталъ особой для Европы. Съ одной стороны, своими дневными приказами я поддерживалъ революціонный порядокъ; съ другой стороны, втайнѣ щадилъ эмигрантовъ и обнадеживалъ ихъ. Эту партію всегда очень легко обмануть, потому что она видитъ не то, что есть, а то, чего ей хочется. Мнѣ дѣлались великолѣпныя предложенія на тотъ случай, если бы я захотѣлъ послѣдовать примѣру генерала Монка. И даже самъ претендентъ написалъ мнѣ письмо своимъ нерѣшительнымъ и кудрявымъ слогомъ. Я вѣрнѣе побѣдилъ папу тѣмъ, что не пошелъ на Римъ, нежели тѣмъ, если бы я поджегъ его столицу. Словомъ, я сталъ важнымъ и страшнымъ, и директорія, которая меня боялась, не могла однако ни въ чемъ обвинить меня. Меня упрекали въ томъ, что я содѣйствовалъ 18 фруктидора; это все равно, какъ если бы меня упрекали за то, что я поддерживалъ революцію. Надо же было воспользоваться этой революціей, извлечь выгоду изъ той крови, которую она пролила. Какъ! отдаться безъ условій принцамъ Бурбонскаго дома, которые бы стали вымещать на насъ свои бѣдствія и заставили бы насъ молчать за то, что мы показали, что нуждаемся въ ихъ возвращеніи! Промѣнять наше побѣдоносное знамя на ихъ бѣлое, не побоявшееся смѣшаться съ непріятельскими знаменами, и наконецъ мнѣ самому удовольствоваться какими-нибудь нѣсколькими милліонами и герцогствомъ! Конечно, роль Монка не хитра, она доставила бы мнѣ меньше хлопотъ, чѣмъ египетская кампанія и даже чѣмъ 18 брюмера; но развѣ историческій опытъ не говоритъ противъ принцевъ, которые никогда не видѣли поля битвы? Къ чему возвратъ Карла II привелъ англичанъ, какъ не къ тому, чтобы лишить короны Іакова II? Нѣтъ сомнѣнія, что я съумѣлъ бы, если бы понадобилось, вторично низвергнуть Бурбоновъ, и лучшій совѣтъ, какой имъ можно было бы дать—это поскорѣе отдѣлаться отъ меня.

«Когда я вернулся во Францію, я нашелъ еще большую смуту въ головахъ, чѣмъ когда-либо. Въ Парижѣ,—а Парижъ это Франція,—не умѣютъ интересоваться вещами, если интересуются личностями. Обычаи старинной монархіи пріучили насъ все олицетворять. Это худая манера для народа, который бы серьёзно

Digitized by Google

желалъ свободы; но вы ничего не умѣете желать серьёзно, развѣ одного только равенства. Да и отъ него всякій бы охотно отказался, если бы могъ разсчитывать стать первымъ. Великимъ неудобствомъ для директоровъ было то, что никто о нихъ не думалъ, и что всѣ слишкомъ много занимались мною. Не знаю, что бы случилось со мной, если бы мнѣ не пришла въ голову счастливая мысль отправиться въ Египетъ. Садясь на корабль, я не зналъ, прощаюсь ли я съ Франціей навсегда; но я не сомнѣвался, что она снова призоветъ меня.

«Обольщенія завоеваній на востокѣ сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ, отвлекли меня отъ мысли объ Европѣ. Воображеніе и на этотъ разъ замѣшалось въ дѣло. Въ Египтѣ я былъ свободенъ отъ узъ стѣснительной цивилизаціи; я мечталъ о многомъ и видѣлъ возможность привести въ исполненіе все, о чемъ мечталъ. Я создавалъ новую религію, видѣлъ себя на пути въ Азію, сидящимъ на слонѣ, съ тюрбаномъ на головѣ и съ новымъ кораномъ, сочиненнымъ по моему усмотрѣнію, въ рукахъ. Я бы воспользовался для своихъ предпріятій опытомъ Стараго и Новаго Свѣта, раскопалъ бы къ своей выгодѣ всю всемірную исторію, аттаковалъ бы владычество англичанъ въ Индіи и этимъ завоеваніемъ возобновилъ бы свои сношенія съ старой Европой. Но судьба рѣшила иначе. Я получилъ письмо изъ Франціи, и увидѣлъ, что нельзя терять ни минуты. Я вернулся къ жизни дѣйствительной и прибылъ въ Парижъ, въ тотъ Парижъ, гдѣ величайшіе интересы края рѣшаются во время опернаго антракта. Директорія содрогнулась отъ моего возвращенія; я былъ крайне остороженъ въ эту эпоху своей жизни, я велъ себя всего искуснѣе. Я видался съ аббатомъ Сійесомъ и обѣщалъ ему привести въ исполненіе его болтливую конституцію; я принималъ вождей якобинцевъ, агентовъ Бурбоновъ; я никому не отказывалъ въ совѣтахъ, но давалъ только такіе, которые клонились къ моей выгодѣ. Я прятался отъ народа, потому-что зналъ, что, когда придетъ пора, любопытство увидѣть меня заставитъ его гоняться за мной. Каждый запутывался въ моихъ тенетахъ и, когда я сталъ главой государства, не было во Франціи партіи, которая бы, съ какой-нибудь стороны, не возлагала надеждъ на мой успѣхъ.

Въ другой разъ, — пишетъ далѣе m-me Ремюза́, Бонапартъ завелъ рѣчь о литературѣ. Поэтъ Лемерсье, котораго онъ довольно любилъ, поручилъ мнѣ передать ему трагедію: «Филиппъ-Августъ», которую онъ только что окончилъ, и содержавшую въ себѣ намеки на личность Бонапарта. Послѣдній пожелалъ вслухъ прочесть ее; мы были вдвоемъ. Было довольно за-

Digitized by Google

давно видѣть человѣка, вѣчно спѣшащаго, даже когда ему нечего было дѣлать, и вдругъ обязаннаго, волей-неволей, произносить слова безъ перерыва, читать александрійскіе стихи, размѣра которыхъ онъ не зналъ и произносилъ ихъ такъ дурно, что можно было, право, подумать, что онъ не понимаетъ того, что́ читаетъ. Къ тому же, какъ только онъ раскрывалъ книгу, такъ немедленно стремился разбирать ее. Я попросила у него рукопись и стала сама читать; тогда онъ снова принялся говорить, схватилъ опять рукопись, вычеркивалъ изъ нея цѣлыя тирады, сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ на поляхъ, раскритиковалъ планъ сочиненія и характеры. Онъ не рисковалъ ошибиться, потому что пьеса была плохая. Но что́ мнѣ показалось довольно страннымъ, такъ это то, что послѣ этого чтенія онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ, чтобы авторъ думалъ, что всѣ эти поправки и перечеркиванья принадлежатъ такому важному лицу и приказалъ мнѣ принять ихъ на свой счетъ. Я очень этому противилась, какъ можно думать, и насилу, насилу заставила его отказаться отъ этой фантазіи и понять, что если уже и то было странно, что онъ перечеркнулъ и обезобразилъ рукопись автора, то было бы совсѣмъ неприлично, если бы я позволила себѣ такую вольность.—Ну, хорошо, сказалъ онъ; но только признаюсь, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, мнѣ не нравится это неопредѣленное и все нивелирующее слово: *приличія*, съ которымъ всѣ вы вѣчно носитесь. Это выдумка дураковъ, чтобы хотя нѣсколько приблизиться къ умнымъ людямъ,—нѣчто въ родѣ общественнаго намордника, который стѣсняетъ сильнаго и помогаетъ только посредственности. Весьма возможно, что это удобно для васъ, которымъ нѣтъ важнаго дѣла въ жизни; но вы хорошо понимаете, что могутъ быть случаи, когда я, напримѣръ, вынужденъ буду растоптать ихъ ногами.

— Но, отвѣчала я ему, если примѣнить приличія къ образу жизни, то не будутъ ли они тѣмъ же, чѣмъ служатъ правила для драматическихъ произведеній? Они вносятъ порядокъ и правильность, и стѣсняютъ геній лишь въ томъ случаѣ, когда онъ хочетъ позволить себѣ уклоненія, осуждаемыя изящнымъ вкусомъ.

— Ахъ! изящный вкусъ!—Вотъ опять одно изъ тѣхъ классическихъ словъ, которыхъ я не признаю. Быть можетъ, это моя вина, но существуютъ нѣкоторыя правила, которыя для меня рѣшительно непонятны. Напримѣръ, то, что́ называютъ *стилемъ*, хорошимъ или дурнымъ, меня рѣшительно не поражаетъ. Меня интересуетъ только сила мысли. Я сначала любилъ Оссіана, но по той самой причинѣ, почему мнѣ пріятно слушать ропотъ морскихъ волнъ и завываніе вѣтра. Въ Египтѣ меня хотѣли заставить

Digitized by Google

прочесть Иліаду, но она показалась мнѣ скучной. Что касается французскихъ поэтовъ, то я понимаю только вашего Корнеля. Онъ угадалъ, что̀ такое политика, и если бы его пріурочить къ дѣламъ, то изъ него бы вышелъ государственный человѣкъ. Я полагаю, что правильнѣе всѣхъ сужу о немъ, потому что, разбирая его, исключаю всѣ драматическія чувства. Напримѣръ, не такъ давно я понялъ развязку *Цинны*. Я сначала видѣлъ въ ней только средство написать патетическій пятый актъ, да и то еще сказать, — милосердіе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, очень мизерная добродѣтель, если она не опирается на политику; милосердіе Августа, вдругъ ставшаго добрымъ государемъ, не казалось мнѣ достойной развязкой для этой прекрасной трагедіи. Но однажды Монвель, игравшій въ моемъ присутствіи, открылъ мнѣ тайну этой великой идеи. Онъ произнесъ: — *будемъ друзьями, Цинна*, — такимъ хитрымъ тономъ, что я понялъ: этотъ поступокъ былъ лишь притворствомъ тирана,—и одобрилъ какъ разсчетъ то, что̀ считалъ вздорнымъ чувствомъ. Надо всегда произносить этотъ стихъ такъ, чтобы изъ всѣхъ, кто его слышитъ, одного Цинну онъ бы вводилъ въ заблужденіе.

— Что касается Расина, то онъ мнѣ нравится въ «Ифигеніи»; эта пьеса, пока она идетъ, заставляетъ васъ дышать поэтическимъ воздухомъ Греціи. Въ «Британникѣ» онъ сбитъ съ толку Тацитомъ, къ которому я отношусь съ недовѣріемъ, потому что онъ недостаточно хорошо объясняетъ то, что̀ утверждаетъ. Трагедіи Вольтера пристрастны, но недостаточно глубоко проникаютъ въ духъ человѣческій. Такъ, напримѣръ, его Магометъ и не пророкъ, и не арабъ. Это — обманщикъ, который какъ будто воспитывался въ политехнической школѣ, потому что аргументируетъ о своихъ правахъ на власть такъ, какъ бы это могъ сдѣлать я въ томъ вѣкѣ, въ какомъ живу. Убійство отца сыномъ — безполезное злодѣяніе. Великіе люди никогда не бываютъ жестоки безъ нужды.

— Что касается комедіи, то она для меня то же самое, какъ если бы захотѣли принудить меня интересоваться сплетнями вашихъ салоновъ; я допускаю ваше восхищеніе Мольеромъ, но не раздѣляю его; онъ помѣстилъ свои дѣйствующія лица въ такую обстановку, куда я никогда не заглядывалъ, чтобы поглядѣть на нихъ.

Изъ этихъ различныхъ мнѣній, — продолжаетъ m-me де-Ремюза̀,—можно вывести заключеніе, что Бонапартъ интересовался людьми только тогда, когда они играли видную роль въ жизни и исторіи. Какъ уже выше сказано, онъ очень любилъ говорить

Digitized by Google

о себѣ, описывать себя и свои чувства, и съ извѣстныхъ сторонъ судилъ о самомъ себѣ, какъ бы могъ это сдѣлать посторонній человѣкъ. Чтобы извлечь всю выгоду изъ своего характера, онъ не боялся подвергать его самому строгому анализу. Онъ часто говорилъ, что истинный политикъ умѣетъ разсчитать даже ту выгоду, какую онъ можетъ извлечь изъ своихъ недостатковъ, а Талейранъ заходилъ еще дальше въ этомъ отношеніи. Я слышала разъ, какъ онъ вскричалъ съ досадой: — «Этотъ анаѳемскій человѣкъ обманываетъ на всѣ лады. Даже самыя страсти его ускользаютъ отъ васъ, потому что онъ и тутъ ухитряется притворно показывать ихъ, хотя онѣ существуютъ у него и на самомъ дѣлѣ».

Аббатъ Прадтъ разсказывалъ, что разъ послѣ одной очень бурной сцены, императоръ подошелъ къ нему и сказалъ: — Вы думали, что я очень сердитъ? Разувѣрьтесь: у меня гнѣвъ никогда не заходитъ выше этого. — И онъ тронулъ рукой шею, показывая этимъ, что желчь никогда не могла одурманить его голову.

Бонапартъ до такой степени эгоистъ, что не легко заставить его взволноваться тѣмъ, что́ лично его не касается. Совсѣмъ тѣмъ, его видали порою въ припадкахъ чувствительности, но они бывали очень мимолетны и всегда вызывали въ немъ досаду. Нерѣдко видѣли его тронутымъ до слезъ; но слезы эти являются, повидимому, результатомъ нервнаго раздраженія. «У меня, говаривалъ онъ самъ, очень непослушные нервы, и при такомъ ихъ состояніи, если бы кровь моя не текла съ необыкновенной медленностью,—я рисковалъ бы сойти съ ума». И дѣйствительно, мнѣ говорилъ Корвизаръ, что пульсъ его артерій даетъ меньше ударовъ, чѣмъ среднее обыкновенное число у всѣхъ людей вообще. Бонапартъ никогда не испытывалъ того, что́ въ общежитіи называется головокруженіемъ, и увѣрялъ, что совсѣмъ не понимаетъ выраженія: «у меня голова кружится».

Не только вслѣдствіе легкости, съ какой онъ поддавался первымъ движеніямъ, онъ часто говорилъ рѣзкости и непріятности людямъ, но ему, повидимому, доставляло тайное удовольствіе возбуждать страхъ и обижать лицъ, болѣе или менѣе трепетавшихъ его. Онъ думаетъ, что страхъ подстрекаетъ усердіе; поэтому онъ всегда избѣгалъ выказывать довольство вещами и людьми. Хотя ему превосходно служили, безпрекословно, и въ одно мгновеніе ока исполняли всѣ его приказанія, онъ все-таки жаловался и любилъ создавать родъ террора въ интимной жизни дворца. Если, увлекшись разговоромъ, онъ видѣлъ, что всѣмъ стало какъ будто легче дышать, онъ тотчасъ же боялся, какъ бы этимъ не зло-

Digitized by Google

употребили, и спѣшилъ поставить на свое мѣсто, то-есть запугать того, кого только-что обласкалъ и ободрилъ. Онъ точно ненавидитъ покой для себя и для другихъ. Когда m-r Ремюза задавалъ ему блестящія празднества, на которыхъ всѣ искусства были призваны для его развлеченія, я никогда не спрашивала: доволенъ ли императоръ, но много ли или мало онъ бранился? Служить ему было самой тягостной вещью въ мірѣ, и ему случалось говорить въ минуты проницательной откровенности: «Самый счастливый человѣкъ тотъ, который прячется отъ меня въ какой-нибудь глухой провинціи, и когда я умру, вселенная скажетъ съ облегченной грудью: *Ouf!*»

Бонапартъ былъ молодъ, когда познакомился съ m-me де-Богарне; имя, которое она носила и чрезвычайное изящество ея манеръ, отличали ее въ томъ кругу, гдѣ онъ ее замѣтилъ. Мужъ m-me де-Богарне навлекъ на себя подозрѣнія якобинцевъ, былъ засаженъ въ тюрьму и осужденъ на смерть революціоннымъ трибуналомъ. Она тоже сидѣла въ тюрьмѣ, но однако ей удалось спастись отъ топора, который рубилъ головы всѣмъ безъ разбора. Сдружившись съ красавицей m-me Талльенъ, она была введена въ общество директоріи, гдѣ ей спеціально протежировалъ Баррасъ. M-me де-Богарне была небогата, и ея страсть къ нарядамъ и роскоши ставила ее въ зависимость отъ тѣхъ, кто могъ ей помочь удовлетворить этой страсти. Не будучи въ настоящемъ смыслѣ слова хорошенькой, она была прелестна. Черты лица ея были тонки и правильны; взглядъ кроткій; ротъ, очень маленькій, искусно скрывалъ дурные зубы; цвѣтъ лица ея, нѣсколько смуглый, прикрывался слоемъ бѣлилъ и румянъ, которыя она ловко употребляла; сложена она была въ совершенствѣ; руки и ноги маленькія и гибкія, всѣ движенія граціозны и ловки; къ ней лучше, чѣмъ къ кому-либо можно было примѣнить стихъ Лафонтена:

Et la grâce plus belle encore que la beauté...

Одѣвалась она съ необыкновеннымъ вкусомъ, украшая все, что носила, и благодаря этимъ преимуществамъ и постоянной заботливости о нарядѣ, она всегда находила средство не быть затмѣваемой красотою и молодостью той толпы женщинъ, какою она была окружена. Со всѣми этими преимуществами она соединяла еще и крайнюю доброту; при этомъ была замѣчательной ровности характера, необыкновенно ласкова въ обращеніи, легко забывала зло, которое ей хотѣли сдѣлать.

Digitized by Google

Она не была очень умна. Образованіе этой креолки и кокетки было довольно поверхностное; но она понимала, чего ей недостаетъ, и никогда не выдавала себя въ разговорѣ. Она отличалась природнымъ весьма тонкимъ тактомъ, и умѣла говорить людямъ пріятныя вещи. Но при этомъ она была легкомысленна, непостоянна, легко возбуждалась и легко успокоивалась, и совершенно неспособна къ продолжительному чувству, упорному вниманію, серьёзному размышленію; если величіе не вскружило ей голову, то и не умудрило ее. Склонность характера побуждала ее утѣшать несчастныхъ; но она умѣла интересоваться только частнымъ горемъ и никогда не думала о бѣдствіяхъ Франціи. Къ тому же, геній Бонапарта тяготѣлъ надъ нею; она судила только тѣ его поступки, которые касались лично ея, а во всемъ остальномъ преклонялась передъ тѣмъ, что онъ самъ называлъ неисповѣдимой судьбой. Онъ имѣлъ на нее отчасти пагубное вліяніе, потому что внушилъ ей презрѣніе къ извѣстной морали, большое недовѣріе и привычку ко лжи, къ которой оба прибѣгали очень ловко. Она полюбила его, и любовь ея льстила его самолюбію; она доставила ему высокій чинъ; онъ привыкъ приписывать ея вліянію всѣ свои удачи. Этотъ предразсудокъ, который она очень искусно поддерживала въ немъ, долго имѣлъ надъ нимъ большую власть; благодаря ему, онъ не разъ откладывалъ свои планы о разводѣ. Женясь на m-me де-Богарне, Бонапартъ считалъ, что соединяется узами брака съ очень знатной дамой; слѣдовательно, въ его глазахъ это было новой побѣдой. Говорятъ, что она была цѣной командованія итальянской арміей; она меня увѣряла, что въ эту эпоху Бонапартъ былъ дѣйствительно влюбленъ въ нее. Она колебалась въ выборѣ между нимъ, генераломъ Гошемъ и г. де-Коленкуромъ, которые тоже ее любили. Вліяніе Бонапарта взяло верхъ. Я знаю, что мать моя, жившая тогда въ деревнѣ, удивлялась въ своемъ убѣжищѣ тому, что вдова г. де-Богарне вышла за человѣка столь мало извѣстнаго.

Когда я разспрашивала ее о манерахъ и обращеніи Бонапарта въ его молодости, она мнѣ разсказывала, что онъ былъ тогда мечтательный, молчаливый человѣкъ, застѣнчивый съ женщинами, но страстный и увлекательный, хотя вообще казался довольно большимъ чудакомъ. Она очень винила въ томъ походъ въ Египетъ, который будто бы измѣнилъ его нравъ и развилъ въ немъ тотъ мелочной деспотизмъ, отъ котораго она такъ страдала впослѣдствіи.

Я читала письма Наполеона къ m-me Бонапартъ во время первой итальянской кампаніи. Она послѣдовала за нимъ; но

Digitized by Google

иногда онъ оставлялъ ее въ аррьергардѣ арміи до тѣхъ поръ, пока побѣда не обезпечивала спокойствія пути. Эти письма очень странны: почеркъ почти неразборчивъ, орѳографія хромаетъ, слогъ причудливый и сбивчивый. Но въ нихъ царствуетъ тонъ, высказываются такія сильныя чувства, выраженія такъ картинны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поэтичны, любовь такъ непохожа на всякую другую,—что нѣтъ женщины, которая бы не порадовалась такимъ письмамъ. Наканунѣ одной изъ величайшихъ битвъ своихъ, Бонапартъ писалъ: «Вотъ я далеко отъ тебя! Мнѣ кажется, что я попалъ въ глубокій мракъ; мнѣ нуженъ роковой свѣтъ молній, которыя мы будемъ пускать въ нашихъ непріятелей, чтобы выдти изъ потемокъ, въ которыя меня погрузило твое отсутствіе. Жозефина, ты плакала, когда я съ тобою разставался. Ты плакала! При этой мысли все мое существо содрогается; будь спокойна; Вурмзеръ дорого заплатитъ за слезы, которыя ты пролила».

И на другой день Вурмзеръ былъ разбитъ. Однако изъ этихъ самыхъ писемъ можно также заключить, что несмотря на обаяніе славы и любви, m-me Бонапартъ, среди этой жизни непрерывныхъ тріумфовъ и побѣдъ, подавала иногда поводъ къ тревогамъ своего побѣдоноснаго супруга. Въ нихъ часто проявляются волненія ревности, то мрачной, то грозной. Въ нихъ встрѣчаешь меланхолическія размышленія, какъ-бы отвращеніе отъ скоропроходящихъ иллюзій жизни. Быть можетъ, что это разочарованіе въ единственномъ сильномъ чувствѣ, какое онъ испыталъ, содѣйствовало душевной черствости Бонапарта. Быть можетъ, онъ былъ бы добрѣе, если бы его сильнѣе и лучше любили.

Жозефина выказывала также большую склонность къ ревности. Но любовь, полагаю, была не главнымъ ея мотивомъ. Большимъ несчастіемъ для нея было то, что у нея не было дѣтей; мужъ часто выражалъ свои сожалѣнія по этому поводу, и тогда она трепетала за свою будущность. Семья консула, вѣчно раздраженная противъ Богарне, подчеркивала это неудобство. Все это вызывало мимолетныя бури. Порою я заставала m-me Бонапартъ въ слезахъ, и тогда она разражалась горькими жалобами на своихъ деверьевъ, на m-me Мюратъ и на самого Мюрата, которые старались поддерживать свой кредитъ тѣмъ, что поощряли въ консулѣ мимолетныя фантазіи и затѣмъ покровительствовали его тайнымъ интрижкамъ. Я убѣждала ее быть спокойной и терпѣливой. Не трудно было замѣтить, что Бонапартъ любилъ главнымъ образомъ за то свою жену, что ея обычная кротость успокоительно дѣйствовала на него, и что она лишится своего

Digitized by Google

обаянія, если станетъ волновать его. Впрочемъ, въ теченіи перваго года, который я провела при ихъ дворѣ, легкія ссоры между супругами всегда оканчивались мирнымъ объясненіемъ и только тѣснѣе сближали ихъ.

Въ кругу Жозефины на счетъ общественныхъ дѣлъ царствовало великое безмолвіе. Дюрокъ, Марѐ, позднѣе герцогъ де-Бассано, про котораго Талейранъ говорилъ: «я зналъ только одного человѣка, который былъ такъ же глупъ, какъ герцогъ де-Бассано,—это г. Марѐ»,—Марѐ, бывшій въ ту пору статсъ-секретаремъ, частные секретари консула — всѣ были непроницаемы. Большинство военныхъ, какъ мнѣ кажется, чтобы не разговаривать, отучали себя думать,—вообще обычай этой жизни былъ таковъ, что большой затраты ума не требовалось.

Такъ какъ я поступила ко двору, не имѣя понятія о великомъ или маломъ страхѣ, внушаемомъ Бонапартомъ всѣмъ, кто его зналъ издавна, то не испытывала передъ нимъ такого смущенія, какъ другіе, и не считала нужнымъ держаться системы односложныхъ отвѣтовъ, принятой, и въ сущности весьма основательно, цѣлымъ домомъ. Но благодаря этому чуть не попала въ просакъ. Разъ вечеромъ Бонапартъ говорилъ о дарованіяхъ Портализа-отца, работавшаго тогда надъ гражданскимъ кодексомъ, а г. де-Ремюза замѣтилъ, что Портализъ обязанъ своимъ образованіемъ главнымъ образомъ Монтескье, котораго выучилъ наизусть, какъ выучиваютъ катихизисъ. Первый консулъ, обращаясь къ одной изъ моихъ подругъ, сказалъ ей, смѣясь:—Пари держу, что вы понятія не имѣете о Монтескье.—Извините, отвѣчала она, кто же не читалъ «le Temple de Guide!» При этихъ словахъ Бонапартъ расхохотался, и я тоже не могла не улыбнуться. Онъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ:—А вы? Я отвѣчала, что не читала «Temple de Guide», но читала «les Considérations sur les Romains», и полагаю, что ни та, ни другая книга не есть тотъ катихизисъ, про который говорилъ г. де-Ремюза.—Чортъ возьми, замѣтилъ Бонапартъ, да вы ученая женщина.—Этотъ эпитетъ смутилъ меня, и я почувствовала, что рискую, что онъ за мной утвердится. Минуту спустя m-me Бонапартъ заговорила о какой-то трагедіи, которую въ то время давали. Первый консулъ перебралъ по этому поводу всѣхъ авторовъ, находившихся въ живыхъ, и заговорилъ о Дюсисѣ, талантъ котораго ему не нравился. Онъ оплакивалъ посредственность нашихъ трагическихъ поэтовъ, и сказалъ, что Богъ бы знаетъ что далъ, чтобы только ему пришлось наградить автора хорошей трагедіи. Я осмѣлилась замѣтить, что Дюсисъ исказилъ «Отелло»

Digitized by Google

Шекспира. Это длинное англійское имя, сорвавшееся у меня съ языка, произвело нѣкоторую сенсацію на нашу галерею знатоковъ, внимательную и безмолвствующую. Бонапартъ не былъ расположенъ дозволять, чтобы хвалили что-либо, принадлежащее англичанамъ. Мы спорили нѣсколько секундъ; я ничего, впрочемъ, не говорила, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей; но назвала Шекспира, осмѣлилась спорить съ консуломъ, похвалила англійскаго писателя,—какая смѣлость! Какая эрудиція! Сколько дней мнѣ пришлось молчаніемъ искупать эффектъ, произведенный мною совсѣмъ нечаянно!

Уже въ ту пору Камбасересъ и Лебренъ, второй и третій консулы, принимали очень мало участія въ управленіи. Послѣдній, весьма преклонныхъ лѣтъ, ни въ какомъ отношеніи не безпокоилъ Бонапарта. Другой, весьма замѣчательный юристъ, вмѣшивался только въ пренія по различнымъ законамъ. Бонапартъ пользовался его познаніями и основательно разсчитывалъ, что его мелочное тщеславіе ослабитъ его значеніе. И дѣйствительно, Камбасересъ, восхищенный отличіями, которыя ему выпадали на долю, мелочно тщеславился ими и заслуживалъ всеобщія насмѣшки. Отсутствіе въ немъ самолюбія часто спасало его отъ бѣдъ.

Въ описываемое мною время, Талейранъ пользовался очень большимъ кредитомъ. Всѣ вопросы высшей политики проходили черезъ его руки. Онъ не только руководилъ иностранными дѣлами и оканчивалъ въ эту самую эпоху новыя государственныя конституціи, которыми надѣлялась Германія, но и имѣлъ ежедневно продолжительныя бесѣды съ Бонапартомъ. Я увѣрена, что уже въ ту пору между ними заходила рѣчь о мѣрахъ къ возстановленію монархическаго правленія. Талейранъ всегда былъ твердо убѣжденъ, что только оно одно пригодно для Франціи. Кромѣ того, при немъ онъ очутился бы на знакомой почвѣ, среди привычекъ цѣлой жизни. Преимущества и злоупотребленія, связанныя съ существованіемъ двора, представляли шансы для пріобрѣтенія власти и кредита.

Въ первыхъ числахъ марта 1803 г., въ газетахъ нашихъ появились горькія жалобы на печатаніе пасквилей противъ перваго консула въ Англіи, но это былъ только предлогъ: занятіе Мальты и наше вмѣшательство въ управленіе Швейцаріи послужили истинными причинами разрыва. 8 марта, посланіе англійскаго короля въ парламентъ возвѣстило о важныхъ препирательствахъ между обоими правительствами и жаловалось на вооруженія, готовившіяся въ портахъ Голландіи. Тутъ-то впервые мы увидѣли появленіе рѣзкихъ и оскорбительныхъ замѣтокъ въ «Мо-

Digitized by Google

niteur» противъ англійскаго правительства, которыя такъ умножились впослѣдствіи, и которыя служили отвѣтомъ на статьи періодическихъ газетъ, издаваемыхъ въ Лондонѣ. Бонапартъ зачастую самъ диктовалъ сущность этихъ замѣтокъ Маре, который затѣмъ ихъ редактировалъ. У Бонапарта была странная манера —диктовать. Никогда ничего не писалъ онъ собственноручно. Почеркъ его, некрасивый, былъ неразборчивъ для другихъ, какъ и для него самого. Орѳографія его хромала. У него совершенно не хватало терпѣнія на какой бы то ни было ручной трудъ, а крайняя дѣятельность его ума и привычка видѣть моментальное повиновеніе дѣлали для него невозможнымъ такое занятіе, гдѣ бы ему приходилось подчиняться хотя бы самому себѣ. Люди, писавшіе подъ его диктовку, сначала Бурьеннъ, потомъ Маре и его частный секретарь Менневаль, выработали себѣ сокращенный почеркъ для того, чтобы перо ихъ двигалось такъ же быстро, какъ и его мысль. Онъ диктовалъ, расхаживая большими шагами по кабинету. Если онъ былъ оживленъ, то рѣчь его пересыпалась крѣпкими словцами и даже руганью, которыя упразднялись въ статьяхъ и давали по крайней мѣрѣ хоть ту выгоду, что тѣ, кто писалъ, успѣвали его тогда догонять. Онъ никогда не повторялъ разъ сказаннаго, даже хотя бы его и не разслышали, и это было великимъ бѣдствіемъ для секретаря, потому что Бонапартъ отлично замѣчалъ всѣ пропуски. Разъ онъ прочиталъ трагедію въ рукописи, которая была ему доставлена, и она настолько обратила его вниманіе, что ему пришло въ голову сдѣлать въ ней нѣкоторыя перемѣны. «Возьмите чернильницу и бумагу,—сказалъ онъ,—г. де-Ремюза, и пишите то, что я вамъ буду говорить». И не давая почти времени моему мужу сѣсть за столъ, онъ принялся диктовать съ такою быстротою, что г. де-Ремюза хотя и привыкъ быстро писать, но едва поспѣвалъ за нимъ. Бонапартъ очень хорошо видѣлъ, что онъ мучитъ человѣка, но время отъ времени перебивалъ самого себя, чтобы замѣтить: «постарайтесь меня понять, потому что я не стану повторять». Къ счастію, онъ забылъ спросить листокъ съ своими замѣчаніями, а мы часто старались, Ремюза и я, перечитать его и никогда не могли разобрать ни единаго слова. Маре, статсъ-секретарь, хотя и былъ ограниченнаго ума (по правдѣ сказать, Бонапартъ не брезгалъ ограниченными людьми, потому-что,— говорилъ онъ,—у него у самого ума достаточно, чтобы придать имъ то, чего не хватаетъ) Маре,—говорю я,—кончилъ тѣмъ, что пріобрѣлъ большой кредитъ, потому-что научился необыкновенно легко редактировать. Онъ привыкъ пони-

Digitized by Google

мать, вникать сразу въ мысль Бонапарта и, не позволяя себѣ никогда ни единаго замѣчанія, передавалъ такъ ее, какъ она рождалась въ мозгу его господина. Что окончательно объясняетъ его успѣхъ, такъ это то, что онъ выказывалъ ему, притворно или искренно, безграничное поклоненіе, и это льстило Бонапарту. Этотъ министръ довелъ ухищренія лести такъ далеко, что когда онъ путешествовалъ съ императоромъ, то оставлялъ женѣ образцы писемъ, копіи съ которыхъ она старательно переписывала, и въ которыхъ жаловалась, что мужъ ея такъ исключительно преданъ своему господину, что она не можетъ не ревновать. А такъ какъ въ путешествіяхъ курьеры подавали всѣ письма императору, который забавлялся тѣмъ, что ихъ распечатывалъ, то эти ловкія жалобы производили какъ разъ то впечатлѣніе, какое было желательно.

Въ бытность свою министромъ иностранныхъ дѣлъ, Маре отнюдь не слѣдовалъ примѣру Талейрана, который часто говорилъ, что на этомъ посту необходимо всего болѣе вести переговоры съ самимъ Бонапартомъ. Напротивъ того, льстя всѣмъ его страстямъ, вѣчно дивясь, что иностранные государи смѣютъ раздражаться, когда ихъ оскорбляютъ, и стараются сопротивляться погибели, которую имъ готовятъ, онъ дѣлалъ карьеру въ ущербъ Европѣ, справедливые интересы которой болѣе безпристрастный и искусный министръ попытался бы отстаивать. У него былъ, такъ-сказать, на-готовѣ всегда курьеръ, чтобы развозить государямъ первыя вспышки гнѣва, вырывавшіяся у Бонапарта, когда онъ узнавалъ какую-нибудь непріятную новость. Эта преступная угодливость была нерѣдко вредна самому господину. Она была причиной не одного разрыва, о которомъ сожалѣли, когда гнѣвъ проходилъ, и она даже способствовала паденію Бонапарта, такъ какъ въ послѣдній годъ его царствованія, въ то время, какъ онъ колебался въ Дрезденѣ на-счетъ того, что ему дѣлать, Маре на цѣлую недѣлю задержалъ столь необходимое отступленіе, потому что не рѣшался увѣдомить императора объ отпаденіи Баваріи, о которомъ тому было такъ важно узнать. Но вотъ анекдотъ про Талейрана, доказывающій, до какой степени этотъ искусный министръ умѣлъ ладить съ Бонапартомъ, а также и то, насколько онъ владѣлъ собою.

Весною 1802 г. велись въ Амьенѣ переговоры о мирѣ между Англіей и Франціей. Возникшія затрудненія между уполномоченными возбуждали нѣкоторое безпокойство. Первый консулъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ курьера. Курьеръ прибылъ и привезъ министру иностранныхъ дѣлъ столь желанную подпись.

Digitized by Google

Талейранъ положилъ ее въ карманъ и пошелъ къ консулу. Онъ явился къ нему съ тѣмъ безстрастнымъ лицомъ, какое сохранялъ во всѣхъ случаяхъ. Пробылъ у него цѣлый часъ, обсудилъ съ Бонапартомъ цѣлый рядъ важныхъ дѣлъ, и когда работа была вончена, сказалъ:

— Теперь я доставлю вамъ большое удовольствіе, трактатъ подписанъ, вотъ онъ.—Бонапартъ отвыкъ отъ такой манеры возвѣщать новости. — Зачѣмъ же вы тотчасъ не сказали мнѣ этого? — спросилъ онъ. — А, затѣмъ,—отвѣчалъ Талейранъ, что вы бы не стали ни о чемъ другомъ слушать. Когда вы счастливы, къ вамъ приступу нѣтъ.—Такое умѣнье молчать поразило консула и не разсердило его,—прибавилъ Талейранъ, потому что онъ тотчасъ же сообразилъ, какъ оно ему можетъ быть полезно.

Другой человѣкъ при этомъ дворѣ, сердечно болѣе преданный Бонапарту, чѣмъ Маре, и настолько же поклонявшійся ему, былъ маршалъ Бертье, князь Ваграмскій. Онъ участвовалъ въ египетской кампаніи и тамъ сильно привязался къ своему генералу. Онъ даже питалъ къ нему такую дружбу, что Бонапартъ, какъ ни мало былъ чувствителенъ ко всякимъ сердечнымъ проявленіямъ, не могъ иногда не тронуться этимъ. Но отношеніе между ними было не равное и служило Бонапарту лишь поводомъ требовать отъ Бертье всевозможной преданности, являющейся результатомъ искренней привязанности. Разъ Талейранъ разговаривалъ съ Бонапартомъ, тогда уже императоромъ. —Право, не понимаю, — говорилъ тотъ, — какимъ образомъ, между мною и Бертье могли установиться отношенія, похожія на дружбу. Я не трачу времени на безполезныя чувства, и Бертье такъ ничтоженъ, что я не знаю, къ чему я стану его любить; а, между тѣмъ, въ сущности, когда вниманіе мое не отвлечено, я чувствую, что не совсѣмъ равнодушенъ къ нему.— Если вы его любите, то знаете почему?—потому что онъ въ васъ вѣритъ!—замѣтилъ Талейранъ.

Лѣтомъ 1803 года рѣшено было совершить путешествіе въ Бельгію. Первый консулъ потребовалъ, чтобы оно было обставлено большой пышностью. Ему не трудно было убѣдить m-me Бонапартъ надѣть на себя все то, что могло поразить взоры народовъ, которые ее увидятъ.

Изъ четырехъ *dames de palais* выбраны были m-me Талуа и я; консулъ далъ мнѣ тридцать тысячъ франковъ на издержки. Онъ выѣхалъ 24 іюня 1803 г. въ сопровожденіи нѣсколькихъ экипажей, двухъ генераловъ изъ его гвардіи, адъю-

Digitized by Google

тантовъ, Дюрока, двухъ дворцовыхъ префектовъ и въ томъ числѣ г. де-Ремюза. Все было пущено въ ходъ, чтобы сдѣлать это путешествіе возможно пышнымъ. Когда Бонапартъ пріѣзжалъ въ какой-нибудь городъ, то дворцовому префекту поручалось немедленно созвать различныя власти, чтобы представиться консулу. Префектъ, мэръ, епископъ, предсѣдатели судовъ говорили ему рѣчи, затѣмъ, обращаясь къ m-me Бонапартъ привѣтствовали также и ее. Смотря по тому, былъ ли онъ болѣе или менѣе терпѣливо настроенъ, первый консулъ выслушивалъ эти рѣчи до конца, или же перебивалъ ихъ вопросами, обращенными къ разнымъ лицамъ о родѣ ихъ службы, или же о той мѣстности, гдѣ они ее отправляли. Онъ рѣдко разспрашивалъ съ интересомъ, но больше тономъ человѣка, который хочетъ доказать, что все знаетъ и желаетъ убѣдиться, говорятъ ли ему правду. Въ этихъ рѣчахъ толковалось про республику; но если бы кто-нибудь далъ себѣ трудъ перечитать ихъ, то увидѣлъ бы, что за немногими перемѣнами ихъ можно было бы легко сказать государю.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Фландріи были мэры, которые осмѣливались убѣждать консула завершить счастіе вселенной, замѣнить временный титулъ другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ высокимъ судьбамъ, къ какимъ онъ призванъ. Я была тутъ, когда это случилось впервые, и глядѣла на Бонапарта. Когда это было высказано, онъ съ трудомъ сдержалъ улыбку, готовую появиться на губахъ, но, овладѣвъ собою, перебилъ оратора и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣчалъ, что узурпація власти, которая повлекла бы паденіе республики, недостойна его; какъ Цезарь онъ отклонилъ корону, хотя, быть можетъ, былъ и радъ, что ее начинаютъ ему предлагать. И, въ сущности, добрые провинціалы, которыхъ мы посѣщали, были правы въ своей оцѣнкѣ: блескъ, окружавшій насъ, пышность этого, хотя военнаго, но роскошнаго двора, строгій церемоніалъ, повелительный тонъ господина, покорность всѣхъ окружающихъ и, наконецъ, присутствіе супруги перваго должностного лица въ государствѣ, которой республика ничѣмъ не была обязана и которую выставляли на всеобщее поклоненіе,—все это могло сопровождать лишь шествіе короля.

Послѣ этихъ аудіенцій, первый консулъ садился обыкновенно на коня; онъ показывался народу, который слѣдовалъ за нимъ съ криками; онъ посѣщалъ общественныя зданія, фабрики, все почти на лету, потому что не могъ ни за что отдѣлаться отъ торопливости въ манерахъ. Затѣмъ онъ давалъ обѣдъ, присутствовалъ на праздникѣ, который ему приготовили, и это было

Digitized by Google

самой скучной стороной въ его ремеслѣ, «потому что, говаривалъ онъ меланхолическимъ тономъ, я не созданъ для удовольствій».

Позднѣе, когда Наполеонъ уже былъ императоромъ, онъ часто дивился, что пышныя собранія, устраиваемыя имъ, не оживлены. Всѣ скучали вокругъ него, и самъ онъ скучалъ, и часто жаловался, сердился на смущенное молчаніе, котораго самъ же былъ причиною. «Удивительное дѣло, говаривалъ онъ, я собралъ въ Фонтенбло много народа, я хотѣлъ, чтобы веселились, регулировалъ всѣ удовольствія, а лица у всѣхъ вытянутыя, и каждый кажется такимъ утомленнымъ и печальнымъ».

— Это потому, — отвѣчалъ ему Талейранъ, что веселье нельзя вести съ барабаннымъ боемъ, а вы здѣсь, какъ и въ арміи, точно будто говорите: «Ну, messieurs et mesdames, впередъ, марш!» Онъ не сердился за эти слова. Талейранъ проводилъ долгіе часы съ нимъ наединѣ, и онъ позволялъ ему многое высказывать. Но въ салонѣ, гдѣ присутствовало человѣкъ сорокъ гостей, Талейранъ такъ же усиленно молчалъ, какъ и всѣ остальные.

Забота устроивать празднества лежала на г. де-Ремюза, который былъ назначенъ первымъ камергеромъ при дворѣ императора, и Талейранъ часто говаривалъ ему: — Жалѣю васъ: il vous faut amuser *l'inamusable*».

Въ своихъ поѣздкахъ, Бонапартъ взялъ привычку, освѣдомившись о томъ, какихъ общественныхъ учрежденій недостаетъ въ различныхъ городахъ, приказывать ихъ основывать. За эту щедрость онъ увозилъ съ собою благословенія жителей. Но потомъ происходило слѣдующее: «Согласно милости, дарованной вамъ первымъ консуломъ (а позднѣе, императоромъ),—сообщалъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—поручается вамъ, граждане-мэры, построить такое-то и такое зданіе, употребивъ для этого расхода капиталы вашей общины». Такимъ образомъ, города вдругъ оказывались вынужденными давать новое назначеніе своимъ капиталамъ въ такую минуту, когда ихъ не хватало на необходимые расходы.

Въ Аррасѣ, Лиллѣ, Дюнкирхенѣ насъ ожидали тѣ же встрѣчи; но мнѣ показалось, что энтузіазмъ ослабѣлъ, когда мы выѣхали за предѣлы старой Франціи. Въ Гентѣ особенно встрѣтили насъ нѣсколько холодно. Тщетно власти старались оживить жителей. Они выражали любопытство, но не преданность. Консулъ, слегка раздосадованный, хотѣлъ-было уѣхать, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и вечеромъ сказалъ женѣ: — Этотъ народъ богомоленъ и находится подъ вліяніемъ своихъ поповъ; надобно будетъ завтра подольше простоять въ церкви и привлечь духовенство какой-нибудь любезностью — и тогда увидимъ». И дѣйствительно, онъ

Digitized by Google

присутствовалъ при обѣдѣ съ видомъ глубокой набожности: вступилъ въ бесѣду съ епископомъ, котораго очаровалъ, и мало-по-малу добился, что народъ сталъ привѣтствовать его на улицахъ. Въ Гентѣ онъ увидѣлъ дочерей герцога де-Вилькье, одного изъ четырехъ каммергеровъ прежняго двора, племянницъ епископа, и возвратилъ имъ прекрасное помѣстье Вилькье, дающее значительный доходъ. Я была настолько счастлива, что содѣйствовала этой милости и вечеромъ заговорила съ консуломъ о благодарности, какую онъ внушилъ этимъ молодымъ особамъ.— Ахъ!—сказалъ онъ мнѣ, благодарность! вотъ поэтическое слово, не имѣющее никакого смысла въ революціонную эпоху; то, что я сдѣлалъ, не помѣшало бы вашимъ пріятельницамъ порадоваться, если бы какому-нибудь королевскому эмиссару удалось меня зарѣзать во время моего путешествія». И такъ какъ у меня вырвался жестъ удивленія, онъ продолжалъ:—Вы молоды, вы не знаете, что такое значитъ политическая ненависть. Видите ли, это—родъ граненыхъ очковъ, черезъ которыя на лица, мнѣнія, чувства глядятъ сквозь стекло страсти. Отсюда вытекаетъ то, что нѣтъ добра и зла самихъ по себѣ,—все зависитъ отъ взглядовъ партіи, къ которой принадлежишь. Въ сущности, такой взглядъ выгоденъ, и мы имъ пользуемся; вѣдь у насъ тоже есть свои очки, и мы смотримъ на вещи если не сквозь наши страсти, то сквозь наши интересы. — Но, сказала я ему въ свою очередь,—съ такой системой, куда же вы относите восхваленія, которыя вамъ пріятны? Для какого сорта людей тратите вы свою жизнь на великія предпріятія и опасныя зачастую попытки? — О! надо повиноваться своему призванію. Кто призванъ судьбою, тотъ не можетъ ей противиться. Къ тому же, человѣческая гордыня создаетъ себѣ желанную публику въ томъ идеальномъ мірѣ, который зовется потомствомъ. Стоитъ вспомнить только, что нѣтъ черезъ сто прекрасный стихъ напомнитъ о какомъ-нибудь великомъ дѣяніи, что картина увѣковѣчитъ воспоминанія о немъ и пр.,—и вотъ воображеніе разгорячается, поле битвы перестаетъ казаться опаснымъ, пушки тщетно грохочутъ, ихъ громъ представляется звукомъ, который донесетъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ ваше имя отдаленнѣйшимъ потомкамъ.—Никогда не пойму, возразила я, чтобы можно было рисковать жизнью для славы, если въ душѣ презираешь своихъ современниковъ. Тутъ Бонапартъ поспѣшно перебилъ меня: — «Я не презираю людей, сударыня, никогда не говорите этого; а главное—я уважаю французовъ!»

Я улыбнулась при этомъ неожиданномъ заявленіи, и онъ, какъ-бы понявъ смыслъ моей улыбки, тоже улыбнулся и, подойдя

Digitized by Google

ко мнѣ, дернулъ меня за ухо, что у него было обычнымъ жестомъ, когда онъ бывалъ въ духѣ, и повторилъ: — «Слышите ли, милостивая государыня, никогда не смѣйте говорить, что я презираю французовъ».

Одно утро я присутствовала при томъ, какъ консулъ, или, вѣрнѣе будетъ сказать въ этомъ случаѣ, генералъ, дѣлалъ смотръ многочисленнымъ и великолѣпнымъ полкамъ, которые призвалъ изъ Брюсселя. Ничего не могло быть упоительнѣе того, какъ его встрѣчали войска въ эту эпоху. Но за то надо было видѣть, какъ онъ умѣлъ говорить съ солдатами, какъ онъ ихъ поочереди разспрашивалъ объ ихъ кампаніяхъ, объ ихъ ранахъ. Я слыхала отъ m-me Бонапартъ, что ея супругъ долго сохранялъ привычку изучать по вечерамъ, въ постели, такъ-называемые кадры арміи. Онъ заснималъ надъ именами корпусовъ и даже лицъ, входившихъ въ составъ этихъ корпусовъ; онъ хранилъ ихъ въ своей памяти, и это помогало ему узнавать солдатъ и называть ихъ по имени, къ ихъ величайшей радости, что ихъ такъ отличаетъ главнокомандующій. Позднѣе, когда арміи его стали такъ многочисленны, а сраженія такъ жестоко опустошали ихъ ряды, онъ сталъ пренебрегать этимъ средствомъ обольщенія. Къ тому же, смерть скосила столько воспоминаній, что вскорѣ стало трудно встрѣчать соратниковъ прежнихъ дѣлъ, и когда онъ говорилъ рѣчи солдатамъ, когда велъ ихъ въ огонь, то ему приходилось обращаться къ нимъ уже какъ къ славному потомству, которому предыдущая и уничтоженная армія завѣщала свою славу. И этотъ способъ одушевлять солдатъ долго еще удавался ему съ націей, убѣжденной въ необходимости слѣдовать призыву судьбы, и ежегодно умирать за него.

Я уже говорила, что Бонапартъ любилъ вспоминать о своемъ походѣ въ Египетъ. Онъ возилъ съ собою туда Монжа, ученаго, котораго онъ сдѣлалъ сенаторомъ, и котораго особенно любилъ за то только, что онъ былъ въ числѣ академиковъ, сопутствовавшихъ ему въ Египетъ. Часто онъ вспоминалъ съ нимъ объ этой экспедиціи, «объ этой поэтической землѣ, — говорилъ онъ, которую попиралъ Цезарь и Помпей». Онъ съ восторгомъ вспоминалъ о томъ, какъ восточные люди видѣли въ немъ новаго пророка; его господство надъ воображеніемъ, будучи самымъ безусловнымъ, соблазняло его всего болѣе. «Во Франціи, — говорилъ онъ, — мы должны все завоевывать путемъ доказательствъ. А вотъ въ Египтѣ, Монжъ, мы не нуждались въ математикѣ».

Digitized by Google

Республиканскій годъ окончился по обыкновенію въ половинѣ сентября и годовщина республики была отпразднована больними народными празднествами и съ королевской пышностью въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Въ то же самое время узнали, что ганноверцы, завоеванные генераломъ Мортье, праздновали день рожденія консула. Такимъ образомъ, мало-по-малу, сначала становясь во главѣ всего, затѣмъ уже выступая единолично, онъ пріучалъ Европу видѣть во Франціи только одну его особу, которую выдвигалъ всюду и на мѣсто всего.

Такъ какъ Бонапартъ понималъ, что старыя понятія ему враждебны, то съ раннихъ поръ и довольно ловко привлекалъ на свою сторону молодежь, которой открывалъ доступъ во всѣ должности. Онъ часто говорилъ, что предпочитаетъ всему выгоду управлять новымъ народомъ, и что онъ находитъ его среди молодежи.

Тѣмъ временемъ шли большія приготовленія по части плоскодонныхъ судовъ, долженствовавшихъ служить для экспедиціи въ Англію. Послѣ объявленія войны Англіи, не знаю, кто первый подалъ Бонапарту мысль о десантѣ. Я не стану даже увѣрять, что онъ въ самомъ дѣлѣ увѣровалъ въ себя или же только воспользовался случаемъ для того, чтобъ созвать и укрѣпить армію, собранную въ Булони. Впрочемъ, столько людей утверждало, что этотъ десантъ возможенъ, что, быть можетъ, онъ повѣрилъ, что судьба готовитъ ему такой успѣхъ. Говорили, что самъ консулъ будетъ командовать экспедиціей, и это предпріятіе не казалось свыше его смѣлости или его удачи. Наши газеты представляли намъ Англію взволнованной и встревоженной, и въ сущности англійское правительство не было вполнѣ свободно отъ страха по этому поводу. «Moniteur» продолжалъ съ ожесточеніемъ сражаться съ лондонскими газетами, и брань не умолкала съ обѣихъ сторонъ. Во Франціи приводили въ исполненіе законъ о конскрипціи, и многочисленные полки начинали собираться подъ знамена. Порою люди вопрошали себя о мотивахъ такого сильнаго вооруженія и обсуждали статьи, появлявшіяся въ «Moniteur» и гласившія безъ всякихъ комментаріевъ: «англійскіе журналисты подозрѣваютъ, что великія военныя приготовленія, дѣлаемыя первымъ консуломъ въ Италіи, предназначаются для Египта».

Никакого отчета французской націи не давали; но она питала къ Бонапарту такое довѣріе, какое внушаетъ магія легковѣрнымъ умамъ; и такъ какъ въ успѣхъ его предпріятій вѣрили безусловно въ народѣ, естественно влюбленномъ въ успѣхъ, то

Digitized by Google

ему нетрудно было добиться молчаливаго согласія на всѣ свои операціи. Уже съ этой эпохи немногіе сообразительные люди начинали догадываться, что онъ не будетъ для насъ *полезнымъ человѣкомъ*, но такъ какъ ужасъ, внушаемый революціоннымъ правительствомъ, все же заставлялъ видѣть въ немъ *необходимаго человѣка*, то боялись, оказывая ему сопротивленіе, содѣйствовать возмущенію партіи, которую, по общему мнѣнію, онъ одинъ могъ обуздывать.

А онъ, вѣчно дѣятельный, вѣчно занятый, усиленно не давалъ умамъ того покоя, какой необходимъ для размышленія, и съ разныхъ сторонъ возбуждалъ тревоги, которыя должны были служить его цѣлямъ. Газеты перепечатали письмо графа д'Артуа изъ «Morning Chronicle», гдѣ онъ предлагалъ королю англійскому услуги эмиссаровъ въ случаѣ десанта; распустились слухи о нѣкоторыхъ попыткахъ, дѣлаемыхъ въ западныхъ департаментахъ, а съ тѣхъ поръ, какъ въ этой части Франціи вандейская война смѣнилась безславными безпорядками, которые производили *шуаны*, всѣ привыкли думать, что всякое движеніе въ той мѣстности должно неизбѣжно привести къ однимъ грабежамъ и пожарамъ; словомъ, залогъ для общественнаго спокойствія видѣли единственно лишь въ прочности установленнаго правительства, и когда друзья свободы оплакивали ея утрату, имъ отвѣчали слѣдующими разсужденіями, которыя какъ-бы оправдывались существующими обстоятельствами: «послѣ столькихъ бурь, среди борьбы партій, одна только сила можетъ дать намъ свободу, и пока мы видимъ, что усилія ея клонятся къ возстановленію принциповъ порядка и нравственности, мы не можемъ думать, что сошли съ вѣрнаго пути; вѣдь дѣло въ томъ, что творецъ исчезнетъ, но дѣло, созданное имъ, останется».

Врань между англійскими газетами и «Moniteur» не умолкала: «говорятъ, что французы совершенно опустошили Ганноверъ и готовятся оставить его», вотъ что писалъ «Times», и немедленно «Moniteur» возражалъ: «да, когда вы оставите Мальту».

Намъ сообщали окружныя посланія епископовъ, увѣщавшихъ націю вооружаться за правое дѣло. «Изберите мужественныхъ людей, говорилъ епископъ Аррасскій и ступайте сражаться съ Амалекомъ; подчиняться общественному порядку, сказалъ Боссюэтъ, значитъ подчиняться порядку Бога, который учреждаетъ имперіи».

Эта цитата изъ Боссюэта приводитъ мнѣ на память анекдотъ, который очень хорошо разсказывалъ старый епископъ Эврё, м-г Бурлье. Дѣло было въ эпоху собора, который былъ со-

Digitized by Google

звать въ Парижѣ за тѣмъ, чтобы убѣдить епископовъ оказать сопротивленіе рѣшеніямъ папы. «Иногда, разсказывалъ мнѣ епископъ, императоръ призывалъ насъ всѣхъ и пускался съ нами въ богословскія словопренія; обращаясь къ самымъ непокорнымъ изъ насъ, онъ говорилъ: «господа епископы, моя религія—это религія Боссюэта; я вижу въ немъ отца церкви, онъ защищалъ наши вольности, я желаю сохранить его дѣло и поддержать ваше собственное достоинство. Слышите ли, господа?»

«И говоря это, блѣдный отъ гнѣва, онъ хватался рукою за рукоятку шпаги и возбуждалъ во мнѣ трепетъ горячностью, съ какой готовился оборонять насъ; эта странная амальгама имени Боссюэта, слова «свобода» и этотъ угрожающій жестъ готовы были вызвать у меня улыбку, если бы въ сущности меня не огорчали церковные раздоры, которые я предвидѣлъ».

Я приближаюсь къ важной эпохѣ и очень тяжелой для описанія. Мнѣ предстоитъ говорить о заговорѣ Жоржа Кадудаля и о преступленіи, которое оно вызвало. Но прежде мнѣ кажется необходимо предпослать этому разсказу краткое изложеніе того положенія дѣлъ, въ какомъ мы находились.

Нѣкоторые люди, близко стоявшіе у дѣлъ, уже начинали поговаривать о необходимости для Франціи установить наслѣдственность власти, управлявшей ею. Царедворцы-политиканы, добросовѣстные революціонеры, люди, связывавшіе спокойствіе Франціи съ жизнью одного человѣка, учредили консульство. Мало-по-малу, идеи стали мириться съ королевской властью, и этотъ ходъ идей могъ бы имѣть свои выгоды, если бы люди могли столковаться и учредить королевскую власть, умѣряемую законами.

Между тѣмъ роялисты начинали тревожиться, видя, что Бонапартъ день ото дня все дальше и дальше отходитъ отъ пути, на которомъ они его давно уже поджидали. Якобинцы, оппозиція которыхъ первый консулъ опасался гораздо больше, глухо волновались. Они находили, что правительство даетъ различныя гарантіи скорѣе ихъ антагонистамъ, нежели имъ. Конкордатъ, записываніе у старшинъ дворянства, уничтоженіе революціоннаго равенства—все это казалось имъ узурпаціей. Какъ бы-то ни было, въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, первый консулъ находилъ нужнымъ упрѣпить свою власть какой-нибудь новой мѣрой.

Я часто слыхала отъ самого Бонапарта, лѣтомъ 1804 г., что на этотъ разъ событія его опередили, и что планъ его заключался въ томъ, чтобы учредить королевство двумя годами позднѣе.

Digitized by Google

Но обратимся къ фактамъ. Пишегрю прибылъ во Францію 15 января 1804 г., и уже съ 25 января скрывался въ Парижѣ. Извѣстно было, что въ V году республики генералъ Моро доносилъ на него правительству, что онъ поддерживаетъ сношенія съ Бурбонскимъ домомъ. Моро слылъ за человѣка съ республиканскими убѣжденіями; но, быть можетъ, онъ промѣнялъ ихъ на конституціонно-монархическія. Какъ бы то ни было, въ эпоху, о которой я говорю, Моро былъ очень сильно раздраженъ противъ Бонапарта. Никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ видѣлся секретно съ Пишегрю; по крайней мѣрѣ онъ умолчалъ о заговорѣ; нѣкоторые изъ захваченныхъ въ ту пору роялистовъ обвиняли его въ томъ, что онъ обнаружилъ осторожное колебаніе человѣка, желающаго убѣдиться въ успѣхѣ, прежде нежели высказаться. Моро, говорили, былъ человѣкъ слабый и ничтожный внѣ поля битвы; я думаю, что его слава оказалась для него слишкомъ тяжела. «Есть люди, говорилъ Бонапартъ, которымъ слава не по плечу; роль Монка отлично шла бы къ Моро; на его мѣстѣ я тоже обратился бы къ ней, но только болѣе искусно». Словомъ, Бонапартъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ называлъ *нравственной изнѣной* Моро.

Съ нѣкоторыхъ поръ поговаривали объ этомъ заговорѣ. 17 февраля 1804 г. утромъ я отправилась въ Тюльери. Консулъ былъ въ комнатѣ жены; обо мнѣ доложили; я вошла. М-me Бонапартъ показалась мнѣ смущенной; глаза у ней были очень красны. Бонапартъ сидѣлъ у камина и держалъ маленькаго Наполеона [1]) на колѣняхъ. Видъ у него былъ серьёзный, но не раздраженный.

— Знаете ли, что я сдѣлалъ?—сказалъ онъ мнѣ. И на мой отрицательный отвѣтъ продолжалъ:—Я далъ приказъ арестовать Моро.—Вѣроятно, у меня вырвалось движеніе.

— Ахъ! вотъ и вы удивлены,—началъ онъ:—это надѣлаетъ порядочнаго шума, не правда ли? Не преминутъ сказать, что я завидую Моро, что это месть и подобныя глупости. Я ревную Моро! Богъ мой! да онъ мнѣ обязанъ главнымъ образомъ своей славой; я оставилъ ему прекрасную армію, а себѣ удержалъ въ Италіи однихъ рекрутовъ; я ничего лучшаго не желалъ, какъ жить съ нимъ въ мирѣ. Конечно, я его не боялся; во-первыхъ, я никого не боюсь, а Моро менѣе, чѣмъ кого бы-то ни было. Я двадцать разъ мѣшалъ ему скомпрометтировать себя; я предупреждалъ его, что насъ поссорятъ; онъ это сознавалъ, какъ и я.

[1]) Старшій сынъ м-me Луи-Бонапартъ, позднѣе, королевы Гортензіи. Онъ родился 10 октября 1802 г. и умеръ отъ крупа 5 мая 1807 г.

Digitized by Google

Но онъ слабъ и высокомѣренъ; женщины руководятъ имъ, партіи наслѣдаютъ на него...

Говоря это, Бонапартъ всталъ и подошелъ къ женѣ, взялъ ее за подбородокъ и заставилъ поднять голову:—Не у всѣхъ есть такая добрая жена, какъ у меня, сказалъ онъ.—Ты плачешь, Жозефина? почему? ты развѣ боишься?

— Нѣтъ, но мнѣ не нравится то, что будутъ говорить.

— Что-жъ дѣлать?..—И повернувшись ко мнѣ:—Во мнѣ нѣтъ ненависти, желанія мстить, я очень много размышлялъ прежде, чѣмъ арестовалъ Морб; я могъ посмотрѣть на него сквозь пальцы, дать ему время бѣжать; но тогда сказали бы, что я не посмѣлъ предать его суду. У меня есть доказательства его виновности; онъ виновенъ, я—правительство; все это произойдетъ очень просто.

Не знаю, дѣйствуетъ ли на меня сила воспоминаній, но мнѣ трудно вѣрится, чтобы Бонапартъ, говоря это, былъ неискренень. Я видѣла, какъ онъ преуспѣвалъ въ притворствѣ, но въ эту эпоху у него еще бывали въ голосѣ правдивые звуки, которыхъ впослѣдствіи я уже больше не слыхала. Но можетъ статься и то, что я въ ту пору еще вѣрила въ него.

Послѣ этого онъ ушелъ, и m-me Бонапартъ разсказала мнѣ, что онъ провелъ почти всю ночь на ногахъ, обсуждая вопросъ: арестовать ли Морб, взвѣшивая мотивы за и противъ, безъ малѣйшаго личнаго раздраженія; что передъ разсвѣтомъ онъ призвалъ генерала Бертье и послѣ довольно продолжительной бесѣды, рѣшился послать въ Гробуа, куда удалился Морб.

Это событіе надѣлало много шума; о немъ разно говорили. Въ трибунатѣ братъ генерала Морб, бывшій трибунатъ, говорилъ очень рѣзко и произвелъ нѣкоторый эффектъ. Три государственныхъ корпуса послали депутацію поздравить консула съ освобожденіемъ отъ опасности, которой онъ подвергался. Въ Парижѣ часть буржуазіи, адвокаты, литераторы—все, что могло изображать либеральную часть населенія, высказывались за Морб. Легко было распознать нѣкотораго рода оппозицію въ томъ интересѣ, который онъ возбуждалъ; готовились идти толпой въ судъ, куда его призовутъ; высказывались даже угрозы на тотъ случай, если бы его осудили. Полиція Бонапарта донесла ему, что толкуютъ о томъ, чтобы разбить двери тюрьмы. Бонапартъ началъ сердиться, и я уже не находила въ немъ больше прежняго спокойнаго отношенія къ этому дѣлу. Зять его Мюратъ, бывшій тогда губернаторомъ Парижа, ненавидѣлъ Морб; онъ старательно возбуждалъ противъ него Бонапарта ежедневными ядовитыми

Digitized by Google

донесеніями: онъ вмѣстѣ съ префектомъ полиціи Дюбуа преслѣдовалъ его тревожными рапортами и, къ несчастію, событія оправдывали ихъ. Каждый день открывались новыя развѣтвленія заговора, а парижское общество упорно въ него не вѣрило. Тутъ шла маленькая война мнѣній между Бонапартомъ и парижанами.

29-го февраля открыли убѣжище Пишегрю, и онъ былъ арестованъ, послѣ храбраго сопротивленія жандармамъ. Съ той минуты какъ онъ былъ арестованъ, заставы парижскія были заперты, чтобы не пропустить Жоржа Кадудаля, котораго общественное мнѣніе считало душою заговора. Всѣхъ очень смущала ловкость, съ какою онъ уклонялся отъ преслѣдованій. Фуше непрерывно насмѣхался надъ неумѣлостью полиціи, и этимъ клалъ основаніе своему новому кредиту; насмѣшки его возбуждали Бонапарта, уже недовольнаго,—и видя, что парижане не довѣряютъ несомнѣннымъ фактамъ, послѣ того какъ онъ подвергался большой опасности, онъ испытывалъ желаніе отмстить. «Вотъ видите,—говорилъ онъ,—можно ли управлять французами, путемъ легальныхъ и умѣренныхъ учрежденій! Я упразднилъ революціонное, но полезное министерство — и заговоры тотчасъ же образовались. Я отказался отъ личныхъ впечатлѣній, предоставилъ независящей отъ меня власти наказать человѣка, желавшаго моей погибели, и—вмѣсто того, чтобы быть мнѣ благодарными—смѣются надъ моей умѣренностью, искажаютъ мотивы моего поведенія. Хорошо! я научу ихъ перевирать мои намѣренія! Я снова воспользуюсь всѣми своими полномочіями и докажу, что я одинъ призванъ управлять, рѣзать и карать!»

Полиньякъ, де-Ривьеръ и другіе были арестованы по-очередно. Публика увѣровала, наконецъ, мало-по-малу въ существованіе заговора — и заговора роялистовъ. Но республиканская партія продолжала отстаивать Моро. Наконецъ, 29-го марта Жоржъ Кадудаль былъ арестованъ на площади Одеона. Онъ ѣхалъ въ кабріолетѣ — и, замѣтя, что за нимъ гонятся, погналъ свою лошадь. Одинъ изъ полицейскихъ храбро схватилъ лошадь подъ уздцы, но былъ убитъ на-повалъ изъ пистолета Жоржемъ Кадудалемъ. На народъ сбѣжался, кабріолетъ остановили, и Жоржъ былъ схваченъ. При немъ нашли отъ шестидесяти до восьмидесяти тысячъ франковъ банковыми билетами, которые отдали вдовѣ убитаго имъ человѣка. Въ газетахъ тотчасъ же появилось, что онъ сознался, что прибылъ во Францію затѣмъ, чтобы убить Бонапарта. Но, сколько мнѣ помнится, въ то время передавали, что Жоржъ, выказавшій большую твердость на судѣ и большую преданность Бурбонамъ, отрицалъ намѣреніе убить, но сознался,

Digitized by Google

что планъ его былъ—напасть на экипажъ консула и похитить его, не дѣлая ему вреда. Наступала Страстная недѣля. Въ Вербное воскресенье, 18-го марта, начиналась недѣля моего дежурства при m-me Бонапартъ. Она объявила мнѣ, что мы проведемъ эту недѣлю въ Мальмезонѣ. «Я очень этому рада,—прибавила она,—потому что въ настоящую минуту Парижъ меня страшитъ». Нѣсколько часовъ спустя, мы выѣхали. Бонапартъ ѣхалъ отдѣльно въ своей каретѣ, m-me Бонапартъ — въ своей, вмѣстѣ со мной. Дорогой я замѣтила, что она молчалива и грустна, и выразила ей свое безпокойство по этому поводу. Она какъ-будто не рѣшалась отвѣчать мнѣ, но затѣмъ сказала:

— Я открою вамъ большую тайну. Сегодня Бонапартъ сообщилъ мнѣ, что послалъ на границу де-Коленкура захватить герцога Энгіенскаго. Его привезутъ сюда.

— Ахъ, Боже мой! — закричала я: — что съ нимъ хотятъ дѣлать?

— Кажется, что его будутъ судить.

Эти слова такъ испугали меня, что m-me Бонапартъ подумала, что я лишилась чувствъ, и поспѣшила спустить стекло кареты.

— Я сдѣлала все, что только могла,—продолжала она,—чтобы добиться отъ него обѣщанія, что принцъ не погибнетъ, но боюсь, что рѣшеніе его непоколебимо.

— Какъ! вы думаете, что онъ казнитъ его?

— Боюсь, что да.

На слѣдующій день она объявила мнѣ, что Бонапартъ рѣшительно отвергъ всѣ ея просьбы о помилованіи: женщины должны были бы держаться въ сторонѣ отъ этихъ дѣлъ,—говорилъ онъ:—его политика требуетъ этого coup d'état; оно дастъ ему право быть затѣмъ милостивымъ; ему приходится выбирать между этимъ рѣшительнымъ поступкомъ или цѣлымъ рядомъ непрерывныхъ заговоровъ, которые придется ежедневно наказывать. Безнаказанность ободритъ партіи, и онъ вынужденъ будетъ преслѣдовать, ссылать, безпрестанно осуждать, отмѣнить все, что онъ уже сдѣлалъ для эмигрантовъ, отдаться въ руки якобинцевъ. Роялисты уже не разъ компрометтировали его передъ революціонерами. Этотъ поступокъ снималъ съ него отвѣтственность передъ всѣми. Къ тому же, герцогъ Энгіенскій участвовалъ въ заговорѣ Жоржа; онъ вносилъ смуту во Францію, содѣйствовалъ мщенію англичанъ; кромѣ того, его военная слава могла волновать армію; когда онъ умретъ, солдаты совсѣмъ порвутъ съ Бурбонами. Въ политикѣ смерть, долженствующая возстановить

Digitized by Google

всеобщее спокойствіе, не составляетъ преступленія; приказаніе отдано, отмѣнить его больше нельзя.

Во вторникъ утромъ m-me Бонапартъ сказала мнѣ: «Все кончено; герцога Энгіенскаго привезутъ сегодня вечеромъ. Его посадятъ въ Венсеннъ и ночью будутъ судить. Мюратъ беретъ все на себя. Онъ отвратителенъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ толкаетъ Бонапарта; онъ повторяетъ, что его милосердіе сочтутъ за слабость, и что якобинцы придутъ въ ярость. Партія, которая недовольна тѣмъ, что не пощадили военную славу генерала Моро, будетъ спрашивать, за что Бурбону оказываютъ больше милости. Словомъ, Бонапартъ запретилъ мнѣ говорить съ нимъ объ этомъ. Онъ говорилъ мнѣ о васъ,—прибавила она:—я созналась ему, что все вамъ сказала; его поразилъ вашъ грустный видъ. Старайтесь овладѣть собой.

Къ обѣду пришлось сойти внизъ и принять спокойный видъ, но это мнѣ не удавалось. Бонапартъ игралъ въ шахматы; онъ пристрастился къ этой игрѣ. Увидя меня, онъ меня подозвалъ къ себѣ и спросилъ совѣта: — я не была въ состояніи сказать двухъ словъ. Онъ говорилъ со мной такимъ мягкимъ тономъ и съ такимъ участіемъ, что это окончательно смутило меня. Послѣ обѣда онъ вдругъ сказалъ мнѣ, пристально взглянувъ на меня: «Почему вы не нарумянены?—вы слишкомъ блѣдны». Я отвѣчала ему, что забыла нарумяниться. «Какъ?—повторилъ онъ:—вотъ женщина, которая забываетъ румяниться!» и съ хохотомъ замѣтилъ: «съ тобою, Жозефина, никогда этого не случится!» Потомъ прибавилъ: «къ женщинамъ идутъ двѣ вещи—румяна и слезы». Всѣ эти шутки окончательно сбили меня съ толку. Веселость генерала Бонапарта не знавала ни мѣры, ни приличій. Когда онъ былъ веселъ, то принималъ манеры, отзывавшіяся казармой. Онъ довольно долго дурачился съ женой, скорѣе вольно, нежели пристойно, затѣмъ позвалъ меня играть въ шахматы. Онъ нехорошо игралъ, потому что не хотѣлъ подчиняться правиламъ. Я предоставляла ему дѣлать все, что ему угодно; всѣ молчали; вдругъ онъ запѣлъ сквозь зубы. Затѣмъ ему пришли стихи на память. Онъ произнесъ вполголоса: «Soyons amis, Cinne», потомъ слова Гузмана въ «Альзирѣ»:

Des dieux que nous servons connais la différence;
Les tiens t'ont commandé le meurtre et la vengeance,
Et le mien, quand ton bras vient de m'assassiner,
M'ordonne de te plaindre et de te pardonner...

Я невольно подняла голову и поглядѣла на него; онъ улыбнулся и продолжалъ. Вправо, мнѣ въ эту минуту пришло въ

Digitized by Google

голову, что, можетъ быть, онъ обманываетъ жену и всѣхъ, и готовится простить. «Вы любите стихи?» спросилъ меня Бонапартъ. Мнѣ очень хотѣлось отвѣтить: да, въ особенности—когда они кстати.—Но я не посмѣла.

Ночь, эта жестокая ночь, прошла. Утромъ рано я сошла въ гостиную. И нашла тамъ одного Савари, чрезвычайно блѣднаго и—должна отдать ему эту справедливость—очень разстроеннаго. Губы его дрожали, когда онъ говорилъ со мной, а между тѣмъ слова его были совсѣмъ незначащія. Я не разспрашивала его. Съ такого рода особами вопросы всегда бываютъ безполезны. Они говорятъ то, что хотятъ, тогда когда ихъ объ этомъ не спрашиваютъ, и никогда не отвѣчаютъ на вопросы.

М-me Бонапартъ вошла въ гостиную, нечально посмотрѣла на меня и, садясь, сказала Савари: «Ну, что же, кончено?»—«Да, — отвѣчалъ онъ: — онъ умеръ сегодня поутру и, долженъ сознаться, съ большимъ мужествомъ». Я была сражена.

Послѣ обѣда m-me Бонапартъ и ея дочь очень увѣщевали меня быть какъ можно спокойнѣе. Первая сказала мнѣ поутру, что мужъ спрашивалъ у нея, какое дѣйствіе произвела на меня роковая вѣсть, и когда она отвѣтила, что я плакала, замѣтилъ: «Вполнѣ естественно; она поступила какъ женщина; вы, женщины, ничего не смыслите въ моихъ дѣлахъ; но мало-по-малу все успокоится, и всѣ увидятъ, что я не глупо поступилъ».

Въ этотъ день консулъ не прикидывался веселымъ. Напротивъ того, за обѣдомъ онъ былъ очень задумчивъ — и всѣ мы молчали. Когда мы уже готовились встать изъ-за стола, консулъ, отвѣчая на свои мысли, произнесъ рѣзкимъ и сухимъ тономъ: «По крайней мѣрѣ, они увидятъ, на что мы способны, и отнынѣ, надѣюсь, насъ оставятъ въ покоѣ». Вечеромъ собрались посѣтители. Лица всѣхъ были искусственно спокойны. Сначала разговоръ не клеился, женщины сидѣли и безмолвствовали; мужчины стояли полукругомъ; Бонапартъ ходилъ изъ одного угла въ другой. Онъ завелъ полу-литературный, полу-историческій споръ съ Фонтаномъ, по поводу нѣсколькихъ историческихъ именъ, которые были произнесены; онъ высказалъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ нашихъ королей и полководцевъ. Я замѣтила въ этотъ день, что у него была склонность ко всякаго рода развѣнчиваніямъ. Онъ превозносилъ Карла-Великаго, но утверждалъ, что Франція всегда была въ упадкѣ при Валуа. Онъ сталъ унижать величіе Генриха IV-го: «Ему недоставало, — говорилъ онъ,— серьёзности. Государь долженъ избѣгать щегольства добродушіемъ, Чего онъ добивается? напомнить окружающимъ, что онъ такой

Digitized by Google

же человѣкъ, какъ другіе? Какая безсмыслица! Разъ онъ — король, то и стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ, и я всегда видѣлъ инстинктивное пониманіе истинной политики въ идеѣ Александра произвести себя отъ бога». Онъ прибавилъ, что Людовикъ XIV лучше зналъ французовъ, нежели Генрихъ IV; но поспѣшилъ прибавить, что онъ подчинялся вліянію поповъ и «старой бабы», и высказалъ на этотъ счетъ нѣсколько довольно пошлыхъ сужденій. Послѣ того онъ заговорилъ о нѣкоторыхъ полководцахъ Людовика XIV и о военной наукѣ вообще. «Военная наука, — говорилъ онъ, — заключается въ томъ, чтобы сначала взвѣсить всѣ шансы, а затѣмъ правильно — почти математически вѣрно — разсчитать всѣ случайности. На этомъ пунктѣ не слѣдуетъ ошибаться, потому что одна десятая больше или меньше можетъ все измѣнить. Между тѣмъ это равновѣсіе между наукой и случайностью можетъ уживаться только въ геніальной головѣ, потому что для творчества нуженъ геній, а величайшей импровизаціей человѣческаго ума является, разумѣется, та, которую даетъ жизнь тому, чего не существуетъ. Такимъ образомъ, случай всегда остается тайной для посредственныхъ умовъ — и становится дѣйствительностью для умовъ высшихъ. Тюреннь совсѣмъ о немъ не думалъ, и держался только системы. Я думаю, — прибавилъ онъ, улыбаясь, — что я бы его разбилъ. Кондé сознавалъ его больше, нежели Тюреннь, но предавался ему вслѣдствіе своей нылкости. Принцъ Евгеній принадлежитъ къ тѣмъ, которые всего лучше его оцѣняли. Генрихъ IV всегда ставилъ храбрость превыше всего; онъ давалъ только бои, но не выпутался бы съ честью изъ правильнаго сраженія. Катинô такъ превознесли отчасти ради демократіи; я, съ своей стороны, одержалъ побѣду тамъ, гдѣ его разбили. Философы создали ему репутацію по своему вкусу, и это было тѣмъ легче, что можно говорить все, что̀ угодно, о людяхъ посредственныхъ, возвеличенныхъ обстоятельствами, которыхъ они не создавали. Чтобы быть истинно великимъ человѣкомъ, въ какомъ бы то ни было родѣ, надо на самомъ дѣлѣ импровизировать часть своей славы и съумѣть стать выше того событія, какое вызвалъ. Напримѣръ, Цезарь во многихъ случаяхъ выказывалъ слабость, которая заставляетъ меня съ недовѣріемъ относиться къ похваламъ, которыми его осыпаетъ исторія. Monsieur де-Фонтанъ, ваши друзья-историки часто бываютъ мнѣ подозрительны, — самъ вашъ Тацитъ ничего не объясняетъ; онъ дѣлаетъ выводы изъ нѣкоторыхъ результатовъ, не указывая путей, которыми къ нимъ пришелъ; онъ, мнѣ кажется, искусный писатель, но совсѣмъ не государственный человѣкъ.

Digitized by Google

Онъ описываетъ намъ Нерона, какъ отвратительнаго тирана, а затѣмъ объявляетъ—почти одновременно съ тѣмъ, какъ говоритъ объ удовольствіи, съ какимъ Неронъ сжегъ Римъ,—что народъ очень любилъ его. Все это неясно. Ахъ, вѣрьте мнѣ, насъ немного обморочили писатели, которые фабриковали исторію сообразно естественной склонности своего ума. Но знаете ли, чью исторію, хорошо написанную, я желалъ бы прочитать?—Исторію короля прусскаго Фридриха. Я думаю, что онъ изъ тѣхъ, которые наилучшимъ образомъ знали свое ремесло во всѣхъ отношеніяхъ. Эти дамы,—обратился онъ къ намъ,—не согласятся съ моимъ мнѣніемъ, и скажутъ, что онъ былъ сухой эгоистъ; но развѣ государственный человѣкъ можетъ быть чувствительнымъ? Развѣ онъ не стоитъ особнякомъ отъ всего міра? Онъ смотритъ на все сквозь стекла политики и долженъ заботиться лишь о томъ, чтобы эти стекла ничего не преувеличивали и не уменьшали. И пока онъ внимательно наблюдаетъ предметы, онъ долженъ такъ же внимательно приводить въ движеніе нити, которыя держитъ въ рукахъ. Колесница, которою онъ управляетъ, зачастую бываетъ запряжена разношерстными конями; подумайте, есть ли ему возможность щадить нѣкоторыя приличія въ сферѣ чувствъ, обязательныя для толпы. Можетъ ли онъ принимать во вниманіе узы крови, привязанности, общественныя приличія? И въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится, какъ много его поступковъ, разсматриваемыхъ не въ общей сложности съ его дѣломъ, навлекаютъ порицанія, хотя они должны содѣйствовать великому дѣлу, неясному еще для толпы! Настанетъ день и имя завершится созданіе гигантскаго колосса, которому будетъ поклоняться потомство. Несчастные вы люди! Вы удерживаетесь отъ похвалъ, потому что боитесь, чтобы эта великая машина не произвела на васъ дѣйствія Гулливера, который, передвигая ноги, давилъ Лиллипутовъ. Опомнитесь, опередите время, расширьте воображеніе, глядите вдаль—и вы увидите, что эти великіе люди, которыхъ вы считаете безжалостными, жестокими, просто-на-просто политики. Они знаютъ самихъ себя и судятъ о самихъ себѣ лучше, чѣмъ вы, и когда они въ самомъ дѣлѣ искусны, то умѣютъ сдерживать свои страсти, потому что разсчитываютъ всѣ ихъ послѣдствія!»

Изъ этого, такъ-сказать, *манифеста* можно видѣть сущность мнѣній Бонапарта, и то, какимъ образомъ у него одна идея порождала рядъ другихъ. Говоря такимъ образомъ больше часу, онъ все время ходилъ взадъ и впередъ. Наконецъ, приказалъ

Digitized by Google

Фонтану прочитать выдержки изъ корреспонденціи Драка, касавшіеся заговора.

Когда чтеніе было окончено: «Вотъ доказательства, которыхъ нельзя опровергнуть. Эти люди желали бы возбудить безпорядки во Франціи и убить революцію въ моемъ лицѣ; я долженъ былъ защитить ее и отмстить за нее. Я показалъ, на что она способна. Герцогъ Энгіенскій конспирировалъ, какъ и всякій другой,—и съ нимъ пришлось поступить какъ со всякимъ. Впрочемъ, все это было затѣяно безъ всякихъ предосторожностей, безъ знанія почвы; какіе-то неизвѣстные корреспонденты, какія-нибудь старыя, легковѣрныя бабы написали—и имъ повѣрили; Бурбоны всегда и на все будутъ смотрѣть сквозь *Oeil-de-Boeuf* и осуждены на вѣчныя иллюзіи. Полиньяки были увѣрены, что всѣ парижскіе дома раскроются передъ ними, а когда они пріѣхали сюда, то ни одно дворянское семейство не захотѣло ихъ принять. Если бы всѣ эти безумцы и убили меня, то все же бы остались ни съ чѣмъ; они только бы поставили на мое мѣсто раздраженныхъ якобинцевъ. Прошли времена этикета; а Бурбоны не могутъ отъ него отказаться, и если бы они вернулись, то пари держу, что прежде всего хватились бы за этикетъ. Ахъ! другое было бы дѣло, если бы ихъ видѣли, какъ Генриха IV, на полѣ битвы, покрытыми кровью и пылью. Нельзя захватить королевства письмомъ изъ Лондона, подписаннымъ *Людовикъ*. А между тѣмъ, такое письмо компрометтируетъ неосторожныхъ, которыхъ я вынужденъ наказывать, хотя мнѣ и жаль ихъ.

«Я пролилъ кровь, я долженъ былъ ее пролить, я еще, можетъ статься, пролью ее, но безъ гнѣва и только потому, что кровопусканіе входитъ въ комбинаціи политической медицины. Я человѣкъ, принадлежащій государству, я—французская революція, повторяю, и я ее буду поддерживать».

Послѣ этого послѣдняго заявленія, Бонапартъ насъ всѣхъ отпустилъ, и всѣ разошлись, не осмѣливаясь высказать то, что думали; такъ кончился этотъ столь роковой день.

Наполеонъ еще разъ возвратился къ этой темѣ.

Немного дней спустя, послѣ того, какъ Бонапартъ принялъ титулъ императора, въ одну откровенную минуту, какія на него находили иногда, находясь наединѣ съ своей женой, моимъ мужемъ и мною, онъ довольно откровенно высказался о своемъ новомъ положеніи. Я какъ будто еще вижу его въ амбразурѣ окна одного изъ салоновъ Сенъ-Клу, верхомъ на стулѣ, опершись подбородкомъ на его спинку; m-me Бонапартъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на диванѣ, я сижу

Digitized by Google

передъ нимъ, а г. де-Ремюза стоитъ сзади моего кресла. Бонапартъ сначала долго молчалъ, затѣмъ вдругъ заговорилъ:—Ну что, сказалъ онъ, вы сердитесь на меня за смерть герцога Энгіенскаго? — Да, государь, отвѣчала я, я еще сержусь на васъ. Мнѣ кажется, что вы причинили самому себѣ великое зло.—Но знаете ли вы, что онъ ждалъ тамъ, чтобы меня убили? —Возможно, государь, но все же онъ не былъ въ предѣлахъ Франціи.—Охъ! не худо по временамъ доказывать, что можешь хозяйничать и у другихъ.—Ахъ! государь, не будемъ говорить объ этомъ, вы заставите меня расплакаться.—Ну, опять за слезы! женщины только это и знаютъ. Вотъ тоже и Жозефина думаетъ, что она поставитъ на своемъ, когда заплачетъ. Не правда ли, monsieur Ремюза, что слезы—это самый главный аргументъ женщинъ?—Государь, отвѣчалъ мой мужъ, бываютъ такія слезы, которыхъ нельзя осудить.—Ахъ, я вижу, что и вы тоже принимаете это серьёзно. Впрочемъ, это естественно; у васъ есть свои воспоминанія, вы видали другія времена. Я же веду свою жизнь только съ того момента, какъ я сталъ чѣмъ-нибудь. Что такое для меня герцогъ Энгіенскій? Немного болѣе важный эмигрантъ, чѣмъ другой,—вотъ и все. И этого достаточно, чтобы строже поступить съ нимъ, чѣмъ съ другими. Развѣ эти безумцы роялисты не распространяли слуха, что я снова возведу Бурбоновъ на престолъ? Якобинцы этого боялись, и Фуше пришелъ разъ отъ ихъ имени спрашивать меня: какія мои намѣренія? Власть такъ естественно перешла ко мнѣ въ руки въ послѣдніе два года, что иногда могли сомнѣваться въ томъ, чтобы я серьёзно желалъ получить ее оффиціальнымъ путемъ. Поэтому я нашелъ, что моя обязанность воспользоваться ею съ тѣмъ, чтобы легально закончить революцію. И вотъ почему я предпочелъ имперію диктатурѣ, потому что, становясь на знакомую почву, узаконяешь самого себя. Я началъ съ того, что желалъ примирить двѣ партіи, которыя нашелъ въ борьбѣ другъ съ другомъ, когда вступилъ въ консульство. Я думалъ, что, установивъ порядокъ, путемъ прочныхъ учрежденій, я отниму охоту къ фантастическимъ предпріятіямъ. Но партіи не теряютъ духа до тѣхъ поръ, пока думаютъ, что ихъ боятся, и пока ихъ стараются примирить; къ тому же можно иногда побѣдить чувства, но мнѣнія—никогда. И вотъ я понялъ, что не могу согласовать ихъ между собою, но могу войти съ ними въ соглашеніе ради своихъ собственныхъ цѣлей. Конкордатъ, возвращеніе имуществъ эмигрантамъ сблизили меня съ ними, и вотъ теперь я примирюсь съ ними окончательно, потому что вы увидите, какъ порядокъ двора неотра-

Digitized by Google

зимо притянетъ ихъ. Дворянъ можно привлечь языкомъ, напоминающимъ имъ ихъ привычки; но якобинцамъ нужны факты. Они не такіе люди, чтобы довольствоваться словами. Моя необходимая строгость удовлетворила ихъ. Въ эпоху 3 нивоза [1]), въ моментъ роялистическаго, говоря мимоходомъ, заговора, я сослалъ довольно много якобинцевъ; они были бы въ правѣ жаловаться, если бы на этотъ разъ я поступилъ менѣе строго. Вы всѣ полагали, что я стану жестокимъ, кровожаднымъ—и обманулись. Во мнѣ нѣтъ ненависти; я не способенъ дѣлать что-либо изъ мести; я устраняю то, что мнѣ мѣшаетъ, и вы увидѣли бы, что я завтра же простилъ бы, если бы это было нужно, самому Жоржу, который навѣрное и несомнѣнно пріѣхалъ затѣмъ, чтобы меня убить. Когда убѣдятся, что спокойствіе воцарится послѣ этого событія, тогда перестануть негодовать на меня, и черезъ годъ въ этой смерти будутъ видѣть великій политическій актъ. Но справедливо то, что она заставила меня ускорить кризисъ. То, что я сдѣлалъ, не входило въ мои планы раньше двухъ лѣтъ. Я разсчитывалъ удержать до тѣхъ поръ консульство, хотя при этой формѣ правленія слова идутъ въ разрѣзъ съ фактами, и подписи, которыя я ставилъ подъ всѣми актами моей власти, являлись постоянной ложью. Но мы бы все-таки шли рука объ руку, Франція и я, потому что она довѣряетъ мнѣ и захочетъ всего, чего я захочу. Но этотъ заговоръ чуть-было не взволновалъ всю Европу; надо было разувѣрить Европу и роялистовъ. Мнѣ предстояло выбирать между цѣлымъ рядомъ мелкихъ преслѣдованій и однимъ крупнымъ ударомъ; выборъ мой не могъ быть сомнительнымъ. Итакъ, я навѣки заставилъ умолкнуть роялистовъ и якобинцевъ. Остаются республиканцы, эти *songe-creux*, которые думаютъ, что можно основать республику въ старой монархіи, и что Европа дастъ намъ спокойно учредить федеративное правленіе въ двадцать милліоновъ. Этихъ я не привлеку, но они слишкомъ немногочисленны и ничтожны. Вы, французы, вы любите монархію, это единственное правленіе, какое вамъ по нраву. Пари держу, что вамъ, m-r Ремюза, сто разъ легче стало съ тѣхъ поръ, какъ вы говорите мнѣ: *государь*, а я говорю вамъ: *monsieur?*

Такъ какъ въ этомъ замѣчаніи была правда, то мой мужъ засмѣялся, и сказалъ, что дѣйствительно державная власть очень идетъ ему.—«Ваша правда, отвѣчалъ императоръ, бывшій все еще въ хорошемъ расположеніи духа:—мнѣ кажется, что изъ меня

[1]) Въ эпоху адской машины.

Digitized by Google

вышелъ бы очень плохой подчиненный. Я помню, что при заключеніи договора при Кампо-Форміо, мы сошлись, г. де-Кобенцль и я, чтобы окончательно подписать его, въ залѣ, гдѣ, по австрійскому обычаю, поставили балдахинъ и тронъ императора австрійскаго. Когда я вошелъ въ эту комнату, то спросилъ, что это значитъ, и затѣмъ сказалъ австрійскому министру: «Послушайте, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, велите убрать это кресло, потому что я никогда не могъ видѣть сидѣнья, болѣе высокаго, чѣмъ остальныя, чтобы не пожелать немедленно сѣсть на него». —Вы видите что я предчувствовалъ свою судьбу.

«Теперь мнѣ очень легко управлять Франціей, и это потому что, ни она, ни я, мы больше не обманываемъ другъ друга. Талейранъ хотѣлъ, чтобы я сдѣлался *королемъ;* это слово изъ его лексикона. Онъ тотчасъ же вообразилъ бы себя снова вельможей при королѣ; но я не хочу другихъ вельможъ, кромѣ тѣхъ, какихъ самъ сдѣлаю; и къ тому же, титулъ короля износился, съ нимъ связываются условныя понятія; онъ сдѣлалъ бы изъ меня въ нѣкоторомъ родѣ наслѣдника; а я не хочу быть ничьимъ наслѣдникомъ. Мой титулъ величественнѣе, онъ нѣсколько неопредѣленъ и дѣйствуетъ на воображеніе. Вотъ революція и кончена, и кроткимъ способомъ,—могу этимъ похвалиться. Знаете ли почему?—потому что она не перемѣщаетъ ничьихъ интересовъ и подстрекаетъ интересы многихъ. Надобно всегда давать пищу вашему тщеславію; строгость республиканскаго правительства надоѣла вамъ до смерти. Что вызвало революцію?—тщеславіе. Что ее завершитъ? опять-таки тщеславіе. Свобода только предлогъ. Равенство—вотъ вашъ конекъ, и народъ доволенъ, что у него король, взятый изъ рядовъ солдатъ. Люди, какъ аббатъ Сійесъ, станутъ, конечно, вопить про деспотизмъ, прибавилъ онъ, смѣясь, но моя власть всегда останется популярной. Въ настоящую минуту на моей сторонѣ народъ и армія; надо быть дуракомъ, чтобы не съумѣть царствовать при такихъ условіяхъ».

Договоривъ эти слова, Бонапартъ всталъ. До этой минуты онъ былъ очень веселъ; тонъ его голоса, выраженіе его лица, его жесты—все было просто и привѣтливо. Онъ улыбался, видѣлъ, что и мы улыбаемся, и даже забавлялся нашими замѣчаніями; словомъ, мы чувствовали себя вполнѣ удобно. Но вотъ онъ какъ будто покончилъ съ ролью *bonhomme*, и въ ту же минуту лицо его стало серьёзно, взглядъ суровъ; онъ отдалъ г. де-Резюмá—не помню уже какое—незначущее приказаніе со всей сухостью абсолютнаго властелина, не желающаго опустить случая приказать тогда, когда ему приходится просить.

Digitized by Google

Звукъ его голоса, столь не похожій на тотъ, какимъ онъ говорилъ передъ тѣмъ цѣлый часъ, заставилъ меня почти вздрогнуть, и мой мужъ, замѣтившій это движеніе, сказалъ мнѣ, когда мы ушли къ себѣ, что и онъ испыталъ то же впечатлѣніе. «Видишь ли, сказалъ онъ мнѣ, онъ побоялся, чтобы эта минута откровенности не ослабила страхъ, который онъ всегда желаетъ внушать. Онъ счелъ нужнымъ, прощаясь съ нами, напомнить намъ, что онъ *господинъ*». Это замѣчаніе столь вѣрное, никогда больше не изглаживалось изъ моей памяти, и я нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ имѣла случай убѣдиться, что оно было основано на вѣрномъ пониманіи характера Бонапарта.

А. Э.

Digitized by Google

ОБЩЕСТВЕННО-МЕДИЦИНСКІЕ ЭТЮДЫ

I.

ДИФТЕРИТЪ

ЕГО ИСТОРІЯ И БОРЬБА СЪ НИМЪ.

Окончаніе.

III *).

Прослѣдимъ теперь условія развитія и размноженія низшихъ организмовъ, имѣющихъ, какъ мы уже многократно замѣчали, тѣсное отношеніе къ частной и общественной жизни человѣка.

Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ постоянно въ томъ, что не всегда гніеніе развивается съ одной и той же силой и быстротой. Мы видимъ, напр., что одинъ и тотъ же предметъ (мясо) разлагается лѣтомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ зимою. Дальнѣйшія наблюденія надъ явленіями, происходящими вокругъ насъ, приводятъ къ новому заключенію—мы замѣчаемъ, что на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одно и то же время, два различныхъ предмета подвергаются разложенію въ степени весьма различной; тогда какъ кусокъ сырого мыса уже по прошествіи 24, 36 часовъ представляетъ ясные слѣды гніенія, кусокъ хорошо испеченнаго

*) См. выше: май, 211 стр.

Digitized by Google

пшеничнаго хлѣба, поставленный въ тѣ же условія, теряетъ лишь мало-по-малу заключенную въ немъ воду и высыхаетъ въ твердую, камнеобразную массу, сохраняющую на весьма продолжительное время какъ внѣшній видъ свой, такъ и внутренній химическій составъ. Ясно, что здѣсь играютъ важную роль тѣ или другія условія, споспѣшествующія разложенію—въ одномъ, и мѣшающія ему—въ другомъ. Тогда какъ организмъ нашъ находитъ въ себѣ силу и элементы борьбы съ внѣшними вредными вліяніями въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ,—трупъ только-что убитаго здороваго солдата разлагается еще раньше, чѣмъ успѣютъ подобрать съ поля битвы тѣла борцовъ. Между тѣмъ въ физическомъ отношеніи мы не можемъ опредѣлить разницы между живымъ и только-что убитымъ человѣкомъ. Строеніе тканей, ихъ химическій составъ (въ самый моментъ смерти), однимъ словомъ, всѣ особенности и отличительныя черты организаціи, какъ тамъ, такъ и здѣсь, *идентичны*. Разница лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ передъ нами представитель живого организма, въ другомъ—мертвый, безжизненный остатокъ только-что жившаго и дѣйствовавшаго организма. Если это такъ, то мы естественно должны придти къ заключенію, выясняющемуся слѣдующимъ положеніемъ: для того, чтобы подвергнуться гніенію и распаденію на примитивныя простѣйшія составныя части, каждый организмъ долженъ сперва потерять способность жизни—онъ долженъ умереть. Нигдѣ въ природѣ мы не замѣчаемъ разложенія въ живомъ организмѣ. Если и случается часто наблюдать процессъ гніенія на частяхъ, принадлежащихъ организму живому въ цѣломъ (гангрена или омертвеніе отдѣльныхъ членовъ у человѣка наблюдается довольно часто, напр. послѣ отмороженья),—то части эти успѣли предварительно потерять свою жизнеспособность; эти члены давно уже не принадлежатъ тому организму, къ которому они еще прикрѣплены, пока ножъ и пила хирурга не удалятъ ихъ прочь, они успѣли умереть и относятся теперь къ живому организму, какъ постороннее тѣло.

Другое не менѣе важное условіе, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть процесса гніенія, это—гнилоспособность разлагающихся элементовъ. Извѣстно, что коралловые рифы, напр., представляютъ собою конгломератъ умершихъ организмовъ. Химическія измѣненія этихъ организмовъ связаны съ отложеніемъ известковыхъ солей въ ихъ тканяхъ. Это отложеніе продолжается все время наростанія рифа, до тѣхъ поръ, пока послѣдній не достигнетъ поверхности воды. Такимъ образомъ, основа цѣлаго

Digitized by Google

рифа—умершіе организмы—претерпѣваетъ измѣненія, совершенно не схожія съ тѣми, которыя опредѣляются понятіемъ гніенія. Эти измѣненія, объизвествленіе или, пожалуй, окамененіе (petrificatio), происходятъ и въ тканяхъ живыхъ организмовъ. Всѣмъ извѣстный остовъ человѣческаго организма — скелетъ — состоитъ именно изъ живой костной ткани, въ вещество которой отложились фосфорнокислыя и др. известковыя соли. Тогда какъ всѣ прочія ткани человѣка быстро подвергаются гніенію (въ землѣ, какъ и на воздухѣ—все равно), превращаются въ однообразную, безформенную жидкую или киселеобразную, зернистую массу и, всасываясь землею, а отчасти испаряясь, мало-по-малу совсѣмъ исчезаютъ для нашихъ органовъ чувствъ—скелетъ остается цѣлые десятки и сотни лѣтъ неизмѣннымъ свидѣтелемъ погибшей жизни. Подобнаго рода остатки крупныхъ и мелкихъ животныхъ организмовъ наполняютъ собою всѣ палеонтологическіе музеи и кабинеты, пополняющіеся ежегодно новыми и новыми экземплярами. Касперъ [1]) упоминаетъ, напр., о лучевой кости человѣка, пролежавшей 1800 лѣтъ подъ развалинами Помпеи и сохранившейся настолько, что на ней возможно было еще демонстрировать студентамъ грубо-анатомическое строеніе ея. Такимъ образомъ, изъ числа чисто-химическихъ условій, допускающихъ развитіе процесса гніенія въ каждомъ данномъ случаѣ, необходимы два момента—*прекращеніе жизни организма, его абсолютная смерть, и гнилоспособность отдѣльныхъ элементовъ его тканей.*

Кромѣ приведенныхъ двухъ условій, присутствіе которыхъ необходимо для развитія гніенія въ данномъ органическомъ и организованномъ соединеніи, мы остановимся еще на нѣкоторыхъ физическихъ сторонахъ вопроса. Изъ такихъ физическихъ условій гніенія первое мѣсто занимаетъ *присутствіе влаги.* Безъ воды—нѣтъ гніенія. Тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ органическомъ соединеніи, лишенномъ воды, принадлежатъ къ типамъ совсѣмъ различнымъ отъ гнилостнаго разложенія. Всякому могутъ быть довольно извѣстны экземпляры засушенныхъ органовъ и цѣлыхъ областей человѣческаго организма,—такъ называемые сухіе анатомическіе препараты. Путемъ систематическаго обезводененія, анатомическая техника достигаетъ результатовъ, дающихъ возможность сохранять на долгое время весьма легко разлагающіяся ткани (мышцы, напр.). Тѣмъ-же средствомъ воспользовалась и другая, болѣе симпатичная слабымъ, нервнымъ нату-

[1]) Casper, Practisch. Lehrbuch d. gerichtlich. Medicin.

Digitized by Google

рамъ, отрасль современной цивилизаціи — кулинарное искусство [1]). Многимъ военнымъ и невоеннымъ, такъ или иначе принимавшимъ дѣятельное участіе въ минувшей турецко-русской кампаніи, не разъ приходилось благодарить въ душѣ фабрикантовъ всевозможныхъ мясныхъ и овощныхъ консервовъ, давшихъ намъ возможность, правда не дешево, имѣть удовлетворительный столъ, не заботясь вовсе о томъ, какъ его приготовить и гдѣ добыть нужный для него матеріалъ. Кувшинъ воды и два-три полѣна дровъ можно имѣть почти вездѣ, и этими двумя простыми средствами избавить себя не только отъ ужаснаго чувства голода, но даже доставить себѣ нѣкоторый гастрономическій комфортъ. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, возможно-ли запастись нужнымъ количествомъ этихъ обезвоженныхъ и вполнѣ изготовленныхъ фабричнымъ путемъ консервовъ. Но не только въ области техническаго искусства можемъ мы изучать продукты отнятія воды изъ тканей животнаго организма. Всякому врачу извѣстны десятки примѣровъ подобнаго рода. Путемъ извѣстныхъ болѣзненныхъ процессовъ, которые мы не будемъ здѣсь называть, происходятъ часто измѣненія въ цѣлыхъ конечностяхъ, влекущихъ за собою омертвеніе ихъ, а между тѣмъ гніеніе не находитъ здѣсь мѣста. Цѣлая область человѣческаго тѣла (напр., палецъ ноги, цѣлая ступня и пр.) понемногу высыхаетъ и превращается въ черную, сухую массу, вполнѣ сохраняющую свой внѣшній видъ и даже тонкое *гистологическое* строеніе ткани. Подобное «консервированье» органическихъ элементовъ можетъ наступить не только вслѣдствіе болѣзненныхъ процессовъ — оно можетъ видоизмѣнить въ муміеобразную фигуру цѣлый трупъ похороненнаго человѣка. Нѣкоторыя кладбища извѣстны всему свѣту этимъ спеціальнымъ свойствомъ своего грунта. Къ разряду подобныхъ «консервирующихъ» трупы кладбищъ Рике [2]) причисляетъ Штуттгартовское. Что подобная потеря способности переходить въ гніеніе зависитъ преимущественно отъ потери заключенной въ организмѣ воды,—особенно рельефно подтверждается часто цитируемымъ фактомъ быстраго высыханія цѣлыхъ каравановъ, нашедшихъ себѣ могилу въ горячихъ пескахъ африкан-

---

[1]) Мясныя и др. консервы приготовляются фабричнымъ способомъ, причемъ главный принципъ, преслѣдуемый здѣсь, состоитъ въ *обезводеніи* консервируемыхъ предметовъ, конечно до извѣстной степени, и выдѣленіе изъ хранилища консервовъ, по возможности, *всего воздуха*. Это достигается путемъ продолжительнаго нагрѣванія всей жестянки и непосредственно слѣдующимъ засимъ занятіемъ узкаго отверстія, служившаго пунктомъ, для удаленія расширяющагося отъ теплоты воздуха.

[2]) *Rieke*, Ueber den Einfluss der Verwesungsdünste etc. Stuttgart, 1848.

Digitized by Google

скихъ и аравійскихъ степей. Разсказываютъ [1]), что подобные караваны, засыпанные толстымъ слоемъ горячаго и сухого песку, сохраняются въ цѣломъ своемъ составѣ цѣлые годы, пока случайно не наталкивается на нихъ стая хищныхъ птицъ и животныхъ, съѣдающихъ все, что еще сохранило въ себѣ способность перевариться въ желудкѣ. Въ противоположность этому, наши петербургскія кладбища, должно-быть, весьма быстро уничтожаютъ послѣдніе слѣды опущенныхъ въ ихъ мокрый грунтъ покойниковъ. Подтверждать подобныя положенія цифрами, само собою разумѣется, крайне трудно. Выкапыванье труповъ происходитъ весьма рѣдко и по особеннымъ исключительнымъ причинамъ; что же касается до экспериментовъ съ трупами животныхъ, то мнѣ неизвѣстно ни одной работы въ этомъ направленіи.

Уже въ самомъ способѣ приготовленія консервовъ мы видѣли, что, кромѣ обезвоженія, для сохраненія припасовъ на болѣе или менѣе продолжительное время, стараются, насколько возможно, воспрепятствовать вредному, разлагающему дѣйствію *атмосфернаго воздуха*. Дѣйствительно, того количества кислорода, который заключенъ въ воздухѣ, растворенномъ въ любой жидкости, было бы вполнѣ достаточно для быстраго разложенія даннаго гніющаго предмета. Но, кромѣ окисляющаго дѣйствія кислорода, воздухъ дѣйствуетъ на всѣ гніющія тѣла еще и другими элементами, заключенными въ немъ. Каждому извѣстно громадное содержаніе органическихъ и неорганическихъ частицъ въ воздухѣ. Пыль, стоящая столбомъ (суспендированная) даже въ самомъ чистомъ горномъ воздухѣ, состоитъ изъ мельчайшихъ отжившихъ или засохшихъ сѣмянъ низшихъ растеній и животныхъ, примѣшанныхъ къ неорганическимъ продуктамъ (солямъ, золѣ) поверхности земли. Движеніемъ воздуха эти мельчайшіе элементы срываются съ тѣхъ предметовъ, на которыхъ они образуютъ слой пыли, и съ самой поверхности земли,—уносятся вверхъ и летаютъ, повинуясь воздушнымъ теченіямъ, цѣлые дни и недѣли, пока въ силу тяжести не опустятся на поверхность любой площади, чтобы тотчасъ же вновь пуститься въ воздушное путешествіе. Эту пыль вдыхаемъ мы съ каждымъ движеніемъ нашихъ легкихъ, мы проглатываемъ ее съ каждымъ кускомъ хлѣба, съ каждымъ глоткомъ воды. О дѣйствіи нѣкоторыхъ элементовъ пыли на нашъ организмъ мы скажемъ ниже; здѣсь упомянемъ только тотъ фактъ, что безъ воздуха и его содержанія не было бы ни процессовъ окисленія, ни процессовъ гніенія.

[1]) *Hüller:* Lehre v. d. Fäulniss. Berl. 1879.

Digitized by Google

Это положеніе замѣчательно ясно подтверждается ежедневнымъ опытомъ практической хирургіи. Всѣмъ врачамъ стало съ нѣкотораго времени извѣстно, что раны, лечимыя по способу Листера, заживаютъ гораздо скорѣе и безъ опасныхъ осложненій. Главный принципъ этого способа состоитъ именно въ томъ, чтобы каждая рана была по возможности изолирована отъ воздуха. Если бы въ нашей власти была возможность герметически закупорить ее, то мы достигли бы еще болѣе блестящихъ результатовъ. Какъ консервы и раны, такъ относятся къ воздуху и всѣ прочія тѣла, способныя переходить въ гніеніе. Такъ, напримѣръ, плотно закупоренная въ бутылкѣ жидкость, легко подвергающаяся гніенію (кровь, моча и пр.), можетъ простоять цѣлыя недѣли, и мы не замѣтимъ ни слѣда гнилостнаго разложенія; напротивъ, дозволивъ къ этимъ предметамъ свободный доступъ воздуха, мы можемъ перевести ихъ въ состояніе разложенія уже по прошествіи сутокъ. Убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ легко каждому желающему. Стоитъ лишь пройти мимо скотобойни, гдѣ на землѣ скопляется большое количество крови, быстро разлагающейся въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, чтобы одинъ запахъ, царящій надъ этими общеполезными учрежденіями, указалъ намъ, съ какими элементами мы здѣсь имѣемъ дѣло. Обширныя, темныя палаты нашихъ уѣздныхъ и другихъ старыхъ больницъ, плохо содержащихся и рѣдко и плохо провѣтриваемыхъ, тоже должны убѣдить насъ въ необыкновенной стойкости нашей костной натуры, добровольно уживающейся рядомъ съ подобными вредными и отвратительными продуктами гніенія нашихъ собственныхъ выдѣленій. Само собою разумѣется, что не возможно требовать герметической закупорки больницъ и собственныхъ жилищъ нашихъ. Безъ воздуха невозможна никакая жизнь. Здѣсь нужно отыскать другое средсво, парализующее это ядовитое вліяніе атмосферы, и средство это мы находимъ въ природѣ уже готовымъ—это *движеніе* самого воздуха. Разъ мы должны допустить въ наши жилища воздухъ, мы даемъ возможность свободнаго дѣйствія всѣмъ возбудителямъ разложенія и гніенія, заключеннымъ въ окружающей насъ атмосферѣ. Если мы будемъ стараться удерживать этотъ воздухъ, если мы замкнемъ всѣ отверстія и какъ-бы отдѣлимся отъ внѣшняго міра, то вредоносные элементы, продолжая постоянно накопляться, составятъ подъ конецъ громадный % содержанія той атмосферы, среди которой приходится намъ вращаться. Для избѣжанія этого мы и прибѣгаемъ къ спасительному дѣйствію движенія въ атмосферѣ. Сильнымъ токомъ воздуха, вызваннымъ разумною *венти-*

Digitized by Google

мытіемъ нашихъ жилищъ, казармъ, больницъ и пр., мы удаляемъ накопившуюся *пыль*—эту массу суспендированныхъ въ атмосферѣ частицъ твердыхъ тѣлъ разнообразнѣйшаго строенія, характера и свойства. Кромѣ того, этимъ удаляются также и газообразные продукты окисленія и гніенія, не менѣе вредно дѣйствующіе на всякую животную жизнь. Такимъ образомъ, *мы должны признать въ движеніи вообще, а въ нашемъ случаѣ, въ движеніи воздуха по преимуществу, родъ противогнилостнаго, антисептическаго агента.*

Слѣдующій моментъ, играющій важную роль въ развитіи и распространеніи гніенія—*теплота.* Лѣтомъ, въ жаркомъ поясѣ, въ сильно натопленныхъ больничныхъ палатахъ разложеніе происходитъ несравненно быстрѣе, чѣмъ зимою, въ сѣверныхъ широтахъ, въ холодныхъ погребахъ. Само собою разумѣется, мы указываемъ на дѣйствіе теплоты, подразумѣвая равенство всѣхъ прочихъ условій. Подыскивать примѣры для подтвержденія нашей мысли было бы повтореніемъ всѣхъ извѣстныхъ явленій обыденной жизни; гораздо важнѣе для насъ взглянуть теперь на другую сторону этого процесса и разсмотрѣть поближе вліяніе всѣхъ приведенныхъ выше условій на развитіе и размноженіе морфологическихъ элементовъ гніенія.

Какъ мы видѣли уже прежде, всякій процессъ гніенія сопровождается болѣе или менѣе сильнымъ развитіемъ въ веществѣ гніющаго предмета низшихъ организмовъ, принадлежащихъ къ третьей группѣ грибковъ у Нэгели—Schyzomycetes. Это важнѣйшій агентъ гніенія, вытѣсняющій быстрымъ и безграничнымъ разложеніемъ своимъ всѣ прочіе роды грибковъ, разчленяющій элементы органическихъ соединеній и приводящій въ окончательномъ результатѣ къ полному исчезновенію той почвы, которая служила ему колыбелью и кормилицею. Какъ и всѣ прочіе виды грибковъ, коко-бактеріи [1]) требуютъ для собственнаго развитія присутствіе извѣстнаго количества воды (влаги). Если мы поставимъ ихъ въ противоположныя условія, т.-е. если мы извлечемъ изъ ихъ собственнаго организма всю воду, то грибки эти переходятъ въ состояніе высушеннаго тѣла. Въ этомъ высушенномъ состояніи они, однако, значительно отличаются отъ всѣхъ прочихъ организмовъ. Всякому, даже ребенку, еще на первыхъ ступеняхъ его умственнаго развитія, извѣстенъ тотъ фактъ, что если въ жаркое лѣто выпадетъ

[1]) Мы будемъ употреблять этотъ терминъ для обозначенія вообще всего класса schyzomycetes.

Digitized by Google

мало дождей, то хлѣба на поляхъ подсыхаютъ и пропадаютъ; если посадить любое растеніе въ вазу и систематически лишать его воды (влаги), то растеніе высохнетъ и прекратитъ свое дальнѣйше существованіе въ формѣ жизнеспособнаго, организованнаго тѣла. Идентифицированье этихъ двухъ понятій отлично выражается на нашемъ языкѣ, когда мы говоримъ о растеніи «оно высохло», понимая при этомъ—«оно умерло, оно потеряло способность развиваться, размножаться, вообще жить». Если мы теперь посмотримъ на отношенія низшихъ растительныхъ организмовъ къ водѣ, то замѣтимъ важную особенность, ставящую ихъ совсѣмъ особнякомъ въ ряду всѣхъ прочихъ живыхъ организмовъ. Тогда какъ *пльсень* представляетъ собою организацію еще настолько высокую, что извлеченіе воды изъ вещества ея (полное высыханіе) прекращаетъ въ ней всѣ жизненныя отправленія, коко-бактеріи претерпѣваютъ при этомъ болѣе слабыя измѣненія: полное высыханіе переводитъ ихъ въ состояніе недѣятельности, они умираютъ какъ-бы на извѣстный срокъ, до того момента, когда внѣшнія условія измѣнятся въ пользу ихъ дальнѣйшаго развитія. Подъ вліяніемъ полнаго высыханія коко-бактеріи переходятъ будто въ спячку, и въ этомъ положеніи могутъ просуществовать положительно безконечно долгое время, чтобы потомъ, при благопріятныхъ условіяхъ, снова начать жить съ полной силой и энергіею. Нэгели называетъ это состояніе «latentes Leben»,—терминъ, выражающійся, по нашему мнѣнію, лучше всего фразой «связанная жизнь». Нэгели даетъ понять, что самая жизнь въ этихъ организмахъ не исчезла, она перешла лишь въ состояніе, подходящее, пожалуй, къ понятію скрытой теплоты. Это состояніе, не уничтожая самаго организма, даетъ ему возможность сохранить всѣ свои жизненныя способности на безконечное время, оно какъ-бы консервируетъ бактерій на цѣлыя сотни и тысячи лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока, путемъ чистой случайности, данный организмъ не попадетъ въ благопріятныя его развитію условія. Здѣсь происходитъ, такимъ образомъ, громадная экономія жизненныхъ силъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда вода не вполнѣ извлечена изъ организма, когда коко-бактеріи находятся въ условіяхъ, не переводящихъ ихъ въ вышеописанное состояніе, но въ то же время не удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ. Если высыханіе *частично* (partielles Austrechen), то жизненныя отправленія этихъ организмовъ продолжаются, но балансъ между расходомъ и приходомъ нарушился—коко-бактеріи расходуютъ болѣе, чѣмъ получаетъ ихъ организмъ, и они погибаютъ отъ истощенія (Erschöp-

Digitized by Google

fung). Въ этомъ-то смыслѣ и дѣйствуетъ *концентрація* (сгущеніе) той среды, въ которой живутъ эти организмы. Какъ вообще во всѣхъ физіологическихъ и эпидеміологическихъ отношеніяхъ, такъ и въ данномъ случаѣ плѣсень представляетъ собою противоположность коко-бактеріямъ. Всякому извѣстно, что сильно сырые подвалы и погреба, на стѣнахъ и на полу которыхъ собираются капли воды, не представляютъ собою удобной почвы для развитія плѣсени; она гораздо охотнѣе покрываетъ собою полусырыя углы темныхъ помѣщеній, куда имѣетъ доступъ относительно достаточное количество воздуха — условіе вовсе не необходимое для развитія коко-бактерій, какъ мы увидимъ ниже. Но, съ другой стороны, и обильное количество воды, можетъ быть, причиною погибели коко-бактерій, если въ самой водѣ не достаточно растворено элементовъ, служащихъ пищею этимъ организмамъ [1]). Въ силу-то этихъ обстоятельствъ, какъ чрезмѣрная концентрація, такъ, съ другой стороны, и чрезмѣрное разжиженіе среды пагубно дѣйствуютъ на развитіе и даже на самую жизнеспособность этихъ организмовъ.

Уже выше упомянули мы о томъ, что лѣтомъ процессы гніенія развиваются гораздо быстрѣе и въ значительно большемъ масштабѣ, чѣмъ зимою. Холодъ, какъ извѣстно, парализуетъ гніеніе. Онъ низводитъ процессъ разложенія на самую низкую степень, а сильный холодъ совсѣмъ прекращаетъ дальнѣйшее развитіе разложенія—*пріостанавливаетъ* его. Совершенно аналогично полному высыханію, холодъ прекращаетъ жизнедѣятельность коко-бактерій на долгое время; но, съ другой стороны, онъ также, какъ и полное высыханіе, не убиваетъ этихъ организмовъ. Замороженная жидкость, начавшая уже переходить въ гніеніе, остается in statu quo до тѣхъ поръ, пока повышеніе температуры не обусловитъ снова развитія жизни низшихъ организмовъ, застывшихъ или заснувшихъ подъ вліяніемъ холода. Начиная отъ точки замерзанія вверхъ, представляются все болѣе и болѣе выгодныя условія для прозябанья всѣхъ родовъ грибковъ. Чѣмъ выше поднимается температура отъ этой точки, тѣмъ болѣе становятся благопріятными условія развитія и размноженія этихъ организмовъ. Жизненныя отправленія низшихъ грибковъ усиливаются съ повышеніемъ температуры до извѣстнаго максимума и прекращаются моментально при нагрѣваніи за предѣлы этой высшей точки. Максимумъ этотъ, при прочихъ равныхъ

[1]) Такими элементами должно считать связанный въ водѣ кислородъ, неорган. соли и углеродъ, (сахаръ, напр.) *Buchols*, Studien aus d. Labor des Prof. Dragendorf in Dorpat.

Digitized by Google

условіяхъ, различенъ для каждаго рода грибковъ. Вообще говоря, самая благопріятная степень теплоты для развитія полной жизни въ низшихъ организмахъ колеблется между 30 и 40° Ц., т.-е. вполнѣ соотвѣтствуетъ теплотѣ человѣческаго организма. Выше 40° начинается для многихъ видовъ кокко-бактерій и другихъ грибковъ предѣлъ, за которымъ прекращаются благопріятныя условія ихъ процвѣтанія, но можно принять за общее правило, что до достиженія температурою 70—75° жизнь этихъ организмовъ возможна. Для большинства ихъ 75° — смертельная температура, хотя опытами Pasteur'a доказано, что нѣкоторые виды низшихъ растительныхъ организмовъ не умираютъ даже въ кипящей водѣ, т.-е. при 100° по Цельсію.

Кромѣ этихъ двухъ факторовъ, въ числѣ условій, такъ или иначе вліяющихъ на существованіе и размноженіе низшихъ организмовъ, въ природѣ имѣетъ мѣсто еще третій могучій дѣятель—борьба отдѣльныхъ видовъ между собою за существованіе. Въ этомъ отношеніи исторія развитія и размноженія грибковъ представляетъ особенности, отличающія ихъ отъ прочаго органическаго міра. Тогда какъ въ ряду представителей какой-либо породы животныхъ и растеній, многочисленность особей цѣлаго рода, вступающихъ въ борьбу, играетъ самую незначительную роль, или является даже болѣе или менѣе вреднымъ моментомъ для борющагося рода,—въ царствѣ грибковъ мы замѣчаемъ діаметрально противоположные законы. Если на ряду съ прочими растеніями появляется гдѣ-нибудь новый видъ, стремящійся завладѣть правомъ на существованіе, побѣдить и вытѣснить изъ своего сосѣдства прочіе виды, то исходъ этой борьбы въ значительной степени можетъ зависѣть отъ того обстоятельства, какія части почвы, влаги (воды) и вообще всей окружающей среды, служатъ въ пищу этому новому виду. Если этотъ видъ поглощаетъ преимущественно элементы, не потребляемые его ближайшими сосѣдями, то благоденствіе и процвѣтаніе будетъ исходомъ его борьбы съ чужими видами, что въ значительной степени обусловливается многочисленностью его собственнаго вида. Чѣмъ меньшее число особей вступаетъ въ борьбу—тѣмъ бо́льшимъ располагаетъ оно количествомъ питательнаго матеріала. Если борющихся особей является сразу (сначала) очень много, больше чѣмъ данное мѣсто въ состояніи доставить имъ потребное количество пищи, то этотъ новый видъ не выдержитъ конкурренціи съ чужими видами,—конкурренціи, осложненной борьбою особей этого-же даннаго вида между собою. Въ царствѣ грибковъ замѣчается совсѣмъ другого рода явленіе: «Если, —говоритъ Нэгели, — мы

Digitized by Google

внесемъ въ нейтральную сахаро-содержащую питательную жидкость въ высшей степени малое количество коко-бактерій и (столько же) бродильныхъ грибковъ (Spalten Sprosspilze), то всегда наступаетъ быстрое размноженіе первыхъ, большею частью съ образованіемъ (свободной) молочной кислоты... Если же въ ту самую жидкость мы внесемъ бо́льшее количество бродильныхъ грибковъ, то эти послѣдніе, въ свою очередь, вскорѣ вполнѣ вытѣсняютъ Shyzomycetes... Подъ конецъ эксперимента у насъ всегда богатый питомникъ бродильныхъ грибковъ, при исключительно алкогольномъ броженіи». — Такимъ образомъ, изъ этого простого опыта мы видимъ, что часто побѣдителемъ въ борьбѣ является тотъ видъ, который вступилъ въ конкурренцію въ бо́льшемъ численномъ количествѣ. Но не одно это заключеніе вытекаетъ изъ приведенныхъ словъ Нэгели. Опытъ показалъ, что всякая среда, заключающая въ себѣ элементы воздуха, воды, неорганическихъ солей и углерода (сахаръ), одинаково способна служить почвою развитія всѣхъ видовъ и родовъ низшихъ растительныхъ организмовъ, а между тѣмъ въ ней всегда развивается тотъ или иной видъ. Если, напримѣръ, снѣжее тѣсто оставить на воздухѣ, то въ немъ развиваются сначала бродильные грибки, потомъ появляется плѣсень, вытѣсняющая первыхъ и сама исчезающая, когда вся квасная, хлѣбная масса переходитъ въ состояніе гніенія. Это послѣднее обусловливается, въ данномъ случаѣ, исключительно развитіемъ коко-бактерій — истинныхъ возбудителей гніенія. Какъ объяснить это явленіе? Подробный разборъ приведеннаго нами примѣра завелъ бы насъ слишкомъ далеко отъ нашего главнаго предмета, поэтому мы ограничимся здѣсь лишь констатированіемъ того факта, что во всякой средѣ, гдѣ различные грибки вступаютъ между собою въ конкурренцію при *равенствѣ благопріятныхъ* условій для каждаго изъ нихъ, побѣдителемъ остаются коко-бактеріи, обладающія необыкновенною жизненною энергіею и колоссальною способностью размноженія. При благопріятныхъ условіяхъ, Schyzomycetes удвоиваются въ числѣ уже черезъ какихъ-нибудь 20—25 минутъ, и это размноженіе идетъ далѣе въ геометрической прогрессіи съ тою же энергіею, пока не наступитъ, наконецъ, моментъ, прекращающій разомъ существованіе этого многочисленнаго населенія гніющихъ средъ. Этотъ моментъ является тогда, когда наступаетъ недостатокъ питательнаго матеріала, или же, что́ одно и то же, когда прекращаются условія, дающія возможность этимъ организмамъ вступать въ борьбу, въ конкурренцію съ чуждыми и враждебными имъ элементами.

Digitized by Google

Дальнѣйшія изслѣдованія и наблюденія въ области условій благопріятно или вредно дѣйствующихъ на распространеніе коко-бактерій привели къ убѣжденію, что они сохраняютъ способность вступать въ борьбу, *конкуррировать*, не только съ особями ихъ класса и порядка, не только съ организмами растительной и животной жизни, но и съ отдѣльными элементами живого организма—съ живыми клѣтками, съ составными частями животныхъ тканей. Сила и энергія дѣйствій коко-бактерій несомнѣнно зависитъ въ значительной степени отъ спеціальнаго отношенія ихъ къ составнымъ элементамъ животной ткани и въ особенности къ кислороду, заключенному (*химически связанному*) въ этихъ послѣднихъ. Уже выше были указаны нами нѣкоторые моменты, благопріятствующіе проникновенію коко-бактерій въ вещество самыхъ тканей. Несомнѣнно этимъ свойствомъ обязаны онѣ въ значительной степени своей микроскопически малой величинѣ. Проникнувъ въ ткань, коко-бактеріи, вѣроятно, претерпѣваютъ тѣ или иныя измѣненія, до сихъ поръ еще неизвѣстныя намъ, но должны составлять характерное отношеніе свое къ кислороду. Свободнаго кислорода въ животныхъ тканяхъ нѣтъ, а потому здѣсь не можетъ продолжаться жизнедѣятельность такихъ организмовъ, которымъ въ пищу служитъ, между прочимъ, и свободный кислородъ. Для дальнѣйшаго существованія своего въ организмѣ, въ тканяхъ организма, коко-бактеріи должны обладать способностью химическаго агента, разлагающаго сложныя соединенія на ихъ составныя части. Въ дѣйствительности дѣло такъ и происходитъ. Пользуясь своею способностью извлекать изъ элементовъ жидкихъ и полужидкихъ тканей человѣка (кровь, лимфа), присущій этимъ послѣднимъ кислородъ, бактеріи измѣняютъ характеръ и составъ живыхъ клѣтокъ этихъ тканей и обусловливаютъ разрушеніе (отравленіе) крови, а слѣдовательно и всего организма. Только подобною теоріею возможно объяснить тотъ странный фактъ, что какъ на наружной поверхности, на кожѣ человѣка, такъ и на неизмѣненныхъ (цѣльныхъ) слизистыхъ оболочкахъ (напримѣръ, въ желудкѣ, во рту, если тамъ нѣтъ ссадинъ, царапинъ и пр.) коко-бактеріи безвредны. Онѣ не въ силахъ вредить организму, лишь только у нихъ отнята возможность вступать въ конкурренцію съ отдѣльными живыми элементами *жидкихъ тканей*. Какъ въ стаканѣ прокисшаго фруктоваго морса коко-бактеріи, вступая въ борьбу съ бродильными грибками [1]), побѣждаютъ и

[1]) Присутствіе бродильныхъ грибковъ выражается на обыденномъ языкѣ тѣмъ, что говорятъ, напримѣръ: „варенье играетъ“ или „фруктовый сокъ зашумѣлъ“.

Digitized by Google

окончательно уничтожаютъ ихъ необыкновенною жизненною энергіею своею, такъ и въ организмѣ человѣка продуктомъ борьбы двухъ враждебныхъ лагерей является измѣненіе или отравленіе крови, дающее въ результатѣ цѣлый рядъ болѣзненныхъ процессовъ, развивающихся быстро и безъ границъ. Результатъ борьбы, конечно, зависитъ отъ силы борцовъ. И тутъ именно важно то обстоятельство, много ли или мало особей попало въ кровь. Если ихъ мало—они погибнутъ въ неравной борьбѣ конкуррирующихъ силъ; если же въ организмъ попали цѣлыя тысячи этихъ микроскопическихъ организмовъ, то жизнеспособность и энергія кровяныхъ и лимфатическихъ тѣлецъ (живыхъ особей) не выдержитъ атаки. Сдача на капитуляцію выражаетъ собою здѣсь—болѣзнь и быть можетъ — смерть. Эта безграничность инфекціонныхъ болѣзней ясно указываетъ на ихъ природу. Только безграничный *бродильный жизненный* процессъ, растущій ad infinitum, до полнаго поглощенія всего матеріала, служащаго его развитію, можетъ дать ту картину болѣзни, которую каждому врачу приходится такъ часто наблюдать во всѣхъ эпидеміяхъ.

Играютъ ли преимущественную роль извѣстные виды и подвиды бактерій въ развитіи одной болѣзни, а другія—въ другой, — сказать пока невозможно. Есть факты, говорящіе въ пользу этого предположенія, но есть и другіе—противоположные. Наука не дала намъ, пока, точнаго, опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

IV.

Длинный рядъ вѣковъ, давъ средство и возможность наблюдать дифтеритъ во всевозможныхъ степеняхъ и формахъ, не послужилъ, однако, достаточнымъ матеріаломъ для приведенія въ полную ясность понятія о самой сущности этой губительной болѣзни. Еще до сихъ поръ не прекратились споры ни по вопросу о болѣзнетворной причинѣ дифтерита, ни въ области теорій о путяхъ распространенія и способѣ сохраненія въ той или иной мѣстности дифтеритнаго яда. Болѣе того,—теперь, собственно, и начинается лишь научная разработка всѣхъ этихъ вопросовъ на практической почвѣ народной жизни. Послѣдніе годы только-что минувшаго десятилѣтія дали значительный толчокъ наукѣ въ этомъ направленіи. Если для нашего сѣраго мужика и справедлива пословица—«громъ не грянетъ и т. д.», то и для иностран-

Digitized by Google

ной жизни и науки она не вполнѣ безъ значенія. Необходимо была не болѣе, не менѣе, какъ смерть принца Дармштатдскаго, чтобы вызвать нѣкоторую лихорадочную дѣятельность нѣмецкаго ученаго міра въ этомъ направленіи,—дѣятельность, конечно, подкрѣпленную въ значительной степени высокой преміей, объявленной императрицей Германіи въ пользу автора лучшаго сочиненія по дифтериту. И вотъ посыпались брошюры и журнальныя статьи, обильныя количествомъ, но тѣмъ не менѣе мало внесшія новаго въ ученіе о дифтеритѣ. Большая часть ихъ не болѣе какъ компиляціи и разсужденія, основанныя на мелкихъ фактахъ личной практики самаго различнаго достоинства. Оригинальнаго, а главное—существеннаго въ нихъ мало.

Такимъ образомъ, все ученіе о дифтеритѣ, ставшее нынѣ модною тэмою разговора и общественной дѣятельности не только на Западѣ, но и у насъ, вращается все-таки въ заколдованномъ кругу предположеній и гипотезъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, но большею частію противорѣчивыхъ и противоположныхъ одна другой. Разобраться въ этой массѣ компиляцій, докладовъ, постановленій, особыхъ мнѣній et tutti quanti,—довольно трудно. Но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что кое-что уже сдѣлано, а еще больше—имѣется въ виду. Сдѣлано уже то, что составляетъ одно изъ непремѣнныхъ условій всякаго успѣха—возбужденъ общій интересъ къ занимающему насъ вопросу, какъ въ средѣ непосредственныхъ дѣятелей общественныхъ, такъ и среди публики. Это — важное, первостепенное условіе успѣха. Начнемъ съ разслѣдованія причинъ, играющихъ, по нашему, не маловажную роль въ томъ печальномъ обстоятельствѣ нашего незнанія, или, пожалуй, полузнанія, которое такъ рельефно и ярко представляется уму всѣхъ почти мыслящихъ врачей, обреченныхъ на борьбу съ дифтеритомъ, достигающимъ иногда значительныхъ размѣровъ.

По существу вопроса, взгляды и мнѣнія лицъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ пользующихся значеніемъ экспертовъ и авторитетовъ, значительно расходятся между собою. Тогда какъ одни ищутъ причину дифтерита въ проникновеніи низшихъ организмовъ въ тѣло или соки нашего тѣла (къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ теперь большинство), другіе [1]) отрицаютъ совсѣмъ, или отчасти, это начало и стараются объяснить явленія дифтерита какимъ-то вовсе неизвѣстнымъ намъ вредоноснымъ, отравляющимъ моментомъ химической или иной природы. Они

[1]) Липскій: О фиброзномъ (крупозномъ) воспаленіи зѣва у дѣтей. Кіевъ, 1878.

Digitized by Google

говорятъ тоже о контагіѣ, какъ и всѣ прочіе, отвергая однако ею жизненность. Въ то время, какъ большинство авторовъ, не затрудняясь, говоритъ о высшей степени заразительности дифтеритнаго яда, — другіе [1]) отвергаютъ ее самымъ настойчивымъ образомъ. Пока одни [2]) изощряются въ подыскиваніи данныхъ для доказательства теоріи, по которой дифтеритъ есть общая органическая, такъ сказать, конституціональная болѣзнь, — другіе [3]) горячо оспориваютъ это положеніе. Несмотря однако на подобное разногласіе въ средѣ ученыхъ и практическихъ врачей, мы не въ правѣ разсматривать этотъ вопросъ, какъ неразрѣшимый. Всѣ великіе научные споры всегда приводили въ концѣ-концовъ къ какому-либо результату, проливающему большій свѣтъ на природу и сущность спорнаго вопроса. Стоитъ вспомнить по этому поводу лишь о великомъ спорѣ Кювье съ Жофруа Ст.-Илеръ, чтобы, не предаваясь отчаянію, взирать съ надеждой на окончательный результатъ обострившагося спора по вопросу о дифтеритѣ. Уже самое это обостреніе есть доказательство жизненности предмета, занимающаго насъ въ данный моментъ.

Въ числѣ причинъ, игравшихъ, и до сихъ поръ играющихъ одну изъ первостепенныхъ ролей различія взглядовъ, шаткости опредѣленій и неясности представленія о существѣ дифтерита, лежитъ отчасти отсутствіе общаго плана изслѣдованія и изученія болѣзни, а главнымъ образомъ—самый характеръ ея. Представляя собою рядъ симптомовъ, въ высшей степени похожихъ на цѣлый циклъ горловыхъ и гортанныхъ болѣзней съ одной стороны, и соединяя въ себѣ явленія, присущія общимъ лихорадочнымъ болѣзнямъ съ другой, являясь то спорадически, подобно тысячѣ другихъ болѣзней, то принимая характеръ широко распространяющейся эпидеміи, быстро исчезая вслѣдъ за своимъ появленіемъ здѣсь и утверждаясь на цѣлыя десятилѣтія тамъ, — дифтеритъ почти во всѣхъ извѣстныхъ въ литературѣ эпидеміяхъ являлъ характеръ домовой, квартирной эпидеміи [4]). Появившись гдѣ-либо

---

[1]) H. Oidtmann: Die Ursache d. Diphtheritis. Leipzig, 1880. Работы по прививкѣ дифтеритнаго яда въ мюнхенскомъ патологическомъ институтѣ въ концѣ 1879 г. Сообщеніе объ этихъ опытахъ помѣщено, въ Aerztlich. Intelligenzblatt. за 1880 г.

[2]) Steiner, Senator и др.

[3]) Oertel—Ziemssen: Handbuch d. speciel. Pathologie. B. I.

[4]) Докладъ распорядительнаго комитета чрезвычайному полтавскому губ. земск. собранію 29 апрѣля 1880 г. называетъ дифтеритъ, по нашему, вполнѣ справедливо „хатной эпидеміей", т.-е. эпидеміей, свирѣпствующей въ ограниченномъ пространствѣ, но до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не лишатъ его средствъ къ губительной дѣятельности, пока, значитъ, не перемрутъ всѣ, или большая часть дѣтей данной хаты.

Digitized by Google

въ одномъ домѣ, онъ уничтожаетъ все предрасположенное къ заболѣванію дифтеритомъ населеніе этого дома или квартиры, но не показываетъ особенной наклонности распространяться безъ границъ по пространству. Лѣтописи медицины и особенно труды врачей — распорядителей комитета по прекращенію эпидеміи дифтерита въ полтавской губерніи,—заключаютъ въ себѣ не мало подобныхъ разительныхъ примѣровъ, гдѣ все дѣтское населеніе какого-либо ограниченнаго пространства (квартиры, дома, избы) вымирало послѣдовательно до конца, и тогда, разумѣется, пресѣкался дальнѣйшій путь разрушительной эпидеміи. Но дифтеритный ядъ (по-нашему, живой контагій), отличаясь извѣстной стойкостью, не представляя свойствъ перелёта, въ то же время не лишенъ и болѣе или менѣе значительной живучести. Какъ долго консервируются способности къ жизнедѣятельности въ дифтеритномъ ядѣ, опредѣлить пока не возможно [1]). Подобное опредѣленіе легко открывается для тѣхъ эпидемическихъ болѣзней, которыя, поражая и унося тысячи жертвъ въ относительно короткое время, даютъ тѣмъ самымъ богатый клиническій матеріалъ и открываютъ путь регулярному и правильному научному наблюденію и изслѣдованію. Тамъ же, гдѣ эти тысячи погибаютъ въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ, гдѣ жертвы эпидеміи раскинуты на десятки и сотни верстъ, какъ это именно и бываетъ при дифтеритѣ, рѣшеніе этого вопроса опредѣляется количествомъ удачныхъ случаевъ, а слѣдовательно, въ принципѣ, оно—случайное, и можетъ быть выведено лишь цѣлымъ рядомъ лѣтъ тяжелой и упорной работы многихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ мы въ правѣ утверждать, что contagium diphthericum достаточно упорный гость разъ избраннаго имъ мѣстопребыванія. Такимъ образомъ, понятно то обстоятельство, что квартира или домъ, въ которыхъ уже болѣе одного или двухъ мѣсяцевъ не проявлялось заболѣваній, можетъ служить исходной точкой зараженія новыхъ лицъ, поселившихся здѣсь или даже временно посѣтившихъ обитателей заразнаго гнѣзда (Infectionsherd). Это-то именно обстоятельство и даетъ возможность эпидеміи располагаться на обширныя пространства, въ то же время долго держась въ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ по всему району распространенія болѣзни, очагахъ или гнѣздахъ. Наблюденіе за ходомъ эпидеміи при этихъ условіяхъ, опредѣленіе источника заразы въ каждомъ данномъ случаѣ, крайне затруднительно.

[1]) Нѣкоторые врачи кобелякскаго уѣзда, напримѣръ, полагаютъ его равнымъ тремъ лицамъ. На какихъ данныхъ построено это положеніе и какъ вычисленъ этотъ срокъ — мнѣ неизвѣстно. Смѣю, однако, предположить это апріорное мнѣніе не выдерживающимъ строго-научной критики.

Digitized by Google

Стóитъ только представить себѣ подобнаго рода примѣръ. Въ деревнѣ Кочубейевкѣ, полтавской губерніи, заболѣло дифтеритомъ семейство, состоящее изъ отца, матери и четырехъ дѣтей. Зараза поразила всѣхъ 4-хъ дѣтей, изъ которыхъ старшей было 16 лѣтъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, больныхъ доставили въ губернскую земскую больницу, гдѣ всѣ они и умерли, насколько намъ не измѣняетъ память—въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, при явленіяхъ вполнѣ выраженной круповой формы дифтерита. Это фактъ.—Теперь, исходя изъ этого факта, будемъ дѣлать предположенія и постараемся начертить картину возможнаго развитія дифтерита въ самомъ городѣ Полтавѣ. Мать умершихъ дѣтей возвращается домой. Проходитъ недѣли три-четыре, и сокрушенное, отчасти разоренное семейство рѣшается на продажу всей избы, чтобы какъ-нибудь выдти изъ тяжелаго положенія. Заболѣваніе и смерть дѣтей какъ разъ случились передъ пасхой, и къ этому времени, какъ извѣстно, наши крестьяне бѣлятъ и чистятъ свои жилища. Успокоенный этимъ обстоятельствомъ, покупатель (бездѣтный семьянинъ) переселяется въ зараженную избу. Проходитъ еще съ мѣсяцъ вполнѣ благополучно. Въ лѣтнее время эпидемія, господствующая въ полтавской губерніи съ 1869 года, регулярно падаетъ [1]) и регулярно же успокоиваетъ все населеніе до того, что часто слышатся, даже среди образованнаго класса, возраженія противъ мнѣній, высказывающихся за существованіе эпидеміи. При совокупности этихъ обстоятельствъ весьма понятны вполнѣ свободныя сношенія новаго хозяина избы, котораго для краткости обозначимъ А., съ окружающимъ міромъ. Среди прочаго хлама, купленнаго А. у прежнихъ хозяевъ, находятся кое-какія дѣтскія вещи, ему вполнѣ ненужныя, которыя онъ поэтому и старается сбыть съ рукъ. Къ концу лѣта, такъ приблизительно въ іюлѣ, онъ продалъ или подарилъ рубашонку, бывшую на плечахъ одного изъ умершихъ, старой родственницѣ своей, занимающейся въ городѣ мелкой торговлей всевозможной ветошью и тряпьемъ. Въ августѣ рубашонка эта разными путями добралась до кухни, положимъ — семейнаго человѣка, мирового судьи или адвоката. Время пока еще теплое, и дѣти судьи или адвоката, положимъ, г. В., частенько бѣгаютъ по двору и забѣгаютъ на кухню къ прислугѣ. Непосредственное соприкосновеніе съ дѣтьми прислуги весьма понятно и естественно. Вдругъ сынъ кухарки или няни г-на В. заболѣваетъ тифозной, септинемической

[1]) Докладъ распорядителя комитета. — Д-ръ мед. Д. *Ахшарумовъ*. Дифтеритъ полтавской губерніи въ 1875, 1876, 1877 и 1878 годахъ. Полтава, 1879.

Digitized by Google

формой дифтерита. Безпечная мать заявляетъ о своемъ горѣ уже въ то время, когда картина болѣзни приняла видъ обыкновенной *агоніи*. В. отправляетъ ребенка безъ дальнѣйшихъ околичностей въ больницу, гдѣ онъ умираетъ съ діагнозомъ febris typhoidal. (тифозной лихорадки). Мать умершаго убѣдительнѣйше проситъ администрацію больницы воротить ей трупъ ребенка для погребенія, не подвергая его вскрытію. Просьба ея выполняется [1]). Черезъ нѣсколько дней заболѣваетъ ребенокъ В. вполнѣ выраженнымъ дифтеритомъ. Въ данномъ году (положимъ, 1880), это первый случай дифтерита въ Полтавѣ, послѣ болѣе или менѣе длиннаго перерыва. Всѣ пути зараженія скрыты, какъ-бы спеціально для введенія въ заблужденіе представителей науки. Ребенокъ ни съ кѣмъ подозрительнымъ не имѣлъ сношенія. Врачъ, пользующій его, держится того взгляда, что дифтеритъ (отъ греческаго Διφθηρα — перепонка) не бываетъ безъ выраженныхъ мѣстныхъ симптомовъ, т.-е. безъ пораженія глотки и гортани, а недавно бывшій въ домѣ случай тифознаго заболѣванія не наводитъ его даже на мысль о зараженіи, и вотъ вполнѣ твердо констатируется фактъ произвольнаго — спорадическаго — заболѣванія дифтеритомъ. Теорія дифтеритной міазмы готова. Распространеніе дифтерита міазматическимъ путемъ кажется вполнѣ доказаннымъ. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Отвѣтить на этотъ вопросъ съ положительной твердостью возможно будетъ въ будущемъ, — теперь же мы можемъ дать отвѣтъ лишь условный, относительный. Изъ того запаса знаній и личнаго опыта, которымъ обладаетъ каждый врачъ, можетъ онъ создать свой собственный взглядъ на дѣло; пропагандировать собственныя убѣжденія и взглядъ есть удѣлъ человѣческій — вопросъ лишь въ убѣдительности.

Отвергнуть вполнѣ распространеніе и развитіе дифтерита путемъ міазмы, отрицать ex abrupto возможность спорадическихъ заболѣваній мы, конечно, не беремъ на себя смѣлость: мы лишь постараемся указать основанія, побуждающія насъ принимать въ большинствѣ такъ-называемыхъ спорадическихъ случаевъ зараженіе извнѣ, — зараженіе, не могущее быть констатированнымъ фактическими данными, путемъ казуистическаго изслѣдованія, въ силу того простого обстоятельства, что путеводная нить къ этому вырвана изъ нашихъ рукъ сложностью и многообразіемъ обстоятельствъ, сопровождающихъ переносъ заразнаго начала съ одного

[1]) А что это весьма и весьма часто случается, въ томъ не будутъ сомнѣваться лица, хоть сколько-нибудь знакомыя съ порядками въ нашихъ больницахъ.

Digitized by Google

мѣста на другое. Нэтели вполнѣ справедливо и логично разсуждаетъ, упоминая о томъ фактѣ, что всѣ инфекціонныя болѣзни (а слѣдовательно, и дифтеритъ) народились когда-нибудь на свѣтѣ божій—они должны были, значитъ, разъ появиться спорадически, долженъ же былъ быть когда-нибудь человѣкъ *первый*, заболѣвшій тифомъ, холерой или дифтеритомъ. Этотъ первый человѣкъ, въ силу того простого обстоятельства, что онъ-то и былъ первымъ тификомъ, холерикомъ или дифтеритикомъ, не могъ пріобрѣсть свою болѣзнь путемъ зараженія; онъ долженъ былъ заболѣть спорадически, т.-е. болѣзнь развилась въ немъ *самопроизвольно*. Если это положеніе вѣрно—а самая логика не допускаетъ здѣсь сомнѣнія—то естественно и вѣрно должно быть заключеніе, вытекающее изъ него. Заключеніе это и клонится къ тому, что если извѣстныя условія породили ту или иную болѣзнь за 100, 1000 лѣтъ тому назадъ, то и сегодня та же самая болѣзнь можетъ развиться самопроизвольно; если всѣ условія, окружающія организмъ нашъ и заключенныя въ самомъ существѣ его, *тождественны* съ тѣми, которыя были причиною спорадическаго появленія инфекціонной болѣзни за 100 или за 1000 лѣтъ тому назадъ, то она возможна и теперь. Въ принципѣ, значитъ, вполнѣ отвергать подобное появленіе дифтерита мы не имѣемъ права; мы въ правѣ лишь предполагать, что этотъ путь заболѣванія принадлежитъ крайне незначительному меньшинству случаевъ. Каждая инфекціонная болѣзнь, и въ томъ числѣ дифтеритъ, передается отъ одного субъекта другому путемъ ли непосредственнаго соприкосновенія заражающаго съ заражаемымъ или передачею заразнаго яда отъ больного здоровому чрезъ среду. Чисто-міазматическія болѣзни, какъ напримѣръ, болотную лихорадку, мы готовы были бы даже исключить изъ числа болѣзней инфекціонныхъ, такъ какъ вызванныя *почвенно-климатическими* условіями, онѣ распространяются среди населенія данной мѣстности не путемъ заразы, а скорѣе уже путемъ отравы. Ядъ маляріи я бы рѣшился сравнить, напримѣръ, съ дѣйствіемъ квартиры, оклеенной зелеными обоями, на ея обитателей. Если смѣсь, служившая для фабрикаціи этихъ обой, заключала въ себѣ значительное количество летучихъ соединеній мышьяка, то обитатели подобныхъ комнатъ несомнѣнно могутъ заболѣть и даже умереть; но мы не станемъ же трактовать здѣсь о зараженіи мышьякомъ, а просто припишемъ болѣзнь или смерть отравленію. Дифтеритъ, напротивъ, распространяется путемъ перехода отъ одного больного къ другому, здоровому [1]). Пере-

[1]) Еще разъ считаемъ необходимымъ упомянуть, что мы не отрицаемъ *возможность появленія* дифтерита чисто спорадически; мы считаемъ лишь, что въ боль-

Digitized by Google

числить тѣ пути, которыми дифтеритъ можетъ распространяться, почти невозможно. Мы предположительно указываемъ на одёжу больного, на окружающіе его предметы, на стѣны тѣхъ помѣщеній, гдѣ лежалъ или умеръ ребенокъ. Вѣрно лишь то, что, харкотина (sputa) больного можетъ и вѣроятно, напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ производитъ заражение. Но такъ какъ мы никогда не гарантированы отъ случайнаго занесенія всѣхъ этихъ моментовъ заразы на всѣ окружающіе больного предметы, то и должны необходимо признать возможность заражения дифтеритомъ какъ отъ носового платка, такъ и ложки, посуды и даже отъ запачканной стѣны. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени образуются понемногу отдѣльные, скрытые отъ взоровъ человѣчества и науки, очаги заразы. Эти очаги, по выраженію «Доклада» — «тлѣющія пожарища» — разбросанныя по всему пространству зараженной мѣстности, могутъ поддерживать и питать эпидемію цѣлые десятки лѣтъ. Вымретъ цѣлое поколѣніе, способное воспринимать и культивировать въ себѣ элементъ заразы, и эпидемія, силою обстоятельствъ, затихаетъ. Но даже при подобномъ ужасающемъ результатѣ мы не въ правѣ утверждать, будто вся опасность миновала. Пройдетъ годъ, другой, и новое поколѣніе подростетъ настолько [1]), что станетъ годнымъ для разрушительнаго дѣйствія скрытыхъ, какъ-бы замершихъ на время, агентовъ народнаго бѣдствія.

Въ такомъ-то видѣ представляется нынѣ вопросъ о дифтеритѣ съ общественно-медицинской точки зрѣнія. Опустошая страну безъ перерыва, лишь съ незначительными послабленіями [2]), то поднимаясь по ординатѣ кривой, то опускаясь книзу, то зарываясь въ тайники домашнихъ очаговъ, то вырываясь наружу и разливаясь широкой волной, — дифтеритъ работаетъ на руку невѣжеству и обездоленью страны. Являясь на высотѣ своего развитія логическимъ послѣдствіемъ неудовлетворительныхъ условій общественной обстановки данной мѣстности [3]), онъ подрываетъ послѣдовательно экономическое благосостояніе одного округа за дру-

---

шинствѣ случаевъ подобнаго развитія, путь заноса былъ утеренъ, и потому приводитъ врачей и изслѣдователей къ ошибочнымъ заключеніямъ. Для подтвержденія нашей мысли мы могли бы привести нѣсколько разительныхъ примѣровъ какъ изъ собственной нашей практики, такъ изъ сообщеній врачей-товарищей, но удерживаемся отъ этого исключительно въ виду условій популярной статьи.

[1]) Извѣстно, что грудныя дѣти не подвергаются повальному заболѣванію дифтеритомъ.

[2]) Брошюра д-ра Д. Д. Ахшарумова.

[3]) Ср. Рѣчь эксперта на чрезвычайномъ губ. собраніи, 29 апрѣля 1880 г.

Digitized by Google

гимъ и широко растворяетъ двери жилищъ, какъ бѣднаго, такъ и богатаго класса населенія, цѣлому ряду новыхъ и новыхъ бѣдствій, подрываетъ ихъ силы и служитъ въ свою очередь источникомъ усиленія тѣхъ же причинъ, существованію которыхъ онъ обязанъ своимъ гигантскимъ развитіемъ. Съ такимъ врагомъ шутить нельзя, игнорировать его—преступленіе. Всѣ силы ума и сердца должны быть направлены на искорененіе тѣхъ началъ, которыя порождаютъ этихъ враговъ народной жизни, народнаго благосостоянія. Можетъ быть, всѣ ужасы войны не ложатся на чашу вѣсовъ такой тяжестью, какъ жертвы, уносимыя цѣлымъ рядомъ вѣковъ, губительнымъ дыханьемъ заразныхъ болѣзней. Противъ нихъ долженъ быть объявленъ походъ,—походъ всего разумнаго и честнаго человѣчества. Тутъ-то и выступаетъ на первый планъ вопросъ о солидарности науки съ жизнью, о солидарности всѣхъ слоевъ общества. Безъ сомнѣнія, правительство, какъ высшій органъ управленія страны, можетъ и должно принимать извѣстное участіе въ общей борьбѣ, но это нисколько не освобождаетъ отъ подобнаго же участія прочіе органы общественнаго управленія, а, напротивъ, еще болѣе возлагаетъ на нихъ нелегкій и непріятный трудъ примѣненія всѣхъ средствъ для возможно полнаго удовлетворенія существующей потребности. Но въ силу многолѣтней спячки нашего общества и отсутствія *вообще* у насъ нравственной дисциплины, вслѣдствіе нашего общественнаго разгильдяйства и боязни, страшной боязни передъ малѣйшимъ трудомъ,—то, что у другихъ дѣлается ровно, быстро, своевременно, просто въ силу сознанія общественнаго долга, у насъ вызываетъ необходимость экстренныхъ мѣропріятій, требуетъ участія правительства, или другихъ центральныхъ органовъ [1]). Мы ничуть не отнимаемъ *права* всѣхъ этихъ учрежденій участвовать въ общемъ дѣлѣ, напротивъ—*право* помощи есть святѣйшее право каждаго. Но этимъ мы хотимъ лишь сказать, что условія нашей жизни, можетъ быть, самый нашъ характеръ, состоящій главнымъ образомъ въ отсутствіи характера, вызываютъ *необходимость* подобныхъ мѣропріятій тамъ, гдѣ все могло бы быть устроено и выполнено средствами мѣстными. Нѣтъ сомнѣнія, что появись Ветлянская эпидемія хоть въ Америкѣ или въ Англіи, то и тамъ были бы приняты исключительныя, диктаторскія мѣры для борьбы съ нею; но тамъ, гдѣ, какъ въ полтавской губерніи, дифтеритъ существуетъ *одиннадцать*

[1]) Наприм., Общ. Кр. Кр., которое по основной мысли своей есть „Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ“.

Digitized by Google

лѣтъ [1]), силы мѣстнаго общественнаго управленія должны были давно побороть этого врага, и всѣ разсужденія на тэму о невозможности приведенія въ исполненіе мѣръ средствами мѣстныхъ интеллигентныхъ и матеріальныхъ силъ, мы относимъ въ область простой отговорки, пустой фразы. Не можетъ общество жить чужими трудами, и ожидать всего отъ Бога да отъ полиціи. Есть кое-что, надъ чѣмъ надо потрудиться и самому. И это «кое-что» заключается въ совокупности всѣхъ качествъ, обусловливающихъ собою понятіе развитія въ данномъ обществѣ способности къ самоуправленію. Эта способность не является, конечно, сама собою—ее необходимо развивать путемъ воспитанія общества, и должно думать, что теперь, при счастливой перемѣнѣ въ высшихъ сферахъ, вопросъ воспитанія общественныхъ силъ къ предстоящей имъ въ будущемъ дѣятельности пойдетъ легче и свободнѣе. Стоитъ лишь взглянуть на наши города, на центры интеллектуальныхъ силъ всей страны, чтобы придти къ заключенію, что упреки и укоры литературы—далеко не голословное самобичеванье. Вездѣ одно и то же: полнѣйшая неспособность выполнять даже обязательныя функціи самоуправленія, полная апатія и лѣнь, удивительнѣйшая неспособность узнавать и отыскивать способныхъ людей, а гдѣ эта способность и проявляется, тамъ она немедленно же парализуется разсчетомъ—легче и спокойнѣе жить при бездѣятельныхъ органахъ управленія, не мѣшающихъ намъ погрязать въ базарныхъ лужахъ, глотать уличную пыль, и наслаждаться ароматами собственныхъ нашихъ жилищъ и дворовъ. Странное, необъяснимое свойство русскаго человѣка—пачкать и портить все окружающее его, особенно если это окружающее хоть сколько-нибудь напоминаетъ ему чужую собственность. Подтвердить это можетъ каждый сколько-нибудь опрятный, любящій чистоту человѣкъ. Стоитъ у насъ лишь зайти въ общественный садъ или, напр., въ новый вагонъ, и вы увидите немедленно слѣды самаго безцеремоннаго обращенія съ тѣмъ, что не-мое, и величайшей нечистоплотности. При подобныхъ нравахъ и характерѣ, медицина, вообще слабая въ преслѣдованіи своихъ санитарно-общественныхъ цѣлей, становится въ положеніе крайне печальное. Нѣтъ сомнѣнія, что правительственные органы, какъ центральные, а не мѣстные, далеко не такъ пригодны для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, какъ органы выборнаго управленія. А между тѣмъ, мѣстные органы, главное—мѣстные врачи, какъ земскіе, такъ и правительственные, усмотрѣли эпидемію лишь тогда,

[1]) Записка врача М. Игнатьева (Миргородскій уѣздъ), Полтава 1880.

Digitized by Google

когда она приняла эндемическій, стаціонарный характеръ. Что же дѣлалось до 1879 года? Дѣлалось то же, что и прежде, то же, что можетъ быть и долго еще дѣлаться будетъ, пока истинный разсчетъ, честность и пониманіе настоящихъ выгодъ населенія не привьется жизненной практикой и разумною школой большинству, по крайней мѣрѣ привилегированнаго класса общества; когда врачъ не будетъ имѣть права извиняться непониманіемъ общественныхъ дѣлъ и интересовъ, а земецъ или городской гласный не станутъ сомнѣваться въ пользѣ чистоты, во вредѣ подземныхъ складовъ нечистотъ, полезности растительности, водопроводовъ и сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія [1]). Тогда исчезнетъ необходимость экстренныхъ мѣръ, тогда будутъ и мѣры стаціонарныя. Но...

Träumen all' Menschen an anderen, besseren Tagen!..

А. Корецкій.

---

[1]) Спеціальныя особенности путей сообщенія въ самомъ городѣ Полтавѣ, какъ и во многихъ лучшихъ и большихъ богатыхъ городахъ, даютъ еще возможность пріобрѣсти переломы ногъ уже чисто спорадическимъ путемъ.

Digitized by Google

МРАКЪ

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Пушкинъ.

Поэтъ.

Изъ долгихъ, долгихъ наблюденій
Я вынесъ горестный урокъ,
Что нѣтъ завидныхъ назначеній
И нѣтъ заманчивыхъ дорогъ.
Въ душѣ—пустыня, въ сердцѣ—холодъ,
И нынѣче скучно, какъ вчера,
И мысли давитъ мнѣ хандра
Тяжеловѣсная, какъ молотъ!
Ни развлеченье, ни покой,
Ни встрѣчи съ чернью дѣловитой,
Средь шума жизни городской,
Не служатъ больше мнѣ защитой:
Тоска всесильна надо мной!

Приди, мой геній темнокрылый
Съ печальнымъ взоромъ умныхъ глазъ;
Мнѣ по душѣ твой видъ унылый
И твой таинственный разсказъ.
Ты могъ всегда полунамекомъ
Въ прошедшемъ тускломъ и далекомъ
Нѣмое чувство оживить
И скорбью сердце уязвить.

Digitized by Google

Своимъ укоромъ ядовитымъ
Оцѣпененье разрѣши:
Мнѣ тяжко жить полуразбитымъ,
Мнѣ гадокъ сонъ моей души!

Духъ.

Видѣлъ я лицо нѣмое
И потухшій взоръ:
О блаженствѣ, о покоѣ
Пѣлъ угрюмый хоръ.
Къ небесамъ съ кадильнымъ дымомъ
Неслся вопль сердецъ,
Въ отчужденьи нелюдимомъ
Почивалъ мертвецъ.
Весь гирляндами украшенъ,
Но не тотъ, что былъ! —
Онъ для тѣхъ казался страшенъ,
Кто его любилъ...
Грудь безъ теплаго дыханья,
Безъ лучей глаза:
Что́ ему—слова́ прощанья?
Что́ ему—слеза?...

Поэтъ.

О, помню я!... Такіе звуки
Давно не трогали мой слухъ:
Живымъ порывомъ горькой муки
Въ тѣ дни кипѣлъ мой юный духъ!
Тѣснили грудь мою рыданья,
Я образъ друга вызывалъ:
Казалось мнѣ,—безъ очертанья,
Онъ тихо въ воздухѣ виталъ
И въ душу мнѣ вникалъ глубоко.
Въ церковной мглѣ, среди лампадъ,
Полусмущенъ, я чуялъ взглядъ
Его всевидящаго ока:
Онъ былъ слезамъ и скорби радъ!
«Теперь—я думалъ—онъ измѣритъ
Всю глубину моей любви

Digitized by Google

И чувства тайныя мои
Судомъ взыскательнымъ повѣритъ!...»
И почему, не знаю самъ,
Мой взоръ тянулся къ небесамъ...
Но тамъ—ни звука, ни намека
Въ отвѣтъ на пламенный порывъ...
Таковъ удѣлъ того, кто живъ...
Безсиленъ гнѣвъ, слова упрека
Безумствомъ были-бъ сочтены!

Съ тѣхъ поръ съ тобою мы дружны,
Мой геній, небу непокорный:
На всемъ дрожитъ твой профиль черный
И свѣтитъ недовольный взоръ.
На небѣ жизни съ этихъ поръ
Сгустится-ль мракъ, взойдутъ-ли зо́ри,—
Ты все поешь: memento mori!
Но странно—вѣрится едва!—
Твои ужасныя слова
Для сердца глохнутъ съ каждымъ годомъ...
И тамъ, гдѣ надъ могильнымъ сводомъ,
Придя молиться въ горькій день,
Я сторожилъ родную тѣнь—
Тамъ въ годы зрѣлости холодной
Я далъ взрости травѣ негодной!
И тотъ кладбища свѣжій садъ
Съ угрюмой надписью у входа,
Гдѣ снился мнѣ видѣній рядъ—
Не больше трогаетъ мой взглядъ,
Чѣмъ вся безмолвная природа!...
Я понялъ жизни наготу,
Потерянъ ключъ отъ милыхъ бредней...
Но, вызвавъ старую мечту,
Ты далъ блеснуть слезѣ послѣдней:
Благодарю! Ея приливъ
Напомнилъ мнѣ, что я былъ живъ,
Что жить намъ дважды не дается:
Слеза блеститъ,—она не льется!

Digitized by Google

Духъ.

Тѣни туманныя, звуки неясные,
Образы прошлаго вѣчно-прекрасные,
Вѣчно сокрытые мглой отдаленія,—
Встаньте изъ мрака въ лучахъ обновленія!

Встаньте безъ горечи, свѣтло-нарядные,
Въ жизненномъ обликѣ, сердцу понятные,
Душу воздвигните силой цѣлебною,—
Двигайтесь, образы, цѣпью волшебною!

Тучки лѣтнія дымятся,
Оросивъ кусты;
Ужъ подъ солнцемъ золотятся
Башни и кресты.
Въ небѣ радуги огнистой
Таетъ яркій путь,
Воздухъ ясный и душистый
Тихо нѣжитъ грудь.
Тѣшась шумомъ наводненья,
Звонкій хоръ дѣтей
Сыплетъ листья и каменья
Въ пѣнистый ручей.
На пескѣ аллеи влажной,
Гдѣ бѣжалъ потокъ,
Ужъ оставилъ слѣдъ отважный
Легкій башмачокъ.
И подъ свѣтью обновленной
Зелени сквозной
Слышенъ грядки орошенной
Запахъ земляной.
Вотъ и небо засинѣло
Все—изъ края въ край:
Иль въ душѣ не просвѣтлѣло
И земля—не рай?

Вдохнулъ ли ты свѣжительную силу?
Въ подобный мигъ ты прежде сожалѣлъ

Digitized by Google

Своихъ друзей, опущенныхъ въ могилу,
И къ свѣту дня любовью пламенѣлъ.
Ты повторялъ, мой образъ устраняя:
«Мнѣ жизнь мила! Я жить готовъ, не зная,
Къ чему я здѣсь... Прекраснъ мой удѣлъ!..»

Поэтъ.

Случалось мнѣ: въ ребяческіе годы,
Обласканный улыбкою природы,
Я вѣровалъ въ несбыточные сны:
То призраки завѣтной старины!
Въ тѣ дни, какъ другъ, со мной шепталась ива
У синихъ водъ весенняго разлива,
И въ свѣжій мракъ задумчивыхъ долинъ
Съ своей мечтой спускался я одинъ
Ввѣрять имъ пылъ неясныхъ ожиданій...
Я не люблю такихъ воспоминаній!
Куда ни глянь: въ безмолвіи лѣсномъ,
Въ роякъ свѣтилъ на куполѣ ночномъ,
Во всѣхъ углахъ роскошной панорамы—
Вездѣ, вездѣ—покинутые храмы!

Духъ.

Темныхъ призраковъ не стало
Словно дыма битвъ:
Сердце въ мірѣ отыскало
Образъ для молитвъ!
У желаннаго порога
Робко стынетъ кровь:
То блаженная тревога—
Первая любовь!
И свѣжа, какъ ландышъ мая,
Юностью блестя,
Вотъ стоитъ она, живая,
Грёзъ твоихъ дитя...

Digitized by Google

И вотъ она съ тобой идетъ въ лѣсную тѣнь,
Гдѣ въ яркой зелени, осыпавъ старый пень,
Бѣлѣютъ звѣздами ромашки,
И шелкъ ея волосъ колеблется едва,
И вѣтеръ утренній ей дышетъ въ рукава
Ея узорчатой рубашки;

Ужъ вашихъ спутниковъ замолкли голоса...
Кругомъ—зеленый мракъ, пахучая роса...
Застигло васъ уединенье...
Признанье вырвалось невольно у тебя,
Ты высказалъ его, робѣя и любя,
Едва сдержавъ свое волненье.

А помнишь-ли ту ночь, когда въ волнахъ рѣки
Померкшей пристани дрожали огоньки
И въ лодкѣ хоръ звучалъ пѣвучій?..
Въ тотъ мигъ она рукой взмутила пѣну струй
И влажныхъ пальчиковъ коснулся поцѣлуй,
Какъ воздухъ нѣжный и летучій.

Иль поздней осенью, при сумракѣ дневномъ,
Предъ затуманеннымъ, обрызганнымъ окномъ
Ты съ ней сидишь, бывало, рядомъ
И, очарованный, не смѣешь ты дохнуть,
Слѣдя какъ движется ея живая грудь
Подъ скромнымъ будничнымъ нарядомъ.

А это первое объятье нѣжныхъ рукъ,
Когда въ твоей груди родного сердца звукъ
Отдался въ трепетномъ біеньи,
И грезились тебѣ: то запахъ темныхъ косъ,
То взглядъ медлительный, понятный какъ вопросъ,
То станъ, такъ близкій на мгновенье!

И рдѣла ли весна, иль выла пѣсня вьюгъ,
Ненастье-ль тусклое сгущалося вокругъ
Иль солнце грѣло и струилось,—
Звучалъ ли колоколъ, шумѣлъ ли разговоръ,—
Всегда лишь ей одной внимали слухъ и взоръ,
И ровнымъ счастьемъ сердце билось.

Digitized by Google

Ты помнишь ли тѣ дни?—Согрѣта и полна,
Душа надеждами была окружена,
И крѣпла въ ней живая сила;
Счастливая рука работала легко;
Отъ сердца чистаго все было далеко,
Что̀ совѣсть чуткая клеймила.

И пусть иной робѣлъ предъ сонмами свѣтилъ,
Пускай другихъ пугалъ холодный сонъ могилъ,
Но, чуждый горестнымъ тревогамъ,
Ты не былъ одинокъ средь бездны міровой:
Твой духъ тонулъ въ лучахъ души тебѣ родной,
И свѣтъ любви былъ вашимъ богомъ!..

Поэтъ.

Волшебный духъ воспоминаній,
Печальникъ радостныхъ минутъ,
Не тронь любви очарованій:
Онѣ ушли и не придутъ!
Мнѣ часто снится это время,
Но первый пылъ неуловимъ:
Такъ первымъ отпрыскомъ живымъ
Уже развернутое сѣмя—
Не сблизить вновь свои края
И не годится для посѣва;
Такъ въ лѣтней трели соловья
Ужъ нѣтъ весенняго напѣва!—
Я иногда гляжу кругомъ
Съ невыразимымъ утомленьемъ
И жадно жду, когда и въ чемъ
Душа спасется обновленьемъ?
Взываю къ памяти—и въ ней
Недосягаемой святыней
Сверкаютъ дни любви моей,
Какъ надъ безжизненной пустыней
Живые яхонты звѣзды;
А дальше—тянутся рады
Ночей угрюмыхъ, дней убитыхъ

Digitized by Google

На суетливые труды
И рядъ волненій пережитыхъ,—
Влеченій, памятныхъ едва
Иль непонятныхъ, къ изумленью,
Какъ полу-стертыя слова
Въ тетрадяхъ, преданныхъ забвенью...
И мнѣ тѣхъ призраковъ не жаль!
За то въ душѣ темно и скучно
И сердце къ прошлому беззвучно,
А къ жизни холодно, какъ сталь!
И въ часъ той скорби безутѣшной
(Тебѣ открою мой секретъ)
Въ моей груди больной и грѣшной
О злобѣ дня—заботы нѣтъ!
Тогда—напрасно лицемѣрить—
Ищу съ отчаяньемъ слѣпца:
Кого любить? во что мнѣ вѣрить?
Къ чему трудиться до конца,
Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
Что мы уйдемъ, какъ и пришли—
Плоды случайные земли!..
И эта язва тайно гложетъ
Не только страстнаго пѣвца,—
Она мыслителя тревожитъ
И ранитъ бодраго дѣльца:
Иной, подъ маской скомороха,
Развязенъ съ виду; но приди—
Его раздумье прослѣди:
Не сдержитъ онъ больного вздоха
Въ обезнадеженной груди!

И какъ на родину съ чужбины равнодушной,
Какъ изъ тюремной тьмы на волю и на свѣтъ,
Мечта моя летитъ посланницей воздушной
Къ живому чувству юныхъ лѣтъ!

Туда—гдѣ радостью трепещетъ ожиданье,
Гдѣ струйки алыя такъ жизненны въ крови,
Гдѣ страстнымъ холодомъ подъ сердцемъ содроганье
Зоветъ къ невѣдомой любви...

Digitized by Google

Гдѣ ночи лунныя горятъ для тихой встрѣчи;
Гдѣ жметъ пожатье рукъ; — гдѣ ровной бѣлизны,
Какъ воскъ и лилія, нетронутыя плечи
Невинной прелести полны...

Тамъ все готовится для праздничнаго пира,
Богатъ и радуженъ тѣлесный нашъ уборъ...
Но вспомнишь—для чего?.. Для чуждыхъ цѣлей міра—
И время грабитъ насъ, какъ воръ!

Пойметъ ли кто-нибудь подавленныя слезы
Убогой старости, когда на скатѣ дней
Предъ свѣжей красотой томительныя грёзы
На мигъ пробудятся у ней?

Не стыдно-ль намъ тогда за блеклыя сѣдины,
За кожу мертвую, просящуюся въ гробъ,
За рѣчь неясную, но ясныя морщины,
За мудрый, обнаженный лобъ?

И мракъ въ душѣ... Но вотъ, иныя всходятъ цѣли!
Служеніе другимъ—работа на людей:
Мудрецъ беретъ перо, и врачъ идетъ къ постели,
Отецъ раститъ своихъ дѣтей,

О благѣ лучшихъ дней поетъ, вздыхая, лира,
Судья познанья лѣтъ влагаетъ въ приговоръ...
Но вспомнишь — для чего?.. для чуждыхъ цѣлей міра,
А насъ—долой метутъ, какъ соръ!..

И снова грозной тьмы не смѣю я измѣрить,
И снова я ищу съ отчаяньемъ слѣпца:
Кого любить? во что мнѣ вѣрить?
Къ чему трудиться до конца,
Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
Что мы уйдемъ, какъ и пришли—
Плоды случайные земли!..
Угрюмый духъ, волшебный геній!
Спаси,—внемли!

Digitized by Google

Духъ.

Ты все излилъ, чѣмъ страждетъ грудь поэта,
А можетъ статься—и моя...
Я вѣчный спутникъ бытія,
Я голосъ тьмы: не знаю свѣта...

С. Андреевскій.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюня, 1880.

I.

— *Солнышко.* Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ. Составилъ *А. Радонежскій* [1]). Одобрена Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Спб. 1880.

Въ литературныхъ обозрѣніяхъ нашихъ періодическихъ изданій рѣдко появляются отзывы о книгахъ, издаваемыхъ для народныхъ школъ, и это весьма естественно: пришлось бы чаще собирать всевозможные курьёзы, появляющіеся на нашемъ педагогическомъ рынкѣ, нежели говорить о дѣлѣ. Но нельзя оставлять безъ вниманія тѣ книги, которыя получаютъ оффиціальную санкцію: имъ предстоитъ разойтись въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, такъ какъ ни одна книга, не получившая одобренія Ученаго Комитета, не можетъ не только быть классною книгою для чтенія, но даже и попасть въ библіотеку народнаго училища.

Радоваться или скорбѣть нашей народной школѣ появленію новой книжки г. Радонежскаго, которая, не обращая особеннаго вниманія на скудныя средства этой школы (75 коп.—цѣна весьма не ма-

[1]) NB. Онъ же и членъ особаго отдѣла Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія для разбора книгъ народнаго чтенія—того самаго Комитета, которымъ было одобрено настоящее произведеніе. Даже на выставкахъ члены жюри никогда не могутъ присуждать себѣ наградъ, хотя бы они и были экспонентами: это считается неприличнымъ. Еще менѣе можно оправдывать одобреніе учебника или чего нибудь подобнаго со стороны сочиненъ автора. Мы убѣждены, что новое министерство народнаго просвѣщенія обратитъ свое вниманіе на эту практику, повторявшуюся не разъ при прежнемъ министерствѣ и приведшую учебную литературу въ печальное положеніе, по понятнымъ причинамъ: тутъ невозможна никакая конкурренція; между тѣмъ, одобреніе учебника равняется громадной премія, убивающей всякую попытку сдѣлать что-нибудь лучшее.

Digitized by Google

лая), обѣщаетъ за то доставить, судя по заглавію, не просто свѣтецъ, а цѣлое *солнышко*, нѣчто въ родѣ электрическаго освѣщенія для русской деревни? Судя по предисловію автора, мы должны не просто радоваться, а ликовать. Хотя онъ и объясняетъ, что назвалъ свою книгу „Солнышкомъ“ вовсе не потому, чтобы она, какъ солнце, оживотворяла весь міръ, но это—скромность, которая въ настоящемъ случаѣ паче гордости: сущность предисловія показываетъ, что—быть новымъ, яркимъ свѣтиломъ въ педагогикѣ составляетъ задушевную думу автора.

Въ недостаткѣ разнообразія книгу нельзя упрекнуть: стихотворенія, солдатская пѣсня про бой на Шипкѣ, статьи религіозно-нравственнаго содержанія, біографіи писателей, статьи фантастическія, историческія, и т. д. Начнемъ со статей чисто-фантастическаго содержанія. Онѣ напоминаютъ сантиментальныя повѣстушки въ старыхъ прусскихъ учебникахъ клерикальнаго и лжепатріотическаго направленія. Вотъ, разбойникъ щадитъ чумака, потому что видѣлъ во снѣ, какъ дѣти этого чумака молились за отца, и ангелъ, охраняя ихъ, грозно глядѣлъ на разбойника (стр. 4). Вотъ маленькій Ванюша сбилъ камнемъ гнѣздо ласточки, а потомъ, когда выросъ и самъ сталъ отцомъ, то домъ его сгорѣлъ, и сынъ его въ домѣ сгорѣлъ, а ласточки вились надъ пепелищемъ, напоминая ему о содѣланномъ въ дѣтствѣ проступкѣ. Авторъ объясняетъ, что маленькій Ванюша много каялся, но уже поздно: „безумія минута—раскаянія на цѣлый вѣкъ“ (стр. 9). За то какой благодарный народъ—соловьи. Молодой крестьянинъ выкупилъ одного изъ нихъ у птицелова, и потомъ невинно попалъ подъ судъ, такъ какъ въ его саду нашли мертвое тѣло; но соловей, во время суда, пѣлъ, пѣлъ въ саду до того, что разнѣжилъ судей,—и крестьянина оправдали. „Въ упоеніи внезапной чудной пѣснью соловья“, фантазируетъ авторъ, „судьи, присяжные и самъ прокуроръ вспомнили свои молодые годы, золотыя грезы счастья, былые дни свободы и *любви*, у всѣхъ на душѣ стало такъ хорошо, свѣтло, легко“ и проч. (стр. 23). А вотъ образчикъ изъ повѣстей въ отдѣлѣ религіозно-нравственномъ. Ангелъ-хранитель невидимо выноситъ изъ пламени и подаетъ крестьянину люльку съ его ребенкомъ. Церковный благовѣстъ спасаетъ одного мужика отъ запоя, а другого отъ убійства: купецъ, котораго хотѣлъ убить хозяинъ, узнавъ, какъ благовѣстъ остановилъ руку убійцы, жертвуетъ всѣ деньги, какія были при немъ, на колоколъ.—Все это, можетъ быть, и поучительно, но полезенъ ли для дѣтей подобный старо-нѣмецкій мистицизмъ, въ которомъ духовная сила изображается такъ грубо и матеріально? О силѣ христіанской любви тутъ нѣтъ и помина. Гораздо лучше бы авторъ ограничился евангельскими разска-

Digitized by Google

зами, какихъ онъ представляетъ очень немного, и то въ славянскомъ текстѣ.

Среди упомянутыхъ выше повѣстей внезапно появляется біографія Крылова, а еще не было приведено ни одной изъ его басенъ. Въ этой статьѣ авторъ описываетъ фигуры, изображенныя на памятникѣ Крылова (со словами: капельмейстеръ, віолончель (?!) контробасъ какъ будто бы уже давно знакомыя крестьянскимъ дѣтямъ. Затѣмъ упомянуто, что Крыловъ родился въ Оренбургѣ, и четырехъ лѣтъ, когда явился Пугачевъ, „чуть не сдѣлался жертвой злодѣя", что мать его переѣхала въ Калязинъ, гдѣ „чтеніе будило природное дарованіе мальчика, доставляло пищу его богатому воображенію"; 14-ти лѣтъ онъ написалъ „Кофейницу", переѣхалъ изъ Калязина въ Тверь, а потомъ въ Петербургъ, опредѣлился въ казенную палату и предался литературной дѣятельности: писалъ трагедіи, издавалъ журналы, получилъ мѣсто при императорской публичной библіотекѣ. Но, читая подобныя извѣстія, что́ могутъ понять, что́ могутъ чувствовать крестьянскія дѣти? Мы, со словами: Лѣтній садъ, віолончель, Пугачевъ, Оренбургъ, Калязинъ, казенная палата, трагедія и проч. соединяемъ хоть какое-нибудь представленіе, а деревенскія дѣти? И замѣтьте, что эти статьи назначаются не для толкованій въ классѣ, а для *бѣлаго* чтенія (Предисловіе, стр. VI). Біографія Пушкина подъ заглавіемъ: „Великій русскій поэтъ", просто забавна. Она начинается словами: „Вы (т.-е. крестьянскія дѣти) угадываете, кто этотъ великій нашъ родной поэтъ; вамъ сердце подсказываетъ его дорогое имя" (стр. 26). Что же такое сдѣлалъ этотъ великій поэтъ? А вотъ что. Онъ написалъ сказку о рыбакѣ и рыбкѣ, стихи: Птичка, Сорока, Чижикъ, Весна, Осень, Зима; въ дѣтствѣ его, Ирина Родіоновна убаюкивала колыбель ребенка (замѣтьте: не его самого, а колыбель!—о, безграмотность!) русскими народными пѣснями, разсказывала маленькому питомцу множество сказокъ. Державинъ, присутствуя на экзаменѣ въ лицеѣ, былъ въ восторгѣ отъ прочитаннаго имъ стихотворенія; потомъ Пушкинъ путешествовалъ по Россіи, потомъ жилъ въ Михайловскомъ, „подъ надзоромъ мѣстнаго начальства",— что̀ должны думать, прочтя это извѣстіе, крестьянскія дѣти: вѣроятно, въ ихъ глазахъ Пушкинъ выигралъ оттого не очень много. Въ деревнѣ посѣтилъ его другъ Пущинъ, и онъ, въ присутствіи няни, читалъ ему „какое-то стихотвореніе", но всего болѣе занимался тѣмъ, что слушалъ сказки няни. Потомъ онъ скончался. Не думайте, чтобы мы слишкомъ сжали текстъ разсказа; мы только опустили чувствительныя слова, какими г. Радонежскій услащаетъ свою рѣчь по всѣмъ правиламъ риторики. Напримѣръ, о чтеніи стиховъ онъ говоритъ: „отшельникъ-поэтъ, въ присутствіи няни, читаетъ гостю

Digitized by Google

какое-то стихотвореніе; и гость, и няня—оба обратились въ слухъ и вниманіе"—и затѣмъ больше ничего. Или по поводу слушанія сказокъ, авторъ начинаетъ такъ: „Зимній вечеръ. Гудитъ — завываетъ мятель. Домикъ деревенскій на-половину занесенъ снѣгомъ", а дальше —только и есть, что Пушкинъ слушалъ сказки и нѣкоторыя изъ нихъ переложилъ въ стихи. Но какое же жалкое понятіе получатъ дѣти о великомъ поэтѣ, когда, по словамъ самого же автора, крестьяне считаютъ сказки сущимъ вздоромъ (Предисловіе, стр. VII). Тутъ не поможетъ и объясненіе автора, будто отъ вдохновенныхъ произведеній Пушкина „пахнетъ Русью", и изображена вся Русь съ „ея исторіей и разнороднымъ населеніемъ" съ одной стороны, а съ другой—съ ея „волками, медвѣдями, курной избой и распѣвающими при дымящейся лучинѣ дѣвицами". При словахъ: „исторія" и „населеніе" поставлены въ скобкахъ названія драмы „Борисъ Годуновъ" и поэмъ Пушкина; при словахъ: „съ ея тоскливыми пѣснями", вставлено „Евгеній Онѣгинъ". Итакъ, Евгеній Онѣгинъ—собраніе тоскливыхъ русскихъ пѣсенъ! Все это не болѣе, какъ одно издѣвательство надъ великими русскими поэтами! Въ предисловіи, стр. VI, сказано: „для деревенскаго мальчика училище—университетъ, книга же для чтенія—цѣлая библіотека",—въ какомъ же смыслѣ, послѣ этого, мы должны назвать трудъ г. Радонежскаго библіотекою, когда тамъ помѣщаются подобныя біографіи, начиненныя отрывочными событіями и преисполненныя безцвѣтныхъ фразъ?!

Вслѣдъ за біографіями помѣщена статья: „Живой глобусъ". Не давъ ни малѣйшаго понятія ни о разстояніяхъ, ни о ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ и предѣлахъ Россіи, и о томъ, что̀ за этими предѣлами,—г. Радонежскій прямо заставляетъ ребенка задумываться надъ глобусомъ. Ребенокъ, разумѣется, ничего не понимаетъ, но вотъ ангелъ (авторъ часто всуе употребляетъ священныя имена) уноситъ во снѣ мальчика съ постели и даетъ ему съ высоты небесъ урокъ географіи. Мальчикъ видитъ землю, какъ звѣзду: ангелъ указываетъ ему и на другія звѣзды. „Еслибы ты побывалъ на одной изъ этихъ крошечныхъ звѣздъ" (значитъ, на любой), „ты убѣдился бы, что она такъ же громадна, какъ этотъ мѣсяцъ и твой земной шаръ, а теперь, за дальностью разстоянія (до нея нѣсколько мильоновъ верстъ, и еслибъ туда провести желѣзную дорогу и, не останавливаясь, ѣхать—потребовалось бы 70 лѣтъ, чтобы доѣхать), кажется она не болѣе твоего деревяннаго игрушечнаго глобусика". 70 лѣтъ ѣзды по желѣзной дорогѣ будетъ около полутора милльона миль (считая по 40 верстъ ѣзды на часъ). Изъ предъидущаго ясно, будто бы любая въ небѣ звѣздочка величиною съ мѣсяцъ или землю, и будто бы есть въ небѣ такое мѣсто, съ котораго каждая будетъ на разстояніи

Digitized by Google

полутора мильона миль и представляться глобусикомъ [1]). Но вотъ мальчикъ съ ангеломъ спускаются къ землѣ и видятъ на одной ея половинѣ ночь, на другой — день. Ангелъ объясняетъ, что „земля вертится въ каждые сутки разъ“ (одинъ разъ, какъ во время урока танцевъ: повертится и перестанетъ). „Летимъ ниже... я начинаю различать на земномъ шарѣ начертаніе океановъ, *частей свѣта:* на темной сторонѣ, едва освѣщенной мѣсяцемъ, внизу Европу, часть Азіи, Африки, на свѣтлой—Америку, Австралію, *Восточную Сибирь*, *Китай*. Стороны раздѣлены между собою *океаномъ*“. Такимъ образомъ, Восточная Сибирь, Китай тоже составляютъ части свѣта, и океанъ, между прочимъ, отдѣляетъ Восточную Сибирь и Китай отъ остальной Азіи. И зачѣмъ это г. Радонежскій прикрываетъ свою личную слабость въ космографіи и географіи авторитетомъ ангела! Но это еще не всѣ диковинки, какія находятся въ этой статьѣ; ангелъ былъ „ненаглядной наружности, съ большими пушистыми крыльями“, которыми онъ „кутала мальчика, какъ одѣяломъ“ во время полета; мѣсяцъ сталъ „громадной величины“, а нѣкоторыя звѣзды величиною *съ мѣсяцъ* и проч. Еще хорошо, если дѣти ничего не поймутъ изо всего этого.

Во всѣхъ книгахъ для чтенія, плохихъ или хорошихъ, видно въ послѣднее время стремленіе сохранить хоть какую-нибудь постепенность перехода отъ легкаго къ болѣе трудному; г. Радонежскій и этого не признаетъ, онъ начинаетъ съ огнедышащихъ горъ, со слона, кита, обезьянъ, какъ видно, считая ихъ предметами наиболѣе доступными крестьянскимъ дѣтямъ, и кончаетъ ими же.

Въ разсказахъ изъ русской исторіи, авторъ задался странною мыслью описывать событія по монументамъ и памятникамъ старины, каковы: памятникъ тысячелѣтія Россіи, московскій Кремль съ его достопамятностями, Казанскій соборъ и пр. Для бо́льшей наглядности у него приведены, между прочимъ, письма гимназиста, который, посѣщая разные храмы, разсказываетъ объ историческихъ лицахъ. Что́ изъ этого выходитъ, легко себѣ представить. Такъ, по памят-

[1]) Изъ усилій автора объяснить ребенку видно одно, что авторъ самъ не имѣетъ яснаго понятія ни о разстояніи свѣтилъ, ни о положеніи ихъ въ пространствѣ. Напомнимъ только, что до ближайшей изъ неподвижныхъ звѣздъ надо считать многіе трилліоны миль, а до ближайшей изъ планетъ, Венеры, около 6 милл. миль. Въ первомъ случаѣ, т.-е. приблизясь къ неподвижной звѣздѣ, мальчикъ не могъ бы видѣть ни земли, ни какой-либо другой изъ планетъ; если же разумѣть одну изъ планетъ, то мальчикъ не могъ къ ней приблизиться, потому что, по объясненію г. Радонежскаго, летала надъ полюсомъ, т.-е. внѣ площади, въ которой движутся планеты. Впрочемъ, нелѣпость толкованій г. Радонежскаго ясна сама собою. Онъ неопредѣленно указываетъ на многія звѣзды, и въ то же время съ точностью называетъ разстояніе.

Digitized by Google

нику тысячелѣтія описаны главныя эпохи русской исторіи: „первымъ стоитъ Рюрикъ, въ полномъ вооруженіи варяжскаго воина, съ мечомъ въ лѣвой рукѣ, правую положивъ на щитъ съ цифрою 862. По лѣвую его руку безобразный идолъ Перуна. Здѣсь изображено время язычества и *призваніе Рюрика*. Далѣе видимъ *принятіе христіанской вѣры;* равноапостольный князь Владиміръ держитъ высоко поднятый крестъ и проч. *Третье событіе* — это битва на Куликовомъ полѣ, послужившая началомъ освобожденія Руси отъ ига Монгольскаго. Дмитрій Донской, герой Куликовскій, наступилъ ногою на низложеннаго татарина и, влагая мечъ въ ножны, возвелъ взоръ свой къ небу“ и т. д. Представьте, что при чтеніи этой тирады дѣти въ первый разъ слышатъ всѣ эти имена, и за этимъ слѣдуютъ еще именъ сорокъ—и больше ничего. Точно также описаны кремлевскія древности: „Въ Архангельскомъ соборѣ почиваетъ основатель столицы Іоаннъ Калита, а въ алтарѣ Успенскаго — мощи св. Петра, перваго московскаго митрополита, освятившаго новую столицу. О *Монгольскомъ игѣ* краснорѣчиво (только не для крестьянскихъ дѣтей) говорятъ гробницы князя Михаила Черниговскаго и боярина Ѳеодора, замученныхъ въ ордѣ и проч. *Времена самозванцевъ* и *смутнаго времени* встаютъ предъ тобою во всемъ ужасѣ, когда ты смотришь на эту серебряную раку, на эту шелковую рубашечку, шапочку, ложечку, кошелечекъ съ монетками“ и проч. Итакъ, опять до 30 названій лицъ и событій. Какое монгольское иго, какіе самозванцы, какое смутное время, что за рубашечка, ложечка, кошелечекъ, — по книгѣ г. Радонежскаго дѣти ничего не узнаютъ. Въ письмахъ изъ Петербурга точно такое же описаніе Александро-Невскаго монастыря, Казанскаго собора, Троицкой церкви и проч. Есть отдѣльныя статьи о Новгородѣ, Кіевѣ о крещеніи Руси, о куликовской битвѣ, о воцареніи Михаила Ѳеодоровича; но здѣсь точно такая же послѣдовательность. Нѣсколько разъ упоминается о призваніи варяговъ, а событіе это совсѣмъ не описано; упоминаются слова Святослава: „не посрамимъ земли русской“, а почему это говорилъ Святославъ—не объяснено; подробно представлены сказанія объ апостолѣ Андреѣ, о крещеніи народа въ Кіевѣ, а о язычествѣ только и упомянуто, что былъ-де Перунъ. Но лучше всего то, что восторженно изображаются подвиги Дмитрія Донского, а о нашествіи татаръ, о татарскомъ игѣ и вообще о томъ, кто были татары—ни слова. Статья „Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство“ начинается такъ: „Совершилось великое дѣло: выборный человѣкъ, Кузьма Мининъ, и воевода, князь Дмитрій Пожарскій, спасли московское государство отъ враговъ. Оставалось теперь избраніемъ царя положить конецъ тягостному безначалію“. Но то, что и придаетъ значеніе избранію Михаила: предшествовавшее

Digitized by Google

разореніе Россіи отъ самозванцевъ, нашествіе поляковъ и трудная борьба съ ними, дѣло Минина—все это г. Радонежскій считаетъ излишнимъ вносить въ свою книгу. О Петрѣ Великомъ говорится безсвязно и отрывочно при описаніи Петербурга и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (напр., все тотъ же гимназистъ декламируетъ стихи изъ „Полтавы“ Пушкина при видѣ качалки Карла XII); о его преобразованіяхъ нѣтъ и помину; о Екатеринѣ II лишь одинъ анекдотъ. За то подробнѣйшимъ образомъ изображены иконы и цѣлые иконостасы, гробницы праведниковъ, достопримѣчательности церквей, а также эпизоды изъ жизни святыхъ. Но для этого необходимы были бы подробные рисунки, какихъ въ книгѣ нѣтъ: иначе все описаніе становится сухимъ и сбивчивымъ. Въ своихъ историческихъ статьяхъ г. Радонежскій, видимо, усиливается говорить высоко-торжественнымъ слогомъ: „Заблаговѣстили къ обѣднѣ, загудѣлъ Иванъ Великій... Но вѣдь это голосъ многихъ вѣковъ; вѣдь этому благовѣсту внимали Іоаннъ Калита, Дмитрій Донской... Удары въ этотъ колоколъ, можетъ быть, оповѣстили Москву о смерти Грознаго, вѣнчаніи Годунова; эти колокола били набатъ, звавшій Москву ополчиться на самозванца; при звукахъ этихъ же колоколовъ внесли въ Архангельскій соборъ св. мощи зарѣзаннаго въ Угличѣ царевича; этотъ колокольный звонъ привѣтствовалъ новоизбраннаго царя, пріѣхавшаго изъ костромского Ипатьевскаго монастыря. Глаголъ временъ, металла звонъ! твой страшный гласъ меня смущаетъ, и сердце трепещетъ невольно“. Интереснѣе всего то, что г. Радонежскій заставляетъ трепетать сердце крестьянскихъ дѣтей по поводу событій, о которыхъ онъ ничего имъ не сообщилъ; да и то, о чемъ онъ что-нибудь сказалъ, вовсе не такъ описано, чтобы могло привести въ трепетъ. „Металла звонъ“—это и есть собственная рѣчь автора.

Наконецъ, искусившись въ краснорѣчіи, г. Радонежскій искусился и въ поэзіи, образчикъ которой помѣщенъ во главѣ самаго изданія подъ названіемъ: „Солнышко“:

„Въ храмѣ слово Божіе —
Свѣтъ и просвѣщеніе;
Въ школѣ—цифирь, грамота,
Книжное ученіе“...

А кончается этотъ опытъ въ „стихотворствѣ“ совершенно неожиданною картиною:

„Туча понадвинулась,
Солнышко сокрылось...
И толпа веселая
Дѣтокъ въ школу сбилась“.

Digitized by Google

Все говорилось о солнцѣ, какъ о знаніи, а на повѣрку выходитъ, что едва дѣти *сбились* въ школу, это самое солнышко-то и затмилось. Впрочемъ, при чтеніи книги г. Радонежскаго, такое затменіе болѣе чѣмъ возможно.

Въ другомъ стихотвореніи собственнаго издѣлія, г. Радонежскій обѣщаетъ дѣтямъ, въ формѣ такихъ же внушеній, что школьныя занятія „сдѣлаютъ ихъ жизнь и сытѣй, и свѣтлѣй“ (стр. 4). Но въ примѣненіи къ книгѣ г. Радонежскаго, можно согласиться только съ тѣмъ, что, благодаря ей, можетъ сдѣлаться, если не „свѣтлѣй“, то „сытѣй“, жизнь самихъ авторовъ подобныхъ произведеній, одобренныхъ „для класснаго и внѣкласснаго чтенія“ тѣмъ же ученымъ комитетомъ, котораго они состоятъ членами.—С. И.

II.

— *Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель* (1835—1861). Выпускъ II-й. Письма П. І. Шафарика. Выпускъ III-й (и послѣдній). Съ примѣчаніями Д. Ч. *Нила Попова*. Изданіе Импер. Общества Ист. и Древн. Россійскихъ при Моск. Университетѣ. М. 1880.

Въ одной изъ предъидущихъ книгъ „Вѣстника Европы“ мы указывали на первый выпускъ замѣчательнаго изданія, которое теперь окончено г. Поповымъ. Не будемъ повторять того, что̀ мы говорили о большомъ интересѣ этого изданія для исторіи нашихъ славянскихъ изученій; прибавимъ только, что новые выпуски, особенно второй, даютъ опять много любопытнаго матеріала.

Правда, онъ любопытенъ для немногихъ, потому что славянствомъ все-таки интересуется у насъ небольшой кружокъ любителей, и притомъ содержаніе переписки поглощено всего болѣе предметами археологіи и старой славянской исторіи. Но матеріалъ въ высокой степени цѣненъ для тѣхъ, кто будетъ искать болѣе близкаго знакомства съ развитіемъ славянской науки. Лица, письма которыхъ собраны въ изданіи г. Попова, принадлежали къ числу главнѣйшихъ представителей новѣйшаго литературнаго движенія въ западномъ славянствѣ; къ археологіи примыкали и живые вопросы національной борьбы, и въ перепискѣ найдутся для исторіи этихъ недавнихъ временъ важныя и характерныя подробности. Не менѣе, если не болѣе, чѣмъ для насъ, настоящее изданіе важно для литературы западно-славянской, особливо чешской.

Именно, второй выпускъ занятъ исключительно письмами Шафарика (на нѣмецкомъ языкѣ), съ 1835 до 1858 года. Имя Шафарика

Digitized by Google

(1795 — 1861) есть одно изъ тѣхъ славянскихъ именъ, которыя извѣстны и большому кругу нашихъ читателей. Это былъ ученый, по преимуществу панславянскій; главные труды его — „Исторія славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ“, 1826; „Славянскія Древности“, 1837; „Славянская Этнографія“, 1842 — въ первый разъ сопоставляли славянскія племена въ ихъ прошлой исторіи и современности какъ одно цѣлое; чрезвычайно обширная эрудиція давала этимъ трудамъ значеніе въ наукѣ, котораго не могли отвергать самые враги и которое въ кругу славянства было прочной опорой для между-славянскихъ изученій и сочувствій. Шафарикъ совершалъ свои труды въ условіяхъ очень трудныхъ, среди національной вражды къ славянству, и онъ упорно боролся съ учеными предразсудками противъ славянства, которыя въ значительной степени были слѣдомъ этой вражды. Въ „Древностяхъ“ была у него своя нравственно-національная задача—отвергнуть клеветы противъ славянскаго племени, накопившіяся вѣками, раскрыть лучшія стороны его племенного характера, внушить любовь къ древнему преданію, чтобы оно могло стать руководствомъ и для новыхъ поколѣній. Внѣшнія обстоятельства его были крайне стѣсненныя, и тѣмъ больше почтенія возбуждаетъ его неустанный трудъ, достигшій замѣчательныхъ результатовъ для славянскаго возрожденія.

Изданныя теперь письма (всего 145, на стр. 135—448) еще разъ напоминаютъ о необходимости подробной и критической біографіи писателя съ такимъ широкимъ историческимъ значеніемъ, какъ Шафарикъ. Обязанность эта прежде всего лежитъ, конечно, на чешскихъ ученыхъ: въ ихъ литературѣ онъ дѣйствовалъ и имъ теперь еще можно сохранить въ біографіи много живыхъ воспоминаній, которыя уже скоро должны изсякнуть.

Погодинъ познакомился съ Шафарикомъ въ 1835 году, когда послѣдній работалъ надъ „Древностями“. Съ этихъ поръ началась между ними переписка, особенно дѣятельная въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Отношенія къ Шафарику составятъ одну изъ лучшихъ страницъ въ біографіи Погодина: онъ съумѣлъ понять великое значеніе труда, который занималъ тогда Шафарика, и оказалъ ему немалое содѣйствіе. Письма Шафарика заняты всего больше извѣщеніями о ходѣ его работъ, запросами о необходимыхъ ему русскихъ книгахъ, разными историческими соображеніями и вопросами, и извѣстіями о новостяхъ чешской литературы. Погодинъ оказалъ ему существенную помощь высылкой русскихъ книгъ, цѣлыми ящиками, и, кромѣ того,—посылкой денегъ, собранныхъ имъ для Шафарика въ Москвѣ. Эти посылки не разъ выручали Шафарика изъ самыхъ тягостныхъ затрудненій. Между ними установились самыя

Digitized by Google

близкія отношенія, хотя не обошлось безъ грубыхъ угловатостей со стороны Погодина, о которыхъ упомянемъ дальше. Погодинъ печаталъ отрывки изъ писемъ Шафарика съ извѣстіями объ его ученыхъ предпріятіяхъ и о новыхъ явленіяхъ въ чешской литературѣ, въ „Москвитянинѣ“ давалъ много мѣста славянскимъ предметамъ, стараясь возбуждать интересъ къ западному славянскому движенію,—но дѣлалъ онъ это чрезвычайно неловко, такъ что интереса успѣлъ возбудить мало. Въ сороковыхъ годахъ, его усилія возбудить славянскій интересъ, какъ извѣстно, вызывали не мало насмѣшекъ, къ которымъ онъ въ самомъ дѣлѣ давалъ поводъ. Разъ, сами западнославянскіе ученые торопились воздержать Погодина, чтобъ изъ-за него „ихъ не подняли на смѣхъ“.

Какъ бы то ни было, письма Шафарика представляютъ очень много любопытныхъ подробностей объ этихъ первыхъ проявленіяхъ „славянской взаимности“. Остановимся на нѣкоторыхъ.

Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Погодину, Шафарикъ указываетъ нелѣпость, какую сдѣлала россійская академія, пославши медаль нѣкоему Дундеру, „прежде чѣмъ онъ успѣлъ написать и напечатать одну строку“. Это были первые опыты поощрять и сближаться съ славянскими учеными. Дундеръ былъ просто самохвалъ и шарлатанъ—о чемъ Шафарикъ писалъ и Востокову (въ „Перепискѣ“ Востокова, стр. 326). „Не понятно, что́ дѣлаетъ россійская академія? Ей бы все-таки не слѣдовало дѣлать себя смѣшной передъ публикой“. Онъ совѣтуетъ Погодину написать объ этомъ президенту академіи, чтобы они позаботились лучше собирать свои свѣдѣнія. Въ то же время академія, по указанію Ганки, послала медаль Юнгманну, но и на этотъ разъ не умѣла даже правильно назвать его оффиціальнаго положенія (стр. 156, 161).

Шафарикъ уже собиралъ матеріалы для своей „Этнографіи“ и указывалъ русскимъ ученымъ на необходимость изученія русскихъ нарѣчій. „Позвольте повторить мою просьбу,—писалъ онъ въ 1836 г.,—и обратить вниманіе на тѣ предметы, объясненіе которыхъ я *такъ настоятельно* рекомендовалъ вамъ и г. Кирѣевскому (вѣроятно—Ивану, во время пребыванія его за-границей). Я разумѣю точное изслѣдованіе, опредѣленіе и классификацію *нарѣчій* русскаго языка, и приготовленіе этнографической карты европейской Россіи, особенно относительно ея славянскихъ народовъ. Не могу сказать вамъ, какъ сильно и постоянно интересуетъ и занимаетъ меня это дѣло... Что́ дѣлаетъ г. Кирѣевскій съ своимъ собраніемъ пѣсенъ? Пусть онъ, ради Бога, не откладываетъ дальше ихъ изданія. Время неудержимо уходитъ отъ насъ: мы желаемъ имѣть возможность пользоваться этими великолѣпными сокровищами, пока живы и пока есть силы

Digitized by Google

ими пользоваться. Еслибы я имѣлъ эти пѣсни уже теперь, при обработкѣ моихъ „Древностей“, — до какой степени иными вышли бы многія части моего труда!“ (стр. 163, и въ другомъ письмѣ — 168). Шафарикъ добылъ потомъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету, которыми воспользовался въ своей „Этнографіи“,—но этнографическая карта Россіи, составленная Кёппеномъ, вышла у насъ только въ 1852 году, а пѣсни Кирѣевскаго изданы уже по смерти и Кирѣевскаго и Шафарика (только 1-й выпускъ вышелъ въ 1861). Въ этой медлительности виноваты были впрочемъ не одни русскіе ученые, потому что изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго встрѣтилось тогда съ цензурными препятствіями, которыхъ ни эти ученые, ни Шафарикъ не предполагали; но русскія нарѣчія не опредѣлены точно и не классифицированы до сей минуты.

Посылки русскихъ книгъ познакомили Шафарика съ запасомъ древнихъ памятниковъ русской исторіи; онъ изумлялся ихъ изобилію. „Книги, вами посланныя (изданія лѣтописей, „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и т. п.), занимаютъ меня день и ночь,—пишетъ онъ:—какой рудникъ для изслѣдователя и знатока!.. Такихъ сокровищъ для нашихъ (т.-е. славянскихъ) древностей, какъ русскія, не имѣетъ все остальное славянство. Мы имѣемъ только кое-гдѣ сухіе листки, вы — цѣлые первобытные лѣса; мы — рѣдкія зерна золота въ грязи, вы — цѣлыя самородныя уральскія массы“ (стр. 184).

Чехи вообще очень высокаго мнѣнія о своей литературѣ; она и дѣйствительно имѣетъ свои неоспоримыя заслуги, — но любопытно сличить съ обычными взглядами чеховъ отзывы Шафарика, относящіеся къ концу тридцатыхъ годовъ. О своей литературѣ Шафарикъ всего чаще говоритъ въ такихъ выраженіяхъ, что она „прозябаетъ“, „кое-какъ идетъ“ и т. п. Онъ былъ, вѣроятно, исключеніемъ въ чешскомъ обществѣ. Въ 1837 году онъ пишетъ Погодину просьбу—выслать двѣ-три книжки русскихъ повѣстей или вообще легкаго чтенія. „Моя жена уже два или три раза перечла ваши „Повѣсти“, и съ тѣхъ поръ, какъ она читаетъ русскія книги, ей ужъ больше не нравятся чешскія!“ (стр. 195). Въ 1838 году онъ пишетъ: „Наша чешская литература плетется кое-какъ впередъ, какъ человѣкъ, страдающій чахоткой. Я бы затруднился, еслибъ нужно было указать вамъ что-нибудь интересное изъ нашихъ новѣйшихъ произведеній. Наша беллетристика плоха,—ниже всякой критики“. Въ 1843 году онъ пишетъ: „Наша литература прозябаетъ не торопясь и производитъ не такъ быстро, чтобы я могъ сообщить о ней какія-нибудь новости“ (стр. 320).

Предоставимъ чешскимъ критикамъ мирить эти отзывы съ обыч-

Digitized by Google

нымъ, господствующимъ у нихъ мнѣніемъ о богатствахъ чешской литературы; замѣтимъ только, что Шафарикъ въ другихъ случаяхъ очень хорошо видѣлъ и недостатки русской литературы.

Послѣдствія событій 1848—49 года дѣйствовали на Шафарика очень тяжело. Когда еще не наступила формальная реакція, въ 1850 году, онъ не ожидалъ, чтобы чешская народность много пріобрѣла; настоящій успѣхъ могъ быть достигнутъ только тогда, когда народный языкъ получитъ мѣсто въ школѣ и въ домѣ,—иначе всѣ заботы о немъ останутся однимъ дилеттантизмомъ (стр. 369). Въ другомъ письмѣ того же года онъ говоритъ о новыхъ тогда назначенныхъ профессорахъ; онъ желаетъ имъ успѣховъ, — „но на то нужно время: ибо люди могутъ очень легко, и въ короткое время, убить до-смерти искусства и науки, но пробудить ихъ можетъ только Богъ, и созрѣть, вырости могутъ онѣ только медленно, въ продолжительномъ теченіи времени. Потому я и не надѣюсь, чтобы мои глаза увидѣли изъ того много...“ (стр. 373).

Положеніе славянскихъ дѣлъ вообще возбуждало въ немъ мысли довольно печальныя. Ему давно были понятны страшныя трудности, какими окружено славянское дѣло; въ эпоху славянскаго съѣзда въ Прагѣ, 1848 года, ему казалось на минуту, что, можетъ быть, наступаетъ пора, когда славянство энергически и успѣшно заявитъ свои права и свою силу. Но надежда была очень непродолжительна; дальнѣйшіе отзывы его о славянскихъ дѣлахъ опять исполнены сомнѣніями о будущемъ и даже наконецъ отказомъ отъ всякихъ надеждъ. Въ 1856 году онъ пишетъ: „Что касается нашихъ славянскихъ народовъ, то имъ выпала не одинаковая судьба; многіе изъ нихъ бѣдны и слабы, но всѣ они могутъ быть счастливы (?), если удовольствуются тѣмъ, что̀ судило имъ Провидѣніе, и не будутъ стремиться къ невозможному и недостижимому. Потому что—miseri sunt mortales, это такимъ же образомъ чувствовали и знали просвѣщенные греки и могущественные римляне, — et nostrates mortalium miserrimi, quoniam pauperrimi. Безъ *политической самостоятельности* языки и національности вездѣ должны довольствоваться скромной мѣрой дѣятельности и идиллическимъ счастіемъ. Поэтому, мужественно и съ энергіей продолжайте, какъ до сихъ поръ, въ вашей великой и могущественной Россіи развивать и возвышать языкъ, литературу и науку: мы не упустимъ, сколько возможно, дѣлать то же здѣсь для нашего языка, литературы и науки. Выгода будетъ для обѣихъ сторонъ. Это не только моя мысль: таково же было ученіе и нашего великаго поэта и наставника—Коллара“. По поводу какихъ-то статей, присланныхъ Погодинымъ, Шафарикъ отдаетъ похвалы его патріотизму, но о политической сторонѣ ихъ отказы-

Digitized by Google

вается судить: „для политическаго вообще у меня нѣтъ никакого пониманія“. О стихотвореніи Хомякова, присланномъ отъ Погодина въ 1856 году (вѣроятно, о томъ, которое помѣчено этимъ годомъ въ сборникѣ стихотвореній Хомякова), онъ замѣчаетъ: „прекрасная поэзія, но только поэзія“ (стр. 409).

Въ письмахъ Шафарика разбросано далѣе много любопытныхъ частностей и отзывовъ о разныхъ дѣятеляхъ тогдашняго славянскаго движенія, напр., о Копитарѣ (стр. 230, 243, 266, 269), Колларѣ (стр. 227, 369, 374, 376), Палацкомъ (стр. 369), о Ганкѣ и проч. Тѣмъ, кто нѣсколько знакомъ съ исторіей новаго славянскаго движенія, хорошо извѣстно имя Копитара, одного изъ сильнѣйшихъ ученыхъ того времени и иногда упрямаго противника чешскаго ученаго круга: чехи изображали его какъ врага славянства, какъ орудіе іезуитизма; онъ былъ въ глазахъ ихъ „Мефистофель“ между прочимъ потому, что считалъ подложными нѣкоторые „древніе“ памятники (какъ знаменитый „Судъ Любуши“ и проч.), въ которыхъ чехи видѣли предметъ своей національной гордости. Вражду къ Копитару чешскіе ученые успѣли значительно привить и русскимъ, напр., Бодянскому и Гильфердингу. Эти отношенія до сихъ поръ еще не достаточно выяснены, и отзывы Шафарика будутъ очень любопытны для ихъ разбора и вмѣстѣ для разъясненія нѣкоторыхъ неясныхъ сторонъ славянскаго дѣла въ ту пору. Шафарикъ былъ одинъ изъ самыхъ трезвыхъ умовъ въ чешскомъ ученомъ мірѣ, и однако отзывы его о Копитарѣ исполнены—мало сказать—вражды, но самой непримиримой ненависти (напр., стр. 266, письмо 1840 года). Въ отзывахъ о Ганкѣ можно замѣтить не большое уваженіе къ нему со стороны Шафарика; для чешскихъ читателей это, вѣроятно, не будетъ новостью и ихъ не удивитъ,—но будетъ интересна одна подробность въ письмѣ Шафарика къ Погодину, въ февралѣ 1857. Въ то время, вслѣдствіе настойчиво заявленныхъ нѣкоторыми учеными сомнѣній въ подлинности нѣсколькихъ „древнихъ“ памятниковъ чешской литературы, произведено было спеціальное изслѣдованіе, и нѣкоторые изъ нихъ признаны были несомнѣнно поддѣльными. Существовало подозрѣніе, что въ поддѣлкѣ такъ или иначе участвовалъ Ганка. Шафарикъ пишетъ къ Погодину: „Теперь нѣчто—только для васъ. Музей вынужденъ былъ составить безпристрастную коммиссію для изслѣдованія подлинности нѣкоторыхъ старо-чешскихъ отрывковъ. Въ первыхъ двухъ засѣданіяхъ, въ которыхъ я присутствовалъ, два древніе отрывка жалкимъ образомъ провалились. Это—постыдные подлоги (schändliche Impostureu), и *фабриканта можно угадать*. Коммиссія будетъ продолжать свои работы, и нѣтъ сомнѣнія, что провалятся еще *многіе* мнимо древніе памятники. Sed de his tacendum, покамѣстъ коммиссія напе-

Digitized by Google

чатаетъ свои результаты. Итакъ, къ другимъ потерямъ еще и этотъ позоръ!" (стр. 420).

Читателю, который захотѣлъ бы познакомиться съ подробностями исторіи объ этихъ поддѣлкахъ древнихъ чешскихъ памятниковъ, можно указать рядъ статей, начатыхъ объ этомъ любопытномъ предметѣ г. В. Ламанскимъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв." прошлаго года. Здѣсь довольно сказать, что этотъ вопросъ, поднимавшійся нѣсколько разъ, въ послѣдніе три-четыре года снова разбирается съ обѣихъ сторонъ съ одинаковымъ упорствомъ и составляетъ тѣмъ болѣе животрепещущій интересъ въ чешской литературѣ, что защитники оспариваемыхъ памятниковъ, къ сожалѣнію, изъ вопроса археологіи (хотя прискорбнаго) сдѣлали почти вопросъ національной чести. Отзывъ Шафарика, указывающій, *кромѣ* памятниковъ, которые уже „провалились", еще на *многіе* другіе, которые, по его мнѣнію, должны при изслѣдованіи тоже „провалиться", получаетъ немалое значеніе въ этомъ спорѣ, и чешскіе критики, безъ сомнѣнія, обратятъ на него должное вниманіе. Самому Шафарику это признаніе было не легко, потому что въ прежнее время онъ очень защищалъ нѣкоторые древніе памятники, которымъ, быть можетъ, слѣдовало „провалиться".

Далѣе въ письмахъ Шафарика любопытны упоминанія о первыхъ русскихъ славистахъ, путешествовавшихъ тогда по славянскимъ землямъ. Онъ говоритъ о Прейсѣ (стр. 274), о Срезневскомъ (стр. 270, 289, 291, 292), о Бодянскомъ (стр. 364 и друг.), о Григоровичѣ (стр. 378, въ письмѣ 1852 года). Особенно на двухъ первыхъ Шафарикъ возлагалъ великія надежды для славянской науки; о Прейсѣ онъ говоритъ между прочимъ: „въ немъ, незамѣтно и несознательно для свѣта, выросъ у васъ второй Востоковъ"—послѣдній уже тогда, въ 1840, былъ великимъ именемъ въ славянской филологіи. Въ Срезневскомъ Шафарикъ вѣрно замѣтилъ нѣкоторыя черты его характера; въ Бодянскомъ панславистическое фантазерство (онъ приводитъ примѣры); въ Григоровичѣ, какъ надобно догадываться, онъ видитъ чрезмѣрную пугливость (на которую и мы, въ другомъ мѣстѣ, указывали). Шафарикъ очень хорошо понималъ, какъ должны были бы направиться труды этихъ молодыхъ ученыхъ,—именно, онъ думалъ, что они должны прежде всего составить *учебники* для правильнаго ознакомленія русской литературы съ славянствомъ; онъ возвращается къ этому желанію нѣсколько разъ, въ 1842, въ 1843, въ 1848 году (стр. 319, 331, 365); желаніе было совершенно, элементарно справедливо, но теперь идетъ 1880-й годъ, а ни первые наши слависты, ни второе поколѣніе, ихъ ученики, до сихъ поръ еще не дали этихъ учебниковъ!

Digitized by Google

Къ русской наукѣ (въ вопросахъ древности) Шафарикъ относился довольно строго. Какъ мы видѣли, онъ восхищался обиліемъ у насъ литературныхъ памятниковъ старины, какого нельзя было найти еще нигдѣ въ славянствѣ, но онъ не разъ жаловался, что многіе основные памятники остаются неизданными, что важные вопросы остаются неизслѣдованными, положеніе науки представляется ему иногда просто жалкимъ (стр. 319, 324, 379, 419 и друг.). „Славянская взаимность", о которой въ тѣ годы очень много говорилось, была въ очень прискорбномъ положеніи; въ то время, какъ въ нѣмецкой литературѣ шли толки о грозномъ „панславизмѣ", взаимныя сношенія славянскихъ обществъ заключались въ сношеніяхъ между собою трехъ-четырехъ археологовъ. Въ сороковыхъ годахъ Шафарикъ дивится, что въ Москвѣ (до возвращенія Бодянскаго изъ путешествія) не найдется человѣка, который бы умѣлъ сдѣлать хорошо переводъ съ чешскаго (стр. 306); въ пятидесятыхъ годахъ онъ жалуется, что имъ въ Прагѣ легче получить книгу изъ Америки, чѣмъ изъ Петербурга или Москвы. „Чему удивляться?—говоритъ онъ въ письмѣ 1850 года:—изъ Кракова, который находится въ предѣлахъ нашего государства, нѣтъ никакой возможности получить что-нибудь. Надежду на улучшеніе славянской книжной торговли должны мы предоставить уже нашимъ дѣтямъ или, лучше, внукамъ. За то съ запада Прага наводняется настоящимъ потопомъ книгъ дважды въ недѣлю" (стр. 374, 418 и др.). Тѣмъ изъ нашихъ политиковъ и публицистовъ, которые любятъ пророчить о торжествѣ славянской цивилизаціи въ Европѣ (какъ, напр., хоть г. Н. Данилевскій) не мѣшало бы въ своихъ широкихъ выводахъ припоминать такіе маленькіе факты: они довольно поучительны и могли бы дать широкимъ выводамъ размѣры болѣе скромные.

Въ письмахъ 1857 года любопытны свѣдѣнія объ одномъ предпріятіи, которое возымѣлъ тогда Погодинъ. Именно онъ задумалъ, съ содѣйствіемъ извѣстнаго г. Кокорева, доставить матеріальныя средства для развитія славянской литературы. Изъ словъ Шафарика видно, что Погодинъ (и г. Кокоревъ?) желали сдѣлать нѣсколько изданій, которыя считали нужными для успѣха славянской литературы, именно издать сочиненія Гуса, сочиненія извѣстнаго въ свое время славянскаго ученаго Катанчича, наконецъ, одинъ древній памятникъ церковно-славянской письменности, Болонскую Псалтырь. Шафарикъ, обдумавши этотъ планъ съ своими друзьями, нашелъ его несвоевременнымъ, непрактичнымъ и невыполнимымъ. Онъ думалъ во-первыхъ, что этотъ планъ способенъ былъ снова вызвать и даже воспламенить едва затихшія національныя и религіозныя страсти. „Вы знаете, что мы живемъ въ смѣшанныхъ государствахъ. Вы

Digitized by Google

знаете, съ какой ревностью, завистью и недовѣріемъ наблюдается и выслѣживается движеніе славянъ въ литературѣ или иное. Напечатаніе такого плана свалилось бы между народами какъ бомба съ неба. Явились бы злостныя обвиненія въ руссоманіи и панславизмѣ. Все это и еще худшее мы только-что недавно пережили. Нѣтъ, такое меценатство и патронатъ причесли бы намъ только бѣды... Да и правительство при малѣйшемъ общественномъ шумѣ вмѣшается и все зажметъ—и рты, и печатные станки". Шафарикъ думалъ, напримѣръ, что сочиненій Гуса ни одинъ издатель въ Австріи не возьмется печатать, а противъ Гуса пожалуй. „Hus ne nominetur quidem: aut uratur denuo". Другія предположенныя изданія Шафарикъ также находилъ по той или другой причинѣ неудобоисполнимыми.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шафарикъ опять возвратился къ плану Погодина и осудилъ его еще болѣе рѣзко. Погодинъ, повидимому, защищалъ свой планъ и упрекалъ Шафарика; Кошелевъ, который былъ въ это время въ Прагѣ, счелъ нужнымъ написать Погодину, чтобы онъ „поберегъ Шафарика своими письмами". Шафарикъ „боялся его писемъ какъ огня"... Дѣло въ томъ, что Шафарикъ въ это время былъ сильно боленъ, физически и нравственно; съ нимъ былъ припадокъ душевной болѣзни; домашнія дѣла его были въ разстройствѣ, старшій сынъ опасно боленъ въ Берлинѣ; силы, и безъ того упадавшія, не выносили, наконецъ, тяжелой жизненной ноши, и новыя задачи, упреки и требованія пугали усталаго труженика.

Въ сношеніяхъ Шафарика съ Погодинымъ былъ раньше случай, гдѣ послѣдній поставилъ его въ довольно непріятное положеніе. Это было еще въ началѣ ихъ знакомства; Погодинъ, желавшій, конечно, помочь стѣсненнымъ обстоятельствамъ Шафарика, оказалъ ему и медвѣжью услугу,—именно напечаталъ въ „Журналѣ Мин. Народн. Просв." извлеченія изъ писемъ Шафарика, вовсе не назначавшихся для печати, и изъ писемъ Бодянскаго, который тоже не для печати разсказывалъ о домашнихъ дѣлахъ и бѣдности Шафарика. Увидѣвъ все это въ „Журналѣ Мин.", Шафарикъ былъ огорченъ и раздосадованъ. „Такія дружескія услуги,—писалъ онъ Погодину въ декабрѣ 1838 г.,—должны быть и оставаться тайною друзей, иначе перестаютъ быть услугами. Спокойно подумавши объ этомъ, вы сами, конечно, увидите неумѣстность и неделикатность этого. Къ чему это послужитъ, кромѣ того, чтобы сдѣлать меня предметомъ насмѣшекъ незнающихъ и легкомысленныхъ людей? Поэтому я долженъ васъ просить, въ случаѣ если вы послали къ Сербиновичу (редактору журнала) подобныя извлеченія изъ моихъ или чужихъ писемъ, тотчасъ вытребовать ихъ назадъ, прежде чѣмъ они напечатаны".

Digitized by Google

Самыя „услуги“, хотя немаловажныя для Шафарика, были и не черезъ-чуръ велики; отъ стѣсненнаго положенія онѣ все-таки Шафарика не освобождали.

Дальше Шафарикъ хочетъ убѣдить, что дѣла его однако вовсе ужъ не такъ запутаны, что онъ и семейство его обезпечены. „Если я при изданіи „Древностей“, стоившемъ мнѣ 1,500 гульденовъ, часто нуждался въ деньгахъ, то это ни мало не удивительно,—такъ случается и съ богачами. Г-ну Бодянскому не могло быть неизвѣстно, что весной 1837 года мнѣ дано было мѣсто цензора съ 400 гульденовъ жалованья; а въ 1838 г. я принялъ редакцію „Часописа“ чешскаго музея, съ 120 гульденами годового гонорара. Это составляетъ 520 гульденовъ или 1,200 рублей ассигнаціями *вѣрнаго* годового дохода, что́ для моей жизни достаточно. Слѣдовательно, о бѣдности и лишеніяхъ не можетъ быть рѣчи. — Я не могу иначе подумать, какъ то, что вы ошиблись и смѣшали мои литературныя потребности съ другими. Что касается до моихъ личныхъ дѣлъ, то они не относятся къ журналамъ и къ публикѣ“.

Этотъ эпизодъ характеристиченъ; характеристично и то, что первостепенный славянскій ученый считалъ себя съ довольно большой семьей обезпеченнымъ съ 520 гульденами годового *вѣрнаго* дохода. На дѣлѣ онъ, конечно, нуждался...

Въ третьемъ выпускѣ „Писемъ“ заключается также много любопытнаго, хотя уже не цѣльнаго матеріала, какъ во второмъ. Здѣсь собраны письма славянскихъ писателей, съ которыми Погодинъ не былъ въ такихъ постоянныхъ сношеніяхъ, какъ съ Шафарикомъ. Книга начинается письмомъ Копитара, при которомъ находится и три письма Добровскаго къ Копитару, пересланныхъ Погодину Миклошичемъ; далѣе, нѣсколько писемъ Миклошича, много писемъ Ганки, нѣсколько писемъ Коллара, письма галичанъ Зубрицкаго, Вагилевича, Головацкаго, поляковъ Линде, Мацѣевскаго, Кухарскаго, серба Караджича, болгарина Филаретова, одно, но очень любопытное письмо словака Штура, и проч. Вообще, въ этой перепискѣ найдутся важныя данныя для исторіи славянскаго движенія съ тридцатыхъ годовъ, и изданіе ея есть большая заслуга Н. А. Попова и московскаго Общества исторіи и древностей. Оно должно бы быть очень любопытно для западнаго славянства, особенно для чеховъ, о которыхъ всего больше идетъ рѣчи въ этой перепискѣ.

Повторимъ при этомъ случаѣ желаніе, высказанное въ „В. Европы“, чтобы русское отдѣленіе академіи или университетъ позаботились объ изданіи славянской переписки Срезневскаго: особливо ранняя ея часть—сороковые годы—должна быть очень интересна.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ европейской, особенно

Digitized by Google

нѣмецкой публицистикѣ очень много говорилось объ угрожающемъ европейскому миру „панславизмѣ“. Предполагалось обыкновенно, что въ Москвѣ находится главный центръ этого панславизма, питающаго отчаянные планы, грозившіе нарушить спокойствіе Европы. Настоящая переписка вводитъ въ самое гнѣздо этого панславизма. Главнымъ, чуть не единственнымъ представителемъ и хозяиномъ этого гнѣзда былъ именно Погодинъ. Правда, онъ много грозился Европѣ, но изданная теперь переписка достаточно объясняетъ, что эти угрозы были принадлежностью только его личнаго темперамента, а что въ дѣйствительности всѣ связи его съ славянскимъ міромъ заключались въ очень скромныхъ, чисто литературныхъ сношеніяхъ, гдѣ рѣчь шла всего больше, почти исключительно—объ археологіи. Опасности отъ этого для спокойствія Европы не представилось бы и самымъ строгимъ судьямъ „панславизма“, еслибы они объ этомъ знали.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ пятый. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Изданіе Д. Самарина. М. 1880.

Изданіе сочиненій Самарина начато было въ 1877 году. Въ 1-мъ томѣ помѣщены „статьи разнороднаго содержанія и по польскому вопросу“. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ 1878 г., находятся работы Самарина по крестьянскому дѣлу до рескрипта 20 ноября 1857 года. Крестьянское дѣло, по предположенію издателя, займетъ еще кромѣ 3-го тома и часть 4-го. До окончанія ихъ, издатель выпустилъ теперь, 5-мъ томомъ, очень извѣстную диссертацію Самарина о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, 1844 года.

Впрочемъ, диссертація Самарина, съ другой стороны, была до настоящаго изданія вовсе неизвѣстна въ томъ полномъ ея составѣ, какъ она является теперь. Дѣло въ томъ, что когда Самаринъ въ 1843 представилъ ее въ московскій университетъ на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія, факультетъ читалъ ее около года, и въ апрѣлѣ совѣтъ одобрилъ только третью ея часть: въ такомъ видѣ она и была напечатана въ 1844 году. Теперь, издатель возстановилъ ея цѣлый составъ—насколько было возможно; потому что той рукописи, какая была представлена въ университетъ, не нашлось въ его архивѣ, и первыя двѣ части диссертаціи напечатаны по сохранившимся черновымъ. Разница въ объемѣ первоначальной диссертаціи и ея „одобренной“ части была слѣдующая: первыя двѣ части заключаютъ въ настоящемъ изданіи 331 стр.; третья—118 страницъ. Разница въ содержаніи та, что первая часть заключаетъ цѣлый трактатъ о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ, какъ богословахъ, вторая—какъ о сановникахъ церкви; „одобренная“ третья

Digitized by Google

часть разсматриваетъ ихъ какъ проповѣдниковъ, т.-е. только съ литературной стороны.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія о томъ, что совѣтское „одобреніе“ третьей части и неодобреніе двухъ первыхъ руководилось не сужденіемъ о литературныхъ и научныхъ достоинствахъ или недостаткахъ сочиненія Самарина, и даже не личными отношеніями къ автору,— хотя на диспутѣ обнаружилось, что Ив. Ив. Давыдовъ относился къ автору съ явнымъ недружелюбіемъ (по врожденной или пріобрѣтенной неспособности понимать искреннее и свободное убѣжденіе), что враждебно взглянулъ на диссертацію Бодянскій (которому не понравился взглядъ Самарина на южнорусскую школу XVII в.). Основаніе „неодобренія“ видимо было цензурное. Время было очень мало благопріятное для науки. Наше оффиціальное просвѣщеніе торжественно провозглашало принципъ „народности“, но сколько-нибудь серьёзное и открытое приложеніе научной критики и анализа къ историческому смыслу и существу этой народности устранялось при первомъ появленіи. Университетскій совѣтъ и трудно винить за высказанное имъ „неодобреніе“; онъ хотя и имѣлъ свою ученую цензуру, но ея полномочія были, разумѣется, весьма сомнительны,—около этого самаго времени произошла извѣстная исторія съ диссертаціей г. Костомарова (объ уніи), которая университетомъ и была одобрена, но тѣмъ не менѣе была уничтожена по предписанію высшаго начальства. Ничто не удостовѣряло, что подобное не могло бы случиться и здѣсь. Четыре года спустя произошелъ въ московскомъ Обществѣ исторіи и древностей цѣлый погромъ по случаю напечатанія Бодянскимъ Флетчера.

Что же остановило университетскій совѣтъ? Объ этомъ можно было догадаться и изъ напечатанной тогда третьей части диссертаціи; теперь это вполнѣ ясно. Дѣло въ томъ, что Самаринъ, приступивъ къ своей тэмѣ (какъ говорятъ, *заданной* университетомъ), нашелъ нужнымъ и, конечно, справедливо, возвести характеристику двухъ писателей къ самымъ общимъ и широкимъ началамъ, которыя отразились на ихъ дѣятельности. Въ одномъ издавна видѣли нѣкоторое приближеніе къ церковнымъ идеямъ католическимъ, въ другомъ — къ протестантскимъ. Сороковые годы были у насъ временемъ нѣмецкихъ философскихъ вліяній; Самаринъ, болѣе или менѣе также затронутый нѣмецкой философіей, обобщилъ тэму до цѣлаго вопроса объ отношеніяхъ православія къ католичеству и протестантству. Въ его мнѣніяхъ не было ничего неправославнаго; напротивъ, православіе изображалось въ широкой идеализаціи, — но самый фактъ разсужденія о подобныхъ предметахъ въ „свѣтской“ диссертаціи „молодого человѣка“ былъ, по тому времени, совершенно невразумителенъ, и первыя

Digitized by Google

двѣ части, гдѣ лежитъ центръ тяжести всего сочиненія, не были „одобрены“,—оставлена одна третья часть, которую можно было подвести подъ литературное разсужденіе о *словѣ* проповѣдей Стефана Яворскаго и Ѳеофана,—разсужденіе, которое по тогдашнимъ (?) понятіямъ могло быть подвѣдомственно университету. Что „молодой человѣкъ“, представившій диссертацію, былъ человѣкъ необычайнаго таланта; что вопросъ, имъ поднятый, существенно важенъ для русской „народности“ и требовалъ научнаго изслѣдованія, — объ этомъ университетъ не думалъ или, вѣрнѣе, боялся думать, потому что въ другихъ, болѣе вліятельныхъ сферахъ, думали объ этихъ предметахъ иначе, какъ говорится, съ обще-армейской точки зрѣнія.

Таковъ былъ, безъ сомнѣнія, ходъ дѣла.

Онъ былъ, безъ сомнѣнія, крайне прискорбнымъ свидѣтельствомъ о положеніи русской науки. Для нея закрывался путь правильнаго, естественнаго движенія. Кончилось тѣмъ, что славянофилы были сочтены за людей подозрительныхъ, за таковыхъ же признаны ихъ противники: однако въ тѣхъ и другихъ начинающаяся для нихъ исторія видитъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской мысли и общественнаго сознанія того времени. Стѣсненіе не уничтожило школы; славянофильство развилось въ опредѣленную доктрину, но для основныхъ положеній ея, на которыхъ было утверждено все міросозерцаніе школы, и на почвѣ которыхъ въ сущности должны были бы выясниться практическія идеи школы и ея отношенія со взглядомъ противниковъ,—для этихъ положеній все-таки не было мѣста въ русской литературѣ. Хомяковъ издавалъ свои богословскія брошюры, *возвеличивавшія* православіе, за границей, *на французскомъ языкѣ;* потомъ, въ недавніе годы, Самаринъ печаталъ ихъ по-русски въ Прагѣ: то и другое оставалось, разумѣется, закрыто для русской литературы; теперь, въ 1880 году, печатается диссертація 1844 года. Ушло то настроеніе мыслей; многое, что было бы могущественнымъ интересомъ въ свое время, становится историческимъ фактомъ; сами представители этихъ идей уже сошли съ поприща; прямая полная критика становится невозможной, потому что нѣтъ настоящей полной защиты. Правда, самая идея и тогда не могла быть изгнана; она высказывалась въ литературѣ, имѣла свое вліяніе, но обѣ стороны принуждены были говорить полу-словами, намеками, часто, конечно, темными; споръ мнѣній ограничился по неволѣ тѣснымъ кругомъ людей, не велся до конца; въ результатѣ накоплялись неясности, недоразумѣнія, и эта невозможность для литературы говорить о существеннѣйшихъ вопросахъ науки, религіи, національной жизни отражалась на ней самымъ печальнымъ образомъ, и даетъ, наконецъ,

Digitized by Google

элементы для такого безшабашнаго и жалкаго состоянія, въ какомъ большинство „литературы“ находится въ настоящую минуту.

Вопросы, которые ставились и въ сороковыхъ годахъ, и позднѣе, были, однако, глубоко серьёзные, заслуживавшіе великаго вниманія. Едва ли они вернутся въ той же формѣ, но вернутся несомнѣнно,— только для сознанія ихъ цѣлымъ обществомъ пропали десятки лѣтъ...

Къ настоящему изданію диссертаціи прибавлены двѣ вводныя статьи: предисловіе проф. Иванцова-Платонова и „Данныя для біографіи Ю. Ѳ. Самарина за 1840—1845 г.“, самого издателя, г. Д. Самарина. Г. Иванцовъ-Платоновъ въ началѣ высказываетъ увѣренность, что „это сочиненіе, писанное почти сорокъ лѣтъ назадъ, принято будетъ въ русской литературѣ не только какъ первый ученo-литературный опытъ писателя, который впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ почетное имя, не только какъ памятникъ научныхъ воззрѣній и литературныхъ пріемовъ того времени, когда оно было писано, и того направленія, изъ котораго оно вышло, но и какъ цѣлый вкладъ— капитальный вкладъ въ русскую богословскую и историческую науку, не теряющій своего значенія и въ настоящее время, и имѣющій занять видное мѣсто при дальнѣйшемъ развитіи православнаго богословія и русской исторіи“ (т.-е., вѣроятно, исторической науки). Авторъ старается опредѣлить происхожденіе взглядовъ Самарина и его отношеніе къ Хомякову: Самаринъ считалъ себя его ученикомъ, но теперь выясняется любопытный фактъ, что настоящее сближеніе Самарина съ Хомяковымъ произошло уже только послѣ того, какъ диссертація была написана; авторъ предисловія указываетъ потомъ особенности взгляда Самарина на православіе и его отношеніе къ католицизму и протестантству. Онъ дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе, довольно справедливое: „Вообще, диссертація Самарина представляетъ характерное выраженіе того научно-литературнаго направленія и той эпохи въ нашемъ общественномъ развитіи, когда для полученія университетскихъ и академическихъ степеней молодые ученые любили писать изслѣдованія не на мелкіе вопросы и темы, при обработкѣ которыхъ можно ограничиться лишь тщательнымъ собраніемъ и группировкою опредѣленнаго и несложнаго матеріала, обходя всѣ, сколько-нибудь трудные и щекотливые общіе вопросы (такъ что по этимъ изслѣдованіямъ часто нельзя составить никакого опредѣленнаго понятія о личности и воззрѣніяхъ изслѣдователей),— но избирали для изслѣдованія темы самыя серьёзныя и сложныя, при разъясненіи которыхъ можно было бы высказать свое воззрѣніе по общимъ вопросамъ, касающимся не только цѣлой науки, но нерѣдко и убѣжденій практической жизни. Разработка такого рода

Digitized by Google

тэмъ, несомнѣнно, представляла много трудностей и опасностей разнаго рода; но нельзя, кажется, не признать, что она была очень полезна для нашей молодой науки и развивающейся общественной жизни. И самимъ начинающимъ дѣятелямъ науки такія работы давали твердую основу и серьёзное возбужденіе для дальнѣйшей научной и общественной дѣятельности; и ученымъ учрежденіямъ, на разсмотрѣніе которыхъ представлялись такія работы и отъ которыхъ могло зависѣть избраніе и привлеченіе молодыхъ силъ къ дальнѣйшей оффиціально-научной дѣятельности, онѣ давали наиболѣе ясныя данныя для оцѣнки не только способностей, научныхъ пріемовъ и литературнаго таланта соискателей ученыхъ степеней, но и самыхъ воззрѣній и направленій ихъ... И такія широкія задачи, по крайней мѣрѣ у лучшихъ дѣятелей, не мѣшали тщательному спеціальному изслѣдованію избраннаго вопроса, основательному изученію матеріала, выясненію новыхъ частныхъ сторонъ въ наукѣ и т. д. Напротивъ, при бо́льшемъ кругозорѣ воззрѣнія, въ болѣе широкихъ предѣлахъ работы, всему этому открывалось болѣе мѣста, чѣмъ при преднамѣренной разработкѣ мельчайшихъ вопросовъ и частнѣйшихъ научныхъ тэмъ, которая все болѣе и болѣе входитъ въ обычай между нашими учеными въ послѣднее время"... Такія достоинства широкаго взгляда представляла и диссертація Самарина.

Дѣйствительно, въ сороковыхъ годахъ и въ диссертаціяхъ, и въ критической литературѣ любили развивать общія тэмы, основывать на общихъ принципахъ опредѣленіе частностей, и это направленіе или обычай, безъ сомнѣнія, были очень полезны для нашей молодой науки и общественной жизни. Послѣдующее время было въ этомъ отношеніи какъ-будто шагомъ назадъ. Почти двадцать пять лѣтъ спустя послѣ диссертаціи Самарина, въ 1868 г., вышла объемистая книга о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, г. Чистовича, богатая новыми архивными матеріалами, и намъ случилось тогда, говоря объ этой книгѣ, указать, что, несмотря на все обиліе частной фактической разработки, самая личность Ѳеофана и историческое его значеніе, т.-е. именно общій вопросъ, разъяснены у г. Чистовича гораздо менѣе, чѣмъ было задолго раньше сдѣлано Самаринымъ.

Впрочемъ, упадокъ научнаго направленія, отмѣченный г. Иванцовымъ-Платоновымъ, происходилъ не отъ упадка научнаго интереса въ послѣдующемъ поколѣніи. Первый поворотъ совпадаетъ съ тѣми спеціальными цензурными стѣсненіями, какія начались въ 1848 году. Литература вдругъ упала съ своихъ теоретическихъ и философскихъ вершинъ и ограничена (въ исторіи и исторіи литературы) безобиднымъ и тѣснымъ содержаніемъ фактическихъ и библіографическихъ изысканій. Мы упоминали выше, въ какое положеніе

Digitized by Google

ставилось научное изслѣдованіе еще въ сороковыхъ годахъ: постановка общихъ вопросовъ дѣлалась просто немыслима. Но, съ другой стороны, было потребностью для самаго научнаго изслѣдованія оставить на время теоретическія вершины для болѣе точнаго опредѣленія фактовъ, изъ которыхъ должны были извлекаться обобщенія. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ другими наступавшими перемѣнами, явилась возможность архивныхъ изслѣдованій, какая была трудна, даже невозможна въ прежнее время, и открывшаяся при этомъ масса любопытнѣйшаго матеріала справедливо привлекла вниманіе ученыхъ изслѣдователей и самого общества...

Статья г. Д. Самарина сообщаетъ много интересныхъ подробностей о развитіи взглядовъ Юрія Самарина въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Въ прежнее время настоящій томъ сочиненій Самарина возбудилъ бы много толковъ. Не знаемъ, будетъ ли это теперь. Едва ли. Мы сами не будемъ входить въ подробности его содержанія; богословскіе предметы у насъ, какъ извѣстно, особеннымъ образомъ спеціализированы. Мы ограничимся однимъ замѣчаніемъ, на которое наводитъ не только Самаринъ, но вообще все славянофильское ученіе: школа эта всегда оставляла чрезвычайно неяснымъ вопросъ, какъ идеализированное ею православіе относится къ *дѣйствительности* народнаго церковнаго быта и просвѣщенія, и насколько можетъ быть компетентна эта идеализація внѣ чисто-теоретической догматики и безъ провѣрки историческими и бытовыми *фактами*?

Сборникъ Археологическаго Института. Книги первая, вторая, третья. Изданы подъ редакціей Н. В. Калачова. Спб. 1878—1880.

Археологическій Институтъ есть учрежденіе еще очень молодое; теперь идетъ третій годъ его существованія. Мысль о необходимости такого учрежденія и самое выполненіе этой мысли принадлежитъ давно извѣстному юристу-археологу, г. Калачову. Обширное развитіе нашей исторіографіи за послѣднія десятилѣтія требуетъ, наконецъ, систематическаго изученія старыхъ историческихъ памятниковъ и прежде всего даже просто сохраненія ихъ отъ гибели въ рукахъ невѣжественныхъ, собранія ихъ въ столичные и мѣстные центры, правильнаго описанія. Въ западной Европѣ это понято очень давно и выполняется въ широкихъ размѣрахъ и въ раціональной системѣ; спеціальныя учрежденія, какъ знаменитая Ecole des Chartes, готовятъ ученыхъ палеографовъ, историковъ, архивистовъ; издаются едва обозримыя массы историческаго матеріала, и историческая наука создаетъ произведенія высокаго достоинства научнаго и литературнаго. Какъ ни велики упомянутые нами сейчасъ успѣхи русской исторіографіи,

Digitized by Google

стоитъ сравнить ея положеніе съ развитіемъ историческихъ изученій европейскихъ, чтобы видѣть, какъ въ сущности скромны ея размѣры и какъ велики пробѣлы и недостатки. Въ нашихъ уже составленныхъ собраніяхъ, архивахъ, библіотекахъ, музеяхъ, архивахъ частныхъ, остается множество матеріала нетронутымъ, неописаннымъ, даже совсѣмъ неизвѣстнымъ; даже со стороны нашей славянской братіи не разъ высказывались жалобы, что у насъ такъ мало издается древнихъ памятниковъ, которыхъ у насъ такъ много; такія жалобы упомянуты сейчасъ въ письмахъ Шафарика, и онѣ много разъ были потомъ высказаны и другими. Далѣе, множество матеріала, особливо въ провинціи, заброшено безъ всякаго вниманія, рискуетъ гибнуть и дѣйствительно гибнетъ. Даже для правильнаго описанія существующихъ памятниковъ у насъ недостаетъ рукъ, нѣтъ подготовленныхъ къ дѣлу спеціалистовъ. Поэтому, заслуживаетъ всякаго сочувствія мысль г. Калачова объ основаніи такого учено-учебнаго учрежденія, которое приготовляло бы людей, способныхъ работать для этихъ существенныхъ потребностей нашей исторіографіи.

По у насъ это дѣло требуетъ еще особеннаго вниманія. Нельзя оспоривать факта, что мы очень мало или вовсе не дорожимъ своею древностью. Этотъ фактъ, къ сожалѣнію, довольно понятенъ. Во времена до-петровскія любили вообще держаться „старины и пошлины“,— хотя не умѣли удержать ея во многихъ важныхъ отношеніяхъ, гдѣ бы ее слѣдовало удержать. Петровская реформа возставала противъ старины, и европейскія вліянія, нахлынувшія на русскую жизнь, вліянія и глубокія, и поверхностныя, стали быстро отдалять старину, охлаждать къ ней, внушать къ ней вражду или равнодушіе. Даже позднѣе, когда возникшая образованность и наука указали великую историческую важность старины, эта историческая любознательность распространялась въ обществѣ слабо и медленно. Причину отыскать не трудно. Безправное состояніе общества не пріучало его дорожить преданіями. Любовь къ старинѣ въ общественной массѣ не бываетъ платоническая; стариной дорожатъ вообще тамъ, гдѣ она есть основаніе какого-нибудь права, свободнаго обычая, гдѣ храненіе ея есть храненіе самостоятельной общественной жизни. Таково, напримѣръ, основаніе чрезвычайнаго консерватизма англійскаго общества. Но гдѣ общественная жизнь направляется бюрократизмомъ, не признающимъ общественнаго права,—какъ это было у насъ не со временъ Петра (по извѣстному мнѣнію о „петербургскомъ періодѣ“), а съ XVI вѣка,— тамъ общество дѣлается равнодушно къ старинѣ, и старина не бережется... Въ наше время, археологи-спеціалисты множество разъ жаловались на крайнее пренебреженіе къ старинѣ: тамъ, безъ всякой мысли и сожалѣнія, ломаютъ древнее зданіе (какихъ у насъ

Digitized by Google

вообще очень мало)—церковь, стѣна стараго кремля; тамъ заштукатуриваютъ или замазываютъ живописью новѣйшаго издѣлія древнія фрески; тамъ пергаменныя рукописи гніютъ въ сырыхъ подвалахъ или на чердакахъ съ разбитыми окнами; тамъ идутъ въ ломъ и на вѣсъ археологическія находки; тамъ рыночные букинисты дѣлаются владѣльцами замѣчательной библіотеки, собранной многолѣтними усиліями извѣстнаго ученаго, и т. д.

Между тѣмъ, у насъ историческая наука могла бы, и должна бы, имѣть, и въ извѣстной степени дѣйствительно имѣетъ бо́льшее общественное значеніе, чѣмъ въ иной литературѣ. Кромѣ своего обыкновеннаго мѣста въ литературѣ, историческое изученіе восполняло у насъ отсутствіе другихъ средствъ общественнаго и національнаго самосознанія. Разсказы о давнемъ и, насколько возможно, недавнемъ прошедшемъ замѣняли у насъ иногда прямую публицистическую критику. Таковъ былъ въ свое время смыслъ тѣхъ чрезвычайныхъ ожиданій, съ какими была встрѣчена „Исторія“ Карамзина; ея панегиристы и ея противники нерѣдко руководились въ своихъ сужденіяхъ вовсе не одними побужденіями исторической критики, а соображеніями политическими, которыя иногда высказывались очень ясно.

Но, какъ мы видѣли, для прочной постановки нашего историческаго знанія недостаетъ еще многихъ существенныхъ условій, именно инвентаря нашего историческаго матеріала. Г. Калачовъ съ самаго начала своей ученой дѣятельности, съ извѣстнаго „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“, много работалъ именно въ этомъ направленіи и теперь пришелъ къ мысли о необходимости учрежденія, которое приготовляло бы ученыхъ архивистовъ, поддерживало мѣстные провинціальные труды по изученію старины и распространяло въ обществѣ заботу о сохраненіи и изученіи памятниковъ древности. Въ 1877 году, 23 іюля, было высочайше утверждено положеніе объ археологическомъ институтѣ, а 15 января 1878 онъ началъ свою дѣятельность. Мысль этого предпріятія принадлежала, кажется, исключительно г. Калачову, которому при выполненіи ея помогло содѣйствіе многихъ ученыхъ и денежныя и другія пожертвованія нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Археологическій институтъ основанъ въ видѣ опыта на четыре года и по уставу „имѣетъ цѣлью приготовленіе спеціалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ“. Въ институтъ принимаются только лица, кончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ немъ проходятъ двухъ-лѣтній курсъ спеціальныхъ предметовъ: палеографіи, русскихъ древностей по частному и общественному быту, далѣе хронологіи, генеалогіи, нумизматики, геральдики и проч.

Digitized by Google

Въ рѣчи, сказанной при открытіи института, г. Калачовъ объяснялъ необходимость правильныхъ архивныхъ изученій, указывалъ замѣчательные примѣры подобныхъ изученій во Франціи и Италіи и высказывалъ желаніе, чтобы изученіе старины и въ нашемъ отечествѣ пріобрѣло прочную и раціональную постановку". Чтобы и у насъ любовь къ археологіи и разработка архивовъ и памятниковъ древностей вообще распространились въ разныхъ концахъ Россіи и сдѣлались задачею трудовъ не только столичныхъ ученыхъ, но и провинціальныхъ любителей и цѣнителей старины—необходимо связать въ этомъ отношеніи провинціи съ столицами тѣмъ жизненнымъ токомъ, который одушевляетъ ихъ во Франціи и Италіи. И вотъ болѣе отдаленная, но крайне заманчивая задача нашего института—приготовить съ одной стороны такихъ знатоковъ архивнаго дѣла и памятниковъ старины, которые, предпочтя скромные труды блеску столицы, взяли бы на себя устройство нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ, приведеніе въ извѣстность мѣстныхъ вещественныхъ памятниковъ и наконецъ самую разработку открываемыхъ ими матеріаловъ, а съ другой стороны, поддержать этихъ ревнителей научнаго дѣла въ ихъ озабоченной, крайне тяжелой долѣ, которой они обрекутъ себя, хотя бы до тѣхъ поръ, пока эта обязанность перейдетъ въ руки другого, высшаго учрежденія, пока еще не существующаго". Въ послѣднія десятилѣтія сдѣлано нѣчто и у насъ въ этомъ отношеніи, основаны въ нѣсколькихъ пунктахъ такъ-называемые центральные архивы, и при нихъ общества мѣстныхъ ученыхъ, но „тѣмъ не менѣе остальныя части Россіи покрыты для насъ въ этомъ отношеніи, можно сказать, почти полнымъ мракомъ неизвѣстности".

„Сборникъ Археологическаго Института", по мысли г. Калачова, долженъ быть изданіемъ, въ которое ученые археологи доставляли бы статьи по разнымъ предметамъ своихъ изслѣдованій и, съ другой стороны, мѣстные изыскатели сообщали бы результаты своихъ трудовъ—описаніе сдѣланныхъ ими находокъ, осмотрѣнныхъ ими зданій, валовъ, кургановъ и т. п., а также встрѣчавшихся имъ памятниковъ письменныхъ. „Сборникъ" дѣлится на три отдѣла: въ первомъ помѣщаются статьи, относящіяся къ самому археологическому институту, къ центральнымъ архивамъ, и изслѣдованія по разнымъ предметамъ археологіи; второй отдѣлъ заключаетъ матеріалы; третій—отчеты разныхъ обществъ, учрежденій и частныхъ лицъ по изысканію и описанію древностей.

Не входя въ подробности этого спеціальнаго содержанія, замѣтимъ только, что изданіе заслуживаетъ полнаго вниманія людей, занимающихся русской археологіей и исторіей. Въ первомъ томѣ укажемъ рядъ любопытныхъ оффиціальныхъ документовъ изъ вре-

Digitized by Google

менъ императора Александра I, напримѣръ, особенно проекты и матеріалы къ указу 8 сентября 1802, о правахъ и обязанностяхъ сената; письмо извѣстнаго сербскаго предводителя Георгія Чернаго къ министру иностранныхъ дѣлъ, барону Будбергу, въ іюнѣ 1807 г. и др. Во второмъ томѣ опять любопытные историческіе матеріалы изъ временъ императора Александра, статьи по археологіи, отчеты о дѣятельности института, о работахъ его слушателей, любопытный отчетъ инженеръ-архитектора Маевскаго, осматривавшаго съ архитектурной точки зрѣнія нѣкоторые европейскіе архивы и библіотеки, въ томъ числѣ Британскій музей, и т. д. Въ январѣ 1880 г. окончили курсъ первые слушатели института, и въ третьемъ томѣ „Сборника“ является уже значительное число работъ этихъ слушателей по археологіи и археографіи. Издатель „Сборника“, онъ же директоръ института, высказываетъ удовольствіе, что институтъ уже начинаетъ приносить пользу, приготовивши нѣсколько молодыхъ археологовъ, привлекши сочувствіе лицъ, владѣющихъ историческими матеріалами и, наконецъ, вызвавши археологическія сообщенія изъ провинціи. Благодаря этому интересу, институтъ находитъ возможнымъ устроить при своей библіотекѣ и музеѣ ученый архивъ изъ документовъ, доставляемыхъ ему нѣкоторыми министерствами и, кромѣ того, возможнымъ — „работать въ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ архивахъ на пользу городского и земскаго дѣла“.

Нельзя не пожелать полнаго успѣха археологическому институту, котораго услуги могутъ принести большую пользу и наукѣ, и общественнымъ понятіямъ. Что касается до „Сборника“, мы думали бы, что онъ оказалъ бы большую услугу нашей литературѣ, если бы помѣстилъ на своихъ страницахъ самые курсы, которые читаются въ институтѣ. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ никакого общаго сочиненія или руководства по русской археологіи и палеографіи, и этого нельзя не считать величайшимъ недостаткомъ. Наша археологическая литература состоитъ почти только изъ отрывочныхъ замѣтокъ, описаній и немногихъ „изслѣдованій“ (заслуживающихъ этого имени): эта литература очень обильна, но, къ сожалѣнію, остается безсвязной массой свѣдѣній, нимало не собранныхъ, не классифицированныхъ, не обобщенныхъ. Тѣмъ, кто желаетъ распространять уваженіе къ старинѣ и изученіе ея, давно бы слѣдовало обратить вниманіе на этотъ серьёзный вопросъ. Бывали кое-какія попытки восполнить этотъ недостатокъ; но ничего цѣльнаго до сихъ поръ нѣтъ. Институтъ очень справедливо вспоминаетъ и заботится о провинціи, т.-е., кромѣ столицъ, о всемъ нашемъ отечествѣ: для мѣстныхъ любителей археологіи, лишенныхъ столичныхъ пособій,

Digitized by Google

въ особенности было бы важно получить общія сочиненія о тѣхъ древностяхъ, которыя имъ совѣтуютъ собирать, описывать и изслѣдовать, — какъ это было бы важно и для начинающихъ ученыхъ, которымъ приходится идти въ путаницѣ частностей къ тѣмъ общимъ началамъ, которыя просто долженъ бы былъ дать имъ учебникъ. Правда, составить учебникъ по такимъ, мало обобщеннымъ, предметамъ не легко. — А. А.

III.

— Лѣтописи и памятники древнихъ народовъ. Египетъ. *Исторія Фараоновъ, Бругша.* Переводъ *Г. К. Властова*, съ его вступленіемъ, примѣчаніями и приложеніями. С.-Петербургъ, 1880.

— *А. Праховъ*, Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ. Выпускъ первый: *Зодчество древняго Египта.* С.-Петербургъ, 1880.

Обѣ названныя нами книги составляютъ начало обширныхъ трудовъ; обѣ относятся къ древнему Египту, т.-е. къ одному изъ предметовъ, всего менѣе разработанныхъ въ русской литературѣ. Нѣкоторыя изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій по древней исторіи,— напримѣръ, книги Дункера, Ленормана — переведены на русскій языкъ, по крайней мѣрѣ отчасти; но исторія Египта изложена въ нихъ на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій, остававшихся до-сихъ поръ неизвѣстными русской публикѣ. Къ числу такихъ изслѣдованій принадлежитъ „Исторія фараоновъ“, Бругша, переведенная г. Властовымъ и дополненная имъ многими свѣдѣніями, полезными именно для мало подготовленныхъ читателей. Бругшъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между египтологами; сочиненіе его вышло въ свѣтъ въ 1877 г. и обнимаетъ собою, слѣдовательно, новѣйшіе результаты изученія древняго Египта. Несмотря на всю свою спеціальность, оно можетъ быть прочитано не безъ интереса даже тѣми, кто не посвятилъ себя изученію древней исторіи. Для большинства интересъ этотъ уменьшается преобладаніемъ внѣшней исторіи надъ внутреннею, недостаточной разработкой вопросовъ, относящихся къ религіи, культурѣ, искусству древняго Египта; но эти пробѣлы—только отчасти пополненные переводчикомъ — зависятъ отъ самаго плана Бругша, задавшаго себѣ задачей, какъ видно и изъ заглавія книги, написать не исторію Египта, а „Исторію фараоновъ“, и притомъ только по памятникамъ. Какъ ни малочисленны, однако, замѣтки Бругша о разныхъ сторонахъ египетской народной жизни, онѣ иногда бросаютъ на нее яркій свѣтъ, идя въ разрѣзъ съ общепринятыми или широко распространенными взглядами. Таковы, напри-

Digitized by Google

мѣръ, возраженія Бругша противъ мнѣнія, видящаго въ египетскомъ искусствѣ только ремесло. „Египетское искусство, — говоритъ Бругшъ, —есть искусство въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова; стоитъ только взглянуть на живыя головы статуй такъ-называемаго Шехъ-ель-Белледа, царя Хефрена и фараоновъ новѣйшаго царства, чтобы убѣдиться въ томъ; но искусство это *египетское*, т.-е. оно связано оковами, которыхъ художникъ не имѣлъ права сбросить, не возмутившись явно противъ предписанныхъ закономъ правилъ и обычая, основаннаго на преданіи. Передъ египетскимъ художникомъ, какъ и передъ древнимъ художникомъ-грекомъ, носились высшіе идеальные образы, почерпнутые изъ природы—и онъ старался воплотить ихъ, насколько не связывала его рутина, обращенная въ художественный канонъ". Основываясь на надписяхъ, Бругшъ опровергаетъ предположеніе, будто бы исторія не сохранила намъ ни одного имени великаго египетскаго художника; онъ показываетъ, что уже во время двѣнадцатой династіи, т.-е. во второй половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х., жила цѣлая семья художниковъ, имена которыхъ начертаны на дошедшемъ до насъ надгробномъ памятникѣ одного изъ нихъ. Художники часто бывали самыми уважаемыми людьми въ царствѣ, приближенными къ фараону, который изливалъ свои милости полной чашею на человѣка, „исполненнаго мудрости, разумѣнія, вѣдѣнія и всякаго искусства".

Приступая къ критическимъ наблюденіямъ надъ формами изящныхъ искусствъ, г. Праховъ поставилъ себѣ цѣлью „не только отмѣтить и описать, но и объяснить эти формы, или проникнуть чрезъ нихъ въ ихъ идею". Три монографіи, входящія въ составъ перваго выпуска его труда, посвящены: 1) принципу, по которому строились гробницы древняго египетскаго царства; 2) происхожденію египетскихъ колоннъ, и 3) теоріи или идеѣ египетскаго храма. Если припомнить, какое значеніе имѣла египетская архитектура въ дальнѣйшемъ развитіи искусства, какая связь существуетъ, напримѣръ, между колоннами египетскими и греческими, то нельзя не признать, что предметъ для изслѣдованія избранъ г. Праховымъ весьма удачно. Правильно ли разрѣшеніе вопросовъ, предлагаемое авторомъ — объ этомъ трудно судить, не будучи спеціалистомъ; во всякомъ случаѣ разсужденія г. Прахова, поясняемыя множествомъ рисунковъ, интересны и для профана. Онъ доказываетъ, что первообразомъ всѣхъ египетскихъ построекъ была палатка, что формы ея были примѣнены, какъ украшеніе, сначала къ деревяннымъ, рѣшетчатымъ зданіямъ, потомъ и къ каменнымъ; что египетскія гробницы составляютъ, въ бо́льшей или меньшей степени, подражаніе египетскому жилому дому; что египетскія колонны и всѣ другія архитектурныя формы,

Digitized by Google

каково бы ни было ихъ разнообразіе, имѣютъ одинъ общій, указанный выше источникъ; что вполнѣ развитый, нормальный египетскій храмъ—типомъ котораго можетъ служить храмъ въ Эдфу, — представляетъ собою небесный путь, по которому ежедневно, въ двѣнадцать дневныхъ часовъ, проѣзжаетъ въ своей ладьѣ богъ солнца Ра. Мнѣніе г. Прахова о колоннахъ направлено въ особенности противъ извѣстнаго египтолога Лепсіуса, раздѣляющаго всѣ египетскія колонны на двѣ главныя категоріи: *ископаемыя* и *созидаемыя*. Колонны перваго рода—или колонны-столбы,—явились, по Лепсіусу, въ тѣхъ сооруженіяхъ, которыя высѣкались или вынималисъ въ скалахъ; онѣ выработались постепенно изъ простого четырехугольнаго столба —отрѣзка первоначальной стѣны, — чрезъ срѣзываніе его угловъ, иногда повторявшееся дважды (восьмигранныя и шестнадцатигранныя колонны), и чрезъ выдалбливаніе граней; часть первоначальной стѣны между столбами и потолкомъ образовала архитравъ, часть первоначальнаго столба непосредственно подъ архитравомъ—абаку, а часть первоначальнаго пола подъ столбомъ — базу. Колонны второго рода—такъ-называемыя растительныя — явились въ зданіяхъ, построенныхъ изъ камня и имѣвшихъ первообразомъ легкія деревянныя постройки; онѣ составляютъ подражаніе лотосу, папирусу и пальмѣ. Первоначально эти два рода колоннъ не смѣшивались, хотя и развивались параллельно; первыя употреблялись только въ высѣкаемыхъ, вторыя—только въ созидаемыхъ сооруженіяхъ. Г. Праховъ не допускаетъ такого различія въ способѣ происхожденія и употребленія колоннъ-столбовъ и колоннъ растительныхъ; онъ выводитъ какъ тѣ, такъ и другія изъ пріемовъ, выработавшихся при сооруженіи палатокъ и деревянныхъ зданій. Колонны—это шесты, подпиравшіе потолокъ; архитравъ—толстая балка, на которой покоилась настилка крыши; абака—доска съ гнѣздомъ, въ которое входилъ, для бо́льшей прочности, верхній конецъ подпоры; база—камень съ гнѣздомъ для нижняго ея конца. На картинахъ, сохранившихся со временъ древняго царства, часто встрѣчается изображеніе деревянныхъ подпоръ, состоящихъ то изъ одного шеста, то изъ нѣсколькихъ, внизу вставленныхъ въ базу, а вверху—въ доску на подобіе абаки. Иногда эти подпоры украшены цвѣтами лотоса, сдѣланными изъ дерева и помѣщенными подъ абакой. Всѣ эти первобытныя формы были перенесены и въ каменныя сооруженія, все равно, строились ли они или высѣкались въ скалахъ. Такъ, напримѣръ, въ бенигассанскихъ гробницахъ (принадлежащихъ къ числу сооруженій послѣдняго рода) отдѣлка дверей напоминаетъ постройки изъ тесаныхъ брусьевъ и досокъ, вверху портиковъ замѣтно подражаніе настилкѣ жердей, образующихъ потолокъ. Объясненіе г. Прахова, срав-

Digitized by Google

нительно съ тѣмъ, которое предлагалъ Лепсіусъ, имѣетъ преимущество простоты, а слѣдовательно и правдоподобности; въ пользу его говоритъ и параллельность развитія того и другого типа колоннъ, и сходство между ними, указывающее на общій источникъ, и возможность обойтись безъ произвольныхъ догадокъ, дѣлаемыхъ Лепсіусомъ относительно способа происхожденія искомаемыхъ колоннъ. „Абаву", читаемъ мы, напримѣръ, у Лепсіуса, „дѣлали либо для того, чтобы не класть архитравъ прямо на многоугольникъ, такъ какъ переходъ отъ двухъ сторонъ архитрава къ четыремъ сторонамъ столба казался болѣе естественнымъ, либо для того, чтобы хоть въ одной части удержать первоначальную и привычную идею столба". Искусственность этихъ предположеній чувствуется сама собою. Мысль г. Прахова нельзя назвать совершенно новою; сходство каменныхъ египетскихъ построекъ съ деревянными, отчасти указываемое Лепсіусомъ, было выставлено на видъ и другими писателями, напримѣръ Любке [1]); но г. Прахову принадлежитъ спеціальная разработка этой темы въ примѣненіи къ колоннамъ.

Болѣе сомнительнымъ представляется мнѣніе г. Прахова объ идеѣ египетскаго храма. Не перечисляя всѣхъ доводовъ, приводимыхъ имъ въ подтвержденіе этого мнѣнія, замѣтимъ только, что г. Праховъ вовсе не коснулся вопроса, какимъ образомъ храмы, посвященные разнымъ богамъ, могли постоянно изображать собою только дѣянія одного изъ нихъ—бога солнца. Онъ оставилъ также безъ разбора цитируемый имъ самимъ взглядъ Эрбкама на практическое назначеніе различныхъ частей египетскаго храма. Что египетскій храмъ изображалъ собою какой-то путь, какую-то священную дорогу,—это весьма вѣроятно; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это *всегда* былъ именно путь, совершаемый солнцемъ. Болѣе подробное разсмотрѣніе гипотезы г. Прахова вышло бы за предѣлы библіографической замѣтки.

— *И. В. Лучицкій*, Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль. Кіевъ, 1879.

Небольшая брошюра г. Лучицкаго касается весьма важнаго вопроса, но даетъ меньше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Она посвящена преимущественно внѣшней исторіи провинціальныхъ собраній —обстоятельствамъ, при которыхъ они были задуманы и учреждены, отношенію ихъ къ центральной власти, колебаніямъ и перемѣнамъ въ общей политикѣ французскаго правительства при Тюрго, Неккерѣ, Калоннѣ и Бріеннѣ; о дѣятельности провинціальныхъ собраній ска-

[1]) „Grundriss der Kunstgeschichte", седьмое изданіе (Штуттгартъ, 1876), стр. 15.

Digitized by Google

зано весьма немного. Матеріаловъ для характеристики ихъ даже у Токвиля, касающагося ихъ только мимоходомъ, можно найти не меньше, чѣмъ у г. Лучицкаго; взаимное отношеніе сословій, насколько оно выразилось въ словахъ и дѣйствіяхъ собраній, оставлено г. Лучицкимъ совершенно безъ вниманія. Весьма благодарной задачей было бы проведеніе параллели между провинціальными собраніями временъ Людовика XVI-го и современнымъ провинціальнымъ самоуправленіемъ во Франціи—съ одной стороны, нашимъ земскимъ самоуправленіемъ — съ другой; г. Лучицкій вовсе не затронулъ этой задачи, хотя его брошюра, составляющая повтореніе публичной лекціи, прочитанной имъ въ Кіевѣ въ февралѣ 1879 г., имѣетъ характеръ легкой журнальной статьи, а не ученаго труда. Во многихъ отношеніяхъ современные французскіе генеральные совѣты должны быть поставлены гораздо выше, чѣмъ провинціальныя собранія прошедшаго вѣка. Достаточно указать на то, что первые свободно избираются населеніемъ, а члены послѣднихъ отчасти назначались центральною властью, отчасти избирались назначенными такимъ образомъ лицами. За то провинціальныя собранія принимали непосредственное участіе въ управленіи провинціей, недоступное до сихъ поръ для генеральныхъ совѣтовъ; они избирали для этого изъ своей среды особую коммиссію (bureau intermédiaire), да и сами иногда принимали мѣры къ исполненію своихъ рѣшеній. Съ этой точки зрѣнія провинціальныя собранія напоминаютъ наши земскія учрежденія; особая коммиссія соотвѣтствуетъ, до извѣстной степени, нашей земской управѣ. Другая черта сходства, не менѣе благопріятная для нашихъ земскихъ учрежденій, заключается въ томъ, что предсѣдатель собранія не избирался изъ его среды; онъ былъ назначаемъ правительствомъ. Не видно, однако, чтобы онъ былъ облеченъ такою безконтрольною властью, какъ наши предсѣдатели земскихъ собраній; обсужденіе предложенія, сдѣланнаго членомъ собранія, было поставлено въ зависимость не отъ усмотрѣнія предсѣдателя, а отъ согласія особыхъ бюро, на которыя дѣлилось собраніе. Предсѣдательство въ исполнительной коммиссіи принадлежало не лицу, выбранному собраніемъ (каковъ у насъ предсѣдатель управы), а все тому же назначенному предсѣдателю собранія. Созывались провинціальныя собранія только разъ въ два года, но за то сессія ихъ могла продолжаться цѣлый мѣсяцъ (у насъ продолжительность сессіи губернскаго земскаго собранія ограничена двадцатью, уѣзднаго—десятью днями). Во время сессіи, за двѣ недѣли до нея и въ теченіи двухъ недѣль послѣ ея окончанія, члены собраній не могли быть призываемы къ суду въ качествѣ обвиняемыхъ. Въ этомъ отношеніи французамъ XVIII-го вѣка могутъ позавидовать русскіе XIX-го

Digitized by Google

столѣтія, у которыхъ гласные-крестьяне подвергаются аресту по распоряженію административной власти, за неуспѣшный сборъ недоимокъ, во время или на время сессіи собранія [1]). Замѣтимъ, въ заключеніе, что право ходатайства принадлежало французскимъ провинціальнымъ собраніямъ, и что они пользовались имъ весьма широко; что они завѣдывали раскладкой и взиманіемъ не однихъ только мѣстныхъ, провинціальныхъ сборовъ, но и общихъ государственныхъ налоговъ; что устройство, данное имъ Неккеромъ, было только блѣдной копіей съ первоначальнаго плана Тюрго, по которому провинціальныя собранія, избираемыя уѣздными (состоявшими изъ депутатовъ отъ общинныхъ собраній), должны были, въ свою очередь, избирать всеобщее, съ совѣщательнымъ голосомъ, собраніе для всего королевства.

— *Э. Фриманъ и В. Стебсъ.* Опыты по исторіи англійской конституціи. Переводъ съ англійскаго студентовъ московскаго университета, подъ редакціей М. Ковалевскаго. Москва, 1880.

Въ одномъ изъ предъидущихъ обозрѣній мы говорили о брошюрѣ г. М. Ковалевскаго, посвященной новому историку англійской конституціи, Стебсу. Теперь русская публика можетъ познакомиться, благодаря г. Ковалевскому и его сотрудникамъ, если не съ главнымъ произведеніемъ Стебса („Constitutional history of England"), то съ другимъ сочиненіемъ его, заключающимъ въ себѣ бѣглый обзоръ англійскаго государственнаго устройства до временъ Эдуарда I-го. Это какъ-бы программа обширнаго труда, впослѣдствіи предпринятаго Стебсомъ, сжатое изложеніе идей, положенныхъ имъ въ основаніе „Конституціонной исторіи Англіи". Къ сочиненію Стебса весьма кстати прибавленъ „Очеркъ развитія англійской конституціи съ древнѣйшихъ временъ", Э. Фримана. Стебсу недостаетъ живости, блеска, легкости изложенія; всѣми этими качествами вполнѣ обладаетъ Фриманъ, а пробѣлы, оставляемые послѣднимъ или парадоксы, имъ поддерживаемые, могутъ быть пополнены и исправлены съ помощью Стебса. Нельзя не пожалѣть только, что брошюра г. Ковалевскаго, упомянутая нами выше, не предпослана, въ видѣ предисловія, книгѣ, соединяющей въ себѣ очерки Фримана и Стебса; она выяснила бы различіе между обоими историками и предостерегла бы читателей противъ нѣкоторыхъ увлеченій Фримана, проистекающихъ изъ стремленія его соединить прошедшее съ настоящимъ, вывести современное политическое устройство Англіи изъ древне-германскаго общественнаго быта. Связь между тѣмъ и дру-

[1]) См. ниже, статью о земскихъ ходатайствахъ.

Digitized by Google

гимъ несомнѣнна, ее признаетъ и Стебсъ; не слѣдуетъ только идти слишкомъ далеко и искать ея даже тамъ, гдѣ она не существуетъ. Сравнимъ, напримѣръ, мнѣнія Фримана и Стебса о витенагемотѣ, т.-е. національномъ собраніи англо-саксонской эпохи. „Ни въ своей ранней формѣ, ни въ позднѣйшей, — говоритъ Стебсъ, — ни при существованіи семи королевствъ (гептархіи), ни позднѣе въ единомъ королевствѣ витенагемотъ не былъ организованъ по образцу низшихъ судебныхъ собраній королевства. Онъ не былъ folkmoot (т.-е. народнымъ собраніемъ); хотя онъ и представлялъ народъ [1]), однако не былъ собраніемъ народныхъ представителей графствъ; членами его были начальники (principes), мудрые страны (sapientes), дружинники (comites) и совѣтники короля, епископы, альдермены и королевскіе таны. Витенагемотъ *никогда* не могъ быть большимъ собраніемъ... Рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ постепенно сосредоточилось въ рукахъ principes, лишь дѣла меньшей важности продолжали обсуждаться всѣмъ народомъ. Участіе простого народа, плебса, удержалось лишь въ мѣстныхъ собраніяхъ графствъ". Фриманъ, не отвергая постепеннаго усиленія аристократическаго элемента въ витенагемотѣ, утверждаетъ, что въ моменты сильнаго народнаго движенія собраніе по-прежнему привлекало толпы людей со всѣхъ концовъ государства, что важнѣйшіе вопросы рѣшались, такимъ образомъ, не родовою и чиновною знатью, а народомъ. Доказательство этому Фриманъ видитъ въ актахъ, упоминающихъ иногда, по поводу витенагемота, о народѣ или населеніи страны; но можно ли вывести положительное заключеніе изъ такихъ выраженій, съ которыми въ то время едва ли соединялось опредѣленное понятіе?

Въ очеркѣ Стебса всего болѣе разработана эпоха между норманскимъ завоеваніемъ и великой хартіей, — эпоха, едва затронутая въ очеркѣ Фримана. Мы не видимъ здѣсь такого разногласія между Стебсомъ и Гнейстомъ, какого можно было бы ожидать, судя по брошюрѣ г. Ковалевскаго. Подобно нѣмецкому ученому, Стебсъ высоко цѣнитъ дѣятельность первыхъ норманскихъ королей, какъ одно изъ условій, предохранившихъ Англію отъ крайностей феодализма и подготовившихъ развитіе парламентскаго устройства. „Интересы короля, — говоритъ Стебсъ, — во все это время совпадали съ интересами народа... На взаимной поддержкѣ народа и королевской власти твердо покоится весь государственный строй. Общими противниками короля и народа являются могущественные вассалы. Опасенія королей относительно расширенія юрисдикціи барономъ гаран-

[1]) Это выраженіе кажется намъ не совсѣмъ точнымъ: о представительствѣ въ то время вообще не могло быть и рѣчи.

Digitized by Google

тировали народу удержаніе его древнихъ обычаевъ... Кларендонскія постановленія (изданныя Генрихомъ II-мъ) составляли лишь часть того проекта, который долженъ былъ привести къ всеобщему, для всѣхъ равно обязательному равенству передъ закономъ... Генрихъ II-й воспитывалъ свой народъ для тѣхъ временъ, когда онъ будетъ призванъ не только приводить законы въ исполненіе, но и дѣятельно участвовать въ законодательствѣ и самообложеніи... Законодательныя реформы и общая политика Генриха II-го положили начало новому дворянству, проникнутому національными англійскими интересами; новое дворянство заставило короля (Іоанна) даровать великую хартію". Событіе, послужившее исходной точкой англійской парламентской жизни, приводится, такимъ образомъ, въ непосредственную связь съ политикой королей, сломившихъ власть прежнихъ, англо-саксонскихъ магнатовъ и недопустившихъ чрезмѣрнаго усиленія пришлой, норманской аристократіи. Если главная роль въ движеніи, давшемъ Англіи великую хартію, принадлежала, какъ утверждаетъ Стебсъ, *новому* дворянству, созданному въ борьбѣ противъ стараго, то союзъ возставшихъ барововъ съ среднимъ сословіемъ становится понятнымъ и безъ тѣхъ искусственныхъ догадокъ, которыми старается объяснить его г. Ковалевскій.

Очеркъ Стебса—ученый трудъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, вполнѣ объективный, написанный вовсе не для того, чтобы доказать какую-нибудь предвзятую тэму; очеркъ Фримана имѣетъ скорѣе публицистическій и полемическій характеръ. „Какъ въ нашемъ древнѣйшемъ, такъ и въ современномъ политическомъ устройствѣ,—говоритъ Фриманъ на послѣднихъ страницахъ своего очерка, резюмируя его основную мысль,—король существуетъ для народа; въ промежуточную эпоху, повидимому, народъ существуетъ для короля... Дѣло въ томъ, что кругъ замкнулся, что времена господства чужихъ законовъ исчезли, что Англія стала снова Англіей. Царствуя на основаніи того же права, какъ Альфредъ и Гарольдъ, наша королева царствуетъ для тѣхъ же цѣлей—для общаго блага націи, во главѣ которой ее поставилъ законъ". Проводя эту мысль, Фриманъ возстаетъ въ особенности противъ легистовъ—Блекстона и другихъ,—извратившихъ своими фикціями ясный смыслъ національныхъ преданій. Возвращеніе къ этимъ преданіямъ — главная заслуга новѣйшаго англійскаго права, писаннаго и въ особенности неписаннаго; непрерывность развитія—главная характеристическая черта англійской исторіи. „Правда,—восклицаетъ Фриманъ,—мы отъ времени до времени допускали перемѣны; но перемѣны эти, будучи прогрессомъ, не являлись однако отрицаніемъ стараго; онѣ не были чужды консерватизма, такъ какъ вытекали изъ предшествовавшей исторіи Анг-

Digitized by Google

ліи; съ другой стороны, только поэтому и были онѣ истиннымъ прогрессомъ". Въ этихъ словахъ насъ прежде всего поражаетъ явное противорѣчіе. Если развитіе Англіи было непрерывно, если перемѣны въ ея государственномъ устройствѣ были въ одно и то же время консервативны и прогрессивны, то откуда же явилась потребность возвращенія къ старинѣ, какимъ образомъ были на-время утрачены ея завѣты? Гдѣ возвращеніе къ прежнему, тамъ, очевидно, былъ перерывъ развитія; и наоборотъ, если не было перерыва, то не можетъ быть и рѣчи о возстановленіи нарушенной связи. Но и помимо этого, теорія Фримана страдаетъ очевидною односторонностью. Принять ее—значило бы отвергнуть возможность *истиннаго прогресса* для всѣхъ почти государствъ европейскаго континента. Безспорно, найти для реформы точку опоры въ прошедшемъ народа — значитъ увеличить ея прочность и внутреннюю силу; но что же дѣлать народамъ, въ исторіи которыхъ подобныхъ точекъ опоры встрѣчается слишкомъ мало, да и встрѣчающіяся имѣютъ значеніе скорѣе антикварное, чѣмъ политическое? Неужели слѣдуетъ признать, что роковая судьба такихъ народовъ — вращаться въ очарованномъ кругу, не подвигаясь, въ сущности, ни на шагъ впередъ? Къ счастью, Фриманъ неправъ; возможность движенія обусловливается не только воспоминаніями, но и силами, образующимися вновь,—цѣлями, видѣющимися въ будущемъ. Эти силы, эти цѣли играютъ большую роль и въ современной жизни Англіи; черты различія между положеніемъ королевы Викторіи и положеніемъ Гарольда или Альфреда несравненно существеннѣе и важнѣе, чѣмъ черты сходства между ними.

— *В. Трироговъ*, Народный кадастръ. С.-Петербургъ, 1880.

Излагать содержаніе брошюры г. Трирогова мы не будемъ, предполагая, что оно извѣстно большинству читателей изъ подробныхъ разборовъ, напечатанныхъ въ самыхъ распространенныхъ нашихъ газетахъ; напомнимъ только, что г. Трироговъ предлагаетъ принять за основаніе податного обложенія слѣдующія три единицы—число душъ въ общинѣ, число принадлежащихъ ей десятинъ и *отношеніе числа семьяныхъ домохозяйствъ къ общему числу домохозяйствъ въ общинѣ*. Исходной точкой для г. Трирогова послужилъ тотъ замѣченный имъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ саратовской губерніи семьяныя (большесемейныя) хозяйства облагаются, при раскладкѣ, мірскимъ или волостнымъ сборомъ въ бо̀льшемъ, относительно, размѣрѣ, чѣмъ одинокія хозяйства. Очевидно, что для постройки на этомъ фактѣ цѣлой теоріи народнаго кадастра необходимо было прежде всего

Digitized by Google

убѣдиться, что онъ повторяется въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, при разныхъ условіяхъ, съ такою настойчивостью и такимъ постоянствомъ, которыя позволяли бы видѣть въ немъ общее выраженіе народнаго взгляда, народной практической мудрости. Ничего подобнаго г. Трироговъ не установляетъ и не пробуетъ установить; онъ прямо переходитъ отъ единичнаго, можетъ быть случайнаго, явленія къ общему выводу. Ему было уже замѣчено съ разныхъ сторонъ, что указанное имъ явленіе далеко не повсемѣстно; мы можемъ прибавить, что ничего подобнаго, наприм., не существуетъ въ хорошо знакомой намъ мѣстности лугскаго уѣзда, с.-петербургской губерніи. Но если бы и можно было признать, что въ раскладкѣ общиною тѣхъ или другихъ сборовъ всегда или часто принимается въ разсчетъ большесемейность, то отсюда вовсе еще не слѣдовала бы возможность принимать ее въ разсчетъ и при податномъ обложеніи, исходящемъ отъ государства. Община можетъ руководствоваться при раскладкѣ такими незначительными, трудно уловимыми условіями, съ которыми не можетъ и не должно сообразоваться государство. *Внутри общины* многосемейныя хозяйства могутъ быть иногда, безъ нарушенія справедливости, обложены въ сравнительно бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ хозяйства малосемейныя, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поставленныя въ одинаковыя условія съ первыми; но при распредѣленіи податей между общинами, число хозяйствъ семьяныхъ и одинокихъ критеріемъ служить не должно, такъ какъ въ одной общинѣ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, одинокія хозяйства могутъ процвѣтать гораздо больше, чѣмъ семьяныя — въ другой. Не говоримъ уже о томъ, что численное отношеніе семьяныхъ хозяйствъ къ одинокимъ крайне непрочно и подвижно, и что именно бо́льшее обложеніе первыхъ сравнительно съ послѣдними можетъ способствовать еще болѣе быстрому, чѣмъ теперь, уменьшенію числа большесемейныхъ хозяйствъ. Предусматривая это возраженіе, г. Трироговъ замѣчаетъ, что при разорительности семейныхъ раздѣловъ, нельзя опасаться учащенія ихъ вслѣдствіе нѣкотораго увеличенія платимой большимъ семействомъ податной суммы; но если разорительность раздѣловъ не предупреждаетъ ихъ въ настоящее время, то почему же она будетъ предупреждать ихъ тогда, когда явится новый въ немъ поводъ, въ видѣ бо́льшаго обложенія? Этихъ немногихъ соображеній достаточно, кажется, чтобы убѣдиться въ томъ, что *народный (?)* кадастръ г-на Трирогова не можетъ ни замѣнить обыкновеннаго кадастра, ни сдѣлаться „регуляторомъ всѣхъ обложеній общиннаго населенія въ государствѣ“.

Digitized by Google

— *Матеріалы для* изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи, собранные по распоряженію министра государственныхъ имуществъ. Выпускъ I. С.-Петербургъ, 1880.

Это изданіе служитъ какъ-бы продолженіемъ извѣстныхъ трудовъ коммиссіи, учрежденной въ 1872 году для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской промышленности. Въ составъ его вошли свѣдѣнія, собранныя по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ и по его программѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, отчасти чиновниками, спеціально для того командированными министерствомъ, отчасти лицами, случайно отправлявшимися въ ту или другую мѣстность или состоящими тамъ на службѣ. Отсюда, прежде всего, различіе въ самомъ выборѣ единицъ, къ которымъ относятся доставленныя свѣдѣнія; одни обнимаютъ собою цѣлую губернію, другія — уѣздъ или нѣсколько уѣздовъ, третьи — волость или нѣсколько волостей. Изслѣдованіе самой небольшой мѣстности можетъ принести значительную пользу, если оно отличается всесторонностью и полнотою; но на эти качества „Матеріалы“ и не претендуютъ — на пятидесяти страницахъ, конечно, нельзя исчерпать 27 вопросовъ, изъ которыхъ каждый заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія. Съ другой стороны, смотрѣть на краткіе выводы, предлагаемые „Матеріалами“, какъ на обобщенія, выведенныя изъ массы однородныхъ данныхъ, нельзя потому, что при ограниченіи изслѣдованія немногими, сравнительно, мѣстностями, по необходимости ограниченнымъ должно было быть и количество добытыхъ фактовъ. Существенно-важное значеніе въ „Матеріалахъ“ имѣютъ, поэтому, только тѣ немногія цифры, которыя извлечены изъ оффиціальныхъ источниковъ; во всемъ остальномъ мы видимъ только сводъ частныхъ мнѣній, оцѣнка которыхъ затруднительна, а иногда и невозможна, въ виду крайне недостаточной ихъ мотивировки. Нельзя сказать, однако, чтобы эти мнѣнія были лишены интереса. Нѣкоторыя изъ нихъ являются полу-оффиціальнымъ подтвержденіемъ взглядовъ, часто выражавшихся въ печати и навлекавшихъ иногда на нее обвиненіе въ тенденціозности; другія служатъ какъ-бы отраженіемъ плановъ, возникавшихъ недавно въ нѣкоторыхъ административныхъ сферахъ. Къ числу первыхъ принадлежитъ, напримѣръ, слѣдующій отзывъ о порядкѣ взысканія налоговъ: „Земство по своимъ сборамъ старается, въ большинствѣ случаевъ, не прибѣгать къ продажѣ сельско-хозяйственнаго имущества; что же касается до взысканія податей, то въ этомъ отношеніи самый способъ взысканія, отличаясь крайнею энергіей, безъ соображенія хозяйственныхъ условій времени и мѣста, наноситъ неизгладимые ущербы крестьянскому

Digitized by Google

благосостоянію. Руководствуясь единственно желаніемъ возможно полно и быстро взыскать накопившуюся недоимку, производящія взысканіе лица обращаютъ его на предметы, лишеніе которыхъ въ данное время не только разворяетъ хозяйство въ настоящемъ, но и прекращаетъ путь къ возмѣщенію понесенныхъ убытковъ въ будущемъ, порождая тѣмъ самымъ условія для новыхъ, еще болѣе неоплатныхъ недоимокъ". Далѣе говорится о необходимости изданія правилъ, которыми опредѣлялось бы крестьянское имущество, не подлежащее продажѣ за недоимки, и о проектированіи такихъ правилъ петербургскимъ земствомъ. Къ этому можно было бы прибавить, что объ утвержденіи ихъ петербургское губернское земство вошло съ ходатайствомъ еще въ 1877 году. Вопросъ объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ разработанъ въ обоихъ упомянутыхъ нами направленіяхъ. Съ одной стороны, неоднократно указывается на необходимость опредѣленія этихъ отношеній въ законодательномъ порядкѣ, съ установленіемъ правилъ, обязательно подлежащихъ внесенію въ рабочія книжки; съ другой стороны признается, что положеніе рабочихъ, сравнительно, еще хуже, чѣмъ положеніе хозяевъ. Констатируя развитіе грамотности и проявляющееся во многихъ мѣстахъ усердіе крестьянъ къ дѣлу народнаго образованія, „Матеріалы" недостаточно цѣнятъ дѣятельность земства по этому предмету. Къ губерніямъ тверской, екатеринославской, казанской и херсонской, составляющимъ, по словамъ „Матеріаловъ", исключеніе изъ общей апатіи земства, слѣдуетъ прибавить—изъ числа губерній, которыхъ коснулось изслѣдованіе министерства—еще с.-петербургскую, новгородскую, бессарабскую, московскую, костромскую, рязанскую; о земствахъ этихъ губерній, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ этихъ губерній, никакъ нельзя сказать, чтобы они относились апатично къ народной школѣ. До крайности спорнымъ представляется ничѣмъ не подкрѣпленное заключеніе „Матеріаловъ", что крестьяне охотнѣе ищутъ защиты у станового пристава (!), чѣмъ у волостного суда. Не совсѣмъ понятнымъ показалось намъ слѣдующее мѣсто „Матеріаловъ: „Случаи перенесенія общиннаго пользованія на купленныя крестьянами земли встрѣчаются въ тѣхъ только губерніяхъ, гдѣ и прежде преобладало общинное владѣніе; но и въ этихъ мѣстностяхъ общинное пользованіе переносится на покупаемыя земли въ большинствѣ случаевъ не прежде, какъ по предварительномъ распредѣленіи ихъ по душамъ на неопредѣленное время, безъ права передѣла". Объ общинномъ владѣніи купленными землями въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно вовсе—или почти вовсе—не существуетъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, такъ что первая часть фразы можетъ быть названа плеоназмомъ; что касается до второй части, то въ чемъ же

Digitized by Google

выражается общинное владѣніе или пользованіе землею, раздѣленною по душамъ *безъ права передѣла?* Такое владѣніе можетъ быть *общимъ*, но отнюдь не *общиннымъ*.

Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько любопытныхъ числовыхъ данныхъ. Въ тверской губерніи число помѣщичьихъ усадебъ съ 1861 года сократилось почти на половину (съ 2860 до 1802); въ тульской губерніи количество земли, принадлежащей помѣщикамъ, уменьшилось также на половину; въ костромской губерніи изъ 1400 усадебъ, бывшихъ въ 1861 году, 356 вовсе закрылись, а 308 проданы купцамъ или обращены въ жилье для сторожей. Въ бо́льшей или меньшей степени это явленіе замѣчается повсемѣстно. Продаваемая помѣщиками земля въ иныхъ мѣстахъ переходитъ преимущественно во владѣніе крестьянъ—напримѣръ, въ тверской губерніи они купили почти 470, въ таврической — до 430, въ самарской — болѣе 300 тысячъ десятинъ,— въ другихъ преимущественно во владѣніе купцовъ (напримѣръ, въ тульской губерніи). Въ тверской губерніи около 115,000 десятинъ куплено крестьянскими обществами, около 105,000 — товариществами, составленными изъ нѣсколькихъ крестьянъ, около 248,000 — отдѣльными крестьянами. Количество скота, вообще говоря, уменьшилось какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ; особенно замѣтно уменьшеніе его въ уѣздахъ херсонскомъ и вяземскомъ. Въ тверской губерніи оно, наоборотъ, увеличилось. Въ двухъ губерніяхъ (херсонской и бессарабской) и 18 уѣздахъ разныхъ другихъ губерній изъ 488 гласныхъ, избираемыхъ сельскими обществами, 397—крестьяне, 91—лица другихъ сословій.—К. К.

— *Le marquis Wielepolski*, sa vie et son temps. 1803 — 1877. Par *Henry Lisicki*. Tome 1-er. Vienne, 1880.

Тотчасъ по смерти „желѣзнаго маркиза", какъ назвали его поляки, 30-го декабря 1877 г., семейство его передало г. Лисицкому имѣвшійся у него богатый матеріалъ для жизнеописанія покойнаго, чѣмъ г. Лисицкій и воспользовался, издавъ въ 1878—1879 г., въ четырехъ томахъ, въ Краковѣ, большое сочиненіе на польскомъ языкѣ: „Aleksander Wielepolski". Въ началѣ сочиненія, въ I-мъ томѣ, помѣщена біографія; въ концѣ, въ IV-мъ томѣ,—не касающійся Велепольскаго очеркъ исторіи конституціонной Польши, вызванный намѣреніемъ автора провести параллель между возстаніями 1830 и 1863 г., и осудить одинаково безусловно — какъ то, какъ и другое. Средину изданія занимаютъ документы, рѣчи, записки, законопроекты. Предоставленнымъ ему матеріаломъ г. Лисицкій воспользовался талантливо, но не критически. Онъ безусловно и во всемъ превозноситъ маркиза,

Digitized by Google

и столь же безусловно порицаетъ его противниковъ и все національно-польское революціонное движеніе, котораго не обуздалъ и не осилилъ Велепольскій своими реформами, начатыми уже тогда, когда движеніе получило слишкомъ большую силу. Односторонность взглядовъ г. Лисицкаго вызвала ѣдкую критику со стороны краковскаго профессора, графа Тарновскаго. Новая книга Лисицкаго, на французскомъ языкѣ, есть передѣлка его труда, изданнаго на польскомъ, съ большими сокращеніями, но также и со вставками, вызванными желаніемъ представить въ непрерывномъ разсказѣ исторію царства польскаго съ 1815 по 1863 годъ, и изобразить на этомъ фонѣ дѣятельность маркиза. Съ работами г. Лисицкаго и вызванною ими полемикою нашъ журналъ предполагаетъ познакомить читателей въ непродолжительномъ времени—и вмѣстѣ изобразить дѣятельность энергическаго государственнаго человѣка, обратившаго на себя, хотя и на короткое время, всеобщее вниманіе.—В.

НОВАЯ КНИГА О МАККІАВЕЛЛИ.

— *Маккіавелли*, какъ политическій мыслитель. Соч. А. Алексѣева. Москва, 1880.

Разбирая книгу одного современнаго ему писателя, Лессингъ далъ о ней слѣдующій характеристическій отзывъ: „Эта книга содержитъ въ себѣ много истиннаго и новаго, но къ сожалѣнію, все, что̀ есть въ ней истиннаго—не ново, а что̀ ново—не истинно“. Эти слова не разъ приходили намъ въ голову, когда мы читали сочиненіе г. Алексѣева, представляющее собою талантливо, впрочемъ, написанную апологію Маккіавелли. „Цѣль этихъ этюдовъ—говоритъ авторъ — доказать наперекоръ господствующимъ въ современной литературѣ воззрѣніямъ, что Маккіавелли разсматривалъ политическіе вопросы не съ односторонней точки зрѣнія практическаго политика, а изучалъ явленія государственной жизни въ связи со всѣми вліяющими на нихъ условіями, *что онъ не только не отрицалъ морали, а, напротивъ, считалъ нравственныя требованія обязательными для политика*, и видѣлъ въ гражданскихъ добродѣтеляхъ главное основаніе общежитія; что онъ съ неумолимой логикой доказывалъ развращаю-

Digitized by Google

щее вліяніе деспотизма на народные нравы, и видѣлъ въ республикѣ государственную форму, которая одна можетъ примирить противоположность общественныхъ интересовъ, обезпечить матеріальное благосостояніе народа, и раскрыть этому народу путь къ нравственному просвѣщенію" (Предисловіе, стр. XI).

Прочтя подчеркнутыя строки, читатель въ правѣ спросить: какими же новыми данными запасся авторъ, дававшими ему право сдѣлать, выписанное нами, смѣлое заявленіе? Изъ книги г. Алексѣева не видно, чтобъ онъ въ подкрѣпленіе своей теоріи приводилъ бы какія-нибудь новыя данныя, которыми бы не пользовались предшествующіе изслѣдователи; къ сожалѣнію, не видно даже, чтобъ онъ придавалъ особую цѣну фактическому приращенію нашихъ свѣдѣній о Макіавелли. Автору кажется, что тѣ изъ предшествовавшихъ изслѣдователей, которые сосредоточивали все свое вниманіе на изученіи историческихъ условій, опредѣлившихъ воззрѣніе Макіавелли, а не на анализѣ самихъ воззрѣній, шли по ложному пути, потому что политическая доктрина флорентинскаго секретаря еще не созрѣла для исторической критики: „Пока воззрѣнія извѣстнаго писателя не изучены и не истолкованы съ достаточной основательностью и полнотой, до тѣхъ поръ и объясненіе этихъ воззрѣній условіями времени можетъ повести лишь къ ложнымъ и совершенно произвольнымъ выводамъ, какъ то и доказываетъ книга Виллари" [1]). Такой взглядъ на роль исторической критики въ научныхъ изслѣдованіяхъ намъ кажется крайне невѣрнымъ. Исторія науки показываетъ, что воззрѣнія извѣстнаго писателя не могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты и оцѣнены безъ изученія среды, гдѣ они возникли, безъ изученія ихъ отношеній къ воззрѣніямъ предшествующихъ писателей. Прежде, чѣмъ подвергать воззрѣніе извѣстнаго писателя критическому анализу, по существу,—нужно опредѣлить степень ихъ оригинальности, нужно предварительно выдѣлить изъ нихъ то, что не принадлежитъ ему самому, что навѣяно окружающей жизнью, или заимствовано у предшествующихъ писателей. Если бы воззрѣнія извѣстнаго писателя можно было истолковать вполнѣ, при помощи свѣта, исходящаго изъ нихъ самихъ, то историческая критика потеряла бы свой главный raison d'être и сдѣлалась бы излишней роскошью, безъ которой легко обойтись. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ этотъ ложный взглядъ на роль исторической критики отмстилъ за себя, какъ г. Алексѣевъ принялъ за оригинальное въ воззрѣніяхъ Макіавелли то, что въ

[1]) Авторъ разумѣетъ извѣстное сочиненіе Виллари: „Macchiavelli e il suo tempo" (Макіавелли и его время), вышедшее въ 1877 и въ томъ же году переведенное на нѣмецкій языкъ.

Digitized by Google

сущности ему не принадлежало, а перешло къ нему, такъ-сказать, по наслѣдству отъ классическихъ писателей.

Въ тѣсной связи съ ложнымъ взглядомъ автора на роль исторической критики стоитъ его несправедливое отношеніе къ одному изъ главнѣйшихъ представителей ея по отношенію къ Маккіавелли—Виллари. Не скроемъ, что насъ крайне непріятно поразило обращеніе свысока начинающаго ученаго съ такимъ талантливымъ и почтеннымъ ветераномъ науки, какъ Виллари. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, откуда г. Алексѣевъ знаетъ, что Виллари не далъ себѣ труда самостоятельно изучить произведенія Маккіавелли, что онъ не съумѣлъ освободиться изъ-подъ вліянія господствующихъ въ современной литературѣ взглядовъ и т. п. (Предисловіе стр. VI). Виллари не сказалъ еще своего послѣдняго слова о Маккіавелли: въ вышедшемъ до сихъ поръ первомъ томѣ онъ довелъ жизнь флорентинскаго публициста только до 1506 г., когда Маккіавелли ничего не писалъ, кромѣ стихотвореній и посольскихъ донесеній. Самая интересная эпоха въ жизни Маккіавелли, эпоха его вынужденнаго досуга, которой мы обязаны его главнѣйшими политическими трактатами, остается еще впереди, а судя по первому тому, мы въ правѣ надѣяться, что знаменитый историкъ Савонаролы прольетъ массу свѣта и на Маккіавелли [1]).

За предисловіемъ въ книгѣ г. Алексѣева слѣдуетъ введеніе (стр. 3—22), заключающее въ себѣ краткій очеркъ литературы о Маккіавелли. Послѣ Р. Моля, автору не для чего было заниматься перечисленіемъ и классификаціей различныхъ взглядовъ, высказанныхъ о Маккіавелли и подвергать ихъ критической оцѣнкѣ; онъ поставилъ своей задачей, во-первыхъ, показать, какъ сложились тѣ, по его мнѣнію, ложныя воззрѣнія на Маккіавелли, которыя еще до сихъ поръ держатся въ обществѣ и литературѣ: во-вторыхъ, объяснить, въ силу какихъ причинъ возникли эти воззрѣнія; въ-третьихъ, опредѣлить, что̀ наше время сдѣлало для пониманія Маккіавелли, и что̀ еще остается сдѣлать. Объясняя, какъ сложился взглядъ на Маккіавелли, какъ на безнравственнаго политика, авторъ несправедливо утверждаетъ (стр. 5), что, изъ политическихъ писателей Италіи XVI вѣка,

[1]) Что Виллари не думаетъ ограничить свою задачу одной біографіей Маккіавелли въ связи съ исторіей его времени, видно изъ предисловія къ его труду. Сказавъ, что Маккіавелли до сихъ поръ представляется какимъ-то сфинксомъ, что воззрѣнія его толкуются учеными на разные лады, Виллари ставитъ задачей своего труда—изучить время, въ которое жилъ Маккіавелли, его жизнь и „сочиненія“, и представить его такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, со всѣми его добродѣтелями и пороками (Machiavelli und seine Zeit, übersetzt von Mangold. 1 Band. Vorrede, S. VIII). Опытъ изученія сочиненій Маккіавелли представляетъ помѣщенный въ первомъ томѣ прекрасный разборъ исторической поэмы „Первое десятилѣтіе“ (Decennale Primo).

Digitized by Google

никто не обвиняетъ Макіавелли въ безнравственности, а всѣ признаютъ въ немъ глубокаго мыслителя, тонкаго наблюдателя, остроумнаго писателя. Въ доказательство своей мысли, онъ ссылается на Гвиччіардини, личнаго друга Макіавелли, и человѣка одинаковаго съ нимъ образа мыслей, забывая, что республиканская партія во Флоренціи вся поголовно обвиняла Макіавелли въ политическомъ отступничествѣ и не могла простить ему „Il Principe". Упомянувъ, подъ 1527 г., о смерти Макіавелли и о томъ, что смерть его не возбудила ни въ комъ сожалѣнія, современный ему флорентинскій историкъ Варки ((Varchi) прибавляетъ: „Причина всеобщей великой ненависти къ нему (dell' odio grandissimo), помимо цинизма его рѣчей и образа жизни, несоотвѣтственнаго его сану, заключалась въ томъ, что онъ написалъ книгу „Il Principe", посвященную Лоренцо Медичи, съ цѣлью наставить герцога сдѣлаться абсолютнымъ повелителемъ Флоренціи, сочиненіе, по истинѣ, нечестивое (empia veramente), достойное не только порицанія, но и уничтоженія, которое впрочемъ и самъ онъ хотѣлъ уничтожить послѣ перемѣны правительства во Флоренціи; въ этомъ сочиненіи, онъ, казалось, давалъ совѣты герцогу, какъ отнять у богатыхъ имущество, у бѣдныхъ—честь, а у тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—свободу. Вотъ, почему при извѣстіи объ его смерти случилась вещь, повидимому, невозможная, что смерть его была одинаково пріятна добрымъ и злымъ; добрымъ—потому что они считали его злымъ; злымъ же—потому что они считали его не только хуже, но „искуснѣе себя" [1]). Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ о всеобщей ненависти къ Макіавелли другой современникъ Джьованни Батиста Бузини [2]). Въ числѣ политическихъ трактатовъ XVI в., вызванныхъ сочиненіями Макіавелли, авторъ упоминаетъ (см. прим. 2) о книгѣ Ботеро: „Della Ragione di Stato" и о сочиненіи Джьаннотти: „Della Republica Fiorentina", но онъ совершенно упустилъ изъ виду, что оба эти трактата, построенные на иныхъ нравственныхъ принципахъ, чѣмъ трактаты Макіавелли, суть не что иное, какъ косвенный отвѣтъ Макіавелли. О трактатѣ же венеціанца Паруты: „Della Perfezione della vita Politica", авторъ совершенно не упоминаетъ, тогда какъ эта книга заключаетъ въ себѣ строгое осужденіе теорій Макіавелли, сдѣланное во имя попранныхъ имъ нравственныхъ принциповъ [3]). Говоря о памфлетахъ іезуитовъ противъ Макіавелли, авторъ высказываетъ взглядъ, къ которому мы охотно присоединяемся, что іезуиты видѣли въ Макіавелли глав-

[1]) Varchi, Storia Fiorentina. Milano, 1845, vol. I, Libro IV, p. 150—151.

[2]) Gino Capponi, Storia della Republica di Firenze. T. II, p. 362.

[3]) Mezières, Étude sur les ouvrages politiques de P. Paruta. Paris, 1853, p. 23 и слѣд.

Digitized by Google

нымъ образомъ не политическаго писателя, а свободнаго мыслителя, врага свѣтскаго владычества папъ, не признававшаго авторитета католической церкви; но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ, будто свѣтскіе писатели XVI в. вооружались противъ Маккіавелли только изъ политическихъ мотивовъ. Ссылка автора на Жентильe такъ же мало доказательна, какъ и предшествующая одиночная ссылка на Гвиччіардини. Если цѣль протестанта Жентильe, писавшаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ужасовъ Варѳоломеевской ночи, была—не изучить политическіе трактаты Маккіавелли, а по поводу ихъ изобличить въ безбожіи и безнравственности людей, стоявшихъ во главѣ Франціи и державшихся, по его мнѣнію, маккіавелистической политики, то почему же вооружились противъ Маккіавелли другіе писатели, находившіеся совершенно въ другихъ условіяхъ, напримѣръ, англійскіе esprits forts конца XVI в., которые, къ тому же, относились совершенно индифферентно къ религіознымъ вопросамъ? Итакъ, не только невѣжество и религіозный фанатизмъ, не только политическіе мотивы, но мотивы чисто нравственнаго свойства были причиной того, что уже въ XVI в. политическая доктрина флорентійскаго дипломата считалась символомъ политической безнравственности.

Новѣйшихъ критиковъ Маккіавелли авторъ дѣлитъ на двѣ группы: къ первой онъ относитъ Маттера, Форлендера и др., которыхъ онъ порицаетъ за то, что они хотя и добросовѣстно изучили политическіе трактаты Маккіавелли и подвергли ихъ тщательному анализу, но не обратили вниманія на тѣ условія, въ которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ [1]). Писатели второй группы, Ранке, Гервинусъ и др., страдаютъ, по мнѣнію автора, противоположнымъ недостаткомъ: они стараются объяснить ученіе Маккіавелли не столько совокупностью его воззрѣній, его мнѣній и взглядовъ на задачи политической науки, сколько условіями его времени (стр. 17). Наставленный ошибками своихъ предшественниковъ, авторъ въ первой части своего труда (отъ стр. 23—106) ставитъ своей задачей изучить политическое ученіе Маккіавелли въ связи съ его философскими воззрѣніями. Какъ-бы опасаясь, что публика недостаточно оцѣнитъ новость и трудность этого пріема по отношенію къ Маккіавелли, авторъ въ предисловіи (стр. VII) спѣшитъ установить настоящую точку зрѣнія: „Такое систематическое изложеніе воззрѣній Маккіавелли—задача не легкая. Маккіавелли нигдѣ не излагаетъ своего міросозерцанія и не развиваетъ своихъ воззрѣній на мораль, религію и государство, а выставляетъ лишь отдѣльныя

[1]) Судя по отзыву автора о Виллари, мы полагали, что онъ ихъ за это похвалитъ, такъ какъ, по его мнѣнію, политическая доктрина Маккіавелли еще не созрѣла для исторической критики, но, по счастью, справедливость восторжествовала на этотъ разъ надъ послѣдовательностію.

Digitized by Google

положенія и практическія правила. Эти правила и положенія разбросаны по его многочисленнымъ сочиненіямъ, и, лишь сопоставляя ихъ между собою, вникая въ ихъ внутреннюю связь и стараясь раскрыть ту логическую нить, которая объединяетъ ихъ, можно возстановить основныя философскія воззрѣнія, на которыхъ покоится все ученіе Макіавелли". Взглядъ г. Алексѣева на философское міросозерцаніе Макіавелли какъ на подкладку его политической доктрины, дѣйствительно представляетъ новость въ литературѣ о Макіавелли, и мы охотно привѣтствовали бы такую новинку, если бы авторъ сдержалъ свое обѣщаніе—при возсозданіи философскаго міросозерцанія, принять въ разсчетъ всѣ произведенія Макіавелли, и, во-вторыхъ, если бы философское міросозерцаніе Макіавелли на самомъ дѣлѣ оказалось бы прочнымъ базисомъ, на которомъ можно строить заключенія о произведеніяхъ Макіавелли чисто политическаго характера. Къ сожалѣнію, вступительная глава, носящая въ книгѣ громкое названіе „Міросозерцаніе Макіавелли" (стр. 25—36), не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ условій. Изъ цитатъ видно, что авторъ судитъ о философскомъ міросозерцаніи Макіавелли главнымъ образомъ на основаніи его недоконченной сатирической поэмы: „Золотой оселъ" (Asino d'oro), которой самъ Макіавелли [1]) не придавалъ никакого серьёзнаго значенія. Ибо что̀ такое въ самомъ дѣлѣ „Asino d'oro"? Это очень остроумная пародія на божественную комедію Данта, написанная также терцинами; въ ней Макіавелли разсказываетъ, какъ онъ на половинѣ жизненной дороги заблудился въ дремучемъ лѣсу, гдѣ ему повстрѣчалось цѣлое стадо различныхъ животныхъ, которое пасла нимфа, одна изъ прислужницъ Цирцеи. Изъ разговоровъ съ ней онъ узнаетъ, что эти животныя были прежде людьми, что Цирцея превратила ихъ въ различныхъ животныхъ, сообразно характеру каждаго; люди гордые и храбрые стали львами, жадные и прожорливые—волками и т. д. Въ сопровожденіи нимфы, играющей здѣсь роль Беатриче „Божественной Комедіи", Макіавелли обходитъ вечеромъ поочередно всѣхъ животныхъ. Въ особенности обращаютъ на себя его вниманіе громадный боровъ, который съ видимымъ удовольствіемъ барахтается въ своей грязи. Макіавелли вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, спрашиваетъ, не желаетъ ли онъ снова принять человѣческій образъ и возвратиться къ людямъ? Въ отвѣтъ на это, боровъ произноситъ длинную рѣчь о преимуществахъ животнаго состоянія предъ человѣческимъ и остроумно доказываетъ, что животныя и благоразумнѣе, и сильнѣе, и умѣреннѣе, и даже счастливѣе людей. Рѣчь свою боровъ-мизантропъ заключаетъ слѣдующей тирадой, на

[1]) См. письмо къ Веттори, отъ 10 августа 1513, въ Lettere Familiari.

Digitized by Google

которой и обрывается поэма: „если кто-либо изъ людей кажется тебѣ веселымъ и счастливымъ — не вѣрь ему: боровъ, барахтающійся въ грязи и не терзающій себя никакими мыслями, гораздо счастливѣе его!“ Все это, безспорно, очень остроумно, но не рискованно ли всѣ эти мысли о преимуществахъ животной жизни передъ человѣческой приписывать Маккіавелли? Не рискованно ли на этомъ шаткомъ основаніи утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ (на стр. 26), что человѣкъ, по воззрѣнію Маккіавелли, не царь природы, а самая жалкая и безпомощная тварь. Мы не отрицаемъ впрочемъ, что въ „Asino d'oro“ есть много субъективнаго; таково, напримѣръ, вступленіе къ поэмѣ; такова вся вторая половина пятой пѣсни, гдѣ Маккіавелли разсуждаетъ о причинахъ паденія государствъ, и на которую не разъ ссылается г. Алексѣевъ; но восьмая пѣснь, на которой онъ почти исключительно основываетъ свои заключенія о міросозерцаніи Маккіавелли, заключаетъ въ себѣ какъ будто нарочно всего меньше субъективнаго элемента, потому что и содержаніе ея, и мизантропія, на половину заимствованы изъ Плутарха [1]).

Кромѣ приведеннаго нами безотраднаго взгляда на человѣческую природу, авторъ считаетъ весьма важнымъ составнымъ элементомъ философскаго міросозерцанія Маккіавелли его вѣру въ силу судьбы и его отрицаніе прогресса. Авторъ подробно излагаетъ взглядъ Маккіавелли, что человѣчество не идетъ впередъ по прямой линіи, но, описывая круги, постоянно возвращается къ своей исходной точкѣ, или, что еще хуже, идетъ назадъ, нисколько, повидимому, не подозрѣвая, что и этотъ взглядъ не есть оригинальный продуктъ философскаго міросозерцанія Маккіавелли, а навѣянъ на него классической древностью, какъ извѣстно, не признававшей прогресса, и скорѣе вѣрившей въ регрессъ, какъ то доказывалось сагой о золотомъ вѣкѣ. Приведенными примѣрами, полагаемъ, достаточно доказано, что глава, озаглавленная: „Міросозерцаніе Маккіавелли“, едва ли можетъ претендовать на научную цѣнность, и что ее, при всемъ желаніи, едва ли можно разсматривать какъ философское основаніе, на которомъ покоятся политическія теоріи Маккіавелли. Изъ ложныхъ и шаткихъ посылокъ, какъ и слѣдовало ожидать, вытекаютъ ложныя и шаткія заключенія. Приписавъ Маккіавелли мысль, высказываемую въ „Asino

[1]) Въ числѣ такъ-называемыхъ „Moralia“ Плутарха есть діалогъ „Gryllus“, въ которомъ какой-то грекъ, превращенный Цирцеей въ борова, пространно доказываетъ Одиссею преимущество животнаго передъ человѣкомъ. И порядокъ доказательствъ, и примѣры, приводимые въ ихъ подтвержденіе, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что діалогъ Плутарха служилъ непосредственнымъ источникомъ Маккіавелли. — Впрочемъ, у Маккіавелли встрѣчаются пропуски, измѣненія и дополненія, иногда довольно характеристическія, и на нихъ-то и слѣдовало обратить вниманіе.

Digitized by Google

d'oro" боровомъ, что человѣкъ есть самая жалкая и безпомощная тварь въ природѣ, авторъ выводитъ изъ нея взглядъ итальянскаго публициста на происхожденіе государства (стр. 27), и при этомъ ссылается на „Discorsi" (кн. I, глава II), тогда какъ въ указанномъ мѣстѣ Макіавелли объясняетъ происхожденіе государства исключительно потребностью защищаться отъ внѣшнихъ враговъ и не думаетъ утверждать, что человѣкъ сталъ искать союза съ себѣ подобными потому, что чувствовалъ свое безсиліе въ борьбѣ съ природой. Перевернувъ нѣсколько страницъ, мы встрѣтимъ (на стр. 41) другую причину, соединившую людей въ общежитіе. Это — „потребность общими силами защищать общіе интересы"; но и это объясненіе еще не есть окончательное, потому что, на стр. 257, потребность общежитія объясняется другими мотивами: она есть результатъ побѣды человѣка надъ природою и наступившаго затѣмъ мира: „Миръ съ природой научаетъ человѣка дорожить и миромъ съ себѣ подобными", — такъ что читатель окончательно недоумѣваетъ, какими же причинами объяснялъ Макіавелли происхожденіе общежитія и государства?

Отъ чисто-философской основы теорій Макіавелли, авторъ переходитъ въ слѣдующей главѣ къ ихъ этическимъ и политическимъ основамъ. Здѣсь г. Алексѣевъ меньше покушается на новаторство, и потому дѣло идетъ гораздо лучше. Слѣдуя плану, предложенному Форлендеромъ [1]), авторъ удачно сопоставляетъ отдѣльныя мѣста изъ различныхъ произведеній Макіавелли, объясняетъ одно другимъ, отъ частностей восходитъ къ принципамъ, и, благодаря этому пріему, въ результатѣ получается стройное систематическое изложеніе взглядовъ Макіавелли на сущность человѣческой природы, роль государства, различныя формы правленія и т. п. Хотя и здѣсь мѣстами даетъ себя чувствовать спѣшность работы, отразившаяся, между прочимъ, и въ неточности ссылокъ [2]), но, вообще говоря, эта часть труда г. Алексѣева отдѣлана тщательнѣе другихъ, и мы особенно рекомендуемъ ее тѣмъ, кто на основаніи „Il Principe" считаетъ Макіавелли приверженцемъ абсолютизма.

Выяснивъ себѣ основныя черты философскихъ и политическихъ воззрѣній Макіавелли, авторъ, согласно своему взгляду на задачи исторической критики, только во второй части считаетъ возможнымъ задаться вопросомъ: какъ и при какихъ условіяхъ они сложились? Судя по предисловію (стр. VIII—IX), гдѣ авторъ сильно журитъ Виллари за то, что онъ „не воспользовался богатымъ матеріаломъ,

[1]) Въ первомъ томѣ его замѣчательнаго труда: Geschichte der philosophischen Moral-Rechts und Staats-Lehre.

[2]) Укажемъ для примѣра на ссылки 72 и 87, которыя совершенно не подтверждаютъ того, что́ должны, повидимому, подтверждать.

Digitized by Google

заключающимся въ самыхъ сочиненіяхъ Макіавелли, что онъ упустилъ изъ виду цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ посольскихъ донесеніяхъ Макіавелли, прямо указывающихъ на то, какъ и когда зародились зачатки тѣхъ воззрѣній Макіавелли, которыя подробно развиты и обоснованы имъ въ его политическихъ трактатахъ",—мы ожидали найти въ этой части книги г. Алексѣева много новаго сравнительно съ сочиненіемъ итальянскаго историка, но ожиданія наши не оправдались: авторъ либо перефразируетъ сужденіе Виллари, либо дѣлаетъ къ нимъ дополненія, своею незначительностью доказывающія, что собственно ничего существеннаго упущено не было. Извѣстно, что Виллари болѣе чѣмъ кто-либо изъ новѣйшихъ біографовъ Макіавелли придаетъ значеніе его посольскимъ донесеніямъ, что для него они служатъ точкой отправленія при изученіи политической доктрины Макіавелли. Приведши нѣсколько характеристическихъ мѣстъ изъ перваго донесенія Макіавелли изъ Франціи, Виллари прибавляетъ отъ себя слѣдующее: „Читатели, конечно, замѣтятъ, что въ нѣсколькихъ пунктахъ этого донесенія просвѣчиваетъ какъ-бы сквозь тучи образъ творца „Discorsi" и „Principe". Политическія правила, которымъ впослѣдствіи Макіавелли придастъ наукообразную форму, являются здѣсь начертанными еще нетвердой рукой и какъ-бы случайно; мы увидимъ, что они будутъ формулироваться яснѣе въ его послѣдующихъ посольскихъ донесеніяхъ" (ibid., стр. 309). Такого же взгляда на посольскія донесенія Макіавелли держится, какъ мы видѣли, и г. Алексѣевъ, такъ что принципіальной разницы между нимъ и Виллари не оказывается. Пойдемъ далѣе. Виллари въ своей книгѣ подробно останавливается на небольшомъ политическомъ трактатѣ, написанномъ Макіавелли по поводу возмущенія въ Ареццо. Его поразило въ этомъ интересномъ документѣ то, что Макіавелли смотритъ на событіе, котораго ему довелось быть свидѣтелемъ, не съ точки зрѣнія дипломата, а съ точки зрѣнія мыслителя, возводящаго все къ общимъ началамъ. „Макіавелли — говоритъ Виллари — съ давнихъ поръ смотрѣвшій на политическія событія не какъ простой дипломатъ, а какъ человѣкъ науки, въ умѣ котораго одиночные факты уже тогда подводились подъ общія нормы и принципы, написалъ по поводу видѣнныхъ имъ событій въ Ареццо небольшой трактатъ: „Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati". Это не дѣловая бумага, вышедшая изъ дипломатической канцеляріи, но первая попытка возвыситься отъ ежедневной жизненной практики до высотъ научнаго созерцанія. Здѣсь мы найдемъ тѣ же великія достоинства и недостатки, съ которыми встрѣтимся потомъ въ большихъ политическихъ трактатахъ Макіавелли" (ibid., стр. 324—

Digitized by Google

325). Подъ вліяніемъ приведеннаго взгляда Виллари сложилось мнѣніе и нашего автора: „трактатъ этотъ—говоритъ онъ—замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ показываетъ, во-первыхъ, что Макіавелли, стоя еще въ самомъ круговоротѣ политической жизни, относился къ совершающимся на его глазахъ событіямъ не какъ практическій политикъ, принимающій во вниманіе лишь то, что входитъ въ кругъ его служебной дѣятельности, но какъ мыслитель, старавшійся раскрыть внутреннія причины явленій, подвести ихъ подъ общія точки зрѣнія и извлечь изъ нихъ правила политической мудрости“ (стр. 138). Возвращаясь снова къ этому же трактату, Виллари замѣчаетъ, что хотя Макіавелли постоянно ссылается на историческіе факты, какъ на образцы и примѣры для подражанія, но въ сущности историческіе факты нужны ему только для того, чтобы придать бо́льшій авторитетъ правиламъ, извлеченнымъ изъ наблюденій надъ дѣйствительною жизнію. Подобную же мысль, но только въ другихъ выраженіяхъ, высказываетъ и нашъ авторъ на стр. 139: „свои политическія правила Макіавелли извлекалъ не изъ римской жизни, а изъ изученія дѣйствительной жизни. Онъ обращался къ римлянамъ лишь за совѣтами и изучалъ древнюю жизнь лишь для того, чтобъ провѣрять воззрѣнія, которыя слагались подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ имъ событій“. Намъ кажется, что приведенныя мѣста достаточно доказываютъ, что книга Виллари не осталась даже безъ вліянія на книгу г. Алексѣева, и что итальянскому историку нечего было дожидаться указаній нашего автора, чтобъ умѣть пользоваться посольскими донесеніями Макіавелли...

Но возвратимся къ разбираемой книгѣ. Выше было замѣчено, что вторая часть ея посвящена вопросу: какъ и при какихъ условіяхъ сложилась политическая доктрина флорентинскаго дипломата? Самъ Макіавелли не разъ указывалъ (см. посвященія къ „Il Principe“ и „Discorsi“, и знаменитое письмо къ Веттори, отъ 10-го декабря 1513 г.) на двойной источникъ своихъ политическихъ теорій—современную жизнь и классическую древность. Ошибка г. Алексѣева состоитъ въ томъ, что онъ ограничилъ свою задачу первымъ источникомъ, что онъ посвятилъ все свое вниманіе изученію того воздѣйствія, которое оказывала на Макіавелли современная ему дѣйствительность, и оставилъ въ сторонѣ источникъ литературный. Изъ древнихъ писателей, оказавшихъ вліяніе на Макіавелли, онъ упоминаетъ только объ одномъ Т. Ливіѣ и совершенно умалчиваетъ о Полибіѣ и Аристотелѣ, вліяніе которыхъ было гораздо значительнѣе, какъ то было доказано на диспутѣ однимъ изъ оппонентовъ г. Алексѣева, профессоромъ Ковалевскимъ. Вслѣдствіе этого односторонняго пріема, многія стороны политическаго ученія Макіавелли либо

Digitized by Google

получили ложное освѣщеніе, либо остались безъ всякаго объясненія. Такъ, напримѣръ, г. Алексѣевъ утверждаетъ (стр. 129), вопреки самому автору Il Principe, что вся программа этого трактата заключается въ одномъ посольскомъ донесеніи Маккіавелли о злодѣйствахъ Цезаря Борджіа, тогда какъ давнымъ-давно доказано [1]), что планъ „Il Principe" возникъ въ умѣ Маккіавелли подъ вліяніемъ 9-й главы 8-й книги „Политики" Аристотеля, гдѣ вкратцѣ изложена теорія тираніи и даже исчислены всѣ средства, которыми поддерживается эта форма правленія. Объясняя, какимъ образомъ жизнь оказывала свое воздѣйствіе на складъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій Маккіавелли, авторъ невольно долженъ былъ коснуться личнаго характера своего героя и написалъ ему восторженный панегирикъ. Характеристика Маккіавелли принадлежитъ къ самымъ краснорѣчивымъ страницамъ книги г. Алексѣева, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ образчикомъ блестящей, хотя и не строго научной, манеры автора:

„Его трезвый умъ былъ недоступенъ иллюзіямъ — говоритъ г. Алексѣевъ о Маккіавелли. Онъ былъ врагъ всякой лжи, сторонился ея даже тогда, когда она могла скрыть отъ него всю отвратительную наготу дѣйствительной жизни. Маккіавелли не принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ натурамъ, которыя умѣютъ отвлекаться отъ окружающей ихъ обстановки и создать себѣ мірокъ, до котораго бы не доносились стонъ и плачъ, оскорбляющіе ихъ нѣжный слухъ и нарушающіе ихъ душевное спокойствіе. Маккіавелли не искалъ этого спокойствія, напротивъ: онъ боялся и избѣгалъ его. Когда обстоятельства принудили его покинуть общественную службу, онъ мучается своею бездѣятельностію, и тишина деревенской жизни тяготитъ его. Онъ жаждетъ тѣхъ тревогъ и треволненій, которыя пугаютъ другихъ. Страдать страданіями своего народа, радоваться его радостями было потребностью его души. То, что для другихъ—душевное спокойствіе вдали отъ мірской суеты, то была для Маккіавелли общественная жизнь; то, что для другихъ семейный очагъ, убаюкивающій ихъ въ мирный и безмятежный сонъ, то была для Маккіавелли общественная площадь. А человѣкъ, который смотритъ дѣйствительности прямо въ лицо, который стоитъ среди своего на-

[1]) Еще въ XVI ст. знаменитый французскій гуманистъ и переводчикъ Политики Аристотеля, Луи Леруа (Regius), замѣтилъ, что Маккіавелли „formant son Prince a tiré d'Aristote les principaux fondements de telle institution". Новѣйшая критика, въ лицѣ Бартелеми С.-Илера, Ранке, вполнѣ подтвердила догадку Леруа. Въ виду всего этого звучитъ нѣсколько странно заявленіе автора, что не философскій и политическій трактаты древнихъ, а античная жизнь была для Маккіавелли тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго онъ черпалъ правила политическаго искусства (стр. 174).

Digitized by Google

рода и не замыкаетъ ушей, когда онъ зоветъ о помощи, для такого человѣка иллюзій не существуетъ, для него эта жизнь — тернистый путь, и этотъ міръ—не лучшій изъ міровъ, а мрачное поле брани, пропитанное потомъ и кровью несчастныхъ жертвъ, обезсилѣвшихъ въ борьбѣ за существованіе. Макіавелли былъ поэтомъ, но не тѣмъ поэтомъ, который „рожденъ для вдохновенья, для пѣсенъ сладкихъ и молитвъ". Какъ его изслѣдующая мысль занята судьбами своего отечества, такъ и источникъ его вдохновенія—бѣдствія, постигшія Италію. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ изливаетъ свое горе, оплакиваетъ несчастную судьбу своего родного города, воспѣваетъ геройскіе подвиги павшихъ за святое дѣло свободы и громитъ тирановъ и деспотовъ" (стр. 152—153). И далѣе: „Макіавелли пережилъ знаменательную эпоху въ исторіи своего родного города. На его глазахъ рушилось владычество Медичи, онъ присутствовалъ при возстановленіи демократическаго строя, во главѣ котораго стоялъ Саванарола, онъ былъ свидѣтелемъ его смерти на кострѣ, и видѣлъ, какъ созданное имъ дѣло погибло, онъ игралъ активную роль въ реорганизаціи республиканскихъ учрежденій и былъ достойнымъ сподвижникомъ Содерини; онъ съ болью въ сердцѣ долженъ былъ покинуть свой родной городъ, когда эти учрежденія пали и Медичи заняли свое прежнее мѣсто" и т. д. (стр. 155).

Таковъ идеальный портретъ флорентинскаго политика, начертанный искусной рукой его восторженнаго поклонника! Но сходенъ ли этотъ портретъ съ оригиналомъ—въ этомъ позволительно сомнѣваться. До насъ дошла интимная переписка Макіавелли съ друзьями, гдѣ ему нечего было думать о потомствѣ, гдѣ онъ является, такъ сказать, въ нравственномъ неглижé, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Контрастъ между Макіавелли-писателемъ и Макіавелли-человѣкомъ выходитъ настолько поучителенъ, что на немъ стоитъ остановиться. Въ то время какъ идеальный Макіавелли г-на Алексѣева, обреченный на вынужденное бездѣйствіе вслѣдствіе возвращенія Медичи въ Флоренцію, томимый гражданской скорбію, исходитъ любовью къ своимъ согражданамъ и не знаетъ покоя, настоящій Макіавелли, эпикуреецъ до мозга костей, срываетъ цвѣты удовольствія и наполняетъ цѣлыя страницы своихъ писемъ описаніемъ своихъ любовныхъ похожденій [1]). Въ то время, какъ идеальному Макіавелли, лишенному всякой иллюзіи, жизнь представляется тернистымъ путемъ или мрачнымъ полемъ брани, откуда доносятся до него стоны его несчастныхъ соотечественниковъ,—настоящему Макіавелли, немудрствующему лукаво и плывущему по теченію, жизнь

[1]) См. Письма къ Веттори въ „Lettere Familiare (письмо XXIX, XXXIV и XL).

Digitized by Google

кажется мечтой, сновидѣніемъ, которымъ онъ спѣшитъ насладиться, пока можно [1]). Въ то время, какъ идеальный Макіавелли не можетъ перенести паденія республиканскихъ учрежденій Флоренціи и съ сердечной болью покидаетъ свой родной городъ, настоящій Макіавелли, относившійся не только равнодушно, но даже сочувственно къ происшедшему перевороту [2]), преспокойно остается во Флоренціи, надѣясь, что новое правительство дастъ ему какую-нибудь должность; когда же ему это не удается, и онъ, заподозрѣнный Медичи, подвергается пыткѣ и затѣмъ удаляется въ изгнаніе,—онъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы поступить на службу къ исконнымъ угнетателямъ своего родного города. Правда, что поступая такимъ образомъ, Макіавелли продолжаетъ любить и Италію, и Флоренцію, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что онъ болѣе всего любилъ самого себя и свой комфортъ. Ради этого комфорта онъ готовъ былъ насиловать свою политическую совѣсть и постоянно бомбардировалъ своего друга Веттори просьбами рекомендовать его либо Медичи, либо папѣ, и поручиться за его вѣрность (fede). Мы не сомнѣваемся, что если бы г. Алексѣевъ смотрѣлъ на своего героя не изъ прекраснаго далёка, не съ высоты его политическихъ трактатовъ, а изучилъ бы его интимную переписку, дающую такой богатый матеріалъ для характеристики личности Макіавелли, то и самая характеристика вышла бы иная; она, конечно, утратила бы часть своей картинности и восторженности, но за то была бы ближе къ истинѣ.

Третья часть книги г. Алексѣева носитъ заглавіе: „Мѣсто, занимаемое Макіавелли въ исторіи политическихъ ученій“. Она распадается на три отдѣла: въ первомъ, авторъ изслѣдуетъ отношеніе ученіе Макіавелли къ политической доктринѣ среднихъ вѣковъ; во второмъ, проводитъ параллель между Макіавелли, Гвиччіардини и Боденомъ; въ третьемъ, дѣлаетъ попытку разъяснить ученіе Макіавелли о нравственности. Предѣлы журнальной рецензіи не дозволяютъ намъ остановиться подробно на первыхъ двухъ отдѣлахъ. Замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, ни въ области политики, ни въ области нравственности, Макіавелли далеко не былъ такимъ новаторомъ, какимъ онъ представляется автору. Достаточно вспомнить

---

[1]) E cosi andiamo temporeggiando in su queste universali felicità, godendoci questo resto della vita, che me la pare sognare (Изъ письма къ Веттори, отъ 18 марта 1512 г.),

[2]) См. его письмо къ одной дамѣ (думаютъ, что это мадонна Альфонсина, мать Лоренца Медичи), гдѣ Макіавелли такъ выражается о переворотѣ 1512 г.: E questa città (т.-е. Флоренція) resta quietissima e spera non vivere meno onarata con l'ajuto loro (Медичей), che si vivesse ne' tempi passati, quando la felicissima memoria del Magnifico Lorenzo loro padre governava.

Digitized by Google

Марсилія Падуанскаго, сэра Джона Фортескью и Филиппа де-Комина, чтобы убѣдиться, что не всѣ средневѣковые писатели разсуждали о политическихъ вопросахъ, какъ схоластики и богословы, что не всѣ они примѣняли къ политикѣ теологическіе пріемы изслѣдованія. Если, воспитанный на Аристотелѣ, Марсилій Падуанскій и уклонялся иногда въ сферу общихъ схоластическихъ вопросовъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной,—то сэръ Джонъ Фортескью, отстаивавшій въ своихъ сочиненіяхъ искоиныя вольности англійскаго народа,—то Филиппъ де-Коминъ, изучавшій политическое искусство въ школѣ Людовика XI, стояли всецѣло на почвѣ дѣйствительныхъ отношеній. На этомъ основаніи никакъ нельзя согласиться съ авторомъ (стр. 172), что „Макіавелли является *первымъ* политическимъ писателемъ, всецѣло поглощеннымъ свѣтскими интересами и обсуждающимъ политическіе вопросы съ точки зрѣнія этихъ интересовъ". Равнымъ образомъ, мы не можемъ вмѣстѣ съ авторомъ считать Макіавелли новаторомъ и въ нравственной области. Попытки построить мораль на чисто свѣтскихъ началахъ встрѣчаются еще и въ средніе вѣка [1]), а въ половинѣ XV вѣка знаменитый итальянскій гуманистъ Лоренцо Валла въ своемъ трактатѣ: „De voluptate et vero bono", смѣло провозглашаетъ цѣлью человѣческой жизни достиженіе личнаго счастья, и строитъ на этомъ эпикурейскомъ принципѣ цѣлую систему нравственности.

Разборъ ученія Макіавелли о нравственности занимаетъ собою весьма обширный отдѣлъ книги г. Алексѣева (отъ стр. 228 до 316), въ свою очередь, распадающійся на нѣсколько главъ. Въ первой авторъ говоритъ о методѣ Макіавелли, во второй—сравниваетъ воззрѣнія Макіавелли на сущность государства съ господствующими въ наукѣ воззрѣніями, и только въ третьей—переходитъ къ капитальному вопросу своей книги — къ разъясненію взглядовъ Макіавелли на нравственность. Вотъ какъ авторъ объясняетъ задачу этой части своего труда: „Писатели,— говоритъ онъ,— изучавшіе творенія флорентинскаго секретаря, имѣютъ въ виду лишь политика, историка, драматурга, поэта; Макіавелли же моралистъ—неизвѣстенъ ученому міру. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы хотимъ пополнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ о Макіавелли и познакомить читателя съ воззрѣніями автора „Князя" на нравственность и на отношеніе политики къ морали" (стр. 229). Понятно, послѣ этого, съ какимъ интересомъ мы приступили къ чтенію этого отдѣла книги г. Алексѣева, и какъ велико было наше разочарованіе, когда, послѣ самаго внимательнаго чтенія, мы не вынесли яснаго представленія относительно нравствен-

[1]) Bartoli, I Precursori del Rinascimento. Firenze, 1877, p. 27—29.

Digitized by Google

нихъ воззрѣній Макіавелли,—можетъ быть, потому, что самъ авторъ не имѣетъ на этотъ предметъ опредѣленнаго взгляда и неоднократно противорѣчитъ самому себѣ. Полемизируя съ критиками, утверждающими, что Макіавелли вѣритъ въ абсолютныя начала морали, но только не считаетъ возможнымъ прилагать ихъ къ политикѣ, авторъ замѣчаетъ (стр. 240): „Но мы знаемъ, что міросозерцаніе Макіавелли исключаетъ вѣру въ какія бы то ни было абсолютныя начала; онъ не могъ, поэтому, отдѣлять политики отъ морали, которая для него не существовала". Нѣсколько ниже авторъ утверждаетъ, что хотя Макіавелли отрицалъ самобытность нравственныхъ началъ въ человѣкѣ, но признавалъ мораль, какъ необходимое послѣдствіе сожительства людей въ государствѣ, и видѣлъ въ общемъ благѣ высшее мѣрило человѣческихъ поступковъ (стр. 240—241), и что „такимъ образомъ нравственность, по воззрѣнію Макіавелли, есть совокупность правилъ, вытекающихъ изъ началъ общаго блага и воплотившихся во всемъ строѣ государственной жизни, сложившихся исторически, независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ" (стр. 244 — 245). Этому утилитарному опредѣленію нравственности противорѣчитъ слѣдующее заявленіе автора, изъ котораго видно, что для Макіавелли существовалъ еще критеріумъ высшаго порядка, критеріумъ чисто-нравственный. Вотъ подлинныя слова г. Алексѣева: „Нравственно поступаетъ, по воззрѣнію Макіавелли, не тотъ, кто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разсчитываетъ послѣдствія своихъ поступковъ и согласуетъ ихъ съ общимъ благомъ, а тотъ, кто подчиняется *нравственному правилу, какъ таковому*. Вотъ почему съ точки зрѣнія Макіавелли убійство тирана, оправдываемое Блунчли требованіями нравственнаго порядка, остается всегда и при всѣхъ условіяхъ преступленіемъ, ибо такой самосудъ никогда не можетъ быть возведенъ въ общее правило" и т. д. (стр. 274). Такимъ образомъ, оказывается, что авторъ приписываетъ Макіавелли цѣлыхъ три, противорѣчащихъ другъ другу, системы нравственности; во-первыхъ, Макіавелли совсѣмъ не признаетъ морали, какъ не признаетъ вообще никакихъ абсолютовъ; во-вторыхъ, онъ является приверженцемъ теорій, оцѣнивающихъ поступки мѣриломъ общаго блага; и въ-третьихъ, онъ признаетъ безусловность нравственныхъ понятій, какъ таковыхъ. Автору слѣдовало либо свести всѣ эти противорѣчія къ одному нравственному центру, къ одному высшему единству, либо, подобно другимъ критикамъ, усомниться совсѣмъ въ твердости нравственныхъ принциповъ Макіавели. Авторъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, и не совсѣмъ великодушно предоставилъ своимъ читателямъ изнывать въ мукахъ сомнѣнія...

Обратимся теперь къ знаменитому вопросу объ отношеніи поли-

Digitized by Google

тики къ нравственности въ сочиненіяхъ Макіавелли. Каковы бы ни были взгляды Макіавелли на нравственность, придерживался-ли онъ интуитивной теоріи или утилитарной—сущность вопроса состоитъ въ томъ, руководился-ли онъ въ своихъ политическихъ совѣтахъ принципами исповѣдуемыхъ имъ нравственныхъ теорій, или же онъ на самомъ дѣлѣ, какъ утверждаетъ большинство критиковъ, считалъ политику областью, къ которой нравственныя требованія неприложимы?

Мы видѣли изъ предисловія, что г. Алексѣевъ брался доказать наперекоръ господствующимъ въ наукѣ воззрѣніямъ, что Макіавелли считалъ нравственныя требованія обязательными для политика; надо полагать, что онъ вскорѣ увидѣлъ безплодность своихъ усилій, потому что, сдѣлавши нѣсколько замѣчаній, по поводу одного мѣста въ „Discorsi", онъ, на стр. 247, вынужденъ былъ сознаться, что „Макіавелли можетъ *одобрять* извѣстныя жестокія и коварныя средства въ политикѣ, которыя служатъ цѣлямъ противоположнымъ его политическимъ убѣжденіямъ, и которыя онъ не оправдываетъ съ точки зрѣнія нравственной". Но если нельзя совершенно выгородить Макіавелли отъ упрековъ въ политической безнравственности, то можетъ быть можно съузить районъ его коварныхъ совѣтовъ, указавъ на исключительныя условія ихъ примѣненія. Это и дѣлаетъ г. Алексѣевъ (на стр. 255), утверждая, „что если Макіавелли и одобрялъ жестокія и суровыя политическія средства, въ виду той полезной цѣли, которой они служатъ, то онъ считалъ необходимымъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ или въ тираніи, или при основаніи и переустройствѣ государства, или для подавленія мятежей и возстаній, или, наконецъ, на войнѣ, или въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ цѣль не можетъ быть достигнута законными средствами". Посредствомъ такого искуснаго пріема, г. Алексѣевъ однимъ ударомъ слагаетъ съ своего героя всякую отвѣтственность за цѣлый рядъ безнравственныхъ и жестокихъ совѣтовъ, которыми наполненъ, напримѣръ, „Il Principe", ибо кто же будетъ спорить, что Макіавеллевскому Principe приходится дѣйствовать при исключительныхъ условіяхъ? Смѣемъ однако увѣрить г. Алексѣева, что этимъ способомъ ему едва-ли удастся поправить сложившуюся вѣками репутацію Макіавелли. Что суровыя и жестокія мѣры часто употребляются и даже одобряются при исключительныхъ условіяхъ, въ эпоху общественныхъ кризисовъ, и что при нормальномъ теченіи политической жизни въ нихъ не представляется надобности — это само собою разумѣется; но дѣло въ томъ, что Макіавелли, по поводу исключительныхъ случаевъ, нерѣдко высказываетъ общія правила, такъ-сказать, формулы политической мудрости, поражающія какъ своей ло-

Digitized by Google

гикой, такъ и своимъ безсердечіемъ и нравственнымъ цинизмомъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ „Il Principe“ (Cap. III), Маккіавелли провозглашаетъ слѣдующее возмутительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мудрое политическое правило, что при управленіи людьми нужно или снискать ихъ благосклонность, или совсѣмъ уничтожить ихъ (spegnere), ибо люди мстятъ только за легкія обиды; тяжелый же гнетъ лишаетъ ихъ возможности мести; потому, если приходится угнетать людей, то нужно это дѣлать такъ, чтобы отнять у нихъ всякую возможность къ отмщенію. Въ другомъ мѣстѣ (ibid., cap. XVIII) Маккіавелли даетъ „Principe“ мудрый совѣтъ не исполнять своихъ обязательствъ и обѣщаній, если такое исполненіе будетъ для него невыгодно. „Конечно,—прибавляетъ онъ,—если бы всѣ люди были честны, то это правило было бы не хорошо, но такъ какъ они безчестны и не исполняютъ своихъ обязательствъ, по отношенію къ тебѣ, то и тебѣ нечего исполнять своихъ, по отношенію къ нимъ“. Приведенными примѣрами (а ихъ можно привести не одинъ десятокъ), надѣемся, доказывается, что истинный источникъ безнравственности политическихъ совѣтовъ Маккіавелли лежитъ не въ исключительности условій, которыя ему приходится изслѣдовать, а въ его пессимистическомъ воззрѣніи на человѣческую природу и въ его взглядѣ на политику, какъ на науку успѣха. Только ставши на эту точку зрѣнія и можно понять, почему Маккіавелли можетъ одобрять или признавать цѣлесообразными такія средства, которыя служатъ цѣлямъ противоположнымъ его политическимъ убѣжденіямъ, и которыя онъ навѣрное не оправдалъ бы съ точки зрѣнія нравственной. На этомъ основаніи мы думаемъ, что стараться во что бы то ни стало сдѣлать изъ Маккіавелли гуманнаго политика, который только въ крайнихъ случаяхъ, во имя общаго блага, давалъ свое согласіе на мѣры, возмущающія нравственное чувство—значитъ прежде всего оказывать плохую услугу самому Маккіавелли, ибо въ чемъ же и состоитъ, главнымъ образомъ, значеніе Маккіавелли въ области политики, какъ не въ томъ, что онъ внесъ въ политику научный методъ? Можно не одобрять рекомендуемыхъ имъ жестокихъ мѣръ, можно возмущаться безнравственностью его политическихъ совѣтовъ, но нельзя не признать, что всѣ его совѣты отличаются неумолимой логикой, глубокимъ знаніемъ человѣческой природы и общественныхъ отношеній. Благодаря Маккіавелли, мы узнали наконецъ, до чего можетъ дойти политика, если она совершенно эманципируется отъ религіи и морали...

Сдѣлавши нѣсколько весьма цѣнныхъ замѣчаній объ отношеніи политики къ нравственности и указавъ на противорѣчія, встрѣчающіяся по этому вопросу въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ, авторъ за-

Digitized by Google

дается задачей—выяснить *преемственную* связь, существующую, по его мнѣнію, между нравственнымъ ученіемъ Макіавелли и новѣйшимъ утилитаризмомъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, г. Алексѣеву слѣдовало бы начать изложеніе нравственныхъ ученій утилитаристовъ не съ XVIII в., не съ Гельвеція и Гольбаха, но съ родоначальника новѣйшаго утилитаризма—Бэкона, на котораго Макіавелли дѣйствительно оказалъ значительное вліяніе [1]); затѣмъ, перейти къ Гассенди и Ларошфуко, и отъ нихъ уже къ Гельвецію и Гольбаху. Тогда, по крайней мѣрѣ, читатели могли бы наглядно убѣдиться въ томъ, въ чемъ имъ теперь приходится на половину вѣрить автору на-слово.

Заключительная глава книги г. Алексѣева носитъ заглавіе—„Макіавелли—защитникъ политической свободы". Въ ней авторъ подробно останавливается на томъ произведеніи, которое и среди современниковъ и въ потомствѣ составило Макіавелли печальную репутацію сторонника абсолютизма и политическаго ренегата. Авторъ совершенно справедливо настаиваетъ на теоретическомъ характерѣ этого трактата, внушеннаго Макіавелли Политикой Аристотеля, хотя и признаетъ, что въ немъ Макіавелли подѣлился и своими личными наблюденіями надъ политикою современныхъ ему тирановъ; но г. Алексѣевъ ошибается, утверждая, что въ „Il Principe" Макіавелли говоритъ о тираніи съ *внутреннимъ омерзѣніемъ*, что онъ съ какимъ-то *злорадствомъ* указываетъ на всѣ тѣ жестокія мѣры, которыми поддерживается эта ненавистная ему государственная форма. Въ виду важности этого открытія, автору слѣдовало бы подкрѣпить свое мнѣніе ссылкой на подлинныя слова Макіавелли. До сихъ поръ всѣхъ читателей этого трактата поражало, напротивъ того, полнѣйшее безстрастіе, съ которымъ Макіавелли рекомендуетъ самыя жестокія мѣры, способныя поддержать власть князя. Да иначе и не могло быть. Предназначивъ свой трактатъ сначала для Джуліано, а потомъ для Лоренцо Медичи, и основавъ на немъ свои надежды на лучшее будущее [2]), Макіавелли, какъ искусный политикъ, не дозволилъ бы своему субъективному чувству пробиться наружу и тѣмъ испортить все дѣло,—скорѣе нужно предположить, что онъ постарался стать на точку зрѣнія князя и подѣлаться подъ деспоти-

[1]) Попытка опредѣлить степень этого вліянія сдѣлана въ недавнее время Эботомъ (Abbot) въ статьѣ „Bacon as a Moralist", предпосланной его прекрасному изданію Бэкоповыхъ Essays. London, 1876.

[2]) „Произведеніе мое—писалъ Макіавелли къ Веттори, отъ 10 декабря 1513, должно быть пріятно (accetto) князю и въ особенности князю новому; вотъ почему я и посвящаю его великолѣпному Джуліано".

Digitized by Google

ческіе вкусы Лоренцо [1]); извѣстно, что это послѣднее обстоятельство и возмутило современниковъ Маккіавелли, знавшихъ его за искренняго республиканца.

Мы указали на слабыя стороны труда г. Алексѣева. Надѣемся, что наши скромныя замѣчанія будутъ приняты авторомъ съ тѣмъ-же доброжелательствомъ, съ какимъ мы ихъ дѣлаемъ. Въ заключеніе, укажемъ и на несомнѣнныя достоинства книги г. Алексѣева, къ числу которыхъ мы относимъ оригинальность мысли, замѣчательную способность обобщенія и систематизаціи и, не всегда встрѣчающійся въ ученыхъ трудахъ, даръ изложенія. Произведенія, подобныя труду г. Алексѣева, несмотря на всѣ свои несовершенства, способны будить мысль и давать толчокъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ—въ этомъ и состоитъ ихъ значеніе для науки.

Н. Стороженко.

---

[1]) Кардиналъ Поль, древнѣйшій обличитель Маккіавелли, въ своихъ письмахъ сообщаетъ со словъ пріятелей Маккіавелли, что онъ—se non solum judicium suum in illo libro fuisse secutum, sed illius ad quem scriberet.

Digitized by Google

ЗЕМСКІЯ ХОДАТАЙСТВА

ВЪ

1876 и 1877 гг.

Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ газеты „Берегъ“ сообщены были свѣдѣнія о числѣ ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній за послѣдніе три года, признанныхъ уважительными и получившихъ дальнѣйшее направленіе. Общее число такихъ ходатайствъ — 210; изъ нихъ разсмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ подлежало 105, министерства юстиціи—43, министерства народнаго просвѣщенія —27, министерства государственныхъ имуществъ—16, министерства путей сообщенія — 14, министерства финансовъ — 5. Общій выводъ, вытекающій изъ этихъ цифръ, не говоритъ, по мнѣнію „Берега“, въ пользу того нерасположенія, съ которымъ будто бы встрѣчаются земскія ходатайства въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. За недоступностью тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ черпаетъ „Берегъ“, мы можемъ повѣрить его мнѣніе лишь съ помощью матеріаловъ, заключающихся въ „Земскихъ Ежегодникахъ“. За 1876 и 1877 гг. матеріалы эти не отличаются безусловною полнотою и не обнимаютъ собою двухъ послѣднихъ лѣтъ; но для характеристики земскихъ ходатайствъ и ихъ судьбы они представляютъ, все-таки, немало данныхъ.

Стóитъ только бѣгло просмотрѣть тотъ отдѣлъ „Ежегодниковъ“, который озаглавленъ: „Послѣдствія ходатайствъ“, чтобы убѣдиться въ невозможности придавать какую-либо цѣну *валовой цифрѣ* удовлетворенныхъ ходатайствъ. Судить объ отношеніи высшихъ правительственныхъ сферъ къ земству можно только по судьбѣ тѣхъ ходатайствъ, которыя имѣютъ общій интересъ, общее значеніе, предпо-

Digitized by Google

лагаютъ существенное измѣненіе въ законѣ, въ правахъ и функціяхъ земства, въ образѣ дѣйствій администраціи, въ положеніи хозяйственныхъ единицъ, представляемыхъ земскими учрежденіями. Удовлетвореніе ходатайствъ, относящихся къ мелкимъ вопросамъ ежедневнаго земскаго обихода, доказываетъ, конечно, отсутствіе систематической рѣшимости игнорировать всякое, даже самое невинное желаніе земства—но существованіе такой рѣшимости никогда никѣмъ и не предполагалось. Можно ли вывести что-либо другое изъ согласія, напримѣръ, административной власти на перенесеніе срока и продленіе однодневной ярмарки въ одномъ изъ селъ воронежской губерніи, на замѣну помѣсячной платы за леченіе въ костромской земской больницѣ—поденною, на сокращеніе числа призывныхъ участковъ въ клинскомъ уѣздѣ, на переводъ призывного пункта перваго участка ардатовскаго уѣзда изъ одного мѣста въ другое, на выписываніе маріупольскою уѣздною управою игральныхъ (не географическихъ) картъ непосредственно изъ IV-го отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи, на производство въ одномъ изъ начальныхъ училищъ испытанія для нѣсколькихъ сосѣднихъ школъ? Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что значительное большинство удовлетворенныхъ ходатайствъ принадлежитъ именно къ этой категоріи. Несмотря на это, ходатайствъ неудовлетворенныхъ, за 1876 и 1877 гг., оказывается гораздо больше, чѣмъ удовлетворенныхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1877 г. было отклонено 51 ходатайство, удовлетворено вполнѣ или отчасти—29, изъ которыхъ только семь имѣли болѣе или менѣе крупное значеніе. Два ходатайства предположено разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ; двадцать ходатайствъ признаны не требующими разрѣшенія, за возбужденіемъ уже въ установленномъ порядкѣ затронутыхъ ими общихъ вопросовъ, или за ясностью узаконеній и правилъ, къ разъясненію которыхъ они были направлены; два ходатайства были оставлены безъ разсмотрѣнія по причинамъ формальнымъ, разрѣшеніе двухъ другихъ отложено до собранія справокъ. Весьма вѣроятно, что въ разсчетѣ „Берега“ къ числу ходатайствъ удовлетворенныхъ отнесены, по крайней мѣрѣ, отчасти и тѣ, которыя значатся у насъ въ категоріи ходатайствъ, признанныхъ не требующими разрѣшенія. О медленности въ разрѣшеніи ходатайствъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ цифрамъ: въ „Ежегодникѣ“ за 1876 г. всѣхъ ходатайствъ въ отдѣлѣ, спеціально имъ посвященномъ (нѣкоторые изъ нихъ вошли въ составъ не этого, а другихъ отдѣловъ),—упомянуто 404, а въ отдѣлѣ о послѣдствіяхъ ходатайствъ—только 83 статьи; въ „Ежегодникѣ“ за 1877 г., въ первомъ изъ двухъ названныхъ отдѣловъ—346, во второмъ 114 статей. Одно ходатай-

Digitized by Google

ство рязанскаго земства, заявленное въ 1870-мъ, разрѣшено въ 1875 или 1876 году.

Оставимъ, однако, выкладки надъ голыми цифрами и обратимся къ фактамъ, т.-е. къ самому содержанію ходатайствъ. Наша цѣль заключается не только въ томъ, чтобы выяснить отношенія между правительствомъ и земствомъ, но и въ томъ, чтобы познакомиться съ желаніями, со взглядами земскихъ учрежденій, насколько они выражаются въ ходатайствахъ. Мы будемъ говорить, поэтому, какъ о ходатайствахъ уже разрѣшенныхъ, такъ и о тѣхъ, судьба которыхъ въ періодъ времени, обнимаемый „Ежегодниками", была еще неизвѣстна; въ сторонѣ будутъ оставлены нами только тѣ ходатайства, которыя не представляютъ никакого общаго интереса.

Правильному ходу занятій земскихъ собраній вредитъ иногда недостаточное число гласныхъ. Объ увеличеніи этого числа ходатайствовало въ 1876 г. коротоякское уѣздное собраніе, объясняя, что коротоякскій уѣздъ имѣетъ только 12 гласныхъ, а, между тѣмъ, по пространству и населенности не уступаетъ тѣмъ, въ которыхъ отъ 40 до 70 гласныхъ. Стóитъ только не прибыть въ собраніе тремъ гласнымъ—и оно не можетъ состояться, такъ какъ заблаговременное приглашеніе кандидатовъ воспрещено циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Достигло ли коротоякское земство желанной цѣли—мы не знаемъ; но что подобныя ходатайства уважаются не всегда, это видно изъ отказа рязанскому губернскому собранію въ измѣненіи, на основаніи вновь произведенной оцѣнки имуществъ, нормы числа губернскихъ гласныхъ. О пониженіи ценза, которымъ обусловлено право участія въ земскихъ выборахъ, ходатайствовало новоржевское уѣздное собраніе; ходатайство это отклонено, но министерство внутреннихъ дѣлъ обѣщало имѣть его въ виду при обсужденіи общаго вопроса объ измѣненіи существующаго ценза—вопроса, какъ извѣстно, до сихъ поръ не разрѣшеннаго. Съ цѣлью оградить самостоятельность выборовъ, тверское губернское собраніе просило объ изъятіи волостныхъ старшинъ, какъ чиновъ полиціи, изъ числа лицъ, подлежащихъ избранію въ гласные; съ цѣлью оградить независимость и достоинство собранія, трубчевское земство просило о недопущеніи въ составъ его лицъ, получающихъ денежное вознагражденіе отъ земства; гороховецкое земство — о недопущеніи гласныхъ къ торгамъ на сдаваемые земствомъ подряды; таврическое губернское собраніе—объ освобожденіи гласныхъ, въ числѣ которыхъ много волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, отъ арестованія, во время сессіи, въ административномъ порядкѣ; смоленское губернское собраніе—объ арестованіи такихъ гласныхъ, и не во время сессіи, лишь по коллегіальному постановленію уѣзднаго по крестьян-

Digitized by Google

скимъ дѣламъ присутствія, а не по единоличному распоряженію исправника. Екатеринославское губернское собраніе ходатайствовало о невоспрещеніи уѣзднымъ собраніямъ выдавать губернскимъ гласнымъ суточное вознагражденіе. Рядомъ съ этими серьёзными ходатайствами возбуждаетъ невольную улыбку отклоненная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ просьба николаевскаго (самарской губерніи) уѣзднаго собранія о присвоеніи одному изъ его членовъ званія *почетнаго гласнаго*.

Харьковское губернское собраніе ходатайствовало объ установленіи правилъ, которыми опредѣлялся бы способъ сношеній между земствами нѣсколькихъ губерній по вопросамъ, имѣющимъ для нихъ общій интересъ. Комитетъ министровъ отклонилъ это ходатайство, признавъ, согласно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, что распубликованіе, съ разрѣшенія губернатора, постановленій, журналовъ, смѣтъ и раскладокъ земскихъ собраній даетъ каждому изъ нихъ возможность слѣдить за дѣятельностью другихъ, и что существуетъ уже правило, по которому постановленія земскаго собранія о сношеніи или соглашеніи съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ или къ вопросамъ объ установленныхъ закономъ предѣлахъ вѣдомства собраній, вступаютъ въ силу и подлежатъ исполненію не иначе, какъ съ согласія губернатора. Въ 1877 г. то же земство, вслѣдствіе записки гласнаго Гордѣенко, которому принадлежитъ и иниціатива отвѣта, даннаго харьковскимъ земствомъ въ 1878 г., на первый призывъ правительства къ общественному содѣйствію въ борьбѣ съ революціонной пропагандой [1]) постановило ходатайствовать: 1) объ учрежденіи коммиссіи для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго экономическаго положенія края и для изысканія способовъ къ его улучшенію; 2) о предоставленіи земству права печатать свои журналы въ неограниченномъ числѣ экземпляровъ, и 3) о томъ, чтобы при министерствѣ государственныхъ имуществъ ежегодно созывался особый съѣздъ представителей сельскаго хозяйства, избираемыхъ губернскими земскими собраніями для обсужденія положенія сельскаго хозяйства и мѣръ къ его улучшенію. Ходатайство харьковскаго губернскаго собранія о разслѣдованіи, при участіи депутатовъ отъ земства, безпорядковъ на курско-харьковско-орловской желѣзной дорогѣ отклонено, хотя въ то же самое время образована коммиссія изъ представителей разныхъ министерствъ для провѣрки жалобъ на управленіе этой дороги. Въ то самое время, какъ харьковское губернское собраніе, а по его образцу и нѣкоторыя уѣздныя собранія харьковской губерніи (напримѣръ, сумское, просящее о предостав-

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ „Вѣстникѣ Европы“, 1880 г. № 4, стр. 785.

Digitized by Google

ленiи земству надзора за здоровьемъ рабочихъ на фабрикахъ)—заботятся о расширенiи правъ и функцiй земства, нѣкоторыя другiя собранiя хлопочутъ о предоставленiи имъ привилегiй или стараются улучшить положенiе лицъ, служащихъ по земскимъ учрежденiямъ. Екатеринославское и курское губернскiя собранiя возбуждаютъ вопросъ о пенсiяхъ за земскую службу, причемъ оказывается, что вопросъ этотъ уже разработывается въ правительственныхъ сферахъ; владимiрское губернское собранiе ходатайствуетъ о предоставленiи земскимъ архитектору и технику правъ государственной службы; смоленское губернское собранiе — объ освобожденiи предсѣдателей земскихъ управъ отъ призыва въ присяжные засѣдатели (послѣднее ходатайство отклонено); бѣлевское уѣздное собранiе проситъ о высылкѣ бѣлевскимъ мировымъ учрежденiямъ безплатно издаваемыя П-мъ Отдѣленiемъ книги свода законовъ и продолженiя къ нимъ. Вологодское губернское собранiе получаетъ отказъ на просьбу объ освобожденiи земской корреспонденцiи отъ почтоваго сбора.

Большою основательностью отличаются многiя ходатайства земскихъ собранiй, относящiяся къ мировымъ учрежденiямъ и вообще къ судебной части. Съ разныхъ сторонъ высказывается желанiе, чтобы имущественный цензъ, обусловливающiй право быть избраннымъ въ мировые судьи, былъ пониженъ или вовсе уничтоженъ (губернскiя земства рязанское и донское, уѣздныя — новоржевское и ростовское); чтобы облегчено было, по крайней мѣрѣ при вторичномъ выборѣ, избранiе въ мировые судьи лицъ, не имѣющихъ установленнаго ценза (губернскiя земства вятское и рязанское, уѣздное—чердынское); чтобы мировымъ судьямъ предоставлено было право разрѣшать дѣла о недвижимости, цѣною менѣе 500 р., а также утверждать акты о переходѣ такой недвижимости изъ однѣхъ рукъ въ другiя (губернскiя земства тверское и нижегородское). Зеньковское уѣздное собранiе проситъ о разрѣшенiи ему опредѣлять мѣсто нахожденiя камеръ мировыхъ судей; ходатайство это вполнѣ понятное въ виду частаго избранiя мировыми судьями мѣста жительства, крайне отдаленнаго отъ центра участка, отклонено правительствомъ. Олонецкое губернское собранiе и два изъ числа уѣздныхъ собранiй той же губернiи еще въ 1876 г. ходатайствуютъ объ открытiи въ губернiи окружнаго суда, ассигнуя въ пособiе на этотъ предметъ болѣе 16,000 рублей, но все-таки не достигаютъ закрытiя дѣйствующей и до сихъ поръ по старому порядку олонецкой палаты уголовнаго и гражданскаго суда. Уѣздныя собранiя старобѣльское и ставропольское (самарской губернiи) просятъ для земства права назначать содержанiе бѣднѣйшимъ изъ числа лицъ, призываемыхъ къ исправленiю обязанностей присяжныхъ засѣдателей,

Digitized by Google

или возмѣщать издержки, сопряженныя съ исправленіемъ этихъ обязанностей. Болѣе спорнымъ представляется возбужденный яренскимъ (вятской губерніи) земствомъ вопросъ о разрѣшеніи мировымъ судьямъ принимать къ своему разсмотрѣнію по одностороннему требованію истца, дѣлъ, подсудныхъ по закону волостному суду. Довольно оригинально неуваженное ходатайство ставропольскаго (самарской губерніи) земства о замѣщеніи вакансіи участковаго мирового судьи лицомъ по назначенію отъ правительства. Случай назначенія правительствомъ мирового судьи въ губерніи, имѣющей земскія учрежденія, предусмотрѣно закономъ; оно возможно тогда, когда лицъ, соединяющихъ въ себѣ требуемыя закономъ условія и получившихъ большинство голосовъ, не оказывается ни въ уѣздѣ, ни, затѣмъ, въ губерніи. Ставропольское земство, по всей вѣроятности, обратилось къ содѣйствію правительства, не испытавъ сначала всѣхъ средствъ къ замѣщенію вакансіи по выборамъ. Не означаетъ ли такая поспѣшность, что группировка партій въ уѣздѣ не внушала избирателямъ никакой надежды на правильный исходъ выборовъ, или заставляла ихъ искать судьи, который бы стоялъ въ сторонѣ отъ мѣстныхъ страстей и столкновеній? Замѣтимъ еще, что въ 1876 г. нижегородское уѣздное собраніе ходатайствовало объ установленіи въ пользу земства исковыхъ пошлинъ по дѣламъ, производящимся въ мировыхъ учрежденіяхъ.

Къ числу перемѣнъ, очевидно желаемыхъ земствомъ, принадлежитъ предоставленіе выбора непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій не губернскому земскому собранію, а каждому уѣздному собранію по принадлежности. Несмотря на отказъ, послѣдовавшій въ 1876 г. на ходатайство по этому предмету, рязанскаго земства, въ 1877 г. такія же ходатайства заявлены губернскими собраніями курскимъ, новгородскимъ, полтавскимъ, харьковскимъ и уѣздными—тверскимъ и саратовскимъ. Херсонское уѣздное собраніе постановило просить о новомъ распредѣленіи волостей, съ тѣмъ, чтобы въ каждой изъ нихъ было не менѣе 3000 жителей. По мнѣнію земства, это дастъ волостямъ возможность пріискать болѣе способныхъ людей для завѣдыванія ихъ дѣлами непремѣннымъ членамъ уѣздныхъ присутствій—возможность чаще посѣщать волости,—и вмѣстѣ съ тѣмъ сократитъ расходы на мѣстное управленіе. Крестецкое уѣздное собраніе, въ видахъ улучшенія состава волостныхъ писарей, просило о предоставленіи имъ тѣхъ же льготъ по отбыванію воинской повинности, какими пользуются учителя народныхъ училищъ.

Борьба съ заразительными болѣзнями составляетъ одну изъ главныхъ заботъ земскихъ учрежденій. Крестецкое уѣздное собраніе

Digitized by Google

просило признать леченіе сифилиса обязательнымъ, разумѣя при этомъ, вѣроятно, обязательность безплатнаго леченія его всѣми врачами, живущими въ предѣлахъ уѣзда. Тверское губернское собраніе возобновило ходатайство о томъ, чтобы фабрики, при которыхъ есть больницы, были обязаны лечить своихъ рабочихъ, больныхъ сифилисомъ. Княгининское уѣздное собраніе признавало нужнымъ установить обязательное свидѣтельствованіе лицъ, желающихъ вступить въ бракъ, и лицъ, направляющихся на заработки или возвращающихся съ нихъ. Объ освидѣтельствованіи крестьянъ, возвращающихся изъ дальнихъ отлучекъ, уже въ 1873 г. просило симбирское губернское собраніе. Разсмотрѣвъ это ходатайство, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что оно касается лишь одной стороны вопроса, другая же сторона—приведеніе въ извѣстность одержимыхъ сифилисомъ и указаніе средствъ къ ихъ пользованію,—оставлена собраніемъ безъ разрѣшенія. Посему министерство, въ 1875 или 1876 г., предложило собранію войти вновь во всестороннее обсужденіе вопроса и выработать проектъ основаній къ постепенному по уѣздамъ или къ одновременному по всей губерніи предупрежденію и прекращенію сифилиса. Собраніе отказалось отъ исполненія этой задачи, находя, что въ отношеніи къ пользованію сифилитиковъ сдѣлано уже все зависящее отъ земства, и ему остается только ожидать принятія мѣръ, выходящихъ изъ предѣловъ его власти. Смоленское губернское собраніе ходатайствовало объ установленіи обязательнаго оспопрививанія, но правительство не признало пока возможнымъ разрѣшить эту мѣру, обсужденіе которой продолжается въ медицинскомъ совѣтѣ. Владимірское губернское собраніе ходатайствовало о разрѣшеніи ему открывать аптеки въ городахъ съ отпускомъ лекарствъ за плату или безплатно; уржумское уѣздное собраніе—о разрѣшеніи отпуска медикаментовъ за деньги изъ больничныхъ аптекъ безъ приглашенія особыхъ фармацевтовъ. Ходатайство, однородное съ уржумскимъ, было заявлено еще раньше яренскимъ уѣзднымъ собраніемъ, но отклонено медицинскимъ совѣтомъ. Дмитровское (московской губерніи) уѣздное собраніе просило объ отмѣнѣ воспрещенія врачамъ-евреямъ, не имѣющимъ высшихъ ученыхъ степеней, жительствовать въ уѣздахъ столичныхъ губерній, такъ какъ это воспрещеніе затрудняетъ земство въ пріисканіи врачей. Исполненіе земскимъ врачомъ своихъ прямыхъ обязанностей часто затрудняется незамѣщеніемъ должностей уѣзднаго или городского врача, за которыхъ, въ подобныхъ случаяхъ, приходится работать земскому врачу. Земства неоднократно были поставлены въ необходимость ходатайствовать о скорѣйшемъ замѣщеніи вакантныхъ должностей; пошехонское уѣздное собраніе просило даже объ освобожденіи вообще

Digitized by Google

земскаго врача отъ исправленія должности уѣзднаго врача. Княгининское уѣздное собраніе желало, чтобы земскіе врачи были освобождены отъ обязанности являться по требованіямъ судебной власти въ то время, когда у нихъ находятся на рукахъ тяжкіе больные; желаніе это не было исполнено. Елабужское уѣздное собраніе ходатайствовало, чтобы въ требованіи судебной власти, обращенномъ къ земскому врачу, непремѣнно были означаемы причины, почему требованіе это не можетъ быть исполнено оффиціальнымъ медикомъ. Ходатайство коротоякскаго земства объ устройствѣ съѣзда врачей было отклонено воронежскимъ губернаторомъ. Тверское губернское собраніе ходатайствовало о дозволеніи открыть земскую фельдшерскую школу.

Переходя къ учебному дѣлу, мы встрѣчаемся только съ тремя удовлетворенными ходатайствами земства: ходатайствомъ нижегородскаго губернскаго собранія объ открытіи въ Нижнемъ-Новгородѣ реальнаго училища, ходатайствомъ крестецкаго уѣзднаго собранія объ открытіи въ гор. Крестцахъ женской прогимназіи, и упомянутымъ уже нами ходатайствомъ тверскаго губернскаго собранія о соединеніи въ одномъ училищѣ, для испытанія учениковъ, нѣсколькихъ сосѣднихъ школъ. Сверхъ того, одобрено въ принципѣ ходатайство екатеринославскаго земства,—объ учрежденіи учительской семинаріи. Число ходатайствъ неудовлетворенныхъ несравненно значительнѣе. Сюда относятся: ходатайство вятскаго губернскаго собранія о возложеніи предсѣдательства въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ на одного изъ членовъ, по выбору остальныхъ, или на лицо, избранное уѣзднымъ собраніемъ, или же на предсѣдателя уѣздной управы (въ вятской губерніи предсѣдательство въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ принадлежитъ правительственнымъ инспекторамъ); ходатайство екатеринбургскаго земства о предоставленіи ему избирать неограниченное число членовъ училищнаго совѣта, и притомъ не исключительно изъ числа гласныхъ; ходатайство вятскаго губернскаго собранія о предоставленіи нѣкоторыхъ правъ учащимъ и учащимся въ вятскомъ земскомъ училищѣ для приготовленія учителей и распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній; ходатайство хотинскаго и боровичскаго уѣздныхъ собраній объ открытіи реальныхъ училищъ; ходатайства курскаго губернскаго собранія о расширеніи программы начальной школы и о предоставленіи окончившимъ курсъ въ курскомъ реальномъ училищѣ права поступать въ университетъ, на математическій и медицинскій факультеты; ходатайство вятскаго губернскаго собранія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ правилахъ о педагогическихъ курсахъ (въ смыслѣ бо́льшей самостоятельности земства). Не нашло пощады

Digitized by Google

даже невиннѣйшее ходатайство елабужскаго земства о разрѣшеніи приглашать въ экзаминаціонныя коммиссіи тѣхъ училищъ, гдѣ должности учителя и законоучителя соединены въ одномъ лицѣ, законоучителей изъ другихъ училищъ. Къ отказу въ ходатайствѣ иногда присоединялись предложенія, прямо противоположныя ясно выраженнымъ взглядамъ и желаніямъ земства. Такъ, напримѣръ, хотинскому земству было объявлено, что на открытіе *реальнаго* училища не имѣется достаточныхъ средствъ, но что въ Хотинѣ возможно открытіе четырехклассной *классической* прогимназіи! Вятскому губернскому земству, не желающему предсѣдательства инспекторовъ въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, дается знать, что предсѣдательство это не будетъ сопряжено съ затрудненіями, если въ уѣздахъ, гдѣ еще нѣтъ инспекторовъ, земство ассигнуетъ средства на ихъ содержаніе, и такимъ образомъ каждый уѣздъ будетъ обладать своимъ инспекторомъ! Впрочемъ, съ подобными дополненіями къ отказамъ, напоминающими предложеніе камня вмѣсто хлѣба, мы встрѣчаемся только въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшеніе ходатайствъ зависѣло отъ бывшаго министерства народнаго просвѣщенія.

Въ числѣ земскихъ ходатайствъ по учебной части, о судьбѣ которыхъ нѣтъ свѣдѣній въ „Ежегодникахъ“, не мало такихъ, удовлетвореніе которыхъ до апрѣля нынѣшняго года представлялось крайне невѣроятнымъ или даже невозможнымъ. Таковы, напримѣръ, ходатайства губернскихъ собраній с.-петербургскаго и черниговскаго о дозволеніи земству открывать двухклассныя народныя училища наравнѣ съ одноклассными; гжатскаго уѣзднаго собранія — объ учрежденіи реальнаго училища, въ чемъ ему однажды уже было отказано; сорокскаго уѣзднаго собранія—объ открытіи въ гор. Сорокахъ, вмѣсто прогимназіи, шестикласснаго городского училища съ двумя новыми языками и ремесленнымъ отдѣленіемъ; рязанскаго губернскаго собранія—о предоставленіи земству права имѣть своего инспектора сельскихъ школъ, назначаемаго земствомъ по соглашенію съ директоромъ народныхъ училищъ [1]); новооскольскаго уѣзднаго собранія—о предоставленіи членамъ училищнаго совѣта такихъ же правъ по отношенію къ начальнымъ образцовымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія, какія они имѣютъ по отношенію къ начальнымъ училищамъ, содержимымъ на счетъ обществъ съ субсидіями отъ земства.

О судьбѣ нѣкоторыхъ другихъ ходатайствъ трудно сказать что-ни-

[1]) На-дняхъ мы прочли въ газетахъ объ отклоненіи министерствомъ народнаго просвѣщенія — еще до происшедшей въ немъ перемѣны — этого ходатайства рязанскаго земства, причемъ министерство, вѣрное своему обычаю, объявило земству, что усиленіе надзора за школами можетъ быть достигнуто посредствомъ увеличенія, на счетъ земства, числа правительственныхъ инспекторовъ!

Digitized by Google

будь опредѣленное. Смоленское губернское собраніе просило о назначеніи правительствомъ пособія двухкласснымъ училищамъ, желающимъ устроить ремесленные классы; псковское уѣздное собраніе—объ обязаніи монастырей уступать безвозмездно имѣющіяся въ нихъ свободныя помѣщенія для устройства земствомъ благотворительныхъ или образовательныхъ заведеній; бердянское уѣздное собраніе—объ опредѣленіи начала и конца учебнаго года, равно какъ и порядка преподаванія въ начальныхъ училищахъ; воронежское губернское собраніе—о разрѣшеніи временнаго прикомандированія учителей начальныхъ училищъ къ учительской семинаріи, для слушанія лекцій и для практическихъ занятій; слободское уѣздное собраніе—объ открытіи при нѣкоторыхъ сельскихъ училищахъ народныхъ чтеній; алатырское уѣздное собраніе — о разрѣшеніи взимать въ пользу народныхъ школъ до 25% платы, получаемой сельскими обществами за открываемыя на ихъ земляхъ питейныя заведенія. Съ достовѣрностью предсказать успѣхъ можно было только ходатайствамъ владимірскаго губернскаго собранія объ увеличеніи числа инспекторовъ для владимірской губерніи, и уѣздныхъ собраній бердянскаго и чердынскаго — о назначеніи инспекторовъ въ уѣзды бердянскій и чердынскій, причемъ чердынское земство ассигновало изъ своихъ средствъ на содержаніе инспектора 1,500 рублей.

Въ одномъ случаѣ разрѣшеніе ходатайства о школѣ зависѣло отъ министерства государственныхъ имуществъ; рѣчь шла объ отводѣ мѣста подъ сельско-хозяйственную школу, учреждаемую константиноградскимъ земствомъ. Министерство разъяснило, что казенныя земли не отводятся для училищъ, устроиваемыхъ земствами и другими сословіями или общественными учрежденіями. Усилія нѣкоторыхъ земствъ были направлены къ уменьшенію вреда, сопряженнаго съ открытіемъ питейныхъ заведеній и усиленнымъ потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Чернское уѣздное собраніе ходатайствовало, въ 1876 г., о закрытіи кабаковъ во всемъ уѣздѣ, кромѣ города, впредь до урожая 1877 г.; казанское уѣздное собраніе—о воспрещеніи открывать въ селеніяхъ питейные дома съ продажею вина раздробительно, на мѣстѣ. Оба эти ходатайства правительствомъ отклонены. Отклонено также ходатайство симбирскаго губернскаго собранія о сдачѣ питейной торговли въ селеніяхъ посредствомъ гласныхъ, правильно организованныхъ торговъ,—а ходатайство его о томъ, чтобы разрѣшеніе продажи питей въ селеніяхъ зависѣло не отъ однихъ только сельскихъ обществъ, но и отъ другихъ землевладѣльцевъ, признано преждевременнымъ, въ виду предстоящаго общаго пересмотра правилъ о питейной торговлѣ. Темниковское уѣздное собраніе возбудило вопросъ объ ограниченіи права

Digitized by Google

открывать питейныя заведенія въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ на сельскихъ обществахъ числятся казенныя и земскія недоимки. Одобренное сорокскимъ уѣзднымъ собраніемъ ходатайство гласныхъ отъ сельскихъ обществъ о воспрещеніи продажи крѣпкихъ напитковъ въ уѣздѣ въ воскресные и праздничные дни отклонено министерствомъ финансовъ на томъ основаніи, что совершенное воспрещеніе питейной продажи во время праздниковъ, противорѣча народному обычаю именно въ подобные дни употреблять вино, могло бы дать поводъ къ безпорядкамъ и вызвать безпатентную продажу вина. Нижегородское губернское собраніе и уѣздныя собранія бѣлевское и сычевское высказались за право земства назначать сельскимъ обществамъ пособія на покрытіе расходовъ по высылкѣ порочныхъ людей. О принятіи строгихъ мѣръ противъ конокрадства ходатайствовали весьма многія земства (напр. херсонское, полтавское, калужское, таврическое), такъ что законъ, состоявшійся недавно по этому предмету—мнѣніе государственнаго совѣта, высочайше утвержденное 18 марта 1880-го г.—можетъ считаться исполненіемъ земскихъ желаній. Каждый разъ, когда будетъ признано, что виновный въ кражѣ лошади занимается конокрадствомъ въ видѣ промысла, онъ подвергается, по новому закону—независимо отъ цѣны украденнаго—такому наказанію, которое или прямо влечетъ за собою ссылку его въ Сибирь, или даетъ обществу право отказаться отъ принятія его обратно въ свою среду—и, слѣдовательно, также приводитъ къ ссылкѣ. Такое же наказаніе угрожаетъ лицамъ, занимающимся, въ видѣ промысла, скупомъ или сбытомъ завѣдомо-краденыхъ лошадей. Мы видимъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ усиленіе наказанія представляется цѣлесообразнымъ—хотя, безъ сомнѣнія, и недостаточнымъ для полнаго достиженія цѣли. Конокрадство—зло, крайне тяжело отзывающееся на нашемъ крестьянствѣ. Возвращеніе завѣдомаго и записного конокрада, послѣ кратковременнаго тюремнаго заключенія въ ту мѣстность, которая отъ него пострадала, угрожаетъ опасностью или этой мѣстности, или самому конокраду; случаи кровавой расправы съ конокрадами повторялись въ послѣднее время, какъ извѣстно, все чаще и чаще. Ссылка конокрада освобождаетъ его сожителей отъ неминуемаго почти вреда, его самого—отъ вѣроятнаго увѣчья или даже смерти. Въ менѣе важныхъ случаяхъ, т.-е. когда нѣтъ основаній видѣть въ виновномъ конокрада по профессіи, предметъ покражи—лошадь—является только обстоятельствомъ, увеличивающимъ мѣру наказанія. Весьма полезно также изъятіе дѣлъ о кражѣ лошадей и домашняго или рабочаго скота изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ, отъ которыхъ гораздо больше, чѣмъ отъ мировыхъ судей, можно ожидать потворства обвиняемымъ въ этомъ преступленіи.

Digitized by Google

Цѣлый рядъ земскихъ ходатайствъ направленъ къ измѣненію порядка отправленія конской повинности, къ установленію правилъ для лѣсоохраненія, къ распространенію обязательнаго страхованія отъ огня, къ допущенію взаимнаго между земствами перестрахованія, къ введенію обязательнаго страхованія скота отъ падежей. Другія ходатайства имѣютъ въ виду спеціально улучшеніе быта сельскаго населенія. О разсрочкѣ выкупныхъ платежей просили губернское земство орловское и уѣздныя смоленское, дорогобужское, аткарское и хоперское; ходатайство перваго изъ нихъ отклонено, о результатѣ другихъ въ „Ежегодникахъ“ нѣтъ свѣдѣній. Отклонено ходатайство смоленскаго губернскаго собранія о сложеніи съ крестьянъ всѣхъ казенныхъ платежей за 1875 г., уважено ходатайство бессарабскаго земства—объ отсрочкѣ во взысканіи ссудъ, выданныхъ крестьянамъ трехъ уѣздовъ изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала. Тверское уѣздное собраніе просило о переоцѣнкѣ земли въ бѣднѣйшихъ селеніяхъ двухъ волостей тверского уѣзда, съ цѣлью уменьшенія лежащихъ на нихъ выкупныхъ платежей, а также объ уступкѣ нѣкоторымъ изъ этихъ селеній, на правѣ пользованія, принадлежащаго казнѣ болота, въ размѣрѣ 1,200 десятинъ; издержки по осушенію этого болота земство изъявило готовность принять на себя. С.-Петербургское губернское собраніе ходатайствовало о присоединеніи къ числу предметовъ крестьянскаго хозяйства, не подлежащихъ продажѣ на пополненіе недоимокъ, того количества сѣна и сѣмяннаго хлѣба, которое необходимо для прокормленія скота и для обсѣмененія полей. С.-Петербургское уѣздное собраніе постановило возобновить отклоненное однажды ходатайство о разрѣшеніи ему употреблять проценты съ уѣзднаго продовольственнаго капитала (149,000 руб.) на улучшеніе сельскаго хозяйства крестьянъ с.-петербургскаго уѣзда. Вологодское губернское собраніе ходатайствовало передъ министерствомъ государственныхъ имуществъ о дозволеніи крестьянамъ расчистки лѣсныхъ пространствъ для пастьбы скота, на тѣхъ же условіяхъ, какія существуютъ въ лѣсахъ удѣльнаго вѣдомства. Министерство отвѣчало, что предоставленное бывшимъ государственнымъ крестьянамъ архангельской губерніи право расчистокъ въ казенныхъ лѣсахъ, на льготныхъ условіяхъ, могло бы быть распространено на крестьянъ вологодской губерніи не иначе, какъ по особому высочайшему повелѣнію, къ испрошенію котораго, за немотивированіемъ ходатайства, министерство затрудняется найти надлежащія основанія. Вятское губернское собраніе просило объ ускореніи устройства быта горнозаводскихъ крестьянъ вятской губерніи. Бердянское уѣздное собраніе высказалось за отмѣну запрещенія православнымъ наниматься въ работники къ молоканамъ. Въ смоленскомъ губернскомъ

Digitized by Google

собраніи уже въ 1876 г. возбужденъ былъ вопросъ объ организаціи мелкаго долгосрочнаго поземельнаго кредита. Наконецъ, раненбургское уѣздное собраніе обратилось къ рязанскому губернскому собранію съ просьбою возбудить ходатайство о податной реформѣ.

Изъ числа ходатайствъ, направленныхъ къ огражденію интересовъ землевладѣльцевъ, только два носятъ на себѣ слѣды антагонизма между различными классами общества; это — ходатайство острогожскаго уѣзднаго собранія о приравненіи похищенія лѣса къ кражѣ, и ходатайство саратовскаго уѣзднаго собранія о принятіи мѣръ къ предупрежденію самовольнаго нарушенія рабочими заключенныхъ ими съ нанимателями условій. Исключительно въ интересахъ меньшинства возникло ходатайство харьковскаго губернскаго собранія объ учрежденіи земскаго банка, съ обращеніемъ въ запасной его капиталъ 300,000 руб., принадлежащихъ богоугоднымъ заведеніямъ. Противъ этого ходатайства протестовали какъ уполномоченные отъ вѣдомствъ, государственныхъ имуществъ и удѣльнаго, такъ и гласный Кальве, указывая на то, что отвѣтственность за операціи банка не можетъ быть возлагаема на все земство, главные плательщики котораго, крестьяне, вовсе не будутъ пользоваться услугами банка. Губернскія земства воронежское и екатеринославское просили о предоставленіи землевладѣльцамъ неторговаго сословія права учитывать свои векселя въ государственномъ банкѣ и его отдѣленіяхъ, на что получили отвѣтъ, что при извѣстныхъ условіяхъ такой учетъ возможенъ и въ настоящее время. Смоленское земство просило объ отсрочкѣ продажи съ публичнаго торга помѣщичьихъ имѣній за долги сохранной казнѣ и государственному банку; ходатайство это было уважено, но съ тѣмъ, чтобы льгота была допущена не въ видѣ общей мѣры, а лишь для дѣйствительно нуждающихся заемщиковъ. Брянское уѣздное собраніе просило о выдачѣ нѣкоторымъ обѣднѣвшимъ землевладѣльцамъ ссуды изъ продовольственнаго капитала на тѣхъ же основаніяхъ, которыя установлены для крестьянъ.

Извѣстно, какой преградой къ развитію и успѣху земской дѣятельности служитъ недостаточность земскихъ средствъ, зависящая съ одной стороны отъ ограниченій принадлежащаго земству права обложенія, съ другой—отъ неисправнаго поступленія сборовъ и неравномѣрнаго распредѣленія вносимыхъ суммъ между земствомъ и казною. Устраненіе этихъ неблагопріятныхъ условій было предметомъ многихъ ходатайствъ земскихъ собраній. Костромское губернское собраніе просило объ удвоеніи земскаго сбора, взимаемаго въ настоящее время съ торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ и съ патентовъ на винокуренныя и питейныя заведенія. О томъ же ходатайствовало смоленское губернское собраніе, признававшее, сверхъ

Digitized by Google

того, необходимымъ привлечь къ обложенію земскимъ сборомъ: 1) всѣ бани и акціонерныя компаніи, находящіеся въ предѣлахъ губерніи; 2) кассы гласныхъ и негласныхъ ссудъ; 3) желѣзно-дорожные буфеты; 4) желѣзно-дорожныя строенія, 5) земли возлѣ желѣзно-дорожныхъ станцій, отдаваемыя въ наемъ, и 6) резервы полотна желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ на нихъ сѣются овощи и хлѣбъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ смоленское губернское собраніе просило: 1) доходы съ нотаріальныхъ актовъ на имущества, лежащія за городскою чертою, обращать въ пользу земства, а не города; 2) продажу игральныхъ картъ предоставить исключительно управамъ, со взысканіемъ въ пользу земства по 10 коп. съ каждой колоды, и 3) изъ жалованья служащихъ установить вычетъ въ пользу земства. Въ обезпеченіе своевременной уплаты земскихъ сборовъ губернскія земства, владимірское и костромское, просили о взиманіи пени со всѣхъ неисправныхъ плательщиковъ, кромѣ казны, а уѣздныя земства ветлужское, валдайское, порховское и лужское ходатайствовали о томъ же, не дѣлая исключенія въ пользу казны. Министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣчало костромскому земству, что въ министерствѣ возбужденъ общій вопросъ о мѣрахъ къ болѣе успѣшному поступленію земскихъ сборовъ, причемъ имѣется въ виду и предположеніе объ установленіи пени со всѣхъ предметовъ земскаго обложенія. Воронежское губернское собраніе и хвалынское уѣздное просили о томъ, чтобы вносимыя плательщиками суммы обращались прежде всего на покрытіе земскаго сбора, вятское губернское собраніе — о пропорціональномъ распредѣленіи ихъ между казною и земствомъ; на это послѣднее ходатайство полученъ отвѣтъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ въ виду измѣненіе закона о размѣрѣ платежей, подлежащихъ зачисленію въ земскіе сборы изъ суммъ, вносимыхъ плательщиками въ казначейства. Взысканіе недоимокъ бессарабское земство просило возложить на особыхъ земскихъ приставовъ, которые состояли бы въ непосредственномъ распоряженіи земства; нѣчто подобное предлагало и темниковское уѣздное собраніе, а соликамское уѣздное собраніе ходатайствовало о назначеніи для той же цѣли особыхъ чиновниковъ отъ правительства.

Бѣдное доходами, земство богато только обязательными расходами. Губернскія собранія екатеринославское, орловское и московское сдѣлали попытку освободиться отъ одного изъ нихъ—отъ пособія на содержаніе губернскаго статистическаго комитета. Въ ходатайствѣ екатеринославскаго земства по этому поводу указано было на полную неудовлетворительность работъ мѣстнаго комитета; въ ходатайствѣ московскаго земства—на предпринятый имъ самимъ обшир-

Digitized by Google

ный статистическій трудъ, съ затратой до 9500 рублей [1]). Ходатайство собраній екатеринославскаго и орловскаго отклонены; трудно ожидать, чтобы участь московскаго ходатайства была иная. Кирсановское уѣздное собраніе постановило возобновить ходатайство объ освобожденіи кирсановскаго земства отъ гарантіи, принятой имъ, вмѣстѣ съ саратовскимъ губернскимъ земствомъ, передъ обществомъ тамбовско-саратовской желѣзной дороги. Старорусское уѣздное собраніе просило о позволеніи ставить верстовые столбы некрашеные и произвольной формы.

Въ виду крайняго обремененія земства обязательными расходами и недостаточности средствъ на самые неотложные, хотя съ формальной стороны и необязательные расходы, нельзя было не удивляться желанію нѣкоторыхъ земствъ сдѣлать болѣе или менѣе значительныя пожертвованія изъ земскихъ суммъ на надобности, вызванныя послѣднею войною и даже на нужды балканскихъ славянъ. Желанія эти были отклоняемы правительствомъ, причемъ въ отвѣтѣ пермскому земству было прямо указано на то, что оно не въ состояніи удовлетворять даже мѣстныхъ потребностей, чему доказательствомъ служитъ отпускаемая, по его просьбѣ, правительственная субсидія въ 200,000 руб. на содержаніе въ исправности пермско-тюменскаго тракта.

Общая картина, слагающаяся изъ группированныхъ нами фактовъ, производитъ впечатлѣніе, благопріятное для земства. Несмотря на краткость времени, обнимаемаго нашимъ обзоромъ, земскія ходатайства, перечисленныя нами, касаются почти всѣхъ слабыхъ сторонъ земскаго устройства, заключаютъ въ себѣ множество указаній, съ помощью которыхъ теперь же могла бы быть осуществлена перемѣна къ лучшему въ положеніи земскихъ учрежденій — да и не однихъ только земскихъ учрежденій. Пониженіе ценза какъ для избранія въ гласные, такъ и для избранія въ мировые судьи; расширеніе условій, при которыхъ могутъ быть избираемы въ мировые судьи лица, не имѣющія установленнаго ценза; огражденіе независимости гласныхъ и нравственнаго достоинства земскихъ собраній; облегченіе для бѣднѣйшихъ изъ числа уѣздныхъ гласныхъ—т.-е. для крестьянъ—доступа въ губернскія собранія, въ которыхъ крестьянскій элементъ имѣетъ теперь такъ мало представителей; организація сношеній между земскими собраніями и совокупной дѣятельности ихъ для

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по московской губерніи, издаваемый московскимъ земствомъ, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ трудовъ этого рода и смѣло можетъ выдержать сравненіе съ лучшими оффиціальными изданіями.

Digitized by Google

достиженія общихъ цѣлей; расширеніе круга дѣйствій мировой юстиціи и приближеніе ея къ населенію; тѣсный союзъ администраціи и земства для борьбы съ заразительными болѣзнями; предоставленіе земству бо́льшаго простора въ области народнаго образованія; увеличеніе и упроченіе небольшихъ средствъ, которыми располагаетъ земство для исполненія своихъ трудныхъ и разнообразныхъ задачъ; уменьшеніе податного бремени, лежащаго на крестьянахъ — вотъ главные пункты программы, рельефно выдѣляющейся изъ массы земскихъ ходатайствъ. Каждый изъ этихъ пунктовъ дополняется остальными и въ свою очередь ихъ дополняетъ; внѣшней связи между ходатайствами нѣтъ никакой, но внутренняя связь ихъ несомнѣнна. Фальшивыхъ нотъ въ этомъ концертѣ мы слышали мало, хотя каждый инструментъ играетъ свою партію независимо отъ другихъ, и оркестръ не имѣетъ общаго дирижера. Не слѣдуетъ, притомъ, забывать, что многіе музыканты устали играть свои аріи, въ виду невниманія слушателей; что многіе мотивы, носящіеся въ воздухѣ, не могутъ быть розыграны громко, въ виду ограниченности разрѣшеннаго репертуара. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ земскія ходатайства выражаютъ собою едва ли половину тѣхъ желаній, которыя были бы высказаны земствомъ при другихъ, менѣе стѣснительныхъ условіяхъ.

Обращаясь къ отвѣтамъ на ходатайства, мы видимъ, что между ними преобладаютъ, на ряду съ отказомъ, ссылки на общій вопросъ, возбужденный и разработываемый или обсуждаемый въ правительственныхъ сферахъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ объ избирательномъ цензѣ, и вопросъ о порядкѣ избранія въ мировые судьи, и вопросъ о расширеніи круга дѣйствій мировыхъ учрежденій, и вопросъ о болѣе успѣшномъ поступленіи земскихъ сборовъ. Всѣ эти вопросы и многіе другіе были „возбуждены“, какъ оказывается, уже въ 1876 г., но ни одинъ изъ нихъ не разрѣшенъ, да, сколько извѣстно, и не близокъ къ разрѣшенію. Съ практической точки зрѣнія, такимъ образомъ, ссылка на общій вопросъ немногимъ отличается отъ простого отказа. Положимъ, однако, что самая важность упомянутыхъ нами вопросовъ не допускаетъ быстраго ихъ разрѣшенія, что въ медленномъ движеніи ихъ нельзя видѣть невниманія къ желаніямъ земства. Есть множество другихъ случаевъ, въ которыхъ удовлетвореніе земскихъ ходатайствъ не требовало бы ни общаго пересмотра цѣлой группы узаконеній, ни существенно-важнаго отступленія отъ однажды принятой системы— а между тѣмъ такія ходатайства, даже съ разныхъ сторонъ повторенныя, остаются неуваженными. Что́ могло бы, напримѣръ, помѣшать измѣненію порядка избранія въ непремѣнные члены уѣздныхъ

Digitized by Google

по крестьянскимъ дѣламъ присутствій? Положеніе 1874 г. объ этихъ присутствіяхъ вообще признается не достигающимъ своей цѣли; но если не легко замѣнить его другимъ, построеннымъ на новыхъ началахъ, то предоставить избраніе непремѣннаго члена уѣздному собранію, вмѣсто губернскаго, можно было бы безъ всякой ломки существующаго порядка. Мы знаемъ, что на этомъ настаиваютъ весьма многія земства — и это вполнѣ понятно, такъ какъ въ выборѣ должностного лица, дѣятельность котораго ограничена уѣздомъ [1]), уѣздное собраніе заинтересовано гораздо больше, чѣмъ губернское. Что могло бы, далѣе, помѣшать огражденію гласныхъ-крестьянъ, особенно на время сессіи, отъ произвола единоличной полицейской власти? Неужели арестованіе волостного старшины или сельскаго старосты за неуспѣшный сборъ недоимокъ, въ то самое время, когда онъ засѣдаетъ въ земскомъ собраніи или готовится туда поѣхать, представляется такимъ драгоцѣннымъ правомъ, отъ котораго и на время не можетъ отказаться администрація? Къ какимъ злоупотребленіямъ оно можетъ привести—это не требуетъ объясненія. Почему нельзя предоставить земству опредѣленіе мѣста пребыванія мировыхъ судей, такъ часто избираемаго ими, по взаимному соглашенію на съѣздѣ, согласно съ ихъ собственными удобствами, а не съ интересами подсуднаго имъ населенія? Чему или кому могло бы повредить право земства продавать или безплатно отпускать лекарства не только въ деревняхъ, но и въ городахъ? Чѣмъ можно объяснить устраненіе земства отъ участія въ возбужденномъ по его указанію изслѣдованіи дѣйствій желѣзно-дорожнаго общества? Такихъ вопросовъ мы могли бы сдѣлать очень много; матеріалъ для нихъ даетъ каждая страница нашей статьи. Въ „Ежегодникахъ“, къ сожалѣнію, рѣдко приводятся мотивы отказовъ; судя по нѣкоторымъ образцамъ, именно въ этихъ мотивахъ можно было бы найти много данныхъ для характеристики отношеній между администраціей и земствомъ. Мы видѣли уже, какая нота звучитъ въ нѣкоторыхъ мотивированныхъ отказахъ министерства народнаго просвѣщенія; мы видѣли, что ходатайство, идущее отъ гласныхъ-*крестьянъ*, отвергается министерствомъ финансовъ, какъ несовмѣстное съ *народнымъ* обычаемъ. Весьма замѣчательны также мотивы двухъ отказовъ министерства государственныхъ имуществъ. Земство проситъ объ отводѣ участка казенной земли подъ учреждаемую имъ сельско-хозяйственную школу; ему отвѣчаютъ, что казенныя земли не отводятся для училищъ, устроиваемыхъ земствами и другими сословіями или общественными учрежденіями. Такой от-

[1]) Всѣ приведенныя нами ходатайства относятся къ тѣмъ случаямъ, когда непремѣнный членъ избирается для одного уѣзда, а не для нѣсколькихъ.

Digitized by Google

вѣтъ былъ бы вполнѣ понятенъ, если бы онъ былъ данъ на *требованіе* земства, основанное на *минимумѣ* правъ; но онъ вовсе не соотвѣтствуетъ *просьбѣ*, основанной на общеполезномъ характерѣ учреждаемаго заведенія. Случаи отвода казенной земли подъ разныя заведенія, устроиваемыя сословіями или обществами, вовсе не столь рѣдки, чтобы константиноградское земство не могло надѣяться на удовлетвореніе своего скромнаго ходатайства [1]). Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что рѣчь шла о сельско-хозяйственной школѣ — а наше министерство государственныхъ имуществъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ министерство сельскаго хозяйства. Въ другомъ случаѣ поводомъ къ отказу со стороны министерства государственныхъ имуществъ послужило недостаточное мотивированіе ходатайства, клонившагося къ улучшенію быта вологодскихъ крестьянъ; но кому же неизвѣстно, насколько нуждается въ помощи крестьянское населеніе въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи?

Право ходатайства, предоставленное земству, чрезвычайно важно, особенно у насъ, какъ замѣна существующаго въ другихъ государствахъ широкаго права петиціи. Ограниченія, въ значительной степени парализующія его и уменьшающія возможную его пользу, коренятся не столько въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, сколько въ дополненіяхъ къ нему и въ административной практикѣ. Статья 2-я Положенія о земскихъ учрежденіяхъ дозволяетъ земству, правда, ходатайствовать только по предметамъ, касающимся *мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ* губерніи или уѣзда; но понятіе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ довольно эластично, широко-распространительное толкованіе его возможно и безъ измѣненія буквы закона. Безконтрольная, обширная власть, данная правилами 1867 г. предсѣдателю собранія, а отчасти и губернскому начальству—вотъ первое существенное препятствіе къ свободному пользованію правомъ ходатайства. Другимъ препятствіемъ является способъ обсужденія ходатайствъ, несовмѣстный съ всестороннимъ изслѣдованіемъ вопроса, исключающій всякую гласность, всякое соглашеніе между земствами различныхъ губерній. Отсюда не только возможность отказа въ ходатайствѣ, какъ нельзя болѣе основательномъ, но и возможность удовлетворенія ходатайства, противнаго правильно понятымъ интересамъ населенія. Мы видѣли, напримѣръ, что одно изъ земскихъ собраній ходатайствовало объ установленіи судебныхъ пошлинъ по гражданскимъ дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей. Весьма

---

[1]) Укажемъ, для примѣра, на частную с.-петербургскую земледѣльческую колонію для малолѣтнихъ преступниковъ, подъ которую отведено около 500 десятинъ казенной земли.

Digitized by Google

можетъ быть, что это ходатайство способствовало изданію закона 10 мая 1877 г., установившаго взиманіе судебныхъ пошлинъ въ мировыхъ учрежденіяхъ; между тѣмъ новый порядокъ служитъ только къ обремененію тяжущихся, не доставляя земству существенной статьи дохода, и нѣкоторыя земства возбуждаютъ уже вопросъ о его отмѣнѣ. Такіе случаи были бы невозможны или крайне рѣдки, если бы ходатайство одного земства разсматривалось предварительно особыми лицами ad hoc изъ среды другихъ собраній, и представлялось правительству уже съ ихъ заключеніемъ. Нравственное значеніе ходатайства, поддержаннаго всѣми или значительнымъ большинствомъ, было бы, конечно, совершенно иное, чѣмъ такое же значеніе теперешнихъ разрозненныхъ ходатайствъ, только въ исключительныхъ случаяхъ сосредоточивающихся на одномъ и томъ же предметѣ и относящихся къ нему съ одной и той же точки зрѣнія. Путемъ ходатайствъ правительство знакомится теперь съ единичными мнѣніями уѣзда, губерніи, изрѣдка—нѣсколькихъ губерній; тогда оно имѣло бы въ виду мнѣніе, провѣренное опытомъ лицъ, принадлежащихъ различнымъ мѣстностямъ Россіи.

А—н—

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1880.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ и теперь.—Смыслъ единодушія нашей печати по вопросамъ народнаго просвѣщенія, и выводъ изъ того въ „Спб. Вѣдомостяхъ".—По поводу приближающагося 50-лѣтія со времени основанія классической системы въ Россіи. — Сущность «системы графа Толстого», и задачи ближайшаго будущаго.—Пятнадцатилѣтіе нашей безцензурной печати.—Общее направленіе законодательства о печати, и практика съ 1865 по 1880 годъ.—Современное ея положеніе. — Обычныя возраженія противъ свободы печати и ея desiderata.

I.

Въ апрѣлѣ окончилось министерство графа Толстого, длившееся четырнадцать лѣтъ. Многое было высказано по этому поводу въ нашей печати, но, по справедливости, обо всемъ этомъ можно сказать одно, а именно, что и въ настоящемъ случаѣ уголъ паденія оказался равнымъ углу отраженія, и наоборотъ: уголъ отраженія былъ, какъ всегда, равенъ углу паденія. Между тѣмъ, „Московскія Вѣдомости" усмотрѣли тутъ какую-то „вакханалію" и „оргію": если ходить за примѣрами настоящихъ вакханалій и оргій, то нужно отступить на 14 лѣтъ назадъ отъ нашего времени, и читать эти же „Московскія Вѣдомости", какъ онѣ разсуждали о тогдашнемъ гимназическомъ и университетскомъ уставахъ, и о министерствѣ, при которомъ были Высочайше утверждены тотъ и другой. Впрочемъ, къ тому времени необходимо возвратиться вообще, если мы захотимъ понять все послѣдующее, включительно до тѣхъ результатовъ, къ которымъ мы пришли; начало, какъ увидимъ, совершенно соотвѣтствовало концу.

Въ майской книгѣ мы успѣли дать одинъ краткій отзывъ о предшествующемъ намъ періодѣ 14-ти лѣтъ, какъ о времени, когда у насъ проявлялось болѣе заботъ о „надзорѣ", который, несмотря на

Digitized by Google

громадные расходы, все оказывался недостаточнымъ и ни отчего не предохранялъ,—чѣмъ о широкомъ распространеніи самого просвѣщенія, этого лучшаго охранительнаго средства, съ которымъ не можетъ сравниться никакой, самый бдительный надзоръ. Все это, конечно, составляло весьма характеристическую черту пережитаго нами періода, но, во время самой своей дѣятельности, министерство вызывало гораздо болѣе сильные упреки совершенно по другому вопросу, благодаря тому, что среднее образованіе коснулось интересовъ интеллектуальныхъ классовъ, и, слѣдовательно, давало имъ чувствовать себя непосредственно—на своихъ дѣтяхъ. По той же причинѣ и чувство, возбужденное перемѣною, высказалось въ тѣхъ же классахъ общественныхъ, а не въ массахъ народныхъ, хотя ущербъ въ прошедшемъ все-таки отразился гораздо болѣе на послѣднихъ, чѣмъ на городскихъ сословіяхъ. Но и этотъ ущербъ тѣмъ не менѣе имѣетъ все право на вниманіе. Въ обществѣ и въ печати эта эпоха была извѣстна подъ условнымъ терминомъ: „классицизмъ", который и въ обществѣ, и въ печати, отличали отъ того, что̀ подъ этимъ разумѣютъ въ западной Европѣ. Вотъ, почему мы считаемъ долгомъ возвратиться къ тому же предмету, о которомъ успѣли дать только краткій отзывъ. Впрочемъ, эту эпоху не скоро забудетъ наше общество, да и новому управленію предстоитъ, по отношенію школьнаго дѣла, одна изъ тѣхъ работъ Геркулеса, которую онъ долженъ былъ считать если не самою трудною, то самою непріятною. Во всякомъ случаѣ, одного мѣсяца далеко недостаточно, чтобъ забыть цѣлыя 14 лѣтъ—и потерять къ этому времени интересъ.

Мы хорошо помнимъ самое начало бывшаго министерства, такъ какъ одновременно съ тѣмъ, весною 1866 года, вышла въ свѣтъ и первая книга „Вѣстника Европы"; это было наканунѣ первыхъ дней министерства гр. Толстого. Не задолго передъ тѣмъ, былъ Высочайше утвержденъ уставъ среднихъ учебныхъ заведеній и вступилъ въ дѣйствіе новый университетскій уставъ. И тотъ и другой вызывалъ тогда въ печати сильную и неустанную полемику, или, вѣрнѣе сказать, ничѣмъ необузданное нападеніе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, со стороны „Московскихъ Вѣдомостей", редакторы которыхъ имѣли въ виду, съ одной стороны, основаніе собственнаго лицея, по собственному плану, а съ другой — начинавшіяся личныя непріязненныя отношенія къ мѣстному университету. Если въ послѣдніе три-четыре мѣсяца предъ увольненіемъ графа Толстого, наша печать предавалась невольному безмолвію, — то 14 лѣтъ тому назадъ, въ послѣдніе мѣсяцы предъ увольненіемъ А. В. Головнина, „Московскія Вѣдомости" представили такіе образчики полемики, какіе послѣ уже не встрѣчались въ нашей печати. Въ ту

Digitized by Google

пору „Московскимъ Вѣдомостямъ“ не приходило и на мысль—и совершенно справедливо,—что гимназическій и университетскій уставы, какъ Высочайше утвержденные, не могутъ быть приписаны А. В. Головнину, — но за то нынѣче (№ 125), въ виду всего высказаннаго печатью по поводу отставки графа Толстого, онѣ позволили себѣ безпримѣрно-неприличный и недобросовѣстный поступокъ, сказавъ: „Реформа, исполненная бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, *не можетъ быть приписана ему*, какъ не можетъ быть приписана Ростовцеву реформа, освободившая крестьянъ: и то и другое было дѣломъ Верховной Власти, управляющей судьбами Россіи“. Но, во-первыхъ, уставы прежняго министерства имѣли тотъ же источникъ, и это нисколько не мѣшало тѣмъ же „Московскимъ Вѣдомостямъ“ нападать на него и на тогдашняго министра въ такой формѣ и съ такими лично-оскорбительными пріемами, о которыхъ теперь никто и не подумаетъ; а во-вторыхъ, неужели какой-нибудь архитекторъ можетъ, по теоріи „Московскихъ Вѣдомостей“, осмѣлиться снимать съ себя хотя долю отвѣтственности, вслѣдствіе того, что его планъ былъ Высочайше утвержденъ, а, между тѣмъ, по какой-нибудь технической ошибкѣ и неумѣлости исполненія, зданіе оказалось неудовлетворительнымъ. Мы энергически протестуемъ противъ такой недостойной казуистики, какую позволили себѣ „Московскія Вѣдомости“; въ глазахъ народа и общества, Верховная власть имѣетъ только одну заботу, ей одной и доступную—общее благо, а неудача въ исполненіи ложится всей своею тяжестью на непосредственныхъ исполнителей. Потому Верховная власть всегда и остается выше всякихъ сужденій, выше всякаго суда; но критика исполненія разрѣшена и нашими законами, такъ какъ она относится только къ орудіямъ Верховной власти, но никогда къ ней самой.

Среди поднятаго тогда „Московскими Вѣдомостями“ вопля и брани противъ составителей гимназическаго и университетскаго уставовъ, суждено было явиться первой книгѣ нашего журнала. Общество въ высшей степени было заинтересовано судьбою этихъ уставовъ, и новый журналъ не могъ не высказать въ первый же день своего существованія мнѣнія по такому важному предмету. Дѣйствительно, въ „Хроникѣ“ первой книги нашего журнала, во главѣ ея и былъ поставленъ вопросъ: „о *мѣстѣ* классическаго образованія въ общемъ ходѣ народной образованности“. Въ то время, именно вопросъ о „мѣстѣ“ и составлялъ центръ, около котораго вращались всѣ споры. Въ заключеніе статьи, нашъ журналъ резюмировалъ свой взглядъ на сущность дѣла слѣдующимъ образомъ, подавшимъ впослѣдствіи поводъ нашимъ противникамъ объявить журналъ враждебнымъ классицизму:

Digitized by Google

„1) Въ исторіи образованности каждаго человѣческаго общества должно непремѣнно *удѣлить мѣсто классическому обученію* и всему тому, что̀ его обусловливаетъ.

„2) Учебныя заведенія для тѣхъ классовъ населенія, которымъ дозволяютъ экономическія условія пользоваться ими, должны служить *средствомъ* къ поддержанію изученія классическихъ языковъ въ странѣ, но *не убивать своими преимуществами, притомъ вовсе не образовательнаго характера, другія заведенія, непосредственно полезныя для общества, какъ-то реальныя*".

Вотъ, точка зрѣнія, установленная нашимъ журналомъ 14 лѣтъ тому назадъ, при появленіи первой его книги въ свѣтъ, ровно за мѣсяцъ до начала министерства графа Толстого; отъ этой точки зрѣнія журналъ не отступалъ ни на шагъ до самаго конца борьбы въ 1871 году, и въ слѣдующій затѣмъ періодъ, когда борьба должна была уступить мѣсто критикѣ. Вышеприведенныя нами слова, сказанныя еще при министерствѣ А. В. Головнина, относились тогда къ его же гимназическому уставу, и второй пунктъ указывалъ именно на одинъ изъ недостатковъ этого устава—неопредѣленность значенія тогдашнихъ реальныхъ гимназій, не связанныхъ тѣсно съ общею школьною системою, какъ то сдѣлано было вполнѣ для классическихъ гимназій. Но наши противники усматривали въ томъ же уставѣ болѣе чѣмъ одинъ недостатокъ, и притомъ по другимъ соображеніямъ: они требовали, чтобы классическому образованію было отдано *все*, и чтобы оно совсѣмъ убило своими преимуществами только-что основанныя тогдашнимъ министерствомъ реальныя гимназіи. Конечно, въ сущности, какъ то обнаружилось впослѣдствіи, для нашихъ журнальныхъ противниковъ дѣло шло не о мѣстѣ для классическаго образованія, а о мѣстахъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, предсѣдателей и членовъ комитетовъ, ожидаемыхъ въ случаѣ паденія министерства и назначенія новаго; гг. Болеславы Маркевичи, Георгіевскіе и всѣ чающіе движенія воды усердно начали посылать въ Москву „съ береговъ Невы" свои филиппики противъ обоихъ уставовъ. Не будемъ предвосхищать у будущихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ издателей „Русской Старины", ихъ матеріаловъ; со временемъ они найдутъ для себя обильную жатву въ эпохѣ борьбы „классиковъ" и „реалистовъ", между 1866 г. и 1871 г., когда, какъ теперь сдѣлалось ясно, настоящими *реалистами*, т.-е. людьми преслѣдовавшими свои личные интересы, были классики, а *классиками* были реалисты, въ томъ смыслѣ, что они оставались на слишкомъ идеальной точкѣ зрѣнія и думали, что и для противниковъ реализма дѣло идетъ о дѣлѣ и о выгодахъ общества и страны.

При самомъ началѣ полемики, 14 лѣтъ тому назадъ, наши про-

Digitized by Google

тивники, по поводу выхода первой книги и вышеприведенныхъ въ ней словъ, заявили, что „Вѣстникъ Европы“ поставилъ себѣ цѣлью „укоренять сбивчивость понятій“ и „положить свой камышекъ на пути нашей педагогіи къ здравымъ началамъ“. Но по мѣрѣ того, какъ нашъ журналъ вслѣдъ затѣмъ продолжалъ развивать свою первоначальную мысль, и въ редакціонныхъ статьяхъ, и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ своихъ сотрудниковъ, по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ общественнаго и народнаго образованія,—и наши противники переходили все къ болѣе и болѣе высокимъ нотамъ; легкія укоризны за подкладываніе „камышковъ“ начали замѣняться все болѣе и болѣе крупными и тяжеловѣсными обвиненіями—до государственной измѣны включительно.

Въ 1871 г., борьба, съ утвержденіемъ новаго гимназическаго устава, естественно, прекратилась: нашъ журналъ, какъ мы упомянули, замѣнилъ съ того времени полемику критикою самаго исполненія устава, и указывалъ съ одной стороны необходимость нѣкоторыхъ поправокъ, вызванныхъ практикою дѣла, а съ другой стороны—предостерегалъ отъ вредныхъ послѣдствій, къ какимъ можетъ привести система, или, правильнѣе сказать, новая политика министерства. Въ этотъ новый періодъ нашихъ отношеній къ вопросамъ народнаго просвѣщенія, матадоры изъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ уже достигли своихъ мѣстъ въ министерствѣ, и съ того времени къ статьямъ „съ береговъ Невы“ на Страстномъ бульварѣ, присоединились посылаемыя въ нашу сторону и обязательныя для насъ „разъясненія“, писанныя, судя по слогу и пріемамъ, тѣми же руками, какими писались статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а иногда даже и въ „Kölnische Zeitung“, откуда потомъ переводились здѣсь въ качествѣ яко-бы безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ мнѣній иностранцевъ о дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Все это заключилось тѣмъ, что въ ноябрѣ прошедшаго года мы получили послѣднее „Разъясненіе“, которое на половину было наполнено превознесеніемъ заслугъ и громадныхъ результатовъ дѣятельности министерства, а наполовину — необычными выраженіями неудовольствія противъ насъ. Можно было подумать, что это „Разъясненіе“ первоначально готовилось, въ видѣ передовой статьи, для „Московскихъ Вѣдомостей“. Не болѣе какъ за пять мѣсяцевъ до перемѣны министерства, авторы „Разъясненія“ утверждали, что успѣхи, достигнутые классицизмомъ, „въ настоящее время, уже столь значительны, что приводятъ въ изумленіе лицъ, далеко не сочувствующихъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе новаго устава“; а нѣсколько ниже, въ заключеніи, прямо признавалась „громадность достигнутыхъ успѣховъ преподаванія въ гимназіяхъ“. Обо всемъ

Digitized by Google

этомъ нашъ же журналъ и долженъ былъ возвѣстить за пять мѣсяцевъ до перемѣны,—а вотъ что было сказано объ этомъ же самомъ предметѣ, пять дней спустя послѣ отставки графа Толстого и притомъ людьми, которыхъ сами „Московскія Вѣдомости“ не могли бы заподозрить въ томъ, въ чемъ онѣ такъ часто заподозриваютъ всѣхъ своихъ противниковъ. Въ „Берегѣ“, отъ 26 и 27 апрѣля, не только не высказывалось „изумленіе“ предъ „громадностью успѣховъ преподаванія въ гимназіяхъ“, но эти успѣхи приравнивались нулю, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ставились ниже нуля: „Реформа (гимназій) совершилась,—говоритъ „Берегъ“—но совершилась больше *на бумагѣ*, чѣмъ въ дѣйствительности, не столько для дѣла, сколько *для виду*“. А вотъ и общій выводъ, сдѣланный газетою изъ всего сказаннаго ею о гимназіяхъ—и надобно прибавить: сказаннаго на основаніи тутъ же приведенныхъ документовъ: „Этотъ общій выводъ можетъ быть означенъ однимъ словомъ: *деморализація* (курсивъ въ подлинникѣ). *Деморализованъ* составъ учащихъ,—они не вѣрятъ въ смыслъ и серьёзность своего дѣла, случайно попали на свои мѣста, заняты соображеніями не педагогическаго, а совсѣмъ другого свойства. *Деморализуются* ученики“ и т. д. и т. д.

Правда, это—обвинительный актъ уже не противъ бывшаго министерства народнаго просвѣщенія, а противъ всей русской печати: что же она дѣлала 14 лѣтъ въ виду того, что на ея глазахъ совершалась „бумажная“ реформа, реформа „для виду“, и вела она, эта реформа, къ „деморализаціи“ и учащихся, и самихъ учащихъ? Почему же печать, и мы вмѣстѣ съ нею, не указали всего этого своевременно,—чѣмъ содѣйствовали бы къ исправленію дѣла въ его началѣ, а заговорили болѣе рѣшительно только по пословицѣ: „послѣ ужина горчица?“ Но, задаваясь такими вопросами, мы вступаемъ въ другую область—въ обсужденіе условій дѣятельности нашей печати—о чемъ будетъ сказано ниже. Несомнѣнно теперь только одно, что все то, что въ послѣднемъ „Разъясненіи“ министерство называло съ нашей стороны „недоброжелательствомъ“, „превратностью“, „неприличіемъ“, „агитаціею“, „неблаговидными выходками“ и т. д.—все это было не чѣмъ инымъ, какъ только, независимо отъ нашей воли, весьма блѣднымъ, робкимъ и осторожнымъ указаніемъ на недостатки нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній,—если только сравнить все, что мы говорили въ теченіи 14 лѣтъ, съ приговоромъ въ „Берегѣ“: „бумажная реформа“, гдѣ все дѣлалось „для виду“; всеобщая „деморализація“! Въ томъ же „Разъясненіи“, авторы его обращались къ намъ съ совѣтомъ „не касаться тлетворными руками“ такой струны, какъ школа; а теперь оказывается, что вина была вовсе не съ нашей стороны: вовсе не печать внесла въ школу „деморализацію“, какъ

Digitized by Google

утверждаютъ въ томъ же „Разъясненіи“ [1]),—причину ея слѣдовало искать, по словамъ „Берега“—ближе.

Но, конечно, хуже всего то, что въ то самое время, когда насъ обвиняли публично въ „невнимательномъ чтеніи“ отчетовъ и въ неправильномъ выводѣ изъ нихъ о плохихъ успѣхахъ преподаванія латинскаго и греческаго языковъ въ гимназіяхъ,—изъ негласныхъ документовъ знали очень хорошо, какъ теперь оказывается, что журналъ былъ вполнѣ правъ въ своихъ выводахъ. Тотъ же „Берегъ“ публиковалъ теперь одинъ изъ такихъ негласныхъ документовъ, который былъ напечатанъ въ 40 экземплярахъ: это болѣе откровенный рефератъ одного изъ „спеціалистовъ“ одесскаго университета, „такъ хорошо памятныхъ—прибавляетъ „Берегъ“—напр., редакціи „Вѣстника Европы“,—и этотъ рефератъ былъ напечатанъ въ особой „Выпискѣ“ изъ протоколовъ совѣта попечителя одесскаго учебнаго округа. По словамъ „Выписки“, успѣхи въ латинскомъ языкѣ выражаются тѣмъ, что въ гимназіяхъ, изъ 11, отмѣтка *пять* совсѣмъ не встрѣчается, а въ одной нѣтъ даже и *четверки;* по греческому языку то же самое, съ тѣмъ только различіемъ, что отмѣтка *четыре* не встрѣчается въ двухъ гимназіяхъ, а не въ одной. О письменныхъ работахъ по классическимъ языкамъ рефератъ даетъ еще менѣе лестный отзывъ; но, по введенному обычаю, это нисколько не мѣшаетъ ему заключить свой отзывъ такъ: „нельзя (!) сомнѣваться въ томъ, что преподаваніе греческаго языка въ гимназіяхъ одесскаго округа, заявившее себя въ столь короткое время (8 лѣтъ!!) такимъ существеннымъ (!!!) успѣхомъ, дастъ еще болѣе благопріятный результатъ въ непродолжительномъ будущемъ“.

„Счастливъ кто вѣруетъ,
„Тепло ему на свѣтѣ —

а „тепла“ ради, чего не въ состояніи высказать усердный служитель, знающій, какіе выводы болѣе желательны, и какіе—менѣе!

Все это повторяется въ недавно появившейся статьѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (апрѣль), подъ громкимъ заглавіемъ: „Успѣхи греческаго языка и литературы въ Россіи за послѣднее 25-лѣтіе“. Въ школьной литературѣ, литературѣ учебниковъ, лексиконовъ—одни переводы и передѣлки съ нѣмецкаго, свидѣтельствующіе, конечно, объ успѣхахъ не въ греческомъ, а въ нѣмецкомъ языкѣ; „что же

[1]) „Профессоры университетовъ—говорилось въ „Разъясненіи“—приписывали эти выходки (гимназистовъ, въ ихъ письменныхъ отвѣтахъ) вліянію на юношество журналовъ дурного направленія“,—но эти профессора, разсуждая такъ, вѣроятно, были „заняты соображеніями не педагогическаго, а совсѣмъ другого свойства“, какъ замѣчаетъ „Берегъ“, указывая на деморализацію сословія самихъ учащихъ.

Digitized by Google

касается ученыхъ трудовъ, вышедшихъ у насъ по греческой филологіи за послѣднее время, то ихъ, конечно, не много"—заключаетъ авторъ упомянутой статьи, и тѣмъ не менѣе пишетъ о предметѣ, который, по его собственному сознанію, пока не представляетъ и матеріала у насъ. Но дѣло все въ заглавіи: пусть успѣховъ у насъ нѣтъ, но за то есть статья объ успѣхахъ!

Такъ мало-по-малу создавалось у насъ въ теченіи 14 лѣтъ убѣжденіе, что въ нашихъ гимназіяхъ укореняется новая система, а въ ней, по словамъ „Берега", все сводилось—„къ созданію мнимыхъ призраковъ несуществующей дѣйствительности, къ благополучному состоянію на бумагѣ; важны не дѣловые результаты, а показаніе кажущихся успѣховъ предъ кѣмъ слѣдуетъ. Между тѣмъ, мѣста греческаго и латинскаго языковъ обставлены такими матеріальными выгодами и разными заманчивыми перспективами (бо́льшее число уроковъ, при поурочной платѣ, предпочтеніе при назначеніяхъ на мѣста директора, инспектора, класснаго наставника), что эти мѣста—самая чувствительная приманка, какъ разъ для такихъ личностей, которыми руководитъ больше любовь къ усиленному окладу и казенной квартирѣ, чѣмъ платоническое пристрастіе къ *древнимъ*. Тутъ невольно вспоминаются учителя-чехи, классики, такъ сказать, по прирожденію и происхожденію"... „Рѣдкій изъ нихъ относится къ своему дѣлу такъ, какъ относился бы къ нему у себя на родинѣ. Въ Россію онъ пріѣхалъ дѣлать карьеру и дѣлаетъ ее всѣми доступными средствами; между прочимъ, слишкомъ широкая практика даванія частныхъ уроковъ—любимое занятіе этихъ авантюристовъ".

Справедливость требуетъ къ этому прибавить, что самъ вышеупомянутый авторъ „Выписки" вовсе не чехъ, а это служитъ доказательствомъ, что „авантюристовъ" нашлось бы у насъ самихъ не мало и безъ чеховъ; не чехи также издавали „Московскія Вѣдомости".

Нашъ журналъ не разъ, въ теченіи 14 лѣтъ, высказывалъ скромно, отдаленными намеками, подобные взгляды на искусственность „успѣховъ" классической системы; но, конечно выражаться такъ опредѣленно и ясно, какъ выразился теперь „Берегъ", было бы для насъ неудобно,—и тѣмъ не менѣе, мы, равно какъ и другіе, обязаны были у себя же печатать различныя возраженія и опроверженія, и только теперь „Берегъ", уже заднимъ числомъ, удостовѣряетъ, что и „при оцѣнкѣ *исполненія* (курсивъ въ подлинникѣ) нынѣшней учебной системы, *нельзя вполнѣ полагаться* на тѣ данныя, какія заключаются въ разныхъ опубликованныхъ отчетахъ, вѣдомостяхъ, циркулярахъ, *возраженіяхъ*, *опроверженіяхъ*",—однимъ словомъ, всего того, что

Digitized by Google

намъ приходилось печатать не разъ. Предостереженіе—будущимъ историкамъ пережитой нами эпохи народнаго просвѣщенія.

Но и несмотря на такое рѣшительное предостереженіе, будущіе историки все-таки могутъ если не впасть въ ошибку, то, по крайней мѣрѣ, очутиться, повидимому, въ безъисходномъ лабиринтѣ, если они прочтутъ все сказанное печатью въ напутствіе бывшему министерству народнаго просвѣщенія. За весьма небольшими исключеніями, и при одномъ различіи въ силѣ экспрессіи, всѣ говорили на одну тэму съ „Берегомъ", и это однако не препятствовало всѣмъ въ одинъ голосъ возставать противъ новой „ломки" въ учебномъ дѣлѣ — а слѣдовательно, всѣ говорили въ пользу сохраненія системы графа Толстого; если мы не сказали того же въ нашей майской замѣткѣ, то только потому, что эту мысль выражали и прежде не разъ, и не далѣе, какъ въ нашемъ декабрьскомъ „Объясненіи". До какой степени такое отношеніе нашей печати къ факту перемѣны министерства можетъ ввести въ намѣренное или ненамѣренное заблужденіе—образчикомъ того можетъ служить совершившееся на нашихъ глазахъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости", въ № 115, отъ 27 апрѣля, въ виду всего того, что было высказано въ печати вслѣдъ за отставкою гр. Толстого, не безъ основанія, какъ подумаетъ иной—но едва ли и сама газета такъ думаетъ—восклицаютъ:

„Выходъ въ отставку графа Толстого составляетъ *величайшее торжество* для него! Теперь, и именно только теперь, онъ пожинаетъ лавры (статья „Берега" была уже напечатана) своей многолѣтней и многотрудной борьбы. Выходъ его въ отставку есть не паденіе, а *побѣда*, и при томъ *наиболѣе блистательная*. Всѣ, кто до сихъ поръ нападалъ на его систему, сложили въ настоящее время оружіе и, точно сговорились, хоромъ поютъ, что система, проведенная графомъ Толстымъ и такъ энергично, въ теченіи 14-ти лѣтъ, защищаемая имъ противъ всѣхъ нападокъ и общества, и печати, и даже государственныхъ людей, эта система—должна оставаться неизмѣнною и впредь, разумѣется, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, вызываемыхъ потребностями времени...

„Итакъ, наконецъ, только теперь всѣ какъ-бы *прозрѣли*. Систему графа Толстого преслѣдовали (?!) всѣми способами, пока онъ проводилъ, защищалъ и отстаивалъ, съ твердостію и настойчивостью, небывалою (!) въ лѣтописяхъ русскихъ министровъ. Когда же, съ назначеніемъ новаго министра, явилось подозрѣніе, что не поведетъ ли это къ перемѣнѣ самой системы воспитанія, тогда всѣ, въ одинъ голосъ, стали ее восхвалять, оправдывать, защищать, и всѣ въ одинъ голосъ *молятъ* объ оставленіи ея неприкосновенною! Значитъ, *сознали ея необходимость и достоинства*. Это общее сознаніе досто-

Digitized by Google

инствъ и необходимости системы воспитанія, проведенной графомъ Толстымъ, должно послужить лучшею ему наградою за всѣ его неустанные труды и за всю тяжесть борьбы, съ такимъ достоинствомъ (?) выдержанной имъ въ теченіи 14-ти-лѣтней дѣятельности на этомъ плодотворномъ поприщѣ...“

Итакъ, всѣ „значитъ, сознали необходимость и достоинства системы воспитанія, проведенной гр. Толстымъ“—вотъ какой выводъ сдѣлали уже современники изъ всего сказаннаго нашею печатью, по поводу перемѣны въ министерствѣ. Но это требуетъ внимательнаго разъясненія, такъ какъ тутъ вопросъ идетъ уже не о прошедшемъ, а о будущемъ, что̀ несравненно болѣе интересно. Намъ говорятъ, что печать выразила горячее желаніе, чтобы наше прошедшее, по системѣ просвѣщенія, сдѣлалось нашимъ будущимъ, „за исключеніемъ нѣкоторыхъ *частностей*, вызываемыхъ потребностями времени“—замѣчаютъ снисходительно „С.-Петербургскія Вѣдомости“, и, конечно, разумѣютъ подъ „частностями“ перемѣны кантовъ на воротникахъ, или что-нибудь подобное. Дѣло прежде всего въ томъ, что наша печать, по печальной необходимости, грѣшитъ тѣмъ, что рѣдко называетъ вещи ихъ именами, выражается недостаточно ясно и опредѣленно; и только въ силу этого обстоятельства „С.-Петербургскія Вѣдомости“ могли вывести изъ сказаннаго въ нашей печати нѣчто похожее на „торжество“ прошедшаго и „мольбу“ о неприкосновенности творенія,—правда, безъ малѣйшихъ сожалѣній объ удаленіи творца. Уже одно это послѣднее обстоятельство намекаетъ на то, что тутъ что-нибудь да не такъ, и намъ кажется, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“ воспользовались только тѣмъ, что наша печать говорила, и притомъ весьма основательно, противъ „ломки“, но никогда не договаривала до конца—чего именно? Для того, чтобы договорить все до конца, необходимо было бы предварительно съ точностью опредѣлить, въ чемъ же собственно состояло то, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“ называютъ „системою графа Толстого“; было ли въ ней что-нибудь оригинальное, новое, отличающее эту систему отъ всякой прочей системы,—и что̀ именно? Намъ кажется, въ правильной постановкѣ этого вопроса лежитъ ключъ къ будущему и его главнымъ задачамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе настоящаго смысла всего, что хотѣла выразить печать, говоря противъ „ломки“.

Digitized by Google

II.

Въ отношеніи среднихъ учебныхъ заведеній подъ „системою графа Толстого“ разумѣли „классическую“ систему — и до такой степени эти два выраженія отождествились, что выходитъ, какъ будто графъ Толстой впервые ввелъ классицизмъ въ русскую школу и былъ его, такъ сказать, основателемъ. Наши противники, хорошо зная, что въ такой формѣ защищать этотъ тэзисъ нельзя, безъ явнаго оскорбленія истины, обыкновенно выражаются такъ, что гр. Толстой ввелъ въ Россіи *настоящій* классицизмъ. Это обязуетъ насъ, хотя на минуту, стать на точку зрѣнія противниковъ и разсмотрѣть, въ строгихъ предѣлахъ фактической стороны самого вопроса, въ чемъ состоитъ этотъ „настоящій“ классицизмъ, и что̀ именно нужно было предпринять, чтобы добыть его изъ не-настоящаго? Знакомому, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ, съ исторіею просвѣщенія въ Россіи, извѣстно, что „латынь и греки“ участвуютъ въ нашей школѣ весьма давно, лѣтъ двѣсти, со временъ кіевской академіи и славяно-греко-латинской—въ Москвѣ, но тутъ еще нѣтъ и рѣчи о „классицизмѣ“, какъ системѣ свѣтскихъ школъ. Въ западной Европѣ эта система сложилась вполнѣ въ реформаціонную эпоху, вытѣснившую схоластику съ ея латынью и положившую начало изученію свѣтской литературы и искусства языческаго міра грековъ и римлянъ. Россія не участвовала въ этомъ колоссальномъ умственномъ переворотѣ, и только въ концѣ прошедшаго столѣтія у насъ обнаружились первые слѣды желанія воспользоваться готовыми плодами, добытыми западной Европой изъ изученія классическаго міра. Честь введенія классицизма въ нашу школу, а слѣдовательно и честь основателя классической системы, принадлежитъ безспорно графу Уварову, который, еще въ 20-хъ годахъ, будучи попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, оказывалъ покровительство обученію древнимъ языкамъ въ духѣ западно-европейской школы, а не въ формѣ мертвящей схоластики. Сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія въ 1833 году, и оставаясь на своемъ постѣ 14 лѣтъ, онъ первый положилъ классицизмъ въ основаніе всей своей школьной системы. Особенно онъ покровительствовалъ греческому языку, и далъ обучавшимся ему весьма существенную въ то время привилегію. Со времени Уварова, въ теченіе почти 50-ти лѣтъ, эта система, несмотря на событія 1848 г., не прекращалась, а въ 60-хъ гг., при А. В. Головнинѣ, новый тогда гимназическій уставъ возвратилъ ей всю ея прежнюю силу, съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія требовались новѣйшими успѣхами школьнаго дѣла во всемъ образованномъ мірѣ. Оставалось

Digitized by Google

затѣмъ примѣнить этотъ уставъ во всей строгости и развивать постепенно его положенія, соразмѣрно наличнымъ преподавательскимъ средствамъ и согласно дальнѣйшимъ успѣхамъ школьнаго дѣла, особенно въ Германіи. Новое министерство, вмѣсто такой организаціонной работы, задалось мыслью уничтожить всѣ слѣды дѣятельности своего предшественника — а это самое опасное дѣло въ вопросахъ народнаго просвѣщенія — и началó съ уничтоженія гимназическаго устава, выросшаго изъ Уваровской системы. Какая же система была поставлена вмѣсто того? Если мы сравнимъ новую „систему графа Толстого“ съ системою Уварова и продолжавшею ее системою Головнина, то мы должны будемъ сознаться, что первая получилась изъ Уваровской, посредствомъ простого помноженія числа уроковъ латинскаго и греческаго языка для однихъ классовъ гимназіи на цифру 3, а для другихъ — чуть не на 4. Но одно простое ариѳметическое дѣйствіе не можетъ быть названо не только новою „системою“, но и системою вообще. Или иначе легко было бы плодить системы до безконечности; стóитъ помножить число уроковъ латинскихъ и греческихъ на цифру 5 или 6,—и вотъ мы сдѣлаемся творцами новой системы, которая должна быть признана превосходящею „систему графа Толстого“, такъ какъ мы совсѣмъ тогда уничтожили бы преподаваніе, напримѣръ, русскаго языка. Итакъ, существенное въ „системѣ графа Толстого“ состояло въ томъ, что было сдѣлано уже Уваровымъ—и вотъ именно къ этому могли относиться „мольбы“ печати, когда она въ одинъ голосъ выражала желаніе не дѣлать никакой „ломки“; но, конечно, печать не имѣла при этомъ въ виду сохраненія самаго множителя того ариѳметическаго дѣйствія, посредствомъ котораго получилась „система гр. Толстого“. Что мы не ошибаемся въ своемъ предположеніи, это видно уже изъ того, что тѣ же газеты, которыя настаивали на status quo, тутъ же выражали надежду, что въ будущемъ „примѣненіе“ системы будетъ значительно облегчено; что главные новые языки вступятъ въ свои права, что нравственно-религіозное обученіе, русскій языкъ и литература займутъ въ школѣ опять почетное мѣсто, такъ что воспитанники столичныхъ гимназій не будутъ, какъ свидѣтельствуетъ и „Берегъ“, отвѣчать на вопросъ: кто̀ лучшій въ наше время писатель?—Португаловъ!

Итакъ, если бы наша печать договаривала до конца, то она сказала бы: никто не желаетъ „ломки“,—именно такой ломки, какой мы были свидѣтелями въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ; классическая система, какъ система, должна оставаться въ силѣ, но сила ея состоитъ не въ ариѳметическомъ дѣйствіи надъ числомъ уроковъ, а въ разумности преподаванія и въ его духѣ; не въ рекрутированіи учителей греческаго и латинскаго языка въ Чехіи, а въ постепенномъ подго-

Digitized by Google

товленіи наилучшаго персонала преподавателей: десятокъ отличныхъ изъ нихъ сдѣлаютъ пользы болѣе, чѣмъ сотня, собранная отвсюду; не въ искусственномъ наполненіи университетскихъ аудиторій плохо приготовленными воспитанниками семинарій, для прикрытія недочета, а въ полномъ преобразованіи семинарій; не въ низведеніи нравственно-религіознаго обученія и преподаванія русскаго языка, исторіи, географіи и новыхъ языковъ на степень второстепенныхъ предметовъ, и т. д. Вводить классицизмъ подъ такими условіями, значило бы то же, что вводить желѣзныя дороги со всею ихъ обстановкою, а въ паровозъ запрягать лошадей, пуская дымъ въ трубу, такъ чтобы издалека казалось, что идетъ поѣздъ желѣзной дороги. Безъ сомнѣнія, когда „Берегъ“ говорилъ, что „при такихъ условіяхъ, понятно, что въ дѣлѣ преподаванія классическихъ языковъ, все сводится (при бывшемъ министерствѣ) къ созданію мнимыхъ призраковъ несуществующей дѣйствительности, къ благополучному обстоянію на бумагѣ“—говоря такъ, редакція могла имѣть въ виду представленную нами картину поѣзда желѣзной дороги, влекомой лошадьми, или что-нибудь подобное. Можно ли думать, что печать, возставая противъ „ломки“, имѣла въ виду и сохраненіе тѣхъ „условій“, при которыхъ мы пришли прямо къ противоположному результату, а именно, къ дискредитированію классицизма въ глазахъ общества и къ неосновательному, по сущности, сомнѣнію въ его пользѣ.

Но вотъ гдѣ мы должны признать не только существованіе, но и всю силу „системы гр. Толстого“. Въ вопросахъ народнаго образованія мы, дѣйствительно, были свидѣтелями систематическаго образа дѣйствій. Никакъ нельзя сказать, чтобы бывшее министерство поставило себѣ цѣлью, подобно Августу, принявшему Римъ кирпичнымъ, и оставившему послѣ себя мраморнымъ,—принять Россію чуть не безграмотною, и оставить ее грамотною. Тѣ затрудненія, на которыя мы въ свое время, хотя и осторожно, но указывали, а особенно тѣ, на которыя мы не могли указать, и какія встрѣчали земства и городскія общества въ своемъ стремленіи къ развитію народнаго образованія,—не говорятъ ничего о присутствіи вышеупомянутаго самолюбія. Недавно приведенный нами примѣръ въ исторіи городскихъ училищъ С.-Петербурга—еще не самый рельефный. Учительскія семинаріи въ началѣ совершенно отвергались, а въ концѣ—ставилось это дѣло такъ, что многія земства закрыли свои семинаріи. Для школы важенъ не одинъ учитель, а и учебники; но и въ этомъ отношеніи у насъ представленъ выше въ „Литературномъ Обозрѣніи“ (стр. 719) наглядный примѣръ, въ какомъ положеніи находится у насъ важное дѣло составленія учебниковъ, и до чего оно доведено уничтоженіемъ конкурренціи въ этомъ отношеніи: члены ученаго комитета министерства народ-

Digitized by Google

наго просвѣщенія, рѣшающаго вопросъ о годности или негодности книгъ, являлись во многихъ случаяхъ вмѣстѣ—и ихъ авторами: весьма выгодное и удобное положеніе, но не для учебниковъ и не для учащихся, даже не для учащихъ! Не будемъ повторять о „надзорѣ", стоющемъ сотни тысячъ. У насъ о немъ говорилось не разъ, и не два; никто не можетъ возставать противъ правительственнаго надзора,—такой надзоръ необходимъ, какъ руководство — содѣйствіе, направленіе, устраненіе препятствій, поощреніе,—а надзоръ и слѣдуетъ понимать только въ этомъ смыслѣ. Если печать и говорила противъ „ломки", то, конечно, она имѣла въ виду не сохраненіе прежнихъ отношеній къ вопросамъ народнаго просвѣщенія.

Точно также, если печать единодушно говорила противъ „ломки" и въ отношеніи классицизма, то она этимъ хотѣла выразить желаніе сохранить систему, которая давно положена въ основаніе нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а не ея условія,—и ничего въ настоящую минуту мы не желали бы, какъ того, чтобы къ 1883 году, когда исполнится 50-лѣтіе со времени вступленія въ министерство основателя классической системы, въ обществѣ возвратилось то полное довѣріе къ ней, какимъ она пользовалась до министерства гр. Толстого. Такое довѣріе возвратится само собою легко, если только въ исполненіе ея будетъ положена мысль о необходимости принять въ соображеніе, что общество, конечно, интересуется самою системою, но оно особенно интересуется тѣмъ, чтобъ дѣти выходили изъ средней школы въ наибольшемъ числѣ, а не въ количествѣ 4 или 5 человѣкъ изъ ста, и чтобы даже тѣ ихъ нихъ, которые оставили бы школу на полудорогѣ, не остановились бы на какой-нибудь страницѣ латинской грамматики. Вся бѣда до сихъ поръ, главнымъ образомъ, происходила отъ того, что старались въ гимназіи начать изученіе древнихъ языковъ какъ можно раньше: это было превосходно для тѣхъ 4 или 5 человѣкъ изо ста, которые кончатъ курсъ въ гимназіи и затѣмъ еще пойдутъ въ университетъ; но при чемъ тутъ останутся болѣе 90 человѣкъ „классическихъ недоучекъ?" Средство къ избѣжанію этого, очевиднаго зла весьма простое: если нельзя его совсѣмъ избѣгнуть, то нужно довести до минимума; классическое обученіе должно начинаться съ того класса, въ которомъ цифра выбывающихъ перестаетъ сильно колебаться, и затѣмъ классъ идетъ довольно ровно до самаго выпуска. Если, напр., начать съ III класса, то число „классическихъ недоучекъ" падетъ тотчасъ же на разницу между числомъ поступившихъ въ первый классъ и числомъ перешедшихъ въ третій.

Весь теперь вопросъ состоитъ въ томъ: такія перемѣны и имъ подобныя составляютъ ли тѣ „частности, вызываемыя потребностями времени", которыя, какъ мы видѣли, допускаются „Спб. Вѣдо-

Digitized by Google

мостями", или же такія перемѣны будутъ названы ломкою системы? Вопросъ и можетъ состоять только въ этомъ.

Но, какъ мы уже сказали, надобно строго отличать „систему" и ея „выполненіе": къ понятію системы относится самое положеніе въ основаніе школы *раціональнаго* обученія древнимъ языкамъ; „выполненіе" же всякой системы можетъ быть всегда только болѣе или менѣе цѣлесообразнымъ. Отрицаніе „ломки" относится къ первой сторонѣ дѣла, т.-е. къ самой системѣ; вторая же—„выполненіе"—подлежитъ перемѣнамъ—и это такъ вѣрно, что въ послѣдніе годы само бывшее министерство народнаго просвѣщенія начало дѣлать частныя послабленія въ прежнихъ своихъ преувеличенныхъ требованіяхъ относительно классицизма. Вотъ почему мы и можемъ заключить все сказанное нами пожеланіемъ, чтобы новое министерство народнаго просвѣщенія, не ограничиваясь отрицательною стороною дѣла, — воздержаніемъ отъ „ломки", — продолжало путь, начатый уже самимъ бывшимъ министерствомъ въ формѣ смягченій своихъ прежнихъ требованій, и обратилось бы къ постепенному введенію классицизма въ ту норму, при которой дозволено будетъ позаботиться и о другихъ не менѣе важныхъ предметахъ преподаванія; классицизмъ, повторяемъ высказанное нами 14 лѣтъ тому назадъ, не долженъ „убивать своими преимуществами, притомъ вовсе не образовательнаго характера, другія заведенія, непосредственно полезныя для общества, какъ-то реальныя".

Отъ преобразованій окончившагося періода уцѣлѣлъ одинъ университетскій уставъ прежняго министерства—въ томъ, правда, смыслѣ, что онъ не былъ замѣненъ новымъ; но, конечно, самое приведеніе его въ исполненіе тѣми же, кто стремился въ теченіи восьми послѣднихъ лѣтъ къ его уничтоженію, не могло быть ни точнымъ, ни благопріятнымъ. Въ этомъ отчасти заключается одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности на практикѣ послѣдняго устава, такъ что одно болѣе точное и болѣе благопріятное отношеніе къ нему могло бы уже привести къ инымъ результатамъ. Впрочемъ, это справедливо можно сказать и обо всемъ школьномъ дѣлѣ: оно всегда нуждается скорѣе въ новыхъ, лучшихъ людяхъ, чѣмъ въ новыхъ, лучшихъ уставахъ. Вотъ почему и мы не настаиваемъ особенно на университетскомъ вопросѣ; притомъ, въ свое время нашъ журналъ посвятилъ ему особенно много мѣста, и здѣсь кстати будетъ упомянуть о тѣхъ статьяхъ, которыя, можно сказать, почти исчерпали университетскій вопросъ и разсмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, въ ту эпоху, когда „Московскія Вѣдомости" (если употребить ихъ любимое выраженіе) расшатывали основы Высочайше утвержденнаго устава университетовъ. Таковы были статьи проф. В. И. Герье: „Универ-

Digitized by Google

ситетскій вопросъ" (1873 г., апр., 818 стр.); „Свѣтъ и тѣни университетскаго быта" (1876 г., февр., 646 стр.); „Наука и государство. По поводу статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ": „Къ университетскому вопросу" (1876 г., окт., 768 стр., и нояб., 344 стр.). Къ этимъ статьямъ мы должны присоединить и другія, подписанныя буквами В. Н., но присланныя намъ также изъ Москвы: „Ученый диспутъ въ Москвѣ, въ связи съ университетскимъ вопросомъ" (1875, іюнь, 900 стр.); „Нашъ аргонавтъ". По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Любимова въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1875 г., авг., 741 стр.); „Вопросные пункты". По поводу пересмотра университетскаго устава (1876 г., янв., 269 стр.).

Но какъ бы мы ни цѣнили высоко университетское образованіе, какое бы мѣсто мы ни отводили классицизму, т.-е. среднему образованію,—еще несравненно значительнѣе для насъ *народное* просвѣщеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оставимъ въ сторонѣ западную Европу,—намъ предстоитъ еще догнать въ этомъ отношеніи свой Остзейскій край и Привислянскія губерніи, которыя намъ предъявляютъ съ своей стороны весьма укоризненныя цифры. Почти наканунѣ отставки гр. Толстого, въ январьской книгѣ, у насъ была помѣщена особая статья, подведшая итоги нашему народному просвѣщенію за послѣднее время [1]).

Вотъ то сравнительное положеніе, въ какомъ приблизительно принимаетъ народное просвѣщеніе въ свои руки новое министерство:

Въ 1874 г., въ европейской Россіи обучающихся обоего пола было до 1.440,000.

На 1000 жителей обоего пола обучалось въ школахъ вообще:

Въ 47 губерн. европ. Россіи.	17,2
„ Привислянскихъ. . . .	31,6 или почти *вдвое* болѣе, и
„ Прибалтійскихъ	79,2 или *въ четыре* съ $^1/_2$ раза болѣе!!

Новый министръ народнаго просвѣщенія еще недавно управлялъ счастливымъ краемъ, гдѣ на 1000 жителей обучаются въ школѣ почти 80 человѣкъ; всякій искренно пожелаетъ новому министерству—довести хотя бы до половины этой цифры число учащихся въ коренныхъ губерніяхъ страны. И для достиженія всего этого нужно приложить не столько денегъ, сколько души и доброй воли.

---

[1]) „Общая картина народнаго просвѣщенія въ Европейской Россіи", янв., 367 стр.

Digitized by Google

III.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось пятнадцать лѣтъ со времени изданія закона 6 апрѣля 1865 г., положившаго основаніе русской безцензурной печати. Законъ этотъ съ самаго начала имѣлъ значеніе временной, переходной мѣры. Поставить печать исключительно подъ власть суда онъ не могъ тогда уже потому, что старый судъ не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, а новый, только-что созданный въ принципѣ уставами 20-го ноября 1864 г., не былъ еще осуществленъ на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, непосредственный переходъ отъ цензуры къ свободѣ печати, ограниченной только закономъ, представлялся слишкомъ рѣзкимъ, почти опаснымъ. На эти два обстоятельства—переходное положеніе судебной части и необходимость дальнѣйшихъ указаній опыта—было указано оффиціально при самомъ обнародованіи закона 6-го апрѣля; ими объяснялась та двойственность, которую онъ вносилъ въ положеніе русской печати. Всего естественнѣе было ожидать, что съ устраненіемъ причинъ устранятся и послѣдствія; что печать будетъ освобождена отъ административнаго произвола, какъ только утвердится новый судъ и обнаружится на практикѣ достаточность законныхъ мѣръ къ предупрежденію злоупотребленій печатнымъ словомъ. Ожиданіямъ этимъ до сихъ поръ не суждено было сбыться; исторія русскаго законодательства о печати за послѣднее пятнадцатилѣтіе представляетъ цѣлый рядъ ничѣмъ не уравновѣшиваемыхъ ограниченій и стѣсненій, такъ что чувствительною перемѣной къ лучшему было бы теперь даже простое возвращеніе къ закону 6-го апрѣля. Къ числу административныхъ взысканій, установленныхъ этимъ закономъ, присоединилось въ 1868 г. воспрещеніе розничной продажи, въ послѣднее время—воспрещеніе печатать объявленія. Воспрещеніе журналамъ и газетамъ касаться тѣхъ или другихъ вопросовъ, практиковавшееся издавна, формально узаконено въ 1873 г. Единственный отдѣлъ литературы, которому въ 1865 г. предоставлена была полная независимость отъ администраціи—выходящія въ столицахъ, не періодически, сочиненія значительнаго объема (болѣе 10 или 20 печатныхъ листовъ, смотря по тому, оригинальныя ли они или переводныя), въ 1872 г. сдѣланъ вполнѣ отъ нея зависимымъ, причемъ постигшая его невзгода распространена также и на часть періодической прессы.

Этотъ громадный, постоянно пополняемый арсеналъ карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ казался иногда все еще недостаточнымъ; не говоря уже о безусловномъ подчиненіи печати, въ апрѣлѣ 1879 г., усмотрѣнію временныхъ генералъ-губернаторовъ (къ счастію, не вос-

Digitized by Google

пользовавшихся почти вовсе данною имъ въ этомъ отношеніи властью), даже въ обыкновенное, несмутное время встрѣчались случаи запрещенія журналовъ внѣ установленнаго закономъ порядка. Въ направленіи благопріятномъ для печати не сдѣлано было, наоборотъ, ни одного шага; пробѣлы закона 6-го апрѣля остались невосполненными, сфера примѣненія его—крайне ограниченною. Провинціальная печать по прежнему безправна, спеціальныя цензуры—духовная, театральная и иностранная—по прежнему полновластны; дѣйствіе предостереженій по прежнему не погашается никакою давностью. Роль суда по дѣламъ печати доведена до минимума; въ его вѣдѣніи оставлены, de facto, только процессы о диффамаціи и клеветѣ противъ частныхъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ. Какъ широка, наоборотъ, область примѣненія административныхъ мѣръ взысканія—объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цифры, заимствуемыя нами изъ „Отголосковъ“ и „Молвы“. Въ четырнадцать съ небольшимъ лѣтъ, истекшихъ со времени введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля, по 1-ое января 1880 г., предостереженій было дано 167; пріостановлено было 52 изданія, въ общей сложности, на 13 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Случаевъ запрещенія розничной продажи, съ 1872 по 1879 годъ было 60. Спеціально въ 1879 г. предостереженій было дано 14, пріостановлено было семь изданій (одно изъ нихъ — два раза); розничная продажа была запрещена на время шести газетамъ (причемъ для одной изъ нихъ — для „Голоса“ — запрещеніе продолжалось болѣе полугода!), печатаніе объявленій—одной газетѣ. Для сравненія съ 1879-мъ г. приведемъ 1872-ой, въ теченіе котораго было дано только два предостереженія и два раза запрещена розничная продажа. Прибавимъ къ этому, что въ первые три мѣсяца текущаго года—до перемѣны въ личномъ составѣ главнаго управленія по дѣламъ печати—предостереженій было четыре, причемъ изданіе одного журнала пріостановлено на три мѣсяца, розничная продажа воспрещена была одинъ разъ, печатаніе объявленій —два раза (оба раза „Голосу“, который съ 1-го января по 15-ое мая пользовался правомъ печатать объявленія не болѣе полутора мѣсяца). Къ статистикѣ административныхъ взысканій за 1879 г. „Отголоски“ присоединяютъ отъ себя заключеніе, по меньшей мѣрѣ неожиданное со стороны одного изъ органовъ печати: „Мы думаемъ“—говорятъ они—„что при данномъ государственномъ и общественномъ строѣ Россіи нѣтъ правильнаго основанія желать законовъ болѣе льготнаго и ожидать болѣе льготнаго его примѣненія“. Несмотря на блаженство, обѣщанное еще Кантемиромъ для тѣхъ, кто „въ сей жизни малымъ доволенъ“, мы никакъ не можемъ ограничить наши желанія скромною мѣркою „Отголосковъ“. Современное поло-

Digitized by Google

женіе русской печати кажется намъ все-таки тяжелымъ и ненормальнымъ, какимъ оно было уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Потребность въ бо́льшей обезпеченности и прочности, въ законныхъ гарантіяхъ, въ освобожденіи отъ произвола чувствуется теперь столь же сильно, какъ и въ 1865 г.—или лучше сказать, еще сильнѣе, сообразно съ большею зрѣлостью русскаго общества и русской печати.

„Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати—сказано было въ нашемъ журналѣ еще одиннадцать лѣтъ тому назадъ [1]),— представляется явнымъ отступленіемъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ, въ бо́льшей или меньшей степени, основанъ государственный бытъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что карательная власть должна принадлежать только суду, а не администраціи; что никакое наказаніе не должно быть налагаемо безъ выслушанія оправданій обвиняемаго; что наказаніе должно падать *только* на виновнаго, должно имѣть по возможности личный характеръ; что извѣстное дѣйствіе наказуемо лишь тогда, когда оно запрещено уголовнымъ закономъ; что никто не можетъ быть въ одно и то же время обвинителемъ и судьею, еще менѣе—судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Система административныхъ взысканій идетъ наперекоръ всѣмъ этимъ началамъ. Она облекаетъ администрацію правомъ налагать наказанія безъ суда, собственною властью. Административнымъ взысканіямъ не предшествуетъ истребованіе объясненій отъ обвиняемыхъ; они не допускаютъ ни защиты прежде приговора, ни жалобы на приговоръ. Они падаютъ съ одинаковой силой на виновныхъ и на невинныхъ. Они не ограничиваются извѣстной, заранѣе опредѣленной сферой правонарушеній; граница, за которою возникаетъ возможность отвѣтственности, измѣняется чуть ли не съ каждымъ днемъ, и никогда не бываетъ общею для всѣхъ періодическихъ изданій. Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда печать обсуждаетъ образъ дѣйствій администраціи, послѣдняя является судьею оскорбленій, ей самой нанесенныхъ".

Ко всѣмъ этимъ чертамъ слѣдуетъ прибавить еще одну, весьма существенную: административная власть надъ печатью не можетъ укладываться ни въ какія рамки, легко переступаетъ пограничныя линіи, ею самою проведенныя, неизбѣжно стремится къ возможно бо́льшему простору, къ возможно большей безконтрольности, — таково свойство всякой неопредѣленной власти, но нигдѣ оно не проявляется такъ ярко, какъ именно въ дѣлахъ печати. Когда во Франціи, въ 1852 г., въ первый разъ вводилась въ

[1]) Въ статьѣ „Русскіе законы о печати" („Вѣстникъ Европы", 1869 года, №№ 4 и 6.

Digitized by Google

дѣйствіе система административныхъ предостереженій, авторъ ея, Персиньи, спѣшилъ заявить, что она угрожаетъ только изданіямъ, безусловно враждебнымъ правительству—но это не мѣшаетъ ему и его преемникамъ сыпать предостереженіями налѣво—и даже направо, подвергать имъ всякую сколько-нибудь независимую газету, всякую статью, сколько-нибудь непріятную для администраціи. Въ 1860 г., вслѣдъ за изданіемъ извѣстныхъ ноябрьскихъ декретовъ, Персиньи обѣщаетъ новую эру для печати, объявляя, что отнынѣ единственнымъ законнымъ поводомъ къ предостереженіямъ будутъ служить явныя нападенія на династію или на основы существующаго порядка вещей, а не порицаніе администраціи, какъ бы рѣзка ни была его форма; но обѣщаніе это остается мертвою буквой, и предостереженія, вплоть до самой ихъ отмѣны въ 1868 г., продолжаютъ падать и на такія газеты, какъ оффиціозная „France", и на такія статьи, какъ строго-объективный, дѣловой обзоръ французскихъ финансовъ. То же самое мы видимъ и у себя дома. Въ журналѣ коммиссіи, работами которой былъ подготовленъ законъ 6-го апрѣля, высказано слѣдующее общее положеніе: „Административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и почти *единственный* случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ-называемое вредное направленіе". Какъ ни эластично понятіе о вредномъ направленіи, оно предполагаетъ во всякомъ случаѣ цѣлый рядъ статей, написанныхъ въ одномъ и томъ же духѣ, обращенныхъ противъ основныхъ началъ государственнаго и общественнаго устройства, или, по меньшей мѣрѣ, противъ господствующей системы управленія. Между тѣмъ, административнымъ взысканіямъ подвергались и подвергаются у насъ весьма часто отдѣльныя статьи, вовсе не выражающія собою направленія журнала, подвергались и подвергаются изданія, о *вредномъ направленіи* которыхъ не можетъ быть и рѣчи. Припомнимъ, напримѣръ судьбу „Москвы" и „Бесѣды", припомнимъ, что въ 1866 г. были запрещены на время даже.... „Московскія Вѣдомости"!

Еще характеристичнѣе, съ занимающей насъ точки зрѣнія, исторія позднѣйшихъ узаконеній о печати, 1872 и 1873 гг. Въ законѣ 1872 г. обращаетъ на себя вниманіе прежде всего разногласіе между мотивами и диспозитивною частью: первые касаются исключительно не-періодическихъ изданій—послѣдняя захватываетъ собою, кромѣ того, значительную часть періодической прессы. „Облегченіе для книгъ извѣстнаго объема"—читаемъ мы въ мотивахъ—„признано было возможнымъ въ томъ преимущественно предположеніи, что онѣ, по содержанію своему, принадлежатъ обыкновенно къ литературѣ серьёзной, обращающейся къ болѣе зрѣлымъ умамъ, и по самой цѣнѣ, не будучи

Digitized by Google

доступны распространенію въ массѣ малообразованныхъ читателей, не могутъ съ удобствомъ служить орудіемъ вредной пропаганды. Въ послѣдніе годы, однако, неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящихся ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямаго нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ, достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальною цѣлью распространять лжеученія между учащеюся молодежью, и въ этихъ видахъ нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за треть или четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій". На основаніи этихъ, и *только этихъ*, соображеній признано было необходимымъ дополнить законъ 6 апрѣля опредѣленіемъ порядка дѣйствій высшей административной власти въ случаѣ распространенія разрушительныхъ ученій какъ въ освобожденныхъ отъ предварительной цензуры книгахъ, *такъ и въ періодическихъ изданіяхъ, которыя по характеру своему болѣе подходятъ подъ разрядъ книгъ* (а именно тѣхъ: которыя выходятъ рѣже одного раза въ недѣлю). По отношенію къ этимъ двумъ категоріямъ произведеній печати, министру внутреннихъ дѣлъ дано одно и то же право—право задерживать ихъ выпускъ, съ представленіемъ комитету министровъ объ окончательномъ ихъ воспрещеніи.

Итакъ, новая мѣра строгости противъ періодическихъ изданій, выходящихъ рѣже чѣмъ разъ въ недѣлю, была вызвана единственно внѣшнимъ сходствомъ ихъ съ книгами. Ни изъ чего не видно, чтобы журналы были распространяемы по дешевой цѣнѣ въ средѣ учащейся молодежи, съ цѣлью политической или иной пропаганды, ни изъ чего не видно, чтобы какое-либо изъ числа періодическихъ изданій преслѣдовало задачи въ родѣ тѣхъ, которыя приписаны нѣкоторымъ вышедшимъ до 1872 г. книгамъ. Если и допустить, что судебное преслѣдованіе книгъ, „колеблющихъ коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка", могло оказаться безсильнымъ, правительство—безоружнымъ противъ заключающагося въ нихъ зла, то во всякомъ случаѣ нельзя было сказать того же самаго о журналахъ, подчиненныхъ, и по закону 6 апрѣля, дискреціонной административной власти. Какимъ образомъ могла появиться и восторжествовать

Digitized by Google

мысль, что журналъ, судьба котораго въ рукахъ администраціи, все еще недостаточно отъ нея зависимъ, что общественное спокойствіе требуетъ права уничтожать тотъ или другой нумеръ журнала и безъ предварительныхъ предостереженій? Какимъ образомъ могло быть упущено изъ виду, что съ 1866-го по 1872-ой годъ только однажды былъ найденъ поводъ къ судебному преслѣдованію журнала — и то безъ наложенія предварительнаго ареста, — что для предположенія о возможности безнаказаннаго напечатанія въ журналѣ статьи безусловно опасной и вредной не было рѣшительно никакихъ фактическихъ основаній? Объяснить все это можно только указанною нами особенностью дискреціонной власти надъ печатью. Пойдемъ далѣе; посмотримъ, какъ примѣнялся на практикѣ законъ 1872 г. Вспоминая его мотивы, слѣдуетъ предположить, что чрезвычайная власть приводилась въ движеніе только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, что задержанію и уничтоженію книга или нумеръ журнала подвергались лишь тогда, когда въ нихъ усматривалось отрицаніе религіи, оскорбленіе нравственности или нападеніе на основы государственнаго и общественнаго порядка. Для полной, всесторонней провѣрки этого предположенія у насъ, къ сожалѣнію, недостаетъ данныхъ; списокъ уничтоженныхъ книгъ или журнальныхъ статей не печатается во всеобщее свѣдѣніе. Мы знаемъ, однако, что въ числѣ уничтоженныхъ статей московскаго журнала „Бесѣда“ находилась статья о настоящемъ положеніи женскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, конечно, не угрожавшая опасностью ни религіи, ни нравственности, ни обществу, ни государству; что въ 1877 г. былъ уничтоженъ историческій романъ, безпрепятственно напечатанный въ 1879-мъ г. и касающійся событій прошлаго вѣка. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какимъ образомъ оружіе, данное противъ врага, можетъ легко обращаться въ орудіе для домашняго обихода, въ способъ заглушать не только опасное, но и всякое почему-нибудь и кому-нибудь лично непріятное слово.

Обращаясь къ закону 1873 г., мы находимъ опять то же различіе между идеей и исполненіемъ. „Если по соображеніямъ высшаго правительства“—сказано въ этомъ законѣ—„найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ“. Уже изъ текста закона можно вывести заключеніе, что онъ имѣетъ въ виду только экстренные случаи, въ которыхъ обсужденіе или оглашеніе извѣстной правительственной мѣры могло бы принести существенный вредъ государству.

Digitized by Google

Мотивы закона вполнѣ подтверждаютъ это заключеніе. Новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ. „Нѣтъ сомнѣнія, что *органы печати, правильно понимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и сами собою, безъ всякаго принужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства.* Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ совершенно исключительнымъ — однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ—случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ *отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности*". Въ другомъ мѣстѣ мотивовъ говорится о такихъ вопросахъ внѣшней или внутренней политики, *гласное обсужденіе которыхъ могло бы быть сопряжено съ вредомъ для государства.* Отсюда ясно, что при изданіи закона имѣлись въ виду такіе случаи, какъ, напримѣръ, приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ, вооруженіе тѣхъ или другихъ крѣпостей, предполагаемое заключеніе внѣшняго или внутренняго займа, предполагаемое принятіе мѣры, преждевременное оглашеніе которой можетъ вызвать панику или ложные слухи и т. п. Только въ такихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, можетъ идти рѣчь, съ одной стороны, о вредѣ гласности для государства, съ другой — о сознаніи самими органами печати необходимости молчанія и *нравственной* отвѣтственности за нескромное его нарушеніе. Существенно важнымъ признакомъ примѣнимости закона представляется также *временный* характеръ обстоятельствъ, обусловливающихъ молчаніе; если обстоятельствамъ этимъ не предвидится конца, то молчаніе и не должно быть налагаемо на печать. Положимъ, напримѣръ, что извѣстное учрежденіе существуетъ уже давно, что ему ни извнѣ, ни извнутри не угрожаетъ и не можетъ угрожать нападеніе, что оно дѣйствуетъ на глазахъ у всѣхъ и неизбѣжно возбуждаетъ разнорѣчивыя сужденія. Откуда можетъ явиться *свободное* убѣжденіе въ необходимости молчанія объ этомъ учрежденіи, какъ можетъ быть установлена исходная и предѣльная точка молчанія? Гдѣ немыслимо добровольное воздержаніе отъ критики, тамъ, по смыслу закона 1873 г., не должно быть мѣста и для принудительнаго прекращенія ея. А между тѣмъ теперь уже не тайна, что въ послѣднее время изъято было изъ обсужденія устройство нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, или, лучше сказать, допущены были хвалебные о нихъ отзывы, но запрещены критическіе, какъ бы вѣски послѣдніе ни были по существу, какъ бы сдержанны ни были по формѣ. Напрасно было бы искать *чрезвычайныхъ обстоятельствъ*, въ силу которыхъ обсужденіе гимназическаго устава угрожало бы *вредомъ или опасностью для государства;* напрасно было бы искать

Digitized by Google

нравственныхъ побужденій, въ силу которыхъ органы печати могли бы сами наложить на себя молчаніе по этому предмету; напрасно было бы искать естественныхъ границъ для запрещенія, не основаннаго на реальныхъ и несомнѣнныхъ фактахъ. Мѣра, установленная въ видахъ охраны *государства*, обращается, такимъ образомъ, въ мѣру охраны *вѣдомства*—охраны его отъ критики, можетъ быть не безполезной для цѣлаго, но докучливой для одной его части. Таковъ неизбѣжный результатъ неопредѣленнаго закона, примѣненіе котораго предоставлено не поддающейся никакимъ опредѣленіямъ и систематически уклоняющейся отъ нихъ администраціи. Когда выборъ между возраженіемъ, въ свою очередь допускающимъ опроверженіе, и абсолютнымъ veto не подчиненъ никакой регламентаціи и никакому контролю, онъ непремѣнно склоняется въ сторону, болѣе удобную для администраціи.

Расширяя свои предѣлы и свои полномочія, административная власть по дѣламъ печати можетъ выработывать, вмѣстѣ съ тѣмъ, такіе пріемы, такія формы, при которыхъ устраняется или до крайности съуживается гласность предпринимаемыхъ дѣйствій или по меньшей мѣрѣ лежащихъ въ основаніи ихъ соображеній. Прежде предостереженія были мотивируемы, хотя и весьма скудно (указаніемъ, напримѣръ, на „стремленіе изображать въ неблагопріятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ Россіи“ или на „сопоставленіе земскихъ учрежденій съ правительственными властями, обвиняемыми въ произволѣ или неисполненіи закона“); въ послѣднее время они не мотировались вовсе и ограничивались указаніемъ на статью журнала или газеты, служащую поводомъ къ административной карѣ. Въ распоряженіяхъ, которыми воспрещалась розничная продажа или печатаніе объявленій, не содержалось даже и такого указанія; редактору или издателю предоставлялось угадывать, за что именно на него обрушилась кара, или узнавать о томъ окольными путями, а читающая публика оставалась въ полномъ недоумѣніи по этому предмету. Понятно, съ какими удобствами для одной стороны, съ какими неудобствами—для другой, сопряжена такая система. Пока предостереженія были мотивируемы, администрація, по собственнымъ словамъ ея (см. „Сѣверную Почту“ конца 1867 г.), „взвѣшивала неудобства, сопряженныя съ предостереженіемъ и возбуждаемыми имъ толками“, и давала предостереженіе лишь тогда, когда поводы къ нему представлялись сильнѣе, чѣмъ эти неудобства. И дѣйствительно, мотивированное предостереженіе неизбѣжно вызывало повѣрку его мотивовъ съ содержаніемъ статьи, причемъ легко могло оказаться полное несоотвѣтствіе между первыми и послѣднимъ; иногда оно вызывало также вопросъ, почему указанное въ предостереженіи нарушеніе законовъ

Digitized by Google

о печати, соединяющее въ себѣ всѣ признаки уголовнаго проступка (напр., возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой), преслѣдуется въ административномъ, а не въ судебномъ порядкѣ. Простое указаніе статьи, давшей поводъ къ предостереженію, менѣе стѣснительно для администраціи; и оно, однако, возбуждаетъ особый интересъ къ этой статьѣ, заставляетъ многихъ перечитать ее еще разъ, подчеркнуть въ ней мысленно то, что сначала было едва замѣчено, а затѣмъ, можетъ быть, и усомниться въ правильности постигшаго ее взысканія. Отсюда размноженіе, въ послѣднее время, именно такихъ карательныхъ мѣръ, которыя всего больше приближаются къ типу простого приказа (Machtspruch), резюмируемаго стихомъ: „Sic volo, sic jubeo—sit pro ratione voluntas". Воспретить розничную продажу или печатаніе объявленій оказывалось дѣломъ менѣе труднымъ и щекотливымъ, чѣмъ объявить даже немотивированное предостереженіе, такъ какъ въ послѣднемъ, *по закону*, должна быть указана статья, давшая къ нему поводъ. Какъ отзывалась на печати *легкость* примѣненія административныхъ карательныхъ мѣръ—это не требуетъ объясненія. Взысканіе, неизвѣстно чѣмъ вызванное, не можетъ, далѣе, служить руководительной нитью для печати, не можетъ просвѣтить ее на счетъ тѣхъ подводныхъ камней и мелей, которыхъ она должна избѣгать въ своемъ многотрудномъ плаваніи. Конечно, указаніе статей, послужившихъ поводомъ къ взысканію, и даже мотивированіе взысканія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно практиковалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ—свѣточъ не особенно яркій; но все же оно можетъ служить хоть слабымъ намекомъ на условія, которыхъ въ данную минуту должна держаться печать, чтобы оградить себя отъ административной кары. Условія эти измѣняются безпрерывно—а печать, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лишена даже возможности догадываться о происшедшей или происходящей перемѣнѣ.

IV.

Занимавшія насъ до сихъ поръ мѣры взысканія имѣютъ одно общее свойство: онѣ принимаются гласно, объявляются во всеобщее свѣдѣніе, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ тѣхъ, которыя установлены законами 1872 и 1873 г. Конечно, запрещеніе періодическимъ изданіямъ говорить объ извѣстномъ вопросѣ—должно быть, по самому своему назначенію, сохраняемо въ тайнѣ,—и если бы оно ограничивалось случаями, въ виду которыхъ былъ изданъ законъ 1873 г., мы не могли бы сказать ни слова противъ негласности подобныхъ распоряженій; но когда журналистика обязывается молчать о предметѣ, обсужденіе котораго, въ законныхъ предѣлахъ, угрожаетъ

Digitized by Google

развѣ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, а отнюдь не государству,— тогда положеніе ея значительно ухудшается по невозможности, для большинства читающей публики, разгадать причину внезапнаго молчанія. Когда молчаніе—нравственный долгъ писателей, оно не можетъ быть загадкой для общества; кто же не понимаетъ, напримѣръ, что газеты, во время колебаній между войной и миромъ, не должны касаться передвиженія войскъ и вообще военныхъ приготовленій? Ожидать такой понятливости въ случаяхъ другого рода—въ случаяхъ принудительнаго воздержанія отъ критики, настоятельно требуемой обстоятельствами—очевидно, нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что въ *этихъ* случаяхъ молчаніе никогда не бываетъ всеобщимъ. Масса читателей не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ значительная часть прессы можетъ молчать о вопросѣ, чуть не ежедневно поднимаемомъ и обсуждаемомъ только „Московскими" и „С.-Петербургскими Вѣдомостями". Положеніе непривилегированныхъ газетъ и журналовъ является такимъ образомъ крайне фальшивымъ; приходится или переносить пассивно упреки и подозрѣнія читателей, или обращаться къ нимъ съ намеками, болѣе или менѣе темными—и все-таки не безопасными. Еще важнѣе, безъ сомнѣнія, негласность мѣръ, принимаемыхъ на основаніи закона 1872 года. Книга или нумеръ журнала исчезаетъ, съ помощью ихъ, также безслѣдно, какъ корабль, идущій ко дну въ самомъ уединенномъ мѣстѣ океана, или какъ осужденный венеціанскимъ Совѣтомъ Десяти. О погибели журнальной книжки могутъ еще, пожалуй, узнать подписчики журнала, если редакція не найдетъ возможнымъ замѣнить погибшую книжку другою; но судьба уничтоженнаго не-періодическаго изданія, въ большинствѣ случаевъ, остается тайной для всѣхъ, кромѣ лицъ близко въ ней заинтересованныхъ. Иногда книга или нумеръ журнала не погибаетъ цѣликомъ, а только теряетъ большую или меньшую часть своего состава. Для печати такой исходъ дѣла, прямо непредусмотрѣнный закономъ, несомнѣнно представляетъ—если сравнить его съ послѣдствіями буквальнаго примѣненія закона—значительную выгоду; но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, подъ покровомъ негласности, возстановляется, de facto гласно уничтоженная, предварительная цензура. Во что обошлась такая реставрація русской литературѣ—этого теперь нельзя опредѣлить даже приблизительно. Немного найдется журналовъ, которыхъ она не стоила бы тяжелыхъ жертвъ; немного найдется областей знанія, которыхъ она не лишила бы существенно-важныхъ пріобрѣтеній. Если возможность „компромиссовъ" смягчила дѣйствіе закона 1872 г., то, съ другой стороны, едва ли можно отрицать, что она сдѣлала примѣненіе его болѣе удобнымъ и легкимъ, а слѣдовательно и болѣе

Digitized by Google

частымъ. Уничтоженіе цѣлой книжки можетъ иногда вызвать *толки*, которыхъ, какъ мы уже знаемъ изъ вышеприведенной цитаты, администрація избѣгаетъ; уничтоженіе въ книгѣ или въ журналѣ той или другой статьи, той или другой страницы сохраняетъ почти всегда строго закулисный характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно стало явленіемъ довольно обычнымъ въ нашемъ литературномъ мірѣ.

Апологеты дѣйствующаго законодательства о печати могутъ повторить аргументъ, которымъ еще въ 1867 г. защищала status quo „Сѣверная Почта"; они могутъ сослаться на широкое развитіе нашей періодической прессы, на постоянное увеличеніе числа газетъ и журналовъ, числа подписчиковъ и читателей, на незначительную цифру повременныхъ изданій, безусловно запрещенныхъ. „Для общества"— повторимъ и мы давнишній отвѣтъ нашъ противъ этого аргумента,— „важно не число журналовъ, а содержаніе и направленіе ихъ, возможно-полное и свободное обсужденіе ими всѣхъ вопросовъ, занимающихъ общество въ данную минуту. При дѣйствіи системы административныхъ взысканій, осуществленіе этой задачи затрудняется гораздо больше препятствіями закулисными, незамѣтными для публики, чѣмъ явнымъ противодѣйствіемъ администрація. О силѣ гнета, тяготѣющаго надъ журналистикой, нельзя судить ни по числу предостереженій (и—прибавимъ теперь—другихъ оффиціальныхъ, гласныхъ мѣръ взысканія), ни по числу журналовъ, пріостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ. Ни та, ни другая цифра не даетъ даже приблизительнаго понятія о числѣ статей, оставшихся ненапечатанными, мыслей, оставшихся невысказанными, о массѣ труда, потраченнаго понапрасну, о всемъ томъ, что могла бы сдѣлать, но не сдѣлала журналистика на пользу общества". Къ послѣдней половинѣ истекшаго пятнадцатилѣтія эти слова примѣнимы еще гораздо больше, чѣмъ къ первой; мы видѣли уже, до какой степени увеличилось съ 1872 г. именно негласное давленіе на журналистику и литературу.

Оставимъ, по необходимости, въ сторонѣ неизмѣримый, невѣсомый недочетъ въ области печатнаго слова—этотъ зловѣщій *икс* въ уравненіи, выражающемъ собою пятнадцатилѣтнюю исторію нашей прессы; извѣстныя величины этого уравненія, осязательные результаты этой исторіи представляютъ и сами по себѣ достаточно знаменательную картину. Припомнимъ, что въ продолженіе всего этого времени славянофиламъ приходилось бороться—и бо́льшею частью безуспѣшно—за право существованія въ нашей журналистикѣ, что „День", „Москва" пали на полѣ битвы, что за ними послѣдовалъ „Москвичъ", что „Бесѣда" вынуждена была отказаться отъ продолженія неравной борьбы, что прошло около пяти лѣтъ, прежде чѣмъ ей удалось возродиться въ образѣ „Русской Мысли", что покойный Ю. Ѳ. Самаринъ долженъ

Digitized by Google

былъ пользоваться заграничнымъ типографскимъ станкомъ, что въ Россіи не могли и не могутъ появляться брошюры г. Кошелева. Взглянемъ на ежедневную петербургскую прессу — и мы тотчасъ же увидимъ пробѣлъ, образовавшійся въ ней послѣ того, какъ подъ вліяніемъ „независящихъ обстоятельствъ", въ которыхъ было заинтересовано главнымъ образомъ не вѣдомство печати, а министерство народнаго просвѣщенія, сошла со сцены прежняя (до 1874 г.) редакція „С. Петербургскихъ Вѣдомостей". Фатальной неудачей сопровождались послѣ всѣ попытки восполнить этотъ пробѣлъ. Сравнимъ, наконецъ, судьбу всѣхъ неудавшихся и неудающихся въ послѣднее время изданій съ судьбою иныхъ, плывущихъ по теченію и постоянно пользующихся попутнымъ вѣтромъ, сличимъ относительную цѣнность тѣхъ и другихъ, сосчитаемъ, сколько газетъ идетъ у насъ по стопамъ „Kreuzzeitung" или „Pays", сколько— по стопамъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" или наполеоновской „France", сколько—по стопамъ „Figaro" и „Gaulois", сколько — по стопамъ лучшихъ иностранныхъ образцовъ, въ родѣ „Daily News" или „Temps"—и для насъ станетъ яснымъ, чему благопріятствуетъ существующій порядокъ по дѣламъ печати. Отзывается ли, далѣе, періодическая пресса на всѣ вопросы, предлагаемые ей общественною жизнью—отзывается ли она на нихъ съ тою полнотою, всесторонностью и откровенностью, отъ которыхъ зависитъ достоинство отвѣта? Съ какими ограниченіями и недомолвками она можетъ касаться главной „злобы дня"—революціонной пропаганды, политическихъ преступленій и политическихъ процессовъ—объ этомъ мы уже имѣли случай упомянуть въ предъидущемъ обозрѣніи. О цѣлыхъ отрасляхъ науки и общественной жизни, болѣе или менѣе связанныхъ съ такъ-называемымъ соціальнымъ вопросомъ, журналистика можетъ говорить только урывками или намеками; обстоятельное изслѣдованіе ихъ для нея недоступно. Области религіи, философіи, исторіи, политической экономіи, естествознанія открыты для нея только отчасти. Участь періодической прессы раздѣляетъ въ этомъ отношеніи и не-періодическая, даже ученая литература. Если бы у насъ явился теперь свой Контъ или Спенсеръ, свой Дарвинъ или Геккель, онъ былъ бы обреченъ на молчаніе или, въ лучшемъ случаѣ, могъ бы познакомить насъ только съ нѣкоторыми сторонами своихъ научныхъ взглядовъ. Вѣдь были же одно время задержаны, вмѣстѣ съ сочиненіями Спенсера, „Рефлексы головного мозга" г. Сѣченова— и если они увидѣли свѣтъ, то не слѣдуетъ забывать, что тогда еще не былъ изданъ законъ 1872 г. При дѣйствіи этого закона, опасными и неподлежащими распубликованію признавались произведенія давно минувшихъ лѣтъ, имѣющія чисто историческое значеніе —

Digitized by Google

такой философскій трактатъ, какъ „Левіаѳанъ“ Гоббеса, такой литературный памятникъ, какъ „Сказки“ Вольтера. Есть основаніе думать, что извѣстная, пережившая почти два тысячелѣтія поэма Лукреція: „De natura rerum“—не могла бы появиться въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ. Вся наша литература стоитъ только одной ногой въ настоящемъ, а другой—въ прошедшемъ; положеніе ея исполнено противорѣчій. У насъ есть безцензурныя изданія, въ сущности подлежащія цензурѣ; у насъ есть политическая печать, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть строгая опека надъ мыслью; у насъ есть право критиковать дѣйствія правительства — и нѣтъ права обсуждать общіе вопросы, почти столь же древніе, какъ и человѣчество. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ основаніи всѣхъ этихъ противорѣчій лежитъ воспитанное нашей исторіей превратительное или по крайней мѣрѣ высокомѣрное отношеніе къ мысли, къ знанію (разсматриваемому не въ смыслѣ практическаго или техническаго умѣнья), къ научному, отвлеченному изслѣдованію, а слѣдовательно и къ печатному слову. Коренится ли это отношеніе въ византійствѣ, или въ вѣковой оторванности отъ обще-европейскаго развитія, или въ своеобразномъ общественномъ строѣ — это вопросъ, разсмотрѣніе котораго не входитъ въ предѣлы нашей задачи; для насъ важно только констатировать фактъ, до сихъ поръ тяготѣющій надъ русской общественной жизнью. Въ до-реформенной Пруссіи или Германіи политической печати не было, можно сказать, почти вовсе—но издавна была свободная наука. Такія явленія, какъ изгнаніе изъ Галле философа Вольфа (въ 1728 г., при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ), всегда были тамъ чѣмъ-то исключительнымъ. Въ то самое время, когда въ Берлинѣ издавался знаменитый Religionsedikt (1788), т.-е. торжествовала реакція противъ „просвѣщенія“, въ Кёнигсбергѣ безпрепятственно училъ Кантъ, и сочиненія его безпрепятственно расходились по всей Германіи; пятьдесятъ лѣтъ спустя, новой еще болѣе сильной реакціи не удалось добиться уничтоженія книги Штрауса; слова Неандера, сказанныя по этому поводу — „противъ научныхъ доводовъ можетъ быть употребляемо только научное же оружіе“—никогда не были забываемы вполнѣ, даже въ самыя тяжелыя эпохи новѣйшей исторіи Германіи. Великое начало: „die Wissenschaft und ihre Lehre ist frei“—примѣнялось на дѣлѣ гораздо раньше, чѣмъ было внесено въ прусскую конституцію. Въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ подобныхъ преданій—и это одна изъ причинъ, по которымъ свобода печати такъ медленно и туго прививается на нашей почвѣ. Подавленіе мысли слишкомъ долго казалось у насъ естественнымъ, необходимымъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ удободостижимымъ; неоцѣнимость, невознаградимость потерь, причиняе-

Digitized by Google

мыхъ вынужденнымъ молчаніемъ, ускользала отъ глазъ, привыкшихъ видѣть опасность только въ нарушеніи молчанія. Припомнимъ цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ, замедлявшихъ, въ послѣднее время, поступательное движеніе Россіи—и мы поймемъ продолжительность переходной эпохи, переживаемой русскою печатью.

V.

Обстоятельства, о которыхъ мы только-что упомянули, еще не прекратились; можно ли говорить, затѣмъ, о прекращеніи переходной эпохи, отчасти обусловливаемой ими? Мы встрѣчаемся здѣсь съ наиболѣе крѣпкой, повидимому, позиціей противниковъ свободной печати. Обычные ихъ аргументы—неуловимость зла, заключающагося въ печатномъ (особенно газетномъ или журнальномъ) словѣ, невозможность бороться противъ него обыкновенными, строго легальными мѣрами, недостаточность, медленность и слабость судебной репрессіи—не заимствуютъ ли удвоенную силу отъ условій, въ которыя съ нѣкоторыхъ поръ поставлена Россія? Не всѣ голоса, раздающіеся противъ печати въ самой печати, требуютъ прямо сохраненія или усугубленія административной власти надъ литературой; но требованіе это подразумѣвается само-собою, оно звучитъ въ каждомъ обвиненіи, взводимомъ на „либеральную", „петербургскую", и „анти-національную", или, по вновь изобрѣтенному выраженію, *надпольную* прессу. Если теперь, несмотря на неусыпный надзоръ вооруженной съ ногъ до головы администраціи, значительная часть печати находитъ возможнымъ идти рука объ руку съ подпольной прессой, раздѣлять ея тенденціи, пропагандировать ея любимыя идеи, дѣйствовать, однимъ словомъ, въ безмолвномъ, но тѣсномъ союзѣ съ крамолой,—то чего же слѣдуетъ ожидать отъ печати, подчиненной только суду и ограниченной только уголовнымъ закономъ? Не дерзко ли со стороны мятежной, преступной прессы заявлять о какихъ-то стѣсненіяхъ, домогаться какихъ-то новыхъ правъ, когда самое существованіе ея является актомъ снисхожденія, быть можетъ—вреднаго? Такова невысказанная, но вполнѣ ясная тэза, на всѣ лады развиваемая нашими реакціонерами. Какого бы мы ни были мнѣнія о ея нравственномъ достоинствѣ, обойти ее мы не можемъ, потому что она стоитъ поперекъ дороги, ведущей къ нашей цѣли. Опроверженію ея были посвящены отчасти два предъидущія обозрѣнія, въ которыхъ мы говорили о интимной солидарности между подпольною и надпольною печатью, между интеллигенціей и анархистами. Допустимъ однако, что солидарность эта не имѣетъ, что въ ней есть хоть что-

Digitized by Google

нибудь реальное. Откуда она идетъ, съ которыхъ поръ она появилась? Источникъ ея относятъ обыкновенно къ началу шестидесятыхъ годовъ, къ періоду процвѣтанія „Современника“ и „Русскаго Слова“; развитіе ея выставляютъ чѣмъ-то непрерывнымъ, продолжающимся цѣлыхъ двадцать лѣтъ, вплоть до настоящей минуты. Итакъ, установилась она во время безусловнаго господства предварительной цензуры, окрѣпла и пустила корни во время безусловнаго господства административной карательной власти. Не явствуетъ ли отсюда, что мѣрами строгости и бдительности надзора нельзя ни предупредить, ни уменьшить тяготѣнія печати къ области, для нея запретной? Или, быть можетъ, надзору недоставало до сихъ поръ вниманія и прозорливости, мѣры строгости принимались не довольно часто и не довольно энергично? Но что же, въ такомъ случаѣ остается дѣлать съ печатью? Возстановить предварительную цензуру? Опытъ прошедшихъ лѣтъ и другихъ странъ удостовѣряетъ, что такъ-называемыя вредныя ученія процвѣтаютъ какъ нельзя лучше и подъ сѣнью цензуры. Запретить всѣ сколько-нибудь независимые журналы и газеты? Это значило бы изувѣчить только-что оперившуюся русскую мысль, превзойти знаменитый комитетъ 1848-го года, поставить Россію въ ложное положеніе относительно западной Европы— и въ концѣ-концовъ усилить вліяніе подпольной или заграничной революціонной прессы. Привлекать писателей къ личной отвѣтственности за ихъ статьи? Отвѣтственности передъ судомъ они сами желаютъ; а объ отвѣтственности передъ администраціей едва ли можетъ быть рѣчь въ то время, когда вообще изыскиваются средства къ ограниченію или отмѣнѣ административной расправы. Присоединить къ оффиціальному надзору за печатью надзоръ неоффиціальный, организованный въ ея собственной средѣ? Послѣдній всегда у насъ существовалъ и болѣе чѣмъ когда-либо распространенъ въ настоящее время; вѣдь была же недавно прямо, по имени, указана повѣсть, проповѣдующая, будто бы, принципы революціонныхъ прокламацій! Вся бѣда въ томъ, что усердіе ревнителей-добровольцевъ, начиная съ покойной „Сѣверной Пчелы“ и до послѣднихъ ея послѣдователей, никогда ни къ чему не приводило и ни къ чему привести не можетъ. Въ розысканіи вредныхъ началъ они ничуть не болѣе искусны и не болѣе компетентны, чѣмъ оффиціальные блюстители печати; съ задачей, оказавшейся не по силамъ послѣднихъ, не справятся и первые. Пора придти къ убѣжденію, что никакимъ совокупнымъ усиліямъ не удастся соткать такую сѣть, которая была бы абсолютно непроницаема для мысли. Чѣмъ больше сумма усилій, нужныхъ для прорванія сѣти, тѣмъ больше, по закону реакціи, напоръ въ ту сторону, гдѣ связанная сила нашла, наконецъ, для себя выходъ. Сни-

Digitized by Google

мите сѣть—и движеніе распредѣлится болѣе равномѣрно, уравновѣшиваемое и регулируемое именно возможностью свободнаго выбора между самыми различными направленіями.

Говоря о свободѣ печати, мы разумѣемъ, конечно, освобожденіе ея лишь отъ произвольной административной власти, съ подчиненіемъ ея суду, съ отвѣтственностью передъ уголовнымъ закономъ. Достаточно ли такого подчиненія, такой отвѣтственности для того, чтобы предупредить злоупотребленія печатнымъ словомъ, чтобы устранить опасность, которой ничѣмъ не сдержанная печать могла бы грозить общественному и государственному порядку? Можетъ ли судъ карать не только отдѣльные, опредѣленные проступки печати, но и цѣлое направленіе журнала, съ какимъ бы искусствомъ оно ни было замаскировано? Если бы судъ былъ стѣсненъ формальною теоріей доказательствъ, тогда, пожалуй, можно было бы утверждать, что подъ эту теорію не подойдетъ неуловимое понятіе о вредномъ направленіи журнала. Если бы при судѣ не было правильно-организованной обвинительной власти, тогда можно было бы утверждать, что некому будетъ взять на себя наблюденіе за журналистикой, сопоставленіе статей, необходимое для опредѣленія общаго ихъ смысла. Если бы, наконецъ, судъ по дѣламъ печати принадлежалъ у насъ присяжнымъ, а не коронными судьямъ, тогда можно было бы утверждать, хотя и съ большой натяжкой, что присяжные, взятые изъ разныхъ слоевъ общества, незнакомые съ журналомъ, о которомъ имъ предстоитъ произнести приговоръ, выслушавшіе только одинъ разъ, во время засѣданія, содержаніе преслѣдуемыхъ статей, не будутъ въ состояніи усвоить себѣ предметъ обвиненія, раскрыть связь между статьями, напасть на слѣдъ мысли, въ нихъ проводимой. Но таково ли, въ настоящее время, положеніе судебной части у насъ въ Россіи? Сомнѣнія въ способности и добросовѣстности судей, существовавшія въ моментъ обнародованія закона 6 апрѣля, давно устранены судебною реформой и ея блестящимъ успѣхомъ. Производство суда по дѣламъ печати предоставлено, по закону 12 декабря 1866 г., высшимъ судебнымъ установленіямъ: судебной палатѣ и уголовному кассаціонному департаменту сената, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Эти дѣла, какъ и всѣ другія, рѣшаются судьями по внутреннему убѣжденію и совѣсти, а не по формальной системѣ доказательствъ. Обвинительная власть, іерархически организованная, *обязана* начинать преслѣдованіе журнала или газеты, когда этого требуетъ цензурный комитетъ или главное управленіе по дѣламъ печати. Если прокуроръ встрѣтитъ при этомъ какія-нибудь затрудненія или сомнѣнія, то долженъ представить о нихъ министру юстиціи и затѣмъ дѣйство-

Digitized by Google

вать сообразно съ его разрѣшеніемъ. При такомъ порядкѣ вещей, судебное преслѣдованіе журнала за вредное направленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ статей, не представляетъ рѣшительно ничего невозможнаго или неудобнаго. Постановка обвиненія будетъ зависѣть отъ тѣхъ спеціальныхъ учрежденій, которыя пріобрѣли уже достаточную опытность въ раскрытіи и преслѣдованіи вредныхъ направленій. Поддержка обвиненія передъ судомъ не будетъ заключать въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ обыкновенными пріемами обвинительной власти; кто привыкъ выводить виновность обвиняемаго изъ совокупности уликъ, тотъ съумѣетъ доказать вредное направленіе журнала посредствомъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ него. То же умѣнье, по тѣмъ же самымъ причинамъ, слѣдуетъ предполагать и въ членахъ суда. Средства, съ помощью которыхъ опредѣляется направленіе журнала, одинаково доступны для цензоровъ, для прокуроровъ и для судей. Можно пользоваться этими средствами съ бо́льшимъ или меньшимъ усердіемъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ разборомъ—и мы, конечно, не утверждаемъ, что способъ пользованія ими будетъ одинъ и тотъ же въ вѣдомствахъ цензурномъ и судебномъ; мы думаемъ только, что для общей оцѣнки дѣятельности журнала судебная палата компетентна отнюдь не меньше любого цензурнаго комитета. Мы можемъ доказать нашу мысль примѣромъ, какъ нельзя болѣе убѣдительнымъ. Въ рѣшеніи с.-петербургской судебной палаты по дѣлу о книгѣ: „Всякіе.—Очерки современной жизни", состоявшемся въ декабрѣ 1866 г., сказано между прочимъ: „очень часто преступный характеръ сочиненія совершенно теряется, когда выпускается изъ виду цѣлое его содержаніе и обращается вниманіе на отдѣльные отрывки и мѣста книги, подобно тому, какъ и самая соблазнительная картина, нарисованная живописью, будучи разсматриваема по небольшимъ, отрѣзаннымъ отъ нея клочкамъ, можетъ не представлять ничего особенно предосудительнаго". Руководствуясь этою мыслью, судебная палата не ограничилась обсужденіемъ отдѣльныхъ мѣстъ книги, на которыхъ было основано обвиненіе, а разсмотрѣла книгу во всей ея цѣлости, и именно въ общемъ впечатлѣніи, ею производимомъ, нашла одобреніе дѣйствій, запрещенныхъ закономъ, т.-е. преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1035 уложенія о наказаніяхъ. Можно ли опасаться, послѣ того, что судебная власть не захочетъ или не съумѣетъ карать вредное направленіе журналовъ?

Наши судебныя мѣста такъ рѣдко имѣли случай постановлять рѣшенія по дѣламъ печати—за исключеніемъ, какъ уже сказано выше, дѣлъ о клеветѣ и о диффамаціи,—что число примѣровъ въ родѣ только-что приведеннаго не можетъ быть особенно значительно. Съ достовѣрностью, во всякомъ случаѣ, можно сказать одно—что

Digitized by Google

исторія нашихъ процессовъ печати не даетъ никакихъ основаній для недовѣрія къ суду со стороны правительственной власти. Законъ 12 декабря 1866 г. носитъ на себѣ признаки такого недовѣрія, но только къ окружнымъ судамъ, а не къ высшимъ судебнымъ инстанціямъ. Основаніемъ для него послужилъ, какъ извѣстно, единичный случай оправдательнаго приговора (по дѣлу о напечатаніи въ „Современникѣ“ статьи: „Вопросы молодого поколѣнія“) — приговора, отмѣненнаго вслѣдъ затѣмъ судебною палатою. Что это былъ именно *единичный* случай, что въ образѣ дѣйствій окружнаго суда не было ничего тенденціознаго — лучшимъ доказательствомъ тому служитъ обвинительный приговоръ, произнесенный тѣмъ же судомъ, въ томъ же составѣ, почти въ то же самое время (одной недѣлей раньше) по другому, вышеупомянутому процессу печати о книгѣ: „Всякіе“. Этотъ послѣдній приговоръ отличался такою строгостью, что былъ смягченъ судебною палатою. По тѣмъ немногимъ дѣламъ печати, которыя остались подсудными окружному суду — напр., по дѣламъ о непредставленіи въ духовную цензуру статей или книгъ, подлежавшихъ ея просмотру— приговоры окружныхъ судовъ нерѣдко бывали менѣе благопріятными для подсудимыхъ и для печати, чѣмъ приговоры палатъ или кассаціоннаго рѣшенія; назовемъ, для примѣра, приговоръ с.-петербургскаго окружнаго суда по дѣлу о переводѣ книги Вундта: „Душа человѣка и животныхъ“, приговоръ московскаго окружнаго суда по дѣлу о третьемъ томѣ сочиненія Каррьера: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества“. Изъ числа остальныхъ дѣлъ печати, подсудныхъ, съ декабря 1866 г., судебной палатѣ, какъ первой, и уголовному кассаціонному департаменту сената, какъ второй, апелляціонной инстанціи, мы не помнимъ ни одного, которое окончилось бы безусловно оправдательнымъ приговоромъ (если не считать дѣлъ о диффамаціи должностныхъ лицъ, вовсе не имѣющихъ специфическаго характера процессовъ печати). Между обвинительными приговорами—обвинительными, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что послѣдствіемъ ихъ было уничтоженіе статьи или книги—особенно замѣчательно рѣшеніе сената по дѣлу о второй части сочиненій Писарева, состоявшееся въ маѣ 1869 г. Сенатъ нашелъ, что статья Писарева, составлявшая предметъ обвиненія, не подходитъ подъ дѣйствіе уголовнаго закона, не заключаетъ въ себѣ проступка, запрещеннаго подъ страхомъ наказанія—и все-таки опредѣлилъ уничтожить ее, признавъ ея тонъ и выраженія, въ ней употребленныя, противными общимъ цензурнымъ правиламъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы это рѣшеніе было согласно съ буквой и духомъ дѣйствующихъ законовъ; мы приводимъ его только для того, чтобы доказать невѣроятность систематическаго, тенденціознаго раз-

Digitized by Google

согласія между судомъ и администраціей. Медленность въ разрѣшеніи судомъ процессовъ печати, въ виду предоставленнаго администраціи права предварительнаго ареста книгъ и повременныхъ изданій, была бы опасна только для редакторовъ, издателей и авторовъ, а отнюдь не для цензурнаго вѣдомства; но если бы послѣднее считало себя заинтересованнымъ въ бо́льшей скорости производства, то достигнуть ея, путемъ соглашенія между обоими вѣдомствами, было бы не трудно. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, движеніе процессовъ печати дѣйствительно отличалось довольно большою медленностью; но причинами этому были новость предмета, громадное наконленіе дѣлъ въ столичныхъ судебныхъ палатахъ, отчасти, можетъ быть, личныя свойства нѣкоторыхъ тогдашнихъ представителей судебной власти. Теперь всѣ эти причины не существуютъ, и опасаться медленности нѣтъ болѣе никакихъ основаній. Процессы печати, не требуя, въ большинствѣ случаевъ, предварительнаго слѣдствія и поступая къ прокурору съ готовымъ заключеніемъ цензурнаго вѣдомства, могутъ быть производимы, наоборотъ, съ быстротою, недоступною для массы другихъ судебныхъ дѣлъ. Если присоединеніе къ составу присутствія судебной палаты сословныхъ представителей (двухъ предводителей дворянства, городского головы и волостного старшины) служитъ, въ глазахъ администраціи, гарантіей болѣе строгаго отношенія къ дѣлу, то ничто не помѣшало бы подчинить процессы печати именно такому смѣшанному присутствію. Съ 1878 г. ему подсудны дѣла о сопротивленіи власти и о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ—и въ излишней снисходительности при рѣшеніи этихъ дѣлъ его до сихъ поръ не обвиняли даже самые ревностные приверженцы суровой уголовной репрессіи. Нѣтъ никакого основанія думать, что въ рѣшеніи дѣлъ печати соединенное присутствіе палаты стало бы руководствоваться другими началами, прямо противоположными видамъ высшаго правительства. Печать, съ своей стороны, съ радостью увидѣла бы себя подчиненною правильно-организованному суду, каковъ бы ни былъ его составъ, какова бы ни была его строгость.

Тяготѣетъ надъ печатью, въ настоящее время, не столько строгость администраціи, сколько неизбѣжно-произвольный характеръ административной власти, отсутствіе гарантій, представляемыхъ судебнымъ, гласнымъ разбирательствомъ, равноправностью обвиненія и защиты, мотивированнымъ рѣшеніемъ, возможностью жалобы въ высшія инстанціи, возможностью установленія твердой, постоянной практики по дѣламъ печати. Если въ уголовныхъ законахъ о печати есть какіе-нибудь пробѣлы, пускай они будутъ пополнены, пускай будутъ предусмотрѣны всѣ возможные проступки печати. Принять на себя

Digitized by Google

всѣ тяжелыя послѣдствія отвѣтственности передъ судомъ наша печать согласилась бы, конечно, съ такою же готовностью, съ какою она отказалась бы отъ безнаказанности, сопряженной съ подчиненіемъ цензурѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что положеніе дѣлъ, которое могло бы установиться теперь съ подчиненіемъ печати исключительно суду, было бы весьма далеко отъ настоящей, идеальной свободы печати, даже просто отъ свободы печати, безъ всякихъ эпитетовъ; но мы стоимъ на почвѣ реальнаго, возможнаго, принимаемъ въ разсчетъ всѣ существующія условія и говоримъ только о томъ, что̀ считаемъ вполнѣ доступнымъ *въ данную минуту*. Скажемъ болѣе: мы думаемъ, что и послѣ освобожденія печати, *по закону*, изъ-подъ административной власти, *на практикѣ* встрѣчались бы еще случаи примѣненія къ ней этой власти; но отступленіе отъ закона, по самому существу своему, оказывалось бы гораздо затруднительнѣе, нежели простое пользованіе имъ. Переставъ быть чѣмъ-то легальнымъ и нормальнымъ, административныя взысканія становились бы все рѣже и рѣже, и отошли бы наконецъ, вслѣдъ за цензурой, въ область невозвратно минувшаго. Отвергая вполнѣ принципъ административной высылки, въ апрѣльскомъ обозрѣніи мы сочли однако существенной перемѣной къ лучшему предоставленіе ея административному суду, дѣйствующему въ заранѣе опредѣленномъ составѣ и съ соблюденіемъ опредѣленныхъ, по возможности льготныхъ для обвиняемаго правилъ; такой же перемѣной къ лучшему было бы, въ нашихъ глазахъ, учрежденіе хотя бы спеціальнаго суда по дѣламъ печати, лишь бы только оно положило конецъ административному полновластію надъ печатью. При другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, этотъ судъ самъ собою уступилъ бы мѣсто общему суду, дѣйствующему на основаніи общихъ законовъ. Сравнительно съ предварительной цензурой, даже и нынѣшняя система административныхъ взысканій должна быть признана нѣкоторымъ прогрессомъ; а замѣна ея спеціальнымъ судомъ была бы шагомъ впередъ, еще болѣе важнымъ.

Какъ ни тяжело, при существующемъ порядкѣ, положеніе столичной печати, оно можетъ показаться блестящимъ, если сравнить его съ положеніемъ печати провинціальной. Провинціальная печать вполнѣ безправна—такъ безправна, какъ никогда, въ самыя худшія минуты, не была столичная подцензурная печать. Она состоитъ, въ большинствѣ случаевъ, подъ цензурой не особыхъ цензоровъ, болѣе или менѣе приготовленныхъ къ исполненію своихъ обязанностей [1]),

[1]) Каковы, впрочемъ, бываютъ иногда провинціальные цензора — объ этомъ можно составить себѣ понятіе по даннымъ, обнаруженнымъ при производствѣ извѣстнаго дѣла о тифлисской газетѣ: „Обзоръ“.

Digitized by Google

а чиновниковъ, назначенныхъ губернаторомъ и смотрящихъ на свои цензорскія функціи, какъ на всякое другое, заурядное порученіе начальства. Извѣстные случаи, когда цензурный просмотръ газеты возлагался на лицо, живущее въ другомъ, отдаленномъ городѣ, вслѣдствіе чего становилось невозможнымъ дальнѣйшее изданіе газеты. При скудости матеріальныхъ средствъ, которыми располагаютъ провинціальныя типографіи, пріостановка одного нумера газеты или даже задержаніе нѣсколькихъ столбцовъ ея можетъ совершенно парализовать весь ходъ изданія; даже въ Тифлисѣ, по словамъ одного изъ тамошнихъ редакторовъ, „не хватаетъ ни рабочихъ силъ, ни шрифтовъ для набора запасныхъ статей". Не говоримъ уже о томъ, какъ широко примѣняется въ провинціи понятіе объ анти-цензурномъ, какъ щекотливо мѣстныя власти относятся ко всему тому, что̀ можетъ показаться критикою ихъ дѣйствій. „Столичная пресса", сказано было въ нашемъ журналѣ еще при первомъ обсужденіи закона 6-го апрѣля 1865 г., никогда не испытываетъ той мелкой тираніи, какой слишкомъ легко можетъ подвергнуться провинціальная пресса. По характеру вопросовъ, обсужденіе которыхъ сосредоточивается въ столицахъ, по степени вліянія, которымъ пользуются нѣкоторые столичные журналы, по свойству организаціи центральнаго управленія печати, по самой многочисленности своихъ органовъ, столичная пресса не можетъ подпасть безусловно подъ власть одного лица, не можетъ быть принуждена ни къ молчанію о всѣхъ предметахъ, занимающихъ въ данную минуту общественное мнѣніе, ни къ постоянно хвалебнымъ отзывамъ о каждомъ дѣйствіи начальства. Въ провинціи, напротивъ того, такая зависимость періодической прессы возможна, даже вѣроятна, пока существуетъ предварительная цензура... Мы знаемъ, что правильному развитію провинціальной прессы противодѣйствуетъ, независимо отъ закона, провинціальное общество, непривыкшее къ гласности и часто враждебное ея органамъ; но это обусловливается именно жалкимъ положеніемъ, въ которомъ находилась и находится до сихъ поръ провинціальная періодическая пресса. Дайте ей окрѣпнуть, оживиться, пріобрѣсти значеніе для мѣстностей, среди которыхъ она существуетъ—и предубѣжденіе противъ нея исчезнетъ само собою".

Въ Тифлисѣ, въ Одессѣ, въ Саратовѣ, въ Казани, въ Воронежѣ, въ Иркутскѣ были уже сдѣланы попытки, доказывающія возможность полезной, дѣльной, честной провинціальной прессы; но въ большинствѣ случаевъ эти попытки оканчивались неудачей, не зависѣвшей ни отъ редакціи, ни даже отъ общества. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, сознана невозможность разрѣшенія многихъ общихъ вопросовъ безъ предварительнаго изслѣдованія на мѣстѣ,

Digitized by Google

безъ собранія самыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о той или другой сторонѣ народной жизни; понятно, какія услуги могла бы оказать при этомъ самостоятельная, широко развѣтвленная провинціальная періодическая пресса. Если бы такая пресса у насъ существовала, мы узнали бы гораздо раньше о голодѣ въ самарской, о чумѣ въ астраханской губерніи; мы имѣли бы массу статистическихъ данныхъ, болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ многія работы въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ. Гласность судебныхъ засѣданій въ провинціи не была бы пустымъ словомъ; процессы, рисующіе въ яркихъ краскахъ положеніе русскаго общества, доходили бы до всеобщаго свѣдѣнія не въ тѣхъ только исключительныхъ случаяхъ, когда въ нихъ замѣшаны имена провинціальной аристократіи или преобладаетъ скандальный характеръ. Дѣятельность управъ, земскихъ собраній, городскихъ думъ сдѣлалась бы предметомъ живого интереса и дѣйствительнаго контроля—предполагая конечно, что вмѣстѣ съ провинціальной прессой были бы освобождены отъ цензуры и отчеты о засѣданіяхъ выборныхъ собраній. Законъ 13-го іюня 1867 г., подчинившій эти отчеты цензурѣ мѣстнаго губернскаго начальства, стоитъ существенно важной преградой не только на пути къ свободѣ печати, но и на пути развитія земскаго и городского самоуправленія. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ препятствіемъ къ допущенію въ провинціи безцензурной печати могло служить положеніе судебной части, которую рѣшено было преобразовать постепенно, а не одновременно во всей имперіи; теперь это препятствіе почти не существуетъ. Новые судебные уставы введены въ дѣйствіе почти во всѣхъ губерніяхъ европейской Россіи; гдѣ еще держатся старые суды, тамъ дѣла о печати могли бы быть предоставлены вѣдѣнію ближайшей судебной палаты. Можно надѣяться, что осуществленіе судебной реформы не заставитъ себя долго ждать даже въ Сибири; но пока не открыта томская или иркутская судебная палата, немногочисленные, конечно, сибирскіе процессы печати безъ всякаго труда и неудобства могли бы быть разрѣшаемы казанскою судебною палатою.

VI.

Существенная, прочная перемѣна къ лучшему въ положеніи нашей печати—перемѣна, настоятельно необходимая именно въ виду современныхъ условій русской жизни—можетъ быть доступна только путемъ пересмотра закона 6 апрѣля 1865 г. и всѣхъ дополнительныхъ къ нему постановленій; но эта работа потребуетъ не мало

Digitized by Google

времени, въ продолженіи котораго многое могло бы быть сдѣлано простымъ измѣненіемъ административной практики. Права, которыми облечена администрація по отношенію къ печати, такъ многочисленны и разнообразны, что ей легко было бы сдѣлать между ними выборъ, благопріятный для печати. Отъ нея зависѣло бы прибѣгать какъ можно рѣже или не прибѣгать вовсе къ предостереженіямъ, къ арестованію книгъ и повременныхъ изданій въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами 1872 г.; отъ нея зависѣло бы признать, что постановленіе, на основаніи котораго воспрещается газетамъ печатать частныя объявленія, потеряло свою силу и включено въ сводное продолженіе 1876 г. лишь по недоразумѣнію [1]); отъ нея зависѣло бы запрещать розничную продажу лишь въ крайнихъ случаяхъ, на заранѣе опредѣленный срокъ, и мотивированнымъ распоряженіемъ; отъ нея зависѣло бы примѣнять законъ 1873 г. лишь какъ орудіе противъ *оглашенія*, а не противъ *обсужденія* той или другой правительственной мѣры; отъ нея зависѣло бы, наконецъ, возвратиться къ давно оставленному пути судебнаго преслѣдованія проступковъ печати. Чѣмъ чаще повторялось бы такое преслѣдованіе, тѣмъ рѣже, очевидно, становились бы поводы къ административнымъ взысканіямъ — тѣмъ больше, думаемъ мы, теряло бы всякую почву недовѣріе къ судебной власти. Само собою разумѣется, что, расширяя кругъ дѣйствій суда, слѣдуетъ заранѣе пріучить себя къ мысли о возможности и даже неизбѣжности оправдательныхъ приговоровъ. Мы видѣли уже, къ какимъ результатамъ привело въ 1866 г. именно недостаточное усвоеніе этой мысли; мы видѣли уже, что *одинъ* оправдательный приговоръ *низшей инстанціи* повлекъ за собою измѣненіе только-что изданнаго закона. Если видѣть въ судѣ une machine à sentences, механическій аппаратъ для подведенія заранѣе осужденной статьи подъ тотъ или другой параграфъ уголовнаго закона, то лучше и не испытывать дѣйствіе его на процессахъ печати; разочарованіе было бы здѣсь неминуемо, а послѣдствіемъ разочарованія слишкомъ часто бываетъ реакція. Гдѣ самостоятельный судъ, тамъ и возможность разногласія между нимъ и обвинителемъ. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ такое разногласіе встрѣчается сплошь да рядомъ и нимало не вредитъ достоинству и авторитету обвинительной власти, если только она избѣгаетъ явно неправильныхъ обвиненій, не основанныхъ на законѣ или прямо противорѣчащихъ фактической сто-

[1]) Это доказано съ полною ясностью въ статьѣ профессора Таганцева, напечатанной въ „Голосѣ“ (№ 54),—въ томъ самомъ „Голосѣ“, который незадолго передъ тѣмъ и почти непосредственно вслѣдъ затѣмъ былъ лишенъ права печатать частныя объявленія.

Digitized by Google

ронѣ дѣла. Цензурное вѣдомство, по отношенію къ суду—та же обвинительная власть, мнѣнія которой не могутъ *всегда* совпадать съ мнѣніями суда. Нарушеніемъ нормальныхъ отношеній между судомъ и административною властью было бы лишь такое настроеніе суда, при которомъ онъ систематически, съ предвзятою мыслью, отвергалъ бы всѣ или почти всѣ предъявляемыя ему обвиненія по дѣламъ печати. Мы старались уже доказать, что такой образъ дѣйствій со стороны русскаго суда представляется совершенно немыслимымъ; чтобы разсѣять всякія сомнѣнія по этому предмету, стоило бы только предоставить суду хотя бы ту роль по дѣламъ печати, которая предназначалась ему закономъ 6 апрѣля 1865 г., и выждать спокойно результатовъ его дѣятельности въ продолженіи хотя одного года. Повторяемъ еще разъ—это вполнѣ возможно и при нынѣ дѣйствующихъ постановленіяхъ о печати: благонамѣренная практика одна можетъ уже во многомъ исправить ту деморализацію, какая постигла нашу печать въ послѣднее время, въ силу продолжительнаго отсутствія подъ нею законной почвы.

Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланъ былъ у насъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, первый шагъ къ свободѣ печати, надежды на новое расширеніе ея возникали нѣсколько разъ—и отвѣтомъ на несбывшіяся надежды нѣсколько разъ было усиленіе административной власти надъ печатью. Горизонтъ опять нѣсколько просвѣтлѣлъ; неужели признаки близкаго преобразованія опять окажутся обманчивыми? Трудно допустить мысль, чтобы русской печати, какъ и русскому обществу, долго еще суждено было жить изо дня въ день, безъ увѣренности въ слѣдующей минутѣ, безъ опредѣленныхъ прочныхъ правъ, безъ возможности искренне подавать свой голосъ, не прибѣгая къ деморализующей системѣ намековъ, недомолвокъ, иносказаній,—и отвѣчать за свои слова, за свои дѣйствія, только передъ судомъ и закономъ.

Digitized by Google

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 мая, 1880.

Бисмаркъ и политическія партіи.

Если бы въ Германіи было въ обычаѣ, какъ во Франціи, называть выдающіяся и замѣчательныя событія числами мѣсяца, то „восьмое“ и „десятое“ мая долго бы жили въ памяти каждаго нѣмца. Въ первый изъ этихъ дней Бисмаркъ довольно неожиданно появился въ рейхстагѣ, гдѣ онъ еще не показывался въ эту сессію, и произнесъ рѣчь, о которой я скажу ниже, а десятаго мая послѣдовало въ этомъ же собраніи голосованіе, которымъ нанесено князю Бисмарку спеціальное пораженіе, такъ что отчаянное воззваніе его къ собранію осталось тщетнымъ. Вамъ уже давно извѣстно, какое впечатлѣніе произвели событія этихъ двухъ дней: для яснаго пониманія ихъ и ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ, совершенно своеобразныхъ и не безопасныхъ для будущаго развитія парламентаризма въ Германіи, — все же необходимо вернуться къ этимъ двумъ днямъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ все еще было очень спокойно, и, казалось, сессія рейхстага пройдетъ безъ особыхъ эпизодовъ. Либеральныя партіи, правда, жаловались на угодливость рейхстага относительно канцлера, но не было никакихъ причинъ опасаться оппозиціоннаго настроенія въ большинствѣ собранія. Въ послѣднихъ числахъ марта совершились англійскіе выборы, удивившіе самую Англію. Кабинетъ Биконсфильда находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бисмаркомъ, въ особенности потому, что значительно содѣйствовалъ заключенію берлинскаго трактата и сильно интересовался его сохраненіемъ; потому первой мыслью въ довольно обширныхъ кружкахъ было то, что его паденіе будетъ очень непріятно Бисмарку. Хотя, по зрѣломъ размышленіи, впередъ слѣдовало знать, что Англія весьма ненадежный другъ,—за то всегда можно разсчитывать на упорство и ожесточенность ея вражды. Послѣднее бываетъ тогда, когда задѣты ея національные интересы или—вѣрнѣе сказать—не національные, а матеріальные, т.-е. англійская торговля и мореходство. Кромѣ того, англійская нація въ общемъ направленіи своей дѣятельности подчинена парламентскимъ формамъ, и хотя монархія и сама автократическая власть дѣлаютъ весьма возможными внезапныя перемѣны въ политикѣ какой-нибудь державы, но все-таки подобныя перемѣны случаются тамъ рѣже, чѣмъ въ конституціонной Англіи. Представимъ

Digitized by Google

себѣ такой случай, что министерство Биконсфильда заключило важный договоръ съ какой-нибудь континентальной державой, и даже эта послѣдняя, на основаніи его, предприняла рѣшительные шаги,—и вдругъ теперь эта держава остается внезапно безъ союзника! Въ прошломъ столѣтіи — да и въ началѣ нынѣшняго — дѣла стояли нѣсколько иначе, такъ какъ англійскіе короли имѣли еще сильное вліяніе на политику, и министръ могъ довольно долгое время управлять наперекоръ парламенту; но теперь безусловно вѣрно одно то, что англійское министерство обязано слѣдовать за большинствомъ парламента, представляющимъ собою большинство страны. Этотъ принципъ рѣдко примѣнялся въ такой строгости, какъ на послѣднихъ выборахъ. Королева лично нисколько не повліяла на составъ новаго министерства, напротивъ того—должна была заставить замолчать личную антипатію, и министерство составилось изъ всѣхъ тѣхъ оттѣнковъ партій, которыя содѣйствовали его побѣдѣ.

Весьма теперь понятно, что когда 6-го апрѣля узнали о желаніи князя Бисмарка удалиться отъ дѣлъ, то тотчасъ же явилось предположеніе, будто онъ очень недоволенъ результатомъ выборовъ въ Англіи и неизбѣжнымъ паденіемъ Биконсфильда, а причина, которою онъ мотивировалъ въ оффиціальныхъ листкахъ свою просьбу объ отставкѣ, вымышлена. Между тѣмъ, эпизодъ, подавшій поводъ канцлеру просить у императора отставки, въ короткихъ словахъ слѣдующій. Въ числѣ многихъ проектовъ о налогахъ, имѣющихся у него „in petto“, во-первыхъ — для того, чтобы добыть денегъ, во-вторыхъ—для того, чтобы склонить рейхстагъ на принятіе табачной монополіи, находился также проектъ налога на счета, существующій въ Англіи и во Франціи, гдѣ никто на него особенно не жалуется: путешественникъ знакомится съ нимъ всякій разъ, какъ ему представляютъ счетъ въ гостинницѣ. Этотъ налогъ долженъ былъ быть распространенъ и на почтовыя квитанціи; но тутъ оказалось, что статсъ-секретарь по почтовому и телеграфному вѣдомству высказался противъ налога на квитанціи; большинство голосовъ—также противъ. Въ своемъ прошеніи объ отставкѣ канцлеръ говоритъ, что онъ чувствуетъ себя не въ состояніи отстаивать рѣшеніе большинства въ рейхстагѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ также не можетъ, какъ имперскій канцлеръ, воспользоваться правомъ, которое конституція даетъ каждому члену совѣта,— отстаивать въ рейхстагѣ свое мнѣніе, расходящееся съ большинствомъ въ рейхстагѣ. Удивленіе, какимъ встрѣчено было прошеніе объ отставкѣ канцлера, было велико. Почти не стѣсняясь, высказывали, что онъ играетъ комедію, и считали рѣшеннымъ дѣломъ, что просьба объ отставкѣ не будетъ принята. Дѣйствительно, въ отвѣтѣ императора, гдѣ просьба Бисмарка отвер-

Digitized by Google

гается, канцлеру поручено указать, какимъ образомъ устранить тѣ неудобства, на которыя онъ жалуется. Если общественное мнѣніе, именно той части публики, которая въ принципѣ не враждебна Бисмарку, было безусловно удалено этимъ эпизодомъ, то причина этого заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что самъ князь Бисмаркъ поставилъ принципомъ при основаніи имперіи, какъ и раньше—еще при основаніи германскаго союза, что Пруссія, несмотря на то, что значительно превосходитъ остальную Германію по пространству и народонаселенію, не должна брать перевѣса надъ голосами остальныхъ членовъ союза, такъ какъ эти послѣдніе, естественно, не будутъ имѣть тогда никакого интереса принадлежать къ союзу. Въ ту пору либералы ставили въ укоръ князю Бисмарку, что онъ лишилъ Пруссію ея естественныхъ правъ. Но демократы, которые давно желали, чтобы объединеніе Германіи совершилось не путемъ союза, а посредствомъ присоединенія къ Пруссіи, были тогда самыми рѣшительными противниками подобнаго распредѣленія голосовъ въ союзномъ совѣтѣ; непопулярность такой мѣры усиливалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что новый порядокъ создался, такимъ образомъ, изъ стараго германскаго союза, гдѣ, кромѣ Австріи, нынѣ исключенной, голоса распредѣлялись какъ теперь, и это сдѣлано было съ цѣлью обезпечить за Австріей, вліявшей на меньшія государства, большинство голосовъ во всѣхъ вопросахъ.

Нынѣшняя конституція опредѣляетъ, что каждое государство, представляемое въ союзномъ совѣтѣ, будетъ присылать столько представителей, сколько ему дается голосовъ по конституціи, такъ что напримѣръ, Пруссія имѣетъ 17 голосовъ, Баварія 6 и т. д. и такимъ образомъ еслибы собраніе насчитывало столько именно членовъ, сколько полагается, т.-е. если бы каждое государство вполнѣ пользовалось своими правами, то союзный совѣтъ состоялъ бы изъ 58 лицъ. Собраніе рѣшаетъ вопросы, въ силу статьи 7 конституціи, за немногими исключеніями, простымъ большинствомъ, и при этомъ сказано, что не представленные голоса не идутъ въ счетъ. Изъ этого слова „непредставленные" постепенно выросъ обычай, что союзные правительства не держатъ представителей въ союзномъ совѣтѣ, т.-е. эти представители не живутъ здѣсь, но передаютъ свои полномочія живущимъ въ Берлинѣ членамъ. Между тѣмъ есть члены, которые по своему положенію обязаны жить здѣсь круглый годъ, и съ 1867 г., со времени основанія сѣверо-германскаго союза, принимаютъ участіе въ его трудахъ, а потому обладаютъ большой опытностью въ дѣлахъ, и установился обычай, что другія государства обыкновенно выбираютъ ихъ своими представителями и передаютъ имъ свои голоса. Я не знаю, бывало ли это на практикѣ, но возможно вполнѣ, что одинъ изъ этихъ членовъ, напр.

Digitized by Google

брауншвейгскій или гамбургскій союзный уполномоченный обладаетъ всѣми голосами, кромѣ прусскаго, и такимъ образомъ, подавляетъ Пруссію. Въ такомъ родѣ происходило дѣло, говорятъ, въ засѣданіи союзнаго совѣта 3 апрѣля. Что князь Бисмаркъ давно уже недоволенъ союзнымъ совѣтомъ—это можно было понять, когда въ началѣ нынѣшняго года онъ назначилъ тайнаго совѣтника Тидемана, ставшаго съ тѣхъ поръ его довѣреннымъ лицомъ, представителемъ Пруссіи въ союзный совѣтъ, и когда при этомъ напиралось на то, что это назначеніе состоялось съ цѣлью, чтобы канцлеръ могъ лучше прежняго слѣдить за внутренними порядками въ союзномъ совѣтѣ. Что въ настоящемъ случаѣ Бисмаркъ дѣйствуетъ рѣзко, и безъ нужды рѣзко—это такой фактъ, котораго не могутъ отрицать даже и его горячіе приверженцы, если не желаютъ быть льстецами. Но другой вопросъ: не было ли у него существенно важныхъ причинъ для такого дѣйствія. Когда Бисмаркъ въ 1870 г. положилъ основаніе германской имперіи, причемъ, какъ извѣстно, воспользовался матеріаломъ, который ему далъ сѣверо-германскій союзъ, то онъ очевидно руководствовался двойной задачей—обезпечить единство Германіи и не отнимать у отдѣльныхъ государствъ, приставшихъ къ союзу послѣ войны, сознанія своего независимаго существованія.

Централизація въ извѣстной мѣрѣ оказывалась необходимой, нѣкоторыя жертвы—неизбѣжными, но рядомъ съ централизаціей должна была произойти и децентрализація, рядомъ съ жертвами—и вознагражденіе за нихъ. Для чистаго теоретика и философа, конечно, такая задача можетъ казаться абсурдной. Но—практическая политика смотритъ на дѣла и вещи иначе. Конечно, при этомъ всегда необходимы доброе согласіе и общность интересовъ. Канцлеръ не помышлялъ превращать Берлинъ въ Парижъ для Германіи, но все же онъ полагалъ, что союзный совѣтъ, въ которомъ будутъ участвовать выдающіеся министры отдѣльныхъ государствъ, образуетъ весьма солидное собраніе. Во время преній 1867 г. и еще болѣе 1870 г., которыя выработали конституцію германской имперіи, онъ сильно возставалъ противъ требованія, заявленнаго съ различныхъ сторонъ—ввести для союза двухъ-камерную систему съ верхней и нижней палатой, и въ декабрѣ 1870 г., когда онъ самъ находился во Франціи, а его мѣсто занималъ Дельбрюкъ, онъ доказывалъ, что союзный совѣтъ замѣняетъ верхнюю палату—и гораздо ея лучше. Въ первое время оно и было такъ. Отдѣльныя государства поспѣшили назначить своихъ министровъ, иныя даже своихъ первыхъ министровъ его членами, и эти послѣдніе пріѣхали въ Берлинъ и оставались въ немъ почти въ продолженіе всей сессіи. Но постепенно это перемѣнилось. Хотя номинально эти господа все еще члены совѣта, но не считаютъ

Digitized by Google

нужнымъ пріѣзжать сюда и передаютъ свои голоса minorum gentium, тѣмъ, которые должны здѣсь оставаться. Что такое отношеніе совсѣмъ неправильно, съ этимъ нельзя не согласиться. Канцлеръ могъ бы мирнымъ путемъ повліять на его измѣненіе, но никто не можетъ передѣлать свою натуру, а онъ всю жизнь привыкъ дѣйствовать если не прямо путемъ крови и желѣза, то все же путемъ насилія и борьбы.

Союзныя правительства не мало встревожились по случаю просьбы объ отставкѣ князя Бисмарка. Они поспѣшили прислать сюда своихъ представителей въ бо́льшемъ числѣ, и рѣшеніе 3-го апрѣля было кассировано. Тогда канцлеръ внесъ цѣлый рядъ законопроектовъ въ списокъ очередныхъ дѣлъ, которые однако при обсужденіи были нѣсколько смягчены. Такъ, напримѣръ, по его идеѣ на будущее время замѣна представителей должна была быть совершенно отмѣнена, но на дѣлѣ постановили, что она допускается лишь для нѣсколькихъ засѣданій и для одного только вопроса. Далѣе, рѣшено, что на будущее время каждый вопросъ будетъ разбираться въ двухъ засѣданіяхъ, тогда какъ до сихъ поръ читался только одинъ разъ. Это самыя важныя перемѣны, и онѣ во всякомъ случаѣ мало отвѣчаютъ тому шуму, который произвело все это дѣло, хотя ихъ практическое значеніе и не незначительно. Кромѣ того, канцлера близко интересовало еще одно обстоятельство, которое до сихъ поръ было для него совсѣмъ неуловимо. Члены союзнаго совѣта, не изъ пруссаковъ, пользовались гласностью съ тѣмъ, чтобы весьма быстро доводить путемъ печати предметы, обсуждаемые въ союзномъ совѣтѣ, до свѣдѣнія публики. Канцлеръ не находилъ никакого средства измѣнить этотъ обычай, очевидно для него крайне непріятный. Прусскіе представители обязаны были держаться строгой тайны, тогда какъ иноземные немедленно все предавали гласности. Въ этомъ отношеніи наступила перемѣна, подробности которой еще въ точности неизвѣстны, но, кажется, она заключается въ томъ, что отнынѣ или канцлеръ, или союзный совѣтъ, должны будутъ рѣшать, какіе предметы должны обсуждаться тайно, и какіе предаваться гласности, прежде чѣмъ совѣтъ совершенно порѣшитъ съ ними.

Поведеніе канцлера относительно союзнаго совѣта находилось, такимъ образомъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ обширныхъ плановъ. Всякаго рода слухи носились о проектахъ, внесенныхъ въ союзный совѣтъ съ тѣмъ, чтобы позднѣе поступить въ рейхстагъ; въ ихъ числѣ находились налоги и еще два-три законопроекта, которымъ сначала не придавали той важности, какую они получили впослѣдствіи. Одинъ изъ этихъ проектовъ получилъ названіе „проекта Самоа“. Для поясненія его въ краткихъ словахъ скажу, что на островахъ

Digitized by Google

этого имени основали колоніи нѣкоторые гамбургскіе торговые дома, изъ которыхъ самымъ значительнымъ является домъ Годефруа. Правительство отнеслось съ особеннымъ вниманіемъ къ этимъ колоніямъ и даже назначило нѣсколько времени тому назадъ консула, для пребыванія на нихъ. Домъ Годефруа, давно уже съ трудомъ державшійся на ногахъ, хотя прежде и занималъ почетное мѣсто въ торговомъ мірѣ, въ настоящее время обанкрутился, и явилась опасность, что тамошнія колоніи перейдутъ въ руки англійскаго торговаго дома, такъ какъ главнымъ кредиторомъ являлась англійская фирма Берингъ. Князь Бисмаркъ чрезвычайно какъ заинтересовался этимъ дѣломъ, и по его почину образовалось общество, которое, въ надеждѣ на то, что германская имперія дастъ извѣстную гарантію, собрало достаточно значительную сумму, чтобы уплатить долги Годефруа. Князь Бисмаркъ, какъ утверждали, ручался, что такая гарантія будетъ дана имперіей, причемъ само собой разумѣется, что рейхстагъ долженъ изъявить на это свое согласіе. Когда этотъ проектъ появился на политическомъ горизонтѣ, то вдругъ обнаружилась совершенно неожиданная оппозиція. Стали утверждать, что все дѣло сводится лишь къ тому, чтобы имперія поддержала обанкрутившуюся фирму, и оппозиція росла не по днямъ, а по часамъ, хотя дѣло шло о ничтожной сравнительно суммѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ марокъ. Быть можетъ, враждебное отношеніе къ Бисмарку и къ дому Годефруа усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что владѣльцы этой фирмы имѣли отношеніе къ извѣстному правительственному органу „Сѣверогерманской газетѣ“, и участвовали въ ея изданіи.

Стало очевидно, что проектъ встрѣтитъ серьёзныя затрудненія въ рейхстагѣ. Не только тѣ партіи, которыя по принципу всегда стоятъ въ оппозиціи къ Бисмарку, но также и большая часть національ-либеральной партіи, а именно такъ называемое лѣвое крыло сильнѣйшимъ образомъ возставало противъ проекта на основаніи фритредерскихъ принциповъ. Въ силу этихъ принциповъ, какъ извѣстно, всякая промышленность должна держаться своими силами или же погибать; поддержка со стороны государства исключается безусловно, такъ какъ повредитъ другимъ интересамъ. Сама по себѣ эта теорія хороша и вѣрна, но ошибка можетъ заключаться въ томъ, что иногда приверженцы ея способны увлекаться миражемъ, не замѣчая, что другія государства поддерживаютъ торговлю и промышленность, и что даже фритредеры въ этихъ государствахъ весьма охотно допускаютъ такую поддержку.

Еще другое обстоятельство вліяло при этомъ, а именно одна черта, глубоко вкоренившаяся въ нѣмецкомъ характерѣ.

Пробѣгая исторію за послѣднія тридцать, сорокъ лѣтъ, видишь,

Digitized by Google

что несчетное число людей всѣхъ партій и въ особенности либералы высказывались у насъ за то, что германская имперія нуждается въ колоніяхъ, чтобы обезпечить за собой, въ виду дальнѣйшаго развитія вселенской политики, при началѣ которой мы присутствуемъ, мѣста въ тѣхъ областяхъ, гдѣ, быть можетъ, въ позднѣйшихъ вѣкахъ будутъ происходить величайшія событія. Съ другой стороны, указывалось и на то, что колоніи необходимы для флота и имѣютъ значеніе также и въ вопросѣ объ эмиграціи. Конечно, врядъ ли канцлеръ имѣлъ такой опредѣленный политическій планъ, когда вздумалъ оказать содѣйствіе предпріятію на Самоа, но по всей вѣроятности онъ видѣлъ въ этомъ попытку, изъ которой могло что-нибудь и выдти, и которая во всякомъ случаѣ могла послужить въ видѣ опыта, какъ приступить къ этому дѣлу. Но въ тотъ самый моментъ, какъ онъ выступилъ съ положительнымъ предложеніемъ, немедленно обозначилась вышеупомянутая черта нѣмецкаго характера, а именно всѣ тѣ, которые мечтали о колоніяхъ, немедленно возстали противъ нихъ, какъ только зашла рѣчь о практическомъ осуществленіи ихъ же мечтаній.

Пренія по вопросу о Самоа представили цѣлый рядъ курьёзовъ. Не только парламентское краснорѣчіе было пущено въ ходъ, но и карикатурные листки, идущіе вслѣдъ за оппозиціей, вступили въ бой, и любимой темой было предположеніе, что имперія получитъ кокосовые орѣхи, въ видѣ процентовъ на затраченный капиталъ, такъ какъ денегъ въ тѣхъ странахъ, разумѣется, нѣтъ на лицо. Быть можетъ, дѣло разрѣшилось бы все-таки въ пользу правительства, если бы Бисмаркъ рѣшился появиться въ рейхстагѣ, но онъ этого не сдѣлалъ. Представительство за проектъ было не особенно удачно, не смотря на то, что одинъ изъ его защитниковъ, Рёло, только-что вернувшійся изъ Сиднея съ выставки, пользуется очень большой популярностью среди умѣренныхъ либераловъ. Но тутъ и ему пришлось испытать, какъ перемѣнчива популярность. Все ему рукоплескало, когда онъ на основаніи Филадельфійской выставки произнесъ весьма суровый приговоръ о нѣмецкой промышленности, что она работаетъ „дешево и скверно“; теперь же, тѣ самые люди, которые въ ту пору превознесли его, осыпали самыми ядовитыми насмѣшками. Проектъ Самоа провалился, и вслѣдъ затѣмъ въ рейхстагѣ произошелъ замѣчательный переворотъ. Между тѣмъ какъ вплоть до принятія военнаго бюджета и продленія закона противъ соціалистовъ, почти всѣ желанія правительства исполнялись, теперь—пораженіе слѣдовало за пораженіемъ.

Почти одновременно съ проектомъ Самоа, канцлеръ захотѣлъ привести въ исполненіе другой изъ своихъ плановъ. Онъ никогда

Digitized by Google

до сихъ поръ не могъ добиться того, чтобы Гамбургъ и Бременъ утратили свои права вольныхъ гаваней. Что это исключительное положеніе не могло вѣчно длиться—съ этимъ былъ всякій согласенъ у насъ, и нельзя сказать, чтобы и новое таможенное законодательство обнаружило существенную разницу въ обсужденіи этого вопроса. Право вольной гавани образуетъ особую таможенную границу относительно материка, и если иностранные моряки пользуются бо́льшими удобствами, благодаря вольнымъ гаванямъ, за то обращеніе съ внутренней страной весьма ограничивается. Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ можно было спокойно разобрать, но страсти разыгрались уже вслѣдствіе враждебнаго отношенія, въ какое стали къ канцлеру Гамбургъ и Бременъ, еще по случаю его намѣренія ввести табачную монополію, и на дѣло взглянули какъ на удобный поводъ пойти наперекоръ политики князя Бисмарка. По странному стеченію обстоятельствъ, рѣшеніе явилось не прямое, но косвенное.

Договоръ, существующій съ 1822 г. между Пруссіей и Австріей о судоходствѣ по Эльбѣ, такъ-называемый актъ судоходства по Эльбѣ, уже пересматривавшійся однажды, долженъ былъ быть еще разъ пересмотрѣнъ. Коммисары Австріи и Германіи—такъ какъ прусскія права перешли съ 1866 г. къ Германіи—съѣхались; невинный актъ былъ разобранъ и внесенъ въ рейхстагъ. Тогда вслѣдствіе ловкости Дельбрюка открыта была въ этомъ актѣ вставка, благодаря которой Бисмаркъ захватилъ Гамбургъ и его вольную гавань. Въ договорѣ находится постановленіе, въ силу котораго таможенная заграничная линія проводится между двумя береговыми пунктами, обозначающими эту границу на сушѣ. Эта линія лежитъ ниже Гамбурга потому именно, что онъ вольная гавань. Дельбрюкъ увидѣлъ, что сто́итъ провести линію выше Гамбурга, и тогда свойство его какъ вольной гавани уничтожается ipso facto. Это остроумное открытіе было сдѣлано какъ разъ въ самый разгаръ волненія. Гамбургцы уже были крайне раздражены; конечно, германское правительство не имѣло въ виду немедленно лишить ихъ вольной гавани, но извѣстно было, что канцлеръ намѣревается включить въ германскій таможенный союзъ прусскій городъ Альтону, нынѣ принадлежащій къ области вольной гамбургской гавани; на это онъ имѣлъ полное право и хотѣлъ также включить въ эту таможенную область и гамбургское предмѣстье Санъ-Паули, на что̀ права его гораздо уже сомнительнѣе. Гамбургцы сдѣлали все, чтобы помѣшать исполненію этого плана, и ихъ оппозиція встрѣтила въ рейхстагѣ живое сочувствіе. Вождемъ этой оппозиціи явился Дельбрюкъ, долголѣтній сотрудникъ Бисмарка въ основаніи германской имперіи. Со времени его отставки, въ 1876 г., между нимъ и Бисмаркомъ постоянно существовали дружескія отношенія.

Digitized by Google

Дельбрюкъ стоялъ раза два во главѣ оппозиціи, но при этомъ всегда отличался весьма умѣреннымъ и приличнымъ тономъ. Но нельзя было не видѣть, что между экономическими воззрѣніями этихъ двухъ лицъ существуетъ глубокая пропасть. Дельбрюкъ—представитель фритредерской школы, въ томъ видѣ, какъ она развилась въ Германіи, гдѣ и достигла важнаго значенія. Но эта школа совершенно поражена теперь Бисмаркомъ, послѣ краткаго похода въ половинѣ 1878 до половины 1879 г. Однако, она не уничтожена; всѣ ея вожди на лицо, и они вовсе не отказались отъ надежды снова получить значеніе, и не могутъ разстаться съ мыслью, что Бисмаркъ, только благодаря безсовѣстной потачкѣ своекорыстнымъ интересамъ предпринимателей, и искаженнымъ экономическимъ понятіямъ толпы, могъ однимъ почти ударомъ опровергнуть систему, которую они, какъ думали, возвели непоколебимо.

Дельбрюкъ пользуется такимъ политическимъ значеніемъ, что, весьма естественно, оппозиція противъ князя Бисмарка употребляетъ всѣ усилія, чтобы привлечь его на свою сторону. До сихъ поръ онъ отклонялъ всѣ такія попытки, но на этотъ разъ онъ или не успѣлъ, или не захотѣлъ этого сдѣлать. Какъ только стало извѣстно его намѣреніе бороться противъ извѣстной статьи договора объ эльбскомъ судоходствѣ—а именно, онъ внесъ поправку въ томъ смыслѣ, что вышеупомянутый актъ долженъ быть принятъ рейхстагомъ только подъ тѣмъ условіемъ, что таможенная граница на рѣкѣ не будетъ въ силу этого акта проведена дальше теперѣшняго—оппозиція тотчасъ же воспользовалась этимъ и повела настоящую аттаку противъ Бисмарка, такую, какой ему давно уже не приходилось выдерживать. Князь Бисмаркъ остался побѣжденнымъ. По строгимъ конституціоннымъ правиламъ, канцлеръ долженъ былъ отступить послѣ такого голосованія; но онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ ему все равно, осуществится, или нѣтъ, договоръ объ эльбскомъ судоходствѣ. Если онъ не осуществится, то останется въ силѣ старый, съ которымъ можно и дальше жить, какъ жили до сихъ поръ. Другое было бы дѣло, если бы вопросъ шелъ о такомъ пунктѣ, который бы касался, напримѣръ, арміи, такъ какъ въ такомъ случаѣ правительство вынуждено было бы или дѣйствовать вопреки голосованію рейхстага, или отступить. Несмотря на то, нельзя отрицать, что враждебное Бисмарку голосованіе рейхстага имѣетъ важное значеніе, тѣмъ болѣе, что такое недружелюбное правительству заключеніе сессіи служитъ дурнымъ предзнаменованіемъ.

Перехожу теперь къ тому самому пункту, съ котораго началъ свое письмо и которое поставилъ, собственно говоря, цѣлью своихъ разсужденій, а именно, къ появленію канцлера и его послѣдней, важ-

Digitized by Google

ной рѣчи, сказанной въ засѣданіи рейхстага 8-го мая, за которою 10-го числа послѣдовало враждебное голосованіе. Канцлеръ говорилъ за принятіе договора объ эльбскомъ судоходствѣ, и этому предмету посвятилъ добрую половину своей рѣчи, въ которой защищалъ притязанія правительства государственными мотивами и упомянулъ о томъ, что въ началѣ декабря вполнѣ раздѣлялъ его возврѣнія, а теперь возстаетъ противъ нихъ. Но не эта часть рѣчи привлекла на себя вниманіе не одной только Германіи, но и всей Европы; вниманіе обратила на себя послѣдняя, личная часть его рѣчи, въ которой Бисмаркъ объявилъ, что до смерти усталъ и очень охотно удалился бы отъ дѣлъ, если бы только императоръ это дозволилъ,—увѣреніе, ослабленное тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ тотчасъ же указалъ на возможность вести когда-нибудь парламентскую агитацію; затѣмъ, онъ порвалъ всѣ связи съ центромъ и тѣми партіями, которыя соединились съ центромъ, осыпая ихъ горькими упреками и въ заключеніе разразился жалобами на усиливающійся нѣмецкій партикуляризмъ. Вотъ главныя черты его рѣчи. Сужденія о ней весьма различны,—главнымъ образомъ, расходятся мнѣнія на счетъ того, чего собственно хотѣлъ достичь Бисмаркъ этою рѣчью. Тѣ, которые видѣли и слышали канцлера въ этотъ день, согласны въ томъ, что онъ очень постарѣлъ противъ прежняго, и что его рѣчь далеко не имѣетъ прежней чарующей силы. Напротивъ того, тѣ, которые его видятъ въ домашней обстановкѣ, утверждаютъ, что онъ необыкновенно свѣжъ, и не видно и слѣдовъ въ немъ упадка силъ. Безъ всякаго злорадства, можно признать, что выраженіе „усталъ до смерти"—нѣсколько преувеличено, и что оно касается больше умственнаго утомленія, происходящаго изъ того, что канцлеръ встрѣчаетъ сопротивленіе въ своихъ стремленіяхъ.

Упрекъ, сдѣланный канцлеромъ консервативной партіи въ томъ, что она соединилась съ клерикальной партіей, возбудилъ всеобщее удивленіе, потому что князь Бисмаркъ самъ, въ прошломъ году, заключилъ союзъ съ клерикалами, чтобы провести свою экономическую реформу. Въ большомъ, такъ-называемомъ „вольномъ экономическомъ союзѣ", состоявшемъ изъ парламентскихъ членовъ всевозможныхъ партій, было много ультрамонтанъ, и они подставляли возможность для правительства провести свою экономическую реформу, такъ какъ этотъ союзъ, при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ, уже имѣлъ за себя большинство рейхстага. Но это еще не все. Еще до самаго прошлаго года, канцлеръ, очевидно, питалъ желаніе, чтобы консерваторы и ультрамонтаны также сблизились другъ съ другомъ, и такимъ образомъ образовали бы большинство въ рейхстагѣ. Иначе нельзя объяснить поведенія его съ національ-либералами, такъ какъ

Digitized by Google

послѣднихъ онъ постоянно отталкивалъ и даже самыхъ умѣренныхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Беннигсена. Вы припомните также, что предсѣдательство въ прусскомъ ландтагѣ, какъ и въ германскомъ рейхстагѣ, впервые со времени начала культурной борьбы снова замѣщено было консерваторомъ и ультрамонтаномъ, а этотъ выборъ могъ произойти только вслѣдствіе коалиціи обѣихъ партій. Что такое предсѣдательство соотвѣтствовало въ то время желаніямъ Бисмарка—это несомнѣнно; иное дѣло—можетъ быть, послѣдніе выборы президента въ рейхстагѣ, при которыхъ избранъ былъ консерваторъ графъ Арнимъ, зять того графа Арнима, который былъ посланникомъ въ Парижѣ и самый ожесточенный врагъ Бисмарка.

Этотъ Арнимъ, хотя лично и умѣренный человѣкъ, и вовсе не приверженецъ бывшаго посланника, счелъ долгомъ чести, послѣ того, какъ тотъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію, удалиться отъ государственной службы, и Бисмаркъ, говорятъ, былъ крѣпко оскорбленъ въ ту пору этимъ рѣшеніемъ. Тѣмъ не менѣе онъ любезно принялъ избраніе графа Арнима въ президенты рейхстага, и, по внѣшности, по крайней мѣрѣ, сохранялъ съ нимъ прежнія дружескія отношенія. Но дѣло обошлось, кажется, не совсѣмъ гладко; такъ какъ графъ Арнимъ, говорятъ, не имѣетъ намѣренія вторично баллотироваться въ президенты, хотя его руководство дѣлами въ рейхстагѣ снискало всеобщее одобреніе.

То обстоятельство, что князь Бисмаркъ такъ возсталъ противъ союза съ центромъ, можетъ имѣть только одну причину, а именно ту, что онъ, питая нѣкоторое время надежду на соглашеніе съ Римомъ и центромъ, въ настоящее время убѣдился, что это невозможно, и что онъ скорѣе придетъ къ соглашенію съ Римомъ, нежели къ соглашенію съ центромъ. Въ какой моментъ наступилъ этотъ переломъ—сказать нельзя, но Бисмаркъ въ томъ совершенно правъ, что, хотя центръ и помогъ ему въ прошлую сессію провести экономическую реформу, но въ эту сессію оказывалъ ему рѣшительнѣйшую оппозицію и боролся противъ каждаго проекта правительства; всѣми пораженіями, понесенными послѣднимъ, оно обязано главнымъ образомъ центру. Центръ былъ противъ военнаго закона и противъ продленія закона о соціалистахъ,—двухъ вопросахъ, крайне важныхъ для правительства. Бисмаркъ явно старался сблизиться съ Виндгорстомъ; Виндгорстъ бывалъ въ гостяхъ у канцлера, и ходили всякія исторіи о любезности, внимательности, какими отличалъ его Бисмаркъ предпочтительно передъ всѣми. Какъ перемѣнились времена въ этомъ отношеніи, видно лучше всего изъ самой рѣчи князя Бисмарка, въ которой онъ развернулъ цѣлый списокъ грѣховъ центра, и рѣзче, чѣмъ когда-либо, обвинялъ его во враждебности къ госу-

Digitized by Google

дарству. Виндгорстъ, противъ котораго лично была направлена часть этихъ упрековъ, сказалъ съ гнѣвомъ, тотчасъ послѣ рѣчи, обращаясь къ окружающимъ лицамъ: „Ну, *съ нимъ* у меня навсегда покончены всѣ счеты!“

Политику, высказанную въ рѣчи Бисмарка, выражаютъ въ двухъ фразахъ: „Миръ съ Римомъ, война съ центромъ!“ Само по себѣ нисколько не удивительно и тѣмъ менѣе предосудительно, если государственный человѣкъ мѣняетъ политику, когда видитъ, что она не ведетъ къ предположенной имъ цѣли, и также мало можно упрекать князя Бисмарка, какъ и всякаго другого, за то, что онъ когда-то разсчитывалъ на центръ, и затѣмъ, когда этотъ разсчетъ оказался невѣрнымъ, обратился къ другимъ союзникамъ. Онъ сначала, по всей вѣроятности, проглядѣлъ одно обстоятельство весьма важное. Великая партія центра состоитъ, какъ извѣстно, изъ либеральныхъ, какъ и изъ консервативныхъ элементовъ, связанныхъ между собою ультрамонтанскими интересами. Эти интересы совершенно независимы отъ политическаго положенія, и вслѣдствіе этого происходитъ то, что ультрамонтанская партія оказывается то на лѣвой, то на правой сторонѣ, но при этомъ всегда замкнута. Натурально, что долгое существованіе партіи превращаетъ ее въ сильный и могучій организмъ. Для руководителя партіей требуется нѣсколько вожаковъ, и эти вожаки играютъ вліятельную роль, благодаря силѣ своей партіи. Съ того момента, какъ окончилась бы, такъ-называемая, культурная борьба, положеніе вліятельнѣйшихъ изъ этихъ господъ, и между ними Виндгорста, пошатнулось бы. Вотъ уже много лѣтъ, какъ этотъ бывшій ганноверскій министръ является однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей въ Пруссіи и въ Германіи, и можно почти сказать, что онъ самый вліятельный парламентскій дѣятель въ Германіи,—такое положеніе пріобрѣтено имъ, благодаря его парламентскимъ талантамъ и большимъ дипломатическимъ дарованіямъ. Труднѣе будетъ удержать консерваторовъ отъ союза съ клерикалами. Воззваніе Бисмарка осталось въ этомъ отношеніи безъ отвѣта; консерваторы выказали большую холодность и дали понять, самымъ яснымъ образомъ, что они съ такимъ же правомъ, съ какимъ прежде Бисмаркъ искалъ союза съ центромъ, примутъ этотъ союзъ, какъ скоро это совпадаетъ съ ихъ интересами. Съ 1875 г. отношенія Бисмарка къ консерваторамъ постепенно улучшились. Въ то время напряженное состояніе дошло до своего зенита, и читатели вѣрно еще помнятъ такъ-называемый списокъ декларантовъ, длинный рядъ истыхъ прусскихъ юнкеровъ, вотировавшихъ довѣріе „Крестовой Газетѣ“, анатематизированной Бисмаркомъ. Эти люди представляли собою, можно это съ увѣренностью сказать, девять-десятыхъ своихъ единомышленниковъ и росписались явными врагами Бисмарка.

Digitized by Google

По наружности, дѣло на томъ и остановилось. Бисмаркъ потерпѣлъ пораженіе въ борьбѣ съ реакціонной газетой, потому что она удержала своихъ подписчиковъ. Несмотря на то, она съ тѣхъ поръ приняла другой тонъ и не такъ громко, какъ прежде, стала заявлять о своей враждебности къ Бисмарку. Новый редакторъ, высокопоставленный чиновникъ, оставившій свое мѣсто, чтобы стать редакторомъ, дѣйствовалъ какъ тонкій дипломатъ и велъ газету съ большей осмотрительностью и сдержанностью, не поступаясь, однако, своими принципами. Повѣрилъ ли Бисмаркъ тому, что газета и ея партія измѣнились, что они иначе стали къ нему относиться—этого нельзя сказать съ увѣренностью. Каждый, кто безпристрастно слѣдилъ за газетой и тогдашними явленіями, долженъ былъ несомнѣнно увидѣть, что она нисколько не измѣнилась и только выжидаетъ болѣе благопріятнаго времени, чтобы возобновить прерванную борьбу. До самаго послѣдняго времени существовали три оттѣнка консервативной партіи: собственно старая консервативная партія, которая въ Пруссіи всегда называлась партіей „Крестовой Газеты“, а также „феодальной партіей“; нѣмецкіе консерваторы, которые отдѣлились отъ старо-консерваторовъ, хотя въ главномъ раздѣляютъ ихъ политическія убѣжденія, потому что находили несовмѣстнымъ съ характеромъ консервативной партіи оппозицію противъ правительства вообще и противъ правительства Бисмарка въ частности; и, наконецъ, свободные консерваторы, образующіе переходъ къ либераламъ и стоящіе ближе къ національ-либеральной партіи, чѣмъ къ крайней правой. Эта послѣдняя партія, хотя и очень осторожно, но все же высказывала, что придерживается принципа, что и консервативная партія имѣетъ также право дѣлать оппозицію правительству, какъ скоро послѣднее поступаетъ вопреки ея воззрѣніямъ на благо государства. Положеніе очень выгодное, и для каждаго, кто не знаетъ дѣлъ, оно заключаетъ въ себѣ нѣчто увлекательное. Во всѣ времена очень высоко цѣнится характеръ тѣхъ лицъ, которые осмѣливались противостоять правительству, располагающему властью, и вліяніе такого образа дѣйствій тѣмъ сильнѣе, чѣмъ умѣреннѣе, чѣмъ, такъ-сказать, консервативнѣе тѣ, которые по убѣжденію оказываютъ оппозицію правительству. Но тутъ есть и слабая сторона; консервативная партія, представляемая „Крестовой Газетой“, всегда дѣйствовала въ томъ направленіи, что правительство только тогда хорошо и заслуживаетъ поддержки, когда исполняетъ ея волю, т.-е. волю этой партіи. Она не столько дорожитъ тѣмъ, чтобы министры принадлежали къ ея партіи, сколько тѣмъ, чтобы они дѣлали то, чего требуетъ партія. Мудрость этихъ феодаловъ характеризуется довольно старинным, но весьма удачнымъ стихомъ:

Digitized by Google

Und der König absolut,
Wenn er unsern Willen thut!

т.-е. они приверженцы роялизма и правительства лишь подъ тѣмъ условіемъ, что король и правительство служатъ ихъ цѣлямъ.

Выборы въ современный ландтагъ, какъ извѣстно, усилили обѣ консервативныя фракціи, и нѣкоторые ловкіе вожаки нашли моментъ удобнымъ для объединенія обѣихъ фракцій, которыя такимъ образомъ могли получить такую власть, какой уже не пользовались съ давнихъ поръ. Объединеніе продолжается до сихъ поръ. Если къ этому прибавится союзъ съ центромъ, то образуется новое большинство, компактное, прочное большинство, связанное общими интересами и годное какъ для поддержки правительства, такъ и для оппозиціи противъ него. Крайняя лѣвая полагаетъ, что ея интересы совпадаютъ съ интересами ультрамонтанъ. Она бы прекратила культурную борьбу, заключила бы миръ съ Римомъ и снова поставила бы католическую церковь въ Германіи, т.-е. въ Пруссіи, въ то самое положеніе, какое она занимала до 1870 г. Я не стану здѣсь разсматривать, чѣмъ грѣшитъ такая комбинація: возстановленіе *in integrum* не возстановило бы фактически тогдашнихъ отношеній, но создало бы побѣдоносную церковь, которая въ продолженіи десятилѣтней борьбы предъявляла громадныя требованія къ государству. Только полнѣйшее подчиненіе требованіямъ римской церкви сдѣлало бы возможнымъ совмѣстное существованіе обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Заблуждаются ли на этотъ счетъ протестантскіе ортодоксы или другихъ хотятъ ввести въ заблужденіе—трудно сказать. Они много толкуютъ о своихъ протестантскихъ убѣжденіяхъ и о противорѣчіи, въ какомъ находятся съ Римомъ и папствомъ; но ихъ, также какъ и многихъ англійскихъ духовныхъ лицъ, необыкновенно какъ притягиваетъ авторитетъ, которымъ пользуется папство. Ортодоксальные протестантскіе священники, преслѣдующіе своихъ болѣе либеральныхъ собратій и вытѣсняющіе ихъ изъ ихъ должностей—за примѣрами ходить недалеко—стоятъ на той же самой почвѣ, какъ папа или епископъ, не терпящіе ереси. Но если консерваторы дѣйствительно хотятъ дѣйствовать, то скоро окажется, пойдутъ ли за ними приверженцы правительства, или же снова отдѣлятся отъ нихъ. Такъ какъ отношенія партій внутри государства довольны темны, то пока на этотъ счетъ нельзя высказать ничего положительнаго; во всякомъ случаѣ Бисмаркъ не можетъ согласиться ни на одну изъ этихъ комбинацій, и поэтому онъ уже составилъ свой собственный боевой планъ и требуетъ отъ ландтага полномочій для личныхъ переговоровъ съ римской куріей, чтобы отмѣнить или не приводить въ исполненіе часть такъ-называемыхъ майскихъ законовъ, т.-е. законодательства,

Digitized by Google

направленнаго противъ католическаго духовенства. Это необыкновенно острое оружіе, потому-что курія отлично знаетъ, что Бисмаркъ—единственный человѣкъ, который можетъ ей дать желанный миръ, и что отъ него зависитъ, какъ далеко зайти при этихъ переговорахъ.

Третьимъ пунктомъ въ Бисмарковской рѣчи была жалоба на просыпающійся партикуляризмъ. Эта жалоба, быть можетъ, произвела самое сильное впечатлѣніе во всей рѣчи и вызвала самые многочисленные, какъ и самые нелѣпые комментаріи. Говорили, что единство Германіи было желаніемъ нѣмецкаго народа задолго до того времени, какъ Бисмаркъ выступилъ на сцену, и что если бы князь Бисмаркъ не создалъ его, то нашелся бы другой, который бы это сдѣлалъ. Праздны споры о томъ: нужны ли такъ-называемые представительные люди для осуществленія историческихъ идей. Одно только вѣрно, что нѣмецкій народъ довольно часто толковалъ объ единствѣ и высказывалъ свое страстное желаніе этого единства, но что не съумѣлъ сохранить этого единства, которое существовало тысячу лѣтъ тому назадъ, и что въ его характерѣ должны заключаться свойства, дѣлающія его менѣе способнымъ, чѣмъ другія націи, къ поддержанію національнаго единства. Конечно, и Франціи приходилось добиваться національнаго единства съ помощью энергическихъ правителей и великихъ государственныхъ людей, но разъ это удалось, распаденія націи уже больше не повторялось, тогда какъ нельзя забывать, что всего какихъ-нибудь десятка два или полтора лѣтъ нѣмецкіе народы воевали не на животъ, а на смерть, и что и по сіе время существуютъ сильные факторы, которые ясно видятъ все зло, причиненное событіями 1866 г. и тѣмъ не менѣе желаютъ ихъ повторить. Конечно, говорятъ, что стремленіе къ единству есть черта настоящаго времени; Италія, также какъ и Германія, достигла національнаго единства только въ нынѣшнемъ столѣтіи, и положеніе этой страны еще хуже положенія Германіи. Однако весьма возможно, что идея національности, не всегда существующая въ народѣ, не всегда и живетъ въ немъ съ такою силою, какъ теперь, и тогда наступаютъ худшія отношенія, худшія времена. Въ одной недавно появившейся книгѣ: „Europäische Staatenkunde“, содержащей посмертныя лекціи умершаго знаменитаго географа Оскара Пешеля, редактированныя однимъ молодымъ ученымъ Отто Крюмелемъ, я нахожу чрезвычайно интересное мѣсто о вліяніи идей и спеціально идеи національности. Авторъ напираетъ на силу идей въ исторіи и высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: „Европа—излюбленная арена идей. Но географу приходится заниматься только общественными идеями. Наше время какъ разъ эпоха общественныхъ идей, подобно тому какъ XVI-ое столѣтіе было эпохой религіозныхъ идей, средніе вѣка—

Digitized by Google

идеи борьбы христіанства съ исламомъ. Но прежде всего идея національности представляется намъ какъ свѣтская сила, а именно: народы одинаковаго происхожденія, объединенные однимъ общимъ языкомъ и общей литературой, а также и славной исторіей, хотятъ занимать независимое и обособленное положеніе въ кругу другихъ. Этой идеѣ вездѣ предшествуетъ учрежденіе школъ, потому-что оно развивается всего сильнѣе въ школѣ; здѣсь пріобрѣтается познаніе литературы и исторіи, двухъ существенныхъ чертъ національности. Дипломаты вѣнскаго конгресса качали головой надъ національностью. Но уже въ то время въ греческихъ школахъ развивалось зерно войны за освобожденіе. На этой идеѣ зиждется отпаденіе Бельгіи отъ Нидерландовъ, затѣмъ возстаніе поляковъ, вѣчная смута Ирландіи. Эта идея раздѣляетъ конституціонно Норвегію и Швецію, раздѣляетъ государственно Португалію и Испанію, она соединяетъ Молдавію и Валахію. Она породила стремленіе въ Шлезвигъ-Голштиніи къ возсоединенію съ германской имперіей, она же произвела чудеса въ Италіи, послѣ первоначальныхъ неудачъ. Этой идеѣ, а не шпагѣ храбраго, но ограниченнаго Гарибальди, слѣдуетъ приписать то, что онъ съ горстью вѣрныхъ приверженцевъ отвоевалъ сначала Сицилію, а затѣмъ и Неаполитанскій материкъ. Эта идея завѣщана наслѣдію Петра и черезъ нее сталъ папа государемъ Ватикана и его садовъ. Эта идея угрожаетъ Портѣ и мало-по-малу расшатываетъ турецкое царство; она же навязала Австріи дуализмъ. Ей слѣдуетъ приписать стремленія галиційскихъ поляковъ, настойчивость чеховъ. Казалось даже одно время, что Австрія будетъ побѣждена этой идеей. Но она не будетъ побѣждена, потому-что существуетъ нѣчто болѣе сильное, чѣмъ идеи, а именно время. Подобно тому какъ христіанская реформація не можетъ нынѣ взбудоражить пол-Европы, такъ и догматъ національности потеряетъ со временемъ свои чары: онъ можетъ, какъ и всякая идея, дойти до своего апогея, и затѣмъ снова снизойти до историческаго матеріала. Но для настоящаго Европы она стала настоящей силой, на которую мы всюду наталкиваемся".

Весьма возможно, что черезъ пятьдесятъ или сто лѣтъ единство и національность въ Германіи будутъ такъ же сильны, какъ и въ тѣхъ странахъ, которыя раньше достигли единства; но никто не можетъ за это поручиться, и каждый государственный человѣкъ обязанъ устранять съ пути все, что мѣшаетъ процессу упроченія. Я уже на дѣйствіяхъ союзнаго совѣта указалъ, что стремленіе къ партикуляризму существуетъ, а Бисмаркъ, который несомнѣнно весьма проницательный и дальнозоркій наблюдатель, могъ лучше, чѣмъ всякій другой, замѣтить, что такое же партикуляристическое направле-

Digitized by Google

ніе существуетъ и въ народѣ. Нельзя считать доказательствомъ противнаго то, что всякій отрицаетъ существованіе подобныхъ явленій и лично за себя увѣряетъ, что онъ не партикуляристъ; потому что партикуляризмъ и его начало какъ разъ гнѣздятся въ томъ, что никто не считаетъ себя партикуляристомъ, а дѣйствуетъ такъ, что партикуляризмъ является самъ собою. Хотя я не долго жилъ въ чужихъ земляхъ, но имѣлъ однако случай познакомиться съ англичанами, французами и итальянцами у нихъ дома, и, по моему мнѣнію, у всѣхъ у нихъ національное чувство гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Германіи. Въ Англіи, напримѣръ, живетъ гордое, но возвышенное слово, что человѣкъ обязанъ отстаивать свое отечество—право оно или неправо передъ иноземцами. Въ Германіи каждый начинаетъ безпристрастно и болѣе или менѣе остроумно гадать, при какой-нибудь распрѣ съ чужой страной, не находится ли право на ея сторонѣ, а не на сторонѣ Германіи, и каждый считаетъ себя совершенно въ правѣ высказываться противъ своей страны. Въ настоящее время мы какъ разъ пережили то, какъ либеральная партія мѣняла свои воззрѣнія на вопросы иностранной политики по мѣрѣ того, какъ они мѣнялись у правительства, и при этомъ всегда становилась на сторону враждебную правительству. Блистательнѣйшимъ примѣромъ тому могутъ служить отношенія къ Россіи, о которыхъ теперь тѣмъ удобнѣе говорить, что они улажены. Вся либеральная партія, какъ въ крымскую кампанію 1853—56 гг., такъ и въ послѣднюю русско-турецкую войну, рѣшительно была противъ Россіи и за турокъ. Ненависть къ первой выражалась самымъ страстнымъ образомъ, и всякій, кто осмѣливался вступаться за дружбу съ русскими, бывалъ укоряемъ въ раболѣпствѣ. Такъ длилось до тѣхъ поръ, пока прусское, т.-е. германское правительство находилось въ дружескихъ отношеніяхъ къ Россіи; но въ тотъ моментъ, какъ эта дружба, не знаю въ самомъ ли дѣлѣ или только на видъ, пошатнулась,—такъ декораціи перемѣнились, и вся либеральная печать возгорѣлась пламенной дружбой къ дотолѣ ненавистной Россіи и выходила изъ себя, если какой-нибудь правительственный органъ позволялъ себѣ невѣжливо выразиться о Россіи, тогда какъ сама она цѣлые годы выражалась такъ, да еще рѣзче, и никто этимъ не возмущался. Надо забраться очень далеко въ глубь французской или англійской исторіи, чтобы натолкнуться на такія явленія. До тѣхъ поръ, пока они ограничиваются прессой, они довольно невинны сравнительно, но воззрѣнія, высказывающіяся въ нихъ, могутъ перейти и въ практику. Французскіе эмигранты, сражавшіеся въ нѣмецкихъ рядахъ противъ своего отечества, такъ же немыслимы въ настоящее время, какъ и англійскіе якобиты, которые приняли по-

Digitized by Google

мощь національнаго врага Франціи, чтобы поработить отечество; можно надѣяться, но никакъ не ручаться, что въ Германіи не произойдутъ никогда подобныя явленія.

Правда, въ томъ, какъ сложились дѣла, въ настоящее время можно усмотрѣть два могучихъ противовѣса противъ пессимистическихъ взглядовъ. Какъ ни несовершенна во многихъ отношеніяхъ конституція германской имперіи, въ одномъ пунктѣ она ясна и опредѣленна, а именно въ обезпеченіи военнаго единства, которое сосредоточивается въ рукахъ императора и можетъ быть разрушено или ослаблено только слабымъ или неспособнымъ императоромъ. Воззваніе къ этому военному единству останется еще, по всей вѣроятности, долгое время рѣшительнымъ для всего народа; сопротивленіе ему почти немыслимо. Вторымъ оплотомъ служитъ грозящая опасность со стороны соціальной демократіи. На недавнихъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Гамбургѣ, соціаль-демократъ побилъ либеральнаго кандидата значительнымъ большинствомъ голосовъ и далъ такимъ образомъ доказательство, что соціальная демократія отнюдь еще не уничтожена направленнымъ противъ нея закономъ. Хотя въ Берлинѣ при новыхъ выборахъ соціаль-демократія оказалась очень слабой, но вѣдь здѣсь господствуетъ такъ-называемое малое осадное положеніе, которое, будучи исключительной мѣрой для столицы, оказалось весьма дѣйствительнымъ, такъ какъ полиція пользовалась безпощадно всѣми своими полномочіями и сдѣлала невозможной всякую избирательную дѣятельность для соціаль-демократіи. Малое осадное положеніе даетъ, какъ извѣстно, полиціи право высылать каждаго подозрительнаго человѣка, а всякій, кто только распространялъ соціаль-демократическіе избирательные бюллетени уже тѣмъ самымъ могъ навлечь на себя изгнаніе, хотя вообще примѣненіе соціаль-демократическаго закона и даже малаго осаднаго положенія не возбуждаетъ жалобъ, по тому самому, что и то и другое примѣняется далеко не съ безпощадной строгостью; тѣмъ не менѣе такого образа дѣйствій относительно выборовъ нельзя одобрить, такъ какъ права выбора нельзя ни для кого ограничивать или отмѣнять посредствомъ исключительнаго закона; онъ неотмѣняемъ и служитъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ нѣмецкихъ отношеній. Касательно важности этого права не можетъ быть никакого сомнѣнія, и соціальная демократія лучше, чѣмъ остальные классы, поняла его значеніе и съумѣла имъ воспользоваться для своихъ интересовъ. Что всеобщая прямая подача голоса совмѣстима съ существованіемъ государства — это достаточно доказано въ Германіи, но она совмѣстима лишь тогда, когда всѣ тѣ, которые заинтересованы въ сохраненіи существующаго строя государственнаго и общественнаго дружно стоятъ за него и устраняютъ

Digitized by Google

всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ ниспровергнуть государство и общество. Это сознаніе, которое быть можетъ въ настоящее время нѣсколько дремлетъ, можетъ каждую минуту проснуться съ бо́льшей силой и будетъ имѣть естественнымъ послѣдствіемъ то, что всѣ факторы сохраненія, шедшіе въ разбродъ, тѣснѣе сплотятся. Настоящія событія въ Англіи необыкновенно какъ поучительны въ этомъ отношеніи и станутъ, можетъ быть, еще поучительнѣе. Обѣ великія партіи боролись другъ съ другомъ цѣлыя столѣтія, но съ большой мудростью умѣли избѣгать того, чтобы третья,—я разумѣю знаменитый принципъ: Duobus litigantibus tertius gaudet—извлекала выгоды для себя изъ этой борьбы. Въ послѣднемъ поколѣніи это правило нѣсколько ослабѣло, и третья партія очень успѣшно воспользовалась этимъ. Но можно, однако, замѣтить, что обѣ партіи усмотрѣли свою ошибку и снова сблизились; онѣ не могутъ не сознавать, что у нихъ дѣло въ этомъ отношеніи стоитъ еще хуже, чѣмъ у насъ, потому что королевская власть не имѣетъ тамъ больше такой силы, какъ въ Германіи.

Сессія рейхстага, на ряду съ великими политическими битвами, не оставила безъ вниманія тѣ изъ законодательныхъ вопросовъ, относительно которыхъ консервативное настроеніе, господствующее въ настоящемъ собраніи, находится въ противорѣчіи съ либерализмомъ, господствовавшимъ въ прошедшемъ десятилѣтіи. Ни одинъ изъ законовъ либеральной эры не возбуждалъ такой бури, какъ такъ называемая свобода роста, т.-е. прекращеніе всякаго ограниченія закономъ размѣра взимаемыхъ съ капитала процентовъ. Эта мѣра была безусловно необходима для прежней экономической теоріи свободы торговли, и она привѣтствовалась съ радостью или по крайней мѣрѣ считалась необходимой тѣми, которые вовсе не увлекались теоріей свободной торговли. Я самъ не могу еще и по сіе время увлекаться возстановленіемъ законовъ о ростѣ и признать основательными причины, по которымъ это считается необходимымъ. Но нельзя также отрицать и того факта, что въ селахъ въ особенности ростовщичество развилось необыкновенно съ тѣхъ поръ, какъ было снято вышеупомянутое ограниченіе. Крестьянинъ и мелкій собственникъ бываютъ зачастую поставлены въ крайнюю необходимость занять денегъ. Плохой урожай, необходимое усовершенствованіе въ хозяйствѣ и множество другихъ причинъ требуютъ денежнаго займа. Ростовщикъ подъ рукой и ведетъ свои операціи такъ искусно, что въ самомъ непродолжительномъ времени должникъ становится его безусловной жертвой. Эти факты подтверждаются со всѣхъ сторонъ, какъ консерваторами, такъ и либералами, и всѣ признаютъ также, что главнымъ образомъ евреи-ростовщики являются страшнымъ зломъ, но

Digitized by Google

сомнительно то, возможно ли устранить это зло. Люди бывали разоряемы ростовщиками еще въ ту эпоху, когда существовали весьма строгіе законы противъ ростовщичества, потому что ихъ умѣли обходить во всѣ времена, и чѣмъ строже законъ, тѣмъ дороже заставляетъ ростовщикъ платить за свою помощь. Спрашивается затѣмъ: дѣйствительны ли окажутся мѣропріятія рейхстага? Онъ не могъ, напримѣръ, согласиться на счетъ границы, за которою уже процентъ считается ростовщическимъ: взять ли за норму 10 или 20%, а потому удовольствовался тѣмъ, что въ общихъ чертахъ охарактеризовано ростовщичество, а именно, что ростовщичество проявляется тогда, когда люди пользуются нуждой, легкомыслiемъ или неопытностью должника и берутъ такіе проценты, которые его разоряютъ. Это въ высшей степени запутанное опредѣленіе ставитъ каждый случай на произвольное рѣшеніе судьи, который въ одномъ случаѣ можетъ признать нормальнымъ такой процентъ, который другой судья, при другихъ обстоятельствахъ, признаетъ ростовщическимъ. Практическіе люди говорятъ, что трудно придумать худшій и болѣе непримѣнимый законъ, какъ этотъ. Комично при этомъ было то, что графъ Вильгельмъ Бисмаркъ, сынъ канцлера и членъ рейхстага, тоже возставалъ противъ законопроекта, и хотя тоже желалъ карать ростовщичество, но требовалъ опредѣленія нормы %, за которою уже начинается растовщичество. На практикѣ законъ о ростовщичествѣ, какъ это ясно вытекаетъ изъ всего вышесказаннаго, долженъ увеличить число жалобъ на теперешнее судопроизводство, т.-е. на все новѣйшее либеральное законодательство, такъ какъ невозможно, чтобы приговоры судей, при такихъ неопредѣленныхъ условіяхъ, пользовались достаточнымъ авторитетомъ. Жалобы на это либеральное законодательство вообще не ограничиваются консервативнымъ лагеремъ, но раздаются со всѣхъ сторонъ и преимущественно на судебныя издержки, которыя просто непомѣрны, на медленность производства, на устраненіе апелляціонной инстанціи, дѣлающее невозможнымъ въ бо̀льшей части случаевъ исправленіе первоначальнаго приговора и уже приведшее къ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Газеты наполнены рѣзкими примѣрами громадности издержекъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ процесса ничтоженъ. Можетъ случиться, что объектомъ является одна марка, а издержки составятъ десять марокъ. Защитники новаго законодательства находятъ это самое прекраснымъ и полагаютъ, что было бы отлично запугать желающихъ вести процессы изъ такихъ бездѣлицъ; но масса народа не такъ счастлива, чтобы имѣть случай вести процессы изъ-за сотенъ марокъ и болѣе, а по старому судопроизводству, она могла предъявлять суду даже и мелкіе иски, за ничтожныя издержки. Прибавьте къ этому,

Digitized by Google

что постоянно усиливающееся давленіе евреевъ на суды въ высшей степени непопулярно, и вы легко поймете, что одна эта сфера уже создаетъ массу недовольныхъ, которые всѣ въ концѣ-концовъ обрушиваются на либеральное законодательство и на либераловъ. Консерваторы во всякомъ случаѣ дѣлаютъ ошибку за ошибкой, и можно только удивляться, какъ они до сихъ поръ не сломали себѣ шею на этихъ ошибкахъ; но вышеупомянутыя явленія хорошо объясняютъ то, что въ странѣ незамѣтно еще никакихъ слѣдовъ поворота въ умахъ какъ консервативнаго настроенія къ либеральному.

Второй мѣрой рейхстага, пожалуй еще менѣе удачной, чѣмъ первая, было измѣненіе промысловаго уложенія. Это послѣднее, тоже проникнутое фритредерскимъ духомъ, давно уже оскорбляло глаза консерваторовъ и они давно уже пытались измѣнить его въ своемъ смыслѣ. На этотъ разъ они обрушились на свободу театровъ. Въ силу промысловаго уложенія каждый, полицейски-благонадежный человѣкъ имѣетъ право открывать театръ, и, благодаря этому, выросла цѣлая масса новыхъ театровъ, которые, какъ согласится каждый, отнюдь не служатъ храмами для искусства. Прекраснымъ кажется на первый взглядъ ограничить ихъ въ интересахъ искусства и нравственности, и такъ какъ консервативный духъ имѣлъ поводъ тутъ разыграться, то послѣ многихъ усилій придумано постановленіе, въ силу котораго позволеніе открывать театръ обставляется извѣстными условіями для антрепренёра, а именно онъ долженъ доказать свою артистическую, нравственную и финансовую способность. Съ этимъ можно дѣйствовать, какъ угодно: давать или не давать концессіи; но чтобы искусство выиграло отъ этого,—это врядъ ли кто станетъ утверждать. Искусство свободно и должно оставаться свободнымъ, если желаютъ, чтобы оно процвѣтало; никакая школа въ мірѣ не дастъ хорошихъ актеровъ и хорошихъ драматурговъ, если природа не создастъ ихъ. Сцена находится въ зависимости отъ вкуса публики; публикѣ слѣдуетъ поставить въ заслугу, если сцена возвышается; публика виновата, при свободѣ театровъ, если сцена падаетъ.

P. S. Когда я кончалъ настоящую корреспонденцію, совершенно неожиданно и въ самый день открытія ландтага, въ палату депутатовъ внесенъ правительственный проектъ о прекращеніи столкновенія съ Римомъ. Я не могу ничего сказать, теперь же, потому что многое въ этомъ дѣлѣ такъ неясно, что абсолютно никто не можетъ выразить правильнаго взгляда, и различныя партіи въ палатѣ депутатовъ приведены въ крайнее волненіе. Проектъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ извѣстіямъ, ходившимъ о немъ раньше, такъ какъ онъ

Digitized by Google

вовсе не даетъ правительству безусловныхъ полномочій, но отмѣняетъ бо́льшую часть законовъ, которыми съ 1873 г. подавлялись стремленія католическаго духовенства, считавшіяся враждебными государству, и даже уничтожаются послѣдствія произнесенныхъ, въ силу ихъ, важныхъ приговоровъ. Что̀ побудило Бисмарка къ такому шагу? желаетъ ли онъ, ради другихъ какихъ-нибудь политическихъ цѣлей, во что̀ бы то ни стало, устранить церковную распрю, разсчитываетъ ли онъ на то, что остатки отъ майскихъ законовъ дадутъ ему возможность добиться отъ Рима и клерикаловъ достаточнаго вознагражденія за свои уступки—вотъ вопросы, на которые никто пока не съумѣетъ отвѣтить. Одни только пренія въ палатѣ депутатовъ, которыя начнутся не прежде конца текущей недѣли, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на нихъ.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

11/23 мая, 1880.

LVIII.

Художество и администрація художествъ.

По поводу парижской выставки 1880 года.

Нынѣшній годъ открытіе выставки картинъ очень сильно взволновало міръ нашихъ художниковъ. Въ послѣднія двадцать лѣтъ, какъ я посѣщаю выставки, я замѣтилъ, что нѣтъ людей, на которыхъ было бы труднѣе угодить, чѣмъ на живописцевъ и на скульпторовъ. На это, впрочемъ, есть и причины, дѣлающія ихъ такими нервными,—но объ этомъ послѣ.

А пока—вотъ факты. Помощникъ секретаря въ академіи художествъ, г. Тюркэ, при содѣйствіи своихъ подчиненныхъ, чиновниковъ же, захотѣлъ увѣковѣчить свое имя реформами. Это характерная черта: каждый новый администраторъ, полагающій, что держитъ въ своихъ рукахъ артистическую славу Франціи, бываетъ обуреваемъ чрезмѣрнымъ усердіемъ. Онъ мечтаетъ снабдить насъ великими людьми и питаетъ диковинную надежду нафабриковать ихъ путемъ непрерывныхъ мѣропріятій. Итакъ, г. Тюркэ въ свою очередь явился

Digitized by Google

преобразователемъ порядковъ выставки. Онъ въ особенности приложилъ стараніе къ классификаціи выставляемыхъ произведеній; до него картины вѣшали вдоль длиннаго ряда залъ, довольствуясь алфавитнымъ порядкомъ; но онъ, человѣкъ аккуратный и систематичный, создалъ четыре категоріи: художниковъ внѣ-конкурсныхъ, художниковъ, которые по праву увольняются отъ оцѣнки жюри, художниковъ, которые отъ нея не увольняются, и наконецъ художниковъ-иностранцевъ. На первый взглядъ это кажется невинно; всѣ четыре группы установлены, и мѣра представляется прекрасной. А вотъ поди-те! нельзя себѣ представить, какой переполохъ произвела новая классификація г. Тюркэ. Никто недоволенъ, живописцы вопятъ, мастерскія бунтуются.

Живописцы, стоящіе внѣ конкурса, тѣ, которые могутъ получить только большую почетную медаль или крестикъ, всего лучше обставлены, потому что, несмотря на ихъ малочисленность, имъ отвели почти столько же мѣста, сколько и художникамъ, увольняемымъ отъ конкурса, а это позволило выставить ихъ картины въ одинъ рядъ вдоль верхняго карниза. Вопросъ о томъ хорошо или плохо поставлена картина—вопросъ капитальный на выставкѣ. Каждый живописецъ мечтаетъ попасть на верхній карнизъ и на середину панели. При всемъ томъ внѣ-конкурсные не удовлетворились. Одно обстоятельство, котораго слѣдовало ожидать, затруднило ихъ въ ихъ одиночествѣ. Между ними есть устарѣвшіе живописцы, пользовавшіеся успѣхомъ въ 1840 г., а въ настоящее время они посылаютъ на выставку отвратительныя картины, передъ которыми жюри обязано преклониться. Когда эти картины терялись въ массѣ разнокалиберныхъ произведеній, онѣ и проходили незамѣченными. Но теперь, когда ихъ помѣстили особо, на просторѣ и на виду, рядомъ съ современными корифеями,—и онѣ выступили во всей своей жалкой, почти комической посредственности. Разумѣется, между живописцами, неувольняемыми отъ конкурса, между бездарными учениками, которыхъ ежегодно приводитъ на выставку вліяніе ихъ учителей, не встрѣчаются художники до такой уже степени лишенные всякой оригинальности; и это вызвало основательное замѣчаніе, что самыя плохія картины на выставкѣ выставлены во внѣконкурсныхъ залахъ. Этого, по правдѣ сказать, ожидали, но результатъ превзошелъ всѣ предвидѣнія. И, быть можетъ, это одно изъ самыхъ полезныхъ послѣдствій классификаціи, изобрѣтенной г. Тюркэ: отнынѣ, если жюри удержится, то всѣ произведенія должны будутъ ему представляться на усмотрѣніе, потому что нелѣпо думать, что живописецъ, получившій награду въ 1840 г., тѣмъ самымъ получилъ патентъ на вѣчный талантъ. Можете вы себѣ представить изумленіе публики, которой

Digitized by Google

предъявили нелѣпыя картины, какъ отборный цвѣтъ французской школы. Внѣконкурсные живописцы, возвеличиваемые модою въ наши дни, взбѣшены сосѣдствомъ устарѣвшихъ живописцевъ, напоминающихъ имъ, что внѣ оригинальности бываетъ лишь преждевременная старость. Это оборванная тряпичница, попадающаяся на дорогѣ разодѣтой кокоткѣ, карета которой обдаетъ ее грязью.

Что касается уволенныхъ и неуволенныхъ отъ конкурса, они взбѣшены на администрацію за то, что она скучила ихъ произведенія, развѣшала картины у самаго потолка, тогда какъ внѣконкурсныя отведено такое просторное помѣщеніе. При этомъ уволенныя отъ конкурса, т.-е. такія, которые получили медаль, еще не такъ плохо; число ихъ невелико и имъ отвели хорошія залы, гдѣ имъ только тѣсновато. Но неуволенные, стадо,—тѣ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ право сердиться. Если жюри принимаетъ ихъ, то затѣмъ, чтобы администрація показала ихъ публикѣ, а между тѣмъ это не значитъ показывать картины, если ихъ распихаютъ по стѣнамъ, на такой высотѣ, гдѣ ихъ не можетъ достать глазъ человѣческій. Онѣ похожи на солдатъ, скученныхъ въ вагонахъ, гдѣ прежде перевозился скотъ. И хуже всего то, что въ залахъ мѣста не хватило, картины развѣшали на открытомъ воздухѣ, вдоль галереи, идущей вокругъ сада. Никогда еще солнечные лучи не озаряли такихъ жалкихъ произведеній. Скажутъ, конечно, что жюри было не достаточно строго, что администрація была завалена картинами. Это правда, и я сейчасъ поговорю объ этомъ „пріумноженіи“ картинъ. Тѣмъ не менѣе, очевидно, что живописцы, выставившіе свои картины, основательно жалуются на то, что ихъ выставили при невозможныхъ условіяхъ, тогда какъ другіе поставлены отлично.

Но это не все. Вотъ и группа иностранцевъ-художниковъ тоже жалуется. Эти господа говорятъ, что когда они привозятъ свои произведенія во Францію, то за тѣмъ, чтобы стать въ обществѣ французскихъ живописцевъ, а не за тѣмъ, чтобы ихъ помѣстили отдѣльно, какъ на всемірныхъ выставкахъ. Скажу, что эта жалоба кажется мнѣ довольно справедливой. Многіе иностранные живописцы прежде всего хотятъ помѣряться силами съ французскими и хотятъ идти рядомъ съ ними. Если ихъ помѣстятъ особо, это все-равно какъ если бы ихъ оставили дома. Наконецъ, надо сознаться, что большинство очень посредственно, публика пренебрегаетъ залами, гдѣ ихъ напихали, и выходитъ точно это выставка забракованныхъ. При такой страсти къ классификаціи, почему было не помѣстить особо живописцевъ, родившихся въ Парижѣ, и тѣхъ, которые родились въ провинціи.

Итакъ, реформы г. Тюркэ встрѣтили очень дурной пріемъ. Онѣ

Digitized by Google

не дали ничего серьёзнаго и полезнаго; онѣ только показали паденіе нѣкоторыхъ живописцевъ, со времени полученія ими награды. Я не вижу другой выгоды отъ этой группировки, сбивающей съ толку публику, привыкшую къ алфавитному порядку; нынѣшній годъ, чтобы отыскать какую-нибудь картину, требуется египетская работа. Словомъ, реформа Тюрго—попытка, не имѣющая серьёзнаго значенія и не призванная къ успѣху.

Если я распространился объ этомъ предметѣ, то за тѣмъ, чтобы показать, какъ трудно угодить художникамъ,—а теперь возвращаюсь къ своей точкѣ отправленія. Вникнемъ въ положеніе живописцевъ и скульпторовъ. Всѣ затрудненія ихъ происходятъ отъ того, что они нуждаются или считаютъ, что нуждаются въ администраціи. Ставится принципомъ, что одно только государство можетъ поддерживать искусства, потому что дѣлаетъ заказы. И дѣйствительно, почти одно только государство нуждается въ статуяхъ и декоративныхъ картинахъ. Отсюда первое понятіе объ административномъ вмѣшательствѣ; отсюда вытекаетъ вся послѣдовательная цѣпь фактовъ: и академія художествъ, и поѣздки въ Римъ, для тепличнаго выращиванія испытанныхъ талантовъ, и самыя награды, и заказы, до конца поддерживающіе хорошихъ учениковъ. Опека надъ художникомъ начинается съ колыбели и провожаетъ его въ могилу. Натурально, что такіе нравы и такое существованіе, наконецъ, повліяли на общій складъ нашихъ живописцевъ и скульпторовъ. Сравните ихъ съ литературными писателями, для которыхъ государство ничего не дѣлаетъ особеннаго, и вы увидите зависимость первыхъ, ихъ приниженіе передъ чиновниками, ихъ вѣчную потребность въ поддержаніи, въ поощреніи, въ наградахъ. Мало-по-малу у нихъ сложилось такое убѣжденіе: государство имъ всѣмъ обязано, и преподаваніемъ, и выставками ихъ произведеній, и медалями, и денежными наградами. Отсюда ихъ требовательность относительно администраціи, ихъ досада, когда она имъ не угождаетъ, вѣчное затрудненіе, въ какое они ее ставятъ, возлагая на нее трудную задачу удовлетворить ихъ всѣхъ, какъ талантливыхъ, такъ и бездарныхъ.

Вотъ такимъ-то образомъ стоитъ все это дѣло. Между администраціей и художниками происходитъ то, что роковымъ образомъ повторяется во всѣхъ неудачныхъ супружествахъ. Какъ бы ни хлопотала, какъ бы ни убивалась одна сторона, другая никогда не бываетъ довольна. И замѣтьте, что супругамъ не всегда приходитъ въ голову развестись, что бы уладило ихъ вражду. Предпочитаютъ полумѣры, мечтаютъ о непрерывныхъ сдѣлкахъ и вѣчно надѣются найти такой компромиссъ, который удовлетворитъ обѣ стороны. Вся вина нашей администраціи въ томъ, что она—администрація и вѣ-

Digitized by Google

ритъ въ свою покровительственную роль; но надо сознаться, что она очень терпѣлива, и въ послѣдніе годы выказываетъ весьма похвальныя усилія. Любопытно было бы написать исторію всѣхъ этихъ усилій, сдѣланныхъ въ послѣднія двадцать лѣтъ администраціей, чтобы удовлетворить художниковъ. Начиная съ 1863 г., она изъ году въ годъ хлопочетъ, старается, безпрестанно измѣняетъ уставъ, и мало-по-малу лишаетъ академію правъ и передаетъ въ руки самихъ художниковъ избраніе жюри. Но администрація, поступая такъ, роковымъ образомъ катилась по наклонной плоскости, отъ одной уступки къ другой, какъ всякая абсолютная власть, познакомившаяся съ либерализмомъ. И хуже всего то, что въ настоящее время оказывается—она никому не угодила; въ числѣ ея кліентовъ постоянно находятся недовольные, требующіе новыхъ реформъ, новыхъ шаговъ на пути свободы.

Развѣ это не курьёзное положеніе? Остановимся на минуту на пиковинныхъ послѣдствіяхъ государственной протекціи. Сейчасъ я указывалъ на небольшую группу художниковъ, живущихъ подъ опекой администраціи, начиная съ школьной скамьи и кончая академическимъ кресломъ и въ концѣ-концовъ уже неспособныхъ обойтись безъ этой опеки, смотрящихъ на нее даже какъ на неотъемлемое свое право. Отъ этого происходитъ то, что художники съ самымъ независимымъ дарованіемъ часто становятся раболѣпными людьми, сгибаются въ три погибели, кланяются въ поясъ чиновникамъ. Отъ этого происходитъ еще и то, что тѣ, которые громче всѣхъ требуютъ освобожденія своей личности, тѣмъ не менѣе сваливаютъ на администрацію всѣ свои неудачи. Отсюда вѣчныя жалобы, претензіи, досада. Къ администраціи обращаются какъ къ какому-то всесильному божеству, обѣщавшему счастіе и обязанному его даровать всѣмъ своимъ дѣтямъ. Она остается центромъ, рычагомъ, безъ котораго не можетъ какъ будто бы обойтись искусство. Весьма немногіе художники ясно понимаютъ, что́ она такое, а именно: простая организація, зачастую неудовлетворительная, но съ которой приходится мириться, потому что она въ нашихъ нравахъ, а прибѣгать къ ней нужно лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Многіе живописцы приходятъ ко мнѣ жаловаться, говоря:—Это отвратительно, вы должны были бы написать то-то и то-то. Я улыбаюсь, стараюсь доказать имъ, что ихъ талантъ не причастенъ къ этимъ вопросамъ. Выставки, каковы бы ни были недостатки ихъ организаціи, до сихъ поръ остаются наилучшимъ средствомъ для художника познакомить съ собою публику. Конечно, бываютъ обиды для самолюбія, приходится переносить скуку и удары въ борьбѣ за искусство. Но что́ за бѣда; стоитъ только писать хорошія картины, и хотя бы ихъ отвергали десять лѣтъ сряду и худо ставили другія

Digitized by Google

десять лѣтъ подъ рядъ,—а въ концѣ-концовъ онѣ восторжествуютъ. Вотъ что надо неустанно твердить. Препятствія мѣшаютъ только посредственности. При этомъ надо замѣтить, что художники, которые всего громче жалуются, какъ разъ самые плохіе. Они воображаютъ, что администрація обязана надѣлить ихъ талантомъ, и претендуютъ на нее, когда картины не имѣютъ успѣха. Въ юности можно мечтать объ административныхъ реформахъ; позволительно думать, что правильными мѣропріятіями возможно облегчить и усладить путь искусства. Но когда состарѣешься на работѣ, когда узнаешь человѣческую глупость и необходимость борьбы, тогда перестаешь вѣрить въ пользу различныхъ регламентовъ, а вѣришь только въ трудъ, и говоришь себѣ, что всего лучше для художника имѣть талантъ, а ужъ публику познакомить съ нимъ такими путями, какіе найдутся подъ рукой. До остального не должно быть дѣла людямъ сильнымъ, такъ какъ—таковъ уже законъ природы—сила въ концѣ-концовъ возьметъ свое.

Однако, съ точки зрѣнія любопытства можно спросить себя: куда же это идетъ растерянная администрація среди непрерывно возрастающихъ требованій, какими ее осаждаютъ? Въ былое время полною властительницею была академія. Она принимала, она награждала картины; администрація только отводила помѣщеніе и регулировала денежный вопросъ. Такое положеніе дѣлъ было весьма опредѣленное. У академіи былъ свой кодексъ правилъ, и она логически примѣняла его. Она могла казаться узкой въ своихъ воззрѣніяхъ, но тѣмъ не менѣе она придерживалась весьма опредѣленнаго образа дѣйствій, который придавалъ выставкѣ абсолютное значеніе. Конечно, не приходится жалѣть о классическомъ деспотизмѣ академіи, но надо сказать, что сумбуръ начался въ тотъ день, какъ администрація лишила ея правъ, чтобы передать ихъ такъ называемому жюри. Съ той поры демократическое движеніе все растетъ, и мы идемъ на встрѣчу чуть не всеобщей подачѣ голосовъ. Я не стану здѣсь распространяться объ этомъ вопросѣ, разсматривать выгоды и невыгоды новыхъ порядковъ. Достаточно указать на то, что выставки все болѣе и болѣе превращаются въ базары, и роковымъ образомъ наступитъ день, когда придется раскрыть двери для всѣхъ произведеній, какія только представятся. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, рѣшительно непонятно—какого рода произведенія могли быть исключены. Мы видимъ наводненіе, цѣлый потокъ картинъ. Семь тысячъ двѣсти восемьдесятъ девять (7,289) произведеній, картинъ, рисунковъ и статуй выставлены, тогда какъ въ былое время академія принимала ихъ самое бо́льшее—нѣсколько сотъ. Мы видимъ, какъ мы далеко ушли съ тѣхъ поръ. Натурально, нѣтъ больше и рѣчи о какихъ-нибудь

Digitized by Google

правилахъ, критеріумѣ, рѣшающихъ допущеніе или недопущеніе произведеній. Мы находимся среди полнѣйшей анархіи, и это, скажутъ намъ, превосходно, но мы переживаемъ также и произволъ, протекцію учителями учениковъ, всѣ случайности кумовства—а это дурно. Жюри, принимающее сантиментальныя пошлости юныхъ пансіонеровъ, все еще отвергаетъ иныя систематическія произведенія оригинальныхъ и истинно талантливыхъ художниковъ. Поэтому я вижу только одинъ возможный конецъ, и чѣмъ скорѣе онъ наступитъ, тѣмъ лучше: устраненіе жюри и выставку всѣхъ произведеній хоть черезъ посредство одной только администраціи. Повторяю: старинныя выставки умерли, мы роковымъ образомъ идемъ къ какому-то складу, къ магазину живописи, открываемому на счетъ государства. Несомнѣнно, что и это не удовлетворитъ всѣхъ рѣшительно; потому что всегда останется вопросъ о болѣе или менѣе хорошихъ мѣстахъ. Но по крайней мѣрѣ это будетъ логическій порядокъ: намъ надо или догматъ академіи, или же полную свободу, складъ, открытый для всѣхъ производителей.

Говоря такъ, я забочусь только о логикѣ, но хорошо знаю, какъ это слово „складъ“ разсердитъ художниковъ. Съ той минуты, какъ всякому открытъ доступъ, перестанетъ быть лестно выставлять свои произведенія. Къ тому же, остаются награды, которыя логически пришлось бы уничтожить. Да это конецъ міра! Что станется съ холопствомъ? Художникамъ придется нести бремя завоеванной ими свободы. Вотъ къ чему они ежегодно и приближаются. Но все же я думаю, что будущее еще чревато новыми регламентами и новыми досадами. Факты будутъ развиваться; люди будутъ поѣдать другъ друга, но это не помѣшаетъ родиться великимъ живописцамъ, если только имъ предстоитъ родиться. Такъ что приходится повторить въ заключеніе: талантъ приспособляется ко всякой административной организаціи—и все же остается талантомъ.

II.

Въ послѣдніе годы произошелъ на нашихъ глазахъ весьма интересный и весьма поучительный примѣръ. Я говорю о независимыхъ выставкахъ, устроиваемыхъ группой живописцевъ, прозванныхъ „импрессіонистами“. Эти живописцы имѣли самое безспорное вліяніе на нашу французскую школу, но прежде чѣмъ разбирать ихъ артистическую роль, я хочу поговорить о попыткѣ свободной организаціи, на которую они рискнули, съ цѣлью освободиться изъ-подъ опеки администраціи.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія, это желанная цѣль: обходиться безъ помощи опеки, быть независимыми, какъ и писатели, стоять на собственныхъ ногахъ и никому не кланяться. Несчастіе въ томъ, что нравы во Франціи не благопріятствуютъ этой независимости, и что оффиціальная выставка остается всесильной.

Итакъ, нѣсколько художниковъ соединились, чтобы выставить свои произведенія въ залѣ, нанятой ими. Одни, какъ Клодъ Моне, Ренуаръ и Писсарро, были раздосадованы тѣмъ, что ихъ ежегодно отвергаютъ жюри выставокъ, и считали нужнымъ протестовать такимъ образомъ противъ ихъ артистическихъ тенденцій. Другіе, какъ Дега, хотя и ежегодно принимались, но привлекали такъ мало вниманія, что захотѣли выставить самихъ себя у себя дома, на хорошемъ мѣстѣ, и восторжествовать въ одиночку; наконецъ, богатые люди, какъ Кайльботтъ и Руаръ, имѣя средства устроить собственную выставку, нашли лишнимъ терпѣть долѣе невѣжливость администраціи относительно ихъ. Таковы были матеріальныя причины этихъ собраній, не говоря уже о нѣкоторыхъ общихъ художественныхъ взглядахъ, которые, впрочемъ, не были особенно ярки и опредѣленны. Но, какъ видно изъ вышесказаннаго, у каждаго „импрессіониста“ были свои причины для ассоціаціи; но послѣдняя, довольно дружная въ первые три или четыре года, роковымъ образомъ должна была распасться, когда иные члены замѣтили, что ихъ интересы требуютъ не продолжать долѣе этого опыта. Въ подобнаго рода ассоціаціяхъ вся выгода оказывается обыкновенно на сторонѣ двухъ-трехъ лицъ, тогда какъ другіе несутъ всѣ убытки. Разумѣется, шуму надѣлала эта ассоціація много; выставки импрессіонистовъ занимали одно время весь Парижъ; про нихъ складывали пѣсни, надъ ними смѣялись, ругали ихъ, но посѣтители стекались толпами. Все это оказалось, впрочемъ, однимъ шумомъ, — тѣмъ шумомъ, который въ Парижѣ уносится вѣтромъ. Ренуаръ первый понялъ, что заказы никогда не придутъ такимъ путемъ, а такъ какъ ему нужно было жить, то онъ сталъ снова посылать картины на оффиціальныя выставки, за что его обозвали ренегатомъ. Я стою за независимость во всѣхъ отношеніяхъ; сознаюсь однако, что нашелъ весьма благоразумнымъ поведеніе Ренуара. Надо знать, какое изумительное средство для извѣстности представляетъ оффиціальная выставка молодымъ художникамъ; при нашихъ нравахъ, только такимъ путемъ и возможно серьёзное торжество. Разумѣется, надо все-таки сохранять независимость въ своихъ произведеніяхъ, ничѣмъ не поступаться въ своемъ темпераментѣ, но затѣмъ надо давать сраженія среди бѣлаго дня, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ для боя. Это, какъ теперь принято выражаться между нашими политическими дѣятелями, „разумный оппортюнизмъ“.

Digitized by Google

Подробнѣе поговорю я объ исторіи Клода Монѣ. Вотъ нашъ самый оригинальный живописецъ, который въ продолженіи слишкомъ лѣтъ десяти дѣйствуетъ въ пустомъ пространствѣ, потому что онъ пошелъ блуждать по проселкамъ, вмѣсто того, чтобы буржуазно идти прямо къ цѣли. Онъ выставилъ въ „Салонѣ“ первыя свои картины, весьма замѣчательныя; затѣмъ жюри вздумало отвергнуть его, и раздраженный живописецъ рѣшилъ, что будетъ дѣйствовать особнякомъ. Это была ошибка, недостатокъ настойчивости въ характерѣ; если бы онъ продолжалъ борьбу на почвѣ оффиціальныхъ выставокъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время уже занималъ бы то высокое положеніе, на которое имѣетъ право. Нынѣшній годъ онъ прислалъ на выставку картину, о которой я поговорю ниже, и которую приняли, кажется, изъ состраданія, и очень дурно поставили. Клоду Моне приходится начинать сызнова борьбу. Вольныя выставки импрессіонистовъ надѣлали шуму вокругъ его имени; самъ онъ распустился, пересталъ работать серьёзно, не имѣя больше нужды побѣждать нерасположеніе жюри и равнодушіе публики. Настоящее мужество заключается въ томъ, чтобы оставаться у брешн, несмотря на всѣ невыгодныя условія. Итакъ, Клодъ Моне, котораго основательно считали главой импрессіонистовъ, сталъ теперь такимъ же ренегатомъ, какъ и Ренуаръ. Въ сущности, одинъ Дега извлекъ настоящую пользу изъ частныхъ выставокъ импрессіонистовъ, и надо искать этому причину въ самомъ талантѣ этого живописца. Дега никогда не былъ преслѣдуемъ на оффиціальныхъ выставкахъ. Его принимали, его ставили, сравнительно, на хорошее мѣсто. Но такъ какъ талантъ у него нѣжный и не бросается въ глаза, то публика проходила мимо его картинъ, не замѣчая ихъ. Отсюда у художника явилось весьма понятное раздраженіе, и онъ сообразилъ, какую выгоду можетъ извлечь изъ отдѣльныхъ, небольшихъ выставокъ, на которыхъ его картины, нарисованныя тщательно и тонко, могутъ свободно привлекать на себя взоры посѣтителей. И дѣйствительно, какъ только онъ выдѣлился изъ толкотни „Салона“, такъ тотчасъ же былъ замѣченъ, и вокругъ него образовалась группа ревностныхъ почитателей. Прибавьте, что небрежная работа нѣкоторыхъ другихъ импрессіонистовъ особенно выдвигала впередъ законченность его произведеній. Кромѣ того, онъ могъ выставлять эскизы, простые наброски, въ которыхъ мастеръ, и которыхъ бы не приняли въ „Салонъ“. Такимъ образомъ, Дега хорошо дѣлаетъ, что остается вѣренъ выставкамъ импрессіонистовъ и не возвращается на толкучку Дворца Промышленности, потому что толкучка для него невыгодна. Вотъ причины, которыя сначала было сблизили этихъ художниковъ, а теперь готовы разлучить ихъ. Группа ихъ, повидимому, отжила.

Digitized by Google

Я не болѣе какъ добросовѣстный историкъ, объясняющій тайныя пружины ассоссіаціи между живописцами. Я хочу сказать, что нисколько не осуждаю попытку независимой организаціи, сдѣланной на нашихъ глазахъ. Я думаю, напротивъ того, что дѣйствіе ея было хорошее, что теперь толчокъ данъ, и, быть можетъ, художники и добьются со временемъ освобожденія изъ-подъ опеки администраціи. Но только строгая правда требуетъ указать, что не всѣ выигрываютъ при этомъ: вообще попытки этого рода бываютъ выгодны одному, двумъ лицамъ, которые, такъ сказать, вскарабкиваются на плеча своихъ товарищей и такимъ образомъ привлекаютъ вниманіе. Бѣда была бы еще не велика, если бы посредственности выдавались за талантливыхъ, но очень часто случается, что сами талантливые остаются въ тѣни и служатъ подножкой для терпѣливыхъ и ловкихъ людей.

Перехожу теперь къ вліянію, которое импрессіонисты оказываютъ въ настоящее время на нашу французскую школу. Это вліяніе велико. И я употребляю слово „импрессіонисты“ потому, что нуженъ же ярлыкъ для обозначенія группы молодыхъ художниковъ, которые вслѣдъ за Курбѐ и нашими великими пейзажистами отдались изученію природы; но это слово мнѣ кажется узкимъ и малозначащимъ. Курбé былъ великій живописецъ, оставившій безсмертныя произведенія, въ которыхъ природа оживаетъ съ необыкновенной силой. Но послѣ него движеніе продолжалось, подобно тому какъ оно продолжается въ литературѣ послѣ Стендаля, Бальзака и Флобера. Явились живописцы, которые, не имѣя, конечно, силы и красоты исполненія Курбѐ, расширили формулу, изучивъ болѣе старательно законы свѣта и еще болѣе удалившись отъ школьныхъ рецептовъ. Въ сущности, какъ живописецъ, Курбé великолѣпный классикъ, прямой потомокъ Тиціана, Веронеза и Рембрандта. Истинные революціонеры формы появляются лишь съ Эдуардомъ Манѐ и импрессіонистами: Клодомъ Монé, Ренуаромъ, Писсарро, Гильоменомъ и другими. Эти послѣдніе вознамѣрились выдти изъ мастерскихъ, въ которыхъ живописцы сидѣли взаперти столько столѣтій и рисовать на открытомъ воздухѣ—кажется, простое дѣло, но влекущее за собой громадныя послѣдствія. На открытомъ воздухѣ свѣтъ не представляется больше однороднымъ, а являются различные оттѣнки и колебанія, разнообразящія и радикально измѣняющія видъ живыхъ и неживыхъ существъ. Это изученіе свѣта въ его безконечныхъ измѣненіяхъ и есть то, что̀ назвали болѣе или менѣе удачно „импрессіонизмомъ“, потому что картина становится такимъ образомъ впечатлѣніемъ минуты, пережитымъ въ природѣ. Шутники печати ухватились за это, чтобы рисовать карикатуры на живописцевъ-импрессіонистовъ, налету схватывающихъ впечатлѣнія и тремя-четырьмя ударами кисти

Digitized by Google

заносящихъ ихъ на картину; надо сознаться, что нѣкоторые живописцы, къ сожалѣнію, оправдали эти нападки, довольствуясь набросками чисто элементарными. По моему мнѣнію, конечно, надо схватывать природу въ впечатлѣніе минуты, но только надо увѣковѣчить это впечатлѣніе на полотнѣ, посредствомъ искусной и старательной живописи. Внѣ труда не можетъ быть прочности. При этомъ замѣтьте, что переворотъ въ живописи тотъ же, что́ и въ литературѣ, какъ я это сейчасъ покажу; съ начала нынѣшняго столѣтія живописцы идутъ къ природѣ весьма замѣтными этапами. Въ настоящее время наши молодые художники сдѣлали новый шагъ къ истинѣ, желая, чтобы сюжеты ихъ освѣщались живымъ свѣтомъ солнца, а не фальшивымъ свѣтомъ мастерской. Они поступаютъ какъ химики, какъ физики, возвращающіеся къ источникамъ, ставя себя въ тѣ самыя условія, при какихъ происходятъ явленія. Съ той минуты, какъ хотятъ изображать жизнь, надо ее ловить вполнѣ. Отсюда въ живописи необходимость открытаго воздуха, изученія свѣта въ его причинахъ и его дѣйствіяхъ. Это легко сказать, но затрудненія рождаются при исполненіи. Живописцы долго божились, что невозможно рисовать на открытомъ воздухѣ, или даже тогда, когда солнечные лучи проникаютъ въ мастерскую, вслѣдствіе переливовъ и безпрестанныхъ измѣненій въ освѣщеніи. Многіе даже продолжаютъ пожимать плечами передъ попытками импрессіонистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо знать секреты ремесла, чтобы понять, какія трудности приходится побѣждать, если желаешь уловить природу съ ея смутнымъ и перемѣнчивымъ колоритомъ вещей; разумѣется, гораздо удобнѣе завладѣть свѣтомъ, фиксировать его, помощью абажуровъ и сторъ, но только при этомъ природа является условной, искусственной. И какъ поражается публика, когда ее ставятъ передъ иными картинами, нарисованными на открытомъ воздухѣ, въ извѣстные часы! Она глядитъ разиня ротъ на голубую траву, лиловую землю, красныя деревья, на воду, переливающую всѣми цвѣтами призмы. А между тѣмъ живописецъ не лжетъ; онъ, быть можетъ, преувеличилъ, вслѣдствіе реакціи, тоны, которые подмѣтилъ его глазъ; но въ сущности наблюденіе его вѣрно: въ природѣ не существуетъ чисто условной простоты, приписываемой ей традиціями школы. Отсюда смѣхъ толпы, глазѣющей на картины импрессіонистовъ, несмотря на совершенную добросовѣстность и наивныя усилія молодыхъ живописцевъ. Ихъ считаютъ шутниками, шарлатанами, насмѣхающимися надъ публикой, тогда какъ, напротивъ того, они серьёзные и убѣжденные наблюдатели. О чемъ повидимому совсѣмъ не думаютъ, такъ это о томъ, что большинство этихъ борцовъ—люди бѣдные, умирающіе отъ голода, нищеты и утомленія. Диковинные забавники—эти мученики своего убѣжденія!

Digitized by Google

Итакъ, вотъ что приносятъ съ собой живописцы-импрессіонисты: болѣе строгое изученіе причинъ и дѣйствій свѣта, вліяющаго какъ на рисунокъ, такъ и на краски. Ихъ справедливо упрекали въ томъ, что они вдохновились японскими, столь интересными картинками, которыя теперь ходятъ по рукамъ. Надобно было бы разобрать эти картинки, и показать, чему учитъ насъ это ясное и тонкое искусство крайняго Востока,—насъ, западниковъ, воображающихъ, что мы все уже знаемъ. Несомнѣнно, что наша черная живопись была сражена и принялась за работу, увидя прозрачный горизонтъ, прекрасныя трепещущія тѣни японскихъ акварелистовъ. У нихъ оказались простота средствъ и сила впечатлѣнія, поразившія нашихъ молодыхъ живописцевъ и толкнувшія ихъ на путь писанія картинъ, полныхъ свѣта и воздуха, по которому выступаютъ нынѣ всѣ талантливые новички. Я уже не говорю про изящное искусство японцевъ въ деталяхъ, про ихъ правдивый и тонкій рисунокъ, про естественную фантазію, являющуюся результатомъ непосредственнаго наблюденія.

Прибавлю однако, что если вліяніе японизма было прекрасно, въ томъ отношеніи, что отвлекло насъ отъ традицій горной смолы и заставило увидать веселыя краски природы, за то рабское подражаніе искусству, чуждому нашей расѣ и нашей средѣ, превратилось бы, въ концѣ-концовъ, въ нестерпимую моду. Въ японизмѣ есть свои достоинства, но не слѣдуетъ всюду пихать его; иначе наше искусство превратится въ игрушку. Сила наша не въ этомъ. Мы не можемъ признать за послѣднее слово искусства это слишкомъ наивное упрощеніе природы, эти любопытныя плоскія тѣни, эту утонченность чертъ и красокъ. Все это еще не сама жизнь, а мы должны уловить саму жизнь.

Кончаю, потому что не могу разбирать въ отдѣльности каждаго живописца-импрессіониста, выказывающаго талантъ. Иные, какъ Дега, замкнулись въ спеціальность. Онъ, прежде всего, старательный и оригинальный рисовальщикъ, написавшій цѣлый рядъ замѣчательныхъ прачекъ, танцовщицъ, одѣвающихся женщинъ, изобразивъ всѣ ихъ движенія съ большой правдой. Писсарро, Сислей, Гильоменъ, пошли по слѣдамъ Клода Монѣ, къ которому я сейчасъ возвращусь, говоря объ оффиціальной выставкѣ. Они пытались передать намъ уголки природы въ окрестностяхъ Парижа, озаренные живыми лучами солнца, не отступая передъ эффектами самыхъ неожиданныхъ колеровъ. Поль Сезаннъ, человѣкъ съ крупнымъ дарованіемъ еще не выработалъ себѣ манеры и придерживается пріемовъ Курбѣ и Делакруа. M-me Берта Моризо весьма оригинальная ученица Эдуарда Манѣ, и m-lle Кассаттъ, американка, кажется, недавно дебютировавшая удивительно оригинальными произведеніями. Наконецъ, Кайль-

Digitized by Google

боттъ, очень добросовѣстный художникъ, манера котораго нѣсколько суховата, но у котораго много настойчивости въ преслѣдованіи правдивыхъ эффектовъ. Я, конечно, забылъ нѣкоторыя имена; но я имѣю здѣсь въ виду заняться импрессіонизмомъ, а не импрессіонистами.

Главная бѣда въ томъ, что ни одинъ изъ художниковъ этой группы не осуществилъ окончательно и въ цѣлости новую формулу, съ какой они являются. Формула разбросана въ ихъ произведеніяхъ, но ни въ одномъ не проявляется безповоротно. Все это предтечи, геній еще не народился. Видишь, чего они добиваются, находишь ихъ правыми, но тщетно ищешь мастерского произведенія, долженствующаго дать торжество формулѣ и заставить всѣхъ преклониться передъ ней. Вотъ почему борьба импрессіонистовъ еще не окончена: всѣ они ниже того дѣла, за какое взялись, они лепечутъ, не находя настоящаго слова. Но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе громадно, потому что имъ принадлежитъ будущее, такъ какъ они стоятъ на вѣрномъ пути. Ихъ можно упрекать, за ихъ личное безсиліе, но они тѣмъ не менѣе истинные труженики вѣка, и это объясняетъ, почему живописцы непризнанные, осмѣиваемые, изгоняемые съ выставокъ и питающіеся черствымъ хлѣбомъ, не сдаются, хотя между ними и не появилось еще всемогущаго генія. Въ нихъ много прорѣхъ, они слишкомъ небрежно пишутъ, они слишкомъ легко успокоиваются, они неудовлетворительны, нелогичны, безсильны; все такъ, но достаточно того, что они работаютъ въ духѣ новѣйшаго натурализма, и это ставитъ ихъ во главѣ движенія, отводитъ имъ другую роль въ нашей школѣ живописи.

III.

Теперь посмотримъ оффиціальную выставку, преображающуюся подъ непосредственнымъ вліяніемъ импрессіонистовъ, этихъ живописцевъ-паріевъ, надъ которыми всѣ смѣются.

Если мысленно обозрѣть ежегодныя выставки всѣхъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, со времени выставокъ, открывшихся съ 1863 г. и до настоящаго, то поражаемый перемѣной, медленно совершившейся, и стремленіемъ къ новымъ сюжетамъ и свѣтлой живописи,—съ каждымъ годомъ видишь, какъ уменьшается число картинъ старой школы, академическія изображенія мужчинъ и женщинъ, преподносимыхъ публикѣ подъ миѳологической этикеткой, сюжеты классическіе, историческіе, романтическіе, черныя, традиціонныя картины. И мало-помалу появляются фигуры во весь ростъ, одѣтыя по современной модѣ, нарисованныя на открытомъ воздухѣ, свѣтскія или народныя сцены, лѣсъ, рынокъ, бульвары, наша интимная жизнь. Современность вторгается неудержимо и стираетъ мало-по-малу Ecole des

Digitized by Google

Beaux-Arts, академію, всѣ рецепты и всѣ условные пріемы. Толчокъ данъ, движеніе продолжается, по роковому закону, котораго никто не можетъ остановить, и при этомъ тутъ нѣтъ сознательнаго соглашенія, а просто духъ вѣка, проносясь, толкаетъ и объединяетъ индивидуальности. Замѣтьте, что я отмѣчаю переворотъ, не говоря, что всякій живописецъ, выступающій на новый путь, тѣмъ самымъ показываетъ, что у него есть талантъ. Увы! талантъ часто отсутствуетъ. Первымъ впечатлѣніемъ моимъ на выставкѣ нынѣшняго года было пріятное изумленіе тѣмъ, что картины, списанныя съ природы, берутъ перевѣсъ надъ картинами школы. Затѣмъ, я долженъ былъ сознаться, что всѣ эти попытки натурализма въ живописи не особенно удачны. Но это неизбѣжно, таланты рѣдки, и всегда остается хвостъ мало даровитыхъ учениковъ. Но вотъ что приходится сказать: новое движеніе разростается съ непреодолимой силой; натурализмъ, импрессіонизмъ, современность, называйте, какъ хотите, господствуетъ нынѣче на оффиціальныхъ выставкахъ. Мы сейчасъ увидимъ, что успѣхъ на его сторонѣ, даже что касается толпы. Если всѣ молодые живописцы не геніи, то всѣ по крайней мѣрѣ примѣняютъ одну и ту же формулу, каждый согласно своему темпераменту. Подождемъ, быть можетъ геніальный живописецъ придетъ и скажетъ могучее слово, которое лепечутъ теперешніе даровитые люди.

Эдуардъ Манѣ былъ однимъ изъ неутомимыхъ тружениковъ натурализма и до сихъ поръ остается самымъ рельефнымъ талантомъ, проявившимъ наибольшую оригинальность въ изученіи природы. Онъ выставилъ въ нынѣшнемъ году весьма замѣчательный портретъ Антонена Пру и сцену на открытомъ воздухѣ „Chez le père Lathuille“: двѣ фигуры за столомъ, написанныя очень яркими и веселыми тонами. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ я одинъ изъ первыхъ защищалъ Манѣ отъ безсмысленныхъ нападокъ печати и публики. Съ тѣхъ поръ онъ много работалъ, непрерывно боролся, завоевывая умныхъ людей рѣдкими качествами, искренностью своихъ усилій, оригинальностью своихъ красокъ, самой наивностью, съ какой онъ всегда относился къ природѣ. Вся его жизнь была посвящена искусству и со временемъ признаютъ, какое важное мѣсто занималъ онъ въ переходную эпоху, переживаемую въ настоящую минуту нашей французской школой. Но уже и теперь можно видѣть, какую важную роль игралъ онъ въ послѣднія двадцать лѣтъ: достаточно указать на вліяніе, какое онъ оказывалъ на всѣхъ молодыхъ живописцевъ, являвшихся послѣ него. Я уже не говорю о нѣкоторыхъ старѣйшихъ художникахъ, которые его просто ограбили, съ замѣчательнымъ искусствомъ ассимиляціи, дѣлая видъ, что смѣются надъ нимъ.

Digitized by Google

Эти господа взяли у него свѣтлую окраску, вѣрность тоновъ, натуралистическіе пріемы не съ наивной простотой, но приспособивъ эту живопись ко вкусу публики, такъ что толпа перешла на ихъ сторону, продолжая осмѣивать Эдуарда Манѐ. Такъ всегда бываетъ: ловкіе торжествуютъ надъ трупами наивныхъ людей. Что касается молодыхъ живописцевъ, которые извлекли большую пользу изъ произведеній Манѐ, то они образуютъ въ настоящее время обширную школу, которой онъ является настоящимъ главою. Хотя они и не признаютъ его таковымъ, критикуютъ, находятъ несовершеннымъ, утверждаютъ, что онъ не сдержалъ того, что̀ обѣщалъ, что художникъ въ немъ оказался ниже той новой формулы, какую онъ принесъ послѣ Курбѐ и пейзажистовъ, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что всѣ они позаимствовались отъ него и что онъ былъ тѣмъ лучомъ правды, который открылъ имъ глаза, когда они еще сидѣли на скамьяхъ Ecole des Beaux-Arts. Вотъ, въ чемъ заключается истинная слава Эдуарда Манѐ, его вліяніе отразилось на ученикахъ Жерома и Кабанеля, задѣвъ импрессіонистовъ, его прямыхъ послѣдователей.

Во главѣ этихъ импрессіонистовъ я сейчасъ упомянулъ Клода Монѐ, говоря, что онъ рѣшился въ нынѣшнемъ году послать двѣ картины на выставку. Только одна изъ этихъ картинъ была принята, да и то съ трудомъ, благодаря чему ее помѣстили такъ высоко, что ее нельзя видѣть. Это пейзажъ *Лавакуръ*, Сена съ островкомъ посрединѣ и бѣлыми домиками селенія на правомъ берегу. Никто не поднимаетъ головы, картина остается незамѣченной. А, между тѣмъ, даромъ что ее скверно поставили, все же она какъ-бы вноситъ свѣтъ и воздухъ въ этотъ мрачный уголъ, тѣмъ болѣе, что случай послалъ ему въ сосѣдство темныя картины мрачной бездарности, среди которыхъ она сіяетъ, какъ восходящее солнце. Моне тоже мастеръ. Онъ не такъ изященъ, какъ Манѐ, онъ аляповато рисуетъ фигуры; но онъ несравненный пейзажистъ, и тоны у него очаровательно правдивы. Всего лучше рисуетъ онъ морскіе виды: вода дремлетъ, колышется, журчитъ въ его картинахъ съ такой правдивостью въ оттѣнкахъ и такой прозрачностью, какихъ я нигдѣ не видывалъ. Прибавьте, что онъ очень искусный техникъ своего дѣла и долженъ былъ бы понравиться публикѣ, если бы хотѣлъ. Поэтому для всѣхъ насъ очень удивительно то, что этотъ даровитый живописецъ до сихъ поръ еще не пробилъ себѣ дороги, послѣ того, какъ дебютировалъ на выставкѣ картинами, возбудившими всеобщее вниманіе, какъ, напр., „la Femme à la robe verte“, о которой еще до сихъ поръ толкуютъ. Я объяснилъ, что кампанія, затѣянная Моне, вмѣстѣ съ импрессіонистами, не была счастлива для него. Теперь, для полноты обзора, пришлось бы сообщить нѣсколько личныхъ де-

Digitized by Google

талей объ этомъ живописцѣ, а я на это не рѣшаюсь. Скажу только, что Моне былъ слишкомъ плодовитъ. Много набросковъ вышло изъ его мастерской въ трудныя минуты жизни, а это никуда не годится для живописца, потому что пріучаетъ его къ небрежной работѣ. Когда легко удовлетворяешься, когда продаешь эскизы, не успѣвшіе еще высохнуть, тогда теряешь охоту исподволь трудиться надъ картиной; а только одинъ трудъ можетъ создать солидныя произведенія. Моне расплачивается теперь за свою торопливость, за необходимость скорѣйшаго сбыта картинъ.

Другой живописецъ-импрессіонистъ, Ренуаръ, приславшій картины на выставку, тоже худо помѣщенъ. Его двѣ картины: „Pêcheurs de moules à Bernoval“ и „Jeune fille endormis“ повѣшены въ круглой галереѣ, идущей вокругъ сада, и яркій дневной свѣтъ, солнечные блики очень вредятъ имъ. Но еще разъ, къ чему сердиться на жюри и администрацію. Это вѣдь борьба, изъ которой всегда выйдешь побѣдителемъ, если есть мужество и талантъ.

Итакъ, вотъ тѣ изъ импрессіонистовъ, которые допущены нынѣшній годъ въ святилище. Они очень немногочисленны. Но теперь мы перейдемъ къ ловкимъ импрессіонистамъ, къ тѣмъ, которые одумались въ послѣднюю минуту и отреклись отъ школы, когда поняли, куда направляется успѣхъ,—и дѣло идетъ не о безвѣстныхъ картинахъ, а о такихъ, передъ которыми толпится публика!

И прежде всего вотъ Бастьенъ Лепажъ. Этотъ молодой живописецъ, которому нѣтъ, кажется, и тридцати лѣтъ, получилъ уже всевозможныя награды, медали и крестъ. Его превозносятъ, его осыпаютъ похвалами. Онъ не встрѣтилъ въ жизни никакихъ преградъ, успѣхъ шествовалъ по его стопамъ, какъ только онъ вышелъ изъ мастерской Кабанеля, такъ какъ Бастьенъ Лепажъ—я особенно настаиваю на этомъ—ученикъ Кабанеля. Это, конечно, не преступленіе, но надо принять во вниманіе путь, пройденный отъ классическаго преподаванія учителя къ натуралистическимъ произведеніямъ ученика. Какъ мы сейчасъ увидимъ, теперь уже школа поставляетъ рекрутовъ для натурализма. И никогда нельзя обвинять въ разсчетѣ; допустимъ, что духъ нашего времени похищаетъ у школы самыя ловкія произведенія и бросаетъ ихъ на путь современности, въ этомъ мы видимъ еще болѣе разительное доказательство непреодолимой силы настоящаго движенія. Какъ бы то ни было, Бастьенъ Лепажъ уклонился отъ рецептовъ Кабанеля и съ любовью предался изученію природы. Сначала онъ писалъ портреты, весьма удачные; затѣмъ выставилъ двѣ картины, создавшія ему имя: „les Foins“ и „les Pommes de terre“, двѣ страницы, отъ которыхъ вѣетъ свѣжимъ воздухомъ. Въ нынѣшнемъ году живописецъ вознамѣрился представить нѣчто посерьезнѣе. Соображая, что историческая фигура нашей Іоанны д'Аркъ еще не находила

Digitized by Google

себѣ живописца, онъ задумалъ изобразить намъ настоящую Іоанну д'Аркъ, простую крестьянку въ ея лотарингскомъ садикѣ.

Такимъ образомъ, сюжетъ былъ ясенъ. Стоило взять одну изъ современныхъ крестьянокъ Лотарингіи и нарисовать ее въ саду. Это и сдѣлалъ Бастьенъ Лепажъ. Онъ выбралъ тотъ моментъ, когда Іоанна слышитъ голоса, и это драматизируетъ картину и ставитъ ее въ историческія рамки. Молодая дѣвушка сидѣла подъ яблоней и работала, какъ вдругъ ей послышались голоса, и она встала съ остановившимся взглядомъ, въ экстазѣ, и сдѣлала нѣсколько шаговъ съ вытянутыми руками, прислушиваясь. Это движеніе очень вѣрно. Въ немъ чувствуется галлюцинація. До сихъ поръ все понятно, все вѣрно натуралистическимъ даннымъ въ физіологическомъ явленіи, относящемся къ Іоаннѣ д'Аркъ. Но Бастьенъ Лепажъ, безъ сомнѣнія затѣмъ, чтобы сдѣлать свой сюжетъ понятнѣе, придумалъ нарисовать въ вѣткахъ яблони видѣніе молодой дѣвушки, двухъ святыхъ и рыцаря въ золотой кирасѣ. По-моему, это—напрасная работа; поза Іоанны, ея жестъ, ея безумный взглядъ достаточно поясняютъ всю драму; и это дѣтское видѣніе, носящееся въ воздухѣ, не что иное какъ плеоназмъ, безполезный и досадный ярлыкъ. Это мнѣ не нравится тѣмъ сильнѣе, что портитъ прекрасное впечатлѣніе всего сюжета: Іоанна одна только должна видѣть святыхъ, которые чисто призрачны, обусловливаются физіологическими явленіями въ ея организмѣ; если живописецъ намъ ихъ показываетъ, то, значитъ, онъ не понялъ своего сюжета или по крайней мѣрѣ не захотѣлъ намъ представить его согласно точнымъ даннымъ. Я настаиваю на этомъ потому, что подозрѣваю,—Бастьенъ Лепажъ показалъ намъ святыхъ, въ силу мистическаго натурализма, неостающагося безъ адептовъ. Задаются идеей быть примитивными, нарисуютъ съ притворной наивностью модель, а затѣмъ придѣлаютъ къ ея головѣ золотой ореолъ; то же самое и относительно Іоанны д'Аркъ: соглашаются, пожалуй, нарисовать лотарингскую крестьянку въ ея саду, преувеличиваютъ даже простоту обстановки, но въ воздухѣ пустятъ золотой лучъ, который позируетъ въ качествѣ вѣрованія. Ничего не можетъ быть удобнѣе, какъ быть примитивнымъ, а между тѣмъ считается грубымъ и анти-художественнымъ быть вѣрнымъ истинѣ. Бастьенъ Лепажъ своимъ видѣніемъ хотѣлъ устранить отъ себя обвиненіе въ томъ, что онъ уважаетъ истину, и за это я его укоряю. Впрочемъ, все это—литература, а надо перейти къ живописи. Съ 1830 г. мы ушли по уши въ идейную живопись, насъ интересуетъ одинъ только сюжетъ, между тѣмъ какъ великіе мастера фламандскіе, итальянскіе и испанскіе такъ мало заботились о сюжетѣ; они прежде всего были великолѣпными работниками, а мы, ихъ комментаторы, прини-

Digitized by Google

сываемъ имъ всяческія литературныя намѣренія, которыхъ у нихъ, конечно, никогда не было.

Итакъ, если мы изучимъ Бастьена Лепажа, то увидимъ, что онъ многимъ обязанъ импрессіонистамъ; онъ обязанъ имъ своими свѣтлыми тонами, упрощенными пріемами и даже нѣкоторыми эффектами; но все это онъ заимствовалъ у нихъ, какъ ученикъ Кабанеля, необыкновенно искусно и съ такой гармоніей, что восхищаетъ публику. Это исправленный импрессіонизмъ, смягченный и сдѣланный доступнымъ публикѣ. Въ его картинѣ недостаетъ воздуха, фигура Іоанны нѣсколько аляповата; но общій сѣрый тонъ очень хорошъ, и садъ нарисованъ съ большою правдой. Иные живописцы сомнѣваются въ томъ, чтобы Бастьенъ Лепажъ могъ написать крупныя произведенія, гдѣ бы нужно было размѣстить нѣсколько лицъ; надо замѣтить, что онъ не рисуетъ больше одной, много двухъ, и нынѣшній годъ они прибавляютъ, что фигура Іоанны плохо вяжется съ видѣніемъ, запутавшимся въ вѣтвяхъ яблони. Въ этихъ замѣчаніяхъ есть доля правды. Но въ сущности Бастьенъ Лепажъ еще очень молодъ, и надо подождать, прежде чѣмъ произнести о немъ окончательное сужденіе. Въ настоящее время мнѣ кажется напрасно провозглашаютъ его мастеромъ; это неблагоразумно. Я всегда не довѣряю этимъ внезапнымъ пристрастіямъ критики и публики, и замѣчу, что настоящіе мастера никогда не встрѣчались съ такимъ дешевымъ восторгомъ; напротивъ того, всѣхъ мастеровъ сначала закидывали каменьями, и они выростали только въ борьбѣ, какъ напр., Энгръ, Делакруа, Курбѣ,—чтобы не ходить дальше. По моему мнѣнію, легкій тріумфъ Бастьена Лепажа—худой признакъ; если бы онъ былъ по настоящему оригиналенъ, эта оригинальность всѣхъ бы разсердила. До сихъ поръ, по-моему, онъ показалъ посредственный, хотя пріятный талантъ, и очень большое искусство усвоивать себѣ новые пріемы, не проявляя мощной индивидуальности истинно великаго художника. Вотъ почему я говорю, что надо подождать. Слѣдующая картина его покажетъ намъ: скрывается ли въ немъ дѣйствительная сила, или же онъ только ловкій человѣкъ, ассимилирующій идеи, носящіяся въ воздухѣ и ловко пользующійся ими.

Я распространился о Бастьенъ Лепажѣ потому, что онъ служитъ для меня типомъ перебѣжчика изъ Ecole des Beaux-Arts, обратившагося къ изученію природы и владѣющаго всѣми секретами ремесла. Но я долженъ также упомянуть и о Жервѣ,—съ нимъ та же исторія. Онъ тоже учился у Кабанеля и затѣмъ разошелся съ шумомъ съ академической школой. Всѣмъ памятна его картина „Communion à la Trinité“; на нее обращено было большое вниманіе и она отличалась большими качествами. Затѣмъ онъ выставилъ „le Retour du bal“, сцену изъ свѣтской жизни: женщину, рыдающую на диванѣ,

Digitized by Google

между тѣмъ какъ мужъ или любовникъ, стоя, нервно срываетъ съ рукъ перчатки; въ этой маленькой интимной драмѣ была такая правда въ позахъ и такая любовь къ нашей современной жизни, что картина являлась весьма любопытной попыткой. Признаюсь, мнѣ гораздо меньше нравится картина, выставленная имъ въ нынѣшнемъ году: „Souvenir de la nuit du 4"; сюжетъ заимствованъ изъ стихотворенія Виктора Гюго, въ которомъ онъ разсказываетъ убійство ребенка во время декабрьскаго переворота 1851 г. Мертвый ребенокъ принесенъ къ матери, обезумѣвшей отъ горя; врачъ раздѣваетъ его и осматриваетъ, а фонъ картины занятъ нѣсколькими лицами, бунтовщиками и буржуа. Мелодраматическій ли характеръ этой картины мнѣ не нравится,—не знаю. Къ тому же, живопись кажется мнѣ нѣсколько тусклой. Жервѐ тѣмъ не менѣе остается вмѣстѣ съ Лепажемъ во главѣ той группы художниковъ, которые отдѣлились отъ школы и перешли къ натурализму.

Теперь мнѣ нужно было бы назвать цѣлую толпу молодыхъ живописцевъ. Но я ограничусь перечисленіемъ тѣхъ только, чьи картины привлекаютъ всеобщее вниманіе на выставкѣ нынѣшняго года. Казенъ выставилъ двѣ замѣчательныхъ картины: „Ismael et Tobie", гдѣ я усматриваю тотъ мистическій натурализмъ, который мнѣ такъ не нравится; къ чему избирать библейскіе сюжеты и одѣвать ихъ по современному, когда было бы гораздо проще прямо взять новый сюжетъ. Тѣмъ не менѣе природа очень вѣрно передается въ картинѣ Казена. Успѣхъ большой имѣетъ также картина Лероля: „Dans la campagne". По срединѣ обширной равнины, пересѣченной рядомъ деревьевъ, крестьянка пасетъ стадо барановъ. Крестьянка принадлежитъ отчасти къ элегическому жанру пастушекъ Жюля Бретона; но эффектъ, производимый картиной, тѣмъ не менѣе очень сильный. Я слышалъ, какъ сопоставляли картину Лероля съ картиной Бастьена Лепажа и утверждали, что въ ней скорѣе надо искать настоящую Іоанну д'Аркъ. Я назвалъ Жюля Бретона; онъ недавно еще перешелъ къ натурализму, но весь пропитанъ поэзіей. Въ нынѣшнемъ году онъ опять снискалъ успѣхъ на выставкѣ своими крестьянками, напоминающими переодѣтыхъ богинь. Жюль Бретонъ пустой живописецъ и всегда заставляетъ меня сожалѣть о Курбе. Тороплюсь перейти къ другимъ: Ролль, ученикъ Жерома, на этотъ разъ выставилъ большую картину: „Grève de mineurs", въ которой замѣтна сила; Дантонъ нарисовалъ „Coin d'atelier", съ такой щепетильной вѣрностью деталей, что она даже обманываетъ глазъ, и мнѣ не нравится. Бютенъ далъ „Ex-voto", написанное съ рѣдкой искренностью и солидностью. Пелезъ, тоже ученикъ Кабанеля, погруженный съ прошлаго года въ миѳологію, выставилъ этотъ годъ сцену у прачекъ „Au lavoir", въ которой передается очень вѣрно

Digitized by Google

природа, и много наблюдательности. На этомъ я и остановлюсь, потому что было бы безполезно увеличивать списокъ рекрутовъ натурализма.

Итакъ, вотъ имена, вотъ факты. Съ каждымъ годомъ „школа" бѣднѣетъ. Всѣ молодые таланты, всѣ тѣ, кого интересуютъ жизнь и успѣхъ, переходятъ къ новой формулѣ, къ современнымъ сюжетамъ, къ наблюденію природы, къ живописи на открытомъ воздухѣ, гдѣ живое солнце озаряетъ дѣйствующихъ лицъ въ той средѣ, въ которой они живутъ. Конечно, какъ я уже говорилъ, въ средѣ этихъ новообращенныхъ есть лживые и слабые таланты, но все-таки ихъ слѣдуетъ поблагодарить за то, что у нихъ раскрылись глаза, и они пытаются достичь правды. Впрочемъ, они-то, благодаря своему искусству, и заставятъ признать формулу импрессіонистовъ, столь худо понимаемую: видѣть природу такою, какъ она есть, и передавать ее при настоящихъ условіяхъ свѣта.

IV.

Я не имѣлъ въ виду написать вамъ подробный разборъ выставки нынѣшняго года. Я желалъ только отчетливо показать переворотъ, совершающійся въ настоящее время въ нашей школѣ живописи. Показавъ, какъ натурализмъ привлекаетъ и группируетъ вокругъ себя всѣ молодые таланты, я бѣглымъ взглядовъ окину академическую живопись и скажу, на чемъ она стоитъ.

Посмотрите, какое ничтожество. Вотъ Кабанель съ своей „*Федрой*". Живопись пустая, какъ и всегда, тоны мертвые, и самыя яркія краски на ней блѣднѣютъ и напоминаютъ грязь. Что касается сюжета, то что́ сказать объ этой Федрѣ, которая точно также могла бы быть Клеопатрой или Дидоной. Это простая декорація: какая-то женщина лежитъ съ надутымъ лицомъ. Чувство въ этой картинѣ—ложь, ложь—и наблюденіе, ложь—и самая фактура. Если мы перейдемъ къ „Flagellation du Christ" Бугро, то попадемъ отъ худого къ худшему. Здѣсь правда искажается съ такой старательностью, что начинаешь жалѣть о небрежной мазнѣ Кабанеля. Это совершенство банальности. Но бываютъ ступени еще ниже этой, и на таковую мы опускаемся вмѣстѣ съ Эмилемъ Синьолемъ. Этотъ впалъ въ младенчество. Онъ пользовался успѣхомъ когда-то, благодаря которому сталъ внѣ конкурса, что́ для него большое счастье, потому что, думается мнѣ, никакое жюри не приняло бы его теперешнихъ картинъ. Его „Premiére croisade" и „Tancrède à la montagne des Oliviers" показываютъ, до какой степени упадка можно дойти, рисуя академическія банальности.

Рядомъ съ ничтожными произведеніями школы, мы видимъ за-

Digitized by Google

мѣчательныя произведенія лицъ, создавшихъ себѣ почетное мѣсто въ современномъ искусствѣ. Назову, напримѣръ, Бонна, Геннера, Воллона, Жанъ-Поль Лоранса. Трое первыхъ—приверженцы натурализма, но каждый съ своей собственной точки зрѣнія—и вносятъ въ него свои личные пріемы. Ни у одного нѣтъ, по моему мнѣнію, мощной силы Курбе и огня Деларош. Но если они не доросли до генія, то выказываютъ несомнѣнный талантъ, и ихъ добросовѣстные этюды природы весьма способствуютъ современному перевороту. По моему мнѣнію, они занимаютъ въ живописи то мѣсто, какое гг. Ожье, Дюма и Сарду занимаютъ въ драматической литературѣ, роль піонеровъ, переходныхъ талантовъ. Въ этомъ году портретъ Грева, выставленный Бонна, мало нравится; его находятъ холоднымъ и сухимъ. Его вторая картина: *Іовъ*—вызываетъ много споровъ. Дамы возмущаются, находятъ ужаснымъ этого старика съ поджатымъ животомъ и высохшими членами. Но какъ же бы онѣ хотѣли, чтобы Бонна нарисовалъ Іова, этотъ типъ нищеты и болѣзни? Я нахожу, что Бонна не только не преувеличилъ библейскаго описанія, но еще избавилъ насъ отъ ранъ и гноя, которыми Іовъ счищалъ обломками глинянаго горшка. Его Іовъ по сравненію съ текстомъ является приличнымъ Іовомъ. Разъ художникъ захотѣлъ изобразить типъ крайней нищеты и несчастія, ему волей-неволей приходилось представить его отвратительнымъ. Я понимаю, конечно, что молодымъ дамамъ не можетъ быть пріятно глазѣть на этого ужаснаго старика, но не могу упрекать Бонна за его художественную добросовѣстность. Мнѣ меньше нравится его техника, онъ пишетъ слишкомъ массивно. Геннеръ, какъ живописецъ, совершенная противоположность Бонна; его главное достоинство заключается въ прозрачности тоновъ. Къ несчастію, онъ повторяется; ежегодно выставляетъ онъ все ту же обнаженную фигуру, на фонѣ зеленой листвы. Въ нынѣшнемъ году Геннеръ прислалъ на выставку картину: „le Sommeil“, молодую спящую женщину, въ которой больше правды и непринужденности. Что касается Воллона, то это виртуозъ кисти; одинъ изъ самыхъ искусныхъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова живописцевъ. Въ нынѣшнемъ году онъ выставилъ тыкву, мастерски нарисованную.

Я назвалъ Жанъ-Поль Лоранса. Его никакъ нельзя причислить къ натуралистамъ. Онъ пожелалъ воскресить историческую живопись, не обновляя ее путемъ наблюденія и анализа. Въ исторіи онъ усмотрѣлъ возможность писать большія иллюстраціи, мелодраматическія сцены, развалины, пламя, кровь. Это Деларошъ черной манеры. Хуже всего то, что этотъ романтическій историкъ очень плохой живописецъ; я хочу сказать, что онъ быть можетъ мыслитъ, но не пишетъ, а это безусловное порицаніе для живописца. Критика въ нынѣшнемъ году оказалась строга къ его „Гонорію“, императору-ребенку, одѣтому въ

Digitized by Google

пурпуръ, съ державой въ рукахъ возсѣдающему на тронѣ цезарей, и въ которомъ онъ олицетворилъ Византію. Я не постигаю этой строгости: я предпочитаю этотъ символическій родъ растерзаннымъ сценамъ живописца: „les Emmurés de Carcasonne", или „l'Interdit". Что касается живописи, то она непріятна,—тусклая, плоская, съ рѣзкими тонами, но она та же, что и въ прежнихъ картинахъ, бившихъ на эффектъ, которыя критика хвалила. Я подозрѣваю, что для большинства критиковъ важенъ сюжетъ, и что они всему предпочитаютъ хорошую мелодраму.

Я бы упрекнулъ себя, если бы оставилъ безъ упоминовенія въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ огромныхъ картинъ Пюви де-Шаванна, долженствующихъ закончить декорацію Амьенскаго музея. Это гигантскій рисунокъ въ три метра вышины и шестнадцать метровъ длины, представляющій юныхъ пикардійцевъ, упражняющихся въ бросаніи копья. Композиція эта такъ обширна, въ ней такъ много группъ, что я удовольствуюсь тѣмъ, что похвалю ея мастерскую распланировку; Пюви де-Шаваннъ въ настоящее время единственный живописецъ, понимающій значеніе декоративной живописи. Его оригинальность и сила заключаются въ простотѣ рисунка, въ однообразіи тона; но его стоитъ особенно похвалить за то, что, упрощая рисунокъ, онъ остается вѣренъ природѣ; его сдержанность не исключаетъ правды, напротивъ того: въ его рисункѣ и краскѣ, конечно, замѣчается почти іератическая условность, но изъ подъ-символа пробивается человѣческое.

Перехожу къ портретамъ—и тутъ вижу, что натурализмъ торжествуетъ. Фантенъ-Латуръ выставилъ портретъ m-lle L. R.—чудо искусства. Художникъ—настоящій ученый въ своемъ искусствѣ; онъ годы провелъ за изученіемъ великихъ мастеровъ и владѣетъ кистью какъ никто въ мірѣ, и это знаніе не мѣшаетъ ему почитать природу, совѣщаться съ нею и повиноваться ей. Каждая его картина—образецъ добросовѣстности. Работы Фантенъ-Латура не бросаются въ глаза, не останавливаютъ на себѣ съ-разу; надо долго глядѣть на нихъ, всмотрѣться, чтобы понять ихъ добросовѣстность, правдивость. Противное испытываете вы, проходя мимо портретовъ Каролуса Дюрана. Онѣ бросаются въ глаза яркостью красокъ, ослѣпляютъ васъ; вы останавливаетесь и восхищаетесь этой блестящей техникой, напоминающей бравурную арію. Но не слѣдуетъ застаиваться передъ его картинами, потому что скоро обнаруживаются ихъ недостатки: рѣзкость тоновъ, недостатокъ воздуха. Кромѣ того—и это всего важнѣе—въ нихъ не чувствуешь любви къ природѣ; „шикъ" почти вездѣ замѣняетъ наблюденіе. На послѣдней всемірной выставкѣ картины Каролуса Дюрана вызвали непріятное удивленіе: всѣ показались какъ-бы почернѣвшими, точно потухшій фейерверкъ. Въ числѣ

Digitized by Google

другихъ интересныхъ портретовъ, находящихся на выставкѣ, упомяну о портретѣ живописца Бютена, выставленнаго Дюэ. Дюэ тоже подпалъ вліянію натурализма, преобразующаго литературу и искусство. Мнѣ говорили, что онъ мечтаетъ о живописи на открытомъ воздухѣ, какъ и импрессіонисты. Есть еще хорошій портретъ Клемансо, работы Бена, немного суховатый и слишкомъ черный. Что касается Бодри, академика, коммандора Почетнаго Легіона, — онъ выставилъ два портрета, которые сильно критикуются и вполнѣ основательно. Вотъ куда приводитъ школа, когда нѣтъ настоящаго таланта и когда хочешь работать помимо наблюденія природы. Дебютенъ выставилъ произведеніе, возбудившее большой интересъ. Онъ помѣстилъ въ три отдѣла одной рамы семейство Луазоновъ: отца, мать и между ними ребенка. Оставляя въ сторонѣ эффектность сюжета, я нахожу въ картинѣ замѣчательныя техническія достоинства.

Мнѣ остается кончить пейзажемъ. Здѣсь борьба натурализма давно уже увѣнчалась побѣдой. Черезъ пейзажъ наша школа пришла къ поклоненію природѣ. Все поколѣніе великихъ пейзажистовъ, нынѣ умершихъ: Теодоръ Руссо, Коро, Милле, Добиньи — впервые отправилось въ поиски за правдой и устанавливало свои мольберты среди открытаго поля, обращаясь къ вѣчному источнику наблюденія и анализа. Въ настоящее время у насъ остались только ученики этихъ мастеровъ, но толчокъ данъ, пейзажъ сталъ невозможенъ внѣ непосредственнаго изученія природы; никакому живописцу не приходитъ нелѣпая мысль въ голову запереться въ своей мастерской, чтобы сочинять деревья. Одинъ Гюставъ Доре все еще имѣетъ смѣшную претензію рисовать воображаемые пейзажи. Нынѣшній годъ онъ прислалъ на выставку „Crepuscule“ и „Souvenir de Lock-Corron“, два изумительныхъ романтическихъ горизонта, разсчитанныхъ на театральный эффектъ и написанныхъ тѣми грязными тонами, которыми обыкновенно онъ замораживаетъ свои самыя пламенныя измышленія. Замѣтьте, что названіе: „Souvenir de Lock-Corron“, какъ будто указываетъ, что живописецъ снялъ хоть бѣглые наброски съ живой природы. Но не знаю, какъ онъ это дѣлаетъ, а только пишетъ самымъ фантастическимъ образомъ даже и тогда, когда опирается на дѣйствительность. Говорятъ, что Гюставъ Доре очень раздосадованъ своимъ неуспѣхомъ, какъ живописецъ; онъ серьёзно воображаетъ, что въ немъ воскресъ Микель-Анжело, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые критики въ шутку увѣрили его въ этомъ, и вотъ онъ обвиняетъ своихъ современниковъ въ глупости, за то, что они равнодушно проходятъ передъ его громадными картинами. Я думаю, что Гюставъ Доре долженъ былъ бы винить только самого себя; онъ расплачивается въ настоящее время за свое презрѣніе къ природѣ; если одного воображенія было достаточно для

Digitized by Google

живыхъ и эффектныхъ иллюстрацій, какими онъ обогатилъ столько прекрасныхъ книгъ, оно измѣнило ему, когда онъ взялся за живопись. Онъ долженъ былъ бы состарѣться надъ живыми моделями, а онъ вѣчно довольствовался одной своей фантазіей. Въ его произведеніяхъ не чувствуешь природы, а слѣдовательно они и неудовлетворительны. Кто захочетъ понять пустоту двухъ пейзажей, выставленныхъ Гюставомъ Дорѐ въ нынѣшнемъ году, этихъ плоскихъ и безжизненныхъ иллюстрацій, несмотря на всю ихъ претензію на стиль, тотъ пусть сравнитъ ихъ съ видомъ Парижа—Гильемѐ: „Le vieux Quai de Bercy". Я выбираю эту картину потому, что она произведеніе художника съ темпераментомъ и поклоняющагося правдѣ. Сена катится и исчезаетъ въ дали; справа и слѣва тянутся набережныя, съ пестрой кучей построекъ, сараевъ, заводовъ, кабаковъ, а въ глубинѣ, позади сѣроватыхъ линій мостовъ, бѣлѣетъ на солнцѣ отдаленная набережная Парижа. Ничего не можетъ быть веселѣе и живѣе всѣхъ деталей этой картины, оживленнаго предмѣстья, свѣта, заливающаго большой городъ, котораго какъ будто вдыхаешь запахъ и слышишь шумъ. Вы останавливаетесь передъ этой картиной, какъ передъ открытымъ окномъ, откуда открывается знакомый видъ. И написано это очень солидно, свѣтлыми и жирными тонами, съ широкими техническими пріемами, гдѣ не замѣчается ремесленныхъ уловокъ. Упомяну еще о пейзажахъ Пелуза и Лапостолѐ, и могъ бы назвать еще много другихъ. Но, повторяю, это не подробный разборъ выставки, это лишь бѣглыя замѣтки о движеніи, совершающемся въ настоящее время.

Я кончилъ. Въ сущности я отмѣтилъ постоянно усиливающійся успѣхъ натурализма. Каждый годъ, на каждой выставкѣ можно видѣть, какъ это движеніе растетъ. Живописцы, вѣрные академической традиціи, утомляются, пишутъ все хуже и хуже среди той пустыни, какая воцаряется вокругъ нихъ, тогда какъ вся жизнь, вся сила переходятъ къ живописцамъ дѣйствительности и современности. Ученики Кабанеля и Жерома покидаютъ ихъ одинъ за другимъ; лучшіе, умнѣйшіе, талантливѣйшіе дезертировали изъ школы первые, увлекая за собою всѣхъ своихъ сколько-нибудь даровитыхъ товарищей, оставивъ профессорамъ однѣ посредственности, такъ что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ побѣгъ совершится безповоротно, искусство будетъ преображено, и натурализмъ восторжествуетъ надъ своими противниками.

Впрочемъ, мы видѣли на примѣрѣ Бонна, Геннера и Воллона, что каждый талантливый художникъ въ настоящее время опирается на наблюденіе и анализъ природы; благодаря этимъ талантамъ, натурализмъ, пока, правда, еще только лепечущій, вступитъ въ скоромъ времени въ академію. И снова настаиваю на важной роли, ка-

Digitized by Google

кую играютъ въ настоящую минуту живописцы-импрессіонисты. Весьма возможно, что ни одинъ изъ нихъ не осуществитъ мастерскимъ образомъ ту формулу искусства, какую они принесли съ собой, но тѣмъ не менѣе эта формула готовится произвести переворотъ въ современной живописи. Я надѣюсь, что доказалъ, насколько позаимствовались отъ нихъ такіе живописцы, какъ Бастьенъ Лепажъ и Жервѣ. Будущее принадлежитъ ей, это позднѣе узнается. Послѣ Делакруа, послѣ Курбѣ, геніальныхъ живописцевъ, комментировавшихъ природу посредствомъ старыхъ пріемовъ, остается только, если хочешь идти впередъ, заняться изученіемъ дѣйствительности и постараться передать ее при болѣе правдивыхъ условіяхъ. Всѣ изслѣдованія должны быть сосредоточены на освѣщеніи, на солнечномъ свѣтѣ, озаряющемъ всѣ одушевленные и неодушевленные предметы. Всѣ усилія должны клониться къ тому, чтобы сдѣлать произведенія болѣе правдивыми, болѣе сильными, болѣе живыми, передавая полное впечатлѣніе, производимое фигурами и средой, при тысячѣ условій существованія, въ какихъ они могутъ представиться. Живопись, какъ и литература, вступаетъ на путь наблюденія и опыта. Она вступила въ періодъ точныхъ основаній. Она расширяетъ свои предѣлы, стараясь анализировать всѣ эффекты освѣщенія. Позднѣе явятся геніи, которые дадутъ синтезъ каждому ученію.

Эмиль Зола.

ПОПРАВКИ:

Стран.	Строч.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
602	7 сн.	Знаешь ли что?	— *А.* Знаешь ли что?
—	5 „	*А.*	*Б.*
609	4 св.	западныхъ русскихъ	западныхъ и русскихъ
610	13 сн.	пьесы „Импровизаторъ“,	пьесы съ импровизаторомъ,
—	12 „	героя	Чарскаго
625	13 св.	черты	теоріи
631	6 „	1856	1855 г.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ—ІЮНЬ, 1880.

Книга пятая.—Май.

стр.

Замѣчательное десятилѣтіе.—1838—1848 гг. — Изъ литературныхъ воспоминаній.—XXXII-XXXVI.—Окончаніе.—П. В. АННЕНКОВА 5

Русскій расколъ и законодательство. — Историческіе очерки изъ новѣйшаго времени.—IV-VI.—Окончаніе.—Е. Р. 68

Деревенскіе мірозды.—Очерки.—II. Старый Покровскій дьяконъ.—А. ПОТѢХИНА 101

Путешествіе въ Ѳкодосію, въ четырехъ письмахъ.—Л. Н. 141

Сёстры.—Изъ новаго романа Эберса.—В. К. 176

Общественно-медицинскіе этюды.—I. Дифтеритъ, его исторія и борьба съ нимъ.—I-II.—А. КОРЕЦКАГО. 211

Солнце.—Сцена изъ поэмы о мірозданіи.—Н. МИНСКАГО 236

Польскій вопросъ въ русской литературѣ.—V.—А. Н. ПЫПИНА. 239

Человѣкъ каменнаго вѣка, у Ладожскаго озера.—А. А. ИНОСТРАНЦЕВА. . 272

Хроника. — Литературное Обозрѣніе.—I. Всеобщая исторія литературы, вып. 1-й, п. р. В. Ѳ. Корша.—II. Курсъ гражданскаго права, ч. III, К. Побѣдоносцева.—III. Э. Фриманъ. Общій очеркъ исторіи Европы, въ двухъ переводахъ: Я. Г. Гуревича и М. Стратилатова.—IV. Земскій Ежегодникъ за 1877 годъ.—Труды Коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.—Труды Коммиссіи по техническому образованію, и отчетъ о школахъ Русскаго техническаго общества. — Замѣтка о пермской брошюрѣ прот. Евгенія Попова, и казанской книгѣ проф. Флоринскаго: Лечебникъ для народнаго употребленія.—К. К. 296

Внутреннее Обозрѣніе.—Прежніе политическіе процессы въ ихъ связи съ послѣдующими. — Степень участія въ нихъ учащейся молодежи. — Подпольная и „надпольная“ печать.—Есть ли въ Россіи партіи?—Облегченіе участи лицъ, подвергшихся административной высылкѣ. — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1878 г.—Требы и ихъ вознагражденіе.—Мѣры къ развитію церковной проповѣди.—Сообщеніе объ открытіи новыхъ городскихъ училищъ С.-Петербурга, и перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. 321

Корреспонденція изъ Лондона.—Парламентскіе выборы 1880-го года.—R. 345

Парижскія Письма.—LVII.—Стендаль и его труды.—Эм. ЗОЛА. 360

Законы вкуса.—Изъ лекцій въ Сорбоннѣ.—А. Л. 390

Замѣтка.—Микенскія и троянскія раскопки Шлимана.—Л—нъ. . . 405

Отъ редакціи.—По поводу „Воспоминаній“ П. В. Анненкова. 412

Извѣстія.—Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: Отчетъ казначея, смѣта и свѣдѣнія о состояніи высшихъ женскихъ курсовъ 415

Библіографическій Листокъ. — Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. I, 1.—Исторія педагогики, К. Шмидта, т. III.—Земля и Люди, Эл. Реклю, т. IV.—Историческая христоматія по новой и новѣйшей исторіи, Я. Г. Гуревича, т. II.

Digitized by Google

Книга шестая.—Іюнь.

стр.

Манифестъ о кончинѣ Государыни Императрицы.

На выставкѣ М. Антокольскаго.—I. Къ Мефистофелю.—II. Безвозвратная потеря.—III. У памятника молодой дѣвушкѣ. — Стих. ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА 421

Записки степняка.—V. Степная сторона.—VI. Мужичокъ Сигней, и мой сосѣдъ Чухвостиковъ.—А. И. ЭРТЕЛЯ 424

Наши высыльныя и колонизація.—Н. М. ЯДРИНЦЕВА 438

Съ волками жить...—Сцены и характеры изъ новаго романа г-жи Уйда: „Moths“.—О. П—СКОИ 487

Судьбы прусской монархіи, отъ Фридриха В. до іенскаго погрома.—Geschichte des preussischen Staatswesens, v. M. Philippson.—В. Ѳ. КОРША . . 554

Общественные идеалы А. С. Пушкина.— Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта.—I-II.—П. В. АННЕНКОВА 595

*** Стих. ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА 638

Наполеонъ за кулисами и на сценѣ.—Mémoires de m-me de Rémusat, 3 vols.—А. Э. 639

Общественно-медицинскіе этюды.—I. Дифтеритъ, его исторія и борьба съ нимъ.—III-IV.—Окончаніе.—А. Г. КОРЕЦКАГО 686

Мракъ.—Стих. С. А. АНДРЕЕВСКАГО 709

Хроника.—Литературное Обозрѣніе. — I. Солнышко, А. Радонежскаго. С. И.—II. Письма къ Погодину, вып. 2 и 3, съ примѣч. Н. Попова.—Сочиненія Ю. Самарина, т. V.—Сборникъ Археологич. Института, кн. 1—3, изд. п. р. Н. В. Калачова.—А. А.—III. Лѣтописи и памятники древнихъ народовъ: Египетъ, Бругша, пер. Г. Ѣ. Властова.—Критическія наблюденія, вып. 1: Зодчество древняго Египта, А. Прахова.—Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI, И. Лучицкаго. — Опыты по исторіи англійской конституціи, Э. Фриманъ и В. Стэбсъ, пер. М. Ковалевскаго.—Народный кадастръ, В. Тригорова.—Матеріалы для изученія землевладѣнія и пр. въ Россіи, вып. I. — К. К. — Замѣтка о книгѣ г. Лисицкаго: Le marquis Wielopolsky etc. T. I. — В. 719

Новая книга о Макіавелли.—Макіавелли какъ политическій мыслитель. А. Алексѣева.—Н. И. СТОРОЖЕНКО 759

Земскія ходатайства въ 1876 и въ 1877 гг.—А—н— 778

Внутреннее Обозрѣніе. — Четырнадцать лѣтъ тому назадъ и теперь. — Смыслъ единодушія нашей печати по вопросамъ министерства народнаго просвѣщенія и выводъ изъ того въ „Спб. Вѣдомостяхъ“. По поводу приближающагося 50-лѣтія со времени основанія классической системы въ Россіи. — Сущность „системы графа Толстого“, и задачи ближайшаго будущаго. — Пятнадцатилѣтіе нашей безцензурной печати. — Общее направленіе законодательства о печати и практика съ 1865 по 1880 годъ.—Современное ея положеніе. — Обычныя возраженія противъ свободы печати, и ея desiderata 797

Корреспонденція изъ Берлина.—Бисмаркъ и политическія партіи.—К. . 837

Парижскія Письма. — LVIII. Художество и администрація художествъ.— Э. ЗОЛЯ 858

Библіографическій Листокъ. — Сборникъ Рус. Истор. Общества, т. XXVIII.—Всеобщая исторія литературы, п. р. В. Корша, вып. II. — Путешествіе по Китаю, П. Пясецкаго, т. I.—Пути къ раціональному воззрѣнію. Ив. Панаева.—Портретная Галерея рус. литер., учен. и артистовъ, К. Шапиро, вып. II.

Digitized by Google

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 60. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 60.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

☞ **Основанія науки о нравственности.** Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

☞ **Психологія чувствованій,** въ ея исторіи и главныхъ основахъ, Сочин. Николая Грота. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 рубля.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отдѣлъ второй. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Оба отдѣла вмѣстѣ: ц. 3 р. съ пересылкою.

☞ **Всеобщая исторія литературы.** Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ II-ый. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи [1877—1878]. Письма въ редакцію газеты, „Правительственный Вѣстникъ" отъ ея офиціальнаго корреспондента Всеволода Крестовскаго. Изданіе исправленное и значительно дополненное, въ 2-хъ томахъ съ планами и картами. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пересылкою.

☞ **Еврейская библіотека.** Историко-Литературный сборникъ, т. VIII. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к. Всѣ восемь томовъ, съ пересылкою 16 р.

Жизнь и труды П. М. Строева. Сочин. Николая Барсукова. Спб. 1878 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1879 г. т. I. Ц. 3 р. съ перес.

Картинки домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

☞ **Кому на Руси жить хорошо.** Поэма Н. А. Некрасова. Спб. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого, 4-ое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

☞ **Марта.** Повѣсть погибшей. Романъ Гюисмансъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ **Марко проклятый.** Поэма на малороссійскомъ языкѣ изъ преданій и повѣрій запорожской старины. Соч. Л. П. Стороженка. Съ портретомъ автора. Од. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Новая Русская азбука, съ картинками. Составлена по разнымъ источникамъ А. К. Владиміровой. Спб. 1880. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ **Нана.** Романъ въ двухъ частяхъ Эмиля Зола. Переводъ съ французскаго Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пересылкою.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны ☞ предъ ихъ заглавіемъ.

Digitized by Google

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы Д. В. Григоровича. Въ семи томахъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 руб., съ пер. 13 р.

Подлиповцы. Повѣсть Ѳ. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ III. Стихотворенія съ 1808—1827 г. Роскошное изданіе. Графа С. Д. Шереметева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Полное собраніе сонетовъ Вилліама Шекспира въ переводѣ Н. Гербеля. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к., въ переплетѣ 90 к., съ пер. 1 р. 20 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. II. 1827—1851 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

☞ **Портретная галерея** русскихъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, съ біографіями на русскомъ и французскомъ языкахъ, факсимиле, орнаментами въ древне-русскомъ стилѣ. Изд. К. Шапиро. Выпускъ 2-ой заключаетъ портреты Д. В. Григоровича, А. Н. Островскаго, А. Ѳ. Писемскаго, Я. П. Полонскаго и графа Л. Н. Толстого. Выпускъ 1-ый заключаетъ портреты И. А. Гончарова, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова и И. С. Тургенева. Ц. Каждому выпуску 5 р., съ пер. 7 р.; въ роскошной папкѣ 6 р., съ пер. 8 р.

Самозванныя дѣти. Историческая повѣсть въ трехъ частяхъ изъ временъ Императрицы Екатерины II. Сочин. Евгенія Карновича. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Свой хлѣбъ. Романъ Ѳ. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ **Собраніе сочиненій Евгенія Маркова,** съ портретомъ автора. 2 т. Т. I. Публицистика и критика. Т. II. Путешествія и педагогія. Спб. 1877 г. Ц. 4 р., съ пересылкою.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Десять томовъ. Спб. 1878—1880. Цѣна 14 руб., съ перес. 17 р., въ переплетѣ 18 р., съ пер. 22 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Томъ V (1877—1879 г.). Историческій романъ, въ 3-хъ частяхъ: Мировичъ. Историческія повѣсти: Потемкинъ на Дунаѣ. Послѣдніе запорожцы. Примѣчаніе къ „Мировичу". Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7-мь томовъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ переплетѣ 10 р.; съ перес. 12 р.; на веленевой бумагѣ въ переплетѣ ц. 12 р., съ перес. 14 р.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Изданіе Михаила Боткина, съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи въ первое 25-тіе благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича, 1855—1880 г. 4-е тома. Состав. подъ руководствомъ Ген.-Лейт. Богдановича. Спб. 1880 г. Ц. 6 р., съ пер. 9 руб.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рокау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ всеобщей исторіи. Д-ра Георга Вебера. Переводъ Е. В. Корша. 4 тома. Ц. 8 р. 30 к., съ пер. 9 р.

☞ **Мы и Они** [1711—1878]. Очерки исторіи и политики Славянъ. Профес. А. Кочубинскаго. Од. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Историческое изслѣдованіе по источникамъ. Профессора Д. А. Хвольсона. Второе, совершенно переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 коп.

Общій очеркъ исторіи Европы. Сочиненіе Эдуарда Фримана. Переводъ съ послѣдняго [пятаго] англійскаго изданія подъ редакціей Я. Г. Гуревича, съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV столѣтія. В. Б. Антоновича. В. І. К. 1878 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль.

Digitized by Google

Соч. И. В. Лучицкаго. К. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

Руководство къ древней исторіи Востока, до Персидскихъ войнъ. Сочин. Ф. Ленормана. 2 т. съ картами. К. 1879 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владимира, X-XVI-е столѣтія. Изданіе 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Семейство Разумовскихъ. Состав. А. А. Васильчиковъ. Три тома Цѣна 7 р. 50 к., съ пересылкою 9 р. Вышелъ Томъ I, съ тремя портретами: Императ. Елизаветы, Графа А. Г. Разумовскаго и Графа К. Г. Разумовскаго. Ц. съ билетомъ на два остальные тома, которые выйдутъ въ 1880 г., 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Гекторъ Сервадакъ. Путешествія и приключенія въ солнечномъ мірѣ. Соч. Жюля Верна, пер. С. Самойловичъ. *Роскошное изданіе* съ многочисленными рисунками Филиппото, грав. Лаплантомъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко. Выпускъ 15. Ботаническія изслѣдованія. Астрагаловыя (Astragaleae). Обработалъ Профес. А. Бунге. Спб. 1880. На веленевой бумагѣ Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.; на простой бумагѣ Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

☞ **Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 г.г. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай.** Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ 2-хъ томахъ, съ 24 рисунками. Вышелъ Т. I, съ билетомъ на второй, который выйдетъ вскорѣ. Спб. 1880 г. Ц. за оба тома 6 р., съ пересылкою.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

☞ **Библіографія финансовъ, промышленности и торговли,** со временъ Петра Великаго и до настоящаго времени (съ 1714 по 1879 годъ включительно). Составилъ С. Каратаевъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пересыл. 3 р. 50 к.

Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе, пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями. Проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Курсъ политической экономіи. Состав. Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Начальный учебникъ политической экономіи. Сост. проф. Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Миллъ. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

Основанія политической экономіи. Составилъ магистръ А. Антоновичъ. Выпускъ II. Вар. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ. Чтеніе для юношества. Спб. 1865 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

☞ **Библіотека-крошка:** 1) Изъ Дѣтской жизни Ц. 30 к.; 2) Сборникъ стихотвореній. Ц. 10 к.; 3) Гранадскій водовозъ. Нюренбергское яйцо. Ц. 10 к.; 4) Сказки Андерсена. Ц. 20.; 5) Русскія народныя сказки. Ц. 15 к.; 6) Рабочій день въ лѣсу. Ц. 10 к. М. 1880 г., съ пересылкою всѣ 6-ть книжекъ стоятъ 1 р. 20 к.

Бесѣды о землѣ и тварях на ней живущихъ. Соч. Проф. А. Бекетова. Изд. 14-ое, съ 18 рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

☞ **Война мышей и лягушекъ.** Забавная поэма. Гомера. Переложеніе В. А. Воскресенскаго, съ картинками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

Волшебныя сказки для дѣтей, собранныя Ю. Гофманномъ по сочиненіямъ Ф. Гофманна, Гримма, Бехштейна, Гейслера и др. Пер. Н. С. Кутейникова, съ 9 раскрашенными рисунками. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Воспитаніе какъ предметъ науки. Сочиненіе Александра Бэна. Переводъ Ф. Резенера. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☞ **Гимназическій Курсъ** постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій, съ присовокупленіемъ 300 темъ на нѣм. и франц. языкѣ для упражненія въ сочиненіяхъ. Сост. В. Топоровъ. Изд. 7-ое. Од. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер 1 р. 20 к.

☞ **Два мѣсяца „Игрушечки“,** 10-ть №, изъ

Digitized by Google

еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтей „*Игрушечка*“, издаваемаго Т. Пассекъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Дѣтскій театръ. Оригинальныя сцены и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Л. К. Стахѣевой. 2-е изд., дополненное семью новыми пьесами. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ второй, слѣдующаго содержанія: I. Дитя съ мячикомъ. II. Хохликъ. III. Варя. IV. Спасательная шлюпка. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Игра-обученіе чтенію. Вмѣсто азбуки и начальнаго чтенія. 30 картъ, 240 марокъ съ буквами и слогами. Сост. А. Страховъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Исторія Греціи и Рима. Я. Г. Гуревича, Изд. 2-ое, 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. I, второе изданіе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по новой исторіи. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. I. Изд. 2-ое. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи, составлен. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Т. I. Ц. 1 р. 60 к. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 4 р.

☛ **Краткій географическій атласъ** всѣхъ частей свѣта. Для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій. Сост. Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

☛ **Новѣйшій географическій атласъ** всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школѣ и дома на 28 раскрашенныхъ листахъ. Сост. Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 60 к.

☛ **Образцы древней русской словесности.** Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Собралъ А. Цвѣтковъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

О самовоспитаніи умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серьёзно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности. Соч. Джона Стюарта Блекки. Спб. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Первое и необходимое для каждаго знакомство съ химіей. Сост. А. Бернштейнъ. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Пестрая книжка. Разсказы для маленькихъ дѣтей по Ф. Гофманну, съ раскрашенными картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Первоначальныя свѣдѣнія о животныхъ. Для дѣтей младшаго и средняго возраста. Сост. М. Меліоранскій. Книжка для учащихся къ „Вопроснику по зоологіи“. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

☛ **Погода.** Руководство къ изученію и предсказанію погоды. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Состав. П. А. Литвинскій. Спб. 1879 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Польскія сказки, изложенныя по К. В. Войцицкому и К. Балвинскому, съ четырьмя картинками. Спб. 1880 г. Цѣна 80 к., съ пер. 1 р.

Подарокъ на елку. Разсказы и стихотворенія для дѣтей А. В. Круглова, съ картинками и виньетками въ папкѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Путешествія и приключенія барона Мюнхаузена, съ предисловіемъ Ф. Гофманна, съ 8-ю хромолитографическими рисунками. Пер. С. Майковой. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

☛ **Разсказы дѣдушки про сѣдую старину.** М. 1870 г. Цѣна съ картинами въ 4 тома 2 р., съ пер. 2 р. 80; съ картинами въ 2 тома 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы Сост. Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Руководство къ наглядной Географіи. Пособіе для преподавателей. Сост. препод. Брюссельской образцовой школы А. Слюйсомъ. Перевелъ со 2-го изданія К. Турчаковскій, препод. Ришельев. гимн. Съ таблицею географическихъ чертежей. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Самоучитель итальянскаго языка. Сост. В. Лоровичъ. Одесса. 1877 г. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

☛ **Сборникъ игръ и полезныхъ занятій** для дѣтей всѣхъ возрастовъ съ предисловіемъ для родителей и воспитателей Сост. И: Я. Гердъ, съ 150-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. М. 1880 г. Ц. въ папкѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Семейство Шалоневыхъ. Изъ семейной хроники. Сочин. Евгенія Туръ. Съ картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Серія первоначальныхъ учебниковъ, пер. съ англійскаго М. А. Антоновича: **Физика** Бальфуръ Стюарта. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. **Физическая Географія,** Гейкн. Ц. 60 к., съ пер. 80 к. **Геологія**—Гейкн. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.. **Физіологія**—Фостера. Ц. 75 к.,

Digitized by Google

съ пер. 1 р. **Астрономія** — Локаера. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

☞ **Теорія поэзіи.** Для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. М. Колосова. Изданіе 2-ое. Од. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ Химіи. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Фантастическія сказки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Г. Степановой и О. А. Гримма, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка II. Этимологическія и другія замѣтки А. А. Потебни. Вар. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Соч. А. Потебни. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О Малорусскомъ правописаніи. М. Тулова. В. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

☞ **Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія.** Сочин. П. Житецкаго. К. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Разборъ сочиненія П. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія". Кіевъ. 1876 г. Сост. Проф. А. А. Потебня. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Русско-Нѣмецкій Словарь. Составлен. по лучшимъ источникамъ Н. Ленстремомъ. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Исторія неба. К. Фламаріона, со 100 рисунками Бенетта. Изд. 2-ое. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Курсъ опытной физики. Профес. А. П. Шимкова. Ч. I. **Общая физика и Акустика,** съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Х. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Ч. II. **О свѣтѣ и теплотѣ** съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Х. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Вертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе 2-е, безъ перемѣны. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Спб. 1878 г.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Опытная механика. Курсъ лекцій, читанныхъ въ К. Ирланд. Кол. Наукъ Р. С. Баль, перев. подъ редакціею Н. И. Любавина, съ 100 рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Превращенія энергіи. Очеркъ теоріи современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическая химія. Н. И. Любавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Антропологія. Соч. Топинара, переводъ съ франц. изданія 1877 года, подъ редак. проф. И. И. Мечникова, съ 52 рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

☞ **Виноградарство и винодѣліе,** съ поясн. рисунками К. И. Тордана. Изд. 3-ье. Од. 1874 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

☞ **Дифтеритъ,** его распознаваніе и леченіе. Общедоступное изложеніе врача М. И. Гошкевича. К. 1880 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Здоровый жилой домъ. Сочин. Д-ра И. Ф. Фодора, съ 14 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Digitized by Google

Земледѣльческая химія. Соч. Роберта Гофмана, съ дополненіями профес. А. Энгельгардта. Спб. 1868 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Compendium Электротерапіи. Dr. R. H. Piezson. Переводъ подъ редакціей Д-ра В. Дроздова. Съ 18 рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Краткое руководство судебной химіи для фармацевтовъ, врачей и судебныхъ слѣдователей. Сост. А. Кассельманъ. Спб. 1871 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Краткій курсъ естествовѣдѣнія. Сост. А. Я. Гердъ. Въ 3-хъ частяхъ, съ 173 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Мериносы въ Рамбулье. Сост. М. П. Б. Спб. 1879 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни. Маріи Манассеенной. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Основы сельскаго хозяйства. Составилъ Д. П. Родіоновъ, съ 9-тью листами рисунковъ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у человѣка и животныхъ. Профес. И. Тарханова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

О вредныхъ насѣкомыхъ южной Россіи. Изъ отчета, представленнаго Д-ту земледѣлія и сельской промышленности. Сост. І. Порчинскій. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Организація полеваго хозяйства. II. *Севообороты.* Сост. А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Организація полеваго хозяйства. I.— **Системы полеводства.** А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Общее сельскохозяйственное растеневодство. Профес. Ф. Габерландта. Переводъ В. И. Ковалевскаго. Т. I. Спб. 1880. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. А. Н. Бекетова. Спб. 1879. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Россійская фармакопея, изданная по *Высочайшему повелѣнію* медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Третье изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Родовспомогательное искусство. Руководство для акушерокъ. Д-ра Іосифа Шпета, съ 33 рисунками въ текстѣ. Второе исправленное изданіе. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

☞ **Руководство по виноградарству.** Соч. Н. Е. Цабеля, съ атласомъ рисунковъ. Од. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Руководство къ изученію патологической анатоміи и гистологіи домашнихъ животныхъ для ветеринарныхъ врачей и студентовъ. Сост. Профес. А. А. Раевскій. Выпускъ I. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Руководство къ токсикологіи, составленное по Работо „Elements de toxicologie". Подъ редакціей Е. Пеликана, съ предисловіемъ, дополненіями и измѣненіями. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Руководство къ патологіи и терапіи женской половой сферы. Сочин. д-ръ М. Горвицъ, съ политипажами въ текстѣ. 2 т. Спб. 1878 г. Ц. 8 р. 60 к., съ пер. 9 р. 30 коп.

Руководство къ общей и частной хирургіи. Разработанное германскими профессорами-спеціалистами подъ редакціей Д-ра Бильрота и Д-ра Люкке: Отдѣлъ II-ой. *Историческій обзоръ хирургіи* Проф. Г. Гедера. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к. Отдѣлъ 20-ый. *Водобоязнь.* Проф. А. Редера. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра І. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер.

Руководство къ ушнымъ болѣзнямъ, д-ра А. Трёльча. Спб. 1879 года. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Сост. подъ ред. Д-ра Г. Цимссена. Томъ XV, в. I. Отравленія. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся Франца Кёнига. Т. I, съ 81 рисункомъ; т. II, в. I, съ 110 рисунками. Спб. 1879 года. Ц. 8 р., съ пер. 9 руб.

Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ. Соч. Р. И. Шредера, главн. Садовника и преподавателя садоводства въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Сборникъ статей изъ новѣйшей технической литературы Франціи на французскомъ языкѣ. Хрестоматія для спеціальныхъ техническихъ заведеній со словаремъ и 32 политипажами въ текстѣ. Сост. G. Eger. Издалъ для Россіи В. Кутузовъ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Сочиненіе Д-ра Э. Регеля. Ч. I. Изданіе 1-ое съ 284 политипажами. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Ч. II. Описаніе и культура растеній, годныхъ для комнатъ и маленькихъ домашнихъ оранже-

Digitized by Google

рей, съ 400 политипажами. Спб. 1879 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

☞ **Труды Санкт-петербургскаго общества естествоиспытателей**, издаваемые подъ ред. Профессора А. Бекетова. Т. X. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 коп.

Учебникъ Акушерства со включеніемъ патологіи беременности и роднльнаго періода. Д-ра Карла Шредера, переводъ подъ редакціей д-ра М. Горвица. Съ примѣчаніями редактора и 108 политипажами въ текстѣ. 2-ое изданіе. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Учебникъ физіологіи. Эриста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Факты въ воспріятіи. Рѣчь, читанная въ день основанія Берлинскаго Университета 3-го августа 1878 года Профес. Г. Гельмгольтцемъ. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

☞ **Цвѣтникъ.** Изданіе 3-е. М. 1880 г. Съ раскрашенными рисунками. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. съ нераскрашенными рисунками ц. 60 к., съ пер. 80 к. Безъ рисунковъ ц. 20 к., съ пер. 35 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ гражданскаго права и судопроизводства, разрѣшенныхъ гражданскимъ кас. департ. Прав. Сената. Составилъ П. П. Москальскій. Изд. 2-е, вновь дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

☞ **Россія и Англія въ Средней Азіи.** Измѣнен. и допол. Сочиненіе Профес. Ф. Ф. Мартенса. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ русскаго уголовнаго права. Н. С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ **Нужды русскаго народа** Сочиненіе Ивана Кошкарова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

☞ **О пользѣ исправительныхъ пріютовъ и убѣжищъ для малолѣтнихъ преступниковъ и освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія.** Сост. Ев. Антоновичъ. М. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія соціологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. В. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство для мировыхъ судей. Уставы Гражданскаго Судопроизводства. Сост. Мир. Судья Н. Ѳ. Алексѣевъ. М. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Томъ IV. Сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и лжеда; подлогъ и поддѣлка. Сост. Магистръ правъ Н. А. Неклюдовъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противу брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Составилъ В. Вешняковъ. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій Сборникъ положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кас. рѣшеній *за три года*, 1876, 1877 и 1878, по гражданскому праву и судопроизводству, съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Сост. Г. Вербловскій, членъ Ворон. Окр. Суда. Вор. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Систематическіе Сборники за 10 лѣтъ (1866—1875). По Гражданскому праву. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. По Гражданскому Судопроизводству. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Соч. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

☞ **Судебное признаніе** въ гражданскихъ дѣлахъ. Сочин. Профессора. М. И. Мали-

Digitized by Google

нина. Изд. 2-ое, дополненное. Од. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Судебно-психіатрическіе анализы. Сост. для медиковъ и юристовъ Доцентъ П. И. Ковалевскій. Х. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ-подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы до нашихъ дней. 1560—1880 г. Сочин. В. Н. Никитина. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Кремуцій Кордъ. Трагедія. Сочин. Н. Костомарова. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Нашъ другъ Неклюжевъ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Соч. А. И. Пальма. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☛ **Сборникъ театральныхъ пьесъ.** П. А. Каратыгина. Оригинальные и переводные водевили и комедіи. Т. II.: 1) Булочная или Петербургскій нѣмецъ. 2) Запутанное дѣло, или съ больной головы на здоровую. 3) Разбитая чашка. 4) Козелъ отпущенія. 5) Дядюшка на трехъ ногахъ. 6) Ножка. 7) Петербургскія дачи. 8) Коломенскій Діогенъ. 9) Да или нѣтъ, или роковое письмо. 10) Сентябрьская ночь. 11) Маменькинъ Сынъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Столярное искусство съ 151 рисунк. Сост. М. Г. Ленцингомъ. Изд. второе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1880 г. Сост. Ѳ. А. Баталинъ. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Новый Словотолкователь 58,900 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. Составленъ подъ редакціей Лучинскаго. Изданіе 3-е. М. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 рубля.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Подарокъ для любителей фейерверковъ. Руководство къ составленію самыхъ наилучшихъ цвѣтныхъ огней съ объясненіемъ работы и матеріаловъ, употребляемыхъ для изготовленія фейерверковъ. Сост. Г. Х. Дмитріевъ. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Полное руководство къ фотографіи. Д. Монговена, съ 280 политипажами въ текстѣ. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

Разцѣночныя вѣдомости на строительныя работы, разсчитанныя на основаніи урочныхъ положеній. Сост. Н. М. Бихеле. Спб. 1878 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

☛ **Сборникъ иностранныхъ словъ,** съ объясненіями и означеніемъ, въ какомъ смыслѣ они употребляются. Сост. Р. К. Фонефъ. Изданіе 2-ое. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Условія безопасности желѣзнодорожнаго движенія. Очеркъ барона М. М. Фонъ-Вебера. М. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію посторонніе изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 61. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 61.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Психологія чувствованій, въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Сочин. Николая Грота. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 рубля.

☛ **Пути къ раціональному міровоззрѣнію.** Часть 1. **О назначеніи человѣка** (1800 г.) Іогана-Готтлиба Фихте. Переводъ Ипполита Панаева. Часть II. Отголосокъ чрезъ восемьдесятъ лѣтъ [1880 г.], Ипполита Панаева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Разыскатели истины.** Иммануилъ Кантъ [1724—1804], Іоганнъ-Готтлибъ Фихте [1762—1814], Фридрихъ Генрихъ Якоби [1743—1819]. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ. Сост. Ипполитъ Панаевъ. 2 т. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отдѣлъ второй. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Оба отдѣла вмѣстѣ: ц. 3 р. съ пересылкою.

☛ **Вожествующій израиль.** Недѣля у дагестанскихъ евреевъ. Сочин. В. И. Немировичъ-Данченко. Роскошное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☛ **Всеобщая исторія литературы.** Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ I и II-й. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи [1877—1878]. Письма въ редакцію газеты, „Правительственный Вѣстникъ" отъ ея офиціальнаго корреспондента Всеволода Крестовскаго. Изданіе исправленное и значительно дополненное, въ 2-хъ томахъ съ планами и картами. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пересылкою.

Еврейская библіотека. Историко-Литературный сборникъ, т. VIII. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к. Всѣ восемь томовъ, съ пересылкою 16 р.

☛ **Записки Охотника.** И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ. 1847—1876 г. Спб. 1880 г. **Второе стереотипное изданіе,** съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.; въ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1879 г. т. I. Ц. 3 р. съ перес.

Картинки домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Кому на Руси жить хорошо. Поэма Н. А. Некрасова. Спб. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого, 4-ое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ, съ

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны ☛ предъ ихъ заглавіемъ.

Digitized by Google

золотымъ тисненіемъ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Марта. Повѣсть погибшей. Романъ Гюисмансъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Марко проклятый. Поэма на малороссійскомъ языкѣ изъ преданій и повѣрій запорожской старины. Соч. Л. П. Стороженка. Съ портретомъ автора. Од. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Нана. Романъ въ двухъ частяхъ Эмиля Зола. Переводъ съ французскаго Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пересылкою.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы Д. В. Григоровича. Въ семи томахъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 руб., съ пер. 13 р.

Подлиповцы. Повѣсть Ѳ. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ III. Стихотворенія съ 1808—1827 г. Роскошное изданіе. Графа С. Д. Шереметева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Полное собраніе сонетовъ Вилліама Шекспира въ переводѣ Н. Гербеля. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к., въ переплетѣ 90 к., съ пер. 1 р. 20 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. II. 1827—1851 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Портретная галерея русскихъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, съ біографіями на русскомъ и французскомъ языкахъ, факсимиле, орнаментами въ древне-русскомъ стилѣ. Изд. К. Шапиро. Выпускъ 2-ой заключаетъ портреты Д. В. Григоровича, А. Н. Островскаго, А. Ѳ. Писемскаго, Я. П. Полонскаго и графа Л. Н. Толстого. Выпускъ 1-ый заключаетъ портреты И. А. Гончарова, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова и И. С. Тургенева. Ц. Каждому выпуску 5 р., съ пер. 7 р.; въ роскошной папкѣ 6 р., съ пер. 8 р.

Самозванныя дѣти. Историческая повѣсть въ трехъ частяхъ изъ временъ Императрицы Екатерины II. Сочин. Евгенія Карновича. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Свой хлѣбъ. Романъ Ѳ. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Собраніе сочиненій Евгенія Маркова, съ портретомъ автора. 2 т. Т. I. Публицистика и критика. Т. II. Путешествія и педагогія. Спб. 1877 г. Ц. 4 р., съ пересылкою.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Десять томовъ. Спб. 1878—1880. Цѣна 14 руб., съ перес. 17 р., въ переплетѣ 18 р., съ пер. 22 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Томъ V (1877—1879 г.). Историческій романъ, въ 3-хъ частяхъ: Мировичъ. Историческія повѣсти: Потемкинъ на Дунаѣ. Послѣдніе запорожцы. Примѣчаніе къ „Мировичу“. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7-мь томовъ. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ переплетѣ 10 р.; съ перес. 12 р.; на веленевой бумагѣ въ переплетѣ ц. 12 р., съ перес. 14 р.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Издалъ Михаилъ Боткинъ, съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ всеобщей исторіи. Д-ра Георга Вебера. Переводъ Е. В. Корша. 4 тома Ц. 8 р. 30 к., съ пер. 9 р.

Мы и Они [1711 — 1878]. Очерки исторіи и политики Славянъ. Профес. А. Кочубинскаго. Од. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Общій очеркъ исторіи Европы. Сочиненіе Эдуарда Фримана. Переводъ съ послѣдняго [пятаго] англійскаго изданія подъ редакціей Я. Г. Гуревича, съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV столѣтія. В. Б. Антоновича. В. I. К. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Digitized by Google

Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль. Соч. И. В. Лучицкаго. К. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

Руководство къ древней исторіи Востока, до Персидскихъ войнъ. Сочин. Ф. Ленормана. 2 т. съ картами. К. 1879 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владиміра, X-XVI-е столѣтія. Изданіе 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Семейство Разумовскихъ. Состав. А. А. Васильчиковъ. Три тома Цѣна 7 р. 50 к., съ пересылкою 9 р. Вышелъ Томъ I, съ тремя портретами: Императ. Елизаветы, Графа А. Г. Разумовскаго и Графа К. Г. Разумовскаго. Ц. съ билетомъ на два остальные тома, которые выйдутъ въ 1880 г., 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Гекторъ Сервадакъ. Путешествія и приключенія въ солнечномъ мірѣ. Соч. Жюля Верна, пер. С. Самойловичъ. *Роскошное изданіе* съ многочисленными рисунками Филиппото, грав. Лапланомъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко. Выпускъ 15. Ботаническія изслѣдованія. Астрагаловыя (Astragaleae). Обработалъ Профес. А. Бунге. Спб. 1880. На веленевой бумагѣ Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.; на простой бумагѣ Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Путешествіе по Китаю въ 1874 — 1875 г.г. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ 2-хъ томахъ, съ 24 рисунками. Вышелъ Т. I, съ билетомъ на второй, который выйдетъ вскорѣ. Спб. 1880 г. Ц. за оба тома 6 р., съ пересылкою.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Библіографія финансовъ, промышленности и торговли, со временъ Петра Великаго и до настоящаго времени (съ 1714 по 1879 годъ включительно). Составилъ С. Каратаевъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пересыл. 3 р. 50 к.

Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе, пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями. Проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Курсъ политической экономіи. Состав. Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Начальный учебникъ политической экономіи. Сост. проф. Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Миль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

Основанія политической экономіи. Составилъ магистръ А. Антоновичъ. Выпускъ II. Вар. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ. Чтеніе для юношества. Спб. 1865 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Библіотека - крошка: 1) Изъ Дѣтской жизни Ц. 30 к.; 2) Сборникъ стихотвореній. Ц. 10 к; 3) Гранадскій водовозъ. Нюренбергское яйцо. Ц. 10 к.; 4) Сказки Андерсена. Ц. 20.; 5) Русскія народныя сказки. Ц. 15 к.; 6) Рабочій день въ лѣсу. Ц. 10 к. М. 1880 г., съ пересылкою всѣ 6-ть книжекъ стоятъ 1 р. 20 к.

Бесѣды о землѣ и тварях на ней живущихъ. Соч. Проф. А. Бекетова. Изд. 14-ое, съ 18 рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Война мышей и лягушекъ. Забавная поэма. Гомера. Переложеніе В. А. Воскресенскаго, съ картинками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

Волшебныя сказки для дѣтей, собранныя Ю. Гофманномъ по сочиненіямъ Ф. Гофманна, Гримма, Бехштейна, Гейслера и др. Пер. Н. С. Кутейникова, съ 9 раскрашенными рисунками. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Сочиненіе Герберта Спенсера. Перев. съ англійскаго. Изд 3-ье Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Воспитаніе какъ предметъ науки. Сочиненіе Александра Бэна. Переводъ Ф. Резенера. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Гимназическій Курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на

Digitized by Google

нѣмецкій и французскій, съ присовокупленіемъ 300 темъ на нѣм. и франц. языкѣ для упражненія въ сочиненіяхъ. Сост. В. Топоровъ. Изд. 7-ое. Од. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер 1 р. 20 к.

Два мѣсяца „Игрушечки“, 10-ть №, изъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтей „*Игрушечка*“, издаваемаго Т. Пассекъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Дѣтскій театръ. Оригинальныя сцены и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Л. К. Стахѣевой. 2-е изд., дополненное семью новыми пьесами. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ второй, слѣдующаго содержанія: I. Дитя съ мячикомъ. II. Хохликъ. III. Варя. IV. Спасательная шлюпка. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

☛ **Зоологія**, изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ. Профес. Оскара Шмидта переводъ съ нѣм., подъ ред. А. П. Кирпотенко. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Игра-обученіе чтенію. Вмѣсто азбуки и начальнаго чтенія. 30 картъ, 240 марокъ съ буквами и слогами. Сост. А. Страховъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

☛ **Исторія Россіи** въ разсказахъ, съ картинками, для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. М. Острогорскаго. Изд. 6-ое. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Исторія Греціи и Рима. Я. Г. Гуревича, Изд. 2-ое, 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. I, второе изданіе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по новой исторіи. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. I. Изд. 2-ое. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи, составлен. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Т. I. Ц. 1 р. 60 к. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 4 р.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта. Для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій. Сост. Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

☛ **Методы геометріи.** Переводъ изъ сочиненія Дюгамеля: Приложеніе методовъ умозрительныхъ наукъ къ наукѣ о числахъ и пространствѣ. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ пер. 90 к.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школѣ и дома на 28 раскрашенныхъ листахъ. Сост. Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 60 к.

☛ **Новый полный самоучитель татарскаго языка или руководство выучиться безъ посторонней помощи говорить и читать русскимъ по татарски, а татарамъ по русски.** Составилъ по новѣйшимъ руководствамъ Ш. Сайновъ. К. 1880 г. Ц. 45 к., съ пер. 50 к.

Образцы древней русской словесности. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Собралъ А. Цвѣтковъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Первое и необходимое для каждаго знакомство съ химіей. Сост. А. Бернштейнъ. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Пестрая книжка. Разсказы для маленькихъ дѣтей по Ф. Гофманну, съ раскрашенными картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Первоначальныя свѣдѣнія о животныхъ. Для дѣтей младшаго и средняго возраста. Сост. М. Меліоранскій. Книжка для учащихся къ „Вопроснику по зоологіи“. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Погода. Руководство къ изученію и предсказанію погоды. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Состав. П. А. Литвинскій. Спб. 1879 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Разсказы дѣдушки про сѣдую старину. М. 1870 г. Цѣна съ картинами въ 4 тома 2 р., съ пер. 2 р. 30; съ картинами въ 2 тома 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы Сост. Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Руководство къ наглядной Географіи. Пособіе для преподавателей. Сост. препод. Брюссельской образцовой школы А. Сливсомъ. Перевелъ со 2-го изданія К. Турчаковскій, препод. Ришельев. гимн. Съ таблицею географическихъ чертежей. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ съ предисловіемъ для родителей и воспитателей Сост. И. Я. Гердъ, съ 150-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. М. 1880 г. Ц. въ папкѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочин. Евгеніи Туръ. Съ картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Серія первоначальныхъ учебниковъ, пер. съ англійскаго М. А. Антоновича: Физика Бальфуръ Стюарта. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Физическая Географія, Гейки. Ц. 60

Digitized by Google

к., съ пер. 80 к. **Геологія**—Гейки. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.. **Физіологія**—Фостера. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. **Астрономія** — Локаера. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

☞ **Темы для упражненій въ переводахъ** съ русскаго языка на латинскій. Сост. препод. О. Горячевъ. Ч. I. для низшихъ классовъ гимназій Ц. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Теорія поэзіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. М. Колосова. Изданіе 2-ое. Од. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

☞ **Указатель родовъ французскихъ именъ существительныхъ.** Необходимое практическое пособіе при изученіи французскаго языка и переводахъ на французскій языкъ. Arthur M. De Sainte-Claire. Переводъ съ 4-го англійскаго изданія. О. 1875 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

☞ **Учебникъ математической и физической географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.** Составилъ В. Фонъ-Боль, съ 74 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе. К. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Учебникъ Химіи. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Фантастическія сказки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Г. Степановой и О. А. Гримма, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка II. Этимологическія и другія замѣтки А. А. Потебни. Вар. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Соч. А. Потебни. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О Малорусскомъ правописаніи. М. Тулова. В. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Сочин. П. Житецкаго. К. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Разборъ сочиненія П. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія". Кіевъ. 1876 г. Сост. Проф. А. А. Потебня. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Исторія неба. К. Фламаріона, со 100 рисунками Бенетта. Изд. 2-ое. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Курсъ опытной физики Профес. А. П. Шимкова. Ч. I. **Общая физика и Акустика**, съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Х. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Ч. II. **О свѣтѣ и теплотѣ** съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Х. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе 2-е, безъ перемѣны. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Спб. 1873 г.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Опытная механика. Курсъ лекцій, читанныхъ въ К. Ирланд. Кол. Наукъ Р. С. Баль, перев. подъ редакціею Н. И. Любавина, съ 100 рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Превращенія энергіи. Очеркъ теоріи современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическая химія. Н. И. Любавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

☞ **Анализъ мочи.** Клиническое руководство для студентовъ и врачей. Профес. Д. Кошлакова, съ 43 рисунками въ текстѣ и двумя хромолитографированными таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Антропологія. Соч. Топинара, переводъ съ франц. изданія 1877 года, подъ

Digitized by Google

редак. проф. И. И. Мечникова, съ 52 рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

☞ **Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней.** Профессора Спб. М.-Х. Академіи. С. П. Боткина. Томъ VI, за 1879—1880 гг. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. II. Ц. 2 р. Т. III. Ц. 3 р. Т. IV. Ц. 2 р. Т. V. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

☞ **Бугорчатка.** Съ точки зрѣнія инфекціонной теоріи. Профес. Ю. Конгеймана. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Виноградарство и винодѣліе, съ поясните льными рисунками К. И. Тордана. Изд. 3-ье. Од. 1874 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Дифтеритъ, его распознаваніе и леченіе. Общедоступное изложеніе врача М. И. Гошкевича. К. 1880 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ **Лѣса — спасенье новороссійскаго края.** Практическія замѣтки и совѣты новороссійскимъ хозяевамъ, землевладѣльцамъ и лѣсоводцамъ. Сост. П. В. Г. О. 1872 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 10 к.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

☞ **Ожоги и отмораживанія.** Д-ра Е. Зонненбурга, съ 6 политипажами въ текстѣ и хромолитографированной таблицей. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О вредныхъ насѣкомыхъ южной Россіи. Изъ отчета, представленнаго Д-ту земледѣлія и сельской промышленности. Сост. І. Порчинскій. Спб. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Организація полеваго хозяйства. II. *Севообороты.* Сост. А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Организація полеваго хозяйства. I.— **Системы полеводства.** А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Общее сельскохозяйственное растеневодство. Профес. Ф. Габерландта. Переводъ В. И. Ковалевскаго. Т. I. Спб. 1880. Ц. 3 р., съ пересылкою.

☞ **Основанія практической отіатріи,** съ примѣненіемъ новѣйшей терапевтической техники и пневматическаго кабинета. Д-ра Эд. Левинштейна. Пер. съ нѣм. Д-ра Б. Окса. Съ примѣчаніями Д-ра К. Богрова. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. А. Н. Бекетова. Спб. 1879. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

☞ **Причины слабомочности и душевныхъ разстройствъ у женщинъ и предохранительныя, а также лечебныя противъ нихъ средства.** Соч. Д-ра Э. Рейха. Перев. съ нѣм. Спб. 1873 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Россійская фармакопея, изданная по *Высочайшему повелѣнію* медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Третье изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Родовспомогательное искусство. Руководство для акушерокъ. Д-ра Іосифа Шпета, съ 33 рисунками въ текстѣ. Второе исправленное изданіе. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Руководство по виноградарству. Соч. Н. Е. Цабеля, съ атласомъ рисунковъ. Од. 1873 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Руководство къ изученію патологической анатоміи и гистологіи домашнихъ животныхъ для ветеринарныхъ врачей и студентовъ. Сост. Профес. А. А. Раевскій. Выпускъ I. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Руководство къ токсикологіи, составленное по Работо „Elements de toxicologie". Подъ редакціей Е. Пеликана, съ предисловіемъ, дополненіями и измѣненіями. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

☞ **Руководство къ фармакологіи** Д-ра Рудольфа Бухгейма. Переводъ съ послѣд. нѣмец. изданія Подъ ред. профес. д-ра З. Гейбеля. К. 1880 г. Ц. 4 р., съ пер 4 р. 50 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра І. Орта. Х. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер.

Руководство къ ушнымъ болѣзнямъ, д-ра А. Трёльча. Спб. 1879 года. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Сост. подъ ред. Д-ра Г. Цимссена. Томъ XV, в. I. Отравленія. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся Франца Кёнига. Т. I, съ 81 рисункомъ; т. II, в. I, съ 110 рисунками. Спб. 1879 года. Ц. 8 р., съ пер. 9 руб.

Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ. Соч. Р. И. Шредера, главн. Садовника и преподавателя садоводства въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Сочиненіе Д-ра Э. Регеля. Ч. I. Изданіе 4-ое съ 234 политипажами. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Ч. II.

Digitized by Google

Описаніе и культура растеній, годныхъ для комнатъ и маленькихъ домашнихъ оранжерей, съ 400 политипажами. Спб. 1879 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Труды Санкт-петербурскаго общества естествоиспытателей, издаваемые подъ ред. профессора А. Бекетова. Т. X. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 коп.

Учебникъ Акушерства со включеніемъ патологіи беременности и роднльнаго періода. Д-ра Карла Шредера, переводъ подъ редакціей д-ра М. Горвица. Съ примѣчаніями редактора и 108 политипажами въ текстѣ. 2-ое изданіе. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

☛ **Ученіе о пищеваренін.** 12 лекцій, читанныхъ д-ромъ К. А. Эвальдомъ. Переводъ подъ редакціей профес. И. Р. Тарханова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Факты въ воспріятіи. Рѣчь, читанная въ день основанія Берлинскаго Университета 3-го августа 1878 года профес. Г. Гельмгольтцемъ. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Цвѣтникъ. Изданіе 3-е. М. 1880 г. Съ раскрашенными рисунками. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. съ нераскрашенными рисунками ц. 60 к., съ пер. 80 к. Безъ рисунковъ ц. 20 к., съ пер. 35 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ гражданскаго права и судопроизводства, разрѣшенныхъ гражданскимъ кас. департ. Прав. Сената. Составилъ П. П. Москальскій. Изд. 2-е, вновь дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

☛ **Государственная власть** въ европейскомъ Обществѣ. Взглядъ на политическую теорію Лоренца Штейна и на французскіе политическіе порядки. А. Влока. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

☛ **Гражданскіе законы и обычное право Россіи**, въ общемъ ихъ сводѣ со включеніемъ законовъ Финляндіи, Ц. Польскаго, Остзейскаго Края и Бессарабіи, еврейскихъ и мусульманскихъ. Томъ I. Сост. Доцентъ Спб. Унив. Кронидъ Малышевъ. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Россія и Англія въ Средней Азіи. Измѣнен. и допол. Сочиненіе Профес. Ф. Ф. Мартенса. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ русскаго уголовнаго права. Н. С. Таганцева, Профессора С.-Петербургскаго Университета. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Нужды русскаго народа Сочиненіе Ивана Кошкарова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

О пользѣ исправительныхъ пріютовъ и убѣжищъ для малолѣтнихъ преступниковъ и освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія. Сост. Ев. Антоновичъ. М. 1879 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводста. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія соціологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Томъ IV. Сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и ябеда; подлогъ и подѣлка. Сост. Магистръ правъ Н. А. Неклюдовъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противу брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

☛ **Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Д-та.** Прав. Сената съ извлеченными изъ нихъ положеніями за 1878 годъ. Составили А. Поворинскій и Е. Шайкевичъ, старш. пом. Оберъ-Секр. того же департамента. Къ Сборнику, сверхъ алфавитныхъ указателей, разрѣшенныхъ сенатомъ, вопросовъ права и фамилій тяжущихся, приложенъ указатель положеній

Digitized by Google

Сист. Сборниковъ за прежніе годы, начиная съ 1873 г., съ указаніемъ соотвѣтствующихъ этимъ положеніямъ нумеровъ рѣшеній. Т. I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Соч. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ. Сочин. профессора. М. И. Малинина. Изд. 2-ое, дополненное. Од. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

☛ **Уголовный Процессъ по дѣлу** ост. Ротм. П. А. Лукашевича, обвинявшагося въ умышлен. убійствѣ мачихи шестью выстрѣлами изъ револьвера. Сост. стеногр. Н. М. Семовъ. Е. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Кремуцій Кордъ. Трагедія. Сочин. Н. Костомарова. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Нашъ другъ Неплюжевъ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Соч. А. И. Пальма. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☛ **Сборникъ театральныхъ пьесъ** П. А. Каратыгина. Оригинальные и переводные водевили и комедіи. Т. III: 1) Подставной и отставной; 2) Медвѣдь и паша; 3) Дѣло въ трехъ шляпахъ; 4) Донъ-Кихотъ Ламанчскій; 5) Вицъ-Мундиръ; 6) Супруги въ западнѣ; 7) Бабушкина внучка; 8) Генеральша или домашнія дѣла; 9) Русскія святки. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к. Всѣ 3 тома съ пересылкою—9 р. 50 к.

Столярное искусство съ 151 рисунк. Сост. М. Г. Ленцингомъ. Изд. второе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

☛ **Всадникъ.** Практическій Курсъ верховой ѣзды Виктора Франкони. Переводъ съ французскаго Л. П. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☛ **Индивидуализація и усовершаемость желѣзнодорожныхъ устройствъ.** Барона М. М. Фонъ-Веберъ Перев. съ нѣм., подъ ред. Н. В. Бернацкаго. М. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Полное руководство къ фотографіи. Д. Монговена, съ 280 политипажами въ текстѣ. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

Разцѣночныя вѣдомости на строительныя работы, разсчитанныя на основаніи урочныхъ положеній. Сост. Н. М. Бихеле. Спб. 1878 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

☛ **Русскій за границей.** Слова, *речения* и разговоры на русскомъ, *итальянскомъ*, французскомъ и нѣмецкомъ *языкахъ*. Съ приложеніемъ таблицъ для перевода русскихъ денегъ на иностран. и обратно. Сост. А. Д. Замицкій. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Сборникъ иностранныхъ словъ, съ изъясненіями и означеніемъ, въ какомъ смыслѣ они употребляются. Сост. Р. К. Фонефъ. Изданіе 2-ое. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Условія безопасности желѣзнодорожнаго движенія. Очеркъ барона М. М. Фонъ-Вебера. М. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXVIII. Спб. 1880. Стр. 490. Ц. 3 р.

Настоящій выпускъ „Сборника“ весь посвященъ „Финансовымъ документамъ всего царствованія императрицы Екатерины II“, собраннымъ А. Н. Куломзинымъ; во главѣ документовъ помѣщено, составленное издателемъ, краткое, но тѣмъ не менѣе весьма обстоятельное обозрѣніе финансовой политики императрицы Екатерины II. Нѣтъ надобности говорить о важности подобнаго изданія для исторіи русскихъ финансовъ вообще; но и помимо того, трудъ г. Куломзина имѣетъ и практическое значеніе: въ финансовой политикѣ Екатерины II можно найти не мало полезныхъ указаній и уроковъ для будущихъ временъ. Екатерина уже замѣтила, что существующее во внутреннемъ управленіи „лакомство“ требуетъ болѣе раціональнаго государственнаго хозяйства. Первою ея заботою (3 іюня 1762 г.), какъ хорошей и понимающей дѣло хозяйки, было уменьшеніе, вреднаго для земледѣлія и скотоводства, соляного налога на 20%; половину дефицита, образовавшагося вслѣдствіе того, она покрыла собственными средствами. Въ 1764 г. составлена была даже особая коммиссія для соображеній по поводу новаго уменьшенія этого налога; „*далеко* заглядывая впередъ“, говоритъ справедливо авторъ обозрѣнія, „императрица поставила коммиссіи такой вопросъ: не можетъ ли не только безъ ущерба казнѣ, но и съ выгодою, быть допущена вольная продажа соли?“ Дѣйствительно, Екатерина Великая заглядывала не только далеко, но и весьма далеко, такъ какъ и 120 лѣтъ спустя послѣ ея словъ, современные финансовые политики едва ли даже рѣшатся и поставить такой вопросъ — какъ вопросъ праздный: намъ трудно пока справиться съ вопросомъ о нѣкоторомъ уменьшеніи соляного налога. Но внѣшній „блескъ“ царствованія Екатерины составилъ тусклую сторону въ исторіи финансовъ: въ 1762 г. наши расходы числились въ 15½ мил. рублей, а въ 1795 они возрасли до 57 милліоновъ, да при этомъ образовался государственный долгъ, внутренній слишкомъ въ 100 мил. р., и внѣшній—въ 40 мил. руб.

Всеобщая исторія литературы, составл. п. р. В. Ѳ. Корша. Выпускъ II. Спб. 1880. Стр. 161—320. Ц. 1 р.

По поводу перваго выпуска мы уже говорили объ общемъ планѣ этого въ высшей степени полезнаго изданія, и о его началѣ. Новый выпускъ даетъ окончаніе, начатаго въ первомъ выпускѣ, обзора древне-персидской литературы, и присоединяетъ рядъ слѣдующихъ очерковъ: 1) Египетская литература, 2) Вавилонско-ассирійская, и 3) начало очерка исторіи древне-еврейской литературы, останавливающагося на лирической поэзіи псалмопѣвцовъ. Благодаря талантливѣйшимъ произведеніямъ недавно скончавшагося Флобера и трудамъ Эберса, жизнь древнихъ семитовъ, можно сказать, популяризовалась въ послѣднее время въ обществѣ, и потому систематическое толкованіе ихъ литературы въ настоящемъ выпускѣ является какъ нельзя болѣе кстати.

Путешествіе по Китаю въ 1874—75 гг. П. Я. Пясецкаго, въ двухъ томахъ. Т. I, съ 12 рис. Спб. 1880. Стр. 560. Ц. за 2 т. 6 руб.

„Путь великъ и интересенъ“—такъ говорятъ въ иностранныхъ литературахъ, около двухъ лѣтъ;—и еще болѣе интересенъ, чѣмъ великъ—скажетъ, безъ сомнѣнія, читатель, прочтя этотъ замѣчательный трудъ,—именно благодаря тому, что путешественникъ рѣшился говорить только о видѣнномъ и испытанномъ имъ лично, не прибѣгая къ легкому способу выписокъ изъ чужихъ сочиненій о Китаѣ. Это обстоятельство придаетъ особую цѣнность книгѣ и въ научномъ отношеніи, такъ какъ она значительно увеличиваетъ собою общую массу научнаго матеріала, и придаетъ ей ту живость и образность, какія мы встрѣчаемъ въ талантливо написанныхъ повѣстяхъ и разсказахъ: читатель дѣлается какъбы очевидцемъ всего пути, пройденнаго съ великимъ трудомъ, о какомъ путешествующіе по Европѣ и Америкѣ не имѣютъ и понятія. Предъ нашими глазами, какъ въ панорамѣ, мѣняются любопытныя и оригинальныя сцены, картины изъ обыденнаго быта китайцевъ, съ ихъ оффиціальною и неоффиціальною стороною. Профессія автора, какъ врача, много способствовала къ его сближенію съ народомъ и доставила ему возможность самыхъ близкихъ наблюденій. Благодаря труду г-на Пясецкаго, наша литература по отношенію Китая обогатилась такою книгою, какой намъ давно недоставало.

Пути къ раціональному воззрѣнію. Ипполита Панаева. Спб. 1880. Стр. 291. Ц. 2 р.

Капитальную часть книги г. Панаева составляетъ переводъ (съ французскаго текста, мѣстами исправленнаго по нѣмецкому оригиналу) извѣстнаго сочиненія Фихте: „Ueber die Bestimmung des Menschen“, появившагося въ 1800 г. и составившаго поворотъ въ жизни самого философа, когда онъ перешагнулъ въ первый разъ за предѣлы, имъ же положенные для философіи, какъ науки о знаніи, и вступилъ въ область такъ-называемаго субъективно-духовнаго реализма. Вторая часть труда г. Панаева — оригинальна: подъ названіемъ „Отголоски чрезъ 80 лѣтъ“ — авторъ старается сдѣлать примѣненіе положеній Фихте къ анализу современнаго тяжелаго настроенія человѣческаго духа, которое выражается въ недовольствѣ человѣка самимъ собою, а это недовольство, въ свою очередь, имѣетъ источникомъ убѣжденіе въ томъ, что надъ нашею жизнью тяготѣетъ законъ „необходимости“; — опровергнуть основы такого убѣжденія и составляетъ цѣль предпринятаго авторомъ труда. Почтенный авторъ заключаетъ предположеніемъ, что только „сторонникъ объясненія міра дѣйствіемъ *слѣпыхъ* силъ природы“, т.-н. закона необходимости—не согласится съ нимъ, но онъ упустилъ изъ виду, что есть возможность не согласиться съ нимъ и по другимъ основаніямъ; но объ этомъ до другого, болѣе удобнаго случая.

Портретная галерея русскихъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, съ біограф. и факсимиле. Изд. фотогр. К. Шапиро. Выпускъ II. Спб. 1880. Ц. 5 р., въ роскошной папкѣ 6 р.

Въ новомъ выпускѣ изданія г. Шапиро, уже извѣстнаго нашимъ читателямъ изъ замѣтки по поводу первой тетради, помѣщены портреты Григоровича, Островскаго, Писемскаго, Як. Полонскаго и гр. Л. Толстого. Не имѣя у себя ничего въ подобномъ форматѣ, можно быть не особенно взыскательнымъ; но и независимо отъ такого соображенія, работа г-на Шапиро весьма удовлетворительна, какъ по исполненію, такъ и по сходству. А. Н. Островскій [illegible] засвидѣ-

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1880-й годъ:

	въ Россіи:	ЗА ГРАНИЦЕЮ.
ГОДЪ—12 книгъ:		
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . .	5 » — »	7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается: СЪ ЯНВАРЯ, АПРѢЛЯ, ІЮЛЯ И ОКТЯБРЯ.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . .	2 » 50 »	3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ **Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою** ☚

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія русской церкви. Г. Голубинскаго, экстраорд. проф. М. Дух. академіи. Т. I, 1, М. 1880. Стр. 722, Ц. 4 р. 50 к.

Авторъ извѣстнаго труда, посвященнаго исторіи православной церкви въ Болгаріи, Сербіи и Румыніи, приступилъ къ исторіи церкви отечественной; вышедшая въ свѣтъ половина перваго тома обнимаетъ древнѣйшій ея періодъ, названный у автора кіевскимъ, или до-монгольскимъ (X, XI и XII ст.); затѣмъ, послѣдуетъ періодъ московскій — оба эти періода характеризуются, какъ время „отсутствія дѣйствительнаго просвѣщенія“ и господства „условно-формальной обрядности“ и „наружной набожности“ (XIII—XVII ст.); наконецъ, петербургскій—„періодъ водворенія у насъ настоящаго просвѣщенія и болѣе совершеннаго пониманія христіанства“. Первая половина явившагося тома заключаетъ въ себѣ введеніе, съ изложеніемъ критическаго взгляда автора на судьбу исторіи русской церкви и ея наличные источники; слѣдующія затѣмъ три главы содержатъ въ себѣ очеркъ сказаній и мнѣній о христіанствѣ въ Россіи до его оффиціальнаго признанія, исторію самаго утвержденія христіанства, и, наконецъ, первоначальное управленіе церкви и ея дѣятельность, какъ органа просвѣщенія. Авторъ вполнѣ справедливо признаетъ, что наша церковная исторія не можетъ стать на ряду съ такими же произведеніями у другихъ народовъ образованнаго міра, и объясняетъ это тѣмъ, что „всякій народъ ровно настолько обладаетъ способностью писать свою исторію, насколько обладаетъ способностью жить исторически“. Пожелаемъ автору преодолѣть тѣ затрудненія, какія могли до сихъ поръ встрѣчать для себя наши церковные историки. Предпринятый имъ трудъ представляетъ чрезвычайную важность особенно въ тѣхъ отдаленныхъ періодахъ, когда жизнь церкви у насъ, какъ и на Западѣ, была законодательницею и руководительницею народной жизни. Положенное имъ начало обѣщаетъ большой вкладъ въ нашу историческую литературу—и весьма цѣнный.

Исторія педагогики, Карла Шмидта. Томъ третій. Перев. Циммермана, изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1880. Стр. 759. Ц. 5 р. 50 к.

Настоящій томъ классическаго труда К. Шмидта обнимаетъ собою важнѣйшій періодъ въ исторіи педагогики, разсматриваемой авторомъ всегда въ ея всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ: этому тому принадлежитъ періодъ времени, лежащій между такими двумя міровыми эпохами, какъ реформація и большая французская революція; на рубежахъ этого періода стоятъ двѣ личности: Лютеръ и Песталоцци. До реформаціи, умственный обиходъ человѣка и его воспитаніе почерпали свое содержаніе и силу изъ развалинъ греко-римской цивилизаціи; послѣ реформаціи, выступаетъ на первое мѣсто внутренняя жизнь тѣхъ же самыхъ народовъ, которые до того времени усиливались питаться древнею цивилизаціею, и тогда-то началось поступательное развитіе въ церкви, наукѣ, искусствѣ, которое продолжается и до настоящаго времени. Соотвѣтственно тому и педагогика въ тотъ періодъ,—въ послѣднія три столѣтія — направилась къ тому, чтобы выводить свои начала изъ самой природы новаго человѣка, и абстрактный характеръ гуманизма мало-по-малу смѣнился реальнымъ; въ прошедшемъ столѣтіи онъ быстро охватилъ собою Англію, Францію и Германію — и повсюду нашелъ себѣ талантливѣйшихъ представителей. Русскій переводъ подобныхъ трудовъ, распространенность которыхъ обыкновенно находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ важности и серьёзной пользѣ, составляетъ потому, можно сказать, общественную заслугу. Имя переводчика достаточно ручается за качества самаго перевода.

Земля и люди. Всеобщая географія Эл. Реклю. Т. IV, съ 78 рисун. Спб. 1880. Стр. 783. Ц. 8 руб.

Главная часть новаго тома посвящена Великобританіи; сверхъ того, въ немъ помѣщено описаніе Нидерландъ и сосѣдней имъ Бельгіи; такимъ образомъ, если къ этому присоединить появившіеся въ первыхъ трехъ томахъ Балканскій и Пиренейскій полуострова, Францію, Швейцарію и Австро-Венгрію съ Германіею, то можно сказать, что наибольшая часть этого колоссальнаго труда—для Европы приближается къ окончанію. Въ настоящемъ выпускѣ особенно любопытна статистика Великобританіи, по свѣжести ея цифръ: съ 1801 г. населеніе тамъ удвоилось—вмѣсто 16 милл., въ 1879 г. 34 милліона, и этотъ ростъ продолжается со скоростью 1000 человѣкъ ежедневно, при густотѣ 108 чел. на □ километръ (въ Россіи —4 чел.). Съ 1815 г. по 1871 г., изъ Великобританіи эмигрировало до 8½ милліоновъ — среднимъ числомъ около 150 тысячъ въ годъ. Въ Англіи вся земля принадлежитъ 300,000 собственниковъ, а изъ этого числа, 10,000 лицъ владѣютъ ⅔ поверхности.

Историческая Христоматія по новой и новѣйшей исторіи. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. II. Спб. 1880. Стр. 648. Ц. 2 р.

Продолженіе христоматіи г. Гуревича обнимаетъ XVII-ый вѣкъ, и ограничивается территоріею Испаніи съ Голландіею, Германіи, Англіи и Франціи. Мы также съ своей стороны продолжаемъ свидѣтельствовать о пользѣ подобныхъ изданій, открывающихъ подъ руководствомъ опытнаго преподавателя болѣе широкіе горизонты, нежели т.-н. учебники; но продолжаемъ также и сѣтовать на составителя, который совершенно исключилъ памятники и наполнилъ христоматію выдержками изъ новѣйшихъ писателей самыхъ различныхъ историческихъ школъ и возможныхъ политическихъ партій и взглядовъ. Во всякомъ случаѣ, было бы необходимо присоединить біографическія данныя и характеристики, хотя бы краткія, тѣхъ новѣйшихъ писателей, которыхъ составитель собралъ во-едино, и заставилъ ихъ волею-неволею продолжать другъ друга: начинаетъ, напримѣръ, въ христоматіи исторію Англіи г. Чичеринъ; его продолжаетъ Маколей; Маколея—Гизо; Гизо—Ранке и т. д. Но ни степень ихъ авторитета, ни отношеніе къ описываемому предмету, ни различіе во взглядахъ—ничего подобнаго не указано и не разъяснено, а потому сборникъ осужденъ носить на себѣ характеръ случайности, который невольно долженъ сообщиться и тѣмъ знаніямъ, какія будутъ пріобрѣтены изъ этого сборника.

Digitized by Google

Digitized by Google